

РУССКІЙ
БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Жабокритскій — Зяловскій.

Издаваемый Императорскимъ Русскимъ Историческимъ
Обществомъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моко 40.
1916.

Настоящій томъ изданъ подъ редакціей *Е. С. Шумигорскаго* (лл. 1—10)
и *М. Г. Курдюмова* (лл. 11—37).

Ж

Жабокритскій, Осипъ Петровичъ, генераль-лейтенантъ, бывшій начальникъ 6-й пѣхотной дивизіи. Родился въ 1793 г., умеръ въ 1866 г. Происходилъ изъ дворянъ Киевской губерніи. Воспитывался въ Уманскомъ училищѣ отцовъ Базильяновъ (въ Киевской губ.). На службу опредѣленъ 14 августа 1812 г. въ Украинскій регулярный казачій (впослѣдствіи Уланскій) полкъ. Первый офицерскій чинъ (корнета) получилъ въ 1813 г. Находясь въ это время въ заграничномъ походѣ противъ французовъ и состоя въ авангардѣ, участвовалъ въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ. По переходѣ за Рейнъ, былъ участникомъ блокады кр. Майнца, сражался подъ Реймсомъ и подъ Парижемъ. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, Ж. служилъ въ полкахъ: Украинскомъ, 50-мъ Егерскомъ и Волынскомъ пѣхотномъ; въ послѣднемъ оный въ 1897 г. получилъ чинъ штабсъ-капитана. Во время польскаго мятежа Ж. находился въ составѣ дѣйствующей арміи, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Прагою, на Гроховскихъ высотахъ, при д. Дембе-Велке. Въ сраженіи 29 марта при рѣкѣ Мухавцѣ близъ Сѣдльца, въ теченіе цѣлаго дня отбивался отъ превосходившаго силами непріятеля и подъ конецъ былъ захваченъ въ плѣнъ. За отличіе Ж. пожалованъ былъ чиномъ подполковника. Въ 1833 г. участвовалъ въ походѣ за границу, въ княжествѣ Молдавію и Валахію, въ составѣ вспомогательнаго отряда, посланнаго Императоромъ Николаемъ въ помощь турецкому султану противъ возставшаго на него Египетскаго паши. По возвращеніи въ Россію, въ декабрѣ 1833 г., Ж. переведенъ былъ въ Житомирскій егерскій полкъ, послѣдовательно числился въ Виленскомъ егер-

скомъ (1835), образцовомъ пѣхотномъ (1835 — 36) и Литовскомъ егерскомъ (1836—1837) полкахъ; въ 1838 г. Ж. произведенъ былъ въ полковники, назначенъ командиромъ Украинскаго егерскаго полка и командовалъ имъ въ теченіе десяти лѣтъ, причеиъ неоднократно удостоенъ былъ Высочайшаго благоволенія. 6 Декабря 1847 г. пожалованъ въ генераль-маіоры; 20 іюня 1848 г. Ж. былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи. Въ 1849 г. участвовалъ въ походѣ въ Придунайскія княжества по случаю венгерскаго мятежа. Въ Восточную войну (въ 1853—56 гг.) командовалъ 16-й пѣхотной дивизіей, участвовалъ въ защитѣ Севастополя и за отличія въ сраженіяхъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, съ утвержденіемъ въ должности начальника дивизіи; въ особенности важны были дѣйствія Ж. въ сраженіи при Инкерманѣ, гдѣ оный командовалъ резервами и прикрывалъ отступленіе русскихъ войскъ. Съ 15 января 1856 г. по 6 октября 1857 г. былъ начальникомъ штаба войскъ, охранявшихъ Азовскія побережья, послѣ чего получилъ до конца жзни командованіе 6-ю пѣхотною дивизіею.

Формулярный списокъ въ общемъ архивѣ главнаго штаба, книга за 1865 г., № 42, спис. 18.

Н. Затворницкій.

Жадовская, Юлія Валеріановна, писательница (по мужу Семеновъ). Родилась 29-го іюня 1824 г. въ с-дѣ Субботинѣ, Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи, родовомъ имѣніи ея отца, Валеріана Никандровича Ж., принадлежавшаго къ древнему дворянскому роду. В. Н. служилъ

сперва во флотѣ, а затѣмъ, выйдя въ отставку въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, перешель въ гражданскую службу и былъ до начала 1850-хъ гг. председателемъ Ярославской палаты Гражданскаго Суда; матерью писательницы была Александра Ивановна Готовцева, въ 1821 г. съ шифромъ окончившая курсъ Смольнаго Института; Ю. В. была первымъ ребенкомъ отъ этого брака. Родилась она съ физическимъ недостаткомъ: у нея не было лѣвой руки, а на правой было только три пальца. Послѣ смерти матери въ 1895 г. Ю. В. Жадовская росла въ домѣ своей бабушки, Готовцовой, въ с-цѣ Панфилово, (Буйскаго уѣзда). Любовь и заботливость своей бабушки она описала въ I-ой части своего романа: „Въ сторонѣ отъ большого свѣта“. Недожинныя способности Жадовской проявились рано: на шестомъ году она уже свободно читала, а векорѣ, безъ посторонней помощи, научилась и писать. Деревенская бібліотека ея дѣда Готовцева была предоставлена въ полное ея распоряженіе, и она, не руководимая никѣмъ въ выборѣ книгъ, читала все, что находила: напримѣръ, сочиненія Вольтера, Руссо, и въ то же время Экартсгаузена и другихъ мистиковъ. До 12-ти-лѣтняго возраста Ж. безвыѣздно прожила у бабушки, „пользуясь деревенской полной свободой, на лонѣ природы; болѣе всего она любила, хотя и безсознательно, отдаваться созерцанію красоты природы, подѣ благотворнымъ вліяніемъ которой складывался характеръ дѣвушки—мечтательный, вдумчивый, терпѣливый“. Приѣхавшая въ Панфилово тетка Ж., Анна Ивановна Корнилова, рожд. Готовцева (Пушкинъ, кн. Вяземскій и Языковъ писали ей посланія и сама она печатала стихи въ журналахъ 1820—1830 г.г.), взяла племянницу къ себѣ въ Кострому для изученія тамъ французскаго языка. Проживъ въ Костромѣ около года, Ж. вернулась къ бабушкѣ, а затѣмъ, на 15 году жизни, отдана была отцомъ въ Костромской пансіонъ г-жи Прево-де-Люмьентъ, гдѣ съ первыхъ же дней сдѣлалась общей любимицей и лучшей ученицей. Вскорѣ, однако, отецъ взялъ ее къ себѣ въ Ярославль и пригласилъ для занятій съ нею русскимъ языкомъ молодого, талантливаго преподавателя Ярославской гимназіи П. М. Перевлѣсскаго, которому суждено было

сыграть въ жизни Ж. видную роль. За мѣтивъ въ своей ученицѣ недоожинныя способности и поэтическое дарованіе, Перевлѣсскій всячески старался способствовать ея развитію и образованію и поощрялъ первые ея опыты въ поэзіи. Подѣ вліяніемъ этихъ отношеній, въ душу дѣвушки закралось чувство любви, глубокой и искренней, къ своему наставнику. Чувство это было взаимное. Въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ они однако скрывали свои чувства; Ж. обнаруживала ихъ только въ своихъ стихотвореніяхъ (первыя изъ нихъ напечатаны были въ 1843 г. въ „Москвитиннѣ“). Но когда, въ 1843 г., Перевлѣсскій, противъ воли, переведенъ былъ въ Москву, молодые люди объяснились и просили у старика Жадовскаго разрѣшенія обвѣнчаться. Не желая видѣть дочь женой бѣднаго, незнатнаго учителя, Жадовскій отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Отказъ этотъ, принятый безропотно и съ наружнымъ спокойствіемъ, стоилъ Жадовской многихъ годовъ тяжелыхъ душевныхъ страданій, которыя надломилъ ея здоровье. Приписывая пережитому ею чувству рѣшительное вліяніе на свой характеръ, Ж. писала въ письмѣ къ Ю. Н. Бартеневу: „Дай Богъ всякой женщинѣ выбиться изъ-подъ гнета сердечныхъ страданій, несчастій, неудачъ и горя, не утрата силъ и бодрости духа. Любовь для женщины—особенно первая—(а первой я называю и послѣднюю, т. е. ту, которая всѣхъ сильнѣе) есть проба ея силъ и сердца. Только послѣ такой любви формируется характеръ женщины, крѣпнеть воля, является опытность и способность размышлять....“. И дѣйствительно, произведенія Ж., написанныя ею въ этотъ періодъ,—лучшія изъ лирическихъ пьесъ ея: они носятъ отпечатокъ непосредственнаго искренняго и глубокаго душевнаго движенія. Чувство къ Перевлѣсскому долго жило въ ней, и много лѣтъ она таила надежду соединить свою судьбу съ судьбой любимаго человека. Чтобы заглушить сердечную пустоту, тяготившую ее въ домѣ любившаго ее по-своему, но тяжелаго по характеру отца, 19-ти-лѣтняя Ж. взяла къ себѣ на воспитаніе свою двоюродную сестру-сироту Н. П. Готовцеву, заботамъ которой посвятила всю свою жизнь, самоотверженно и съ любовью отдавши себя ея воспитанію. Жадовскій, съ своей сто-

роны, старался развлечь дочь и неоднократно возилъ ее въ Москву и Петербургъ, гдѣ она познакомилась со многими представителями литературнаго и артистическаго міра; въ Москвѣ она бывала у искренно ею любимаго Ю. Н. Бартевева, который зналъ ее еще дѣвочкой въ Костромѣ; онъ доставилъ ей знакомство съ Погодинымъ; встрѣчалась она также съ Хомяковымъ, Загоскинымъ, П. Аксаковымъ, Ѳ. Глиняку; въ Петербургѣ она посѣщала домъ Ѳ. И. Прянишникова, гдѣ, между прочимъ, встрѣтилась съ К. Брюлловымъ, а М. П. Вронченко, знавшій Ж. еще въ Ярославлѣ, познакомилъ ее съ И. С. Тургеневымъ, А. В. Дружининымъ, кн. П. А. Вяземскимъ, М. П. Розенгеймомъ, Ѳ. И. Губеромъ. Всѣ оказывали вниманіе талантливой дѣвушкѣ, за которою къ этому времени уже упрочилась извѣстность писательницы. Въ 1846 г. ею выпущенъ былъ въ Москвѣ сборникъ „Стихотвореній“, встрѣченный сочувственными отзывами тогдашнихъ критиковъ, которые, однако, отмѣчали въ ея произведеніяхъ не столько поэтическія достоинства, сколько „гражданскіе мотивы“, матеріалъ для сужденія и пониманія положенія мыслящей женщины, припавшей и забитой окружающей обстановкой. Такъ, напримѣръ, В. Н. Майковъ писалъ, что стихотворенія Ж. „вполнѣ выражаютъ собой общій характеръ и общественное положеніе женщины“, такъ какъ темою всѣхъ ихъ „служитъ внутренняя борьба женщины, которой душа развита природою и образованіемъ, со всѣмъ тѣмъ, что противодействуетъ этому развитію и что не можетъ съ нимъ ужиться. Это — полная, хотя и краткая исторія женской души, исполненной стремленіемъ къ нормальнымъ условіямъ жизни, но встрѣчающей на каждомъ шагѣ противорѣчія и преграды своему стремленію не въ однихъ внешнихъ обстоятельствахъ, но и въ собственныхъ недоразумѣніяхъ, колебаніяхъ и самообольщеніяхъ“. Въ заключеніе своего разбора Майковъ, говоря, что Ж. одарена „и талантомъ, и способностью къ дальнѣйшему развитію“, желалъ видѣть въ ея произведеніяхъ „больше любви къ жизни и какъ можно меньше любви къ призракамъ“. Бѣлинскій также высказывалъ сожалѣніе, что источникъ вдохновенія ея таланта „не жизнь, а мечта“.

Наконецъ, въ „Библиотекѣ для чтенія“ говорилось, что въ стихотвореніяхъ Ж. „видно сильное дарованіе; вездѣ проглядываетъ глубокое чувство или замѣчательная мысль: она пишетъ не по заказу, не отъ нечего дѣлать, а по неодолимому влеченію души, по глубокому поэтическому призванію“ П. А. Плетневъ въ своемъ разборѣ также находилъ, что Ж. выразила стихами внутренній міръ свой, міръ женщины, чувствующей, мечтающей, любящей, надѣющейся и вѣрующей“, но и онъ желалъ видѣть въ ея произведеніяхъ „полноту жизни, богатство характеровъ, болѣе рѣшительное направленіе поэзіи“ Отзывы эти прекрасно характеризуютъ талантъ Ж. въ раннюю пору его развитія, когда, послѣ перенесенной ею душевной бури, она старалась отдаваться отвлеченнымъ мечтаніямъ, созерцанію природы и внутреннимъ душевнымъ движеніямъ. Находя утѣшеніе въ литературныхъ занятіяхъ, Ж. много писала и ея произведенія часто появлялись въ печати: такъ, многочисленныя ея стихотворенія помѣщались въ „Московскомъ литературномъ и ученомъ Сборникѣ“, „Московскомъ Городскомъ листкѣ“, „Библиотекѣ для чтенія“ (1847), „Москвитяинѣ“ (1848, 1851, 1852, 1853 и 1855), „Ярославскомъ Литературномъ Сборникѣ“ (1850), „Раутѣ“ (1851 и 1854). Въ 1857 г. Ж. выступила съ романомъ: „Въ сторонѣ отъ большаго свѣта“ („Русск. Вѣстн.“ 1857 г., № 5—8 и отд. изд., М. 1857 г., изд. 2-е М. 1887 г.), въ которомъ, какъ и въ другихъ повѣстяхъ (отдѣльное изданіе ихъ вышло въ С.-Петербургѣ въ 1858 г.: сюда вошелъ „Простой случай“, „Неумышленное зло“, „Отрывки изъ дневника молодой женщины“, „Переписка“, „Ни тьма, ни свѣтъ“, „Непринятая жертва“, „Сила прошедшаго“), содержится много автобіографическихъ данныхъ и находится живая галлерія деревенскихъ дореформенныхъ типовъ, нарисованныхъ безхитростно и правдиво: романъ этотъ, названный Добролюбовымъ „замѣчательнымъ“, обратилъ на себя вниманіе тогдашней публики. Въ 1858 г. появился второй сборникъ „Стихотвореній“ Жадовской, дополненный, сравнительно съ изданіемъ 1846 г., многими новыми пьесами. Онъ былъ встрѣченъ общими похвальными отзывами, а Добролюбовъ въ подробномъ разборѣ его, „не задумы-

ваясь“, причисливъ его „къ лучшимъ явленіямъ нашей поэтической литературы послѣдняго времени“. „Задушевность, полная искренность чувства, и спокойная простота его выраженія“—вотъ, по его мнѣнію, главные достоинства стихотвореній Жадовской. Настроеніе чувствъ ея—грустное; главные мотивы ея—задумчивое созерцаніе природы; сознание одиночества въ мірѣ, воспоминаніе о бываломъ, когда-то свѣтломъ, счастливомъ, но безвозвратно прошедшемъ... Она сумѣла найти поэзію въ своей душѣ, въ своемъ чувствѣ, и передаетъ свои впечатлѣнія, мысли и ощущенія совершенно просто и спокойно, какъ вещи очень обыкновенныя, но дороги ей лично. Это именно уваженіе къ своимъ чувствамъ, безъ всякой претензій на возведеніе ихъ въ идеаль всемірный, и составляетъ прелесть стихотвореній Жадовской. Такими же, приблизительно, словами пріветствовались сборникъ „Стихотвореній“ Ж. и Писаревъ. Изрѣдка въ произведеніяхъ Ж. звучатъ „гражданскіе мотивы“, какъ напр. въ стихотвореніяхъ: „И. С. Аксакову“, „Среди бездушныхъ и ничтожныхъ“, „Н. Ѳ. Щербинѣ“, „Говорятъ, придетъ пора“, „Современному челоуѣку“, „Н. А. Некрасову“; въ духѣ поэзіи Кольцова и Некрасова написаны такіа прелестныя пьесы, какъ „Нива, моя нива“ и „Грустная картина“; кромѣ того Ж. переводила изъ Гейне, Фрейлихграта, Уландъ, Зейдлица. Литературная дѣятельность ея заключилась романомъ „Женская исторія“ и повѣстью „Отсталая“, напечатанными первый—въ журналѣ „Время“ 1861 г., № 2—4 (и отд. изд. Спб. 1861), а вторая—въ № 12 того же журнала за тотъ же годъ; но они не имѣли успѣха въ публикѣ.

Съ начала 1860-хъ гг., Ж. уже почти не появлялась въ печати. Вернувшись изъ Петербурга въ Ярославль, она вышла замужъ за старика-доктора Карла Богдановича Севна, давняго друга дома Жадовскихъ. По смерти большого отца (1870), за которымъ она самоотверженно ухаживала въ продолженіе 5 лѣтъ, Ж. вскорѣ продала свой домъ въ Ярославлѣ и купила себѣ небольшое имѣніе въ 7 в. отъ г. Буя, Костромской губ. (с. Толстиково, недалеко отъ усадьбы ея бабушки, гдѣ она провела дѣтство) и здѣсь доживала свой невеселый вѣкъ. Потерявъ въ 1881 г. мужа, Ж.

медленно угасала и 23 іюля 1883 г. умерла въ своемъ имѣніи, с. Толстиковѣ, Буйскаго уѣзда.

Кромѣ указанныхъ выше изданій, произведенія Ж. находятся въ „Иллюстраціи“ 1850-хъ гг., „Сынѣ Отечества“, „Русск. Вѣстн.“ 1857 г., „Сборникѣ въ память А. Ф. Смирдина“ (1858), „Русск. Словѣ“, „Костромск. Губ. Вѣд.“ (1856), „Яросл. Губ. Вѣд.“ (1856 и 1889), „Русской Старинѣ“ (1890 и 1891).

Въ 1885 г. въ Петербургѣ издано было братомъ писательницы, П. В. Жадовскимъ, „Полное собраніе сочиненій Ю. В. Жадовской“, въ 3 томахъ; въ 1886 г. вышелъ тамъ же дополнительный томъ, содержащій переписку ея и стихотворенія, а въ 1894 г.—„Полное собраніе сочиненій“ ея переиздано въ Петербургѣ, въ 4 томахъ. Нѣкоторые стихотворенія Ж. положены на музыку А. С. Даргомыжскимъ („Молю Тебя, Создатель мой“, „Чаруй меня, чаруй“) и др. композиторамъ.

Биографія Ж. при Полномъ Собраніи сочиненій, изд. 1885 и 1894; Н. П. Федорова, Воспоминанія объ Ю. В. Ж.—„Историческій Вѣстн.“ 1887, т. 30, стр. 394—407; Н. В. Гербель, Русскіе поэты въ биографіяхъ и образцахъ, С.-Пб. 1888, изд. 3-е, стр. 489—492; А. Н. Сальниковъ, Русскіе поэты за столѣть, С.-Пб. 1901, стр. 209—212; Галерея Русскихъ писателей, изд. С. Скирмунта, М. 1901, стр. 423; Архивъ Брюлловыхъ, подъ ред. П. А. Кубасова, С.-Пб. 1900, стр. 158—159; Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. X, XI и XII; Сочиненія Бѣлинскаго, изд. 1861, ч. XI, стр. 46—47; Сочиненія В. Н. Майкова; т. II, Кіевъ. 1901, стр. 96—102; Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, т. II, С.-Пб. 1885, стр. 542—546; Сочиненія Н. А. Добролюбова, т. II, С.-Пб. 1862, стр. 193—208, т. IV, стр. 456; Сочиненія Д. И. Писарева, т. I, изд. 1894, стр. 4—6; Сочиненія А. В. Дружинина, т. VI, стр. 122—124, 163 и 198—200 и 717; „Сѣв. Вѣстн.“, 1885, № 1; „Еженед. Обзорніе“ 1885, № 64; „Русск. Мысль“ 1885, № 6; Сочиненія А. Григорьева, стр. 80, 107; Сочиненія А. М. Скабичевскаго, т. I (тоже—„Вѣстн. Европы“ 1886, № 1, стр. 5—28; „Поэзія и личность Жадовской“, статья И. И. Иванова въ сборн. „Починъ“ 1896 г., стр. 270—283; „Древняя и Новая Россія“, 1877 г., № 9, стр. 71—74, ст. П. В. Быкова; „Издѣлія“ 1876, въ статьѣ М. Цебриковой о русскихъ писательницахъ; „Новый Русскій Базаръ“ 1875 г., № 2, ст. П. В. Быкова; Стихотворенія М. П. Розенгейма, изд. 1858, стр. 140; И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, ч. I, М. 1888, прилож., стр. 89; „Историч. Вѣстникъ“ 1883 г., т. XIV, стр. 463; „Моск. Листокъ“ 1883, № 258; „Моск. Вѣд.“ 1883, № 260; „Записки Учителя“ 1883, кн. 6, стр. 356—357;

„Мирской Толкѣ“ 1883, № 35; „Живоп. Обзорѣне“ 1884, № 12; Князь Н. Н. Голицынъ, Биограф. словарь Русскихъ писателей, С.-Пб. 1889, стр. 112—113; С. И. Пономаревъ, Наши писатели, С.-Пб. 1891, стр. 35; Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ Русскихъ писателей, вып. III и сл.; „Отчетъ Импер. Публ. Библиотеки за 1836 г.“, стр. 14; „Русск. Стар.“ 1891, т. 69, стр. 484; „Шукшнскій Сборникъ“, вып. IV, М. 1905, стр. 311—859 (письма Ж. къ Ю. Н. Бартеву 1845—1852 гг.); Справочный Энциклопедическій Словарь Старчевскаго, т. IV, С.-Пб. 1853, стр. 284—285; Фидлеръ, „Der Russische Parnass“, „Женское Образование“ 1883, № 9, стр. 618—621; „Одесскій Вѣстн.“ 1883, № 215; „Русск. Курьеръ“ 1883, № 186; „Южный Край“ 1883, № 949; „Новь“ 1885, т. II, № 7, мозаика, стр. 425 и 1886, т. IX, № 9, мозаика, стр. 476 и № 10, стр. 201; „Сѣв. Вѣстн.“ 1885, № 1, стр. 199—200.

Б. Модзалевскій.

Жадовскій, Павелъ Валеріановичъ, писатель; братъ поэтессы Ю. В. Жадовской; род. въ 1825 г., воспитывался въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда поступилъ на службу прапорщикомъ въ 1-й Московскій пѣхотный полкъ, участвовалъ въ Венгерской кампаніи и въ войнѣ 1854 г., при чемъ нѣсколько разъ былъ раненъ. Назначенный въ 1853 г. комендантомъ города Бузео (Буцау), въ Румыніи, Ж. затѣмъ вышелъ изъ военной службы съ чиномъ штабсъ-капитана; въ 1860 году онъ опредѣлился городничимъ въ г. Кузнецкъ, откуда перешелъ исправникомъ Чухломскаго уѣзда, Костромской губерніи, и здѣсь прослужилъ четыре года до 1867 г., а въ 1868 г. былъ помощникомъ Самарскаго губернскаго почтмейстера, послѣ чего окончательно вышелъ въ отставку. Скончался въ С.-Петербургѣ 24 іюля 1891 г.; погребенъ въ Сергіевской пустыни.

Начавъ свою литературную дѣятельность въ началѣ 1840-хъ гг., Ж. печатался въ „Современникѣ“, „Москвитяинѣ“, „Библиотекѣ для Чтенія“, „Отечественныхъ Запискахъ“, и другихъ изданій; кромѣ того, онъ помѣстилъ: „Морьякъ-черноморецъ. Истинное происшествіе. Разсказъ офицера“—въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1855 г., № 51 и 54; „Отрывокъ изъ воспоминаній о Крымѣ 1855 и 1856 г.“—въ „Сборникѣ въ память А. Ф. Смирдина“, т. IV и V, стр. 243—302 и 147—211; „Молдавія и Валахія въ современности. Изъ записокъ офицера“—въ „Пан-

теонѣ“ 1856 г., кн. 1 и 2 (п отд. изданіе); „Житейскія спены“, М. 1859; „Падучая звѣзда. Украинское преданіе“—въ „Свѣточѣ“ 1860 г., № 8, стр. 53—103; „Картины военного быта на зимнихъ квартирахъ“, С.-Пб. 1861. Подобно сестрѣ, Ж. писалъ и стихотворенія, которыя печатались въ разныхъ изданіяхъ (напр., въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“ 1847 г., „Москвитяинѣ“ 1852 г., „Литературныхъ Вечерахъ“ 1859 г.); первое собраніе ихъ вышло въ 1859 г., а второе—въ 1872 (оба въ С.-Пб.); въ 1886 г. онъ издалъ 1-й томъ „Полнаго собранія сочиненій“ своихъ (С.-Пб.), въ который вошли его многочисленныя стихотворенія 1848—1886 гг., а также перепечатаны „Отрывки изъ воспоминаній о Крымѣ 1855 и 1856 годовъ“. Кромѣ того, ему принадлежатъ 1-е изданіе „Полнаго собранія сочиненій“ его сестры Ю. В. Жадовской, вышедшаго въ 4-хъ тт. въ 1885—1886 г. Стихотворенія Жадовскаго, отличающія въ немъ склонность къ поэзии, не представляютъ изъ себя чего-либо выдающагося и стоятъ въ рядахъ посредственности произведеній подобнаго рода.

„Новое Время“ 1891, № 5540; библиографическіе указатели; „Всемирн. Иллюстр.“ 1891, т. XLVI, стр. 134; „Библиогр. Зап.“ 1892 г., № 1, „Историч. Вѣстн.“ 1891 г., т. XLVI, окт., стр. 284; Адресъ-календарь 1866—67 и 1869 гг.

Б. Модзалевскій.

Жамень, Альбертъ Даниловичъ, пейзажный живописецъ, родился въ 1821 г., умеръ въ 1877 г. Первоначальное образованіе Ж. получилъ въ Виленской гимназіи, а въ 1840 г. поступилъ вольноприходящимъ ученикомъ въ Петербургскую Академію Художествъ, гдѣ главнымъ наставникомъ его въ живописи былъ профессоръ М. Воробьевъ. Въ 1847 г. Ж. отправился въ Италію и пробылъ тамъ до 1859 г., причемъ, кромѣ Италіи, посѣтилъ Францію, Англію и Германію. Въ 1854 г. онъ получилъ отъ римской академіи св. Луки премію за видъ озера Нами. Въ томъ же 1854 г. Ж. прислалъ въ Петербургскую Академію Художествъ свою картину: „Тиволи и его водопады“. Въ 1859 г. Ж. за свои работы, въ особенности за видъ въ Роккади-Папа (собственность графа Кушелева-Безбородко) возведенъ Академіей Художествъ въ званіе академика. Въ

1861—1863 г. Ж. снова путешествовал за границу. Съ 1864 г. до самой смерти онъ состоялъ декораторомъ Виленскаго городского театра. Пейзажи этого художника отличаются жизненностью и свѣжестью колорита. Изъ его произведений, кромѣ приведенныхъ выше, заслуживаютъ вниманія: „Альбанское озеро“ (у К. Солдатенкова, въ Москвѣ), „Арко-Скуро и разные виды виллы-Бутера, въ Палермо“ (въ Зимнемъ Дворцѣ), „Римскій-колизей“ (у г. Абазы), „Видъ въ окрестности Неаполя“ (въ коллекціи Д. Боткина), „Римская кампанья за Порто-Маджоре“ (у гр. Браницкаго) и „Римскій видъ“ (у гр. Тышкевича). Въ картинной галлерей Академіи Художествъ находится „Вечерній Видъ“ Жамета.

Архивъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ.—П. И. Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія.—А. Сомовъ: Каталоги оригинальныхъ произведеній русской живописи въ картинной галлерей Императорской Академіи Художествъ.—Энци. сл. Брокг. и Ефр.—„О. Геранонскій“: „Живописецъ Жаметь“ („Виленскія Губернскія Вѣдомости“ 1859 г., № 9, стр. 39—40).

В. Г

Жандръ, Андрей Андреевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, писатель. Родился 9 февраля 1789 г. Отецъ его, Андрей Осиповичъ Ж., служилъ одно время С.-Петербургскимъ полиціе-мейстеромъ. Ж. воспитывался дома и въ 1803 г. опредѣленъ былъ на службу кописистомъ въ Комитетъ, „учрежденный для поверхностнаго обозрѣнія всеподданнѣйшихъ прошеній, приносимыхъ на рѣшенія Департаментовъ Прав. Сената“; по упраздненіи же Комитета, въ 1804 г. переведенъ былъ въ 1 Департаментъ Сената, откуда, 29 декабря 1808 г., перешелъ письмоводителемъ въ сенатскую типографію; изъ сенатской типографіи съ 14 мая 1812 года помощникомъ столоначальника въ Инспекторскій Департаментъ Военнаго Министерства; затѣмъ служилъ въ Канцеляріи статсъ-секретаря Молчакова по принятію прошеній на Высочайшее имя, одновременно занимаясь по дѣламъ Комитета Министровъ, и затѣмъ послѣдовательно былъ правителемъ канцеляріи Военно-счетной экспедиціи (съ 29 іюля 1819 по 25 іюня

1827 г.); начальникомъ отдѣленія Артиллерійскаго Департамента Военнаго Министерства (съ 14 октября 1827 г.); начальникомъ отдѣленія Канцеляріи Начальника Морского Штаба (съ 30 марта 1828 г.); въ 1830—1832 гг. онъ состоялъ членомъ Комитета для составленія правилъ отчетности по всему вѣдомству Морского Штаба и др. комиссій и комитетовъ по Морскому вѣдомству; 19 апрѣля 1833 г. Ж. былъ назначенъ директоромъ Канцеляріи Начальника Главнаго Морского Штаба, а въ апрѣль 1835 г. произведенъ въ д. с. совѣтн. Въ 1836 г. Ж. состоялъ правителемъ дѣлъ Высоч. учрежденнаго при Государственномъ Совѣтѣ „секретнаго Комитета для извлеченія способовъ уменьшенія расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ“. Назначенный, 1 мая 1836 г., директоромъ Канцеляріи Морского Министерства, Ж. занималъ это мѣсто до 6 декабря 1853 г. и былъ однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ кн. А. С. Меншикова. За этотъ промежутокъ времени онъ состоялъ членомъ и председателемъ многочисленныхъ комитетовъ, учреждавшихся при Министерствѣ (напр., ревизіоннаго по морскому интендантству въ 1836—1840 гг., по Черноморскому интендантству въ 1838—1850 гг., для ревизіи Свода Уставовъ счетныхъ въ 1846 г., для пересмотра Уставовъ о службѣ гражданской въ 1848 г.), по разсмотрѣнію контрольной системы въ 1852—1853 гг.) и др. и былъ награжденъ орденами до Бѣлаго Орла (1849), чиномъ тайнаго совѣтника (1843) и золотой табакеркою съ портретомъ Имп. Николая I (1852) при милостивомъ рескриптѣ. 6 декабря 1853 г. Ж. повелѣно было присутствовать въ Правит. Сенатѣ, съ назначеніемъ членомъ Адмиралтействъ-Совѣта и съ оставленіемъ Управляющимъ Черноморскою ревизіонною Комиссіей, которую онъ завѣдывалъ съ апрѣля 1850 г. до февраля 1860 г., когда былъ уволенъ отъ этого порученія и отъ должности члена Адмиралтействъ-Совѣта. Въ Сенатѣ Ж. присутствовалъ во 2-мъ (1854—1856), 5-мъ (1856—1858), 1-мъ (1858—1865) Департаментахъ, а 24 декабря 1865 г. назначенъ былъ первоприсутствующимъ сенаторомъ въ Департаментъ Герольдіи, получивъ въ 1856 г. золотую табакерку съ брилліантами и съ вензелемъ Государя, въ 1860 г.—орденъ св. Александра Нев-

скаго, а 1 января 1864 г. Ж. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. А. А. Жандръ скончался 19 января 1873 г. и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Въ молодости Ж. съ увлеченіемъ и довольно успѣшно занимался литературой, преимущественно драматической, и былъ близокъ со многими извѣстными въ то время писателями и артистами. Къ числу его друзей и знакомыхъ принадлежали: Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, Кюхельбекеръ, Д. Н. и С. Н. Бѣгичевы, Крыловъ, Лобановъ, Кокошкинъ, Рылѣевъ, кн. А. Одоевскій, Гречъ, Булгаринъ, Каратыгины, Семенова и многіе другіе. Съ большинствомъ изъ нихъ онъ встрѣчался въ домѣ извѣстнаго драматурга кн. А. А. Шаховскаго. Здѣсь въ 1815 г. познакомился съ Ж. Грибоѣдовъ, только что пріѣхавшій въ Петербургъ; на вечерахъ у Шаховскаго Ж. познакомился и съ юношей Пушкинымъ, который въ то время прислушивался къ мнѣніямъ своего старшаго пріятеля; дружескія отношенія между ними сохранились и впоследствии, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо поэта къ Ж., относимое къ 1836 г. Знакомство Ж. съ Грибоѣдовымъ вскорѣ обратилось въ тѣсное дружество, основанное на сходствѣ вкусовъ и характеровъ: „я его какъ душу люблю и жалѣю“, „Андрей благородный, славный и почтенный малый“—такъ выражался о немъ Грибоѣдовъ“. Друзья постоянно проводили вмѣстѣ время, вмѣстѣ работали; такъ, въ 1817 г. Грибоѣдовъ перевелъ для Ж. „Семелу“ Шиллера, упростивъ его передѣлать ее стихами для сцены; отрывокъ изъ перевода былъ напечатанъ въ томъ же году въ „Сынѣ Отечества“ (ч. 42, № 51) съ вступительнымъ письмомъ Грибоѣдова, по мнѣнію котораго Ж., „добавивъ отъ себя, чего не достаетъ въ подлинникѣ“ и „вообще обогатилъ цѣлое новыми, оригинальными красотоми“. 11 февраля 1818 г. „Семела“ въ первый разъ шла, съ музыкой Кавоса и Антонолли, на сценѣ Большаго театра, въ бенефисъ Семеновой (въ 1825 г. издана въ Спб. отдѣльной книжкой, съ заглавіемъ: „Семела, или мщеніе Юноны, мифологическое представленіе въ 1-мъ дѣйствіи, подражаніе Шиллеру“); въ тотъ же спектакль поставлена была пьеса Гри-

боѣдова и Ж. „Притворная невѣрность“, передѣланная ими, въ стихахъ, изъ комедіи Барта: „Les fausses infidelités“. По отъѣздѣ Грибоѣдова изъ Петербурга въ 1828 г., сношенія ихъ не прекращались, и хотя намъ извѣстны только два пьеса Грибоѣдова къ Ж. (въ 1825 и 1828 гг.), но извѣстно, что Грибоѣдовъ постоянно освѣдомлялся о немъ и интересовался его работами. Подлинная рукопись „Горя отъ ума“, недавно обнаруженная (М. 1903), и достовѣрный съ него списокъ сохранились благодаря заботливости Ж., который однимъ изъ первыхъ, въ 1824 г., слышалъ комедію въ чтеніи самого автора; наконецъ, рассказы Ж. дали биографу Грибоѣдова, Д. А. Смирнову, возможность сохранить нѣкоторые факты изъ жизни поэта.

На литературное поприще Ж. выступилъ въ 1811 г., когда въ апрѣлѣ, на сценѣ петербургскаго театра, была поставлена переведенная имъ двухъ-актная комедія „Испытаніе“ (не изд.); затѣмъ, въ хронологическомъ порядкѣ, намъ извѣстны слѣдующія произведенія Ж.: отрывокъ изъ Расиновой „Гевеліп“—въ „Сынѣ Отеч.“ 1816 г. и въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ 1817 г.; „Любовь и разсудокъ“, комедія въ 1 д., переводъ съ французскаго, игранная въ 1-й разъ въ Спб. 12 января 1820 г. (не изд.); въ „Сынѣ Отеч.“ 1820 г. напечатана статья „О первыхъ двухъ дебютахъ г. Каратыгина (ч. LXII, № 23, стр. 174—181) (возраженія тамъ же, № 27 и 29); Письмо къ издателю, отъ 24 мая 1822 г. (тамъ же, 1822 г., ч. 78, № 22, стр. 82—85), по поводу статьи А. А. Бестужева (отвѣтъ послѣдняго см. въ „Русск. Стар.“ 1880 г., т. LX, стр. 167—168); полемика съ Я. Н. Толстымъ по поводу статьи того же Бестужева „Взглядъ на старую и новую словесность“ (письма Ж.: „Сынъ Отеч.“ 1823 г., ч. 84, № 9, 14 и 16); статья по поводу процесса Парижскаго доктора Кастма“ (тамъ же, ч. 90, № 48, стр. 97—126, съ подп. А. Ж.); „Морской Разбойникъ, или волшебство не волшебство“, романтическая комедія въ 5 д., изъ романа В. Скотта „Pirate“,—представленная въ 1-й разъ, въ бенефисъ Каратыгина, 3 декабря 1823 г. (не изд.); „Волшебная лампадка, или Кашемирскіе прожиги“, опера въ 3 д., перев. съ франц.,

вмѣстѣ съ кн. А. А. Шаховскимъ, поставленная въ 1-й разъ 1 сентября 1824 г.; въ 1824—1825 гг. переводилъ „Баязета“, Расина, съ П. А. Катенинымъ (не изд.); „Венцеславъ“, трагедія Ротру, передѣланная Ж. для постановки въ бенефисъ В. А. Каратыгина, но не пропущенная цензурой; по поводу этого перевода Грибоѣдовъ писалъ П. А. Катенину, общему ихъ пріятелю, въ октябрѣ 1824 г., что „Ж. пробудился отъ усыпленія, переводить „Венцеслава“ необыкновенно хорошо безъ рѣмъ, и тѣмъ лучше выходитъ“; отрывокъ изъ перевода (1-е дѣйствіе) напечатанъ былъ въ „Талиѣ“ 1825 г.; прочитавъ его, Пушкинъ писалъ Катенину (въ сентябрѣ 1825 г.): „Какъ ты находишь 1-й актъ „Венцеслава“? По мнѣ, чудно хорошо! Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-гишпански не знаю, а отъ Ж. въ восхищеніи; кончена-ли вся трагедія? Такъ же похвально отозвался о „Венцеславѣ“ и критикъ „Сына Отеч.“ 1825 г., ч. 98, стр. 100); „Минуты жизни“, стихотв., — въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1827 г., № 2 и „Къ моей музѣ“, стихотв., — тамъ же, № 8; „О переводахъ комедіи „Le mariage de Figaro“ и о представленіяхъ ея въ С.-Петербургѣ по переводу Баркова“ — „Сынъ Отеч.“ 1829 г., ч. СХХІV, стр. 348 — 358. Съ этихъ поръ имя Ж. въ литературѣ больше не встрѣчается.

Въ 1826 г. Ж. привлекался къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ: онъ укрылъ у себя, послѣ 14 декабря, кн. А. И. Одоевскаго (поэта); призванный Императоромъ Николаемъ, онъ откровенно признался ему въ намѣреніи содѣйствовать побѣгу своего пріятеля, при чемъ сказалъ, что Государь, на его мѣстѣ, поступилъ бы такъ же, какъ онъ. Отвѣтъ этотъ понравился Императору, и онъ милостиво отпустилъ Ж.

„Его неистощимая память“, пишетъ о Ж. Д. А. Кропотовъ, „необыкновенная наблюдательность и какой-то добродушный, сатирическій юморъ, всегда придавалъ его бесѣдѣ особенную занимательность. До конца своей многолѣтней жизни онъ сохранилъ всю юношескую пылкость своей прекрасной души“.

Д. А. Кропотовъ, Жизнь графа М. Н. Муравьева, С.-Пб. 1874, стр. 229; формулярный списокъ, 1869 г.; Сочиненія Грибоѣдова, подъ

ред. И. А. Шляпкина, т. I, С.-Пб. 1889; Записки П. А. Каратыгина, С.-Пб. 1880, стр. 78, 94, 134—135, 145—146; П. Н. Араповъ, Лѣтопись Русскаго театра, С.-Пб. 1861, стр. 209, 263, 274, 292, 347, 357—358; Сочиненія Пушкина, изд. Литер. фонда, т. III, стр. 83, т. VII, стр. 154 и 408; Рукопись комедіи А. С. Грибоѣдова „Горе отъ ума“, М. 1903, стр. VIII, IX, XV—XVI (здѣсь и снимокъ съ автографа Ж.); „Сборникъ студентовъ С.-Петербурга. Университета“, вып. II, стр. 241 (въ статьѣ Л. Н. Майкова); „Стихотворенія гр. Д. И. Хвостова“, ч. V, С.-Пб. 1830, стр. 345 (стихи Ж.—у); Сочиненія П. А. Катенина, ч. II, стр. 189 (указаніе на то, что Ж. перевелъ 2-е д. трагедіи Корнелія „Гораций“); В. Л. Модзалевскій, Я. Н. Толстой, С.-Пб. 1899, стр. 12—13; „Остафьевскій Архивъ“, т. II, стр. 607; „Шукинскій Сборникъ“, вып. IV, М. 1905, стр. 250; „Морской Сборникъ“, т. XXIV, 1856 г., № 10, прав. распор., стр. XIV (рекриптъ на имя Ж.); „Петерб. Листокъ“ 1873 г., № 16; „Иллюстр. Газета“ 1873 г., № 5; „Гражданинъ“ 1874 г., № 3; „Русск. Арх.“ 1875 г., № 12; В. И. Сантовъ, Петерб. Некрополь, М. 1833, стр. 49; Геннадіи, Словарь Русскихъ писателей, т. II, стр. 2 и 372; „Русск. Стар.“, т. X, стр. 157, 167, 276, 291, 292, 295, 596, 724, 725; т. XIV, стр. 210; т. XXVIII, стр. 566; т. XXIX, стр. 286, 753, 755; т. XXXII, стр. 191; т. XLV, стр. 232; т. LX, стр. 167, 168, 316; т. LXXVIII, стр. 180, 185, 186—190, 192, 197, 199, 201, 205, 206 (письмо П. А. Катенина къ А. М. Колосовой); т. XC; июнь, стр. 500, 509—510; т. СХVІІІ, май, стр. 458; А. Н. Пыпинъ, Ист. русск. литературы, т. IV, стр. 300, 314, 331; Н. И. Гречъ, Записки, С.-Пб. 1884, стр. 87; „Сынъ Отеч.“ 1818, № 19 (ред. на „Притв. невѣрность“); „Русскій Архивъ“ 1881 г., кн. I, стр. 147, 148 и 1896 г., кн. III, стр. 345.

Б. М.

Жандръ, Семенъ Оситовичъ, генералъ-майоръ, Казанскій оберъ-комендантъ, одинъ изъ героев 1-й турецкой войны при императрицѣ Екатеринѣ II. Родился въ 1738 г., умеръ въ 1795 г. Службу началъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, куда поступилъ ротнымъ квартирмейстеромъ 28 февраля 1748 г. Въ 1754 г. былъ произведенъ въ прапорщики и переведенъ сначала въ Ябургскій драгунскій полкъ аудиторомъ, а потомъ получилъ должность адъютанта въ Ингерманландскомъ полку. Въ 1757 г., во время семилѣтней войны находился въ Рязанскомъ конно-гренадерскомъ полку и участвовалъ въ сраженіи при Гроссѣ-Егердорфѣ. Во время польской войны 1767—68 гг., начальствуя отрядомъ разбилъ корпусъ князя Любомырскаго и другіе полные отряды. Когда же началась турецкая кампанія

1769 г., ему поручено было командование находившимися под Хотинномъ казачьими полками; 29 августа оны атаковали неприятеля и отбили у него девятнадцать знаменъ; затѣмъ участвовали въ сраженіи подъ Измаиломъ и взяли въ плѣнъ неприятельскій отрядъ при р. Эльца. Наградю за эти дѣла былъ чинъ полковника, пожалованный ему 8 ноября 1770 г. Въ 1771 г. съ Сербскимъ гусарскимъ полкомъ находился въ Румыніи, участвовалъ въ пораженіи неприятеля подъ Бухарестомъ, въ преслѣдованіи его до крѣпости Журжи и во взятіи этой крѣпости, а также съ отличіемъ принималъ участіе и во всѣхъ слѣдующихъ кампаніяхъ (1772—74 гг.). Въ 1776 г. былъ переведенъ на Кавказъ и, командуя бригадой, оперировалъ на Кубани противъ татаръ, возставшихъ подъ предводительствомъ хана Шагихъ-Гирея. 3 декабря 1776 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ Казанскимъ оберъ-комендантомъ, въ каковой должности и состоялъ до конца своей жизни.

Формулярный списокъ въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива главнаго штаба, книга за 1795 г., № 59.

Жакларъ, Анна Васильевна, рожденная Корвинъ-Круковская, писательница, родилась въ 1847 г. Дѣтство и раннюю молодость она провела въ имѣніи своего отца, генералъ-лейтенанта Корвинъ-Круковского (въ Витебской губерніи), вмѣстѣ съ своею младшею сестрой (въ замужествѣ С. В. Ковалевской). Въ ней рано зародилась жажда научныхъ знаній и интересъ къ сложнымъ психологическимъ задачамъ. Также рано обнаружилась она и литературное дарованіе, которое впервые было оценено Ѳ. М. Достоевскимъ. Первые ея повѣсти „Михаилъ“ и „Соня“ появились въ „Эпохѣ“ 1861 г. и привлекли къ себѣ вниманіе оригинальностью сюжета, языка и фантазіи. Въ концѣ 1860-хъ годовъ она отправилась въ Парижъ, гдѣ познакомилась со многими выдающимися представителями литературнаго, ученаго и политическаго міра и въ 1870 г. вышла замужъ за журналиста, полковника французской арміи, Виктора Жакларъ. Время франко-прусской войны 1870 г. и послѣдовавшіе затѣмъ событія Жакларъ провела въ Парижѣ (объ этомъ времени она написала интересные мемуары), гдѣ состояла

членомъ комитета народнаго просвѣщенія. Послѣ 1871 г. Ж. вмѣстѣ съ мужемъ и маленькимъ сыномъ переѣхала на жительство въ Петербургъ. Здѣсь она продолжала свои литературныя занятія, и ея произведенія появлялись въ разныхъ журналахъ, подъ псевдонимами Ю-въ и А. Карина. Въ 1886 г. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ появилась повѣсть Ж. „Записки спирита“. Въ теченіе многихъ лѣтъ Ж. внимательно изучала вопросъ о спиритизмѣ по англійскимъ, американскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ источникамъ; хотя въ „Запискахъ Спирита“ она относится къ спиритизму отрицательно, тѣмъ не менѣе повѣсть даетъ, на фонѣ строго-научной мысли, интересную психологическую картину постепеннаго развитія въ человѣкѣ, начиная съ дѣтства, склонности къ сверхъестественному. Въ слѣдующемъ 1887 г. въ томъ же „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ появился литературный этюдъ Жакларъ—„Фельдшеридя“. Литературный талантъ Ж. давалъ основанія многого ожидать отъ нея въ будущемъ; но тяжелый недугъ рано свелъ ее въ могилу: она скончалась послѣ трудной операціи въ Парижѣ въ сентябрѣ 1887 г. Кромѣ упомянутыхъ сочиненій, Ж., вмѣстѣ съ мужемъ издавала (подъ именемъ V. Jaclard-Corvin) умѣло составленную и получившую значительное распространеніе французскую хрестоматію подъ заглавіемъ: „Chrestomathie française pour les classes moyennes et les classes supérieures“, Спб. 1877—1878 гг., два тома. Не мало интересныхъ свѣдѣній о ранней порѣ жизни Ж. находится въ воспоминаніяхъ ея сестры—С. В. Ковалевской.

„Историч. Вѣстн.“ 1888, кн. I, стр. 259—260; кн. Голыцины, „Библиографическій словарь русскихъ писателей 1759—1859 гг.“, С.-Пб. 1889 г.; „Русскій календаръ“ Суворина, на 1889 г.; Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. VII (1893 г.) и VIII (1900 г.); С. В. Ковалевская, „Воспоминанія дѣтства“ („Вѣстн. Европы“ 1890 г., кн. VII, стр. 37—95, и кн. VIII, стр. 585—640); А. К. Леффлеръ, герцогиня ди-Кайянелло, „Софья Ковалевская. (Что я пережила съ ней и что она рассказывала мнѣ о себѣ)“ („Сѣв. Вѣстн.“ 1892 г., кн. IX, стр. 109—131, кн. X, стр. 186, кн. XI, стр. 51, 63—64, 68, кн. XII, стр. 76; Энциклопедич. словарь, Брокгаузъ-Ефронъ; Большая Энциклопедія, Т-ва „Просвѣщеніе“.

Г. В.

Жариновъ, Алексѣй Емельяновичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ артиллеріи Туркестанскаго военнаго округа, одинъ изъ главныхъ дѣятелей покоренія Средней Азіи. Родился 19 марта 1820 г., умеръ 24 сентября 1882 г. Происходилъ изъ дворянъ Архангельской губерніи. Воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ 3-го декабря 1839 г. прапорщикомъ въ 1-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду. Въ 1841 г. переведенъ въ 3-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду, и съ 1843 г. послѣдовательно занималъ должности бригаднаго адъютанта и старшаго адъютанта гренадерской артиллерійской дивизіи. Во время венгерскаго мятежа (1849 г.) находился въ походѣ нашихъ войскъ къ западнымъ предѣламъ имперіи. Въ восточную войну 1853—1856 гг. командовалъ сначала запасною № 3 батареею 1-й артиллерійской дивизіи (1854—55 гг.), а потомъ легкой № 4-й батареей 2-й гренадерской артиллерійской бригады (1855—57 гг.). Послѣ войны занималъ должности: командира батареиной № 4-й батареи 2-й полевой артиллерійской бригады (1857), и командира облегченной (впослѣдствіи нарѣзной) № 3-й батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады (1858—65). Въ 1865 г. переведенъ въ окружное артиллерійское управленіе Московскаго военнаго округа правителемъ дѣлъ; въ 1866 г. произведенъ въ полковники; въ 1867 г.—назначенъ завѣдывающимъ артиллеріею Туркестанскаго военнаго округа; въ 1868 г. находился въ походѣ противъ бухарцевъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана, участвовалъ въ дѣлахъ при штурмѣ Самаркандскихъ высотъ и при взятіи города Самарканда. За боевыя отличія награжденъ орденомъ св. Анны съ Императорскою короною и мечами и чиномъ генераль-майора. Въ 1873—75 гг. Ж. принялъ участіе въ хивинской и кокандской экспедиціяхъ, причѣмъ новыя отличія доставили ему новыя награды: за хивинскую экспедицію онъ получилъ орденъ св. Станислава 1 ст. съ мечами, а за кокандскую—произведенъ въ генераль-лейтенанты. Будучи утвержденъ при этомъ въ должности начальника артиллеріи Туркестанскаго военнаго округа, Ж. занималъ ее до конца своей жизни.

Послужной списокъ въ общемъ архивѣ

главнаго штаба, дѣло 6 отд. 3 стола за 1882 г., № 928.

Н. Э.

Жарковъ, Петръ Герасимовичъ, живописецъ на эмали, родился въ 1742 году, умеръ 9 іюля 1802 г. Ж. въ 1777 г. былъ избранъ въ академики Императорской Академіи Художествъ „за піесу живописную на финифтѣ, представляющую портретъ сидящаго охотника музыки“. Въ 1785 г. Ж. былъ избранъ въ совѣтники Академіи Художествъ. Въ январѣ 1790 г. Совѣтъ Академіи Художествъ постановилъ: ввести классъ живописи на финифтѣ, что было поручено Ж. Въ 1798 г. Ж., по собственному прошенію, былъ уволенъ, вслѣдствіе слабости здоровья, изъ Академіи. Ж. въ свое время пользовался за свои миниатюры очень широкою извѣстностью и покровительствомъ императрицы Екатерины II. Отъ императрицы и отъ всего двора онъ получалъ многочисленные заказы, за которые ему платили очень значительныя суммы. Ж. принадлежатъ многочисленныя копии на кости и эмали съ портрета императрицы Екатерины II Шебапова, которыя императрица заказывала ему писать для подарковъ. Весьма значительное число произведеній Ж. представляетъ изъ себя копии съ произведеній древнихъ мастеровъ.

Архивъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ.—П. И. Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія.—Д. Ровинскій: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Петербургъ, 1889 г.—А. Андреевъ: Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ. С.-Петербургъ, 1857 г.

М. В.

Ждановъ, Владиміръ Петровичъ, генераль-лейтенантъ, командиръ 2-й бригады 3-й кавалерійской дивизіи. Родился 20 февраля 1824 г., умеръ въ 1891 г. Происходилъ изъ дворянъ Великаго Княжества Финляндскаго. Воспитывался въ Дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское военное училище), отсюда выпущенъ 14 августа 1845 г. въ 3-й уланскій Смоленскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ. Въ 1847 г. назначенъ и. д. полковаго адъютанта; въ 1849 г.—находился въ походѣ въ Австрію

по случаю Венгерскаго мятежа и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ г. Вайценомъ и при сел. Дука. Въ 1857 г. былъ переведенъ въ образцовый пѣхотный полкъ на должность помощника эскадроннаго командира, и въ продолженіе трехъ лѣтъ получилъ чины: ротмистра (1858) и маіора (въ 1861). Въ 1861 г. сдалъ должность, и постѣ этого тринадцать лѣтъ командовать эскадрономъ въ Литовскомъ гусарскомъ Его Величества короля Виртембергскаго полку. Въ ноябрѣ 1868 г. произведенъ въ полковники; въ мартѣ 1874—получилъ должность полкового командира 10-го уланскаго Одесскаго Его Высочества герцога Нассаускаго полка (впослѣдствіи 29-й драгунскій Одесскій полкъ). Во время турецкой войны (1877—78 гг.) находился въ составѣ войскъ Евпаторійскаго отряда и за отличіе, оказанное при бомбардированіи турецкою эскадрою гор. Евпаторіи, награжденъ мечами къ ордену св. Владиміра 3 ст. 20 апрѣля 1880 г. произведенъ въ генераль-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 3-й кавалерійской дивизіи. 1-го ноября 1889 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты, съ увольненіемъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей.

Послужной списокъ въ общемъ архивѣ главнаго штаба дѣло 3 ст., 8 отд. за 1889 г., № 653.

Н. З.

Ждановъ, Евгений Александровичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ военно-топографическаго отдѣла Кавказскаго военнаго округа. Происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. Родился 19 февраля 1839 г., умеръ въ 1892 году. Воспитывался въ Новгородскомъ графа Аракчеева кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ 16 іюня 1856 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Павловскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ Михайловской артиллерійской академіи. По окончаніи курса наукъ, въ 1858 г., произведенъ въ поручики съ переводомъ въ 21 артиллерійскую бригаду. Въ 1860 г. окончилъ курсъ Николаевской академіи генеральнаго штаба по геодезическому отдѣленію. За отличные успѣхи въ наукахъ произведенъ въ штабъ-капитаны и переведенъ въ генеральный штабъ. 18 декабря 1862 г. назначенъ состоять при военно-топографическомъ депо, а въ слѣдующемъ году

былъ командированъ на Кавказъ для усиленія работъ по триангуляціи Сѣвернаго Кавказа. Въ августѣ 1867 г. получилъ назначеніе на должность помощника начальника военно-топографическаго отдѣла Кавказскаго военнаго округа. Въ 1870 г. производилъ топографическую съемку Бессарабской области; въ 1875—для той же цѣли былъ командированъ въ Восточную Болгарію. Въ 1881 году пожалованъ въ генераль-маіоры и назначенъ начальникомъ топографической съемки западнаго пограничнаго пространства. Съ 11 апрѣля 1886 г. до 16 ноября 1892 г. занималъ должность начальника военно-топографическаго отдѣла Кавказскаго военнаго округа, а затѣмъ, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ отъ службы, съ производствомъ въ генераль-лейтенанты.

Послужной списокъ въ общемъ архивѣ главнаго штаба, дѣло за 1892 г., № 546 (3 ст. 8 отд.).

Ждановъ, Семенъ Романовичъ, тайн. сов., сенаторъ, по происхожденію дворянинъ, родился въ 1803 г., умеръ 5 ноября 1865 г. Получивъ домашнее образованіе, Ж. поступилъ на службу 1 окт. 1817 г. канцеляристомъ въ Елизаветградскій земскій судъ, а черезъ два года перемѣщенъ былъ въ Херсонское губернское правленіе съ откомандированіемъ въ канцелярію гражданскаго губернатора. Въ 1824 г. онъ вышелъ въ отставку, но мѣнѣе чѣмъ черезъ годъ опять вступилъ въ службу, уже по министерству юстиціи. Здѣсь онъ довольно быстро сталъ подвигаться впередъ и въ 1829 г., уже въ чинѣ коллежскаго ассессора, былъ переведенъ въ Западную Сибирь „Тобольскимъ казенныхъ дѣлъ стряпчимъ“, а немного поздѣе — утвержденъ исправляющимъ должность совѣтника и начальника отдѣленія главнаго управленія Западной Сибири. Въ 1834 г. Ж. былъ уволенъ отъ этой должности и тогда же перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій. Черезъ два года онъ былъ перемѣщенъ правителемъ канцеляріи Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго генераль-губернатора, а въ 1840 г.—назначенъ начальникомъ 1-го отдѣленія департамента „полиціи исполнительной“. Въ слѣдующемъ году его назначили состоять при упра-

влявшемъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютантъ графъ Строгановъ, съ которымъ онъ отправился въ командировку въ губерніи, постигнутыя неурожаемъ. За успѣшно исполненныя возложенныя на него гр. Строгановымъ порученія Ж. былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Спустя три года онъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи С.-Петербургскаго военнаго генераль-губернатора, а съ перемѣной штата—переименованъ въ управляющіе этой же канцеляріи. 7 апрѣля 1846 г. „во вниманіе къ отлично усердной службѣ“ Ж. былъ произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники. Со слѣдующаго года Ж. принимаетъ дѣятельное участіе послѣдовательно въ цѣломъ рядѣ комитетовъ, какъ, напримѣръ, учрежденномъ для принятія мѣръ противъ холеры въ С.-Петербургѣ, попечительнаго общества тюрьмахъ, для призрѣнія нищихъ. Въ 1855 г. Ж. былъ, согласно его желанію, уволенъ отъ должности управляющаго канцелярією С.-Петербургскаго военнаго генераль-губернатора съ назначеніемъ вице-президентомъ комитета для разбора и призрѣнія нищихъ. Но въ томъ же самомъ году онъ оставилъ эту должность, такъ какъ получилъ новое назначеніе—директоромъ департамента полиціи исполнительной. 1 января 1858 г. — былъ награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника. Затѣмъ онъ опять выступаетъ въ качествѣ дѣятельнаго члена различныхъ комитетовъ: комитета для пересмотра нормальныхъ кондицій на содержаніе почтовыхъ станцій, комитета о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Въ этомъ же году ему повелѣно быть членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ 1862 г. на него было возложено предсѣдательство въ особой комиссіи, учрежденной при томъ же министерствѣ, по пересмотру устава о паспортахъ и въ комиссіи для изслѣдованія злоупотребленій въ воскресныхъ школахъ. Тогда же онъ былъ назначенъ и членомъ комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ князя А. О. Голицына. Черезъ годъ ему было поручено предсѣдательство въ главной слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ въ Казани, откуда онъ опять вернулся въ комиссію кн. Голицына. 19 апрѣля 1864 г. Ж. былъ назначенъ къ присутствованію

въ правительствующемъ сенатѣ, а осенью того же года — командированъ въ Сибирскую губернію для разслѣдованія дѣла о пожарахъ, — почти истребившихъ тогда этотъ городъ. Возвращаясь изъ этой командировки въ С.-Петербургъ Ж. скоропостижно умеръ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Дѣло Министерства Юстиціи 1865 г., № 5733. Формулярный списокъ о службѣ.—Иллюстр. газета 1865 г., № 47.—Московскія Вѣдомости 1865 г., №№ 255 и 262.—Сибирскія Губ. Вѣдомости 1865 г., № 73.

М. Василевская.

Ждановичъ, Антонъ Никитичъ, полковникъ, Кіевскій и генеральный судья, одинъ изъ видныхъ сподвижниковъ Богдана Хмѣльницкаго. Первое упоминаніе о Ждановичѣ относится къ 1649 году, когда послѣ новаго дѣленія Украины на полки, онъ занималъ урядъ Кіевского полковничества. У Хмѣльницкаго Ж. пользовался большимъ значеніемъ и, отличаясь дипломатическими способностями, нерѣдко отправляемъ былъ имъ посланцемъ къ иностраннымъ дворамъ. Такъ, въ концѣ 1650 года онъ ѣздилъ въ Константинополь благодарить падишаха за обѣщанную помощь Хмельницкому противъ поляковъ, а въ слѣдующемъ году послѣ пораженія брацлавскаго полковника Печая подъ Краснымъ и вслѣдствіе вновь начавшихся непріязненныхъ дѣйствій между казаками и поляками, былъ посланъ туда же просить о присылкѣ помощи. Оба эти порученія исполнены были Ж. успѣшно. Одно время Ж. былъ со своимъ полкомъ въ Чернобыль (на правомъ берегу Днѣпра) для защиты края отъ литовцевъ подъ начальствомъ Радзивилла. Узнавъ о пораженіи Гаркуши на р. Ирпени, онъ собрался вступить въ бой съ литовцами, но былъ остановленъ митрополитомъ Сильвестромъ и печерскимъ архимандритомъ, убѣдившимъ его, что легче спасти Кіевъ, его церкви и жителей отъ разгрома, вымоливши пощаду у Радзивилла, чѣмъ надѣяться на успѣхъ сраженія. Кіевъ былъ занятъ Радзивилломъ безъ боя. Узнавъ объ уходѣ Ж. изъ-подъ Кіева, Хмельницкій остался этимъ очень недоволенъ, послалъ Кіевскому полковнику строгій выговоръ за самовольство и угрожалъ войсковою карою. Получивъ отъ гетмана въ помощь къ своему полку еще два (бѣлоцерков-

скій и уманскій), Ждановичъ рѣшилъ освободить Кіевъ отъ литовцевъ и съ этою цѣлью вошелъ въ тайныя сношенія съ кіевлянами и составилъ планъ погубить непріятельское войско. Одинъ изъ его помощниковъ, Мозыра, долженъ былъ пойти къ Днѣпру и зажечь литовскіе байдаки; другой (Гаркуша) былъ отправленъ имъ идти по правому берегу рѣки, чтобы затѣмъ ударить на старый городъ, самъ Ждановичъ предполагалъ плыть вверхъ по Днѣпру и пристать къ берегу противъ города въ тотъ самый моментъ, когда Гаркуша нападетъ на Кіевъ съ противоположной стороны. Съ началомъ сраженія горожане должны были зажечь свои дома, дабы этимъ увеличить смятеніе литовцевъ и не предать въ ихъ руки своего имущества. Этотъ сложно задуманный планъ Ждановича не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе ослушанія Мозыра. Самъ Ждановичъ былъ принужденъ отступить отъ Печерскаго монастыря. Хмельницкій послѣ этого вступилъ съ поляками въ переговоры и заключилъ съ ними въ сентябрѣ 1651 года Блѣоцерковскій трактатъ. Однако, вскорѣ между обѣими сторонами стали возникать недоразумѣнія, повлекшія за собой и столкновенія. Для разрѣшенія недоразумѣній и производства суда надъ нарушителями трактата, по мысли короля, была составлена особая коммиссія, куда Хмельницкимъ былъ назначенъ Ждановичъ въ качествѣ депутата съ казацкой стороны. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ этой коммиссіи было приговореніе къ смертной казни такихъ видныхъ казаковъ, какъ Мозыра, Хмелецкій, Гладкій и Гуляницкій.

Вскорѣ, однако, бесплодность Блѣоцерковскаго трактата, стала очевиднымъ, и между казаками и поляками вновь возгорѣлась война, поводомъ къ которой послужило сватовство сына гетмана къ дочери молдавскаго господара Лупулы. Послѣ рады подъ Тарнополемъ (въ іюнь 1653 года) гетманъ рѣшилъ вступить съ поляками въ переговоры и съ этой цѣлью отправилъ Ждановича въ Варшаву. Прибытіе сюда Ждановича совпало съ тѣмъ моментомъ, когда поляки были увѣрены въ благополучномъ исходѣ войны. Онъ не былъ допущенъ къ королю, и ему пришлось вести переговоры съ гетманомъ Потоцкимъ. Ждановичъ при-

везъ съ собою прошеніе казаковъ о сохраненіи въ силѣ Зборовскаго договора, неприкосновенности церквей и монастырей и уничтоженіи униі. Исполняя тайный приказъ гетмана, Ждановичъ говоритъ, что Хмельницкій хочетъ отдаться подъ власть турокъ, но что казаки хотятъ быть подъ властью короля при условіи, однако, сохраненія Зборовскаго договора. Своими требованіями Ждановичъ возбудилъ въ Потоцкомъ и обружавшей его шляхтѣ бурю негодованія и едва не подвергся оскорбленію со стороны Потоцкаго. Хитрость Хмельницкаго была понята, и Ждановичъ получилъ отвѣтъ, что миръ съ казаками можетъ быть только въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ союза съ татарами, задержатъ чауша, присланнаго Портою, и выдадутъ Хмельницкаго. вмѣстѣ съ тѣмъ Ждановичъ, несмотря на протесты и убѣжденія, былъ задержанъ въ Варшавѣ. Отсюда онъ былъ переведенъ затѣмъ въ войско Радзивилла, плѣнникомъ котораго былъ до начала 1654 года. Съ этихъ поръ Ждановичъ уже перестаетъ быть Кіевскимъ полковникомъ, а мѣсто его занимаетъ, сперва въ качествѣ наказнаго полковника, Павелъ Яненко - Хмельницкій. По возвращеніи изъ плѣна Ждановичъ былъ короткое время чигиринскимъ полковникомъ, а съ осени 1656 г. упоминается уже какъ генеральный судья. Занимая этотъ урядъ, Ждановичъ въ концѣ 1656 года былъ отправленъ Хмельницкимъ въ качествѣ наказнаго гетмана съ двѣнадцатю тысячами войска въ походъ на помощь седмиградскому князю Ракочи, въ союзъ съ которымъ находились тогда Украина и Швеція. Союзное войско достигло Варшавы, но этимъ успѣхъ его и закончился, такъ какъ въ это время шведскій король поклянулъ Ракочи и во владѣнія послѣдняго вторглись австрійскія войска. Походъ казаковъ подъ начальствомъ Ждановича вызвалъ въ Москвѣ сильное неудовольствіе противъ гетмана, и къ нему въ началѣ іюня 1657 г. прибыли послы съ выговоромъ и требованіемъ объясненія цѣли посылки войска на помощь Ракочи. Посламъ былъ данъ отвѣтъ, что Ждановичъ ходилъ въ Польшу вовсе не для того, чтобы поддержать притязанія Ракочи на польскій престолъ, а для того, чтобы „поляки не воевали

подданныхъ его царскаго величества“; но почти одновременно съ ними прибыли къ Хмельницкому и польскіе комиссары для установленія съ нимъ договора. Они должны были добиться разрыва союза казаковъ съ Ракочи и шведами и послыки казаковъ на помощь полякамъ. Хмельницкій, удовлетворяя якобы ихъ желанію, немедленно послалъ Ждановичу приказъ оставить Ракочи подъ страхомъ наказанія и объяснилъ комиссарамъ, что Ждановичъ дѣйствуетъ самовольно. Ракочи, получивъ извѣстіе о вступленіи австрійцевъ въ его владѣнія, сталъ спѣшно отступать, но подъ Меджибожемъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ поляками. Казаки, бывшіе вмѣстѣ съ войсками трансильванскаго князя, взбунтовались противъ Ждановича и заявили, что они не хотятъ воевать изъ-за предоставленія польскаго престола Ракочи, тѣмъ болѣе, что походъ этотъ предпринять противъ воли московскаго государя. Возбужденіе казаковъ было настолько сильно, что они грозили убить Ждановича и самовольно разошлись. Ракочи, попавъ въ безвыходное положеніе, заключилъ съ поляками миръ, а Ждановичъ вернулся въ Украину. Въ августѣ 1657 года онъ уже находился въ Кіевѣ.

По смерти Хмельницкаго Ждановичъ сталъ на сторону Выговскаго, который высоко цѣнилъ его услуги. Такъ, напр., Выговскій предполагалъ послать его вмѣстѣ съ Павломъ Тетерею (въ іюнь 1658 г.) на Виленскую комиссію, которая должна была собраться для рѣшенія вопроса о предоставленіи польской короны Алексѣю Михайловичу. По изложеніи Выговскаго, Ждановичъ остался ему вѣренъ и ушелъ въ Польшу. Въ статьяхъ Юрія Хмельницкаго (января 1659 г.) о немъ говорится, какъ объ одномъ изъ главныхъ „совѣтниковъ“ Выговскаго; въ этихъ статьяхъ было постановлено подъ страхомъ смертной казни тѣмъ „которіи были въ совѣтѣ съ измѣнникомъ Ивашикомъ Выговскимъ, по вѣкъ живота въ радѣ войсковою и въ секретной и въ урядѣ ни въ какомъ не быть“. Последній разъ Ждановичъ упоминается въ началѣ 1660 года. Въ это время гетманъ Потоцкій вмѣстѣ съ Выговскимъ и татарскою ордою осадилъ Могилевъ, въ которомъ находился гарнизонъ изъ восьми тысячъ казаковъ, признававшихъ гетманомъ Юрія Хмельниц-

каго. Но приступъ поляковъ отразили подольскій полковникъ Гоголь и миргородскій Кирило Андреевъ, прогнавшіе поляковъ изъ-подъ Могилева съ большимъ урономъ и взявшіе въ плѣнъ бывшаго въ польскомъ войскѣ Ждановича. На этомъ и обрываются о немъ свѣдѣнія. Народъ сохранилъ память о Ждановичѣ въ думѣ на смерть Хмельницкаго, гдѣ онъ называется его Антономъ Волочаемъ.

Памятники, изданные Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ, III, отд. 3, стр. 53, 387, 470; Величко, Лѣтопись, ч. I, стр. 136, 282, 300, 416; Грабянка, Лѣтопись, стр. 94, 106, 146, 151, 266; Лѣтопись Самовидца, стр. 47, 228, 232, 246; Реестра 1649 г., изданные Бодянскимъ, стр. 198; Н. Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, С.-Пб. 1904, стр. 380, 385, 440, 441, 453, 454, 488, 523, 524, 530, 572, 576, 616, 618, 622, 625, 631, 633—36; А. Стороженко, Мѣстечко Борисполе, въ XVII вѣкѣ, Кіевъ 1892, стр. 53; Н. Костомаровъ, Гетманство Выговскаго, С.-Пб. 1862, стр. 5, 16; В. Эйнгорнъ, Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, М. 1899, стр. 42, 43; Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Кіевъ 1903, стр. 177; М. Максимовичъ, Собраніе сочиненій, т. I, Кіевъ 1876, стр. 224, 235—36, 403, 407, 425, 665—67, 675, 704; Кіевская старина 1882 г., т. III, стр. 144, т. IV, стр. 369; 1885 г., т. XIII, стр. 666—667; Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. IV, стр. 6—7, 54, 267, 273; т. VII, стр. 242, 317, 319; Черниговская лѣтопись по новому списку, стр. 81. Сборникъ лѣтописей, Кіевъ, 1888, стр. 12, 16, 17, 166, 265.

В. Гартскій.

Жебелевъ, Григорій Ивановичъ, артистъ Императорскихъ театровъ, современникъ Яковлева и Плавильщикова, родился въ 1766 г., умеръ 6 сентября 1857 г. въ Петербургѣ. Ж. былъ сынъ небогатаго купца г. Верей. Онъ не получилъ въ дѣтствѣ никакого образованія и лишь научился немного читать и писать. Онъ былъ еще мальчикомъ, когда отецъ отвезъ его сначала на Украину и приставилъ къ продажѣ водки, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ отдалъ „въ мальчики“ къ винному торговцу. Здѣсь у Ж. пробудилась охота къ чтенію, перешедшая вскорѣ въ страсть. Затѣмъ слѣдуетъ служба Ж. на посылкахъ у нотариуса, сидѣльцемъ въ винномъ магазинѣ брата, разсыльнымъ мальчикомъ у портного. Последняя служба давала ему возможность посѣщать только что отстроившійся тогда

(въ 1770-хъ гг.) Каменный театрЪ. Ж. все больше и больше увлекался сценой; заучивалъ роли и цѣлыя пьесы, причѣмъ старался подражать видѣннымъ имъ актерамъ; его завѣтной мечтой стало поступленіе на сцену. Скопивъ денегъ, онъ вмѣстѣ съ братомъ открылъ шляпный магазинъ. По сосѣдству находилась галантерейная лавка, въ которой сидѣльцемъ былъ А. С. Яковлевъ, извѣстный впоследствии трагикъ. Ж. близко сошелся съ нимъ, и они вмѣстѣ отдавались общему для нихъ увлеченію театромъ. Ж., послѣ многихъ усилій, удалось, наконецъ, поступить на Московскую Императорскую сцену—когда именно, установить трудно; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ 1804 г. онъ уже пользовался значительной извѣстностью въ театральномъ мѣрѣ. Объ этомъ можно судить по слѣдующему факту; когда, въ концѣ 1804 г., Петербургскій драматическій театръ готовился съ большою торжественностью къ первому представленію трагедіи Озерова: „Эдипъ въ Афинахъ“, Ж. былъ специально выписанъ изъ Москвы для исполненія роли Полнишка. Первый дебютъ Ж. въ Петербургѣ состоялся 9 ноября 1804 г. въ „Магометѣ“, въ роли Сенда и Ж. имѣлъ успѣхъ. Съ этого времени онъ навсегда остался на Петербургской сценѣ. Между тѣмъ труппа дѣятельно репетировала „Эдипа въ Афинахъ“. Озеровъ, постоянно присутствовавшій на репетиціяхъ и поправлявшій актеровъ, говорилъ Ж. съ улыбкой: „А вамъ мнѣ нечего замѣтить. Вы такъ появили и съ такимъ жаромъ читали, какъ бы находились при мнѣ, когда я писалъ монологи Полнишка“ 23 ноября состоялось первое представленіе „Эдипа въ Афинахъ“ и Ж. имѣлъ въ немъ большой успѣхъ. Въ теченіе долгаго затѣмъ времени Ж. пользовался любовью и вниманіемъ публики. Онъ прекрасно игралъ какъ роли „злѣдѣвъ и хитрыхъ интригановъ“, такъ и комическія роли (особенно хорошъ онъ былъ въ роли француза Трише въ комедіи Крылова „Модная лавка“). Изъ обширнаго репертуара Ж. укажемъ еще слѣдующія пьесы: „Разбойники“ Шиллера (роль Франца Моора). „Карлъ XII при Бендерахъ“ (роль лукаваго Лассера), комедія Загоскина „Богатоновъ, или Провинціалъ въ столицѣ“ (роль плута-француза), драма „Сила

клятвы“ (роль Дюль-Карла) и друг. Въ 1826 г. престарѣлый Ж. окончательно покинулъ сцену, причѣмъ дирекціей театровъ ему была назначена пенсія. Умеръ онъ болѣе чѣмъ девяносто лѣтъ отъ роду. Какъ человекъ, Ж. отличался кроткимъ и добродушнымъ нравомъ. Послѣ себя онъ оставилъ интересные записки о своей жизни, часть которыхъ была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1857 г. № 200.

П. Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“, С.-Пб. 1861 г., стр. 167, 168, 173, 200, 207, 211, 223, 234, 253, 267, 299, 356; „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1857 г., № 200, фельетонъ („Петербургская лѣтопись“; „Историч. Вѣстникъ“ 1890 г., т. XXXIX, стр. 233 („Записки русск. людей“; Энциклопедич. словарь, Брокгаузъ-Ефронъ; Большая Энциклопедія, Т-ва „Прогрессъ“.

В. Г

Желтухинъ, Василій Романовичъ, генераль-отъ-инфантеріи; б. начальникъ 31-й пѣхотной дивизіи. Родился 5 Апр. 1823 года. Умеръ въ 1889 г. Происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи. Воспитывался въ Дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское военное училищѣ), изъ котораго выпущенъ 8 авг. 1842 г. прапорщикомъ въ л.-тв. Литовскій полкъ. Здѣсь онъ прослужилъ около пятнадцати лѣтъ. Во время Венгерскаго мятежа (1849) участвовалъ въ походѣ гвардіи къ западнымъ предѣламъ Имперіи, а въ Восточную войну (1853—56 гг.) находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ побережье С.-Петербургской губерніи и Выборгскаго у. Въ 1863 и 1864 гг. находился въ составѣ войскъ Варшавскаго военнаго округа, принималъ участіе въ сраженіяхъ и за отличіе награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ, а потомъ получилъ назначеніе на должность командира 13 пѣхотнаго Бѣлозерскаго Его Королевскаго Высочества герцога Гессенскаго полка, съ которымъ и оперировалъ въ Царствѣ Польскомъ вплоть до полного умпротворенія края. Въ 1869 г. былъ произведенъ въ генераль-майоры; вслѣдъ за тѣмъ ему была ввѣрена 7-я резервная пѣхотная дивизія. По расформированіи ея онъ состоялъ при командующемъ войсками Варшавскаго военнаго округа (1878). Наконецъ въ 1879 г. состоялось послѣд-

нее его назначеніе—начальникомъ 31-й пѣхотной дивизіи. Въ продолженіи свыше десятилѣтняго командованія этой дивизіей В. Р. неоднократно командовалъ 10-мъ армейскимъ корпусомъ. 16 декабря 1889 г. былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, съ увольненіемъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей.

Послужной списокъ въ Общемъ архивѣ главнаго штаба, дѣло за 1889 г., № 761 (3 ст. 8 отд.).

Желтухинъ, Владиміръ Петровичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, родился 23-го января 1798 года и, рано лишившись отца, былъ отданъ въ горный корпусъ, изъ котораго шестнадцати лѣтъ, въ 1814 году, поступилъ подпрапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій (нынѣ Московскій) полкъ, состоявшій въ Варшавскомъ отрядѣ подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича. Въ 1828 г. произведенъ въ капитаны. Во время польскаго возстанія онъ командовалъ ротой Его Высочества и, спасшись случайно въ ночь на 17 ноября отъ расправы мятежниковъ, сопровождалъ Цесаревича въ с. Вержбу, куда была перенесена его главная квартира, а затѣмъ и въ Россію. 27 января 1831 года Владиміръ Петровичъ въ составѣ войскъ гвардейскаго отряда, снова перешелъ границу Польши и во все время кампаніи состоялъ въ резервѣ арміи фельдмаршала Дибича-Забалканскаго. 22 іюня, по смерти Цесаревича, былъ командированъ въ Витебскъ для сопровожденія тѣла Его Высочества въ С.-Петербургъ, а потомъ былъ отправленъ въ Несвижъ для привода формирувавшагося тамъ резерва л.-гв. Литовскаго полка, съ которымъ и прибылъ въ столицу въ январѣ 1832 года. Въ томъ же году за участіе въ польской кампаніи Желтухинъ получилъ чинъ полковника. Въ 1836 году Владиміръ Петровичъ просилъ объ увольненіи въ отставку, но вмѣсто того получилъ назначеніе флигель-адъютантомъ къ Его Величеству и увольненіе въ отпускъ за границу, съ сохраненіемъ получаемаго содержанія. 6 декабря 1840 года произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять при 3 гвардейской пѣхотной дивизіи, и вскорѣ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба 1 пѣхотнаго

корпуса. Прослуживъ въ этой должности слишкомъ 11 лѣтъ, онъ получилъ 36 Высочайшихъ благоволеній, нѣсколько орденновъ и 2000 десятинъ земли, заслужилъ полное довѣріе и справедливую оцѣнку своей дѣятельности со стороны ближайшаго начальства. Начальникъ штаба арміи князь Горчаковъ по поводу новой просьбы Владиміра Петровича объ увольненіи отъ службы, писалъ ему, что главнокомандующій проситъ его перемѣнить свое намѣреніе, добавилъ съ своей стороны искренній совѣтъ „не оставлять поприща, гдѣ въ будущемъ представляется возможность быть истинно полезнымъ службѣ“. Въ 1848 году, по ходатайству фельдмаршала Паскевича, Желтухину было предложено занять мѣсто директора 1 Московскаго кадетскаго корпуса, но по случаю предстоявшей венгерской кампаніи, В. П. вынужденъ былъ отказаться отъ столь выгоднаго для него по семейному положенію мѣста. 3 апр. 1849 года Владиміръ Петровичъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1851 году сначала состоялъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, а потомъ назначенъ директоромъ Александровскаго сиротскаго кадетскаго корпуса, откуда вскорѣ перемѣщенъ на ту же должность въ 1 Московскій кадетскій корпусъ.

Съ этого времени начинается его педагогическая дѣятельность. Въ 1 Московскомъ кадетскомъ корпусѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память. Въ школу казармы онъ внесъ семейныя начала; горячо любилъ дѣтей, изгналъ тѣлесныя наказанія, никого не исключалъ изъ корпуса, но старался дѣйствовать на дурныхъ воспитанниковъ вліяніемъ хорошей среды. 21 іюля 1854 г. В. П. получилъ новое назначеніе—директоромъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса. Управляя кадетскимъ, а затѣмъ пажескимъ корпусами, онъ въ то же время командовалъ отрядами военно-учебныхъ заведеній въ Коломенскомъ и Петергофскомъ лагеряхъ, представляя эти части всегда въ отличномъ состояніи. 30 августа 1861 года назначенъ членомъ совѣта и инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній и въ октябрѣ того же года зачисленъ въ списки пажескаго корпуса, съ предоставленіемъ права носить присвоенный этому заведенію мундиръ. Въ 1862 году, за отсутствіемъ Его Импера-

торскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, исправляя должность главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. По обязанности инспектора онъ ежегодно производилъ объѣзды военно-учебныхъ заведеній и два раза по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ для производства слѣдствій по случаю безпорядковъ въ 1 Московскомъ и Кіевскомъ кадетскихъ корпусахъ. Въ январѣ 1863 года назначенъ членомъ военнаго совѣта и инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній, въ каковой должности и состоялъ до конца своей жизни. 30 августа 1865 года произведенъ въ генералы отъ-инфантерій. Въ 1866 году Владиміръ Петровичъ праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей службы въ офицерскихъ чинахъ. Государь Императоръ пожаловалъ ему на 12 лѣтъ аренду по 3500 рублей ежегодно, и Высочайше повелѣть соизволилъ зачислить его въ списки л.-гв. Литовскаго полка, въ которомъ чествуемый юбиляръ началъ свою службу.

Владиміръ Петровичъ дожилъ до глубокой старости. Но глубокая печаль ускорила развязку съ жизнью. Лишившись своихъ двухъ сыновей, онъ скончался 15 февраля 1878 года на 81 году отъ рожденія.

Имѣлъ всѣ русскіе ордена до св. Владимира 1-й ст. включительно.

Послужные списки: въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства, дѣло 1878 г., № 28; въ общемъ архивѣ главнаго штаба, кн. за 1862 г., № 811; въ Московск. отд. общ. арх. гл. шт., кн. за 1853 г., № 15531. „Дворянскіе роды“, гр. А. Бобринскій, ч. I. „Русская Родословная книга“, т. I, кн. А. Лобановъ-Ростовскій. „Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ“, ч. 3. Энциклопед. словарь Брокгаузъ и Эфронъ, т. 22. Некрологъ, „Русскій Инвалидъ“, 1878 г., № 81. Свита Императора Николая I-го, стр. 60.

Желтухинъ, Петръ Теодоровичъ, генералъ-лейтенантъ; полномочный предсѣдатель диванаго княжества Молдавіи и Валахій и Кіевскій военный губернаторъ. Родился въ 1777 году. Умеръ въ 1829 г. Воспитывался дома и, по обычаю своего времени, еще семилѣтнимъ ребенкомъ былъ записанъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Въ 1797 г. произведенъ въ прапорщики. Во время похода въ Австрію противъ Французовъ (въ 1805 г.), уже

въ чинѣ капитана, находился въ составѣ дѣйствующей арміи, участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ и за отличіе былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью „за храбрость“. Въ 1806 г. произведенъ въ полковники. Въ кампанію 1807 г. находился въ Пруссіи, былъ раненъ подъ Фридрихсгофомъ и получилъ орденъ св. Георгія 4 класса и прусскій *Pour le merite*. Съ 1808 по 1810 гг. былъ въ Финляндіи и ходилъ на Аландскіе острова. Во время Отечественной войны, состоя въ л.-гв. Гренадерскомъ полку, сражался съ французами при Смоленскѣ, Бородинѣ, Тарутинѣ, Малоярославцѣ и Красномъ. За Бородинское дѣло произведенъ въ генералъ-майора, а за дѣло подъ Краснымъ получилъ третью степень Георгія. Заграничная кампанія доставила ему вторую золотую шпагу съ надписью „за храбрость“, украшенную алмазами, орденъ св. Анны 1 ст., той же степени съ алмазными украшеніями и прусскій Краснаго Орла 2 ст. Съ 1 декабря 1821 г. по 29 марта 1823 г. состоялъ въ должности начальника штаба гвардейскаго корпуса, а потомъ около двадцати мѣсяцевъ состоялъ въ свитѣ Его Императорскаго Величества; въ концѣ 1824 г. за ранами былъ уволенъ отъ службы. Въ началѣ 1826 г. ему поручено было произвести подробный осмотръ Казанскаго университета. Ревизія продолжалась ровно мѣсяць (съ 8 Января по 8 Февраля) и дала прекрасные результаты. Желтухинъ оказался на высотѣ своего призванія. Система борьбы „съ духомъ вольнодумства и лжемудрія“, стремившимся проникнуть въ стѣны университета, введенная Магницкимъ, подверглась съ его стороны самому безошадному осужденію. Университетское начальство, — такъ пишетъ Желтухинъ въ своемъ донесеніи — постановило себѣ правиломъ внушить студентамъ преимущественно уваженіе къ церкви. Но если при семъ принять въ соображеніе бывшія въ разное время предписанія: что бы студенты при вступленіи въ университетъ имѣли непременно библию; чтобы предъ завтракомъ и ужиномъ читались молитвы по каноннику; чтобы во время самыхъ завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ одинъ изъ студентовъ дѣлалъ чтеніе изъ библии и иныхъ христіанскихъ книгъ; чтобы проступившіеся

воспитанники назывались грѣшниками, отдавались на руки духовнику, который ихъ увѣщаетъ, исповѣдуетъ и удостоиваетъ св. тайнъ, чтобы во время сего исправленія возносились общія молитвы товарищами и ихъ начальства объ обращеніи грѣшниковъ; если, наконецъ, допустить, что всѣ сии правила, приличныя самымъ строгимъ монастырскимъ обителямъ, исполняются въ точности питомцами университета: въ такомъ случаѣ, можно имѣть справедливыя опасенія, чтобы въ сихъ молодыхъ людяхъ не укоренилось лицемѣріе, столь пагубное, подъ личиною благочестія скрывающее многіе пороки, вредные для благосостоянія гражданскихъ обществъ". Упомянувъ о карцерѣ для провинившихся студентовъ, о желѣзныхъ рѣшеткахъ, распятіи и изображеніи страшнаго суда, Желтухинъ говоритъ: „Войдите въ разсмотрѣніе, какое впечатлѣніе должна имѣть на пылкій умъ молодого человѣка, вся эта обстановка, среди которой ожидаетъ онъ духовника для увѣщанія! Не справедливо ли, что подобный порядокъ свойствененъ болѣе монастырю, нежели учебному заведенію? не справедливо ли, что онъ можетъ истребить послѣднюю нравственность или породить лицемѣривъ? Магницкій энергично защищалъ себя и свою систему, даже прибѣгалъ къ несовѣтмъ благовиднымъ способамъ лишь бы очернить ревизора, но всетаки въ концѣ концовъ не могъ устоять и долженъ былъ удалиться въ отставку. 12 января 1827 г. Желтухинъ снова поступилъ на службу и зачисленъ въ свиту Его Императорскаго Величества, съ производствомъ въ генераль-лейтенанта и назначенъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1829 г. былъ назначенъ полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи.

Важныя заслуги оказалъ княжествамъ своими разумными распоряженіями и личнымъ самоотверженіемъ во время бывшей тамъ чумы. Во время турецкой кампаніи (1828 — 29 гг.) — проявилъ неусыпную дѣятельность по устройству мостовъ и переправъ, а также по доставленію для арміи продовольствія и снарядовъ. Въ началѣ октября 1829 г. Желтухинъ подвергся жестокой лихорадкѣ, которая подъ конецъ перешла въ горячку и 11 декабря его не стало. Черезъ два дня были

устроены со всѣми подобающими почестями похороны.

Формулярный списокъ въ Московскомъ отдѣленіи обдаго архива Главнаго штаба, кн. за 1827 г. № 8364. Русскій Энцикл. слов. Березина, Энцикл. слов. Брокгаузъ и Эфронъ. Настольн. энцикл. слов. Граната. Дворянскіе роды, гр. А. Бобринскій. Русская родословная книга, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ. Воспоминаніе В. И. Панаева, „Вѣстникъ Европы“ №№ 3 и 4. Въ статьѣ Феоктистова о Магницкомъ, „Русскій Вѣстникъ“, 1864 г., №№ 6—8. Некрологи „Московск. Вѣдомости“, 1829 г., № 96 и „Сѣверная Пчела“, 1829 г., № 135. Историческая записка о 1-й казанской гимназіи, В. Владиміровъ.

Н. З.

Желтухинъ, Сергій Ѳеодоровичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ 12 пѣхотной дивизіи. Родился въ 1779 г. Умеръ 2 іюня 1833 г. Съ 1784 г. числился въ л.-гв. Измайловскомъ полку, въ который былъ записанъ, по обычаю своего времени, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, имѣя 5 лѣтъ отъ роду. Въ началѣ 1797 г. былъ произведенъ въ прапорщики и вступилъ на дѣятельную службу, а въ 1798 г. — пожалованъ въ флигель-адъютанты къ Его Императорскому Величеству, съ производствомъ въ подпоручики. Въ 1805 г., уже въ чинѣ полковника, находился въ походѣ въ Австрію, противъ французовъ, участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Во время кампаніи 1807 г. командовалъ 1 баталіономъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Константина Павловича, сражался съ французами подъ Фридландомъ, гдѣ былъ раненъ (подъ конецъ сраженія) въ ногу картечью. За боевыя отличія получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. и прусскій Pour le merite. 29 мая 1808 г. назначенъ командиромъ Сибирскаго Гренадерскаго полка, съ которымъ (въ 1809 г.) отправился въ дѣйствующую противъ турокъ армію, по переправѣ черезъ Дунай, участвовалъ въ штурмѣ крѣпостей Журжи и Кладово, а затѣмъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ и особенно отличился при взятіи (15 марта 1810 г.) укрѣпленія на островѣ Ольмарѣ, гдѣ были захвачены всѣ непріятельскія знамена и пушки. За этотъ подвигъ Желтухинъ былъ пожалованъ Всемилодѣивѣйшимъ рескриптомъ. Переправясь, затѣмъ, снова на правый берегъ Дуная, Желтухинъ съ неболь-

шимъ отрядомъ взялъ крѣпость Орсову, захвативъ въ ней тринадцать орудій, а затѣмъ находился въ сраженіяхъ подъ Цибамы, Ловчею, и снова Журжею; въ сраженіи съ арміею великаго визиря по сю сторону Дуная (3 сентября и 27 ноября 1811 г.), командовалъ центральнымъ каре. Когда же начались переговоры съ турецкимъ правительствомъ, его наблюденію были ввѣрены все турецкіе плѣнники, взятые заложниками до окончанія переговоровъ; за отличіе въ этой кампаніи Желтухинъ получилъ чинъ генераль-майора. По заключеніи мира онъ былъ оставленъ, по волѣ главнокомандующаго, въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи для ликвидаціи дѣлъ и требованій выполненія трактата; причѣмъ засѣдалъ въ качествѣ старшаго члена въ диванѣ. Въ октябрѣ 1812 г. сдалъ отчетность и, возвративъ въ Россію, присоединился къ дѣйствующей арміи. По переходѣ русскихъ войскъ за границу былъ назначенъ командовать 10 пѣхотнымъ корпусомъ, а послѣ перемирія поступилъ подъ команду гр. Беннигсена. Во время „битвы народовъ“ подъ Лейпцигомъ, раненъ пулей въ ногу, но остался во фронтѣ, за что награжденъ орденомъ св. Анны 1 класса. Въ концѣ 1813 и въ началѣ 1814 гг. командовалъ пѣхотою корпуса генераль-адъютанта графа Строганова, которая была предназначена для осады кр. Гамбурга. По взятіи этой крѣпости присоединился къ корпусу барона Винценгероде. Въ февралѣ 1814 г. отличился въ сраженіяхъ при Краснѣ и Лаонѣ: а въ мартѣ — при взятіи Парижа. Во время Лаонскаго дѣла командовалъ своднымъ корпусомъ изъ 12 и 13 дивизій, причѣмъ дѣлъ ихъ двое сутокъ отбивался отъ непріятеля. Этимъ же корпусомъ командовалъ и подъ Парижемъ, и съ нимъ вмѣстѣ возвратился въ Россію. Орденъ св. Владиміра 2 ст., прусскій Краснаго Орла и шведскій—Меча, были ему наградами за боевыя отличія этихъ кампаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ закончилась и боевая дѣятельность Желтухина. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ онъ всецѣло отдался мирной строевой службѣ, занялся внутреннимъ усовершенствованіемъ ввѣренныхъ ему частей войскъ. Командуя до 1819 г. 3-й бригадою 22 пѣх. дивизіи, а затѣмъ занимая должности дивизионнаго начальника (13, 18 и 12

пѣх. дивизіи), онъ неизмѣнно пользовался Высочайшимъ вниманіемъ. Въ 1824 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Начальникомъ 12 пѣхотной дивизіи назначенъ 15 декабря 1825 г.

„Русская родословная книга“, кн. А. Лобановъ-Ростовскій. „Исторія Государевой свиты—18-й вѣкъ“, В. Квадри. Формулярн. списокъ въ Московск. отд. общаго архива главнаго штаба, кн. за 1829 г. № 9691.

Н. З.

Желтухинъ, Федоръ Николаевичъ. отставной контръ-адмиралъ. Родился въ 1824 году. Умеръ въ 1883 г. Въ 1842 г. произведенъ въ гардемарины. Въ 1848 г. крейсирова на фрегатѣ „Паллада“ подъ командою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, спасъ на Кронштадтскомъ рейдѣ двухъ утопавшихъ крестьянъ, и былъ награжденъ за это годовымъ окладомъ жалованья. Въ 1849 г., по случаю венгерскаго мятежа, въ (сухопутномъ) походѣ войскъ гвардіи къ западнымъ предѣламъ Имперіи, произведенъ въ лейтенанты. Во время Восточной войны 1854 и 1855 г. былъ въ кампаніи на Кронштадтскомъ рейдѣ и, командуя винтовой лодкой „Шкваль“, въ отрядѣ шести лодокъ, ходилъ за Толбухинъ маякъ, гдѣ сражался противъ 60-ти пушечнаго винтового фрегата и 2-хъ батарейныхъ пароходовъ англо-французскаго флота. Съ 1859—63 г., командуя влиперомъ „Набѣдникъ“, совершилъ кругосвѣтное путешествіе къ устью рѣки Амура; въ 1874 г. назначенъ былъ командиромъ 1 флотскаго Его Императорскаго Величества экипажа; въ 1879 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и уволенъ отъ службы.

Общій морской списокъ, ч. X, стр. 126. „Морской Сборникъ“ 1861 г., № 7; 1862, № 4 и 1863, № 9.

Н. З.

Желѣзниковъ, Петръ Семеновичъ, майоръ, преподаватель Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, писатель: учился (въ 1780-хъ гг.) въ томъ же Корпусѣ, во времена директорства извѣстнаго педагога графа Ангальта, былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и отличался, какъ актеръ, на сценѣ корпуснаго театра,—нерѣдко въ присутствіи Императрицы Екатерины II. Еще будучи кадетомъ, онъ перевелъ, съ французскаго

языка „Приключенія Телемака, сына Улисса“, Фенелона; переводъ этотъ былъ поднесенъ Императрицѣ, которая щедро наградила переводчика, приказала напечатать книгу на казенный счетъ (Спб., 1788—1789, 2 части) въ пользу автора и ввести, какъ классную книгу, во всѣ учебныя заведенія. Переводъ этотъ вышелъ въ 1804—1805 г., въ Петербургѣ, 2-мъ изданіемъ. Съ 1790-хъ годовъ Ж. преподавалъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ русскій языкъ и (въ первыхъ трехъ верхнихъ классахъ) литературу; по словамъ его ученика, Ѳ. В. Булгарина, Ж. „зналъ русскій языкъ основательно и притомъ былъ весьма силенъ въ языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ“; онъ „объяснялся чрезвычайно хорошо и читалъ и декламировалъ превосходно“, былъ вообще человѣкъ со вкусомъ и хотя былъ воспитанъ въ старыхъ литературныхъ правилахъ, но, съ появленіемъ школы Карамзина „призналъ ея превосходство и подчинился ея законамъ“, знакомилъ кадеть съ произведеніями автора „Вѣдной Лизы“; въ ученикахъ, которые любили Ж. за „необыкновенную доброту“ его, онъ умѣлъ пробудить любовь къ литературѣ и театру, поощряя ихъ къ серьезнымъ занятіямъ; ему, между прочимъ, считалъ себя во многомъ обязаннымъ знаменитый впоследствии филологъ А. Х. Востоковъ. Въ концѣ 1807 г. Ж. вышелъ въ отставку и уѣхалъ изъ Петербурга, принявъ мѣсто домашняго учителя въ семьѣ князя Тимофея Леонтьевича Давлеткильдѣва, въ селѣ Ворыпаевѣ, Саранскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Кромѣ перевода „Телемака“, Ж. извѣстенъ еще, какъ составитель литературной хрестоматіи „Сокращенная библіотека въ пользу господамъ воспитанникамъ Перваго Кадетскаго Корпуса“ (4 части, Спб., 1800—1802—1804 гг.), въ которой, между прочимъ, помѣщены были первые стихотворные опыты Востокова. Книга эта въ свое время пользовалась широкимъ распространеніемъ и имѣла большое влияние на учениковъ. Она представляла собою, по словамъ Булгарина „избранныя мѣста и отрывки... изъ лучшихъ русскихъ писателей (въ стихахъ и прозѣ), изъ древнихъ классиковъ и знаменитѣйшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ ста-

рыхъ и новыхъ писателей, въ отличныхъ переводахъ. Ж. извлекъ, такъ сказать, эссенцію изъ древней и новой философіи, съ примѣненіями къ обязанностямъ гражданина и воина, выбравъ самыя плодотворныя зерна, для посѣва ихъ въ умѣ и сердцѣ юношества... Книга эта была для насъ путеводительною звѣздой на мрачномъ горизонтѣ и сильно содѣйствовала умственному нашему развитію“... Въ 1821 г. 1-я часть ея вышла 2-мъ изданіемъ. Ж. былъ живъ еще въ 1810 году; дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

И. И. Срезневскій. Переписка А. Х. Востокова (Сбор. Отдѣл. Русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. V, в. 2, Спб., 1873); Воспоминанія Ѳ. Булгарина, ч. I, Спб. 1846, стр. 289—290, ч. II, стр. 16, 18, 58, 72—73; В. И. Срезневскій, Записки А. Х. Востокова о его жизни, Спб. 1901; И. С. Жиркевичъ, Записки („Русск. Стар.“, т. IX, стр. 215—216); П. Н. Араповъ, Лѣтопись Русскаго театра, Спб. 1861, стр. 113; „Русск. Вѣстн.“ 1869, № 3, стр. 233, 235; Записки С. Н. Глинки, Спб. 1895; Геннади, Словарь, т. I, стр. 88 и т. II, стр. 2—3 и 372.

Б. Гарскій.

Желѣзновъ, Григорій Ивановичъ, лейтенантъ, славный сподвижникъ адмирала Корнилова. Службу началъ въ Балтійскомъ флотѣ. Въ 1840 году на фрегатѣ „Аврора“ плавалъ съ генераль-адмираломъ по Балтійскому морю. Въ 1841 г. произведенъ въ мицманы; въ 1843—переведенъ въ Черноморскій флотъ, гдѣ въ скоромъ времени обратилъ на себя вниманіе начальника штаба генераль-адъютанта Корнилова, который и взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Выбѣгъ отъ тѣмъ ему поручено было составленіе каталоговъ для Севастопольской библіотеки, завѣдываніе модельнымъ павильономъ Николаевскаго адмиралтейства, составленіе руководства для употребленія бомбъ и дѣйствія ими на судахъ. Въ 1853 г. начались приготовленія къ войнѣ. Ж. неотлучно находился при ген. Корниловѣ и былъ однимъ изъ главныхъ исполнителей всѣхъ болѣе важныхъ его распоряженій. Военныя дѣйствія открылись 5 ноября 1853 г. сраженіемъ между нашимъ пароходомъ „Владимиръ“ и турецкимъ „Первасъ-Бахри“, вслѣдъ за которымъ разыгрался знаменитый синопскій бой. Въ этой прелюдіи къ синопской битвѣ и палъ лейтенантъ Желѣзновъ. При началѣ сраженія онъ стоялъ на кожухѣ

парохода, вмѣстѣ съ адмираломъ Корниловымъ. Непріятельскіе снаряды по обмѣненіи пароходовъ стали осыпать наше судно. Ж. предупредилъ объ опасности адмирала, прося его удалиться. И лишь только Корниловъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, непріятельская картечь попала Ж. въ грудь между плечемъ и шеей: онъ упалъ на руки адмирала и черезъ нѣсколько минутъ скончался. Ему было только 31 годъ отъ рожденія. Въ своемъ донесеніи Государю о происшедшемъ сраженіи генераль-адъютантъ Корниловъ добавилъ: „въ этомъ дѣлѣ погибъ лейтенантъ Желъзновъ, подававшій большія надежды“. Несмотря на свои превосходныя качества, онъ отличался необыкновенною скромностью и полнымъ пренебреженіемъ къ своему матеріальному благосостоянію, адм. Корниловъ говорилъ о немъ: „этотъ человекъ во всю службу ни о комъ не отговарялся дурно“, а его безорытность даже обратилась въ поговорку у его товарищей. За свои достоинства и прекрасное сердце, онъ былъ всеобщимъ любимцемъ начальниковъ и сослуживцевъ. Послѣдніе открыто заявляли, что гордятся тѣмъ, что онъ имъ товарищъ. Генераль-адмиралъ въ рескриптѣ отцу Григорія Ивановича, между прочимъ, сказалъ: „Я приказалъ внести имя лейтенанта Желъзнова на мраморную доску въ церкви моего кадетскаго корпуса, дабы морскіе офицеры наши съ дѣтства привыкли произносить оное съ уваженіемъ“.

Общій морской списокъ, т. X. Некрологъ, „Морской Сборникъ“, 1854 г., „Одесскій Вѣстникъ“, 1854 г., № 12.

Желъзновъ, Иосифъ Игнатьевичъ, писатель, изъ Уральскихъ казаковъ; Ж. родился 12-го ноября 1824 г., въ гор. Гурьевѣ, и былъ сыномъ урядника И. Д. Желъзнова, пропавшаго безъ вѣсти, когда сыну его было нѣсколько мѣсяцевъ, и оставившаго семью безъ всякихъ средствъ. Подготовленный матерью Ж. въ 1836 г. былъ привезенъ въ Уральскъ и отданъ въ мѣстное войсковое училище, гдѣ въ 1841 г. успѣшно окончилъ курсъ, послѣ чего поступилъ въ канцелярію атамана Гурьева-городка; въ 1844 г. опредѣлился писцомъ въ канцелярію наказнаго атамана въ Уральскѣ, но въ томъ же году поступилъ въ Гурьевскую линейную команду

и черезъ два мѣсяца былъ назначенъ начальникомъ Красноярскаго форпоста, а весной 1846 г. переведенъ въ степь въ Уральское укрѣпленіе. Въ 1847 г. онъ вернулся въ Уральскъ, а въ слѣдующемъ году записался въ составъ формируемаго отъ Уральского войска новаго полка, въ надеждѣ, что полкъ этотъ будетъ отправленъ въ заграничный походъ. Выступивъ изъ Уральска 1-го іюня 1849 г., Ж. былъ причисленъ къ полковой канцеляріи, побывалъ въ Москвѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ и въ Кіевской и Волынской губерніяхъ, гдѣ былъ размѣщенъ Уральскій полкъ, съ которымъ осенью 1851 г. и вернулся на родину, сперва въ Гурьевъ, а потомъ въ Уральскъ.

Произведенный въ 1852 г. въ хорунжіе Ж. былъ назначенъ въ Московскій казачій полуполкъ адъютантомъ при полковомъ командирѣ К. Ф. Буяновѣ, у котораго и поселился. Въ Москвѣ онъ познакомился, между прочимъ, съ А. Н. Островскимъ, А. Григорьевымъ и М. П. Погодинымъ, въ „Москвитиннѣ“ котораго и появилась первая его литературная работа—„Картинны аханнаго рыболовства при устьѣ Урала“ (1854 г., № 9 и 10), встрѣченная сочувственно критикомъ; за ней послѣдовала другая—„Башкирцы“ (1854 г., № 14). Въ это время особенно сильно повліяло на Ж. знакомство съ Алсаковымъ, славянофильскіе взгляды котораго пришло по душѣ казаку-народнику и сдѣлали изъ него полезнаго бытописателя казачества. Въ 1854—1855 г. въ томъ же „Москвитиннѣ“ появилось начало большой исторической повѣсти Ж. изъ жизни уральскихъ казаковъ: „Уральская Старина. Василій Струняшевъ“, которая была закончена на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ 1857 г. (т. СХІV и СХ), а въ 1855 г. онъ вступилъ въ полемику съ П. И. Небольсинимъ по поводу статьи послѣдняго объ уральцахъ („Нѣсколько замѣчаній уральскаго казака по поводу статьи П. М. Небольсина“—„Москвитиннѣ“ 1855 г., т. II, № 7, т. III, № 13 и т. IV, № 15—16). Вслѣдъ за тѣмъ онъ напечаталъ: критическую статью объ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ Пушкина („Отеч. Записки“ 1856 г., т. СVІІІ, № 9, отд. II, стр. 1—19), обнаруживающую большое знакомство съ исторіей уральскаго казачества, которой онъ не пере-

ставалъ заниматься въ Москвѣ; „Сайгачники“, очеркъ изъ жизни казаковъ („Отеч. Записки“ 1856 г., т. СХІІ, отд. 1, стр. 165—218) и „Мысли казака о казачествѣ“ („Молва“ 1857 г., № 32, стр. 366—371). Усиленные занятія Ж. тяжело отразились на его здоровьѣ, въ 1858 г. онъ взялъ отпускъ и отправился на Уралъ съ цѣлью какъ отдыха, такъ и собранія историческихкихъ и этнографическихкихъ матеріаловъ о мѣстномъ казачествѣ и Пугачевщинѣ, народныхъ пѣсенъ и преданій. На основаніи собранныхъ данныхъ Ж. составилъ статьи: „Преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ“ („Русск. Вѣстн.“ 1859 г., т. XX, № 7 и 8), „Бумаги о Пугачевскомъ бунтѣ“ („Чтенія Моск. Общ. Исторіи рус. Древностей“ 1860 г., кн. II), „Маринкинъ городокъ на Яикѣ“ („Библ. для чтенія“, 1860 г., т. 158, № 2, стр. 1—62), „Отчего сайгаки покинули Уралъ?“ („Вѣкъ“ 1861 г., № 12), „Сказанія Уральскихъ казаковъ“ („Библ. для чтенія“ 1861 г., т. 163—166, № 2—8), „Поедпичики“, рассказъ („Утро“ 1859 г.) и др. Лѣтомъ 1858 г. Ж., по порученію наказного атамана Столышина, разобралъ въ Уральскѣ дѣла атаманской канцеляріи по расколу. Въ то же время въ Москвѣ печаталось собраніе его сочиненій, которое и вышло въ 1858 г. въ 2-хъ томахъ (въ которые вошли прежнія его статьи: „Сайгачники“, „Башкирцы“, „Картины аханнаго рыболовства“, „В. Струняшевъ“, статья объ „Исторіи Пугачевского бунта“, „Мысли казака“ и новая: „Картины казачьей жизни“). Сборникъ этотъ былъ весьма сочувственно встрѣченъ всею тогдашнею печатью („Современникъ“, „Библ. для чтенія“, „Русское Слово“ и др.).

Получивъ въ началѣ 1859 года, разрѣшеніе заниматься въ Московскомъ Архивѣ Военнаго Министерства, Ж. задумалъ написать исторію Уральского войска, для которой дѣятельно собиралъ отовсюду матеріалы, которые впоследствии были использованы многими изслѣдователями исторіи войска; но самъ Ж. не успѣлъ окончить работу, которая горячо его интересовала и для которой онъ не щадилъ здоровья. За это время имъ были напечатаны статьи: „Киргизоманія“ — по поводу статьи П. И. Небольсина („Русск. Вѣстн.“ 1860 г., т. XXX, № 21, ноябрь, кн. 1), „По поводу упраздненія казачьяго полка въ Москвѣ“ („Русск. Вѣстн. 1861 г.,

№ 34, Современная Лѣтопись), „Что такое казачій офицеръ“ (не пропущена военной цензурой) и др. Весною 1862 г., Ж., вопреки своимъ желаніямъ, долженъ былъ расстаться съ Москвой и отправиться въ Уральскъ, гдѣ, на выборахъ членовъ Присутствія войсковой канцеляріи, онъ былъ избранъ въ ассесоры. Онъ ревностно исполнялъ свои обязанности и всегда горячо отстаивалъ интересы казачества. Въ 1863 г. Ж. былъ назначенъ атаманомъ севрюжьяго рыболовства. Столкновенія его съ наказнымъ атаманомъ, а потомъ крупныя непріятности по поводу рыбной ловли (Ж. хотѣли обвинить въ злоупотребленіяхъ по этому дѣлу) привели Ж. къ самоубійству: онъ застрѣлился 10-го іюня 1863 г. въ Уральскѣ. Онъ погребенъ здѣсь на „Старомъ“ кладбищѣ, гдѣ на собранныя имъ подписки деньги почитателями Ж. поставленъ ему памятникъ.

Въ 1887—1888 г. въ Петербургѣ, на средства Уральского войскового хозяйственнаго правленія, было издано, подъ редакціей Н. А. Бородина, полное собраніе сочиненій І. И. Желѣзнова въ 3-хъ томахъ (подъ заглавіемъ: „Уральцы“. Очерки быта уральскихъ казаковъ, причемъ, нѣкоторыя его произведенія („Аханщинѣ“, „Картина казачьей жизни“, „Сайгачники“ и „Василій Струняшевъ“) были изданы отдѣльными книжками, для распространенія среди простыхъ казаковъ, у которыхъ до сихъ поръ сочиненія Ж. пользуются большою популярностью. По смерти Ж. были напечатаны, между прочимъ: „Сказанія Уральскихъ казаковъ о Хивѣ“ („Древняя и Новая Россія“ 1880, № 9, стр. 89—139) и „Туча каменная“ („Уралецъ“ 1897 г., № 42, 43 и 46; не закончено); кромѣ того, въ разное время публиковались историческіе матеріалы, собранные Желѣзновымъ.

Некрологи: „Моск. Вѣд.“ 1863 г., № 146; „Русск. Инвалидъ“ 1863 г., № 151; „Сѣв. Почта“ 1863 г., № 151; „Народное Богатство“ 1863 г., № 149; „Иллюстрир. Газета“ 1863 г., т. XII, № 2; „Русск. Арх.“ 1865 г., № 1; „С.-Петербур. Вѣдом.“ 1869 г., № 7; „Уральскія Войсковыя Вѣдомости“ 1870 г., № 22—27; „Древн. и Новая Россія“ 1880, № 9; „Уралызы... Полное собр. сочиненій“, подъ ред. Н. А. Бородина; Н. А. Бородинъ, І. И. Желѣзновъ, писатель-казакъ. Очеркъ жизни и произведеній, Спб. 1901; Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопед. Словарь, т. II, стр. 3.

Б. Гарскій.

Желъзновъ, Николай Ивановичъ, профессоръ Московскаго университета; родился 22 октября 1816 года, умеръ 15-го января 1876 года. Первоначальное образование получилъ въ Горномъ Институтѣ, а по окончаніи въ немъ курса (въ 1834 г.), поступилъ въ Петербургскій университетъ на второе отдѣленіе философскаго факультета, (впослѣдствіи факультетъ физико-математическій). Въ университетѣ Ж. изучалъ естественныя науки, преимущественно ботанику—физиологию растений. По окончаніи курса въ 1838 году, Ж. приступилъ къ совершенно новой, въ то время для русскихъ ученыхъ работѣ по эмбриологін растений: „О развитіи цвѣтка и яичка у растенія *Tradescantia virginiana*“, за которую въ 1840 году получилъ степень магистра, а черезъ два года, по защитѣ диссертациі: „О происхожденіи зародыша и о теоріяхъ происхожденія растений“, былъ удостоенъ степени доктора естественныхъ наукъ. Въ 1842 году Ж. былъ командированъ за-границу Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для изученія сельскаго хозяйства съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи въ Россію взять на себя чтеніе публичныхъ лекцій по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства въ городахъ, которые ему будутъ указаны. За-границей Ж. первоначально прослушалъ съ 1842 по 1844 г. полный курсъ сельскаго хозяйства въ Гогенгеймскомъ королевскомъ институтѣ (близъ Штутгарта); остальное время посвятилъ практическимъ занятіямъ въ образцовыхъ имѣніяхъ, слушанію лекцій въ Сорбоннѣ и Парижской консерваторіи искусствъ и ремеслъ и, совершивъ затѣмъ цѣлый рядъ сельско-хозяйственныхъ изслѣдованій и путешествій по Швейцаріи, Франціи, Англіи, Бельгіи и Германіи, вернулся въ Россію. Здѣсь, однако, для него не нашлось мѣста, такъ-какъ первоначальный планъ Министерства Народнаго Просвѣщенія былъ отмѣненъ,—и только лѣтомъ 1846 года Ж. былъ отправленъ въ командировку по Россіи съ порученіемъ изслѣдовать состояніе сельско-хозяйственной промышленности. Онъ объѣхалъ губерніи Московскую, Владимирскую, Ярославскую, юго-западную часть Костромской, Нижегородской, отчасти Казанской, Смоленскую и Саратовскую, и составилъ богатую коллекцію пробъ чернозема. По возвращеніи

изъ поѣзды осенью 1847 года, Ж. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Московскій университетъ по кафедрѣ сельскаго хозяйства. Съ этихъ поръ онъ посвятилъ себя, главнымъ образомъ, специальнымъ сельско-хозяйственнымъ изслѣдованіямъ, не бросая, однако, научныхъ работъ по ботаникѣ. Въ 1849 году, онъ напечаталъ „Наблюденіе надъ развитіемъ листовницы“ и „Изысканіе о состояніи почекъ нѣкоторыхъ деревьевъ во время зимы“. Главное же вниманіе Ж., въ это время, было привлечено важнымъ значеніемъ хмѣлеводства для среднихъ губерній Россіи. Не смотря на значительное развитіе пивоваренія, качество хмѣля у насъ было настолько плохо, что пивоваренные заводчики предпочитали обращаться за этимъ продуктомъ къ Германіи. Чтобы поднять эту важную отрасль народнаго хозяйства, Ж. ѣздилъ въ 1850 г. въ Германію, вывезъ оттуда и распространилъ новые сорта хмѣля и указалъ новые способы его культуры (см. его статью: „О разведеніи хмѣля въ средней Россіи“). Въ маѣ 1853 года, Ж. былъ избранъ адъютантомъ Академіи Наукъ по физиологін растений и въ исходѣ того-же года переселился въ Петербургъ.

Къ этому времени относится начало его работъ о дренажѣ, о вліяніи, какое оказываетъ на растительность подземное осушеніе почвы. Для изученія этого вопроса Ж.-вымъ былъ произведенъ рядъ опытовъ въ деревнѣ его жены, Нароновѣ, Крестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, и устроена тамъ метеорологическая станція, давшая богатый матеріалъ. Въ исходѣ 1855 года Ж. совсѣмъ поселился въ Нароновѣ и сталъ пріѣзжать въ Петербургъ только для засѣданій въ Академіи Наукъ. Въ то-же время онъ сильно пристрастился къ садоводству и занялся опытами по акклиматизаціи растений.

Помимо этихъ ученыхъ занятій, Ж. съ 1858 года по 1861 годъ принималъ непосредственное и самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, въ качествѣ члена Новгородскаго Комитета отъ правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, уже по избранію, члена редакціонной комиссіи и дѣлопроизводителя комитета. По окончаніи въ 1861 году занятій редакціонной комиссіи, Ж. былъ назначенъ членомъ Новгородскаго присутствія, на которое

было возложено наблюдение за приведением въ исполнение положенія о крестьянахъ. Въ этой своей дѣятельности, будучи безпристрастнымъ блюстителемъ крестьянскихъ интересовъ, Ж. вынесъ тяжелую борьбу съ противной партией и нажилъ себѣ много враговъ.

Въ 1861 году, по приглашенію министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, Ж. принялъ мѣсто директора предложенной тогда къ учрежденію Петровской земледѣльской Академіи.

Встрѣтивъ въ осуществленіи своихъ плановъ по устройству новаго заведенія цѣлый рядъ затрудненій, Ж. тѣмъ не менѣе поставилъ Петровскую Академію на высоту лучшихъ земледѣльческихъ школъ въ Европѣ. Въ 1869 году Ж. сложилъ съ себя директорство Петровской Академіи и переѣхалъ въ Петербургъ.

Въ періодъ времени съ 1870 года по 1876 годъ имъ напечатано не менѣе 45 статей и замѣтокъ, основанныхъ на собственныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ. Изъ нихъ однѣ касаются разныхъ вопросовъ растительной физиологій и помѣщены въ изданіяхъ Академіи Наукъ и въ „Трудахъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей“; другія посвящены садоводству и различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и опубликованы въ „Вѣстникъ Общества садоводства“, въ „Журналахъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства“ и въ „Земледѣльской газетѣ“. Своими работами по физиологій растений Ж. занялъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между ботаниками и былъ, какъ указываетъ Саксъ, историкъ ботаники въ Германіи, „участникомъ въ сообщеніи наукъ того могучаго уваженія, которое она получила со времени Шлейдена“. Въ сельскомъ хозяйствѣ Ж. обратилъ особое вниманіе на тѣ отрасли хозяйства, успѣшное развитіе которыхъ могло быть полезнымъ Россіи и должно было служить къ улучшенію матеріальнаго положенія крестьянъ; онъ стремился создать литературу по сельскому хозяйству и, полагая, что великія реформы создадутъ потребность въ широкомъ распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній, проектировалъ образованіе изъ Петровской Академіи народнаго университета, но идея его не встрѣтила сочувствія со стороны правительства. Какъ одинъ изъ работниковъ по освобожденію

крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Ж. принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ дѣятелей великой эпохи. Нужно добавить, что Ж. любилъ искусство и самъ хорошо владѣлъ карандашомъ и кистью. Изъ его научныхъ печатныхъ трудовъ приводимъ еще слѣдующіе:

- 1) „Sur l'embryogénie du mélèze“ — „Bull. Soc. Nat.“ 1849. Moscou.
- 2) „Observations sur le développement des bourgeois pendant l'hiver“ ibidem 1851. Moscou.
- 3) „Образованіе почекъ на стеблѣхъ растенія Schizostyles coccinea“. „Труды Пет. Общ. естеств.“ 1871 г.
- 4) „Хмѣлеводство въ Гуслапахъ“. „Земледѣльч. Газета“ 1873 г.
- 5) „Нѣкоторыя наблюденія по плодоводству“. Вѣстн. Общ. Садов. 1869 г.
- 6) „Метеорологическія наблюденія въ деревнѣ Нароновѣ“ 1854—1862 гг.

„Труды С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей“. 1877 г., стр. 28—30 и стр. I—XIX. „Биографическій словарь московскихъ профессоровъ“. Ч. I, стр. 329. „Отчеты о дѣйствіяхъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“. 1876 г., стр. 29—30. „Энциклопедическій словарь“, Эфронъ и Брокгаузъ, стр. 768.

Б. А.

Желябужскій, Аванасій Петровичъ. Въ 1611 году былъ посланъ къ гетману Сапѣгѣ отъ Федора Плещеева съ грамотами отъ дворянъ, казаковъ и посадскихъ людей. Въ 1614 году былъ отправленъ посломъ къ Сигизмунду III, королю польскому, а также къ Филарету Никитичу, находившемуся въ то время въ плѣну у поляковъ. По дорогѣ Ж. видѣлся съ бояриномъ Шейнымъ въ имѣніи Льва Сапѣги. Отъ поляковъ привезъ грамоту, въ которой они предлагали сѣзду уполномоченныхъ на границѣ между Смоленскомъ и Вязмою. Затѣмъ Ж. былъ посланъ съ грамотою Михаила Федоровича къ атаману Осипу Петрову и ко всему Донскому войску, а также съ увѣдомленіемъ о посылкѣ 5.000 рублей и съ обнадеживаніемъ и впредь царскими милостынями. Умеръ Ж. въ 1641 г.

Акты Историческіе т. II стр. 375; Собраніе госуд. грам. и догов. т. III стр. 376, 377, 401; Соловьевъ Исторія Россіи. Спб. 1896 г. т. II стр. 1070—75; Указатель къ боярскимъ книгамъ. М. 1853 г. стр. 137; Русс. Родословная книга изд. Русской Старины. Спб. 1873 г. т. I стр. 157.

Б. У.

Желябужскій, Григорій Григорьевичъ. Въ 1601 году—голова псыменный въ Тарѣ (Тобольской губ.), Воевода Сибирскій при Федорѣ Иоанновичѣ. Побѣдитель Хана Искерскаго Кучума. Взялъ въ плѣнъ 8 женъ и 3 сыновей Кучума и отправилъ ихъ въ Москву. Умеръ въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

Древ. Росс. Библіотека. М. 1788 г. ч. III стр. 117; А. Барсуковъ. Списки город. воеводъ въ Моск. государствѣ въ XVII вѣкѣ. Спб. 1902 г. стр. 226; Русс. Родосл. книга изд. Русс. Старины. Спб. 1873 г. т. I стр. 156.

Б. У.

Желябужскій, Иванъ Аванасьевичъ. Родился въ 1638 году. Въ 1656 г., въ санѣ ясельничаго, былъ посланъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ Трансильванскому князю Рагоци. Въ 1661 году отправленъ былъ въ Бранденбургъ, Курляндію и Англию. Но курфюрстъ Бранденбургскій не только не принялъ Ж., но, опасаясь поляковъ, отказался пропустить его черезъ свои земли, хотя и прислалъ въ Ригу къ Ж. канцлера Фелкерзама для переговоровъ. Въ 1662 г. Ж. находился въ Англии для поздравленія Карла II съ восшествіемъ на престолъ, а также для собиранія свѣдѣній о самозванцѣ, называвшемъ себя облорусскимъ царевичемъ. Затѣмъ Ж. поручено было снестись съ герцогомъ Курляндскимъ насчетъ мореплаванія и занять 31.000 ефимковъ, что не удалось. Изъ Англии вмѣстѣ съ подъячимъ Ив. Давидовымъ онъ проѣхалъ во Флоренцію и въ Венецію съ извѣстіемъ, что царемъ предоставлены венеціанскимъ купцамъ льготы по торговлѣ съ Россіей, но съ условіемъ, чтобы и русскимъ торговымъ людямъ были даны такія же льготы въ Венеціи. Въ 1665 г. по порученію Алексѣя Михайловича онъ встрѣчалъ гетмана запорожскаго Ивана Брюховецкаго. Церемоніалъ встрѣчи былъ таковъ: Ж. долженъ былъ выѣхать изъ Москвы за Серпуховскія ворота за Земленой городъ и, не давъ гетману доѣхать до мѣста встрѣчи, послать къ нему стольника Назарья Алфимова, который бы извѣстилъ Брюховецкаго о томъ, что ясельничему Ивану Ж. и дьяку Григорію Богданову поручено царемъ встрѣтить его и что гетману предстоитъ выслушать царскую рѣчь отъ ясельничаго. Ж. такъ

и поступилъ. Но Назарій Алфимовъ отказался исполнить приказаніе, говоря: «я де отъ Ив. Желябужскаго въ ходокахъ не буду и говорить гетману не хочу». Иванъ Аванасьевичъ велѣлъ передать Алфимову, что если онъ не исполнитъ царскаго предписанія и вѣдѣствіе этого гетманъ не окажетъ должнаго уваженія царскимъ словамъ, то вся отвѣтственность падетъ на него, Назарія. Тогда Алфимовъ повиновался. Ж. и Богдановъ встрѣтили гетмана, причемъ Ж. передалъ Брюховецкому, что Алексѣй Михайловичъ, въ знакъ своей милости, велитъ ѣхать въ Москву гетману на государевой лошади. Во время пребыванія гетмана въ Москвѣ, Ж. велѣлъ съ нимъ переговоры и вѣкорѣ затѣмъ былъ отправленъ посломъ въ Малороссію, но вѣдѣствіе ссоры съ Ордынъ-Нащокнинымъ былъ отозванъ въ Москву. Въ 1666 г. былъ Ж. судѣю въ Коношенномъ приказѣ, а въ слѣдующемъ году, будучи Курмышинскимъ воеводою, — отправленъ посломъ въ Вѣну къ императору Леопольду съ извѣстіемъ о происходившихъ переговорахъ съ Польшей и съ поздравленіемъ Леопольда со вступленіемъ въ бракъ. Въ 1668 году былъ посланъ въ Малороссію съ указомъ въ виду начавшихся тамъ смуть. Въ томъ же году совместно съ Ордынъ-Нащокнинымъ и дьякомъ Гороховымъ ѣздилъ въ Курляндію на съѣздъ для заключенія коммерческаго трактата съ поляками. Но, въ виду того, что ни польскіе, ни шведскіе послы не явились, имъ было велѣно царемъ ѣхать въ Варшаву; но затѣмъ, по совѣту Нащокнина, они должны были вернуться въ Москву. Въ 1669 году Ж. ѣздилъ въ Андрусово для переговоровъ съ польскими послами. Въ 1674 г. былъ пожалованъ въ стольники, а два года спустя—въ думные дворяне. Въ 1676 году Ж. ѣздилъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Павломъ въ Терапонтовъ монастырь для объявленія Никону соборнаго опредѣленія по поводу произведеннаго розыска объ образѣ его жизни въ Терапонтовомъ монастырѣ и о переводѣ его въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ 1680 г. онъ служилъ въ приказѣ Казанскаго дворца, а въ 1681 г., съ дьякомъ Семеномъ Протопоповымъ, ѣздилъ въ Польшу съ требованіемъ рѣшительнаго отвѣта о наступательномъ союзѣ противъ татаръ и турокъ; но въ

виду того, что поляки тянули съ отвѣтомъ, а тѣмъ временемъ государь заключилъ перемиріе съ татарами на 20 лѣтъ, Ж. было велѣно вернуться въ Москву. Въ 1682 году въ санѣ думнаго дворянина онъ подписалъ „Соборное дѣяніе объ отставкѣ отеческихъ случаевъ и мѣстничества“. Послѣ смерти Ѳедора Алексѣевича посланъ былъ въ Батуринъ для привода къ присягѣ гетмана Самойловича и войска Запорожскаго на вѣрность царю Петру Алексѣевичу. За отличное исполненіе порученія получилъ царскую грамоту. Въ 1684 г. въ санѣ окольного былъ отправленъ воеводою въ Черниговъ, а затѣмъ участвовалъ въ составленіи родословной книги. Умеръ Ж. въ началѣ XVIII вѣка. Онъ оставилъ „Записки“ за время съ 1672 по 1709 г. Записки эти даютъ много свѣдѣній, касающихся отдѣльныхъ распоряженій правительства, матеріальнаго быта общества и его нравовъ; изданы были три раза: 1) Туманскимъ въ его „Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полныхъ свѣдѣній о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго“ ч. VII. 2) Языковымъ. Спб. 1840 г. и 3) П. И. Сахаровымъ въ „Запискахъ русскихъ людей“. Спб. 1841.

Допол. къ Акт. Истор. т. VII стр. 205, т. XI стр. 276; Акты относ. до Южной и Западной Россіи т. VI стр. 1—4; 9—10; 15—16; т. VII стр. 33, 35; т. IX стр. 116; т. XIII стр. 164, 165; Собрание госуд. грам. и догов. т. IV стр. 145, 408, 433, 437, 438, 440, 445 и 457; Дѣло о патриархѣ Никонѣ изд. Арх. Ком. Спб. 1897 г. стр. 341; 353; 354; 357—359; 361; 363—367; 375; 411; 414; 417; С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Спб. 1896 г. т. III стр. 23; 141; 145; 146; 360; 395—396; 526—531; Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. М. 1897—1902 г. ч. I стр. 23, 117 и 158; ч. II стр. 208, 246, 263 и 271; ч. III стр. 8, 141, 142, 153, 315 и 134; ч. IV стр. 10 и 190; Родословная книга, изд. Русс. Старины. Спб. 1873 г. т. I стр. 157.

Б. Уссасъ.

Желябужскій, Ѳедоръ Григорьевичъ. Въ 1610 году воевода Бѣлевскій. Въ томъ же году получилъ грамоту о принятіи предосторожностей противъ ратныхъ людей, идущихъ съ Салъгою изъ-подъ Москвы, и о воспрещеніи жителямъ снабжать ихъ кормомъ. Въ 1614 г., вмѣстѣ съ подъячимъ Маттинымъ, ѣздилъ посломъ въ Варшаву съ пространнымъ отъ бояръ къ польскимъ вельможамъ изъясненіемъ

о разореніи поляками Россіи, о совершившемся уже коронаваніи Михаила Ѳедоровича и объ отпускѣ задержанныхъ въ Польшу русскихъ пословъ. Кромѣ того, везъ митрополиту Филарету Никитичу грамоту, о происходящихъ сношеніяхъ съ поляками для избавленія его изъ плѣна. Умеръ Ж. въ 1615 г.

Акты Историческіе т. II стр. 358; Собрание госуд. грам. и догов. т. III стр. 105, 117, 119, 125 и 138; Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. М. 1897 г. ч. III стр. 115; А. Барсуковъ. Списки город. воеводъ Моск. государства въ XVII вѣкѣ. Спб. 1902 г. стр. 30; Н. Костомаровъ. Смутное время Моск. государства въ XVII вѣкѣ, т. III стр. 348; Русская Родословная книга изд. Русской Старины. Спб. 1873 г. I стр. 156.

Б. У.

Жемчужниковъ, Аполлонъ Аполлоновичъ, генераль-майоръ, начальникъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса. Родился въ 1798 году, умеръ въ 1848 г. Въ службу вступилъ 26 марта 1815 г. колонновожатымъ въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части. Во время турецкой войны (1828—29 гг.) находился въ походѣ въ Европейскую Турцію и участвовалъ въ осадѣ кр. Варны. Въ 1830 г. командированъ въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ, въ 1831—произведенъ въ полковники и назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ при Отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ. Одиннадцать лѣтъ прослужилъ А. А. въ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, и въ теченіе всего этого времени полемъ его дѣятельности была преимущественно Киргизская степь. Здѣсь онъ производилъ разслѣдованія, техничeskія и топографическія работы; принималъ участіе въ закладкѣ Константиновскаго и Николаевскаго укрѣпленій и устройствѣ главн. складочнаго пункта для Хивинской экспедиціи (1839 г.); производилъ съемку пространства между Орской, Уртазымской и Каракульской крѣпостями и между верхними притоками р. Эльбы, песками Большой Барсуки, Аральскимъ моремъ, долиною Моли и р. Четырле, а такъ же главныхъ путей отъ р. Эльбы по долинамъ рѣкъ: Сайца, Уила, Кила, Джангирлау, Хобды и Ора. 14 апрѣля 1840 г. произведенъ въ генераль-майоры. Начальникомъ штаба Отдѣль-

наго Сибирскаго корпуса назначенъ 8 апрѣля 1841 года.

Формулярный списокъ въ Московск. отд. общаго архива главнаго штаба, кн. за 1847, № 10611.

Н. З.

Жемчужниковъ, Аполлонъ Степановичъ, генераль-лейтенантъ, б. начальникъ 22 пѣхотной дивизіи. Родился 22 декабря 1764 года, умеръ 24 іюля 1840 г. Происходилъ изъ дворянъ. Воспитывался въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ 18 февраля 1785 г. поручикомъ въ Ревельскій мушкетерскій (впоследствии егерскій) полкъ. Въ 1792 и 1794 гг. участвовалъ въ польскихъ походахъ. Въ 1801—произведенъ въ полковники; въ 1802—переведенъ въ Таврической гренадерскій полкъ, съ которымъ принялъ участіе въ первой французской кампаніи (1805). Въ 1807 г. онъ уже стоялъ во главѣ полка. Находясь въ это время въ заграничномъ походѣ въ Пруссіи противъ французовъ, былъ раненъ въ сраженіи подъ Ландбергомъ, однако изъ строя не выбылъ, но продолжалъ участвовать во всѣхъ дѣлахъ до заключенія Тильзитскаго мира. Во время Отечественной войны ему поручено было наблюденіе за Волоколамской и Ржевской дорогами. Исполняя эту миссію, Жемчужниковъ съ іюня по октябрь находился въ Твери. Когда же русскія войска перешли за границу, онъ снова прибылъ къ дѣйствующей арміи и съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіяхъ при блокадѣ кр. Шпандау, при Люценѣ, Бауценѣ, Лейпцигѣ, Магдебургѣ и Гамбургѣ. Эти дѣла доставили ему орденъ св. Анны 1 ст., Георгія 3 кл., Пруссійскій—Краснаго орла и чинъ генераль-майора. Въ 1814 г., состоя при начальникѣ 7 пѣхотной дивизіи, находился въ дѣйствующей арміи до взятія Парижа; въ 1815—при появленіи во Франціи Наполеона, возвратившагося съ острова Эльбы, участвовалъ во вторичномъ походѣ на Рейнъ. По возвращеніи въ Россію, былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 8 пѣхотной дивизіи. Въ 1819 г. состоялось его послѣднее назначеніе—на должность начальника 29 пѣхотной дивизіи. Въ 1826 году онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанта, а въ 1838 г. по разстроенному здоровью уволенъ отъ службы.

Формулярн. списокъ въ Московск. отд.

общаго архива главнаго штаба, кн. за 1838 г. № 2555. „Дворянскіе роды“, графъ А. Бобринскій, т. 2.

Н. З.

Жемчужниковъ, Владиміръ Михайловичъ, сынъ сенатора Михаила Николаевича Ж. и жены его Ольги Алексеевны, род. Перовской, род. 11-го апр. 1830 г., былъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, сперва на юридическомъ, а потомъ на историко-филологическомъ факультетахъ, но курса не окончилъ и въ 1854 г. отправился въ Тобольскъ, въ качествѣ чиновника при Тобольскомъ губернаторѣ В. А. Арцимовичѣ. Когда въ концѣ 1854 и началѣ 1855 гг. формировался Стрѣлковый полкъ Императорской фамилии, Ж. вступилъ въ него прапорщикомъ и въ сентябрѣ 1855 г. отправился съ полкомъ въ Крымъ. Участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ ему, однако, не удалось: во время стоянья, въ началѣ 1856 г., въ Одессѣ онъ заболѣлъ тифомъ и едва не умеръ. 3-го ноября 1857 г. Ж. вышелъ въ отставку поручикомъ. Вступивъ вновь въ службу въ 1864 г., онъ пробовалъ свои силы въ разныхъ министерствахъ: Морскомъ, Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и, наконецъ, въ Министерствѣ Путей сообщенія, гдѣ былъ сперва чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ (1868—1871), а затѣмъ директоромъ Департамента общихъ дѣлъ и директоромъ канцеляріи Министра Путей Сообщенія (1879—1889), причемъ 27-го марта 1877 г. произведенъ былъ въ д. с. совѣтника. Въ Министерствѣ Путей Сообщенія Ж. оставилъ по себѣ память, какъ главный руководитель Съезда представителей, начальниковъ и правительственныхъ наблюдателей техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ: благодаря его инициативѣ и настойчивости развитіе этихъ училищъ быстро пошло впередъ. Ранѣе того, Ж. занимался вопросами торговли и промышленности и съ этою цѣлью совершилъ путешествіе по Сиріи, Палестинѣ и Египту, а также былъ ближайшимъ сотрудникомъ главныхъ основателей Русскаго Общества пароходства и торговли. Это была натура богато одаренная, пылкая, отзывчивая и увлекающаяся; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отличался: трудолюбіемъ, способностью на всякую сложную и усидчивую работу, а чистота его помысловъ и стремленій, его честность и

правдивость были понятии высокаго за-
кала. У Ж. было много друзей, горячо
его любивших и искренно оплакавших
его кончину. Онъ умеръ въ Ментонѣ
6 (18) ноября 1884 г. и погребенъ въ
Ниццѣ, на русскомъ кладбищѣ.

Въ литературѣ Ж. извѣстенъ, какъ одинъ
изъ участниковъ вмѣстѣ съ гр. А. К.
Толстымъ и братомъ А. М. Жемчужнико-
вымъ въ сочиненіи шуточныхъ сатири-
ческихъ произведеній, печатавшихся подъ
общимъ псевдонимомъ „Козмы Пруткова“
и выдержавшихъ уже много изданій; кромѣ
того, Ж. принадлежать замѣтки: „О книгѣ
г. Смайльса: „Самодѣтельность“. („Спб.
Вѣдомости“ 1866 г., № 73); „Газета Вѣсть“
(отвѣтъ Ж. на статью въ № 108 „Вѣсти“
за 1866 г.)—„Спб. Вѣдомости“ 1867 г.,
№ 1; Письмо къ редактору журнала „Вѣкъ“
(„Голосъ“ 1883 г., № 40 и „Новое Время“
1883 г., № 2496—касательно псевдонима
„Козма Прутковъ“). Наконецъ, въ „Вѣ-
стникѣ Европы“ 1899 г. (№ 2, стр. 634—
664) напечатаны „Записки“ Ж., начатыя
имъ въ 1850-хъ гг., но, къ сожалѣнію,
не оконченныя.

„Русскія Вѣдомости“ 1884 г., № 320 (ст.
Н. Э. Крузе); „Вѣстникъ Европы“ 1884 г.,
№ 12, стр. 932—935, 1897 г. (въ перепискѣ
Арцимовича) и 1899 г., № 2, стр. 634 и № 11,
стр. 240, 241, 245, 248, 249, 251; Д. Д. Языковъ,
Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писате-
лей, вып. IV, Спб., 1888, стр. 41; „Новое
Время“ 1884 г., № 3125 (ст. Д. Л. Мордовцева);
„Новъ“ 1884 г., т. I, № 3, мозаика, стр. 200;
„Еженедѣльное Обозрѣніе“ 1884 г., № 45;
„Пчелка“ 1884 г., № 47; „Свѣтъ“ 1884 г.,
№ 246; „Знакомые. Альбомъ М. И. Семей-
скаго“, Спб. 1888 г., стр. 78; Е. В. Богдановичъ,
Стрѣлки Императорской фамилии, Спб.
1881 г., стр. 17, 55 и 188; Списки чинамъ
первыхъ 4-хъ классовъ.

Б. М.

Жемчужниковъ, Михаилъ Нико-
лавичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ,
дворянинъ Орловской губерніи, родился
9 ноября 1788 года, умеръ 3 сентября
1865 г. Окончивъ курсъ наукъ въ 1-мъ
кадетскомъ корпусѣ, Ж. 25 февр. 1806 г.
произведенъ былъ въ подпоручики артил-
леріи и назначенъ адъютантомъ къ гр.
Алексію Андр. Аракчееву. Но въ этой
должности онъ оставался недолго: самый
родъ службы тяготилъ его, помимо уже
высокомѣрнаго отношенія гр. Аракчеева,
который не умѣлъ внушить симпатіи къ
себѣ въ своихъ подчиненныхъ. Все это

вмѣстѣ взятое заставило Ж. просить на-
чальство о переводѣ его въ строевую
службу. Просьба его была тотчасъ же
удовлетворена: онъ былъ назначенъ въ
7-й артиллерійскій полкъ на Кавказъ съ
приказаніемъ выѣхать изъ Петербурга
въ 24 часа. Когда полкъ, въ томъ же
году былъ переименованъ въ 21-ю артил-
лерійскую бригаду, Ж. остался служить
въ этой бригадѣ. Въ 1810 г. онъ прини-
малъ участіе въ двухъ экспедиціяхъ: про-
тивъ закубанскихъ народовъ и противъ
кабардинцевъ, за что былъ награжденъ
орденомъ св. Владимира 4 ст. съ бантомъ.
Въ томъ же году онъ перевелся на службу
въ 1-й кадетскій корпусъ, а черезъ два
года перешелъ въ 11-ю артиллерійскую
бригаду, переименованную въ 24-ю.
Въ отечественную войну 1812 г. онъ
участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій на
русской территоріи, а въ слѣдующемъ
году—и за границей. 1 марта 1814 г., при
отступленіи отъ г. Реймса, онъ былъ
взятъ въ плѣнъ и пробылъ тамъ до за-
ключенія мира. Въ слѣдующемъ году онъ
опять принимаетъ участіе въ походахъ:
въ Польшу, Германію и Францію. 1 мар-
та 1820 г. онъ вышелъ, по домашнимъ
обстоятельствамъ, въ отставку. Семь лѣтъ
спустя Ж. опять вступилъ въ службу,
уже въ корпусъ жандармовъ, и былъ на-
значенъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ
въ г. Орель. Когда, въ 1831 г., началась
кампанія противъ поляковъ, Ж., находясь
при главнокомандующемъ дѣйствующею
арміею, вмѣстѣ съ главною квартирою
вступилъ въ предѣлы Царства Польскаго
и участвовалъ, кромѣ другихъ сраженій,
во взятіи Варшавы, за что и былъ на-
гражденъ нѣсколькими орденами. Въ томъ
же году онъ былъ назначенъ генералъ-
гевальдингеромъ, а также и генералъ-
полиціеймейстеромъ дѣйствующей арміи.
Въ слѣдующемъ же переименованъ въ
дѣйств. ст. совѣтники и назначенъ Ко-
стромскимъ гражданскимъ губернаторомъ.
Но въ этой должности Ж. оставался не-
долго: по разстроенному здоровью былъ
уволень съ причисленіемъ къ министер-
ству внутреннихъ дѣлъ. А черезъ два
года онъ опять вернулся къ той же дѣя-
тельности, будучи назначенъ С.-Петер-
бургскимъ гражданскимъ губернаторамъ,
и тутъ положилъ много труда и по взы-
сканію податей и недоимокъ по С.-Петер-

бургской губернии, и по приему рекрутъ, и по преобразованію управленія государственными имуществами, за что неоднократно получалъ выраженія Монаршаго благоволенія и удовольствія, кромѣ денежныхъ и орденскихъ наградъ. 30 дек. 1840 г., во вниманіе усердной службы его, Ж. былъ произведенъ въ тайные совѣтники, и ему повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. А затѣмъ Ж. получаетъ цѣлый рядъ отвѣтственныхъ порученій: въ 1842 г.—произвести ревизію Восточной Сибири, но такъ какъ въ это время онъ заболѣлъ, то это порученіе было отмѣнено; затѣмъ въ слѣдующемъ году — обрѣзывать Таганрогское градоначальство; еще черезъ годъ — подробно осмотрѣть Керченскій карантинъ. За эти труды ему былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла. Въ 1846 г. его назначили засѣдать въ особомъ присутствіи Сената для производства торговъ на отдачу въ откупъ акцизныхъ статей по питейнымъ сборамъ. Въ слѣдующемъ же — Ж. былъ назначенъ членомъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ и попечителемъ больницы св. Маріи Магдалины и раскольниковскихъ городскихъ богадѣленъ (впослѣдствіи Волковскихъ), и, какъ таковой, не мало потрудился на пользу бѣдныхъ и больныхъ столицы, въ особенности во время холеры, бывшей въ концѣ 50-хъ годовъ. За свою полезную дѣятельность на этомъ поприщѣ Ж. получилъ орденъ св. Александра Невскаго, а въ 1854 г. — алмазные знаки этого ордена. Въ 1858 г. его произвели въ дѣйств. тайные совѣтники. въ 1863-же году — пожаловали ему, во вниманіе заслугъ его, въ вѣчное и потомственное владѣніе 4600 десятинъ „удобной и неудобной земли“ въ Самарской губ. Черезъ два года онъ получилъ послѣднюю награду — орденъ св. Владиміра 1 ст., и будучи на службѣ, въ томъ же году умеръ 3 сентября.

Формулярный списокъ о службѣ.

М. Васильевская.

Жерковъ, Александръ Васильевичъ, генераль-отъ-инфантеріи; членъ генераль-аудиторіата военнаго министерства и Александровск. Комитета о раненыхъ. Родился въ 1798 г. Умеръ въ 1871 г. Происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской гу-

бернии. Воспитывался въ 1 кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ 11 апрѣля 1816 г. прапорщикомъ въ гренадерскій наслѣднаго принца Прусск. полкъ. Въ январѣ 1821 г. переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Во время турецкой войны (1828—29 гг.) находился въ походѣ въ Европейскую Турцію; перешелъ черезъ Дунай и участвовалъ въ осадѣ кр. Варны. Въ 1829 г. произведенъ въ полковники. Въ 1831 г. участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа, находился въ сраженіяхъ при Жолткахъ и при взятіи передовыхъ укрѣпленій и городского вала гор. Варшавы. 6 декабря 1837 г. произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, при которомъ и находился до весны 1838 г. Послѣ этого нѣсколько мѣсяцевъ (мартъ—октябрь 1838) командовалъ 2 бригадой 3 пѣхотной дивизіи, около 5 лѣтъ (1838—43) Образцовымъ пѣхотнымъ и столько-же (1843—48) — л.-гв. Преображенскимъ полками. 2 іюня 1843 г. назначенъ командиромъ 1-й гвардейской пѣхотной бригады, съ оставленіемъ въ званіи командира л.-гв. Преображенскаго полка. Въ 1848 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты, съ отчисленіемъ отъ должности полковаго командира и предоставленіемъ права носить мундиръ л.-гв. Преображенскаго полка. Съ 1849 по 1856 г. командовалъ 2-й гренадерской дивизіей, а по сдачѣ этой должности былъ назначенъ членомъ генераль-аудиторіата военнаго министерства и носилъ это званіе до конца своей жизни. Въ генералы-отъ-инфантеріи произведенъ въ 1866 г. Съ 1867 г. состоялъ членомъ комитета о раненыхъ.

Послужн. списокъ въ общемъ архивѣ главнаго штаба, кн. лит. А.

Жерве, Андрей Андреевичъ, извѣстный въ свое время государственный дѣятель, служившій послѣдовательно въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, сынъ архитектора Генриха (Андрея) Жерве, родился 23 ноября 1773 года. Получивъ домашнее воспитаніе, двѣнадцати лѣтъ былъ зачисленъ сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, откуда въ декабрѣ 1791 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. 1 Января слѣдующаго года пожалованъ арміи капи-

таномъ, съ опредѣленіемъ въ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ, изъ котораго въ маѣ того-же года переведенъ въ Ревельскій пѣхотный полкъ. При вступленіи нашихъ войскъ въ 1792 г. въ Польшу, А. А. находился въ отрядѣ кн. Василія Долгорукова, 14 мая участвовалъ въ сраженіи при м. Опсѣ и былъ отправленъ кн. Долгоруковымъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ къ главнокомандующему М. Н. Кречетникову, при чемъ, свидѣтельствуя о выдающейся храбрости капитана Жерве, князь просилъ о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ. 21 декабря 1794 г. онъ былъ переведенъ въ Великолуцкій пѣхотный полкъ, въ слѣдующемъ году пожалованъ „кригсъ-цалмейстеромъ премьер-майорскаго ранга“, а затѣмъ назначенъ генеральсь-адъютантомъ въ штабѣ князя Пл. Ал. Зубова. Вскорѣ онъ былъ переведенъ въ Харьковскій легкоконный полкъ, затѣмъ 20 ноября 1797 г. переименованъ въ коллежскіе ассесоры и переведенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь онъ довольно быстро выдѣлился на служебномъ поприщѣ, въ 1800 г. награжденъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

Въ 1801 г. былъ заключенъ мирный трактатъ между Россіею и Франціею. А. А. было поручено составить проектъ этого трактата, съ которымъ въ августѣ 1801 г. онъ былъ командированъ въ Парижъ къ нашему посланнику гр. А. И. Маркову. 29 сентября посолъ представилъ Талейрану Жерве, какъ лицо, составлявшее и привезшее изъ Петербурга трактатъ. Талейранъ принялъ трактатъ безъ существенныхъ возраженій. 1 декабря 1801 г. ратификованный договоръ былъ возвращенъ изъ Петербурга, но гр. Марковъ подъ разными предлогами задержалъ А. А. въ Парижѣ до середины февраля 1802 г., когда получивъ денежную награду въ 8 тыс. ливровъ, онъ отправился къ мѣсту своего служенія.

Въ 1802 г., въ чинѣ коллежскаго совѣтника, онъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавію, откуда въ 1804 г. возвратился въ Петербургъ и занялъ мѣсто экспедитора въ канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ. Въ кампаніи 1805 года А. А. находился за границею въ Главной Квартирѣ дѣйствующей арміи и исполнялъ разныя порученія Государя, а по возвращеніи въ Петербургъ

принималъ участіе въ переговорахъ о возобновленіи союзнаго трактата съ Турціею. Во время войны 1806—1807 гг. онъ былъ командированъ въ Бартенштейнъ, гдѣ въ то время находился Императоръ. Наградями за успѣшное исполненіе возлагавшихся на него порученій были ордена св. Анны 2-й степ. и св. Владиміра 3 степ., пожалованные при особыхъ именныхъ Высочайшихъ грамотахъ.

Служба А. А. Жерве продолжалась въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; 1 января 1811 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Одною изъ его главныхъ обязанностей была разбирать шифрованныя депеши, получавшіяся нашимъ правительствомъ изъ различныхъ государствъ. Именно это обстоятельство въ 1812 г. значительно повліяло на его судьбу.

А. А. былъ близокъ съ М. М. Сперанскимъ и Магницкимъ, которые, какъ извѣстно, были арестованы въ мартѣ 1812 г. и сосланы: первый—въ Нижній Новгородъ, второй—въ Вологду. Пострадалъ также и Бека, служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ: онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость за то, что доставлялъ Сперанскому расшифрованныя секретныя бумаги, найденныя въ кабинетѣ послѣдняго. Это побудило Жерве обратиться къ Государю съ письмомъ, въ которомъ считалъ „своимъ самымъ священнымъ долгомъ разъяснить мнѣніе“ Александра I по сему предмету. Письмо на французскомъ языкѣ было передано Императору графомъ Нессельроде 26 марта. Оно сохранилось въ бумагахъ А. А. и было напечатано въ октябрьской книжкѣ „Русск. Старины“ 1897 г. съ исправленіями, сдѣланными по приказанію Александра I, какъ это отмѣтилъ самъ Жерве. Послѣдній, между прочимъ, писалъ: „Я одинъ и единственно я доставлялъ эти бумаги г. Сперанскому, который въ дѣйствительности зналъ, что я ихъ получаю отъ Бека, но сей послѣдній находился въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ этомъ употребленіи бумагами мною дѣлаемомъ...“ „лщю себя надеждою, что ваше величество сочтетъ (е?) справедливымъ освободить нынѣ г. Бека отъ всякой отвѣтственности въ этомъ отношеніи. Я только повинуюсь законамъ чести, дѣлая подобное призна-

нѣ вашему императорскому величеству (и безропотно подчиняюсь наказанію, которое по мѣнѣнію вашего величества заслуживаю)“... Дальше онъ, между прочимъ, пишетъ: „Если я ошибся, зайдя слишкомъ далеко въ моемъ довѣріи къ Сперанскому, то очевидно являюсь виновнымъ и подчиняюсь безропотно наказанію, которому ваше величество признаете нужнымъ меня подвергнуть“.

Какъ видно изъ дневника А. А. Жерве, довольно длинное письмо, нѣсколько словъ изъ котораго приведены выше, Государь прочелъ 26 марта и приказалъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, что и было исполнено Жерве, послѣ чего онъ вторично представилъ письмо Государю (слова отмѣченныя въ скобкахъ были только въ первоначальномъ текстѣ). Прочтя представленное графомъ Нессельроде 26 марта письмо, Государь сказалъ: „je vois bien qu' il n' y a dans tout cela rien de criminel, je laisserai tomber cette affaire et ferai sortir Beck (я хорошо вижу, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего преступнаго и я прикажу прекратить это дѣло и освободить Бека). Тѣмъ не менѣе въ тотъ-же вечеръ министръ полиціи былъ у Жерве, чтобы опечатать всѣ его бумаги, при чемъ А. А. заявилъ, что имѣетъ также письма и бумаги, относящіяся къ его служебной дѣятельности, вслѣдствіе чего у него были взяты и ключи отъ письменнаго стола. На слѣдующій день государственный канцлеръ сообщилъ А. А., что Государь назначилъ ему преемникомъ князя Козловскаго, которому и предложено было сдать должность. 3 апрѣля онъ былъ приглашенъ въ тайный комитетъ къ графу Н. И. Салтыкову и, по выраженію его дневника, допрошенъ самымъ строжайшимъ образомъ.

Къ 6 іюля, Бекъ, за котораго въ своемъ всеподданѣйшемъ письмѣ ходатайствовалъ Жерве, былъ освобожденъ изъ заключенія, самъ-же онъ хотя и остался служить въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и продолжалъ пользоваться большимъ расположеніемъ гр. Нессельроде, какъ будто нѣсколько пріостановился въ своихъ служебныхъ успѣхахъ. Вѣроятно это и побудило его перейти въ министерство финансовъ, гдѣ тогдашній министръ Гурьевъ предложилъ ему должность начальника Радзивилловскаго таможеннаго округа, въ

которомъ въ то время были обнаружены страшные безпорядки и злоупотребленія. Однако не принявъ еще этой должности, Жерве получилъ предложеніе Гурьева отправиться въ дѣйствующую армию, куда онъ и отбылъ 20 ноября 1813 г., прибывъ въ Франфуртъ на Майнѣ (13го января 1814 г.) незадолго до пріѣзда туда императрицы Елизаветы Алексѣевны, которой и былъ здѣсь представленъ. Затѣмъ, по предложенію Нессельроде, онъ поспѣшно выѣхалъ въ Амстердамъ для участія въ переговорахъ съ голландскими и нѣмецкими банкирами относительно платежей по содержанію нашихъ войскъ за границу. Онъ прибылъ сюда 3 февраля 1814 г. и тотчасъ приступилъ къ переговорамъ съ банкиромъ Гоппе и К^о.

По прибытіи Государя въ Амстердамъ, Жерве рѣшился переговорить съ кн. П. М. Волконскимъ о своемъ положеніи, результатомъ чего было приказаніе Императора явиться утромъ 21 іюня (3 іюля). Этотъ знаменательный въ жизни Жерве пріемъ такъ записанъ въ его дневникѣ:

„Минуты черезъ двѣ-три я былъ позванъ въ кабинетъ его величества и встрѣченъ милостивымъ, но серьезнымъ тономъ. Императоръ сталъ говорить о бумагахъ, подавшихъ поводъ къ моей аудіенціи. Государь просмотрѣлъ ихъ всѣ съ большимъ вниманіемъ и сказалъ, что не хочетъ и не можетъ ничего рѣшать въ настоящую минуту, не переговоривъ съ барономъ Штейномъ и Нессельроде, и приказалъ мнѣ сегодня-же ѣхать въ Бруксаль, гдѣ оба назначенныя лица будутъ находиться и тамъ ждать дальнѣйшихъ его приказаній“... „Когда я намѣревался откланяться, Государь сказалъ мнѣ серьезнымъ и почти торжественнымъ тономъ (по французски): „Чтобы доказать вамъ, что я совершенно забылъ прошлое, я вновь назначилъ васъ на службу и льщу себя надеждою, что вы мнѣ будете служить съ тѣмъ-же рвеніемъ, какъ и всегда. Всякій другой на моемъ мѣстѣ и при тѣхъ-же обстоятельствахъ, при которыхъ я находился, поступилъ-бы такимъ-же образомъ. Конечно, было, безъ сомнѣнія, нѣкоторое злоупотребленіе довѣріемъ, но если-бы я не былъ принужденъ спѣшить, это могло бы устроиться инымъ образомъ. Я часто сожалѣлъ, что долженъ былъ лишиться содѣйствія его дарованій и про-

свѣщенныхъ свѣдѣній, но "... „Послѣ этого“, пишетъ Жерве, настала продолжительная минута молчанія, въ продолженіе которой я счелъ необходимымъ поблагодарить Государя за выраженную мнѣ монаршую милость.—Я готовъ былъ продолжать разговоръ объ этомъ-же предметѣ, но Императоръ, кивнувъ головой, далъ мнѣ понять, что ауденція кончилась. Я откланялся и вышелъ“.

Въ ту-же ночь Жерве выѣхалъ въ Бруксаль, куда затѣмъ пріѣхалъ и Государь. Здѣсь А. А. снова представлялся Императрицѣ и въ тотъ-же день (30 июня) удостоился приглашенія на обѣдъ, при чемъ Государь сказалъ ему нѣсколько милостивыхъ и благосклонныхъ словъ, чѣмъ подтвердилъ, что дѣйствительно совершенно забылъ прошлое. „Въ Амстердамѣ А. А. до конца ноября былъ занятъ выполненіемъ возложеннаго на него отвѣтственнаго порученія; получивъ разрѣшеніе, онъ выѣхалъ въ Россію, куда, послѣ дѣловаго объясненія съ банкирами въ Берлинѣ, прібылъ въ началѣ января 1815 г. и представилъ свой отчетъ съ приложениями о денежныхъ операціяхъ, произведенныхъ въ Высочайше вѣреннѣй его управленію заграничной комиссіи. Министръ финансовъ Гурьевъ принялъ его очень ласково, а по разсмотрѣніи отчета, написалъ ему особое письмо, въ которомъ свидѣтельствовалъ объ отличныхъ познаніяхъ и неутомимой попечительности А. А. въ исполненіи возложеннаго на него порученія и обѣщалъ при первомъ удобномъ случаѣ представить отчетъ на благоусмотрѣніе Государя. Въ началѣ апрѣля того-же года онъ былъ снова посланъ съ бумагами за границу, въ Вѣну, гдѣ въ то время находился Императоръ. Прибывъ сюда въ концѣ апрѣля, Жерве не могъ сразу представить привезенныя имъ дѣла Государю, который былъ очень занятъ Вѣнскимъ конгрессомъ и приказалъ Жерве слѣдовать за главною квартирою въ Гейдельбергъ. Еще до отъѣзда туда А. А. совершенно неожиданно для себя получилъ прусскій орденъ Краснаго Орла 2-й степ. при письмѣ Гарденберга (отъ 29 мая 1815 г.), который начиналъ это письмо такими словами: „Его величеству королю, моему государю, вполнѣ извѣстно рвеніе и усердіе, проявленныя вами въ продол-

женіе двухъ послѣднихъ военныхъ кампаній, къ огражденію праваго дѣла и достиженію успѣха союзными войсками. Служа вашему государю и вашей странѣ, вы способствовали упроченію дружбы и добраго согласія, царствующихъ между нашими двумя правительствами“...

Прибывъ съ главною квартирою въ Франкфуртъ, Жерве получилъ здѣсь порученіе отъ Государя, состоявшее въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ гр. Нессельроде разсмотрѣть финансовыя предложенія, сдѣланныя нѣкимъ Георгомъ Шварцемъ, котораго Государь обнадежилъ и далъ ему изъ своихъ средствъ около двухъ сотъ тысячъ гульденовъ. Когда совершилось окончательное пораженіе Наполеона при Ватерло, А. А. былъ экстренно вызванъ графомъ Нессельроде изъ Франкфурта въ Парижъ, куда онъ прібылъ 14 (26) іюля, началъ заниматься у графа и принялъ участіе въ обсужденіи порядка уплаты Франціей наложенной на нее контрибуціи. Онъ завѣдывалъ также денежными суммами нашего правительства, отпущенными на содержаніе русской арміи, и неоднократно получалъ именные указы за подписью Императора. Между прочимъ, онъ-же производилъ платежи за предметы, пріобрѣтенные Александромъ I въ Мальмезонѣ, имѣніи Жозефины, первой супруги Наполеона. Въ томъ-же году А. А. опасно заболѣлъ, что вынудило его уѣхать на воды въ Спа. Въ началѣ октября слѣдующаго года онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ былъ пожалованъ арендою на 12 лѣтъ въ Перновскомъ и Эзельскомъ уѣздахъ Лифляндской губ. (мызы Лайкаръ и Менуеть).

24 августа 1817 г. А. А. Жерве былъ назначенъ въ комиссію погашенія государственныхъ долговъ, но сильно разстроившееся здоровье побудило его скорѣе оставить Петербургъ надолго. Весною 1819 г. онъ получилъ отпускъ за границу до излѣченія болѣзни, съ сохраненіемъ содержанія, и уѣхалъ сначала въ Гамбургъ, а затѣмъ, послѣ лѣченія на минеральныхъ водахъ, въ Парижъ, гдѣ обыкновенно большею частью и проживалъ въ послѣдующіе годы. Здѣсь онъ поддерживалъ знакомство со многими выдающимися людьми того времени и, между прочимъ, часто встрѣчался и бесѣдовалъ съ извѣстнымъ политико-экономомъ Бланки. Резуль-

татомъ этихъ бесѣдъ и прочитанныхъ специальныхъ сочиненій явилась составленная Жерве записка о русскихъ бумажныхъ деньгахъ.

За границу онъ пробылъ до начала 1828 г., когда, возвратясь въ Петербургъ и поступивъ снова въ комиссію погашенія долговъ, представилъ свою записку новому министру финансовъ гр. Канкрину. Хотя основною цѣлью записки А. А. было поднятіе нашихъ бумажныхъ денегъ, его проектъ не получилъ никакого движенія не смотря на замѣчательную настойчивость, съ которою онъ старался его проводить до конца своей жизни. Это вполнѣ объяснимо: Сперанскій высказался Жерве совершенно откровенно, что Канкринъ слышкомъ высокаго мнѣнія о своихъ финансовыхъ познаніяхъ и не допуститъ вмѣшательства кого-либо въ сферу его дѣятельности. Не получая долго отвѣта отъ гр. Канкринъ, А. А. 25 марта 1830 г. напомнилъ ему о своемъ проектѣ запискою, на которую графъ 3 мая прислалъ отвѣтъ въ довольно общихъ выраженіяхъ, „присовокупивъ“, что подобное предложеніе „было уже предметомъ особаго разсмотрѣнія правительства, но оставлено безъ послѣдствій“. Неутомимый Жерве за нѣсколько дней передъ тѣмъ представилъ гр. Нессельроде копию своего проекта при двухъ пространныхъ запискахъ, въ которыхъ просилъ ходатайства о разсмотрѣнія его проекта свѣдущими и безпристрастными лицами. Вице-канцлеръ черезъ недѣлю отвѣтилъ очень любезнымъ письмомъ, которымъ извѣщалъ А. А., что не смотря на множество дѣлъ, накопившихся у него предъ отъѣздомъ, онъ прочелъ всѣ доставленные ему бумаги, касающіяся вопроса, который всегда казался ему чрезвычайно важнымъ и интереснымъ, но остается совершенно противоположнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ, хотя и готовъ по возвращеніи своемъ возобновить ихъ взаимныя разсужденія и развить всѣ свои соображенія, насколько этого пожелаетъ Жерве.

Новыя просьбы послѣдняго къ гр. Канкрину и Нессельроде, Мордвинову, кн. Кочубею и даже совѣты со Сперанскимъ по поводу комиссіи для разсмотрѣнія его проекта остались безъ успѣха. Между тѣмъ здоровье его постепенно ухудшалось, онъ постоянно лѣчился и не особенно

былъ занятъ службою, т. к. Высочайшимъ указомъ 30 января 1831 г. былъ причисленъ къ Герольдіи съ полученіемъ полнаго оклада жалованья.

2 ноября 1832 г. онъ скончался и погребенъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ французскомъ реформатскомъ кладбищѣ.

И передъ смертью не забылъ онъ своего проекта. „Приближаясь къ торжественной минутѣ, когда прекратятся всѣ мечтанія сего суетнаго міра“, онъ написалъ Н. М. Лонгинову письмо, которымъ просилъ его представить послѣ смерти письмо Императору. Въ этомъ всеподданнѣйшемъ письмѣ Жерве въ послѣдній разъ просилъ поручить разсмотрѣніе его проекта какому-либо лицу по усмотрѣнію Государя, „только не графу Канкрину“. Не имѣемъ свѣдѣній было-ли это письмо представлено по назначенію и имѣло-ли оно какія-нибудь послѣдствія.

А. А. Жерве былъ женатъ на дочери банкира Софій Карловнѣ Ямбургеръ. Отъ этого брака, сблизившаго его съ М. М. Сперанскимъ, онъ имѣлъ двухъ дочерей и нѣсколько сыновей, изъ коихъ Александръ и Николай служили въ кавалергардахъ. Послѣ А. А. остался дневникъ и довольно большое количество документовъ, которые имѣютъ не только семейный, но и общественный интересъ.

П. Майковъ. „Андрей Андреевичъ Жерве“. Биографическій очеркъ. „Русск. Старина“. 1897 г., октябрь—ноябрь.—Дѣло объ опредѣленіи Ревельск. пѣх. полка капит. А. А. Жерве кригсъ-цалмейстеромъ премьеръ-майорскаго чина, съ перенесеномъ въ ген.-адъютанты на ген.-фельдцейхм. кн. П. А. Зубову. Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. Оп. 63, св. 272, д. 84.

В. Жерве.

Жерве, Александръ Карловичъ, генералъ-лейтенантъ, комендантъ г. Тобольска. Сынъ выборскаго коменданта, Карла Еремеевича Жерве, А. К. родился 26 октября 1779 г. и по окончаніи курса наукъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, 13 декабря 1798 г. выпущенъ подпоручикомъ въ 1-й осадный артиллерійскій батальонъ. Съ 1800 по 1806 г. онъ числился во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Когда въ декабрѣ 1806 г. формировался Императорскій батальонъ милиціи, Великій Князь Константинъ Павловичъ, по порученію Императора Александра I, лично выбиралъ офицеровъ для этого батальона, сформиро-

важнаго отчасти на средства и при особомъ участіи царской семьи и положившаго начало Л.-Гв. Финляндскому полку. А. К., въ чинѣ поручика, былъ избранъ царевичемъ, какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ, и весною слѣдующаго года выступивъ въ заграничный походъ, участвовалъ въ сраженіяхъ съ французами при Гутчитадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, при чемъ за боевыя отличія награжденъ золотомъ шпагаю съ надписью „за храбрость“.

Въ 1812 году Ж. былъ уже полковникомъ и, командуя въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку 3-мъ батальономъ, отличился съ нимъ въ Бородинскомъ бою, гдѣ по словамъ официальнаго донесенія, „съ отличною храбростью“, закричавъ ура, бросился въ штыки и опрокинулъ непріятеля. Въ этомъ же сраженіи онъ былъ раненъ пулею въ правую ногу на вылетъ и для излѣченія раны отправленъ въ г. Касимовъ, гдѣ пробылъ три съ половиною мѣсяца. За отличіе подъ Бородинымъ онъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степ. съ алмазами. Въ заграничномъ походѣ 1813—1814 гг. Ж. снова въ строю и продолжаетъ командовать своимъ батальономъ, съ которымъ достойно участвуетъ въ дѣлахъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дишольдисбальде, Кульмомъ и Лейпцигомъ. За отличіе подъ Люценомъ онъ получилъ орденъ св. Владимира 3 степени.

Сраженіе подъ Лейпцигомъ 4 октября 1813 г. было особенно знаменательно въ жизни А. К. Участникъ этого выдающагося боя А. Н. Маринъ, первый исторіографъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, говоритъ: „Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, когда Финляндскій полкъ вытѣснялъ изъ селенія Госсы французовъ, а 3-й батальонъ полка обошелъ селеніе, батальонный командиръ полковникъ Жерве съ своими офицерами первые перелѣзли черезъ каменную ограду и егеря бросились за ними, погнавши уже французовъ: но, бывъ окружены многочисленнымъ непріятелемъ, крѣпко отстаивали свое мѣсто; многіе офицеры были ранены; тогда гренадеръ Коренной, пересадивъ батальоннаго командира Жерве и другихъ раненыхъ начальниковъ своихъ черезъ ограду“, самъ продолжалъ защищаться, пока, получивъ 18 ранъ, не былъ взятъ въ плѣнъ. О подвигѣ Кореннаго было донесено На-

полеону, который отпустилъ его изъ плѣна. Самый же подвигъ, по Высочайшему повелѣнію, увѣковѣченъ извѣстною картиною художника Бабаева, который изобразилъ Кореннаго, спасающаго Жерве. Послѣдній изображенъ въ крайне невыгодной для себя позѣ, при томъ не вполне соответствующей обстановкѣ описаннаго случая. Картина Бабаева находится въ зимнемъ дворцѣ, а другой ея экземпляръ—въ офицерскомъ собраніи Л.-Гв. Финляндскаго полка. Многочисленныя печатныя копія ея распространены въ войсковыхъ частяхъ и военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдствіе тяжелаго пораненія командира полка и старшаго полковника, Ж. въ сраженіи подъ Лейпцигомъ принялъ командованіе полкомъ и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степ. Ему же пришлось повести полкъ и въ дальнѣйшій походъ, перейти съ союзными войсками Рейнъ и принять участіе въ занятіи Парижа. При обратномъ слѣдованіи съ полкомъ черезъ Берлинъ онъ былъ здѣсь награжденъ прусскимъ орденомъ „Pour le mérite“.

Въ 1815 г. Ж. женился (на Е. П. Писемской) и по этому случаю Императоръ Александръ I пожаловалъ ему двѣ тысячи рублей ассигнаціями. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ командиромъ 2-го егерскаго (нынѣ 96 пѣх. Омскаго) полка и вскорѣ произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 21 пѣх. дивизіи, въ которой, послѣ небольшого періода командованія резервными батальонами 9-й пѣхотной дивизіи,—командовалъ въ теченіе десяти лѣтъ (1817—1827) третьей бригадой. Послѣ этого онъ получилъ 1-ю пѣх. дивизію, которую командовалъ около четырехъ лѣтъ.

Во время Польской войны 1831 г. онъ находился въ составѣ корпуса графа Палена 1-го, командовалъ 16-ю пѣх. дивизіею и за отличія въ сраженіи на Проховскихъ высотахъ и при взятіи г. Минска, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степ. и польскимъ знакомъ „Virtutimilitari“ 2-й степ. Въ ноябрѣ 1831 г. назначенъ начальникомъ 14 пѣх. дивизіи, которую прокомандовалъ около двухъ лѣтъ. 6 декабря 1833 г., въ чинѣ генераль-лейтенанта, онъ получилъ послѣднее назначеніе—коменданта г. Тобольска и въ этой

должности оставался до 31 декабря 1839 г., когда по разстроенному здоровью был уволен от службы съ мундиромъ и пенсією.

Значительную часть времени по выходѣ въ отставку онъ проживалъ въ Парижѣ и скончался въ 1858 году.

Формул. списокъ въ Моск. отдѣл. Общ. архива Главн. Штаба. Книга 1838 г. № 4251. — Тамъ-же Дѣло № 25, св. 60, 1815 г. по запискѣ ген.-ад. Сипягина о денежномъ награжденіи г.г. офицерамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. — А. Маринъ. Краткій очеркъ исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка. СПб. 1846 г. — Полковникъ Ф. Я. Ростовскій. Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка. СПб. 1881 г. — „Историческій Вѣстникъ“ 1898 г. май—декабрь. „Воспоминанія Конст. Карловича Жерве“ и неизданная часть ихъ (рукопись).

В. Жерве.

Жерве, Карлъ (Ганнибалъ) Еремеевичъ, генераль-маіоръ, Выборгскій комендантъ, родился въ 1755 году. Какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, онъ происходилъ „изъ дворянъ Прусской націи реформаторскаго закона“ и, по словамъ его сына, Конст. Карл. Жерве, оставившаго обстоятельныя „Воспоминанія“ (см. о немъ), въ которыхъ упоминаетъ о многихъ своихъ родныхъ, Карлъ Еремеевичъ былъ однимъ изъ трехъ братьевъ, прибывшихъ въ Россію около 1760—61 гг. Формуляръ отмѣчаетъ, что онъ началъ службу кадетомъ 1 декабря 1772 г. и прапорщикомъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку 31 іюля 1775 г. Въ слѣдующемъ году онъ поступилъ на службу въ Сухопутный (нынѣ 1-й) кадетскій корпусъ, гдѣ дослужился до чина „кадетскаго капитана“ и въ 1785 г. „выпущенъ“ премьер-маіоромъ въ Кексгольмскій пѣхотный (нынѣ л.-гв.) полкъ, откуда переведенъ въ морскіе батальоны. Въ апрѣлѣ 1790 г. былъ командированъ на 100-пушечный корабль „Двѣнадцать апостоловъ“ эскадры вице-адмирала Сухотина „въ кампаніи отъ Кронштадта“. 13 мая того-же года К. Е. принималъ участіе въ трехкратномъ сраженіи противъ шведскаго флота, состоя подъ командою адмирала Крузе, а 23 и 24 мая — въ морскомъ бою при Красной горѣ и о-вѣ Сесвари; затѣмъ, по соединеніи съ ревелюскою эскадрою, атаковалъ шведскій флотъ въ Выборгской губѣ. Онъ участвовалъ также 22 іюня въ прорывѣ

непріятельскаго флота, который преслѣдовалъ до Гельсингфорса.

Въ 1793 г. К. Е. былъ переведенъ въ Великолудскій пѣхотный полкъ, гдѣ въ 1798 г. былъ произведенъ въ полковника и въ слѣдующемъ же году въ генераль-маіоры съ назначеніемъ шефомъ сначала въ Елецкій мушкетерскій полкъ и черезъ двѣ недѣли шефомъ-же въ Черниговскій мушкетерскій полкъ. Въ ноябрѣ 1800 г. К. Е. переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, а черезъ два мѣсяца назначенъ комендантомъ Кексгольмской крѣпости. Сравнительно быстрое повышеніе по службѣ именно въ годы царствованія Императора Павла слѣдуетъ объяснить благоволеніемъ къ нему этого государя, со смертью котораго К. Е., какъ самъ потомъ говаривалъ, потерялъ много. Въ началѣ 1802 г. онъ былъ назначенъ шефомъ въ Выборгскій гарнизонный полкъ, а затѣмъ принялъ участіе въ Шведской войнѣ 1809 г., съ апрѣля по декабрь состоя въ Карельскомъ резервномъ корпусѣ, дѣйствовавшемъ между Куошо и Улеаборгомъ, причемъ, между прочимъ, получилъ порученіе транспортировать провіанты и фуражъ отъ Нейшлота водою, частью на канонерскихъ, частью на обывательскихъ лодкахъ, черезъ пороги до Улеаборга.

По окончаніи шведской войны, въ ноябрѣ 1809 г. К. Е. былъ назначенъ Комендантомъ Выборгской крѣпости, оставаясь и шефомъ Выборгскаго полка, „за исправность“ котораго удостоился (въ 1811 г.) получить Высочайшее благоволеніе. Когда нашествіе Наполеона въ Россію угрожало безопасности Петербурга, отсюда на корабляхъ были высланы въ Выборгъ на пооченіе К. Е., какъ коменданта, драгоцѣнности изъ Эрмитажа и Зимняго дворца — картины, брилліанты и разное имущество Царской фамиліи, при собственноручномъ письмѣ Императора Александра I. Всѣ эти цѣнности особою заботливостью К. Е. Ж. сохранялись въ выборгскомъ шлоссѣ до весны 1813 г.

Отличительными чертами его были общительность и широкое гостепріимство, которое мѣстное общество умѣло цѣнить. Помимо членовъ его большой семьи, за комендантскимъ столомъ къ обѣду собирались его сослуживцы, а также почетныя лица какъ мѣстныя, такъ и пріѣзжавшія въ Выборгъ. Въ праздничные дни приемы

у коменданта отличался особою торжественностью. По поводу одного изъ нихъ сохранился любопытный приказъ военнаго министра Баркляя де-Толли: „Дошло до свѣдѣнія, что минувшаго августа 30 числа во время обѣденнаго стола у Выборгскаго Коменданта генераль-маіора де-Жерве по приказанію его произведена была съ крѣпости пушечная пальба, каковая Высочайшимъ указомъ 1796 г. декабря въ 7 день и послѣдовавшими предписаніями въ вѣкторіальные и другіе праздничные дни запрещена; за что сдѣлавъ означенному генераль-маіору де-Жерве выговоръ, объявляю о томъ и по всей арміи“.

К. Е. скончался въ 1818 г. и погребенъ въ Выборгѣ, на кладбищѣ за Петербургскимъ форштатомъ. Онъ былъ два раза женатъ на родныхъ сестрахъ Натальѣ и Дарьѣ Вейраухъ и умеръ, оставивъ большую семью.

Формулярный списокъ ген.-маіора К. Е. Жерве.—Приказъ Воен. Министра 5 окт. 1810 г. № 59.—Воспоминанія Конст. Карловича Жерве—рукопись, часть напечатанная въ „Историч. Вѣстникъ“ въ маѣ—декабрѣ 1898 г.

В. Жерве.

Жерве, Константинъ Карловичъ, инженеръ-генераль-маіоръ, авторъ интересныхъ воспоминаній, печатавшихся въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ 1898 г.

Сынъ выборгскаго коменданта К. Е. Жерве, К. К. родился 2-го февраля 1803 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ выборгской гимназій, а затѣмъ осенью 1818 г. поступилъ въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, гдѣ пробылъ, впрочемъ, недолго и, вслѣдствіе расточительнаго образа жизни воспитанниковъ того времени и отсутствія лишнихъ средствъ, рѣшилъ поступить въ Главное (нынѣ Николаевское) инженерное училище, тогда только-что основанное. Здѣсь пробылъ онъ два года чрезвычайно интереснаго періода жизни училища, пользовавшагося исключительнымъ вниманіемъ Великаго Князя Николая Павловича, а также Императора Александра I, что дало счастливую возможность К. К. Ж. стать лично извѣстнымъ вступившему вскорѣ на престолъ Императору Николаю I. Въ декабрѣ 1821 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики сначала Пе-

тербургской, а затѣмъ Свеаборгской инженерной команды, гдѣ прослужилъ до 1826 г., когда былъ переведенъ въ строящуюся тогда крѣпость Бобруйскъ.

Здѣсь протекъ дѣятельный и интересный періодъ его службы, неоднократно отмѣченный личнымъ вниманіемъ къ нему Государя, пріѣзжавшаго нѣсколько разъ сюда для обзоренія крѣпостныхъ работъ, которыми особенно интересовался. Молодому подпоручику Ж. приходилось не разъ дѣлать доклады Государю и даже вступать съ нимъ въ диспуты по специальнымъ техническимъ вопросамъ, въ которыхъ Его Величество милостиво оцѣнивалъ познанія К. К. Изъ Бобруйска онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ командировки на разные строительныя работы и въ 1839 г. былъ назначенъ исправлять должность помощника командира Херсонскаго инженернаго округа. Въ этой должности ему пришлось много поработать по приведенію въ порядокъ сильно запутанныхъ дѣлъ по округу и по постройкѣ севастопольскихъ укрѣпленій. Въ началѣ 1842 г. онъ тяжело заболѣлъ, вслѣдствіе чего вышелъ въ отставку.

По восстановленіи здоровья К. К. Ж. въ началѣ 1844 г. снова поступилъ на службу прежнимъ чиномъ капитана, съ назначеніемъ во второй округъ инженернаго корпуса, въ Москву.

Въ слѣдующемъ году онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для постройки канюльнаго завода. Хотя эта постройка должна была производиться по Высочайше утвержденному проекту, тѣмъ не менѣе будущій строитель усмотрѣлъ въ немъ много неправильностей и упущеній, которыя явились поводомъ его пререканій съ департаментомъ военныхъ поселеній и вызвали значительную передержку, обратившую на себя вниманіе военнаго министра князя Чернышева. По его приказанію, состоявшій при немъ полковникъ Глянка произвелъ разслѣдованіе, выяснившее правильность дѣйствій капитана Ж. Въ 1846 г. онъ былъ назначенъ смотрителемъ зданія главнаго штаба Его Императорскаго Величества и даже Императорской военной академіи. То было первымъ назначеніемъ на эту должность инженернаго офицера съ большими правами по своей должности по административной, технической, экономической и хозяйствен-

ной частямъ. Такое служебное положеніе, энергичный образъ дѣйствій К. К. и выраженное ему вниманіе Государя при первомъ же посѣщеніи главнаго штаба явились причиною благосклоннаго къ нему отношенія со стороны князя Чернышева, который вскорѣ приблизилъ его къ себѣ. Частыя посѣщенія князя и его семьи К. К. дали ему возможность близко узнать военнаго министра и въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ ярко очертить въ лицѣ князя А. И. Чернышева одну изъ самыхъ крупныхъ фигуръ царствованія Императора Николая I. Въ 1847 г. за отличіе по службѣ онъ былъ произведенъ въ подполковника и вскорѣ принялъ въ свое завѣдываніе домъ военнаго министра, оставаясь въ прежнихъ должностяхъ.

Когда былъ учрежденъ хозяйственный комитетъ главнаго штаба, служебное положеніе К. К. стало гораздо болѣе зависимымъ, чѣмъ было прежде, и это заставило его отказаться отъ должности, въ которой прослужилъ 20 лѣтъ, пользуясь расположеніемъ и преемниковъ кн. Чернышева. Весною 1866 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майора, а въ слѣдующемъ году былъ зачисленъ въ запасъ инженерныхъ войскъ, имѣя въ виду поступить на частную службу. Онъ былъ принятъ въ общество постройки Кіево-Балтской желѣзной дороги, о сооруженіи которой находимъ многія любопытныя свѣдѣнія въ его „Воспоминаніяхъ“. Возвратясь въ Петербургъ и пробывъ нѣкоторое время въ запасѣ, въ 1871 г. онъ получилъ должность презуса (предсѣдателя) временной комиссіи военнаго суда при с.-петербургскомъ комендантскомъ управленіи и въ 1873 г. отпраздновалъ 50-лѣтній юбилей своей службы въ офицерскихъ чинахъ. Прослуживъ еще нѣкоторое время, К. К. Ж. въ 1877 г. совсѣмъ оставилъ службу и переехалъ на жительство въ г. Житомиръ, гдѣ 20-го іюня скончался въ семьѣ своей дочери О. К. Жерве. Прахъ его былъ привезенъ въ Петербургъ и погребенъ на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря.

Въ вышеупомянутыхъ „Воспоминаніяхъ“ К. К. Ж. далъ яркую картину быта современнаго ему общества и военно-инженерной среды; многихъ выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей своей эпохи онъ охарактеризовалъ со

свойственной ему откровенностью и не безъ литературныхъ достоинствъ интереснаго повѣствованія.

Формулярный списокъ о службѣ и достоинствахъ К. К. Жерве. Общій архивъ главнаго штаба. — „Историческій Вѣстникъ“, май — декабрь 1898 г. „Воспоминанія Константина Карловича Жерве“.

В. Жерве.

Жерве, Карлъ Леонтьевичъ, генералъ-майоръ, вполнѣдствіи предсѣдатель Ковенской казенной палаты, сынъ майора, родился въ 1787 году. По окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1805 г. произведенъ въ прапорщики Великолукскаго пѣхотнаго полка, изъ котораго въ томъ же году былъ переведенъ въ Костромской пѣхотный полкъ. Въ его рядахъ онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Въ 1806 г. К. Л. выступилъ въ походъ въ Пруссію, гдѣ былъ въ бояхъ 17 сентября, а затѣмъ 14 декабря подъ Пултускомъ. Въ 1807 г. 26 и 27 января онъ участвовалъ въ генеральномъ сраженіи подъ Прейсшп-Эйлау, за отличіе въ которомъ награжденъ орденами св. Анны 4 степ. Въ томъ же году онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при с. Вольфидорфѣ, на р. Посаргъ при Денинѣ, при Гейльсбергѣ и подъ Фридрихсдомомъ. Въ 1809 г. 22 мая К. Л. выступилъ походомъ въ Галицію, доходилъ съ полкомъ до г. Бохни, затѣмъ ходилъ въ Молдавію, а въ 1810 г. — въ Валахію и Болгарію, перешель Дунай и 7-го апрѣля участвовалъ въ блокадѣ крѣпостей Шумлы и Русука. Въ концѣ мая этого года, въ чинѣ поручика, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Штейнгелю и, занимая эту должность, принималъ участіе въ Отечественной войнѣ, побывавъ въ десяткѣ сраженій съ 14-го сентября при Даленъ-Кирхенѣ до 15 ноября при разбитіи неприятельскаго арріергарда на р. Березинѣ. За отличіе въ сраженіи 7 и 8 октября при р. Ушачѣ К. Л. былъ переведенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Въ чинѣ капитана принималъ онъ участіе и въ заграничномъ походѣ, сражаясь подъ г. Эльбингомъ и блокируя крѣп. Данцигъ.

Въ 1816 г., полковникомъ, онъ назначенъ командиромъ Подольскаго пѣхотнаго полка, которымъ прокомандовалъ около 8½ лѣтъ, проявивъ высокія личныя и служебныя качества. Въ 1824 г. принялъ

въ командованіе сначала 2-ю бригаду 2-й пѣхотной дивизіи, а затѣмъ 1-ю бригаду 10-й пѣх. дивизіи. Съ нею же участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1828—29 г.г., переправясь черезъ Дунай у сел. Сатунново, принималъ участіе въ блокадѣ, а затѣмъ атакѣ кр. Кюстенджи, при чемъ за отличіе, оказанное при ея покореніи и въ предшествовавшихъ дѣлахъ, получилъ именное Высочайшее благоволеніе; въ составѣ отряда ген.-адъют. Бенкендорфа 2-го занялъ м. Праводы и, наконецъ, съ 10 августа по 28 сентября осаждалъ крѣп. Варну и затѣмъ вступилъ въ нее по занятіи.

Въ іюнѣ 1829 г. К. Л. на кораблѣ „Императоръ Францъ I“ отправился изъ Севастополя въ Сизополь (въ нынѣшней Восточной Румеліи). Распространившаяся въ концѣ Турецкой войны чума унесла много жертвъ изъ рядовъ русскихъ войскъ. Для подробной ревизіи чумныхъ госпиталей въ Сизополь, фельдмаршалъ Дибичъ командировалъ К. Л. Жерве, который выполнилъ это опасное порученіе съ полнымъ самоотверженіемъ и успѣхомъ. Рискуя умереть среди чумныхъ больныхъ, онъ много разъ посѣщалъ и самымъ тщательнымъ образомъ осматривалъ всѣ заразные лазареты и госпитали, не допуская слѣдовать за собою состоявшаго при немъ молодого офицера Малѣева, щадя его юную жизнь. Обнаружено было множество безпорядковъ и злоупотребленій. Кромѣ того, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, съ 1 августа 1829 г. по 16 мая 1830 г. онъ командовалъ отрядомъ въ Сизополь же, оттуда 22 мая Чернымъ моремъ возвратился въ Россію. Фельдмаршалъ очень благодарилъ К. Л. за прекрасно исполненное порученіе, но зато послѣдній нажилъ себѣ врага въ лицѣ своего корпуснаго командира генер. Рота, который, вслѣдствіе откровеннаго и честнаго доклада ген.-майора Ж. о найденныхъ имъ злоупотребленіяхъ, получилъ выговоръ отъ гр. Дибича и строжайшее предписаніе немедленно привести въ порядокъ все то, что касалось санитарнаго состоянія его корпуса во время чумы.

Вскорѣ послѣ этого К. Л. былъ назначенъ командиромъ сводной бригады 12-й пѣхотной дивизіи, въ 1831 г. награжденъ орденомъ св. Георгія за 25-лѣтнюю безпорочную службу въ офицерскихъ чинахъ

и удостоенъ именного Высочайшаго благоволенія за отлично-усердную службу.

Въ теченіе 1832 и 1833 г.г. онъ послѣдовательно командовалъ бригадами: 3-ею 15 пѣх. дивизіи, 3-ею 14 пѣх. див. и 1-ою 11 пѣх. див. Въ концѣ 1833 г. былъ назначенъ комендантомъ Тираспольской крѣпости, съ оставленіемъ по арміи, но въ этой должности оставался сравнительно недолго: съ упраздненіемъ комендантскаго управленія Тираспольской крѣпости, онъ въ августѣ 1835 г. вышелъ въ отставку.

Дальнѣйшая служебная дѣятельность его протекла въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Въ исходѣ 1839 г. К. Л. былъ назначенъ начальникомъ Гродненскаго таможеннаго округа, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, въ 1842 г.—предсѣдателемъ Бѣлостокской казенной палаты. Когда же въ слѣдующемъ году были преобразованы сѣверо-западные губерніи, упразднена Бѣлостокская область и учреждена Ковенская губернія, онъ получилъ должность предсѣдателя Ковенской казенной палаты. Спустя годъ, на основаніи Высочайше утвержденного доклада неправявшаго должность предсѣдателя попечительнаго о тюрьмахъ общества, сенатора графа Апраксина, К. Л. былъ назначенъ членомъ Ковенскаго губернскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета.

Въ теченіе этого шестилѣтняго періода К. Л. Жерве удостаивался два раза денежныхъ наградъ (въ 1840 и 1841 г.), а 13 іюня 1845 г. Высочайшимъ рескриптомъ на имя Министра внутреннихъ дѣлъ ему была „объявлена признательность и совершенное Всемилостивѣйшее благоволеніе“ за своевременное окончаніе 5-го рекрутскаго набора. Въ 1850 г. К. Л., по прошенію, былъ уволенъ отъ службы, съ прежнимъ чиномъ генераль-майора, съ военнымъ мундиромъ и пенсією. Скончался 18 февраля 1852 г. въ Петербургѣ, оставивъ по себѣ память человека высокой честности, разумнаго и безкорыстно преданнаго службѣ. Былъ женатъ на дочери полковника Елизаветѣ Алексѣевнѣ Миллеръ.

Формулярный списокъ генераль-майора К. Л. Жерве.—Воспоминанія Констант. Карл. Жерве (его племянника)—рукопись, частью напечатанная въ „Истор. Вѣстникѣ“ въ маѣ—декабрѣ 1898 г.

В. Жерве.

Жеребцовъ, Алексѣй Алексѣевичъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, родился 17 марта 1758 г., умеръ 11 дек. 1819 г. Ж. происходилъ изъ дворянъ и началъ службу въ артиллеріи фурьеромъ въ 1769 г. Вскорѣ онъ былъ произведенъ въ сержанты, но черезъ четыре года переведенъ по прошенію въ л.-гв. Семеновскій полкъ опять фурьеромъ. Здѣсь онъ получаетъ чинъ за чинкомъ. Въ 1787 г. Ж. участвуетъ въ походѣ противъ шведовъ въ Финляндіи. Три года спустя онъ выходитъ въ отставку бригадиромъ, съ причисленіемъ къ герольдіи. Какъ помѣщика С.-Петербургской губ. Ямбургскаго уѣзда, его избираютъ въ 1798 г. предводителемъ дворянства Ямбургскаго уѣзда, и онъ имъ остается беззмѣнно до 1811 г., когда его избираютъ губернскимъ предводителемъ. Въ томъ же 1798 г. онъ переименовывается въ статскіе совѣтники. А черезъ два года, за успѣшное устройство сельскихъ запасныхъ магазиновъ и за „бездоимочное взысканіе“ рекрутъ получаетъ чинъ дѣйств. статскаго совѣтника. Когда началась отечественная война, Ж. выразилъ желаніе служить въ земскомъ войскѣ. Оставаясь по прежнему предводителемъ дворянства, онъ былъ по Высочайшему повелѣнію назначенъ сотеннымъ начальникомъ земскаго войска. Послѣ роспуска милиціи онъ получилъ рескриптъ съ приложеніемъ золотой медали и позволеніе носить милиціонный мундиръ. Въ 1810 г. заболѣлъ С.-Петербургскій совѣстный судья, д. т. с. графъ Румянцевъ, и Ж. было поручено исправлять его должность. Когда заболѣлъ губернской предводитель дворянства, д. т. с. графъ Строгановъ, Ж. замѣнялъ и его и былъ командированъ вмѣсто него для пріема рекрутъ въ г. Лугу, Гдовъ и Ямбургъ, а послѣ смерти графа въ 1811 г. былъ утвержденъ въ этой должности. Со слѣдующаго года и до 1815 г. Ж. опять исправлялъ должность совѣстнаго судьи. Въ 1817 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ. Въ томъ же году онъ былъ прикомандированъ къ комитету по дѣламъ Волынской губ. Затѣмъ опять исправлялъ должность совѣстнаго судьи, и этимъ закончилась его дѣятельность.

Формулярный списокъ о службѣ.

М. Василевская.

Жеребцовъ, Алексѣй Григорьевичъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, сенаторъ, отецъ предыдущаго, родился въ 1711 г., умеръ 5 іюля 1777 г. Свѣдѣній о первоначальной его службѣ не имѣется. Извѣстно только, что 1 янв. 1742 г., при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Ж. былъ пожалованъ изъ камеръ-юнкеровъ въ камергеры съ чинкомъ генераль-маіора. Въ 1851 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, а черезъ четыре года произведенъ въ ген.-лейтенанты съ оставленіемъ въ придворномъ званіи. 6 октября 1757 г. ему было пожаловано 1.000 душъ крестьянъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. Три года спустя Ж., уже въ чинѣ генераль-поручика, былъ назначенъ сенаторомъ. Въ 1762 г. ему было велѣно отправиться въ Москву для присутствованія на коронаціи императрицы Екатерины II. 23 января 1764 г. онъ былъ уволенъ отъ службы съ переименованіемъ въ дѣйств. тайн. совѣтника. Умеръ Ж. въ С.-Петербургѣ въ 1777 г. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Высочайшіе указы.—Извлечения изъ дѣлъ военнаго архива.—Бантышъ-Каменскій, „Списки Кавалеровъ“, 203.—Кн. Долгоруковъ: „Россійская Родословная книга“, т. IV, 96, 97.

М. В.

Жеребцовъ, Игнатій Семеновичъ, воевода Коломенскій въ 1408 году. Въ княженіе Василя Дмитріевича оказывалъ большое вліяніе на дѣла совместно съ сыномъ боярина Феодора Кошки, Иваномъ, которому приходился племянникомъ. Ж. былъ убитъ въ бою князя рязанскаго Феодора Олеговича съ Иваномъ Владиміровичемъ Пронскимъ въ 1408 году.

Пол. соб. русс. лѣтописей, т. VIII стр. 82; т. VI стр. 135; Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Спб. 1842 г. т. V прил. 190; С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Спб. 1896 г. т. III стр. 1048; Лихачевъ. Разрядные дѣяніи XVI стол. Спб. 1888 г. прил. стр. 37.

Б. У.

Жеребцовъ, Михаилъ Ивановичъ, генераль-отъ-инфантеріи; сенаторъ, присутствовавшій въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента правительствующаго сената. Родился въ 1792 году. Умеръ 2 ноября 1870 г. Происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи. Воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпу-

щень 10-го ноября 1812 года прапорщикомъ въ артиллерію при гвардейскомъ корпусѣ, и въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ своей службы находился при обученіи резервовъ. Въ 1813 г. переведенъ въ л.-гв. Литовскій (нынѣ Московскій) полкъ и былъ командированъ въ составъ дѣйствующей арміи, при которой и находился до конца кампаніи, при чемъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Дипольдисвальдомъ, Кульмомъ; за Рейномъ (въ 1814 г.) сражался съ французами на полѣ Бріенскомъ. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, въ періодъ мирнаго затишья, продолжалъ службу въ л.-гв. Литовскомъ полку. Когда же (въ 1830 году) вспыхнулъ въ Варшавѣ мятежъ, онъ поступилъ въ отрядъ Цесаревича Константина Павловича, вынужденнаго отступить въ предѣлы Россіи. Но скоро началась правильная война противъ поляковъ, и М. И., въ составъ дѣйствующей арміи подъ начальствомъ Дибича-Забалканскаго, снова перешелъ въ Царство Польское. Принималъ участіе въ сраженіяхъ на Гроховскихъ высотахъ, подъ Минскомъ и при Остроленкѣ. Послѣ этого ходилъ съ отрядомъ графа Куруты въ Литву и сражался съ поляками на Панарскихъ высотахъ. Въ августѣ вновь присоединился къ главной арміи и, за отличіе при взятіи приступомъ гор. Варшавы, получилъ орденъ св. Анны 2-го класса. По окончаніи кампаніи, въ началѣ 1832 года Ж. получилъ должность баталіоннаго командира; въ 1834 г. произведенъ въ генераль-майоры и назначенъ командиромъ 1-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи, а отсюда—черезъ два года—былъ переведенъ на такую же должность въ 16-ю дивизію. Съ переводомъ изъ л.-гв. Литовскаго полка начинается его двадцатилѣтній періодъ службы на Кавказѣ, въ продолженіе котораго онъ исправлялъ весьма важныя должности: былъ членомъ совѣта главнаго управленія Закавказскаго края и управляющимъ Закавказскимъ таможеннымъ округомъ, временно исполнялъ должность Грузинско-Имеритинскаго гражданскаго губернатора и управлялъ Закавказскимъ карантинно-таможеннымъ округомъ. Въ 1847 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты; въ 1853 г. назначенъ присутствующимъ въ сенатѣ; въ 1856—назначенъ въ

7-й департаментъ. Въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента присутствовалъ съ 1860 года. Въ генералы-отъ-инфантеріи произведенъ 26-го ноября 1869 года.

Послужной списокъ въ общемъ архивѣ главнаго штаба, кн. 1861 г., № 707. Некрологъ, „Русскія Вѣдомости“, 1870 г., № 238. Н. З.

Живаго, Семенъ Аванасьевичъ, профессоръ исторической живописи, сынъ Рязанскаго купца, родился въ 1807 г., умеръ 27 марта 1863 г. Съ юныхъ лѣтъ, чувствуя влеченіе къ живописи, Ж. выучился рисовать почти безъ наставника. Въ 1826 г. онъ представилъ великому князю Михаилу Павловичу образчикъ своей работы, обратившій вниманіе великаго князя на способности молодого художника. По Высочайшему повелѣнію онъ былъ принятъ въ Академію въ 1827 г. на казенный счетъ и продолжалъ свое художественное образованіе подъ руководствомъ извѣстнаго живописца А. Варнека. Будучи еще ученикомъ Академіи, Ж. въ 1829 г. получилъ за рисунки съ натуры серебряную медаль. Въ іюль 1832 г. Ж. окончилъ курсъ въ Академіи со званіемъ академика 1-й степени, а въ сентябрѣ того-же года получилъ званіе класснаго художника и серебряную медаль за исполненную программу. Въ 1836 г. Ж. отправился въ Италію на собственный счетъ. Тамъ онъ копировалъ картины Гвидо Рени, Рафаэля, Корреджіо и писалъ этюды съ натуры. Въ 1839 г. Ж. за труды свои по исторической живописи, главнымъ образомъ за превосходную копию съ картины Гвидо-Рени: „Madonna della Pieta“ и оригинальную картину: „Невѣріе святого апостола Томы“, былъ удостоенъ званія академика. Въ 1842 г. Ж. за исполненную программу („Богоявленіе Господне“) удостоился званія профессора. Съ 1848 г. по 1850 г. Ж. служилъ при Петербургской таможенѣ экспертомъ привозимыхъ изъ-за границы художественныхъ произведеній.

Изъ работъ Ж., кромѣ поречисленныхъ выше, заслуживаютъ вниманія образа въ Исаакіевскомъ соборѣ („Тайная вечеря“ и „Моленіе о чашѣ“ надъ царскими вратами и десять изображеній ветхозавѣтныхъ патріарховъ и пророковъ въ 3-мъ ярусѣ главнаго иконостаса), въ Московской церкви Успенія, что на Вражкѣ (за-

престольный образъ „Тайной вечери“), въ Рязанскомъ Богоявленскомъ монастырѣ („Моленіе о чашѣ“, „Явленіе Богородицы св. Сергію“ и „Тайная вечеря“), въ Рязанскомъ Спасскомъ монастырѣ („Срѣтеніе Господне“) и рядъ образовъ въ церкви Московскаго коммерческаго училища.

Ж. занимался также и портретной живописью.

Петровъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Худ.“ и „Указатель“ къ этому сборнику Юндолова.—Сомовъ: „Картинная галлерей Имп. Акад. Худ.“ (П катал.).

М. Василевская.

Живокини, Василий Ивановичъ, московскій комикъ, артистъ Императорскихъ театровъ, родился 29 октября 1807 г., умеръ 18 января 1874 г.; былъ сынъ иностранца, по фамилиі Джіовакино делла-Мома, пріѣхавшаго въ Россію вмѣстѣ съ знаменитымъ зодчимъ графомъ Растрелли. Мать Ж., рожденная Азаревичъ, была танцовщицей въ домашнемъ театрѣ фаворита Екатерины II С. Г. Зорича, въ Шкловѣ, Могилевской губ. Тамъ познакомился съ ней отецъ Ж., женился на ней и увезъ въ Москву, гдѣ она поступила на сцену танцовщицей-же. Въ Москвѣ родился В. И. Живокини и первые годы дѣтства провелъ въ довольствѣ, благодаря тому, что отецъ его завелъ макаронную фабрику; но въ 1812 г. отецъ Ж. лишился всего своего состоянія. Въ 1817 г. Ж. отдалъ въ московскую театральную школу. О пребываніи въ ней Ж. мы находимъ подробный расказъ въ запискахъ его, полныхъ интересныхъ автобиографическихъ свѣдѣній, а также рѣсующихъ наше драматическое искусство того времени. Сначала Ж. готовился въ балетъ, но, будучи еще въ школѣ, онъ дебютировалъ (18 августа 1824 г.) въ пьесѣ „Глухой или полный трактиръ“, и этотъ удавшійся дебютъ рѣшилъ участь Ж. Тогдашній директоръ московскихъ театровъ, Ф. Кокоскинъ, замѣтивъ въ немъ большой самобытный комическій талантъ, перевелъ его въ драматическую труппу. По выпускѣ изъ школы въ 1825 г., Ж. увлекся музыкой, много занимался и игралъ въ оркестрѣ; одно время пристрастился къ фехтованію и даже давалъ уроки фехтованія. Въ 1826 г. Ж. женился на учи-

тельницѣ танцевъ Лобановой, и тогда-же перешелъ изъ католичества въ православіе, а въ 1841 г. принялъ русское подданство, такъ какъ до тѣхъ поръ былъ австрійскимъ подданнымъ, какъ и отецъ его. Въ 1829 г. Ж. получилъ первый бенефисъ, въ который шла трехактная комедія „Явная война“. Вскорѣ послѣ этого Кокоскинъ поручилъ Ж. драматическій классъ въ театральной школѣ. Въ школѣ Ж. занимался три года, до конца службы Кокоскина. Въ 1845 г. ему вторично было поручено преподаваніе драматическаго искусства въ театральной школѣ. Въ слѣдующемъ году Ж. отправился въ Петербургъ, гдѣ участвовалъ въ нѣсколькихъ спектакляхъ. Но особенно много поработалъ Ж. для провинціи. Больше всего игралъ онъ въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ имѣлъ даже одно время свой театр. На сценѣ Ж. оставался до конца своей жизни. Талантъ Ж., по отзывамъ современниковъ, „былъ огромный, хотя и чисто субъективный; онъ не создавалъ типовъ, а данные ему типы, такъ сказать, пріурочивалъ къ своей личности и, можетъ быть, недостаточно вѣрно передавая бытовыя стороны данной ему роли, превосходно передавалъ то, что въ ней было общечеловѣческаго“. Этому выдающемуся таланту не хватало школы. Надѣленный отъ природы чрезвычайною веселостью, комизмомъ, необыкновеннымъ комическимъ жаромъ, Ж. не развилъ своихъ дарованій трудомъ, изученіемъ, наблюденіемъ; онъ игралъ всегда по вдохновенію, и поэтому игра его была неровная, невыдержанная, но захватывающая зрителя. По выраженію одного изъ современниковъ „Ж. 50 лѣтъ игралъ на сценѣ самого себя, но такъ игралъ, что не надоѣлъ этимъ въ цѣлые полвѣка“.

Ж. былъ участникомъ первыхъ представлений лучшихъ произведеній нашей драматургіи — „Ревизора“ (Добчинскій), „Женитьба“ (Кочкаревъ) и „Горе отъ ума“ (Репетиловъ). Онъ много игралъ въ комедіяхъ Мольера, а также во множествѣ другихъ оригинальныхъ и переводныхъ фарсовъ и водевилей. Лучшія его роли были: Льва Гурыча Синичкина, Жювіаля („Стряпчій подъ столомъ“), Падчерицына („Хороша и дурна“) и другія.

Какъ человѣкъ, Ж. былъ очень добръ, помогалъ всѣмъ обращающимся къ нему, чѣмъ могъ, въ особенности театральнымъ

воспитанникамъ и воспитанницамъ, и начинающимъ актерамъ.

Справочный Энцикл. Словарь. Т. IV, Спб. 1855 г.—Пантеонъ русскихъ и всѣхъ европейскихъ театровъ. 1840 г., ч. I, № 1, стр. 141.—Театральный альманахъ на 1875 г., стр. 350.—Боборыкинъ: „Голосъ изъ далека“, „Складчина“ 1874 г., стр. 689—706.—Иллюстрированная Недѣля“ 1874 г.—„Голосъ“ 1874 г., „Московскія Вѣдомости“ №№ 19—24, 27 и 29.—Некрологи за 1874 г.

М. Василевская.

Животовскій, Николай Петровичъ, писатель-натуралистъ, родился въ 1846 г., умеръ 30 июня 1888 года въ Царскомъ Селѣ. Ж. получилъ образованіе на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго Университета, который и окончилъ въ 1868 г. со званіемъ дѣйствительнаго студента. Вскорѣ по окончаніи курса университета Животовскій поступилъ на службу въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній. Когда въ 1871 году была учреждена постоянная коммисія Педагогическаго музея, Ж. перешелъ на службу въ эту коммисію въ качествѣ ея секретаря и завѣдующаго музеемъ. Больше пятнадцати лѣтъ пробылъ Ж. на этой должности, неутомимо работая, всецѣло отдаваясь любимому дѣлу. Въ сотрудничествѣ съ предсѣдателемъ коммисіи В. И. Ковскимъ, Ж. въ періодъ этихъ лѣтъ, организовалъ и поставилъ на правильный путь всѣ разнообразныя роды дѣятельности Педагогическаго музея, заслужившей ему широко-распространенную извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. Въ 1883 году Ж. осуществилъ свою завѣтную мысль, устроилъ на частныя средства, богатый учебный ботаническій садъ при Педагогическомъ музеѣ, дававшій возможность преподавателямъ средне-учебныхъ заведеній пользоваться необходимыми при прохожденіи курса живыми растеніями, а также устраивать образовательныя экскурсіи для ознакомленія учащихся съ группами растеній и явленіями растительнаго царства. Помимо этого, Ж. принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ улучшенія и удешевленія картинъ на стеклѣ для волшебнаго фонаря. Чрезмѣрные труды надломили здоровье Ж. и ускорили развитие мучившей его болѣзни—чахотки, которая

принудила его въ 1886 году оставить службу въ Педагогическомъ музеѣ.

Труды Ж. представляютъ собою разнаго рода естественно-историческіе атласы и таблицы, популярныя книги для народа по вопросамъ естествознанія и т. под. и являются плодомъ его научныхъ занятій, которымъ онъ посвящалъ все свободное отъ службы время. Животовскимъ изданы: „Стѣнной естественно-историческій атласъ“ (1872 г.) и „Объясненіе таблицъ естественно-историческаго атласа“ (1877 г.); „Ботаническій атласъ“, курсъ элементарный (три изданія: 1871 г., 1876 г. и 1883 г.) и „Ботаническій атласъ“, курсъ систематическій (1887 г.); „Картинныя для нагляднаго преподаванія физической географіи“ (1878—1884 гг.) и „Явленія природы“ — объяснительный текстъ къ этимъ картинамъ (1887 г.); „Чтенія для народа“: „О грозѣ“, „О теплѣ и воздухѣ“, „Отчего происходитъ дождь?“ (2 изданія: 1874 г. и 1884 г.) и „Отчего и какъ двигается паровозъ по желѣзной дорогѣ?“ (1887 г.); „Волшебный фонарь, его описаніе и употребленіе“ (1874 г.) и „Рецензіи на Зоологическій атласъ Иверсена и на „Систематическій атласъ растеній“ Гюбнера („Педагогическій музей“ 1876 г., № 9). Всѣ эти труды Ж. напечатаны въ Петербургѣ.

Некрологъ П. Я. въ „Новостяхъ“ 1888 г., № 181.—Некрологъ въ „Воспитаніи и Обученіи“ 1888 г., № 8, стр. 301.—Д. Д. Языковъ: Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, выпускъ VIII-й. 1900.—Некрологъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1888 г., кн. 9, стр. 670—671.—В. В. Григорьевъ: Императорскій С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Спб., 1870, стр. СХХII.

Животовскій, Павелъ Трофимовичъ, генеральный судья малороссійскій, одинъ изъ дѣятелей въ эпоху „Руины“. Впервые упоминается въ реестрахъ казацкихъ, составленныхъ въ 1649 году, гдѣ мы его видимъ въ то время реестровымъ казакомъ Орловской сотни Чигиринскаго полка. Затѣмъ, свѣдѣнія о Животовскомъ прерываются до весны 1661 г., когда онъ былъ миргородскимъ полковникомъ и участникомъ Нѣжинской рады, избравшей гетманомъ Самка. Сторонникомъ послѣдняго и миргородскимъ полковникомъ Животовскій оставался еще

нѣкоторое время, послѣ чего въ январѣ 1663 года онъ является гадяцкимъ полковымъ сотникомъ; въ это время Животовскій былъ уже сторонникомъ Брюховецкаго, тогда еще бывшаго „бошовымъ“ гетманомъ. Брюховецкій быстро возвысился Животовскаго, и подѣ статьями гетмана онъ уже подписался, какъ наказный обозный (юль 1663 г.). Въ скоромъ времени Животовскій былъ поставленъ генеральнымъ судьей и, отличаясь военными способностями и опытностью, былъ назначенъ начальствовать надъ гарнизономъ въ Глуховѣ, который былъ осажденъ королемъ Яномъ-Казиміромъ (1664 г.). Въ Глуховѣ Животовскій выдержалъ осаду и отстоялъ городъ, отъ котораго поляки отступили съ полной неудачей, опасаясь прибытія на помощь осажденнымъ Брюховецкаго и великорусскаго войска. Во все время гетманства Брюховецкаго Животовскій служилъ генеральнымъ судьей. Въ январѣ 1668 года онъ участвовалъ въ гадяцкой радѣ, постановившей отдать Украину въ подданство турецкому султану. Въ числѣ прочихъ старшинъ, бывшихъ на радѣ и присягнувшихъ Брюховецкому на вѣрность, былъ и Животовскій. По смерти Брюховецкаго, когда московское правительство вело съ Дорошенкомъ переговоры черезъ шляхтича Бобровича, Животовскій находился аманатомъ въ Каменномъ. При избраніи въ гетманы Самойловича (1672) Животовскій вновь былъ поставленъ генеральнымъ судьей, каковымъ оставался и въ 1677 г., когда, по случаю царскаго вѣнчанія, получилъ отъ московскаго правительства полсорока соборей. Въ слѣдующемъ (1678) году Животовскій въ званіи наказнаго гетмана начальствовалъ, „какъ человекъ, въ воинскихъ дѣлахъ бывалый“, войсками, посланными Самойловичемъ для защиты Чигирина. Здѣсь ему были подчинены три малороссійскихъ полка, съ которыми Животовскій оборонялъ городъ съ первыхъ чиселъ іюля совместно съ великороссіянами. Осада продолжалась до середины августа, послѣ чего Чигиринъ былъ взятъ турками и разоренъ, причемъ виновникомъ этой неудачи въ большей степени былъ князь Ромодановскій, не подавшій во время помощи осажденнымъ. Кажется, это былъ послѣдній намъ извѣстный фактъ изъ дѣятельности Животовскаго; свѣдѣнія

о немъ затѣмъ теряются; онъ скончался до 1699 года.

Н. И. Костомаровъ, Рунна, Спб. 1905, стр. 19, 105, 278, 300; Кіевская Старина, т. I, стр. 205, 206, 349; т. XII, стр. 357; Полное собраніе законовъ, 1830 г., т. I, стр. 541; Книги разрядныя, II, стр. 991, 999; Маркевичъ, Історія Малороссіи, III, 199; Лѣтопись Величка, II, стр. 311; Лѣтопись Грабянки, стр. 186, 313; Лѣтопись Самовидца, стр. 262; Акты Ю. и З. Россіи, т. V, стр. 56, 69; т. VII, стр. 89, 113, 345; т. IX, стр. 907, 946, 948, 952; т. XIII, стр. 55, 579, 640, 643, 646, 681; Реестра 1649 г., изд. Болякинскимъ, стр. 15; Н. Василевко, Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка, Полтава 1893, стр. 9; Сборникъ лѣтописей, К. 1838, стр. 22.

В. М.

Жигмонтъ, Семень Іосифовичъ, генералъ-лейтенантъ. Родился въ 1812 году. Умеръ 3 марта 1886 г. Происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи. Воспитывался въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ Павловское военное училище), изъ котораго былъ выпущенъ въ 1830 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Съ 1836 г. по 1845 г. былъ на Кавказѣ въ званіи старшаго адъютанта штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи. За экспедицію 1845 г. произведенъ въ полковники. Въ 1846—51 гг. занималъ должность помощника начальника Черноморской береговой линіи по инспектированію баталіоновъ. Въ началѣ Восточной войны, стоя во главѣ Одесскаго егерскаго полка, находился въ Придунайскихъ княжествахъ, и оказалъ особенное отличіе въ сраженіяхъ 25 декабря 1853 г. при селеніи Четати, причемъ былъ дважды раненъ и одинъ разъ контуженъ. За этотъ подвигъ ему пожалована украшенная алмазами золотая шпага, съ надписью „за храбрость“, а бывшіе во время боя подѣ его личнымъ начальствомъ баталіоны получили георгіевскія знамена. Однако полученныя раны не позволили ему далѣе оставаться на театрѣ войны; вскорѣ онъ получилъ должность командующаго резервной дивизіей гренадерскаго корпуса и въ теченіе всего остальнаго времени войны находился въ Финляндіи при охранѣ нашихъ приморскихъ береговъ.

Съ 26 января 1860 г. по 4 апрѣля 1871 г. командовалъ 13 пѣхотной дивизіей. Въ генералъ-лейтенанты произведенъ

въ 1861 г. Въ послѣднее время состоялъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

Русскій Инвалидъ, 1880 г., № 252.

Н. З.

Жижиленко, Александръ Ивановичъ, врачъ-педагогъ, художникъ и музыкантъ, родился 23 ноября 1823 г., умеръ 3-го января 1889 г. въ С.-Петербурѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, а затѣмъ поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію, курсъ которой окончилъ въ 1849 г. съ званіемъ врача. Его спеціальностью было акушерство. Вскорѣ же по окончаніи курса въ Академіи онъ занялъ должность врача въ родовспомогательномъ заведеніи (Надеждинскомъ) при Воспитательномъ домѣ, гдѣ и служилъ до самой смерти. Съ 1870 г. Жижиленко сдѣлался преподавателемъ и руководителемъ школы сельскихъ повивальныхъ бабокъ, которой отдалъ всѣ свои силы и энергію. Школа эта была обязана Жижиленку очень многимъ своими преобразованіями и тѣмъ образцовымъ состояніемъ, въ которое она была приведена. Въ 1874 г. Жижиленко издалъ для своихъ ученицъ прекрасное „Руководство къ акушерству“. Еще раньше (въ 1861 г.) онъ издалъ получившее большую извѣстность „Руководство для подаанія первой помощи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача“. Кроме того, Жижиленко сотрудничалъ въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“, въ „Другѣ Здравія“ и въ другихъ спеціально-медицинскихъ изданіяхъ. Поразившая Жижиленко тяжелая болѣзнь ногъ принудила его за много лѣтъ до конца жизни оставить практику и часы досуга онъ посвящалъ горячо любимымъ имъ музыкѣ и ландшафтной живописи. Живописью Жижиленко началъ заниматься уже въ зрѣломъ возрастѣ, сперва подъ руководствомъ В. Я. Афонасьева, а потомъ профессора Л. Ф. Лагоріо. Благодаря природному художественному дарованію и умѣлому руководительству, Жижиленко скоро обнаружилъ большіе успѣхи въ живописи. Въ 1867 г. онъ впервые выступилъ передъ публикой на академической выставкѣ этого года съ своими картинами: „Развалины греческаго храма при закатѣ солнца“, „Тони на взморьѣ около Петербурга при лунномъ свѣтѣ“,

„Утро въ Нижнемъ-Новгородѣ“, „Зимній вечеръ изъ окрестностей Петербурга“. За эти картины Академія Художествъ присудила Жижиленку званіе своего почетнаго вольнаго общника. Съ тѣхъ поръ Жижиленко почти ежегодно, вплоть до 1880 г., появлялся на академическихъ выставкахъ съ своими работами. Это были по большей части виды Петербургской губерніи, Финляндіи, разныхъ мѣстъ внутренней Россіи, Крыма. Пейзажи Жижиленко были въ большинствѣ случаевъ эффектны и обличали опытную, умѣлую руку. Изъ пейзажей Жижиленко, кромѣ упомянутыхъ, укажемъ еще на „Крымскій видъ“, „Окрестности холма“, „Дорога“, „Лѣсной пожаръ“, „Шлотина“, „Песчаный ураганъ въ Египтѣ“ и др. Изъ жанровыхъ картинъ Жижиленко (вообще немногочисленныхъ) заслуживаютъ вниманія „Пляска мертвецовъ“, „Ночной смотръ“, „Цыганскій таборъ“, и др. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ картинъ Жижиленко регистрировалъ даже и музыку. Жижиленко обладалъ весьма многостороннимъ образованіемъ. Въ частной жизни онъ былъ человекомъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ и привлекалъ къ себѣ общія симпатіи.

„Художественныя Новости“ 1889 г., № 2, стр. 48.—Ф. И. Булгаковъ, „Панни художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія“, Спб., 1889—1890 гг.—А. Ф. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб., 1886—1892 гг.—„Новое Время“ 1889 г., № 4619.—„Всемирная Иллюстрація“ 1889 г., № 1048.—„Русскій Календарь“ Суворина на 1890 г.—Большая Энциклопедія-ва „Просвѣщеніе“.

В. Г.

Жилинъ, Алексѣй Дмитриевичъ, музыкантъ-композиторъ, родился въ концѣ XVIII-го вѣка, умеръ въ первой четверти XIX-го вѣка. Хотя Жилинъ пользовался въ свое время большою извѣстностью, полныхъ и подробныхъ біографическихъ свѣдѣній объ немъ не сохранилось. Онъ происходилъ изъ русскаго дворянскаго рода. На шестомъ мѣсяцѣ жизни онъ навсегда лишился зрѣнія. Еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ выказывалъ большое влеченіе къ музыкѣ. Одаренный прекраснымъ музыкальнымъ слухомъ и замѣчательною музыкальною памятью, онъ безъ всякаго учителя научился прекрасно играть на роялѣ, а также на виолончели и скрипкѣ.

Въ игрѣ на роялѣ онъ обличалъ прекрасную технику. Концерты, которые Жилинъ давалъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, проходили съ большимъ успѣхомъ и вызывали сравненіе его игры съ игрою величайшихъ артистовъ того времени. Музыкальныя фантазіи Жилина были по большей части печальны и трогательны. Въ 1810 г. была издана небольшая часть музыкальныхъ сочиненій Жилина, заключающая въ себѣ русскія пѣсни, польскіе, марши и т. д. Большою и продолжительною популярностью пользовался мелодичный, сентиментальный романсъ Жилина: „Мамотка, гилемънося, просилъ“ (слова Мерзлякова), вставной номеръ въ мелодраму Г. Ободовскаго „Веллизарій“. Съ 1816 г. Жилинъ состоялъ завѣдующимъ музыкальной частью въ Петербургскомъ институтѣ слѣпыхъ и получалъ тамъ пенсію.

Г Римапъ, „Музыкальный словарь“, изд. Юрченка. „О господинѣ Жилинѣ“ („Вѣстникъ Европы“ 1810 г., ч. LIV, № 21, стр. 67—70).—„Вѣстникъ Европы“ 1810 г., ч. LIV, № 22, стр. 150—152 („Письма къ издателямъ Вѣстника Европы“).—„Агглая“ 1810 г. ч. X, кн. 3, стр. 55.—Большая Энциклопедія т-ва „Просвѣщеніе“.

Жилле, (Nicolas François Gillet), скульпторъ, французъ по происхожденію, родился въ Мецѣ въ 1708 г., умеръ въ 1791 г. Въ 1757 г. (30 апр.) Ж. былъ признанъ членомъ Парижской Академіи, а на слѣдующій годъ приглашенъ въ Россію „для споспѣшествованія въ учрежденіи по желанію Императорскаго Величества въ Санктпетербургѣ Академіи живописи и скульптуры“ на три года. Но вмѣсто трехъ лѣтъ Ж. пробылъ въ Россіи 20 лѣтъ, все время состоя профессоромъ скульптуры въ Императорской Академіи Художествъ, такъ что всѣ наши скульпторы, воспитывавшіеся въ Академіи за этотъ періодъ времени, были учениками Ж. Въ 1766 г. Ж. былъ избранъ общимъ собраніемъ Академіи въ испр. должность директора Академіи. Выйдя въ отставку, Ж. возвратился во Францію, гдѣ и умеръ.

Изъ произведеній Ж. часть находилась во Франціи, а именно близъ Паражы въ Вальянтонѣ (Valenton) были двѣ группы: „Зефиръ и Флора“ и „Вертумнъ и Помона“ (изъ камня), и статуя „Діана“

(изъ гипса). Изъ работъ Ж. въ Россіи въ коллекціи музея Академіи въ XVIII вѣкѣ были слѣдующія: „Живопись“ въ видѣ женской фигуры съ палитрою въ рукѣ, сдѣланная изъ обожженной глины,— работа, относящаяся къ первому времени его пребыванія въ Россіи: „Модель статуи Петра Великаго съ Минервою“ изъ гипса, бронзирванная; „Модель надгробнаго памятника Петру Великому“ изъ воска, также бронзирванная, исполненная, какъ предвѣщая, въ 1760 г.; „Бюстъ Екатерины II“, который велѣно было уничтожить и, должно быть, дѣйствительно уничтоженный, и „Бюстъ Шувалова“, сохраняющійся въ коллекціи и донынѣ.

Архивъ Имп. Ак. Худ.: дѣла о Жилле № 57, 1777 г. и № 39, 1778 г.—Петровъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Худож.“, примѣчаніе къ I тому, стр. 772—„Voyage pittoresques des environs de Paris“, 3 изд. 1768 г., стр. 350.

М. В.

Жиржинскій, Эдуардъ Викентьевичъ, генераль-лейтенантъ; начальникъ 30 пѣхотной дивизіи. Родился 9 марта 1834 г., умеръ въ 1892 г. Происходилъ изъ дворянъ Царства Польскаго. Воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ 13 августа 1854 г. въ Нязовскій егерскій (нынѣ пѣхотный) полкъ поручикомъ. Въ 1854 г. переведенъ въ гвардію подпоручикомъ, съ зачисленіемъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ; въ 1858 — поступилъ въ Николаевскую академию генеральнаго штаба. По окончаніи курса наукъ, въ 1860 г., причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ состоять при штабѣ бывшаго 1-го армейскаго корпуса.

Въ началѣ 1862 г. переведенъ въ генеральный штабъ капитаномъ и получилъ назначеніе на должность дивизионнаго квартирмейстера 5-й кавалерійской дивизіи. Во время польскаго мятежа (1863—64), по случаю выступленія дивизионнаго штаба въ походъ, былъ прикомандированъ къ управленію резервной бригады 5 кавалерійской дивизіи, въ качествѣ адъютанта. Въ 1864 г. состоялъ сначала въ должности старшаго адъютанта по части генеральнаго штаба въ штабѣ бывш. 2 резервнаго корпуса, а потомъ былъ переведенъ для особыхъ порученій въ

штабъ Харьковскаго военнаго округа. Въ 1865 г. произведенъ въ подполковники; въ 1866—68 гг. исправлялъ должность начальника штаба мѣстныхъ войскъ Харьковскаго военнаго округа. Послѣ этого, уже въ чинѣ полковника, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ состоялъ при 17 пѣхотномъ Архангелогородскомъ полку, къ которому былъ прикомандированъ для командованія баталіономъ впрядь до назначенія на должность полковаго командира.

Вакасія открылась въ 1871 г. и ему былъ ввѣренъ 34 пѣхотный Сѣвскій Его Императорскаго Высочества наслѣднаго принца Австрійскаго полкъ. Въ началѣ турецкой войны находился въ составѣ войскъ 8 армейскаго корпуса, подъ командою генераль-лейтенанта Радецкаго, перешель черезъ Дунай у Зимницы, и участвовалъ въ бою на Сисовскихъ высотахъ; въ іюнѣ 1877 г. принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ начальствомъ генераль-адъютанта Гурко при Лени-Загра, а затѣмъ подъ его же предводительствомъ перешель за балканы и неоднократно сражался съ турками у сел. Марены, близъ гор. Елены; въ декабрѣ участвовалъ въ битвѣ на Шипкѣ; при взятіи Казанлыка былъ контуженъ въ лѣвый високъ, однако пзъ строя не выбылъ, и былъ участникомъ послѣдняго Шипкинскаго боя (28 декабря), когда пала Шипка и взята была въ плѣнъ вся армія Веселя-пашы. 2 января 1878 г. ему поручено было командованіе 1 бригадой 9 пѣхотной дивизіи, съ которой онъ и находился въ дѣйствующей арміи до заключенія Санъ-Стефанскаго мира (19 февраля). Военныя отличія доставили ему ордена св. Владиміра 3 ст. съ мечами, св. Георгія 4 ст., золотую штату съ надписью „за храбрость“ и чинъ генераль-маіора. По окончаніи войны Э. В. былъ назначенъ командиромъ 1 бригады 11 пѣхотной дивизіи (5 іюля 1878 г.). Въ 1888 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты и получилъ новое назначеніе начальникомъ 30 пѣхотной дивизіи, въ каковой должности и оставался до конца своей жизни.

Послужн. списокъ въ общемъ архивѣ главнаго штаба, книга за 1884 г., св. № 22. Некрологъ „Русскій Инвалидъ“, 1892 г., № 147.

Н. З.

Жировъ, Дмитрій Ивановичъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи. Родился 26 сентября 1807 года; умеръ 9 ноября 1886 г. Воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ состоялъ пансіонеромъ Императора Александра I-го. Въ 1827 г. поступилъ на военную службу казакомъ, съ правами дѣйствительнаго студента, и черезъ годъ былъ произведенъ въ хорунжій. Во время турецкой войны (1828—29 гг.) находился въ дѣйствующей арміи, въ первый періодъ—въ казачьемъ полку полковника Попова, а во второй—въ Атаманскомъ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича; причѣмъ участвовалъ неоднократно въ сраженіяхъ съ турками, особенно подъ крѣпостью Журжею. Въ 1831 г. участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа и, почти въ продолженіи всей кампаніи, находился въ авангардѣ. За отличіе получилъ орденъ св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“. Продолжая до конца 1855 г. службу въ Атаманскомъ полку, онъ получилъ послѣдовательно всѣ чины до полковника включительно, а затѣмъ былъ назначенъ командиромъ Донскаго казачьяго № 64 полка. Однако не прошло и одного года, какъ Жировъ снова возвратился къ своему прежнему мѣсту служенія, но уже не въ качествѣ простаго штабъ-офицера, а какъ командиръ л.-гв. Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка. Въ 1858 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры; въ 1859—назначенъ въ свиту Его Величества; въ 1865—получилъ чинъ генераль-лейтенанта и зачисленъ въ войско Донское; въ 1875—пожалованъ въ генераль-адъютанты къ Его Императорскому Величеству. Въ генераль-отъ-кавалеріи произведенъ 15 мая 1883 г., въ день коронаціи Александра III-го.

Некрологъ. „Русскій Инвалидъ“, 1886 г., № 256.

Н. З.

Жирославъ, посадникъ Новгородскій, съ 1171 года съ перерывами до 1179 г. Въ 1159 г. вел. князь Ростиславъ Мстиславовичъ посылаетъ Жирослава съ 600 Торковъ къ князю Полоцкому Рогволоду Борисовичу въ помощь противъ Ростислава Глѣбовича. Въ 1171 г. Ж. былъ въ первый разъ посадникомъ новгородскимъ, но въ томъ же году былъ

лишенъ посадничества княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, изгнанъ изъ Новгорода и удался въ Суздаль къ Андрею Боголюбскому. Но вскорѣ самъ Рюрикъ Ростиславичъ переходитъ изъ Новгорода въ Смоленскъ, и новгородцы посылаютъ пословъ къ Андрею просить князя. Андрей Боголюбскій посылаетъ къ нимъ пока посадничать Жирослава, и только черезъ годъ присылаетъ княземъ сына своего Юрія. Жирославомъ однако были недовольны въ Новгородѣ, и архіепископъ Илья ѣздилъ во Владиміръ къ Андрею, чтобы окончательно уладить все дѣло. Слѣдствіемъ этой побѣдки было то, что Жирославъ лишился посадничества и оно перешло опять къ Ивану Захаревичу.

Полное собраніе русс. лѣтописей. Изд. Ар. Ком., т. II—86; т. VII—71; Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго т. III стр. 12 прим. 44. Спб. 1842 г. Погодинъ. Древняя русская исторія до монгольскаго быта. Москва 1872 г. т. I стр. 296, 318, 349. С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Спб. 1896 г. т. I стр. 569, 570. Новиковъ. Древ. Росс. Библиотека. М. 1788 г. ч. II стр. 409, 411; Калайдовичъ. Опытъ о посадникахъ новгородскихъ. М. 1821 г. стр. 91.

Б. У.

Жирославъ Михайловичъ, воевода новгородскій на службѣ у великаго князя Юрія Всеволодовича. Великій князь въ 1237 году при нашествіи татаръ поручаетъ Ж. главное начальство надъ войскомъ при рѣкѣ Сити.

Пол. собр. русс. лѣтописей, т. I стр. 196, 222; т. IV стр. 32; т. V стр. 173; т. VII стр. 140; Погодинъ. Древняя Русс. Исторія. М. 1872 г. т. II стр. 416; Соловьевъ. Исторія Россіи. Спб. 1896 г. т. I стр. 821; Шербаговъ. Исторія Россійская. Спб. 1901 г. т. II стр. 673.

Б. У.

Жиряевъ, Александръ Степановичъ, профессоръ Дерптскаго и С.-Петербургскаго Университета. Сынъ священника Вологодской губерніи, Жиряевъ родился въ 1815 году и первоначальное образованіе получилъ въ Вологодской Духовной Семинаріи, откуда въ 1832 г., по распоряженію начальства, былъ отправленъ въ Главный педагогическій Институтъ и здѣсь въ 1838 г. съ отличнымъ успѣхомъ окончилъ курсъ, получивъ при выпускѣ первую золотую медаль. Назначенный, 12-го января 1839 г., старшимъ

учителемъ русскаго языка и словесности въ Дерптскую гимназію. Ж. преподавалъ съ большимъ успѣхомъ, а въ 1842 г., по Высочайшему повелѣнію отъ 13-го февраля, былъ отправленъ за границу, на казенный счетъ, на два года для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ. Три первыя полугодія Ж. слушалъ лекціи въ Берлинскомъ Университетѣ у Пухты, Рудорфа, Гефтера, Гнейста, Сталя, Дирксена, Гомейера, у философа Шеллинга, Риттера (географа) и у Касперя (судебную медицину), затѣмъ отправился въ Прагу и два полугодія, подъ руководствомъ знаменитыхъ Ганки и Шафарина, изучалъ славянскія нарѣчія, особенно—Чешскій и Сербскій языки, а также юридическія памятники, касавшіеся древняго славянскаго права, въ Чешскомъ музеѣ. Результаты занятій своихъ въ Берлинѣ и въ Прагѣ Ж. сообщалъ, въ видѣ отчетовъ, на страницахъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (ч. XXXVIII, отд. IV, стр. 41 и сл.; ч. XLIV, отд. IV, стр. 1 и сл.; ч. XLVI, отд. IV, стр. 15 и сл.). Затѣмъ Ж., получивъ разрѣшеніе на продленіе командировки, отправился въ Гейдельбергъ, гдѣ слушалъ лекціи профессоровъ Миттермайера, Вангерова, Морштедта и др., а по возвращеніи въ Россію, былъ назначенъ (18-го апрѣля 1846 г.) и. д. экстраординарнаго профессора Русскаго права въ Дерптскій университетъ, по прочтеніи пробной лекціи „О наследственномъ правѣ древнихъ чеховъ и моравовъ“; нѣкоторое время (въ 1848 г.) онъ занимался практическими дѣлами въ С.-Петербургской Уголовной Палатѣ и тогда же сдалъ магистерскій экзаменъ. Въ 1850 г. (31-го мая) Ж. защитилъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ диссертацию „О степеняхъ нѣсколькихъ преступниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи“ (изд. въ Дерптѣ, въ 1850 г., 8°) и былъ удостоенъ степени магистра уголовного права, послѣ чего вернулся въ Дерптъ, гдѣ въ 1852 г. назначенъ былъ и. д. ординарнаго профессора Русскаго права. Въ 1856 г. въ маѣ онъ получилъ степень доктора юридическихъ наукъ послѣ публичной защиты въ Петербургскомъ Университетѣ написаннаго имъ разсужденія: „Теорія ульбъ“ (изд. въ Дерптѣ, въ 1855 г., 8°); сочиненіе это было удостоено одной изъ

Демидовскихъ премій въ XXV ихъ конкурсѣ, причемъ разборъ его былъ написанъ проф. Я. П. Баршевымъ (см. „XXV присужд. Демидовскихъ наградъ“ (1856 г.), стр. 213—220). Сочиненіе это до сихъ поръ не утратило своего значенія. 27-го іюня 1856 г. Ж. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ Русскаго права въ Дерптскомъ Университетѣ, но 18-го іюля того-же года былъ переведенъ въ С.-Петербургскій Университетъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ Русскаго гражданскаго права, замѣнивъ здѣсь рано скончавшагося даровитаго Д. И. Меѣра. Однако, усиленные ученныя занятія по кафедрѣ, къ которой онъ, будучи специалистомъ по вопросамъ уголовного права, не чувствовалъ себя вполне подготовленнымъ, надломили здоровье этого добросовѣстнаго ученаго, и онъ 12-го декабря того-же 1856 г. умеръ отъ нервнаго удара; погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ Дерптѣ Ж. читалъ курсы русскаго уголовного права, общаго уголовного права, систему и принципы уложенія о наказаніяхъ, общее и особенныя и русскія уголовныя судопроизводства, сравнительное изложеніе важнѣйшихъ ученій пѣхъ области русскаго и римскаго права, русское государственное право и др. курсы.

Послѣ смерти Ж. въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ Н. В. Калачева напечатаны были его лекціи, читанныя въ Дерптскомъ Университетѣ по общей части уголовного права (1863 г., вып. XXXI, XXXII, XXXIV, XXXV и XXXVIII и 1864 г., XLII).

„Сѣв. Пчела“ 1856 г., № 284 (ст. М. Усова); „Innland“ 1857, S. 99; „Моск. Вѣд.“ 1856 г., № 154; „Мѣсяцесловъ на 1858 г.“, стр. 249; В. В. Григорьевъ, „С.-Петербургскій Университетъ за первые 50 л. его существованія“, Спб. 1870, стр. 158, XVIII и XXI; Биограф. словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго Университета, т. I, Юрьевъ 1902; Геннади, Словарь, т. II, стр. 6; П. Дилакторскій, Вологжане-писатели, Вологда. 1900, стр. 29; формулярный списокъ 1856 г.; „Актъ 25-лѣтія Главнаго Педагогическаго Института“, Спб. 1853, стр. 63—64 и 117.

Б. Гарскій.

Житовъ, Алексѣй Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, бывший комендантъ Варшавской Александровской цитадели. Родился въ 1790 году, умеръ въ 1861 г. Происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи. Воспитывался во второмъ кадет-

скомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ 28 ноября 1808 года подпоручикомъ въ восемнадцатую артиллерійскую бригаду. Въ Отечественную войну, во время сраженія при Бородинѣ, былъ раненъ ружейною пулею въ лѣвую ногу съ поврежденіемъ бедренной кости, вслѣдствіе чего долженъ былъ выбыть изъ строя, и до 15 ноября лечился отъ раны въ Рязани. По возвращеніи къ арміи, перешелъ съ нею границу и, съ возобновеніемъ военныхъ дѣйствій, участвовалъ во многихъ дѣлахъ: сражался съ французами подъ Бауценомъ, Денневицемъ, Лейпцигомъ, Суассономъ, Лаономъ и при взятіи Парижа (1814). За Лейпцигское дѣло получилъ чинъ поручика. При вторичномъ походѣ за Рейнъ, по случаю появленія во Франціи Наполеона, бѣжавшаго съ острова Эльбы, вновь находился въ составѣ дѣйствующей арміи, дошелъ до Парижа и присутствовалъ на знамени-томъ смотрѣ при Верту. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, въ періодъ продолжительнаго мирнаго затишья, продолжалъ служить въ той же бригадѣ, командуя съ 1820 г. конной ротой. Съ открытіемъ же въ 1828 г. военныхъ дѣйствій противъ турокъ, выступилъ въ походъ и въ теченіе всего перваго періода кампаніи находился въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи. Въ 1829 г., послѣ пораженія великаго визиря при Кулевчѣ, перешелъ за Балканы, участвовалъ въ сраженіи подъ Сливно, находился при взятіи Адрианополя, Виза и Сарая. За боевыя отличія награжденъ чиномъ полковника. Въ 1831 г., при усмирении польскаго мятежа, находился въ Польшѣ и участвовалъ въ генеральномъ сраженіи при взятіи приступомъ передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій и городского вала. 2 марта 1833 г. былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи втораго резервнаго кавалерійскаго корпуса. Съ 1844 по 1851 г. состоялъ при дѣйствующей арміи; причемъ послѣдній (1850) годъ командовалъ всѣми состоящими при арміи казачьими батальонами. Въ генералъ-лейтенанты произведенъ въ 1847 году. Должность коменданта Варшавской Александровской цитадели занималъ съ 8 февраля 1851 года. Въ отставку уволенъ 11 августа 1858 года.

Формулярный списокъ въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива главнаго штаба, книга за 1854 г., № 16816.

Н. З.

Жихаревъ, Степанъ Петровичъ, сенаторъ, авторъ „Записокъ“, родомъ изъ древней дворянской фамилии Тамбовской губернии, сынъ секундъ-маіора Петра Степановича Ж. отъ брака его съ княжной Александрой Гавриловной Барятинской, родился 18 февраля 1788 года въ деревнѣ, въ Данковскомъ уѣздѣ, обучался въ Московскомъ пансіонѣ Ронка, а въ 1805—06 гг. въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ въ одно время съ братьями Тургеневыми, Жуковскимъ, Д. В. Дашковымъ, Д. Н. Блудовымъ и М. С. и А. С. Кайсаровыми, и въ то-же время посѣщалъ лекціи Московскаго Университета. 14-го іюня 1806 г., бросивъ Университетъ, Ж. перешахъ въ Петербургъ и поступилъ на службу—актуаріусомъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и, занимая послѣдовательно должности переводчика (съ 31 декабря 1810 г.) и секретаря (съ 31 октября 1811 г.), 21 мая 1812 г. поступилъ въ Канцелярію ст.-секр. П. С. Молчанова для занятій по Комиссіи прошеній и Комитету Министровъ, въ то-же время состоя производителемъ дѣлъ Театральнаго Комитета. Въ 1816, 1817 и 1818 гг., во время трехъ путешествій императора Александра I-го по Россіи и Польшѣ, Ж. находился въ свитѣ государя, причемъ, какъ сказано въ его формулярѣ „одинъ исправлялъ всё по Собственной его императорскаго величества канцеляріи дѣла“. Въ концѣ 1818 г. Ж. снова былъ назначенъ сопутствовать государю—на Ахенскій конгрессъ, но „по разстроенному здоровью“ уволился отъ службы, а вскорѣ женился на Θεодосіи Дмитріевнѣ Нечаевой, взявъ за нею довольно большое приданое и тѣмъ поправивъ свои весьма расшатанныя финансовыя средства. Въ отставку Ж. пробылъ до 21 іюня 1823 г., когда при посредствѣ друзей, получилъ должность Московскаго Губернскаго Прокурора, черезъ два года произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 23 марта 1827 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 8 Департамента Сената, нѣсколько разъ исправлялъ должность оберъ-прокурора Общаго собранія Сената, наконецъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника (31 декабря 1836 г.) и званіе сенатора (31 декабря 1839 г.). Затѣмъ Ж. былъ уволенъ отъ присутствованія въ Сенатѣ (29 декабря 1843 г.), и

назначенъ членомъ Центральной Комиссіи по испытанію лошадей въ Россіи. Съ конца 1850-хъ годовъ, до своей смерти, Ж. былъ предѣвателемъ Театрально-литературнаго Комитета при Дирекціи Театровъ, въ какомъ званіи и умеръ въ Петербургѣ 31 августа 1860 г., погребенъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

Имя Ж. пользуется большою извѣстностью, ибо связано со многими выдающимися именами русской литературы первой четверти нынѣшняго столѣтія. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми современными ему литераторами отъ Пушкина до Шишкова и зналъ всѣхъ актеровъ своего времени. Такія связи Ж. объясняются любовью его къ литературѣ и страстію къ театру, которая проявлялась въ немъ еще съ юношескихъ лѣтъ—на пансіонной скамьѣ и развивались подъ руководствомъ его наставниковъ—А. А. Прокоповича-Антонскаго и А. Θ. Мерзлякова. Эта страсть къ литературѣ и театру была настолько велика, что уже въ 1804 г. Ж. попробовалъ свои силы, сдѣлавъ переводъ оперы „Любовныя шутки“ (оказавшіяся, впрочемъ, неудачными), а вскорѣ (1805 или 1806 г.) написалъ и самостоятельную трагедію „Артабанъ“, которую, однако, Мерзляковъ прозвалъ „барабаномъ“. Переѣхавъ въ 1806 г. въ Петербургъ, Ж. явился со своимъ дѣтищемъ къ Державину, актеру И. А. Дмитревскому, кн. А. А. Шаховскому, но и отъ нихъ услышалъ такіе же неелестные отзывы объ „Артабанѣ“, наконецъ и самъ долженъ былъ признать, что его трагедія просто „смѣсь чужи съ галиматьею, помноженныхъ на ахиною“. Однако, поселившись въ Петербургъ, онъ сразу же вошелъ въ театрально-литературный кружокъ и уже тогда, по свидѣтельству тогдашняго своего пріятеля и сожителя—М. М. Муромцева „считался литераторомъ, сочинялъ куплеты и переводилъ водевили для актеровъ и актрисъ, которые къ намъ часто ходили“. Вскорѣ Ж. переселился къ извѣстному драматургу—кн. А. А. Шаховскому и сумѣлъ приобрести его дружеское расположеніе. Это знакомство еще болѣе содѣйствовало развитію любви Ж. къ театру и литературѣ. Онъ сдѣлался въ то-же время своимъ человекомъ въ домѣ Державина и Шишкова, сблизился съ Гнѣдичемъ, актеромъ Яковлевымъ и

многими другими, не оставляя при этомъ и литературныхъ занятій. Такъ въ 1807 г. онъ написалъ поэму „Барды“, а въ 1808 г. мы встрѣчаемъ его имя подъ двумя стихотвореніями („Къ моей родинѣ“ и „Осень“) въ *Драматическомъ Вѣстникѣ* (ч. III, № 53 и 70); наконецъ, въ 1809 г. онъ, въ сотрудничествѣ съ кн. Шаховскимъ, Гнѣдичемъ, М. Е. Лобановымъ и А. Полозовымъ перевелъ трагедію Вольтера „Заира“, которая была представлена въ первый разъ 18 октября 1809 г. Дальнѣйшими попытками Ж. были: переводъ трагедіи въ 5 д. Кребиллона „Атрей и Тieste“, игранной только одинъ разъ въ бенефисъ А. С. Яковлева 11 декабря 1811 г. и переводъ же комедіи „Чортъ розоваго цвѣта“, не имѣвшей успѣха и данной лишь однажды — 18 декабря того-же 1811 г. Сверхъ того, по преданію, Ж. было написано еще до 30 другихъ театралныхъ пьесъ, которыя не были никогда играны и остались совершенно неизвѣстными.

Близко познакомившись съ Державинымъ и начавъ посѣщать его литературные вечера и собранія у его друзей—А. С. Шишкова, А. С. Хвостова и И. С. Захарова, послужившія началомъ будущей „Бесѣды любителей русскаго слова“, Ж. съ образованіемъ послѣдней немедленно былъ избранъ въ члены-сотрудники ея во второмъ разрядѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ Державинъ; вскорѣ же въ изданіи „Бесѣды—„Чтеніяхъ“ было напечатано стихотвореніе Ж. „Къ другу въ его уединеніи“ (ч. VI, 1812, стр. 60—64). Въ то же время Ж. не замедлилъ вступить дѣйствительнымъ членомъ въ лучшее тогда общество передовыхъ людей—„Общество любителей словесности, наукъ и художествъ“. Здѣсь онъ сошелся съ представителями новаго литературнаго движенія, между которыми находилось и нѣсколько его товарищей по Московскому Благородному Пансіону, и вскорѣ по особенному свойству характера, сумѣлъ, не порывая связей съ членами „Бесѣды“, сойтись съ членами недавно передъ тѣмъ возникшаго „Арзамаса“. Въ концѣ 1815 г. онъ былъ принятъ въ число Арзамасцевъ съ именемъ „Громобой“, причемъ, при вступленіи въ члены, долженъ былъ, какъ „поганый бесѣдчикъ“, быть отпѣтъ секретаремъ Арзамаса — Жуковскимъ. Пресловутый „Атрей“, писалъ тогда-же Д. В. Даш-

ковъ кн. П. А. Вяземскому „былъ представленъ въ видѣ нѣкоего царственнаго волдыря, а остальные 27 трагедій, комедій, трагикомедій, драмъ, оперъ и водевилей, сочиненныя и переведенныя Ж., представлены волдырьками и съпью, окружающими большой наростъ“. Ж. умѣлъ сойтись съ Арзамасцами какъ нельзя болѣе близко и въ послѣдствіи искусно подерживалъ съ ними свои отношенія, постоянно исполняя ихъ мелкія порученія и просьбы; въ свою очередь и самъ онъ умѣлъ извлекать пользу изъ дружескихъ отношеній своихъ съ нѣкоторыми влиятельными членами Арзамаса, пользовался ихъ предстательствомъ предъ сильными міра сего, вошелъ въ высшее петербургское общество... Занятый службою, Ж. вскорѣ же и надолго покинулъ литературу и лишь 1856 г. снова попробовалъ свои силы въ области театра, выступивъ съ антологической интермедіей „Предпослѣдняя репетиція трагедіи Дмитрій Донской“, игранной въ первый разъ 9 января 1856 г. въ бенефисъ Орловой, но неимѣвшей никакого успѣха и повторенной всего одинъ разъ.

Гораздо большую и вполне заслуженную извѣстность приобрѣлъ Ж., уже въ позднѣйшее время жизни, своимъ замѣчательнымъ дневникомъ, который онъ, по собственнымъ словамъ, велъ въ теченіе 48 лѣтъ. Но къ сожалѣнію, большая часть дневника до сихъ поръ не увидала свѣта и даже неизвѣстно гдѣ находится: до настоящаго же времени изъ него изданы только незначительные отрывки, а именно: 1) „Дневникъ студента“, напечатанный безъ имени автора въ „Москвитянинѣ“ 1853 г. (кн. 3, 5 и 8), а въ 1859 г. вышедшій въ Петербургѣ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ „Записки современника съ 1805 по 1819 г. Ч. I. Дневникъ студента“, обнимающій собою пребываніе Ж. въ Москвѣ и Липецкѣ, съ 1 января 1805 по 31 іюля 1806 г., 2) въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1855 г. было напечатано (ч.ч. XCIX—CII) семь статей, подъ заглавіемъ „Дневникъ чиновника“, гдѣ разсказывается о жизни автора въ Петербургѣ, съ 25 августа 1806 по 31 мая 1807 г.; 3) небольшой отрывокъ — „Воспоминаніе стараго театрала“, напечатанный въ XCVI части „Отечественныхъ записокъ“ за 1854 г. (причемъ нѣкоторые

мѣста ихъ вызвали возраженія со стороны другого стараго театрала С. Т. Аксакова (см. Собраніе его сочиненій, т. III, Спб. 1886, стр. 125—127); здѣсь читатель найдетъ любопытную театральную и литературную хронику Петербурга первой четверти текущаго столѣтія. Наконецъ 4) въ 1890 г. редакціей „Русскаго Архива“ изданы снабженныя указателемъ именъ „Записки С. П. Жихарева“, заключающія въ себѣ перепечатку только дневниковъ студента и чиновника.

„Записки“ С. П. Ж., веденныя имъ въ видѣ ежедневныхъ замѣтокъ, въ которыя авторъ вносилъ все, что, по его мнѣнію, стоило замѣчанія, представляютъ изъ себя чрезвычайно любопытный матеріалъ для изученія эпохи царствованія Александра I-го. Авторъ Записокъ, чуждый по своему характеру какихъ-либо партійныхъ интересовъ, наблюдательный, умѣвшій быть желаннымъ гостемъ въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ Москвы и Петербурга и обладавшій при этомъ прекрасною памятью, отмѣтилъ въ своихъ Запискахъ множество фактовъ, правда, большею частью мелкихъ, однако, дающихъ въ общемъ извѣстный колоритъ эпохѣ и являющихся весьма цѣнными для всякаго знающагося съ исторіей этого времени; близость же записей къ совершившимся фактамъ позволяетъ относиться къ нимъ съ большимъ довѣріемъ. Поэтому нужно только быть благодарнымъ Ж. за сохраненіе для потомства многихъ небезынтересныхъ черточекъ и случаемъ изъ жизни видныхъ и второстепенныхъ дѣятелей на всевозможныхъ поприщахъ современной ему общественной жизни. „Какая разнохарактерность и своеобразность личностей“, писалъ въ 1859 г. М. Н. Лонгиновъ объ этихъ запискахъ, по поводу выхода въ свѣтъ „Дневника студента“: „Какое смѣшеніе стараго, отживающаго, съ новымъ, только нарождающимся! Что за суета, шумъ, безразсудная роскошь! Кого вы тутъ не встрѣтите! Во главѣ всѣхъ — удаленные отъ двора тузы, — предметъ какого-то благоговѣйнаго изумленія публики, памятники блестящаго Екатерининскаго вѣка, бывшіе участниками дѣлъ славныхъ и безславныхъ... Около нихъ лѣпится огромный кругъ сенаторовъ, отставныхъ статскихъ и военныхъ превосходительствъ, богачей безъ чиновъ, но съ громкими титулами, людей

съ громкими титулами, но безъ богатства, а все таки живущихъ таровато и беззаботно; наконецъ, толпа ихъ сотоварищей, или клеветовъ изъ мелкаго шляхетства, сорящихъ деньгами и поддерживающихъ связи въ большомъ свѣтѣ кто картами, кто рысаками или скакунами, или собаками, кто музыкантами, кто пирушками, — словомъ, всѣми затѣями, дорогими праздной роскоши и пустому чванству. Авторъ вводитъ васъ въ ихъ заколдованный кругъ, гдѣ слушаютъ, какъ оракуловъ, этихъ новододовъ общественнаго мнѣнія, гдѣ, несмотря на независимость образа мыслей и жизни каждаго, во всякомъ экстремномъ казусѣ, по случаю войны, какого-нибудь торжества и т. п., всѣ эти безчисленные голоса сливаются въ дружный хоръ, который безусловно повторитъ то, что велятъ старшіе, то-есть, удаленные отъ дѣлъ андреевскіе или александровскіе кавалеры съ сіятельными именами“.

Иллюстрація 1860 г., № 135, стр. 159; Мѣсяцесловъ Ак. Н. на 1862 г. стр. 106; „Книжный Вѣстникъ“ 1860 г. № 19 и 20, стр. 227; Геннадій: Русск. Арх. 1864 г., стр. 1073 и Справочн. Словарь о русск. писат., Берлинъ 1880, стр. 7; Соч. Батюшкова, изд. подъ ред. Л. Н. Майкова и В. И. Саптова. Спб. 1896, т. III, стр. 621—624 и др.; Форумлярный списокъ въ Императ. Историч. Обществѣ; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская Родосл. книга, т. I, Спб. 1895, стр. 197 и 438; Сушковъ. Московскій Унив. Благор. Пансіонъ, М. 1858, стр. 81; С. П. Шевыревъ. Ист. Моск. Унив-та, М. 1855, стр. 381; М. Н. Лонгиновъ въ Русск. Вѣстн. 1859 г. № 21; М. Н. Мазаевъ — въ Ист. Вѣстникѣ 1893 г. № 6 (съ портретомъ); Записки А. В. Кочубея. Спб. 1890, стр. 26; Ф. Ф. Вигель. Записки, М. 1891, т. IV стр. 175 и др.; П. Н. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, Спб. 1861, стр. 178—179, 194 и 213; А. И. Вольфъ, Хроника петерб. театровъ, Спб. 1877, ч. II, стр. VII; Сочин. Державина подъ ред. Я. К. Грота, т. VIII, стр. 957; М. М. Муромцевъ. Воспоминанія, Русск. Арх. 1890, т. I, стр. 69; Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, М. 1895, по указат.; А. В. Никитенко, Дневникъ, Спб. т. II, стр. 111—113, 177; Сочиненія Жуковскаго, т. VI Спб. 1873, стр. 425; Сочиненія С. Т. Аксакова, т. 3, Спб. 1886, стр. 125—127; Русскій Архивъ: 1866 г. стр. 499 и 764; 1873, стр. 1530, 1548; 1874, стр. 437; 1893, т. II, стр. 573 и 584; Русская Старина: 1884, т. XLIII, стр. 110 и 111; 1892 г. т. LXXIII, стр. 507; Историч. Вѣсти, 1890, т. 39, стр. 233; Чтенія въ Бесѣдѣ любит. русск. слова, кн. 6, Спб. 1812 и кн. 13, Спб. 1813; Драмат. Вѣстникъ, ч. III, № 53 и 70; Собраніе Образцовъ сочиненій, изд. 2-е, Спб. 1821—1822, ч. V, стр. 108—110 и Сынъ Отеч. 1816 г. № 31, стр.

205—207; — Отзвыы современниковъ: Н. П. Барсуковъ: Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 12-я, С.-Пб. 1898, стр. 263—266.

Б. Л. Модзалевскій.

Жомини, баронъ Александръ Генриховичъ, дипломатъ-писатель, одинъ изъ учредителей Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, родился въ 1814 г., умеръ 5 декабря 1888 г. въ С.-Петербурѣ. Баронъ Ж. началъ свою службу въ 1835 г. въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, при графѣ Нессельроде; сначала состоялъ по департаменту внутреннихъ сношеній, потомъ—чиновникомъ по внѣшнимъ сношеніямъ, и уже въ самомъ началѣ своей службы обратилъ на себя вниманіе своими способностями. Въ 1845 г. онъ перешелъ въ Азіатскій департаментъ, а въ 1856-мъ былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначенъ старшимъ совѣтникомъ министерства; въ этой должности онъ оставался до самой смерти. Политическія бумаги, дипломатическія ноты, конвенціи всегда предварительно разсматривались барономъ Ж., который былъ замѣчательнымъ стилистомъ и являлся въ полномъ смыслѣ редакторомъ важнѣйшихъ, исходившихъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ бумагъ. Больше тридцати лѣтъ онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ государственнаго канцлера князя Горчакова и министра иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретаря Н. К. Гирса. Когда окончилась Крымская война, баронъ Ж. въ 1856 г. ѣздилъ съ особенными порученіями въ Берлинъ, а въ 1861 г.—въ Парижъ. Въ 1867 г. баронъ Ж. былъ произведенъ въ чинъ тайнаго совѣтника. Въ этомъ же году онъ сопутствовалъ императору Александру II въ поѣздѣ на выставку въ Парижъ, гдѣ получилъ большой Крестъ Почетнаго Легіона. Въ 1875 г. баронъ Ж. былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ этомъ году онъ въ теченіе семи мѣсяцевъ управлялъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ вмѣсто государственнаго канцлера, и за этотъ короткій періодъ управления заслужилъ высочайшую благодарность „за отличные неутомимые труды“. Во время послѣдней Турецкой кампаніи баронъ Ж. съ 21 мая 1877 г. по 10 декабря этого же года находился въ Бухарестѣ, гдѣ состоялъ при князѣ Горчаковѣ, а по окончаніи войны

былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 1 ст.; въ рескриптѣ, при пожалованіи этого ордена барону Ж., было сказано, что награда жалуется „въ справедливое возмездіе за неутомимую дѣятельность по министерству иностранныхъ дѣлъ, при настоящемъ положеніи политическихъ обстоятельствъ“. Въ 1879 и 1880 годахъ баронъ Ж. исполнялъ обязанности товарища министра иностранныхъ дѣлъ; въ 1881 г. ему былъ Высочайше пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, украшенный брилліантами „въ ознаменованіе особеннаго вниманія къ отличному труду въ продолженіе 25 лѣтъ по возложеннымъ на него важнымъ обязанностямъ“; а въ 1882 г. (1 апрѣля) онъ былъ пожалованъ статсъ-секретаремъ. 5 декабря 1885 года, въ день пятидесятилѣтія службы барона Ж. на дипломатическомъ поприщѣ, ему была пожалована табакерка съ украшеннымъ брилліантами портретомъ Государя Императора.

Баронъ Ж. оставилъ послѣ себя много интересныхъ мемуаровъ, изъ которыхъ обнародована только часть. Какъ человекъ, прекрасно освѣдомленный въ современной ему внѣшней политикѣ Россіи, баронъ Ж. даетъ въ своихъ мемуарахъ драгоценный матеріалъ по исторіи царствованій императоровъ Николая I и Александра II. Пользуясь источниками, доступными ему одному, баронъ Ж. составилъ (въ 1863 г.) обширный очеркъ дипломатической исторіи Восточной войны, освѣтивъ и объяснивъ многіе факты ея, истинная подкладка которыхъ была дотолѣ неизвѣстна. Этотъ трудъ появился только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его написанія и притомъ анонимно, подъ заглавіемъ: „Étude diplomatique sur la Guerre de Crimée“, Paris, 1874 (второе изданіе: С.-Петербургъ, 1878 г., два тома). Переводъ этого сочиненія на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: „Россія и Европа въ эпоху Крымской войны“ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 г., книги 2—10. Кромѣ этого, изъ сочиненій барона Ж. напечатанъ трудъ: „Роль и значеніе Россіи въ Европѣ передъ Крымской войной“ („Наблюдатель“ 1885 г., кн. 12-я).

„Баронъ А. Г. Жомини“ („Новое Время“ 1888 г., № 4589).—Д. Д. Языковъ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, выпускъ VIII-й (1900 г.).—Энцикло-

педич. словарь Брокгауза и Эфрона.—А. Молчановъ: Баронъ Жомини по его письмамъ („Новое Время“ 1888 г., № 4594; о политическихъ взглядахъ Жомини).—Некрологъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1889 г., кн. 1, стр. 260—261.—„Изъ записной книжки князя П. А. Вяземскаго“ („Русскій Архивъ“ 1899 г., кн. 2-я, стр. 362).—„Письма Ф. И. Тютчева“, 1870—1871 г.г. („Русскій Архивъ“ 1899 г., кн. 11, стр. 434).

В. Г.

Жомини, баронъ *Антонъ-Генрихъ Вениаминовичъ*, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи; военный писатель; кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго. Родился 6 марта 1779 г., умеръ 14 марта 1869 г. Отецъ его былъ городскимъ синдикомъ гор. Пайерна въ Швейцаріи. Первоначальное образованіе молодой Ж. получилъ въ частномъ пансіонѣ. Свое истинное призваніе онъ нашелъ не скоро. Первоначально родители желали видѣть его адвокатомъ, но онъ рѣшительно объявилъ, что избираетъ для себя военную карьеру. Тогда рѣшено было записать его въ одинъ изъ швейцарскихъ полковъ, находившихся на французской службѣ. Но здѣсь встрѣтилось другое препятствіе: революція уничтожила наемныя войска, и швейцарскіе полки были расформированы. Наконецъ, рѣшено было оставаться на коммерціи, и результатомъ этого было поступленіе его въ частную коммерческую школу въ Ааргау. Не окончивъ, однако, и этой школы, семнадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ онъ получилъ довольно приличное мѣсто въ одномъ изъ банкирскихъ домовъ Парижа. Но это занятіе его также мало удовлетворило, какъ и все предыдущее. Блестящія кампаніи Бонапарта въ Италіи производили на него сильныя впечатлѣнія, поддерживали въ немъ его прежнее расположеніе къ военной службѣ и онъ ждалъ только удобнаго случая, чтобы поступить на военную службу. Такой случай скоро представился. Революція въ Швейцаріи (1798) создала Гельветическую республику. Ж. возвратился на родину и вскорѣ получилъ здѣсь должность военного секретаря, съ чиномъ капитана. Пользуясь полнымъ довѣріемъ министровъ республики, онъ имѣлъ весьма большое вліяніе на тогдашнюю организацію вооруженныхъ силъ своей родины. вмѣстѣ съ тѣмъ его теоретическій умъ, несмотря

на двадцатилѣтній возрастъ, складывался уже вполне опредѣленнымъ образомъ. Его стратегическія соображенія, въ связи съ необыкновеннымъ развитіемъ интереса къ военнымъ дѣйствіямъ, уже въ то время вызывали удивленіе современниковъ. Леконтъ въ біографіи, посвященной Ж., рассказываетъ, что задолго еще до кампаніи 1800 года Ж., за ужиномъ въ одномъ частномъ собраніи, когда шелъ споръ о назначеніи собираемыхъ у Дижона резервовъ, предсказалъ, что резервы эти будутъ назначаются противъ Италіи: мало того: онъ предсказалъ даже, что съ этими резервами Бонапарте вторгнется съ сѣвера въ Италію черезъ Швейцарію и выйдетъ въ тылъ австрійской арміи Меласа. Предсказаніе было въ декабрѣ 1799 года, а пять мѣсяцевъ спустя оно буквально исполнилось такъ, какъ предвидѣлъ Ж. Послѣ Люневильскаго мира, въ 1801 г., Ж., благодаря своему неуживчивому характеру, оставилъ службу въ Гельветическомъ министерствѣ и уѣхалъ въ Парижъ съ цѣлью поступить въ ряды арміи. Но случая не представилось, и онъ снова занялся коммерческими дѣлами, продолжая заниматься въ то же время военными науками. Къ этому времени относится первое его капитальное сочиненіе „Traité des grandes opérations militaires“, посвященное изученію войнъ Фридриха Великаго и Французской революціи, съ формулировкой основныхъ положеній для военного искусства. Трудъ былъ законченъ въ 1803 г. Нужно было приступить къ его изданію. За отсутствіемъ средствъ онъ обратился за помощью къ отцу, — отецъ отказался. Отказали также и всѣ книгоиздательства, къ которымъ онъ обращался за содѣйствіемъ, предлагая свой трудъ совсѣмъ за бездѣнокъ и которыя не рѣшались издать сочиненіе неизвѣстнаго автора, признавая это рискованнымъ.

Тогда Ж. рѣшилъ обратиться къ повѣренному въ дѣлахъ Россіи въ Парижѣ, г. Убри, выразивъ желаніе посвятить свой трудъ Императору Александру и поступить въ русскую службу. Но г. Убри даже обидѣлся и сказалъ: „Вы насъ, вѣроятно, считаете за варваровъ, если полагаете, что въ ваши лѣта вы уже можете своими книгами учить нашихъ генераловъ войнѣ“. Наконецъ ему удалось

показать свою рукопись генералу Нею. Последний, принявъ благосклонно Ж., прочелъ его рукопись, и, оцѣнивъ ее по достоинству, оказалъ пособіе для напечатанія. Такимъ образомъ, въ 1804 году появились два первыхъ тома его „*Traité des grandes opérations militaires*“. Этотъ случай положилъ начало сближенія Ж. съ ген. Неемъ, продолжавшемуся весьма долгое время. Получивъ назначеніе въ булонскій лагерь, Ней предложилъ Ж. слѣдовать за нимъ въ качествѣ волонтера, потомъ, въ 1805 году сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Во время этой кампаніи Ж. отличился подъ Ульмомъ, при плѣненіи австрійскаго генерала Макка, способствовалъ своей настойчивостью и своимъ вѣрнымъ взглядомъ на происшедшія военныя дѣйствія точному исполненію предположеній Наполеона. Въ это же время Наполеонъ познакомился съ первыми сочиненіями Ж., которые произвели на него глубокое впечатлѣніе. „Говорите еще,—сказалъ императоръ читавшему ему книгу герцогу Бассано,—что нашъ вѣкъ не идетъ впередъ: вотъ вамъ молодой офицеръ, да еще и швейцарецъ, излагаетъ такія вещи, какихъ я никогда не слыхивалъ отъ своихъ профессоровъ и которыхъ врядъ ли шойметъ иной генералъ“. Этотъ отзывъ великаго полководца достаточно показываетъ, какъ высоко цѣнилъ онъ даже первыя произведенія Ж. За кампанію 1805 года Ж. былъ произведенъ въ полковники генеральнаго штаба, съ утвержденіемъ въ должности перваго адъютанта при маршалѣ Неѣ. 1806 г. сдѣлалъ его весьма близкимъ къ Наполеону. Предвидя неизбежность войны съ Пруссіей и желая убѣдить маршала Нея, онъ изложилъ свои доводы въ весьма интересной запискѣ: „*Des probabilités d'une guerre avec la Prusse et des opérations qui auront probablement lieu*“ (О вѣроятности войны съ Пруссіей и о тѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя при этомъ могутъ произойти). Записка сдѣлалась извѣстной императору, и авторъ ея въ началѣ предсказанной имъ кампаніи получилъ назначеніе состоять при особѣ Наполеона. „Отправляясь къ штабу 6-го корпуса, чтобы сдать должность адъютанта при маршалѣ Неѣ,—какъ рассказываетъ Леконтъ,—Ж. сказалъ Наполеону: „Если мнѣ будетъ позволено воспользо-

ваться четырехдневной отлучкой, то я нагоню ваше величество въ Бамбергъ“. „При словѣ Бамбергъ, продолжаетъ Леконтъ, Наполеонъ поблѣднѣлъ и полудивленнымъ, полуразсерженнымъ голосомъ спросилъ: „А кто вамъ сказалъ, что я буду въ Бамбергъ“. „Карта Германіи, ваше величество“. „Какъ карта? На ней сотни разныхъ другихъ дорогъ, кромѣ бамбергской“. „Да, государь, но всего вѣроятнѣе, что ваше величество употребите противъ лѣваго фланга пруссаковъ тотъ маневръ, который былъ употребленъ при движеніи на Допаувертъ, противъ праваго фланга Макка, и на Сень-Бернаръ, противъ Меласа; при томъ же нѣтъ иного пути какъ черезъ Бамбергъ на Геру“. „Хорошо, сказалъ удивленный императоръ,—будьте черезъ четыре дня въ Бамбергъ, но не говорите объ этомъ никому, даже и Бертье: никто не долженъ знать о моемъ движеніи на Бамбергъ“. Эта удивительная проникательность Ж. не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на Наполеона. Онъ еще больше убѣдился въ способностяхъ своего будущаго историка и въ теченіе всей кампаніи 1806—07 гг. лично дѣлалъ полковнику Ж. весьма многія важныя порученія и даже, во время Прейсипгъ-Эйлаусскаго сраженія, поручилъ ему руководить дѣйствіями корпуса Груши, предназначеннаго для удержанія русскихъ. По окончаніи кампаніи Ж. получилъ орденъ Почетнаго Легіона и должность начальника штаба 6-го корпуса. Почти весь 1808 г. штабъ корпуса находился въ Глогау. Относительно мирное состояніе, въ какое приведены были французскія войска по окончаніи Прусской кампаніи, дало ему возможность вновь заняться литературными трудами. Въ это время онъ окончательно редактировалъ и дополнилъ свое сочиненіе: „*Traité des grandes opérations*“, и напечаталъ: „*Principes généraux de la guerre*“, составляющіе какъ бы выводъ изъ перваго сочиненія и написанные еще въ 1806 г. въ Познани.

Въ концѣ 1808 года 6 корпусъ получилъ приказаніе идти въ Испанію на усиленіе войскъ, предназначенныхъ для подавленія народнаго возстанія и изгнанія съ Пиринейскаго полуострова англичанъ. Въ это время маршалъ Ней находился при дворѣ, въ Парижѣ, и прибылъ

къ корпусу уже прямо въ Испанію. Ж., встрѣтивъ своего начальника, съ перваго же раза замѣтилъ значительную перемѣну въ обращеніи. И, дѣйствительно, добрыя отношенія маршала къ своему начальнику штаба временно измѣнились.

Обиженный распускавшимися разными интриганами слухами, что онъ обязанъ своими успѣхами единственно совѣтамъ Ж., маршалъ старался держать своего начальника штаба какъ можно строже и дальше отъ себя. Начались вслѣдствіе этого постоянныя непріятности и дѣло кончилось тѣмъ, что въ концѣ концовъ Ж. былъ смѣщенъ съ должности и назначенъ въ распоряженіе князя Невшательскаго-Бертье. Послѣдній ненавидѣлъ Ж. и предложилъ ему находиться въ вѣдѣніи своего адъютанта. Оскорбленный такимъ назначеніемъ, Ж. сталъ искать выхода изъ своего положенія. Скоро такой выходъ представился. Познакомившись съ находившимся въ то время въ Парижѣ флигель-адъютантомъ Императора Александра полковникомъ Чернышевымъ и получивъ отъ него приглашеніе поступить на русскую службу, онъ изъявилъ принципиально свое согласіе, и, уѣхавъ въ Швейцарію, послалъ оттуда Бертье прошеніе объ отставкѣ. Однако отставки ему не дали. Французское правительство и самъ Наполеонъ—вовсе не хотѣли лишаться столь полезнаго для арміи челоуѣка. Французскій военный министръ доложилъ обстоятельства дѣла лично Наполеону; Ж. былъ произведенъ въ бригадные генералы и согласился продолжать службу во французскихъ войскахъ. Между тѣмъ переговоры съ Россіей также увѣнчались успѣхомъ: нѣсколько дней спустя, онъ получилъ патентъ на званіе генералъ-маіора, съ назначеніемъ состоять при особѣ русскаго императора, но, рѣшивъ остаться на службѣ Франціи, Ж. сохранилъ это послѣднее назначеніе въ тайнѣ. Продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься литературными трудами, Ж. кончилъ въ 1810 г. „Семилѣтнюю войну“ и принялся за описаніе кампаній 1794 и 1795 гг. Въ то же время, т. е. послѣ производства его въ генералы, Наполеонъ поручилъ ему составленіе исторіи кампаній 1796 и 1800 годовъ, для чего и приказано было открыть ему архивы военнаго министерства. Но и здѣсь судьба

привела Ж. въ столкновеніе съ Бертье: послѣдній хотѣлъ издать описанія этихъ же кампаній при генеральномъ штабѣ и всячески затруднять для Ж. пользованіе архивами, выдавая ему, несмотря на приказаніе Императора, самые лишь ничтожныя и ничего не значущіе документы. Тѣмъ не менѣе, Ж. съ успѣхомъ продолжалъ начатое имъ описаніе революціонныхъ войнъ, и съ 1811 г. началъ издавать свое сочиненіе: „Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution“, сочиненіе, заключающее въ себѣ 15 томовъ, съ четырьмя тетрадами плановъ и картъ. Этотъ громадный трудъ, обнимающій всѣ войны съ 1792—1803 г., выходилъ въ Парижѣ, начиная съ 1811 г., послѣдовательно отдѣльными выпусками до 1824 г.; изъ нихъ первый, состоявшій изъ шести томовъ, обнималъ описаніе войнъ 1792—1794 гг., второй, въ 4 томахъ—кампаній 1795—1798 гг., третій, въ двухъ томахъ—кампаніи 1799 г., и, наконецъ, четвертый, въ 3 томахъ, заключалъ описаніе войнъ 1800—1803 годовъ. Какъ въ этомъ, такъ и въ первомъ своемъ сочиненіи (Traité des grandes opérations) Ж. держится одной и той же системы. Приступая къ описанію каждой кампаніи, онъ сначала излагаетъ причины войны, очерчиваетъ личности главныхъ дѣятелей, особенности театра войны и потомъ уже переходитъ къ изложенію военныхъ дѣйствій. Важнѣйшее достоинство этихъ сочиненій послѣдовательность, простота и ясность изложенія.

Въ 1812 году Ж., находясь въ походѣ въ Россію, исправляя должность Виленскаго и потомъ Смоленскаго губернатора. При отступленіи же французской арміи отъ Москвы, онъ оказалъ большую услугу французамъ при переправѣ ихъ черезъ р. Березину какъ выборомъ переправъ, такъ равно устройствомъ мостовъ. По переходѣ всей арміи за границу, онъ былъ вытребованъ Наполеономъ въ Парижъ для обсужденія мѣръ, необходимыхъ для арміи. Но болѣзнь—слѣдствіе березинской переправы, во время которой онъ чуть было совсѣмъ не погибъ—не позволила ему заниматься дѣлами; пролежавъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ постели, онъ вернулся къ арміи уже въ самый день люценскаго сраженія, и тотчасъ же былъ назначенъ самимъ Наполеономъ началь-

никомъ штаба въ корпусъ маршала Нея. На долю этого корпуса выпало весьма важное назначеніе въ день бауценскаго боя. Наполеонъ атаковалъ союзниковъ съ фронта и, въ то же время, надѣялся нанести имъ окончательный ударъ появленіемъ у нихъ въ тылу корпуса Нея, направленнаго въ обходъ праваго крыла союзниковъ. Посылая маршалу Нею написанное на клочкѣ бумаги приказаніе двигаться на гохкирхенскую колокольню, Наполеонъ не только не объяснилъ своего намѣренія, но объ истинномъ значеніи атакъ не знали ничего даже маршалы, производившіе натискъ на фронтъ союзниковъ. Атаки противъ фронта, въ сущности, были фальшивыя по цѣли; но маршалы, производившіе ихъ, вели ихъ съ такимъ ожесточеніемъ и упорствомъ на укрѣпленный фронтъ союзниковъ, что союзники принуждены были истощить почти всѣ свои резервы въ то время, когда у нихъ неожиданно появился въ тылу корпусъ маршала Нея. Неопредѣленность приказанія, незнаніе собственнаго положенія, заставили маршала Нея потерять много времени, пока онъ не завязалъ дѣла съ союзниками. Послѣдующія усилія Нея не могли уже поправить эту ошибку, и случай окончательно разбить союзниковъ и тѣмъ успешно окончить кампанію былъ упущенъ для Наполеона. Императоръ сердился на Нея, который, въ свою очередь, оправдывался неопредѣленностью полученнаго имъ приказанія. Какъ бы то ни было, но, при этомъ случаѣ, неудовольствіе Наполеона обрушилось отчасти и на Ж.

Къ этому еще присоединились незначительныя упущенія по службѣ. „Я нѣсколько опоздалъ,—пишетъ Ж. одному изъ своихъ друзей,—отсылкою пятнадцатидневныхъ вѣдомостей о состояніи войскъ. Вѣдь это формальность, не имѣющая особенной важности. Замедленіе произошло единственно оттого, что я не получилъ во время донесеній изъ дивизіи Сугама, составленной изъ разныхъ сводныхъ полковъ. Другое обвиненіе, которое возводятъ противъ меня, то, что я отослалъ обратно въ Дрезденъ одного офицера, который не дѣлалъ здѣсь особенной чести генеральному штабу. Какъ вы думаете: не правда ли, великое преступленіе?“. Это было весьма на руку Бертье, столь

недоброжелательно относившемуся къ Ж. и имѣло необыкновенно тяжелыя послѣдствія: черезъ восемь дней послѣ цитированнаго письма Бертье приказалъ арестовать Ж. и объявить о немъ въ приказѣ по арміи, какъ о начальникѣ штаба, дурно исполняющемъ свои обязанности! Все это такъ потрясло Ж., что онъ окончательно рѣшилъ оставить французскую армію. 14 августа 1813 г. онъ явился на передовые посты прусскихъ войскъ, а оттуда направился въ Прагу, гдѣ находился Императоръ Александръ. Государь принялъ его весьма благосклонно; повелѣлъ зачислить на русскую службу генераль-лейтенантомъ и въ томъ же году пожаловалъ его въ генераль-адъютанты.

Такой поступокъ Ж. естественно вызвалъ самыя превратныя сужденія и больше всего, конечно, задѣлъ самолюбіе французовъ. Французскій военный судъ приговорилъ его заочно къ смертной казни. Въ различныхъ кругахъ распространялись слухи, что Ж. перешелъ къ союзникамъ единственно изъ корыстныхъ цѣлей, говорили и писали, будто онъ передалъ всѣ планы Наполеона и тѣмъ сдѣлалъ неизбежную его гибель. Иначе смотрѣлъ на это самъ императоръ Наполеонъ. Онъ рѣшительно протестуетъ противъ обвиненія Ж. въ выдачѣ плановъ и вполне оправдываетъ его поступокъ. Въ своихъ замѣткахъ, писанныхъ на островѣ св. Елены, по поводу одного сочиненія (*Histoire de la campagne de Saxe*), онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Напрасно авторъ этой книги приписываетъ генералу Ж., что онъ передалъ союзникамъ секретныя планы дѣйствій и показаніе о составѣ корпуса Нея. Офицеръ этотъ не зналъ плановъ императора: приказаніе объ общемъ движеніи, которое разсылалось всѣмъ маршаламъ, вовсе ему не было извѣстно; даже если бы онъ и зналъ его, то императоръ не можетъ его обвинять въ томъ преступленіи, которое ему навязываютъ. Онъ не измѣнилъ своимъ знаменамъ... Онъ имѣлъ право жаловаться на оказанную противъ него большую несправедливость; онъ былъ увлеченъ вполне благородными чувствами. Онъ не былъ французомъ, любовь къ отечеству не удерживала его“. (*Le général Jomini, sa vie et ses écrits, par F. Lecomte*).

Въ лагерѣ союзниковъ Ж., какъ и слѣ-

довало ожидать, оказался весьма полезнымъ челоѡвѡкомъ. На первыхъ же порахъ ему удалось высказать всю несостоятельность Шварценбергскаго плана дѣйствій, по которому союзныя арміи должны были дѣйствовать на сообщенія Наполеона съ Рейномъ. Онъ съ полной очевидностью доказалъ опасность положенія, какой подверглась бы при исполненіи этого плана армія, не имѣвшая ни одной обезпеченной переправы на Эльбѣ. Важною заслугой является также его вліяніе на измѣненіе плана дѣйствій подъ Лейпцигомъ. Здѣсь ему удалось убѣдить кн. Шварценберга отказаться отъ своего предположенія дѣйствовать на лѣвомъ берегу Плейсы, которое подвергало часть союзной арміи совершенно отдѣльному пораженію. Однако всѣ его предложенія встрѣчали сильный отпоръ, особенно со стороны австрійскаго штаба, какъ штаба главнокомандующаго, при которомъ онъ состоялъ для участія отъ имени императора въ обсужденіи всѣхъ предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій. Австрійцы, разумѣется, желали имѣть какъ можно больше самостоятельности, и постоянно находили разныя причины для сохраненія отъ Ж. въ тайнѣ своихъ предположеній. Второй причиной былъ его горячій темпераментъ, чрезмѣрное самолюбіе, благодаря которымъ онъ вездѣ быстро наживалъ себѣ враговъ. Всякое неправильное — съ его точки зрѣнія — предположеніе вызывало самый горячій протестъ. Такъ, напримѣръ, когда онъ увидѣлъ составленный проектъ отступленія отъ Дрездена, то подыалъ такой крикъ противъ него, что даже англійскій посланникъ, лордъ Каткартъ, счелъ нужнымъ отвести его въ сторону и посовѣтовалъ побережъ нѣсколько самолюбіе своихъ новыхъ сослуживцевъ, безъ чего онъ можетъ сдѣлать себѣ изъ нихъ самыхъ непримримыхъ враговъ. Здѣсь онъ, между прочимъ, выразился въ присутствіи всего штаба, что лучше лечь спать, чѣмъ вести такимъ образомъ войну. На сдѣланное же ему замѣчаніе онъ хотя и извинился, но прибавилъ: „когда дѣло идетъ о судьбѣ Европы, о чести трехъ великихъ государей и моей военной репутациі, то позволительно не взыщивать своихъ выраженій“.

Послѣ Лейпцигскаго сраженія, когда

рѣшено было перенести войну на французскую территорію, Ж., находя для себя неудобнымъ воевать противъ Франціи, на службѣ которой онъ такъ недавно еще состоялъ, испросилъ разрѣшеніе Императора Александра временно удалиться въ Готу или Веймаръ. Но нарушеніе австрійцами нейтралитета Швейцаріи, побудило его возвратиться въ главную квартиру Императора, чтобы повліять на судьбу своего отечества, защищая его интересы. Передъ самымъ окончаніемъ кампаніи Ж. снова поклянулъ армію и поселился временно въ Цюрихѣ. Въ 1815 г. снова былъ въ Парижѣ, сопровождая Императора Александра, и чуть не былъ исключенъ изъ русской службы, за горячее вмѣшательство въ пользу несчастнаго, судившагося въ то время, маршала Нея. Въ 1817 г. Ж. снова вернулся въ Парижъ, гдѣ и прожилъ, впрочемъ, съ значительными перерывами, почти до конца своей жизни. Передъ отъѣздомъ онъ составилъ для Императора Александра обширную записку о различныхъ предположеніяхъ на случай оборонительной и наступательной войны на какой бы то ни было ея границѣ. Да и вообще въ это время онъ всецѣло предался кабинетной дѣятельности, касавшейся политическихъ, административныхъ и военныхъ предметовъ. Еще во время Вѣнскаго конгресса (1814) онъ написалъ двѣ записки: „о необходимости присоединенія Савойи къ Швейцаріи“, и „объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи“: въ 1817 г. переиздалъ въ третій разъ „*Traité des grandes opérations...*“; другія, болѣе важныя сочиненія его, вышли впоследствии.

По вступленіи на престолъ Императора Николая I Ж. снова былъ вызванъ въ Россію для участія въ разработкѣ военныхъ проектовъ и особенно проекта объ учрежденіи высшаго военно-учебнаго заведенія для офицеровъ генеральнаго штаба, и, по прибытіи въ Петербургъ, произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи (1826). Составленный имъ проектъ объ учрежденіи въ Петербургѣ центральной стратегической школы получилъ Высочайшее одобреніе. Но наступившія въ это время войны (1827—29) — Персидская и Турецкая — задержали его проведеніе въ жизнь: военная академія была открыта только въ 1832 г. Въ основаніе учрежде-

нія ея легли многіе предположенные имъ принципы, хотя первоначальный проектъ Ж. былъ значительно измѣненъ. Во время Турецкой войны (1828—29) Ж. сопровождалъ Государя въ походѣ и получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ 1837 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ стратегіи къ Государю Наслѣднику; при чемъ передѣлалъ и издалъ отдѣльно для этой цѣли нѣсколько главъ своего сочиненія „Précis de l'art de la guerre“, вышедшаго первымъ изданіемъ въ 1830 г.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Ж. снова удалился за границу и жилъ тамъ до начала Восточной войны (1853—56 гг.); но лишь только обнаружился разрывъ Россіи съ западными государствами, онъ, несмотря на свой 75-лѣтній возрастъ и болѣзненное состояніе, посѣдшилъ явиться въ Петербургъ, за что получилъ весьма лестный рескриптъ Императора Александра II. Оставивъ затѣмъ Россію, Ж. окончательно поселился въ Парижѣ, гдѣ и скончался въ 1869 г., имѣя 90 лѣтъ отъ роду.

Имя Ж. извѣстно, какъ писателя, спеціально изучившаго дѣйствія двухъ великихъ полководцевъ — Фридриха и Наполеона — и посредствомъ анализа этихъ дѣйствій формулировавшаго основныя положенія военнаго дѣла. Онъ первый привелъ къ единству основныхъ принциповъ всевозможныхъ стратегическихъ ученій, внесъ порядокъ въ царившій до того времени въ стратегіи хаосъ, упростилъ объясненіе ея истинъ и сдѣлалъ ихъ общимъ достояніемъ. По количеству написаннаго Ж. принадлежитъ къ числу самыхъ плодотворныхъ писателей. Кромѣ упомянутыхъ въ текстѣ сочиненій ему принадлежатъ капитальныя сочиненія: „Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui même au tribunal de Cesar, d'Alexandre et de Frédéric“ (1827 г.), „Précis politique et militaire de la campagne de 1815, pour faire suite à la vie de Napoléon“ и „Nouveau tableau analytique de principales combinaisons de la stratégie, de la grande tactique et de la politique militaire“, представившее сводъ основныхъ стратегическихъ положеній, вытекавшихъ изъ его историческихъ трудовъ; переводъ сочиненія эрцгерцога Карла: „Grundsätze der Strategie“ и множество брошюръ и журнальныхъ статей по разнымъ военнымъ во-

просамъ, какъ то: „Examen critique de l'Histoire de la l'art de la guerre de Carion Nisas“, „Observations sur l'histoire militaire et sur les écrivains militaires depuis Louis XIV jusqu'à nos jours“, „Observations sur la campagne de 1828 par un officier d'état-major russe“ и мн. др.

Н. З.

Послужной списокъ въ общемъ архивѣ главнаго штаба, кн. лит. А.—сп. 80; Военный Сборникъ 1868 г., т. 29, стр. 531—562; Голосъ 1869 г., № 89; Русскій Инвалидъ 1869 г., № 34; Иллюстрированная газета 1866 г. № 14; Всемирная Иллюстрація 1869 г. № 18; Русская Старина 1873 г. № 8; Русскій Вѣстникъ 1865 г. т. 59; Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. 12, стр. 33; Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ Леера т. III, вып. 2, стр. 195. Военный энциклопедическій лексиконъ, т. V, стр. 472. Энцикл. слов. Филиппова, т. 1, стр. 1335. Русскій энцикл. словарь Березина, т. 2, отд. 2, стр. 106. Большая Энциклопедія, т. 9, стр. 404. „Русскій Архивъ“, 1870, № 1. В. Кладри „Исторія Государевой Свиты—Царств. Императора Александра I-го“.

Жоховъ, Александръ Андреевичъ, флота генераль-лейтенантъ; командиръ Астраханскаго порта. Род. въ 1748 г.; ум. 16 іюня 1823 г. Воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1765 г. произведенъ въ гардемаринъ; въ 1769—сѣ эскадрю адмирала Спиридова отпирался въ Средиземное море, п около пяти лѣтъ крейсировалъ въ Архипелагѣ; причемъ въ морейской экспедиціи 1770 г. былъ въ Чесменскомъ сраженіи и въ сраженіи при Наполи-ди-Романи. Въ 1776 г. возвратился въ Кронштадтъ; въ 1778—былъ переведенъ въ галерный флотъ, въ 1781—произведенъ въ капитанъ-лейтенантъ. Въ 1788—во время перехода изъ Архангельска въ Кронштадтъ, въ эскадрѣ контръ-адмирала Поваляева, командовалъ кораблемъ „Сисой Великій“ и, за поврежденіемъ корабля, вынужденъ былъ зимовать въ Норвегіи. Кораблю угрожала опасность затонуть и, только благодаря благоразумнымъ распоряженіямъ Ж. и принятымъ имъ мѣрамъ, его удалось спасти отъ гибели. Адмиралтействъ-коллегія выразила капитану корабля удвольствіе и постановила занести эту заслугу ему въ аттестатъ. Въ 1790 г. Ж. былъ произведенъ въ капитанъ 1-го ранга; въ 1795—былъ опредѣленъ совѣтникомъ въ счетную экспедицію; въ 1799 г. произведенъ въ генераль-майору. Первое на-

значение на должность главного командира астраханского порта состоялось в 1800 году. Но здесь ему сразу не повезло. В Петербург стали поступать жалобы на притеснения Астраханских рыбопромышленников; было возбуждено следствие по делу о поборах, а Ж. был отозван в Петербург. Однако прошло четыре года и он снова получил ту же самую должность (1807), и, на этот раз, сумел вполне освоиться с порученным ему делом, до конца своей жизни командуя портом. В генерал-лейтенанты произведен в 1807 г.

Общій морской списокъ, ч. III, стр. 555. Сочиненія Державина (академическое издание), т. 5 (письма отъ Жюхова).

Н. З.

Жуковский, Александр Кириллович, поэтъ, извѣстный подъ псевдонимомъ „Бернетъ“. Род. 10 сентября 1810 г. в Пензѣ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 8 декабря 1864 г. Происходилъ изъ дворянъ. Воспитывался въ Саратовской губернской гимназiи. Служилъ въ конной артиллерiи. Въ Турецкую войну 1828—29 гг. находился въ дѣйствующей армiи и былъ при графѣ Дибичѣ въ походѣ за Балканы: въ 1830—31 гг. участвовалъ въ усмирении польскаго мятежа. Потомъ служилъ по министерству финансовъ и былъ вице-директоромъ государственнаго казначейства. Писать Жуковский началъ весьма рано; но на литературное поприще онъ выступилъ только въ 1837 г., напечатавъ въ разныхъ журналахъ сразу цѣлую серiю своихъ стихотворенiй. Одновременно были напечатаны: въ „Современникѣ“ отрывокъ изъ поэмы „Елена“, подъ названiемъ „Одиночество“, въ „Литературныхъ приложенiяхъ“ къ „Русскому Инвалиду“ (№ 20, 31) „Леоданъ“, отрывокъ изъ еврейскихъ поученiй и стихотворенiе „Призракъ“; нѣсколько стихотворенiй въ „Библиотекѣ для чтенiя“ и др. журналахъ. Многiя сочиненiя понравились публикѣ, и имя Бернета сдѣлалось сразу общезвѣстнымъ. Журналы наполнялись общими похвалами автору, прiвѣтствiя въ немъ новый сильный талантъ. Сеньковский произвелъ его въ гении и даже Бѣлинскiй, правда немного послѣ, отмѣтилъ въ поэзи Бернета „благоуханiе ароматнаго цвѣта прекрасной внутренней жизни“. Однако, Жуковский не оправдалъ возлагавшихся

на него надежды и слава его минула очень скоро. Въ томъ же 1837 г. онъ напечаталъ въ „Библиотекѣ для чтенiя“ стихотворенiя: „Подсолнечникъ“, „Мѣдный крестъ“, „Зимнiй походъ“, „Паша“, „Плѣнный африканецъ“, „Два креста въ Валахiи“. „Всадникъ“, „Просьба“, „Жребiй поэта“, „Неожиданный порывъ“ и большую поэму „Перля, дочь банкира Мостіеха“, и затѣмъ, въ томъ же году, выпустилъ отдѣльнымъ изданiемъ собранiе своихъ стихотворенiй, подъ заглавiемъ „Стихотворенiя Е. Бернета“ и поэму „Графъ Мецъ“. Въ 1838 г. были напечатаны „Послѣдняя ночь“, „Иллада“, „Прощенiе“, „Мольба“ и двѣ поэмы: „Луиза Лавальеръ“ и „Елена“. Первая была напечатана въ „Библиотекѣ для чтенiя“, а вторая отдѣльнымъ изданiемъ, получившимъ большое распространенiе въ публикѣ. Простота сюжета, взятаго изъ феодальной эпохи, исполнѣ художественныя картины и порою высокое воодушевленiе автора, вылившееся въ его стихи, подкупали читателя, и только строгая критика отнеслась совершенно иначе.

1839 годъ былъ послѣднимъ годомъ его литературной дѣятельности, но въ этомъ году онъ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ сочиненiй, поэму „Вѣчный жидъ“, пользующуюся до нашихъ дней общей извѣстностью. Послѣ этого А. К. въ теченiе одиннадцати лѣтъ не написалъ ни слова, и только въ 1850 г. вновь заявилъ о своемъ существованiи, помѣстивъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ двѣ повѣсти изъ русской жизни, подъ названiемъ „Черный гость“ и „Не судите по наружности“, прошедшия почти никѣмъ не замѣченными. Лучшими изъ массы разбѣившихъ по разнымъ журналамъ и альманахамъ стихотворенiями Жуковскаго-Бернета признаются: „Семейное чувство“, „Призракъ“, „Жребiй поэта“, „Зимнiй походъ“, „Прощанiе“, „Сонъ“, „Элегiя“, „Просьба“, „Пѣсня“, встрѣчаются также дѣйствительно превосходныя мѣста въ его поэмахъ „Елена“, „Перля“ и „Вѣчный жидъ“, вторая глава которой, подъ заглавiемъ „Женщина“ была напечатана отдѣльно въ „Утренней Зарѣ“, издававшейся въ 1839 г. Владиславлевымъ.

Имя Ж. почти совершенно неизвѣстно въ публикѣ, такъ какъ онъ ни разу не подписывалъ своего имени ни подъ однимъ

изъ своихъ сочиненій, скрываясь все время подъ псевдонимомъ „Бернетъ“, который до сего времени фигурируетъ въ обществѣ какъ настоящее имя автора „Вѣчнаго жидѣ“, „Елены“, „Графа Меца“ и „Перли“. Трудно-объяснимую причину того, что русскій человѣкъ рѣшился щеголять передъ русской читающей публикой, въ теченіе всей своей жизни, подъ иностраннымъ именемъ, нѣкоторые искали въ нежеланіи поэта, чтобы имя его смѣшивалось съ именемъ Василія Андреевича Жуковского, или, правильнѣе, исчезало въ немъ, какъ пятна на солнцѣ предъ невооруженнымъ глазомъ простого смертнаго“, какъ говоритъ Гербель. Другіе же видѣли причину этого маскарада въ его служебныхъ отношеніяхъ къ министру финансовъ, графу Каякнину, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ. Бернетомъ называли Ж. даже и тѣ, кто зналъ его лично. Но иностраннымъ быть не только его псевдонимъ: Ж. и самые сюжеты для своихъ поэмъ бралъ исключительно изъ иностранной жизни, и только въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ обращался къ русскому быту. Его почитатели, оставаясь при томъ убѣжденіи, что любимый ими поэтъ — нѣмецъ, считали вполне извинительнымъ, что всѣ его поэмы носятъ отпечатокъ нѣмецкаго происхожденія, не исключая и „Вѣчнаго жидѣ“, библейскій сюжетъ котораго сильно оттѣненъ нѣмецкой сентиментальностью.

Н. Гербель „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, стр. 425. Энцикл. словарь Брокгаузъ и Ефронъ, т. 12, стр. 44. Русскій Энциклопедическій слов. Березина, отд. 2, т. 2, стр. 112. Большая энциклопедія, т. 9, стр. 411. Справочный словарь Геннади, 1—2, стр. 8. Настольн. энцикл. словарь Граната, т. 3, (изд. 2), стр. 1724. Некрологъ: „Мѣсяцесловъ“ на 1866 г., „Русскій Архивъ“, 1867 г., №№ 5—6. стр. 953—981.

Жуковский, Василій Андреевичъ, знаменитый поэтъ.

1. ДѢТСТВО (1783—1797).

Годъ рожденія Жуковскаго опредѣляется его біографами различно. Однако, не смотря на свидѣтельство П. А. Плетнева и Я. К. Грота, указывающихъ на рожденіе Ж. въ 1784 г., нужно считать, какъ и самъ Ж., считаетъ годомъ его рожденія 1783 г. С. П. Шевыревымъ

и въ „Исторіи русской словесности“ Греча также 1783 г. обозначается годомъ рожденія поэта; кромѣ того въ метрической книгѣ Вѣлевскаго уѣзда, села Мишенскаго, хранящейся въ архивѣ Тульской духовной консисторіи, записано, что Ж. родился 26 января 1783 г., а крещенъ 30. Такимъ образомъ годъ рожденія поэта устанавливается официальными документами, но день до сихъ поръ представляетъ предметъ спора. Въ метрикѣ, какъ мы видимъ, показано 26 января, самъ же Ж. и его окружающіе всегда утверждали, что онъ родился 29 января. Эту дату считаютъ вѣрной рядъ біографовъ поэта—П. Загаринъ, К. К. Зейдлицъ и др.

Родина Ж.—село Мишенское, находящееся въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Вѣлева, въ Тульской губерніи. Отцомъ его былъ довольно состоятельный помѣщикъ Аеанасій Ивановичъ Бунинъ. Матеріаль для обрисовки дѣтства Ж. даютъ воспоминанія его близкой родственницы, Анны Петровны Зонтагъ, съ которой росъ и воспитывался поэтъ. Эти воспоминанія были написаны по слѣдующему поводу. Когда наступало 50-лѣтіе литературной дѣятельности Ж. редакторъ „Москвитянина“ М. П. Погодинъ просилъ А. П. Елагину, какъ близкую родственницу Ж., написать о немъ воспоминанія. Елагина отказалась и передала предложеніе М. П. Погодина своей сестрѣ А. П. Зонтагъ, которая и прислала М. П. Погодину статью, напечатанную имъ въ № 9 за 1849 г. „Москвитянина“ подъ заглавіемъ—„Нѣсколько словъ о дѣтствѣ Ж.“. Въ 1852 г. послѣ смерти поэта статья эта, значительно дополненная тѣмъ, что по разнымъ соображеніямъ въ 1849 г. было выпущено, была вновь помѣщена въ № 5 „Москвитянина“ Болѣе полныя воспоминанія А. П. Зонтагъ были напечатаны по рукописи въ „Русской Мысли“, 1883, № 2. К. К. Зейдлицъ отнесся къ этимъ воспоминаніямъ осторожно, такъ какъ у него возникалъ вопросъ, не „украшены ли они поэзіей давнишнихъ воспоминаній“. Еще менѣе достовернымъ документомъ считаетъ воспоминанія А. П. Зонтагъ проф. Н. С. Тихонравовъ. Проф. В. И. Рѣзановъ въ своемъ недавно вышедшемъ изслѣдованіи, представляющемъ послѣдніе итоги изученія Ж., беретъ подъ

свою защиту воспоминания А. П. Зонтаг и доказывает, что они вовсе не так малодостовѣрны, как думалъ Н. С. Тихоновъ. Конечно, трудно рѣшить, соотвѣтствуютъ ли истинѣ воспоминания А. П. Зонтаг во всѣхъ деталяхъ, но нѣтъ оснований заподозривать ложность наиболее крупныхъ фактовъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ, правда, много „поэтичности“, но если мы освободимъ факты отъ субъективнаго освѣщенія, отъ „поэтичности“, то получимъ довольно цѣнный документъ. На основаніи этихъ то воспоминаній и приходится біографу главнымъ образомъ обрисовывать дѣтство Ж.

Афанасій Ивановичъ Бунинъ былъ женатъ на Маріи Григорьевнѣ Безобразовой. У нихъ было одиннадцать человѣкъ дѣтей—мальчикъ и десять дѣвочекъ. Изъ этихъ дѣтей семь умерло, остались четыре дѣвочки: Евдокія, родившаяся въ 1754 г., Наталья, родившаяся въ 1756 г., Варвара, родившаяся въ 1768 г. и Екатерина, родившаяся въ 1770 г. Вскорѣ послѣ рожденія послѣдней дочери на горизонтѣ Мишенскаго появились двѣ турчанки, родныя сестры: Сальха и Фатима. О ихъ появленіи существуетъ довольно правдоподобный рассказъ. Къ 1770—1771 гг. относятся русскіе походы противъ турокъ. „Мѣщане города Блѣва и крестьяне помѣщичьи ѣздили за нашей арміей маркизантами, — рассказываетъ К. К. Зейдлицъ.—Одинъ изъ крестьянъ села Мишенскаго также собрался въ маркизанта: когда онъ пришелъ проститься со своимъ баринномъ, старшій Бунинъ шутя сказалъ ему: „Привези мнѣ, братецъ, хорошенькую турчанку: видншь, жена моя совсемъ состарилась!“ Покорный крестьянинъ серьезно понялъ эти слова и въ самомъ дѣлѣ привезъ барину двухъ турчанокъ, родныхъ сестеръ, попавшихъ въ плѣнъ при взятіи крѣпости Бендеръ“. Турчанки поселились въ домѣ Бунина. Фатима вскорѣ умерла. Сальха была опредѣлена няней малолѣтнихъ дѣтей Буниныхъ: Варвары и Екатерины. Сальха была стройной, привлекательной, только что расцвѣтшей молодой женщиной: ей мужъ былъ убитъ подъ стѣнами Бендеръ. Ко всему этому она была очень доброй и кроткой. Въ короткое время она вполне освоилась съ новыми условіями жизни, крестилась, получивъ имя Елизаветы Дементьевны, вы-

училась хорошо говорить по-русски и даже читать. Передъ экзотическими чарами турчанки Афанасій Ивановичъ не могъ устоять: она въ свою очередь отвѣчала тѣмъ же чувствомъ и охотно предоставляла своему барину молодость и ласки. Связь Афанасія Ивановича съ турчанкой скоро обнаружилась: явился плодъ любви—дѣвочка. Жена Бунина встрѣтила романъ мужа весьма недоброжелательно, но воспрепятствовать связи мужа съ турчанкой не могла. Къ этому времени Елизавета Дементьевна сдѣлалась главной домоправительницей. Ей было отведено боковое строеніе, гдѣ и поселился Афанасій Ивановичъ. Такимъ образомъ, произошелъ открытый разрывъ между супругами. Получалось какъ бы два дома—большой и малый. Марья Григорьевна строго запретила своимъ дочерямъ посѣщать Елизавету Дементьевну, и она не имѣла права сообщаться съ большимъ домомъ и являлась туда только для приказаній. Вслѣдъ за первой дѣвочкой у Елизаветы Дементьевны родились еще двѣ, но всѣ дѣвочки жили очень не долго. 29 или 26 января 1783 г. она родила мальчика, который и былъ знаменитымъ поэтомъ. Въ домѣ Бунина жилъ его хороший пріятель. Андрей Григорьевичъ Ж. Онъ согласился быть не только воспитателемъ ребенка, но и дать ему имя и усыновить его. Послѣ рожденія мальчика въ отношеніяхъ Маріи Григорьевны къ мужу и Елизаветѣ Дементьевнѣ произошла перемѣна. Этому способствовали обстоятельства личной жизни Маріи Григорьевны. Къ этому времени дочь Евдокія вышла замужъ за Дмитрія Ивановича Алымова. Наталья за Николая Ивановича Вельямнова. Выйдя замужъ, дочери уѣхали съ мужьями. Евдокія Афанасьевна, отправившись въ Кяхту, гдѣ мужъ ея служилъ въ таможнѣ и занималъ постъ директора ея, упростила мать отпустить къ ней сестру Екатерину Афанасьевну. Такимъ образомъ, Марія Григорьевна, потрясенная пзмѣной мужа, и чувствуя, что ея личное счастье конечно, осталась жить съ одной только дочерью Варварой. Зажила ли личная рана Маріи Григорьевны или любовь къ недавно умершему въ 1781 г. взрослому сыну, студенту Лейпцигскаго университета, повліяла на то, что Марія Григорьевна смягчилась, примирилась со сво-

нимъ положеніемъ, приняла близко къ сердцу рожденіе ребенка и разрѣшила дочери своей Варварѣ Аванасьевнѣ крестить его вмѣстѣ съ Ж. Ребенка принесли къ Маріи Григорьевнѣ и крестили при ней. „Съ этого момента,—говоритъ К. К. Зейдлицъ,—она безмолвно усыновила его въ своей душѣ“. Послѣ этого произошло соединеніе двухъ домовъ—большого и малого; двѣ семьи стали жить опять вмѣстѣ. Ребенокъ сдѣлался предметомъ самыхъ внимательныхъ заботъ: къ нему былъ приставленъ цѣлый штатъ няней, онъ пользовался всеобщей любовью. Марія Григорьевна полюбила его, какъ родного сына. Перемяна отношеній Маріи Григорьевны, ея любовь къ чужому ребенку сначала озадачили Елизавету Дементьевну: ея азиатская натура не могла понять, какъ можетъ Марія Григорьевна относиться такъ къ ней, Елизаветѣ Дементьевнѣ, первому, по ея понятію, своему врагу, какъ возможно полюбить ребенка своего врага! Но убѣдившись въ искренности чувствъ Маріи Григорьевны, Елизавета Дементьевна полюбила ее со всей силой азиатской природы, привязалась такъ, какъ умѣютъ привязываться лишь азиатки.

Такимъ образомъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ Ж. окружали заботы и любовь. Общество, въ которомъ находился ребенокъ, было главнымъ образомъ женское. Въ 1785 г. Варвара Аванасьевна вышла замужъ за Петра Николаевича Юшкова и жила въ Тулѣ, и здѣсь у нея преждевременно родилась дочь. Марія Григорьевна взяла къ себѣ это хилое недоразвитое дитя. Это была Анна Петровна, въ замужествѣ Зонтагъ. Кромѣ нея Марія Григорьевна взяла къ себѣ ребенка своей умершей дочери Натальи Аванасьевны Вельяминовой: онъ былъ также дѣвочкой. Вотъ съ этими-то дѣвочками и росъ Ж.

Въ 1789 г., когда Ж. минуло шесть лѣтъ, къ нему былъ приглашенъ гувернеръ-нѣмецъ. Какъ и большинство гувернеровъ того времени, онъ не имѣлъ ничего общаго съ педагогіей: онъ былъ по профессіи портной. Вотъ что рассказываютъ біографы объ этомъ „гувернерѣ“. „Онъ болѣе занимался кузнечиками,—говоритъ П. Загаринъ,—нежели своимъ воспитанникомъ. По непонятной страсти къ этимъ насѣкомымъ, онъ тщательно собиралъ ихъ, помѣщалъ въ картонныхъ

и бумажныхъ домикахъ, составлялъ изъ нихъ хоры и наслаждался ихъ голосами; ученика же своего за малѣйшую ошибку въ чтеніи или незнаціи урока сѣкъ, билъ линейкой по пальцамъ или ставилъ на горохъ на колѣни. Мальчикъ терпѣливо переносилъ все это, не жалуясь на своего учителя. Только благодаря слугѣ, разсказавшему объ этихъ истязаніяхъ, наконецъ, Якимъ Ивановича (т. е. учителя) отослали въ Москву обратно. Нѣсколько иначе говоритъ другой біографъ поэта К. К. Зейдлицъ: „Учитель почиталъ главными педагогическими средствами розги и другое наказаніе—ставить своего питомца голыми колѣнями на горохъ. Васенька, избалованный любимецъ всего дома, поднималъ страшный крикъ при первомъ же примѣненіи такого способа воспитанія. Крестный отецъ и Марія Григорьевна не могли перенести подобной суровости обхожденія. Якимъ Ивановича посадили въ кибитку и отправили въ Москву“ Когда гувернеръ былъ изгнанъ, учить ребенка принялся его крестный отецъ, Андрей Григорьевичъ Жуковский, но ученіе шло туго, и ребенокъ дѣлалъ очень слабые успѣхи. То же самое случилось и тогда, когда Бунинъ въ 1790 г., переѣхавъ въ Тулу, отдалъ ребенка въ пансіонъ Христофора Филипповича Роде. Онъ былъ довольно хорошимъ педагогомъ, и его пансіонъ славился въ то время. Но ребенокъ оказывался малоспособнымъ, и всѣ старанія Х. Ф. Роде не приводили ребенка къ успѣхамъ въ наукахъ, несмотря даже на то, что ему были наняты хорошіе рещетиторъ, Теофилактъ Гавриловичъ Покровский. Бунинъ прожилъ только годъ въ Тулѣ: въ мартѣ 1791 г. онъ умеръ. А. И. Бунинъ завѣщалъ свое имѣніе дочерямъ, а сыну и Елизаветѣ Дементьевнѣ онъ не оставилъ ничего, но поручилъ ихъ женѣ своей, сдѣлавъ ее полнзвѣстной владѣтельницей имѣній. Здѣсь умѣстно отмѣтить характерный штрихъ для обрисовки личности М. Г. Буниной: она свято выполнила волю мужа и до конца дней заботилась о В. А. Ж. и Елизаветѣ Дементьевнѣ. Ученіе ребенка шло малоуспѣшно, на что много оказывало вліянія то обстоятельство, что семья Буниныхъ постоянно перемѣщалась изъ деревни въ Тулу, изъ Тулы въ деревню, нисколько не сообразуясь съ учебными

занятиями. Скоро М. Г. Бунина сознала, что постоянные переѣзды изъ Тулы въ деревню и обратно плохо сказываются на школьных успѣхахъ ребенка и что пора болѣе серьезно подумать о его образованіи. Какъ мы уже отмѣтили, дочь Маріи Григорьевны Буниной, Варвара Аванасьевна, вышедшая замужъ за Петра Николаевича Юшкова, постоянно жила въ Тулѣ, гдѣ служилъ ея мужъ. Марія Григорьевна рѣшила поселиться въ деревнѣ и ребенка оставить у Юшковыхъ. Такъ какъ въ 1793 г. пансіонъ Роде прекратилъ свою дѣятельность, то Ж. отдала въ Главное народное училище, представлявшее собою въ то время типъ будущей гимназіи.

Обращаясь къ характеристикѣ дома Юшковыхъ, мы прежде всего видимъ, что общество, окружавшее Ж., составляли по преимуществу женщины всѣхъ возрастовъ, начиная съ маленькихъ дѣвочекъ, кончая взрослыми дѣвками лѣтъ по 17. Всѣхъ женщинъ было 15 и только одинъ мальчикъ. Атмосферу, царившую въ домѣ Юшковыхъ, К. К. Зейдлицъ, хорошо знавшій этотъ домъ, характеризуетъ такъ: „Въ домѣ Юшковыхъ собирались всѣ обыватели города и окрестностей, имѣвшіе пріязнанія на высшую образованность. Варвара Аванасьевна была женщина по природѣ очень изящная, съ необыкновеннымъ дарованіемъ къ музыкѣ. Она устроила у себя литературные вечера, гдѣ новѣйшія произведенія школы Карамзина и Дмитріева, тотчасъ же послѣ появленія своего въ свѣтъ, дѣлались предметомъ чтенія и сужденій. Романами русская словесность не могла въ то время похвалиться. Потребность въ произведеніяхъ этого рода удовлетворялась лишь сочиненіями французскими. Романы Неллинекаго повторялись съ восторгомъ. Музыкальные вечера у Юшковыхъ превращались въ концерты; Варвара Аванасьевна занималась даже управленіемъ тульского театра.

Такая обстановка рано пробудила въ ребенкѣ литературные интересы, которые всецѣло его поглотили въ то время. Въ своемъ дневникѣ за 1806 г. Ж. набрасываетъ схему автобіографіи, въ которой между прочимъ мы находимъ: „Ученіе у Роде. Первые сочиненія...“ Такимъ образомъ первые литературные опыты Ж. относятся къ самому раннему дѣтству, когда

ему не было 10 лѣтъ. Въ той же схемѣ для автобіографіи мы читаемъ далѣе: „Выходъ изъ Родева пансіона. Отѣздъ въ Мишенское... Отѣздъ въ Тулу... Ученіе въ училищѣ... Сочиненія... выходъ изъ училища...“.

Зимой 1795 г., когда Ж. шелъ 12 годъ, онъ написалъ дѣлую трагедію: „Камилла, или освобожденіе Рима“ и поставилъ ее на сценѣ. Онъ былъ самъ режиссеромъ, самъ устроилъ театръ, приготовилъ костюмы и руководилъ представленіемъ. Тутъ, конечно, сказались вліяніе Варвары Аванасьевны Юшковой, которая, какъ мы уже знаемъ, была большой любительницей театра и руководила имъ въ Тулѣ. О трагедіи и представленіи ея мы имѣемъ свѣдѣнія въ воспоминаніяхъ А. П. Зонтагъ, которая сама принимала въ немъ участіе. Роль Камилла выполнялъ самъ Ж., консула Люція Мнестора—Анна Петровна Зонтагъ, вѣстника Лентула—Евдокія Петровна Елагина, остальные дѣти были сенаторами. „О сюжетѣ трагедіи говорить нечего, — рассказываетъ А. П. Зонтагъ, — и я не очень помню ея ходъ, но памятно мнѣ только, что я сидѣла въ большомъ курульномъ креслѣ, на президентскомъ мѣстѣ, окруженная сенаторами, сидѣвшими на стульяхъ... Сцена была устроена въ залѣ; вмѣсто кулисъ была поставлена ширма и стулья. Я, консулъ Люцій Мнесторъ, сказала кабую-то рѣчь сенаторамъ о жалкомъ состояніи Рима и о необходимости заплатить Бренну дань; но, прежде чѣмъ почтенные сенаторы успѣли промолвить свое мнѣніе, влетѣлъ Камилла съ обнаженнымъ мечомъ и въ гнѣвѣ объявилъ, что не соглашается ни на какія постыдныя условія и сейчасъ идетъ сражаться съ галлами, общая прогнать ихъ... Тотчасъ по его уходѣ явился вѣстникъ Лентуль съ извѣстіемъ, что галлы разбиты и бѣгутъ. Не успѣли мы, отцы Рима, изъявить своего восторга, какъ вбѣжалъ побѣдитель и краснорѣчиво описалъ намъ свое торжество...“ Трагедія заканчивается появленіемъ смертельно раненой ардеической царицы Олимпіи, которая способствовала побѣдѣ римлянъ. Олимпія умираетъ на сценѣ.

Говоря о дѣтской трагедіи Ж., очень важно остановиться на вопросѣ, каковъ былъ ея источникъ. Разрѣшить этотъ вопросъ вполне категорично весьма трудно.

Самъ Ж. не указалъ этого источника. Свѣдѣнія о репертуарѣ тульского театра, которымъ руководила В. А. Юшкова и который, вполне вѣроятно, посѣщалъ Ж., могли бы открыть источникъ, такъ какъ можно предположить, что ребенокъ написалъ трагедію подъ вліяніемъ и по примѣру видѣнной въ театрѣ, — но познакомиться съ этимъ репертуаромъ едва ли есть надежда, такъ какъ архива театра не сохранилось. Этотъ сложный вопросъ объ источникѣ дѣтской трагедіи Ж. и раннихъ на него литературныхъ вліяній разсматриваетъ новѣйшій изслѣдователь біографіи Ж., профессоръ В. П. Рѣзановъ. Хотя ему не удалось опредѣленно рѣшить этотъ вопросъ, но тѣмъ не менѣе изслѣдователь сдѣлалъ рядъ довольно удачныхъ и заслуживающихъ вниманія догадокъ. Проф. Рѣзановъ указываетъ, что въ основѣ этой трагедіи лежитъ легенда о Камиллѣ, который, по преданію, спасъ Римъ во время нашествія галловъ, при помощи жителей Ардеи, которая была древней столицей рутуловъ. Что же касается источника, изъ котораго сдѣлалась извѣстная легенда Ж., то проф. Рѣзановъ дѣлаетъ догадку, что не изъ плутарховской-ли біографіи Камилла, съ которой Ж. могъ познакомиться, какъ по французски (напр. „Oeuvres de Plutarque traduites du grec par Jacques Amyot“. Paris. 1784), такъ и въ русскомъ переводѣ Глѣбова („Житія славныхъ въ древности мужей, писанныя Плутархомъ“. Перев. съ фр. 2 ч. Спб. 1765). Проф. Рѣзановъ высказываетъ еще одно заслуживающее также вниманія предположеніе. „Но повліяли ли на выборъ Ж. сюжета, — говоритъ изслѣдователь, — и не доставили ли ему отчасти матеріалъ сцены „Публій Сципіонъ послѣ сраженія при Каннахъ“ Мейснера, напечатанныя въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ за 1795 г. ч. 5-я. Мейснеръ (Августъ Готлибъ, 1753—1807), какъ извѣстно, былъ авторомъ драмъ, въ которыхъ онъ отчасти подражаетъ французамъ. Въ его сценахъ „Публій Сципіонъ“ взять моментъ, аналогичный „Камиллу“: Римъ послѣ пораженія, нанесеннаго при Каннахъ римскому войску Ганнибаломъ; первая сцена открывается совѣщаніемъ военныхъ трибуновъ и офицеровъ: рѣчь идетъ о тяжелыхъ обстоятельствахъ, по-

стигшихъ Римъ; Лентулъ рассказываетъ о подробностяхъ битвы. Военный трибуны Публій Сципіонъ обращается къ окружающимъ съ горячимъ призывомъ спасать отечество; читаемъ между прочимъ слѣдующее:

Сципіонъ. ...Называйте Канны Аллією, именуйте Ганнибала Бренномъ! Пусть онъ свирѣпствуетъ до стѣнъ римскихъ, до гробовъ галльскихъ; ну развѣ нѣтъ у отечества нашего Камилловъ? Развѣ мы не внуки нашихъ героевъ? Не равны съ ними въ мужествѣ, добродѣтели и патриотизмѣ?

Всѣ. Равны, равны!

Одинъ голосъ. Будь ты Камилломъ.

Всѣ. Будь нашимъ Камилломъ! Повѣлуй! Предписывай! Веди насъ куда тебѣ угодно!..

Это мѣсто и могло обратить вниманіе Ж. на Камилла и побудить обработать легенду о немъ въ подражаніе пьесамъ, видѣннымъ на сценѣ тульского театра. Пылкия рѣчи Сципіона очень удобно могли быть перефразированы Ж. и вложены въ уста Камилла“.

По словамъ А. П. Зонтагъ, „Камиллъ“ прошелъ на сценѣ домашняго театра съ большимъ успѣхомъ. Это ободрило маленькаго трагика и вскорѣ онъ уже написалъ другую пьесу: „Г-жа де-ла Туръ“, заимствовавъ содержаніе изъ пользующейся тогда большимъ успѣхомъ сентиментально-идиллической повѣсти Бернарда де Сенъ-Ньера — „Павель и Виргинія“. Пьеса была поставлена на домашней сценѣ, но, по словамъ А. П. Зонтагъ, не имѣла успѣха, что сильно подѣйствовало на юнаго драматурга. „Первая литературная неудача, — говоритъ К. К. Зейдлицъ, — подѣйствовала на Ж. рѣшительно. Онъ сохранилъ долго послѣ того какую-то робость и не смѣшилъ предавать свои сочиненія гласности, представляя ихъ напередъ на строгое обсужденіе избранному кругу своихъ подруговъ и друзей“

Такимъ образомъ, мы видимъ, что атмосфера, царившая въ домѣ Юшковыхъ, оказала сильное вліяніе на ребенка: онъ горячо увлекся литературой и театромъ, пренебрегая класснымъ ученіемъ. Кромѣ двухъ пьесъ Ж., по словамъ А. П. Зонтагъ, написалъ рядъ мелкихъ произведеній. Конечно, при такихъ условіяхъ ученіе мальчика въ народномъ училищѣ не

могло быть успешно, и онъ скоро былъ удаленъ изъ него „по неспособности“.

Главнымъ наставникомъ Тульскаго народнаго училища въ эпоху пребыванія въ немъ Жуковскаго, былъ Теофилактъ Гавриловичъ Покровскій, который былъ домашнимъ учителемъ Юшковыхъ и репетировалъ Жуковскаго, когда онъ учился въ пансіонѣ Роде. По выходѣ Жуковскаго изъ училища Ѡ. Т. Покровскій продолжалъ учить его дома, но ученіе по-прежнему шло очень плохо.

Такъ какъ Покровскій былъ долгое время наставникомъ Жуковскаго и оказывалъ на него вліяніе, то біографъ поэта обязанъ выяснитъ, что представлялъ собою Покровскій, чтобы сдѣлалось ясно, подъ какимъ воздѣйствіемъ слагался нравственный и интеллектуальный обликъ поэта. Особенно важно выяснитъ этотъ вопросъ еще потому, что Покровскій былъ дѣятельнымъ членомъ кружка Юшковой, вліялъ на направленіе происходящихъ въ домѣ литературныхъ вечеровъ, оказавшихъ, какъ мы видѣли, громадное вліяніе на Жуковскаго. Двѣ наиболее обстоятельныя біографіи Жуковскаго—П. Загарина и К. К. Зейдлица затронули этотъ вопросъ мимоходомъ. Характеристика Покровскаго, сдѣланная Загаринымъ, ограничилась лишь замѣчаніемъ, что Покровскій былъ „образованнымъ человѣкомъ своего времени“. Очень мало говоритъ о немъ и К. К. Зейдлицъ. Одинъ только Н. С. Тихонравовъ повялъ необходимость обратить самое серьезное вниманіе на личность Ѡ. Г. Покровскаго. Въ своей извѣстной рецензіи на книгу П. Загарина, указывая, какъ на одинъ изъ крупныхъ недостатковъ его книги, то, что онъ прошелъ мимо личности Ѡ. Г. Покровскаго, Н. С. Тихонравовъ даетъ обстоятельную характеристику Ѡ. Г. Покровскаго. Н. С. Тихонравовъ ознакомился съ формулярнымъ спискомъ педагога, хранящимся въ архивѣ Московскаго Университета, и изучилъ его литературные труды, которые печатались въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, подъ псевдонимомъ „Философъ горы Алаунской, живущій при подошвѣ горы Утлы“. Это былъ типичный гуманистъ XVIII вѣка, солидно по тому времени образованный. Основой всей жизни онъ считалъ нравственность; умственное развитіе имѣетъ цѣнность лишь

тогда, когда она связана съ нравственностью. Природа—лучшая воспитательница человѣка: ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ счастьемъ, которое даетъ природа, жизнь на ея лонѣ—вотъ идеалъ Покровскаго. Города, на его взглядъ, — тюрьмы: они уродуютъ нравственный міръ человѣка. Ѡ. Г. Покровскій, держась просвѣщенныхъ воззрѣній, влія въ этомъ направленіи на своего ученика, крайне отрицательно относился къ крѣпостному праву.

Мы уже сказали, что занятія Жуковскаго по выходѣ изъ училища, несмотря на то, что ихъ велъ опытный педагогъ, какимъ былъ Покровскій, шли очень плохо. Единственно въ чемъ онъ преуспѣвалъ, былъ французскій языкъ, нѣмецкій ему не давался. Со дня рожденія Жуковскій, какъ это практиковалось въ то время, былъ записанъ въ армію. П. Загаринъ указываетъ, что Жуковскій былъ записанъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ и который стоялъ въ Кексгольмѣ. А. П. Дитмаръ въ біографіи Жуковскаго, одобренной сыномъ поэта, говоритъ, что при рожденіи Жуковскій былъ записанъ въ гусарскій полкъ, въ 1789 году произведенъ въ прапорщики и назначенъ номинально младшимъ адъютантомъ къ генералу Кречетникову, но по какимъ-то обстоятельствамъ ребенокъ былъ „уволенъ въ отставку по прошенію и безъ награжденія чиномъ“. Въ 1795 г. майоръ Дмитрій Гавриловичъ Посниковъ предложилъ свезти Жуковскаго въ Кексгольмъ въ Нарвскій полкъ (К. К. Зейдлицъ называетъ Рязанскій). М. Г. Бунина выразила согласіе, и Жуковскій былъ снаряженъ въ путь. О жизни поэта въ Кексгольмѣ даютъ свѣдѣнія его письма къ матери, довольно интересныя для характеристики Жуковскаго и отношеній его къ матери. Судя по письмамъ, Жуковскій въ Кексгольмѣ не занимался ничѣмъ серьезно. Вотъ перечисленіе занятій Жуковскаго на основаніи разныхъ его писемъ: „Я со многими офицерами свелъ знакомство и много обязанъ ихъ ласками. Всякую субботу я смотрю разводъ, за которымъ слѣдую въ крѣпость... Еще скажу вамъ, что я перевожу съ нѣмецкаго и учусь ружьемъ...“, „Недавно у насъ былъ графъ Суворовъ, котораго встрѣчали пушечной пальбой со всѣхъ бастионовъ крѣпости. Сегодня у

насъ маскерать и я также пойду, ежели позволить Дмитрій Гавриловичъ (т. е. Понниковъ)...“; „У насъ здѣсь, правду сказать, очень весело: въ Крещенье былъ у насъ Йордань, куда ходили съ образами, и была пушечная пальба и солдаты палили изъ ружей“. Вотъ тѣ немногіе факты изъ жизни Жуковскаго въ Кексгольмѣ, которые отмѣчаются имъ въ письмахъ къ матери. Въ Кексгольмѣ Жуковскій попалъ въ совершенно новую среду: изъ общества дѣвочекъ онъ попалъ сразу въ компанію холостыхъ офицеровъ. Такая рѣзкая перемена могла сказаться на Жуковскомъ, но не сказалась: онъ остался такимъ же чистымъ и дѣломудреннымъ ребенкомъ, какъ и былъ раньше. Что же касается отношенія къ матери, то, судя по письмамъ, Жуковскій очень любилъ ее. К. К. Зейдлицъ говоритъ, что Жуковскій прожилъ въ Кексгольмѣ нѣсколько недѣль, Загаринъ утверждаетъ, что „не менѣе двухъ мѣсяцевъ“ Второй біографъ вѣрнѣе опредѣлялъ время пребыванія Жуковскаго въ Кексгольмѣ: изъ сохранившихся писемъ къ матери первое помѣчено 20 ноября, второе—20 декабря и третье относится къ началу января 1796 года. Вступившій на престолъ въ 1796 году Павелъ I запретилъ зачислять въ армію номинально дѣтей, но еще ранѣе Жуковскій вмѣстѣ съ Понниковымъ вернулся въ Тулу.

Касаясь 1796 года, біографъ не можетъ не остановиться на слѣдующемъ фактѣ. Нѣкоторые относятъ къ этому году появленіе Жуковскаго въ печати. „Въ 1796 году,—говоритъ Н. И. Гречъ,—И. И. Мартыновъ издавалъ въ С.-Петербургѣ журналъ „Муза“, въ которомъ... между прочимъ напечатаны прекрасные стихи двѣнадцатилѣтняго поэта на рожденіе нынѣ благополучно царствующаго Государя: этотъ отрокъ-поэтъ былъ Жуковскій“. Н. И. Гречъ указываетъ здѣсь на слѣдующіе „Стихи на случай рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Павловича“, подписанные буквами В. Р.:

Грозамъ ли древо всколебать,
Корнями въ Нордѣ укрѣпленно?
Для вѣчныхъ отраслей рождено—
Дерзнуть ли громы устрѣшать?

Къ этимъ стихамъ редакція сдѣлала такое примѣчаніе: „Сочинитель сей аллегоріи маленькій крошечный стихотворецъ.

Какой лучъ надежды блестятъ на зарѣ его?“. Н. С. Тихонравовъ и А. Н. Неустроевъ также категорически считаютъ это стихотвореніе написаннымъ Жуковскимъ. П. А. Ефремовъ въ редактируемомъ имъ изданіи сочиненій Жуковскаго помѣстилъ это стихотвореніе лишь какъ приписываемое Жуковскому, удивляясь, что онъ никогда не вспоминалъ объ этомъ стихотвореніи. Новѣйшій изслѣдователь біографіи Жуковскаго, проф. Рѣзановъ, также съ осторожностью отнесся къ этому стихотворенію. „По тону, стилю, по отзвуку нашей громозвучной лирики XVIII в. четверостишіе,—говоритъ изслѣдователь,—пожалуй, похоже на строфы торжественныхъ одъ юноши Жуковскаго, но это еще слабое основаніе для того, чтобы можно было приписывать ему четверостишіе категорически, съ увѣренностью“. Такимъ образомъ, вопросъ остается открытымъ, но во всякомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, нельзя такъ категорически приписывать стихотвореніе Жуковскому, какъ это сдѣлалъ Н. И. Гречъ, Н. С. Тихонравовъ и А. Н. Неустроевъ. Гораздо осторожнѣе поступили П. А. Ефремовъ и проф. Рѣзановъ.

Въ Тулѣ Жуковскому пришлось жить не долго: въ январѣ 1797 года Марія Григорьевна отвезла Жуковскаго въ Москву и опредѣлила въ Университетскій благородный пансіонъ. Съ этого времени начинается новый періодъ его жизни.

Закончивъ описку перваго періода жизни Жуковскаго, подводимъ итоги, отвѣтимъ на вопросъ, какое оказала вліяніе окружающая въ дѣтствѣ обстановка на формированіе нравственнаго и интеллектуальнаго облика нашего поэта.

По вопросу о томъ, была ли окружающая Жуковскаго въ дѣтствѣ обстановка благоприятной въ какомъ либо отношеніи или нѣтъ и каково было дѣтство поэта—свѣтлымъ или темнымъ,—изслѣдователи распадаются на двѣ группы. Одна склоняется къ положительному, другая къ отрицательному отвѣту. По мнѣнію П. Загарина, если ребенокъ иногда и чувствовалъ свое особое положеніе, то это покрывалось любовью, которой пользовался онъ у всѣхъ. По мнѣнію біографа, дѣтство Жуковскаго было въ общемъ свѣтлымъ и счастливымъ. В. В. Огарковъ раздѣляетъ этотъ взглядъ, отмѣчая, что, несмотря на особое положеніе ребенка въ семьѣ, его

дѣтство было свѣтлымъ и счастливымъ. Приводя примѣры того, что дѣтство оставило въ Жуковскомъ прекрасныя воспоминанія, А. Д. Алферовъ говоритъ: „Но несмотря на эти справедливыя воспоминанія самого Жуковского, нельзя не указать, что въ этомъ счастливомъ на видъ дѣтствѣ были и свои терны: мальчикъ, по незаконности своего происхожденія, едва ли во всемъ могъ быть сравненъ съ остальными членами семьи. Онъ жилъ одно время съ Андреемъ Григорьевичемъ, котораго считалъ своимъ отцомъ, на „чердачѣхъ флигеля“ и, можетъ быть, уже въ это время начиналъ чувствовать то зависимое положеніе, которое занимала его мать“. Замѣчая далѣе, что въ душѣ ребенка могли закрадываться мучительныя мысли о происхожденіи, о положеніи его матери, А. Д. Алферовъ говоритъ: „но трудно думать, чтобы онъ не ослаблялись обстановкой дружбы и баловства“. Наряду съ такими отзывами біографовъ о дѣтствѣ Жуковского, мы встрѣчаемъ противоположныя. Говоря много о хорошихъ качествахъ лицъ, окружающихъ ребенка, о томъ, что его всѣ очень любили и баловали, К. К. Зейдлицъ, однако, замѣчаетъ: „положеніе его въ свѣтѣ и отношенія къ семейству Буниныхъ тяжело ложились на его душу... Марія Григорьевна любила его, какъ собственнаго сына, а дѣвицамъ Юшковымъ и Вельяминовымъ онъ былъ самый дорогой братъ. Но родная его мать — какъ она ни была любима своею госпожею—все же должна была стоя выслушивать приказанія господъ и не могла почитать себя равноправной съ прочими членами семейства“. Рассказывая о дѣтствѣ Жуковского, проф. Н. Н. Буличъ замѣчаетъ: „Онъ рано долженъ былъ почувствовать горечь своего положенія“. „Нѣтъ сомнѣній,—говоритъ проф. П. А. Висковатый,—что несмотря на окружающую ласку семейства Буниныхъ, чувствительный мальчикъ ощущалъ ложность положенія“. Проф. Н. С. Тихонравовъ полагаетъ также, что положеніе ребенка чувствовалось имъ и дѣлало его дѣтство вовсе не такимъ радостнымъ, какъ думаетъ П. Загаринъ. Наконецъ, академикъ А. Н. Веселовскій прямо считаетъ, что печальное настроеніе поэта имѣло источникъ въ семейной обстановкѣ. „Отрочество протекло нерадостно для чувстви-

тельнаго мальчика,—говоритъ А. Н. Веселовскій.—Отца своего, Бунина, онъ видѣлъ, но не зналъ; отношенія къ нему М. Г. Буниной были, повидимому, прекрасныя, но прекратились рано. Ек. Ае. Протасова, которую онъ звалъ „матушкой“, приходилась ему сводной сестрой: настоящая мать, грешеная турчанка Салъха, являлась въ семьѣ въ неопредѣленномъ положеніи полубарыни: ея письма къ сыну говорили о „благодѣтеляхъ“. Это его смущало. Его не отдѣляли отъ другихъ дѣтей, окружали тѣми же попеченіями и лаской, онъ былъ какъ свой, но чувствовалъ, что не свой; онъ жаждалъ родственныхъ симпатій, семьи, любви, дружбы и не находилъ; ему казалось, что не находилъ. Это настраивало его печально“.

Познакомившись со взглядами біографовъ на дѣтство Жуковского, посмотримъ, что говорилъ онъ самъ о своемъ дѣтствѣ. Иногда онъ хорошо отзывался о немъ. Такъ, напр., онъ говоритъ:

... Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златныя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что вамъ предельсть замѣнить?

Въ одномъ изъ стихотвореній 1816 года мы находимъ:

О, родина, всѣ дни твои прекрасны.
Гдѣ бы ни былъ я, но все съ тобой
Душой...

Но наряду съ такими воспоминаніями мы встрѣчаемъ отзывы и другого характера. „Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ,—пишетъ Жуковскій въ своемъ дневникѣ 25—26 февраля 1814 года,—а то, что называется истинною жизнью, мнѣ еще незнакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ моей матери—въ то время, когда началъ чувствовать счастье сыновьяго достоинства: она меня оставила; я думалъ отдать права ея другой матери, но эта другая дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдѣлена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ; семейственнаго счастья для меня не было; всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; несмотря на нѣкоторые признаки дружбы я сомнѣвался часто, существуетъ ли эта дружба, и всегда оставался въ нерѣшительности, чрезмѣрно-тягостной; сказать себѣ: дружбы нѣтъ, я не могъ рѣшительно, этому про-

тивилось мое сердце; сказать себѣ, что она есть, этому многое, слишкомъ многое противилось“. Въ одномъ стихотвореніи поэтъ восклицаетъ:

Къ младенчеству ль душа прискорбяя летитъ,
Считаю ль радости мнувшаго?.. Какъ мало!

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, каково было вліяніе обстановки дѣтства на поэта, не выясняется, если мы даже и обратимся и къ его собственнымъ произведеніямъ.

Обратимся къ характеристикѣ среды, въ которой росъ ребенокъ, и лицъ, съ которыми онъ соприкасался. Что даетъ она въ наше распоряженіе?

По словамъ знавшихъ отца Жуковского, Бунина, онъ былъ слабохарактерная, увлекающаяся натура; по отзыву К. К. Зейдлица, онъ былъ „честнѣйшій, благороднѣйшій и весьма дѣятельный человѣкъ“. Марія Григорьевна Бунина, по отзывамъ лицъ, ее знавшихъ, „соединяла съ рѣдкой добротой души и кротостью необыкновенный умъ... Была женщина значительной для своего вѣка образованности и читала все, что печаталось на русскомъ языкѣ“. Крестный отецъ поэта, Андрей Григорьевичъ Жуковский, былъ мягкимъ человѣкомъ, имѣлъ поэтическую душу и очень любилъ музыку. Къ своему приемному сыну онъ былъ очень привязанъ. Мать поэта была натура страстная, живая, поэтичная, какъ всѣ южанки. Она страстно любила своего сына. Любящіе люди окружали Жуковского и тогда, когда онъ жилъ у Юшковой въ Тулѣ.

Такимъ образомъ, среду, окружающую поэта въ дѣтствѣ, далеко нельзя признать столь неблагоприятной, какъ это выставляютъ нѣкоторые биографы и казалось иногда самому Жуковскому. Если и можно допустить, что иногда Жуковский чувствовалъ свое особое положеніе, то трудно допустить, чтобы это сознаніе было слишкомъ остро, оказывало рѣшительное вліяніе на развитіе печальныхъ чувствъ поэта: онъ слишкомъ былъ малъ для того, чтобы ясно сознавать особенность своего положенія. Безъ сомнѣнія, общая любовь, ласки, что отмѣчаютъ всѣ биографы, покрывали собою тѣ сомнѣнія, если они и возникали у Жуковского, о своемъ положеніи и чувство особенности этого положенія. Если, такимъ образомъ, окружа-

ющую Жуковского въ дѣтствѣ обстановку нельзя признать неблагоприятной въ полномъ смыслѣ слова, то въ чемъ выразилось вліяніе ея на формированіе душевнаго облика поэта, на направленіе его симпатій и взглядовъ, каковы же были воздѣйствія, вліявшія на поэта?

Биографы устанавливаютъ фактъ всеобщей любви и баловства ребенка. Вотъ первое воздѣйствіе. Вторымъ было воздѣйствіе природы. Село Мишенское окружала прекрасная живописная природа. Она была настолько поэтична, что ее воспѣвали даже поэты. Напримѣръ, князь И. М. Долгорукий воспѣваетъ природу Мишенскаго въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Наконецъ, третьимъ воздѣйствіемъ было вліяніе женскаго общества. Мы отмѣтили три главныхъ воздѣйствій на поэта до его переселенія въ домъ Юшковыхъ. Во второй періодъ его дѣтства остаются первое и третье воздѣйствія: всеобщей любви и баловства и женскаго общества. Къ нимъ присоединяются еще слѣдующія. Прежде всего, воздѣйствіе общества, собиравшагося у Юшковыхъ. Какъ мы уже отмѣчали, обстановка, царившая въ домѣ Юшковыхъ, вліяла на развитіе литературныхъ наклонностей ребенка. Насколько сильно было вліяніе на дѣтей, жившихъ въ домѣ Юшковыхъ, царившей въ немъ литературной обстановки, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что дочери Юшковой: Анна, вышедшая замужъ за Зонтагъ, и Евдокія, вышедшая замужъ за Елагина, сдѣлались писательницами. Совершенно вѣрно отмѣчаетъ Я. К. Гротъ, что „все окружающее Жуковского въ дѣтствѣ способствовало къ развитію въ немъ литературнаго направленія и страсти къ авторству“.

Каковы были литературныя вліянія, обнаружившіяся въ дѣтскихъ его произведеніяхъ? Этотъ вопросъ, какъ мы уже отмѣтили, разсмотрѣлъ проф. В. И. Рѣзановъ. Онъ отмѣчаетъ два вліянія: классицизма, который держался тогда на сценѣ, и новаго сентиментальнаго теченія. „То, что мы знаемъ о дѣтскомъ спектаклѣ Жуковского,—говоритъ изслѣдователь,—совершенно опредѣленно указываетъ на ту область литературы, подъ вліяніемъ которой находился въ то время нашъ поэтъ... „Камилль“, насколько мож-

но о немъ составить представленіе по воспоминаніямъ А. П. Зонтагъ, носить на себѣ типическіе внѣшніе признаки псевдо-классической пьесы: дѣйствующими лицами выведены легендарный герой, героиня-царица, высшіе сановники; играетъ роль вѣстникъ, сообщающій объ исходѣ главнаго событія—битвы, которое совершается за сценой; мѣстомъ дѣйствія избранъ Римъ; въ основу пьесы положено quasi-историческое преданіе, осложненное однако введеніемъ вымышленныхъ лицъ, ходъ событій произвольно видоизмѣненъ; происшествія такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что нарушенія закона пресловутыхъ единствъ не замѣтно, хотя юный драматургъ едва-ли думалъ и о соблюденіи его“. Вліяніе новаго литературнаго теченія сказалось на второй пьесѣ: „Г-жа де-ла-Туръ“, содержаніе которой, какъ мы уже отмѣтили, заимствовано изъ сентиментально-идиллической повѣсти Бернарда де-Сень-Пьера „Павель и Виргинія“.

Обстановка въ домѣ Юшковой способствовала развитію въ немъ любви къ театру: Юшкова, какъ мы знаемъ, увлекалась театромъ. Это было второе воздѣйствіе, присоединившееся къ тѣмъ, которыми подвергался Жуковский въ родительскомъ домѣ. Любовь къ театру была одной изъ важнѣйшихъ чертъ личности Жуковского, онъ всю жизнь увлекался театромъ, написалъ нѣсколько комедій для домашняго театра Плещеевыхъ. Наконецъ, нельзя пройти мимо воздѣйствія Ѳ. Г. Покровскаго, о которомъ мы говорили выше. Мы опредѣляли его вліяніе, какъ гуманизирующее, развивающее нѣжную душевную организацію. Итакъ, вотъ важнѣйшія воздѣйствія на Жуковского въ дѣтствѣ: 1) природы, 2) любви и всеобщаго баловства, 3) женскаго общества, 4) литературы, 5) театра и 6) Ѳ. Г. Покровскаго. Читателю теперь ясно, что эта обстановка не можетъ быть признанной въ общемъ неблагоприятной: дѣтство много дало ребенку. Обстановка дѣтства опредѣлила уже душевный складъ и наклонности ребенка: природа, любовь окружающихъ, женское общество развивало нѣжную, поэтическую, сентиментально настроенную натуру, которой былъ надѣленъ поэтъ отъ природы, въ чемъ можно видѣть наслѣдственность отъ матери.

Женское общество, окружающее поэта, имѣло громадное значеніе въ направленіи его литературнаго творчества. Это прекрасно отмѣтилъ К. К. Зейдлицъ. Упомянувъ, что первая литературная неудача сильно подѣйствовала на Жуковского и что онъ съ тѣхъ поръ прежде, чѣмъ предать свои литературныя произведенія гласности, отдавалъ ихъ на обсужденіе окружающихъ его друзей—дѣвочкамъ, К. К. Зейдлицъ говоритъ: „Нѣжная критика самого содержанія его произведеній и природное чутье изящной формы со стороны дѣвственнаго ареопага, который обружалъ поэта, направили его на путь цѣломудренной и задумчивой лирики... Сочиненія, не получившія одобренія отъ... пріятельницъ, были измѣняемы или устраняемы вовсе. Вотъ почему муза Жуковского являлась намъ всегда облеченною въ идеальную красоту, а его требованія относительно личной непорочности сдѣлались весьма строгими“.

Ѳ. Г. Покровскій, какъ мы отмѣчали, вліялъ на выработку въ Жуковскомъ гуманнаго міросозерцанія. Далѣе мы увидимъ, что онъ воспринялъ всѣ основныя воззрѣнія Ѳ. Г. Покровскаго. Наконецъ, дѣтство способствовало возникновенію въ ребенкѣ литературныхъ наклонностей.

Источникомъ печальной настроенности Жуковского, по нашему мнѣнію, было не то обстоятельство, что ребенокъ остро чувствовалъ особенность своего положенія, а тѣ воздѣйствія, которымъ подвергался въ дѣтствѣ поэтъ. Поэтичность была унаслѣдована отъ матери, меланхоличность натуры была въ природѣ Жуковского, условія дѣтства еще болѣе развили все это. Дѣтство играло видную роль въ формированіи нравственнаго и интеллектуальнаго облика ребенка.

II. ПАНСИОНСКИЙ ПЕРІОДЪ. (1797—1800).

П. Загаринъ и К. К. Зейдлицъ, написавшіе наиболѣе обстоятельныя біографіи Жуковского, пансионскому періоду, имѣвшему важное значеніе въ жизни поэта, удѣлили мало вниманія. К. К. Зейдлицъ ограничился по этому вопросу нѣсколькими замѣчаніями, несмотря на то, что сознавалъ большое значеніе въ жизни Жуковского этого періода, окружающей его въ то время среды, что видно изъ

замѣчания біографа, что среда наложила печать на его литературныя произведенія. П. Загаринъ, хотя и говоритъ о пансіонскомъ періодѣ больше К. К. Зейдлица, но очертилъ все-таки эту эпоху очень поверхностно, не понялъ ея значенія, оставилъ въ сторонѣ литературныя произведенія поэта этого періода, не коснулся ряда важныхъ вопросовъ, сдѣлалъ рядъ крупныхъ ошибокъ. Н. С. Тихонравовъ въ своей прекрасной рецензїи на книгу П. Загарина блестяще вскрылъ ея недостатки. Для замѣчанія П. Загарину, Н. С. Тихонравовъ попутно высказалъ рядъ замѣчательно цѣнныхъ мыслей, набросалъ схему жизни Жуковскаго, отмѣтилъ всѣ главнѣйшіе вопросы, которые необходимо разработать біографу, давъ такимъ образомъ программу. Статья Н. С. Тихонравова легла въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій. Нѣкоторыя страницы книги академика А. Н. Веселовскаго представляютъ развитіе мыслей Н. С. Тихонравова. Новѣйшее изслѣдованіе проф. В. И. Рѣзанова цѣнно не повизной мыслей, а именно тѣмъ, что изслѣдователь подробно разработалъ замѣчанія Н. С. Тихонравова. Особенно цѣнныя мысли высказалъ Н. С. Тихонравовъ по поводу пансіонскаго періода; онъ первый вполнѣ оцѣнилъ громадное значеніе его, заявивъ, что „время ученія Жуковскаго въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ составляетъ безспорно важнѣйшую эпоху въ его жизни... Съ особеннымъ вниманіемъ долженъ остановиться на изученіи этой эпохи біографъ Жуковскаго“. Н. С. Тихонравовъ намѣтилъ схему этого періода, проф. В. И. Рѣзановъ весьма обстоятельно разработалъ замѣчанія Н. С. Тихонравова, и въ результатѣ можно сказать, что этотъ періодъ въ настоящее время оцѣненъ и достаточно разработанъ. Разсматривая пансіонскій періодъ жизни Жуковскаго, повѣннѣй біографъ такимъ образомъ долженъ положить въ основу статью Н. С. Тихонравова и книгу проф. В. И. Рѣзанова.

Чтобы обрисовать пансіонскій періодъ жизни Жуковскаго, выяснитъ, какое значеніе имѣлъ онъ, необходимо дать характеристику прежде всего самого пансіона, а затѣмъ той среды, которая окружала въ это время Жуковскаго.

Московскій университетъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ въ 1755 г. Для подготовки къ университету были основаны при немъ двѣ гимназіи: дворянская и разночинная. Въ то время сословныя соображенія играли видную роль въ жизни школы. И объемъ курса въ обѣихъ гимназіяхъ не былъ тождествененъ: въ дворянской онъ былъ на много шире, чѣмъ въ разночинной. Возникновеніе при дворянской гимназіи Благороднаго Пансіона было обусловлено слѣдующими обстоятельствами. Нѣкоторые дворяне выразили желаніе отдать дѣтей въ гимназію за собственныя средства на полное содержаніе. Университетъ согласился. Когда же такихъ пансіонеровъ стало очень много, то университетъ въ 1779 году выдѣлилъ ихъ изъ дворянской гимназіи въ особый Благородный пансіонъ. „На первое время,—говоритъ Н. С. Тихонравовъ,—воспитанники университетскаго вольнаго пансіона были вмѣстѣ и учениками дворянской гимназіи университета,—т. е. занимали въ послѣдней такое же положеніе, какъ и пансіонеры теперешнихъ гимназій: отъ программы преподаванія, отъ учебнаго плана, до личностей преподавателей. Съ теченіемъ времени число воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона увеличилось; классы университетской гимназіи стали для нихъ тѣсны. Чувствовалась необходимость выдѣлить пансіонеровъ изъ классовъ гимназіи, дать имъ особыхъ преподавателей, словомъ—создать новое учебное заведеніе, вполнѣ независимое отъ университетской гимназіи“. Въ 1790 году пансіонъ былъ перемѣщенъ въ особое зданіе, въ 1791 году во главѣ его былъ поставленъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій. Имъ вводится новая программа, отличающаяся отъ программы дворянской гимназіи. Гимназія при университетѣ была классической и имѣла цѣлью готовить къ университету. Эта задача отпадаетъ совершенно отъ задачъ Благороднаго пансіона, древніе языки уничтожались, а выдвигались естественная исторія, затѣмъ „знанія физическія и математическія“, родной и иностранныя языки. Кругъ предметовъ расширился постепенно, и наконецъ, отличительной чертой пансіона явилась многопредметность.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что именно представлялъ собою въ смыслъ программы Московскій Благородный пансіонъ, когда туда поступилъ Жуковский. Теперь посмотримъ какая царила въ пансіонѣ атмосфера. Н. С. Тихонравовъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что „реакція философскимъ идеямъ и литературному движению, которыя предварили французскую революцію, дали извѣстную окраску направленію преподаванія въ Университетскомъ пансіонѣ“. Н. С. Тихонравовъ даетъ лишь общую характеристику атмосферы, парящей въ пансіонѣ. Чтобы ознакомиться съ ней подробнѣе, остановимся на обрисовкѣ личности А. А. Прокоповича-Антонскаго, стоявшаго во главѣ пансіона и дававшего ему тонъ.

Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій представлялъ довольно интересную личность. Въ 1779 году знаменитый профессоръ Московскаго университета И. Г. Шварцъ основалъ при университетѣ „педагогическую семинарію“, имѣвшую цѣлью готовить хорошихъ педагоговъ. Въ 1782 году И. Г. Шварцемъ была основана „филологическая переводческая семинарія“, ставившая задачу выработать хорошихъ переводчиковъ. Въ этомъ же году инициаторы учрежденія этихъ семинарій образовали „Дружеское ученое общество“, въ которое вошли такія личности, какъ Н. В. Лопухинъ, Гамалѣй, И. П. Тургеневъ, Херасковъ, Чулковъ, Майковъ, кн. Трубецкіе, Черкасскіе и др. Большинство членовъ общества были масоны. „Дружеское ученое общество“ на свой счетъ содержало нѣсколько студентовъ. Между прочимъ общество снеслось съ духовными семинаріями и академіями и предложило имъ рекомендовать лучшихъ воспитанниковъ, которые и поступили въ университетъ, какъ стипендіаты „Дружескаго ученаго общества“. Въ числѣ этихъ лицъ и былъ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, рекомендованный въ 1782 году Кіевской духовной академіей. Прокоповичъ-Антонскій сразу же сдѣлался горячимъ приверженцемъ И. С. Шварца и уже въ 1784 году былъ предсѣдателемъ учрежденнаго имъ въ 1781 году „Собранія университетскихъ питомцевъ“, представлявшаго литературное общество. Окончивъ курсъ медицинскаго и философскаго факульте-

товъ, А. А. Прокоповичъ-Антонскій занялъ въ 1788 году въ Московскомъ университетѣ кафедру энциклопедіи и натуральной исторіи, а въ 1791 году, какъ мы уже сказали, сталъ во главѣ Благороднаго пансіона. Краткія біографическія данныя о А. А. Прокоповичѣ-Антонскомъ намъ были важны для того, чтобы указать, подъ чьимъ влияніемъ сложилось его міросозерцаніе. Вліяніе Шварца и его единомышленниковъ было весьма значительно на А. А. Прокоповича-Антонскаго. Его воззрѣнія всего ярче выразились въ рѣчи: „О воспитаніи“, произнесенной на университетскомъ актѣ въ 1798 году. Педагогъ придавалъ громадное значеніе воспитанію. „Дурныя и добрыя свойства человѣка зависятъ отъ воспитанія,—говоритъ онъ,—судьба цѣлыхъ народовъ зависитъ отъ воспитанія молодыхъ людей“. Предметомъ воспитанія, по мнѣнію педагога, должно быть „образование тѣлесныхъ и душевныхъ способностей человѣка“. Школа обязана внимательно относиться къ личности ребенка, давать возможность проявлять ей наклонности. На первый планъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, какъ мы уже знаемъ, выдвигалъ исторію, физическія и математическія науки и языкъ. Изученіе иностранныхъ языковъ важно, по его мнѣнію, оттого, что они „обогащаютъ насъ многими высокими, тонкими, прекрасными мыслями, кои въ переводахъ или обезображиваются, или совсѣмъ пропадаютъ“. Придавая большое значеніе изученію языковъ, А. А. Прокоповичъ-Антонскій считалъ особенно важнымъ изученіе роднаго языка. „Преимущественно же,—говоритъ онъ,—должно заниматься отечественнымъ языкомъ и употреблять всѣ старанія и средства для достиженія въ немъ правительнаго, твердаго, основательнаго знанія“. „Какъ таланты самыя превосходныя, такъ и всѣ знанія, самыя обширныя и глубокія,—говоритъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій,—не только не достигаются благой своей цѣли, но болѣе зловредны, пагубны, если не освящаются ихъ чистота правды, невинность сердца. Просвѣщеніе безъ чистой нравственности и утонченіе ума безъ образованія сердца есть злѣйшая язва. Христіанство—вотъ основаніе, на которомъ должно утверждаться все нравственное ученіе, преподаваемое дѣ-

тямъ. Должно внушать дѣтямъ чувства благодарности, соболѣзнованія, благотворительности; должно стремиться сдѣлать ихъ правдивыми, честными, безкорыстными. Мудрость! Добродѣтели! но что онѣ, если религія не озаритъ ихъ, религія, освящающая всѣ наши дѣла, желанія, мысли; религія, преобразующая, обновляющая человѣка, возносящая его надъ всѣмъ бреннымъ, ничтожнымъ, и отвергающая предъ нимъ врата неба! Юю, сладкимъ и спасительнымъ ея ученіемъ да напоится жаждущее сердце юноши; да увидеть въ душу его тотъ страхъ Господень, тотъ священный страхъ, который есть начало премудрости, основаніе и утвержденіе всякой добродѣтели; да проникнетъ все существо его благость, могущество, всевѣдѣніе и правота Существа Высочайшаго! Не фанатизмъ, не суевѣріе и мрачную жлесвятость должно внушать ему; но благоговѣніе, сыновнюю преданность и чистѣйшую вѣру въ Зиждителя міровъ“. Мы остановились на рѣчи А. А. Прокоповича-Антонскаго потому, что она даетъ представленіе о характерѣ Благороднаго пансіона: то, что выражено въ рѣчи, проводилось Прокоповичемъ-Антонскимъ въ жизни. Главнѣйшей заботой его было развитіе въ питомцахъ нравственное чувство, религіозность; усвоеніе наукъ стояло на второмъ планѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, въ пансіонѣ не было нивелирующей дисциплины: личности ребенка давалась возможность проявить себя, слѣдовать наклонностямъ.

Придавая громадное значеніе изученію языковъ, особенно родного, и умѣнію выражать свои мысли на бумагѣ, А. А. Прокоповичъ-Антонскій обратилъ на это громадное вниманіе, поощрялъ и культивировалъ литературныя занятія. Они стояли на первомъ планѣ, имъ удѣлялось очень много вниманія.

По рѣчи А. А. Прокоповича-Антонскаго мы можемъ составить представленіе, въ какомъ направленіи шло нравственное развитіе воспитанниковъ Благороднаго пансіона. Н. С. Тихонравовъ совершенно вѣрно опредѣлилъ это направленіе, какъ „релицію философскимъ идеямъ и литературному движенію, которыя предварили французскую революцію“. Дѣйствительно, въ воззрѣніяхъ А. А. Прокоповича-Антонскаго это выступаетъ ярко. Главнѣйшей идеей,

внушаемой воспитанникамъ, была та, что образованія ума недостаточно, что умъ вовсе не имѣетъ абсолютной цѣнности, что безъ нравственности умственное развитіе не благо, а зло. Вмѣстѣ съ этимъ, дискредитировался скептицизмъ и атеизмъ; ученикамъ усиленно внушалось, что религія есть основа жизни, что безъ религіи немислимо жить. Чтеніе для воспитанниковъ выбиралось въ томъ же направленіи. Главнымъ чтеніемъ для воспитанниковъ были два сочиненія, безъ сомнѣнія, оказавшія громадное вліяніе на Жуковскаго. Первое сочиненіе представляло изданіе, выпущенное въ Москвѣ въ 1787—89 гг. Типографической компаніей, которая являлась продолженіемъ „Дружескаго ученаго общества“. Изданіе носило такое заглавіе: 1) „Весѣды съ Богомъ или размышленія въ утренніе часы на каждый день года“; 2) „Весѣды съ Богомъ или размышленія въ вечерніе часы на каждый день года“ и 3) „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ природы и Провидѣнія на каждый день года“. Каждое сочиненіе заключалось въ 4 частяхъ. — Первые три части каждаго сочиненія появились въ 1787 году, въ 1788—89 гг. вышли четвертыя части всѣхъ трехъ сочиненій. Вопросъ объ этомъ изданіи до сихъ поръ мало выясненъ, хотя Н. С. Тихонравовъ и В. И. Рѣзановъ, много способствовали освѣщенію этого вопроса, особенно проф. В. И. Рѣзановъ, который подробно ознакомился съ сочиненіемъ по полному экземпляру, сохранившемуся въ библиотекѣ Кіевской духовной академіи. Въ своемъ официальномъ показаніи Н. И. Новиковъ заявилъ, что „помянутое періодическое изданіе (Весѣды съ Богомъ) есть переводъ съ нѣмецкаго языка, одна сочиненіе Штурма, другая сочиненіе Тиде и третья безъ имени автора“. Проф. В. И. Рѣзановъ такъ характеризуетъ это изданіе: „Восемь частей „Весѣдъ съ Богомъ“,—говоритъ изслѣдователь,—однородны, довольно однообразны по своему тону; это—піэтическое сочиненіе, представляющее покаянныя размышленія автора о собственныхъ грѣхахъ и несовершенствѣхъ, выраженіе преданности къ Богу, особенно І. Христу, стремленія къ благочестію, добродѣтели, желанію исправить свои недостатки, бороться со страстями, совершенствоваться, такое содержаніе и объясняетъ то уваженіе, какимъ

данное сочинение пользовалось у московских мистиков: эти послѣдніе находили здѣсь не мало точекъ соприкосновенія съ духовно-нравственной стороной своихъ воззрѣній и не мало страницъ, которыя они могли прямо воспользоваться въ своей борьбѣ противъ легкомысленнаго отношенія тогдашняго русскаго общества къ религіи, знанію, противъ распушенности нравовъ и т. д.,—въ своихъ стремленіяхъ къ глубокому самоанализу, самоусовершенствованію, строгой нравственности“. „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ природы и Провидѣнія на каждый день“ также проникнуты религіознымъ чувствомъ. Н. С. Тихонравовъ характеризуетъ эту часть изданія, какъ „популярную естественно-историческую энциклопедію, проникнутую отъ начала до конца религіозною мыслью“. Религіозное чувство тѣсно связано съ мистицизмомъ, которымъ проникнута почти каждая страница. Кромѣ этого, сочиненіе одушевлено любовью къ природѣ, наполнено поэтическими картинами природы. Второй книгой, особенно пользовавшейся расположеніемъ А. А. Прокоповича-Антонскаго и составлявшей одно изъ главныхъ чтеній воспитанниковъ, былъ переводъ книги англичанина Роберта Додсли: „The Economy of human life, translated from an Indian manuscript, written by an ancient Bramin“. Эта книга, приписываемая долго лорду Честерфильду и выданная за извлеченія изъ древне-индійской рукописи, переводилась частями у насъ въ Россіи не разъ; первая часть книги была переведена еще въ 1762 году. Въ 1786 она была переведена дѣятельнымъ членомъ „Собранія университетскихъ питомцевъ“ В. С. Подшиваловымъ полностью подъ заглавіемъ: „Книга Премудрости и Добродѣтели или состояніе человѣческой жизни“ и издана Типографической компаніей. Эта книга также проникнута убѣжденіемъ въ высокомъ значеніи нравственности, проповѣдуетъ, что развитіе ума стоитъ на второмъ планѣ, что прежде всего необходимо сдѣлаться „добродѣтельнымъ“.

Какъ мы уже отмѣтили, эти книги были изданы Типографической компаніей („Дружескимъ ученымъ обществомъ“) и по своему общему направленію вполне соответствовали идеямъ масонства. Введеніе ихъ въ пансіонъ А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ, безъ сомнѣнія, является выраже-

ніемъ вліянія на него И. Г. Шварца и масонства.

Съ этими книгами Жуковский особенно хорошо долженъ былъ ознакомиться, какъ видно изъ сохранившихся документовъ. Въ 1798 году Жуковский и С. Костомаровъ были признаны заслуживающими „титула первыхъ во благонравіи прилежаніи“. Въ виду этого, ихъ обязанностию дѣлалось помогать воспитателямъ и вліять на нравственное развитіе своихъ товарищей. Въ „Наставленіи“, данномъ А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ Костомарову и Жуковскому, мы читаемъ: „Вечернія молитвы давайте лучшимъ изъ старшаго возраста. Избранныя мѣста изъ Священнаго Писанія и изъ другихъ хорошихъ нравственныхъ книгъ, каковы: „Утреннія и вечернія размышленія на каждый день года“; „Книга премудрости и добродѣтели“ и пр., читайте сами или поручайте чтеніе сіе отличнѣйшимъ большимъ питомцамъ. Все сіе послужитъ къ величайшей вашей пользѣ, къ назиданію вашего сердца“. Упомянутыя нами книги, съ которыми долженъ былъ, какъ мы видѣли сейчасъ, быть хорошо знакомъ Жуковский, безъ сомнѣнія, оказали на него вліяніе. Первымъ изъ изслѣдователей біографіи Жуковскаго ясно понялъ это Н. С. Тихонравовъ, который заявилъ, что эти сочиненія, проникнутыя мистицизмомъ, согрѣтыя религіознымъ чувствомъ и богатыя поэтическими страницами—„должны были оставить свой слѣдъ въ душѣ Жуковскаго“. Н. С. Тихонравовъ отмѣтилъ этимъ очень важный фактъ, что „религіозный мистицизмъ коснулся Жуковскаго уже въ школѣ“.

Какъ мы уже говорили, А. А. Прокоповичъ-Антонскій придавалъ большое педагогическое значеніе литературнымъ занятіямъ воспитанниковъ. Кромѣ задачи приучить ихъ литературно выражать свои мысли, А. А. Прокоповичъ-Антонскій думалъ путемъ литературныхъ занятій вліять на нравственное развитіе воспитанниковъ. Съ этою цѣлью имъ давались темы такого характера, какъ „На благость“, „Гимнъ истинѣ“, „На невinnostъ“ и т. п. Преподаватель русскаго языка Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ раздѣлялъ воззрѣнія своего начальника на важное педагогическое значеніе литературныхъ занятій—онъ горячо ихъ поощрялъ. М. Н. Баккаревичъ былъ довольно талантливымъ че-

ловѣкомъ, увлекался литературой и напечаталъ рядъ литературныхъ трудовъ. Воспитавшись на старыхъ литературныхъ вкусахъ, М. Н. Баккаревичъ преклонялся предъ ложноклассицизмомъ и съ восторгомъ относился къ Ломоносову и Державину. Они были его главными авторитетами при преподаваніи предмета, и ученики воспитывались имъ на ложноклассическихъ образцахъ. Но увлекаясь ложноклассицизмомъ, М. Н. Баккаревичъ не менѣе горяча увлекался новымъ литературнымъ направлеіемъ—сентиментализмомъ, восторгаясь Карамзиннымъ.

Центромъ сосредоточія литературнаго интереса было учрежденное воспитанниками пансіона подъ руководствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго и М. Н. Баккаревича литературное общество подъ названіемъ „Собраніе воспитанниковъ Благороднаго пансіона“. Принимая дѣятельное участіе въ немъ, А. А. Прокоповичъ-Антонскій имѣлъ въ виду путемъ его вліять на нравственную сторону учащихся. „Это общество,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. А. Дмитріевъ,—собиралось разъ въ недѣлю, по средамъ, Тамъ читались сочиненія и переводы юношей и разбирались критически, со всею строгостью и вѣжливостью. Тамъ очередной ораторъ читалъ рѣчь, по большей части о предметахъ нравственности. Тамъ въ каждомъ засѣданіи одинъ изъ членовъ предлагалъ на разрѣшеніе другихъ вопросъ изъ нравственной философіи или изъ литературы, который обсуживался членами въ скромныхъ, но иногда жаркихъ преніяхъ. Тамъ читали вслухъ произведенія извѣстныхъ уже русскихъ поэтовъ и разбирали ихъ по правиламъ здоровой критики“. М. А. Дмитріевъ совершенно вѣрно обрисовалъ общій характеръ засѣданій общества. Въ уставѣ общества, утвержденномъ 9 февраля 1799 года, цѣль общества формулируется такъ:— „исправленіе сердца, очищеніе ума и вообще обработываніе вкуса“. Литературныя задачи соединялись съ чисто нравственными. Въ § 14 главы I мы читаемъ: „Полезъа и честь мѣста, гдѣ члены воспитываются, есть таковой предметъ, котораго никогда не должны они выпускать изъ виду. Итакъ, они непремѣннымъ и святымъ долгомъ своимъ поставятъ непрестанно возбуждать всѣхъ вообще товарищей своихъ, какъ прямѣ-

ромъ, такъ и дружескими совѣтами къ надлежащему исполненію ихъ обязанностей, то-есть, чтобы всѣ они хранили какъ драгоценное сокровище чистоту нравовъ; чтобы они были прилежны, кротки, послушны, учтивы не только къ высшимъ, но и къ равнымъ и низшимъ себя; словомъ, чтобы благородные воспитанники были прямо благородны сердцемъ и умомъ. Сверхъ того каждый изъ членовъ возьметъ особенно въ свои руки одного, а если можно и двухъ изъ младшихъ воспитанниковъ и будетъ руководствовать ихъ, удѣляя имъ нѣкоторую часть своего времени и вспомошествовая всѣми знаніями своими въ классическихъ ихъ упражненіяхъ, наблюдая при томъ и за нравственными ихъ поступками“. § 4 главы II указываетъ, что „всякій членъ долженъ внимательно слушать и стараться не упустить безъ замѣчаній, если какія найдутся погрѣшности противъ здраваго разсудка противъ святой религіи, противъ чистоты нравовъ, благопристойности или противъ свойства русскаго языка“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что характеръ „Собранія воспитанниковъ Благороднаго пансіона“ вполне гармонировалъ съ общимъ направлеіемъ педагогической системы А. А. Прокоповича-Антонскаго:—чисто нравственные задачи занимали одинаковое мѣсто съ литературными. Распространеніе литературныхъ произведеній воспитанниковъ не ограничивалось стѣнами пансіона, а они предавались гласности. А. А. Прокоповичъ-Антонскій любилъ устраивать торжественные акты, на которыхъ воспитанники произносили рѣчи, читали свои произведенія и переводы. Литературныя произведенія воспитанниковъ Благороднаго пансіона печатались въ журналахъ, а также выпускались сборниками. Такъ въ 1787 г. появился „Распускающійся Цвѣтокъ“, выпущенный подъ редакціей преподавателя пансіона В. С. Подшивалова, впоследствии редактора журнала „Полезное и пріятное препровожденіе времени“, въ 1789 году былъ выпущенъ сборникъ „Полезное упражненіе юношества“. Въ 90-хъ годахъ сборниковъ не выходило, литературныя труды воспитанниковъ Благороднаго пансіона печатались въ журналахъ, главнымъ образомъ, въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“, редактируемомъ

Подшиваловымъ. Съ 1800 года стали выходить сборники подъ названіемъ „Утренняя Заря“.

Парившая въ пансіонѣ литературная атмосфера сразу же захватила Ж., дала сильный толчекъ развитію его литературныхъ наклонностей, которыя проявились уже, какъ мы видѣли, въ дѣтствѣ. Ж. принялъ самое дѣятельное участіе въ литературныхъ увлеченіяхъ пансіона. Въ періодъ пребыванія въ пансіонѣ Ж. были написаны слѣдующія произведенія: въ 1797 г. 19 декабря на актѣ Ж. прочиталъ оду — „Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ“. Въ этомъ же году написаны — „Майское утро“ и „Мысли при гробницѣ“, къ 1798 г. относятся два стихотворенія подъ заглавіемъ „Добродѣтель“, одно изъ которыхъ было произнесено на актѣ 22 декабря 1798 г., „Миръ и Война“, „Жизнь и источникъ“ и рѣчь на актѣ 14 ноября 1798 г. Въ 1799 году написаны „М. М. Хераскову“, ода „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“, произнесенная на актѣ 21 декабря. Наконецъ, къ 1800 г. относятся — „Стихи на новый 1800 г.“, „Къ Тибуду“, „Миръ“, произнесенный на актѣ 1800 г., „Платону неподражаемому“, „Герой“, „Къ надеждѣ“, „Мысли на кладбищѣ“ и „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“, „Утренней Зарѣ“ и въ отчетахъ объ актахъ пансіона, выпускаемыхъ отдѣльными брошюрами. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ выразилось вліяніе окружающей въ то время поэта среды, тѣхъ воздѣйствій, которымъ онъ подвергался. Въ виду этого, прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію литературныхъ произведеній Ж. пансіонскаго періода, остановимся на чрезвычайно важномъ воздѣйствіи, которому въ то время подвергался поэтъ.

Какъ мы уже отмѣтили, въ томъ направленіи воспитанія въ Благородномъ пансіонѣ, которое придалъ ему А. А. Прокоровичъ - Антонскій, отразились идеи кружка, группировавшагося около проф. И. Г. Шварца, Н. И. Новикова и созданнаго ими „Дружескаго ученаго общества“. Это вліяніе на Ж. усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ тѣсно сблизился съ семьей Ивана Петровича Тургенева, съ которой были дружны Бунины и Юшкова. Это обстоятельство имѣло гро-

мное значеніе въ жизни Ж., въ его духовномъ развитіи, что впервые замѣчательно ясно созналъ Н. С. Тихонравовъ. Въ виду этого остановимся на характеристикѣ семьи П. П. Тургенева. Тѣсно примыкая къ московскому масонскому кружку, группировавшемуся около „Дружескаго ученаго общества“, П. П. Тургеневъ подвергся тѣмъ гоненіямъ, которыя были открыты противъ „мартинистовъ“ въ 1792 г., и былъ высланъ въ свое симбирское помѣстье. Возвращенный Павломъ I, онъ 15 ноября 1794 г. былъ назначенъ директоромъ Московскаго университета. И. П. Тургеневъ былъ весьма религіознымъ и высоко нравственнымъ человекомъ; кромѣ этого, онъ отличался общительностью, любовью къ дѣтямъ и горячай преданностью просвѣщенію и литературѣ. Домъ Тургенева являлся такимъ же литературнымъ центромъ въ Москвѣ, какимъ былъ домъ Юшковыхъ въ Тулѣ. Въ домѣ Тургенева собиралось лучшее общество, представители литературы и искусства. Сыновья Тургенева: Александръ и Николай учились въ пансіонѣ. Ж. особенно подружился съ Александромъ и Андреемъ, который былъ въ 1799 году уже студентомъ университета. П. П. Тургеневъ горячо привязался къ товарищу своихъ сыновей, въ которомъ сразу почувствовалъ литературный талантъ. Отецъ имѣлъ сильное вліяніе въ формированіи духовнаго склада своихъ дѣтей и его сыновья были также проникнуты нравственными идеями.

Вспоминая время ученія въ пансіонѣ, Ж. въ 1813 г. въ посланіи къ „Ал. П. Тургеневу“ говоритъ:

Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
 Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
 Не онъ ли насъ пріятной остротою
 Пъ вѣжностью сердечной привлекалъ?
 Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
 Сколь былъ онъ простъ, не скрываетъ въ раз-
 говорѣ!

Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
 Какъ взоръ его въ глубь сердца викалъ.
 Высокій духъ пылалъ въ семь быстромъ взорѣ.
 Бывало, онъ съ отцомъ рука съ рукой,
 Входилъ въ нашъ кругъ — и радость съ нимъ
 являлась!

Старикъ при немъ былъ юноша живой;
 Его сдѣвъ свобода не чуждалась...
 О пѣть! онъ былъ милѣйшій намъ собрать;
 Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
 Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
 И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями...

Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію Ж. пишетъ о И. П. Тургеневѣ: „Любовь его къ дѣтямъ была товариществомъ зрѣлаго опытнаго мужа съ юношами, привязанными къ нему свободною довѣренностью, сходствомъ мыслей и чувствъ и самою нѣжною благодарностью... Онъ былъ живой юноша въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ въ сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушнѣмъ, отеческимъ участіемъ, веселостью, кротостью“...

Объ Андреѣ Ивановичѣ Тургеневѣ Ж. въ этомъ же примѣчаніи говоритъ: „Онъ умеръ въ полномъ цвѣтѣ жизни. Умъ необыкновенно пронизательный, острый и ясный; чистое, исполненное любви къ прекрасному сердце... Жизнь его можно назвать прекрасною неисполнившеюся надеждою: въ немъ созрѣвало все, что составляетъ прямое достоинство человѣка“. Замѣчательныя душевныя качества, отзывчивость, гуманность отмѣчаетъ Погодинъ и въ другомъ сынѣ И. П. Тургенева, Александрѣ Ивановичѣ Тургеневѣ.

Семья Тургеневыхъ сильно повліяла на развитіе въ Ж. гуманности, религіозности тѣхъ воззрѣній и настроеній, которыя прививалъ ребенку въ Тулѣ Теофилактъ Гавриловичъ Покровский. О характерѣ вліянія на Ж. Андрея И. Тургенева яркое понятіе даетъ лирическое предисловіе къ повѣсти „Вадимъ Новгородскій“, написанной въ 1803 г. „Я не зрѣлъ твоей могилы, — говоритъ Ж., — въ отдаленномъ краю осыпаетъ ее весна цвѣтами, но тѣнь твоя надо мною; она собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца!—Такъ! въ ея священномъ присутствіи, прахомъ твоимъ любезнымъ, драгоценнымъ остаткомъ милой жизни клянусь быть другомъ добродѣтели. Грознымъ и разъяреннымъ да узрю тебя предъ собою, если порокъ услышитъ хвалу мою и гордый возвеличится моимъ униженіемъ. Тихая муза моя непорочна, какъ сама природа: не броситъ цвѣтовъ на стезю недостойнаго; въ вѣнцѣ изъ розъ и вѣтвей дубовыхъ она скрывается по тихимъ дубравамъ и съ томнымъ журчаніемъ потоковъ соединяетъ свои пѣсни простыя, нестройныя“. Въ этихъ словахъ очень выпукло выступаетъ характеръ вліянія А. И. Тургенева на Ж. и важность этого вліянія.

Вліяніе семьи Тургеневыхъ на Ж. еще болѣе усиливалось вліяніемъ знаменитаго массона И. В. Лопухина, который былъ очень друженъ съ семьей Тургеневыхъ и постоянно бывалъ у нихъ и съ которыми сблизился Ж. И. В. Лопухинъ былъ также высоконравственнымъ человѣкомъ, глубоко проникнутый любовью къ человечеству, въ своихъ сочиненіяхъ старавшійся всѣми силами подѣйствовать на общественную нравственность.

Вліяніе тѣхъ воздѣйствій, которыми подвергался Ж. въ пансіонскій періодъ его жизни, обнаружилось и въ его литературныхъ произведеніяхъ этой эпохи.

Прежде всего, произведенія Ж. проникнуты тѣми нравственными идеями, которыя проводились въ педагогической системѣ А. А. Прокоповича-Антонскаго, которыми были проникнуты семья Тургеневыхъ и И. В. Лопухинъ. Міросозерцаніе Ж. того времени очень ярко выразилось въ его рѣчи на актѣ 14 ноября 1798 г. Отмѣтимъ наиболѣе характерныя мысли поэта. Прежде всего для Ж. на первомъ планѣ въ жизни стоитъ „добродѣтель“, нравственность. „Священная добродѣтель!—воскликаетъ Ж.,—не ты ли основаніе прямого нашего счастья? Не ты ли блюститель нашего спокойствія? не ты ли тотъ чистый неизсякаемый источникъ, изъ коего почерпаемъ мы всѣ истинныя свои наслажденія, всѣ радости, восторги, удовольствія? И блаженъ тотъ, кто исполняетъ священные твои уставы! Блаженъ тотъ, кто воинствуетъ подъ побѣдительнымъ знаменемъ твоимъ! Блаженъ! ибо никакія сопротивныя силы не поколеблютъ его, никакія дѣйствія и страданія не одолятъ его. Душа его свѣтла и безмятежна, какъ покоящаяся при вечерѣ нива. Любезные товарищи! мы всѣ ищемъ пути къ счастью: онъ въ добродѣтели“. Затѣмъ, рисуя „добродѣтельныхъ“ людей, Ж. хочетъ показать, что нравственные поступки даютъ глубокое моральное удовлетвореніе. Бѣдный человѣкъ, по мнѣнію Ж., глубоко счастливъ, если онъ „добродѣтеленъ“; счастье—не во внѣшнихъ условіяхъ жизни, а въ душевномъ состояніи.

Нарисовавъ душевное счастье бѣдняка, лишеннаго одежды, пищи, пристанища, но богатаго „добрымъ сердцемъ“, Ж. рисуетъ образъ „невинно заключеннаго узника“. Онъ не испытываетъ страданій, а

наоборотъ, сердце его полно душевной радости, духъ бодръ; и это происходитъ потому, что совѣсть его спокойна, что онъ знаетъ, что не сдѣлалъ ничего противонавственнаго. И это сознание даетъ ему бодрость и душевное спокойствіе. Счастье, такимъ образомъ, не зависитъ отъ вѣшняго положенія чловѣка. Затѣмъ рисуется образъ „добраго честнаго поселанина“. Опять-таки онъ счастливъ, хотя жизнь его — сплошная работа, тяжелый физическій трудъ, счастливъ потому, что онъ „добродѣтельчъ“. Здѣсь ярко выступаетъ идеализація жизни крестьянина на лонѣ природы. Рѣчь заканчивается весьма характерными строками: „Что просвѣщеніе безъ добродѣтели? Мѣдъ звенящая, кимвалъ бряцающій, нечистый, заразительный источникъ. Просвѣщеніе и добродѣтель!—соединимъ ихъ неразрывнымъ союзомъ; да царствуютъ онѣ совокупно въ душахъ нашихъ. Къ сему должны стремиться всѣ мысли и дѣла наши. Сего ожидаетъ отъ насъ отечество, ожидаютъ благотворные наши попечители, которые въ награду за всю свою къ намъ нѣжность, за всю любовь, за всѣ труды о насъ прилагаемые, ничего больше не желаютъ, какъ только видѣть насъ просвѣщенными, добрыми и прямо счастливыми“. По этой рѣчи не трудно видѣть, что міросозерцаніе Ж. въ пансіонскій періодъ находилось всецѣло подъ влияніемъ идей А. А. Прокоповича-Антонскаго, И. П. Тургенева, И. В. Лопухина и тѣхъ книгъ, которыя составляли чтеніе воспитанниковъ. Проф. В. И. Рѣзановъ приводитъ рядъ аналогій между мыслями Ж. и тѣми книгами, которыя составляли чтеніе воспитанниковъ, наконецъ, между взглядами Ж. и И. В. Лопухина.

Вліяніе книгъ и проводимыхъ А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ идей сказывалось не только на одномъ Жуковскомъ, но, какъ можно судить по изслѣдованію проф. В. И. Рѣзанова, и на большинствѣ учениковъ пансіона. Мысли, отмѣчаемыя нами сейчасъ у Жуковскаго, можно найти и въ произведеніяхъ другихъ питомцевъ пансіона.

Мысли, ярко проявившіяся въ разсматриваемой нами рѣчи Жуковскаго, высказываются имъ и въ другихъ произведеніяхъ пансіонскаго періода, напримѣръ, въ двухъ стихотвореніяхъ 1798 года, но-

сящихъ заглавіе „Добродѣтель“, и въ статьѣ этого же года „Жизнь и источникъ“. Описывая кладбище въ стихотвореніи „Добродѣтель“, поэтъ говоритъ, что прекрасные надгробные памятники разрушаются, что жизнь ихъ уничтожить. „Увы! несчастенъ, — восклицаетъ поэтъ, — кто оставилъ лишь ихъ—и болѣе ничего!“ За мѣчая, что памятники погибнуть, Жуковскій говоритъ:

... останутся нетлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затмить.
Предъ Богомъ насъ они прославятъ,
Въ одежду правды облекутъ;
Тогда мы съ радостью явимся
Предъ трономъ всемогущаго Творца.
О сколь священна, добродѣтель,
Должна ты быть для смертныхъ всѣхъ!
Рабы, какъ и владыки міра,
Должны тебя боготворить...
На что мнѣ памятники горды?
И скиптры, и посохи — все равно:
Равно подъ мраморомъ въ могилѣ
Равно подъ дерномъ прахъ лежитъ.

Тѣ же идеи выступаютъ и въ другомъ стихотвореніи подъ тѣмъ же заглавіемъ:

Кто правды, честности уставилъ,
Въ теченіи дней своихъ блюдетъ,
Тотъ въ счастью обрѣтетъ путь правый,
Корабль свой въ приставъ приведетъ,
Среди овъ бѣдствій не погибнетъ,
Въ говеніи рока онъ возникнетъ,
Его верушъ не утратить!
Когда и смерть въ нему явится,
То духъ его возвеселится,
Къ блаженству снѣжно полетитъ.

Въ статьѣ „Жизнь и источникъ“ Жуковскій также высказываетъ, что счастье чловѣка—въ нравственности и добродѣтели.

Кромѣ отмѣченной уже нами основной идеи, въ произведеніяхъ Жуковскаго ярко выступаютъ религіозность и патриотизмъ, особенно послѣдній. А. А. Прокоповичъ-Антонскій былъ восторженный патриотъ, не видѣвшій темныхъ сторонъ тогдашней русской дѣйствительности. Свои патриотическія настроенія онъ стремился передать воспитанникамъ, которые и прониклись этими идеями, что вполне опредѣленно можно судить по ихъ литературнымъ произведеніямъ. Воспитанниками былъ написанъ рядъ произведеній, проникнутыхъ тѣмъ патриотическимъ оптимизмомъ, которымъ былъ проникнутъ и А. А. Прокоповичъ-Антонскій. Особенно это ярко сказа-

лось въ одѣ Семена Родзянки „Любовь къ отечеству“. Вліяніе въ этомъ отношеніи А. А. Прокоповича-Антонскаго обнаружилось довольно сильно и на Жуковскомъ: имъ были написаны двѣ большія оды: „Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ“ (1797) и „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“ (1799), проникнутыя въ высшей степени патриотическимъ оптимизмомъ. Въ нихъ Россія выставляется страной, полной всяческихъ естественныхъ богатствъ, высоко культурной, вызывающей зависть у иностранцевъ, находящейся на вершинѣ военнаго могущества. Патриотическое чувство, воспитываемое пансіономъ, поддерживалось въ Жуковскомъ вліяніемъ И. В. Лопухина, который, горячо проповѣдывая повиновеніе и покорность царской власти. Въ восторженномъ поклоненіи предъ Павломъ также нельзя не видѣть воздѣйствія И. П. Тургенева и И. В. Лопухина. Какъ извѣстно, Павелъ I ознаменовалъ свое царствование смягченіемъ участи мартинистовъ: съ И. В. Лопухина былъ снятъ полицейскій надзоръ, и онъ былъ назначенъ сенаторомъ; И. П. Тургеневу, какъ мы уже сказали, было разрѣшено покинуть свое имѣніе, куда онъ былъ сосланъ, и вскорѣ онъ былъ назначенъ на постъ директора Московскаго университета. И. В. Лопухинъ и И. П. Тургеневъ остались на всю жизнь благодарны Павлу I, и ихъ отношеніе къ императору, безъ сомнѣнія, сказалося на Жуковскомъ.

Если на содержаніи и идеяхъ пансіонскихъ произведеній Жуковскаго проявилось воздѣйствіе окружающей обстановки и людей, то это сказалося и на чисто литературной сторонѣ этихъ произведеній, на ихъ стилѣ и формѣ. Прежде всего въ нихъ обнаружилось вліяніе тѣхъ литературныхъ авторитетовъ, которые господствовали въ школѣ. Въ ней въ эту эпоху въ полной мѣрѣ господствовалъ ложноклассицизмъ; преподаватель русскаго языка М. Н. Баккаревичъ, какъ мы уже отмѣтили, былъ горячимъ поклонникомъ Ломоносова и Державина. Воспитанный въ эпоху господства ложноклассицизма, М. Н. Баккаревичъ былъ горячо проникнутъ имъ, произведенія Ломоносова и Державина были образцами, которымъ должны были подражать ученики. Есте-

ственно, что въ произведеніяхъ Жуковскаго этого времени, представляющихъ въ большинствѣ случаевъ школьныя сочиненія на заданныя темы, сильно обнаруживается вліяніе Ломоносова и Державина. Проф. В. И. Рѣзановъ выполнилъ весьма цѣнную работу, подробно указавъ въ раннихъ произведеніяхъ Жуковскаго вліяніе Ломоносова и Державина. Исслѣдованіе установило большую зависимость произведеній Жуковскаго отъ Ломоносова и Державина; молодой поэтъ заимствовалъ отъ нихъ образы, выраженія, иногда цѣлыя пассажи. Вліяніе классицизма, исходящее изъ школьной системы преподаванія, сказалося на сочиненіяхъ всѣхъ воспитанниковъ Благороднаго пансіона. Увлеченіе воспитанниковъ пансіона ложноклассицизмомъ ярко обнаружилось въ томъ фактѣ, что Жуковский въ сотрудничествѣ съ С. Родзянкой перевелъ въ 1799 году оду Державина „Богъ“ на французскій языкъ и преподнесли Державину. Въ письмѣ къ нему они между прочимъ писали: „Читая съ восхищеніемъ „Фелицу“, „Памятникъ герою“, „Водопадъ“ и проч., сколь часто обращаемся мы въ мысляхъ къ безсмертному творцу ихъ... Плѣненные рѣдкими, неподражаемыми красотою вашей оды „Богъ“, мы осмѣлились перевести ее на французскій языкъ“.

Но наряду съ вліяніемъ ложноклассицизма, въ пансіонскихъ произведеніяхъ Жуковскаго проявилось вліяніе новаго течения—сентиментализма. Этому вліянію, какъ мы уже отмѣтили, подвергся Жуковский еще во время жизни у Юшковыхъ. Мы знаемъ уже, что литературный кружокъ Юшковыхъ внимательно слѣдилъ за всѣми новѣйшими произведеніями школы Карамзина и Дмитріева. Сентиментализмъ, какъ мы уже упоминали, сказалося въ пьесѣ „Г-жа де-ла-Туръ“. Вліяніе сентиментализма, обнаружившееся еще въ дѣтствѣ, сильно проявилось въ пансіонскихъ произведеніяхъ. Мы знаемъ, что М. Н. Баккаревичъ, наряду съ преклоненіемъ предъ Ломоносовымъ и Державинымъ, не остался чуждъ новому литературному движенію, онъ съ восторгомъ относился къ Карамзину и самъ писалъ кое-что въ сентиментальномъ духѣ. Новое теченіе оказывало сильное вліяніе на воспитанниковъ пан-

сиона через журнал, который составлял любимое чтение воспитанников и в котором они печатали свои произведения. Это было „Приятное и полезное препровождение времени“ издававшееся с 1794—1798 годъ и составляющая его продолжение — „Ипокрена или утѣхи любословія“, выходящая с 1799 по 1801 годъ. Журналы эти были всецѣло проникнуты новымъ литературнымъ теченіемъ. Воздѣйствіе журналовъ было столь сильно, что, какъ показалъ проф. В. И. Рѣзановъ, можно даже указать прямые влияния отдѣльныхъ статей на произведенія Жуковскаго. Сильно обнаруживается влияние на поэта Оссіана и Юнга. Всего полнѣе выразилось влияние сентиментализма въ „Мысляхъ при гробницѣ“. Жуковский называлъ своимъ первымъ учителемъ въ литературѣ И. И. Дмитріева, напр. въ письмѣ къ нему отъ 11 декабря 1823 г., въ стихотвореніи „Къ И. И. Дмитріеву“ (1831 г.), и нѣкоторые біографы, основываясь на показаніяхъ самого поэта, говорятъ о влияніи на его раннее творчество И. И. Дмитріева, но проф. В. И. Рѣзановъ, специально изучившій вопросъ о раннихъ литературныхъ влияніяхъ на Жуковскаго, пришелъ къ выводу, что непосредственнаго влияния И. И. Дмитріева на Жуковскаго въ первый періодъ его литературной дѣятельности не оказалъ.

Для А. А. Прокоповича-Антонскаго на первомъ планѣ, какъ мы знаемъ, стояло воспитаніе, образованіе же отодвигалось на второй. Увлеченный „насажденіемъ добродѣтели“ А. А. Прокоповичъ-Антонскій очень мало обращалъ вниманіе на образовательную сторону пансіона. Жуковский учился въ пансіонѣ очень хорошо: въ 1797 году онъ получилъ серебряную медаль, въ 1798 — золотую, въ 1799 — былъ по словамъ официальнаго документа „признанъ первымъ воспитанникомъ“; окончилъ пансіонъ Жуковский блестяще. Но несмотря на это обстоятельство, Жуковский почти не вынесъ изъ пансіона никакихъ знаній. Объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своихъ письмахъ.

Обрисовавъ пансіонскій періодъ жизни Жуковскаго, подведемъ итоги — каково было значеніе этого періода, что онъ далъ поэту. Если пансіонъ не далъ Жу-

ковскому знаній, то онъ далъ ему очень много въ иныхъ отношеніяхъ: онъ оказалъ самое благотворное влияние на развитіе нравственныхъ воззрѣній поэта и развитіе его литературныхъ наклонностей. Въ пансіонскій періодъ развилось много изъ того, чему было положено основаніе еще въ дѣтствѣ и опредѣлились основныя идеи и умонастроеніе Жуковскаго. Что же касается его литературной дѣятельности, то за этотъ періодъ поэтъ еще не создалъ ничего оригинальнаго и замѣчательнаго; его творчество представляло подражаніе и было лишено оригинальности. Но уже въ творествѣ пансіонскаго періода обнаружались задатки крупнаго таланта.

III. ТРЕТИЙ ПЕРИОДЪ ЖИЗНИ ЖУКОВСКАГО (1802—1810).

Какъ мы уже отмѣтили, одна изъ дочерей Бунина Наталья Аванасьевна вышла замужъ за Николая Ивановича Вельяминова. Онъ служилъ въ Московской Соляной конторѣ, и при его посредствѣ туда опредѣлился и Жуковский по выходѣ изъ пансіона въ 1802 году. Мы знаемъ, что поэтъ вынесъ очень мало изъ пансіона. Это сразу же почувствовалось Жуковскимъ, и онъ усиленно сталъ заботиться о своемъ самообразованіи. „Въ спискѣ книгъ его, — говоритъ біографъ, — мы видимъ, кромѣ большой французской Энциклопедіи Дидро, множество французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ историческихъ сочиненій, переводы греческихъ и латинскихъ классиковъ, стихотворенія и другія произведенія изящной словесности на иностранныхъ языкахъ, полныя изданія Шиллера, Гедера, Лессинга и проч.“. Наряду съ самообразованіемъ, Жуковский усиленно занимался переводами, которые еще въ пансіонѣ служили ему матеріальной подпорой. Въ 1801 году Жуковский перевелъ сентиментальную повѣсть Коцебу „Gerüfte Liebe“, которую назвалъ „Мальчикъ у ручья“.

Мы уже знаемъ, что Жуковский въ пансіонскую эпоху былъ друженъ съ семьей Тургеневыхъ, особенно съ Андреемъ Ивановичемъ. Эта дружба продолжается и послѣ выхода изъ пансіона. Андрей Ивановичъ Тургеневъ являлся самымъ довѣреннымъ другомъ поэта.

Служа въ Соляной конторѣ, Жуковский

принимаетъ дѣятельное участіе въ „Дружескомъ литературномъ обществѣ“. Учредителями этого общества, кромѣ Жуковскаго, были М. Кайсаровъ, Андрей и Александръ Тургеневы, Александръ Воейковъ, Семенъ Родзянка, А. Мерзляковъ, А. Кайсаровъ и А. Офросимовъ. Уставъ общества былъ утвержденъ 12 января 1801 года. О характерѣ общества дають представленіе его „Законы“, напечатанные И. С. Тихонравовымъ въ „Сборникѣ Общества любителей Росс. Словесности на 1891 годъ“. Общество, по „Законамъ“, должно было представлять товарищескій кружокъ, членовъ котораго долженъ соединять „духъ благій дружества, сердечная привязанность къ своему брату, нѣжное доброжелательство къ пользамъ другого“. Цѣлью общества было — служить „Добродѣтели и Истинѣ“, развивать способность, трогать и убѣждать другихъ словесностью“. Предметъ занятій общества составляли „философскія и политическія сочиненія и переводы, беллетристическія сочиненія и переводы, критика и опроверженіе философскихъ и беллетристическихъ пьесъ“, а также „чтеніе лучшихъ иностранныхъ и національныхъ авторовъ“. Ал. И. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ характеризуетъ „Дружеское литературное общество“. „Нѣсколько молодыхъ людей, большей частью университетскихъ воспитанниковъ, получали почти все, что въ изящной словесности выходило въ Германіи, переводили повѣсти и драматическія произведенія Коцебу, пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву цвѣты поэзіи Вилланда, Шиллера, Гете и почти весь тогдашній новѣйшій нѣмецкій театръ былъ переведенъ ими“.

Личная жизнь Жуковскаго во время службы въ Соляной конторѣ ознаменовалась любовнымъ увлеченіемъ. Долгое время считали, что предметомъ первой любви Жуковскаго была М. А. Протасова. Академикъ А. Н. Веселовскій въ своей книжкѣ о Жуковскомъ указалъ, что первыя любовныя увлеченія поэта относятся еще ко времени его службы въ Соляной конторѣ. Предметомъ увлеченія были одновременно двѣ женщины. Первой была дочь Натальи Афанасьевны Буниной, въ замужествѣ Вельяминовой, Марія Николаевна, бывшая замужемъ за Свѣчиннымъ. Вторымъ предметомъ увле-

ченія являлась Анна Михайловна Соковнина, сестра Сергѣя Михайловича Соковнина, хорошаго знакомаго Тургеневыхъ и Жуковскаго и члена Дружескаго литературнаго общества. Во время службы поэта въ Соляной конторѣ Александръ и Андрей Тургеневы не жили въ Москвѣ, — Александръ учился въ Геттингенѣ, Андрей жилъ въ Петербургѣ. Романъ Жуковскаго былъ тѣсно связанъ съ романами братьевъ Тургеневыхъ: Александръ былъ влюбленъ въ Анну Михайловну Соковнину, а Андрей въ ея сестру Еватерину Михайловну. Предметъ любви Жуковскаго, М. Н. Свѣчина жила въ Петербургѣ, Екатерина Михайловна Соковнина жила въ Москвѣ. Жуковскій, жившій въ Москвѣ, велъ сердечныя дѣла Андрея Тургенева, тотъ же въ свою очередь былъ повѣреннымъ Жуковскаго въ Петербургѣ. Увлеченія какъ Жуковскаго, такъ и Андрея Тургенева носили сентиментальный характеръ. Очень мѣтко ихъ называетъ А. Н. Веселовскій „романами въ письмахъ“. Идеалистическая сентиментальная окраска увлеченій и давала возможность Жуковскому имѣть два предмета мечтаній. Отношеніе Жуковскаго къ М. Н. Свѣчиной и А. М. Соковниной не было любовно въ полномъ смыслѣ слова; это была, какъ удачно выразился А. Н. Веселовскій, — „сентиментальная amitié amoureuse“. Хорошо характеризуетъ увлеченіе Жуковскаго М. Н. Свѣчиной знавшій объ этомъ увлеченіи Алек. И. Тургеневъ, который въ 1803 году, живя за границей, записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 13—25 января: „Сегодня Бутервекъ на лекціи описывалъ характеръ Петрарки и платоническую любовь его къ Лаурѣ. Какое разительное сходство съ характеромъ Жуковскаго! Кажется, что еслибъ мнѣ надобно было изобразить характеръ Жуковскаго, то бы я то же повторилъ, что Бутервекъ говорилъ о Петраркѣ. И Жуковскій точно въ такомъ же отношеніи къ Свѣчиной, въ какомъ Петрарка былъ къ его Лаурѣ или къ M-me de Sade“.

М. Н. Свѣчина, А. М. и Е. М. Соковнины были всецѣло во власти сентиментальныхъ настроеній, прониклись ими и въ этомъ отношеніи онѣ вполне гармонировали съ Жуковскимъ и братьями Тургеневыми.

Служба въ Соляной конторѣ, конечно,

была въ тягость сентиментально-идеалистически настроенному юношѣ — поэту. Весной 1802 года Жуковский покинул службу и вскорѣ переселился изъ Москвы въ Мишенское.

Еще въ 1801 году Жуковский перевелъ элегію Грея „Сельское кладбище“. Въ 1802 году онъ перевелъ ее вторично и передалъ Карамзину. Она очень понравилась послѣднему, онъ напечаталъ ее въ редактируемомъ имъ тогда „Вѣстникѣ Европы“. „Сельское кладбище“ произвело впечатлѣніе въ обществѣ и сразу же выдвинуло Жуковского. 1802—1804 годы онъ живетъ то въ Мишенскомъ, то у Карамзина, въ Кунцовѣ. 8 мая 1803 года скончался Андрей Тургеневъ, что сильно огорчило Жуковского. Въ это время имъ написано прекрасное стихотвореніе: „На смерть Андрея Тургенева“. За 1802—1804 гг. Жуковский пишетъ мало. Въ 1804 году онъ переводилъ передѣлку „Донъ-Кихота“ Ж. П. Флоріана.

Въ 1805 году произошла перемѣна въ жизни Жуковского. Одна изъ дочерей Бунинныхъ, Екатерина Анастасевна, вышла замужъ за Андрея Ивановича Протасова. Картежная игра разорила его. Въ 1805 году онъ умеръ, оставивъ большіе долги. Жена съ большимъ трудомъ расплатилась съ ними и, потерявъ имѣнія, поселилась въ Бѣловѣ, недалеко отъ Мишенскаго, съ двумя дочерьми: Маріей (род. 1793 г.) и Александрой (род. 1795 г.). Видя стѣсненное положеніе Протасовой и трудное при ея средствахъ нанять хорошаго учителя, Жуковский предложилъ заниматься съ ея дочерьми. Протасова согласилась. Жуковский горячо увлекся этимъ дѣломъ, составилъ обширный планъ занятій, имѣющій цѣлью не только сообщить ученицамъ знанія, но и развить ихъ нравственныя качества. Конечно, идеаломъ воспитанія было то самое, которое являлось идеаломъ самого Жуковского, проникнутаго сентиментализмомъ.

Какъ мы видѣли, потребность любви, женской ласки была сильна въ сентиментально настроенномъ Жуковскомъ уже по выходѣ изъ пансіона. Если Анна Михайловна Соковнина и Марія Николаевна Свѣчна гармонировали съ сентиментальнымъ настроеніемъ Жуковского, то еще болѣе соотвѣтствовали настроенію его ученицы, дѣвочки, нѣжной души которыхъ

не успѣла еще коснуться жизнь. И Жуковский горячо привязался къ дѣвочкамъ, особенно къ старшей, Маріи. Любовь поэта къ дѣвочкѣ носила идеально-сентиментальный характеръ, Жуковский думалъ сформировать изъ неразвитой еще духовно и умственно дѣвочки жену, такую, какъ она рисовалась въ его воображеніяхъ. И Жуковский глубоко былъ увѣренъ въ удачу задуманнаго, воображая, что онъ самъ создастъ себѣ счастье. Любовь къ Маріи Андреевнѣ окрасила весь дальнѣйшій періодъ жизни Жуковского, имѣла чрезвычайно важное вліяніе на его психическое состояніе и творчество. О любви Жуковского къ Маріи Андреевнѣ, характеръ ихъ отношеній, наконецъ о настроеніяхъ и міросозерцаніи поэта въ разсматриваемый нами теперь періодъ его жизни, даютъ цѣнный матеріалъ его дневникъ и произведенія. По дневникамъ можно составить себѣ ясное представленіе о душевномъ обликѣ, настроеніи и взглядахъ Жуковского въ эту эпоху. Прежде всего въ дневникахъ 1805—1807 годовъ ярко выступаетъ отчужденность Жуковского отъ всего того, что не касается непосредственно его личности. Онъ всецѣло занялъ собою, вся его душевная работа направлена на самоанализъ: поэтъ съ величайшимъ вниманіемъ анализируетъ свое душевное настроеніе, стремится этимъ путемъ выработать въ себѣ твердые нравственные принципы, осмыслить свое отношеніе къ жизни, религіи, выработать свое этическое credo. Душевный міръ Жуковского, судя по дневникамъ, представлялъ въ то время лабораторію, въ которой лихорадочно кипѣла сложная работа самоопредѣленія. Все тѣ воздѣйствія, которыя до сихъ поръ вліяли на Жуковского, собрались теперь какъ бы въ фокусѣ, систематизировались; происходила окончательная формулировка его душевнаго облика.

Идеаль Жуковского — тихая семейная жизнь. „Я не требую слишкомъ многого, — пишетъ онъ въ дневникѣ въ іюнѣ 1805 г. — Хочу спокойной, невинной жизни. Желаю не нуждаться. Желаю, чтобы я и матушка были не несчастны, имѣли все нужное. Хочу имѣть нѣкоторыя удовольствія, возможные всякому человѣку, бѣдному и богатому, удовольствія отъ занятій, отъ умѣренной, но постоянной дѣятельности,

наконецъ, отъ спокойной, порядочной семейственной жизни. Почему бы этому не исполниться? Проведя три года въ путешествіи, въ свободѣ самой неограниченной, возвращусь домой, начну трудиться, трудомъ получать свое пропитаніе и вмѣстѣ удовольствіе; чтеніе, садоводство и—если бы далъ Богъ—общество вѣрнаго друга или вѣрной жены будутъ моимъ отдохновеніемъ. Иногда, въ положенное время, буду ѣздить въ Москву, если не переселюсь въ нее совершенно, для свиданія съ знакомыми или для дѣлъ своихъ и проч. Избави меня Боже, отъ большихъ несчастій, и я не буду искать большого счастья! Спокойная, невинная жизнь, занятія, для меня и для другихъ полезныя или пріятныя, дружба, искренняя привязанность къ моимъ близкимъ друзьямъ и, наконецъ, если бы было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣній—вотъ все мое требованіе отъ Providѣнія!“ Это счастье, думаетъ Жуковский, вполне можетъ дать ему Марія Андреевна Протасова. „Я былъ бы съ нею счастливъ, конечно!—говоритъ въ дневникъ поэтъ.—Она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственного счастья и не захотѣла бы свѣтской разсѣянности“. Въ дневникъ отъ 9 іюля 1805 года Жуковский вѣрять, что родные М. А. Протасовой не воспрепятствуютъ его счастью и Марія Андреевна будетъ его женой, но вскорѣ выяснилось обратное. Настроеніе поэта подъ вліяніемъ этого обстоятельства дѣлается пессимистическимъ. Перемѣна настроенія уже опредѣленно обнаруживается въ дневникъ за 26 августа 1805 года. „Теперь я въ очень дурномъ расположеніи,—пишетъ Жуковский,—голова тяжела: въ умѣ такая пустота и недѣятельность; прошедшее мнѣ кажется очень дурнымъ, а настоящее скучнымъ; отъ будущаго не ожидаю ничего; все мои планы исчезли; даже нѣтъ во мнѣ желанія дѣлаться лучше, образованъ и умъ, и характеръ“. Къ вліянію на настроеніе Жуковскаго отношенія къ нему матери М. А. Протасовой присоединялись и другія обстоятельства личной жизни поэта. Выше мы говорили о томъ, что нѣкоторые изслѣдователи указываютъ, что особенность положенія въ семьѣ Буниныхъ и Юшковыхъ больно чувствовалась Жуковскимъ, была источникомъ его душевныхъ мукъ. Мы думаемъ,

что это справедливо лишь въ отношеніи къ разсматриваемому нами теперь времени. Въ дѣтствѣ эта особенность положенія не чувствовалась остро ребенкомъ, а если и чувствовалась иногда, то растворялась во всеобщей любви и баловствѣ, наконецъ, ребенокъ по своему развитію не могъ еще ясно сознавать эту особенность своего положенія. Лишь только по окончаніи пансіона Жуковский остро сталъ чувствовать особенность своего положенія, и это обстоятельство въ данное время, а не въ дѣтствѣ, усиливало пессимистическое настроеніе, обусловленное отношеніемъ Е. А. Протасовой. Жуковский чувствуетъ себя одинокимъ; Марія Андреевна, горячо любимая имъ, была еще мала, чтобы быть другомъ поэта въ полномъ смыслѣ слова, т. е. понимать вполне его исканія и мысли. „Одиночество,—пишетъ Жуковский въ дневникъ на 26 августа 1805 года,—совершенный недостатокъ въ пріятныхъ связяхъ, отдаленіе тѣхъ людей, которые бы могли меня оживлять и ободрять въ исканіи всего хорошаго, совершенное безспіе души, ненадѣянность на самого себя—вотъ что меня теперь мучитъ. Я одинъ; въ самомъ себѣ не нахожу довольно приближца; чувствую, что одинъ мало могу для себя сдѣлать; мнѣ не достаетъ ободренія. Все мои теперешнія работы кажутся мнѣ цѣпью, которою я къ одному мѣсту прикованъ. Одинъ не могу ни о чемъ думать, потому что не имѣю никакой матеріи для мыслей; переводы не всякій день идутъ удачно, отъ этого и разстройство моя дѣлается большею, и все будущее становится неудачнымъ. Къ тому же не умѣю мыслить въ связи, это для меня утомительно, и въ теперешнемъ моемъ расположеніи не чувствую даже и нужды мыслить: такіа минуты очень похожи на ничтожество и еще хуже ничтожества, потому что чувствуешь непріятное. Самое добро, самое желаніе быть добрымъ не имѣетъ въ эту минуту ничего для меня привлекательнаго. Самъ съ собою я недоволенъ и скученъ, потому что не могу ни о чемъ порядочно думать и не имѣю еще этой привычки; съ тѣми, кто вокругъ меня, я не связанъ (что этому причиной не знаю, но долженъ узнать), слѣдовательно, не пріятно занятъ; самое общество матушки, по несчастію, не можетъ меня дѣлать счастли-

вымъ; я не таковъ съ нею, каковъ долженъ быть сынъ съ матерью; это самое меня мучить, и, мнѣ кажется, я люблю ее гораздо больше заочно, нежели вблизи. Я не былъ счастливъ въ моей жизни, кажется, и не буду счастливымъ“.

Въ 1805 г. Ж. написано было очень мало; въ слѣдующемъ году онъ работаетъ продуктивно. Къ этому году относятся много стихотвореній самаго разнообразнаго характера—элегія, эпиграмма, переводы басенъ Лафонтена. Изъ крупнѣйшихъ произведеній можно назвать „Вечеръ“ и „Пѣснь Барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей“. Последнее произведение было откликомъ военныхъ событій—войны съ Наполеономъ. Ж. горѣлъ желаніемъ быть полезнымъ отечеству. „Теперь всякій обязанъ идти на службу, — пишетъ онъ въ письмѣ къ Ал. Тургеневу и Влудову въ половинѣ декабря 1806 года, — и я чувствую свою обязанность; но служить надобно для того, чтобы принести пользу. Вы знаете мои способности; скажите, что мнѣ дѣлать? А я не желалъ бы оставаться въ бездѣйствіи тогда, когда всякой долженъ дѣйствовать, но желалъ бы дѣйствовать такъ, чтобы принести пользу...“ „Отвѣчай мнѣ скорѣе: что я долженъ дѣлать и что могу сдѣлать?—обращается Ж. къ Ал. И. Тургеневу. — Объ этомъ ты можешь сказать что нибудь рѣшительное. Если надобно будетъ идти, то нельзя ли будетъ получить такое мѣсто, гдѣ бы я могъ употребить въ большую пользу свои способности, а именно, нельзя ли будетъ найти случай втереться въ штатъ котораго нибудь изъ главнокомандующихъ областныхъ для письменныхъ дѣлъ, и не можешь ли ты для меня это сдѣлать? Я сталъ бы работать и душой, и тѣломъ. Впрочемъ и во фронтъ идти не откажусь, если нужно будетъ идти, хотя за способности свои въ этомъ случаѣ не отвѣчаю. Подумай за меня хорошенько, любезный другъ; сообщи мнѣ свои мысли немедленно... Теперь всякой желающій можетъ быть хотя нѣсколько полезенъ, но чѣмъ больше, тѣмъ лучше; итакъ, надобно искать мѣста по способностямъ“. Выраженіемъ патриотическаго настроенія Ж. и была „Пѣснь Барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей“, напечатанная въ концѣ 1806 г. въ „Вѣстникѣ Европы“. Это стихотвореніе произвело сильное впечатлѣніе на об-

щество. „Послѣ этой пѣсни Ж. полюбил“, говоритъ Вигель. Въ 1807 г. Ж. работалъ опять мало.

На поэзію времени 1805—1807 гг., какъ мы уже сказали, наложило печать личное настроеніе Ж. Въ его поэзіи можно найти отголоски личнаго чувства поэта къ М. А. Протасовой. Характерно для обрисовки идеаловъ Ж. слѣдующее стихотвореніе:

Младенцемъ быть душой;
Разсудкомъ созрѣвать;
Не тѣла красотой,
Любезностью плѣвать...
Быть въ дружбѣ неизмѣнной;
Любя, душой любить;
Супруга санъ священной;
Какъ даръ небесъ хранить...
Вотъ счастье, другъ безцѣнный,
Другаго счастья нѣтъ.

Въ 1807 г. въ стихотвореніи „Машѣ на Новый годъ при подаркѣ книгъ“ Ж. пишетъ:

На Новый годъ въ воспомнанье
О томъ, кто всякій часъ мечтаетъ о тебѣ!
Кто счастья дней своихъ, кто радости искалъ
Въ твоей лишь заключалъ, безцѣнный другъ,
судьбѣ!

Яркое представленіе душевномъ состояніи Ж. даютъ два стихотворенія— „Вечеръ“, написанное въ іюль 1806. г. „Къ Филалету“ (Влудову), написанное въ 1807 г. №, но напечатанное въ 1809 г. Нарисовавъ картину природы Мишенскаго вечеромъ поэтъ говоритъ въ „Вечерѣ“:

Сизу, задумавшись; въ душѣ моей мечтаю;
Къ протекшимъ временамъ лежу воспомина-
вемъ...
О, дней моихъ весна, какъ быстро сврилась ты,
Съ твоимъ блаженствомъ и страданіемъ!
Гдѣ вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели некогда не зрѣть соединены?
Ужели позабыли всѣхъ радостей струи?
О, вы, голуби наслажденія!

Въ стихотвореніи „Къ Филалету“ мы находимъ такіе мотивы:

Какъ часто о часахъ минувшихъ я мечтаю!
Но чаще съ сладостью повесть воображаю,
Конецъ всему—души покою,
Конецъ желаньямъ, конецъ воспоминаваньямъ,
Конецъ боренью и съ жизнью, и собой...
Ахъ! время, Филалетъ, свершится ожиданьямъ!
Не знаю... но мой другъ, кончина сладкій часъ
Моей любимой мечтой становится...
И сердце съ горестнымъ желаніемъ ожидаетъ,
Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семь мірѣ бремен-
вился,
Ту жизнь, въ которой я такъ мало насла-
дился,
Которую давно надежда не златить.

Весной 1807 г. Ж. рѣшилъ отправиться путешествовать по Россіи. Его другъ Блудовъ отправлялся въ Казанскую губернію въ свое имѣніе; Ж. собрался его сопровождать, но въ 20 верстахъ отъ Москвы опрокинулась коляска, Ж. ушибъ руку и принужденъ былъ возвратиться. Въ концѣ 1807 г. Ж. ѣзжаетъ въ Москву: съ 1808 г. онъ принялъ на себя редактированіе „Вѣстника Европы“.

„Вѣстникъ Европы“, перейдя въ 1804 г. отъ Карамзина къ П. П. Сумарокову, сталъ терять значеніе, приобретенное при Карамзинѣ. М. Т. Каченовскій, приобрѣти журналъ отъ П. П. Сумарокова, нѣсколько поднялъ значеніе журнала. Ж., начавшій уже пользоваться извѣстностью, былъ приглашенъ съ цѣлью поднять журналъ на ту высоту, на которой онъ находился при Карамзинѣ. До сихъ поръ все для Ж. сосредоточивалось на своей личности. Мы познакомились съ идеями и настроеніями его, какъ человѣка. Тенерь онъ выступаетъ предъ нами, какъ редакторъ, какъ общественный дѣятель. Каковы же были его воззрѣнія въ этой области, что представлялъ онъ собою, какъ редакторъ, какъ общественный дѣятель? О сredo Ж. въ этой области даетъ наиболѣе определенное представленіе „Письмо изъ ѣзда къ издателю“, напечатанное въ XXXVII томѣ „Вѣстника Европы“ за 1808 г. Эта статья, написанная Ж., представляетъ будто бы письмо къ издателю „Вѣстника Европы“, излагающее воззрѣнія нѣкоего „Стародума“. Прежде всего устанавливается тотъ фактъ, что современное общество ищетъ въ литературѣ лишь занимательнаго, а потому все свое вниманіе сосредоточиваетъ на чтеніи романовъ, не дающихъ никакой здоровой пищи ни уму, ни сердцу. Это явленіе очень печально и журналистика должна бороться съ нимъ. Она обязана привить обществу высокія идеи, приучить его искать въ книгѣ не одно развлеченіе. „Въ Россіи,—читаемъ мы въ статьѣ,—при такой сильной охотѣ читать и такомъ нестрогомъ выборѣ чтенія—хорошій журналъ могъ бы имѣть самыя благодѣтельные дѣйствія. Обязанность журналиста подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное“. Журналъ, по мнѣнію Ж., имѣетъ громадное общественное значеніе. Безъ нѣкоторой особенной готов-

ности, безъ нѣкотораго приобретеннаго навыка размышлять и плѣняться изящнымъ, не можемъ пользоваться дарами ума и искусства; въ такомъ случаѣ хорошей журналъ можетъ служить приготовленіемъ. Нерѣдко полезная книга или со-всѣмъ, или очень долго не выходитъ изъ лавки книгопродавца: ея не читаютъ, потому что не ищутъ; она дѣйствуетъ исподоволь, на нѣкоторыхъ частныхъ людей, и очень медленно; напротивъ, хорошей журналъ дѣйствуетъ вдругъ и на многихъ; однимъ ударомъ приводитъ тысячи головъ въ движеніе. Прочешь толстую книгу отъ доски до доски, не упуская ни на минуту продолжительной нити идей, и такъ, чтобы, закрывъ ее, можно было дать самому себѣ отчетъ, какою дорогою дошелъ до послѣдней мысли писателя, есть важный подвигъ, на который, по мнѣнію моему, не всякій, привыкшій къ легкимъ или пріятнымъ трудамъ, способенъ рѣшиться. Сочиненія, обыкновенно помѣщаемыя въ журналахъ, не требуютъ такой утомительной работы вниманія; они вообще кратки, привлекательны своею формою; труднѣе, не чувствуя труда, слѣдуешь за авторомъ безъ всякой усталости, не замѣчая неволи, съ пріятностью, потому что видишь вблизи конецъ своего поприща; такія легкія, часто возобновляемая успѣія открываютъ дорогу къ труднѣйшимъ и болѣе продолжительнымъ: умъ въ движеніи, любопытство возбуждено, воображеніе и чувства пылаютъ.

Такимъ образомъ, на журналъ Ж. смотрятъ какъ на проводникъ въ общество гуманности и нравственности. Въ этомъ воззрѣніи ярко обнаруживаются тѣ вліянія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ формировались воззрѣнія поэта—вліяніе Панаѳіона, Тургеневыхъ, Лопухина. Идея высокой общественной роли журналиста, лежащая въ основѣ „Письма къ издателю“, проводится и въ другихъ журнальныхъ статьяхъ Ж., особенно въ статьѣ „О нравственной пользѣ поэзіи“, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ въ XLIII томѣ за 1809 годъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ж. очень серьезно относился къ задачамъ журналиста, не ушелъ совершенно въ свою личность, а обнаружилъ пониманіе потребности времени, ясно созналъ общественную роль журналистики.

Въ этомъ направленіи Ж. и велъ журналъ, горячо проводя въ своихъ статьяхъ идеи гуманности, общественной солидарности и прогресса. Конечно, характеръ этихъ идей зависѣлъ отъ того общаго сентиментальнаго и идеалистическаго міросозерцанія и настроенія, которыя были выработаны разными воздѣйствіями на поэта, отмѣченными нами выше. Ж. удалось поднять значеніе журнала, расширить его программу, сдѣлать довольно живымъ. О поднятіи значенія и интереса въ обществѣ къ „Вѣстнику Европы“ во время редактированія его Ж. свидѣтельствуетъ такой современникъ, какъ П. А. Плетневъ.

Время редактированія Ж. „Вѣстника Европы“ ознаменовалось большою литературною продуктивностью. Перечислимъ лишь наиболѣе крупныя произведенія—поэтическія, здѣсь напечатанныя: 1808—„Стихи, сочиненныя для альбома М. В. П.“, „Пѣсня“, „Къ Нинѣ“; 1809—„Къ Филалету“, „На смерть фельдмаршала гр. Каменскаго“; 1810—„Къ Блудову“. Къ этому времени относится рядъ переводовъ изъ Шиллера—„Тоска по миломъ“, „Кассандра“, „Счастье“, „Путешественникъ“, изъ Томпсона—„Гимнъ“, изъ Гёте—„Моя богиня“, изъ Мильвуа—„Пѣснь араба надъ могилой коня“ и, наконецъ, нѣсколько подражаній, изъ которыхъ особенно надо отмѣтить „Людмилу“, подражаніе Бюргеровой „Леноръ“. Въ „Вѣстникѣ Европы“ Ж. помѣстилъ рядъ прозаическихъ статей, критическихъ замѣтокъ: въ 1808 г. „Письмо изъ уѣзда къ издателю“, „Три сестры“, „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?“, „О новой книгѣ“, „Училице бѣдныхъ“ Ле-пренсъ-де-Бомона, „Писатель въ обществѣ“, „Три пояса“ (русская сказка), въ 1809—„Марьяна роца“, „Два слова отъ издателя“, „Печальное происшествіе“, „О баснѣ и басняхъ Крылова“, „Московскія записки“, „О критикѣ“, „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира“.

Въ этихъ произведеніяхъ, конечно, отразилось личное настроеніе поэта, его любовь къ М. А. Протасовой. Мы видимъ, что общественная дѣятельность Ж. не уменьшила въ немъ потребности къ личному счастью: идеаломъ его остается тихая семейная жизнь. Наиболѣе яркое представленіе объ идеалахъ Ж. даетъ статья

„Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?“ (1808 г.). Эта статья представляетъ панегирикъ семейной жизни: Ж. говоритъ, что высшее счастье человѣка въ семьѣ: только она даетъ истинно моральныя наслажденія. Семья, по мнѣнію Ж., не только не отвлекаетъ человѣка отъ его общественныхъ обязанностей, а способствуетъ ихъ интенсивности, даетъ бодрость, поддерживаетъ духъ. На поставленный Ж. вопросъ—„Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?“ онъ даетъ категорическій отвѣтъ—„одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственной жизнью“. Эта статья очень важна для обрисовки настроенія Ж., она есть своего рода психологическій документъ. Марію Андреевну Ж. считаетъ женщиной, которая дастъ ему семейное счастье. Рядъ произведеній тѣсно связанъ съ любимой поэтомъ женщиной: аллегорическая повѣсть „Три сестры“, „Видѣніе Минваны“, „Пѣсня“ и др. Даже на переводахъ лежитъ отпечатокъ личныхъ чувствъ. Говоря о прозаическихъ переводахъ Ж. періода 1807—1810 гг., Н. С. Тихонравовъ отмѣчаетъ, что они „представляютъ любопытный комментарий къ его прозаическимъ оригинальнымъ произведеніямъ и стихотвореніямъ, въ одно время съ этими переводами написаннымъ: Ж. выбиралъ для перевода статьи, которыя такъ или иначе стояли въ связи съ вопросами, его занимавшими, съ его мечтами, съ его настроеніемъ. Даже въ переводныя прозаическія статьи Ж. вставлялъ нерѣдко по нѣскольку строкъ, выражающихъ его собственные мысли, чувства, впечатлѣнія. Въ подтвержденіе словъ Н. С. Тихонравова, укажемъ на сказку „Три пояса“ Она—переводъ „Ж., — замѣчаетъ акад. А. Н. Веселовскій,—не только приладилъ ее къ русской древности, какъ онъ понималъ ее, но и къ своему психологическому настроенію“.

Особенно сильно высказалось чувство Ж. къ М. А. Протасовой въ стихотвореніи „Пѣсня“. Чтобы получить представленіе о силѣ чувства поэта, приведемъ нѣсколько стиховъ:

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ природы красотахъ

Твой образ милый я встрѣчаю;
 Прелестныхъ вижу—въ ихъ чертахъ
 Одну тебя воображаю.
 беру перо—имъ начертать
 Могу лишь имя незабвенной;
 Одну тебя лишь прославлять
 Могу на лирѣ восхищенной:
 Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
 Тебя любить одна мнѣ радость;
 Ты мнѣ всѣ блага на земли:
 Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость...

IV ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОДЪ ЖИЗНИ ЖУКОВСКАГО (1811—1815).

Оставивъ редактированіе „Вѣстника Европы“, Ж. возвратился въ 1811 г. въ Мишенское. Въ этомъ году умерли Марія Григорьевна Бунина и мать поэта Елизавета Дементьевна. Екатерина Аванасьевна Протасова предприняла постройку дома въ своемъ имѣніи Муратовѣ, Орловской губерніи. Ж. составилъ смѣту, руководилъ постройкой. Чувствуя потребность быть близко къ предмету своей любви, Ж. на доставшіеся послѣ смерти М. Г. Буниной 10.000 рублей купилъ недалеко отъ Муратова небольшое имѣніе. Онъ сблизился на новомъ мѣстѣ съ жившей въ 40 верстахъ отъ Муратова въ Черни, Тульской губерніи, семьей Плещеевыхъ. А. А. Плещеевъ былъ очень живымъ человекомъ, прекраснымъ музыкантомъ и страстнымъ театраломъ, любилъ общество, и въ его домѣ постоянно кипѣла жлзнь. Жена А. А. Плещеева, Анна Ивановна, обладала прекраснымъ голосомъ. Ж. очень подружился съ этой поэтической семьей: А. А. Плещеевъ сочинялъ музыку на романсы Ж., Анна Ивановна пѣла ихъ. Это знакомство нѣсколько оживило Ж., онъ принялъ горячее участіе въ домашнихъ спектакляхъ въ домѣ Плещеевыхъ. Объ оживленіи Ж. свидѣтельствуютъ его произведенія, особенно одна пьеса, написанная для домашняго театра. О томъ, что Ж. писалъ пьесы для домашняго театра, было извѣстно лишь изъ словъ кн. Вяземскаго, который упоминаетъ двѣ пьесы. Одна изъ нихъ была впервые напечатана проф. А. С. Архангельскимъ въ 1902 г. въ редактируемыхъ имъ сочиненіяхъ Ж. Пьеса проникнута юморомъ и носитъ заглавіе — „Коловратно-куръезная сцена между господиномъ Леандромъ, Пальясомъ и важнымъ господиномъ докторомъ“. Эта пьеса интересна какъ по-

казатель, что настроеніе поэта оживилось: онъ пишетъ юмористическія произведенія. Творчество Ж. въ 1811 г. по-прежнему отражаетъ его личное настроеніе. Любовь къ Маріи Андреевнѣ Протасовой наложила свою печать на „Жалобу“, „Къ Ватюшкову“, „Пловца“ и др. Изъ крупныхъ произведеній въ 1811 г. написаны большой критической разборъ трагедіи А. Грузинцева—„Электра и Орестъ“ и первая часть „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“ — баллада „Громобой“. Наконецъ, въ этомъ году было закончено изданіе „Сборника лучшихъ русскихъ стихотвореній“, надъ которымъ Ж. работалъ давно.

Первые намеки Ж. Е. А. Протасовой на желаніе жениться на Маріи Андреевнѣ относятся еще къ 1806 г., но рѣшительно поэтъ потребовалъ отъ матери руки дочери въ 1811 г. Е. А. Протасова натрѣзъ отказала Ж., и біографы говорятъ, что на это повліяло строгое соблюденіе Е. А. Протасовой церковныхъ уставовъ. Ж. указывалъ на то, что по церковнымъ книгамъ онъ не значится братомъ Е. А. Протасовой и, значитъ, нѣтъ формальныхъ препятствій для брака, но она твердо стояла на своей точкѣ зрѣнія. Е. А. Протасова не только отказала Ж. въ руки дочери въ настоящій моментъ, но отняла у него всякую надежду когда-либо получить согласіе; она требовала, чтобы поэтъ никогда даже не заговаривалъ съ кѣмъ-либо объ этомъ. Но Ж. не потерялъ надежды. Одинъ случай привелъ къ крупному разладу съ Е. А. Протасовой. 3 августа 1812 г. у Плещеевыхъ праздновался день рожденія хозяина дома. Ж. спѣлъ своего „Пловца“, положеннаго на музыку Плещеевымъ. Это стихотвореніе исполнено надеждой, что такъ страстно ожидаемое счастье придетъ. Е. А. Протасова ужасно разсердилась на то, что поэтъ не оставилъ своей надежды, которую она требовала, чтобы онъ оставилъ совершенно. Произошелъ острый конфликтъ и поэтъ былъ принужденъ покинуть деревню.

Какъ мы уже отмѣтили, Ж. еще при началѣ военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ хотѣлъ поступить въ дѣйствующую армію; указанныя личныя обстоятельства ускорили рѣшеніе: 12 августа поэтъ уже числился въ рядахъ москов-

скаго ополченія въ чинѣ поручика. 26 августа въ Бородинскую битву Ж. въ рядахъ Мамоновскаго полка находился въ тылу главной арміи. Впослѣдствіи въ письмѣ къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ отъ 5 сентября 1839 г. Ж. такъ описываетъ свое участіе въ Бородинской битвѣ: „Мы стояли въ кустахъ на лѣвомъ флангѣ, на который напиралъ непріятель; ядра невидимо откуда къ намъ прилетали; все вокругъ насъ страшно гремѣло; огромные клубы дыма поднимались на всемъ полукруглѣи горизонта, какъ будто отъ повсемѣстнаго пожара, и, наконецъ, ужасною бѣлою тучею обхватили половину неба, которое тихо и безоблачно сіяло надъ бьющимися арміями. Во все продолженіе боя насъ мало-по-малу отодвигали назадъ. Наконецъ, съ наступленіемъ темноты, сраженіе, до тѣхъ поръ не прерывавшееся ни на минуту, умялось. Мы двинулись впередъ и очутились на возвышеніи посреди арміи... Но мы не долго остались на мѣстѣ: армія тронулась и въ глубокомъ молчаніи пошла къ Москвѣ“. Вскорѣ черезъ своего товарища по пансіону, Андрея Сергѣевича Байсарова, директора полковой типографіи въ главной квартирѣ, и его брата, полковника Пансію Сергѣевича, Ж. былъ причисленъ къ штабу Кутузова, при канцеляріи. Въ началѣ октября 1812 г. въ лагерь передъ Тарутиномъ Ж. написалъ „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“. Въ этомъ стихотвореніи поэтъ прекрасно схватилъ настроеніе русскаго образованнаго общества и народа. Въ виду этого стихотвореніе было принято съ энтузіазмомъ, популярность поэта достигла большихъ размѣровъ. Громадное впечатлѣніе „Пѣвецъ“ произвелъ на Императрицу Марію Теодоровну. Она выразила желаніе получить отъ поэта автографъ этого стихотворенія и приглашала Ж. въ Петербургъ. Поэтомъ былъ посланъ Государынѣ автографъ и специально написанное стихотвореніе „Государынѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ“.

„Пѣвецъ“ былъ напечатанъ въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1812 г.: въ началѣ 1813 г. стихотвореніе вышло отдѣльнымъ изданіемъ.

Послѣ сраженія подъ Краснымъ 6 ноября 1812 г. Ж. написалъ „Вождю—побѣдителя“ и скорѣ заболѣлъ горячкой; въ

декабрѣ онъ покинулъ Красное и съ чинномъ штабсъ-капитана и съ орденомъ Анны 2 степени вернулся на родину въ началѣ января 1813 г. Здѣсь Ж. опять охватило пессимистическое настроеніе.

Въ 1813 г. изъ крупныхъ произведеній написаны: „Государынѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ“, „Тургеневу“, „Къ П. П. Дмитріеву“, „Къ доктору Фору“, „Уединеніе“. Переводитъ Ж. изъ Местра — „Узникъ къ мотыльбу, влетѣвшему въ его темницу“, изъ Саути—„Адельстанъ“, изъ Матиссона—„Къ Филону“, изъ Шиллера—„Ивковы журавли“, изъ Парни—„Эпимесидъ“, изъ Беркена—„Пѣсня матери надъ колыбелью сына“. Въ концѣ 1813 г. къ Ж. пріѣхалъ погостить товарищъ по Дружескому литературному обществу А. Ѳ. Воейковъ, въ мартѣ мѣсяцѣ напечатавшій въ „Вѣстникѣ Европы“ посланіе къ Ж. А. Ѳ. Воейковъ сыгралъ видную роль въ дальнѣйшей жизни поэта. Академикъ А. Н. Веселовскій, посвятившій Воейкову цѣлую главу своего изслѣдованія, характеризуетъ его такъ: „Воейковъ былъ типъ своеобразный, въ которомъ порою трудно различить долю врожденности отъ вліянія условій, въ которыхъ поставилъ его перебой общественныхъ настроеній... Это былъ страстный эгоистъ съ громаднымъ самолюбіемъ, поддержаннымъ случайнымъ успѣхомъ, воспитанный на классикахъ и философахъ XVIII вѣка; онъ былъ чужокъ къ новымъ литературнымъ вліяніямъ, не проникаясь ими, цѣняя ихъ и не признавая того, что было въ нихъ шагомъ къ новой жизни. Несмотря на свою внѣшнюю уродливость, благодаря умѣнию держать себя, снискивать расположеніе, Воейковъ скоро сдѣлался однимъ изъ друзей дома Протасовыхъ, въ который его ввелъ Ж., сталъ ухаживать за Александрой Андреевной, къ которой былъ привязанъ Ж. и которая принимала близко къ сердцу его литературную дѣятельность. Воейковъ снискалъ расположеніе Е. А. Протасовой своимъ умѣніемъ прилаживаться, угождать. Въ концѣ января 1814 г. онъ уѣхалъ изъ Муратова. Въ это время Ж. все еще не терялъ надежды на бракъ и пытался устроить его. Въ Воейковѣ поэтъ видитъ своего друга и союзника. „Пріѣзжай, пріѣзжай,—пишетъ Ж. Воейкову 13 февраля,—наши дѣла идутъ сильно къ раз-

вязкъ, ничто не испорчено, хотя и могло бы испортиться, струны только болѣе натянуты: или онѣ лопнутъ, или будетъ совершенная гармонія. При всей трусости, вѣрю болѣе последнему... Твои дѣла идутъ хорошо: говорятъ о тебѣ, какъ о своемъ, списываютъ твои стихи въ нѣсколько рукъ“. Въ срединѣ февраля Ж. посѣтилъ И. В. Лопухина съ намѣреніемъ совѣтоваться съ нимъ, „открытъ всѣмъ обстоятельства“. Лопухинъ ободрилъ поэта и общалъ свое содѣйствіе. Въ письмѣ къ Воейкову отъ 20 февраля Ж. рисуетъ картину идеальной жизни: они съ Воейковымъ будутъ жить вмѣстѣ, вести тихую жизнь, „обращенную на внутреннее наслажденіе собою, наслажденіе вѣрное, для другихъ невидимое, но тѣмъ болѣе драгоценное“. Яркое представленіе душевномъ состояніи Ж. даетъ запись въ дневникѣ 25 февраля. „Смотря на прошедшее *вообще* (частные, мелкіе недостатки и проступки въ сторону), я не имѣю причины упрекать себя ни въ чемъ такомъ, чтобы оставило на всю жизнь раскаяніе... Совѣсть моя спокойна: я не желаю ни невозможнаго, ни не позволеннаго. Въ этомъ никто не переувѣритъ меня; исполнится ли то, что одно можетъ дать мнѣ счастье, это къ несчастію зависить не отъ меня, а отъ другихъ: но для меня останется по крайней мѣрѣ увѣреніе, что я искалъ его не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я привязывалъ къ нему *все* лучшее въ жизни — не будетъ его, не будетъ и прочаго; не моя вина. Останется дожить какъ-нибудь положенный срокъ, который, вѣроятно, будетъ не дологъ. Жаль жизни — такой, какъ я ее представляю, тихой, ясной, дѣятельной, посвященной истинному добру: по тому, что обыкновенно называютъ жизнью, того совѣсть не жаль — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Тогда бы могъ я упрекать себя за прошедшее, когда бы употреблялъ не позволенные средства исполнить свои надежды — нѣтъ! я хотѣлъ и хочу счастья чистаго. Я берегъ одну надежду. Покорностию и терпѣніемъ думалъ купить себѣ исполненіе. И это исполненіе было бы не дорого куплено, хотя во всѣ послѣдніе года не помню дня *истинно-счастливаго*; сколько же печальнаго! — а все вмѣстѣ —

удѣлъ незавидный“... Далѣе поэтъ отмѣчаетъ громадное вліяніе на него неблагоприятныхъ обстоятельствъ. „Другимъ, — говоритъ Ж., — нужно несчастіе, чтобы привести въ силу ихъ душевныя качества. Мнѣ, напротивъ, нужно счастье, которое можетъ быть моимъ, ибо нѣтъ общаго для всѣхъ счастья. Въ немъ одномъ вижу свое преобразование“.

Еще до знакомства съ Протасовыми Воейковъ задумалъ получить профессорскую кафедру въ университетъ; остановился же онъ на Дерптскомъ, гдѣ послѣ смерти А. С. Кайсарова была вакантна кафедра.хлопоты Воейкова о профессорствѣ шли успѣшно; не менѣе успѣшно шли его любовныя дѣла. Любовныя дѣла Ж. наоборотъ шли плохо. Воейковъ сдѣлался горячимъ пособникомъ Екатерины Афанасьевны Протасовой, сталъ на ея сторону, началъ съ надменностью относиться къ Ж. Поэту было тяжело, онъ уѣхалъ въ Чернь къ Плещеевымъ. Извѣстіе, полученное отъ Тургенева, что извѣстный проповѣдникъ и духовный писатель, ректоръ Петербургской духовной академіи, архимандритъ Филаретъ, не видя прятствій къ женитбѣ Ж. на Маріи Андреевнѣ, нѣсколько подняло духъ Ж.: онъ думалъ, что этотъ фактъ поколеблетъ Е. А. Протасову, которая въ своемъ отказѣ Ж. ссылалась на церковныя уставы. Ж. рѣшилъ еще разъ попытать счастье и вмѣстѣ съ Плещеевымъ пріѣхалъ въ Муратово. Къ нему отнеслись надменно и холодно. Въ апрѣлѣ Ж. опять объяснился съ Е. А. Протасовой, она вновь категорически отказала. Это сильно повліяло на поэта. „Я посматривалъ изъ подлобья, — пишетъ Ж. къ А. П. Кирѣевской въ апрѣлѣ 1814 года, — не найду ли гдѣ въ углу христіанской *любви*, внушающей сожалѣніе, пощады, кротости. Нѣтъ! Одно холодное *жестокосердіе* въ монашеской рябѣ съ кровавою надписью на лбу: *должность* (выправленное весьма неискусно изъ слова *суевѣріе*) сдѣлало противъ меня и страшно сверкало на меня глазами“.

Въ маѣ Ж. вернулся въ Чернь къ Плещеевымъ. Е. А. Протасова потребовала, чтобы Ж. не показывался въ Муратовѣ до возвращенія Воейкова, который уѣхалъ изъ Муратова. Состояніе поэта было самое печальное. О немъ мы можемъ судить по письмамъ къ Ал. П. Тургеневу и А. П.

Кирѣевской. Прежде всего личное настроеніе самымъ неблагоприятнымъ образомъ отразилось на творчествѣ Ж. Въ письмѣ къ Ал. Н. Тургеневу во второй половинѣ мая, замѣчая, что политическія событія, дѣятельность Александра I даютъ богатый матеріалъ для поэзіи, Ж. говорить, что онъ переживаетъ „засуху въ воображеніи“, „мысли пробуждаются въ головѣ, но, взявши за перо, чувствую, что въ немъ параличъ“. „Какъ-же,—восклицаетъ поэтъ,—вѣдь душѣ летать, когда она вязнетъ въ тинѣ? Поэзія есть счастье, то-есть тина души, надежда въ будущемъ, наслажденіе въ настоящемъ. Какъ имѣть стихотворныя мысли, когда все погребло?“ О душевномъ настроеніи Ж. въ іюнѣ и іюль даютъ представленіе его письма-дневники того времени. Имъ пользовался въ рукописи академикъ А. Н. Веселовскій; въ 1907 году они вышли въ изданіи Академіи Наукъ. Первая пометка дневника относится къ 21 іюню. Говори о душевномъ состояніи въ маѣ, поэтъ общается М. А. Протасовой, что его настроеніе въ это время было столь тягостно, что „самое живое и пріятное желаніе и надежда мои были въ то время на смерть“. Но къ тому времени, къ которому относится запись въ дневникѣ, т. е. къ 21 іюню, Ж. почувствовалъ, что нельзя желать смерти, когда существуетъ М. А. Протасова. Въ его настроеніи происходитъ переломъ. Поэтъ говоритъ, что если судьба и не соединитъ его съ М. А. Протасовой, то душою они будутъ всегда вмѣстѣ. Они поставятъ свою цѣлью слѣдовать идеямъ добра и нравственности, ихъ душевными чувствами постоянно будутъ вмѣстѣ, и одно уже это сдѣлаетъ ихъ счастливыми. Не унывать рѣшаетъ теперь Ж., а работать, стремиться—какъ можно ближе подойти къ нравственному идеалу. Поэтъ говоритъ, что хотя ему грустно, но его состояніе далеко отъ безпросвѣтнаго пессимизма. „Даю тебѣ слово, что убійственная безнадежность ко мнѣ уже не возвратится. Нѣтъ, другъ милый! Я знаю, гдѣ и въ чемъ искать счастья. Но крайней мѣрѣ, теперь я съ одной стороны спокоинѣ,—я ничего не жду отъ маменьки; я поставилъ себя выше несправедливости и пренебреженія и доволенъ мыслию, что она уже у меня ничего отнять не можетъ“. „Для меня теперь одно занятіе,—писать

Ж. дальше.—И это занятіе будетъ тройное: читать—собирать хорошія мысли и чувства; писать—для славы и для пользы; дѣлать все то добро, которое будетъ въ моей власти. Милой ангель, еще жить можно! Хорошо мыслить и чувствовать не есть ли быть всегда съ моей Машей, становиться для нея лучшимъ? О! Я это часто, часто испытывалъ: при всякой высокой мысли, при всякомъ высокомъ чувствѣ, воспоминаніе о тебѣ оживаетъ въ моемъ сердцѣ! Я становлюсь какъ будто съ тобою знакомѣе и дружнѣе. Гдѣ же разлука? Развѣ не отъ меня зависитъ всегда быть съ тобою вмѣстѣ? Слава имѣетъ теперь для меня необыкновенную и особенную прелесть—какой можетъ быть не имѣла прежде. Ты будешь обо мнѣ слышать! Честь моего имени, купленная цѣною чистоты, будетъ принадлежать тебѣ! Ты будешь радоваться ею, и общаю возысить свое имя. Эта надежда меня радуетъ. Приобрѣсти общее уваженіе для меня теперь дорого. О! какъ мнѣ сладко думать, что сердце твое будетъ трогаться тѣмъ уваженіемъ, которое будутъ мнѣ показывать... Быть добрымъ на дѣлѣ значить для меня любить Машу. Я мало, слишкомъ мало добра сдѣлалъ. Теперь много имѣю быть причиною сдѣлать добра. Всякое доброе дѣло будетъ новою съ тобою связью“. Такимъ образомъ, Ж. нарисовалъ картину самой идеальной возвышенной любви. 28 іюня мы видимъ Ж. уже въ дорогѣ: онъ поѣхалъ въ Орловскую губернію, къ Павлу Ивановичу Протасову, покойный братъ котораго былъ женатъ на Екатеринѣ Афанасьевнѣ Протасовой. Ж. опять говоритъ въ дневникѣ, что онъ будетъ грустить всегда. „Могу-ли,—замѣчаетъ поэтъ,—когда нибудь не чувствовать, что я лучшаго не имѣю въ жизни и имѣть не буду?“ Но въ то же время поэтъ замѣчаетъ: „Но вѣрь мнѣ! Убійственная безнадежность никогда ко мнѣ не возвратится“. За короткое время пребывания у П. П. Протасова Ж. сблизился съ нимъ, его женою, Марією Николаевною, съ пхъ сыномъ, Александромъ Павловичемъ. Семья Протасовыхъ общала поддержку Ж. Судя по его запискѣ въ дневникѣ 9 іюля, поэтъ хотя и не потерялъ надежды на благоприятное разрѣшеніе романа, тѣмъ не менѣе былъ проникнутъ полнѣйшимъ смиреніемъ предъ судьбою.

„Надежда моя, пишетъ онъ,—не пропала, но отъ нея отдѣлилось безпокойное нетерпѣніе, котораго мѣсто заступила беззаботная довѣренность къ Промыслу. Пускай онъ все устриваетъ самъ, и все будетъ устроено къ лучшему. Будущее все еще наше, не будемъ мѣшаться въ распоряженіе отеческой власти, а будемъ только думать о томъ, какъ бы заслужить отъ нея награду. Такая мысль, мой другъ, не даетъ ли душѣ утѣшительное спокойствіе: что передъ этой надеждою случай жизни?“ Ж. прибылъ въ Муратово 10 іюля. 14 іюля состоялась свадьба Воейкова. Ж. продалъ за 11.000 р. свое имѣніе и отдалъ деньги въ приданое за Александрой Андреевнѣ. Въ концѣ іюля Ж. уѣхалъ изъ Муратова въ Чернь, къ Плещеевымъ. Поэтъ все еще не могъ понять испорченности натуры Воейкова; уѣзжая вѣрнулъ въ его благородство и расположеніе, что видно по запискѣ въ дневникѣ. „Я просилъ Воейкова, какъ друга, какъ брата, быть твоимъ утѣшителемъ,—пишетъ Ж. въ дневникѣ Маріи Андреевнѣ,—Нѣтъ, онъ не обманетъ меня. Онъ это завѣщаніе вѣрно исполнитъ. Сохраняя твое спокойствіе, онъ будетъ моимъ благотворителемъ“. Такимъ образомъ, Ж. поручалъ любимое существо челоѣку, который не былъ расположенъ къ поэту. Къ этому времени относится слѣдующій фактъ. Находясь, вѣроятно, подъ вліяніемъ жестокаго отношенія Е. А. Протасовой, Ж. написалъ ей не дошедшее до насъ рѣзкое письмо и передалъ Воейкову. Какъ только письмо было послано, Ж. оно показалось слишкомъ рѣзкимъ, и онъ въ догонку послалъ примиряющее письмо.

Въ сентябрѣ Ж. жилъ уже въ Долбинѣ, Калужской губ., Лихвинскаго уѣзда, у своихъ подругъ дѣтства: Анны Петровны Кирѣевской и Авдотьи Петровны Елагинѣ, урожденныхъ Юшковыхъ. Выше мы видѣли, что Ж. строилъ отвлеченный идеалъ счастья: оно — въ сознаніи, что живешь нравственно, стремишься къ добру. Этими идеями вполне проникнулась и Марія Андреевна Протасова, что видно по ея письму, приводимому Ж. въ его дневникѣ за сентябрь 1814 г. „Цѣль моя есть,—пишетъ М. А. Протасова,—дѣлаться лучше и достойнѣе тебя. Это развѣ не то же, что жить вмѣстѣ? Счастье впереди! Вопреки всему, будь его достойнъ,

и оно будетъ твое. Одного только я бы желала: большую довѣренность на Бога и безпечность младенца: тотъ, кому *все* повѣришь—*все* и сдѣлаетъ“. Мы видѣли, что Ж. всецѣло отдался волѣ судьбы, то же самое мы видимъ теперь въ письмѣ Маріи Андреевны. Это письмо очень важно въ томъ отношеніи, что обнаруживаетъ, что Марія Андреевна Протасова вполне была проникнута настроеніями и воззрѣніями Ж., въ чемъ выразилось его вліяніе. Въ этомъ письмѣ Марія Андреевна проситъ поэта работать, его слава, извѣстность — ея величайшее счастье. Въ своемъ дневникѣ 15 сентября по поводу этого письма Ж. набрасываетъ планъ своей жизни, хочетъ много работать надъ самоусовершенствованіемъ, много писать. Вотъ его идеалъ: „Жить для Маши, для всего добраго, быть ея достойнымъ и этимъ заслужить счастье, которое вѣрно“. По дневнику видно, что Ж. не питалъ никакой надежды отправиться съ Протасовыми и Воейковымъ въ Дерптъ, куда они собирались ѣхать, такъ какъ Воейковъ получилъ тамъ профессуру. Слѣдующая записъ въ дневникѣ отъ 26 сентября показываетъ, что положеніе Ж. и Маріи Андреевны измѣнилось. „Поняла-ли Екатерина Афанасьевна чистоту чувства Ж., роль друга, которую онъ былъ готовъ принять на себя,—говоритъ А. Н. Веселовскій,—но она изъявила согласіе на его поѣздку въ Дерптъ, и онъ счастливъ, ему уже грезится утопія, возможная лишь въ атмосферѣ сентиментализма: утопія совмѣстной жизни съ Машей въ ея семьѣ, въ распредѣленіи общихъ трудовъ и симпатій“. Вотъ что пишетъ въ дневникѣ Ж.: „Милой ангелъ, кто бы могъ ожидать такой перемены! Ein einziges Augenblick kann alles umgestalten. Мама, дай руку на счастье. Мы будемъ вмѣстѣ! какъ мило это слово послѣ двухъ мѣсяцевъ горькой мысли, что мы разстались“. Это обстоятельство, весьма благотворно подѣйствовавшее на состояніе духа Ж., благоприятно отразилось и на его творествѣ. Въ Долбинѣ имъ было написано множество стихотвореній и переводовъ. Есть рядъ произведеній въ шутовскомъ тонѣ, что является, безъ сомнѣнія, показателемъ перемены настроенія поэта. А. Н. Веселовскій отмѣчаетъ интересный фактъ. „Любопытно

психологически, — говорить исследователю, — что в это время Ж. возвращается къ темамъ балладъ не только страшныхъ или печальныхъ („Старушка“, „Варвикъ“, „Ахиллъ“), но и къ темамъ разставанья: баллады „Эльвина и Эдвинъ“ (изъ Маллета), „Алина и Альсимъ“ (изъ Монкрифа), затѣянные или написанные 28—30 октября, „Олова арфа“, помѣченная 9 и 13 ноября..., — все говорятъ о двухъ любящихъ, разлученныхъ отцемъ или матерью“. Въ Долбиѣ было написано „Посланіе къ Императору Александру I“. Судя по письму Ж. къ Ал. И. Тургеневу во второй половинѣ мая посланіе было задумано уже въ маѣ. Благодаря условіямъ личной жизни Ж., онъ никакъ не могъ выполнить свое намѣреніе: не было спокойствія и вдохновенія. 20 октября Ж. пишетъ Ал. И. Тургеневу: „Хочу приниматься за посланіе къ Государю; планъ сдѣланъ, кажется, хорошо, а это для меня всего важнѣе. Онъ написанъ, слѣдовательно, не могу бояться, чтобы мысли, записанныя въ минуту горячую, пропали изъ головы въ минуту холодную“. 1 декабря „Посланіе“ было доставлено Ал. И. Тургеневу съ просьбой прочитать съ Ватюшковымъ, Д. Н. Блудовымъ, С. С. Уваровымъ и Д. В. Дашковымъ, и если что они найдутъ нужнымъ исправить, то сдѣлать это. „Признаюсь, — пишетъ Ж., — я боюсь, чтобы не вздумалось меня за это посланіе подарить чѣмъ-нибудь. Старайся, чтобы этого не было. Пошлины съ любви и выраженія любви къ нашему славному Царю собирать не должно. Я многое писалъ съ восхищеніемъ, и это счастливое чувство нечѣмъ награждать“. „Посланіе“ было поднесено Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ Ал. И. Тургеневымъ и прочтано имъ 30 декабря въ присутствіи великой княжны Анны Павловны и великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, а также другихъ лицъ. „Посланіе“ произвело очень сильное впечатлѣніе. Императрица приказала выпустить въ пользу Ж. роскошное изданіе этого произведенія и выразила желаніе лично познакомиться съ поэтомъ.

Поѣздка Ж. въ Дерптъ съ Протасовыми была рѣшена окончательно. Къ этому времени сохранился любопытный отрывокъ, въ которомъ поэтъ набрасываетъ

планъ своей жизни у Протасовыхъ и Воейковыхъ; здѣсь предусмотрѣна всякая мелочь, Ж. въ полномъ смыслѣ слова хочетъ жить по плану, забывая, что планъ и жизнь — далеко не совмѣстимы. Въ началѣ января Ж. уѣхалъ изъ Долбина въ Муратово. Въ январѣ 1815 г. или самомъ началѣ февраля былъ опять разговоръ между Ж. и Е. А. Протасовой, что видно изъ письма Ж. къ М. А. Протасовой. Онъ заботился о томъ, чтобы его предложеніе дружбы Е. А. Протасовой не осталось лишь на словахъ, а было бы въ дѣйствительности, чтобы „не по одной наружности исполнять данное слово, а въ сердцѣ быть ему вѣрными“. „Иначе не будетъ покоя, иначе никакого согласія въ чувствахъ между мною и маленькою быть не можетъ, — пишетъ поэтъ М. А. Протасовой. — Сказавъ ей рѣшительно, что я ей братъ, мнѣ должно быть имъ не на однихъ словахъ, но для того единственно, чтобы получить этимъ именемъ право быть вмѣстѣ. Если я ей говорилъ искренно о моей къ тебѣ привязанности, если объ этомъ и писалъ, то для того, чтобы не носить маски — я хотѣлъ только свободы и довѣренности. Это насъ рознило съ нею. Теперь, когда все, и самое чувство пожертвовано, когда оно перемѣнилось въ другое лучшее и вѣжнѣйшее, насъ съ нею ничто не будетъ рознить... Чего я желалъ? Быть счастливымъ съ *тобою*. Изъ этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ *тобою*. Право, для меня все равно *твое счастье* или *наше счастье*. Поставь себѣ за правило все ограничивать одной собою, повѣрь, что будешь тогда все дѣлать и для меня. Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси собственнаго и отъ этого она живѣе и лучше“. Вслѣдъ за письмомъ къ Маріи Андреевнѣ Ж. сдѣлана приписка, показывающая, что мечты о дружбѣ съ Е. А. Протасовой — были мечтами. Это обнаружилось объясненіемъ съ ней. Объ этомъ Ж. пишетъ: „Мы говорили — этотъ разговоръ можно назвать холоднымъ толкованіемъ въ прозѣ того, что написано съ жаромъ въ стихахъ. Смыслъ тотъ же, да чувства нѣтъ. Она мнѣ сказала, чтобы я до іюля остался въ Петербургѣ — потомъ увидитъ. Однимъ словомъ той сестры нѣтъ для меня, ко-

торой я желаю, и которая сделала бы мое счастье". Въ февралѣ Протасовы и Воейковы выехали въ Дерптъ, 15 февраля они уже были тамъ. Ж. настоялъ на своемъ и отправился въ Дерптъ не въ июль, какъ этого требовала Е. А. Протасова, а въ мартъ, и, не забывая въ Петербургъ, какъ предполагалось раньше, прибылъ въ Дерптъ въ половинѣ марта. Судя по письмамъ къ Ал. И. Тургеневу, Ж. не спокоенъ, сомнѣвается въ счастливой жизни въ Дерптѣ, такъ какъ между нимъ и Е. А. Протасовой „бездна недоверчивости". Относясь такъ къ Ж., который искренно былъ привязанъ къ семьѣ, Е. А. Протасова очень подружилась съ двуличнымъ и неотличающимся твердостью нравственныхъ принциповъ, Воейковымъ. Ж., несмотря на очевидную двойную игру Воейкова, все еще вѣритъ въ его расположеніе, искренность и честность (письмо къ Тургеневу 1 февраля 1815 г.). Въ 1814 г. Ж. написалъ слѣдующія крупныя произведенія: „Къ Воейкову", „Къ кн. Вяземскому", „Къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину", „Къ кн. Вяземскому. Отвѣтъ на его „Посланіе къ друзьямъ", „Балладу", въ которой описывается, какъ одна старушка вѣхла на черпомъ конѣ вдвоемъ (подражаніе Саути), „Варвикъ" (пѣз Саути), „Алина и Альсѣмъ" (пѣз Монкрифа), „Эльвина и Эдвинъ", „Ахиллъ", „Золота арфа", „Аббадона" (пѣз Клопштока), „Императору Александру", „Теонъ и Эсхинъ", „Къ Воейкову", „Любовную карусель". Подъемъ творческой дѣятельности поэта, какъ мы уже упомянули, относится къ послѣдней четверти года, когда Ж. жилъ въ Долбинѣ у Анны Петровны Кирѣевской и Авдотьи Петровны Блажной, урожденныхъ Юшковыхъ.

ПЯТЫЙ ПЕРИОДЪ ЖИЗНИ ЖУКОВСКАГО (1815—1841).

Прибывъ въ Дерптъ въ половинѣ марта 1815 г., Ж. въ маѣ ѣздилъ въ Петербургъ для представленія Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Въ Петербургѣ поэтъ пробылъ короткое время.

Уже вскорѣ послѣ прѣзда въ Дерптъ въ мартѣ 1815 г. Ж. сблизился съ Дерптскимъ университетомъ, профессорами, студентами и мѣстной интеллигенціей. Культурные кружки Дерпта приняли ра-

душно знаменитаго тогда уже поэта, университета выбралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Ж. уже былъ дорогимъ другомъ университета, въ августѣ, когда 14 числа онъ присутствовалъ на торжественномъ студенческомъ фуксъ-коммершѣ, Ж. былъ до глубины души тронутъ оказаннымъ ему въ этотъ день вниманіемъ со стороны профессоровъ и студентовъ, особенно тѣмъ, что знаменитый профессоръ Эверсъ пожелалъ „пить съ нимъ братство". Памятникомъ этого событія явилось стихотвореніе „Къ старцу Эверсу".

Въ это время друзья Ж. усиленно заботились о томъ, чтобы приблизить поэта ко двору. Въ концѣ іюля С. С. Уваровъ позвалъ Ж. въ Петербургъ для вторичнаго свиданія съ Императрицей. Поэтъ выехалъ изъ Дерпта 24 августа и 4 сентября представился Императрицѣ. Она очень ласково отнеслась къ Ж. Поэтъ такъ описываетъ свое пребываніе во дворцѣ: „Я отправился туда одинъ, 4 числа поутру, и пробылъ тамъ три дня, обѣдалъ и ужиналъ у царицы, и возвратился съ сердечною къ ней привязанностію, съ самымъ приятнымъ воспоминаніемъ ласки необыкновенной. Въ эти три дня не было ни одной минуты, для меня неловкой. Простота ея въ ея обхожденіи такъ велика, что я никогда не думалъ, гдѣ я и съ кѣмъ я. Однимъ словомъ, было весело, потому что сердце было довольно. Въ первый день было чтеніе моихъ балладъ въ ея кабинетѣ въ приватномъ обществѣ, составленномъ изъ великихъ книгинь, двухъ или трехъ дамъ, Нелединскаго, Вялламава и меня. Читалъ Нелединскій сперва „Золоту арфу", потомъ „Людмилу", потомъ опять „Золоту арфу", которая особенно понравилась; потомъ „Варвика", потомъ „Ивика". На слѣдующемъ чтеніи, которое происходило уже въ большемъ кругу, читалъ я самъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ", потомъ Пелединскій „Старушку" и „Свѣтлану" и, наконецъ, „Посланіе къ Царю". Эти минуты были для меня приятны, но не самыя приятныя: здѣсь вливалась безпокойное самолюбіе автора. Но то, что было для меня особенно приятно, есть чувство благодарности за самое трогательное вниманіе, за добродушную ласку, которая нѣкоторымъ образомъ уничтожила разстояніе между мною и Государыней. Эта благо-

дарность навсегда останется в душѣ моей“.

Во время краткаго пребыванія Ж. въ Павловскѣ, у Императрицы, подѣ влияніемъ вечерняго гулянія съ ней по парку, поэтъ написалъ элегію „Славянка“. Ж. снискалъ расположеніе Государыни и былъ назначенъ ею своимъ чтецомъ.

Къ 1815 г. новое сентиментальное и романтическое направленіе завоевало въ русской литературѣ почетное мѣсто, все молодое, свѣжее было приверженцами новыхъ теченій, но морикане ложно-классицизма не хотѣли сдаваться и вели упорную борьбу съ новыми теченіями. Ж. былъ наиболѣе яркимъ представителемъ новаго теченія въ литературѣ, почти всѣ главные представители этого теченія были дружны съ нимъ и группировались около него, и естественно, что противъ Ж. и направили свои стрѣлы адепты ложно-классицизма. Для борьбы съ новымъ теченіемъ они организовали особія „Бесѣды любителей русскаго слова“ и издавали журналъ „Чтеніе любителей русскаго слова“. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ „Бесѣды“, кн. А. А. Шаховской, вывелъ Ж. въ комедіи „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды“, представляющей подражаніе французской пьесы „La coquette“, подѣ именемъ балладника Фіалкина. Первое представленіе этой комедіи, на которомъ присутствовали Ж. и всѣ его друзья, состоялось въ Маломъ театрѣ 23 сентября 1815 г. На этомъ спектаклѣ и возникла у нихъ мысль организовать кружокъ для борьбы съ „Бесѣдой“. Друзья собирались у Д. Н. Блудова и собранія получили названіе „Собранія Арзамаской Академіи“. „Бесѣда“ была официально утвержденнымъ обществомъ; „Арзамасъ“ представлялъ частный дружескій кружокъ. Собранія носили шуточный характеръ. „Арзамасъ“ повелъ дѣятельную борьбу съ представителями „Бесѣды“; орудіями борьбы были шутка и эпиграмма. Наиболѣе дѣятельно вели эту борьбу кн. Вяземскій, В. Л. Пушкинъ, Н. П. Тургеневъ, К. Н. Батюшковъ, Д. Н. Блудовъ, Воейковъ, А. С. Пушкинъ. Дѣятельнымъ членомъ „Арзамаса“ былъ и Ж.

Хотя Ж. пользовался петинной дружбой во дворцѣ, принималъ оживленное участіе въ литературныхъ спорахъ, былъ окруженъ преданными друзьями, онъ ис-

пытывалъ тоску, часто впадалъ въ пессимизмъ. 8 ноября обрушился на поэта страшный ударъ: онъ получилъ изъ Дерпта письмо отъ М. А. Протасовой, въ которомъ она сообщала, что хочетъ выйти замужъ за профессора хирургіи Мойера, и спрашивала совѣта. Между Ж. и М. А. Протасовой начинается оживленная переписка, дающая богатый матеріалъ для обрисовки личности поэта. Въ первомъ письмѣ отъ 8 ноября 1815 г. М. А. Протасова проситъ совѣта у поэта, какъ у отца. Она убѣждена, что Мойеръ дастъ ей счастье. „Я имѣла случай, — пишетъ М. А. Протасова, — видѣть его благородство и возвышенность его чувствъ и надѣюсь, что найду съ нимъ совершенное успокоеніе. Я не закрываю глаза на то, чѣмъ я жертвую, поступая такимъ образомъ: но я вижу и все то, что выигрываю. Прежде всего я увѣрена, что доставлю счастье моей доброй маленькѣ, доставивъ ей двухъ друзей. Милый другъ, то, что тебя съ нею разлучаетъ, не будетъ болѣе существовать. Въ тебѣ она найдетъ утѣшителя, друга, брата. Милый Базиль! Ты будешь жить съ ней, а я получу право имѣть и показывать тебѣ самую святую, нѣжную дружбу и мы будемъ такими друзьями, какими теперь все быть мѣшаетъ. Не думай, ради Бога, чтобы меня кто-нибудь принуждалъ на это рѣшиться... Я потеряю свободу только по имени; но я приобрету право пользоваться искреннею дружбою твоею и оказывать тебѣ ее. Мой добрый другъ, я въ самомъ дѣлѣ вѣрю, что найду счастье и успокоеніе съ Мойеромъ; я очень уважаю его; у него возвышенная душа и благородный характеръ“. Письмо, какъ мы уже упомянули, произвело на поэта потрясающее впечатлѣніе; когда онъ убѣждалъ изъ Дерпта, то не замѣтилъ никакой привязанности М. А. Протасовой къ Мойеру. И Ж. кажется, что здѣсь не обошлось безъ воздействия Екатерины Аванасьевны Протасовой, которая вынудила отъ М. А. согласіе на бракъ съ Мойеромъ, чтобы не допустить брака съ Ж. „Послушай, мой милый другъ, — пишетъ Ж. М. А. Протасовой 27 ноября, — если бы твое письмо написано было хотя полгода позже, я бы подумалъ, что время что-нибудь сдѣлало надѣ твоимъ сердцемъ и что привязанность къ Мойеру, произведенная свичкой,

помогла времени; я бы повѣрилъ тебѣ и подумалъ бы, что ты дѣйствуешь по собственному, свободному побужденію; я бы повѣрилъ твоему счастью. Но давно ли мы разстались?.. Ты знаешь то, что я чувствовалъ къ тебѣ, а я знаю, что ты ко мнѣ чувствовала—могла ли, скажи мнѣ, пропойти въ тебѣ та перемѣна, которая необходимо нужна для того, чтобы ты имѣла право передъ собою рѣшиться на такой важный шагъ?.. Нѣтъ, милой другъ, не ты сама на это рѣшилась! Тебя рѣшили съ одной стороны требованія и упрёки, съ другой грубости и жестокое притѣсненіе!.. Ты бросаешься въ руки Мойеру потому, что тебѣ другого нечего дѣлать!.. Я знаю настоящее расположеніе твоего сердца, и маменька знаетъ его (знаетъ передъ своею совѣстью и передъ Богомъ—что бы ни думали люди)—какъ же могу повѣрить, чтобы съ такимъ расположеніемъ, писанное тобою было языкъ твой, свободной, непринужденной? Нѣтъ! Это языкъ маменьки!.. Боже мой! религія запретила ей согласиться на наше счастье; а та же религія не можетъ ей запретить принудить тебя къ нарушенію всего святого: таинства и клятвы?.. П. Ж. горячо проситъ Марію Андреевну подождать, а не рѣшаться на такой серьезный шагъ такъ необдуманно. Это письмо показываетъ какъ хрустально чистъ былъ Ж.: онъ отказывается отъ своего счастья, забываетъ себя и въ принципѣ считаетъ, что бракъ невозможенъ, находя Мойера честнымъ, благороднымъ человѣкомъ, но поэтъ, все-таки, горячо проситъ Марію Андреевну подождать давать отвѣтъ Мойеру, узнать, подходитъ ли онъ къ ней, будутъ ли они счастливы. 25 декабря Ж. пишетъ М. А. Протасовой длиннѣйшее письмо, въ которомъ опять проситъ ее подождать рѣшаться на такой серьезный шагъ. „Я въ совершенномъ недоумѣніи! Куда ни обратись, все нѣтъ никакого спасенія. Я не могу рѣшиться сказать тебѣ: *видь замужь!* Этому противорѣчитъ мое собственное убѣжденіе, ибо никакъ не могу думать, чтобы это замужество было для тебя *теперь* счастьемъ, ибо вижу, что тебя рѣшаетъ на это какая то непонятная для меня необходимость. Я рѣшить тебя на это не могу! Не могу такъ смѣло расположить твою судьбою на всю жизнь! Пока не увѣрюсь, что въ этомъ твое сча-

стьемъ, по тѣхъ поръ не могу дать своего согласія, и ты не можешь въ этомъ случаѣ его отъ меня требовать. Но я также не имѣю духу сказать тебѣ: *останься въ своей семьѣ*; вижу, что ты въ ней несчастна, хотя увѣренъ, что ты легко могла бы быть въ ней и счастлива и спокойна!.. Могу сдѣлать одно: сказать тебѣ, *что ты совершенно свободна сдѣлать для самой себя, что найдешь теперь лучшимъ*. Чтобы выйти изъ этого несноснаго недоумѣнія, одно средство: съ тобою увидѣться, узнать настоящій образъ твоихъ мыслей отъ тебя самой“. Ж. рѣшается поѣхать въ Дерптъ. Въ январѣ 1816 г. онъ былъ тамъ. Поэтъ объяснился съ М. А. Протасовой и послѣ этого рѣшилъ забыть окончательно себя и согласился на бракъ ея съ Мойеромъ. Въ письмѣ въ Долбино 19 февраля 1816 г. Ж. подробно говоритъ о своей поѣздкѣ въ Дерптъ. Это письмо имѣетъ важное біографическое значеніе, а потому приведемъ изъ него наиболѣе существенное. „Я слишкомъ жестоко обвинялъ Екатерину Анастасьевну,—пишетъ Ж.:—по крайней мѣрѣ, теперь не она, а ихъ ужасное положеніе всему причиною. Слава Богу, что теперь изъ этого хаоса выходитъ свѣтъ! По настоящему, мнѣ бы надобно было тотчасъ ѣхать, получить первое письмо Маши, но я самъ былъ обмануть и не могъ не обмануться. Я думалъ, что мое посѣщеніе будетъ не только бесполезно, но и вредно; что мнѣ не дадутъ говорить съ Машей свободно, что я буду принужденъ только безусловно согласиться или уѣхать, не согласясь ни на что и только прибавивъ своимъ присутствіемъ къ общему ихъ страданію. Вышло напротивъ. Не знаю, совершенно-ли увѣрена во мнѣ тетюшка; по крайней мѣрѣ, изъ моего обхожденія съ Машей я имѣю право такъ думать: я имѣлъ съ нею полную свободу, и каждый день проводилъ мы по часу вмѣстѣ, одни, съ глазу на глазъ. Что если бы не было этого гибельнаго подозрѣнія, которое такъ рознило меня съ нею? Давно бы все было въ порядкѣ! Ни отъ кого не можетъ она слышать того, что отъ меня, и никто не можетъ такъ меня успокоить, какъ она. Все такъ случилось, какъ я располагалъ предъ своимъ отъѣздомъ. Изъ разговоровъ съ Машей я увидѣлъ, что она не обманываетъ меня, что она дѣйствуетъ теперь

не по принужденію, а изъ увѣренности, что все будетъ лучше, что она надеется этого лучшаго. И не одинъ ея слова, но и собственныя замѣчанія убѣдили меня въ этомъ. Съ Мойеромъ говорилъ я откровенно, и онъ не только понялъ, но угадалъ и предупредилъ мои мысли. Мы теперь съ нимъ вѣрные товарищи; цѣль наша прекрасная — общее счастье, и это счастье называется Машей. Мама будетъ дѣйствовать свободно, все отдано на ея волю; она знаетъ, что я не теряю ничего, если она только найдетъ свое счастье, и она дала слово его найти, ничему собою не жертвовать. Это сдѣлать она обязана, и въ этомъ случаѣ меня не обманетъ. Приѣхавъ къ нимъ, я нашелъ ихъ совершенно несчастными. Воейковъ былъ точно какъ бѣшенный! По сію пору не могу его излѣчить. Мама думаетъ, что причиною его поступковъ была ненависть къ ней; я этого не могу понять. Думаю, что всѣ прежнія обстоятельства раздражали его; объ этомъ говорить больно, да и не нужно. Прежде своего отъѣзда въ Москву, во время болѣзни Машинной, чтобы ее мучить, онъ давалъ надежду Мойеру; но какъ скоро она на это рѣшилась, онъ началъ всему противорѣчить. Узнавъ, что она ко мнѣ написала, онъ поскакалъ въ Петербургъ и обманулъ меня и Кавелина рассказами объ ужасныхъ притѣсненіяхъ, которыя ей дѣлали, и я не могъ не повѣрить этимъ рассказамъ: все старое подтверждало ихъ. Возвратясь въ Дерптъ, онъ началъ мучить ихъ своими бѣшенными противорѣчіями, давая чувствовать, что такъ дѣйствуетъ для меня, цугалъ ихъ безпрестанно самоубійствомъ, то дузлю съ Мойеромъ, то пьянствомъ: каждый день были ужасныя исторіи. Мой приѣздъ положилъ всему конецъ; онъ увидѣли, что мои намѣренія были совершенно противныя тому, что онъ говорилъ обо мнѣ, да и письма мои, какъ ни огорчительны были для Екатерины Аванасьевны, въ томъ же могли увѣрить. Я былъ только маскою для Воейкова: онъ боялся не моего несчастья, а только того, чтобы въ семьѣ своей не потерять той неограниченной власти, какую имѣлъ, благодаря слабости Екатерины Аванасьевны. Во мнѣ онъ увидѣлъ человека, который имѣлъ уже власть и возможность защитить. Это его усмирило“. Согласіе на бракъ М. А.

Протасовой далось Ж. съ большой внутренней борьбой, но онъ твердо рѣшаетъ заглушить въ себѣ личныя чувства и думать лишь о счастіи Маріи Андреевны.

Въ Дерптѣ Ж. пробылъ недолго и возвратился въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ онъ опять поѣхалъ въ Дерптъ. Въ іюнѣ поэтъ посѣтилъ Ливонскую Швейцарію и морскія купанія въ Ревель, послѣ чего возвратился въ Дерптъ. Въ концѣ 1815 г. Ж. предпринялъ изданіе своихъ сочиненій въ двухъ томахъ: лѣтомъ 1816 г. оно закончилось. Въ это время поэта звали въ Петербургъ его друзья А. П. Тургеневъ и Кавелинъ, которые задумали поднести Государю сочиненія поэта и отдѣльно изданнаго „Пѣвца въ Кремлѣ“. Друзья просили поэта прибавить къ „Пѣвцу“ привѣтствіе Государю. Но Ж. не нравилась мысль друзей. Очень характерно для обрисовки личности поэта письмо его по этому поводу къ А. П. Тургеневу. „Неужели должно просить вниманія? Довольно того, чтобы его стоить. Вниманіе Государя есть святое дѣло! Имѣть на него право могу и я, если буду русскимъ поэтомъ, въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ... Не надобно думать, что она только забава воображенія! Этимъ она можетъ быть только для Петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть влияние на душу всего народа и она будетъ имѣть это благотворное влияние, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію. И дай Богъ, въ теченіе жизни сдѣлать хоть шагъ къ этой прекрасной цѣли. Имѣть ее позволено, а стремиться къ ней значить заслуживать одобреніе Государя. Это стремленіе всегда будетъ въ душѣ моей. Работать съ такою цѣлью есть счастье, а друзья будутъ знать, что я имѣю эту цѣль—вотъ награда“.

Въ 1816 г. Ж. были написаны: переводы изъ Уланда — „Сонъ“, „Пѣсня бѣдняка“, „Счастье во снѣ“, „Мшненіе“, „Гаральдъ“, „Три пѣсни“, изъ Гебеля — „Овсяный кисель“, „Красный карбункулъ“, „Деревенскій сторожъ въ полночь“, „Тѣньность“ и оригинальныя стихотворенія: — „Пѣсня“ („Минувшихъ дней очарованье“), „Весеннее чувство“, „Тамъ небеса и воды ясны“, „Стихи на случай перваго отреченія Бонапарта“, „Воспоминаніе“ („Про-

шли, прошли вы, дни очарованья“), „Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ“, „Пѣсня“ („Кольцо души дѣвicy я въ море уронишь“) и „Явленіе боговъ“. Въ поэзiи Ж. этого рода отразилось, по обыкновенію, личное настроеніе поэта. Яркое представленіе о его душевномъ настроеніи даетъ стихотвореніе „Воспомнаніе“.

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не важить!
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминавъ!
Ахъ! лучше бы васъ совсѣмъ мнѣ позабыть!

Къ вамъ часто мнѣ привычное желанье—
И слезъ любви вѣтъ сплъ остановить!
Несчастье—о васъ воспоминавъ!
Но болѣе несчастье—васъ забыть.

О! будь, же грусть, замѣной улованья!
Отрада вамъ—о счастьѣ слезы лить!
Мнѣ умереть съ тоски воспоминавъ!
Но можно ль жить,—увъ!—и позабыть!

Къ концу 1816 г. Ж. возвратился въ Петербургъ. Министръ народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицынъ, поднесъ только что изданный экземпляръ стихотвореній Ж. Государю, который пожаловалъ поэту пожизненный палсіонъ въ 4.000 руб. ассигнаціямъ. Въ началѣ 1817 г. Ж. опять поѣхалъ въ Дерптъ; 14 января состоялась свадьба М. А. Протасовой съ Мойеромъ. О душевномъ состоянiи Ж. въ апрѣлѣ 1817 г. даетъ представленіе его письмо къ А. И. Тургеневу отъ 25 апрѣля. „Мое теперешнее положеніе,—пишетъ поэтъ,— есть усталость человѣка, который долго боролся съ сильнымъ противникомъ, но, боровшись, имѣлъ нѣкоторую дѣятельность; борьба кончилась, но вмѣстѣ съ ней и дѣятельность... Но не бойся! Я не упаду. По крайней мѣрѣ, я надѣюсь воскреснуть... Я не могу читать стиховъ своихъ: они кажутся мнѣ гробовыми памятниками самого меня: они говорятъ мнѣ о той жизни, которой для меня нѣтъ! Я смотрю на нихъ, какъ потерявшій вѣру смотритъ на церковь, въ которой когда-то онъ съ теплою, утѣшительною вѣрою молился. Это пройдетъ. Я смотрю на счастье, которое не мнѣ принадлежитъ, *спокойно*: въ тѣ минуты, въ которыя болѣе способенъ я живо чувствовать, оно только радуетъ меня и никакое другое чувство не смѣшано съ этою радостью. Но вообще нахожу въ себѣ равнодушіе, для меня тяжелое, и это равнодушіе—*во мнѣ самомъ*: виѣшнихъ причинъ искать не надобно. Оно похоже на

сонъ, который производитъ иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчитъ и я сплю! Изъ этого-то сна должно непременно выйти, и кажется, что теперь представляется мнѣ для этого средство“. Здѣсь Ж. указываетъ на предложеніе Г. А. Глинки, который проѣзжалъ 22 апрѣля черезъ Дерптъ. Г. А. Глинкѣ было предложено давать уроки русскаго языка дочери короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III Шарлоттѣ, которая была выбрана великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, впоследствии императоромъ Николаемъ I, въ невѣсты и прибыла въ Россію въ 1817 г. По личнымъ обстоятельствамъ Г. А. Глинка не могъ взять урока и предложилъ его Ж. Ж. серьезно отнесся къ предложенію, много думаетъ о томъ, будетъ ли онъ въ состоянiи быть хорошимъ педагогомъ. И поэтъ совѣтуется съ А. И. Тургеневымъ, проситъ его откровенно сообщить, считаетъ ли онъ его способнымъ занимать эту должность. Въ концѣ концовъ Ж. рѣшился выступить въ этой роли. 1 іюля состоялась свадьба принцессы Шарлотты, нареченной Александрой Феодоровной. 4 октября Ж. отправился изъ Петербурга въ Москву, гдѣ жилъ новобрачные. 21 октября поэтъ представился Императрицѣ, Маріи Феодоровнѣ и великому князю Николаю Павловичу а на другой день приступилъ къ занятіямъ. Сохранился подробный дневникъ Ж. за октябрь и ноябрь мѣсяцы, дающій полное и ясное представленіе о жизни Ж. въ это время. Поэтъ знакомится съ высокими административными и придворными чинами, входитъ въ ихъ кругъ. Уже съ первыхъ же уроковъ онъ сближается съ своей ученицей, начинаетъ писать къ ней симпатію, занятія идутъ хорошо, поэтъ доволенъ своею жизнью. Какъ и въ отношеніи М. А. и А. А. Протасовыхъ, Ж. хочетъ вліять на нравственный обликъ своей новой ученицы, вел. княгини Александры Феодоровны. Въ этомъ сказалась природная наклонность поэта *поучать*. „Моей лекціи не было: великая княгиня нездорова,—записываетъ поэтъ въ дневникѣ 27 октября.—Я люблю свою должность и мнѣ совсѣмъ не кажется отдыхомъ тотъ день, въ которой не могу ею заняться. Тѣмъ лучше. Не послѣднее счастье быть *привязаннымъ* къ тому, что *должно*. Я надѣюсь со временемъ сдѣлать свои уроки весьма интересными. Они бу-

дуть не только со стороны языка ей полезны, но дадут пищу размышлению и подѣйствуютъ благотѣльнымъ образомъ на сердце. Однимъ словомъ, до сихъ поръ чувствую себя совершенно счастливымъ въ своей должности и счастливымъ особенно потому, что чувствую себя со всѣхъ сторонъ независимымъ: *извне и внутри души*. Честолюбіе молчитъ, въ душѣ одно желаніе добраго. Безъ всякаго безпокойства желанія смотрю на будущее и весь отданъ настоящему. Милая привлекательная должность! Поэзія! Свобода! Заслуженное уваженіе по чистотѣ намѣреній и дѣлъ, желаніе добра всѣмъ и сердечная увѣренность, что не буду ни съ кѣмъ соперникомъ и не огорчусь потерей выгодъ, ибо не ищу ихъ—вотъ теперь мое положеніе. Да сохранить Богъ его неизмѣненнымъ“. 6 ноября Ж. записываетъ: „Въ моей ученицѣ часъ отъ часу отрываю болѣе милыхъ, непорочныхъ прелестей сердца. Душа откровенна до младенчества: умъ прекрасный, но еще не напуганный опытомъ. Я говорилъ съ ней о высокой ея цѣли и о прекрасномъ образцѣ, который она имѣетъ въ своей матери. Я имѣлъ удовольствіе слышать отъ нея и кажется, это было искренно, что мои уроки ей нравятся. „*Aucun de mes maîtres n'a été si clair que vous!*“... Мое положеніе прекрасное. Душа жива. Могу дѣйствовать безъ принужденія; могу дѣйствовать для добра; чувствую, что буду дѣйствовать безкорыстно... Да сохранить мнѣ Богъ всегда чистоту сердца и да пошлетъ успѣхъ добрымъ желаніямъ и способность ихъ исполнить“. Въ это время весь дворъ во главѣ съ императоромъ жилъ въ Москвѣ. Ж. пользовался всеобщей любовью и скоро сдѣлался въ царской семьѣ своимъ человѣкомъ. Въ 1817 г. Ж. писалъ очень мало—имъ окончена начатая еще въ концѣ 1814 г. вторая часть „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“—„Вадимъ“, переведены изъ Гёте „Утѣшеніе въ слезахъ“ и „Къ мѣсяцу“ и написаны—„Въ альбомѣ княжны Щербатовой“ и „Къ портрету великой княгини Александры Ѳеодоровны“. 17 апрѣля 1818 г. у великой княгини Александры Ѳеодоровны родился сынъ, будущій императоръ Александръ II. Ж. пріѣхствовалъ его появленіе на свѣтъ знаменитымъ посланіемъ. Весной этого года Ж. посѣтилъ Бѣлевъ. Спокойная жизнь при дворѣ бла-

готворно повліяла на поэта. Онъ писалъ много, подаривъ русской поэзіи рядъ прекрасныхъ переводовъ, сдѣланныхъ для великой княгини Александры Ѳеодоровны. Для нея же Ж. составилъ русскую грамматику, напечатанную на французскомъ языкѣ только въ десяти экземплярахъ. Кромѣ упомянутого нами Посланія къ „Государынь. вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ. На рожденіе вел. кн. Александра Николаевича“, Ж. въ 1818 г. написаны: „Истокъ“, „Мечта“, „Невыразимое“, „Рыбакъ“, „Жалоба пастьуха“, „Новая любовь—новая жизнь“, „Въ альбомѣ Е. Н. Карамзиной“, „Надгробіе Н. П. и А. Н. Тургеневымъ“ и переведено изъ Шпллера—„Графъ Габсбургскій“, „Рыцарь Тогенбургъ“, „Горная дорога“, изъ Гебеля—„Утренняя звѣзда“, „Лѣтній вечеръ“: изъ Гёте—„Лѣсной царь“, „Мина“, изъ Кернера—„Вѣрность до гроба“: изъ Уланда—„Утѣшеніе“ и наконецъ кантата Рамлера—„Смерть Иисуса“.

Къ 1819 г. относится любовное увлеченіе Ж. графиней Софіей Александровной Самойловой, фрейлиной Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Князь Вяземскій даетъ такую характеристику гр. Самойловой. „Она была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности... Ей равно покорялись мужчины и женщины. Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувства, мысль и доброжелательная пріятельность. Ясный, совершенно женскій умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской“. Умная привлекательная женщина произвела впечатлѣніе на поэта, онъ увлекся ею. Но увлеченіе не было сильнымъ, оно было *увлеченіемъ*, но не *любовью* въ полномъ смыслѣ этого слова. Гр. С. А. Самойловой увлекался также другъ Ж., Василій Алексѣевичъ Перовскій, бывший въ то время адъютантомъ Николая Павловича. Онъ признался въ своей любви къ гр. С. А. Самойловой Ж., и тотъ великодушно уступилъ право на счастье Перовскому. „Ж. самоотверженно склонился къ платоническому участию въ чужомъ счастьи, какъ то было въ судьбѣ Маши и Мойера“, — замѣчаетъ А. Н. Веселовскій. Ж. пишетъ В. А. Перовскому посланіе, начатое 10 іюля

и оконченное 2 августа. Поэтъ говорить о себѣ:

Къ любви душа была близка:
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣла!
Опять о счастья мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старини...

Но поэтъ уступаетъ гр. С. А. Самойловой Перовскому, видя, что чувства друга сильнѣе:

Товарищъ! мой ты не забыть!
Любовь друзей не раздражитъ
Симъ несозрѣвшимъ упованьемъ,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу ль передъ тобой?
Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?

Люби! любовь и жизнь—одно!
Отдайся ей, забудь сомнѣнье,
И жребій жизни соверши...

Сентиментальная натура Ж. сказалась въ увлеченіи гр. С. А. Самойловой очень ярко. *Любовь* онъ обращаетъ въ *дружбу*: онъ думаетъ радоваться счастьемъ гр. С. А. Самойловой, отрѣшившись отъ своей личности. 17 сентября, въ день ангела гр. С. А. Самойловой, Ж. посвящаетъ ей стихотвореніе, въ которомъ рисуетъ идеалъ дружбы съ графиней.

Я вамъ благъ земныхъ желаю,
Какъ вѣрный, вшедшій въ храмъ святой,
На жертвенникѣ Провидѣнія
Привоситъ теплыя моленья
Не для небесъ, а для себя;
Моляся душу возвышаетъ,
И все въ молитвѣ заключаетъ.
И мысль награды истребля!
И кто же запретитъ мнѣ сладость
Жить съ вашимъ благомъ, какъ съ мечтой,
Души сопутницей родной,
Желать, чтобы все, что ваша младость
Такъ общаетъ вамъ, сбылось,
Чтобъ счастье жизни вамъ далось
Достойнымъ васъ и неизмѣннымъ?..

О, ваше сердце вѣрно встрѣтитъ
Прямую прелесть жизни сей,
И рядъ веселыхъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ!
Пусть друга-ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами!
И я, хотя издалека
За вами слѣдую глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать
И благодарно ихъ считать!

И въ отношеніи къ гр. С. А. Самойловой, какъ и въ отношеніи къ М. А. Про-

тасовой, Ж. не можетъ удержаться отъ навиданія, что ярко выступаетъ въ записяхъ поэта въ альбомѣ гр. С. А. Самойловой.

Увлеченіе гр. С. А. Самойловой отразилось довольно сильно на поэзіи Ж. въ 1819 г. Этимъ отраженіемъ являются слѣдующія стихотворенія: „Графиня признаюсь“, „Больной, поклнутый поэтъ“, „Ужь думалъ я, что я забыть“, „Напрасно я мечтою льстился“, „Вчера я васъ не убѣдилъ“, „Графиня! Будьте вы спокойны“.

Увлекаясь въ 1819 г. гр. Самойловой, Ж. продолжаетъ питать самыя нѣжныя чувства къ М. А. Протасовой.

Кромѣ упомянутыхъ уже нами произведеній, въ 1819 г. Ж. написалъ слѣдующія крупныя стихотворенія: „На кончину Ея Величества королевы Виртембергской“, „Государинѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ“, „Цвѣтъ завета“, „Къ графинѣ Шуваловой“, „Къ мимопролетѣвшему знакомому гению“, „Жизнь“, „Къ Столыпину“, „Праматерь внукѣ“ Въ этомъ году поэтъ переведено: изъ Шиллера „Къ Эмми“; изъ Гёте—„Путешественникъ и поселянка“; изъ Овидія—„Цешскъ и Гальціона“.

Лѣтомъ 1820 г. великая княгиня Александра Теодоровна серьезно заболѣла, занятія Ж. должны были прекратиться, но царская семья такъ полюбила поэта, что ему было предложено быть спутникомъ великой княгини, которую доктора отправляли для поправленія здоровья за границу. Въ сентябрѣ Ж. поѣхалъ въ Дерптъ, 3 октября онъ уже выѣхалъ оттуда и отправился черезъ Ригу за границу. Ж. былъ въ восторгѣ, что ему удастся посѣтить Западную Европу, что было его заветной мечтой еще въ юности, по выходѣ изъ пансіона. „Порадуйтесь за меня, и благословите меня дружескою рукою,—пишетъ поэтъ изъ Дерпта 2 октября Авдотѣ Петровнѣ Елагинной.—Наконецъ, нѣкоторыя желанія сбываются: увижу прекрасныя страны, въ которыя иногда бѣгало воображеніе; но, признаюсь, не думаю увидѣть ихъ въ томъ очарованіи, какое дала бы имъ первая молодость, товарищъ еще необразумившейся надежды. Жизнь измѣнилась, и все, что теперь ни увидишь, представится ограниченнымъ въ тѣсномъ кругѣ. Но все путешествіе оживитъ и расширитъ душу. Надѣюсь, что

оно пробудить и давно заснувшую поэзию" 14 октября Ж. былъ въ Берлинѣ. Здѣсь жизнь его проходитъ въ придворныхъ торжествахъ, онъ съ большимъ интересомъ знакомится съ достопримѣчательностями города. Жизнь Ж. въ Берлинѣ можно прослѣдить по его дневнику до мелочей: поэтъ отмѣчаетъ каждый свой шагъ. Особенно увлекся Ж. театромъ. Наибольше сильное впечатлѣніе произвело на него представленіе „Орлеанской дѣвы“ Шиллера. „Дѣйствіе этой трагедіи,— пишетъ Ж. въ своемъ дневникѣ 26 ноября,— имѣетъ что-то магическое, отличное отъ всякаго другого дѣйствія“. Находясь подъ обаяніемъ „Орлеанской дѣвы“, Ж. сейчасъ же принялся за ея переводъ. О душевномъ настроеніи поэта въ это время даетъ ясное понятіе запись въ дневникѣ 8 (20) января 1821 г. „Я совершенно предалъ себя лѣни, лѣни во всѣхъ отношеніяхъ, и она всѣ силы душевныя убиваетъ. И чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Недѣятельность производитъ неспособность быть дѣятельнымъ, а чувство этой неспособности, съ которымъ нельзя ужиться, производятъ въ одно время и уныніе душевное и истребаютъ бодрость. Можно ли жить съ такимъ уныніемъ? Надобно или истребить его (а истребить его иначе нельзя, какъ уничтоживъ его причину, слѣдовательно лѣнь), или не жить. То, что болѣе всего меня лишаетъ бодрости, есть мысль о моемъ теперешнемъ несовершенствѣ; вмѣсто того, чтобы сколько возможно замѣнить утраченное, я только горюю объ уtratѣ и стою на развалинахъ, поджавъ руки, вмѣсто того, чтобы ободриться, и построить столько, сколько можно. Надобно отказаться отъ потерянности и сказать себѣ, что *настоящее и будущее—мое*. Я могъ бы быть болѣе того, что я есть, но я далекъ отъ того, чѣмъ бы могъ и долженъ бы быть: я никогда не дойду къ тому, къ чему могъ бы дойти, если бы пустился ранѣе въ дорогу и не потерялъ времени. Но развѣ отъ этого должно остановиться и отказаться отъ *мой* дороги, которую еще теперь можешь сдѣлать? Откажись отъ того, чѣмъ бы ты могъ быть, если бы не истратилъ безумно полжизни на ничто; рѣшился искать того, что еще можетъ быть *твоимъ*, если начнешь теперь къ нему стремиться и не будешь отчаяваться отъ неудачъ. До-

стойство чловѣка въ искреннемъ желаніи добра и въ постоянномъ къ нему стремленіи: *достиженіе* не отъ него зависитъ. Я могу еще имѣть религію, могу имѣть чистую нравственность, могу исполнять свято ближайшій долгъ. Вотъ главное. Ты имѣешь мало, но именно потому и не отказывайся отъ пріобрѣтенія. Положить себѣ за правило: въ обществѣ не искать никакого успѣха; думать только о томъ, чтобы пріобрѣтать хорошее отъ другихъ, а не о томъ, какъ бы казаться имъ хорошимъ; лучше казаться ничтожнымъ и пріобрѣтать, нежели казаться чѣмъ-нибудь и быть ничтожнымъ“. Въ 1820 г. въ октябрѣ родилась дочь у М. А. Мейеръ, что было встрѣчено Ж. съ радостью.

Въ началѣ апрѣля 1821 г. Ж. покинулъ Берлинъ и отправился путешествовать по Европѣ. 4 апрѣля поэтъ уѣхалъ вмѣстѣ съ великой княгиней Александрой Теодоровной въ Потсдамъ. Изъ Потсдама она отправилась лѣчиться въ Эмсъ, а Ж. поѣхалъ въ Дрезденъ, куда прибылъ 2 іюня новаго стіля. Изъ Дрездена поэтъ отбылъ въ Карлсбадъ. Ж. подробно описываетъ свое путешествіе въ письмахъ изъ Дрездена, Праги и Карлсбада къ вел. кн. Александрѣ Теодоровнѣ. Затѣмъ поэтъ посѣтилъ Мерзебургъ, Констанцъ, Цюрихъ, С.-Готардъ, Миланъ, Женеву, Лозанну, Бернъ, Люцернъ, Штутгардъ, Франфуртъ на Майнѣ. Въ началѣ ноября новаго стіля черезъ Дрезденъ Ж. возвратился въ Берлинъ. Дневникъ возобновляется предъ нами во всѣхъ подробностяхъ путешествія Ж.: онъ отмѣчаетъ подробно, что видѣлъ, съ кѣмъ встрѣчался. О впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ поэтомъ изъ путешествія по Швейцаріи, даетъ живое представленіе его письмо къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ изъ Штутгарда 2 (14) октября 1821 г. Судя по письмамъ и дневникамъ, Ж. былъ очень доволенъ своимъ путешествіемъ и радужнымъ пріемомъ, который былъ оказанъ ему берлинскимъ дворомъ. Очень хорошія отношенія были у Ж. съ братомъ великой княгини Александры Теодоровны герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ-Августомъ. Въ Берлинѣ поэтъ окончилъ переводъ „Орлеанской Дѣвы“. Въ Петербургѣ Ж. возвратился 6 февраля 1822 г., пробывъ по дорогѣ нѣсколько дней въ Дерптѣ:

великая же княгиня Александра Теодоровна уже давно вернулась въ Петербургъ. Въ 1820 г. Ж. написаны слѣдующія наиболѣе крупныя произведенія: „Къ гр. Шуваловой“ („Ужь одиннадцатый часъ“), „Подробный отчетъ о дунѣ. Посланіе къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ“, „Письмо къ А. Г. Хомутовой“, „Къ К. Ѳ. Голицыну“ („Я слова, князь, не позабылъ“), два стихотворенія „Къ кн. А. Ю. Оболенской“, „Письмо къ А. Л. Нарышкину“, „Пѣсня“ („Отымаютъ наши радости“), „Въ комитетъ, учрежденный по случаю похоронъ Павловской вѣпки, или бѣлки, отъ депутата Жуковского“, „Прощальная пѣсня воспитаницъ института при выпускѣ“, въ 1821 — „Лалла Рукъ“, „Явленіе поэзи въ видѣ Лалла Рукъ“; переведено въ 1820 и 1821 гг. Ж. изъ Шиллера — „Орлеанская дѣва“; изъ Уланда — „Три путника“; изъ Мура — „Пери и ангелъ“ и изъ Байрона — „Шилонскій узникъ“.

Возвратившись изъ Берлина, Ж. отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, купленныхъ на его имя книгопродавцемъ И. В. Поповымъ, и семейство своего слуги. По возвращеніи изъ за-границы Ж. поселился вмѣстѣ съ Воейковымъ, который въ 1820 г. покинулъ профессорство въ Дерптѣ. Лѣтомъ Воейковы и Ж. жили въ Царскомъ Селѣ. Е. А. Протасова жила также съ ними: она пріѣхала изъ Дерпта на родину дочери. Александра Андреевна родила сына. Въ началѣ октября Ж., вмѣстѣ съ Протасовой, поѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ пробылъ недолго. О впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ поѣздки, Ж. пишетъ Авдотѣ Петровнѣ Елагинной: „Я былъ въ Дерптѣ и радъ тому, что былъ тамъ. Видѣлъ Машу, говорилъ съ ней о ней и доволенъ: это поэзія. Мы говорили о нашей утопії. Она непременно должна стромаздиться, но когда? Будемъ ждать и надѣяться передъ затворенною дверью. Пока то пускай будетъ нашей радостью, что мы все бережены другъ для друга. Судьба погрѣмѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но не разбивъ нашего лучшаго: любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное. Все остальное — шелуха. А рогос de прекрасное. Я никогда не говорилъ вамъ о великой княгинѣ: это прекрасное въ живомъ образѣ передо мной. Миѣ вѣрить ему легко, по-

тому, что я вижу его лицомъ къ лицу: милый хранитель поэзи!.. Я привязанъ къ своему мѣсту не однѣми узамъ выгодъ, о которыхъ не такъ-то много забочусь, но узамъ лучшими: чистаго уваженія, благодарности всему этому и тою поэзіей, которая (несмотря на свѣтъ и его холодную грязь и его душную атмосферу, въ которой я долго бродилъ въ бездѣйствіи) все еще копошится и вспыхиваетъ. Теперь мы вмѣстѣ съ Сашей, хотимъ кое какъ строить спокойное дѣятельное (если ужъ нельзя счастливаго) *chez-soi*“. Въ Петербургѣ домъ Воейковыхъ и Ж. въ это время сдѣлался центромъ, куда собиралось блестящее общество, все литературныя звѣзды, живописцы и музыканты. Душой этого общества была Александра Андреевна, которая пользовалась всеобщей любовью и преклоненіемъ. Здѣсь бывали Козловъ, Батюшковъ, Крыловъ, Влудовъ, кн. Вяземскій, Дашковъ, Карамзинъ и др. Въ 1822 г. Ж. переведено: отрывокъ „Разрушеніе Трои“ изъ „Энеиды“ Виргилія, „Замокъ Смалгольмъ“ изъ Вальтеръ Скотта, „Побѣдитель“ изъ Уланда и написаны: „Привидѣніе“ и „Море“.

А. А. Воейкова была слабого здоровья. Въ февралѣ 1823 г. она отправилась для поправленія въ Дерптъ, съ ней вмѣстѣ поѣхалъ и Ж. Въ началѣ марта онъ уже покинулъ Дерптъ, а 19 марта поэта постигъ величайшій ударъ: умерла въ родахъ Марія Андреевна Мойеръ. Это страшно на него подѣйствовало. Памятникомъ этого печальнаго событія явилось стихотвореніе „19 марта 1823 г.“. Въ 1823 г. Ж. было поручено давать уроки русскаго языка помолвленной за великаго князя Михайла Павловича и пріѣхавшей въ Россію принцессѣ Виртембергской Фредерикѣ-Шарлотѣ-Маріи, принявшей имя великой княгини Елены Павловны. Кроме этого, Ж. было предложено подготовлять себя къ отвѣтственному посту — наставника великаго князя Александра Николаевича. Время 1824—1825 гг. пятымъ особеннымъ не ознаменовалось въ жизни Ж. Имъ написано за этотъ періодъ мало: — въ 1823 — „19 марта 1823 года“, „Ангель и пѣвецъ“, „Къ В. П. Ушаковой и кн. П. А. Хилковой“, и „Я музу юную бывало встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ“; въ 1824 — „Прощальная пѣсня, пѣтая вос-

питанницами Общества благородныхъ дѣвицъ при выпускѣ 1842 г.“, „Таинственный поѣздитель“, „Мотылекъ и пѣвцы“, „Поездка на маневры“. Въ 1824 г. вышло 3-е изданіе стихотвореній поэта въ 3 частяхъ съ посвященіемъ великой княгини Александрѣ Теодоровнѣ.

Послѣ вступленія на престолъ Императора Николая Павловича Ж. было поручено приступить къ занятіямъ съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ Ж. назначался наставникомъ, К. К. Мердеръ воспитателемъ. Но здоровье поэта было очень плохо: онъ сдѣлался слабъ, сталъ страдать спяной одышкой, завалами въ печени и водянистой опухолью ногъ. Врачи нашли необходимымъ немедленную поѣздку на Эмскія минеральныя воды. Ж. отправился морскимъ путемъ, 12 мая онъ покинулъ Кронштадтъ. 22 мая Ж. былъ въ Копенгагенѣ. Затѣмъ онъ поѣхалъ черезъ Любекъ, Гамбургъ, Геттингенъ въ Эмсъ, куда и прибылъ 10 іюня. Поэта сопровождалъ его другъ К. К. Зейдлицъ. Въ Эмсѣ Ж. подружился съ художникомъ Гердгардомъ - Вильгельмомъ фонъ - Рейтернъ, будущимъ его тестемъ. 14 іюля произошелъ съ поэтомъ случай, который К. К. Зейдлицъ описываетъ такъ: „Ж. занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ углового дома у кругого переулка, черезъ который протекалъ маленькій ручеекъ, струявшійся съ горы, отъ такъ называемой Моoshütte. 4 августа послѣ обѣда, въ ту минуту, когда Ж. отдыхалъ, сдѣлался вдругъ ужасный ливень, и въ нѣсколько минутъ дождевая вода смыла съ горъ такъ много земли и камней, что совершенно затрудила переулокъ и проникла въ комнату спящаго, который съ трудомъ могъ выбраться благополучно“. Пребываніе въ Эмсѣ благотворно дѣйствовало на Ж., о чемъ онъ сообщаетъ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ въ письмѣ отъ 15 (27) іюня 1826 г.

24 іюля Ж. покинулъ Эмсъ и отправился путешествовать по Европѣ. Сначала онъ поѣхалъ осматривать Рейнъ, посетилъ Кобленцъ, Боннъ, откуда вновь возвратился въ Кобленцъ. Затѣмъ Ж. посетилъ Висбаденъ, Франкфуртъ, Ганнау, Мариенбадъ, Карлсбадъ и 29 (10) августа прибылъ въ Дрезденъ, гдѣ рѣшилъ провести всю зиму. На пути въ Дрезденъ изъ Франценсбруна 18 (30) ав-

густа Ж. пишетъ письмо Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ: „Пользованіе водами Эмса укрѣпило меня внутренно,—говорить поэтъ,—блѣдность, бывшая самымъ выдающимся признакомъ моей болѣзни, почти совсѣмъ исчезла, но осталась такая слабость въ ногахъ, что всякое болѣе или менѣе продолжительное движеніе утомляетъ меня, хотя и не въ такой степени, какъ во время моего отъѣзда изъ Петербурга, но во всякомъ случаѣ еще весьма чувствительно. Итакъ, въ состояніи моего здоровья есть улучшеніе, но оно не полное и не прочное“. Говоря это, Ж. проситъ Императрицу разрѣшить ему прожить въ Германіи до осени 1827 г. Въ это время поэтъ намѣревался серьезно подготовиться къ занятіямъ съ наслѣдникомъ престола. „Не имѣя времени подготовиться заранее,—пишетъ Ж.,—я принужденъ былъ заниматься этимъ тогда, когда уроки уже шли своимъ чередомъ. Они не прекращались, но мнѣ пришлось преодолѣть много затрудненій за неимѣніемъ необходимаго свободнаго времени. Теперь нашъ горизонтъ расширился, потребуется большая подготовка, а такъ какъ свободнаго времени будетъ недостаточно, то затрудненія будутъ по необходимости накопляться. Вотъ именно съ этой стороны, Всемилостивѣйшая Государыня, пребываніе мое въ продолженіи нынѣшней зимы въ Германіи, вызванное необходимостью возстановить здоровье, могло бы быть дѣйствительно полезно для выполненія моей обязанности въ качествѣ наставника Его Высочества. Я приготовилъ бы на цѣле полгода впередъ уроки, которые буду давать Его Высочеству по возвращеніи, и приобрѣлъ бы очень много для всего курса предварительнаго обученія. Я былъ бы постоянно впередъ и, занимая Великаго Князя тѣмъ, что было приготовлено заблаговременно, имѣлъ бы достаточно свободнаго времени въ теченіе уроковъ приготовить спокойно и съ болѣею основательностью слѣдующіе. Все это дало бы мнѣ большую свободу дѣйствій, предохраняя меня отъ того безпокойнаго состоянія духа, которое вмѣстѣ съ другими причинами вызвало мою болѣзнь: это облегчило бы и самое обученіе, которое пошло бы тогда съ большой увѣренностью и безъ всякихъ перерывовъ. Подготовительныя

работы, которыми я занялся бы во время моего пребыванія, въ качествѣ выздоравливающаго, въ Германіи, довольно значительны: надо составить записки по исторіи, историческія картины и карты и генеалогическія таблицы. Эта работа, сообразно съ моимъ планомъ, должна объять и соединить много различныхъ предметовъ, потребуетъ большихъ чтеній и особенно много механическаго труда. Императрица разрѣшила Ж. пробыть зиму въ Дрезденѣ. За это время онъ велъ энергичную трудовую жизнь, много работалъ, съ благоговѣніемъ готовясь къ той должности, которая была ему предоставлена. О жизни Ж. въ Дрезденѣ даетъ представленіе его письмо къ Ав. П. Елагиной отъ 7 (19) февраля 1827 г. „Работы у меня много,—пишетъ онъ,—на рукахъ моихъ важное дѣло! Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять ни минуты на чтонибудь другое. Если бы вы видѣли, чѣмъ я занятъ, и какъ много объемлетъ кругъ моихъ занятій, и какъ онъ долженъ будетъ безпрестанно расшпиряться—то иногда и простили бы мнѣ мою эпистолярную лѣнь. Скажу вамъ нѣсколько словъ о томъ, что теперь со мною дѣлается. Во-первыхъ, мое здоровье поправилось, благодаря водамъ Эмскимъ и спокойной, порядочной дрезденской жизни. Я въ Дрезденѣ съ сентября мѣсяца и пробуду здѣсь до конца марта. Не вообразите себѣ, чтобъ я здѣсь жилъ для разсыанія и только чтобы пользоваться *far niente*. Напротивъ, здѣсь я былъ безпрестанно занятъ своими приготовлениями къ будущему. По плану ученія великаго князя, мною сдѣланному, все главное лежитъ на мнѣ. Всѣ его лекціи должны сходитьсѣ съ моей, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія; другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете изъ этого заключить, сколько мнѣ нужно приготовиться, чтобы лекціи могли идти безъ всякой остановки. Съ этой стороны, болѣзнь моя есть для меня благодѣяніе: она дала мнѣ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ свободныхъ, и я провелъ ихъ въ совершенномъ уединеніи, забывъ, что я въ чужой землѣ, гдѣ много любопытнаго можно видѣть, и посвятивъ свои мысли одной главной, около которой вся дѣятельность моя вертѣлась. И теперь

это рѣшено на весь остатокъ жизни. У меня въ душѣ одна мысль, все остальное—только въ отношеніи къ этой царствующей. Могу сказать, что настоящая, положительная моя дѣятельность считается только съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была *dans la vague*. Теперь я знаю, къ чему ведетъ она. Поэзія мною не покинута, хотя я и пересталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ со стороны показаться механическими. Есть въ душѣ какая-то полнота, которая животворитъ ее. Я могъ бы называть себя счастливымъ (ибо никакого положенія въ свѣтѣ не предпочту моему теперешнему и нахожу его достойнымъ меня). Но для счастья нужно не одно свое; но и счастью я давно далъ другое имя. Я называю его должностью. Подъ этимъ именемъ оно всегда сильно противъ судьбы“.

Въ Дрезденѣ Ж. пробылъ до 14/26 апрѣля 1827 г. Отсюда поэтъ отправился въ Лейпцигъ, гдѣ у Брокгауза приобрѣлъ книгъ для Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича на четыре тысячи талеровъ. Затѣмъ поэтъ посѣтилъ Альтенбургъ, Вамбергъ, Вюрцбургъ, Гейдельбергъ, Карлеруэ, Страсбургъ, перѣхалъ во Францію, посѣтилъ Нанси, Шалонъ, Реймъ, Парижъ, гдѣ покупалъ книги для Наслѣдника. 2/14 июля Ж. прибылъ въ Эмсъ. Въ этотъ разъ курсъ лѣченія продолжался до 16/28 августа. Изъ Эмса Ж. поѣхалъ въ Майнцъ, Готу, Эрфуртъ, Веймаръ, гдѣ посѣтилъ Гѣте, Лейпцигъ, и черезъ Берлинъ въ октябрѣ 1827 года возвратился въ Петербургъ.

Ж. дѣятельно принялся за занятія съ Наслѣдникомъ престола. Кромѣ того, ему было поручено организовать образованіе великихъ княжонъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. Мы не будемъ уклоняться отъ темы и подробно знакомить читателей съ воспитаніемъ и образованіемъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, давать характеристичныя всѣхъ наставниковъ. Отсылаемъ читателя къ 30 и 31 т. „Сборнику Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ (Сиб. 1881 г.), въ которыхъ собранъ богатый матеріалъ по этому вопросу, приведены планы занятій, даны характеристичныя наставниковъ. Остановимся же лишь на са-

момъ Ж., посмотримъ въ какомъ направленіи онъ велъ образованіе Наслѣдника. Прежде всего нужно признать, что выборъ Государемъ и Государыней сыну въ наставники Ж. являлся замѣчательно удачнымъ. Въ воспитаніи, въ формированіи нравственнаго облика человѣка, играетъ громадное значеніе окружающая среда. Эту среду составляютъ прежде всего педагоги; чѣмъ чище ихъ нравственные облики, тѣмъ возвышеннѣе ихъ души, тѣмъ прекраснѣе плоды воспитанія и образованія. Изъ изложеннаго уже нами можно видѣть, какой высоконравственной личностью являлся Ж., сколько благородства, сколько прекраснаго таилось въ его душѣ. И вотъ въ виду этого мы и назвали выборъ Государемъ и Государыней Ж. въ наставники Наслѣдника престола замѣчательно удачнымъ. И не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе Ж. глубоко сказалось въ личности Александра II, сказалось самымъ благотворнымъ образомъ. Царь-Освободитель, какъ извѣстно, обладаетъ нѣжнымъ душевнымъ строемъ, былъ исполненъ лучшихъ стремленій. И всѣ наши исторички согласно говорятъ, что въ формированіи личности Александра II вліяніе высоконравственной личности Ж. играло видную роль. О томъ, въ какомъ направленіи шло наставничество Ж., наиболѣе яркое представленіе даетъ составленный имъ въ 1826 г. „Планъ ученія“. Въ этомъ трудѣ выразилась замѣчательно полно личность поэта, какъ въ фокусѣ собралась всѣ его идеи, гумонастроенія; въ виду чего „Планъ“ имѣетъ важное біографическое значеніе. Уже въ основномъ положеніи педагогической системы Ж. выразилась тѣ вліянія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ складывался его духовный обликъ, тѣ идеи, которыми онъ былъ проникнутъ, которыя срослись съ его личностью. Мы знаемъ, что для высоконравственнаго Ж. на первомъ планѣ стояло нравственное развитіе, а вторымъ—развитіе умственное. На такой почвѣ, какъ мы знаемъ, воспитывался и самъ поэтъ въ Благородномъ пансіонѣ. И вотъ эта-то идея, представляющая выраженіе всей духовной сущности Ж., и лежитъ въ основѣ его педагогической системы. Въ первомъ же § своего плана онъ заявляетъ: „Цѣль *воспитанія* вообще и *ученія* въ особенности есть *образованіе для добродѣтели*“.

Основное воззрѣніе Ж., что развитіе умственное безъ нравственнаго—не имѣетъ цѣнности, что еще проповѣдывалось въ собраніяхъ воспитанниковъ Благороднаго пансіона, опредѣленно высказано имъ въ концѣ „Плана“. „Его Высочеству нужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ,—говоритъ Ж.—Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ, что въ его время необходимо для общаго блага, и въ благѣ общемъ для его собственнаго. Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностію. Человѣкъ знающій, но не нравственный—будетъ вредитъ, ибо худо употребитъ извѣстные ему способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, невѣда—будетъ вредитъ, ибо и съ добрымъ намѣреніемъ не будетъ знать способовъ дѣйствія. Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ правилами. Оно необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый на своемъ мѣстѣ долженъ знать, что дѣлать и какъ поступать. Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключается его нравственность и къ порядку, въ которомъ заключается его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для правителя, ибо одно даетъ способы властвовать благотворно“.

Познакомившись съ основнымъ положеніемъ „Плана“, обратимся къ деталямъ. Формулировавъ свое основное положеніе, что „цѣль *воспитанія* вообще и *ученія* въ особенности, есть *образованіе для добродѣтели*“, Ж. говоритъ: „*Воспитаніе* образуетъ для добродѣтели: 1) пробужденіемъ, развитіемъ и сбереженіемъ добрыхъ качествъ, данныхъ природою, дѣйствуя на умъ и сердце, и заставляя ихъ дѣйствовать; 2) образованіемъ изъ силъ качествъ *характера нравственнаго*, обращающаго добро въ привычку и подѣрживающаго привычку правилами разума, воспитаніемъ сердца и силою религіи; 3) предохраненіемъ отъ зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность къ добру, и содержа душу, сколько возможно, въ спасительной неприкосновенности къ злу и 4) искорененіемъ злыхъ побужденій и наклонностей, препятствуя имъ обратиться въ привычку и побѣждая вредныя привычки привычками добрыми. *Ученіе* образуетъ для добродѣтели, зна-

бомя питомца: 1) съ тѣмъ, что окружаетъ его, 2) съ тѣмъ, что *онъ есть*, 3) съ тѣмъ, что онъ *быть долженъ*, какъ существо нравственное и 4) съ тѣмъ, для чего онъ *предназначенъ*, какъ существо безсмертное". Въ этихъ положеніяхъ заключается основа педагогической системы Ж. Формулировать эти основы, онъ въ „Планѣ“ касается далѣе лишь ученія, которое поручено было ему, оставляя въ сторонѣ воспитаніе. Воспитаніе, по системѣ Ж., должно начинаться съ самаго ранняго дѣтства, ученіе съ 8 лѣтъ; то и другое должно продолжаться до 20 лѣтъ, когда воспитателемъ и учителемъ дѣлается окружающая жизнь. Ученіе Ж. дѣлится на три періода: первый—отрочество (отъ 8—13 лѣтъ), второй—юношество (отъ 13—18 лѣтъ) и третій—первые годы молодости (отъ 18—20 лѣтъ). Первый періодъ Ж. называетъ „приготовленіемъ къ путешествію“. Ученику надо: 1) дать компасъ, 2) познакомить съ картой и 3) снабдить орудіями, нужными для пріобрѣтенія свѣдѣній и для открытій. Подъ компасомъ Ж. понимаетъ: 1) „предварительное образованіе ума: практическую логику“ и 2) „образованіе сердца: развитіе нравственнаго чувства посредствомъ первыхъ понятій религіи“. Картою поэтъ называетъ—знанія. Нужно дать путемъ предварительныхъ свѣдѣній отвѣтъ на четыре вопроса: гдѣ я?, что я?, что я быть долженъ? и къ чему предназначенъ? Подъ орудіями Ж. понимаетъ языки. Въ первомъ періодѣ не нужно насыщать голову ученика многими предметами: это приведетъ въ ней сумбуръ. Предметы должны преподаваться постепенно въ ихъ соотвѣстной связи, располагая ихъ по степени трудности. Ученіе въ первомъ періодѣ дѣлится на 4 класса. Предметы ученія въ первомъ классѣ составляютъ: 1) „для образованія ума: практическая логика“ и 2) „для образованія сердца: начало нравственности христіанской“. Въ курсъ этого періода входятъ: 1) упражненіе вниманія: основанія геометріи—объясненіе линий, фигуръ и тѣлъ; 2) упражненіе ума: первоначальныя теоремы геометріи, счетъ, задачи на счетъ, грамматика—анализъ словъ и фразъ, составленіе фразъ, выраженіе мыслей, словесное и письменное, декламация и 3) извлеченіе правилъ изъ упражненій практическихъ.

Затѣмъ въ этотъ классъ—входятъ начала нравственности христіанской: избранныя библейскія повѣсти, главные факты священной исторіи древняго и новаго завѣта. Необходимо простой рассказъ безъ всякихъ постороннихъ разсужденій, въ связи хронологической, извлеченіе изъ фактовъ правилъ нравственности, основанной на ученіи Спасителя.

Нитъ, связывающая сообщеніе знаній во второмъ классѣ, составляетъ четыре вопроса: гдѣ я и что меня окружаетъ? что я? что быть долженъ? и чему предназначенъ? Для отвѣта на первый вопросъ—гдѣ я и что меня окружаетъ? нужно познакомить: 1) съ общими понятіями о тѣлахъ, 2) съ тѣлами небесными, 3) съ землей въ отношеніи къ другимъ тѣламъ небеснымъ, 4) съ землей отдѣльно и главными ея частями и 5) съ произведеніями земли (Природа и ея главные законы. Общія понятія о физикѣ и химіи. Произведенія природы. Общія понятія о минералогіи и геологіи, ботаникѣ и зоологіи). Для разясненія второго вопроса: что я? нужны свѣдѣнія: 1) о человѣкѣ отдѣльно—съ физической стороны (общія понятія о строеніи человѣческаго тѣла) и съ нравственной (общія понятія психологіи); 2) о человѣкѣ въ отношеніи къ окружающей его природѣ (нужды человѣка и употребленіе произведеній природы для ихъ удовлетворенія; технологія); 3) о человѣкѣ въ отношеніяхъ къ человѣку (потребность общежитія, языкъ, семейство, народъ въ естественномъ состояніи, естественное право, постепенное образованіе общества политическаго, начало политики); 4) о ходѣ измѣненія человѣческаго общества (исторія и географія); 5) о нынѣшнемъ состояніи человѣческаго общества (географія и статистика). Для отвѣта на третій вопросъ: что я быть долженъ? необходимо дать свѣдѣнія: 1) о человѣкѣ, какъ о существѣ нравственномъ, его обязанностяхъ въ этомъ отношеніи (нравственность и общественная политика). Наконецъ, для четвертаго вопроса:—къ чему я предназначенъ? нужны знанія: 1) о человѣкѣ, какъ существѣ духовномъ и безсмертномъ (метафизика) и 2) о человѣкѣ, какъ существѣ, постигающемъ Бога (Богопознаніе. Религія). Въ методическихъ указаніяхъ, относящихся къ обученію, обнаруживается, что Ж. хо-

рошо обдумалъ свой планъ, воспринималъ прогрессивныя идеи современной ему педагоги. Такъ, онъ указываетъ, что ученикъ не долженъ быть пассивнымъ аппаратомъ при обученіи, заучивая то, что ему говоритъ учитель, а играть активную роль, не только запоминать, но и продумывать, проникать въ изучаемое. Ж. выступаетъ горячимъ противникомъ того метода, чтобы все основывалось на памяти, чтобы все вниманіе сосредоточивать на ней. Если мы вспомнимъ, что въ то время въ школахъ на памяти сосредоточивалось все, то увидимъ, какъ далеко за собою оставлялъ Ж. въ своихъ воззрѣніяхъ современную школу. Очень живую и благотворную идею высказываетъ Ж., замѣчая, что игры по возможности должны быть соединены съ „нѣкоторою учебною цѣлью“. Къ классу третьему отнесены Ж. языки: французскій и нѣмецкій, англійскій и польскій. Изученіе языковъ должно состоять: 1) въ утвержденіи правописанія, 2) правильномъ произношеніи, 3) практическомъ приобрѣтеніи навыка говорить и понимать, что говорятъ и 4) легкихъ упражненій въ слогѣ. Классъ четвертый отведенъ Ж. искусству, музыкѣ, гимнастикѣ и ручной работѣ (токарному и столярному ремеслу). Введеніе этихъ элементовъ въ жизнь ученика опять-таки доказываетъ, что Ж., какъ педагогъ, стоялъ высоко: онъ сознавалъ важность того, что только за послѣднее время признано окончательно педагогіей за одинъ изъ важныхъ элементовъ воспитанія и обученія. Первый періодъ обученія 8—13 лѣтъ являлся по терминологіи Ж. „приготовленіемъ къ путешествію“: второй періодъ обученія — юношество (отъ 13—18 лѣтъ) Ж. называетъ „путешествіемъ“. Предварительныя свѣдѣнія уже получены; теперь наступаетъ время подробно ознакомиться съ науками. Этому и долженъ быть посвященъ второй періодъ обученія. Третій періодъ обученія — первые годы молодости (отъ 18—20 лѣтъ) Ж. называетъ „окончаніемъ путешествія“. Здѣсь ужъ выступаетъ на первый планъ личность самого ученика. Онъ получилъ свѣдѣнія, и ему остается теперь все это примѣнить къ жизни, отдать себѣ строгій отчетъ въ томъ, какъ онъ будетъ жить, какихъ принциповъ держаться, чему слѣ-

довать. Этотъ періодъ необходимо посвятить чтенію лучшихъ книгъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ главныя положенія педагогической системы Ж. И если подойти къ ней съ точки зрѣнія педагогической, то надо признать, что поэтъ оправдалъ довѣріе Царской семьи; въ педагогическомъ отношеніи „Планъ“ Ж. для своего времени долженъ быть поставленъ высоко: всѣ лучшія идеи педагоги отразились на „Планѣ“, онъ далеко оставялъ за собою господствующія системы и методы.

Въ концѣ своего „Плана“ Ж. высказалъ нѣсколько мыслей, очень важныхъ для характеристики его личности и воззрѣній. Вотъ какъ понималъ Ж., по своимъ воззрѣніямъ чистый монархистъ, человекъ, далекій отъ всякихъ политическихъ мечтаній, признающій божественное происхожденіе царской власти, назначеніе и задачи Царя. „Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ, — говоритъ Ж. — законъ, пренебрегаемый Царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно — сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти — но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ Монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли; мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго Государя. Люби свободу, то есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе Царей и свобода народовъ: свобода и порядокъ — одно и то же; любовь Царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество Государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый — безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе Царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, пре-

даетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви Царя къ народу нѣтъ любви къ Царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго — вѣръ добродѣтели. Сія вѣра есть вѣра въ Бога. Она защититъ твою душу отъ презрѣнія къ человечеству, столь пагубнаго въ правительѣ людей“.

Время отъ ноября 1827 г. по май 1832 г. Ж. провель въ усиленныхъ занятіяхъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Но усиленные занятія, сидячая жизнь опять расшатали здоровье поэта, и въ іюні онъ по предписанію врачей вновь поѣхалъ въ Эмсъ на воды. За періодъ 1827—1832 гг. никакихъ особенныхъ событій въ жизни поэта не произошло, отмѣтимъ лишь наиболѣе замѣчательные факты. Въ февраль 1829 г. скончалась А. А. Воейкова въ Пизѣ, что сильно огорчило поэта и повергло его въ уныніе. Въ маѣ этого же года Ж. сопровождалъ въ Варшаву Государя и Государыню, которые отправились туда на коронаваніе польской короной, состоявшееся 12 мая. Въ концѣ мая Ж. посѣтилъ Берлинъ, Потсдамъ, а 23 іюня возвратился въ Петербургъ. Въ октябрѣ 1831 г. Ж. сопровождалъ Цесаревича Александра Николаевича въ Москву. За время 1827—1831 гг. Ж. написаны слѣдующія наиболѣе крупныя стихотворенія: — въ 1827 г. — „Прощальная пѣснь воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ при выпускѣ 1827 г.“, въ 1828 г. — „Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ“, „У гроба Государыни Императрицы Маріи Теодоровны“, „Видѣніе“, „Солнце и Борей“; въ 1829 — „Смертный и Боги“, въ 1831 — „Покаяніе“, „Исповѣдь батистоваго платка“, „Двѣ были и еще одна“, „Пери“, „Сказка о царѣ Берендѣѣ“, „Спящая царевна“, „Русская пѣснь на взятіе Варшавы“, „Русская слава“, „Война мышей и лягушекъ“, „Къ И. И. Дмитріеву“ („Нѣтъ не прошла“). Изъ переводовъ въ 1828 г. переведено лишь „Торжество побѣдителей“ Шиллера; 1831 г. богатъ переводами. Ж. перевелъ изъ Шиллера — „Кубокъ“, „Перчатку“, „Поликратовъ перстенъ“, „Жалобу Цереры“, „Сраженіе съ змѣемъ“, „Судь Божій“, изъ Гердера —

„Сида“; изъ Гебеля — „Воскресное утро въ деревнѣ“, „Неожиданное свиданіе“; изъ Саути — „Донику“, „Судь Божій надъ епископомъ“, „Королеву Ураку и пять мучениковъ“; изъ Уланда — „Замокъ на берегу моря“, „Алонзо“; изъ Бюргера — „Ленору“.

Ж. покинулъ Петербургъ 18 іюня 1832 г. и направился въ Любекъ, откуда черезъ Ганноверъ поѣхалъ въ Эмсъ, куда прибылъ 4 (16) іюля. Эмсъ поэтъ оставилъ 3 (15) августа, направившись въ Швейцарію. Посѣтивъ Висбаденъ, Франкфуртъ, Штутгартъ, 5 (17) сентября Ж. прибылъ въ Цюрихъ. Затѣмъ поэтъ направился въ Люцернъ, Интерлакенъ, Бернъ, Веве, откуда въ концѣ сентября прибылъ въ Монтре. Въ окрестностяхъ Монтре въ Верне Ж. провель всю зиму, живя съ семействомъ Рейтерна, съ которымъ онъ очень подружился. Въ Швейцаріи поэтъ довольно энергично занялся переводами и работалъ надъ „Иліадою“ и началъ „Ундицу“. Пребываніе всю зиму въ Швейцаріи благотворно повліяло на здоровье Ж. Въ апрѣлѣ онъ задумалъ отправиться въ Италію. Черезъ Ліонъ Ж. поѣхалъ въ Марсель, откуда моремъ отправился въ Италію. Поэтъ посѣтилъ Геную, Ливорно, Неаполь, Римъ, Флоренцію и черезъ Геную, Марсель, 5 (17) іюня возвратился въ Верно, оставшись въ восторгѣ отъ путешествія. Изъ Верне поэтъ направился на Базель, Баденъ, Франкфуртъ, Веймаръ, Потсдамъ, и 18 (30) августа былъ въ Берлинѣ, откуда черезъ Ригу 10 сентября воротился въ Петербургъ.

За 1832 и 1833 гг. Ж. занимался исключительно переводами. Имъ переведено изъ Вальтеръ Скотта — „Судь въ подземельѣ“ (отрывокъ), изъ Уланда — „Роландъ оруженосецъ“, „Плаваніе Карла Великаго“, „Нормандскій обычай“, „Бритоубійца“, „Рыцарь Роллонъ“, изъ Шиллера — „Элевзинскій праздникъ“; изъ Гёте — басню „Орелъ и голубка“. Въ 1834 г., когда Наслѣднику исполнилось 16 лѣтъ и онъ принялъ присягу, Ж. написалъ по этому случаю рядъ патристическихъ стихотвореній: „Пѣснь на присягу Наслѣдника“, „Слава на небѣ солнцу великому“, „Многолѣтіе“ и, наконецъ, народный гимнъ — „Боже Царя храни“. Въ 1835 г. Ж. написалъ лишь одно стихотвореніе „Д. В. Давыдову“, а въ 1836 перевелъ лишь „Ночной смотръ“ Цейдлица.

Въ 1837 г. исполнилось совершеннолѣтіе Наслѣдника вел. кн. Александра Николаевича. Этотъ годъ предполагалось посвятить путешествію по Россіи для ознакомленія съ ея природой, достопримѣчательностями, населеніемъ, его бытомъ. Маршрутъ былъ разработанъ Ж. и К. И. Арсеньевымъ. Сопровождаютъ Наслѣдника была назначена цѣлая свита во главѣ съ Ж. Цесаревичъ выѣхалъ изъ Царскаго Села 2 мая 1837 г., 3 онъ былъ въ Новгородѣ, 4 мая посѣтилъ Иверскій монастырь, 11 мая Ростовъ, 12 мая Суздаль. Съ 13 по 15 мая Наслѣдникъ со свитой пробылъ въ Костромѣ, затѣмъ посѣтилъ Вятку, Ижевскій заводъ, Пермь, Екатеринбургъ, Тобольскъ, Златоустъ, Верхнеуральскъ, Оренбургъ, Уральскъ, 20 іюня Казань, гдѣ пробылъ 3 дня, Симбирскъ, Саратовъ, Пензу. Въ іюль путешественники объѣхали слѣдующіе города: Тамбовъ, Воронежъ, Тулу, Калугу. Находясь въ Калужской губерніи, Ж. посѣтилъ Бѣлевъ, свою родину Мишенское, Долбино. 23 іюля Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ Москву, гдѣ пробылъ до 9 августа, откуда послѣдовалъ во Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Рязань, Тулу, Курскъ, Харьковъ, Полтаву, Елизаветградъ. Послѣдніе числа августа Наслѣдникъ Цесаревичъ пробылъ въ Одессѣ, откуда послѣдовалъ въ Крымъ. Путешествіе по Крыму продолжалось почти мѣсяць. 5 октября путешественники прибыли въ Кіевъ, откуда 8 октября направились въ Полтаву, посѣтивъ въ октябрѣ Харьковъ, Екатеринославъ, Таганрогъ, Новочеркасскъ. Изъ Новочеркаска черезъ Тулу Наслѣдникъ со свитой въ концѣ октября прибылъ въ Москву. Въ половинѣ декабря Наслѣдникъ вмѣстѣ съ Государемъ и дворомъ возвратился въ Петербургъ. Въ 1837 г. вышелъ переводъ „Ундины“ дела Моттъ Фуке, въ роскошномъ изданіи, съ прекрасными иллюстраціями Майделя. Надъ этимъ переводомъ Ж. работалъ давно; первые опыты перевода относятся еще къ 1817 г.

Въ началѣ мая 1838 года Наслѣдникъ со свитой, во главѣ которой находился Ж., направились въ Германію, 9 мая путешественники прибыли въ Берлинъ, гдѣ пробыли до 24 мая (5 іюня). Выѣхавъ изъ Берлина, Наслѣдникъ посѣтилъ слѣдующія мѣста: Штеттинъ, Стокгольмъ,

Копенгагенъ, Люнебургъ, Ганноверъ, Марбургъ, Франкфуртъ, Висбаденъ, Эмсъ, Веймаръ, Мюнхенъ. Затѣмъ Цесаревичъ направились въ Австрію, черезъ Инсбрукъ прослѣдовали въ Швейцарію, посѣтивъ Комо. Изъ Швейцаріи Наслѣдникъ поѣхалъ въ Италію, посѣтивъ Миланъ, Венецію, Флоренцію и Римъ. Въ Римѣ путешественники пробыли съ 5 (17) декабря 1838 года до начала февраля 1839 года. Въ Римѣ Ж. встрѣтился съ Гоголемъ, съ которымъ провелъ все время. Изъ Рима черезъ Пизу, Геную, Туринъ, Миланъ, Верону, Цесаревичъ направились на Австрію, гдѣ провелъ въ Вѣнѣ конецъ февраля. Затѣмъ были посѣщены слѣдующіе города: Мюнхенъ, Штутгартъ, Карлсруэ, Гейдельбергъ, Дармштадтъ, Майнцъ, Кобленцъ, откуда Наслѣдникъ направились въ Голландію, посѣтивъ Гаагу, Амстердамъ, затѣмъ отправился въ Англию, при бывъ 21 апрѣля (3 мая) въ Лондонъ. Въ май черезъ Германію Наслѣдникъ направились въ Россію, приѣхавъ въ Петербургъ 23 іюня 1839 года.

17 августа Ж. поѣхалъ изъ Петербурга въ Москву на празднованіе годовщины Бородинской битвы 26 августа. Изъ Москвы въ сентябрѣ поэтъ отправился въ Калужскую губернію, посѣтилъ Чернь, Муратово, Бѣлевъ, — мѣста съ которыми былъ связанъ дорогими воспоминаніями. Въ октябрѣ Ж. черезъ Москву возвратился въ Петербургъ (13 октября). Въ 1840 году Цесаревичъ былъ помолвленъ съ принцессой Максимилианой-Вильгельминой-Августой-Маріей Гессенъ-Дармштадтской. Ж. было поручено сопровождать Наслѣдника въ Дармштадтъ для уроковъ русскаго языка его невѣстѣ. Въ началѣ марта Ж. покинулъ Петербургъ. Онъ посѣтилъ Бреславль, Дрезденъ, Берлинъ, Веймаръ, Франкфуртъ. 1 апрѣля Ж. прибылъ въ Дармштадтъ. Уроки Ж. съ принцессой продолжались до 10 мая, когда были получены свѣдѣнія въ Дармштадтъ о болѣзни короля Прусскаго. Наслѣдникъ отправился въ Берлинъ, принцесса Марія на это время поѣхала въ Мюнхенъ къ своей теткѣ королевѣ Баварской. Ж. могъ свободно располагать двумя недѣлями. Онъ рѣшилъ это время пробыть у своего друга Рейтерна въ Дюссельдорфѣ. Здѣсь онъ оставался до 2 іюня. 4 іюня Ж. приѣхалъ въ Франкфуртъ, куда прибыли наши Императоръ и Императ-

рица, слѣдовавшіе въ Эмсъ. Съ ними отправился въ Эмсъ Наслѣдникъ съ невестой и Ж. Въ Эмсъ также прибылъ и Рейтернъ. Въ началѣ іюля принцесса Марія въ сопровожденіи Ж. вернулась въ Дармштаттъ. Въ августѣ она побѣжала въ Россію, Ж. направился въ Дюссельдорфъ съ Рейтерномъ. Уже давно Ж. былъ расположенъ къ дочери Рейтерна Елизаветѣ. Въ 1840 году расположеніе обратилось въ любовь. Дочь Рейтерна тоже питала чувство къ поэту, и въ августѣ она была помолвлена съ Ж. Невѣстѣ было 19 лѣтъ.

Несмотря на то, что жизнь Ж. съ 1818 г. была очень дѣятельная, разнообразная, его душевное настроеніе, все таки, было подавленнымъ, особенно послѣ смерти горячо любимыхъ М. А. Мойеръ и А. А. Воейковой. Любовь къ Рейтернъ оживила поэта, открыла его и вообще благотворно повліяла на состояніе духа. Какъ мы не разъ отмѣчали, всю жизнь идеаломъ Ж. была тихая семейная жизнь. Но устроить свое семейное гнѣздо все не удавалось поэту. Рейтернъ казалась ему женщиной, съ которой онъ вполне успѣшно создастъ семейное гнѣздо, которая дастъ ему то счастье, котораго онъ такъ давно искалъ. И оттого такъ благотворно повліяла на поэта любовь къ Рейтернъ. Въ письмѣ въ Муратово ко всемъ роднымъ изъ Дюссельдорфа отъ 5 сентября Ж. подробно рассказываетъ о своемъ романѣ, рисуя плачъ своей дальнѣйшей жизни. Идеаломъ поэта является тихая семейная жизнь. „Я гонюсь,—пишетъ онъ,—не за многими: жизнь спокойная, посвященная труду, для которой я былъ назначенъ, и отъ которой отвлекли обстоятельства; жизнь смиренная, посреди домашняго круга, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, съ нѣкоторыми, весьма умѣренными, если можно, избытками; дѣятельность, болѣе обращенная на то, чтобы всему, что есть во мнѣ добраго, дать большую твердость; чтобы все дурное или испорченное жизнью поправить или привести въ порядокъ, чтобы, наконецъ, разстаться какъ должно со всемъ здѣшнимъ, подвести подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь,—вотъ идеалъ моего земного счастья, которое стало мнѣ гораздо возможнѣе, теперь, нежели прежде. Для достиженія къ этому смиренному идеалу у меня теперь есть вѣрный товарищъ, и пустота, донинѣ

окружающая дорогу мою, отъ чего я шелью по ней съ перевалкой и какъ будто нехотя, вдругъ исчезла“. Въ концѣ 1840 г. Ж. вернулся въ Петербургъ. Въ январѣ опъ съѣздилъ въ Москву повидаться со своими друзьями, 16 апрѣля 1841 г. состоялась свадьба Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича съ принцессой Дармштаттской, нареченной при крещеніи Маріей Александровной. По этому случаю Государь, желая отблагодарить Ж. за его труды по обученію сына, даровалъ поэту чинъ тайнаго совѣтника и приказалъ оставить за Ж. все получаемое имъ содержаніе 28.000 руб. ассигнаціями, и, кромѣ того, повелѣлъ выдать на первое обзаведеніе 10.000 руб.

Сначала Ж. намѣревался поселиться съ женой около Дерпта въ своемъ имѣніи Мейерсгофъ, вмѣстѣ съ Протасовой и Мойеромъ, но потомъ раздумалъ: Мойеръ оставилъ профессуру въ Дерптѣ и отправился въ имѣніе Бунино. Ж. рѣшилъ продать Мейерсгофъ и прожить нѣкоторое время за-границей, а потомъ поселиться съ женою въ Москвѣ. Мейерсгофъ былъ проданъ за 115.000 К. К. Зейдлицу. Всѣ полученныя деньги поэтъ раздѣлялъ между тремя дочерьми А. А. Воейковой. Совершенно правильно замѣчаетъ К. К. Зейдлицъ по этому поводу: „Подарить этотъ капиталъ своимъ внукамъ, въ ту именно пору, когда онъ самъ надѣялся имѣть дѣтей, было поступкомъ вполне изображающимъ доброе сердце нашего друга“. Ж. позаботился и о сынѣ А. А. Воейковой. Онъ былъ слабоумнымъ вслѣдствіе перенесенной болѣзни—скарлатины и находился въ одномъ изъ пансіоновъ въ Дерптѣ. Ж. распорядился отправить его въ Бунино къ Мойеру и Е. А. Протасовой. Въ серединѣ мая 1841 г. Ж. покинулъ предѣлы Россіи.

Во время 1838—1840 гг. Ж. написалъ: въ 1838 г.—„Stabat mater“, „Предсказаніе“, въ 1839—„Поэту Лопесу“, „Бородицкая годовщина“ и „Молитвой нашей Богъ смилчился“. Въ 1839 г. поэтъ вновь перевелъ аллегію Грея — „Сельское кладбище“; первый разъ она была переведена въ 1802 г. и напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ 1839 г. вышелъ переводъ драматической поэмы Гальма „Камозенъ“

ШЕСТОЙ ПЕРИОДЪ ЖИЗНИ ЖУКОВСКАГО (1841—1852).

Свадьба Ж. состоялась 21 мая 1841 г. въ Ротенбергѣ, близъ Штутгарта, въ греческой церкви Евкатерины. Поселился Ж. съ женой въ Дюссельдорфѣ.

О царившей въ семьѣ Рейтернъ атмосферѣ въ высшей степени цѣнное для биографа указаніе дѣлаетъ К. К. Зейдлицъ, говоря, что жена Рейтерна „была знакома съ нѣкоторыми представителями мрачно-пѣтистическаго круга католической пропаганды въ Кассель, и вообще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ сентиментальный пѣтизмъ былъ очень распространенъ преимущественно въ женскомъ обществѣ многихъ пререйнскихъ городовъ и въ томъ числѣ—Дюссельдорфа“. Жена Ж. Е. А. Рейтернъ еще съ самаго ранняго дѣтства подъ влияніемъ матери прониклась пѣтистическимъ настроеніемъ. Атмосфера дома Рейтернъ сразу же коснулась Ж. Онъ всегда былъ глубоко проникнутъ религіозной идеей; теперь это настроеніе стало развиваться въ сторону пѣтизма.

Первые мѣсяца женитьбы прошли счастливо для поэта: онъ былъ спокоенъ отъ увѣренности, что, наконецъ, нашелъ счастье, которое такъ мучительно искалъ. 7 (19) августа 1841 года поэтъ пишетъ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ изъ Дюссельдорфа: „При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, когда я имѣлъ счастье прощаться съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, Вамъ угодно было позволить мнѣ написать къ Вамъ о томъ, что будетъ со мною; но Вы тогда же приказали, чтобы я написалъ не иначе, какъ по прошествіи нѣкотораго времени, дабы мнѣ можно было говорить съ Вами о первой жизни своей не съ горяча, а познакомившись съ нею коротко и осмотрѣвшись около себя безъ всякаго предубѣжденія. Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ какъ я женатъ; я знаю коротко судьбу свою и теперь съ большимъ убѣжденіемъ, нежели въ первые минуты, благодарю Бога, который ее самъ, безъ моего вѣдома, для меня устроилъ и мнѣ устроилъ и мнѣ даровалъ безъ моего ожиданія и исканія. Не могу придумать ничего, чтобы я теперь пожелалъ прибавить къ моему смиренному ясному счастью: оно полное“.

Въ 1841 году Ж. написаны три сказки, заимствованныя изъ собранія Гриммъ—„Котъ въ сапогахъ“, „Сказка о Иванѣ-Царевичѣ и сѣромъ волкѣ“ и „Тюльпанное дерево“.

„Ясное“ счастье Ж. продолжалось недолго: уже вскорѣ послѣ женитьбы оно стало омрачаться. Это было вызвано съ одной стороны болѣзнью жены, съ другой—ея пессимистическимъ, подавленнымъ настроеніемъ, созданнымъ подъ влияніемъ пѣтизма. Вотъ что пишетъ Ж. Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ въ мартѣ 1842 года: „Провелъ я мирно и однообразно десять мѣсяцевъ, совершенно отличныхъ отъ всей прошлой моей жизни. Въ это время, будучи преданъ исключительно жизни семейной, я познакомился съ нею коротко. Знаю теперь, что только въ ней можно найти то, что на землѣ можно назвать счастьемъ; но также знаю, что это счастье покупается дорогою цѣной. Я не выбиралъ; Богъ за меня выбралъ и далъ мнѣ жену по сердцу, устроивъ все напередъ безъ моего вѣдома и участія. Я долженъ вѣрить, что данное имъ счастье вѣрно, но не мое, а Его дѣло; и эта мысль должна бы успокаивать мою душу насчетъ прочности того, что имѣю. Не смотря на то, часто душа въ тревогѣ. Причиной этого непреодолимаго, виновнаго безпокойства есть то, что въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, имѣвъ такія радости, какихъ не бывало въ прежней моей жизни, я въ то же время испыталъ и такія тревоги, о какихъ не имѣлъ понятія прежде. Онѣ продолжаютъ и теперь; онѣ меня напугали, портятъ настоящее и дѣлаютъ робкимъ при мысли о будущемъ. Чувствую, что это такъ не должно быть, что я не правъ; знаю теперь болѣе, нежели когда-нибудь, что *мы не должны смущаться сердцемъ*; что мы должны *встрѣть, встрѣть и встрѣть*; что мы на землѣ только для *встрѣ*; что все другое обманъ и тревога; что въ *встрѣ* только заключается тотъ единственно возможный покой души, который озаряетъ счастье и даетъ ему постоянство, который преобразуетъ несчастіе и творитъ изъ судорожныхъ страданій мирную и смиренную покорность. Я это знаю (и нигдѣ этого не узнаешь, какъ въ жизни семейной); но *знать* однимъ убѣжденіемъ мысли и *быть на дѣлѣ* тѣмъ, что ясно постигаетъ мысль,—вели-

кая разница! И я еще не достигъ до этой высоты. Но благодать семейной жизни именно въ томъ, что она предлагаетъ душѣ эту науку и даетъ ей сильно чувствовать ея необходимость". Это письмо важно потому, что во-первыхъ, знакомить съ настроеніемъ и жизнью поэта въ первое время послѣ женитьбы, а во-вторыхъ потому, что показываетъ, что поэтъ уже въ это время всецѣло былъ охваченъ піэтистическими идеями. 11 ноября 1842 г. у Ж. родилась дочь, названная Александрой. Это событіе было встрѣчено имъ съ большой радостью. По этому поводу Ж. написалъ въ дневникѣ строки, цѣнныя для характеристики его воззрѣній и настроенія въ то время и показывающія сильное вліяніе на поэта піэтизма. "Теперь,—пишетъ Ж.,—хотя я не нахожу въ себѣ живого, пламеннаго чувства, которое мнѣ несвойственно и по натурѣ моей и по моимъ лѣтамъ, но чувствую, что нѣчто прибавилось къ чувству моему и дало ему большее значеніе; привязанность къ милой моей женѣ стала сильнѣе, нѣжнѣе, для меня самого трогательнѣе. А на дочь не могу смотрѣть безъ особеннаго движенія, мнѣ доселѣ неизвѣстнаго: какъ будто душа подымается отъ радости. Въ ребенкѣ для отца и матери выражаются на дѣлѣ слова апостола Павла: *и будета два въ плоть едину*. Нѣтъ собственности столь милой, столь рѣшительно принадлежащей намъ и въ то же время столь съ нами тѣсно соединенной и насъ какъ будто самихъ увеличивающей, какъ наше дитя: чувствуешь всю сладость и силу слова *мое*, которое выше и значительнѣе, нежели *я*... Я знаю, что нѣтъ ничего выше вѣры и молитвы, знаю, что это высшее сокровище души человѣческой, за которое должно отдать всякое другое,—знаю—и во мнѣ нѣтъ того, что я считаю лучшимъ, желаннѣйшимъ, святѣйшимъ. Но будетъ ли когда? Въ святилищѣ семейной жизни стоитъ сосудъ причащенія жизни вѣчной. Дѣти мои и жена его мнѣ подадутъ, и да позволить мнѣ Богъ ихъ жизнь устроить по волѣ Его". Весь конецъ 1842 г. поэтъ и его жена были больны; то же продолжалось и въ началѣ 1843 г. Только въ маѣ Ж. немного оправились и поѣхали лѣчиться въ Эмсъ. Эмскія воды благоприятно подѣйствовали на здоровье Ж., и въ началѣ августа они возвратились въ Дюс-

сельдорфъ. Въ сентябрѣ поэтъ посѣтилъ Берлинъ, гдѣ видѣлся съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ.

Въ 1841 г. Ж. заинтересовался древнеиндійскими произведеніями въ переводѣ Рюккертъ и задумалъ познакомить русскаго читателя съ однимъ изъ нихъ: „Наль и Дамаанти“. Въ 1842 году поэтъ работалъ надъ этимъ произведеніемъ. Въ 1843 году „Наль и Дамаанти“ было послано великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ съ посвященіемъ очень характернымъ для обрисовки настроенія Ж. Онъ поэтизируетъ свою семейную жизнь, говоря:

И вняъ тихо, безъ волненья, льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, давной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
Матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ...

Говоря о своемъ семейномъ счастьѣ, поэтъ, все-таки, настроенъ грустно, думаетъ о смерти, называетъ свою жизнь „обвечерѣвшей“.

Въ январѣ 1842 г. Ж. принялся за переводъ „Одиссеи“ Гомера. Въ октябрѣ имъ было переведено уже 8 пѣсней. „Перевожу „Одиссею“, — пишетъ Ж. Императрицѣ Александрѣ Осодоровнѣ 12 (24) октября 1843 года изъ Дюссельдорфа,—хочется перевести ее такъ, чтобы въ моемъ переводѣ сохранена была ея прадѣдовская простота древняго поэта, и чтобы чтеніе „Одиссеи“ сдѣлалось доступно всѣмъ возрастамъ. Этотъ трудъ красить мое уединеніе. И въ немъ бы жило со мною полное счастье, если бы этой радостной, тихой жизни не тревожила забота о женѣ: она опять начала страдать тѣмъ же, чѣмъ страдала до своей поѣздки въ Эмсъ; воды сначала ей помогли; теперь опять все по старому, и думаю, что на будущій годъ ей опять надобно будетъ прибѣгнуть къ Эмсу“. Въ 1843 году Ж. не работалъ надъ „Одиссеей“: онъ перевелъ лишь изъ Мериме „Маттео Фальконе“. Въ этомъ году былъ напечатанъ „Капитанъ Вонпъ“.

Ж. еще во время пребыванія въ Римѣ сошелся съ Гоголемъ; осень и зиму 1843 г. Гоголь провелъ у Ж. въ Дюссельдорфѣ. Въ это время Гоголь всецѣло былъ за-

хваченъ пѣтистическомъ настроеніемъ. На этой почвѣ онъ сошелся съ Ж., усиливъ въ немъ это настроеніе, повліялъ на еще большее развитіе религиозной мечтательности. Ж. считалъ Гоголя очень полезнымъ человекомъ, благотворно вліявшимъ на его умонастроеніе и идеи. Въ дневникѣ за 1843 годъ Ж. пишетъ: „Пребываніе Гоголя было мнѣ полезно“.

Въ 1844 году Ж. переселился изъ Дюссельдорфа во Франкфуртъ-на-Майнѣ, что было вызвано новыми приступами болѣзни жены. Въ этомъ году Ж. чувствовалъ себя сравнительно хорошо, работалъ довольно продуктивно: перевелъ 9, 10, 11 и 12 пѣсни „Одиссея“, „Выборъ креста“ изъ Шамиссо и написалъ „Двѣ повѣсти“, которыя прислалъ И. В. Кирѣевскому, который въ это время приобрѣлъ „Москвитянина“. Первая повѣсть заимствована изъ Шамиссо, который заимствовалъ ее изъ „Талмуда“, вторая—изъ Рюккерта.

Въ январѣ 1844 года умерла Екатерина Александровна Воейкова, дочь А. А. Воейковой, что сильно подѣйствовало на поэта. Въ 1844 году у Ж. гостилъ Гоголь и навѣстилъ его А. И. Тургеневъ. 1 января 1845 года у Ж. родился сынъ Павелъ. Это очень обрадовало поэта. „Благодарю тебя за братское дружеское поздравленіе,—пишетъ онъ К. К. Зейдлицу 7 (19) февраля 1845 г.,—правда твоя, сынъ есть продолженіе жизни отца и, глядя на колыбель сына, не съ такими мрачными глазами глядишь на свой гробъ. Но это болѣе идеи суетныя, мірскія, что намъ до продолженія нашего настоящаго бытія въ здѣшнемъ свѣтѣ! Въ дѣтяхъ видимъ мы для насъ нѣчто высшее: собственныхъ товарищей на жизнь вѣчную, новыя души, отъ насъ исходящія, нами образуемая для общей намъ будущей жизни. Это не исключаетъ счастья здѣшней жизни, но даетъ этому счастью высшій неизмѣнный характеръ. Помоги мнѣ Богъ дать дѣтямъ, или, лучше сказать, приготовить дѣтей моихъ къ такому счастью. Пускай научатся желать его; а дать его имъ Богъ!“ Послѣ родинъ сына жена Ж. заболѣла. Въ апрѣлѣ поэтъ чувствовалъ себя хорошо. Онъ началъ писать рядъ замѣтокъ о жизни, религіи, философіи, воспитаніи. Но затѣмъ снова заболѣлъ, жена была также больна. Врачи посовѣ-

товали отправиться на лѣто въ Швальбахъ. Здѣсь въ іюлѣ посѣтилъ Ж. Гоголь. Живя въ Швальбахѣ, поэтъ узналъ, что Императрица Александра Теодоровна на пути въ Италію для лѣченія посѣтитъ Нюренбергъ. Поэтъ съ семьей отправился въ Нюренбергъ на свиданіе съ Государыней, но выяснилось, что она не будетъ останавливаться въ Нюренбергѣ, а проживетъ нѣкоторое время въ Берлинѣ. Поэтъ, оставивъ семью въ Гофѣ, отправился въ Берлинъ, гдѣ и видѣлся съ Государыней, что его оживило. Также оживило поэта полученное въ это время извѣстіе о помолвкѣ Е. И. Мойеръ, дочери М. А. Мойеръ, за В. А. Елагина, сына Ав. П. Елагиной. Ж. имѣлъ намѣреніе лѣтомъ возвратиться въ Россію, но дурное состояніе здоровья заставило его остаться за-границей. Въ концѣ 1845 г. Ж. заболѣлъ. Въ декабрѣ его потрясла новая утрата друга, А. И. Тургенева, который умеръ въ Москвѣ 3 декабря. Болѣзнь Ж. продолжалась и въ 1846 году. Жена Ж. то же была больна разстройствомъ нервовъ. О душевномъ настроеніи поэта въ мартѣ 1846 г. даетъ яркое представленіе запись въ дневникѣ за этотъ мѣсяцъ: „Когда смотрю на свое прошедшее, ничего утѣшительнаго не представляется моему сердцу. Одно только въ немъ вижу, Твою спасительную руку, которая отвела меня отъ бѣдствій земныхъ и провела меня до настоящей минуты, предохранивъ меня отъ бѣдствій вѣшнихъ. Но что я сдѣлалъ самъ? На дорогѣ жизни я не собралъ истиннаго сокровища для неба: душа моя безъ вѣры, безъ любви и безъ надежды; и при этомъ бѣдствіи нѣтъ въ ней той скорби, которая должна была бы наполнять ее и возбуждать къ покаянію. Окаменѣлость и разсѣяніе мною владѣютъ. Воля моя бессильна. вмѣсто вѣры одно только знаніе, что вѣра есть благо верховное и что я не имѣю сего блага. Молитва моя одно мертвое разсѣянное слово. Умъ безъ мысли. Сердце безъ любви. Одна рука Твоя, Господь-Спаситель, примиривши насъ съ самимъ собою, она отечески, дѣйствіемъ Твоего Святаго Духа, можетъ извлечь меня изъ сей бездны; простри ко мнѣ Твою руку, посѣти мою душу Твоимъ Святымъ Духомъ. Мое настоящее подобно моему прошедшему“.

Въ 1847 г. Ж. поѣхалъ лѣтомъ лѣчиться

съ женой въ Эмсѣ. Здѣсь Ж. встрѣтилъ А. С. Хомякова, сюда же прибылъ Гоголь. Въ Эмсѣ поэтъ нѣсколько оживился, сталъ работать надъ подготовленіемъ новаго изданія своихъ произведеній. Къ зимѣ Ж. съ женой возвратился во Франкфуртъ. Въ этомъ году поэтъ отослалъ въ Россію первыя двѣнадцать пѣсень „Одиссеи“ и возобновилъ работу надъ „Рустемомъ и Зорабомъ“, переложеннымъ Рюккертомъ изъ „Шахъ-Намъ“. Революціонное движеніе, охватившее Европу въ 1848 г., захватило и окрестности Франкфурта. Жена поэта продолжала болѣть, самъ Ж. заболѣлъ глазами. Волненіе около Франкфурта и болѣзнь заставили Ж. отправиться въ Ганау для совѣта съ извѣстнымъ тогда докторомъ Коппомъ. Волненіе въ Ганау было еще сильнѣе, чѣмъ въ Франкфуртѣ, и Ж. отправился съ женою въ Эмсѣ, откуда онъ думалъ направиться въ Россію. Это было рѣшено категорически: Ж. распродалъ даже часть своихъ вещей. Но бывшая въ Россіи тогда холера повліяла на то, что поэтъ измѣнилъ свое рѣшеніе и переѣхалъ изъ Эмса въ Баденъ. Эмсѣ благотворно повліялъ на здоровье жены Ж. Его зрѣніе также поправилось, и въ концѣ 1848 г. онъ усиленно работалъ надъ „Одиссеей“. Во второй половинѣ 1848 г. вышелъ первый ея томъ. Ж. смотрѣлъ на свою работу, какъ на одно изъ самыхъ большихъ дѣлъ жизни. „Этотъ переводъ,—пишетъ Ж. Ал. Мих. Тургеневу въ ноябрѣ 1847 г.—почитаю своимъ лучшимъ, главнымъ поэтическимъ произведеніемъ“. Смотря такъ на свой переводъ, Ж. съ нетерпѣніемъ ожидалъ мнѣнія друзей и критики. Хотя нѣкоторые лица, напримѣръ Стурдза, Гоголь, Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ, К. К. Зейдлицъ привѣтствовали появленіе „Одиссеи“, но она не произвела въ общемъ особеннаго впечатлѣнія на русское общество.

Въ 1848 г. Ж. написано стихотвореніе „Къ русскому великану“.

Революціонное движеніе заставило Ж. покинуть въ маѣ 1849 г. Баденъ и переселиться въ Швейцарію. 1 (13) мая въ Баденѣ Ж. написалъ „Четыре сына Франціи“. Въ Швейцаріи Ж. поселился между озерами Бріенскимъ и Тунскимъ въ Интерлакенѣ. Въ концѣ іюля поэтъ возвратился въ Баденъ. Въ августѣ Ж. съѣздилъ въ Варшаву, гдѣ видѣлся съ

Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Въ этомъ году въ январѣ кн. Вяземскій устроилъ въ Петербургѣ празднованіе 50-лѣтія литературной дѣятельности Ж. По этому случаю Государь Императоръ, въ бытность Ж. въ Варшавѣ, пожаловалъ ему орденъ Вѣлаго Орла. Въ высочайшей грамотѣ было сказано: „Въ ознаменованіе особеннаго Нашего уваженія къ трудамъ вашимъ на поприщѣ отечественной литературы, съ такою славою въ продолженіи пятидесяти лѣтъ подвѣваемымъ, и въ изъявленіе душевной Нашей признательности за услуги Нашему Семейству, вами оказанныя, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Вѣлаго Орла“. Въ началѣ сентября 1849 г. поэтъ возвратился въ Баденъ. Лѣтомъ 1849 г. вышла вторая часть „Одиссеи“. Какъ мы уже отмѣчали, особеннаго впечатлѣнія на общество появленіе первой части „Одиссеи“ не произвело. То же самое нужно сказать и о появленіи второй части. Хотя надо замѣтить, что критика въ общемъ сочувственно отнеслась къ переводу, Ж. ожидалъ, что „Одиссея“ произведетъ громадное впечатлѣніе, явится въ Россіи пѣлымъ событіемъ. Но ожиданія его, какъ мы видѣли, не оправдались, что сильно на него подѣйствовало. Но это, все таки, не поколебало убѣжденія Ж., что „Одиссея“ — „лучшее, главное поэтическое произведеніе“, какъ назвалъ ее самъ поэтъ въ письмѣ къ Ал. Мих. Тургеневу

О душевномъ состояніи поэта и о здоровьи его жены въ 1849 г. даетъ предствленіе письмо къ П. А. Плетневу 29 сентября (11 октября) 1849 г. изъ Бадена. „Теперь я опять,—пишетъ поэтъ,—на неопредѣленное время долженъ отложить свиданіе съ отечествомъ и съ вами, добрые друзья мои; велитъ ли Богъ вамъ меня увидѣть? Думалъ ли я, покидая Россію для своей женитьбы, что не прежде возвращусь въ нее, какъ черезъ десять лѣтъ? И дозволить ли Богъ возвратиться? Моя заграничная жизнь совсѣмъ не веселая уже и потому, что непроизвольная; причина, здѣсь меня удерживающая, самая печальная: она портитъ всю жизнь, отымаетъ настоящее, пугаетъ за будущее — болѣзнь жены (а нервическая болѣзнь са-

мая бѣдственная изъ всѣхъ возможныхъ болѣзней), болѣзнь матери семейства и хозяйки дома уничтожаетъ къ корню семейное счастье. Да и самъ я не въ порядкѣ. Швейцарскій воздухъ мнѣ былъ не въ прокъ: тамъ начали немного шалить и мои нервы, пропалъ мой всегдашній вѣрный товарищъ сонъ, и сдѣлалось у меня что-то похожее на одышку; поѣздка въ Варшаву меня поправила; сонъ возвратился; одышка не такъ сильна; но есть какой-то беспорядокъ въ кровообращеніи, отъ чего біеніе сердца и нервы продолжаютъ пошаливать. Докторъ изъясняетъ все это гемороемъ и утверждаетъ, что скоро все придетъ въ порядокъ. Я и самъ не нахожу въ себѣ рѣшительной болѣзни". Изъ этого письма видно, какъ сильно стремился Ж. возвратиться въ Россію. Въ концѣ 1849 г. и началъ 1850 г. Ж. чувствовалъ себя сравнительно хорошо и весной намѣревался поѣхать въ Россію на празднованіе 25-лѣтія царствованія Императора Николая Павловича. Празднованіе было назначено на ноябрь 1850 г., въ ознаменованіе вступленія на престолъ Государя, и на августъ 1851 г., въ ознаменованіе коронаціи. Сначала поэтъ думалъ поѣхать въ Россію въ 1850 г., но потомъ отложилъ поѣздку до весны 1851 г., такъ какъ врачи находили вреднымъ поѣздку больной жены поэта на сѣверъ.

Какъ мы уже знаемъ, жена Ж. находилась подъ вліяніемъ пѣтизма и давно думала перейти въ католицизмъ; но этому съ присущей ему рѣшительностью воспрепятствовалъ Ж. Въ 1850 г. она перемѣнила свое намѣреніе и рѣшила перейти въ православіе. Поэтъ сталъ готовить ее къ этому и погрузился въ чтеніе церковныхъ и богословскихъ книгъ. Тотъ пѣтизмъ, которымъ была охвачена жена Ж., и который сталъ развиваться въ немъ послѣ женитбы, все прогрессировалъ: къ 1850 г. Ж. совершенно былъ проникнутъ этими идеями. Это ярко выразилось въ небольшихъ замѣткахъ о различныхъ вопросахъ жизни, религіи, философіи, воспитанія, которыя поэтъ писалъ за время 1845—1850 гг. Эти замѣтки были посланы Ж. П. А. Плетневу, но въ мартѣ 1851 г. поэтъ потребовалъ ихъ обратно, и замѣтки были напечатаны лишь послѣ его смерти. Кромѣ этихъ замѣтокъ за періодъ времени 1845—1850 гг. Ж. написаны: „Нѣчто о

привидѣніяхъ“, „О меланхоліи въ жизни и поэзіи“, „Двѣ сцены изъ Фауста“, „О внутренней христіанской жизни“, „Самоотверженіе власти“, „Энтузіазмъ и энтузіасты“, „Что будетъ“ и „О смертной жизни“. За время 1848—1851 гг. Ж. написалъ четыре стихотворенія для своихъ дѣтей, которыхъ онъ очень любилъ и много заболтался объ ихъ воспитаніи: „Птичка“, „Котикъ и козликъ“, „Жаворонокъ“ и „Мальчикъ съ пальчикъ“.

Весной 1851 г. Ж. твердо рѣшился отправиться въ Россію, поручилъ К. К. Зейдлицу приготовить ему домъ въ Дорптѣ. Въ это время поэтъ работалъ надъ „Иліадой“. Совершиться поѣздкѣ Ж. было не суждено: онъ заболѣлъ воспаленіемъ глазъ. Несмотря на слѣпоту, поэтъ работалъ, диктуя приближеннымъ. Ж. съ большимъ жаромъ писалъ тогда „Странствующаго жида“. Эта тема была задумана 10 лѣтъ тому назадъ; въ 1849 г. онъ снова принялся за нее. На это произведеніе поэтъ смотрѣлъ, какъ на дѣло величайшей важности, какъ на завѣщаніе потомству, думая высказать въ поэмѣ всѣ свои религіозно-моральные воззрѣнія, которыя выработывались всю жизнь. Поэтому Ж. отнесся къ произведенію съ величайшимъ вниманіемъ и серьезностью. Такъ, онъ просилъ Гоголя, который посѣтилъ Палестину, описать подробно ея природу, постоянно спрашивалъ указаній и совѣтовъ о Базарова, священника въ Штутгардѣ. Кромѣ „Странствующаго жида“, Ж. написалъ въ 1851 г. „Ея Императорскому Высочеству великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ привѣтствіе отъ русскихъ при встрѣчѣ ея въ Баденѣ“ и „Царскосельскій лебедь“, въ 1852 г.—„Розы“. Окончить „Странствующаго жида“ Ж. не удалось: здоровье его дѣлалось все хуже и хуже, и 12 (24) апрѣля 1852 г. онъ скончался. Предъ кончиной поэтъ всецѣло былъ охваченъ религіознымъ настроеніемъ, примирился со всѣми жизненными невзгодами, даже съ фактомъ смерти. Прекрасное представленіе о душевномъ настроеніи поэта въ послѣдніе дни жизни даетъ его письмо къ женѣ, написанное за нѣсколько дней до смерти. „Въ мысляхъ, что мой послѣдній часъ, можетъ быть близокъ,—говорить женѣ поэтъ,—я пишу тебѣ и хочу сказать нѣсколько словъ утѣшенія. Прежде всего, изъ глубины моей души благодарю тебя за то, что ты поже-

лала стать моей женою; время, которое я провелъ въ нашемъ союзѣ, было счастливейшимъ и лучшимъ въ моей жизни. Несмотря на многія грустныя минуты, происшедшія отъ внѣшнихъ причинъ или отъ насъ самихъ,—и отъ которыхъ не можетъ быть свободна ничья жизнь, ибо онѣ служатъ для нея благодѣтельными испытаніями,—я съ тобою наслаждался жизнью, въ полномъ смыслѣ этого слова; я лучше понималъ ея цѣну и становился все тверже въ стремленіи къ ея цѣли, которая состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы научиться повиноваться волѣ Господней. Этимъ я обязанъ тебѣ, прими же мою благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣреніе, что я любилъ тебя, какъ лучшее сокровище души моей. Ты будешь плакать, что лишилась меня, но не приходи въ отчаяніе: „любовь также сильна, какъ и смерть“. Нѣтъ разлуки въ царствѣ Божіемъ. Я вѣрю, что буду связанъ съ тобою тѣснѣе, чѣмъ до смерти. Въ этой увѣренности, дабы не смутить мира моей души, не тревожись, сохраняй миръ въ душѣ своей, и ея радости, и горе будутъ принадлежать мнѣ болѣе, чѣмъ въ земной жизни. Полагайся на Бога и заботься о нашихъ дѣтяхъ; въ ихъ сердцахъ я завѣщаю тебѣ свое,—прочее же въ рукѣ Божіей. Благословляю тебя, думай обо мнѣ безъ печали, и въ разлуку со мною, утѣшай себя мыслью, что я съ тобою ежеминутно и дѣлю съ тобою все, что происходитъ въ твоей душѣ“.

Тѣло Ж. было перевезено черезъ Любекъ на пароходѣ въ Петербургъ и предано землѣ въ Александро-Невской Лаврѣ. Послѣ смерти поэта жена его въ іюнѣ 1853 г. пріѣхала въ Петербургъ съ обоими дѣтьми, поселилась въ Москвѣ, приняла православіе и скончалась въ 1856 г., переживъ поэта на четыре года.

Ограничивая свою работу біографическими рамками, мы не будемъ подробно разсматривать литературныя произведенія Ж. и давать имъ подробную оцѣнку, а дадимъ характеристику творчества поэта и оцѣнку его историко-литературнаго значенія въ самыхъ общихъ чертахъ.

Условія личной жизни Ж. оказали громадное вліяніе на его творчество: оно явилось въ полномъ смыслѣ слова отраженіемъ личныхъ переживаній поэта. Ж.—поэтъ личнаго чувства, субъективистъ

чистой воды. Онъ говорилъ: „Жизнь и поэзія одно“, и эта идея въ полной мѣрѣ сказалась на его творчествѣ.

Характеристика Ж., какъ поэта-субъективиста, на первый взглядъ кажется не вяжущейся съ тѣмъ фактомъ, что большинство его произведеній — переводы и передѣлки западныхъ образцовъ. Но если влаться въ подробный ихъ анализъ, то обнаруживается, что здѣсь, какъ и въ оригинальныхъ произведеніяхъ, отразилась въ полной мѣрѣ личность поэта. Это сказывается уже въ выборѣ оригиналовъ для перевода и передѣлки. Вниманіе Ж. всегда останавливалось лишь на томъ, что соответствовало его личному настроенію, воззрѣніямъ, психологіи. Ж., работая надъ переводами, задавался задачей не столько *точно* передать оригиналъ, сколько *уловить основной тонъ* и передать *общій духъ* оригинала. Въ виду этого, поэтъ свободно относился къ оригиналу. Если онъ вполнѣ соответствовалъ его субъективному настроенію, то переводъ стоитъ близко къ подлиннику, но если въ немъ встрѣчались мѣста, становившіяся въ противорѣчіе съ субъективнымъ настроеніемъ, то Ж. дѣлалъ отступленія, примѣнялъ эти мѣста къ своимъ воззрѣніямъ и психологіи. Такимъ образомъ, печать субъективизма лежить и на переводахъ и передѣлкахъ. Въ виду этого, получается тотъ интересный фактъ, что не смотря на то, что громадное мѣсто въ литературномъ богатствѣ Ж. занимаютъ переводы изъ разныхъ авторовъ,—вся его поэзія въ *цѣломъ* связана внутреннимъ единствомъ и цѣльностью. Этимъ связывающимъ звеномъ является субъективизмъ. Вполнѣ правильно опредѣлилъ характеръ своего творчества самъ поэтъ, сказавъ въ одномъ письмѣ къ Гоголю: „у меня почти все чужое, или по поводу чужого,—и все однако мое“.

Творчество Ж. не было продуктомъ какой-либо теоріи, простымъ усвоеніемъ данной литературной манеры: въ основѣ его лежало личное настроеніе. Мы отмѣчали вліяніе на поэта ложно-классицизма. Эта полоса должна была неминуемо пройти, и именно пройти потому, что съ самыхъ первыхъ шаговъ Ж. непреодолимо влекло выражать въ поэзіи свои личныя чувства и настроенія. Поэтъ сталъ на сторону сентиментализма, увлекся имъ не какъ тео-

рией, а потому, что по своему внутреннему содержанию, по душевному складу, онъ былъ чистой воды сентименталистъ. Онъ остался имъ и тогда, когда сталъ переводить романтиковъ. Самъ Ж. называлъ себя „родителемъ на Руси нѣмецкаго романтизма“. Бѣлинскій выставилъ Ж. какъ главнаго представителя романтизма въ нашей литературѣ. Взглядъ великаго критика прочно утвердился въ нашей научной литературѣ до самаго послѣдняго времени. Такъ, академикъ А. Н. Пыпинъ до конца своей жизни (1904 г.) смотрѣлъ на Ж., какъ на романтика. Съ совершенно новымъ взглядомъ выступилъ академикъ Веселовскій въ своей извѣстной книгѣ: „В. А. Жуковскій“. Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія“ (Спб. 1904 г.). Были у насъ и ратѣ поштыки, правда робкія, разрушить воззрѣнія на Ж., какъ на типичнаго романтика. Такъ академикъ Ждановъ заявилъ, что „вся совокупность образовъ, мыслей, мотивовъ, любимыхъ Ж., встрѣчается и у Карамзина“. Но А. Н. Веселовскій рѣшительно выступилъ противъ традиціоннаго воззрѣнія. Въ своей книгѣ онъ подвергъ подробному анализу чувства, настроенія, религиозно-правственные и общественно-политическіе взгляды Ж. Изучивъ богатый и обширный матеріалъ, А. Н. Веселовскій пришелъ къ выводу, что воззрѣніе на поэта, какъ на романтика, должно быть оставлено: „онъ не выходилъ изъ идей и представленій сентиментализма“. Поэтъ обращался къ романтикамъ, переводилъ ихъ, но по существу, по внутреннему содержанию не былъ романтикомъ въ полномъ смыслѣ слова, а остался „въ преддверіи романтизма“. По своему душевному складу онъ всю жизнь былъ сентименталистъ Карамзинской эпохи: онъ не воспринималъ міросозерцаніе романтиковъ въ цѣломъ, бралъ лишь то, что подходило къ его сентиментальному настроенію, оставаясь чуждымъ мощнымъ порывамъ романтиковъ въ сферѣ социальныхъ и политическихъ мечтаний. „Поэзія Sturm und Drang'a, бурныхъ стремленій и геніальничанья, съ ея энергическими заявленіями личности и протестомъ противъ всякихъ условностей,—говоритъ А. Н. Веселовскій,—коснулась Ж. не своей психологіей, а литературной стороною: интересомъ къ народной старинѣ (Бюргеръ),

міровой литературѣ и поэтическому экзотизму (Гердеръ, Фоссъ)“. Даже обращеніе поэта къ народности, народной поэзіи было вызвано, по мнѣнію А. Н. Веселовскаго, не непосредственнымъ интересомъ къ народу, что мы видимъ у романтиковъ, а явилось лишь однимъ изъ средствъ выразить свое личное настроеніе. Критика указала, что А. Н. Веселовскій расширилъ понятіе сентиментализма и сгъзилъ понятіе романтизма, и въ виду этого пришелъ къ изложеннымъ нами выводамъ. Но, какъ бы ни относиться къ изслѣдованію А. Н. Веселовскаго, необходимо признать, что послѣ его работы нужно оставить взглядъ на Ж., какъ на типичнаго представителя романтизма въ русской литературѣ.

Обстоятельства личной жизни Ж. накладывали печать на его творчество. Это то и придавало поэзіи Ж. цѣнность: онъ явился у насъ первымъ русскимъ лирикомъ. Въ поэзіи ни одного изъ поэтовъ до Ж. не отразилась такъ полно личная жизнь и настроеніе, какъ въ его творствѣ. Выразивъ въ своей поэзіи свой внутренній міръ, свои переживанія, Ж. облизилъ поэзію съ жизнью, подготовилъ дорогу для Пушкина. вмѣстѣ съ тѣмъ Ж. оказалъ громадное вліяніе на развитіе нашего поэтическаго языка: стихъ его достигъ небывалой до тѣхъ поръ музыкальности, гибкости, звучности и простоты. Свою роль Ж. сыгралъ до появленія и расцвѣта дарованія Пушкина. Этотъ послѣдній затмилъ Ж., но это не уменьшаетъ громаднаго историко-литературнаго значенія Ж., какъ поэта, расчистившаго дорогу Пушкину. Центръ тяжести значенія Ж. не въ томъ, что онъ познакомилъ русскую литературу съ романтизмомъ, а его главная заслуга въ томъ, что онъ явился у насъ первымъ поэтомъ непосредственнаго чувства, первымъ поэтомъ-лирикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Литература о Жуковскомъ достигла въ настоящее время громадныхъ размѣровъ. Укажемъ лишь наиболѣе важныя книги, оставивъ въ сторонѣ журнальныя статьи. Богатый матеріалъ заключается въ письмахъ поэта. Въ виду того, что ни одно изъ существующихъ изданій сочиненій Жуковскаго не дало сколько нибудь полнаго собранія его писемъ, также перечислимъ и ихъ. *Базаровъ*, „Воспоминанія о Жуковскомъ“, Спб. 1852; 2) *Плетневъ*, „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“, Спб. 1853; 3) *Шелле-выревъ*, „О значеніи Жуковскаго въ русской

- жизни и поэзии", М. 1853; 4) *Бялинский*, Сочинения, т. VIII; 5) *М. А. Дмитриевъ*, „Мелочи изъ запаса моей памяти“, М. 1869; 6) *М. Глинка*, „Записки“, Спб. 1871; 7) „Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества“, т. 30 и 31. Спб. 1881; 8) *К. К. Зейдлицъ*, „Жизнь и поэзия В. А. Жуковскаго“, Спб. 1883; 9) *Загаринъ (Поливановъ)*, „Жуковский и его произведенія“. Изд. 2. М. 1883; 10) *Я. Гротъ*, „Очеркъ жизни и поэзии В. А. Жуковскаго“, Спб. 1883; 11) *А. Архангельскій*, „Первые годы жизни Жуковскаго“, Казань. 1883; 12) „Жуковский. Чествованіе его памяти въ Петербургѣ въ 1883 году“. Изд. Н. И. Стояновскаго. Спб. 1883; 13) *О. О. Миллеръ*, „В. А. Жуковский, какъ человѣкъ и наставникъ Императора Александра II“, Спб. 1883; 14) *П. А. Плетневъ*, „Сочиненія“, т. I, II и III, Спб. 1885; 15) *И. Бычковъ*, „Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Публ. Библ. въ 1884 г.“. Спб. 1887. 16) *К. Полевой*, „Записки“. (1888); 17) *Жихаревъ*, „Записки“. М. 1890. 18) Сборникъ Общ. любит. россл. слов. 1891. („Законы Дружескаго Литературнаго Общества, основаннаго Жуковскимъ“); 19) *Ф. Ф. Вигель*, „Записки“, Спб. 1891—1893; 20) *Никитенко*, „Дневникъ“, Спб. 1893; 21) *В. Огарковъ*, „В. А. Жуковский, его жизнь и литературная дѣятельность“, Спб. 1894; 22) *С. Н. Глинка*, „Записки“, Спб. 1895; 23) *Смирнова*, „Записки“, ч. I. Спб. 1895; 24) *В. Чешихинъ*, „Жуковский, какъ переводчикъ Шиллера“, Рига, 1895; 25) *Л. Майковъ*, „Историко-литературные очерки“, Спб. 1895; 26) „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“. М. 1895; 27) *Алексій Веселовскій*, „Западное вліяніе въ русской литературѣ“, 2-е изд. М. 1896. 28) *Тихонравовъ*, „Сочиненія“, т. III ч. I и II. М. 1898; 29) „Остафьевскій Архивъ“, 30) *Н. Кульманъ*, „Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библиотекѣ гр. А. А. и А. А. Бобринскихъ“, Спб. 1901; 31) *Каллашъ*, „Жуковско-Гоголевская юбилейная литература“. М. 1902; 32) *П. Сакулинъ*, „Взглядъ Жуковскаго на поэзію“, 1902; 33) *Н. Сумцовъ*, „В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь“, Харьковъ, 1902; 34) *А. Маркевичъ*, „Отношеніе В. А. Жуковскаго къ писателямъ и артистамъ“, Одесса, 1902; 35) *И. Созиновичъ*, „В. А. Жуковский, какъ писатель и человѣкъ“, Варшава, 1902; 36) *А. Пономаревъ*, „В. А. Жуковский, какъ писатель-романтикъ и въ отношеніяхъ къ Царю-Освободителю“. Спб. 1902; 37) *Л. Сиземскій*, „Поэтъ-Христіанинъ В. А. Жуковский“, Спб. 1902; 38) *А. Троицкій*, „Идеалы и заветы поэта-христіанина и христіанина-философа В. А. Жуковскаго“, Кіевъ, 1902; 39) *И. Евстеевъ*, „Отношенія Гоголя и Жуковскаго къ искусству и къ художникамъ“, Спб. 1902; 40) *С. П. Шестаковъ*, „Жуковский, какъ переводчикъ Гомера“, Казань, 1902; 41) *С. П. Шестаковъ*, „Замѣтки къ переводамъ В. А. Жуковскаго изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ“, Казань 1902; 42) *Тимошенко*, „Жуковский, какъ переводчикъ „Одиссеи“ и современнаго ему критика“. Кіевъ, 1902; 43) *Н. Степановъ*, „В. А. Жуковский, какъ наставникъ Царя-Освободителя“, Спб. 1902; 44) *Б. Глининскій*, „Царскія дѣти и ихъ наставники“, Спб. 1899; 45) *А. фонъ-Литмаръ*, „Биографія В. А. Жуковскаго“, М. 1902; 46) *А. Алферовъ*, „В. А. Жуковский“, М. 1902; 47) „Дневники В. А. Жуковскаго съ примѣчаніями *И. А. Бычкова*“, Спб. 1903; 48) *А. Пытинъ*, „Исторія русской литературы“ т. IV, изд. 2-е; Спб. 1903; 49) *А. Бороздинъ*, „Литературныя характеристики“, т. I, Спб. 1903; 50) *А. Веселовскій*, „В. А. Жуковский. Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія“. Спб. 1904; 51) „Уткинскій сборникъ. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой“. М. 1904; 52) *А. Пытинъ*, „Характеристики литературныхъ мѣняй отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ“. Изд. 3-е; Спб. 1906; 53) *В. Рязановъ*, „Изъ розысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“, Спб. 1906; 54) *Ивановъ-Разумникъ*, „Исторія русской общественной мысли“, т. I, Спб. 1907; 55) *Н. А. Котляревскій*, „Литературныя направленія Александровской эпохи“, Спб. 1907; 56) „Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя“, вып. I. Изд. Академіи Наукъ. Спб. 1907; 57) *Ждановъ*, „Сочиненія“ т. II, Спб. 1908. Письма: 1) „*Москвитянинъ*“, 1844, ч. VI, № 11; 2) „*Современникъ*“, 1844, т. 36; 3) „*Москвитянинъ*“, 1845, ч. I, № 1, стр. 37; 4) *Тамъ же* ч. V, № 17, стр. 40; 5) „*Одесск. Вѣстн.*“ 1855 г., № 1—3, (Переписка Ж—аго съ А. С. Стурдзою); 6) „*Москвитянинъ*“ 1856 г. т. IV, стр. 308. (Письмо къ *Ө. Покровскому*); 7) „*Библиогр. Запис.*“ 1858, т. I, № 18, стр. 547—551 (Письмо Ж—аго къ А. Я. Булгакову); 8) *Тамъ же*, 1858, т. I, № 22, столб. 675—687 (Письмо Ж—аго къ Н. Н. Шереметевої); 9) „*Русская Бесѣда*“, 1859, кн. 15, № 3, отд. I, стр. 17—42 (Письмо Ж—аго къ Е. А. Протасовой). 10) *П. И. Бартенева*, „Библиогр. Зап.“, 1861, т. III, № 13, столб. 386—387. (Письма Ж—аго къ С. М. Соковину); 11) „*Русск. Арх.*“, 1863, № 8—9, стр. 708—709 (Письмо Ж—аго объ его крѣпост. людяхъ); 12) *Тамъ же*, 1864, № 4, стр. 448—469; 13) *Тамъ же*, 1864, стр. 884—903 (Переписка съ А. И. Тургеневымъ и письма къ роднымъ). 14) *Тамъ же*, 1865, стр. 1299—1302 (Письмо къ И. В. Попову); 15) *Тамъ же*, 1865, стр. 1297—1300 (Отрывокъ изъ письма къ роднымъ); 16) *В. С. Барыковъ*, *Тамъ же*, 1866, № 3, стр. 329—346 (Изъ письма Ж—аго къ принцессѣ Луизѣ Прусской); 17) *Тамъ же*, 1866, № 4, стр. 651—652. (Письмо къ А. И. Тургеневу). 18) *Тамъ же*, 1866, № 6, ст. 863—873; 19) *Тамъ же*, 1866, № 7, ст. 1070—1077 (Письмо Ж—аго къ Вяземскому); 20) *Тамъ же*, 1866, № 11—12, ст. 1628—1642. (Письма Ж—аго къ И. И. Дмитриеву); 21) „*Утро*“. Литерат. и полит. сборникъ, 1866, стр. 192—199. (Письмо Ж—аго къ Карамзиной); 22) „*Русск. Арх.*“ 1867, № 5—6, стр. 789—819. (Письма Ж—аго къ А. И. Тургеневу); 23) *Тамъ же*, 1867, № 5—6, стр. 820—842 (Письма Ж—аго къ И. И. Козлову); 24) *Тамъ же*, 1867, № 5—6, стр. 843—862. (Письма Ж—аго къ А. Ф. фонъ-леръ-Бриггену); 25) *Тамъ же*, 1867, № 11, стр. 1385—1439. (Письма Ж—аго къ в. кн. Константину Николаевичу); 26) *Тамъ же*, 1868, № 1, стр. 156—160. (Письма Ж—аго къ кн.

А. Н. Голыпинову); 27) *Тамъ же*, 1868, № 3, стр. 440—444. (Письмо Ж—аго къ кн. Вяземскому); 28) *Тамъ же*, 1868, № 4—5, стр. 837—843. (Письма Ж—аго къ Д. В. Дашкову); 29) *Тамъ же*, 1868, № 6, стр. 973—975. (Письма Ж—аго къ М. Н. Загоскину); 30) *Тамъ же*, 1868, № 9, стр. 1445—1483. (Письма Ж—аго къ А. Я. Булгакову); 31) *Тамъ же*, 1869, № 1, стр. 81—100. (Письма Ж—аго къ И. И. Базарову); 32) *Тамъ же*, 1869, № 4, стр. 644—647. (Письма Ж—аго къ гр. Вельггорскому); 33) *Тамъ же*, 1869, № 6, стр. 958—964. (Письмо Ж—аго къ гр. С. М. Соллогубу); 34) *Тамъ же*, 1870, № 8—9, стр. 1703—1711. (Письма Ж—аго къ И. И. Дмитриеву); 35) *Тамъ же*, 1870, № 10, стр. 1817—1822. (Письмо Ж—аго къ Гёте); 36) *Тамъ же*, 1870, № 11, стр. 2127—2129. (Письмо Ж—аго къ Г. П. Павскому); 37) *Тамъ же*, 1871, № 1, стр. 255—257. (Письмо Ж—аго къ ген. Жомини); 38) *Тамъ же*, 1871, № 11, стр. 1856—1869. (Письма Ж—аго къ А. О. Смирновой); 39) „*Деятнадцатый Вѣкъ*“, Истор. Сборн. 1872, т. I, стр. 406—425. (Письма Ж—аго къ Ел. Григ. Пушкиной); 40) „*Русск. Арх.*“ 1872, № 3—4, стр. 853—856. (Письмо Ж—аго къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому); 41) *Тамъ же*, 1872, № 12, стр. 2363—2366. (Письма Ж—аго къ матери); 42) *Тамъ же*, 1872, № 11, стр. 2367—2369. (Письмо Ж—аго къ неизвѣстному лицу); 43) *Тамъ же*, 1873, № 1, стр. 1 (Письма Ж—аго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ); 44) *Тамъ же*, 1874, № 1, стр. 6—94. (Письма Ж—аго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ); 45) „*Русская Старина*“, 1875, т. XIII, стр. 354, 365, 381. (Письма Ж—аго къ Кюхельбекеру); 46) *Тамъ же*, 1875, № 11, стр. 317—365. (Изъ бумагъ Жуковского); 47) *Тамъ же*, 1876, № 3, стр. 356—361. (Письма Ж—аго къ Л. К. Вельггорской); 48) *Тамъ же*, 1876, № 8, стр. 453. (Записочка Ж—аго А. С. Пушкину); 49) *Тамъ же*, 1877, № 6, стр. 228—229. (Письмо Ж—аго къ Веневитиновой); 50) „*Русская Старина*“, 1878, № 5, (Письма къ Н. И. Гвѣдичу); 51) „*Русск. Арх.*“ 1878, № 3, стр. 377—378. (Письмо къ Перовскому); 52) „*Русская Старина*“, 1880, № 3, стр. 618; 53) *Тамъ же*, 1883, №№ 1—10 (Письма Ж—аго къ разнымъ лицамъ); 54) *Тамъ же*, 1883, № 10, стр. 79—88. (Письма Ж—аго къ А. П. Елагиной); 55) *Тамъ же*, 1883, № 12, стр. 711—713; 56) „*Русск. Арх.*“ 1883, № 1 и 2. (Письма Ж—аго къ государю императору Александру Николаевичу); 57) *Тамъ же*, 1883, № 1 и № 2; 58) „*Русская Старина*“, 1884, № 6, стр. 531—532. (Письмо Ж—аго къ Ковалевскому); 59) „*Русск. Арх.*“, 1884, № 1, стр. 232. (Записка Ж—аго къ Дашкову); 60) *Тамъ же*, 1884, № 5, стр. 118—119. (Письмо Ж—аго къ неизвѣстному лицу); 61) *Тамъ же*, 1884, № 5, стр. 223—229. (Письмо Ж—аго къ А. С. Хомякову); 62) *Тамъ же*, 1885, т. I, стр. 1—19, 242—272, 526—540; т. II, стр. 337—370. (Письма Ж—аго къ императору Александру Николаевичу); 63) *Тамъ же*, 1887, т. II, № 7, стр. 310—323. (Переписка Ж—аго съ Г. П. Павскимъ); 64) *Тамъ же*, 1887, т. II, № 7, стр. 327—340. (Письма Ж—аго къ гр. О. П. Лыткѣ); 65) „*Русская Старина*“, 1888, т. 60, № 11, стр. 311. (Письмо Ж—аго къ А. А. Бестужеву); 66) „*Русск. Вѣстн.*“ 1888, №№ 5 и 11. (Незданные письма Гоголя и Ж—аго); 67) „*Русская Старина*“, 1889, т. 61, № 1, стр. 147—148; 68) „*Русск. Арх.*“, 1889, т. III, № 9, стр. 121—124. (Письма Ж—аго къ Пушкину); 69) *Тамъ же*, 1889, № 9, стр. 131—132. (Письмо Ж—аго къ Виккинскому); 70) „*Русская Старина*“, 1890, т. 68, № 11; стр. 479—480. (Письмо Ж—аго къ Моргенштету); 71) „*Русск. Арх.*“, 1891, т. 11, № 7, стр. 364. (Письма Ж—аго къ бар. Дельвигу); 72) „*Сборникъ Общ. любит. рос. словесн.*“ 1891 г. (Письма къ Гоголю); 73) „*Русская Старина*“, 1892, т. 76, № 11, стр. 361—396. (Письма Ж—аго къ А. М. Тургеневу); 74) *Тамъ же*, 1893, т. 77, № 1, стр. 249—253. (Переписка Ж—аго съ А. М. Тургеневымъ); 75) *Тамъ же*, 1895, т. 83, № 4, стр. 220—222; 76) „*Русск. Арх.*“, 1895, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11 и 12, (Письма Ж—аго къ А. И. Тургеневу); 77) *Тамъ же*, 1895, № 8, (Письмо Ж—аго къ императору Николаю Павловичу); 78) „*Книжки Недѣли*“, 1896, № 1; 79) „*Русская Старина*“, 1896, т. 87, № 7, (Письма Ж—аго къ Северну); 80) „*Русская Старина*“, 1898, № 11. (Переписка Ж—аго съ императрицей Марией Ѳеодоровной и Вилламовымъ); 81) „*Русск. Арх.*“, 1900, № 9, (Письма Ж—аго къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ); 82) „*Русская Старина*“, 1901, № 2. (Письмо Ж—аго къ П. В. Хатову); 83) *Тамъ же*, 1901, № 4, (Письма Ж—аго къ А. И. Тургеневу); 84) *Тамъ же*, 1901, №№ 10 и 11; 1902, № 5. (Письма къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ); 85) *Тамъ же*, 1902, № 4 и 6 (Письма Ж—аго къ императору Николаю I). При подборѣ библиографіи предмета, какъ равно при составленіи всего очерка о В. А. Жуковскомъ дѣятельную помощь автору оказалъ молодой сотрудникъ „Историческаго Вѣстника“ А. Г. Фоминъ.

Б. Глинскій.

Жуковский, Григорій Васильевичъ, генераль-лейтенантъ, сенаторъ, родился въ 1800 г., умеръ 15 февр. 1880 г. Ж. происходилъ изъ дворянъ Оренбургской губ. и воспитывался въ С.-Петербургскомъ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. По окончаніи курса въ 1819 г. онъ былъ выпущенъ въ 1-й піонерный баталіонъ прапорщикомъ. Черезъ годъ его произвели въ подпоручики, и тогда же онъ былъ переведенъ въ 3-й піонерный баталіонъ. Въ 1824 г. онъ, уже въ чинѣ поручика, былъ переведенъ въ Омскій гарнизонный полкъ и назначенъ старшимъ адъютантомъ въ Отдѣльный Сибирскій корпусъ, а въ слѣдующемъ году переведенъ опять—въ Вятскій полкъ. Въ

бытность его старшимъ адъютантомъ ему были даваемы ответственныя порученія, которыя онъ исполнялъ всегда съ точностью и усердіемъ. Въ 1829 г. Ж. въ той же должности былъ переведенъ въ л.-гв. гренадерскій полкъ, а черезъ годъ—назначенъ адъютантомъ къ командиру отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генералу-отъ-артиллеріи Капцевичу 1-му. Когда вспыхнуло польское возстаніе 1830 г., Ж. принялъ участіе въ подавленіи его. Въ сраженіи при деревнѣ Дембе-Вельки онъ былъ тяжело раненъ саблею въ голову и въ лѣвую руку, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4 ст. съ бантомъ. Едва залѣчивъ раны, онъ опять явился на поле сраженія и участвовалъ во многихъ битвахъ. Въ 1834 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ по особымъ порученіямъ къ тому же генералу-отъ-артиллеріи Капцевичу, а годъ спустя—командированъ въ Образцовый полкъ. Еще черезъ годъ Ж. получилъ новое назначеніе: быть членомъ общаго присутствія инженернаго департамента военнаго министерства съ оставленіемъ по арміи. Въ 1846 г. онъ былъ назначенъ командующимъ Башкиро-Мещерякскимъ войскомъ съ зачисленіемъ по кавалеріи. Немного позднѣе онъ получилъ чинъ генералъ-маіора. Въ 1848 г. Ж. участвовалъ въ походѣ на р. Сыръ-Дарью. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска. Въ началѣ Крымской войны Ж. былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ южной арміей, а затѣмъ назначенъ Килійскимъ комендантомъ. Въ 1856 г. ему было поручено временно исправлять должность военнаго губернатора г. Симферополя и Таврическаго гражданскаго губернатора, а черезъ четыре мѣсяца онъ былъ утвержденъ въ этой должности и вскорѣ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1859 г. Ж. участвовалъ въ занятіяхъ комиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по преобразованію уѣздныхъ учреждений. Позднѣе онъ дважды временно исправлялъ должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора. Въ 1866 г. Ж. получилъ орденъ Бѣлаго Орла, а въ 1869 г.—св. Александра Невскаго. Въ 1871 г. Ж. Высочайше повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Умеръ Ж. въ Царскомъ

Селѣ, состоя на службѣ, не смотря на свой преклонный возрастъ, 15 февр. 1880 г.

Формулярный списокъ о службѣ.

М. Василевская.

Жуковский, Евгений Михайловичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, комендантъ Новогеоргіевской крѣпости. Род. 11 августа 1814 г.; ум. въ 1883 г. Происходилъ изъ дворянъ Витебской губ. Воспитывался во 2 кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ 16 декабря 1832 г. прапорщикомъ, съ прикомандированіемъ къ артиллерійскому училищу. Въ 1834 г. произведенъ въ подпоручики; а въ 1835 г. переведенъ въ 1-ю л.-гв. артиллерійскую бригаду; въ 1839 г. командированъ въ Отдѣльный Кавказскій корпусъ. Прибывъ по назначенію, поступилъ въ отрядъ генералъ-адъютанта Граббе, оперировавшій въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагеставѣ, съ которыми участвовалъ въ экспедиціи въ землю ичкерійцевъ; былъ въ дѣлахъ: при урочищѣ Ахметъ—Тала; при Буртунагъ съ многочисленной шайкою Шаміля; при штурмѣ Сурсаевой башни и взятіи замка Ахульго. За боевыя отличія произведенъ въ штабсъ-капитаны и удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Въ 1840 г. возвратился изъ командировки (съ Кавказа) и вновь поступилъ въ 1-ю л.-гв. артиллерійскую бригаду. Въ 1844—былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи и произведенъ въ полковники, а въ 1847—получилъ должность начальника отдѣленія (4-го) въ управленіи генералъ-квартирмейстера арміи. Во время венгерскаго мятежа участвовалъ при взятіи Бартфельда, Эперіеша, Кашау, и въ сраженіяхъ при Вайценѣ и Дебречинѣ. Эта кампанія доставила ему золотую шпагу съ надписью „за храбрость“ и австрійскій орденъ Желѣзной короны 2 ст. По возвращеніи въ Россію, Е. М. около года состоялъ при управленіи генералъ-квартирмейстера, а потомъ, въ 1851 г., былъ переведенъ въ Нарвскій егерскій полкъ и прикомандированъ для усовершенствованія въ строевой службѣ къ Образцовому пѣхотному полку; по окончаніи же срока прикомандированія, почти три года (1852—54) командовалъ егерскимъ полкомъ. Въ 1852—былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1854—назначенъ командующимъ резервной бри-

гадой 4 пѣхотной дивизіи. Однако и здѣсь служба его не была весьма продолжительной. Черезъ два года дивизія предначинана была въ расформированію. Е. М. сдать должность и былъ причисленъ въ западнымъ войскамъ. Не смотря на послѣднее обстоятельство, онъ фактически оставался на дѣйствительной службѣ и въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ принималъ дѣятельное участіе въ расформированіи дивизіи, равно какъ и въ окончаніи дѣлъ 1-й бригады, и только 1-го апрѣля 1857 г. отправился на жительство въ Витебскую губернію, въ свой родной городъ Невель. Прошло четыре мѣсяца, и мы снова видимъ Ж. на службѣ, только уже не на военной, 7 августа 1857 г. состоялся Высочайшій приказъ о причисленіи его къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Трехлѣтняя служба въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была какъ бы подготовкою къ принятію новой, весьма отвѣтственной должности. Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Забайкальской области, управляющимъ гражданской частью и наказнымъ атаманомъ Забайкальскаго казачьяго войска; въ 1861 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты и въ 1863 г. получилъ орд. св. Александра Невскаго; 11 сентября 1863 г. получилъ свое послѣднее назначеніе—комендантомъ Новогеоргіевской крѣпости. Въ генералы отъ инфантеріи произведенъ 30 августа 1881 года.

Н. З.

Послужной списокъ въ общемъ архивѣ главнаго штаба кн. 1874 г., св. 95.

Жуковский, Николай Васильевичъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1794 г., ум. 15 марта 1852 г. Образование Ж. получилъ только домашнее и поступилъ очень молодымъ на службу въ Челябинскій уѣздный судъ съ чиномъ губернскаго регистратора. Вскорѣ онъ былъ переведенъ въ канцелярію Оренбургскаго военнаго губернатора, а позднѣе перемѣщенъ въ Челябинскій земскій судъ дворянскимъ засѣдателемъ. Въ 1814 г. онъ получилъ должность Челябинскаго уѣзднаго стряпчаго и тогда же былъ произведенъ въ чинъ титулярнаго совѣтника. Два года спустя онъ былъ по прошенію уволенъ отъ службы, но вскорѣ опять поступилъ—уже въ канцелярію сибир-

скаго генераль-губернатора, и черезъ два года былъ назначенъ секретаремъ этой канцеляріи, и еще черезъ годъ—начальникомъ отдѣленія. Когда управленіе Сибирью было раздѣлено на двѣ самостоятельныя части, Ж. былъ назначенъ управляющимъ канцеляріей генераль-губернатора Западной Сибири, а при открытіи совѣта при главномъ управленіи Западной Сибири—опредѣленъ членомъ совѣта и начальникомъ 1-го отдѣленія. Въ 1823 г. онъ былъ назначенъ председателемъ Тобольскаго губернскаго правленія. Въ 1829 г., уже въ чинѣ статскаго совѣтника, онъ былъ уволенъ отъ должности председателя Тобольскаго губернскаго правленія и причисленъ для особыхъ порученій къ министерству внутреннихъ дѣлъ, „впредь до открытія мѣста, по чину и способностямъ соотвѣствующаго“. Въ слѣдующемъ году ему повелѣно было находиться при Оренбургскомъ военномъ губернаторѣ „для употребленія по дѣламъ гражданскимъ и пограничнымъ“. Тогда же онъ былъ произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники и назначенъ Оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ 1843 г. Ж. былъ пожалованъ чинъ тайнаго совѣтника. Въ томъ же году Ж. былъ назначенъ С.-Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, за усердіе свое въ этой должности награжденъ въ 1846 г. орденомъ св. Анны 1 ст. съ императорскою короною. Въ 1851 г. ему высочайше повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ департаментѣ герольдіи.

Дѣла министерства юстиціи 1851 г. за №№ 3620, 6714 и 6269 1852 г. № 7783.—Формулярный списокъ о службѣ.

М. Васильевская.

Жуковский, Степанъ Михайловичъ, тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, р. въ 1818 г., умеръ въ 1877 г. Сынъ тайнаго совѣтника Михаила Степановича Жуковскаго, состоявшаго при фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ, Ж. получилъ образованіе въ благородномъ пансіонѣ С.-Петербургскаго университета и, по окончаніи въ немъ курса въ 1835 г., поступилъ на службу въ собственную канцелярію намѣстника Царства Польскаго, фельдмаршала князя Паскевича, а отсюда въ 1838 г. переведенъ былъ въ канцелярію комитета министровъ. Въ 1843 г.,

вслѣдствіе тяжелой болѣзни, требовавшей хирургической операціи, Ж. вышелъ въ отставку и для излѣченія отправился за границу. Но чрезъ два года Ж. вновь поступилъ на службу, на этотъ разъ въ государственную канцелярію, гдѣ въ 1853 г. онъ занялъ уже должность помощника статсъ-секретаря, управляя отдѣленіемъ дѣлъ государственнаго секретаря. Въ 1856 г. Ж., произведенный въ дѣйствительные статские совѣтники, былъ назначенъ исполняющимъ должность статсъ-секретаря въ департаментъ Царства Польскаго, но недолго оставался на этомъ мѣстѣ. Обнаруженные Ж. государственныя способности и необычайное трудолюбіе послужили поводомъ къ привлеченію его къ дѣятельности по назрѣвавшей въ то время крестьянской реформѣ. 5 января 1857 г. Ж. назначенъ былъ въ помощь государственному секретарю по производству дѣлъ учрежденнаго при Государственномъ Совѣтѣ, подъ предѣлательствомъ Его Императорскаго Величества, Комитета для разсмотрѣнія постановленій и представленій о крѣпостномъ состояніи, наименованнаго впоследствии Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу; вслѣдъ затѣмъ на Ж. возложено было также управленіе дѣлами Комиссіи, учрежденной при Главномъ Комитетѣ. Дѣятельность Ж. при исполненіи этихъ сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей была такъ велика и на столько обратила на себя вниманіе, что князь А. Ѳ. Орловъ, бывшій тогда предѣлатель Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, въ всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ указалъ на Ж., какъ на лицо, на которое могли бы быть возложены обязанности предѣлателя Высочайше учрежденныхъ для составленія Положенія крестьянскихъ Редакціонныхъ Комиссій. Императоръ Александръ II, однако, остановилъ свой выборъ на Яковѣ Ивановичѣ Ростовцовѣ, назначивъ его предѣлательмъ этихъ Комиссій, но въ то же время, 17 февраля 1859 г., послѣдовало назначеніе Ж. непремѣннымъ членомъ Комиссій. 19-го февраля 1861 года, въ день изданія манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Ж. поручено было управленіе дѣлами Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. Въ 1861 году Ж., произведенный въ тайные совѣтники, временно управлялъ дѣ-

лами Кавказскаго и Сибирскаго Комитетовъ, а затѣмъ состоялъ членомъ Высочайше учрежденной при Министерствѣ финансовъ Комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ. Въ 1863 г. Ж. пожалованъ былъ въ статсъ-секретари Его Императорскаго Величества, а въ 1864 г. назначенъ управляющимъ Комитетомъ по дѣламъ Царства Польскаго. „Всѣмъ сколько-нибудь прикосновеннымъ къ трудамъ Редакціонныхъ Комиссій,—говоритъ современникъ,—хорошо извѣстно, что громаднѣйшая доля въ этихъ трудахъ выпала на долю С. М. Ему же непосредственно принадлежитъ редакція множества законоположеній, выработанныхъ въ тѣхъ высшихъ учрежденіяхъ, Комитетовъ и Комиссіяхъ, созданіе которыхъ вызвано было преобразованіями Императора Александра II какъ въ Имперіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ. Хотя трудъ С. М. поставленъ въ благоприятныя условія, именно въ томъ отношеніи, что въ составѣ упомянутыхъ Комитетовъ и Комиссій какъ нѣкоторые его члены, такъ и нѣкоторые предѣлатели, были особенно проникнуты величіемъ возложеннаго на нихъ дѣла, всесторонне знакомы съ нимъ, всецѣло ему отдавались и охраняли не только его основы, но и малѣйшія подробности, — тѣмъ не менѣе, такъ какъ на С. М. Жуковскомъ лежала отвѣтственность за редакцію выработываемыхъ въ этихъ учрежденіяхъ законоположеній, то на него выпала трудъ громадный, и трудъ этотъ наполнялъ всю его жизнь“. Рядъ почетныхъ наградъ, полученныхъ Ж., свидѣтельствовали о Высочайшемъ вниманіи къ его трудамъ; послѣдней пожалованной ему въ 1877 г. наградой—были брилліантовые знаки ордена Св. Александра Невскаго. Ж. скончался 29 сентября 1877 г. за-границей, въ Базелѣ, вслѣдствіе общаго упадка силъ и болѣзни дыхательныхъ органовъ.

Крестьянское дѣло (изъ „Записокъ сенатора Я. А. Соловьева“), (Р. Ст. 1800, 2).— Непремѣнные два члена Редакціонныхъ Комиссій. (Тамъ-же).—Семеновъ, Н. П.: Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Спб. 1889 г. Е. III.

Жуковъ, Василій Ивановичъ. Въ 1623 г. — воевода въ Василѣгородѣ; съ 1629 по 1630 — воевода въ Юрьевѣ Польскомъ. Въ 1647 г. онъ получилъ отъ царя

Алексѣя Михайловича грамоту о назначеніи подъячимъ Съѣзжей избы жалованья 20 рублей въ годъ, вмѣсто 31 рубля, а таможеннымъ дьякамъ, вмѣсто 5 рублей въ годъ, совсѣмъ не платить жалованья, „а быть имъ писчіе деньги, oprичъ той, которые собираютъ на насъ“. Съ 1648 по 1654 г. былъ воеводой въ Каргополѣ.

Разрядныя книги изд. II отд. Е. И. В. Канцеляріи. Спб. 1853 г. т. I стр. 927; т. II стр. 168, 267; Допол. къ Акт. Историч. т. II стр. 134, 295; Указатель къ боярскимъ книгамъ. М. 1853 г. стр. 141. Временникъ Моск. общ. ист. и древ. Росс. М. 1849 г. кн. IV смѣсь стр. 31. А. Барсуковъ. Списки город. воеводъ Моск. государства въ XVII вѣкѣ. Спб. 1902 г. стр. 94, 279.

Б. У.

Жуковъ, Данилъ Ефимовичъ, генераль-лейтенантъ, б. начальникъ 17-й пѣхотной дивизіи. Род. въ 1823 году. Ум. въ 1891 г. Происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи. Воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ 30 августа 1841 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Егерскій полкъ. Въ 1849 г., уже въ чинѣ штабсъ-капитана, участвовалъ въ походѣ гвардіи къ западнымъ предѣламъ Имперіи по случаю Венгерскаго мятежа, а во время Восточной войны (1853—56 г.г.) находился въ составѣ войскъ бывшей Южной арміи. Въ январѣ 1855 г. произведенъ въ полковника, и переведенъ въ б. стрѣлковый полкъ Императорской фамилии, гдѣ вскорѣ получилъ должность баталіоннаго командира. Въ 1857 г. назначенъ командиромъ 18-го стрѣлковаго баталіона; въ 1859 г., состоя въ Дагестанскомъ отрядѣ подъ личнымъ начальствомъ кн. Барятинскаго, участвовалъ въ экспедиціи противъ горцевъ, при блокадѣ и взятіи штурмомъ Гуниба и плѣненія Шамиля. Въ 1860—61 гг. ходилъ въ землю шапсуговъ и находился при всѣхъ операціяхъ, произведенныхъ въ этомъ періодѣ Адагумскимъ отрядомъ. 30 марта 1862 г. назначенъ командиромъ Эстляндскаго пѣхотнаго полка. 9 января 1868 г. произведенъ въ генераль-майоры. Въ 1869—73 гг. занималъ должности: помощника начальника 3-й гренадерской (1869—70) и 18-й пѣхотной (1870—73) дивизій, а потомъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи. Съ открытіемъ турец-

кой войны (1877—78) ему была ввѣрена 17-я пѣхотная дивизія. Находясь въ составѣ дѣйствующей арміи, онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ съ турками, былъ за Балканами, и особенно отличился при Буджакѣ, при переходѣ черезъ Дунай. За это дѣло, а равно и за другія отличія въ сраженіяхъ съ турками, награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и произведенъ въ генераль-лейтенанты. По окончаніи войны, въ виду разстроенаго здоровья, онъ получилъ годичный отпускъ; потомъ былъ отчисленъ отъ должности, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ и, наконецъ, въ 1885 г. уволенъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіей.

Послужной списокъ въ общемъ архивѣ главнаго штаба, дѣло 3 ст. 8 отд. за 1885 г., № 947.

Н. З.

Жуковъ, Михаилъ Михайловичъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1729 г., ум. въ 1803 г. Образование Ж. получилъ въ артиллерійской школѣ и выпущенъ былъ въ 1747 г. въ артиллерию капраломъ. Получая затѣмъ постепенно чинъ за чиномъ, онъ въ 1773 г. дослужился до подполковника и вышелъ въ отставку. Въ томъ же году онъ поступилъ вновь на службу, уже на гражданскую — товарищемъ губернатора Смоленской губ. Спустя два года онъ былъ перемѣщенъ въ Смоленское губернское правленіе совѣтникомъ, а еще черезъ два года — назначенъ предсѣдателемъ Смоленской уголовной палаты (впослѣдствіи палаты суда и расправы). Тогда же ему было поручено исправлять должность Смоленскаго вице-губернатора. Въ 1778 г. онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Въ 1781 г. — исправлялъ должность Астраханскаго губернатора и за труды свои былъ пожалованъ черезъ годъ чиномъ дѣйств. статскаго совѣтника. 11 окт. 1785 г. онъ былъ назначенъ правителемъ Кавказскаго намѣстничества, но тамъ онъ служилъ недолго: въ слѣдующемъ году онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, а годъ спустя еще — произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, сначала въ 4-мъ, затѣмъ въ 7-мъ и наконецъ въ межевомъ департаментахъ. Въ 1796 г. Ж. былъ награжденъ орденомъ св. Але-

всандра Невскаго, и тогда же ему было повелѣно присутствовать въ департаментѣ „казенныхъ и интересныхъ дѣлъ“ Прав. Сената. Два года спустя онъ былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ дѣйств. тайные совѣтники въ награду за 50-ти лѣтнюю усердную службу и умеръ въ отставкѣ 23 февр. 1803 г.

Формулярный списокъ о службѣ.

М. В

Жуеъ, Василій, дьякъ Ивана III. Въ 1482 г. былъ назначенъ Иваномъ III въ Торжокъ, Мѣдна и Купганово приставомъ для призыва къ суду крестьянъ Троицко-Сергіева монастыря. Въ 1495 г. былъ посланъ въ Новгородъ къ намѣстнику съ приказаніемъ учинить расправу съ нѣмцами изъ Колывани (Ревеля) за то, что они въ Колымани причинили „Новгородскимъ гостямъ многія обиды и поруганія, а иныхъ людей великаго князя живыхъ въ котлахъ вариша, безъ обыски великаго князя и обыску“. Затѣмъ Василій Ж. сопровождалъ изъ Москвы въ Вильну дочь Ивана III, княжну Елену, невѣсту литовскаго великаго князя Александра.

Пол. соб. русс. лѣт. т. IV — 164; т. VI стр. 39, 240; т. VII стр. 228. Акты собр. въ биб. и арх. Росс. Имперіи Археог. Экспед. Спб. 1836 г. т. I стр. 84. Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Спб. 1842 г. т. VI прим. 420. А. Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси въ татарскій періодъ. Спб. 1889 г. т. I стр. 267. Русс. Родосл. книга изд. Русс. Старины. Спб. 1873 г. т. I стр. 158.

Б. У.

Журавлевъ, Иванъ Федоровичъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1775 г., ум. въ 1842 г. Ж. происходилъ изъ разночинцевъ. Въ 1792 г. онъ поступилъ въ Московскій университетъ—сперва ученикомъ, а затѣмъ студентомъ. Шестъ лѣтъ спустя Ж. опредѣлился на службу въ Литовское губернское правленіе секретаремъ съ чиномъ коллежскаго регистратора. Въ 1800 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ при Литовскомъ гражданскомъ губернаторѣ, а въ 1804 г.—столоничальникомъ въ департаментѣ министерства юстиціи. Но здѣсь онъ оставался недолго: черезъ два года онъ былъ перемѣщенъ въ Вильно губернскимъ прокуроромъ. Въ 1809 г. Ж. былъ назначенъ письмоводителемъ къ

статсъ-секретарю М. М. Сперанскому и тогда же—письмоводителемъ въ комиссію составленія законовъ. 11 мая 1812 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ и вскорѣ произведенъ въ статскіе совѣтники. Во время Отечественной войны Ж. находился въ главной квартирѣ государя и вмѣстѣ съ ней побывалъ и въ Царствѣ Польскомъ, и въ Пруссіи, Саксоніи, Богеміи и другихъ нѣмецкихъ княжествахъ, и, наконецъ, въ Швейцаріи. Въ 1815 г. онъ былъ переведенъ начальникомъ отдѣленія судебныхъ и тяжбныхъ дѣлъ въ департаментъ государственныхъ имуществъ, а два года спустя—назначенъ сначала для письмоводства во временный департаментъ Государственнаго Совѣта, а затѣмъ директоромъ департамента министерства юстиціи. Въ 1817 г. ему былъ пожалованъ—чинъ дѣйств. статскаго совѣтника. 14 іюня 1824 г. ему повелѣно быть оберъ-прокуроромъ 3-го отдѣленія 5-го департамента Правительствующаго Сената, а черезъ годъ онъ переведенъ въ 1-ый департаментъ. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ верховнаго уголовного суда надъ декабристами. За долговременную и ревностную службу ему въ 1827 году была пожалована грамота на дворянское достоинство. Въ 1831 г. ему было поручено временно управлять дѣлами министерства юстиціи и въ томъ же году повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Тогда же онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Два года спустя Ж. былъ назначенъ за сѣдать во временномъ присутствіи, учрежденномъ для рассмотрѣнія проектовъ откупныхъ условий на содержаніе питейныхъ сборовъ съ 1835 г., а въ слѣдующемъ году—присутствовать въ комитетѣ для негласной повѣрки Свода законовъ. Въ 1837 г. онъ опять былъ назначенъ въ особое присутствіе для рассмотрѣнія проекта откупныхъ условий — съ 1839 по 1843 гг., а въ 1842 г.—откупныхъ условий съ 1843 по 1847 гг. 16 апр. 1841 г. ему былъ пожалованъ орденъ Вѣлаго Орла. Умеръ Ж., состоя на службѣ, 1-го сентября 1842 г.

Формулярный списокъ о службѣ.

М. Василевская.

Журавский, Дмитрий Петрович, писатель, статистикъ. Родился въ 1810 году, въ Могилевской губ. Умеръ 23 ноября 1856 г. Воспитывался въ 1-мъ С.-Петербургскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, изъ котораго выпущенъ въ 1829 г. Во время польскаго мятежа находился въ дѣйствующей арміи и отличился при взятіи Варшавы, а по окончаніи войны перешелъ на гражданскую службу, гдѣ ему предложены были занятія по составленію свода военныхъ постановленій. Имѣя уже достаточный запасъ научныхъ свѣдѣній, которыя приобрѣтены были имъ самостоятельнымъ трудомъ, благодаря его необыкновенной любознательности, способностямъ и прилежанію, онъ оказался здѣсь весьма полезнымъ человѣкомъ. Графъ Сперанскій, цѣня его, какъ весьма „способнаго, безеорыстнаго и упорнаго въ стремленіи къ пользѣ и правдѣ“, неоднократно отличалъ его самымъ лестнымъ для него образомъ,—задавая ему трудныя работы, отъ которыхъ уклонялись другіе и которыя Журавскій исполнялъ всегда съ „наслажденіемъ“. Между прочимъ, въ свободное отъ занятій время, онъ занимался изученіемъ механики, пристрастился къ ней и началъ самъ строить модели и машины. Въ 1839 г. умеръ Сперанскій. Лишившись своего покровителя, Журавскій, не находя среди товарищей сочувствія въ убѣжденіяхъ, перешелъ во вновь образовавшееся министерство государственныхъ имуществъ и поселился въ Камень-Подольскъ, а оттуда переѣхалъ въ Одессу. Здѣсь онъ познакомился съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, который, замѣтивъ въ Журавскомъ необыкновенный практическій умъ, неподкупную правдивость, полюбилъ его и даже пригласилъ съ собою путешествовать за границу—Парижъ и Вѣну, а потомъ доставилъ ему мѣсто въ штатѣ канцеляріи главнаго директора комиссіи финансовъ и казначейства Царства Польскаго. Два года (1841 и 1842) прожилъ Журавскій въ Варшавѣ въ постоянныхъ занятіяхъ финансовыми вопросами и розысканіями разнаго рода, болѣе и болѣе вводившими его въ кругъ камеральныхъ наукъ; здѣсь окончательно установился тотъ специальный характеръ его ученой дѣятельности, которому онъ обязанъ своею извѣстностью. Въ 1843 г. Нарышкинъ предложилъ ему

управлять его Балашевскимъ имѣніемъ, въ которомъ было болѣе 6 тысячъ крестьянъ. Чуждый служебнаго честолюбія, Журавскій охотно принялъ предложеніе и всецѣло отдался трудамъ по усовершенствованію хозяйства и улучшенію быта крестьянъ столь громаднаго имѣнія. Въ 1845 г. онъ снялъ въ аренду подъ Кіевомъ хуторокъ, поселился въ немъ самъ, и въ этомъ уединеніи написалъ первое свое сочиненіе: „Объ источникахъ статистическихъ свѣдѣній“, отличающееся зрѣлостью строго выдержанной мысли и лично ему свойственнымъ характеромъ суровой правдивости. Всѣ отечественные журналы отдали должную справедливость автору. Цѣль сочиненія была убѣдить публику въ необходимости правдивой статистики, и показать, какъ должно обращаться съ числами. Къ сожалѣнію, книга эта принята была за смѣлую выходку, а существенное осталось незамѣченнымъ. Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ его перваго сочиненія Ж. былъ назначенъ чиновникомъ для особыхъ порученій къ Кіевскому губернатору П. И. Фундуклею, извѣстному въ русской литературѣ по роскошному изданію Кіевскихъ древностей, и ему поручено было составить полное статистическое обзорніе Кіевской губ. Это былъ громадный трудъ. Надо было изъ безобразной груды огромныхъ фоліантовъ создать цѣлое, сообразно строгимъ требованіямъ науки; и тамъ, гдѣ бы едва исполнила успѣшно цѣлая комиссія, Ж. трудился одинъ и съ полнымъ успѣхомъ окончилъ возложенное на него порученіе. За исключеніемъ нѣкоторыхъ главъ, которыя получены и внесены имъ готовыми (напр. геогнозическое описаніе края, перечень растений, животныхъ и пр.), все рѣшительно прошло черезъ его руки: онъ былъ не только распорядителемъ, но и главнымъ исполнителемъ всѣхъ работъ. Составленная имъ статистика Кіевской губ. состоитъ изъ четырехъ частей и обнимаетъ 1) Обзорніе площади народонаселенія населенныхъ мѣстъ и путей сообщенія; 2) Обзорніе сельскаго хозяйства и поземельной собственности; 3) Обзорніе промышленности и торговли; 4) Обзорніе мѣстнаго управленія и правительственныхъ учреждений. Въ этихъ четырехъ отдѣлахъ собрано рѣшительно все, что только можно было узнать о поло-

женіи края, не только изъ официальныхъ источниковъ, но и посредствомъ частныхъ розысканій. Введенные инвентари въ западныхъ губерніяхъ и представленные въ мѣстный комитетъ, доставили богатый матеріалъ для второго тома и статистическаго описанія. Помѣщичье хозяйство, бытъ крестьянъ, система управленія, экономическія и полицейскія отношенія владѣльцевъ къ поселянамъ изображены здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ застали ихъ преобразования, осуществленныя правительствомъ въ 1848 г.,—преобразования, обезпечившія неприкосновенность мірской земли, и положившія законный предѣлъ обязательнымъ повинностямъ крестьянъ. Кромѣ того, Журавскій, по порученію генераль-губернатора, составилъ записку о доходахъ и расходахъ города Кіева и пространный проектъ устройства статистической части въ губерніи, въ которомъ онъ, между прочимъ, предлагалъ снабдить каждое присутственное мѣсто и должностное лицо особою книгою, въ которую должны были вноситься простыя отмѣтки по мѣрѣ поступленія свѣдѣній и рѣшенія дѣлъ. Такія же книги должны вестись и въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи, «ибо,—замѣчаетъ Ж.,—правительство, предоставляя помѣщику ближайшую судебнополицейскую власть въ предѣлахъ его владѣній, въ правѣ было подчинить наравнѣ съ другими правительственными учрежденіями извѣстнаго рода отчетности по управленію».

Съ окончаніемъ описанія Кіевской губерніи, Ж. остался безъ дѣла. Тогда бывшій помощникъ попечителя Кіевского учебнаго округа, М. В. Юзефовичъ, желая воспользоваться его трудолюбіемъ, возбудилъ вопросъ объ учрежденіи при университетѣ св. Владиміра статистической комиссіи для описанія всего учебнаго округа, состоящаго изъ пяти губерній. Проектъ учрежденія комиссіи былъ одобренъ; Ж. назначенъ непремѣннымъ секретаремъ, онъ составилъ планъ статистическаго описанія губерній, входящихъ въ составъ Кіевского учебнаго округа (1851), и принялъ за разработку статьи о народонаселеніи по послѣдней ревизіи (только-что оконченной въ то время). Но его разстроенное здоровье не позволило ему продолжать возложенное на него порученіе, и онъ уѣхалъ лечиться на южный

берегъ Крыма. Продолжателемъ работъ комиссіи остался его помощникъ профессоръ политической экономіи Бунге. На югѣ Ж. собиралъ подробности о хозяйственномъ положеніи Крыма, гдѣ думалъ поселиться и заняться разведеніемъ виноградниковъ; здѣсь же занимала его постоянно мысль о народномъ образованіи. Ж. снова возвратился въ Кіевъ въ 1854 г. и сначала хотѣлъ было поступить на службу чиновникомъ особыхъ порученій при гражданскомъ губернаторѣ А. Д. Кривцовѣ, но потомъ почему то раздумалъ и возвратился къ прежней должности ученаго секретаря при статистической комиссіи. Послѣднее его сочиненіе было напечатано передъ смертью подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе кредитныхъ сдѣлокъ въ Кіевской губерніи“.

Настольный энцикл. словарь Граната, т. 3 (изд. 2). Русскія общественныя замѣтки, „Биржевыя Вѣдомости“, 1869 г., № 256. „Списокъ сочиненій литераторовъ, получившихъ воспитаніе въ гимназій высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко“, Н. Гербель, стр. 163—206. Некрологи: „Кіевскія губернскія вѣдомости“, 1856 г., № 48 и 1857 г., № 41; „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1856 г., № 272; „Мѣсяцесловъ“ на 1857 г., стр. 249; „Памятная книжка Кіевской губ.“ на 1858 г., стр. 139. Замѣтка: Полковникъ П. Д. Головинъ и генералъ Журавскій въ 1854 г. „Русская Старина“, 1885 г., т. XLV Труды Д. П. Журавскаго: „Матеріалы для статистики частныхъ имуществъ и кредита“; „Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности“ „Военный Сборникъ“, 1859 г., №№ 9—12; Статья о дворянствѣ „Современникъ“, т. ХСІ (№ 2), отд. 2. „Воспоминанія Самарина о Дм. П. Журавскомъ“, „Русская Бесѣда“, 1857 г., кн. 6, отд. 6.

Жураковскій, Василій Яковлевичъ, генеральный есаулъ и одинъ изъ правителей Генеральной Войсковой Канцеляріи. Генеральнымъ есауломъ Ж. поставленъ былъ при Скоропадскомъ и впервые упоминается занимающимъ этотъ урядъ въ 1710 г. Въ 1720 г. Ж. находился въ числѣ трехъ комиссаровъ, назначенныхъ Скоропадскимъ для межеванія земель, пожалованныхъ Меншикову около Почепа. Межевщикомъ этихъ земель назначенъ былъ дьякъ Лосевъ. Ж. протестовалъ противъ неправильностей и захватовъ, сдѣланныхъ Лосевымъ при межеваніи, и Сенатъ, куда была подана гетманомъ по этому поводу жалоба, въ 1721 г. предписалъ произвести межеваніе вновь подѣ

наблюденієм полковника Скорнякова-Писарева, а гетману назначить съ своей стороны комиссаровъ. Въ числѣ послѣднихъ Скоропадскій послалъ вновь Ж. Однако, усилія Ж. не привели къ желаемымъ для гетмана результатамъ и межеваніе остановилось, такъ какъ гетманъ въ началѣ 1722 г. поѣхалъ въ Петербургъ и лично жаловался царю на Меншикова. Стараніями гетмана состоялся новый указъ о повѣркѣ Почепскаго межеванія, въ которомъ Ж. уже не принималъ участія, ибо вслѣдъ за смертью Скоропадскаго, въ іюлѣ 1722 г., былъ назначенъ вмѣстѣ съ черниговскимъ полковникомъ Павломъ Полуботкомъ и прочю генеральною старшиною управлять дѣлами Малороссіи. Одновременно съ этимъ была учреждена Малороссійская Коллегія, первымъ президентомъ которой былъ бригадиръ Вельяминовъ. Какъ извѣстно, между Коллегіей и Вельяминовымъ съ одной стороны и Генеральною Канцеляріей, Полуботкомъ и старшиною—съ другой вскорѣ возникли недоразумѣнія и пререканія изъ-за круга вѣдѣнія обоихъ учреждений. Ж. въ этихъ спорахъ держалъ сторону Полуботка, который старался уменьшить вліяніе на малороссійскія дѣла Вельяминова. Въ февралѣ 1723 г., во время обостренія отношеній между наказнымъ гетманомъ Полуботкомъ и Вельяминовымъ, Ж. былъ вытребованъ въ Петербургъ для дачи показаній по дѣлу Лосева. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Полуботокъ поручилъ Ж. ходатайствовать передъ царемъ о нуждахъ Малороссіи и, между прочимъ, объ избраніи гетмана, мѣста котораго Полуботокъ болѣе всего добивался. Но Ж. не достигъ никакихъ результатовъ по челобитной Полуботка и вскорѣ вернулся въ Малороссію.

Въ іюнѣ 1723 г. Полуботокъ, генеральный судья Чарнышъ и писарь Савичъ были вызваны царемъ въ Петербургъ, и съ этихъ поръ правителями „войсковыхъ дѣлъ и порядковъ“ Малороссіи остались Ж. и генеральный бунчучный Лизогубъ. Ж., вѣря въ возможность отстоять еще старыя „права и вольности“, (подъ которыми разумѣлъ преимущественно „привилегіи старшины“), и послѣ отъѣзда Полуботка старался защищать передъ Вельяминовымъ права старшины и собиралъ отъ полковъ челобитныя объ избра-

ніи гетмана, отиравъ налоговъ со старшинскихъ имѣній и проч. Время правленія Малороссій Ж. (Лизогубъ почти никакого участія въ дѣлахъ не принималъ) ознаменовалось важною мѣрою — подворной переписью населенія всего края. Этой переписью предполагалось лишить старшину средствъ злоупотреблять своей властью при составленіи казачьихъ списковъ, куда вносились его, за взятки, часто крестьяне. Лѣтомъ 1723 г. въ Малороссію прибылъ князь Голицынъ для производства смотра малороссійскимъ полкамъ. Ж. послѣдшилъ къ кн. Голицыну на мѣсто смотра съ жалобами на притѣсненія Вельяминова и ходатайствами о нуждахъ старшины; князь выслушалъ его, но никакихъ обѣщаній не далъ и приказалъ вернуться въ Глуховъ. Вскорѣ затѣмъ посланные Ж. въ Петербургъ съ челобитными отъ миргородскаго полковника Апостола два сотника были арестованы Вельяминовымъ. Тогда Ж. выбралъ новыхъ лицъ и отправилъ челобитныя безъ вѣдома Вельяминова.

Между тѣмъ въ Петербургѣ рѣшено было отправить въ Малороссію гвардіи майора Румянцева для слѣдствія по дѣлу о составленіи челобитныхъ наказного гетмана. Царь, сомнѣваясь въ дѣйствительномъ участіи народа въ челобитныхъ, въ которыхъ именемъ народа говорилось объ интересахъ старшины, поручилъ Румянцеву собрать данныя по этому предмету на мѣстѣ. Узнавъ о готовящейся поѣздкѣ Румянцева, Полуботокъ сильно встревожился и послалъ изъ Петербурга къ Ж. письмо, въ которомъ дѣлалъ ему наставленія какъ настроить народъ ввиду пріѣзда Румянцева. Послѣдній находился еще въ Петербургѣ, когда получены были челобитныя, посланныя Ж. Эти челобитныя, извѣстныя подъ именемъ Коломацкихъ, истожили терпѣніе царя, и онъ приказалъ арестовать Полуботка и бывшаго съ нимъ старшину. Румянцевъ вскорѣ послѣ этого выѣхалъ въ Малороссію. Ж. немедленно разослалъ по городамъ „научительные пункты“, какъ и что говорить Румянцеву, приказывая вмѣстѣ съ тѣмъ старшинѣ „наградить обидимыхъ для своей пользы“. По прибытіи въ Малороссію, Румянцевъ тѣмъ не менѣе получалъ множество жалобъ на насилія старшины и державцевъ (помѣщиковъ), на медленность суда, на неправильности, допущенныя при расквар-

тированіи великорусскаго войска, и т. д., и поручилъ Вельяминову арестовать Ж. и другихъ старшинъ и отправить въ Петербургъ. Слѣдствіе Румянцева, какъ извѣстно, обнаружило, что Полуботокъ, Ж. и другіе старшины злоупотребляли именемъ народа при составленіи челобитныхъ, въ которыхъ „чернь“ не принимала никакого участія. По прибытіи въ Петербургъ, Ж. былъ допрашиваемъ и пробывъ подѣ карауломъ до конца царствованія Петра Великаго, по смерти котораго, въ началѣ 1725 года, былъ выпущенъ вмѣстѣ съ другими на свободу, но съ приказомъ жить въ Петербургѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Ж. вернулся на родину, но уже никакого уряда не занималъ. Умеръ онъ въ 1730 году.

Наряду съ Полуботкомъ (см. ниже) Ж. никоимъ образомъ не можетъ быть почитаемъ поборникомъ казацкихъ „правъ и вольностей“; онъ былъ борцомъ лишь за интересы старшины, высшаго класса тогдашней Малороссіи.

А. Лазаревскій, *Описание старой Малороссіи*, т. I, стр. 38, 278—288; т. II, стр. 3, 11, 125, 502; Сулимовскій архивъ, стр. 181; Н. Василенко, *Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Нѣжинскаго полка*, стр. 173—177; *Дневникъ Якова Марковича*, ч. I, стр. 10; *Лѣтопись Самовидца*, стр. 309, 310; *Кіевская Старина* 1888 г., № 11, стр. 364—373; *Черниговская лѣтопись по новому списку*, стр. 101—104; Л. Лазаревскій, *Павель Полуботокъ*, *Русскій Архивъ* 1880 г., кн. 1; дѣло архива департа. Герольдіи Правит. Сената о дворянствѣ Жураковскихъ.

В. М.

Жученко, Федоръ Ивановичъ, полковникъ Полтавскій. Впервые мы его встрѣчаемъ въ казацкихъ реестрахъ 1649 г., гдѣ онъ записанъ казакомъ въ Полтавской сотнѣ. Въ это время Жученко былъ еще малозамѣтнымъ человѣкомъ, но черезъ десять лѣтъ занималъ уже такое видное положеніе въ Полтавѣ, что въ іюлѣ 1659 г. былъ избранъ полтавскими казаками своимъ полковникомъ на мѣсто Кирика Пушвара, арестованнаго за сношенія съ Каплонскимъ, однимъ изъ старшинъ Выговскаго. Въ данный моментъ Жученко былъ сторонникомъ Юрія Хмельницкаго, подѣ статьями котораго и подписался. За тѣмъ, когда Хмельницкій передался на сторону поляковъ, за нимъ пошелъ и Жученко, отправившійся на

правый берегъ Днѣпра. Вѣроятно, за приверженность къ Польшѣ, Жученко и былъ „свинутъ“ полтавцами съ полковничества; въ апрѣлѣ 1661 г. онъ еще былъ на этомъ урядѣ, но въ маѣ того же года на его мѣстѣ уже значится Демьянъ Гуджоль, вмѣстѣ съ которымъ признала московскую власть и Полтава. Послѣ этого Жученко успѣшилъ вернуться въ Полтаву, билъ челомъ князю Ромодановскому объ оздачѣ ему его вины и получилъ прощеніе. Съ этихъ поръ Жученко жилъ въ Полтавѣ, но не занималъ никакого уряда. Вновь избранъ полковникомъ Жученко былъ лишь въ маѣ 1670 г., послѣ того, какъ полтавцы увидѣли всю тщетность замысловъ Дорошенка и признали гетманомъ Многогрѣшнаго. На этотъ разъ Жученко пробывъ на полковничествѣ около двухъ лѣтъ и отличился тѣмъ, что схватилъ въ Новомъ Санжаровѣ (лѣтомъ 1672 г.) извѣстнаго Сѣрка, державшагося поставленнаго поляками гетмана Ханенка и прибывшаго въ это время съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, вѣроятно, въ качествѣ искателя булавы. Вскорѣ послѣ низложенія Многогрѣшнаго потерялъ полковничество и Жученко, уступивъ его Демьяну Гуджолу, а самъ сталъ въ ряды полтавскихъ казаковъ. Въ 1678 г. Жученко вмѣстѣ съ новымъ полтавскимъ полковникомъ Левенцомъ участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ и былъ раненъ подѣ Чигириномъ, а въ іюнѣ 1679 г. занялъ его мѣсто, но продержался недолго, такъ какъ лѣтомъ 1680 г. его замѣнилъ на урядѣ полтавскаго полковничества Леонтій Чернякъ, въ сентябрѣ 1681 г. Жученко снова былъ полковникомъ, но очень недолго. Несмотря на то, что Жученко послѣ потери полковничества не занималъ никакого уряда, Самойловичъ его цѣнилъ и въ 1682 г. подтвердилъ ему своимъ универсаломъ село Жуки подѣ Полтавою. Вновь добился полковничества Жученко въ 1687 г., когда на Коломакѣ поставленъ былъ на этотъ урядъ Мазепою и продержался на немъ около двухъ лѣтъ, принужденный уступить его въ 1689 г. на короткое время Леонтію Черняку, избранному, по всей вѣроятности, полтавцами безъ вѣдома гетмана. Но въ серединѣ 1689 г. онъ снова былъ полковникомъ въ Полтавѣ и ѣздилъ въ это время вмѣстѣ съ

Мазепою въ Москву. За участіе въ обо-
ихъ крымскихъ походахъ. (1687 и 1689
г.г.) Жученко получилъ отъ Мазепы под-
тверженіе на село Жуки, а въ 1690 г.
гетманъ выхлопоталъ на это село и цар-
скую грамоту. Въ это время Жученко
былъ уже въ глубокой старости, вѣроятно,
старость и заставила его въ 1691 или
1692 годахъ отстраниться отъ полковни-
чества, на которомъ онъ могъ держаться
вліяніемъ своего зятя — генеральнаго пи-
саря Кочубея. Урядъ полтавскаго пол-
ковничества перешелъ послѣ Жученка
къ Павлу Герцику, а затѣмъ (въ 1696 г.)
къ Ивану Искрѣ, другому зятю Жученка.
Бросивъ службу, Жученко продолжалъ
сохранять большое значеніе и въ рядахъ
полтавскаго козачества; значеніе это по-
колеблено было только къ концу гетман-
ства Мазепы интригами Герцика и его
зятя Филиппа Орлика, одного изъ близ-
кихъ къ Мазепѣ людей. Въ іюнь 1708 г.
Жученку пришлось перенести большое

несчастіе: оба его зятя, Кочубей и Искра,
были казнены въ это время Мазепою, но
послѣ этого Жученко прожилъ еще около
года. Въ декабрь 1708 г. Скоропадскій
подтвердилъ ему его маенности — село
Жуки и слободу Никольскую, а въ слѣ-
дующемъ году Жученко умеръ, оставивъ
имѣнія свои внукамъ.

Акты 10 и 3. Россіи, т. IV, стр. 272; т. V,
стр. 54, 65, 241; т. VII, стр. 286, 287, 297; т.
IX, стр. 268, 272, 844; Реестра 1649 г., изд.
Бодянскимъ, стр. 283; Лѣтопись Величка, т.
I, стр. 405; т. II, стр. 464, 511, 522; т. III, стр.
95; Лѣтопись Грабянки, стр. 314; Письма
Лазаря Барановича, Чертповъ. 1865, стр.
164; Н. Костомаровъ, Руина, стр. 163. 208;
Мазепа и Мазепинцы, стр. 403, 431, 666; А.
Лазаревскій, Полтавщина въ XVII вѣкѣ,
Кіевская Старина 1891 г., № 9; Люди Ста-
рой Малороссіи. Кіевская Старина 1886 г.,
№ 7; Дѣло архива департ. Герольдіи Правит.
Сената о дворянствѣ Ж.; Чтеніи въ Моск.
общ. исторіи и древностей Росс. 1859 г., I,
147; и слѣд. Историко-Статистическое опи-
саніе Харьковской епархіи, III, 89 и 262;
Основа 1862 г., № 10. В. М.

Заблоцкій - Десятовскій, Андрей Парфеньевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта (р. въ 1808 г., умеръ 24 декабря 1881 г.), изъ дворянъ Черниговской губерніи Заблоцкихъ, получившихъ придаточную фамилію Десятовскихъ отъ принадлежавшей имъ деревни Десятухи. Отецъ З.-Д., небогатый дворянинъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда Черниговской губ., помѣстилъ сына въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, откуда перешелъ онъ для продолженія образованія въ Московскій университетъ. Въ 1827 г. З.-Д. окончилъ курсъ въ университетѣ по физико-математическому факультету съ золотой медалью, а въ 1832 г. удостоенъ степени магистра физико-математическихъ наукъ за диссертацию: „О способахъ изслѣдованія кривыхъ линий второго порядка“. Въ этомъ же году З.-Д. поступилъ на службу въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Влестящія способности З.-Д. и необычайное его трудолюбіе рано обратили на себя вниманіе его начальства, и уже въ слѣдующемъ году ему поручена была отвѣтственная должность редактора „Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ“ Въ 1838 г. З.-Д. положилъ основаніе статистическимъ изслѣдованіямъ Петербурга въ книжкѣ „Статистическое обозрѣніе С.-Петербурга“, а въ 1835 г. возложены были обязанности правителя канцеляріи статистическаго отдѣла. Черезъ три года З.-Д. переведенъ былъ на должность чиновника особыхъ порученій въ V отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи и затѣмъ въ министерство государственныхъ имуществъ, только что образованное подъ руководствомъ графа П. Д. Киселева, для устройства и улучшенія

быта государственныхъ крестьянъ и улучшенія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи; въ то-же время, по мысли Императора Николая Павловича, министерство государственныхъ имуществъ, устройствомъ быта казенныхъ крестьянъ должно было подготовить въ будущемъ отмѣну крѣпостнаго права. Графъ Киселевъ скоро оцѣнилъ З.-Д., не скрывавшаго своего сочувствія мысли объ освобожденіи крестьянъ, и вскорѣ сдѣлалъ его однимъ изъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ. Тѣсныя отношенія З.-Д. съ Н. А. Милютинымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, Самаринымъ, Чевкинскимъ и фонъ-Брадкѣ укрѣпляли въ немъ преданность идеѣ крестьянской реформы и способствовали развитію трудовъ его по этому дѣлу. Болѣе всего, однако, находилъ онъ поддержку въ графѣ Киселевѣ. „Съ Павломъ Дмитріевичемъ Киселевымъ, — говорилъ впоследствии самъ З.-Д., — я находился въ сношеніяхъ съ 1837 г., и чѣмъ болѣе эти сношенія продолжались, тѣмъ болѣе укрѣплялась моя связь съ нимъ... Я обязанъ многимъ Киселеву, но въ особенности тѣмъ, что учился у него тремъ общественнымъ добродѣтелямъ: законности, порядку, предусмотрительности“. Разработкѣ крестьянскаго вопроса сталъ посвящать З.-Д. не только служебные, но и литературные свои труды. Въ 1840 г. З.-Д. былъ назначенъ редакторомъ вновь основаннаго „Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ“ Въ слѣдующемъ 1841 г. графъ Киселевъ поручилъ ему изслѣдованіе положенія крѣпостныхъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, предпринятое по указанію самого Государя. З.-Д. на мѣстахъ ознакомился съ положеніемъ дѣла и, по возвращеніи въ Петербургъ, въ

особой запискѣ представилъ безотрадныя картины крѣпостного быта, его тяжелыя нравственныя и экономическія послѣдствія. Съ экономической точки сильный ударъ крѣпостному праву З.-Д. нанесъ своими изслѣдованіями о колебаніяхъ цѣнъ на хлѣбъ, напечатанными въ 1846 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Тогда же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1845—1847 г.) издавалъ онъ, вмѣстѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ „Сельское Чтеніе“, выдержавшее нѣсколько изданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ З.-Д., по мысли графа Киселева, положилъ основаніе открытію училищъ для государственныхъ крестьянъ въ то время, когда ихъ почти не существовало у крестьянъ помѣщичьихъ; школы были немногими, но единственными въ 40-хъ годахъ свѣточами народнаго образованія въ Россіи. Для нихъ З.-Д. составилъ „Ручную книжку грамотнаго поселяннина“, а также „Разказы о Богѣ, человекѣ и природѣ“, написанныя въ сотрудничествѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ; книги эти расходились въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Бѣлинскій съ восторгомъ привѣтствовалъ появленіе этихъ первыхъ книгъ для народнаго чтенія и придавалъ имъ огромное значеніе. Политическіе враги графа П. Д. Киселева, противники крестьянской реформы, видѣли въ З.-Д. главнѣйшее его орудіе и старались вредить ему, чѣмъ могли. Въ 1846 г. З.-Д. командированъ былъ за-границу для изслѣдованія положенія льняной промышленности. По возвращеніи въ Россію, З.-Д., произведенный въ 1851 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники, назначенъ былъ членомъ Ученаго Комитета Министерства, а затѣмъ въ 1856 г. директоромъ департамента сельскаго хозяйства. Но вскорѣ затѣмъ графъ Киселевъ, назначенный Императоромъ Александромъ II посломъ въ Парижъ, оставилъ министерство государственныхъ имуществъ, а заявившій его мѣсто графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, во многомъ не раздѣлявшій взглядовъ графа Киселева, по свидѣтельству К. Д. Кавелина, „закрылъ цѣлый департаментъ, которымъ управлялъ А. А. З.-Д., чтобы оставить его не у дѣлъ“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по представленію гр. Муравьева, З.-Д. назначенъ былъ 9 февраля 1859 г. членомъ совѣта министра государственныхъ имуществъ и

предсѣдателемъ ученаго комитета министерства.

Но въ это время необходимость крестьянской реформы уже провозвѣщена была съ высоты Престола и З.-Д. сочли полезнымъ привлечь къ участію въ разработкѣ крестьянскаго вопроса для отиѣны крѣпостного права, какъ знатока крестьянскаго дѣла. 25 февраля 1859 г. З.-Д. назначенъ былъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря департамента экономіи Государственнаго Совѣта, а 25 ноября того же года произведенъ былъ въ тайные совѣтники. Въ должности статсъ-секретаря З.-Д. принялъ самое живое участіе въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, но особенною заслугою его составляетъ отиѣна питейныхъ откуповъ и замѣна ихъ акцизнымъ сборомъ, въ которой онъ игралъ главную роль, какъ предсѣдатель Высочайше учрежденной въ 1860 г. при министерствѣ финансовъ особой комиссіи для составленія новаго проекта Положенія о питейныхъ сборахъ въ Имперіи. По свидѣтельству современниковъ, З.-Д. былъ душою этой законодательной реформы, провелъ ее, несмотря на сильнѣйшее противодѣйствіе со всѣхъ сторонъ, и много содѣйствовалъ тому, что приведеніе ея въ исполненіе попало въ надежныя и вѣрныя руки К. К. Грота. Хотя упраздненіе питейныхъ откуповъ еще болѣе умножило число тайныхъ и явныхъ недоброжелателей З.-Д., но его заслуги были признаны самимъ Государемъ, который рядомъ наградъ выражалъ ему свое благоволеніе: въ 1861 г., послѣ изданія манифеста 19 февраля, З.-Д. было пожаловано болѣе 5.000 десятинъ изъ такъ называемыхъ башкирскихъ земель въ Самарской губерніи, въ 1862 г.—онъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й ст. и, наконецъ, въ 1863 году пожалованъ былъ статсъ-секретаремъ Его Императорскаго Величества съ оставленіемъ управляющимъ дѣлами департамента экономіи Государственнаго Совѣта. 11 мая 1867 г. З.-Д. уволенъ былъ отъ управленія дѣлами деп. экономіи Госуд. Совѣта и назначенъ членомъ Комитета Финансовъ. Но съ этого времени служебная дѣятельность З.-Д. не представляетъ ничего особо выдающагося, кромѣ постояннаго и полезнаго участія въ занятіяхъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта, чле-

номъ котораго онъ на склонѣ лѣтъ назначенъ былъ 1 января 1875 г. Въ свободное время онъ занимался дѣлами по литературному фонду, котораго онъ былъ однимъ изъ основателей и нѣсколько лѣтъ предсѣдателемъ. Немало трудовъ понесъ онъ также на службѣ городу Петербургу, въ качествѣ члена и предсѣдателя городской финансовой коммиссии и многихъ другихъ; ему принадлежала также первоначальная мысль объ устройствѣ при городской управѣ статистическаго отдѣленія, объ изслѣдованіи съ санитарною цѣлью водъ въ петербургскихъ рѣкахъ и каналахъ, о производствѣ періодической переписи въ Петербургѣ и др. Досуги свои посвятилъ онъ литературнымъ трудамъ. Въ 1871 г. вышло въ свѣтъ его сочиненіе: „Финансовое управленіе и финансы въ Пруссіи“, 2 тома, въ которыхъ онъ проводилъ идею о здравой государственной экономіи и указывалъ на тѣ преимущества финансоваго управленія, которыя имѣла предъ нами Пруссія. Но самый замѣчательный его трудъ, вышедшій изъ печати почти одновременно со смертію его автора, вышелъ въ концѣ 1881 г. подъ заглавіемъ: „Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II“, въ 4-хъ томахъ. Книга эта, написанная на основаніи массы неизданныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, имѣетъ большое значеніе для исторіи Россіи XIX вѣка, помимо біографіи самаго графа Киселева, хотя и не лишена нѣкоторой субъективности во взглядахъ автора, въ виду близкихъ отношеній его къ графу Киселеву. Въ 1877 г. З.-Д. пожалованъ былъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а 1 января 1881 г. пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго.

„Привѣтствія А. П. Заблоцкому-Десятовскому“, Спб., 1879 г. Некрологи его 1881 г.: „Новое Вр.“ 2095, „Русскія Вѣдомости“, 352, „Порялокъ“ 356, „Совр. Извѣстія“ 360. Журналы 1882 г.: „Вѣстникъ Европы“, кн. 2-я; „Истор. Вѣстникъ“, кн. 2-я; „Русская Старина“, кн. 2-я. — Д. Д. Языковъ: „Писатели, умершіе въ 1881 г.“ („Историч. Вѣстникъ“, 1884 г., т. 18). Архивъ Гос. Совѣта: дѣло о службѣ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. В. И. Сеневицкій: „Крестыянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ“.

Е. Ш.

Заблоцкій-Десятовскій, Павелъ Парвентьевичъ, докторъ медицины, заслуженный профессоръ С.-Петербургской медико-хирургической Академіи, почетный и непремѣнный членъ военно-медицинскаго Ученаго Комитета, совѣтательный членъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, членъ многочисленныхъ ученыхъ Обществъ, тайный совѣтникъ; род. въ 1814 году, ум. 2 іюля 1882 года. Семья, къ которой принадлежалъ З. происходила изъ стариннаго малороссійскаго дворянскаго рода. Окончивъ курсъ въ Новгородсверской гимназіи, З. поступилъ въ Московскій Университетъ—сперва на математическое отдѣленіе, а потомъ на медицинскій факультетъ. Здѣсь З. слушалъ анатомію у Лодера. По окончаніи курса въ Университетѣ въ 1835 г., съ похвальнымъ отзывомъ за сочиненіе по хирургіи „De laesionibus, quae amputationem requirunt, nec non de varia perficiendi illam ratione (М. 1834 г.) и со званіемъ лекаря перваго отдѣленія, З. былъ назначенъ врачомъ при экспедиціи, посланной для изслѣдованія восточныхъ береговъ Каспійскаго моря. Во время этой экспедиціи, продолжавшейся два года, З. изучилъ ботанику и энтомологію и зарекомендовалъ себя настолько, что ему поручено было составить описаніе Талышинскаго ханства и западныхъ береговъ Каспійскаго моря отъ Астрахани до Ленкорани и Астары въ медицинскомъ и естественно-историческихъ отношеніяхъ. Возвратившись изъ экспедиціи, З. напечаталъ „Медико-топографическое описаніе Талышинскаго ханства“ (М. 1836 г.) и „Путевыя записки изъ Астрахани черезъ Кизляръ въ Баку“ (М. 1836 г.). За эти сочиненія З. былъ избранъ въ 1837 г. членомъ Общества естествоиспытателей природы, а въ 1838 г.—членомъ-корреспондентомъ Россійскаго Общества любителей садоводства. 30 іюня 1838 г. З. получилъ степень доктора медицины за защиту диссертации „De solpuga arachnoidea“, (diss. d. М. М. 1838 г.), представляющую описаніе наукообразныхъ, а въ слѣдующемъ году отправился за границу на средства заработанныхъ практикой. За границей З. пробылъ около трехъ лѣтъ; изучалъ сперва естественныя науки, а потомъ—физиологію, анатомію, общую патологію и преимущественно хирургію у зна-

менитыхъ профессоровъ парижской школы Andral, Orfila, Ricord, Rostan, Richerand, Lisfranc, Velpeau и др. и получилъ отъ нихъ, по обычаю того времени, одобренные аттестаты о своихъ занятіяхъ. Какъ результатъ изученія практической хирургіи, появились работы З.: „объ операціяхъ надъ занками“ (Воен. Мед. Журн. 1840 г.) и „объ операціяхъ надъ расширенными венами сѣменнаго канатика“ (Воен. Мед. Журн. 1841 г.), присланныя изъ за границы. По возвращеніи въ Петербургъ, З. 2-го февраля 1842 г. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ по кафедрѣ теоретической хирургіи въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опредѣленъ ординаторомъ въ Военносухопутный (нынѣ Клинической) госпиталь и избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, секретаремъ котораго состоялъ два года. Въ 1843 г. З. съ начала учебнаго года открылъ клинической курсъ сифилитическихъ болѣзней, и первый въ Медико-Хирургической Академіи преподаваніе о сифилисѣ и о болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ выдѣлилъ въ спеціальній курсъ. Въ это же время создалась извѣстность З., какъ практическаго врача, и онъ съ 1843 по 1849 годъ состоялъ дежурнымъ гофъ-медикомъ при дворѣ Государя Императора. Въ 1845 г. З. былъ избранъ и назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1846 г. и ординарнымъ профессоромъ на кафедрѣ судебной медицины, медицинской полиціи и гигиены. Въ томъ же году онъ завѣдывалъ хирургическимъ отдѣленіемъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя. Получивъ ординатуру З. еще болѣе усилилъ свою кабинетную, ученую дѣятельность и пополнилъ нашу спеціальную литературу по хирургіи, судебной медицинѣ и гигиенѣ многочисленными научными работами, изъ которыхъ сочиненіе „Ученіе о болѣзняхъ яичка, сѣменнаго канатика и мошонки“, съ атласомъ (СПБ. 1848 г. 8° XVII, 454), было удостоено $\frac{1}{2}$ Демидовской преміи въ 2500 руб. асс. Въ 1847 г. во 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ впервые въ Россіи были произведены З. 5 операцій подъ хлороформомъ, употреблявшимся только въ заграничныхъ клиникахъ, съ того времени профессора и врачи стали употреблять у насъ въ Россіи это анестезирующее сред-

ство. (Раньше З. П. И. Пироговъ употреблялъ только анестезированіе парами эфира черезъ прямую кишку). Въ 1852 г., по выходѣ въ отставку профессора П. А. Дубовицкаго, З. занялъ кафедру теоретической хирургіи и посвятилъ себя исключительно работамъ по хирургіи и сифилису. Изъ монографій и хирургическихъ сочиненій этого времени къ образцовымъ принадлежатъ: „Руководство къ изученію и леченію сифилитическихъ болѣзней“, съ рисунками (СПб., 1857, 8°, XVI, 352). Это первое русское, выдающееся самостоятельное сочиненіе по сифилису, оно было удостоено $\frac{1}{2}$ Демидовской преміи въ 2.500 руб. асс.; 2) „О болѣзняхъ носа“ (СПб., 1857, 8°, 116); 3) „Объ искривленіи частей человѣческаго организма“ (Воен. Мед. Журн., 1853 г., 62); 4) „Ученіе о грыжахъ“ (СПб., 1855, 8°, 218); 5) „О болѣзняхъ крыльцовой впадины“ (Прот. русск. врач. въ СПб., 1860—61 г., 241). Названныя монографіи отличаются ясностью изложенія, богатствомъ фактовъ, строгою системою и логичностью. Интересна также работа З. по одному въ свое время вопросу объ оспопрививаніи. „Опыты леченія сифилитической болѣзни оспопрививаніемъ“ (Мед. Вѣстн. 1861 г., 17, 18, 19). Эти опыты были предприняты З. по порученію конференціи вслѣдствіе заявленія врача Ельцинскаго, горячо защищавшаго предложеніе не врача Лукомскаго о леченіи сифилиса оспопрививаніемъ. Возникшая большая полемика по этому вопросу была закончена опытами З., доказавшаго, что однимъ оспопрививаніемъ вылечить сифилисъ нельзя. З. принадлежить устройство хирургическаго музея при Академіи. Для этой цѣли З. въ апрѣлѣ 1862 г. ѣздилъ за границу, осматрѣлъ лучшія клиники Парижа и Берлина и пришелъ къ мысли, что въ основаніе устройства музея при Медико-Хирургической Академіи должна быть положена „идея естественнаго хода вещей“. Музей при Академіи былъ основанъ 9 февраля 1863 г. Свою богатую коллекцію костей морскихъ животныхъ, насѣкомыхъ и растений, собранную въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, З. пожертвовалъ въ 1856 г. въ естественно-исторической музей Медико-Хирургической Академіи. З. состоялъ членомъ многочисленныхъ ученыхъ медицинскихъ и другихъ ученыхъ Обществъ. Въ 1850 г.

онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Русскаго Географическаго Общества, въ 1851 — Вольнаго Экономическаго; въ 1852 г. былъ консультантомъ Максимилянвской лечебницы; въ 1860 г. состоялъ членомъ Комитета общественнаго здравія города С.-Петербурга; въ 1864 г. былъ избранъ почетнымъ членомъ Курскаго медицинскаго Общества; въ 1866 г. состоялъ почетнымъ членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета; въ 1867 — совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; въ 1869 г. былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета. Въ этой должности и въ должности члена Медицинскаго Совѣта З. оставался до своей смерти. З. былъ первымъ предсѣдателемъ открывшагося въ маѣ 1882 г. Хирургическаго Общества, учрежденнаго въ память Н. И. Пирогова. Кромѣ того, З. былъ депутатомъ отъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи на юбилей Московскаго Университета; устроилъ въ 1873 г. отдѣлъ Краснаго Креста на Московской политехнической выставкѣ; въ Черноморіи устраивалъ госпитали и нѣсколько разъ въ теченіе своей многолѣтней профессорской дѣятельности ѣздилъ за границу съ ученой цѣлью. З. имѣлъ большое влияние на ходъ дѣлъ въ Академіи, онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ П. А. Дубовицкаго. По выходѣ изъ Академіи Дубовицкаго, мѣсто начальника Академіи было предложено З., но онъ отказался, мотивируя отказъ обширностью практики. З. принадлежалъ къ числу выдающихся дѣятелей русской медицинской науки 40—70 гг. Со смертью П. П. прекратилась фамилія Заблоцкихъ-Десятовскихъ. З. оставилъ до 48 ученыхъ изданныхъ работъ; изъ нихъ, кромѣ указанныхъ выше, назовемъ слѣдующія: 1) „Объ бугорковой болѣзни яичка“, Спб., 1843, 8°; 2) „Болѣзни предстательной железы“, Спб., 1856, 8°; 3) „Объ осложненіяхъ травматическихъ поврежденій черепа“, Спб., 1856, 8°; 4) „Болѣзни рта и сосѣднихъ ему частей“, Спб., 1856, 8°; 5) „Очеркъ исторіи патологической анатоміи, Спб., 1844, 8°.

Л. Э. Змѣевъ: „Врачи-писатели“, ч. I, стр. 109, ч. II, стр. 17. Д. Д. Языковъ: „Писатели, умершіе въ 1882 г.“, Выпускъ II, стр. 23; „Врачъ“, 1882 г., стр. 571 и 656; „Свѣтъ“, 1882 г., № 150; „Русскія Вѣдомости“, 1882 г.,

№ 184; „Журналъ врачебныхъ и естественныхъ наукъ“, 1842 г., кн. IV, стр. 155; „Исторія военно-медицинской Академіи за столѣтъ“, стр. 405—406; Эфронъ и Брокгаузъ: „Энциклопедическій Словаръ“, стр. 88; „Русскій Энциклопедическій Словаръ“ Березина, стр. 123; „Энциклопедическій медицинскій словарь“, стр. 257.

Апостоловъ.

Заборинскій, Александръ Никифоровичъ, генераль-лейтенантъ; комендантъ Шлиссельбургской крѣпости. Родился въ 1786 году. Происходилъ изъ дворянъ Царства Польскаго. Службу началъ въ Рижскомъ драгунскомъ полку, въ который поступилъ 12 апрѣля 1802 г. рядовымъ. Въ сентябрѣ того же года произведенъ въ офицеры (прапорщики). Въ кампанію 1805 г. З. участвовалъ въ походѣ въ Австрію и сражался съ французами при Аустерлицѣ, а въ 1807 г. участвовалъ въ сраженіи подъ Гутштадтомъ и Фриландомъ. Во второй періодъ Наполеоновскихъ войнъ (1812—14 гг.) А. Н. безотлучно находился въ дѣйствующей арміи при отступленіи нашей арміи отъ Вильны и до Москвы, въ сраженіяхъ подъ Тарутинимъ, Мало-Ярославцемъ, Вязьмой и Краснымъ, а также въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, въ періодъ мирнаго затишья, до 1819 г. продолжалъ службу въ Л.-Гв. Уланскомъ полку, а потомъ былъ произведенъ въ генераль-майоры и назначенъ командиромъ 1 бригады Литовской уланской дивизіи. Когда вспыхнулъ (въ 1830) польскій мятежъ, З. была ввѣрена 2 драгунская дивизія. Во главѣ ея онъ переправился черезъ Бугъ, а затѣмъ и на лѣвый берегъ Вислы, и вплоть до совершеннаго умиротворенія края занималъ видное положеніе въ арміи: въ сраженіяхъ при Вроновѣ и Казимержѣ (5 и 6 апрѣля) командовалъ отдѣльною частью, а при пораженіи при Любартовѣ войскъ генерала Хражновскаго—лѣвымъ флангомъ войскъ главной арміи. За отличіе получалъ чинъ генераль-лейтенанта. По окончаніи кампаніи былъ назначенъ (въ декабрѣ 1831 г.) начальникомъ 2 конно-егерской дивизіи. Съ 28 іюня 1833 г. по 18 іюля 1835 г. командовалъ 2 уланскою дивизіей, а потомъ около года находился въ отставкѣ. Комендантомъ Шлиссельбургской крѣпости назначенъ въ 1836 г. 30 апрѣля 1849 г.

3. получил отставку и скончался в 1853 г.

Московск. отд. общаго арт. гл. штаба, кн. формул. списка за 1848 г. № 1149.

Н. З.

Заборовскій, Иванъ Александровичъ, действительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, родился в 1735 году. Умеръ в 1817 г. Семнадцатилѣтнимъ юношей былъ записанъ въ гвардію капраломъ (1751 г.), а потомъ — черезъ три года, переведенъ въ армію подпоручикомъ. Въ Семилѣтнюю войну находился въ составѣ дѣйствующей арміи, и особенно отличился въ сраженіи (19 августа) при деревнѣ Гроссъ-Егердорфъ, и былъ произведенъ за отличие въ премьеръ-майора. Во время первой турецкой войны при Екатеринѣ II (1768 — 74), состоя подъ начальствомъ графа Петра Панина, командовалъ гусарскимъ полкомъ; содѣйствовалъ разбитію подъ Вендерами турецко-татарскаго отряда и взятію штурмомъ самой крѣпости (1770); за что пожалованъ былъ въ полковники. Въ 1771 г. участвовалъ въ овладѣніи Перекопскими укрѣпленіями и въ занятіи Кефы. Въ 1772 г. былъ въ Польшѣ, сражаясь подъ начальствомъ генераль-поручика Бибикова съ конфедератами. Въ 1774 г. З. былъ произведенъ въ бригадиры и, находясь въ корпусѣ генераль-поручика Каменскаго, отличился въ битвѣ при Козлуджи; преслѣдовалъ съ вѣрными ему авангардомъ изъ семи баталіоновъ Сераскира Дагистанали-пашу къ Шумлѣ; отразилъ нѣсколько вылазокъ, сдѣланныхъ изъ этой крѣпости, а потомъ былъ посланъ Каменскимъ въ Балканы для разсыянія собравшихся тамъ непріятельскихъ отрядовъ. З. съ небольшимъ отрядомъ проникъ до Челыковака, разбилъ на-голову и взялъ въ плѣнъ Юзуфа-пашу, охранявшаго сообщенія съ Константинополемъ, очистивъ русскимъ войскамъ безпрепятственный путь къ Адрианополю. Но въ это время былъ заключенъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. З. получилъ чинъ генераль-майора, орденъ св. Георгія 4 класса и золотую шпагу, украшенную алмазами, „за знаменитое, удачное предпріятіе за Балканскими горами“. Черезъ три года по окончаніи войны (въ 1777 г.), З. оставилъ строевую службу, послѣ чего около пяти лѣтъ за-

нималъ должность Ярославскаго губернатора (1777—82) и почти столько же времени былъ правителемъ въ Тулѣ. Въ 1782 г. произведенъ въ генераль-поручики и пожалованъ аннинскою лентою; въ 1787 г. получилъ орденъ Александра Невскаго и, послѣ смерти д. т. сов. Мельгунова, намѣстника Ярославскаго и Вологодскаго, былъ назначенъ исправляющимъ должность генераль-губернатора Ярославскаго и Костромскаго (вм. Вологодскаго). Въ 1788 г., во время второй Турецкой войны, когда рѣшено было дѣйствовать противъ турокъ въ Архипелагѣ и съ этой цѣлью снаряженъ былъ флотъ подъ начальствомъ адмирала Грейга, на З. было возложено весьма важное отвѣтственное порученіе: онъ долженъ былъ отправиться сухимъ путемъ въ Триестъ и, по прибытіи въ Сицилію флота, принять начальство надъ всеми сухопутными войсками. Тамъ же поручалось ему вести агитацію среди славянскихъ народовъ, призывая подъ русскія знамена на защиту своей независимости, и „соглашать ихъ на подыятіе оружія противу врага племени христіанскаго“. З. дана была обстоятельная инструкция, весьма подробно опредѣлявшая его компетенцію и цѣль предпріятія. Однако, на этотъ разъ задуманное Екатериной II предпріятіе неудалось вслѣдствіе начавшейся этой же весной войны со шведами. З. отправился по данному ему маршруту, а флотъ остался въ Кронштадтѣ. По этому поводу было писано къ З., что хотя шведскія войска задержали здѣсь флотъ, назначенный въ Средиземное море, но, для диверсін туркамъ, отправятся изъ арміи войска черезъ австрійскія земли къ Адриатическому морю и Чернымъ горамъ, и чтобъ онъ старался возбуждать грековъ и албанцевъ „къ подыятію оружія“ (записки Храповицкаго). И, дѣйствительно, З., находясь во Флоренціи, возбудилъ къ подвигамъ Ломбро-Качіони, и набиралъ волонтеровъ. Известно, что въ это время находившійся на родинѣ въ Корсикѣ будущій великій полководецъ, въ то время артиллерійскій поручикъ Наполеонъ Бонапарте, услышавъ, что русскій генералъ вызываетъ охотниковъ служить подъ русскими знаменами, подалъ ему просьбу о зачисленіи его на русскую службу тѣмъ же чиномъ. Но З. отказалъ ему, такъ какъ лишь за нѣ-

сколько дней получено было предписание не принимать на службу иностранцевъ съ тѣмъ же чиномъ, а Наполеонъ не согласился на пониженіе. Впослѣдствіи И. А., говорятъ, часто вспоминалъ этотъ случай и даже будто бы говорилъ о немъ Императору Александру. Въ концѣ мая того же года онъ возвратился въ Петербургъ и снова вступилъ въ управленіе Ярославскимъ намѣстничествомъ; при Павлѣ I былъ пожалованъ въ сенаторы, съ переименованіемъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. И. А. дожилъ до глубокой старости, и скончался въ Москвѣ, на 83 году отъ рожденія. Погребенъ въ церкви Андроніева монастыря. Императрица Екатерина цѣнила его твердый нравъ; была довольна управленіемъ губерніями и часто говорила, что „онъ ближе всѣхъ подходилъ къ Константинополю“.

„Родословная книга князей и дворянъ“, изд. Новикова. „Двор. роды“, ч. II, гр. А. Бобринскій. „Генеалогія дворянъ Тверской губ.“, М. Чернявскій. „Гербовн. двор. Цар. Польск.“, ч. II. „Энциклопедія военныхъ и морск. наукъ“ Леера, т. III. „Энцикл. словарь“ Брокгаузъ и Эфронъ. „Инструкція ген.-поручику Заборовскому при отправленіи его въ Средиземное море (1788)“, Русскій Архивъ, 1866 г., стр. 1373. „Ярославскія губ. вѣдомости“, 1866 г., № 5 (письма его).

Н. З.

Забудскій, Григорій Николаевичъ, вице-адмиралъ. Родился въ 1828 г. Умеръ въ 1891 г. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, и въ 1844 г. произведенъ въ гардемарины. Во время Восточной войны (1853—56) находился въ составѣ Черноморскаго флота; въ 1853—участвовалъ въ Синопскомъ сраженіи, а въ 1854—55 гг. состоялъ въ гарнизонѣ гор. Севастополя и, командуя здѣсь правымъ флангомъ бастиона № 4, былъ раненъ въ голову и контуженъ въ бокъ и ноги. За отличіе въ этихъ дѣлахъ награжденъ орденами св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“ и св. Владиміра 4 ст. съ мечами, золотою саблею съ надписью „за храбрость“ и годовымъ окладомъ жалованья. Послѣ войны снова былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, гдѣ участвовалъ во многихъ учебныхъ путешествіяхъ въ качествѣ руководителя и командира разныхъ судовъ. Въ 1871 году былъ произведенъ въ капитаны I ранга; въ 1880—назначенъ начальникомъ 2-го

отряда миноносекъ; въ 1882—произведенъ въ контръ-адмирала, съ назначеніемъ завѣдывающимъ гидравлическими пловучими доками въ Кронштадтѣ. Въ 1886—1887 гг. занималъ должность старшаго помощника капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ. 7 декабря 1887 г. уволенъ въ отставку, съ чиномъ вице-адмирала. Въ Морскомъ Сборникѣ (1861 г., № 11) напечатана его статья „Килеваніе 54-хъ пушечнаго винтового фрегата „Пересвѣтъ“ и въ Военномъ Сборникѣ (1890 г., №№ 10, 11 и 12) „Взрывчатыя вещества въ примѣненіи для стрѣльбы и въ разрывныхъ снарядахъ“.

„Общій морской списокъ“, ч. 10 стр. 140.

Завѣлинъ, Іосифъ Викентьевичъ, докторъ медицины, ординарный профессоръ фармакологіи С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, статскій совѣтникъ, родился 1 апрѣля 1834 года въ Витебской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ; умеръ 7 декабря 1875 года. Первоначальное образованіе З. получилъ въ Полоцкой семинаріи и, окончивъ курсъ въ 1854 г., поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, гдѣ 6 іюня 1858 года получилъ званіе лекаря съ отличіемъ и былъ награжденъ золотою медалью со внесеніемъ его имени на мраморную доску. 21-го мая 1858 года, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, при Академіи были учреждены специальные курсы, и З. въ числѣ лучшихъ 10 воспитанниковъ былъ оставленъ на три года при этихъ курсахъ, съ прикомандированіемъ ко второму военно-сухопутному госпиталю. Первое научное изслѣдованіе по фармакологіи, обратившее вниманіе медицинскаго ученаго міра на З., было „О вліяніи мышьяковыхъ солей на метаморфозъ веществъ въ организмѣ“. Медиц. Вѣстн. 1861 годъ. Затѣмъ появилась его вторая работа „О физиологическомъ дѣйствиіи лимонно-кислаго кофеина“ (Дисс. Д. М. СПб. 1861 г. 8° 44), за защиту которой, и по выдержаніи экзамена, 28 октября 1861 года З. получилъ степень доктора медицины. Въ этомъ же году З. получилъ ученое званіе доцента фармакологіи; а въ маѣ 1862 года былъ посланъ Академіей за-границу для даль-

нѣйшей спеціализаціи въ фармакологіи и оставался тамъ въ теченіе трехъ лѣтъ. За границей З. посѣтилъ всѣ наиболѣе замѣчательныя біолого-химическія лабораторіи и, въ это время появился въ заграничной печати его научный трудъ, обратившій на себя вниманіе заграничнаго медицинскаго міра и вошедшій потомъ во всѣ руководства къ анализу мочи, „Ueber die quantitative Bestimmung der Harnsäure im Harn mittelst Salzsäure“ (въ „Annal der Chemie und Pharmacie“ 1862 г. 2-е). По возвращеніи изъ за границы, З. былъ приглашенъ преподавать фармакологію при С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи въ званіи приватъ-доцента, а черезъ два года, 12 марта 1866 г., былъ избранъ и утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ по кафедрѣ фармакологіи и, наконецъ, 26 января 1868 г. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ при той же кафедрѣ. Со вступленіемъ З. въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію начинается новый періодъ въ исторіи кафедры фармакологіи. Прежде фармакологія сочеталась съ другими спеціальностями; З. сдѣлалъ курсъ ея совершенно самостоятельнымъ. До З. лекціи читались на латинскомъ языкѣ и представляли собою нѣчто вродѣ фармакопеи съ теоретическими указаніями на употребленіе лекарствъ; З. установилъ лабораторный, экспериментальный методъ фармакологическихъ изслѣдованій. Въ открывшемся естественно - историческомъ зданіи, З. устроилъ прекрасную лабораторію, и въ Академіи при немъ впервые лекціи фармакологіи, опираясь на экспериментальную почву, стали на уровень современныхъ европейскихъ взглядовъ. Экспериментомъ З. произвелъ въ преподаваніи фармакологіи такой же переворотъ, какой былъ произведенъ микроскопомъ въ области патологической анатоміи. Поставивши изученіе фармакологіи на точную научную физиологическую почву, З. привлекъ въ свою аудиторію небывалое до того времени число слушателей, которые получивъ живое, научное знаніе о дѣйствіи лекарствъ на организмъ, уже подготовленными шли въ клинику. Въ 1870 г. З., совместно съ профессорами Богдановскимъ, Рудневымъ и Заворыкинымъ издавалъ „Журналъ нормальной и патологической

гистологіи, практической медицины и фармакологіи“; а съ 1874 г. до смерти редактировалъ собственный журналъ „Современный Лечебникъ“, въ которомъ помещалъ всѣ работы изъ фармакологической лабораторіи. З. былъ выдающийся ученый, и его „Лекціи по фармакологіи. Современ. лечеб.“ 1875 г. до сихъ поръ представляютъ громадный научный интересъ. Изъ многочисленныхъ его печатанныхъ научныхъ трудовъ еще укажемъ: 1) О вліяніи поваренной соли на усвоеніе организмомъ извести, возстановленіе костной ткани и усвоеніи желѣза“ („Записки С.-Петербургской Академіи Наукъ“ 1867. т. VII. 2) „Объ условіяхъ выдѣленія амміака изъ легкихъ“ (Annal. der Chemie und Pharmacie“ 1863 г. B. 130, б. 54.

Геннади: „Справочный Словарь“, стр. 18. Л. О. Змбевъ „Врачи-писатели“ ч. I, стр. 106. ч. II, стр. 16. Протоколы засѣданій русскихъ врачей въ СПБургѣ 1875—1876 г. стр. 127. „Исторія Императорской военно-медицинской Академіи за сто лѣтъ“ стр. 632. „Современный лечебникъ“ 1875. сентябрь. „Иллюстрированная Газета“ № 50 1875 г. „Голосъ“ 1875 г. № 340 и 346. „Петербургскій Листокъ“ 1875 г. стр. 232. Эфронъ и Брокгаузъ „Энциклопедическій Словарь“ стр. 94.

Анотоловъ.

Завадовскій, Иванъ Ивановичъ, контръ-адмиралъ. Родился въ 1780 году. Умеръ въ 1837 г. Воспитывался въ Черноморскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1798 г. произведенъ въ гардемарины и на кораблѣ „Симеонъ и Анна“ отправленъ былъ изъ Севастополя въ Архипелагъ, гдѣ находился до конца 1800 г. и въ теченіе этого времени участвовалъ въ сраженіяхъ при взятіи кр. Видо, Корфу и Анакапри. Во время войны съ турками (въ 1808—11 гг.) на фрегатѣ „Лилія“ плавалъ по Дунаю, участвовалъ въ блокадѣ кр. Варны и въ истребленіи подъ этой крѣпостью непріятельскихъ судовъ. За отличіе получилъ орденъ св. Анны 3 ст. По окончаніи кампаніи—до 1819 г.—плавалъ на разныхъ судахъ по Черному морю, а потомъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ и на шлюпкѣ „Востокъ“ подъ командою капитана Беллинсгаузена, совершилъ кругосвѣтное путешествіе (1819—21). Въ 1821 г. произведенъ,—за вояжъ,—въ капитаны 2 ранга и—за 18 морскихъ кампаній—получилъ орденъ

св. Георгія 4 ст.; въ 1823 г. вновь переведенъ въ Черноморскій флотъ; въ 1825—28 гг. командовалъ Дунайской флотиліей при кр. Измаилѣ. Во время турецкой войны въ 1828—29 гг. отличился при истребленіи флотиліи непріятели подъ Браиловымъ, за что былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Въ 1829 г. уволенъ въ отставку.

„Общій морской списокъ“, VI.

Завадовскій, Николай Степановичъ, генераль-отъ-кавалеріи; командующій войсками на Кавказской линіи и Черноморіи, наказный атаманъ Черноморскаго казачьяго войска. Родился въ 1788 г. Умеръ въ 1853 г. Происходилъ изъ дворянъ Харьковской губерніи. Службу началъ казакомъ въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ, въ которое былъ зачисленъ въ 1800 г. и двѣнадцатилѣтнимъ юношей познакомился съ боевой обстановкой. Съ перваго же года по вступленіи на службу, состоя въ кардонной линіи Черноморскаго войска, которая часто подвергалась нападеніямъ со стороны горцевъ, онъ уже въ то время долженъ былъ испытать всѣ прелести походной жизни, участвуя во многихъ экспедиціяхъ. Въ началѣ 1812 г. былъ произведенъ въ хорунжіе, съ переводомъ въ л.-гв. Черноморскую сотню и командированъ въ дѣйствующую армію. На первыхъ порахъ по прибытіи на театръ войны сражался съ французами при Трокахъ и Вильнѣ, а затѣмъ, бывъ посланъ съ 75-ю казаками на аванпосты, „встрѣтился съ непріятельскими стрѣлками и дрался съ ними болѣе двухъ часовъ“; подъ Витебскомъ, командуя л.-гв. Черноморскою сотнею, опрокинулъ два эскадрона непріятельской кавалеріи; причемъ былъ раненъ въ лѣвую руку ружейною пулею и за отличіе пожалованъ въ сотники. Послѣ этого онъ продолжительное время лѣчился отъ раны. Но подъ Тарутинымъ снова участвовалъ въ сраженіи, снова былъ раненъ въ ту же самую руку и снова долженъ былъ временно выбыть изъ строя. Въ 1813—14 гг. З. состоялъ въ коновѣ Его Величества, участвовалъ въ сраженіи подъ Дрезденомъ, находился при плѣненіи генерала Вандамма подъ Кульмомъ и при вступленіи союзной арміи въ Парижъ. По окончаніи Напо-

леоновскихъ войнъ до 1828 г. числился въ л.-гв. Черноморскомъ баталіонѣ; въ продолженіи этого времени получилъ чины штабъ-ротмистра (1817), ротмистра (1818), полковника (1819) и генераль-майора (1828). Одновременно съ производствомъ въ генераль-майоры былъ снова переведенъ въ Черноморское казачье войско и тотчасъ же командированъ вновь на Кавказъ для командованія находившимися въ Грузіи Черноморскими полками. Во время турецкой войны (1828—29 гг.), при обложеніи кр. Карса командовалъ частью 2 и 3 бригады казачьихъ полковъ, съ которыми неоднократно отражалъ вылазки непріятели и по взятіи крѣпости преслѣдовалъ турецкую конницу. За отличіе въ этихъ дѣлахъ получилъ орденъ св. Владимира 3 ст. Въ 1830 г. З. участвовалъ въ экспедиціи въ землю Шапсуговъ, предпринятой подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генераль-фельдмаршала кн. Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, для наказанія ихъ за непріязненные дѣйствія противъ Россіи; по окончаніи же экспедиціи, когда Шапсуги были наказаны, хлѣбъ ихъ сожженъ и аулы разрушены, Паскевичъ предложилъ ему вступить въ исправленіе должности наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска. З. вступилъ въ исправленіе должности 12 ноября и носилъ это званіе до конца своей жизни, хотя Высочайшій приказъ объ утвержденіи въ должности состоялся только почти черезъ семь лѣтъ—25 сентября 1837 г. Въ 1840 г. И. С. произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ періодъ съ 1840 по 1844 гг. почти непрерывно находился въ походахъ, снова ходилъ противъ Шапсуговъ, былъ нѣсколько разъ за Кубанью и велъ энергичную борьбу противъ Ганжи-Магомета, имѣвшаго особую популярность среди кавказскаго племени „Абдзеховъ“. 1 января 1848 г. состоялось назначеніе его командующимъ войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи. Въ 1851 г. была большая экспедиція противъ Магометъ-Эмина, имѣвшая весьма удачный исходъ. Войска Эмина разбиты и всѣ преданныи ему племена усмирены. Но прошелъ одинъ годъ, и снова пришлось задуматься надъ создавшимся положеніемъ вещей. Магометъ-

Эминь возбудилъ всѣхъ Шапсуговъ и объявилъ себя въ горахъ пашею Анапскаго пашалыка. Предстояло осуществить въ большихъ размѣрахъ новую экспедицію. Сознывая важность предприятия З., несмотря на сильное разстройство здоровья и крайнее недомоганіе, 18 октября 1853 г. выступилъ во главѣ отряда въ походъ. 26 отрядъ прибылъ къ укрѣпленію Абинскому, откуда была проложена громадная просѣка черезъ вѣковой лѣсъ въ рѣкъ Адагуму. 8 октября работа была окончена, и предприятие близилось уже къ концу, но генералу З. не пришлось его видѣть. Въ этотъ день онъ скончался. Начальство надъ отрядомъ принялъ начальникъ штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи генералъ-майоръ Кашгеръ. Тѣло почившаго перевезено было въ Екатеринодаръ, гдѣ съ подобающими почестями предано землѣ. Въ генералы-отъ-кавалеріи З. произведенъ 26 ноября 1852 г. Последней наградою его былъ орденъ св. Александра Невскаго, полученный имъ въ 1849 г.

Московское отд. общ. архива гл. штаба: Кн. формулярн. списковъ за 1852 г., № 15080. „Малороссійское дворянство“, гр. Г. Милорадовичъ, Черниговъ, 1890 г. „Списки титул. родамъ“, изд. департ. герольдіи. „Россійская родословная книга“, ч. 2, кн. II. Долгоруковъ. „Дворянскіе роды“, ч. 2, гр. А. Бобринскій. „Общій гербовникъ“, ч. I. „Старопольскія губ. Вѣдомости“ (о смерти), 1853 г., № 51. „Историческій очеркъ главн. управленія казачьихъ войскъ“, приложение, А. Никольскій.

Завадовскій, Петръ Васильевичъ, графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, первый министръ народнаго просвѣщенія и предѣдатель департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ. Родился въ 1738 году. Умеръ въ январѣ 1812 г. Происходилъ изъ старинной дворянской польской фамиліи, принявшей русское подданство въ началѣ XVIII столѣтія. Отецъ его, бѣдный малороссійскій помѣщикъ имѣлъ въ стародубскомъ уѣздѣ, доставшуюся ему по наследству, небольшую деревню—Красновичи и былъ женатъ на дочери подкоморья М. Ширая. Жена его, вышедшая за него по любви, охотно мирилась съ окружавшей ее, весьма сѣренькой, обстановкой, съ материнской нѣжностью воспитывала своихъ дѣтей и на соболѣзно-

ванія друзей объ ея бѣдномъ состояніи всегда отвѣчала съ улыбкой: „посмотрѣвъ на своего мужа, я все забываю“. И, дѣйствительно, онъ былъ красивымъ мужчиной: природа наградила его хорошимъ здоровьемъ и прекрасной наружностью—качества, которыя передались по наследству и его дѣтямъ и сыграли немаловажную роль въ жизни П. В., обусловивъ вмѣстѣ съ другими дарованіями его блестящую карьеру и его огромное богатство. Первоначальное свое образование свое онъ получилъ въ домѣ своего дѣда по матери, Ширая, который взялъ къ себѣ на воспитаніе двухъ старшихъ мальчиковъ (П. В. былъ вторымъ), и, давъ имъ соответствующую подготовку, помѣстилъ въ иезуитскую школу въ г. Оршѣ. Здѣсь П. В. основательно изучилъ польскій и латинскій языки, которыми всегда любилъ щеголять впоследствии и знаніе которыхъ придавало ему въ глазахъ общества ореолъ большой учености. Закончилъ свое образование Завадовскій въ Киевской академіи, изъ которой поступилъ на гражданскую службу и первое время былъ новытчикомъ въ находившейся въ Глуховѣ Малороссійской коллегіи, а потомъ переведенъ однимъ изъ лучшихъ чиновниковъ въ канцелярію графа Румянцова-Задунайскаго, вступившаго въ управленіе Малороссіей послѣ гетмана Разумовскаго. Служба при гр. Румянцевѣ положила начало его возвышенію. Фельдмаршалъ весьма скоро замѣтилъ его способности, приблизилъ его къ себѣ и сталъ поручать довольно значительныя дѣла, а во время турецкой войны взялъ въ дѣйствующую армію и назначилъ его управляющимъ секретною канцеляріею. Съ своей стороны З. всѣми силами стремился оправдать то высокое довѣріе, которое оказывалъ ему гр. Задунайскій: онъ обстоятельно взвѣшивалъ всѣ его замѣчанія и въ скоромъ времени такъ научился понимать фельдмаршала (а Румянцова не всякій сразу понималъ: онъ говорилъ скоро, глотая слова), что всѣ удивлялись той точности выраженныхъ мысли, которое онъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ передавалъ въ дѣловыхъ бумагахъ. Во время турецкой войны З. принималъ участіе въ славныхъ подвигахъ нашей арміи. Такъ, въ 1769 году онъ съ небольшимъ отрядомъ охранялъ берега Днѣстра; подъ Бен-

дерами (12 октября) нѣсколько разъ участвовалъ въ отбитіи турокъ, за что и произведенъ былъ въ премьеръ-майоры; 3 сентября 1773 г., подъ Гирсовомъ, преслѣдовалъ съ казаками непріятеля. Въ слѣдующемъ году отличился онъ въ битвахъ при Ларгѣ и при Кагулѣ, гдѣ нашъ восемнадцатитысячный корпусъ разбилъ 150.000 турокъ. За атаку силістрійскихъ укрѣпленій онъ былъ пожалованъ въ полковника. Здѣсь же въ дѣйствующей арміи З. сочинялъ всѣ важнѣйшія реляціи. Имъ же—совмѣстно съ графомъ Воронцовымъ—былъ написанъ договоръ, установившій Кучукъ - Кайнарджійскій миръ, представлявшій одно изъ важнѣйшихъ политическихъ событій конца XVIII столѣтія. 10 іюня 1775 г., въ день мирнаго торжества, ему былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 4 ст. и, по ходатайству графа Румянцова, имѣніе Ляличи, смежное съ Красновичами, — деревней его отца, въ которой онъ родился и провелъ свои дѣтскіе годы. Въ томъ же—1775 г. З. былъ представленъ своимъ благодѣтелемъ Императрицѣ Екатеринѣ. Существуетъ нѣсколько вариантовъ въ передачѣ этого событія. По однимъ свидѣніямъ Румянцевъ рекомендовалъ З. Государынѣ по ея просьбѣ, указать ей молодыхъ людей, „достойныхъ для занятія должности ея кабинетъ-секретарей“. Но существуетъ и другое преданіе. Когда Румянцевъ, прибывъ въ Москву (гдѣ отказался отъ торжественнаго въѣзда), ѣхалъ въ придворной каретѣ къ Императрицѣ, жившей тогда въ домѣ кн. Голицына (у Пречистенскихъ воротъ), противъ него сидѣлъ З., котораго, быть можетъ, онъ взялъ на случай объясненій и справокъ. Императрица встрѣтила побѣдителя на крыльцѣ и поцѣловала его. Затѣмъ она обратила вниманіе на красавца-полковника, который стоялъ пораженный этою величественною по своей простотѣ сценою и самымъ видомъ Императрицы. Румянцевъ, замѣтивъ любопытство государыни, представилъ ей З., какъ человѣка, раздѣлявшаго въ продолженіе десяти лѣтъ его труды. Императрица тутъ же пожаловала З. бриллиантовый перстень со своимъ именемъ „Екатерина“ и сдѣлала его своимъ кабинетъ-секретаремъ. Милости государыни посыпались на него какъ изъ рога изобилія. Произведенный въ генераль-майоры

и пожалованный званіемъ генераль-адъютанта, З. сдѣлался ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ Императрицы; всѣ стали заискивать у новаго любимца государыни, къ нему поступали прошенія, присылались письма. Къ Потемкину—всесильному въ то время „временщику“—стали относиться значительно холоднѣе. Желая испытать чувства и намѣренія Императрицы, онъ разыгралъ роль обиженнаго и сталъ проситься въ Новгородскую губернію для осмотра войскъ. Его отпустили безъ возраженій. Въ апрѣлѣ 1776 г. онъ уѣхалъ, а соперникъ его получилъ вслѣдъ затѣмъ въ Могилевской губерніи Августовскую экономію съ 4.000 душъ и во дворцѣ помѣщеніе. З. не ожидалъ такой метаморфозы. Сынъ скромнаго помѣщика, такъ недавно еще сочинявшій реляціи гр. Румянцова и подносившій къ его подписи бумагами, вдругъ дѣлается первымъ довѣреннымъ лицомъ Императрицы Екатерины II. Однажды З. похвалилъ проектъ зданія государственнаго банка, составленный извѣстнымъ архитекторомъ Гваренги—и государыня приказала построить ему въ такомъ-же стилѣ дворецъ въ подаренномъ ей имѣніи Ляличахъ. Проектъ поручила составить тому же Гваренги. Когда же планы великолѣпнаго зданія съ увеселительнымъ домомъ, павильонами, многими флигелями и надворными строениями были представлены на ея утвержденіе, она сама сдѣлала исправленія карандашемъ и на замѣчаніе восхищеннаго отъ удивленія З., что „въ сихъ хоромахъ вороны будутъ летать“, отвѣчала: „Ну, такъ я хочу“. Но сравнительно не долго былъ З. въ такомъ положеніи. Въ то время, какъ онъ, находясь въ омыненіи счастья, предавался беззаботной, безпечной жизни, не дремалъ Потемкинъ. Не легко ему было переносить охлажденіе Императрицы и онъ испробовалъ много средствъ, чтобы удалитъ отъ нея своего соперника и снова завоевать ея симпатіи,—но всѣ они оказались безплодными. Тогда онъ рѣшился на послѣдній шагъ—и... быстро справился съ З., хотя пожертвовалъ, правда, частью своего первоначальнаго плана. Убѣдившись, что прежнихъ симпатій Государыни не воротитъ,—онъ направилъ свои удары на З. уже не только какъ на любимца Государыни, но какъ на человѣка, способнаго занять его

положеніе не только при дворѣ, но и въ государствѣ. Ему оставалось только найти лицо, которое могло бы замѣнить З.—и планъ его окончательно приведенъ въ исполненіе. Такого лица не пришлось искать слишкомъ долго. Ему подвернулся красивый сербъ Зоричъ, и его то представилъ онъ Императрицѣ. Эффектъ получился полный, т. е. такой какого не ожидалъ даже и самъ Потемкинъ: Зоричъ принятъ былъ ко двору, а З. предложенъ шестимѣсячный отпускъ. При удаленіи ему было пожаловано 80 тыс. рублей одновременно, 5 т. пенсіи, 1.800 крестьянъ въ въ Малороссіи, 2.000 въ Польшѣ и серебряный сервизъ въ 80.000 руб. Сравнительно съ другими это было очень немного; Зоричъ, заступившій его мѣсто, получилъ по крайней мѣрѣ впятеро больше, что объясняютъ обыкновенно застѣнчивостью З. и его некорыстолюбиемъ въ молодые годы. Правда, эти достоинства подъ вліяніемъ окружавшей его обстановки развились современемъ и въ немъ, но въ то время они, дѣйствительно, отсутствовали. Друзья его упрекали, что онъ мало пользуется своимъ положеніемъ и не проситъ себѣ пожалованій, называя его за это „глупцомъ“. З. отвѣчалъ обыкновенно, извиняясь, что онъ „отмѣнно застѣнчивъ“ и „промолвить“ что либо о себѣ никакъ не можетъ. И эта застѣнчивость усугублялась еще его чувствомъ къ Екатеринѣ.

8 августа 1777 г. З. снова былъ въ Петербургѣ, по вызову Императрицы. Она приняла его, — какъ онъ выразился: — по умѣренности изрядно“, и З. мечталъ уже о возможности возвратиться въ прежнее положеніе; но дальнѣйшія свиданія съ государыней, и ея холодное обращеніе окончательно убѣдили его, что уже „былого не воротить“. Въ Петербургѣ, по пріѣздѣ, его встрѣтили сначала очень предупредительно, такъ какъ всѣ думали, что З. вызванъ для занятія важнаго государственнаго поста, но по мѣрѣ того, какъ онъ продолжалъ оставаться безъ назначенія, его оставили безъ всякаго вниманія. Къ тому же его благодѣтель, фельд-маршалъ Румянцевъ, котораго онъ такъ боготворилъ, что, поставивъ у себя въ имѣніи Ляличахъ статую вагульскаго героя, никогда не проходилъ мимо нея не снявъ шляпы, — теперь также отъ него

отвернулся. Все это вмѣстѣ взятое еще болѣе растравило его душевныя раны, и онъ вправѣ былъ писать Воронцову: „Имѣвши духъ огорченный всѣми неправдами, я не мыслю oprичъ уединенія и oprичъ вѣчнаго спокойствія отъ себя зависить“. Въ такомъ состояніи удалился З. въ Ляличи. Но опять не надолго. Въ маѣ 1778 г. мы снова видимъ его въ Петербургѣ и теперь уже при совершенно иной обстановкѣ. Страсть его значительно поулеглась и онъ могъ заниматься. Трудно рѣшить занимался ли З. какими-либо государственными дѣлами въ теченіе предыдущаго трехлѣтія. Новое положеніе содѣлалось по вторичномъ его возвращеніи въ 1778 г. Теперь государыня стала возлагать на него весьма разнообразныя и значительныя обязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ снова измѣнились отношенія къ нему царедворцевъ и высокопоставленныхъ лицъ. Измѣнились къ нему свои отношенія и Потемкинъ. И даже престоарль-лей Бецкій снова сталъ увѣрять его во всегдашней къ нему „отличной любви“. Когда же З. спросилъ его, за что всѣ они ненавидѣли его раньше, старикъ, покачавъ головою, отвѣтилъ, что сіе было не отъ сердца, а par politique.

Въ 1780 г. З. былъ пожалованъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ сенаторомъ и членомъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, а въ 1781 г. ему ввѣрено было управленіе учрежденнымъ по его проекту С.-Петербургскимъ дворянскимъ банкомъ и поручена ревизія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Ревизія открыла массу неурядковъ въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, которое велось безъ всякой системы и при полномъ отсутствіи единообразія. Для устранения этихъ несообразностей и усовершенствованія вообще дѣлопроизводства въ 1784 г. была образована особая коммиссія и председателемъ ея съ весьма широкими полномочіями назначенъ былъ З. Результатомъ трудовъ коммиссіи былъ „проектъ о сокращеніи канцелярскаго порядка“. Въ томъ же 1784 г. З. былъ назначенъ председателемъ коммиссіи по сооруженію Исаакіевскаго собора. Онъ улучшилъ и расширилъ бронзовую фабрику и въ 12 лѣтъ довелъ зданіе собора до карнизовъ. Тогда же ему поручено было осмотрѣть школу при больницѣ за Калинки-

нымъ мостомъ, состоявшую подъ присмотромъ оберъ-полиціймейстера и устроенную на иждивеніе Кабинета. Прочитавъ докладъ З. объ исполненіи порученія, Екатерина рескриптомъ 14 ноября поручила ему завѣдывать этою школою, составить „проектъ положенія сему заведенію“, а между тѣмъ, по его усмотрѣнію, ввести порядокъ какъ въ преподаваніи, такъ и въ приѣмѣ воспитанниковъ и въ хозяйственной части. Къ этому въ началѣ 1785 г. на него было возложено еще новое порученіе. Высочайшимъ рескриптомъ 5 февраля З. поручалось обозрѣть систему преподаванія въ Пажескомъ корпусѣ, а равно и во всѣхъ школахъ вѣдомства придворной конюшенной конторы, дворцовой и оберъ-егермейстерской канцеляріи, освидѣтельствовать успѣхи и ввести порядокъ, который долженъ быть присвоенъ всѣмъ вообще Россійскимъ училищамъ“. Порученіе было окончено въ три недѣли и составленъ планъ обученія. Императрица въ рескриптѣ отъ 26 февраля, одобрявъ этотъ планъ, признавала необходимымъ добавить въ Пажескомъ корпусѣ преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ, а потому поручила З. озаботиться, „дабы такое ученіе какъ наискорѣе могло воспріять свое начало, о чемъ слѣдуетъ согласиться съ оберъ-гофмаршаломъ“. „Когда же все такимъ образомъ, по представленному отъ насъ плану, придетъ къ устройству, тогда не только можно позволить прочимъ благороднымъ молодымъ людямъ учиться въ классахъ Пажескаго корпуса, но непремѣнно надлежитъ приказать, чтобы рейтъ-пажи и ягдъ-пажи ходили для обученія въ сія классы. Выборъ учителей слагаемъ мы на васъ“. Такимъ образомъ онъ назначался завѣдывающимъ Пажескимъ корпусомъ. Вслѣдъ затѣмъ З. представилъ императрицѣ о неудовлетворительности состава преподавателей медико-хирургической школы и необходимости учрежденія академіи. По его иниціативѣ были отправлены въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ доктора Тереховскій и Шуманскій, которые должны были подробно ознакомиться съ постановкою учебно-медицинскаго дѣла за границею и привести оттуда практическія указанія. А покуда молодые русскіе профессора готовились тамъ къ испол-

ненію своихъ обязанностей, мѣста ихъ въ преобразованной медико-хирургической школѣ были заняты врачами иностранцами. Медико-хирургическая академія обязана такимъ образомъ своимъ основаніемъ З. Но еще большія заслуги оказалъ онъ дѣлу просвѣщенія въ званіи предсѣдателя комиссіи о народныхъ училищахъ. По выраженію кн. Воронцова „онъ ревностно споспѣшествовалъ во всѣхъ важныхъ и для отечества столь полезныхъ трудахъ сей комиссіи и участвовалъ въ составленіи проекта для училищъ, гимназій и университетовъ“. Императрица часто посѣщала С.-Петербургское главное училище, выслушивала лекціи, осматривала комнаты и всегда удостоивала благодарности З. и его сотрудниковъ. Особенно важное значеніе имѣло учрежденіе въ 25 губерніяхъ народныхъ училищъ, что составляетъ одно изъ крупныхъ событій царствованія Екатерины. Она наградила щедро всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ „великомъ дѣлѣ“. З. получилъ орденъ св. Владиміра 1-го класса и 6.000 душъ крестьянъ въ Малороссіи. Къ этому же времени относится трудъ З. по учрежденію Государственнаго банка, директоромъ котораго онъ оставался почти до конца царствованія Императора Павла, и труды въ комиссіи о дорогахъ въ государствѣ. Наконецъ, въ 1788 г. ему повелѣно было участвовать въ государственномъ совѣтѣ, учрежденномъ согласно проекту гр. Панина. Кромѣ того Императрица поручила опеку надъ гр. Бобринскимъ, прибавивъ тѣмъ самымъ къ массѣ его весьма сложныхъ обязанностей еще новую хлопотливую и неприятную обязанность; онъ долженъ былъ сноситься съ судною казною, съ банкирами, дѣлать переводы, платить долги, переписываться съ Вецкимъ, Гриммомъ и другими лицами и имѣть столкновенія съ молодымъ и пылкимъ человѣкомъ. Но не смотря на все это, З. не отказался отъ такого порученія „въ угодность волѣ“, какъ писалъ онъ Воронцову, „и помня любовь покойнаго князя“.

Императрица Екатерина до конца жизни благоволила З., не смотря на его неприязненные отношенія къ ея послѣднему любимцу Зубову. Благоволилъ также первое время своего царствованія и Императоръ Павелъ, послѣдній, вѣроятно, потому,

что З. былъ принципиальнымъ врагомъ Зубова, котораго этотъ государь ненавидѣлъ болѣе всѣхъ другихъ фаворитовъ своей матери. Начало его царствованія для З., по собственнымъ словамъ послѣдняго было „преблагословенное“. „Государь воцарившійся повседневно изливаетъ милости“. Кончина Екатерины застала З. больнымъ. Павелъ, въ первые же часы по воцареніи выразился о немъ, къ удивленію многихъ, очень милостиво, прислалъ камеръ-пажа узнать о здоровьѣ, а по выздоровленіи изъявилъ ему свое благоволеніе и вскорѣ затѣмъ возвелъ его въ графское Россійской Имперіи достоинство, прибавивъ къ гербу, пожалованному ему въ 1794 г. Римскимъ Императоромъ Францемъ II при дарованіи званія графа Римской Имперіи, малый золотой щитъ подъ среднимъ щитомъ съ изображеніемъ Россійскаго чернаго орла, на груди коего находится имя Императора Павла I, а въ день своей коронаціи пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго. Но этимъ еще далеко не исчерпываются знаки монаршаго довѣрія и благоволенія къ Завадовскому. Такъ, напримѣръ, на шестой день по воцареніи, онъ поручилъ ему, совмѣстно съ тайн. совѣтъ. Жуковымъ и В. С. Поповымъ, рѣшить тѣшбу кн. Ксаверія Любомирскаго съ наслѣдниками кн. Потемкина, затѣмъ назначилъ его попечителемъ надъ женатымъ уже Бобринскимъ; въ 1798 г. поручилъ ему разрѣшить дѣло Лопухиныхъ съ избранными отъ нихъ Державинымъ и Извъковымъ, причемъ повелѣвалось „прикратить единожды навсегда дѣло сіе рѣшительнымъ заключеніемъ“, З. назначилъ главнымъ директоромъ ассигнаціоннаго банка, и пожаловалъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ февралѣ 1799 г. Государь со всѣмъ царскимъ семействомъ и пріѣзжими принцами посѣтилъ его балъ, и всѣ, за исключеніемъ Императора (который ложился спать въ 10 часовъ), остались ужинать. Однако это было послѣднимъ случаемъ проявленія вниманія государя къ З.

Императоръ Павелъ, въ царствованіе котораго—по выраженію того же З.—наши свѣтила текли къ восходу и закату съ одинаковой скоростью, весьма быстро мѣнялъ гнѣвъ на милость и милость на гнѣвъ... „Жаловать, такъ жаловать“ было

его правиломъ. И вотъ сравнительно весьма незначительный случай былъ причиною тому, что гр. З., столь щедро осыпавшій милостями государя, вдругъ увольняется въ отставку и попадаетъ въ опалу. „По случаю похищенія, — читаемъ въ указѣ Правительствующему сенату 6 ноября 1799 г.—случившагося въ ассигнаціонномъ банкѣ, секретаремъ Матвеевымъ и архивариусомъ Нефловымъ, повелѣваемъ тотчасъ всѣхъ директоровъ онаго банка, подъ отчетомъ конхъ казна состоятъ, отъ должности отрѣшить. А такъ какъ подъ начальствомъ гр. З. подобная операція случается уже въ третій разъ, то онъ отставленъ отъ службы“, и высланъ въ деревню подъ присмотръ полиціи. Въ продолженіе всего царствованья Павла графъ З. жилъ въ Ляличахъ, откуда ему не дозволено было выѣзжать далѣе десяти верстъ. Исправнику приказано было наблюдать за нимъ; этого исправникъ, Шпаковский, человекъ грубый и корыстолюбивый, дѣлалъ находящемуся въ опалѣ графу всевозможныя притѣсненія: безпрестанно ѣздилъ въ Ляличи и каждый разъ возвращался оттуда съ деньгами и вынужденными подарками; если иногда случалось графу отъ скуки выѣхать къ какому нибудь сосѣду верстъ за десять, то исправникъ сейчасъ же являлся туда и заставлялъ графа, хотя въ полночь, не смотра ни на какую погоду, возвращаться домой.

Державинъ рассказываетъ, — впрочемъ, не безпристрастно, — что государственныи заемный банкъ былъ для З. источникомъ „наживы“. Требуя себѣ жалованье серебромъ, онъ вымѣнивалъ его тамъ на неполноцѣнную мѣдную монету, и кромѣ того, пользуясь своею властью, вымѣнивалъ въ банкѣ безо всякаго лажа—рубль за рубль—на серебро ассигнаціи, благодаря чему накопилъ „два сундука“ золота и серебра, а въ банкѣ естественно оказывались всегда недочеты. Подчиненные, глядя на своего директора, также не стѣснялись воровать, и одинъ разъ былъ даже такой случай, что (въ 1795 г.) жена банкирскаго екассира Кольберга, накупивъ на банковскія деньги брилліантовъ, обдѣлала ими шпагу и черезъ камердинера Императрицы, Зотова, предложила государынѣ купить эту шпагу для подарка тому, кто изъ отли-

чившихся въ только что минувшую шведскую войну (?) заслуживаетъ подобной награды. Государыня заподозрила богатство кассирши и приказала обревизовать банкъ. Слѣдствіе открыло педочетъ въ 600.000 рублей. Дѣло поступило на рѣшеніе Императрицы и пролежало у нея до конца ея жизни. „А по воцареніи Павла, — говоритъ Державинъ, — Безбородко съ Трошинскимъ такъ смастерили сіе воровское дѣло, что Зайцеву (второму директору) и прочимъ будто за напрасное претерпѣніе даны въ награжденіе деревни, только кассиръ съ женою сосланы въ Сибирь, и то какъ слышно просто на житье, а не на каторгу“. Повидимому Императоръ Павелъ, считавшій все дѣло продѣлкою ненавистнаго ему Зубова, былъ вполнѣ убѣжденъ въ непричастности З. къ расхищенію казенныхъ денегъ и продолжалъ относиться къ нему съ сугубымъ довѣріемъ. Когда же подобнаго рода явленіе повторилось и въ ассигнаціонномъ банкѣ, у него естественно могло зародиться сомнѣніе въ правильности своего перваго рѣшенія, а потому и кара, постигшая З., была несоразмѣрна съ виною.

Впрочемъ гр. З. не долго находился въ опалѣ. Александръ I лишь только вступилъ на престоль, тотчасъ же вызвалъ въ Петербургъ опальнаго графа. „При самомъ началѣ вступленія моего на престоль, — писалъ къ нему государь, — я вспомнилъ и вашу вѣрную службу, и дарованія ваши, кои на пользу ея вы всегда обращали. Въ семъ убѣжденіи желаю, чтобы вы поспѣшили пріѣхать сюда принять увѣреніе изустное, что я пребываю къ вамъ доброжелательный Александръ“. Слѣдившій за нимъ исправникъ былъ высланъ въ Вятку, и вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ указъ объ опредѣленіи впредь исправниковъ только по выбору дворянства.

Въ Петербургѣ З. былъ весьма милостиво принятъ государемъ и вслѣдъ затѣмъ назначенъ членомъ совѣта, присутствующимъ въ сенатѣ и председателемъ комиссіи по составленію законовъ. Но въ послѣднемъ званіи онъ оставался недолго. Императоръ Александръ, съ необыкновенной энергіей принявшійся въ первые годы своего царствованія за кодификацію законовъ, былъ недоволенъ медленностью работъ комиссіи. З. понималъ сложность

задачи, рѣшавшейся въ теченіе цѣлаго столѣтія, представилъ въ оправданіе дѣйствій комиссіи записку, въ которой сдѣлавъ краткій историческій обзоръ русскаго систематическаго законодательства и, обративъ вниманіе Государя на сложность вопроса, высказалъ въ заключеніе, что нѣтъ ничего удивительнаго, если „огромная машина по натурѣ своей идетъ тихо и медленно“. Впослѣдствіи онъ сказалъ даже частнымъ образомъ, что дѣло кодификаціи „едвали въ царствованіе его и кончиться можетъ“. Слова З. — какъ извѣстно — оказались пророческими. Но иначе смотрѣлъ на это дѣло Императоръ Александръ и окружавшіе его молодые люди, мечтавшіе въ самомъ непродолжительномъ времени наградить Россію великолѣпнымъ кодексомъ. А потому въ началѣ 1803 г. З. отъ должности председателя комиссіи былъ уволенъ.

При учрежденіи министерствъ въ 1802 г. ему поручено было управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Взгляды на его дѣятельность въ этомъ званіи весьма различны: одни считаютъ министерство народнаго просвѣщенія самымъ неудачнымъ изъ подобнаго рода учреждений; другіе — превозносятъ дѣятельность З. Все это тенденціонныя мнѣнія. Время и обстоятельства требовали большого напряженія силъ, и министерство народнаго просвѣщенія проявило дѣйствительно живую дѣятельность подъ управленіемъ З., и если Богдановичъ говоритъ, что за восемь лѣтъ его управленія для народнаго образованія сдѣлано было болѣе, чѣмъ въ цѣлое предшествовавшее столѣтіе, онъ не искажаетъ истины. Въ продолженіе одного перваго года въ Петербургѣ было открыто 20 приходскихъ училищъ, въ 1804 г. по вѣдомству народнаго просвѣщенія было уже 494 учебныхъ заведеній съ 33.484 учащимися, а въ 1805 — 688 учебныхъ заведеній. При немъ учреждены учебные округа, явились народныя школы, въ уѣздахъ уѣздныя училища, гимназіи въ губернскихъ городахъ, открыты университеты въ Харьковѣ и Казани, педагогическій институтъ для образованія преподавателей и нѣсколько лицеевъ. Онъ далъ новый уставъ университетамъ, академіи наукъ и духовнымъ академіямъ и училищамъ и предоставилъ для всѣхъ бесплатное образованіе. Съ цѣлью поднять въ глазахъ публики обще-

образовательныя учебныя заведенія З. посылалъ своихъ сыновей въ гимназию. Знать роптала на него по этому поводу, упрекая его за то, что онъ позволяетъ графскимъ дѣтямъ сидѣть на однихъ скамьяхъ съ дѣтьми сапожниковъ и кучеровъ. Но онъ былъ (что весьма характерно) выше этихъ предрассудковъ и считалъ, что образованіе сокращаетъ разстояніе между людьми. З. также принадлежитъ разработка цензурнаго устава, которому историки административнаго права приписываютъ названіе „либеральнаго“ и который въ 1812 г. былъ измѣненъ въ ущербъ свободѣ слова.

Однако общество не питало большой симпатіи къ учебной реформѣ З. и желало видѣть на его мѣстѣ другого. Къ тому же онъ сталъ дряхлѣть. Государь Императоръ рѣшилъ дать ему болѣе покойную должность и съ открытіемъ государственнаго совѣта (1 января 1810 г.) назначилъ его предсѣдателемъ департамента законовъ. Въ этой должности З. оставался до конца своей жизни. Онъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ и скончался на 74 году отъ рожденія и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Литература: „Петербургскій Некрополь“ Сантовъ, прилож. къ Русск. Архиву 1883 г. (списокъ—6 графовъ Завадовскихъ). „Малороссійское дворянство“, гр. Г. Милорадовичъ, Чернышовъ, 1899 г. „Списки титул. родамъ“, изд. департ. герольди. Россійск. родосл. книга“, ч. 2, кн. П. Долгоруковъ. „Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовн. Россійск. Имперіи“, ч. 2, гр. А. Бобринскій. „Общій гербовникъ“, ч. 1. „Энциклоп. словарь“ Брокгаузъ и Эфронъ, 24. „Русскій Энцикл. словарь“ Березина, отд. 2, т. 2. „Большая Энциклопедія“, т. 9. „Настольн. Энциклоп. словарь“ Граната, т. 3 (изд. 2). „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“, Е. Карновичъ (въ гл. 18 и 3). Слово, говоренное при отпѣваніи гѣла гр. З. архим. Филаретомъ* (брошюра). „Одана кончину З.“, К. Парпура, „Историч. записка о 1-й Казанской гимназій“, ч. 1 (стр. 44), В. Владимировъ. *Memoires du prince, Pierre Dolgouckow*, т. 2, гл. 3. „Сочиненія Державина, съ объясн. примѣч. Я. Грота (академич. изд.), т. 5 и 6 (письмо Держ. къ З.). „Письмо Имп. Екатерины Великой къ гр. З. (1777 г.), Русскій Архивъ, 1890 г., т. 3; „Изъ бумагъ канцлера кн. Безбородко“ (письма гр. З.),—тамъ же, „Гр. А. Г. Бобринскій и его бумаги (письма гр. З.),—1876 г., т. 3; „Письма гр. З. гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому“ (1788—1791),—1892, т. 1; „Биографія гр. З.“, съ портр.,—1883 г., т. 2; „Къ биографіи“,—1887 г., т. 1; „Изъ бумагъ А. П. Мельгунова“

(письмо З.), 18-й вѣкъ, т. 1; „Случайные люди“ (о З. и другихъ),—1865 г., стр. 824 и 1465, „Записка гр. С. Р. Воронцова объ измѣненіяхъ въ Русскомъ войскѣ, писанная къ гр. З.“,—1876 г. т. 3; „Записка Н. С. Ильинскаго“,—1879 г., т. 3. „Стихи институтокъ на смерть кн. Алекс. Голицина и отзывъ на нихъ гр. П. В. З.“ (1807 г.). Русская Старина, 1875 г., т. XIV; „Отставка гр. З.“ (указъ сенату Имп. Павла I-го 6 ноября 1799 г.),—1895, т. 84, окт.; „Письмо гр. З. гр. А. К. Разумовскому, —1896, т. 88, дек.; „Гр. З. и Ф. Чацкий“,—1898, т. 93, февр. „Шкловскіе авантюристы“, Заря, 1871 г., № 1. „Изъ воспоминаній о прошломъ, Н. Савичевъ, Уральскія войск. вѣдомости, 1871 г., №№ 9, 10, 11 и 12 и 1872 г., № 16. „Архивъ в.-походн. канц. гр. П. А. Румянцеву-Задунайскаго“ (письма къ гр. З.), Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ, 1865 г., № 1, 1866, № 1 и 1874, № 4. „Отечественныя Записки“, 1830 г., ч. 42. „Сѣверный Архивъ“, 1822 г., ч. 1 (биогр.). „Сынъ Отечества“, 1831 г., т. 19, №№ 17, 18 и 19 (биогр.). „Отвѣтъ Государю отъ перваго члена комиссіи о составленіи законовъ гр. З. на запросъ о медленности комиссіи“, Чтенія въ Импер. Общ. исторіи и древностей Россійск., 1864 г. кн. 1, отд. V; „Матерія гр. З. о правахъ и преимуществахъ Сената; тамъ же, „Записки Греча, Н. И.“, Русскій Архивъ, 1871 г., № 6; „Дневникъ А. Ханенко“,—1868 г., № 7.

Завалишинъ, Дмитрій Иринарховичъ; родился въ 1804 г.; умеръ 5 февраля 1892 г. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ впоследствии преподавалъ астрономію, высшую математику, механику, высшую теорію морского искусства, морскую тактику и другіе предметы. Свои обширныя познанія по всѣмъ отраслямъ науки З. приобрѣлъ путемъ самообразованія. По окончаніи Морского корпуса, когда уже былъ преподавателемъ, онъ не удовлетворялся приобретенными свѣдѣніями и продолжалъ слушать лекціи въ университетѣ, горномъ корпусѣ и медико-хирургической академіи, изучилъ англійскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій, испанскій, польскій, латинскій, греческій и даже еврейскій языки, слѣдилъ за всѣми новѣйшими познаніями въ наукѣ и литературѣ, основательно изучилъ древнія классическія сочиненія и, по его собственному признанію, перевелъ все священное писаніе съ подлинниковъ, собственно для своего разумѣнія, не полагая даже возможною какую либо постороннюю цѣль... прочелъ въ подлинникахъ всѣхъ наиболѣе чувствешныхъ,

какъ авторитетовъ, отцевъ церкви, весь кругъ богослужебныхъ книгъ на греческомъ языкѣ, всѣхъ главныхъ классическихкихъ писателей, дѣлая опыты и переводы... И все это только для себя самого, для собственного своего вразумленія и просвѣщенія, добавляетъ З. Въ 1822 г. З. отправился въ кругосвѣтное путешествіе, которое совершилъ съ своимъ товарищемъ, впоследствии знаменитымъ П. С. Нахимовымъ. Изъ Америки онъ возвратился въ Россію чрезъ Сибирь, избравъ этотъ путь съ цѣлью изучить отдаленные края Имперіи. Здѣсь онъ познакомился со всѣми дѣятелями Сибири, собравъ отъ первыхъ промышленниковъ много свѣдѣній объ устьяхъ Амура и о всѣхъ прилегающихъ къ нему странахъ. Прибывъ въ Петербургъ, онъ представлялъ Императору Александру I-му предположенія свои о возможности присоединить Калифорнію, занять Амуръ и о развитіи нашего флота. Предположеніе это было передано въ комитетъ подъ предсѣдательствомъ гр. Аракчеева, изъ адм. Шишкова, гр. Мордвинова и Нессельроде. Въ этотъ же комитетъ было передано и представленное З. Государю Императору письмо, въ которомъ онъ указывалъ на извращеніе въ практикѣ Веронскаго конгресса идей священнаго союза, а также просьба З. о разрѣшеніи ему, хотя бы и не гласномъ, учредить „Орденъ Возстановленія“, уставъ котораго онъ представилъ. По послѣднему вопросу З. было передано, что Государь находитъ идею этого общества увлекательной, но неудобноисполнимой: въ то же время ему дано было понять, что формально ему не запрещается учредить этотъ орденъ. „Орденъ Возстановленія“ и былъ имъ тайно учрежденъ, но съ измѣненіемъ его устава въ республиканскомъ духѣ. Это было международное общество полумистическаго характера, облеченное всѣми атрибутами масонства и задавшееся цѣлью личнымъ примѣромъ своихъ членовъ содѣйствовать поднятію нравственности и бороться со зломъ всѣми законными средствами. Въ 1824 г. Рыльевъ привлекъ З. къ участию въ „Сѣверномъ тайномъ обществѣ“, которое послало его для изслѣдованій въ Казанскую губ.; тамъ онъ, вслѣдъ за событіями 14 дек. 1826 г., былъ арестованъ исланъ въ Сибирь. Здѣсь З., во все 14-ти-

лѣтнее нахожденіе въ казематѣ, продолжалъ свои любимыя занятія и еще тамъ составилъ карту Забайкальскаго края, въ то время лучшую изъ всѣхъ. Положеніе ссыльныхъ способствовало его занятіямъ, потому что мѣстные жители оказывали ему и товарищамъ его полное довѣріе. „Мы первые,—пишетъ Завалишинъ,—явились въ Сибирь людьми изъ высшаго сословія вполнѣ всѣмъ доступные, и при томъ съ правилами, совершенно противоположными тѣмъ, какіе жители привыкли видѣть въ вышнихъ себя и въ начальникахъ: они видѣли участіе и дѣлаемое добро, вмѣсто насилія и вымогательства ихъ собственного добра. Оттого отъ насъ никто ничего не тайлъ: и русскій и инородецъ, и старожилъ и поселенецъ, и казакъ, и раскольникъ открывали намъ то, чего никогда не могъ дознаться чиновникъ, да и самъ чиновникъ открывалъ намъ то, чего никогда не открылъ бы правительству. Оттого то намъ и можно было изучать край въ дѣйствительной его истинѣ“. По переходѣ на поселеніе въ 1836 г., для З. еще болѣе открылась возможность изучать Сибирь, ибо онъ женился на дочери умершаго горнаго подполковника, въ семействѣ котораго хранились большія свѣдѣнія и преданія. Кромѣ того жители, получавшіе въ этомъ семействѣ врачебныя пособія, совѣтъ и утѣшеніе, входили съ З. въ близкую откровенность и передавали ему такіе документы, существованіе которыхъ никто и не подозрѣвалъ: отъ З. почти нѣ было тайны. Подробно узнавъ обстоятельства и людей въ Сибири, онъ постоянно обращалъ изученіе, размышленія и соображенія на все, что могло относиться къ непосредственной пользѣ края и къ выгодамъ всего государства. Обширныя познанія о край, пріобрѣтенныя З., по словамъ его, были причиною, что генералъ-губернаторы Восточной Сибири, военныя губернаторы Забайкальской области, ревизовавшій сенаторъ Толстой и чиновники отъ вышнихъ до низшихъ, въ важныхъ и неважныхъ случаяхъ, обращались къ нему за совѣтами и за свѣдѣніями и онъ всѣмъ служилъ съ охотою и съ полнымъ безкорыстіемъ. З. иногда давались порученія даже отъ правительства, и онъ наконецъ принималъ прямое участіе въ устройствѣ края. Онъ сообщилъ сенатору Толстому про-

страннныя записки: объ общемъ устройствѣ края, о производительныхъ силахъ его и развитіи, о значеніи Сибири для Россіи, о необходимости занятія Амура и средствахъ исполненія, объ условіяхъ для выбора и назначенія лицъ, о средствахъ, организаціи, объ общественномъ состояніи и разныхъ сословіяхъ въ Сибири, объ улучшеніи быта низшихъ сословій, о приведеніи къ единству разнороднаго состава о развитіи промышленности, особенно ремесленной, о преобразованіи торговли китайской, о горной части, о военной организаціи и проч. Генераль-лейтенантъ Муравьевъ также пользовался его совѣтами.

Въ 1855 г. Завалишину было разрѣшено вернуться изъ Сибири, но онъ сначала не пожелалъ воспользоваться предоставленной ему свободой—остался въ Читѣ и только въ 1861 г. вернулся въ Европейскую Россію, поселившись въ Москвѣ. Здѣсь онъ напечаталъ рядъ статей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Русской Старинѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и др. Важнѣйшія изъ нихъ, „Замѣтка о рукописной литературѣ въ 1820-хъ годахъ“ („Историческій Вѣстникъ“, 1880 г., № 1); „Калифорнія въ 1824 г.“ („Русскій Вѣстникъ“, 1865 г., № 11); „Дѣло о колоніи Россѣ“ (тамъ же, 1866 г., № 3); „Амурское дѣло 1855—1863 гг.“ („Русская Старина“, 1881 г., т. 33) и др. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1873 г. и въ „Русской Старинѣ“ 1881—1882 г. напечатаны его воспоминанія.

„Общій морской списокъ“, ч. 7, стр. 108.
„Энциклоп. Словарь“ Брокгауза и Ефронъ, т. 12. „Русская Старина“, 1901 г., т. 105, мартъ.

Завалишинъ, Иринархъ Ивановичъ, писатель, изъ дворянъ Тверской губ., родился въ 1770 г., началъ службу 20 іюля 1781 г. каптенармусомъ л.-гв. Преображенскаго полка, откуда 16 января 1783 г. вышелъ въ армію подпоручикомъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка. 4 іюля 1785 г. поступилъ прапорщикомъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, гдѣ пробылъ до 10 декабря 1792 г., когда въ чинѣ капитана, перешелъ въ Фанагорійскій гренадерскій Суворова полкъ, быстро дослужился до подполковника (3 ноября 1795 г.), а черезъ два года опредѣленъ

въ Невскій пѣхотный полкъ и произведенъ въ полковники (21 іюля 1798 г.). Съ 12 по 25 августа 1795 г., въ Шведскую кампанію, З. былъ во флотилии противъ Шведовъ. Въ 1799 г. 13 сентября онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры съ назначеніемъ шефомъ Гренадерскаго Таврическаго полка и командированъ императоромъ Павломъ, на предоставленной ему эскадрѣ, отвезти въ Голландію отрядъ русскихъ войскъ. Пробывъ на мѣсто, З. узналъ, что по капитуляціи, заключенной герц. Юрскимъ, русскія войска, бывшія въ Голландіи, посажены уже на суда, а его отряду назначены для зимовки Нормандскіе острова Герсей и Джерсей. Пробывъ здѣсь до іюня 1800 г. и вернувшись въ Россію, З. впалъ въ немилость Павла I и былъ отставленъ отъ службъ; но при воцареніи Александра I былъ опять принятъ и назначенъ военнымъ начальникомъ въ Астрахань, инспекторомъ всей Кавказской линіи отъ Каспійскаго до Чернаго моря, начальникомъ Астраханскаго казачьяго войска и главнымъ начальникомъ русскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ того края. Стоя во главѣ экспедиціи въ Каспійскомъ морѣ (1805—1806 г.), З. исполнилъ много трудныхъ и опасныхъ порученій; такъ онъ бомбардировалъ и взялъ Перибазарь, блокировалъ Бакинскій портъ, взялъ портъ Зинзили и совершилъ многократные десанты на персидскихъ берегахъ Каспійскаго моря, отвлекая тѣмъ отъ кн. П. Д. Циціанова, тогдашняго главнокомандующаго Грузіей, главныя силы Персіянъ въ ихъ нападеніяхъ на русскія владѣнія. Въ іюнѣ 1807 г. З., во время моровой язвы въ Астрахани, гдѣ онъ поселился съ 1803 г., умиралъ съ Астраханскимъ гарнизоннымъ полкомъ, шефомъ котораго состоялъ въ то время, возмущеніе народа противъ мѣръ, принятыхъ къ прекращенію эпидеміи. Въ то же время онъ составилъ Положеніе объ управленіи Калмыками, вошедшее въ наше законодательство. 16 апрѣля 1808 г., по несправедливому обвиненію въ ложномъ показаніи, З. былъ отставленъ отъ должности; впрочемъ вскорѣ невинность его была доказана, и уже 20 декабря слѣдующаго, 1809 года онъ былъ вновь приглашенъ на службу съ чиномъ инженеръ-генераль-

маіора въ Вѣдомство путей сообщенія членомъ Совѣта, въ какомъ званіи и былъ утвержденъ 13 марта 1810 г., съ назначеніемъ при этомъ генераль-инспекторомъ путей сообщенія. Оставаясь въ этомъ званіи до 1 марта 1820 г., когда вышелъ въ чистую отставку, 3. жилъ въ Твери съ семьей и исполнялъ неоднократно порученія по надзору за рѣчными путями сообщенія, производилъ работы по углубленію фарватеровъ Волги и Тверцы, инспектировалъ округа Путей сообщенія, ревизовалъ каналы Привислинскаго края, былъ съ правами директора, главнымъ надзирателемъ за судоходствомъ по р. Тверцѣ и Волгѣ и т. п. За успѣшное исполненіе своихъ обязанностей 3. получилъ ордена Анны 1 ст. и Владиміра 2 ст. Женатъ онъ былъ дважды: въ первый разъ на Марьѣ Никитишнѣ Черняевой († 1809), отъ брака съ которой имѣлъ сыновей - декабристовъ: Дмитрія и Иполита, а второй разъ — на Надеждѣ Львовнѣ Толстой († 1854). 3. умеръ на 52 году жизни въ 1821 г. въ Симбирскѣ, проѣздомъ изъ своей деревни на Кавказскія минеральныя воды.

Въ молодые годы И. И. Завалишинъ дѣятельно занимался литературою. Въ печати онъ выступилъ въ 1791 году, помѣстивъ въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ (ч. LXIV) „Оду Россу на покореніе города и крѣпости Анапы“ и „Оду побѣдителю на сраженіе за Дунаемъ при Мачинѣ, надъ главной турецкой арміей“. Затѣмъ въ слѣдующихъ частяхъ этого же журнала (1792, 1793 и 1796 г.г.) онъ помѣстилъ нѣсколько своихъ лирическихъ произведеній. Изъ отдѣльно изданныхъ сочиненій 3. извѣстны: 1) „Стихи генераль-поручику Ник. Мих. Рахманову“ 4^о, 6 стр. безъ года; 2) „Стихи на покореніе... города и крѣпости Измаила, взятаго приступомъ 1790 г. декабря 11 дня“, Спб. 1791, 4^о, 10 стр.; 3) „Ода Россу на покореніе города и крѣпости Анапы, взятаго штурмомъ 1791 года Юня 22 дня“, Спб. 1791, 4^о, 8 стр.; 4) „Ода побѣдителю на сраженіи за Дунаемъ при Мачинѣ..., одержанное кн. Н. В. Репнинымъ 1791 г. Юня 28 дня“, Спб. 1791, 4^о, стр.; 5) „Ода... Екатеринѣ II на восшествіе на престолъ Юня 28 дня 1762 г.“ Спб. 1791 г. 4^о, 17 стр.;

6) „Ода на миръ, подписанный въ Яссахъ между Россійскою имперіею и Оттоманскою Портою 1791 г. Декабря 29 дня“ Спб. 1791, 4^о, 12 стр.; 7) „Ода Екатеринѣ II на день коронаванія, 22 Сентября 1762 г.“ Спб. 1792, 4^о, 20 стр.; всѣ эти оды печатаны при Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ тогда служилъ 3.; 8) „Сокращенное землеописаніе Россійскаго Государства, сочиненное въ стихахъ для пользы юношества“ Спб. 1792 г. 8^о, XIII + 39 стр. изд. 2-е. Спб. 1793 г., съ посвященіемъ директору Корпуса—гр. Ф. Е. Ангальту. Въ этой учебной книжкѣ авторъ говоритъ, что, излагая въ стихотворной формѣ землеописаніе Россіи, онъ желалъ доставить юношеству способъ скорѣе, легче и удобнѣе усвоить этотъ предметъ. „Всякой“, говоритъ онъ, „кто обращаетъ вниманіе на воспитаніе, со мною согласится, что лучшее средство учить дѣтей есть то, дабы наученіе было соединено съ забавою; а особливо въ такой наукѣ, въ которой потребно болѣе памяти, нежели разсудка. Стихи всякаго рода, расположенные по мѣрѣ, скорѣе затверждаются, чѣмъ проза; и сколько бы въ прочтемъ они сухи ни были, однакожь болѣе заключаютъ въ себѣ пріятности, нежели сія послѣдняя“; 9) „Героида, поэма“, въ стихахъ, съ посвященіемъ Екатеринѣ II, въ 5 пѣсляхъ, съ историческими и географическими примѣчаніями о разныхъ лицахъ и мѣстностяхъ, упоминаемыхъ въ поэмѣ. Спб. 1793 г., 4^о, 8 нец. + 60 стр. „Героида“ написана съ подражаніемъ „Росіады“ Хераскова и, въ довольно тяжелыхъ стихахъ, воспѣваетъ подвиги кн. Репнина, Суворова, Потемкина и русскихъ воиновъ при Очаковѣ, Бендерахъ, Измаилѣ, Анапѣ и Мачинѣ; 10) „Сувороида, поэма въ стихахъ въ 2-хъ пѣсняхъ“ Спб. 1796, была сочинена въ Варшавѣ; она посвящена прославленію подвиговъ Суворова, но въ настолько грубыхъ стихахъ, что Державинъ, прочтя ее, написалъ насмѣшливое стихотвореніе на 3. „Видъ автору Суворойды“, въ которомъ называлъ эту поэму „чухой“ и предрекалъ, что она „По имени творца въ пыль тотчасъ завалится“; 11) „Военная наука, состоящая въ правилахъ и наставленіяхъ знаменитѣйшихъ воинскихъ сочинителей, собранныхъ Фрешемъ“, съ нѣмецкаго яз., ч. I. Спб. 1799; 12) Мнѣ-

ніе нѣкоего Россіянина о единоначаліи“, въ стихахъ, 4^о, 3 стр., безъ года печати; 13) „Правило Россіянина“, 4^о, 4 стр., безъ года печати. Кромѣ того З. былъ лично извѣстенъ Павлу I, какъ переводчикъ многихъ сочиненій по тактикѣ и другимъ военнымъ наукамъ, печатавшихся (безъ имени переводчика) на казенный счетъ. Съ 1796 года З. былъ членомъ Вольно-Экономическаго Общества и тщетно пытался (въ 1801 г.) попасть въ члены Россійской Академіи.

Формуляръ въ Архивѣ Департ. Герольдіи; „Другъ просвѣщенія“ 1806 г. ч. IV, стр. 43; труды В.-Эк.-Общества, Спб. 1796, ч. II стр. III; „Славянинъ“ 1830 г. ч. XV и XVI; Сочиненія Державина, подъ ред. Я. К. Грота, Спб. 1866, т. III, стр. 361; А. Н. Неустроевъ. Историческое розысканіе о поврем. изданіяхъ. Спб. 1874; В. И. Сантовъ. Дополненія къ словарю Геннади. Ж. М. Н. Пр. 1880, кн. 12; Геннади. Словарь, т. II, Берлинъ 1880, стр. 18 и 376; Военно-Энциклопедическій лексиконъ, Спб. 1843, т. VII, стр. 46 и Спб. 1846, т. X, стр. 381; Архивъ кн. Воронцова, М. 1880; т. XVI; стр. 318 и 333. Л. П. Весинъ. Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи Спб. 1876, стр. 72-75; Н. Ѳ. Дубровинъ. „Закавказье отъ 1803-1866 г.“, Спб. 1806, стр. 436, 447, 471, 491; М. И. Сухомлиновъ. „Исторія Росс. Академіи“ т. VIII, Спб. 1888, стр. 318, 319 и 475; В. В. Руммель. „Родословный сборникъ“, т. II, Спб. 1887, стр. 505; Древняя и новая Россія, 1876 г. т. III, стр. 409-411; 1877, т. I, стр. 421-424; 1878, кн. 7, стр. 260 и т. II, стр. 346; Русская Старина 1882 г. т. XXXIII, стр. 11-17 и 26.

Б. Модзалевскій.

Завойка, Василій Степановичъ, адмиралъ. Род. въ 1809 г. Происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1827 г. произведенъ въ мичманы Балтійскаго флота. Въ томъ же году находился въ составѣ эскадры контръ-адмирала графа Гейдена въ Архипелагѣ, принималъ участіе въ Наваринскомъ сраженіи, за которое былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Съ 1834 по 1839 г. совершилъ два кругосвѣтныхъ путешествія; за первое награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степ. Въ 1840 г. поступилъ на службу къ Россійско-Американской компаніи и былъ назначенъ начальникомъ Охотской факторіи и правителемъ тамошней конторы. Здѣсь онъ скоро убѣдился въ неудобствѣ

Охотскаго порта, откуда путь во внутрь Сибири, до соединенія съ рѣчною системою Лены, тянулся на разстояніи 1.000 верстъ среди болотъ, выюнными тропами. Получивъ согласіе компаніи на присканіе другого порта, З. остановился на бухтѣ Аянѣ, въ 300 вер. къ Ю.-З. отъ Охотска, куда и былъ въ 1844 г. перенесенъ портъ Россійско-Американской компаніи. Во время этихъ изысканій русскіе впервые посѣтили устья рѣки Амура. Указаніе З. на значеніе этой рѣки вызвало въ 1846 г. отправленіе экспедиціи для изслѣдованія ея устьевъ, имѣвшее своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіемъ присоединеніе къ Имперіи Приамурскаго края. Въ 1850 г. З. былъ назначенъ Камчатскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ, гдѣ онъ построилъ шхуну и ботъ. Мѣстная торговля, имѣвшая преимущественно мѣновой характеръ, производилась обманнымъ образомъ, при чемъ жертвою являлись камчадалы, не знавшіе цѣны пушнымъ товарамъ. З. поставилъ торговлю подъ надзоръ особаго чиновника, на обязанность котораго было возложено объявлять камчадаламъ стоимость ихъ мѣховъ и цѣну приобретаемыхъ ими товаровъ. Для охраненія звѣринаго промысла З. приказалъ прекращать промыселъ въ началѣ марта. По его распоряженію изъ Аяна было привезено 300 коровъ, которыя были розданы жителямъ Камчатки. На Паратунскихъ горячихъ ключахъ выстроенъ для больныхъ проказою домъ и карантинъ. Камчадаловъ З. старался приохотить къ огородничеству. Въ 1854 г., во время Восточной войны, З. отразилъ нападеніе англо-французской эскадры на Петропавловскій портъ и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 степ. Въ 1855 г. Петропавловскій портъ рѣшено было перенести въ устье Амура. Переводъ порта начался въ самый разгаръ войны и былъ связанъ съ громадными затрудненіями: суда выходили, прорубаясь сквозь ледъ, и въ то же время должны были готовиться къ отраженію могущаго ежеминутно напасть непріятеля. Эскадра подъ командою З., въ составѣ 6 судовъ съ нагруженнымъ имуществомъ и служителями Петропавловскаго порта, вышла въ море 5 апрѣля; 1 мая прибыла въ заливъ де-Кастри и выдержавъ здѣсь

(8 мая) сраженіе съ англо-французской эскадрой, благополучно прошла въ устьѣ Амура. Въ томъ же году З. былъ назначенъ начальникомъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, въ устьяхъ Амура находящихся, а въ 1856 г. былъ зачисленъ на флотъ и возвратился въ Петербургъ. Въ 1857 г. назначенъ членомъ морского генераль-аудиторіата. Въ адмиралы произведенъ 1 января 1874 г. Въ 1890 г. награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ „Запискахъ гидрографическаго департамента“ и „Морскомъ Сборникѣ“ 1854 г. напечатаны его статьи: „Заливъ Аянъ“, „Нападеніе на Камчатку англо-французской эскадры въ августѣ 1854 г.“, а въ 1840 г. напечатана отдѣльнымъ изданіемъ книга „Впечатлѣнія моряка“.

„Общій морской список“, ч. 10, стр. 149. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. 12. „Большая энциклоп.“, т. 9. „Морской сборникъ“, 1869 г., № 8. „Развѣдчикъ“, 1894 г., № 203 (биограф. свѣд. съ портретомъ). „Русскій Инвалидъ“, 1898 г., № 39.

Загорскій, Александръ Петровичъ, докторъ медицины и хирургіи, заслуженный профессоръ по кафедрѣ физиологіи и патологіи С.-Петербургской медико-хирургической Академіи, почетный членъ общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, тайный совѣтникъ. Род. въ С.-Петербургѣ въ 1805 г.; ум. 24 сентября 1888 г. въ С.-Петербургѣ же. З. былъ помѣщенъ воспитанникомъ Академіи Наукъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую Академію; по окончаніи курса наукъ въ Академіи, дальнѣйшее медицинское образованіе получилъ въ Дерптскомъ профессорскомъ институтѣ, куда былъ посланъ вмѣстѣ съ Н. И. Пироговымъ, и въ числѣ другихъ молодыхъ людей пѣз русскихъ университетовъ „для подготовки къ дальнѣйшимъ занятіямъ наукой за границей“. Въ Дерптѣ въ 1833 г., по защитѣ диссертациі: „De systemate nervae piscium (Diss. A. M. Dorpt. 1833. 4°. 32)“ получилъ степенъ доктора медицины. Въ этомъ же году былъ первымъ адъюнктомъ-профессоромъ по кафедрѣ акушерства въ С.-Петербургской медико-хирургической Академіи. Въ октябрѣ 1837 г., по выходѣ въ отставку профессора Велланскаго, былъ

опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ физиологіи и патологіи; а въ 1839 г. былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ. 1 іюня 1839 г. З. былъ признанъ безъ экзамена докторомъ медицины и хирургіи. Въ маѣ 1860 г. З. уволился изъ Академіи и былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ этой должности оставался до смерти. Почти съ самаго основанія Императорскаго Училища Правовѣдѣнія и до 1887 г. З. читалъ курсъ физиологіи и судебной медицины правовѣдамъ и пользовался среди нихъ большою любовью. Кромѣ того З. былъ непремѣннымъ попечителемъ Маріинскаго капитала для вдовъ и сиротъ врачей и врачомъ при заведеніяхъ Елены Павловны и Министерства Юстиціи. С.-Петербургская медико-хирургическая Академія обязана З. основаніемъ физиологическаго кабинета. До 1846 г. З. преподавалъ физиологію въ Академіи теоретически. З. былъ прекрасный лекторъ и, кромѣ курса физиологіи и патологіи, читалъ еще въ медико-хирургической Академіи энциклопедію и методологію медицины. Извѣстны его „Записки по физиологіи“ Спб. 1855 г.; въ свое время онѣ были хорошимъ популярнымъ руководствомъ по физиологіи и высоко цѣнились слушателями. Слѣдуетъ указать еще на слѣдующія его научныя работы, напечатанныя въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара: 1) Кадыкъ. I. 175. 2) Анатомическіе препараты. II. 220. Ангиокомія. II. 233. 3) Болѣзнь морская. VI. 270. 4) Борода. VI. 401. 5) Возбужденіе. XI. 225. 6) Всащиваніе. XII. 155. 7) Дыханіе. XVII. 354.

Л. Э. Змѣевъ. „Врачи-писатели“. Ч. I, стр. 110. Ч. II, стр. 18. Д. Д. Языковъ. „Писатели, умершіе въ 1888 году“, стр. 43. „Исторія военно-медицинской Академіи за столѣтѣ“. „Русская Старина“ 1885 г., т. 45, стр. 508 и 288. Т. 48, стр. 670. „Труды общества русскихъ врачей въ Спб.“ 1888 г., стр. 11. „Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat“. Дерпт. 1853, стр. 110. „Врачъ“, 1888 г., № 39, стр. 784. „Новое Время“, 1888 г., № 4518. Эфронъ и Брокгаузъ. „Энциклопедическій Словаръ“, стр. 122.

Апостоловъ.

Загорскій, Петръ Андреевичъ, докторъ медицины, выдающийся анатомъ, заслуженный профессоръ анатоміи и физиологіи С.-Петербургской медико-хирургической Академіи, академикъ Императорской Академіи Наукъ, членъ Медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, почетный членъ многихъ ученыхъ учреждений и обществъ въ Россіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Род. 9 августа 1764 г. въ Новгородѣверскомъ намѣстничествѣ (нынѣшняя Черниговская губернія), въ Новгородѣверскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Понорницѣ; ум. въ С.-Петербургѣ 20 марта 1846 г. Отецъ его былъ священникъ Понорницкаго прихода. З. получилъ первоначальное образованіе въ родительскомъ домѣ, а затѣмъ поступилъ въ Черниговскую коллегію, гдѣ пробылъ съ 1776 по 1782 г. По увольненіи изъ коллегіи, съ 11 іюля 1782 по 11 ноября 1783 г. служилъ ратманомъ при Понорницкой ратушѣ. 29 января 1784 г. поступилъ въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь. Здѣсь первыми руководителями З. въ изученіи медицины были извѣстные въ исторіи медицины въ Россіи профессора Тихорскій, Карпинскій, Тереховскій, Сацоловичъ, Гофманъ и др. 30 іюня 1785 г. З. былъ произведенъ въ подлекаря, съ оставленіемъ при военномъ сухопутномъ госпиталѣ. За прекрасно рѣшенные трудныя задачи по анатоміи „*Demonstratio cordis*“ и „*Operatio caiaractae et fistulae lacrymalis*“, предложенныя на генеральномъ экзаменѣ въ госпитальномъ училищѣ, З. получилъ званіе лекаря, но на подлекарскомъ жалованьѣ, за неимѣніемъ лекарской вакансіи, а затѣмъ былъ назначенъ прозекторомъ анатоміи при С.-Петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ, съ жалованьемъ по 250 рублей въ годъ. Но вскорѣ, по невыясненной причинѣ, овъ сталъ проситься въ отставку, и 19 августа 1790 г. уволенъ былъ отъ госпитальной и учебной службы по прошенію „для поправленія здоровья“; а 29 октября 1790 г. З. опредѣлился въ Шлиссельбургскій уѣздъ „на докторскую вакансію“, отгуда 14 февраля 1793 г. за представленную „обсервацію“: „*De foramine ovale cordis in adulto*“ (Спб. 1793 г., 8^о), переведенъ былъ въ Орденскій кирасирскій полкъ, квартировавшій тогда въ городѣ Хоромъ, Киевской губ.

Съ этимъ полкомъ З. участвовалъ въ польской войнѣ съ 1794 г. по 1795 г. 8 января 1797 г. З. по усиленнымъ хлопотамъ волынскаго губернатора М. П. Миклашевскаго, былъ назначенъ адъюнктомъ анатоміи — сначала въ Московскомъ медико-хирургическомъ училищѣ, а потомъ, по просьбѣ Н. Карпинскаго, профессора анатоміи С.-Петербургскаго медико-хирургическаго училища, давно знавшаго и цѣнившаго З. переведенъ былъ адъюнктомъ же изъ Москвы въ Петербургъ „къ анатоміи и физиологіи“ съ жалованьемъ по 400 руб. въ годъ и 60 руб. квартирныхъ. Здѣсь З. окончательно развилъ свою необычайную способность къ наблюденію мелкихъ и сухихъ подробностей и умѣнье связать ихъ въ одно цѣлое и изложить интересно для слушателей. Въ 1799 г. З. издалъ три научныхъ труда по анатоміи, закрѣпившіе за нимъ репутацію выдающагося анатома и одобренныя Медицинскою Коллегіею, одно: „*De aneurismate spurio, quod adscensus mentubatur*“, другое: „*de processus mastoidei teredine feliciter curato*“ и третье: „*discriptionem infantis monstri cum abnormi genitalium formatione*“. Всѣ три были изданы въ „Трудахъ Академіи Наукъ“ 1799 г. т. XV. За эти работы въ 1799 г., при преобразованіи С.-Петербургскаго медико-хирургическаго училища въ С.-Петербургскую медико-хирургическую Академію, З. произведенъ былъ въ экстраординарные профессора, а въ 1800 г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ Академіи. Въ 1801 г. появилось первое изданіе его анатоміи подъ названіемъ: „Сокращенная анатомія, или руководство къ познанію строения человѣческаго тѣла“, Спб. 1801 г., 2 части,—принятое учебною коллегіею въ обонихъ отдѣленіяхъ медико-хирургической Академіи, также въ Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ; оно выдержало до 1830 г. пять изданій. Эта была первая анатомія, напечатанная на русскомъ языкѣ, и по изложенію не уступала лучшимъ руководствомъ по анатоміи на Западѣ. Съ 1803 по 1805 г. З. состоялъ председателемъ Конференціи профессоровъ въ С.-Петербургской медико-хирургической Академіи и руководилъ ученою частью Академіи. Когда, по высочайшему повелѣнію, „регентство надъ ученою частью“ С.-Петербургской медико-хирургической

Академіи было поручено Петру Франку, 3. 14 сентября 1805 г. сдать всѣ дѣла новому ректору, однако, остался негласнымъ руководителемъ всѣхъ учебныхъ дѣлъ Академіи и на обыкновенныхъ собраніяхъ Конференціи председательствовалъ вмѣсто отсутствующаго Петра Франка и давалъ требуемыя разъясненія. По выходѣ Петра Франка въ отставку въ началѣ 1808 г. 3. принялъ отъ него должность ректора и оставался въ этой должности до августа 1808 г. Свою дѣятельность въ періодъ съ 1805 по 1808 г. 3. направилъ на проведеніе въ жизнь преобразовательныхъ предначертаній Петра Франка и значительно способствовалъ улучшенію медицинской и учебной части Академіи, „которая“, какъ писалъ онъ, „изъ рукъ вонъ, какъ плоха. Въ черной анатоміи нѣтъ печей, отъ дверей несетъ холодомъ, аудиторіи холодны“. При открытіи Академіи и въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ анатомическій кабинетъ, подобно прочимъ, освѣщался лучинами, а занятія были вечернія—съ 5 до 8 часовъ. Послѣ пожара 1803 г. стали употреблять сальныя свѣчи въ фонаряхъ. 3. улучшилъ старые и устроилъ новые кабинеты и лабораторіи въ Академіи. Въ 1805 г. 3. былъ избранъ въ адъюнкты анатоміи и физиологіи Императорской Академіи Наукъ, черезъ два года (11 августа 1807 г.) былъ признанъ экстраординарнымъ академикомъ ея и въ томъ же году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, академикомъ ординарнымъ. Въ 1809 г. онъ получилъ званіе академика С.-Петербургской медико-хирургической Академіи и въ томъ же году признанъ докторомъ медицины и хирургіи. Кромѣ того, съ 1797 г. по 1808 г. онъ состоялъ операторомъ при С.-Петербургскомъ главномъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. 3. былъ почетнымъ членомъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ. Съ 1817 г. состоялъ почетнымъ членомъ Императорскаго Московскаго общества естествоиспытателей природы; съ 1818—почетнымъ членомъ Виленскаго медицинскаго общества; съ 1819—С.-Петербургскаго фармацевтическаго общества; съ 1821 и 1822 гг. почетнымъ членомъ Харьковского и Виленскаго университетовъ; съ 1834 г.—почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго общества русскихъ врачей и съ 1836 г. почетнымъ членомъ Виленской медико-хирургической Акаде-

міи и Медицинскаго Совѣта. Въ 1833 г. 3. уволился отъ должности заслуженнаго профессора анатоміи и физиологіи С.-Петербургской медико-хирургической Академіи, а 2 ноября 1836 г. отпразднованъ былъ его 50-ти лѣтній юбилей, на которомъ было собрано 16.000 рублей на извѣстную анатомическую премию Загорскаго. 3. былъ истиннымъ украшеніемъ Академіи въ теченіе 34 лѣтъ. Краснорѣчивый преподаватель, въ высшей степени трудолюбивый, самостоятельный изслѣдователь въ нѣкоторыхъ областяхъ анатоміи, авторъ цѣнныхъ сочиненій, по одному изъ которыхъ (сокращенная анатомія) училось нѣсколько поколѣній врачей,—3. можетъ быть названъ идеальнымъ профессоромъ. Не менѣе важныя услуги онъ оказалъ дѣлу преподаванія устройствомъ кабинетовъ и лабораторіи при Академіи и введеніемъ практическихъ занятій для студентовъ. 3. напечатано болѣе 65 ученыхъ трудовъ по анатоміи и физиологіи, помѣщенныхъ, главнымъ образомъ, частью въ „Трудахъ Академіи Наукъ“, частью въ „Технологическомъ Журналѣ“. Изъ его ученыхъ работъ, кромѣ приведенныхъ выше, заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія: 1) *Commentatio anatomica abortus humani monstrosi rarissimi descriptionem ac delinaeationem sistens*. „Nov. Acta Acad. Спб., т. XV, стр. 473—482. 2) *De arcus aortae abnormitate ei unius ramorum ejus ortu insolito*. „Mem. de l'Acad.“, т. II, стр. 318—320. 3) „*De supernumerario sive abducente accessorio oculi musculo in cadavere hominis observata*“ *Idem.*, т. VII, стр. 396—399. 4) Физиологическія и врачебныя изслѣдованія о причинѣ припадковъ и леченія каменной болѣзни, состоящей въ малыхъ камешкахъ и пескѣ“. *Тех. Жур.*, т. V, ч. 3, 1820 г. 5) „Химическое разложеніе мозгового вещества человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ“. *Технич. Журн.*, т. II, ч. 2, 1820 г.

„Справочный Словарь“ Геннади, стр. 20. „Пятидесятилѣтіе заслуженнаго профес. П. А. Загорскаго“. Спб. 1838 г. 8°. „Отчетъ по II отд. Академіи Наукъ за 1846 г.“, стр. 20. „Исторія военно-медицинской Академіи за сто лѣтъ“. Я. Чистовичъ. „Матеріалы для исторіи отечественной медицины“, стр. 17. Я. Чистовичъ. „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, изд. 1883 г., ч. I, стр. 174 и ч. II, стр. 165. Л. О. Змѣевъ. „Врачи-писатели“, ч. I, стр. 110 и ч. II, стр. 18.

М. Евгений. „Справочный Словарь“, т. I, ст. 229. „Другъ Здравя“ 1836 г. № 42. Брокгаузъ и Эфронъ. „Энциклопедич. Словарь“, стр. 123.

Апостоловъ.

Загорянский-Кисель, Сергей Фаддеевичъ, вице-адмиралъ; комендантъ Николаевскаго порта. Род. 7 декабря 1816 г. Ум. 20 января 1885 г. Происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи. Воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ 21 декабря 1835 г. мичманомъ въ 33 флотскій экипажъ. Въ 1838 г., находясь въ составѣ черноморской флотилии на бригѣ „Фемистоклъ“, участвовалъ въ сраженіи съ горцами, напавшими на экипажи военныхъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе; приче́мъ въ воздаяніе „рѣшительности“, самопожертвованія и храбрости“,—какъ сказано въ формулярѣ, — былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3 ст. съ мечами. Въ 1841 г. произведенъ въ лейтенанты; въ 1849 г. назначенъ командиромъ буксиръ-парохода „Сулимъ“, въ 1852 г. получилъ подъ свою команду шхуну „Дротикъ“, съ переводомъ въ 39 флотскій экипажъ капитанъ-лейтенантомъ. Во время войны 1853—56 гг. командовалъ бригамъ „Меркурій“ (1853), а затѣмъ завѣдывалъ 5 канонерскими лодками и 5 казацкими баркасами (1854—55 гг.). Совершивъ 18 морскихъ кампаній, удостоенный награжденія орденомъ св. Георгія, С. Ф. и по окончаніи войны продолжалъ нести службу на морѣ, командовалъ баталіономъ изъ 10 канонерокъ съ 10 баркасами въ отрядѣ капитана I ранга Ендогурова (1856), транспортомъ „Ріонъ“ (1856—57), 41 флотскимъ экипажемъ (1858—60), 4 ластовымъ (1860—64) и Николаевскимъ портовымъ экипажами (1864—66). Въ 1861 г. произведенъ въ капитаны 2 ранга, а въ 1864 г.—1-го ранга. 13 февраля 1867 г., по сокращеніи Черноморской флотилии и упраздненіи Николаевскаго портового экипажа, былъ прикомандированъ къ черноморскому флотскому экипажу. Въ 1873 г. назначенъ завѣдующимъ инвалидными хуторами близъ Николаева и Севастополя съ производствомъ въ контръ-адмиралы. Николаевскимъ комендантомъ назначенъ въ 1879 г.; въ вице-адмиралы произведенъ въ 1884 г. Былъ членомъ военноморского суда въ Николаевскомъ портѣ

(1869—70), членомъ попечительства Николаевскаго реальнаго училища (1876—79) и директоромъ Николаевскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета.

Общій архивъ гл. штаба, Кн. посл. списк. за 1884 г., № 119. „Общій морской списокъ“, ч. 10, стр. 153.

Н. З.

Загоскинъ, Лаврентій Алексеевичъ, отставной капитанъ-лейтенантъ. Род. въ 1807 г. Ум. въ 1859 г. Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, и 17 мая 1823 г. былъ произведенъ въ гардемарины. Въ 1826 г. на фрегатѣ „Проворный“ плавалъ до береговъ Англій, и по окончаніи путешествія произведенъ въ мичманы, съ назначеніемъ въ астраханскій портъ, гдѣ пять лѣтъ служилъ на судахъ каспійской флотилии, а затѣмъ получилъ должность адъютанта портового командира и былъ произведенъ въ лейтенанты. Съ 1833 г. по 1835 г. командовалъ пароходомъ „Араксъ“, который въ 1835 г. сгорѣлъ. Вслѣдствіе этого командиръ былъ преданъ суду и по Высочайшей конфирмаціи разжалованъ въ матросы до выслуги, безъ лишенія дворянства. Вскорѣ, однако, чинъ ему былъ возвращенъ, и 6 апрѣля того же года 3. былъ переведенъ въ Кронштадтъ и находился здѣсь слѣшкомъ три года, а потомъ (въ 1838 г.) поступилъ на службу Россійско-Американской компаніи. На компанейскихъ судахъ совершилъ переходъ изъ Охотска въ Ново-Архангельскъ, командовалъ бригамъ „Байкалъ“ и кораблемъ „Елена“, состоялъ начальникомъ береговой экспедиціи по изслѣдованію теченія р.р. Буланды и Квипкаа и описывалъ прибрежную часть С. Америки отъ Михайловскаго редута. Въ 1847 г. 3. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ 1848 г. былъ уволенъ отъ службы и, находясь въ отставкѣ до конца жизни прожилъ въ Рязанской губерніи. Въ запискахъ гидрографическаго департамента напечатана его статья: „Редутъ св. Михаила въ южной части Нертонова залива“, и отпечатана отдѣльнымъ изданіемъ „Пѣшеходная опись части русскихъ владѣній въ Америкѣ, произведенная въ 1842—44 гг.“. Кромѣ того, въ „Сынѣ Отечества“ за 1836 г. были помѣщены его „Воспоминанія о Каспій“ и въ де-

кабрьской книжкѣ „Русской Старины“ „Воспоминанія о морскомъ шляхетскомъ корпусѣ“ (1822—1826 гг.), въ которомъ онъ отстаиваетъ честь этого учрежденія. „Воспоминанія“, состоящія, впрочемъ, изъ описанія отдѣльныхъ, незначительныхъ самихъ по себѣ эпизодовъ, характерны не только для воспитавшаго его учебнаго заведенія, но и для самого автора. Старина, традиціи корпуса и весь складъ жизни дореформенной крѣпостнической Руси, отражающіеся въ этомъ маленькомъ уголкѣ, съ ея патріархальными отношеніями и экзекуціями — для него священны и симпатичны.

„Русская родосл. книга“, т. I, гр. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. „Родосл. книга князей и дворянъ“, изд. Новикова. „Генеалогія дворянъ Тверской губ.“, М. Чернявскій. „Общій морской списокъ“, ч. 10, стр. 156 (изд. 1898 г.). „Русскій энцикл. словарь“ Березина. „Настольн. энциклоп. словарь“ Граната.

Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ; директоръ московскихъ театровъ и московской оружейной палаты; извѣстный писатель-романистъ. Родился 14 іюля 1789 г. Умеръ въ 1852 г. Происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, родоначальникъ которой, Шевканъ-Загоръ, во св. крещеніи Александръ Анбулатовичъ, прозванный Загоской, выѣхалъ въ 1472 г. изъ Золотой орды къ великому князю Іоанну III и былъ жалованъ помѣстьями въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Обонежской пятинѣ. Старшій сынъ Загоски, Поликарпъ Шапка, былъ единственнымъ продолжателемъ его рода, т. е. два другіе его брата умерли бездѣтными. Загоскины постоянно жили въ своемъ весьма благоустроенномъ послѣдственномъ имѣніи, селѣ Рамзавъ, (въ 25 верстахъ отъ Понзы), которое описано въ послѣдствіи З. въ романѣ „Искуситель“, подъ названіемъ „Тужилки“, и въ которомъ родился авторъ „Юрія Милославскаго“. „Отецъ его (М. Н.), — говоритъ Вигель, — почтенный чудакъ, исполненъ былъ религіознаго духа и любознательности, жилъ всегда въ деревнѣ, и на ярмаркахъ запасался всякаго рода книгами, выходящими на русскомъ языкѣ; ихъ давалъ онъ читать своимъ сыновьямъ. У старшаго чрезвычайно много было живости въ крови и мыслей въ головѣ; къ

тому же съ ребячества имѣлъ онъ любовь (которую я назыву страстной) къ истинѣ и справедливости и какой то свой особенный, но не менѣе того вѣрный и ясный взглядъ на людей и ихъ недостатки. Однимъ словомъ, въ немъ воображеніе сочеталось съ разсудкомъ“... Всѣ эти качества были причиной тому, что З., предоставленный самому себѣ, никѣмъ не руководимый, самостоятельно развилъ себя и самъ нашелъ свое призваніе. Живая природа, деревенское приволье, жизнь и мнелогія простого народа, были источниками, изъ которыхъ питался его умъ. „Въ тѣ годы (говоритъ онъ въ послѣдствіи въ своемъ романѣ „Искуситель“, заключающемъ въ себѣ не мало автобіографическихъ подробностей), когда мы еще не имѣемъ никакого понятія объ изящномъ, прекрасный видъ возбуждалъ всегда во мнѣ неизмѣнное чувство удовольствія. Бывало, я по цѣлымъ часамъ не отходилъ отъ окна и не могъ налюбоваться обширными полями, которыя то разстилались гладкими зелеными коврами, то холмились и нестрѣли въ причудливомъ разливѣ свѣта и тѣней. Болѣе всего возбуждалъ мое любопытство и тревожилъ меня этотъ безконечный темный лѣсъ. Онъ виденъ былъ изъ моей комнаты, вдали за дубравою, которая росла по ту сторону пруда“. Особенно нравились З. сказки и всевозможныя страшныя исторіи, которыя, бывало, передавалъ ему его дядька. „И всегда былъ, писалъ онъ въ предисловіи къ изданію своихъ „Повѣстей“, — смертный охотникъ до страшныхъ исторій. Не могу сказать, какое наслажденіе чувствую я всякій разъ, когда слушаю повѣсть, отъ которой волосы на головѣ моей становятся дыбомъ, сердце замираетъ и морозъ подираетъ по кожѣ. Пусть себѣ господа ученые, эти холодные розыскатели истины, эти Фомы невѣрные, которые сомнѣваются даже въ томъ, что лѣшіе обходятъ прохожихъ и что можно однимъ словомъ *изурочить* челоуѣка, смѣются надъ моимъ логковѣріемъ: я не промѣняю на ихъ сухіе математическіе выводы, на ихъ замороженный здравый смыслъ мои дѣтскія, но живыя и теплыя мечты“. Въ бібліотекѣ отца своего онъ нашелъ самыя разнообразныя вещи и читалъ все, что попадалось подъ руку: Вліяніе чтенія не могло не сказаться на увлекающемъ, впечатлительномъ маль-

чикъ: въ немъ довольно рано развилась фантазія и явилась склонность къ сочинительству. Одиннадцати лѣтъ онъ уже написалъ трагедію „Леонъ и Зыдеа“ и повѣсть „Пустынникъ“, которыя до того понравились всѣмъ его знакомымъ, что никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы авторомъ ихъ могъ быть „маленькій Миша“. Но всѣ эти первоначальныя попытки къ литературному творчеству куда-то исчезли, и З. впоследствии весьма сожалѣлъ объ этомъ, „любопытствуя знать, какое было направленіе его авторства“. Вотъ все, что извѣстно о дѣтствѣ З. Никакого систематическаго образованія онъ не получилъ, и это отражалось впоследствии въ его литературныхъ трудахъ: всѣ рукописи его, особенно первыя, испещрены массой грамматическихъ ошибокъ, которыя, разумется, не могли не попадаться и въ печатныхъ изданіяхъ. Вотъ что писалъ ему (уже въ 1831 г.) по этому поводу Жуковский: „Главная критика на оба ваши романа („Юрій Милославскій“ и „Рославлевъ“) можетъ относиться только къ правильности языка. Много ошибокъ, которыя бы замѣтилъ вамъ послѣдній ребенокъ, который знаетъ грамматику. Этихъ ошибокъ у васъ быть не должно, но вы, имѣя истинный талантъ, должны непременно обратить вниманіе на мелочи, не вредящія главному, но такого рода, что вы уже теперь обязаны не дѣлать подобныхъ проступковъ“. Въ 1802 г., когда ему было 13 лѣтъ, З. былъ отвезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ на службу въ канцелярію государственнаго казначея Голубцова, гдѣ черезъ три года произведенъ въ сенатскіе регистраторы. Въ 1807 г. перешелъ въ горный департаментъ; потомъ два года служилъ въ государственномъ ассигнаціонномъ банкѣ и, наконецъ, въ 1811 году былъ переведенъ въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Не получая отъ отца никакихъ пособій, и довольствуясь незначительнымъ жалованьемъ, вдвоемъ съ своимъ преданнымъ дядькой Прохоромъ Кондратьевичемъ, котораго онъ изобразилъ впоследствии въ романѣ „Мирошевъ“, З. очень часто нуждался въ средствахъ и нѣредко находился въ большой крайности; тѣмъ не менѣе до поры до времени онъ мирно уживался съ „канцелярскимъ ремесломъ“, и можно было подумать, что

въ этомъ и состояло его призваніе. Но вотъ наступила Отечественная война; въ обществѣ пробудилось патриотическое настроеніе. „Духъ ненависти къ французамъ, по словамъ современниковъ, доходилъ въ сіе время до высочайшей степени: матери, жены, сестры, покидая нѣжность, сожалѣніе и любовь, чувствительнымъ сердцамъ ихъ свойственнымъ, охотно отпускали и благословляли сыновъ, мужей, братьевъ своихъ, на священную брань за отечество“. Воспламенился тою же любовью къ отечеству и ненавистью къ врагу и З. или, какъ говоритъ С. Т. Аксаковъ, „нетерпѣніемъ запечатлѣть кровью своею горячую любовь къ отчизнѣ“.— Бросивъ канцелярскую службу, онъ записался 9-го августа въ Петербургское ополченіе, которое предназначалось въ подкрѣпленіе корпуса Витгенштейна, долженствовавшаго служить прикрытіемъ столицы. 6-го октября ополченіе это въ первый разъ было въ дѣлѣ при взятіи Полоцка. З. былъ раненъ въ ногу и получилъ орденъ св. Анны 4 ст., съ надписью „За храбрость“. По выздоровленіи онъ вернулся въ полкъ и былъ назначенъ адъютантомъ къ графу Левису и пробылъ въ этомъ званіи всю кампанію. Послѣ взятія Данцига состоялся Высочайшій указъ о роспускѣ Петербургскаго ополченія. З. не пожелалъ оставаться на военной службѣ и отправился на родину, въ свое родовое помѣстье Рамзай, гдѣ снова принялся за книги и перо—и, въ томъ же году (1814) написалъ одноактную комедію „Проказникъ“, не лишенную нѣкоторыхъ литературныхъ достоинствъ, которая дала ему почувствовать, что онъ въ состояніи творить лучшее. Въ началѣ 1815 г. онъ прибылъ вновь въ Петербургъ и поступилъ опять на прежнее мѣсто—въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ на должность помощника столоначальника. Своего „Проказника“ онъ показалъ здѣсь кн. А. А. Шаховскому, извѣстному въ то время драматургу, служившему членомъ по репертуарной части при петербургскомъ казенномъ театрѣ. „Не будучи увѣренъ въ своемъ талантѣ, рассказываетъ С. Т. Аксаковъ, скромный З. никакъ не могъ рѣшиться пріѣхать прямо къ Шаховскому: онъ написалъ ему письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ просилъ прочесть прилагаемую

пьесу и, принявъ въ соображеніе, что это первый опытъ молодого сочинителя, сказать правду, есть ли въ немъ талантъ и заслуживаетъ ли его комедія сценическаго представленія. Если нѣтъ, то, не спрашивая имени автора, возвратить рукопись челоуѣку, который будетъ присланъ къ нему въ такое-то время". Князь Шаховскій былъ пріятно изумленъ отличными разговорными языкомъ, живостью дѣйствій и неподдѣльной веселостью комедіи, пожелалъ лично познакомиться съ авторомъ, одобрилъ его работу и немедленно приступилъ къ постановкѣ пьесы. Съ этого времени началось знакомство З. съ Шаховскимъ, которое перешло затѣмъ въ самую тѣсную дружбу. Судьба „Проказника“ неизвѣстна. По нѣкоторымъ версиямъ она была поставлена на Петербургской сценѣ два раза, по другимъ,—всего только одинъ разъ. Грибоѣдовъ, имѣвшій какіе-то счеты съ З., говоритъ: „Вотъ вамъ его „Проказникъ“,—спроказилъ онъ неловко: разъ ушамъ да и не всталъ“. Однако, какъ-бы то ни было, ободренный кн. Шаховскимъ, З. серьезно принялся за литературную дѣятельность и скоро представилъ на судъ публики свою новую пьесу, которая по сравненію съ первой, представляла уже значительный шагъ впередъ. Пьеса эта,—подъ названіемъ „Комедія противъ комедіи“, или „Урокъ волокитамъ“, весьма понравилась публикѣ, довольно часто появлялась на сценѣ и создала имя писателю, положивъ начало его будущей извѣстности. Въ 1816 г. З. оставилъ службу въ горномъ департаментѣ, и въ концѣ 1817 г. былъ назначенъ помощникомъ члена репертуарной части при дирекціи Императорскихъ театровъ и въ этомъ же году написалъ и поставилъ на сценѣ нѣсколько новыхъ произведеній: двѣ комедіи:—„Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ“ и „Вечеринка ученыхъ“ и двѣ интермедіи:—„Макарьевская ярмарка“ и „Лебедянская ярмарка“, изъ которыхъ наибольшимъ успѣхомъ пользовалась первая пьеса „утвердившая самобытность комическаго таланта З.“. Въ томъ же 1817 г. З. издавалъ и редактировалъ журналъ „Сѣверный Наблюдатель“, который былъ не что иное, какъ видоизмѣненный „Русскій Пустынникъ или Наблюдатель Отечественныхъ правовъ“, выходявшій ра-

тѣе подъ редакціей Корсакова. Усиленно работая въ этомъ журналѣ, З. помѣстилъ въ немъ массу разнообразныхъ статей, которыя часто печатались имъ безъ подписи или подписывались только начальными буквами и псевдонимами. Между прочимъ онъ велъ здѣсь театральныи отдѣлъ, отличавшійся полнымъ безпристрастіемъ при разборѣ пьесъ того или другого автора. Кроме того, въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ было помѣщено нѣсколько сатирическихъ очерковъ З., отрывокъ изъ его романа „Неравный бракъ“ и рядъ полемическихъ замѣтокъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, противъ „Сына Отечества“ и его временнаго редактора А. Е. Измайлова, извѣстнаго баснописца. Пробывъ около года при инспекціи петербургскихъ театровъ, З. перешелъ на службу въ Императорскую Публичную Библиотеку, въ качествѣ помощника библиотекаря. Въ іюль 1820 г. онъ оставилъ эту должность и вскорѣ переѣхалъ въ Москву. Передъ отъѣздомъ имъ были написаны: одноактная пьеса „Романъ на большой дорогѣ“, въ которой онъ осмѣялъ сентиментальное и фантастическое направленіе въ тогдашней литературѣ, и комедія въ трехъ дѣйствіяхъ „Добрый малый“, признанная лучшей вещью изъ всего созданнаго имъ до тѣхъ поръ. Талантъ его къ этому времени, можно сказать, совсѣмъ развился. Самъ онъ сдѣлался довольно извѣстнымъ въ литературномъ мірѣ и (въ декабрѣ 1819 г.) былъ избранъ въ дѣйствительные члены „Общества любителей Русской словесности“. Въ Москвѣ въ литературныхъ кругахъ его приняли очень любезно, какъ „непослѣдняго“ драматурга. „Г-нъ Майковъ,—говоритъ самъ З.,—принялъ меня очень хорошо, прочіе члены театра осыпали меня ласками и,—право, я боюсь какъ бы здѣсь не избаловаться; долго ли до грѣха: пожалуй заберу себѣ въ голову, что я что нибудь да значу въ литературномъ свѣтѣ. Въ Петербургѣ я не смѣлъ и думать объ этомъ. Здѣсь я успѣлъ уже прочесть моего „Добраго малюга“ въ домѣ кн. Долгорукова, и такъ ужъ заваякничался, что попросилъ воды съ сахаромъ“. Въ Москвѣ же М. Н. началъ писать стихи. До того, по словамъ С. Т. Аксакова, Загоскинъ не писалъ стиховъ: онъ не чувствовалъ паденія и мѣры стиха и самъ признавался, что это не его

дѣло. Одинъ разъ, въ кругу короткихъ пріятелей разсердили его тѣмъ, что не хотѣли даже выслушать какихъ то его замѣчаній на какіе то стихи, основываясь на томъ, что онъ въ стихотворствѣ ничего не понимаетъ. З. вспылилъ и сказалъ, что онъ докажетъ всѣмъ, какъ понимаетъ это дѣло, и черезъ два мѣсяца прочелъ прекрасное, довольно длинное „Послание къ Н. И. Гнѣдичу“, написанное шестистопными ямбами съ рифмами. Друзья его были вкрайне изумлены первымъ опытомъ З. и долго не знали, что о немъ подумать. Но когда М. Н., спустя мѣсяць, прислалъ въ „Общество сореvнователей просвѣщенія“ два новыя свои стихотворенія: „Авторская клятва“ и „Выборъ невѣсты“, и когда оба стихотворенія, прочитанныя въ собраніи общества, возбуждали общія похвалы, Н. И. Гнѣдичъ (членъ о-ва) сказалъ З.: „Послѣ „Авторской клятвы“, я уже перестану и удивляться твоимъ истинно-блестательнымъ успѣхамъ, любезный другъ Михаилъ Николаевичъ... Пьеса — порука намъ, что ты подарить театр комедіей въ стихахъ“. З. не замедлилъ и съ этимъ: въ началѣ 1822 года появилась и комедія въ стихахъ „Урокъ холостымъ или наслѣдники“, которая была поставлена на Московской сценѣ и очень понравилась публикѣ. Годъ спустя (въ 1823 г.) была поставлена новая пьеса: „Деревенскій философъ“, имѣвшая еще большій успѣхъ. 18 мая 1822 г. З. поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ съ исправленіемъ должности по театральному отдѣленію. Но для пріобрѣтенія правъ по службѣ ему необходимо было предварительно выдержать экзаменъ на чинъ коллежскаго ассесора и получить аттестатъ. Въ подготовленіи къ этому экзамену прошло цѣлыхъ полтора года. „З. трудился съ такою добросовѣстностью, пишетъ Аксаковъ, что даже вытерпѣлъ наизусть римское право. Наконецъ, онъ выдержалъ испытаніе блестятельно, и самъ требовалъ отъ профессоровъ, чтобы его экзаменовали какъ можно строже. З. въ письмахъ ко мнѣ, очень забавно описываетъ свои экзамены и, между прочимъ, сердится на одного изъ профессоровъ, который предложилъ ему вопросъ: кто такой былъ Ломоносовъ? „Ну можно ли объ

этомъ спрашивать, пишетъ З., не мальчишка, а литератора, уже получившаго нѣкоторую известность? Я хотѣлъ было отвѣтить ему, что Ломоносовъ былъ сапожникъ“.

Наконецъ, въ 1829 г., появился надѣлавшій въ свое время много шума его знаменитый романъ „Юрій Милославскій“. Много лѣтъ собиралъ для него З. матеріалы и цѣлыхъ полтора года (1828—29) занимался ихъ обработкой. Погруженный по цѣлымъ днямъ въ чтеніе историческихъ документовъ, необходимыхъ для всесторонняго изученія избранной имъ эпохи, онъ зарабатывался до того, что, по свидѣтельству современника, „на улицахъ не узнавалъ никого, не отвѣчалъ на поклонны, не слышалъ привѣтствій“. Видя все это, друзья и знакомые З. ждали отъ него чего нибудь необыкновеннаго и, какъ оказалось, не ошиблись въ своихъ надеждахъ. При появленіи этого романа, составившаго цѣлое литературное событіе, „восхищеніе было общее, единодушное,—говоритъ Аксаковъ: не много находилось людей которые его не раздѣляли. Публика обѣихъ столицъ и вслѣдъ за нею, или почти вмѣстѣ съ нею, публика провинціальная пришла въ совершенный восторгъ. Впослѣдствіи, не такъ скоро, но прочно, безъ восторга, но съ какимъ то умиленіемъ начала читать и читаетъ до сихъ поръ „Юрія Милославскаго“ вся грамотная Русь. Всѣ обрадовались „Юрію Милославскому“, какъ общественному пріятному событію, всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы—обратились со всѣми знаками уваженія, съ восторженными похвалами; всѣ, кто жили или пріѣзжали въ Москву, ѣхали къ З.; кто былъ въ отсутствіи—писали къ нему. Всякій день получалъ онъ новыя письма, лестныя для авторскаго самолюбія“. Жуковский писалъ ему: „Получивъ вашу книгу,—я раскрылъ ее съ нѣкоторой недовѣрчивостью и съ тѣмъ только, чтобы заглянуть въ нѣкоторыя страницы, получить какое нибудь понятіе о слогѣ вообще. Но съ первой страницы перешелъ я на вторую, вторая заманила меня на третью, и вышло, наконецъ, что я всѣ три томика прочиталъ въ одинъ пріѣздъ, не покидая книги до поздней ночи. Это для меня рѣши-

тельное доказательство достоинства вашего романа". Пушкинъ говоритъ: „З. точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши—все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кириши, Алексѣя Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ рассказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ въ сторону, но никогда не утомляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій) вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ" обвиняетъ мастера своего дѣла". Вѣлинскій называлъ „Юрія Милославскаго“ „первымъ хорошимъ русскимъ романомъ“. Не имѣя художественной полноты и цѣлости, онъ отличается необыкновеннымъ искусствомъ въ изображеніи быта нашихъ предковъ, когда этотъ бытъ сходенъ съ нынѣшнимъ, и проникнутъ необыкновенной теплотою чувства. Присокупите къ этому увлекательности рассказа, новостъ избраннаго поприща, на которомъ авторъ не имѣлъ себѣ ни образца, ни предшественника—и вы поймете причину его необычнаго успѣха“. Позднѣе тотъ же критикъ говоритъ: „Юрій Милославскій“ явился очень во время, когда всѣ требовали русскаго и русскаго... Всѣ лица романа—осуществленіе личныхъ понятій автора: всѣ они чувствуютъ его чувствами, понимаютъ его умомъ... и однако жъ романъ произвелъ въ публикѣ фуроръ: онъ былъ первой попыткой на русской исторической романъ; сверхъ того, въ немъ много теплоты и добродушія, которыя сдѣлали его живымъ и одушевленнымъ; рассказъ—легкій, лющійся, увлекательный: ничему не вѣрять, а читайте словно „Тысячу и одну ночь“ „Его и теперь можно перелистывать съ удовольствіемъ“. Баснописецъ И. И. Дмитриевъ, кн. А. А. Шаховскій, Н. И. Гнѣдичъ, Оленинъ и др. дружески привѣтствовали въ З. новый могучій талантъ. Вальтеръ Скоттъ, Просперъ-Мериме и

фонъ-Ольберъ—письменно засвидѣтельствовали автору „Юрія Милославскаго“ свое удивленіе его прекрасному таланту. Трудъ З., былъ переведенъ на иностранные языки,—французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій, голландскій, испанскій, чешскій, а на русскомъ онъ выдержалъ около десяти изданій.

Самъ З. не ожидалъ такого успѣха, и съ этого времени изъ драматическаго писателя онъ дѣлается писателемъ эпическимъ. Слѣдующимъ его сочиненіемъ былъ тоже довольно извѣстный романъ: „Рославль или русскіе въ 1812 г.“, появившійся въ 1831 г. Общая увѣренность, что новое произведеніе прославленнаго автора будетъ еще лучше, или по крайней мѣрѣ интереснѣе „Юрія Милославскаго“, была настолько велика, что московскіе книготорговцы купили 2000 экземпляровъ еще прежде, чѣмъ романъ былъ написанъ. Но многимъ пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. И прежде всего такое разочарованіе должно было наступить въ интеллигентныхъ кругахъ, которые нашли это новое произведеніе повтореніемъ прежняго, отличающимся тѣми литературными достоинствами, мастерскимъ воспроизведеніемъ народнаго языка и искренностью, но такимъ, которое они не рѣшились назвать „историческимъ романомъ“. Иначе отнеслась къ нему большія публика. Изданіе въ 4800 экземпляровъ разошлось весьма быстро, и потребовалось еще два новыхъ изданія и переводъ на нѣмецкій и французскій языки. Въ 1833 г. вышелъ третій романъ З. „Аскольдова могила“, повѣсть изъ временъ Владиміра I, которую Вѣлинскій назвалъ могилой славы автора, какъ историческаго романиста. И, дѣйствительно, это сочиненіе было встрѣчено холодно даже въ публикѣ. Но самый фактъ неудачи былъ причиною того, что „Аскольдова могила“ получила совершенно иное, не предназначавшееся ей значеніе для русской литературы и русскаго театра. Изъ своего неудавшагося романа З. сдѣлалъ либретто для оперы, которое переложилъ на музыку Верстовскій и тѣмъ создалъ себѣ славу. Долго пользовалась „Аскольдова могила“ исполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ, долго восхвалялась ею публика въ театрахъ и долго пѣлись и поются до сего времени ея отдѣльныя пѣсни.

Въ служебномъ отношеніи З. также за это время подвинулся впередъ. Такъ, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ его перваго романа, онъ получилъ мѣсто управляющаго конторою Императорскихъ Московскихъ театровъ, а черезъ годъ (1831 г.) былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники и пожалованъ въ дѣйствительные камергеры; затѣмъ—въ этомъ же году—получилъ званіе дѣйствительнаго члена Россійской академіи, а по присоединеніи ея къ академіи наукъ—почетнаго академика по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ 1834 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, въ 1837 г.—въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ назначеніемъ на должность директора Императорскихъ Московскихъ театровъ и, наконецъ, въ 1842 г.—получилъ должность директора Московской оружейной палаты, которую и занималъ до конца своей жизни.

Послѣ неудавшейся „Аскольдовой могилы“ онъ оставилъ историческіе романы и обратился къ повѣстямъ и романамъ въ духѣ современности. Но всѣ его повѣсти также были мало удачны и отличались тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Онъ пробовалъ писать и „страшное“, и комическое, но какъ въ томъ такъ и въ другомъ выливалось одно добродушіе автора. Читая его „страшные“ „Вечера на Хонрѣ“, вошедшіе въ первую часть изданныхъ имъ въ 1837 г. „Повѣстей Михаила Загоскина“, навѣрное никто никогда не пугался, хотя они написаны тѣмъ же свободнымъ живымъ языкомъ, но чудесное, фантастическое, не доступное таланту З., не передается и его читателямъ. Во второй части „Повѣстей“ были помѣщены „Три жениха“, „Провинціальныя очерки“, „Кузьма Рошинъ“. Первые не удались потому, что З., жившій съ четырнадцати лѣтъ въ столицахъ, былъ мало знакомъ съ провинціальной жизнью, и только „Кузьма Рошинъ“, переделанный впоследствии въ трехактную драму, былъ сравнительно лучше. Но такъ судила только критика. Что же касается публики, то она попрежнему благоволила автору и всегда съ нетерпѣніемъ ждала отъ него новыхъ сочиненій. Всѣ „Повѣсти“ были раскуплены весьма быстро. Также скоро разошлся и появившійся въ слѣдующемъ году

новый романъ „Искуситель“, который самъ З. призналъ самымъ слабымъ своимъ сочиненіемъ. Была раскуплена и потребовала новаго изданія и „Тоска по родинѣ“, вышедшая въ 1839 г. Вотъ что писалъ по этому поводу Бѣлинскій: „Появленіе каждаго новаго романа г. З.—праздникъ для Россійской публики. Едва узнаетъ она, что любимый ея романистъ собирается ей сдѣлать подарокъ,—она уже опускаетъ нетерпѣливыя руки въ карманъ: едва подарочекъ появился въ книжныхъ лавкахъ—и уже его нѣтъ, уже онъ весь расхваченъ, и Россійская публика, вынувъ обѣ руки изъ кармановъ, крѣпко держитъ ими три или двѣ новенькія, изящно изданныя книжечки. Однимъ словомъ Россійская публика смотритъ на г. З., какъ на своего писателя, да и г. З. обращается съ нею откровенно, запросто, по пословицѣ—что на умѣ, то и на языкѣ. Потому то и романическая слава его утверждена на прочномъ основаніи. Публика не хочетъ и знать, что говорить о немъ критика: она знаетъ его сама, а на критику смотритъ, какъ на непризваннаго судью въ чужомъ семейномъ домѣ. Критика сперва косилась было на романы З., но послѣ, увидѣвъ въ чемъ дѣло, положила себѣ за правило говорить о его романахъ за одно съ публикою. И хорошо дѣлаетъ!“

Впрочемъ, „Тоска по родинѣ“ была значительно лучше предыдущаго романа, что признала даже и критика. Удачный подборъ типовъ и цѣлый рядъ картинъ въ тенеровскомъ родѣ, въ изображеніи которыхъ З. не имѣлъ въ свое время соперниковъ, вполне оправдываютъ подобное отношеніе. Еще болѣе удачнымъ былъ вышедшій въ 1842 г. романъ З. въ четырехъ частяхъ: „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“, русская былъ изъ временъ Екатерины II, такъ что нѣкоторые изъ современниковъ ставили его на ряду или даже выше „Юрія Милославскаго“. Очень извѣстенъ и пользовался большою популярностью и „Брынскій лѣсъ“. Эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго, въ двухъ томахъ (1846), а также историческій романъ „Русскіе въ началѣ восемнадцатаго столѣтія“. Рассказъ изъ временъ единодержавія Петра I, который вышелъ въ 1848 г. и былъ его послѣднимъ крупнымъ произведеніемъ.

Послѣ него З. уже не писалъ больше романовъ, и къ послѣднему трехлѣтію его жизни относятся только болѣе мелкія сочиненія. Такъ, помимо множества разнообразныхъ статей, издававшихся имъ время отъ времени отдѣльными выпусками подъ заглавіемъ „Москва и Москвичи“, содержащими самыя разнообразныя вещи, извѣстны его комедіи: „Недовольные“, „Урокъ матушкамъ“, „Заштатный городъ“, „Повѣдка за-границу“, „Женатый женихъ“ и др.

Плодовитость З. удивляла современниковъ: онъ написалъ и напечаталъ 29 томовъ романовъ, повѣстей и рассказовъ, 17 комедій и одинъ водевилъ. Въ исторіи литературы ему принадлежитъ почетное мѣсто родоначальника русскаго историческаго романа. Несомнѣнный талантъ художника и душевная теплота, согрѣвавшая его романы, дѣлали его въ свое время кумиромъ „большой публики“ и приобрѣтали ему массу поклонниковъ. „Юрій Милославскій“, съ такимъ восторгомъ принятый обществомъ въ началѣ XIX столѣтія, не потерялъ своего значенія до настоящаго времени, и съ большимъ удовольствіемъ читается въ XX вѣкѣ. По убѣжденію З. былъ глубокой націоналистъ и весьма горячій патриотъ. Русскій языкъ, нравы и обычаи родины, служили предметами его поклоненія; „святѣя православія“, преданность престолу, честь и слава отечества всегда выставлялись имъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ; о русскомъ человѣкѣ онъ говоритъ: „Русскій человѣкъ на томъ стоитъ: гдѣ бѣдовое дѣло, тутъ-то удалство и показать“. Основными качествами характера З. были: честность, веселость, неограниченное добродушіе, довѣрчивость и... наивность. Интереснѣйшую характеристику М. Н., какъ человѣка, даетъ современникъ и личный другъ его А. Т. Аксаковъ: „З.,—говоритъ онъ,—во всю свою жизнь не сдѣлалъ съ намѣреніемъ никому вреда. Это—несомнѣнная истина. Въ пылу горячаго спора, ему случалось сказать о человѣкѣ, даже при лишннихъ свидѣтеляхъ, что -нибудь, могущее повредить ему, но когда горячность проходила, и З. объясняли, какія вредныя послѣдствія могли имѣть его слова, которыхъ онъ не помнилъ,—Боже мой, въ какое раскаяніе приходилъ онъ... онъ отыскивалъ по всему

городу заочно оскорбленнаго имъ человѣка, бросался къ нему на шею, хотя бы то было посреди улицы, и просилъ прощенья; этого мало; отыскивалъ людей, при которыхъ онъ сказалъ обидныя слова, признавалъ свою ошибку превозносилъ похвалами обиженнаго... Разсѣянность З. доходила до того, „что онъ часто клалъ чужія вещи въ карманъ и даже запиралъ ихъ въ свою шкатулку; сѣлъ одинъ разъ въ чужую карету, къ дамѣ, не коротко знакомой, и приказалъ кучеру ѣхать домой, тогда какъ мужъ стоялъ на крыльцѣ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на похищеніе своей жены. Въ другой разъ онъ велѣлъ отвезть себя не въ тотъ домъ, куда хотѣлъ ѣхать, и гдѣ ожидало его цѣлое общество; онъ задумался, вошелъ въ гостинную, въ которой бывалъ очень рѣдко, и объявилъ хозяйкѣ, съ которой былъ не коротко, но давно знакомъ, что пріѣхалъ прочесть ей по обѣщанію отрывокъ изъ своего романа; хозяйка удивилась и очень обрадовалась, а З., примѣтивши наконецъ ошибку, посоветился признаться въ ней, и прочелъ назначенный отрывокъ къ общему удовольствію хозяевъ и гостей. Разсѣянность не оставляла иногда З. даже въ дѣлахъ служебныхъ: онъ подалъ одинъ разъ министру вмѣсто рапорта о благосостояніи театра, счетъ своего портного: министръ усмѣхнулся и сказалъ: „охъ, эти господа авторы“. З. былъ не только разсѣянъ, но и чрезвычайно безпамятенъ, отчего такъ конфузился на сценѣ, что почти не могъ участвовать въ благородныхъ спектакляхъ. Въ одной интермедіи ему предстояло продекламировать имъ же написанныя куплеты; опасаясь, что забудетъ стихи, онъ переписалъ ихъ четкими буквами и положилъ въ карманъ; опасеніе оправдалось: онъ забылъ куплетъ и сконфузился; но досталъ изъ кармана листокъ, подошелъ къ лампѣ, пробовалъ читать въ очкахъ и безъ очковъ, перевортывалъ бумагу, но никакъ не могъ разобрать своего почерка, сконфузился еще больше, что-то пробормоталъ, поклонился и ушелъ. Его веселость, происходившая отъ невозмутимой ясности души, безупречной совѣсти и неистощимаго благодушія, невольно сообщалась и другимъ: онъ былъ любимъ въ обществѣ, въ кругу родныхъ и въ семьѣ. Злыхъ людей З. не зналъ. „Лицемерія онъ не понималъ. Множество

ошибокъ и поучительныхъ уроковъ не избѣчили его отъ довѣрчивости, и ему всегда казалось, что онъ окруженъ прекрасными людьми“.

Моск. отд. общаго арх. гл. штаба: описъ 240, документы разн. чиновниковъ, поступившихъ въ ополченіе 4-й дружины.

„Русская родосл. книга“, т. 1, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій; „Родосл. книга князей и дворянъ“, изд. Новикова; „Общій гербовникъ“, ч. 11; „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Эфрона, 23; „Русскій энциклоп. словарь“ Березина, отд. 2, т. 2; „Большая энциклопедія“, т. 9; „Энциклоп. словарь“, т. 2; „Справочн. словарь“ Геннади, т. 1—2; „Настольн. энциклопедическій словарь“ Граната; „Энциклоп. словарь“ Павленкова; „Портретная галлерей“ (біографія), изд. А. Мюнстера; „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“ (второй періодъ), Н. В. Гербель; „Исторія русской словесности (древней и новой), А. Галаховъ, т. 2; „Курсъ исторіи русской литературы“, К. Петровъ, изд. 2; „Сочиненія В. Бѣлинскаго“, 12 частей, 2 изд.; части 2 и 6-я (критика на сочиненія З.); „Русская Хрестоматія“ А. Галахова; „Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, т. 1, ч. 2 и т. 2, ч. 4; „Литературныя воспоминанія И. И. Панаева“, ч. 2, гл. 1; „Анекдотъ о добродушіи З.“; „Русскій Архивъ“, 1863 г., стр. 467; „Изъ бумагъ поэта И. И. Козлова (письма къ нему З.); тамъ же, 1886 г., т. 1; „Письмо В. А. Жуковскаго къ М. Н. З. (1831 г., —1868 г., стр. 973; „Письмо А. С. Пушкина къ З.“ (1834 г.)—Тамъ же. „Письмо Д. В. Давыдова къ З.“; „Русская Старина“, 1877 г., т. 20; „Письмо А. С. Пушкина къ З.“, —1890 г., т. 67. авг.; „Изъ переписки М. Н. З.“, —1902 г., т. 111, июль, авг. и сент.; „Развѣдчикъ“, 1889 г., № 16 (портретъ З.); „Разборъ комедія: Урокъ холостымъ или наследники“ М. Н. З.; „Вѣстникъ Европы“, 1822 г., ч. 123, № 11; „Разборъ сочиненія З. Юрій Милославскій“, 1830 г., ч. 169, № 3; „Письма М. Н. З. къ М. Е. Лобанову и Н. И. Гнѣдичу“; „Историческій Вѣстникъ“, 1880 г., т. 2, авг. (приложенъ портретъ); „Отецъ и сынъ“, М. де-Пуле; „Русскій Вѣстникъ“, 1875 г., т. 116, № 14, т. 117, №№ 5 и 6, т. 118, №№ 7 и 8 и т. 119, № 9; „Посланіе къ З.“, стихи, 1824 г., кн. 1; „Письма З. къ Крылову“; „Сборникъ II отд. Императ. Академіи Наукъ“, 1869 г., т. 6; „Воспоминанія о З.“; „Московскія Вѣдомости“, 1852 г., № 87 и „Москвитянинъ“, 1852 г., ч. 4, № 14 (июль), кн. 2; Некрологи: Отчеты Импер. академіи наукъ (по отд. русскаго языка), за 1852—1855 г.г., стр. 42; „Русскій художеств. Листокъ“, 1852 г., № 27; „Москвитянинъ“, 1852 г., ч. 4, № 13 (июль), № 27; „Сѣверная пчела“, 1852 г., № 155; „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“, 1853 г., ч. 78; „Современникъ“, 1852 г., т. 34; „Сынъ Отечества“, 1852 г., т. 4, кн. 7.

Загряжская, Наталья Кирилловна, рожд. гр. Разумовская, дочь графа Кирилла Григорьевича и его супруги Екате-

рины Ивановны (рожд. Нарышкиной), род. 5 сентября 1747 года. Родители обо-
жали своего первороднаго ребенка и вса-
чески его баловали. Трехъ лѣтъ дѣвочка
перевезена была въ Глуховъ, куда пере-
селился ея отецъ, назначенный гетманомъ
Малороссіи. Въ ранней молодости она
была пожалована фрейлиною императри-
цы Екатерины II, при чемъ ей, не въ
примѣръ другимъ, разрѣшено было жить
при родителяхъ. Лучшие дни молодости
Натальи Кирилловны протекли въ самую
блестящую пору царствованія Екатерины,
о которомъ она любила рассказывать въ
старости, при чемъ, обожая великую Им-
ператрицу, всегда выражалась о ней са-
мымъ восторженнымъ образомъ и стара-
лась извинять ея недостатки. Въ 1771 г.,
возвратясь съ дежурства въ Зимнемъ
дворцѣ, она объявила родителямъ, что
охотно выйдетъ замужъ за ксѣттившаго
ея отца молодого офицера Измайловскаго
полка, вдовца Николая Александровича
Загряжскаго. Родители были поражены
этимъ выборомъ. Вскорѣ послѣ этого
скончалась мать Натальи Кирилловны,
графиня Екатерина Ивановна. Между
тѣмъ Загряжскій, благодаря представи-
тельству графа Кирилла Григорьевича,
былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ. Служеніе
при дворѣ еще болѣе сблизило
Загряжскаго съ Натальею Кирилловною:
они часто дежурили вмѣстѣ у Государыни
и проводили вечера то на ея половникѣ,
то въ сосѣднемъ эрмитажѣ. Наконецъ
Загряжскій сдѣлалъ предложеніе къ об-
щему удовольствію обоихъ семействъ,
и затѣмъ было отпраздновано бракосочета-
ніе въ придворной церкви Зимняго дворца
(24 октября 1772 г.). Вскорѣ оказа-
лось, что Наталья Кирилловна, при всѣхъ
ея высокихъ качествахъ ума и сердца,
очень была избалована и капризна. Она
сама признавалась, что всякій другой
менѣе хорошій человѣкъ, чѣмъ ея мужъ,
разошелся бы съ нею съ первыхъ же дней
свадьбы. „Я бы могла быть совершенно
счастливою, говаривала она, еслибы съ
дѣтства не была избалована“. Это не по-
мѣшало ей однако своею любезностью и
почтеніемъ привязать къ себѣ все семей-
ство своего мужа, проживавшее въ Там-
бовской губерніи въ селѣ Знаменскомъ-
Карганѣ, куда молодые послѣ свадьбы
поѣхали.

Въ 1774 г. Нат. Кир. сблизилась съ Г. А. Потемкинымъ, только что вернувшимся изъ арміи. Онъ былъ всегда близокъ къ семейству Загряжскихъ и, оцѣнивъ умъ и любезность Натальи Кирилловны, сталъ вѣрнымъ ея другомъ.

Изъ всѣхъ братьевъ она болѣе всѣхъ была дружна съ Андреемъ Кирилловичемъ и, благодаря этому, очень сблизилась съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и не разъ ссужала его деньгами. Въ первое время оба Загряжскіе часто посѣщали его дворъ и этимъ навлекли на себя неудовольствіе Екатерины II, которое увеличилось еще болѣе, послѣ того какъ Наталья Кирилловна посѣтила въ Ревелѣ графа Андрея Кирилловича, отправленнаго въ этотъ городъ послѣ кончины великой княгини Натальи Алексѣевны. Она къ тому же еще ходатайствовала за любимаго брата, и когда онъ былъ отпущенъ изъ Ревеля въ Батуринъ къ отцу, Наталья Кирилловна поспѣшила туда же и оставалась у брата до отъѣзда его въ Неаполь, а затѣмъ вела съ нимъ дѣятельную переписку. Въ это время она сблизилась съ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ и его супругою, рожденною Салтыковою; графъ былъ почительнымъ ея обожателемъ, какъ это видно изъ его стихотвореній, ей посвященныхъ.

По возвращеніи изъ Батурина, Загряжскіе жили въ громадномъ домѣ графа Кир. Гр. на Мойкѣ, рядомъ съ домомъ гр. А. С. Строганова, и Нат. Кир. часто съ нимъ видѣлась, бесѣдовала и восхищалась его картинною галлереею. При этомъ она сблизилась и съ губернаторомъ молодого Строганова, республиканцемъ Роммомъ и вела съ нимъ продолжительные разговоры о серьезныхъ предметахъ. Скоро однако З. покинула домъ Разумовскаго, благодаря интригамъ двоюродной ея сестры, графини Софьи Осиповны Апраксиной, всячески старавшейся поссорить отца съ дочерью, но это ей не удалось. Не имѣя дѣтей она вздумала взять пріемыша, и съ этою цѣлью отправилась въ 1777 г. въ Москву и изъ дома своей сестры Анны Кирилловны, (вступившей въ бракъ съ извѣстнымъ Василиемъ Семеновичемъ Васильчиковымъ, любимцемъ Екатерины II) похитила дочь ея Марію и увезла въ Петербургъ. Всѣ требованія

родителей о возвращеніи дочери остались тщетны. З. устроила такъ, что маленькая Васильчикова осталась за нею, послѣ того какъ она и мужъ ея объявили, что Васильчикова будетъ наслѣдницею всего ихъ имѣнія. Въ концѣ 70 годовъ З. успѣла склонить своего отца согласиться на бракъ брата ея графа Андрея съ графинею Елизаветою Осиповною Тунъ Гогенштейнъ. Графъ Андрей, съ разрѣшенія Императрицы, возвратился въ Россію и вскорѣ былъ назначенъ посломъ въ Вѣну. Послѣдовавшая въ 1796 г. кончина Императрицы Екатерины II, чрезвычайно поразила и опечалила Нат. Кир.: она слишкомъ хорошо знала цесаревича, чтобы не предвидѣть, какъ грустно будетъ его царствованіе. Первое время Загряжскіе были въ чести у юнаго Императора; самъ Загряжскій, пожалованный въ гофмейстеры, былъ посланъ вмѣстѣ съ Гурьевымъ въ Мемель для встрѣчи матери Императрицы. З. была пожалована 29 мая 1798 г. кавалерственною дамою ордена Св. Екатерины 2 класса. Она была дружна съ графомъ Ф. В. Ростопчинымъ, пользовавшимся особою милостію Императора, а также съ молодымъ графомъ В. П. Кочубеемъ, очень часто ее посѣщавшимъ. По слухамъ онъ намѣревался жениться на жившей у З. племянницѣ Маріи Васильевнѣ Васильчиковой. Павелъ I, ничего этого не зная, однажды объявилъ Кочубею, что пріискалъ ему прелестную невѣсту. Кочубей понялъ, на кого намекалъ Государь, и сказалъ, что уже помолвленъ, и явился, чтобы испросить Высочайшее разрѣшеніе на свой бракъ съ Васильчиковою. Императоръ холодно поздравилъ Кочубея, который немедленно поѣхалъ къ Загряжскимъ и, рассказавъ все происшедшее, просилъ у нихъ руки ихъ племянницы, на что и послѣдовало ихъ согласіе. Павелъ I вскорѣ послѣ этого приказалъ дать знать З., что она на балахъ не кланяется статсъ-дамѣ княгинѣ Е. И. Лопухиной и что онъ долѣе допускать такого невѣжества не намѣренъ, а затѣмъ, когда, въ тотъ же день вечеромъ (27 февраля 1800 г.) на многолюдномъ придворномъ балу З., встрѣтивъ княгиню Лопухину, низко ей поклонилась, сказавъ громко: „По именному Его Величества приказанію, мною сегодня полученному, честь имѣю поклониться Вашей Свѣтлости“—

она на другое утро получила приказаніе немедленно выѣхать изъ Петербурга. Она успѣла выхлопотать себѣ дозволеніе ѣхать съ мужемъ къ отцу въ Батурино и, кромѣ того, себѣ заграничный паспортъ, чтобы проводить племянницу въ Дрезденъ.

Пріѣхавъ въ Батурино, З. застала тамъ и гр. Андрея Кир., сосланнаго императоромъ Павломъ изъ Вѣны къ отцу, но скоро вновь вызваннаго въ Петербургъ. Поживъ въ Батурино, З. поѣхала сперва въ Диканьку къ Кочубею, а затѣмъ съ Кочубеями — въ Дрезденъ, гдѣ и оставалась до воцаренія императора Александра I. Кочубей постигши одинъ вернуться въ Петербургъ, оставивъ жену и новорожденную дочь въ Саксоніи вмѣстѣ съ Нат. К. З., которая, будучи недовольна жизнью своею за границею, поспѣшила при первой возможности пріѣхать въ Петербургъ и поселилась вмѣстѣ съ Кочубеями; мужъ же ея занявъ отдѣльную квартиру, что нѣсколько не измѣнило ихъ дружескихъ отношеній. Послѣ этого до самой своей кончины З. вела домашнюю, хотя неუединенную жизнь. Она любила общество, и каждый вечеръ дипломатическій корпусъ и всѣ примѣчательные люди того времени собирались у нея не столько для игры въ любимыя ею бостонъ, сколько для того, чтобы слушать ея умныя рѣчи, переполненныя анекдотами прошлаго времени и собственными ея умными, оригинальными замѣчаніями.

Она отлично говорила по-французски, умѣла всѣмъ нравиться и всѣмъ занять и была со всѣми любезна. Утромъ она принимала бѣдныхъ и никогда не отказывалась хлопотать о несчастныхъ. Покровительство ея имѣло большое значеніе. Она отлично сохранила свое здоровое сложеніе, которое начало ослабѣвать на 90-мъ году жизни, когда зрѣніе стало ей измѣняться, и она потеряла сонъ, но она не измѣняла своего образа жизни и за день до кончины въ послѣдній разъ вышла изъ гостиную, наполненную родными и знакомыми, и сыграла еще въ бостонъ. Она скончалась 19 марта 1837 г. въ Петербургѣ и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ.

А. А. Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», т. т. I, III, IV и V.—Каммеръ-Фурьерскій журналъ за 1772 г.—«Русскій Архивъ», 1869 г., стр. 1885; 1874 г., № 1; 1875 г., № 3, стр. 335—338; 1881 г., т. I, ст. 271.—«Записка Храповицкаго» (изд. Н. П. Барсу-

кова), стр. 31.—Сочиненія Пушкина, изд. Общ. для пособ. нуждъ литераторамъ, Спб., 1887 г., V, ст. 269.—«Архивъ вв. Воронцова», т. VIII, ст. 218; т. XVIII, ст. 205, 226; т. XXII, ст. 64; т. XXX, ст. 80, 112.—Сочиненія П. А. Вяземскаго.—Л. Майковъ, «Пушкинъ — биографическіе матеріалы», Спб., 1899 г., стр. 397—413.—«Сѣверная Пчела» 1837 г., № 66.—«Русскіе портреты» (изд. вел. кн. Николая Михайловича), т. I, № 58; т. V, № 123.—«Петербургскій Некрополь», т. II, стр. 177.—«Пушкинъ и его современники», вып. VIII, стр. 64, 74.

Загряжскій, Александръ Владимировичъ. Въ 1629 г., въ числѣ другихъ дворянъ, былъ на Валуикѣ для посольской разѣсны. Въ 1633 г. участвовалъ въ работѣ по возведенію за Москвою рѣкой Земляного города. Въ 1639 г. присутствовалъ при встрѣчѣ визильбашскаго посла за Язую, по Владимірской дорогѣ. Въ 1638 и 1647 гг. иногда дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ.

Дв. разр., II.—Р. И. Б., X.

В. Корсакова.

Загряжскій, Алексій Теодоровичъ. Проходженіе службы его, начавшееся при Борисѣ Годуновѣ, довольно странно, такъ какъ, будучи въ 1602 г. воеводой въ Рыльскѣ, онъ попадаетъ туда въ 1605 г. однимъ изъ трехъ письменныхъ головъ при воеводѣ кн. Сем. Гр. Коркодиновѣ. Въ 1603 г. З.—скій находился на службѣ въ Архангельскѣ, какъ видно изъ слѣдующей надписи, сдѣланной на оборотѣ порядной записи Ивана Лебедева, данной имъ игумену и старцамъ Архангельскаго монастыря: «111, генваря въ 24 день, передъ писцы передъ Олексѣемъ Теодоровичемъ Загряжскимъ да передъ подъячимъ передъ Меркурьемъ Любочениновымъ, ся запись въ судѣ владена и списокъ съ записи къ дѣлу взятъ». Въ 1606—1607 гг. З.—скій былъ письменнымъ головою въ Верхотурѣ при воеводѣ Ст. Ст. Годуновѣ, въ 1609 г. объѣзжимъ головою въ Москвѣ въ Деревянномъ городѣ, отъ Арбата до Никитскихъ воротъ, въ 1609—1610 гг. воеводою на Двинѣ, а въ 1615—1616 гг.—въ Лухѣ. Наконецъ, въ 1617 г. мы его встрѣчаемъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ въ Китай-городѣ.

Акты Истор., II.—Акты Юрид.—С. Г. Г. и Д., II.—«Временникъ», I.—Кн. разр. 123-го г.—Сиб. Сб.—Разр. кн., I.—Барсуковъ, «Списки городовъ воеводъ Моск. госуд. XVII ст.»—Вялковуровъ, «Разр. записи за Смутное время». М. 1907 г.

В. Корсакова.

Загряжский, Андрей Иванович, воевода Стародубовский (1601 г.), Новгород - Северский (1602 г.) и Бѣлевский (1621—22 гг.); въ 1625—26 гг. дворянинъ московскій. Въ концѣ 1626 г. онъ былъ посланъ въ Устюгъ «для обыску». Въ 1627—29 гг. переписывалъ и межевалъ земли въ Дмитровскомъ у.; въ 1629—31 гг.—въ Переяславль-Залѣскомъ, а въ 1635 г.—въ Капшинскомъ уѣздахъ. Въ 1634—37 гг. З—скій былъ вторымъ судьей Московскаго Суднаго приказа при вл. Дм. Мих. Пожарскомъ и въ 1638 г. вторымъ судьей тамъ же при вл. Алексѣе Юр. Сицкомъ. 30 янв. 1637 г. З—скій присутствовалъ при приемѣ царемъ литовскаго гонца; 21 и 23 августа 1637 г. встрѣчалъ въ «меньшой встрѣчѣ» посланниковъ польскаго короля Владислава. Въ томъ же году, для обороны отъ прихода крымскихъ людей, царь Мих. Ѳеод. приказалъ вл. Пожарскому и З—скому дѣлать земляной валъ за Яузкою. Въ 1638 г. мы застаемъ З—скаго головою у городовыхъ дворянъ (торопчанъ) при встрѣчѣ крымскаго посла за Калужскими воротами и наконецъ въ 1641—42 гг.—вторымъ воеводою въ Вязьмѣ (при вл. Вас. Гр. Ромодановскомъ).

А. А. Э., III.—Разр. кн., I.—Дв. разр. I и II.—Р. И. В., IX и X.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Руммель*, I. В. *Корсакова*.

Загряжский, Антонъ Гаевиловичъ, первый сталъ писаться Загряжскимъ; при вел. кн. Василии Дмитриевичѣ былъ наместникомъ Можайскимъ. Отецъ его *Исазаръ*, во св. крещеніи *Гаевиль*, родственникъ царя Ордннскаго, «мужъ честенъ», выѣхалъ изъ Орды къ вел. князю Дмитрію Юанновичу Донскому. Вел. князь сдѣлалъ его «ближнимъ человекомъ», пожаловалъ ему въ кормленіе Воровскаго и Верейскаго уѣздовъ Вышегородъ съ волостями и выдалъ за него, какъ сказано въ родословной Загряжскихъ, «сестру свою материну родству», т. е. двоюродную свою сестру по матери.

Руммель, I.

В. Корсакова.

Загряжский, Артемій Григорьевичъ, генералъ-лейт., Казанскій губернаторъ, сынъ стольника, родился въ 1675 году, службу началъ есауломъ при бояринѣ Ал. Сем. Шейнѣ и въ этомъ званіи участвовалъ въ Азовскихъ походахъ и былъ

(въ 1696—97 гг.) при взятіи и «строеніи» Азова. Въ 1700 г. З—скій былъ «написанъ въ генеральство генерала Ад. Ад. Вейде въ ученіе», а изъ ученія былъ произведенъ въ поручики и назначенъ въ пѣхотный полкъ И. В. Фанъ—Деддина. Въ томъ же году въ сраженіи подъ Нарвою З—скій былъ раненъ въ голову, въ 1701 г. взятъ въ адъютанты къ фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, въ 1704 г. переведенъ въ кавалерію и назначенъ капитанъ-поручикомъ въ эскадронъ фельдмаршала, переименованный впоследствии (1707 г.) въ Архангелогородскій драгунскій полкъ; въ 1706 г. произведенъ въ капитаны, въ 1708 г.—въ подполковники, въ 1712 г.—въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Кіевскаго драгунскаго полка, въ 1726 г.—въ ген.-майоры и въ 1733 г.—въ ген.-поручики. Прослуживъ до производства въ ген.-лейт. почти 30 лѣтъ въ кавалеріи, З—скій принадлежалъ къ числу немногихъ кавалерійскихъ генераловъ чисто русскаго происхожденія, имѣвшихъ за собою такое блестящее боевое прошлое. Служба его—сплошной непрерывный рядъ походовъ: въ 1702 г. онъ участвовалъ въ битвѣ подъ Ряпиной мызой, въ которой былъ раненъ шпагою въ ногу, въ баталіи подъ Ерестъ-мызою, при атакѣ г. Алистра, въ «партіяхъ» подъ Ревелемъ и Юрьевымъ и при взятіи Нотебурга. Въ 1705 г. З—скій былъ въ сраженіи со шведами подъ Муръ-мызою, въ слѣдующемъ году участвовалъ въ Астраханскомъ походѣ Шереметева противъ стрѣльцовъ; въ томъ же году былъ при атакѣ г. Выборга; 1707-й годъ онъ провелъ въ походѣ въ Польшу, въ 1708 году находился въ сраженіи подъ Добрымъ и Веприкомъ, гдѣ былъ въ третій разъ раненъ пулею въ ногу, въ слѣдующемъ году сражался въ Полтавской битвѣ и въ Адалянахъ противъ Кіевскаго воеводы. Въ Турецкую войну 1711 г. З—скій не принималъ участія, такъ какъ этотъ и слѣдующій 1712 годы состоялъ при польскомъ королѣ Августѣ и подъ командою кн. Г. Ф. Долгорукова былъ въ Великой Польшѣ и Померани при атакѣ Стральзунта и въ сраженіи противъ старосты Грудинскаго и запорожцевъ-измѣнниковъ. Въ 1713 г. З—скій находился при атакахъ городовъ Тенинга и Штетина, въ 1715 г. былъ въ походѣ въ Польшу, въ 1716 г. въ Померани при атакѣ г. Вишмара и въ томъ же году подъ Копенгаге-

номъ. Въ царствованіе им. Петра IIЗ—скій служилъ (1727—31 гг.) въ Низовомъ корпусѣ, въ крѣпости Св. Креста, а въ 1732 г. былъ отправленъ въ Царицынскій корпусъ. Въ 1733—34 гг., во время войны изъ-за Польскаго престола, онъ принималъ участіе въ походѣ и осадѣ Данцига, командуя кавалеріей дѣйствующей арміи. Во время атаки Данцига З—скому принадлежала видная роль; онъ одержалъ при Висичинѣ верхъ надъ вдвое сильнѣйшимъ непріятелемъ. Въ 1735—39 гг. З—скій участвовалъ въ Турецкой войнѣ и былъ въ 1735 г. въ Крымскомъ походѣ при взятіи Азова, въ 1737 г.—на Днѣстрѣ противъ турецкихъ и татарскихъ войскъ и въ слѣдующемъ году, въ составѣ арміи Миниха, перешелъ Днѣпръ. Это былъ послѣдній походъ, въ которомъ ему пришлось участвовать. Начался онъ вполнѣ удачно для З—скаго. Въ сраженіи на рѣчкѣ Кодицѣ своимъ успѣхомъ Минихъ былъ въ значительной степени обязанъ З—скому, но въ сентябрѣ того-же года З—скій допустилъ оплошность, за которую ему пришлось поплатиться. Отпустивъ фуражировъ, онъ не позаботился о достаточномъ ихъ прикрытіи, каковымъ обстоятельствомъ воспользовались татары, внезапно напали на солдатъ и перебили и взяли въ плѣнъ до 800 человекъ. За это З—скій былъ разжалованъ въ рядовые и высланъ въ Петроградъ для подачи прошенія объ отставкѣ и опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Тяжкое наказаніе и удаленіе изъ военной службы, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, сильно подѣйствовали на 64-лѣтняго старика, и онъ въ прошеніи ходатайствовалъ о дачѣ ему полной отставки, такъ какъ за ранами и слабостью здоровья не могъ нести и статской службы. Указомъ Сената З—скій былъ отпущенъ на два года для излѣченія, но еще до истеченія срока, 5 іюня 1741 г., былъ назначенъ въ Казань губернаторомъ, въ каковой должности пробылъ до 21 февраля 1753 г. и вышелъ въ отставку. Умеръ онъ въ 1754 году.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ», кн. I, стр. 54—57.

Загряжскій, Аванасій Теодоровичъ, скончался въ 1594 г. бездѣтнымъ. Въ 1550 г. онъ былъ рындой съ саадакомъ. Въ 1555 г. на свадьбѣ кн. Ив. Дм. Бѣльскаго съ княжной Марей Вас. Шуйской разстиналъ вмѣстѣ съ Юшкой Нерыц-

кимъ камки въ церкви, а затѣмъ на княземъ дворѣ къ поддѣлѣту. З—скій былъ однимъ изъ тѣхъ бояръ, которые ручались въ 1562 г. за поручителей по кн. Ив. Дм. Бѣльскомъ (о невѣздѣ его изъ Московскаго государства и т. д.), въ 1564 г.—по Ив. Вас. Большомъ Шереметевѣ и въ 1565 г.—по бояринѣ кн. Вас. Сем. Серебряномъ, при чемъ подъ поручными записями подписывался самъ. Въ 1566 г., іюля 2, онъ подписался подъ приговоромъ Боярской Думы о войнѣ съ Польшей. Въ 1575 г. З—скаго мы встрѣчаемъ полковымъ головою въ походѣ въ Серпуховъ въ полку боярина Петра Вас. Морозова, а въ 1580—82 гг.—полковымъ воеводою въ Торопцѣ вмѣстѣ съ Дм. Замыцкимъ и кн. Андреемъ Волконскимъ. Въ 1582 г. онъ числился воеводою въ Черниговѣ, а въ 1585 г. былъ посланъ на Луки Великія для городского дѣла. Извѣстно также, что онъ переписывалъ и межевалъ земли въ Рувскомъ, Звенигородскомъ и Старицкомъ уѣздахъ.

С. Г. Г. и Д., I.—Др. Рос. Визл., XIII и XIV.—Спб. Сб.—Руммель, I.

В. Корсакова.

Загряжскій, Владиміръ. Въ 1588 г. былъ посланъ къ нѣмецкому императору Рудольфу съ грамотами. Въ 1591 г. Борисъ Годуновъ, какъ сказано у Карамзина, желая избавиться отъ царевича Дмитрія, намѣревался отравить его и выбралъ орудіями для исполненія этого намѣренія Влад. Загряжскаго и Никифора Чепчугова, «но оба уклонились отъ сдѣланнаго имъ предложенія—продолжаютъ Карамзинъ—готовые умереть за Бориса, мерзили душегубствомъ: обязались только молчать, и съ сего времени были гонимы». Въ 1596—98 гг. З—скій переписывалъ и межевалъ помѣстные земли въ Можайскомъ уѣздѣ.

Карамзинъ, «Исторія госуд. Рос.», X.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», VII.—Руммель, I.

В. Корсакова.

Загряжскій, Григорій Алексѣевичъ Саарасъ, дворянинъ московскій. Въ 1615 г. былъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ у Арбатскихъ и Чертольскихъ воротъ; въ 1616—1617 гг. воеводою въ большомъ полку въ Тулѣ и въ Боровскѣ; въ 1620—1621 гг. вторымъ воеводою въ передовомъ полку на Дѣдиловѣ для обереганья отъ крымскихъ и нагайскихъ людей; по вѣстямъ,

онъ долженъ былъ итти въ сходъ на Тулу въ большой полкъ къ кн. Вас. Сем. Курякину. Въ 1623 г. З—скій былъ у сыскаго дѣла въ Юрьевцѣ-Повольскомъ; передъ нимъ тамъ былъ Степ. Мих. Юшковъ, и у нихъ возникло мѣстничество; чѣмъ оно окончилось, неизвѣстно. Въ томъ же году З—скій присутствовалъ на свадьбѣ царевича Михайлы Кайбулловича. Въ 1625 г. присутствовалъ при встрѣчѣ персидскаго посла. Въ 1623—28 гг. неоднократно обѣдалъ за царскимъ столомъ. Въ 1629 г. переписывалъ и межевалъ земли Московскаго уѣзда. Въ 1629—1631 гг. мы его видимъ товарищемъ воеводы въ Тобольскѣ (первымъ воеводой былъ кн. Алексѣй Никитичъ Трубецкой). Одновременно съ назначеніемъ З—скаго въ Тобольскѣ были назначены туда и письменные головы: Лукьянъ Башмаковъ и Дмитрій Обрѣзковъ; воеводой остался попрежнему кн. Трубецкой. Лукьянъ Башмаковъ билъ челомъ государю на З—скаго въ «отечествѣ», что ему «въ письменныхъ головахъ быть за Григорьевымъ воеводствомъ Загрязскаго невмѣстно; что они люди родословные, а Загрязскіе де люди неродословные, а причитаются они, Башмаковы, къ Воронцовымъ-Вельяминовымъ одногороду». Загряжскіе, въ свою очередь, стали бить челомъ, что «они Башмаковы—Смоляня, земцы, и ихъ де тѣмъ безчестять». Загряжскіе одержали верхъ: Башмакову велѣно было быть въ Тобольскѣ въ головахъ. Въ бытность въ Тобольскѣ З—скому приходилось помогать кн. Трубецкому въ мѣропріятіяхъ относительно поимки бѣглыхъ служилыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ, въ распоряженіяхъ по случаю измѣны тарскихъ юртовскихъ и волостныхъ татаръ и кочевья калмыковъ близъ Тары и въ собираніи свѣдѣній о причинахъ значительной недоимки ясака съ ясачныхъ людей Тарскаго уѣзда.—Въ концѣ января 1632 г. въ Мосеву пріѣхали наемные вѣмцы, и государь велѣлъ имъ кормъ давать, а собирать съ четверти со всѣхъ уѣздовъ: З—скому, Ив. Дм. Есипову и дьякамъ Бормосову и Евсевьеву; вслѣдствіе болѣзни Есипова взаимнѣ него назначенъ былъ Иванъ Нелюбовъ Огаревъ, который счелъ невмѣстнымъ служить ниже З—скаго и подалъ челобитную. Челобитые Огарева на З—скаго въ «отечествѣ» о судѣ не было однако принято государемъ, и Огареву пришлось остаться въ товарищахъ у З—скаго. Лѣтомъ

того же 1632 г. государь указалъ, кому быть на службѣ подѣ Смоленскомъ. Во главѣ войска были поставлены: бояринъ Мих. Бор. Шеинъ и окольникій Арт. Вас. Измайловъ; у нѣмецкихъ хлѣбныхъ и мясныхъ запасовъ были оставлены: З—скій и всѣ вышепоименованныя лица, но З—скій билъ челомъ государю въ «отечествѣ» на окольникаго Арт. Вас. Измайлова. По указу царя думный дьякъ Гавреневъ сказалъ З—скому, что если онъ не будетъ у кормовъ, то его посадятъ въ тюрьму. «И послѣ того Григорій Загряжскій у государева дѣла у кормовъ сидѣть не почалъ». Измайловъ тоже подалъ челобитную, и З—скій отсидѣлъ три дня въ тюрьмѣ. Послѣ службы подѣ Смоленскомъ въ теченіе многихъ лѣтъ не имѣется извѣстій о З—скомъ. Въ 1642 г. онъ былъ воеводой въ Соликамскѣ и получилъ царскую грамоту съ приказаніемъ бить батогами и посадить въ тюрьму земскихъ старостъ и дѣловальниковъ за то, что они, вопреки государеву указу, не выставили подводъ. Велѣно выбирать въ дѣловальники людей «добрыхъ и прожиточныхъ (т. е. зажиточныхъ), которые умѣли бы грамотѣ».

Разр. кн., I и II.—Дв. разр., II.—А. А. Э., III.—Авты Историч., I.—Р. И В., VIII.—Руммель, I.

В. Корсакова.

Загряжскій, Григорій Авлапасьевичъ. Въ 1616 г. составилъ писцовую и дозорную книгу Бѣжецкаго Верха. Въ 1628 г. ему велѣно было служить съ городомъ (по Бѣжецкому Верху). Въ слѣдующемъ году онъ значится дворяниномъ московскимъ. Воеводой онъ былъ: въ Сапожкѣ (1626—27 гг.), въ Себежѣ (1632 г.), въ Перми (1641 г.), въ Соликамскѣ (1642—44 гг.) и въ Алатырѣ (1644—47 гг.). Между воеводствами въ Сапожкѣ и въ Себежѣ (1630 г.) онъ былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ, отъ Зачатіевскаго монастыря по Тверскую улицу. Въ 1636, 1637, 1640 и 1646 гг. дневаль и ночеваль на государевомъ дворѣ, а въ 1639 г. присутствовалъ при встрѣчѣ кизильбашскаго посла за Язую, по Владимирской дорогѣ.

Акты Ист., III.—Разр. кн., I и II.—Дв. разр., I и II.—Р. И В., IX и X.—Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ».—Руммель, I.
В. Корсакова.

Загряжскій, Григорій Ивановичъ, дьякъ. Въ 1517 г. ѣздилъ въ Смоленскъ для устройства встрѣчи литовскихъ пословъ,

ѣхавшихъ въ Москву. Въ 1527 г. подписанъ въ числѣ послуховъ подъ мѣнновной двухъ вотчинниковъ Сурожскаго и Дмитровскаго уѣздовъ. Въ 1534 г. былъ посланъ въ Новгородъ съ порученіемъ поставить деревянный городъ на Софійской сторонѣ. При возвращеніи въ Москву привезъ изъ Новгорода много грамотъ, хранившихся тамъ и касавшихся отношеній Московскаго государства къ Новгороду, Швеціи и Польшѣ и отношеній Новгорода къ Ливоніи. Въ 1537 г. З—скій входилъ въ составъ посольства, отправленнаго въ Краковъ для подтвержденія перемирія, заключеннаго съ Польшей.

А. А. Э., I.—Акты Юриды.—*Бантышъ-Каменскій*, «Обзоръ вѣдшихъ сношеній Россіи» М. 1897 г., III.—*Руммель*, I.—«Полное собраніе Рус. Лѣтоп.», т. VI, стр. 293.
В. Корсакова.

Загряжскій, *Даніилъ Григорьевичъ*, стряпчій (1658 г.), дворянинъ московскій (1668 г.). Въ 1673—75 гг. переписывалъ и межевалъ землю въ Чернскомъ у., а въ 1676—80 гг. былъ воеводой въ Красноярскѣ. За время его воеводства въ этомъ городѣ сохранились извѣстія о нападеніи на Красноярскъ тубинскихъ людей и киргизовъ и о пожарѣ, сильно опустошившемъ Красноярскъ. По требованію въ 1679 г. воеводѣ Тобольскаго разряда, З—скій долженъ былъ отпустить въ Тобольскъ служилыхъ людей, но онъ не могъ выполнить этого по двумъ причинамъ: 1) въ грамотѣ царя Θεодора Алексѣевича было сказано, чтобы отпустить изъ Красноярска тюменскихъ служилыхъ людей послѣ того, какъ въ Красноярскъ придутъ служилые люди изъ Томска, но таковыя не явились; 2) какъ разъ въ это время Красноярскъ осаждали мѣстные инородцы (тубинскіе князьки и улусные люди), соединившіеся съ киргизами. Не только нельзя было отпустить служилыхъ людей, но чувствовалась нестача и въ людяхъ и въ зельѣ со свинцомъ, вслѣдствіе чего З—скій просилъ прислать изъ Тобольска и людей, и припасовъ. Несмотря на то, что въ Красноярскѣ на аманатскомъ дворѣ сидѣли въ аманатахъ присланные тубинцами князьки, тубинцы вмѣстѣ съ киргизами пришли къ Красноярску, осадили городъ и уѣздъ, пожгли деревни, хлѣбъ и сѣно, а скотину угнали. Такая измѣна вызвала негодованіе въ красноярскихъ дѣтяхъ боярскихъ и дру-

гихъ служилыхъ людяхъ, и они учинили расправу надъ аманатами: показали ихъ нападавшимъ на Красноярскъ тубинцамъ, а затѣмъ разстрѣляли. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Москвы, государь приказалъ посадить З—скаго на день въ тюрьму за то, что онъ отдалъ аманатовъ съ аманатскаго двора; красноярскимъ служилымъ людямъ онъ простилъ ихъ вину, но велѣлъ снова привести такихъ же аманатовъ. Въ 1683 г. З—скій пожалованъ былъ вотчиной въ Клинскомъ уѣздѣ.

Доп. къ Акт. Ист., VIII.—Дв. разр., III.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Руммель*, I.
В. Корсакова.

Загряжскій, *Даніилъ Дмитріевичъ*, сынъ боярскій, умеръ бездѣтнымъ. Въ мартѣ 1519 г. ѣздилъ на встрѣчу крымскихъ пословъ Апава и Ахметъ-паши и наблюдалъ дорогой за выдачею имъ проловольствія. Въ 1534 г. онъ отправленъ былъ гонцомъ въ Крымъ для истребленія отъ хана новой шертной грамоты. Въ 1536 г. строилъ въ Устюгѣ деревянную стѣну для укрѣпленія города и расширилъ г. Вологду.

Карамзинъ, «Истор. госуд. Рос.», VIII.—Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 95.—*Руммель*, I.—«Полное собраніе Рус. Лѣт.», т. VIII, стр. 289.
В. Корсакова.

Загряжскій, *Дмитрій Давидовичъ*, «ближній человекъ», дворянинъ. Въ 1493 г., послѣ отъѣзда изъ Москвы литовскихъ пословъ, вел. князь Іоаннъ III отправилъ къ вел. князю литовскому Александру З—скаго съ заявленіемъ, что вотчины князей Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Мезецкихъ и Вяземскихъ, служащихъ Московскому государю, должны считаться впредь частью Московскаго государства, а отнюдь не Литовскаго. Въ вѣрующей грамотѣ, данной З—скому, Іоаннъ назвалъ себя государемъ *всехъ Руси*. Относительно этого титула былъ данъ З—скому такой наказъ: «Если спросятъ его, для чего князь великій назвался государемъ *всехъ Руси*; прежде ни отецъ его, ни онъ самъ къ отцу государя нашего такъ не приказывали?»—то З—скій долженъ былъ отвѣтить: «Государь мой со мною такъ приказалъ, а кто хочетъ знать зачѣмъ, тотъ пусть ѣдетъ въ Москву, тамъ ему про то скажутъ». Сынъ Іоанна III, Василій Ивановичъ, послалъ съ З—скимъ письмо кн. Вас. Мих. Верейскому, которому разрѣшалось вернуться въ Московское государство, вслѣдствіе

ходатайства вел. княгини Софьи Витовтовны. Въ Вильнѣ З—скому сказали, что вел. князь Александръ снова пришлетъ въ Москву пословъ. Въ 1497 г., іюля 29-го, З—скій былъ посланъ въ Литву, чтобы разузнать, какого рода помощь можетъ быть оказана Московю вел. князю Александру и чему угрожаютъ турки: Литвѣ или Польшѣ. Вел. князь литовскій Александръ благодарилъ за доброе намѣреніе и обѣщалъ дать знать, если будетъ необходима помощь. Весной 1500 г. З—скій ѣздилъ въ Вильну для выраженія вел. князю Александру неудовольствія Іоанна III по поводу притѣсненія живущихъ въ Литвѣ князей греко-россійской вѣры. Изъ духовнаго завѣщанія Іоанна III, писаннаго около 1504 г., видно, что З—скій заселялъ Песочную, Коломенскаго у., и нѣсколько слободъ въ мѣстности рѣки Угры, въ предѣлахъ теперешней Калужской губерніи.

Въ 1511 г. вел. князь Василій Ивановичъ послалъ въ Польшу З—скаго и подьячихъ Козминина и Бахтеяра требовать отпуска оставшихся тамъ плѣнныхъ и разсмотрѣнія обидъ пограничныхъ жителей. Ему было обѣщано разслѣдовать относительно обидъ, но отказано въ отпускѣ плѣнныхъ. У Соловьева встрѣчаемъ извѣстіе, что З—скій ѣздилъ посломъ къ польскому королю Сигизмунду послѣ взятія Смоленска московскими войсками, т. е. послѣ 1514 г., но въ которомъ именно году—не сказано. Изъ наказа З—скому, между прочимъ, видно, какія мѣры принимались для укрѣпленія Смоленска за Московю: «Если спросятъ (въ Литвѣ), для чего вел. князь Смольнянъ въ Москву перевелъ?»—то отвѣчать: «которые люди пригожи государю нашему на Москвѣ, тѣмъ государь велѣлъ на Москву ѣхать; а которые пригожи ему въ Смоленскѣ, тѣмъ велѣлъ оставаться въ Смоленскѣ. А которымъ людямъ государь велѣлъ ѣхать въ Москву, тѣмъ пожаловалъ, далъ имъ въ Москвѣ дворы и лавки, также далъ имъ помѣстья».

1517 г., марта 26-го, З—скій былъ отправленъ въ Кенигсбергъ къ магистру Ливонскаго ордена Альбрехту, желавшему заручиться помощью вел. князя Московскаго противъ польскаго короля Сигизмунда. Съ этой цѣлью Альбрехтъ прислалъ въ Москву Шонберга, который и былъ отпущенъ вмѣстѣ съ З—скимъ. Вел. князь Василій Ивановичъ, отправляя З—скаго въ

Кенигсбергъ, велѣлъ ему развѣдать тамъ объ отношеніяхъ нѣмецкаго императора Максимилиана къ королю французскому и къ Венеціи, а также узнать, будетъ ли отъ него посольство въ Москву и въ какихъ сношеніяхъ онъ находится съ Сигизмундомъ? Съ З—скимъ были отправлены: подьячій Шеметь и толмачъ Митя. Имъ велѣно было обѣщать Альбрехту отъ имени вел. кн. Василя Ивановича денежную помощь на наемъ двѣнадцатитысячнаго корпуса прусскихъ войскъ. З—скій съ товарищами вернулся въ Москву 12-го іюля. Скончался онъ 18 января 1520 г. и погребенъ въ Спасо-Андрониковомъ монастырѣ въ Москвѣ.

С. Г. Г. и Д., I.—*Карамзинъ*, «Исторія госуд. Рос.», VI и VII.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», V.—*Руммель*, I.—*Вантлинъ-Каменскій*, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи», III и IV.—*Иванчинъ-Писаревъ*, «Спасо-Андрониковъ монастырь», стр. 31—32.—«Полное собр. Рус. Лѣт.», т. VI, стр. 253; т. VIII, стр. 260.—«Московскій Некрополь», т. I.

В. Корсакова.

Загряжскій, Иванъ Аванасевичъ Полосуха † 1642 г. Въ 1614 г. сопровождалъ государя въ загородныхъ поѣздкахъ. Последовательно былъ воеводой: въ 1616—19 гг. въ Волоколамскѣ, въ 1620—22 гг. въ Романовѣ (на Волгѣ), въ 1623 г. въ Юрьевцѣ, въ 1624—25 гг. въ Брянскѣ, въ 1627 г. вторично въ Волоколамскѣ и въ 1638—41 гг. въ Сѣвскѣ и Можайскѣ. Въ промежуткахъ между воеводствами онъ несъ дворцовую службу: въ 1625 г. присутствовалъ при встрѣчѣ персидскаго посла, въ 1626 г. дежуръ и ночевалъ на государевомъ дворѣ и былъ въ весеннемъ походѣ царя къ Троицѣ «въ окольныхъ». Въ 1629 г. онъ значится въ спискѣ московскихъ дворянъ, а въ 1627—30 гг. переписывалъ и межевалъ земли Веневскаго, Епифанскаго, Тульскаго и Соловскаго уѣздовъ.

Разр. кн. I.—Дѣ. разр., I и II.—Р. И. Б., IX.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Руммель*, I.

В. Корсакова.

Загряжскій, Иванъ Гавлевицъ, дворянинъ московскій (1628—1662 г.). Онъ былъ полковымъ воеводой: въ 1622 г. въ Юрьевцѣ, въ 1624 г. въ Брянскѣ, въ 1628 г. въ Волуйкахъ, въ 1640—41 гг. въ Арзамасѣ и въ 1642 г. въ Одоевѣ. Въ 1647—49 гг. онъ числился въ Вязьмѣ товарищемъ воеводы, сначала

при кн. Ив. Андр. Хилковъ, а затѣмъ при кн. Матв. Вас. Прозоровскомъ. Въ Смоленскѣ онъ былъ дважды товарищемъ воеводы: съ 24 мая по 13-е ноября 1655 г. и съ 20-го июня 1656 г. по 15-е марта 1659 г.; воеводами тамъ послѣдовательно: бояринъ кн. Ив. Никит. Хованскій, бояринъ Вас. Бор. Шереметевъ и окольникій кн. Петръ Алексѣев. Долгоруковъ. Со 2-го мая 1660 г. по 24-е февраля 1662 г. 3-скій состоялъ воеводою въ Черниговѣ. Въ бытность въ Москвѣ въ 1636 и 1646 гг. онъ дневалъ и ночевалъ нѣсколько разъ на государевомъ дворѣ; въ 1639 г. присутствовалъ при встрѣчѣ кизильбашскаго посла за Язую; въ 1649 г. состоялъ однимъ изъ головъ у дворянъ на выѣздѣ при встрѣчѣ въ Москвѣ литовскихъ пословъ и въ 1649—53 гг. сопровождалъ царя Алексѣя Мих. и царицу Марью Ильинишну въ загородныхъ поѣздкахъ. Скончался въ Черниговѣ 24 февраля 1662 г.

Дв. разр., II, III и прибавк.—Р. И. Б., X.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Руммель*, I. В. *Корсакова*.

Загряжскій, Илья Дмитриевичъ. Въ 1676 г. былъ стряпчимъ. Въ 1679 г. сопровождалъ царя Θεодора Алексѣевича въ его поѣздкахъ. Въ томъ же 1679 г. назначенъ былъ воеводою на Бѣлоозеро, гдѣ и пробылъ до 1681 г. Въ 1686 г. онъ числился стольникомъ. Въ февр. 1696 г. дневалъ и ночевалъ у гроба царя Иоанна Алексѣевича.

Доп. въ Акт. Ист., VII и VIII.—С. Г. Г. и Д., IV.—Дв. разр., IV.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Руммель*, I.

В. *Корсакова*.

Загряжскій, Іовъ Игнатьевичъ. Въ 1604 г. былъ полковымъ воеводою въ Осколѣ, а въ 1605 г. въ Путивлѣ. Въ грамотѣ Калужскаго Вора отъ 14 марта 1610 г. изъ Калуги воеводамъ Новгорода-Сѣверскаго кн. Θεодору Борятинскому и Милякѣ Карнову объ укрѣпленіи города и о предосторожностяхъ отъ нападенія литовцевъ сказано между прочимъ: «А мы послали на тѣхъ Литовскихъ людей стольника нашего и воеводу Вас. Петр. Шереметева да думнаго дворянина Іева Игнатьевича Загряжскаго, а съ ними многихъ людей...»

Акты Ист., II.—*Блжукуровъ*, «Разрядныя записи за Смутное время».—*Руммель*, I.

В. *Корсакова*.

Загряжскій, Кирилъ Александровичъ. Въ 1626 г. патриархъ Филаретъ Никитичъ пожаловалъ его въ себѣ въ стольники. Въ 1636—88 гг. онъ значится дворяниномъ московскимъ. Въ 1639 г. 3-скій присутствовалъ при встрѣчѣ персидскаго посла. Въ 1640 и 1646 гг. дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ. Въ 1651—52 гг. сопровождалъ царицу Марью Ильинишну въ загородныхъ поѣздкахъ. Въ 1654 г. онъ былъ воеводою въ Осколѣ, въ 1655—56 гг. въ Корочѣ, въ 1668 г. въ Прилукахъ и въ 1673—76 гг. въ Тюмени. Въ «Дворцовыхъ разрядахъ» сказано, что «измѣнники Черкасы отдали его въ Крымъ». Въ 1663 г. 3-скій былъ посланъ отъ Вязьмы до Смоленска съ царскимъ наказомъ и съ посушной грамотой для осмотра мостовъ между этими городами; гдѣ сѣдуетъ, онъ долженъ былъ исправить старыя погнившіе и снесенныя водою мосты; гдѣ явится необходимость—устроить новыя. Для разсылки ему велѣно было брать стрѣльцовъ. Наказъ заканчивается слѣдующимъ внушеніемъ работать безкорыстно: «А будетъ онъ отъ того мостового дѣла у ково что возьметъ и учинитъ кому въ томъ какую понаровку, а послѣ про то същета, и Кириллу отъ великаго государя быть въ великой опалѣ и въ наказаніи безо всякіе пощады». Окончивъ исправленіе мостовъ, 3-скій долженъ былъ вернуться въ Москву и подать въ Разрядъ роспись мостовому дѣлу. Въ 1688 г., будучи отставнымъ московскимъ дворяниномъ, онъ сопровождалъ царицу Наталью Кирилловну въ ея богомольныхъ походахъ и участвовалъ въ крестныхъ ходахъ. Имѣется указаніе, что въ 1640 г. онъ былъ помѣщикомъ Коломенскаго, а въ 1677 г. Данковскаго уѣздовъ.

Дв. разр., II—IV.—Р. И. Б., IX и X.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Руммель*, I.

В. *Корсакова*.

Загряжскій, Михаилъ, поручикъ, депутатъ отъ Пронскаго дворянства въ Комиссіи для составленія проекта Новаго Уложенія (1767—68 гг.) и депутатъ отъ Сумскаго дворянства (1768 г.). Домашневъ выбралъ его себѣ въ помощники въ Комиссію о разноможеніи народа, земледѣлія, домостроительства, о поселеніи, руководѣніи, искусствахъ и ремеслахъ. 22 декабря 1768 г., по причинѣ военнаго времени, онъ былъ

увольненъ отъ исполненія депутатскихъ обязанностей.

Об. Имп. Рус. Ист. Общ., т. т. XXXII и XXXVI.
В. Корсакова.

Загряжскій, Николай Александровичъ, дѣйств. тайный сов., оберъ-шенкъ Высочайшаго Двора, сынъ генераль-поручика Александра Артемьевича Загряжскаго, родился 2-го апрѣля въ 1746 г., въ 1754 г. записанъ былъ на службу въ Измаиловскій полкъ, въ 1772 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры и въ томъ-же году, 24 октября, вступилъ въ бракъ съ фрейлиной императрицы Наталіей Кирилловной Разумовской, съ которой часто встрѣчался во время дежурствъ при Дворѣ; ихъ сблизило общее горе: 3-скій незадолго передъ тѣмъ потерялъ свою первую жену Елизавету Николаевну, урожденную Чоголокову (двоюродную племянницу императрицы Елизаветы), а Разумовская лишилась горячо любимой матери. Впослѣдствіи охлажденіе императрицы къ Наталіи Кирилловнѣ вызвало временное удаленіе отъ Двора какъ ея, такъ и ея супруга. Въ царствованіе императора Павла I 3-скій, въ чинѣ гофмейстера, посланъ былъ въ Мемель встрѣчать мать императрицы Маріи Теодоровны, послѣ чего навсегда сохранилъ расположеніе послѣдней. Впослѣдствіи онъ состоялъ оберъ-шенкомъ. Скончался 25 іюля 1821 г.

«Русскіе портреты», изд. вел. кн. Николая Михайловича, т. I, № 63. — «Петербургскій Некрополь», т. II. — *Л. Майковъ*, «Пушкинъ». Спб. 1899 г., стр. 401, 402, 405, 407, 409.

Загряжскій, Петръ Алексеевичъ † послѣ 1640 г. Въ 1613 г. состоялъ товарищемъ воеводы въ Устюжнѣ Желѣзопольской. Въ 1615 г. онъ былъ посланъ изъ Москвы въ Суздаль, чтобы выполнить боярскій приговоръ—отвести въ тюрьму кн. Михаила Борятинскаго, не оказавшаго должной помощи кн. Василию Туренину въ походѣ противъ Лисовскаго. Въ 1623 г., на пути въ Троицкій монастырь, въ с. Братовщинѣ 3-скій «смотрѣлъ въ кривой столъ» во время обѣда царя Мих. Теод. Въ 1625 г. присутствовалъ при приемѣ кизильбашскихъ пословъ и за обѣдомъ былъ въ числѣ 50-ти столыльниковъ, которые ставили кушанья предъ царемъ. Въ 1625—27 гг. онъ числился воеводой въ Коломнѣ. Въ 1629 г., по случаю рожденія царевича Алексѣя Мих., обѣдалъ за царскимъ сто-

ломъ. Въ томъ же году сопровождалъ царя на богомолье въ Угрѣшскій монастырь и обѣдалъ тамъ за его столомъ. Въ томъ же и слѣдующемъ году 3-скій упоминается въ качествѣ помѣщика Вологодскаго уѣзда. Въ 1631—32 гг. онъ назначенъ былъ полковнымъ воеводой во Владимірѣ. Въ 1633 г. былъ однимъ изъ участниковъ возведенія Земляного города въ Москвѣ. Въ 1634 г. обѣдалъ у царя Михаила Теодоровича въ одинъ изъ торжественныхъ дней. Въ 1636 г. былъ полковнымъ воеводой въ Михайловѣ. Отпущенный въ Москвѣ, онъ, однако, смотря по «вѣстямъ», долженъ былъ быть въ походѣ съ воеводами на Дѣднловѣ въ передовомъ полку кн. Ивана Засѣкина, или въ Переяславлѣ Рязанскомъ у Ивана Траханиотова. Въ 1639 г. 3-скій числился товарищемъ воеводы на Крапивнѣ. Въ концѣ 1640 г. во время богомольнаго похода царя Мих. Теод. въ Вязники назначенъ былъ «въ окольничьи» вмѣстѣ съ Мих. Мих. Салтыковымъ.

Доп. къ Акт. Ист., II.—Разр. кн., I и II.—Дв. разр., I и II.—Р. И. В., XI и X.—*Руммель, I.* *В. Корсакова.*

Загряжскій, Яковъ Ивановичъ, умеръ въ 1668 г. бездѣтнымъ. Въ 1636 г. значится дворяниномъ московскимъ. Въ 1646 г. онъ переписывалъ земли Ржево-Владимірскаго у.; въ 1651 г. былъ судьей приказа Земскаго Двора; въ 1654 г. завѣдовалъ сборомъ для ратнаго дѣла дворянъ и дѣтей боярскихъ; въ 1654—55 гг. былъ судьей Каменнаго приказа, а въ 1655 г. вторымъ судьей въ приказѣ Хлѣбнаго Сбора; въ 1655—56 гг. мы его встрѣчаемъ приставомъ у шведскихъ пословъ и въ 1662 г.—приставомъ у пословъ нѣмецкаго императора, когда они смотрѣли вербы (передъ Вербнымъ воскресеніемъ), а также на отпускъ ихъ у царя Алексѣя Михайловича

Акты Ист., III.—Доп. къ Акт. Ист., IV.—Дв. разр., III и дополн.—Р. И. В., X.—*Руммель, I.* *В. Корсакова.*

Загряжскій, Яковъ Петровичъ. Въ 1619 г. упоминается, какъ помѣщикъ Романовскаго уѣзда. Въ 1627 г. былъ *стрячимъ съ платьемъ* царя Мих. Теод. Въ 1636 и 1641 гг. онъ дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ. Въ 1645 г. значится воеводой въ Угличѣ; въ 1648 г.—объѣзжимъ головой въ Москвѣ отъ Тверскихъ воротъ по Петровскія ворота и по Неглимну, а

также въ Троицкой, Неглинной и Ново-дмитровской слободахъ за Землянымъ городомъ; въ 1652 г. З-скій сопровождалъ царя Ал. Мих. и царицу Марью Ильинишну въ загородныхъ поѣздкахъ; въ 1654—56 гг. былъ въ польскомъ походѣ головой у сторожей, а въ 1662 г. приставомъ у пословъ нѣмецкаго императора.

Дв. раар., III и дополн.—Р. И. В., X.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Руммель*, I. В. *Корсакова*.

Загряжскій, *Федоръ Дмитриевичъ*. Въ 1541 году былъ посланъ вн. Иваномъ Бѣльскимъ въ Литву съ предложеніемъ королю Сигизмунду мира, но за болѣзнью короля видѣть его не могъ. 29 июня 1553 года З-скій былъ отправленъ посломъ къ хану Девлетъ-Гирею, который задержалъ его въ качествѣ плѣнника. Въ слѣдующемъ году царь Иоаннъ предлагалъ хану разбѣяться послами; ханъ видимо согласился и даже въ май 1555 г. писалъ царю, что отпустилъ З-скаго, на самомъ же дѣлѣ обманулъ. Въ октябрѣ того же года З-скій чрезъ посланца татарина Баймера извѣстилъ царя, что Девлетъ-Гирей въ битвѣ съ Шереметевымъ лишился знатнѣйшихъ князей и мурзъ. Въ январѣ 1558 года З-скій, отпущенный ханомъ, возвратился въ Москву, пробывъ такимъ образомъ въ плѣну пять лѣтъ. Скончался онъ въ 1561 году и похороненъ въ Спасо-Андрониковомъ монастырѣ.

Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», т. VIII, стр. 156 и прилож. 122, 438, 466, 475.—*Иванчинъ-Писаревъ*, «Спасо-Андрониковъ монастырь», М. 1842 г., стр. 32.—«Московский Некрополь», т. I.

Загуляевъ, *Евгеній Михайловичъ*, студентъ V-го курса Военно-медицинской академіи, сынъ извѣстнаго публициста, родился 16 июня 1864 г., воспитывался въ 6-ой Петроградской классической гимназіи, по окончаніи которой въ 1884 году поступилъ въ Военно-медицинскую академію. Здѣсь онъ со всею энергіею юноши отдался учебнымъ занятіямъ, находя въ то-же время досугъ для занятій любимымъ предметомъ—литературою. Въ некрологѣ «Новаго Времени» ему приписано «нѣсколько драмъ, изъ которыхъ нѣкоторыя шли съ успѣхомъ на нашихъ частныхъ сценахъ», между тѣмъ какъ въ печати извѣстенъ лишь одинъ его рассказъ «Сестра Анна» («Сѣверный Вѣстникъ» 1889 г., № 6, 47—60). Скончался З-въ 25 марта

1889 года отъ чахотки на берегу Крыма, въ мѣстечкѣ Кикенензѣ.

«Новое Время» 1889 г., № 4698.

Загуляевъ, *Федоръ Тимофеевичъ*, ген.-майоръ, строитель судовъ; поступивъ въ 1804 г. матровымъ ученикомъ при Архангельскомъ портѣ, онъ послѣдовательно проходилъ званіе корабельнаго ученика (1807 г.), тиммермана (1820 г.) и помощника корабельнаго мастера 14 класса (1822 г.). Въ этомъ званіи З-въ принималъ участіе въ постройкѣ 74-хъ-пуш. кораблей «Иезекииль» и «Азовъ», за что получилъ денежное вознагражденіе и былъ переименованъ въ прапорщикъ корпуса корабельныхъ инженеровъ (1826 г.). Произведенный въ 1828 г. въ подпоручики и поручики, а въ 1831 г. въ штабсъ-капитаны, онъ въ слѣдующемъ году исправлялъ должность старшаго корабельнаго инженера при Архангельскомъ портѣ. Въ промежутокъ времени съ 1834 по 1858 гг. З-въ построилъ рядъ судовъ, какъ-то: транспорты «Гаусаль», «Волховъ», «Свирь», «Мста», «Тверь», «Волга», «Тверца», «Кемь», «Соловецкъ», «Ока»; бриги: «Несторъ» и «Новая Земля»; корабли: «Ингерманландъ», «Нарва», «Память Азова», «Сысой Великій», «Бородино» и «Вилагошъ»; фрегаты: «Константинъ», «Діана» и «Илья Муромецъ»; шхуны: «Полярная Звѣзда», «Радуга» и «Задорная» и, кромѣ того, пароходы: «Полезный» и «Смирный» и 34 канонерскихъ лодки. За постройку этихъ судовъ З-въ не разъ получалъ денежные вознагражденія и довольно быстро повышался въ чинахъ. Въ 1835 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны, въ 1838 г.—въ подполковники, въ 1849 г.—въ полковники и въ 1858 г.—въ генераль-майоры. Скончался З-въ 17 октября 1858 года.

«Общій морской списокъ», ч. VII, стр. 113—114.

Загуменный, *Александръ Александровичъ*, докторъ медицины, сынъ дьякона, род. въ 1843 г., воспитывался въ Петроградской Медико-хирургической академіи, по окончаніи курса въ которой съ званіемъ лѣкаря прикомандировался въ клинику Петроградскаго военнаго госпиталя; затѣмъ назначенъ былъ лаборантомъ химической лабораторіи (1873 г.) и удостоенъ степени доктора медицины (1875 г.). Съ 1877—79 гг. онъ состоялъ врачомъ 18-го стрѣлковаго батальона, а

съ 1879—81 гг.—врачемъ 119-го пѣхотнаго Старорусскаго полка. Послѣдніе годы своей жизни онъ служилъ въ медицинской лабораторіи. Скончался 3—нний 15 мая 1887 г., отравившись синильной кислотой и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Онъ оставилъ послѣ себя слѣдующія работы: «О холерѣ въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ» («Эпидемич. Листокъ» 1871 г.); «О динитробензинахъ», «О возстановленіи дезоксибензоина» («Журн. Петерб. Химич. Общества», 1872 г.) и «О нѣкоторыхъ производныхъ дезоксибензоина» (докторская диссертация. Спб. 1875 г.).

Змеевъ, «Русскіе врачи—писатели», тетр. IV, стр. 119.—*Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. VII, стр. 29.—«Врачъ» 1887 г., № 22.—«Новое Время» 1887 г., отъ 19 мая.—«Петербургскій Некрополь», т. II.

Загуржевскій, *Станиславъ*, кандидатъ философіи Виленскаго университета, родомъ изъ Литвы, по окончаніи курса наукъ въ университетѣ продолжалъ заниматься преимущественно минералогіей и геологіей; работалъ также на литературномъ поприщѣ и, какъ хорошій знатокъ иностранныхъ языковъ, много переводилъ. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: «O dujamenie szyli wegliku» (Вильна, 1826 г.), «Prawidła do zakładania i utrzymywania trwałych dróg i gościńców» (переводъ съ нѣмецкаго, тамъ же, 1829 г.), «Nowe rozprawy polskie, francuzkie i rossyjskie» (тамъ же, 1829 г.), «Powieści narodów północnych z dzieł celniejszych zebrane i z niektórymi odmianami przełożone» (тамъ-же, 1830 г.) и «Pustelnik tajemniczego grobowca» (съ французскаго, тамъ-же, 1830 г., 3 т.).

«Энциклопедыя Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 193.

Загурскій, *Аполлимарій*, сотрудникъ «Gazety Warszawskiej», родился въ 1830 г. въ м. Олитѣ на Волыни и по окончаніи Житомирской гимназіи поступилъ на военную службу. Въ 1849 г. 3—скій принялъ участіе въ усмиреніи Венгерскаго возстанія, а по возвращеніи изъ похода, въ слѣдующемъ 1850 г., въ чинѣ поручика вышелъ въ отставку. Сперва онъ поселился въ Одессѣ, потомъ переѣхалъ на жительство въ Варшаву. Живо интересуясь естествознаніемъ и астрономіей, 3—скій много работалъ въ этой области и научныя статьи свои помѣщалъ главнымъ

образомъ въ «Biblijotece Warszawskiej» и въ «Gazecie Warszawskiej» (въ отдѣлѣ «Gawędy naukowe»), постояннымъ сотрудникомъ которой онъ состоялъ съ 1856 г. Эти статьи касались вопросовъ метеорологіи, климатологіи, геологіи, зоологіи, физиологіи и др., часто отвѣчая современнымъ запросамъ жизни и ставя науку въ связь съ разными отраслями промышленности. Простота и ясность изложенія дѣлали статьи 3—скаго доступными для широкаго круга читателей. Скончался 3—скій отъ чахотки на 28—мъ году жизни 22 ноября 1858 г. За годъ до смерти его вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ сборникомъ статьи его, раньше печатавшіяся въ «Biblijotece Warszawskiej», подъ заглавіемъ «Zarysy kosmologiczne obejmujące: budowa wszechświata, komety, o spotkaniu się ziemi z kometą» (Варшава, 1857 г.), а въ 1859 г. тоже отдѣльнымъ изданіемъ напечатаны были статьи его, раньше помѣщавшіяся въ «Gazecie Warszawskiej», подъ заглавіемъ «Gawędy naukowe obejmujące wiadomości z nauk przyrodzonych» (Варшава, 2 тома, посмертное изданіе).

«Энциклопедыя Powszechna» Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 192.—Биографическій очеркъ (съ портретомъ) І. Крашевскаго въ I т. «Gawędy naukowych», Варшава, 1859 г.

Загурскій, *Иматій*, нумизматъ, родился въ м. Осѣкѣ, близъ Сандомира, въ 1788 г., среднее образованіе получилъ въ Тарновѣ, высшее—въ Краковѣ и въ Варшавѣ, гдѣ поступилъ на службу сперва чиновникомъ въ финансовую дирекцію, а потомъ учителемъ въ Варшавскій лицей. Въ 1818 г. 3—скій былъ назначенъ секретаремъ правительственной финансовой комиссіи и служилъ по вѣдомству финансовъ до 1851 г.; одновременно до 1849 г. онъ состоялъ первымъ секретаремъ въ Варшавскомъ благотворительномъ обществѣ. Все свободное отъ служебныхъ занятій время 3—скій посвящалъ нумизматикѣ, специализируясь въ изученіи польскихъ монетъ съ XVI—XVIII ст. включительно. Труды и изслѣдованія его въ этой области послужили основными руководствами для позднѣйшихъ польскихъ нумизматовъ; особенно важны въ этомъ отношеніи его: «Monety dawnej Polski, jako też prowincyj do niej niegdyś należących, z trzech ostatnich wieków» (2 т., съ литограф. таблицами, Варшава, 1845 г.) и

«Skorowidz monet polskich z trzech ostatnich wieków» (тамъ же, 1847 г.). Кроме этихъ основныхъ трудовъ, З-скій напечаталъ рядъ статей по тому же вопросу въ «Biblijoteka Warszawskiej». Скончался онъ въ 1854 г. въ Петроковѣ.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 191, 192. А. Г.

Загурскій, Леонардъ Петровичъ, с. с., правитель дѣлъ Кавказскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества, происходилъ изъ дворянъ Волынской губ., род. 6 ноября 1827 г. въ селеніи Бакшинѣ, Ровенскаго уѣзда, скончался 24 апрѣля 1891 года. Первоначальное образование получилъ въ 1-й Кіевской гимназій, въ которой окончилъ курсъ въ 1844 г. и въ томъ же году поступилъ на 1-ое отдѣленіе философскаго факультета Кіевскаго университета. По окончаніи университета въ 1849 г. съ званіемъ кандидата З-скій въ теченіе года состоялъ гувернеромъ при дѣтахъ графа Суйковскаго, а въ 1850 г. былъ опредѣленъ учителемъ исторіи и географіи въ Тифлисскую гимназію и Закавказскій дѣвичій институтъ. Въ должности учителя онъ пробылъ до 1888 года, когда былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при главнокомандующемъ гражданскою частью на Кавказѣ. По пріѣздѣ въ Тифлисъ З-скій скоро примкнулъ къ кругу ученыхъ, занимавшихся кавказовѣдѣніемъ; съ открытіемъ же въ 1851 году Кавказскаго отдѣла Импер. Географ. Общества сдѣлался членомъ его, и съ этого времени до смерти, почти 40 лѣтъ, уже не оставлялъ Отдѣла, посвящая ему большую часть своихъ трудовъ. Не получивъ спеціальнаго лингвистическаго образованія, З-скій подъ влияніемъ отчасти бар. Услара, въ особенности же благодаря проф. В. Ѳ. Миллеру, занялся за изученіе лингвистики для того, чтобы примѣнить результаты этого изученія къ изслѣдованію кавказскихъ языковъ. Для этой же цѣли онъ сдѣлалъ нѣсколько экскурсій по Кавказу. Въ изданіяхъ Отдѣла имя З-скаго встрѣчается въ первый разъ въ 1862 г., когда онъ, совместно съ А. Т. Филадельфинимъ, редактировалъ V книгу «Записокъ Отдѣла», одну изъ удачнѣйшихъ книжекъ по ряду капитальныхъ статей, посвященныхъ исключительно Кавказу. Первый самостоятельный, довольно обширный, трудъ З-скаго помѣщенъ въ VIII кн. «Записокъ» за

1873 г., подъ названіемъ: «Поѣздка въ Ахалцихскій уѣздъ». Далѣе З-скій, по порученію распорядительнаго комитета Отдѣла, написалъ «Краткій обзоръ 25-ти лѣтней дѣятельности Кавказскаго отдѣла Географическаго Общества по этнографіи». Въ этомъ сжатомъ отчетѣ З-скій, со свойственной ему умѣlostью, далъ рельефную общую картину успѣховъ дѣятельности членовъ Отдѣла по изученію этнографіи Кавказа. Въ 1876 г. онъ былъ избранъ на должность правителя Кавказскаго Отдѣла и въ этомъ званіи издалъ подъ своей редакціей 7 томовъ «Записокъ» Отдѣла и 5 томовъ «Извѣстій». Будучи душою этого Отдѣла, З-скій не жалѣлъ ни времени, ни силъ для дорогой ему науки. Интересы послѣдней онъ ставилъ выше всего, забывая собственные выгоды. Подтверженіемъ этого служить борьба его по поводу изданія Кавказскимъ учебнымъ округомъ трудовъ барона Услара «О кавказскихъ языкахъ». Въ рядѣ статей З-скій доказывалъ, что округъ неправильно издаетъ труды Услара, измѣняя ихъ текстъ. Его мнѣніе поддержано было восточнымъ факультетомъ Петроградскаго университета. Тѣмъ не менѣе эта литературная борьба стоила ему учительскаго мѣста: при создавшихся обостренныхъ отношеніяхъ съ округомъ онъ добровольно вышелъ въ отставку. З-скому, кроме названныхъ работъ, принадлежатъ слѣдующіе труды: «Географическій и историческій очеркъ Тифлисской губерніи», съ картою («Сборникъ матер. для описанія Тифлис. губ. 1870 г., т. I, вып. I); «Кавказско-горскія письмена», съ 4-мя таблицами («Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ» 1871 г., вып. V); «О новомъ лингвистическомъ трудѣ акад. Шифнера» (тамъ же, 1872 г.); «Предисловіе къ курманджійскимъ текстамъ» («Записки Кавказ. отд. Импер. Рус. Геогр. Общ.» 1873 г., кн. 8); «Краткій отчетъ о поѣздѣ въ Ахалцихскій уѣздъ въ 1872 году» (Извѣстія Кавказ. отд. Импер. Рус. Геогр. Общ.» 1873—74 гг., т. II); «Искаженіе добытыхъ наукою фактовъ въ сочиненіи г. Риттиха по этнографіи Кавказа: «Племенной составъ континентовъ Русской арміи» (тамъ же, 1875—77 гг., т. IV); «Замѣтка о кюринскомъ языкѣ въ связи съ изслѣдованіями восточно-кавказскихъ языковъ» («Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ» 1875 г., вып. VIII); «Поѣздка Беккера въ Южный Дагестанъ» (тамъ же, 1876 г., вып. IX); «Краткій очеркъ Ермо-

ловскаго времени», на основаніи VI тома «Актовъ, изданныхъ Кавказскою Археологическою комиссіею» (Тифл., 1876 г.); «Записка объ изслѣдованіи дагестанскихъ языковъ» («Извѣстія Кавк. Отдѣла» 1878 г., т. V); Некрологъ А. Петермана (тамъ же); «По поводу предположенія о сродствѣ древнихъ этрусковъ съ осетинами» (1879—81 гг., т. VI); «Воспоминанія о Н. В. Ханьковѣ» и Некрологъ А. А. Шифнера (тамъ же); «Замѣтка объ изслѣдованіи кавказскихъ языковъ» («Извѣстія Кавк. отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.», т. IX); «Біографія барона Н. К. Услара» («Записки Кавк. отд. 1881 г., т. XII); «Воспоминаніе о графѣ В. А. Соллогубѣ» («Извѣстія Кавк. отдѣла», 1882—83 гг., т. VII); Некрологъ Ф. Э. Ланда (тамъ же); «Этнографическія карты Кавказскаго края» и «Записка объ очеркѣ табасаранскаго языка» (тамъ же); «Антропологическія измѣренія кавказскихъ народовъ, произведенныя Эркертомъ и Шантромъ» (тамъ же, 1884—85 гг., т. VIII); «Слѣдуетъ ли бѣлую расу считать кавказскою» (тамъ же); «Пояснительная записка къ списку названій растений и животныхъ на осетинскомъ нарѣчій» (тамъ же); «По поводу трудовъ г. Фелицына о городахъ Кубанской области» (тамъ же); «Историко-этнографическія замѣтки о сиро-халдеяхъ» (тамъ же); «Очеркъ дѣятельности І. И. Стебницкаго» (тамъ же); «Объ осетинскихъ этюдахъ Вс. Миллера» (тамъ же); «Замѣтка объ изслѣдованіи кавказскихъ языковъ» (тамъ же, 1887 г., т. IX); Некрологи: Г. В. Абиха, Н. И. Воронова, Ф. Г. фонъ-Кошеуля и Н. М. Пржевальскаго (тамъ же); «Кавказскіе алфавиты» (тамъ же); «Лингвистическая классификація кавказскихъ народовъ» («Кавказскій календарь на 1889 годъ»); «Краткій списокъ книгамъ, статьямъ и изданіямъ, относящимся къ кавказовѣднію» (тамъ же, 1890 годъ); Некрологи: М. Н. Богданова, В. Г. Сараджева и К. П. Патканова («Извѣстія Кавказ. Отд.» 1889—91 гг., т. X) и Курманджійско-русскій и русско-курманджійскій словари (совмѣстно съ г. Егіазаровымъ. Тамъ же, т. XII, вып. 2). Къ этому списку статей, помѣщенныхъ 3-ими въ изданіяхъ Кавказскаго отдѣла и въ тифлисскихъ газетахъ, необходимо присоединить еще рядъ обширныхъ его трудовъ, напечатанныхъ въ «Извѣстіяхъ», начиная съ V до X включительно, подъ руб-

рикою «Научная Лѣтопись», въ которой онъ давалъ свѣдѣнія о всемъ болѣе или менѣе интересномъ по кавказовѣднію, что появлялось въ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ.

«Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Импер. Рус. Географ. Общества» 1889—1891 г.г., т. X, № 1, стр. I—VIII (съ портретомъ)—«Этнографическое Обзоріе» 1891 г., № 2, стр. 150—152. «Иверія» 1891 г., № 89.—«Новое Обзоріе» 1891 г., № 2525.—«Русскія Вѣдомости» 1891 г., № 115.—«Новости» 1891 г., № 119.—«Всемирная Иллюстр.» 1891 г., т. XLV, стр. 321.—*Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. XI, стр. 55—58.

Степ.

Задерацкій, Николай Петровичъ, славистъ, род. 28 ноября 1845 года въ Кіевѣ, воспитывался въ 2-й Кіевской гимназіи (1863 г.) и Кіевскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1869 году по историко-филологическому факультету съ званіемъ кандидата. Въ томъ же году и въ ту же гимназію онъ опредѣлился учителемъ и посвятилъ ей 11 лѣтъ своей жизни въ качествѣ преподавателя русскаго и латинскаго языка. Его спеціальностью было славяновѣдѣніе, которому онъ всецѣло предался, не жалѣя ни здоровья, и безъ того слабаго, ни средствъ. У него не было другой идеи, кромѣ славянства. Оно было предметомъ его занятій, его преподаванія въ школахъ, его разговоровъ, путешествій и вообще всехъ его стремленій. Но добросовѣстно исполняемая учительскія обязанности не поглотили всехъ его силъ. Отличаясь выдающимся трудолюбіемъ, онъ находилъ свободное время для ученыхъ и литературныхъ занятій. 3-цкій издалъ цѣлый рядъ сочиненій, относящихся къ славяновѣднію, преимущественно къ чешской исторіи и литературѣ. На студенческой скамьѣ онъ написалъ слѣдующія работы: «Патріархъ Никонъ», «Чтеніе о сравнительно-славянскомъ языкознаніи Ф. В. Челяковскаго» (перев. съ чешскаго), «Амосъ Каменскій» по Шмидту и Раумеру, «Исторія чешскаго королевства» Томка (перев. съ чешскаго), «Біографія Челяковскаго» (перев. изъ «Словника Научнаго»), «Амосъ Каменскій» Палацкаго (перев. съ чешскаго), «Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ» Эйхгофа (перев. съ франц.), «Дѣятельность важнѣйшихъ чешскихъ литераторовъ по «Словнику Научному», «Исторія чешскаго театра» и «Русь Галицкая

до 1886 года» (кандидатская работа). Кроме того, для получения звания приват-доцента въ университетѣ З-цѣй подготовилъ сочиненіе «Народные праздники у славянъ», но оно осталось не оконченнымъ. Въ учительскій же періодъ дѣятельности З-цѣй напечаталъ слѣдующіе труды: «Палацкій. Очеркъ исторіи чешскаго народа», «Коссово поле. Историческая повѣсть изъ эпохи покоренія Сербіи турками. П. Хохолушка» (2-ое изд. К. 1874 г.), «Іосифъ Юнгманъ. Очеркъ изъ исторіи чешской литературы XIX в.» (К. 1874 г.), «Павель Іосифъ Шафарикъ. Очеркъ изъ исторіи чешской литературы XIX в.» (К. 1875 г.) и «Вопель Я. Э. Древнѣйшая бытовая исторія славянъ вообще и чеховъ въ особенности» (К. 1875 г.). Избранный секретаремъ Киевскаго отдѣленія славянскаго комитета, а затѣмъ славянскаго благотворительнаго общества, З-цѣй не мало потрудился для славянскаго дѣла и на этомъ поприщѣ, будучи главной рабочей силой. Исходя изъ той мысли, что прочный союзъ западнаго славянства съ Россіей не можетъ быть достигнутъ одними матеріальными пожертвованіями и что для блага славянства необходимо закрѣпить этотъ союзъ постояннымъ духовнымъ общеніемъ, З-цѣй принялся въ 1876 году за изданіе «Славянскаго Ежегодника». Въ этомъ сборникѣ принимали участіе такіа научная сила, какъ Котляревскій, Будиловичъ, Н. Поповъ, Петровскій, Макушевъ, Ягичъ и др., но большинство статей въ немъ принадлежало З-цѣму. Онъ успѣлъ выпустить три книги (за 1876, 77, 78 гг.) и уже подготовилъ четвертую книгу «Ежегодника» на 1879 годъ, но смерть помѣшала его издать. Интересно отмѣтить, что изданіе «Ежегодника» было предпринято на скудные средства З-цѣаго, и только въ 1878 году Киевское славянское благотворительное общество приняло на себя половину расходовъ по изданію. Помимо «Ежегодника», З-цѣй постоянно работалъ въ «Киевлянинѣ» по различнымъ отдѣламъ и нерѣдко выступалъ съ своими докладами въ Историческомъ обществѣ Лѣтописца Нестора, дѣятельнымъ членомъ котораго онъ состоялъ. Скончался З-цѣй 21 іюля 1880 года.

«Киевлянинъ» 1880 г., №№ 167, 168. — «Одесскій Вѣстникъ» 1880 г., № 191. — «Сла-

вянскій Ежегодникъ» 1882 г., вып. V, стр. I—XXXIII. — С. А. Венгеровъ, «Источники словаря рус. писателей», т. II. — *Отзвѣтъ*: О «Славянскомъ Ежегодникѣ»: «Другъ Народа» 1875 г., № 23, стр. 364—66; «Киевлянинъ» 1875 г., № 131; «Киевскій Телеграфъ» 1876 г., №№ 3, 53; «Новое Время» 1876 г., № 58; «Собесѣдникъ» 1877 г., № 14; «Сѣверный Вѣстникъ» 1877 г., № 13. О соч. «Іосифъ Юнгманъ»: «С.-Петербургскія Вѣд.» 1874 г., № 163.

Стен.

Задерацкій, Петръ Емельяновичъ, отецъ предыдущаго, священникъ, родился въ 1818 году, скончался 24 декабря 1848 года. Образование получилъ въ Херсонской духовной семинаріи и Киевской духовной академіи, которую окончилъ въ 1843 году первымъ изъ младшихъ кандидатовъ, и тогда же былъ назначенъ настоятелемъ Троицкой церкви въ Киевѣ. Отличительною чертою З-цѣаго была страсть къ книгамъ и къ занятіямъ литературою. Еще будучи студентомъ, онъ написалъ стихотвореніе «Милого влѣчу». Затѣмъ онъ пробуетъ писать романъ, въ которомъ изображаетъ быть и нравы чиновничьяго круга въ маленькомъ южно-русскомъ городкѣ. Романъ остался неоконченнымъ. Одна глава его «Подпоручикъ Живановскій» напечатана въ «Славянскомъ Ежегодникѣ» (1882 г., вып. V, стр. VII—XIII). Сдѣлавшись служителемъ алтаря, З-цѣй прекратилъ свои опыты въ области беллетристики и направилъ всѣ свои усилія на то, чтобы стать, по возможности, на высотѣ своего сана. Съ этого времени онъ начинаетъ заниматься главнымъ образомъ составленіемъ проповѣдей; нѣкоторыя изъ нихъ сохранились въ его бумагахъ: онѣ отличаются живостью и теплотою. Къ этому же времени относятся и «Маленькія бесѣды къ маленькимъ дѣтямъ», которыя онъ думалъ приготовить къ печати. Но занимаясь литературою, З-цѣй не оставлялъ и науки. Въ этой области онъ интересовался особенно этнографіей славянскихъ племенъ и историческими судьбами Киева. Результатомъ занятій его славянствомъ была статья его «Болгаре, поселенцы Новороссійскаго края и Бессарабіи», напечатанная въ «Москвитинѣ» (1845 г., ч. VI, № 12, отд. I, стр. 159—187) и перепечатанная въ «Славянскомъ Ежегодникѣ» (1882 г., вып. V), и «Записки о старо-киевской

церкви св. Троицы, напечатанныя въ «Кіевскихъ Епарх. Вѣдом.» (1864 г.).
«Славянской Ежегодникъ» 1882 г., вып. V, стр. V—XVII. *Степ.*

Задлеръ (Затлеръ), Карл Карловичъ, д. с. с., докторъ медицины, родился въ Гаагѣ 3 марта 1801 г., впоследствии состоялъ главнымъ врачомъ придворнаго конюшеннаго госпиталя; извѣстенъ, какъ авторъ брошюры «Опытъ историческаго оправданія Петра I противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей» (Спб., 1861 г.). Подъ нѣкоторыми писателями авторъ здѣсь подразумеваетъ собственно только двухъ: Циммермана — составителя небольшой статьи «Фрейлина Гамильтонъ» («Сѣверная Пчела», 1860 г.) и Погодина, рѣзко осуждавшаго отношенія Петра Великаго къ царевичу Алексѣю. Сообразно этому и брошюра З-ра раздѣляется на двѣ части: 1) «Дѣло Фрейлины Гамильтонъ» и 2) «Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ». Слабое по языку и содержанію, основанное всецѣло на авторитетѣ Семейскаго, сочиненіе иностранца З-ра тѣмъ не менѣе обратило на себя вниманіе и подверглось обсужденію въ печати въ силу того интереса, который возбуждала избранная тема. Въ томъ-же 1861 г. З-ромъ напечатана была историческая быль въ 2-хъ отдѣленіяхъ и 3-хъ дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ «Фельдмаршалъ Суворовъ и камердинеръ его Прошка». Наконецъ ему же принадлежитъ сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ «Peter der Grosse als Mensch und Regent» (Спб., 1872 г.). Скончался З-ръ въ Петроградѣ 30 октября 1877 г. и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

«Сборникъ Им. Рус. Ист. Общества», т. 60.—Каталогъ рус. отд. библиот. Им. Акад. Научъ.—«Русское Слово» 1861 г., № 6—10.—«Русскій Миръ» 1861 г., № 72.—«Отечест. Записки» 1861 г., № 8.—«Современникъ» 1861 г., № 5.—«Свѣточъ» 1861 г., кн. VII.—«С-Петербург. Вѣдомости» 1861 г., № 197.—«Голосъ» 1877 г., 1 ноября.—«Иконниковъ», «Опытъ рус. исторіографіи», стр. 1451.—«Петербургскій Некрополь», т. II.

Задлеръ, Логинъ Карловичъ, пианистъ - композиторъ, родился въ Петроградѣ въ 1842 г., игрѣ на фортепіано въ дѣтствѣ обучался у ученицы Гензельдта—Гартманъ, а въ 1853 г. поступилъ въ школу Бема въ Выборгѣ, гдѣ обучался музыкѣ сперва у Вехтера, а потомъ у Галпина. Поступивъ затѣмъ

въ Петроградскій университетъ, З-ръ въ то же время занимался живописью въ Академіи Художествъ и бралъ уроки музыки у Лешетицкаго, который посоветовалъ ему всецѣло посвятить себя этому искусству. Перейдя, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, въ Московскій университетъ, З-ръ продолжалъ брать уроки на фортепіано у Оноре, а по окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата естественныхъ наукъ вернулся въ Петроградъ и возобновилъ свои занятія съ Лешетицкимъ. По совѣту послѣдняго, онъ отправился за границу пополнить свое музыкальное образованіе у Куллака и Таузига; теорію же музыки онъ изучалъ у Фохта и Веймана. Въ 1869 г. З-ръ женился на извѣстной въ свое время пѣвицѣ Фридерикѣ Грюнъ и провелъ съ нею два года въ Италіи, гдѣ въ Миланѣ изучалъ контрпунктъ у профессора Альмавіо. Въ Миланѣ же З-ръ далъ свой первый самостоятельный концертъ и вскорѣ затѣмъ въ Зальцбургѣ игралъ съ оркестромъ. Въ 1873 г., вернувшись въ Петроградъ, З-ръ поступилъ преподавателемъ игры на фортепіано въ музыкальные классы Николаевскаго Сиротскаго института, въ 1876 г. избранъ былъ преподавателемъ въ Петроградскую консерваторію и съ 1879 г. состоялъ тамъ же старшимъ преподавателемъ. Кромѣ нѣсколькихъ романсовъ, къ напечатаннымъ композиціямъ З-ра относится фантазія на русскія народныя пѣсни для фортепіано съ оркестромъ, посвященная Листу. Умеръ З-ръ 24 марта 1885 г. отъ воспаленія легкихъ и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

А. И. Рубецъ, «Биографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальных дѣятелей», Спб., 1886 г., стр. 37—38.—«Петербургскій Некрополь», т. II. А. I.

Задонскій, Воинъ Дмитріевичъ, генералъ-лейтенантъ. Род. въ 1785 г. Сынъ штабъ-офицера. Въ 1791 г., когда ему еще только исполнилось 6 лѣтъ, былъ зачисленъ въ Таганрогскій драгунскій (впоследствии Бѣлоозерскій уланскій) полкъ и 17-ти лѣтъ произведенъ въ прапорщики (1802 г.). Въ 1804 г. участвовалъ въ пяти сраженіяхъ съ кабардинцами; въ 1808 г. ходилъ въ Чечню; въ 1810 г. сражался съ горцами за Кубанью. 12 октября 1811 г. переведенъ былъ въ Астраханскій кирасирскій полкъ. Въ Отечественную войну, во время

Бородинскаго сраженія, подъ нимъ было убито двѣ лошади, а самъ онъ былъ сильно контуженъ въ грудь и, несмотря на это, до конца оставался на полѣ битвы. По оставленіи французами Москвы онъ участвовалъ въ дѣлахъ при Тарутинѣ, подъ Малымъ Ярославцемъ, подъ Вязьмой и Краснымъ. За Бородинское дѣло З—нскій получилъ орденъ св. Анны 4-й ст. Послѣдующія кампаніи 1813—14 гг. предоставили ему новые случаи обнаружить свои боевыя дарованія. Находясь въ составѣ дѣйствующей арміи за границей, онъ сражался съ французами подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ, при истребленіи корпуса Вандамма подъ Кульмомъ; въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, стоя во главѣ эскадрона, произвелъ двѣ атаки на непріятельскую конницу гвардейскихъ корпусовъ, а по переходѣ за Рейнъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Шато-Бриеннѣ, Барь-Сюръ-Объ, Парижѣ и особенно отличился при Лобрессели и г. Труа. Здѣсь онъ произвелъ атаку съ однимъ эскадрономъ на три эскадрона французскихъ карабинеръ, разбилъ ихъ и гналъ до самаго города. Золотая шпага съ надписью «за храбрость» и чинъ подполковника были наградою за этотъ подвигъ, ордена св. Владимира 4 ст. съ бантомъ и св. Анны 2 ст.—за другія отличія въ сраженіяхъ съ французами. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ З—нскій до 1819 г. числился въ л.-гв. Конно-егерскомъ полку; потомъ восемь лѣтъ (1820—28 гг.) командовалъ Сибирскимъ уланскимъ полкомъ. 6 декабря 1827 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Во время Турецкой войны 1828—29 гг. командовалъ оставленными въ Петроградѣ дивизіонами легкой гвардейской дивизіи (1828 г.) и состоялъ для особыхъ порученій при главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества по военнымъ поселеніямъ. По окончаніи войны получилъ должность начальника штаба 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса; въ 1835 г. произведенъ былъ въ генераль-лейтенанты; въ 1838 г. назначенъ начальникомъ штаба инспектора всей поселенной (впослѣдствіи резервной) кавалеріи. 7 декабря 1841 г., за болѣзнь, уволенъ отъ службы и послѣ этого около четырехдцати лѣтъ находился въ отставкѣ. Въ 1855 г. онъ снова возвратился на службу и съ сентября по де-

кабрь 1855 г. состоялъ въ распоряженіи командующаго южной арміей генерала Лидерса. Заболѣвъ тифомъ, онъ скончался въ Николаевѣ. Тѣло его перевезено было въ имѣніе жены Великій Бурлукъ (Харьковск. губ.) и погребено здѣсь въ концѣ января 1856 г.

Какъ замѣчательно гуманный человекъ, З—нскій оставилъ о себѣ свѣтлую память среди всѣхъ знавшихъ его. Неподкупная честность, прямота и вѣрность данному слову были отличительными чертами стараго боевого генерала, который заставлялъ эти нравственныя основы и своимъ дѣтямъ. Въ качествѣ помѣщика З—нскій относился къ своимъ крестьянамъ съ исключительной заботливостью: устраивалъ больницы и выписывалъ врачей. Мудрая, неутомимая дѣятельность хозяина соединялась въ немъ съ великодушной щедростью: полученное имъ въ наслѣдство отъ отца имѣніе онъ цѣлкомъ отдалъ своимъ сестрамъ, заявивъ, что для него достаточно его жалованья. Вмѣстѣ съ той строгостью и стальной дисциплиной, которыми отличали дѣятелей Николаевской эпохи, въ З—нскомъ было много сердечности и снисхожденія къ людямъ.

Московскій отд. общ. архива гл. штаба, дѣло З ст. 1 отд. Инспект. д-та, 1841 г., № 1961, св. 1304. — *Е. Задонская*, «Быль XIX ст.» Харьковъ, 1908 г., стр. 387—397.

Задубскій, Федоръ Лазаревичъ, живописецъ и граверъ, родился въ 1725 году, съ малолѣтства обучался «рисовальному искусству» при инженерномъ вѣдомствѣ, въ которомъ существовалъ особый спеціальныи живописный мастеръ изъ иностранцевъ; на обязанности этого мастера, кромѣ исполненія нужныхъ живописныхъ работъ по вѣдомству, лежало обученіе нѣсколькихъ русскихъ малолѣткокъ рисованію и художеству для приготовленія изъ нихъ въ будущемъ такихъ же мастеровъ для вѣдомства. Можно же предположить, что З—скій обладалъ нѣкоторымъ талантомъ, такъ какъ при слѣдующихъ работахъ во дворцахъ онъ требовался канцеляріей отъ строеній въ помощь дворцовымъ живописцамъ. Въ 1748 и 1754 годахъ З—скій работалъ подъ руководствомъ извѣстнаго живописца Елизаветинскихъ временъ Перезинотти, причемъ въ 1754 году въ лѣтнемъ дворцѣ (находившемся на мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка) «въ новопостроенной гал-

дереѣ исполнялъ живописныя работы подѣ потолкомъ». Затѣмъ онъ рисуеъ и гравировеъ «Изображеніе Иллюминаціи, представленной Ея Императорскаго Величества въ Высочайшее тезоименитство. Сентября 5 дня 1756 года». Это гравюра была исполнена имъ по обязанности службы, какъ рисовальнаго мастера при инженерномъ вѣдомствѣ и по всей вѣроятности представляла собою изображеніе той иллюминаціи, которую инженерное вѣдомство устроило передъ своимъ помѣщеніемъ 5 сентября 1756 года. Но, видимо, гравированіе было для З—скаго не только обязанностію по службѣ, онъ имъ занимался и для себя; такъ, имъ наградивана одна изъ 15 картинъ къ извѣстной притчѣ «Судъ Шемякинъ»; на этой картинкѣ изображенъ сидящій за столомъ Шемяка и стоящіе передъ нимъ истецъ и отвѣчикъ. Подъ гравюрою надпись: «Изобразилъ Федоръ Задубской». Кроме того, З—скій занимался обученіемъ рисованію кадетъ инженернаго корпуса.

Съ 29 сентября 1768 года З—скій временно замѣнилъ одного изъ депутатовъ Комиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Въ дневной запискѣ этой Комиссіи подѣ вышеуказаннымъ числомъ записано: «Слѣдующіе господа депутаты сдали свое депутатское званіе на время: Уфимской провинціи отъ черемисъ Якимъ Бекбетовъ артиллерійскаго и инженернаго корпуса рисовальному учителю подпоручику Федору Задубскому». Кака-то неизвѣстная для насъ близость З—скаго съ депутатомъ отъ черемисъ Уфимской губерніи позволяетъ высказать предположеніе, не былъ ли З—скій родомъ изъ Уфы.

Успенскій, «Словарь живописцевъ», стр. 82.—*Ровинскій*, «Словарь гравировъ», стр. 336.—«Сборникъ Имп. Истор. Общества», т. 36, стр. 68; т. 60.—«Старые Годы» 1911 г., февраль, 17.—*Де-Губерти*, «Материалы», т. II, стр. 526. *П. Столманскій*.

Заулинъ, Иванъ Петровичъ, театральнй дѣятель, родился въ 1857 году. Съ юношескихъ лѣтъ, питая большую страсть къ театру, З—линъ на 19-мъ году уже сдѣлался актеромъ и началъ странствовать по Россіи, играя небольшія роли на провинціальнхъ сценахъ. Периодически возвращаясь въ Петроградъ, онъ игралъ на клубнхъ сценахъ и хотя не пользовался репутаціею выдающагося ар-

тиста, тѣмъ не менѣе былъ актеромъ толковымъ и страстно преданнымъ театру. Желаніе руководить драматическою сценой всегда было его мечтою, и публика видѣла его послѣдовательно сначала распорядителемъ спектаклей на клубнхъ сценахъ, а затѣмъ и въ такихъ сравнительно хорошо поставленныхъ театрахъ, какъ Ораніенбаумскій. Когда же З—линъ пріобрѣлъ уже хорошую репутацію дѣльнаго администратора и режиссера, онъ самъ взялся за антрепризу. Ему хотѣлось во что бы то ни стало основать въ Петроградѣ частный драматическій и оперный театръ, и работалъ онъ въ этомъ направленіи много и упорно. Драматическая труппа уже играла у него нѣсколько сезоновъ, а въ 1892 году въ Панаевскомъ театрѣ появилась русская опера. Эта попытка З—лина явилась тѣмъ болѣе кстати, что Маріинскій театръ уже въ теченіе нѣсколькихъ сезоновъ не могъ удовлетворить всѣхъ желающихъ насладиться оперою. З—линъ не щадилъ усилий, чтобы поставить дѣло на твердую почву. Онъ разнообразилъ и репертуаръ, и составъ оперной труппы; на частной оперной сценѣ стали появляться новинки, обогатившія всѣ оперныя сцены Европы, но еще не дававшіяся на нашей Маріинской сценѣ. Интересную и оригинальную оперу «Паяцы» Леонковалло русская публика впервые услышала въ Панаевскомъ театрѣ. Тамъ-же появился «Другъ Фрица», двухъактная опера Юферова «Юланда», «Кроатка» Дютша и др.

З—линъ постоянно работалъ и на литературномъ поприщѣ. Онъ написалъ извѣстные водевили: «Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ» и «Семейная революція». Кроме того, онъ напечаталъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» и «Петербургской Газетѣ» много рассказовъ, сенокъ и проч. и выпустилъ сборникъ «Около женщинъ», выдержавшій два изданія. Скончался З—линъ въ Монтрѣ, въ Швейцаріи, въ 1893 году.

«Новое Время» 1893 г., № 6219.—«Историческій Вѣстникъ» 1893 г., № 3, стр. 558.—«Всемирная Иллюстрація» 1893 г., т. I, стр. 51.—«Новый энциклопедическій словарь» *Брокгауза и Ефрона*, т. 18, стр. 98.

Зайка, Владиміръ Денисовичъ, т. сов., директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Родился въ 1833 году, образованіе получилъ въ уни-

верситетѣ св. Владиміра, въ которомъ окончилъ курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Выступивъ въ 1856 г. на служебномъ поприщѣ въ Черниговѣ сперва въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ князѣ Голицынѣ, затѣмъ — секретаря губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Зайка обнаружилъ замѣчательную энергію и знакомство съ земскимъ дѣломъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ П. А. Валуевъ проѣздомъ черезъ Черниговъ обратилъ вниманіе на молодого, но уже пользовавшагося извѣстностью среди мѣстнаго населенія дѣятеля и предложилъ ему управлять отдѣломъ земскихъ дѣлъ, только что образованнымъ въ шестидесятыхъ годахъ при министерствѣ. Съ этого 1865 года началась служба Зайки по министерству внутреннихъ дѣлъ и продолжалась непрерывно 28 лѣтъ. При графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ Зайка былъ назначенъ въ 1881 г. директоромъ общихъ дѣлъ. Онъ оказалъ министерству свою дѣятельностью много услугъ. Какъ знатокъ законоположеній и опытный дѣятель, онъ былъ посредникомъ между бывшими при немъ министрами внутреннихъ дѣлъ и губернаторами и пользовался уваженіемъ послѣднихъ за готовность оказать имъ ту или иную услугу. Независимо отъ занятій по департаменту, Зайка принималъ дѣятельное участіе во многихъ комиссіяхъ, занимавшихся разсмотрѣніемъ вопросовъ государственной важности, главнымъ образомъ по внутреннему управленію. Въ послѣднее время онъ, между прочимъ, участвовалъ въ комиссіи по преобразованію Государственнаго банка. Полезная дѣятельность Зайки была отмѣчена многими наградами и орденами до ордена св. Александра Невскаго включительно. Скончался онъ 12 мая 1893 года.

«Новое Время» 1893 г., № 6179.

Зайковскій, Дмитрій Дмитріевичъ, доцентъ Московскаго университета, сынъ врача, родился 2 октября 1838 г., умеръ 23 марта 1867 г., образование получилъ въ 4-й Московской гимназіи и Московскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1860 г. докторантомъ опредѣлился ординаторомъ въ Голицынскую больницу въ Москвѣ. По защитѣ въ 1863 г. диссертациі на степень доктора медицины онъ отправился за границу слушать лек-

ціи по фармакологіи. Спустя два года, онъ возвратился изъ-за границы и былъ избранъ доцентомъ общей терапіи и врачебной діагностики въ Московскомъ университетѣ. Умеръ З-скій въ лабораторіи, отравившись синеродистымъ калиемъ. Онъ заявилъ себя слѣдующими печатными работами: «Наблюденіе надъ появленіемъ сахара въ мочѣ при жаждѣ и изслѣдованіе присутствія мочевины» («Моск. Медицинск. Газ.» 1858 г.); «Обозрѣніе современнаго движенія физиологій» (тамъ же); «Объ остановкѣ сердца in diastole подъ вліяніемъ раздраженія блуждающаго нерва и продолговатаго мозга прерывистымъ гальваническимъ токомъ» («Моск. Вѣд.» 1859 г., № 204); «О соляхъ мѣди въ медицинскомъ отношеніи» (доктор. диссертациа. М. 1863 г.); «Матеріалы для будущей фармакодинамики металлическихъ препаратовъ вообще и меркуріальныхъ въ частности» («Военно-Медиц. Журналъ» 1864 г., ч. 90); «Zur Frage über d. Arsenikwirkungen auf d. Organismus» («Zentralbl. f. med. Wiss.» 1865, № 23. Тоже по-русски: «Воен. Медиц. Журн.» 1865 г.); «Zur Diabetes-Frage» (тамъ же, № 49); «Ueber d. Fettmetamorphose nach d. innerlichen Gebrauch des Arsens, Antimon et Phosphor Virch.» (Арх. 1865, ч. 34); «Введеніе въ общую терапію» (Пробная лекціа. «Москов. Унив. Изв.» 1866—67 г.) и «О нѣкоторыхъ патологическихъ измѣненіяхъ въ животномъ организмѣ, наблюдаемыхъ при отравленіи ртутью и ея препаратами» (тамъ же).

«Московск. Медиц. Газета», 1867 г., №№ 7, 8.—«Иллюстрир. Газета», 1867 г., № 13.—«Медиц. Вѣстникъ», 1867 г., № 14.—«Голосъ», 1867 г., № 87.—«Москов. Унив. Извѣстія», 1866—67 гг., № 7.—*Геннадіи*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 22.—*Зимевъ*, «Русскіе врачи—писатели», вып. I, стр. 113.—*Сейдлеръ*, «Московская Голицынская больница». М. 1865 г.—«Московский Некрополь», т. I. *Степ.*

Зайковъ, Потапъ, штурманъ, составитель первой карты Алеутскихъ острововъ въ 1780-хъ годахъ. Извѣстно, что въ 1772 году онъ на борѣ «Св. Владиміръ» предпринялъ путешествіе изъ Охотскаго моря на Камчатку. Прозимовавъ въ устьѣ рѣки Воровской, З-ковъ, въ слѣдующемъ году, по вскрытіи рѣкъ, направился до втораго Курильскаго пролива и въ юль того же года присталъ къ островамъ Мѣдному и Атту, при чемъ описалъ

ихъ природу, климатъ и географическое положеніе. Въ іюлѣ 1775 года онъ отправился дальше къ острову Унимаку, гдѣ экипажъ его промышлялъ три года, между тѣмъ какъ З—ковъ занимался описаніемъ острововъ и исправилъ, между прочимъ, ошибку кап. Креницына, положившаго о. Унимаку и др. 5-ю градусами западнѣе. Видя здѣсь расположенность жителей Аляски къ русскимъ, З—ковъ при посредствѣ жителей острова Унимака, поддерживавшихъ сношеніе съ Аляскою, пытался обратить ихъ въ русское подданство, и попытка эта увѣчалась частичнымъ успѣхомъ: въ бытность тамъ англійскаго капитана Кука, на вопросъ жителямъ, подъ какою державою они находятся, послѣдніе, въ знакъ своей зависимости отъ Россіи, показывали расписки въ приѣмѣ звѣрей, данныя имъ отъ З—кова. Послѣ этого З—ковъ отправился къ острову Исаноку; описавъ его, а равно и близъ лежащіе острова Саннахъ, Унгину и Кадьякъ, онъ двинулся обратно къ островамъ Унимаку, Атту и Коммандорскому, а оттуда въ устье Охотскаго порта, куда прибылъ 23 іюля 1778 года, привезя съ собою, кромѣ ясака, принадлежащаго казнѣ, много мѣховъ. Въ 1783 году З—ковъ, видѣвшій въ Камчаткѣ карту Кука и слышавшій отъ его спутниковъ о Вилліамовѣ проливѣ, снова отправился къ американскимъ берегамъ и достигъ Чугацкаго залива. Промыслы и здѣсь шли удовлетворительно, но чутгачи неожиданно напали на промышленниковъ и заставили ихъ отступить къ Алеутской грядѣ.

«Мѣсяцесловъ историческій и географическій» на 1782 г., стр. 138—160.—Справочный энциклопедическій словарь *Старчевскаго*, 1855 г., т. 4, стр. 342.—Настольный словарь *Толля*, т. II, стр. 184.

Зайцевскій, *Алексій Яковлевичъ*, «богословъ» поморскаго старообрядческаго толка, Зарайскій купецъ, род. въ 1759 г., умеръ въ 1803 г. Павелъ Любопытный такъ характеризуетъ его: «Мужъ благочестивый, ученый, даровитый и твердаго духа, знатный писатель апологій противъ враговъ благочестія, утверждающихъ во еретическомъ крещеніи бытіе Святаго Духа и очищеніе первороднаго грѣха; отличный побѣдитель бракороства и заблужденія грубыхъ едосіянъ; не разъ торжественно поражавшій грубое заблужденіе

старообрядцевъ и слѣпоствующей *иттовщины*. Мужъ былъ тщательный въ созиданіи церкви и устройствѣ ея благолѣпія. Онъ былъ рѣдкій зодчій (построилъ Покровскую часовню въ Москвѣ, разрушенную въ 1837 г.), и знатный пѣвецъ своей церкви. Его отличные таланты гремѣли въ Москвѣ, Зарайскѣ и прочихъ странахъ у всѣхъ церквей старообрядства и у знатныхъ особъ вышняго круга. Онъ былъ славный заступникъ Христовой церкви и обличитель всѣхъ враговъ ея».

Его сочиненія: 1) «Книга о святомъ еретическомъ крещеніи, въ разныхъ родахъ расположенная подлинными изображеніями святыхъ отецъ и духомъ Христовой церкви разныхъ вѣковъ противъ зловѣрныхъ враговъ и глупцовъ, настоятельно утверждающихъ, что крещеніе, произведенное или каеолическою формою, или еретическимъ образомъ, отъ оныхъ церквей, оба имѣютъ въ себѣ наитіе Святаго Духа и ими первородный грѣхъ очищается»; 2) «Двадцать отвѣтовъ ревностнымъ любителямъ догматизма и обрядовъ Никона патріарха и содружниковъ Московскаго митрополита Платона, не разъ обозрѣвавшего оныя съ изумленіемъ»; 3) «Апология противъ заблужденія нечестивыхъ бракоростцевъ, отвергающихъ въ Христовой церкви вѣчность брачнаго бытія и утверждающихъ настоятельно, по грубости своей, что существо супружеской тайны состоитъ въ пресвнтерскомъ вѣнчаніи, а не въ вѣчности объята сочетовающихся лицъ»; 4) «Разсужденіе о явномъ заблужденіи и упорствѣ старообрядцевъ, о ихъ суевѣрномъ благоговѣніи и привязанности къ бѣгствующему священству, нечестивой и ложной хиротоніи вѣшнихъ»; 5) «Сужденіе о бытіи въ мірѣ антихриста и нѣкоторыхъ его отношеній, клонящихся болѣе до обоюднаго мышленія, духовнаго и чувственнаго»; 6) «Пять отвѣтовъ Павлу Онуфріевичу Любопытному, усвоившихъ израженіе благочестивый не единственно каеолику, но и вѣшнимъ»; и 7) «Объясненіе Московскому митрополиту Платону о законномъ бракосочетаніи Московскаго купца Василя Ѳедорова Моница, учиненнаго по обряду Поморской церкви». По свидѣтельству Любопытнаго, З—кій оставилъ и другія творенія въ прозѣ и стихахъ, но они не дошли до насъ.

И. Поповъ, «Сборникъ для исторіи старообрядчества» (т. II. М. 1866 г., каталогъ

П. Любопытнаго).—*Θ. В. Ливановъ*, «Раскольниковы и острожники», (т. IV, каталогъ П. Любопытнаго. Спб. 1873 г.).—*В. Г. Дружининъ*, «Писанія русскихъ старообрядцевъ» (Спб. 1912 г.) *Михайловъ*.

Зайцевскій, Ефимъ Петровичъ, поэтъ, капитанъ 1 ранга. Род. въ 1801 г., ум. въ Неаполѣ 1861 г. Въ 1817 г. произведенъ былъ въ гардемарины Черноморскаго флота. въ 1819 г. получилъ чинъ мичмана. Во время Турецкой войны 1828 г. крейсеровалъ на кораблѣ «Парижъ» съ флотомъ у Анапы и Варны, при чемъ участвовалъ подъ Варною въ вырѣзкѣ турецкихъ судовъ и во время осады этой крѣпости находился въ траншейныхъ работахъ; затѣмъ, командуя сотнею матросовъ-охотниковъ, первымъ ворвался въ крѣпость и былъ раненъ пулею въ руку. За этотъ подвигъ 3—скій былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса и получилъ 2.000 руб. на излѣченіе раны. За другія отличія ему были пожалованы: орденъ св. Владимира 4 ст. съ бантомъ, золотое оружіе съ надписью: «за храбрость» и чинъ капитанъ-лейтенанта. Въ 1846 г. 3—скій произведенъ былъ въ капитаны 2 ранга; съ 1851 по 1853 г. занималъ должность генеральнаго консула въ Сициліи, а 28 іюля 1853 г. назначенъ былъ состоять при миссіи въ Неаполѣ.

Въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время 3—скій предавался литературнымъ занятіямъ; писалъ онъ преимущественно элегическія стихотворенія, оригинальныя и переводныя, помѣщая ихъ во многихъ журналахъ и альманахахъ. Изъ стихотвореній его извѣстны слѣдующія: «Весна» («Полярная Звѣзда» 1825 г., стр. 111), «Абазія» (ib., стр. 112), «Одесса» (Изъ письма Г-му) («Невскій альманахъ» 1826 г., стр. 264), «Антологическій отрывокъ» (ib., стр. 274), «Къ С*** (При извѣстіи объ отъѣздѣ его въ Грузію)» (ib., стр. 281), «Черное море» (ib., 1827 г., стр. 76), «Возвращеніе съ моря» (ib., стр. 102), «Весна» (ib., стр. 161), «Вечеръ въ Тавридѣ» (ib., 1828 г., стр. 312), «Учанъ-су» (Посвящается Аннѣ Евстафьевнѣ Удомѣ) («Сѣверные цвѣты» 1828 г., стр. 32), «Б. Ф. Р—ой» (ib., 1829 г., стр. 27), «Къ нераспустившейся розѣ» (Въ альбомѣ ***) («Радуга» 1830 г., стр. 289. Перепечатано въ «Венерѣ» 1831 г., ч. II, стр. 142), «Денису Васильевичу Давыдову» («Литер. Газета» 1830 г., № 11), «Швейцарія». Отрывокъ

изъ письма въ *** («Телескопъ» 1832 г., ч. VIII, № 7, стр. 321—323), «Мнѣ говорятъ: страшныя оковы любви опасныя» («Весенніе цвѣты» 1835 г., стр. 210), «Пѣсня» (изъ собранія пѣсенъ русскаго моряка), посвящается флотамъ Балтійскому и Черноморскому («Маякъ» 1840 г., ч. III, стр. 136), «Полдень въ Венеціи» («Новоселье» 1845 г., ч. I, стр. 421), «Въ альбомѣ Е. И. К—ой» («Нов. Лит.», кн. XI, апрѣль, стр. 63), «Любовное размышленіе» (ib.), «Возвращеніе съ моря» (ib., вн. XI, май, стр. 131—132), «Элегія» (1824) (ib., стр. 188—189) и «Элегія» (ib., стр. 143—144).

«Общій морской списокъ», ч. VII, стр. 114.—Карточнй указатель *В. И. Саитова*.

Зайцевъ, Александръ Елоровичъ, родился въ Казани и происходилъ изъ податнаго сословія; высшее образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета въ 40-хъ годахъ. 3—цевъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Духовнаго Вѣстника», гдѣ помѣстилъ слѣдующія статьи: «Христіанскій подвигъ священника» (1864 г., т. VII, стр. 567—582), «Этюды изъ жизни сельскаго духовенства на Волынѣ» (1864 г., т. IX, стр. 409—429), «Нѣчто по вопросу объ улучшеніи быта православнаго духовенства» (1865 г., янв., стр. 358—363) и «Какъ рѣшается вопросъ объ улучшеніи быта православнаго духовенства (Картинка съ натуры)» (1865 г., т. XII, стр. 684—695). Кроме того, по даннымъ некролога въ «Кіевлянинѣ» 3-въ помѣщалъ случайныя корреспонденціи въ «Современномъ Листкѣ» и «Сынѣ Отечества». Скончался онъ 45-ти лѣтъ отъ роду въ ночь съ 10 на 11 сентября 1867 г. въ предмѣстьи города Луцка на Красномъ.

«Кіевлянинъ» 1867 г., № 124.—«Иллюстрированная Газета» 1867 г., № 45.—*Геннади*, Словарь, т. II.

Зайцевъ, Алексій Дмитріевичъ, генераль-майоръ, славный сослуживецъ Суворова, родился въ 1770 г. и по обычаю своего времени малолѣтнимъ былъ записанъ въ Азовскій пѣхотный полкъ; боевая дѣятельность 3-ва началась очень рано: семнадцатилѣтнимъ юношей онъ уже находился съ полкомъ въ походахъ за Кубанью (1787—1789) и доходилъ по черкесскимъ горамъ къ Черному морю до Анапы и Тамани. Во время внутреннихъ смутъ въ Польшѣ 1792 г., когда русскія

войска по просьбѣ Тарговицкихъ конфедератовъ были двинуты Екатериной II въ Польшу, сражался при м. Марѣ, находился при бомбардировкѣ и сдачѣ крѣпости Несвижской и затѣмъ участвовалъ въ битвахъ при Зельвѣ, Брестъ-Литовскѣ и Тирасполѣ. Разразившееся въ 1794 г. польское возстаніе вновь принудило русскихъ отправиться въ Польшу. З—въ, войдя въ составъ войскъ, предназначенныхъ для этой цѣли, подъ предводительствомъ Суворова двинулся въ Польшу и въ сентябрѣ мѣсяцѣ участвовалъ въ ожесточенной битвѣ при м. Крупчицахъ на Бугѣ, затѣмъ былъ въ дѣлахъ при Брестъ-Литовскѣ и Кобылѣ и въ ночномъ штурмѣ Варшавскаго предместья Праги. За мужество и храбрость въ послѣднемъ дѣлѣ онъ былъ пожалованъ золотымъ крестомъ и произведенъ въ прапорщики. Въ 1795 г. З—въ былъ произведенъ въ подпоручики съ переводомъ въ Полоцкій пѣхотный полкъ, изъ котораго вскорѣ вновь вернулся въ Азовскій пѣхотный полкъ и 9-го августа 1798 г. былъ произведенъ въ поручики. Въ 1799 г. во время войны съ французами З—въ за отличіе былъ произведенъ въ капитаны съ назначеніемъ бригадъ-маіоромъ въ корпусъ г.-л. Ребиндера, расположенный въ то время въ Италиі. Главное начальство надъ войсками было предоставлено Суворову, вызванному императоромъ Павломъ изъ своего новгородскаго уединенія и осыпанному милостями. Императоръ Австрійскій умолялъ прислать во главѣ вспомогательнаго корпуса именно Суворова, такъ какъ въ этомъ назначеніи онъ видѣлъ единственный благоприятный исходъ кампаніи и залогъ будущихъ успѣховъ союзниковъ. Совершивъ переходъ черезъ вост. Галицію, Венгрію и Штирію, З—въ прибылъ въ Италію, гдѣ принялъ участіе въ сраженіяхъ съ французами и находился при бомбардировкѣ и взятіи крѣпости Тортоноской и въ поискѣ непріятеля въ Генуэзскихъ горахъ. Одержавъ рядъ блестящихъ побѣдъ надъ французами, Суворовъ, вслѣдствіе происковъ Австріи, вынужденъ былъ оставить Италію и, согласно новому выработанному въ Вѣнѣ плану, двинуть свои войска въ Швейцарію на соединеніе со второй русской вспомогательной арміей Римскаго-Корсакова, которая въ половинѣ августа должна была придти въ Шафгаузенъ. Русскіе, постав-

ленные въ самое неудобное положеніе, осенью предприняли тяжелый переходъ черезъ гору С.-Готардъ, такъ какъ другіе болѣе доступные пути были уже заняты французами. Находясь среди этихъ неустрашимыхъ людей, предводительствуемыхъ гениальнымъ полководцемъ, З—въ сдѣлалъ легендарный переходъ, сопряженный съ тысячами лишеній и трудностей, потому что войскамъ приходилось двигаться по узкимъ тропинкамъ среди неприступной дикой природы. Потерявъ 2000 человекъ, погибшихъ во время пути и въ сраженіяхъ при Урзернѣ, Гертоволѣ, Моствѣ и Альторфѣ, лишившись всей артиллеріи и боевыхъ припасовъ, русскіе, наконецъ, достигли Муттенской долины, гдѣ атаквали врасплохъ и разгромили 70000-ю французскую армію, которая совершенно не допускала мысли, чтобы наши изнуренные, босые, утомленные тяжелымъ переходомъ солдаты осмѣлились напасть на нее. 30-го октября за труды, понесенные при переходѣ черезъ Альпійскія горы, и за отличную храбрость въ неоднократныхъ сраженіяхъ З—въ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 3 ст.; въ 1800 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и затѣмъ состоялъ лично при особѣ государя и по особой его милости былъ назначенъ въ томъ же году комендантомъ въ Выборгскую крѣпость съ оставленіемъ по арміи. Въ бытность свою Выборгскимъ комендантомъ З—въ, по предписанію начальства, соорудилъ въ Транзундскихъ проходахъ 9 батарей, предназначенныхъ для отраженія непріятеля съ моря; оборона ихъ всецѣло была предоставлена въ распоряженіе З—ва. Въ 1808—1809 г. З—въ съ успѣхомъ использовалъ эти укрѣпленія, за что и былъ награжденъ орд. св. Анны 2 ст. Въ 1809 г. въ чинѣ полковника онъ былъ переведенъ въ Роченсальмскую крѣпость комендантомъ съ назначеніемъ шефомъ бывшаго Роченсальмскаго гарнизоннаго полка. Въ 1812 г. З—въ по болѣзни былъ назначенъ въ Воронежскій внутренній гарнизонный баталіонъ и впоследствии былъ начальникомъ 2-ой бригады 6-го округа корпуса внутренней стражи. Въ 1828 г. за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-маіора, съ назначеніемъ окружнымъ генераломъ бывшаго 10-го округа, изъ котораго въ 1829 г. былъ переведенъ въ 5-й округъ того же корпуса. Въ 1831 г.

З—въ по прошенію былъ уволенъ отъ службъ съ мундиромъ и пенсіей полнаго оклада. Послѣдніе годы своей жизни З—въ провелъ въ Воронежѣ, занимаясь главнымъ образомъ благотвореніемъ бѣдныхъ, по дѣламъ которыхъ онъ принималъ на себя ходатайства, свято чтя старину и благоговѣя передъ ней. Часто въ кругу родныхъ и знакомыхъ З—въ любилъ вспоминать о походахъ и приключеніяхъ своей разнообразной жизни и о безсмертныхъ великихъ подвигахъ Суворова, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ. Ревностная служба З—ва была цѣнима какъ императоромъ Павломъ Петровичемъ, такъ и государемъ Александромъ I, жаловавшимъ его не только орденами, но и Высочайшими подарками; такъ онъ дважды удостоился получить алмазные перстни, первый разъ въ 1803 г. за благоустройство крѣпости Выборга и исправность въ караулахъ, а второй разъ въ 1806 г. за отличное содержаніе и устройство Выборгскаго военно-сиротскаго отдѣленія. Кромѣ того, за усердіе къ службѣ онъ въ 1805 г. получилъ золотую табакерку.

«Русскій Художественный Листокъ» *Тимама*, № 23. *И. Артамонова.*

Зайцевъ, Варволомей Александровичъ, публицистъ, критикъ, переводчикъ, видный сотрудникъ журнала «Русское Слово» въ 1863—1865 годахъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ крайне скудны. Родился З—въ въ Костромѣ 30 августа 1842 года. Отецъ его, занимавшій должность совѣтника Казенной Палаты, неоднократно мѣнялъ мѣста службы. Въ стѣ съ отцомъ мальчикъ переѣзжалъ изъ города въ городъ (Кострома, Варшава, Рязань, Житомиръ). Образование онъ получилъ домашнее, занимался хорошо и усердно и къ 16 годамъ приготовился въ высшее учебное заведеніе. Его по преимуществу интересовала исторія, но поступить ему пришлось на юридическій факультетъ Петроградскаго университета. Вскорѣ затѣмъ по семейнымъ обстоятельствамъ З—въ переѣхалъ въ Москву и здѣсь перешелъ на медицинскій факультетъ. Съ четвертаго курса однако (1862 г.) ему пришлось бросить университетъ, такъ какъ онъ сталъ кормильцемъ семьи (матери и сестры). Въ поискахъ заработка З—въ въ Петроградѣ познакомился съ Благосвѣтловымъ и съ 1863 года сдѣлался дѣятельнѣйшимъ и

виднѣйшимъ сотрудникомъ «Русскаго Слова». Съ переходомъ въ руки Г. Е. Благосвѣтлова «Русское Слово» съ начала 1863 года становится органомъ тѣхъ нарождавшихся теченій лѣваго радикализма, которыхъ пугали русское общество шестидесятью годовъ своимъ безмѣрнымъ отрицаніемъ всего существующаго и создали специфическое явленіе русской жизни, извѣстное подъ названіемъ «нигилизма». Но позицію передоваго радикальнаго журнала «Русскому Слову» пришлось отвоевывать у «Современника», который сдалъ ее лишь съ боя, и З—въ въ этой борьбѣ сыгралъ весьма видную роль. Въ періодъ 1864—1866 годовъ разразилась жестокая полемика между упомянутыми журналами. Со стороны «Современника» борьба начата была Щедринымъ, а съ декабря 1864 года, когда Щедринъ уѣхалъ изъ Петрограда, главнымъ борцомъ остался Антоновичъ, которому одновременно приходилось обороняться отъ трехъ сильныхъ противниковъ—Благосвѣтлова, Зайцева и Писарева. Борьба шла по коренному вопросу: кто, «Современникъ» или «Русское Слово», выразитель думъ и настроеній молодого поколѣнія? въ чьи руки перейдетъ руководящая роль Добролюбова и Чернышевскаго? правъ-ли Тургеневъ, изобразившій въ Базаровѣ молодое поколѣніе съ его новыми задачами и стремленіями, или Базаровъ—клевета на жизнь? Борьба велась съ глубокою страстностью и не считалась ни съ какими литературными приличіями: Щедринъ характеризовалъ направленіе сотрудниковъ «Русскаго Слова» «зайцевскою хлыстовщиною»; Антоновичъ назвалъ Благосвѣтлова «прихвостнемъ» Писарева и Зайцева, человекомъ, «загребаящимъ жаръ ихними руками». Словомъ, полемика въ литературномъ отношеніи приняла совершенно непристойный характеръ. Въ этой «литературной брани» З—въ принималъ самое дѣятельное участіе. Въ февральской книгѣ за 1864 г. «Русскаго Слова» онъ помѣстилъ статью «Глуповцы, попавшіе въ «Современникъ», гдѣ назвавъ Салтыкова «эксъ-администраторомъ», восклицаетъ: «Бросайте Добролюбова! Отвернитесь отъ Чернышевскаго: вѣдь васъ разбираетъ смѣхъ по поводу его романа «Что дѣлать?». Надо выбирать одно изъ двухъ: или идти за Чернышевскимъ, или смѣяться надъ нимъ». Въ

октябрь 1864 года З-въ двумя статьями: «Отвѣтъ Современнику» и «Славянофилы побѣдили» отмѣтилъ всю непристойность полемики Антоновича съ «Эпохой» Достоевскаго, на что Антоновичъ высокомерно спросилъ З-ва въ печати: «Неужели вы не захотѣли бы подписать ни одной изъ моихъ полемическихъ статей, ужели и вамъ кажется, какъ «Отечественнымъ Запискамъ», что моя полемика не требуется для блага отечества и не проливаетъ свѣта на міровые вопросы?» Въ «Библиографическомъ листѣ» за декабрь 1864 г. З-въ отмѣтилъ неблагопристойность полемическихъ приемовъ Антоновича, назвавшаго критику «Русскаго Слова» «бутербродомъ глубокомыслия.» Полемика въ концѣ концовъ такъ обострилась, что З-въ въ статьѣ «гг. Постороннему и всякимъ прочимъ сатирикамъ» (февраль 1865 г.) отъ имени Благовѣщенскаго, Писарева, Серно-Соловьевича, Шелгунова и своего опредѣленно указалъ: «означенныя лица (т. е. Благовѣщенскій и другія) не могутъ чувствовать ничего, кромѣ презрѣнія къ оппонентамъ изъ «Современника», которые грязнятъ наши дорогія убѣжденія, совершая подъ покровомъ ихъ свои славные подвиги». Антоновичъ-же, съ своей стороны, находилъ (въ мартѣ 1865 года), что «опасно полемизировать съ тѣми, которые могутъ послать въ вашу квартиру двухъ огромныхъ дѣтвнъ-гайдуковъ для вашего вразумленія, которые прибѣгаютъ къ такимъ краснорѣчивымъ увѣщаніямъ, что для удержанія ихъ требуются дворники и городовые». «Въ борьбѣ «Русскаго Слова» съ «Современникомъ», отмѣчаетъ исследователь этой литературной эпохи, обѣ стороны оказались виноватыми въ нарушеніи литературныхъ приличій, но побѣда, безъ всякаго сомнѣнія, осталась за тѣмъ журналомъ, въ которомъ работалъ Писаревъ. Это былъ моментъ настоящаго расцвѣта молодого журнала, въ которомъ и раньше статьи Писарева возбуждали всеобщій интересъ публики. Радикальное знамя было отбито у «Современника», и на полѣ журналистики «Русское Слово» могло считаться въ то время лучшимъ выразителемъ стремленій молодого общества.»

Въ «Русскомъ Словѣ» съ іюля 1863 года по іюль 1865 года З-въ помѣстилъ рядъ крупныхъ критическихъ и публицистическихъ статей: «Естествознаніе и

юстиція» (1863 г., № 7), «Гейне и Берне» (№ 9), «Взбаломученный романистъ» (разборъ романа Писемскаго «Взбаломученное море», № 10), «Бѣлинскій и Добролюбовъ» (1864 г., № 1), «Кающійся и не раскаявшійся фельетонистъ «Современника» (№ 4), «Перлы и алмазныя русской журналистики» (1864 г., № 6, 1865 г., №№ 2, 7), «Послѣдній философъ-идеалистъ» (1864 г., № 12), «Нѣсколько словъ г. Антоновичу» (1865 г., № 2), «Маколей» (по поводу выхода въ свѣтъ полного собранія сочиненій лорда Маколея. 1865 г., № 7). Кромѣ того, З-въ велъ здѣсь постоянный отдѣлъ подъ заглавіемъ «Библиографическій листокъ», пользовавшійся у читателей огромнымъ успѣхомъ. Всего съ іюля 1863 года по октябрь 1865 года имъ написано было около двадцати «Библиографическихъ листковъ». Этотъ отдѣлъ въ журналѣ имѣетъ огромное историко-литературное значеніе: въ немъ мы находимъ точный списокъ книгъ, вливавшихся въ голову тогдашней молодежи, въ немъ дана сводка идей и построений русскаго нигилиста. Кто хочетъ объяснить типъ Базарова, тотъ непременно долженъ обратиться къ «Библиографическому листку» З-ва. По внѣшней формѣ листки представляютъ собою бесѣду автора съ читателями по поводу книжныхъ новинкобъ. Авторъ одно рекомендуетъ читателю, отъ другого его предостерегаетъ, вскрываетъ и отличаетъ замаскированныя покушенія на руководство общественной жизнью такъ называемыхъ «филистеровъ». Листки написаны съ огнемъ и остроумно. Съ противниками по перу З-въ не церемонится и «раздѣлываетъ ихъ во-всю». «Библиографическій листокъ» былъ трехлѣтнею трибуною З-ва и пользовался огромною популярностью среди тогдашней молодежи. Чему-же училъ съ этой трибуны публицистъ? Вотъ къ чему сводились его основные взгляды.

Человѣкъ долженъ самъ строить свое міровоззрѣніе на началахъ разума и тѣхъ положительныхъ знаній, которыя даютъ естественныя науки. Довольно глядѣть на міръ по чужой указкѣ. Авторитеты стоятъ цѣлыя вѣка не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ ихъ считали непогрѣшимыми, а потому только, что недостаетъ храбрости высказать свое мнѣніе. И вотъ всѣ отъ мала до велика повторяютъ общія мѣста о такихъ автори-

татахъ, какъ Гете, Данте, Рафаэль; люди умные и ограниченные, ученые и невѣжды, развитые и неразвитые, образованные и необразованные, люди самыхъ разныхъ направленій, убѣжденій, вкусовъ—всѣ одинаково восторгаются произведеніями Гете, Данте, Рафаэля. И какъ скоро явится человѣкъ, который громко скажетъ слово противъ авторитета, то со всѣхъ сторонъ подымутся крики о его невѣжествѣ, глупости, непониманіи высокаго.

Пора отбросить многіе условные предразсудки. Всѣ ученія о духѣ человѣка, о таинственномъ сверхчувственномъ мірѣ, всѣ отвлеченныя сложныя построенія, которыми наполнена философія, затемняютъ лишь мышленіе человѣка.

Много зла на свѣтѣ отъ того, что общественный бытъ, по самому своему устройству, лишаетъ большинство возможности удовлетворять естественнымъ нуждамъ и требованіямъ своего организма, но много также зла и вреда происходитъ отъ невѣжества и предразсудковъ, препятствующихъ человѣку пользоваться тѣмъ немногимъ, что даетъ ему его общественное положеніе.

Любопытный примѣръ живучести предразсудковъ и совмѣстимости грубаго невѣжества съ обширными знаніями представляетъ намъ вопросъ объ отношеніи человѣка къ природѣ. Ни одинъ, не говорю, замѣчаетъ З—евъ, естествоиспытатель, но никто изъ образованныхъ людей не будетъ оспаривать истины, что человѣкъ есть прежде всего животное. Между тѣмъ не только образованные люди, но и самые зоологи упорно отрицаютъ всякую естественную связь между царемъ природы и остальнымъ животнымъ міромъ. Они настаиваютъ на томъ, что человѣкъ и прочія животныя раздѣляются глубокою пропастью и что видѣтъ между ними ту связь, которая соединяетъ между собою не только всѣ ступени животнаго міра, но и этотъ послѣдній съ растительнымъ—значитъ унижать человѣка. Лишь тогда будетъ вполне ясно высшее положеніе человѣка, когда онъ примкнетъ къ ряду организмовъ; его превосходство ясно опредѣлится такимъ сопоставленіемъ. Между тѣмъ какъ теперешнее его положеніе ничего не доказываетъ, потому что лишено всякаго научнаго основанія. Какъ скоро люди согласились, что и они животныя, имъ надо понять, почему это такъ и въ какихъ отношеніяхъ нахо-

дятся они къ прочимъ существамъ. Что же касается до униженія чести, подобающей царю животныхъ, то ужъ это слишкомъ старая пѣсня. Но невѣжество старо, почему же и не пѣть ему старыхъ пѣсенокъ? Пора уже строить свое міропониманіе на естественныхъ наукахъ.—Много зла принесли человѣчеству и фальшивыя эстетическія представленія. Пришло время трезво взглянуть на искусство вообще, поэзію и театръ въ частности. Вполнѣ прекраснымъ можно назвать такое произведеніе, въ которомъ глубокой, честной и умной взглядъ на предметъ, имѣющей важность для наиболѣе обширнаго числа людей, высказанъ въ удобной и красивой формѣ. Предметъ, о которомъ говоритъ авторъ,—вещь сама по себѣ второстепенная; для каждаго читателя онъ важенъ потому, что можетъ интересовать его или нѣтъ; но самъ по себѣ онъ только тогда лишаетъ сочиненіе всякаго достоинства и дѣлаетъ его никуда негоднымъ, если совершенно лишентъ всякаго интереса для кого бы то ни было. Таковы предметы большей части лирическихъ пѣснопѣній. Последнее мѣсто въ произведеніи занимаетъ форма, потому что человѣкъ, произносящій свое сужденіе о произведеніи только на основаніи формы его, уподобляется Петрушкѣ Чичикова. Нельзя восхищаться звучными рифмами и вышпенными сюжетами; но еще нельзя отрицать достоинства литературнаго произведенія за то только, что оно написано стихами, а не прозой, выражаетъ мысли въ формѣ возваній и картинъ, а не строгихъ силлогизмовъ и вычисленій.

Исходя изъ такихъ взглядовъ на достоинства литературныхъ произведеній, З—евъ къ большинству нашихъ писателей относился отрицательно. Поэзія въ глазахъ З—ва оторвана отъ жизни и безсодержательна. Исключеній изъ общаго правила среди поэтовъ, по его мнѣнію, немного. Къ числу ихъ относится Некрасовъ. Онъ имѣетъ полное право на названіе мыслителя. Мало того, это мыслитель глубокой и честной. Въ основѣ его лежитъ высокая гуманность и любовь къ родинѣ. Его любовь къ родинѣ не имѣетъ ничего общаго съ тою любовью къ отвлеченному представленію отечества, которая породила патріотическія стихотворенія Жуковского, Розенгейма и Майкова. Некрасова можно назвать народнымъ поэтомъ, ибо герой

его пѣсенъ одинъ русскій крестьянинъ. Онъ не «поетъ» его, а думаетъ о немъ, о его бѣдахъ и горѣ, не ограничивается объективнымъ изображеніемъ страданія, но мыслить о немъ и мысли свои, глубокія и свѣтлыя, передаетъ въ прекрасныхъ, свободныхъ стихахъ, въ которыхъ безъ натяжекъ укладывается народная рѣчь и которые чужды поэтическихъ метафоръ и аллегорій. По предмету своему, по своему герою стихотворенія Некрасова не имѣютъ равныхъ во всей русской литературѣ. Идеаль Некрасова не имѣетъ ничего общаго съ идеалами другихъ поэтовъ: онъ не фантастическій какой-нибудь, а возможный, необходимый, несомнѣнный. Идеаль этотъ построенъ на идеяхъ любви и благосостоянія и выраженъ въ самой осуществимой формѣ.

Появленіе въ свѣтъ въ 1864 году перваго тома сочиненій Н. Г. Помяловскаго 3—въ отмѣтилъ слѣдующей тирадою: «оно (т. е. появленіе перваго тома) можетъ служить нѣкоторымъ противоядіемъ противъ господствующаго направленія той беллетристики, которая началась «Взбаломученнымъ моремъ» и продолжается романомъ «Некуда». Вонь, распространенная этими цвѣтками нашего беллетристическаго Парнасса, требовала нѣкотораго очищенія. Помяловскій даетъ возможность читающей публикѣ освѣжиться отъ такой гнили, въ которую завели любителей легкаго чтенія гг. Писемскіе, Ключниковы, Стебницкіе и ихъ поддѣвалы.»

Въ числѣ ложныхъ убѣжденій, коренящихся въ обществѣ, по мнѣнію 3—ва, одно изъ самыхъ распространенныхъ то, что будто бы театръ способствуетъ развитію общества. 3—въ отрицаетъ воспитательное значеніе театра, находя его скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Да и вообще польза и искусство, по его словамъ, понятія, взаимно исключаютія, а теперь общество находится еще въ такомъ положеніи, что ему вредно все, что бесполезно.

Общую характеристику міровоззрѣнія 3—ва умѣстно заключить словами Базарова: «Природа—не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ».

Обращаясь къ собственно-литературнымъ приѣмамъ критической дѣятельности 3-ва, приходится отмѣтить, что онъ опредѣленно принадлежалъ къ такъ называемой этической или утилитарной школѣ, во главѣ которой стоялъ Бѣлинскій «Петербургскаго»

періода. Основаніе этой школы положилъ Бѣлинскій статьей «Очерки литературы Гоголевскаго періода». Къ ней принадлежали Добролюбовъ, Антоновичъ, Писаревъ, Шелгуновъ, Ткачевъ и др. Школа рѣшительно отвергала самодовлѣющую эстетику и проповѣдовала принципъ искусство для жизни. 3—въ, напримѣръ, совершенно не понималъ, что дѣннаго можетъ найти человѣкъ въ драмахъ Эсхила? «Однако все еще встрѣчаются люди, говоритъ онъ, которые о такихъ вещахъ, какъ драмы Эсхила, не могутъ говорить безъ благоговѣнія и не приходя въ восторгъ. Такія лица или изъ нелѣпаго приличія притворяются, или, несмотря на свой возрастъ и полъ, принадлежатъ къ старымъ бабамъ».

Незадолго до правительственнаго запрещенія въ 1866 году «Русскаго Слова» 3—въ вмѣстѣ съ Соколовымъ вышелъ изъ состава соотрудниковъ: причиной ухода были пререканія съ Благосвѣтловымъ, оглашенныя имъ даже въ печати. По выходѣ изъ состава редакціи «Русскаго Слова» въ концѣ 1865 года, 3—въ переживалъ въ Петроградѣ очень тяжелое время; арестъ послѣ выстрѣла Каракозова, четырехмѣсячное пребываніе въ крѣпости, ревматизмъ, отсутствіе опредѣленнаго заработка вынудили 3-ва стремиться за границу. Въ мартѣ 1869 года онъ получилъ заграничный паспортъ и выѣхалъ въ Парижъ. Съ этого момента связи его съ Россіей и русской журналистикой начинаютъ постепенно тускнѣть.

Еще до своего отъѣзда за границу 3—въ, хорошо знавшій языки (французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій, испанскій и латинскій), усердно занимался переводами и изданіемъ книгъ, работая въ крупнѣйшихъ тогдашнихъ издательствахъ Вольфа, Полякова, Тиблена. Выборъ книгъ для перевода естественно опредѣлялся основными убѣжденіями его. Въ періодъ времени до 1870 года имъ былъ переведенъ и изданъ дѣлйй рядъ книгъ по исторіи, естествознанію и культурѣ: «Возстаніе Нидерландовъ» Мотеля, «Исторія крестьянской войны въ Германіи» Циммермана, «Философія исторіи» Фр. М. Вольтера, «Капиталъ» Маркса, «Левіафанъ» Гобса, «Очеркъ литературы и культуры XIX столѣтія» І. І. Гонеггера, «Новая Америка» Диксона, «Духовныя жены» Диксона, «Исторія свѣчки» М. Фарадея, «Сочиненія Фердинанда Лассала». Кромѣ того,

онъ редактировалъ переводъ «Всемирной истории» Шлоссера, гдѣ съ X т. смѣнилъ Чернышевскаго.

Съ 1869 года З-въ безвыѣздно жилъ за границей. Условія жизни были для него нелегки: скудные уроки, скудный литературный заработокъ, постоянный ревматизмъ создали печальную матеріальную обстановку. З-въ блуждалъ по Европѣ: жилъ и въ Женевѣ, и въ Туринѣ, и въ Ловарно, и въ Ментонѣ, и въ Кларанѣ. Вездѣ его преслѣдовали нужда и бѣдность. За границей З-въ всѣми силами души отдался социализму и дѣлу рабочаго движенія. Онъ принималъ близкое участіе въ борьбѣ двухъ партій интернаціональ — международнаго союза социалистовъ въ Женевѣ, былъ однимъ изъ основателей итальянской (туринской) секціи интернаціонала, сошелся и подружился съ Бакунинимъ, біографію котораго писалъ частью по рассказамъ, частью подъ диктовку самого Бакунина и сотрудничалъ въ журналѣ «Общее Дѣло». Особое политическое міросозерцаніе заставляло З-ва держаться въ сторонѣ отъ русскихъ эмигрантовъ и постоянно выдерживать острую политическую борьбу.

Съ переѣздомъ за границу З-въ не разрывалъ окончательно съ русской журналистикой. Время отъ времени онъ помѣщалъ статьи на литературныя, общественныя и историческія темы въ «Недѣль», въ «Дѣль», въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Знаніи». Съ 1869 по 1878 годы имъ помѣщены, напримѣръ, въ названныхъ журналахъ статьи: «Средневѣковая демократія» («Дѣло» 1878 г., №№ 2, 3), «Тѣнь о революціи» («Отеч. Зап.» 1874 г., №№ 7, 8), «Испанія» («Недѣля» 1869 г., №№ 5, 8), «Франсуа Рабле и его поэма» («Отеч. Зап.» 1874 г., № 5), «Ульрихъ фонъ-Гуттенъ» («Знаніе» 1873 г., №№ 4, 6), «Цезарь и его твореніе» («Дѣло» 1870 г.), «Современная мораль» («Отеч. Зап.» 1874 г., № 2), «Очерки французской журналистики» («Отеч. Записки»). Но вообще въ русскомъ журнальномъ мірѣ З-ва стали забывать и даже относиться небрежно. Близкое З-ву лицо, написавшее его біографическій очеркъ, рассказываетъ въ этомъ отношеніи слѣдующіе любопытные факты. «Поселившись съ весны 1870 г. въ Туринѣ, гдѣ онъ прожилъ все время франко-прусской войны, З-въ перевелъ извѣстныя записки гарибальдійца «Красная

рубашка» (*Camicia rossa*), помѣщенный первоначально въ формѣ корреспонденцій съ театра войны въ «Gazzetta di Torino». Записки эти читались нарасхватъ въ Италіи; З-въ предложилъ ихъ въ «Отечественныя Записки», но редакція нашла, что онѣ не интересны и не современны, хотя онѣ предлагались въ концѣ 1870 и началѣ 1871 года, когда война еще шла. Случайно ихъ сообщили Некрасову, и онъ своею властью принялъ ихъ и помѣстилъ первую статью. Нѣчто подобное было раньше, именно въ 1869 году, во время общихъ выборовъ въ палату, происходившихъ во Франціи. Некрасовъ находился тогда въ Парижѣ и былъ у З-ва. Разговорились о выборахъ, и въ разговорѣ З-въ, тогда уже человѣкъ крайнихъ социалистическихъ воззрѣній, очень враждебно характеризовалъ дѣятельность Жюль Фавра, Жюль Симона, Эрнеста Цикара и др. корифеевъ тогдашней буржуазной республиканской оппозиціи. Некрасовъ, мало знакомый съ политикой, забывая, что въ Россіи эти имена еще были окружены ореоломъ, очень заинтересовался разсужденіями З-ва и кончилъ тѣмъ, что заказалъ статью о выборахъ именно въ томъ тонѣ. Статья была написана и послана, но редакція ея не приняла и отвѣтила длиннымъ письмомъ, гдѣ говорила, что «нельзя клеветать голословно и даже противно фактамъ обвинять такихъ заслуженныхъ бойцовъ свободы республики и народа, каковы Жюль Фавръ, Жюль Симонъ и Эрнестъ Цикаръ».

Въ послѣдніе годы своей жизни З-въ дѣликомъ ушелъ въ изученіе исторіи Востока и Греціи. Плодомъ его работы были два руководства всемирной исторіи: «Древняя исторія Востока» (Спб. 1879 г.) и «Древняя исторія Запада, Томъ I. Эллинская эпоха» (Спб. 1882 г.).

Скончался З-въ скоропостижно въ Кларанѣ лѣтомъ 1881 года, 39 лѣтъ.

З-ву не везло и послѣ смерти. Немногіе публицисты и изслѣдователи, мимоходомъ помянувшіе В. А., отзывались о немъ или небрежно, или даже грубо.

Глубоко отрицательный отзывъ о З-вѣ, его литературной дѣятельности и вообще писателяхъ «Русскаго Слова» далъ и Н. К. Михайловскій. «Я помню, рассказываешь онъ, одну карикатуру того времени въ «Искрѣ»: Салтыкову, очень похоже нарисованный, держитъ одною рукою зайца

(намекъ на сотрудника «Русскаго Слова» Зайцева), а другой рукой сбъчетъ его пучкомъ розогъ. Подпись изъ какого-то стараго стихотворенія: «Ужасный видъ! они сразились!» Это было очень смѣшно. Но въ общемъ совсѣмъ не смѣшна была эта потасовка, въ которой, впрочемъ, Салтыковъ принималъ очень мало участія. Не смѣшно, а горестно было это наглядное обмеленіе русла передовой литературы». Писаревъ, по мнѣнію Н. К. Михайловскаго, работалъ для образованія секты «реалистовъ» или «мыслящихъ пролетаріевъ». «Вообще какой-нибудь единой общей программы у «Русскаго Слова» не было. Вниманіе читателей приковывалось къ этому журналу, главнымъ образомъ, блестящимъ талантомъ Писарева и тѣми salto mortale (такъ Писаревъ однажды печатно, и конечно въ похвалу, назвалъ статьи Зайцева), которыя продѣлывали время отъ времени его сотрудники». «Что же касается разныхъ салто-мортале, то, въ общемъ, совершенно невинные въ политическомъ смыслѣ, они пугали «филистеровъ», и, кажется, это-то пуганье и было ихъ цѣлью. Однако оно имѣло и свою вредную сторону тѣмъ, что сбивало съ толку увлекающуюся молодежь».

Въ январскомъ номерѣ за 1895 годъ журнала «Сѣверный Вѣстникъ» напечатана была статья А. Волынскаго: «Расколъ въ радикальной журналистикѣ шестидесятихъ годовъ». Охарактеризовавъ борьбу «Современника» съ «Русскимъ Словомъ», изслѣдователь выясняетъ роль въ этой полемикѣ отдѣльныхъ писателей. Характеристика З-ва дана прямо жестокая. «Зайцевъ, человѣкъ мелкій, наглый и, при всѣхъ своихъ критическихъ и философскихъ претензіяхъ, невѣжественный, не увлекаясь ни въ какіе серьезные споры, бойко поддавалъ колѣномъ»... Эти незаслуженныя покойнымъ уже тогда З-вымъ оскорбительныя выраженія вызвали прокинувшую большую скорбю отповѣдь по адресу А. Волынскаго со стороны дочери З-ва, Маріи Вареломеевны. Въ № 6870 «Новаго Времени» за 1895 г. помѣщено было ея открытое письмо, въ которомъ Зайцева, указывая на голословность обвиненій, возводимыхъ на ея отца, ссылается въ защиту его на то, что самъ Волынский пишетъ въ своихъ литературныхъ замѣткахъ, а именно: что В. Зайцевъ «съ возмущеннымъ чувствомъ оскорбленнаго въ

своихъ лучшихъ симпатіяхъ человѣка», въ 1865 году, имѣя дѣло съ людьми *жизни*, не лишенными возможности ему возражать, оказался, заодно со своими литературными противниками, «виноватымъ въ нарушеніи литературныхъ приличій». Авторъ статьи «Расколъ въ радикальной журналистикѣ шестидесятихъ годовъ» ничего не могъ отвѣтить дочери В. А. и, дѣйствительно, ничего не отвѣтилъ, ибо З—въ и не былъ такимъ человѣкомъ, какимъ нарисовалъ его А. Волынский. Это былъ талантливый человѣкъ, блестящій публицистъ, обладавшій обширными познаніями въ области исторіи и естествознанія. Онъ умѣлъ бойко и выпукло ставить вопросъ, тонко и оригинально разработать и освѣтить тему. Слушателя онъ захватывалъ и вводилъ въ лабораторію своей мысли. Уродливости-же его писаній, задоръ и брань, негодованіе на традиціи и укладъ жизни принадлежали не столько самому З—ву, сколько его эпохѣ. Люди эпохи великихъ реформъ, разночинцы, широкою волною влившіеся въ общественную жизнь, съ пѣною у рта рвали съ прошлымъ и неудержимо искали новыхъ путей. Уродливое въ памяти потомства отпало; стремленіе-же въ свѣту, стремленіе обосновать жизнь на новыхъ лучшихъ началахъ, горячая любовь къ Россіи, знанію и правдѣ останется всегда типичною чертою того поколѣнія, къ которому принадлежалъ З—въ. Лично же ему всегда будетъ отведено определенное мѣсто въ исторіи русской литературы и просвѣщенія, какъ прототипу Базарова и какъ талантливому популяризатору знанія.

С. А. Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (Историко-литературный сборникъ)» СПб. 1897—1904, т. XI, стр. 209—218.—*Его же*, «Источники словаря русскихъ писателей.» СПб., 1910, стр. 414.—*Брокгаузъ-Ефронъ*, Словарь.—«Дѣло» 1882 г., № 2, стр. 154.—«Современныя Извѣстія», 1882 г., № 18.—*А. Скабичевскій*, Сочиненія, т. I и II (по указателю).—*Бурцевъ*, «Описание рѣдкихъ россійскихъ книгъ», т. V, № 1029.—*Толль*, Дополненія.—*Лыжковъ*, «Обзоръ», вып. II—III.—*Южаковъ*, «Соціологическіе этюды», т. 2.—*М. Антоновичъ*, «Современникъ» 1865 г., № 4, стр. 273—334.—*Посторонній Сатирикъ*, «Современникъ» 1865 г., т. 107, стр. 210—217.—«Русское Слово», 1865 г., № 2, стр. 59—62.—*Л. Оболенскій*, «Нѣчто объ идеалахъ, поэзій и Я. Полонскомъ.» «Русское Богатство» 1887 г., апрѣль, № 4, стр. 129).—*Н. К. Михайловскій*, «Литература и жизнь» («Русская Мысль» 1882 г., май, стр. 161, 165—166).—*М. А. Про-*

топоровъ, «Этива и Эстетина». («Русская Мысль 1893 г., кн. IV, стр. 130).—*А. Волынский*, «Расколъ въ радикальной журналистикѣ шестидесятихъ годовъ» («Сѣверный Вѣстникъ» 1895 г., № 1).—*М. Зайцева*, Письмо въ редакцію «Новое Время», 1895 г., № 6870.—*С. Н. Южаковъ*, «Изъ современной хроники» («Русское Богатство» 1895 г., № 2, стр. 171—173).—Списокъ русскихъ повременныхъ изданій съ 1703 по 1899 годъ со свѣдѣніями объ экземплярахъ, принадлежащихъ Библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ.—Библиографія русской периодической печати 1703—1900. (Материалы для истории русской журналистики). Составилъ и издалъ *Н. М. Лисовскій*. Петроградъ 1915 г.

А. Николаевъ.

Зайцевъ, Дмитрій, дьякъ, лѣтомъ 1493 г. посланъ былъ великимъ княземъ Московскимъ Иоанномъ (III) Васильевичемъ, вмѣстѣ съ Грекомъ Дмитриемъ Ралевымъ Палеологомъ, къ Датскому королю Иоанну «о любви и о братствѣ». Дѣло шло о размѣнѣ договорныхъ грамотъ, и порученіе великаго князя было удачно выполнено Палеологомъ и Зайцевымъ, такъ какъ лѣтописецъ говоритъ, что они «пешде, короля къ цѣлованію приведоша на докончальныхъ грамотахъ и грамоты розоимаша докончальные.» Лѣтомъ 1494 г. Зайцевъ вернулся въ Москву вмѣстѣ съ Датскимъ посломъ Давидомъ.

Полное Собр. Рус. Лѣт., т. VI, стр. 163, 164; т. VIII, 227, 228.—*Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. VI, стр. 229, прим. 366.

Зайцевъ, Иванъ Кондратьевичъ (1805—1887), художникъ, изъ крѣпостныхъ. Въ семьѣ Зайцевыхъ были и иконописцы, и маляры, и домашніе живописцы. Отецъ И. К. Зайцева исполнялъ у своего помѣщика рядъ обязанностей, начиная съ управителя до рисовальщика «неприличныхъ» картинъ. Видя въ своемъ сынѣ способности къ рисованію, онъ выпросилъ на колѣняхъ у своего господина позволеніе отдать сына для обученія въ рисовальную Арзамасскую школу Ступина, въ которой З—въ пробылъ съ октября 1823 года по 1827 годъ, когда долженъ былъ выйти изъ школы, такъ какъ господинъ его не заплатилъ ни копѣйки за его обученіе, несмотря на выговоренную плату. Судьба однако благоприятствовала З—ву; послѣ смерти перваго своего владѣльца онъ попалъ къ слѣдующему, который, живя въ Петроградѣ и видя способности З—ва къ рисованію, сперва отдалъ его въ дальнѣйшее обученіе

къ французскому художнику, а потомъ далъ (1830 г.) и отпускную для поступленія въ Академію Художествъ. Въ 1837 году З—въ былъ выпущенъ свободнымъ художникомъ, получивъ за время пребыванія въ Академіи Художествъ двѣ серебряныя медали 2-го достоинства, первую (1 мая 1834 г.) за автопортретъ, а вторую (24 декабря 1835 г.) за рисунокъ съ группы натурщиковъ. Занимаясь частными работами (3 образа для Орловскаго собора, 1836 г., копія портрета писателя И. И. Лажечникова, тогда же), З—въ женился на гувернанткѣ одного петроградскаго богатаго семейства, знакомство съ которой завелъ, когда былъ приглашенъ рисовать съ нея портретъ. Женитьба и недостатокъ средствъ заставили З—ва отказаться отъ чисто-художественной работы и перейти къ болѣе обезпечивающей педагогической дѣятельности. Онъ поступилъ учителемъ рисованія въ 1-й кадетскій корпусъ, въ которомъ пробылъ съ октября 1839 года по 1847 годъ, когда по болѣзни перевелся въ Полтавскій кадетскій корпусъ, гдѣ и провелъ всю остальную многолѣтнюю свою жизнь. Въ Полтавѣ З—въ принималъ большое участіе въ мѣстной жизни, при чемъ онъ былъ однимъ изъ создателей мѣстной женской гимназіи, въ которой преподавалъ рядъ лѣтъ безвозмездно рисованіе. Умеръ З—въ въ глубокой старости, 82 лѣтъ, оставивъ послѣ себя интересныя записки, напечатанныя въ «Русской Старинѣ» (1887 г., т. II), въ которыхъ заглачивается рядъ хотя мелкихъ, но интересныхъ подробностей, иллюстрирующихъ жизнь художника 30—50-хъ годовъ XIX столѣтія.

Кондаковъ, «Юбилейный сборникъ Академіи Художествъ», т. II, ст. 72 (неверно указанъ годъ поступления въ Ак. Худ.).—*Петровъ*, «Материалы», т. II, стр. 326, 331.—«Рус. Старина», т. 54, 1887 г., стр. 666 и сл.—«Старые годы» 1910 г., июль—сентябрь, ст. 31, 33, 75.
П. Столянский.

Зайцевъ, Иванъ, упоминается въ числѣ рѣзчиковъ, работавшихъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ въ 1740—41 годахъ по украшенію стараго Зимняго Дворца.

«Художественныя Сокровища Россіи» 1906 г., стр. 74.

Зайцевъ, Михаилъ Николаевичъ (1826—1873 г.), воспитанникъ Академіи Художествъ по классу архитектуры; 13 мая 1849 года получилъ серебряную медаль 1 достоинства за «проектъ Гости-

наго двора», въ 1850 году за проектъ «публичнаго гульбища» былъ удостоенъ золотой медали 2-го достоинства и въ томъ же году выпущенъ класснымъ художникомъ по архитектурѣ. Въ конкурсѣ на золотую медаль участвовали нѣсколько разъ, составляя проекты «казармъ Кирасирскаго полка на 6 эскадроновъ», «инвалиднаго дома на 1000 человѣкъ» и, наконецъ, 24 сентября 1853 г.—«главнаго почтамта въ столицѣ». Этотъ проектъ, будучи на выставкѣ Академіи Художествъ, обратилъ на себя вниманіе императора Николая I, который остался доволенъ этимъ проектомъ, а авторъ его былъ возведенъ въ званіе академика архитектуры. Съ 1854 года З—въ былъ профессоромъ архитектуры.

Кондаковъ, «Юбилейный сборникъ», т. II, стр. 331. — «Сборникъ Истор. Общества», т. 60. — *Петровъ*, «Материалы», т. III, ст. 103, 130, 132, 145, 146, 157, 171, 202, 209.

П. С—кій.

Зайцевъ, Михаилъ Яковлевичъ, генералъ-лейтенантъ, комендантъ Варшавской Александровской цитадели, происходилъ изъ дворянъ Харьковской губерніи, родился 12-го іюля 1806 г. и по окончаніи обученія въ Дворянскомъ полку (теперешнее Константиновское военное училище) поступилъ на службу прапорщикомъ въ батареиную № 1 роту 8-й артиллерійской бригады (1826 г.). Съ открытіемъ Турецкой кампаніи 1828—1829 гг. онъ былъ посланъ съ войсками въ Турцію, гдѣ былъ контуженъ гранатою въ правую ногу. Осенью того-же года З—въ участвовалъ въ осадѣ Силистріи, послѣ чего перешелъ въ Валахію. Во вторую половину кампаніи лѣтомъ 1829 г., вступивъ въ предѣлы Турціи подъ предводительствомъ Дибича, которому императоръ Николай Павловичъ поручилъ главное начальство надъ русскими войсками, двинулся къ Силистріи и вошелъ въ составъ наблюдательнаго корпуса, тогда какъ самъ главнокомандующій двинулся на югъ. Обложивъ крѣпость и отбивъ непріятельскія вылазки, русскіе въ іюнѣ мѣсяцѣ взяли Силистрію, послѣ чего перешли подъ Шумлу. Въ іюлѣ З—въ участвовалъ при отраженіи вылазки турокъ изъ крѣпости Шумлы, а осенью—въ осадѣ передовыхъ укрѣпленій Шумлы и въ разныхъ дѣлахъ съ турками, послѣ чего возвратился въ Россію. За свое участіе въ этомъ

походѣ З—въ былъ произведенъ въ подпоручики и награжденъ орд. Св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Во время польскаго возстанія 1831 г., весной, онъ участвовалъ въ страшномъ пораженіи мятежниковъ подъ городомъ Маріамполемъ и въ экспедиціи противъ поляковъ; въ іюнѣ и іюлѣ находился при усиленной рекогносцировкѣ въ окрестностяхъ Вильны и при преслѣдованіи разбитыхъ польскихъ отрядовъ, бѣжавшихъ въ Пруссію; съ іюля по сентябрь находился въ сраженіяхъ подъ Ковною и при занятіи этого города, послѣ чего, соединившись съ главной арміей, преслѣдовалъ непріятеля по направленію къ прусской границѣ. Произведенный въ 1838 г. въ поручики, З—въ въ томъ же году былъ назначенъ командиромъ фейерверкерской школы 2-й артиллерійской дивизіи, а въ 1845 г. произведенъ въ капитаны и назначенъ командиромъ легкой № 5 батареи 5-й артиллерійской бригады. З—въ принималъ также участіе и въ Венгерской кампаніи 1849 г. Перейдя подъ предводительствомъ графа Паскевича Карпатскія горы, онъ находился при рекогносцировкѣ непріятельской позиціи за г. Бартфельдомъ, при занятіи городовъ Эперіеша и Кашау, въ форсированномъ движеніи къ Вайцену, въ сраженіи у Тисса-Фюредъ, при переправѣ черезъ р. Тиссу, въ бою у Дебречина и при занятіи Гроссъ-Вардейна. За участіе въ Венгерскомъ походѣ З—въ былъ произведенъ въ подполковники (1849 г.) и пожалованъ орд. св. Анны 2 ст. съ мечами и австрійскимъ кавалерскимъ крестомъ Леопольда. Затѣмъ въ 1854 г. З—въ былъ произведенъ въ полковники, въ 1856 г. назначенъ командиромъ 6-ой артиллерійской бригады, въ 1864 г. за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ комендантомъ Варшавской Александровской цитадели, а въ 1876 г.—въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ въ настоящей должности. Скончался З—въ 17-го декабря 1876 г.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Послужной списокъ изъ дѣла 3-го стола 6-го отдѣленія за 1877 г., № 49.

И. Артамонова.

Зайцевъ, Михаилъ, авторъ «Оды на день восшествія на престолъ Его И. В. Г. И. Александра Павловича, 1803 г., марта 12 дня» (П. 1803)

Геннадіи, Словарь.

Зайцевъ, Никита (1791 г. † 21 мая 1828 г.), портретистъ миниатюристъ, ученикъ Академіи Художествъ съ 1800 года по 1 сентября 1815 года, когда былъ выпущенъ изъ Академіи Художествъ съ аттестатомъ 1-й степени; во время пребывания въ Академіи Художествъ получилъ за свои работы двѣ серебряныя медали. Изъ его работъ извѣстенъ миниатюрный портретъ «литейнаго и чеканнаго мастера Екимова», извѣстнаго литейщика Академіи Художествъ, отливавшего большинство статуи нашихъ художниковъ первой половины XIX вѣка.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1813 г., № 74.—*Кондаковъ*, «Юбилейный сборникъ», т. II., стр. 72.—«Сборникъ Имп. Ист. Общества», т. 60.—*Петровъ*, «Материалы», т. II, стр. 49, 70.

II. С.—*кій*.

Зайцевъ, Николай Лазаревичъ, экстраординарный профессоръ Кіевской дух. академіи. Родился въ г. Калугѣ въ 1836 г.; скончался 5 января 1872 года; былъ сынъ протоіерея; при блестящихъ дарованіяхъ шелъ первымъ ученикомъ въ дух. училищѣ, семинаріи и Петроградской академіи, гдѣ окончилъ въ 1859 г. курсъ со степенью магистра. По окончаніи курса полтора года состоялъ преподавателемъ словесности и латинскаго языка въ Калужской дух. семинаріи; затѣмъ отправился за границу для поправленія здоровья и для обзорнія, по предложенію вел. кн. Елены Павловны, женскихъ общинъ сестеръ милосердія. Въ 1867 г., по возвращеніи изъ-за границы, онъ назначенъ былъ бакалавромъ въ Кіевскую дух. академію на классъ педагогики; тамъ-же возложены были на него обязанности секретаря академической конференціи; чрезъ годъ онъ возведенъ былъ въ званіе экстраординарнаго профессора; съ 1869 г. преподавалъ еще нравственное богословіе и французскій языкъ. При свѣтломъ умѣ и многостороннемъ образованіи З—въ отличался самою живою воспримчивостію и искреннимъ сочувствіемъ ко всему доброму и разумному, горячимъ стремленіемъ къ дѣятельности, постояннымъ желаніемъ приносить пользу церкви, наукѣ и обществу. Его прекрасныя нравственныя качества.—мягкость и симпатичность характера, истинно-христіанская мирная и добрая настроенность духа, свѣтлый, нѣсколько идеальный взглядъ на жизнь,

искреннее сочувствіе ко всякой живой душѣ, всякой разумной мысли и всякому доброму дѣлу производили на окружающихъ глубокое впечатлѣніе и привлекали къ нему не мало искреннихъ друзей и почитателей, особенно въ кругу молодежи. Къ несчастію, онъ былъ крайне слабаго здоровья, много хворалъ во время ученья, на службѣ-же болѣзнь его (гніеніе костей) приняла такіе размѣры, что онъ иногда цѣлыя мѣсяцы и даже годы долженъ былъ оставаться безъ движенія; это обстоятельство вынудило его въ 1871 г. подать въ отставку. Интересы духовной литературы были ему ближе всего. Одно изъ первыхъ своихъ произведеній—«Объ индифферентизмѣ и вѣротерпимости» онъ напечаталъ въ «Духовной Бесѣдѣ» въ 1859 г., №№ 31—32; затѣмъ въ «Правосл. Обзорніи» въ 1860—1864 г.—«Христіанская церковь на Западѣ Европы въ средніе вѣка», «Современныя богословскія партіи въ протестантствѣ», «Письма изъ Германіи», «Сивекингская благотворительная община», «Общество попеченія о бѣдныхъ въ Парижѣ», «Педагогическія письма изъ Калуги»; въ 1865—1866 гг. въ «Калужскихъ епарх. вѣдомостяхъ» напечаталъ «Замѣчанія о школьной дисциплинѣ» (изъ Целлера) и «Очерки библейскихъ древностей» (переводъ съ нѣмецкаго; помѣщались отдѣльными статьями въ «Воскресномъ Чтеніи»; отдѣльно вышли въ 1869 году); помѣшалъ статьи и въ другихъ журналахъ: въ «Духѣ Христіанина», «Душеполезномъ Чтеніи», «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», «Трудахъ Кіевской духовной академіи» и «Воскресномъ Чтеніи» (которое нѣкоторое время и редактировалъ). Отдѣльно издано имъ: «Руководство къ начальному обученію для учителей народныхъ школъ» (по Куртману, Юрьевичу, Вгаишу, Riske и Palmer'у. Кіевъ. 1869 г. Оно состоитъ изъ двухъ частей: общей—обученія и частной—дидактики). Въ 1866 году имъ принято было отъ имени Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія въ Петроградѣ изданіе «Русскаго православнаго календаря» для распространенія въ народѣ въ популярномъ изложеніи религиозно-нравственныхъ и научныхъ свѣдѣній; изданіе прекрасное, вышедшее за два только года (1866 и 1867), но болѣе не продолжавшееся. Ему же принадлежатъ «Очерки быта древнихъ евреевъ»

и статьи «О законахъ нравственной жизни» (изъ Эттингена); даже лежа на одрѣ болѣзни, онъ написалъ нѣсколько листовъ—«Мои желанія на случай смерти».

«Правосл. Обзорніе» 1872 г., февраль.—«Правосл. Богослов. Энциклопедія», т. V.—*Родосскій*, «Біографич. словарь студентовъ Слб. Дух. Акад.»—«Калужск. епарх. вѣдом.» 1872 г., № 3.—«Исторія Кіевск. дух. Акад.»—«Всемирная Иллюстрація», т. VII, стр. 199.—*Чистовичъ*, «Исторія Петерб. духовн. академіи», т. 2.—*Геннадіи*, Словарь, т. II, стр. 22.—«Церковно-Общ. Вѣстн.» 1885 г., № 42.
К. Здр.—въ.

Зайцевъ, Степанъ Яковлевичъ (1758—1823), литейщикъ и орнаментистъ, 6-ти лѣтъ отъ роду былъ принятъ ученикомъ въ Академію Художествъ, 12-ти лѣтъ онъ уже перешелъ въ 4-ый возрастъ учениковъ и получилъ выполнение задачи «сдѣлать модель изъ воска одной чернильницы», затѣмъ исполнилъ модель «колонны» (1777 г.) и въ слѣдующемъ году, будучи въ 5-омъ возрастѣ, успѣшно выполнилъ «стѣнной шандаль». По окончаніи ученія въ Академіи Художествъ по классу «мѣднаго чеканнаго и литейнаго» дѣлабылъ литейщикомъ и орнаментистомъ.

«Сборникъ Истор. Общества», т. 60.—*Петровъ*, «Матеріалы», I, стр. 160, 207, 220, 227.
П. С.—кій.

Зайцевъ, Тихонъ Фроловичъ, принадлежалъ къ старинному зажиточному роду Вяземскаго купечества и велъ значительную торговлю въ родномъ городѣ. Въ 1811 г. онъ перенесъ свою торговлю въ Вильну, гдѣ и прожилъ до дня своей смерти. Хорошо образованный по тому времени, проникательный и одаренный честнымъ и отзывчивымъ сердцемъ, З—въ скоро обратилъ вниманіе на неприглядное положеніе русской народности и православія въ новомъ мѣстѣ своего жительства и рѣшилъ поработать съ пользою въ этомъ направленіи. Среди такого настроенія мыслей застали З—ва 1812 годъ и занятіе Вильны французами. Въ дѣлахъ быть полезнымъ небольшому кружку соотечественниковъ въ Вильнѣ онъ остался въ этомъ городѣ. Снискавъ расположеніе французскаго генерала Жомини, который находился въ Вильнѣ съ гарнизономъ, и пользуясь этимъ расположеніемъ, З—въ появлялся всюду, гдѣ нужно было спасать соотечественниковъ отъ разоренія и смерти или гдѣ нужно было удержать святотатственные руки враговъ отъ посягатель-

ства на цѣлость православныхъ храмовъ. Такъ, между прочимъ, по его ходатайству остался неприкосновеннымъ православный Свято-Духовъ монастырь въ Вильнѣ. Когда Наполеонъ былъ изгнанъ изъ Россіи, а Вильна очищена отъ разноплеменнаго непріятели, З—въ всецѣло посвятилъ себя служенію святой церкви, принявъ съ радостью на себя скромную должность церковнаго старосты въ Свято-Духовомъ монастырѣ. Отсутствіе православнаго кладбища въ Вильнѣ не могло не смущать спокойствія духа З—ва, и онъ рѣшилъ устроить его на собственныя трудовыя сбереженія. И вотъ въ двухлѣтній срокъ были воздвигнуты имъ въ Вильнѣ каменная церковь во имя св. Евфросиніи и каменный домъ для помѣщенія и содержанія инвалидовъ на пожертвованный имъ капиталъ, и проведена шоссевая дорога отъ почтоваго тракта до воротъ кладбища. За свои патріотическіе и человеколюбивые подвиги З—въ Всемиловствѣйше награжденъ былъ двумя золотыми медалями на шею. Скончался онъ 30 января 1839 года.

«Виленскій Вѣстникъ» 1870 г., № 9.

Заіончекъ, Іосифъ, князь, намѣстникъ Царства Польскаго, родился на Украинѣ въ 1752 г. и происходилъ изъ бѣдной дворянской семьи, которая не въ состояніи была позаботиться о его образованіи; юшескіе годы провелъ въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ воспитаніемъ его отчасти руководили Сапѣги, отчасти кружокъ мѣстной военной молодежи, въ среду которой рано попалъ З—къ. Впрочемъ объ этой эпохѣ его жизни сохранилось очень мало свѣдѣній; извѣстно только, что онъ находился въ рядахъ Барскихъ конфедератовъ, а когда волна конфедераціи силою русскаго оружія была подавлена, молодой З—къ, около 1773 г., оказался выброшеннымъ на берегъ Сены. Надо предполагать, что въ Парижъ онъ прибылъ вмѣстѣ съ возвращавшимися на родину французскими войсками, союзниками конфедератовъ. Здѣсь въ кружкѣ соотечественниковъ-эмигрантовъ онъ занялся пополненіемъ своего образованія, которое дѣйствительно было очень скуднымъ. Любопытный въ этомъ отношеніи эпизодъ рассказывалъ самъ З—къ впоследствии: вскорѣ по прибытіи въ Парижъ ему случилось въ одномъ изъ тамошнихъ музеевъ увидѣть прекрасную статую Венеры; не имѣя никакого пред-

ставленія о классическомъ искусствѣ, онъ принялъ ее за изваяніе Богоматери и положилъ предъ нею низкій земной поклонъ. Одаренный отъ природы недюжинными способностями, энергичный и увлекающійся, З—къ, однако, скоро сдѣлалъ большіе успѣхи въ своемъ развитіи, онъ усердно изучалъ французскую «просвѣтительную» литературу и одно время зачитывался творениями Руссо, который забросилъ въ него, по мнѣнію его противниковъ, первые зародыши его будущаго «якобинства». Врядъ ли, однако, это вліяніе на него французской литературы было такъ сильно; въ политическомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, онъ въ эти годы оставался консерваторомъ, что помогло ему сблизиться съ короннымъ гетманомъ Ф. К. Браницкимъ, около этого времени, по дѣламъ Рѣчи Посполитой, посѣтившимъ Парижъ. Браницкому понравился умный, энергичный и исполнительный молодой офицеръ, онъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ и увезъ съ собою въ Польшу. Здѣсь З—къ вскорѣ произведенъ былъ въ полковника и назначенъ командиромъ коннаго полка булавы «wielkiej koronnej». Благодаря покровительству короннаго гетмана, З—къ съ 1786 г. засѣдалъ на сеймѣ, въ качествѣ депутата отъ Подолии, и являлся здѣсь горячимъ защитникомъ правъ военнаго сословія на народное представительство. Врагъ короля Станисла-Августа, подобно многимъ своимъ современникамъ, онъ по вопросамъ политическимъ сперва былъ вполне солидаренъ съ Браницкимъ, стоявшимъ за сохраненіе въ Польшѣ стараго порядка. Постепенно, однако, пламенные рѣчи Коллонтая, одного изъ самыхъ выдающихся руководителей партіи реформы, увлекли и З—ка; «благо отечества», какъ полагалъ онъ, заставило его разойтись съ короннымъ гетманомъ и перейти въ лагерь его противниковъ. Разгоралась внутренняя борьба: партія реформы на сеймѣ 3 мая 1791 г. провела новую конституцію Рѣчи Посполитой; консервативные круги въ защиту правъ «золотой вольности» составили Тарговицкую конфедерацию во главѣ съ Браницкимъ, Фелиksomъ Потоцкимъ и полнымъ короннымъ гетманомъ Ржевусскимъ; они просили помощи у императрицы Екатерины II въ виду того, что новая конституція, вопреки договору 1768 г., была введена безъ согласенія съ Россіей. Въ 1792 г. императрица Екатерина по-

слала въ Польшу большое войско, которое должно было поддержать конфедератовъ. З—къ принималъ участіе въ этой междоусобной войнѣ въ чинѣ генералъ-майора и командовалъ дивизіей подъ начальствомъ Юсифа Понятовскаго, но послѣ присоединенія короля къ Тарговицкой конфедерации вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу. Второй раздѣлъ земель Рѣчи Посполитой (въ 1793 г.) и послѣдовавшее затѣмъ возстаніе побудили, однако, его вернуться въ Польшу. Онъ присоединился къ возставшимъ и принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ (въ 1794 г.), но, проигравъ битву подъ Холмомъ, отступилъ въ укрѣпленный лагерь подъ Варшавою, гдѣ, командуя лѣвымъ крыломъ польскихъ войскъ, удачно отражалъ приступы пруссаковъ; а по удаленіи непріятеля временное правительство, руководимое диктаторомъ Тадеушемъ Костюшкой, назначило З—ка президентомъ трибунала, установленнаго для суда надъ виновниками народнаго бѣдствія, и комендантомъ Варшавы. Между тѣмъ для усмиренія возставшихъ, на помощь генералу Ферзену, уже раньше посланному императрицей Екатериной въ Польшу, шелъ Суворовъ. Костюшка, задумавъ предупредить соединеніе Суворова съ Ферзеномъ, сразился съ послѣднимъ при деревнѣ Маціовицахъ, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ; мѣсто его занялъ генералъ Ваврецкій, поручившій З—чку оборону Варшавскаго предмѣстья Праги, къ которой подступалъ Суворовъ. Во время кровопролитнаго штурма Праги З—къ былъ раненъ ружейною пулей и отвезенъ въ Варшаву, откуда послѣ капитуляціи отправленъ былъ въ Австрію и нѣкоторое время содержался здѣсь въ качествѣ узника въ г. Ольмюцѣ. Политическіе враги З—ка несправедливо обвиняли его въ томъ, будто онъ сдалъ Прагу по партійнымъ соображеніямъ. Получивъ свободу въ 1795 г., З—къ уѣхалъ въ Парижъ и здѣсь издалъ анонимно свои воспоминанія о только что пережитомъ важномъ историческомъ моментѣ своего отечества,—это его «Histoire de la révolution de Pologne en 1794 par un témoin oculaire.» Одна глава этого труда посвящена описанію кампаніи 1792 г., и во всемъ сочиненіи слышится нота раздраженія противъ тѣхъ соотечественниковъ автора, которые объясняли послѣднія неудача, понесенныя защитникомъ Варшавы, его измѣною національнымъ интересамъ.

Въ Франціи З—къ поступилъ на военную службу, участвовалъ въ кампаніяхъ 1796—1797 гг. и при посредствѣ князя Сулковскаго зачисленъ былъ въ Египетскую экспедицію Наполеона, въ чинѣ бригаднаго генерала; въ Египтѣ онъ отличился при оборонѣ Александріи (въ 1801 г.), а по возвращеніи во Францію остался служить въ войскахъ республики. Наполеонъ, лично знавшій З—ка, бралъ его съ собою въ походы въ 1805 и въ 1806 гг. и послѣ битвы при Іенѣ назначилъ его генераломъ дивизіи такъ наз. Сѣвернаго региона, составленнаго преимущественно изъ поляковъ и находившагося подъ начальствомъ Юсіфа Понятовскаго. Въ 1807 г. З—къ находился съ французскими войсками въ Италіи; въ 1809 г., во время вторженія австрійцевъ въ княжество Варшавское, потерпѣлъ поражение подъ Едлинскомъ, а въ 1812 г., командуя одной пѣхотной дивизіей, вмѣстѣ съ арміей Наполеона вступилъ въ предѣлы Россіи: былъ при штурмѣ Смоленска, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, дошелъ до Москвы и послѣ крушенія плановъ Наполеона раздѣлили тягости отступленія великой арміи. При знаменитой переправѣ черезъ Березину, стоя во главѣ пятаго корпуса, З—къ 27 ноября вступилъ въ горячій бой съ авангардомъ генерала Чичагова и былъ раненъ гранатою въ ноги. Генералъ упалъ; онъ думалъ, что все кончено для него, и эту мысль даже высказалъ подоспѣвшему къ нему на помощь адъютанту. Взятый затѣмъ въ плѣнъ, онъ былъ отвезенъ въ царскихъ саняхъ въ Вильну, гдѣ ему пришлось ампутировать обѣ ноги. По выздоровленіи онъ былъ отправленъ, по однимъ извѣстіямъ, въ Кіевъ, по другимъ—въ Полтаву, но уже въ началѣ 1814 г. опять прибылъ въ Варшаву. Здѣсь онъ сталъ лично извѣстенъ вед. кн. Константину Павловичу и послѣдній вполне оцѣнилъ умъ и высокія нравственныя качества стараго генерала, который, будучи прикованъ къ креслу, тѣмъ не менѣе не терялъ бодрости духа и обнаруживалъ большую энергію. Великій князь привлекъ его къ засѣданіямъ военнаго комитета, учрежденнаго для устройства польскаго войска, послѣ присоединенія б. герцогства Варшавскаго къ Россіи; онъ часто бесѣдовалъ съ нимъ; они сблизились, и по желанію цесаревича З—къ уже въ концѣ 1814 г. былъ намѣченъ императоромъ Але-

ксандромъ Павловичемъ въ намѣстники Царства Польскаго; 27-го ноября 1815 г., ровно черезъ три года послѣ того, какъ сальная граната искалѣчила З—ка, состоялось это назначеніе къ общему удивленію всѣхъ и безграничному негодованію кн. Адама Чарторыйскаго, котораго всѣ думали видѣть на этомъ почетномъ посту. Въ 1818 г. З—къ былъ возведенъ въ княжеское достоинство. Въ качествѣ намѣстника Царства Польскаго онъ пользовался широкими полномочіями: предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ министровъ, которые имѣли только совѣщательный голосъ, руководилъ сеймомъ, наблюдалъ за администраціей края; ему принадлежало право помилованія по суду во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ смертныхъ приговоровъ. Онъ пользовался этой властью исключительно имѣя въ виду благо своего отечества, и какъ нѣкогда вѣрно служилъ дѣлу Рѣчи Посполитой, такъ теперь былъ преданнымъ слугою императора Александра и конституціи, дарованной императоромъ его народу. Онъ былъ доволенъ этой конституціей и полагалъ, что подъ ея покровомъ прежде всего надо заботиться о матеріальномъ довольствѣ страны и культурномъ ея развитіи. И дѣйствительно, благосостояніе Польши стало быстро возрастать. По словамъ самихъ поляковъ: «Польша никогда не была такъ счастлива, какъ въ эту пору», и если бы продолжала идти по этому пути, то скоро забыла бы 200 лѣтъ своей анархіи и стала бы на ряду съ образованнѣйшими государствами Европы.» Такъ думалъ и З—къ, но соотечественники не понимали или не хотѣли понимать его. Уже съ первыхъ лѣтъ своего намѣстничества онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ нѣкоторыми членами верховнаго совѣта, стремившимися не только извратить духъ «учредительной хартіи», но даже буквальный смыслъ ея. Такъ, напримѣръ, въ польскомъ переводѣ «органическаго статута» умышленно были измѣнены ими нѣкоторыя статьи, особенно статья 7-ая, касавшаяся отвѣтственности министровъ. З—къ не могъ согласиться на такое нарушеніе монаршей воли, и его неговорчивость возбуждала ненависть противъ него въ рядахъ оппозиціи. Темныя интриги враговъ довели его до того, что, по собственнымъ словамъ, онъ «дрожалъ» надъ каждой бумагой, подносимой ему для подписи. Въ числѣ недоброжелателей З—ка

находился и бывший любимец императора Александра I, кн. Адамъ Чарторыйскій, который всячески старался очернить намѣстника Царства Польскаго въ глазах монарха. «Генераль Заіончекъ, писалъ онъ государю, не имѣетъ ни воли, ни мнѣній, словомъ отказывается отъ всякой самостоятельности, какъ скоро заходитъ дѣло о великомъ князѣ (Константинѣ Павловичѣ). Потому-ли, что онъ считаетъ себя его креатурой, генераль убѣжденъ, что признательность его не должна имѣть никакихъ границъ, или потому, что во всѣхъ приказанияхъ великаго князя видитъ выраженіе воли Вашего Величества, — несомнѣнно только, что онъ подчинится до раболѣпія великому князю, если не будетъ остановленъ во время» «онъ готовъ нарушать конституцію ежедневно, если только это угодно великому князю». Несомнѣнно, что кн. Чарторыйскій имѣлъ, какъ сказано выше, свои личные мотивы къ ненависти и клеветѣ, но въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ и какъ представитель известной политической партіи, которой З—къ былъ негоденъ. Съ годами оппозиція увеличивалась; дѣлая сѣть тайныхъ обществъ покрыла Литву, Бѣлоруссію, Подолію; члены этихъ обществъ, агитируя повсюду, мечтали о возобновленіи вполнѣ независимой Польши, и дѣятельность намѣстника мѣшала осуществленію ихъ плановъ. З—къ возбуждалъ противъ себя запальчивыя обвиненія въ отсутствіи «патріотизма» только потому, что не былъ способенъ на интригу и презиралъ несбыточные мечтанія ложныхъ патріотовъ, а изъ изученія исторіи сдѣлалъ выводъ, что «если нельзя побѣдить нѣсколькихъ противниковъ, то нужно соединиться съ самымъ сильнымъ изъ нихъ». Характерно для него въ этомъ отношеніи, что еще въ 1812 г., состоя въ арміи Наполеона, обѣщавшаго возстановить Польшу, онъ не захотѣлъ пережѣнить французскаго мундира на польскій, говоря: «Все это не приведетъ ни къ чему, рано или поздно, а мы сдѣлаемся москалями». Впослѣдствіи подчинившись новому порядку вещей, З—къ вѣрно исполняя свой долгъ передъ императоромъ Александромъ I и его представителемъ въ Царствѣ Польскомъ—вел. княземъ Константиномъ Павловичемъ. Скончался З—къ въ Варшавѣ въ 1826 г. Ненависть враговъ пережила его, но еще хуже то, что и бывшіе друзья его отшатнулись отъ него.

Одинъ изъ нихъ, Нѣмцевичъ, даже опозорилъ его память недостойнымъ пасквилемъ.

Въ 1862 г. Жупанскимъ изданы были въ Познани «Воспоминанія» З—ка, раньше уже напечатанныя по-французски, — «Pamiętnik albo historia rewolucyi czyli powstanie roku 1794 przekładu H. Kozłataja» («Pamiętniki do XVIII w.», t. II). Кроме того, известны еще двѣ печатныхъ работы З—ка: «Organizacya sądow municipalno-wojskowych» (1794 г.) и «Zbiór krótki przyczyn i zdarzeń, które sprowadziły rozbiór Polski» (Варшава, 1812 г.).

«Album biograficzne zasłużonych polaków i polek wieku XIX», Варшава, 1903 г., т. II, стр. 430—439. — «Энциклопедыя Православная», Варшава, 1868 г., т. 28 и 1878 г., т. 1. — Военный энциклопедическій лексиконъ, т. V, стр. 512. — *Вел. кн. Николай Михайловичъ*, «Имп. Александръ I», т. I, стр., 171, 209; т. II, стр. 419. — *Шильдеръ*, «Имп. Александръ I», т. III, стр. 366, 402; т. IV, стр. 62, 332, 456. — *Е. М. Шекстеровъ*, «Польскія интриги въ первой четверти нынѣшняго столѣтія» («Русскій Вѣстникъ», 1866 г., № 7). — *Его-же*, «Польша послѣ 1815 г.» (тамъ-же, № 8). А. Г.

Заіончевская, Надежда Дмитриевна. См. **Хвоцинская** (псевдонимъ «В. Крестовскій»).

Заіончевскій, Юліанъ Гиларіевичъ, врачъ, сынъ чиновника Виленской губ., род. въ 1841 г., умеръ въ 1878 г. отъ тифа. Учился въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ въ 1869 г. получилъ степень доктора медицины; въ 1876 г. числился врачомъ въ Кексгольмскомъ гренадерскомъ полку. Ему принадлежитъ диссертация подъ заглавіемъ: «Zur künstlichen purulenten (und phlogistisch septischen) Blutalteration». Dorp. 1869.

Зимевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. IV, стр. 119.

Закревская, Аграфена Ѳеодоровна, графиня, единственная дочь графа Ѳедора Андреевича Толстого и супруги его Степаниды Алексѣевны, урожденной Дурасовой, женщины доброй, но очень мало образованной, родилась въ 1800 г. Натура пылкая и неуравновѣшенная, къ тому-же съ дѣтства избалованная чудачкомъ-отцомъ и бабушкой-старообрѣкой, графиня З—ская впослѣдствіи всегда страдала раздвоеніемъ воли: страстная любительница французскихъ романовъ, въ минуты огорченій она искренне молилась, творя крестное знаменіе по-старообрядчески «двумя перстами». Восемнадцати лѣтъ Аграфена Ѳеодоровна вышла замужъ за тридцати-

пятнадцатилетнего педанта Арсени Андреевича Закревского, тогда генераль-адъютанта, впоследствии возведенного в графское достоинство вел. княжества Финляндского. 18 июля 1826 г. у Закревских родилась их единственная дочь Лидия, но семейная жизнь как раньше, так и теперь не удовлетворяла Аграфены Федоровны. Она любила общество, предпочитая мужское, увлекалась сама и увлекала других. Своим «наперсником» она сдѣлала А. С. Пушкина, который, «сгорая пламенемъ любви, потупя голову ревниво», слушалъ ея «признанья», боясь, однако, «ихъ пламенной заразы», боясь узнать то, что знала эта молодая женщина, около этого времени (въ 1828 г.) увлекавшая и другого поэта—Баратынского. Попавъ въ ея «волшебныя сѣти», Баратынский воспѣвалъ безумный хохотъ своей «русалки», умѣвшей плакать, «какъ Магдалина», и удивлялся тому, какъ много она «въ немногo дней прожить, почувствовать успѣла». Бурная въ своихъ стремленіяхъ,

«Какъ беззаконная комета

«Въ кругу разсчитанныхъ свѣтилъ,» являлась она, по выраженію Пушкина среди свѣтскаго общества, не дорожа его мнѣніемъ и «ничѣмъ не стѣсняясь».

Живя впоследствии въ Москвѣ, куда мужъ ея въ 1848 г. назначенъ былъ военнымъ генераль-губернаторомъ, З—ская, какъ и въ сѣверной столицѣ и въ Финляндіи, гдѣ мужъ ея тоже былъ генераль-губернаторомъ, собирала вокругъ себя молодыхъ людей, вооружая противъ себя свѣтскихъ дамъ. Но не отказывая себѣ въ удовольствіяхъ, З—ская дѣлала много добра и другимъ; добрая до слабости, она помогала всѣмъ безъ разбора, широко пользуясь своимъ большимъ вліяніемъ на грознаго и недоступнаго для другихъ графа, рядомъ съ которымъ она была, какъ нельзя болѣе, на мѣстѣ. Подъ свое покровительство, вѣроятно по дѣтскимъ воспоминаніямъ, она брала и московскихъ раскольниковъ. Въ апрѣлѣ 1859 г. графъ Закревскій неожиданно былъ уволенъ со службы, и Аграфена Федоровна уѣхала съ нимъ въ Италію, гдѣ продолжала жить и послѣ смерти супруга (въ 1865 г.). Лѣтомъ она жила въ Ливорно, на зиму переезжала во Флоренцію, гдѣ и скончалась въ 1879 г.

«Русскіе портреты», изд. вел. кн. Николая Михайловича, т. I, № 94.—Собрание сочи-

неній Пушкина, подъ редакц. Венгерова, т. II, стр. 493; т. IV, стр. 266; т. V, стр. II—III, XXVII.

Закревская, Софья А., писательница. Ей принадлежитъ романъ въ письмахъ «Институтка» («Отечест. Записки», 1841 г., т. 19, № 12, отд. 3), повѣсть «Ярмарка» (тамъ-же, 1843 г., т. 26, отд. 1) и романъ въ 2-хъ частяхъ «Креницы» («Финскій Вѣстникъ», 1847 г., т. XX, XXI).

Кн. Голицынъ, «Библиографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 116.—*Бѣлинскій*, Собраніе сочиненій, т. VI, стр. 98.

Закревскій, Андрей Осиповичъ, т. с., сынъ кievскаго полкового есаула, впоследствии генеральнаго обознаго, Осипа Лукьяновича и супруги его Анны Григорьевны, урожденной Разумовской, сестры Малороссійскаго гетмана, родился въ 1742 г., воспитывался при дворѣ имп. Елизаветы Петровны и въ 1760 г. вмѣстѣ съ братомъ Григоріемъ и тремя двоюродными братьями посланъ былъ для завершения образованія въ Женеву. Здѣсь молодыми людьми руководилъ гувернеръ Дитцель, именовавшій своихъ питомцевъ князьями Таракановыми. По возвращеніи изъ-за границы З—скій въ 1764 г. вступилъ въ бракъ съ фрейлиной Выс. Двора М. И. Одоевской; въ это время онъ числился въ службѣ по гвардіи, затѣмъ перешелъ въ армію и около 1769 г., въ чинѣ полковника, вышелъ въ отставку. Въ 1774 г., вслѣдствіе представленія (отъ 10 іюля) собранія совѣта Имп. Академіи Художествъ президенту ея И. И. Бецкому о назначеніи директора Академіи, З—скій назначенъ былъ на эту должность, при чемъ назначеніе не художника мотивировалось тѣмъ, что ни одинъ изъ тогдашнихъ адъюнктовъ-ректоровъ Академіи, по уставу имѣвшихъ право на директорство, не былъ «свѣдущъ въ російскомъ языкѣ», между тѣмъ какъ все дѣлопроизводство велось по-русски. 4-го августа опредѣленіемъ совѣта Академіи З—скій былъ утвержденъ въ должности директора и пробылъ въ ней 10 лѣтъ. 17-го октября 1776 г., съ общаго согласія собранія совѣта, З—скому присужденъ былъ дипломъ (одинъ изъ двухъ) на званіе почетнаго академика Испанской академіи художествъ въ Валенсіи. 28-го іюня 1778 г. онъ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники, а 26 го іюля 1781 г., по именному Высочайшему указу, ему пожалована была «въ Петер-

бургскомъ округѣ на Выборгской сторонѣ, между дачъ Парголовои, Муриной, Тепловои и Головиной пустопорожжая казенная земля, мѣрою въ 746 дес. и 100 кв. саж.» Указомъ Правит. Сената отъ 11 мая 1784 г. 3-скій назначенъ былъ совѣтникомъ правленія банковъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій и уволился отъ должности директора Академіи Художествъ. Впослѣдствіи онъ въ чинахъ дѣйст. ст. сов. и т. сов. состоялъ председателемъ Медицинской коллегии (1789 г.) и одновременно былъ С.-Петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. 10 февраля 1789 г. 3-скій внесенъ былъ въ 1-ую часть родословной книги С.-Петербургской губерніи. Скончался онъ 6 февраля 1804 г. и погребенъ въ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Киевъ, 1910 г., т. II, стр. 112—113. — Дѣло Имп. Академіи Художествъ за 1774 г., № 43. — А. А. Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ» («18-й вѣкъ», ист. сб. II. Вартенева. 1869 г., вв. II).

Закревскій, Арсеній Андреевичъ, графъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, министръ внутреннихъ дѣлъ, финляндскій генераль-губернаторъ, московскій военный генераль-губернаторъ и членъ Государственнаго Совѣта. Родился 13 сентября 1783 г. Умеръ 11 января 1865 г. Происходилъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ Тверской губерніи. Отецъ его былъ отставнымъ поручикомъ и имѣлъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ небольшое имѣнье. Воспитывался А. А. въ отдѣленіи Гродненскаго еадетскаго корпуса (бывшаго Шеловскаго корпуса Зорича), изъ котораго выпущенъ былъ 19 ноября 1802 г. прапорщикомъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ. Командиромъ полка была столь-же почти молодой, но уже заслужившій боевую репутацію во время итальянскаго похода Суворова, ген.-майоръ гр. Н. М. Каменскій. Сближеніе съ нимъ положило начало карьерѣ 3-скаго, который впослѣдствіи не вспоминалъ иначе о Каменскомъ, какъ называя его своимъ благодѣтелемъ, и въ своемъ подмосковномъ имѣннѣ Ивановскомъ поставилъ ему памятникъ съ надписью «моему благодѣтелю». Быстро завоевавъ расположеніе графа, онъ вскорѣ получилъ должность баталіоннаго, а затѣмъ и полковаго адъютанта. Во время похода 1805 г. въ Австрію противъ французовъ участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи и за отличіе

въ этомъ дѣлѣ получилъ орденъ св. Анны 3 ст. Въ 1807 г. находился въ Пруссіи и снова сражался съ французами: при Янковѣ, Кенигсбергѣ и Прейсшипъ-Эйлау; находился въ экспедиціи гр. Каменскаго подъ Данцигомъ и въ другихъ дѣлахъ съ непріятелемъ. Въ 1808 г., въ качествѣ адъютанта гр. Каменскаго, послѣдовалъ за нимъ въ Финляндію и былъ участникомъ всѣхъ боевыхъ его подвиговъ, доставившихъ гр. Каменскому громкую извѣстность: былъ при осадѣ Свеаборга и участвовалъ въ битвахъ подъ Алаво, Куртане и Оровайсомъ. Въ 1810 г. герой финляндской войны, гр. Н. М., былъ назначенъ главнокомандующимъ Молдавскою арміею. 3-скій попрежнему неотлучно находился при немъ и, въ качествѣ близкаго довѣреннаго лица, передавалъ его распоряженія и велъ журналы походовъ. При штурмѣ Рущука получилъ контузію въ ногу и руку и особенно отличился въ сраженіи при Батинѣ, за которое получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. Въ началѣ 1811 г. гр. Каменскій внезапно, тяжело заболѣвъ, скончался. Майоръ 3-скій, ближайшій свидѣтель загадочной кончины молодого полководца, явился съ его бумагами къ Государю Императору, былъ милостиво имъ принятъ и назначенъ адъютантомъ къ военному министру Барклаю-де-Толли, съ зачисленіемъ въ д.-гв. Преображенскій полкъ подполковникомъ. Въ началѣ 1812 г., уже въ чинѣ полковника, 3-скій отправился съ Барклаемъ-де-Толли въ 1-ую дѣйствующую армію, принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ и за особое мужество въ битвѣ при Бородинѣ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. Во время этого похода, состоя при главнокомандующемъ, онъ сблизился съ Д. В. Давыдовымъ, гр. Радопчинимъ и А. П. Ермоловымъ, съ которыми былъ въ дружескихъ отношеніяхъ до конца его жизни. Въ декабрѣ 1812 г. 3-скій пожалованъ былъ въ флигель-адъютанты къ Его Императорскому Величеству; по переходѣ же нашихъ войскъ за границу, до окончанія войны, состоялъ при особѣ государя и въ теченіе этого времени принималъ участіе въ сраженіяхъ: подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ, Кульмомъ, въ «битвѣ народовъ» (подъ Лейпцигомъ), въ сраженіи при Бриенъ-ле-Шато, при Феръ-Шампенеуаѣ и при вѣяти столицы Франціи—Парижа. За отличіе подъ Куль-

момъ произведенъ былъ въ генераль-маіоры; послѣ Лейпцигской битвы пожалованъ въ генераль-адъютанты къ Его Императорскому Величеству, а при вступленіи въ Парижъ напихъ войскъ получилъ Аннинскую ленту. По сформированіи въ 1815 г. главнаго штаба Его Императорскаго Величества 3—скій былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ, которому помимо специальныхъ обязанностей, присвоенныхъ этой должностію, непосредственно подчиненъ былъ инспекторскій департаментъ и, слѣдовательно, всѣ дѣла по личному численному составу арміи. Эта-же должность поставила его въ близкія отношенія къ любимцу государя, начальнику главнаго штаба, кн. Волконскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лично къ Государю Императору. Въ числѣ немногихъ приближенныхъ государя, онъ занималъ всегда одинъ изъ дворцовыхъ павильоновъ въ Царскомъ Селѣ, сопровождалъ Его Величество во время поѣздокъ его по Россіи; во время-же частыхъ и продолжительныхъ путешествій государя за границу, на конгрессы, куда сопровождалъ его кн. Волконскій, почти всѣ дѣла главнаго штаба сосредоточивались у 3—скаго и проходили черезъ его руки. Съ кн. Волконскимъ у него установились самыя дружескія отношенія. У нихъ были общіе интересы по управленію, почти одинаковая близость къ Монарху и одинъ общій врагъ—графъ Аракчеевъ, достигшій въ двадцатыхъ годахъ апогея своего могущества. Желая захватить въ свои руки монополію вліянія на государя, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на такого рода отношенія и постарался удалить ихъ обоихъ отъ государя. Сдѣлать это было нетрудно всеильному временщику, и желаніе его было скоро удовлетворено: въ 1823 г. кн. Волконскій былъ посланъ въ качествѣ полномочнаго посла въ Парижъ на коронацію Карла X, а 3—скій получилъ назначеніе на должность Финляндскаго генераль-губернатора и командира отдѣльнаго Финляндскаго корпуса. Раздраженіе кн. Волконскаго противъ Аракчеева было такъ сильно, что онъ и впоследствии не могъ его иначе называть, какъ «проклятымъ змѣемъ», и ставилъ даже ему въ вину смерть императора Александра. При вступленіи на престолъ императора Николая I-го 3—скій получилъ орденъ св. Александра Невскаго и вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ членомъ верховнаго суда по дѣлу о декабри-

стахъ, но на этомъ судѣ не присутствовалъ, уѣхавъ тогда по домашнимъ обстоятельствамъ въ Москву, гдѣ и оставался во все время коронаціи императора и послѣдовавшихъ затѣмъ празднествъ. Довѣріе новаго Монарха къ 3—скому все возрастало, и въ апрѣлѣ 1828 г. Высочайше повелѣно было ему быть министромъ внутреннихъ дѣлъ съ сохраненіемъ прежнихъ должностей: въ 1829 г. за отличіе онъ произведенъ былъ въ генераль-отъ-инфантеріи. Съ назначеніемъ новаго министра, м-во внутреннихъ дѣлъ должно было вступить въ новую эру своего существованія. Не только въ механизмѣ общаго управленія, но и въ мельчайшихъ подробностяхъ службы введена была строгая дисциплина и щепетильный формализмъ. Въ сношеніяхъ съ начальниками губерній прежнія вѣжливыя формы были отбѣнены, и велѣно было писать не иначе, какъ «предписываю Вашему Превосходительству». Для исполнительныхъ отвѣтовъ на такія предписанія назначенъ былъ двухнедѣльный срокъ. По прошествіи его, если не было отвѣта, то сами столоначальники должны были заготовлять повторенія. Когда же по истеченіи двухъ другихъ недѣль предписаніе исполнено не было, то посылалось по эстафетѣ, на счетъ виноватаго, подтвержденіе съ строгимъ замѣчаніемъ. Гр. 3—скій положилъ себѣ задачею все вѣдомство держать «въ ежовыхъ рукавицахъ». Директоры дрожали передъ нимъ. Экзекutory обязаны были записывать, когда кто приходилъ и когда уходилъ, и о каждомъ нарушеніи регламента доносить министру. Доски съ номерами прибиты были надъ дверями отдѣленій и надъ головами столоначальниковъ. Формализмъ 3—скаго доведенъ былъ до крайнихъ предѣловъ. Но еще болѣе обнаружилась его склонность къ крутымъ мѣрамъ во время холеры 1830—31 гг. Въ іюнѣ мѣсяцѣ эпидемія уже приближалась къ Саратову и вызывала общую панику среди населенія. Она никогда не бывала прежде въ Европѣ, гдѣ знали только о неимовѣрной силѣ, съ которою она свирѣпствовала въ Индіи, но не имѣли понятія ни о ея свойствахъ, ни о способахъ борьбы съ нею. Поэтому наука могла руководствоваться только различными аналогіями, сходствомъ наличныхъ симптомовъ съ признаками другихъ извѣстныхъ болѣзней. Сначала ее считали заразительною въ прямомъ смыслѣ, т. е.

передающейся непосредственно отъ больного субъекта къ здоровому, подобно чумѣ или оспѣ, и вслѣдствіе такого взгляда было признано нужнымъ принимать противъ нея мѣры, какія обыкновенно принимаются противъ восточной чумы. З—скому, возведенному въ этомъ году въ графское достоинство Великаго княжества Финляндскаго, предписано было отправиться на мѣста, пораженныя холерой, и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, а управленіе министерствомъ временно поручено было другому лицу. Получивъ такія полномочія, З—скій снарядилъ цѣлую экспедицію, набралъ для нея медиковъ, въ томъ числѣ и вольнопрактикующихъ, не спрашивая на то ихъ согласія, и со свойственнымъ ему рвеніемъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Онъ опѣплялъ города, на большихъ дорогахъ между губерніями и уѣздами учреждалъ караулы, заставы и карантинны; по тѣмъ, кто старался пробраться мимо, приказано было стрѣлять. Но ничего не помогало. Холера какъ бы издѣвалась надъ тщетными предосторожностями. Гигантскими шагами шла она впередъ и появлялась въ наиболѣе охраняемыхъ мѣстностяхъ; а между тѣмъ крутыя предупредительныя средства до крайности стѣсняли торговлю, сообщенія и причиняли громадныя убытки. Тысячи людей и лошадей съ товарными обозами задерживались у заставъ, высыживая карантинъ. Наконецъ, безуспѣшность и неособенность повсемѣстнаго примѣненія подобныхъ мѣръ была признана правительствомъ; создавшееся ими невыносимое положеніе отмѣнено и ограничено предписаніемъ о принатіи повсемѣстно мѣръ для встрѣчи холеры на случай ея появленія. Въ апрѣлѣ 1831 г. появились первые признаки холеры въ Петроградѣ, вызвавъ здѣсь страшную панику. Внезапность дѣйствія болѣзни, ея ужасныя симптомы и то обстоятельство, что она непосредственно развивалась послѣ дурной пищи и холоднаго питья, породили мысль, что люди заболѣваютъ и умираютъ вслѣдствіе отравленія, въ чемъ участвуютъ доктора и полиція. А такъ какъ появленіе холеры въ Петроградѣ пришлось во время польскаго мятежа, то огромное большинство жителей столицы приписывало эти мнимыя отравленія непосредственному дѣйствію, а также поддѣпамъ поляковъ. По всему городу разошлись и повторялись негѣныя слухи

о томъ, какъ поляки ходятъ ночью по огородамъ и посыпаютъ овощи ядомъ; какъ, незамѣтно проходя въ ворота домовъ, всыпаютъ ядъ въ стоящія во дворахъ бочки съ водою; какъ зафрахтованные мятежниками корабли привозили цѣлыя грузы мышьяку и высыпали ихъ въ Неву и т. п. Возвужденныя толпы народа ходили по улицамъ и всякаго, кто имъ казался почему-нибудь «холерщикомъ», били и истязали, нерѣдко до смерти. Учрежденная холерная больница на Сѣнной площади была разорена, а два или три медика и столько же полицейскихъ убиты. Дѣло дошло до того, что въ теченіе цѣлыхъ трехъ сутокъ полиція и доктора прятались, и разсвирѣпѣвшій народъ дѣлалъ, что хотѣлъ. З—скій предложилъ центральному комитету, учрежденному для охраны столицы, прибѣгнуть къ вооруженной силѣ и настоялъ на этомъ. На Сѣнной площади были выстроены войска и поставлено орудіе. Одна ночь прошла спокойно, но на слѣдующее утро громадныя массы народа снова стали стекаться къ площади, и только прибытіе Государя Императора, его самоотверженное появленіе среди толпы и энергичное обращеніе къ народу нѣсколько успокоили городъ. По мѣрѣ того какъ холера стала ослабѣвать въ Петроградѣ, она появилась въ Финляндіи. Графъ З—скій отправился туда для принятія предохранительныхъ мѣръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для изслѣдованія тайныхъ слуховъ о привозѣ въ Финляндію оружія и революціонныхъ замыслахъ въ связи съ возстаніемъ въ Польшѣ, оказавшихся по его донесенію совершенно ложными. По полученіи извѣстія о взятіи Варшавы З—скій возвратился въ Петроградъ и подалъ прошеніе объ отставкѣ, которую и получилъ въ ноябрѣ 1831 года. Такъ закончилась его дѣятельность по министерству внутреннихъ дѣлъ. Послѣ этого З—скій слишкомъ пятнадцать лѣтъ находился въ отставкѣ, проживая попеременно то въ деревнѣ, то въ Москвѣ, то за границей; занимался домашними дѣлами и устройствомъ довольно значительныхъ имѣній своей супруги. Однако въ концѣ сороковыхъ годовъ, по мѣрѣ усилившейся реакціи, «на-верху» вспомнили энергичнаго генерала и несмотря на то, что дѣятельность его во время холеры вызвала повсюду бунты, которые охватили въ одно время почти всю Россію, императоръ Николай Павло-

вичъ призвалъ его вновь на службу, поручивъ должность Московскаго военнаго генераль-губернатора и предоставивъ ему не обыкновенныя полномочія. З—скій самъ говорилъ впоследствии: «никто не знаетъ инструкціи, которую мнѣ далъ Императоръ Николай, видѣвшій во всемъ признаки революціи; онъ снабдилъ меня бланками съ собственноручною подписью, которые я возвращалъ въ цѣлости. Такое было тогда время и воля Императора»... И дѣйствительно, З—скій вполне оправдалъ ожиданія... Вступивъ въ должность, онъ проявилъ необычайный деспотизмъ и склонность вмѣшиваться даже въ семейныя отношенія. «Онъ нагонялъ такой страхъ на москвичей», — пишетъ одинъ изъ сто современниковъ, — «что никто не смѣлъ пикнуть даже и тогда, когда онъ ввязывался въ такія обстоятельства семейной жизни, до которыхъ ему не было никакого дѣла и на которыхъ законъ вовсе не давалъ ему никакого права»... и вообще придерживался теоріи, «что законъ писанъ не для него, и что ему все дозволено». Одиннадцать лѣтъ былъ З—скій въ должности Московскаго военнаго генераль-губернатора, и это было время его наибольшаго могущества. Окруженный многочисленнымъ штатомъ чиновниковъ—военныхъ и гражданскихъ—онъ на все смотрѣлъ свысока и считалъ себя «*pater familias*» москвичей. Балы, обѣды, домашніе спектакли, устраиваемые имъ для его единственной дочери (бывш. впоследствии за граф. Д. К. Нессельроде), собирали въ его домъ всю Московскую аристократію. Каждое важное историческое событіе также было отмѣчаемо какимъ-нибудь празднествомъ. Въ 1852 г., въ сороковую годовщину изгнанія изъ Москвы французовъ, въ его домъ собралось болѣе тысячи ветерановъ Отечественной войны, — произносились рѣчи, прославлялось русское оружіе и далеко за полночь велась оживленная бесѣда.

Послѣ смерти императора Николая I-го наступила перемиѣна и въ положеніи З-скаго. Новыя вѣянія носились въ воздухѣ и событія развивались съ головокружительной быстротой. Всюду говорили о реформахъ, и реформы стали постепенно проводиться въ жизнь. Съ этимъ никакъ не могъ согласиться З-скій. Когда уже появились слухи о намѣреніяхъ правительства въ отношеніи къ крѣпостному праву, генераль-губернаторъ ни за что не хотѣлъ вѣрить и вслѣд-

ствіе этого ставилъ другихъ въ весьма фальшивое и даже чрезвычайно неприятное положеніе. Когда дворянство сѣверо-западныхъ губерній изъявило желаніе освободить крестьянъ и, какъ слышно было, въ Петроградѣ ждали, чтобы то же самое сдѣлали и въ Москвѣ, въ надеждѣ, что Москва увлечетъ примѣромъ своимъ всю остальную Россію, московскій предводитель дворянства сталъ просить разрѣшенія созвать дворянство Московской губерніи для того, чтобы предложить имъ сдѣлать то же, что сдѣлали въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Тогда З-скій не только не дозволилъ созвать дворянъ, но даже запретилъ объ этомъ говорить, утверждая, что въ Петроградѣ «одумаются и все останется по старому». Однако, какъ извѣстно, въ Петроградѣ не одумались, и З-скій, постепенно теряя свое значеніе, въ 1859 г. окончательно вышелъ въ отставку. Лѣтомъ 1864 г. онъ поѣхалъ за границу; пользовался водами въ Теплицѣ и черезъ Парижъ проѣхалъ на зиму во Флоренцію, гдѣ скоропостижно скончался 11 января 1865 г.

По свидѣтельству современниковъ, графъ З-скій отличался большимъ умомъ и твердымъ характеромъ, но не имѣлъ почти никакого образованія и даже весьма плохо зналъ русскую грамматику. Онъ писалъ, какъ пишутъ ученики 2-го класса гимназій, — не лучше. «Не знаяши или, по крайней мѣрѣ, плохо знаяши русскую грамоту и ни одного иностраннаго языка, Закревскій могъ быть министромъ, дежурнымъ генераломъ и генераль-губернаторомъ Финляндіи!» — удивляется одинъ изъ его современниковъ. Не лучшее ли это доказательство необыкновенной способности русскаго человека? Тонъ и рѣчь его отличались необыкновеннымъ лаконизмомъ. Онъ разговаривалъ только отрывистыми фразами и болѣе задавалъ вопросы, избѣгалъ длинныхъ разсужденій, къ чиновникамъ обращался почти всегда съ одними и тѣми же вопросами: «Разсказывай, гдѣ былъ? что дѣлалъ? что слышалъ?» Два періода его дѣятельности—борьба съ холерою и административное управленіе Москвою — оставили глубокий слѣдъ въ исторіи и создали ему репутацію энергичнаго, но жестокаго администратора.

Михайловскій-Данилевскій, «Александръ I и его сподвижники въ 1812—1813 гг.» Спб. 1848 г., т. VI.—Гр. Г. Милорадовичъ, «Мало-

российское дворянство). — В. Руммель и В. Голубцовъ, «Родосл. сборникъ дворянскихъ фамилий», т. I. — «Списки титул. родамъ», изд. департ. Герольдии. — Кн. П. Долгоруковъ, «Российск. родосл. книга», ч. 3. — М. Чернышевскій, «Генеалогія дворян Тверской губ.». — «Энцикл. словарь» Филитова, т. 2. — «Энцикл. словарь» Брокгауза и Ефрона, т. 23. — «Вольшая энциклопедія», т. 9. — «Письмо вв. П. Н. Волконскаго въ гр. А. А. З. о кончинѣ Императора Александра I-го» («Русскій Архивъ», 1870 г., стр. 627). — «Краткое біографическое воспоминаніе о гр. А. А. З.», статья Н. В. Путьяги (тамъ же, 1865 г., стр. 371). — «Изъ памятныхъ замѣтокъ В. Д. Давыдова», рассказъ гр. А. А. З. о Сперанскомъ (тамъ же, 1871 г., стр. 948). — «Воспоминанія А. М. Фаддѣева» (тамъ же, 1891, т. 1). — «Повананія гр. А. А. З. о нѣкоторыхъ представителяхъ Московскаго образованнаго общества» (тамъ же, 1885 г., т. 2). — «По поводу показаній гр. З.», В. А. Кокорева (тамъ же, т. 3). — «Изъ бумагъ Д. В. Давыдова»; письма къ З. (тамъ же, 1866, стр. 904). — «Записка Карамзина къ неизвѣстному лицу» (столкновеніе съ гр. З. по изданію въ свѣтъ Исторіи Государства Россійскаго (тамъ же, 1866, стр. 1765) — «Стихотвореніе Н. Ф. Павлова: Къ графу Заковскому» (тамъ же, 1884 г., т. 1). — «Гр. А. А. З.» (замѣтка; «Русская Старина» 1880 г., т. 29). — «Высочайшій выговоръ ген.-адъют. Загр., 20 авг. 1828 г.» (тамъ же, 1882 г., т. 34). — «Донось въ 1826 г. на А. А. З. и другихъ» (тамъ же, 1881 г., т. 30). — «А. С. Хомяковъ и гр. А. А. З.», рассказъ (тамъ же, 1879 г., т. 26). — «Гр. А. А. З.», сообщ. кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій (тамъ же, 1887 г., т. 54). — «Гр. А. А. З. подъ надзоромъ 3-го отдѣленія» (тамъ же, 1889 г., т. 59). — «По поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1830 г.» (циркуляръ министра вн. дѣлъ З. 4 мая 1830 г. (тамъ же, 1896 г., т. 83, олт.). — «Стихотвореніе Н. Ф. Павлова къ гр. А. А. З.» (тамъ же, 1891 г., т. 70, апр.). — «Мелкіе рассказы» М. М. Попова (рассказъ 4-й о З., тамъ же, 1901 г., т. 105, мартъ). — «Воспоминанія О. А. Пржедавскаго» (тамъ же, 1874 г., т. 11, №№ 11 и 12; 1875 г., т. 14, №№ 9 и 12). — «Воспоминанія А. В. Фигнера» («Историческій Вѣстникъ», 1885 г., т. 20, июнь). — «Замѣтка къ біографіи гр. З.» (тамъ же, 1894 г., т. 58). — «Матеріалы, собранные для Высочайше учрежденной Комиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учреждений», ч. I (имѣются письма и записки гр. А. А. З.). — *ер. Д. Мамонтовъ*, «Изъ Подольска» («Спб. Вѣдомости», 1876 г., № 178). — «Обѣдъ, данный графомъ А. А. З. гр. адмираламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ Черноморскихъ экіпажей» («Вѣдом. Московск. Гор. полиціи», 1856 г., № 46). — «Обѣденный столъ у г. А. А. З.» («Моск. Вѣдомости», 1852 г., № 124). — «Обѣдъ въ честь гр. А. А. З. (тамъ же, 1853 г., № 77). — «Письмо А. П. Ермолова къ гр. А. А. З.» («Чтенія въ Импер. о-вѣ исторіи и древностей Россійскихъ», кн. IV, отд. V). — «Иллюстрированная Газета» 1865 г., № 5. — В. Квадри, «Исторія государевой свиты: царствованіе Императора Александра I-го». — В. Шенкъ, «Царствованіе Императора Николая I-го». — «Исторія Правит. Сената

за 200 лѣтъ». 1911 г. — «Сб. Имп. Рус. Ист. Общества», т. 44, 73—78, 90. — *Шильдеръ*, «Императоръ Александръ I» (т. III—IV). — *Его же*, «Императоръ Николай I» (т. I—II). — *Середонинъ*, «Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ» (т. П, вып. 1—2). — *Вел. Кн. Николай Михайловичъ*, «Императоръ Александръ I», т. I, стр. 216, 251, 252, 255, 269, 301, 303—306, 309, 310. — «Столѣтіе военнаго министерства», т. III, ч. 1, отд. 5. — *Заблужкій-Десятовскій*, «Гр. П. Кисилевъ и его время». — *Н. Барсуковъ*, «Жизнь и труды М. Погодина». — «Русские портреты» (изд. вѣд. вв. Ник. Михайловича), т. I, № 193). — *А. Дельвишъ*, «Мои воспоминанія», т. II. — *В. Аксаковъ*, «Дневникъ».

Заковскій, Дмитрій Андреевичъ, генераль-майоръ. Родился въ 1769 г.; четырехъ лѣтъ отъ роду записанъ былъ на военную службу въ Кавказскій мушкетерскій полкъ, 16 ноября 1787 г. произведенъ въ поручики, а въ слѣдующемъ 1788 г. переведенъ въ корпусъ егерей и назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ генер.-поруч. П. С. Потемкина. Въ этомъ же и въ слѣдующемъ 1789 г. З—скій принималъ участіе во второй Турецкой войнѣ, былъ при осадѣ Очакова и при взятіи Аккермана и Бендеръ; 30 сентября 1788 г. произведенъ былъ въ секунд-майоры и 15 декабря 1789 г. — въ премьер-майоры. Въ 1790—1791 гг., состоя генеральсь-адъютантомъ въ штабѣ князя Г. А. Потемкина, «былъ имъ употребляемъ по службѣ во всѣ мѣста, гдѣ нужда требовалась». 12 февраля 1792 г. З—скій произведенъ былъ въ чинъ полковника и въ ближайшіе затѣмъ годы, въ составѣ Ревельскаго мушкетерскаго полка, участвовалъ въ походахъ въ Польшу, при чемъ за мужество, оказанное въ дѣлѣ съ польскими мятежниками при Вильнѣ, 15 сентября 1794 г. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-ой ст. 5 октября 1797 г. онъ произведенъ былъ въ генераль-майоры и назначенъ комендантомъ въ Ревель и шефомъ тамошняго гарнизоннаго полка, но уже черезъ два дня, за подачу прошенія объ отставкѣ, отставленъ отъ службы съ чиномъ полковника; только 13 іюля 1801 г. З—скому возвращенъ былъ чинъ генераль-майора. Скончался онъ до 1835 г.

В. А. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Киевъ, 1910 г., т. II, стр. 114.

Заковскій, Дмитрій, составитель (вмѣстѣ съ кн. С. Хованскомъ) «Увеселительныхъ, нравоучительныхъ и истори-

ческихъ выписокъ, выбранныхъ изъ разныхъ авторовъ и съ франц. для употребленія юношества переведенныхъ». П. 1785 г.

Геннадіи, Словарь.

Закревскій, Никифоръ Ивановичъ, титулярный совѣтникъ. Родился въ 1806 г. Умеръ въ 1854 г. Образование получилъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и по окончаніи курса съ званіемъ лѣкаря 3 отдѣленія поступилъ на службу въ Черноморскій флотъ, въ 34-й флотскій экипажъ. Въ 1831 г. исправлялъ обязанность городского медика въ Севастополѣ. Въ 1832 г. временно состоялъ ординаторомъ Севастопольскаго морского госпиталя; въ 1833—34 гг. находился въ греческихъ водахъ и плавалъ въ Архипелагъ; въ 1840 г. перешелъ въ гражданское вѣдомство. Въ морской литературѣ извѣстенъ своими очень живыми статьями, относящимися къ службѣ его на судахъ паруснаго Черноморскаго флота. Статьи эти помѣщались въ «Морскомъ Сборникѣ» 1861—1865 гг. подъ заглавіями: «На берегу въ Севастополѣ 1830 г.», «Фрегатъ Штандартъ 1830 г.», «Севастополь 1830—1831 гг.», «Черноморскій флотъ въ Константинопольскомъ проливѣ», «Корабль Іоаннъ Златоустъ 1833 г.», «Воспоминанія объ адмиралѣ А. С. Грейгѣ», «Севастополь 1834 г.». Кромѣ того, въ томъ же журналѣ за 1856 г. (№ 12) была напечатана его статья научнаго характера «Жидкость Жданова, какъ противуміазматическое средство въ Севастополѣ», а за 1861 г.—его посмертныя записки.

«Общій Морской Словарь», ч. 10, стр. 161.

Закревскій, Николай Васильевичъ, археологъ и этнографъ, изъ полтавскихъ дворянъ, родился въ Кіевѣ 9 іюня 1805 г. Тяжелое дѣтство выпало на его долю: въ 1811 г. отецъ 3—скаго послѣ пожара, истребившаго лучшую часть города, впалъ въ крайнюю нищету и вскорѣ затѣмъ умеръ, оставивъ вдову и малолѣтняго сына въ бѣдственномъ положеніи. Въ 1820 г. мальчикъ опредѣлился въ первую Кіевскую гимназію, но, занимаясь здѣсь, одновременно, долженъ былъ и самъ давать уроки, чтобы доставить необходимыя средства себѣ и матери. Въ поискахъ заработка 3—скій въ 1825 г. оставилъ гимназію и отправился въ Петроградъ, но и здѣсь ему не посчастливилось. Три года перебивался онъ въ столицѣ частными уро-

ками и перепиской бумагъ, а въ 1828 г. вернулся въ ту же Кіевскую гимназію и, получивъ здѣсь аттестатъ, поступилъ на юридическій факультетъ Дерптскаго (Юрьевскаго) университета. Однако въ виду матеріальной нужды занятія эти пришлось скоро прекратить, и 3—скій сталъ искать учительскаго мѣста. Сперва онъ опредѣлился въ уѣздное училище въ г. Вейсенштейнѣ, Лифляндской губ., затѣмъ переведенъ былъ въ Ревельскую гимназію, гдѣ преподавалъ географію, русскій яз. и исторію. 23-го сентября 1847 г. онъ вышелъ въ отставку съ пенсіей, жилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, потомъ опять вернулся въ Ревель и наконецъ окончательно переѣхалъ въ Москву, гдѣ занималъ мѣсто помощника бібліотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ и состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Археологическаго общества. Скончался онъ 29 іюля 1871 года.

Добытая себѣ средства къ существованію тяжелымъ трудомъ учителя и живя впоследствии на очень скромную пенсію, 3—скій всю жизнь съ увлеченіемъ занимался археологіей и этнографіей преимущественно своей родины—Малороссіи. Въ 1836 г. онъ напечаталъ свой «Очеркъ исторіи Кіева», который затѣмъ въ 1858 г. переиздалъ въ видѣ большого сочиненія (950 ст.), озаглавивъ его «Лѣтопись и описаніе г. Кіева». Спустя 10 лѣтъ трудъ этотъ, богатый фактическимъ матеріаломъ, изданъ былъ Московскимъ Археологическимъ обществомъ подъ заглавіемъ: «Описаніе Кіева», удостоился присужденія Уваровской премии и въ настоящее время составляетъ бібліографическую рѣдкость.

Съ 1840 г. 3—скій началъ заниматься собираніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и пословицъ и составленіемъ подробнаго словаря идиомовъ. Результатомъ этихъ занятій былъ «Старосвѣтскій бандуристъ» (1861 г.), сборникъ, который заключаетъ въ себѣ: 1) избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы, 2) малороссійскія пословицы, поговорки и загадки и галицкія приповѣтки и 3) словарь малороссійскихъ идиомовъ. 2-я и 3-я часть сборника составляютъ капитальное приобрѣтеніе для науки, такъ какъ до того времени малороссійскія пословицы и загадки нигдѣ не были собраны въ одно мѣсто и были разбѣяны, по изданіямъ довольно рѣдкимъ. 3—скій, такимъ образомъ, ввелъ ихъ въ

русскую науку. Въ 1900 г. найденъ былъ въ Москвѣ экземпляръ этого сочиненія, приготовленный авторомъ для второго изданія. Противъ перваго изданія здѣсь прибавлено: 9 пѣсень (къ прежнимъ 190), 630 пословицъ и поговорокъ (къ прежнимъ 3.878), 11 загадокъ (къ прежнимъ 194) и 1.265 словъ (къ прежнимъ 11.127). Въ этой книгѣ найдены были и три автобіографіи З—скаго.

И. Ф. Павловскій, «Краткій биографич. словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи», Полтава, 1912 г., стр. 72—73.—*Д. И. Эварницкій*, «Къ биографіи малороссійскаго этнографа Н. В. З—скаго».—«Труды Еватеринославской архивной комиссіи», вып. 7, стр. 117—125 (съ портр. Н. В. З—скаго).—«Кіевлянинъ» 1871 г., № 96.—«Кіевскій народный календарь на 1872 г.».—«Иллюстрированная Газета» 1871 г., № 31.—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1871 г., № 229.—*Иконниковъ*, «Опытъ русской исторіографіи» (по указателю).—*А. Н. Пылинъ*, «Исторія русской этнографіи».—*А. А. Котляревскій*, Сочиненія, т. I, стр. 493—500; т. IV, стр. 370, 371, 373.—«Записки Московскаго Археологическаго Общества» (по указателю).—«Истор. Вѣстн.» 1911 г., кн. 4.—«Кіевск. Стар.» 1902 г. (Письма З—скаго къ протоіер. Лебедянскому.—Отъ зы в н: обь «Очеркъ исторіи города Кіева»: «Библи. для Чт.» 1837 г., т. XX, отд. VI, стр. 62. Обь «Описаніи гор. Кіева»: *И. И. Срезневскій*, «XI присужденіе премій гр. Уварова» 1868 г., стр. 22—29; *Максимовичъ*, Письма о Кіевѣ. Спб., 1871 г.; *Костомаровъ*, «Вѣстникъ Европы» 1868 г., № 4, стр. 949—958. О «Старосвятскомъ бандуриствѣ»: *П. С. Ефименко*, «Основа» 1862 г., № 10, стр. 27—48.

Заержевскій, Валентъ, писатель-переводчикъ, родился въ Варшавѣ въ 1821 г. и здѣсь же получилъ образованіе, пополненное впоследствии самостоятельнымъ изученіемъ языковъ (древнихъ и новыхъ), исторіи и литературы. Съ 1852 г. З—скій состоялъ сотрудникомъ «Gazety Codziennej», гдѣ помѣщалъ свои оригинальныя и переводныя статьи; кромѣ того, имъ же напечатано было нѣсколько переводовъ въ сборникахъ западно-европейской литературы, издававшихся подъ названіемъ «Skarbiec», а именно: въ 1853 г. «Réné» и «Ostatni z Abensegagów» (съ французскаго, Шатобриана) и въ 1855 г. «Don Kiszot z Manszu» (съ испанскаго, Сервантеса).

Страдая меланхоліей З—скій покинулъ родину и въ поискахъ новыхъ впечатлѣній поселился въ Парижъ, гдѣ въ 1862 г., въ болѣзненномъ припадкѣ, выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

«Encyklopedya Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 222. А. Г.

Заержевскій, Янъ, старшій преподаватель Виленской гимназіи, уроженецъ Литвы, образованіе получилъ въ Виленскомъ университетѣ, который окончилъ съ степенью кандидата философіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ преподавалъ въ разныхъ школахъ, а подъ конецъ жизни состоялъ старшимъ преподавателемъ въ гимназіи въ Вильнѣ, гдѣ и скончался въ 1847 г.

Занимаясь преимущественно польской литературой, З—скій издалъ нѣсколько литературныхъ сборниковъ для юношества («Wypisy polskie w różnych gatunkach poezyi z celniejszych poetów dla użytku młodzieży zebrane i ułożone», Вильна, 1831 г.; «Wypisy polskie dla użytku szkół Królestwa Polskiego na klasę I, II и III», 3 тома, Варшава 1834—1845 гг.; «Wypisy dla pici żeńskiej, zawierające wszystkie gatunki prozy i poezyi», 3 тома, Вильна, 1835—1836 гг.). Ему же принадлежитъ посмертное изданіе матеріаловъ для исторіи Россіи и Польши въ XVI и XVII вв. подъ заглавіемъ «Pamiętniki do historyi Rosyi i Polski wieku XVI i XVII. Pamiętniki Samuela Maskiewicza, wydane z rękopismu biblioteki Szczerowskiej hr. Chreptowicza», Вильна, 1848 г. Наконецъ въ рукописяхъ остались послѣ З—скаго уже приготовленныя къ печати четыре тома польской литературы (съ начала книгопечатанія до 1825 г.), въ образцахъ съ біографіями писателей, и обширный матеріалъ для исторіи наукъ въ Польшѣ.

«Encyklopedya Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 222. А. Г.

Закуринъ, Авраамъ, мозаичистъ. Среди многихъ мастеровъ живописнаго и художественнаго дѣла, работавшихъ въ XVIII вѣкѣ въ императорскихъ дворцахъ, встрѣчается и нѣсколько мозаичистовъ; между ними въ 1768 году упоминается и Авраамъ Закуринъ, принимавшій участіе въ отдѣлкѣ китайскаго дома въ Ораніенбаумѣ.

«Художественныя Сокровища Россіи» 1901 г., стр. 187. П. С—кій.

Залезскій, Александръ Андреевичъ, Чердынскій уѣздный врачъ, скончался 8 марта 1890 года на 33-мъ году жизни. Первоначальное образованіе получилъ въ Пермской гимназіи. Какъ земскій врачъ-хирургъ, онъ былъ популяренъ; нѣкоторые его рефераты по этой специальности обратили на себя вниманіе медицинской литературы. Кромѣ обязанностей земскаго

врача, З—скій занималъ также должность врача Чердынскаго городского училища, гдѣ читалъ гигиену; иногда же занималъ городъ популярными лекціями. Ему принадлежить печатный трудъ: «Костный дренажъ. Обызвѣствленіе дренажа» («Рус. Мед.», 1884 г., № 10).

«Перскія Губернскія Вѣдомости» 1890 г., № 21.—*Змтвевъ*, «Русскіе врачи-писатели», тетр. IV, стр. 119.

Залеманъ, *Робертъ Карловичъ*, род. 16 июня 1813 года, ум. 12 сентября 1874 г., одинъ изъ официально признанныхъ скульпторовъ царствованія императора Николая I и начала царствованія императора Александра II. Лифляндецъ по происхожденію, сынъ бургомистра города Ревеля, З—манъ по окончаніи курса ученія въ Ревельскомъ дворянскомъ училищѣ, что соотвѣтствовало тогдашнимъ гимназіямъ (1832 г.), уѣхалъ для окончанія образованія за границу, гдѣ въ Дрезденѣ поступилъ въ мастерскую скульптора Ритчела. Проработавъ въ этой мастерской 5 лѣтъ, З—манъ ненадолго вернулся въ Россію, гдѣ и продолжалъ свое художественное образованіе у скульптора Гальберга. По смерти этого своего учителя З—манъ снова ѣдетъ за границу, гдѣ подъ руководствомъ нѣмецкаго скульптора Швантелера заканчиваетъ свое образованіе (1841 г.) и, по обыкновенію того времени, отправляется еще на два года въ Римъ для изученія антиковъ.

Дальнѣйшая художественная карьера З—мана протекла слѣдующимъ образомъ: за бюстъ А. И. Мельникова, ректора Академіи Художествъ, онъ получилъ званіе некласснаго художника (1843 г.), за четыре аллегорическія женскія фигуры «Сила, Мудрость, Правосудіе и Вѣра» и барельефъ «Представленіе свода законовъ графомъ Сперанскимъ» на памятникѣ императору Николаю I на Марининской площади (1858) — званіе академика и, наконецъ, въ 1868 году — званіе профессора скульптуры за выполненіе мраморной статуи въ ростъ императора Николая I для Александріи. Надъ этой статуею З—манъ работалъ 2 года. Статуя не была его самостоятельнымъ произведеніемъ, она осталась незаконченною за смертію профессора Пименова, при чемъ послѣдній исполнилъ въ статуѣ самое главное — голову. Этотъ примѣръ — полученіе званія профессора за окончаніе невыполненной другимъ работы — очень характеренъ для З—мана; онъ вообще

не отличался самостоятельностью и былъ скорѣе скульпторъ-исполнитель, чѣмъ скульпторъ-творецъ. Такъ, для Витали З—манъ исполнилъ рядъ горельефовъ на Исаакіевскій соборъ («Избвеніе младенцевъ», «Несеніе креста», «Явленіе ангеловъ пастырямъ»), для памятника тысячелѣтія Россіи Микѣшина — группы «Димитрій Донской и побѣжденный имъ монголь», «св. князь Владиміръ съ входящими въ эту группу женщиной съ ребенкомъ и идолопоклонникомъ» и «Царь Михаилъ Ѳсдоровичъ»; наконецъ онъ же помогалъ Логановскому въ работѣ по храму Христа Спасителя въ Москвѣ, гдѣ, кромѣ того, выполнилъ 18 фигуръ, высоту въ сажень, — «Губерніи, пріобрѣтенныя Россією», — для Кремлевскаго дворца. Всѣ эти работы выполнены грамотно, тщательно, съ соблюденіемъ всѣхъ требовацій ложно-классицизма и условности. Болѣе самостоятеленъ былъ З—манъ въ исполненіи бюстовъ. Первой его работою, съ которой онъ выступилъ на выставкѣ Академіи Художествъ въ 1837 году, былъ бюстъ его отца, затѣмъ З—маномъ были сдѣланъ рядъ бюстовъ изъ мрамора (графа Армфельда, доктора Арндта, извѣстнаго хирурга Николаевскаго времени, генерала Висковатова, военнаго писателя и историка, упомянутый выше бюстъ Мельникова, кн. А. Суворова, Петроградскаго военнаго генераль-губернатора Шперлинга). Въ лучшихъ своихъ скульптурныхъ произведеніяхъ, напримѣръ, аллегорическихъ статуяхъ на памятникѣ императору Николаю I барона Клодта и въ памятникѣ ребенку на кладбищѣ г. Юрьева — З—манъ допускалъ портретное сходство. Въ фигурахъ «Сила, Мудрость, Правосудіе и Вѣра» безусловно видно сходство съ женскими лицами семьи императора Николая I. Не представляя собою выдающейся артистической величины, З—манъ былъ очень трудолюбивымъ скульпторомъ. Въ Русскомъ Музеѣ императора Александра III имѣется гипсъ статуи императора Николая I, работы З—мана, переданный въ этотъ музей изъ Академіи Художествъ.

Петровъ, «Матеріалы для исторіи Академіи Художествъ». — «Рус. Стар.», т. VIII.

П. Столянскій.

Заленскій, *Алексій Владиміровичъ*, общественный дѣятель, предсѣдатель Полтавской губернской земской управы, род. въ 1845 году, образованіе получилъ въ

Харьковскомъ университетѣ, который окончилъ 22-хъ лѣтъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Сначала онъ намѣренъ былъ, повидимому, посвятить свои блестящіе дарования наукѣ и первые годы по окончаніи университета оставался въ Харьковѣ, вращаясь среди молодыхъ ученыхъ. Въ этотъ ученый міръ первоначально влекло и З—скаго. Но и въ области абстрактной науки его энергичная натура, полная общественныхъ инстинктовъ, направляла его вниманіе на общественную сторону научной дѣятельности, и онъ нѣкоторое время посвящалъ себя переводамъ и изданіямъ лучшихъ иностранныхъ популярныхъ сочиненій по естествознанію. Весьма скоро, однако, эта сфера показала ему слишкомъ тѣсною. Унаслѣдовавъ отъ отца довольно значительное имѣніе въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., онъ поселился въ немъ, занялся сельскимъ хозяйствомъ и всецѣло посвятилъ свои силы службѣ по выборамъ. До 1880 года З—скій занималъ должность Миргородскаго уѣзднаго предводителя дворянства; въ 1880 году онъ былъ избранъ въ предсѣдатели Полтавской губернской земской управы, на каковую должность онъ избирался 5 разъ и беззмѣнно занималъ ее въ теченіе почти полныхъ 12-ти лѣтъ. Можно сказать, что со времени появленія его въ губернскомъ земствѣ, послѣднее связано неразрывными узами съ его именемъ. При дѣятельномъ участіи и отчасти по инициативѣ его была произведена полная реорганизация полтавской и временучугской больницъ и устроена въ Полтавѣ особая лѣчебница на 300 душевно-больныхъ, которая считалась одной изъ лучшихъ специальныхъ лѣчебницъ. Благодаря энергичной дѣятельности З—скаго, было закончено общее статистическое изслѣдованіе экономической жизни населенія Полтавской губерніи, произведены изслѣдованія геологическое и мѣстныхъ кустарныхъ издѣлій. Кромѣ того, были предприняты изслѣдованія сельскаго кредита, хлѣбной торговли, и сталъ устраиваться въ Полтавѣ естественно-историческій музей. За время предсѣдательства З—скаго въ губернской земской управѣ въ губерніи появились профессиональныя, сельско-хозяйственныя и кустарно-ремесленныя школы, пріютъ для малолѣтнихъ осужденныхъ, сельскія богадѣльни и общезжитія при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и были организованы разно-

образныя формы кредита. Скончался З—скій 3 го апрѣля 1892 года.

«Новое Время» 1892 г., № 5791.—«Рус. Вѣд.» 1892 г., № 98.—«Харьков. Вѣд.» 1892 г., № 89.—«Всемирная Иллюстрація» 1892 г., т. XLVII, стр. 311.—«Новости» отъ 16 апрѣля 1892 г. *И. Павловскій*, «Полтавцы», Полт. 1914 г., стр. 108.

Заливкинъ, Александръ Петровичъ, отставной генераль-лейтенантъ, б. помощникъ начальника 17-й пѣхотной дивизіи. Родился въ 1810 году. Умеръ въ 1875 г. Происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи. Воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ былъ 25 іюня 1827 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Во время Турецкой войны (1828—29 гг.) находился въ походѣ въ Европейскую Турцію и участвовалъ въ осадѣ вр. Варны, гдѣ былъ раненъ пулею въ предплечье правой руки; за отличіе въ этомъ дѣлѣ получилъ орденъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ. Въ 1832 г. онъ былъ произведенъ въ поручики; въ 1834—37 гг. состоялъ при штабѣ 1-го пѣхотнаго корпуса; въ 1838 г. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ при командирѣ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генераль-отъ-инфантеріи Головинѣ. Прибывъ на Кавказъ, З—кинъ сразу же попалъ въ боевую обстановку. Частыя экспедиціи, предпринимаемыя вглубь страны, были обычнымъ явленіемъ кавказской службы и давали широкій просторъ для развитія и приложенія военныхъ способностей. На протяженіи шести лѣтъ (1838—44 гг.) много было такихъ экспедицій; въ пяти изъ нихъ участвовалъ З—кинъ. Состоя первое время въ качествѣ адъютанта при главнокомандующемъ, въ 1839 г. онъ былъ посланъ въ Петроградъ съ донесеніемъ и здѣсь получилъ лично отъ Государя Императора орденъ св. Владимира 4-й ст. съ мечами и бантомъ; въ 1841 г. за отличіе въ сраженіяхъ съ горцами произведенъ былъ въ полковника съ назначеніемъ командиромъ пѣхотнаго генераль-фельдмаршала кн. Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полка. Затѣмъ около двухъ лѣтъ (1846—48 гг.) состоялъ въ прикомандированіи къ Образцовому пѣхотному полку, а потомъ, когда открылась вакансія, получилъ должность командира Бѣлевскаго егерскаго полка. Въ 1851 г., за отличіе по службѣ, З—кинъ произведенъ былъ въ генераль-майоры и назначенъ командиромъ 2-й

бригады 11-й пѣхотной дивизіи. Въ первую кампанію 1853 г., положившую начало такъ называемой Восточной войнѣ, находился въ составѣ отряда генерала Даниенберга; перешелъ Прутъ, вступилъ въ княжество Молдавію и Валахію, и здѣсь, по порученію главнокомандующаго, вк. Горчакова, осматривалъ и устраивалъ госпитали въ тылу арміи отъ Бухареста до Скулянь; въ 1854 г. сражался съ турками при сел. Олтеницы, противъ Туртукай, и подѣ Силистрію, гдѣ командовалъ войсками праваго фланга осаднаго корпуса. Когда же театръ войны былъ перенесенъ на Крымскій полуостровъ, онъ поступилъ въ составъ Севастопольскаго гарнизона и былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ славной защиты этого города, въ теченіе девяти мѣсяцевъ командуя всѣми сухопутными войсками Корабельной стороны; удачно отражалъ непріятеля и руководилъ многими вылазками; съ 9 сентября 1855 г. находился на Инкерманскихъ высотахъ. По окончаніи войны былъ зачисленъ въ запасныя войска. Должность помощника начальника 17-й пѣхотной дивизіи З-кинъ занималъ съ 28 марта 1857 г. Въ генералъ-лейтенанты произведенъ былъ въ 1863 г. и одновременно съ этимъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ службы.

Общій архивъ гл. штаба, дѣло 3 ст. 1 отд. 1863 г., № 98С.

Залозѣцкій, Карлъ Акинѣевичъ, ординарный проф. Московскаго университета, родился 4 ноября 1798 года въ г. Мендѣйборгѣ, Подольской губ. Первоначальное образованіе получилъ въ родительскомъ домѣ, а затѣмъ въ Барскомъ училищѣ, куда поступилъ въ 1809 году. По окончаніи курса въ этомъ училищѣ, З-кій въ 1817 году опредѣлился въ Кременецкій лицей, гдѣ оставался до 1824 года. Здѣсь за особое прилежаніе и отличное поведеніе онъ получилъ серебряную и золотую медали и нѣсколько похвальныхъ отзывовъ. Окончивъ курсъ наукъ въ лицей, З-кій поступилъ въ Александровскій Варшавскій университетъ и въ 1827 году удостоился степени магистра обоихъ правъ. По окончаніи университета онъ въ 1829 г. былъ назначенъ регентомъ Любартовскаго округа. Заслуживаетъ вниманія свидѣтельство, выданное ему Любартовскимъ мирнымъ судомъ, гдѣ говорится, что «З-кій, будучи назначенъ регентомъ гипотеческой кан-

целяри послѣ нотаріусовъ и гипотечныхъ консерваторовъ, привелъ весь архивъ въ порядокъ личною дѣятельностью и на собственное иждивеніе, и что онъ во время военныхъ дѣйствій 10 мая 1831 года, предоставивъ свое собственное личное имущество истребленію отъ пожара, заботился только объ участи архива, который единственно ему обязанъ своимъ спасеніемъ, и что З-кій въ теченіе всего времени исправленія должности регента принималъ акты отъ лицъ бѣдныхъ безвозмездно». Въ 1834 году З-кій переведенъ былъ въ г. Люблинъ регентомъ земской канцеляріи, и ему поручено было имѣть надзоръ за архивомъ древнихъ актовъ той же губерніи; одновременно онъ состоялъ преподавателемъ юридическихъ наукъ и въ Люблинской гимназіи. Въ 1837 году З-кій былъ опредѣленъ исправляющимъ должность подсудка мирового суда Люблинскаго округа, а въ слѣдующемъ году назначенъ подпрокураторомъ при Люблинскомъ гражданскомъ трибуналѣ 1-й инстанціи и, кромѣ того, членомъ экзаменационной комиссіи; послѣднюю должность онъ исполнялъ безвозмездно. Въ 1842 году З-кій былъ назначенъ въ Московскій университетъ профессоромъ польскихъ гражданскихъ законовъ, каковую кафедру занималъ до самой смерти, послѣдовавшей отъ холеры 13 іюля 1848 года.

«Биографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета» ч. I, стр. 335—336. *Мисайловъ.*

Залуговскій, Иванъ Алексѣевичъ, с. с., врачъ, родился въ 1804 г., происходилъ изъ мѣщанъ, образованіе получилъ въ Черниговской духовной семинаріи и въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1829 г. съ званіемъ лѣкаря II-го отдѣленія былъ назначенъ въ резервъ 2-й арміи. Въ слѣдующемъ году онъ состоялъ ординаторомъ въ Могилевскомъ (на Днѣстрѣ) военномъ временномъ госпиталѣ, а въ 1831 г.—ординаторомъ въ такомъ же госпиталѣ въ Ковнѣ. Затѣмъ въ 1832 г. З-скій перешелъ въ 2-ую гренадерскую артиллерійскую бригаду, гдѣ, проходя службу, черезъ два года получилъ званіе штабъ-лѣкаря, а въ 1835 г. назначенъ былъ старшимъ лѣкаремъ. Переведенный въ 1-й военный сухопутный Петроградскій госпиталь, онъ въ 1844 и 1846 гг. сопровождалъ въ деревню предсѣдателя Государственнаго Совѣта Василь-

чикова, а въ 1847 г.—ген.-кригсъ-комиссара. Въ 1849 г. З-скій исправлялъ должность шт.-доктора отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, въ каковой должности былъ утвержденъ въ слѣдующемъ году. Скончался онъ 13 января 1854 г. Перу З-скаго принадлежить одна печатная работа: «Арасанскіе минеральные ключи близъ укрѣпленія Копальскаго (въ Киргизской степи)» («Военный Медич. Журналъ» 1854 г., ч. 63).

Змжевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 113—114. Степ.

Залускій, Иосифъ-Андрей, Кіевскій римско-католическій епископъ, сынъ воеводы равскаго Александра Залускаго, родился 12 августа 1701 г. (по другимъ свѣдѣніямъ—1702 г.), съ дѣтства обнаруживалъ большія и разностороннія способности, склонность къ научнымъ занятіямъ и любовь къ собиранію книгъ, такъ что къ 15-ти годамъ составилъ уже себѣ библіотеку въ 3000 томовъ. Вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Андреемъ-Станиславомъ З-скій въ молодости совершилъ продолжительное путешествіе по странамъ Зап. Европы и закончилъ его поѣздкою въ Римъ, гдѣ хотѣлъ поступить въ орденъ иезуитовъ, но по молодости лѣтъ не былъ принятъ генераломъ ордена. По возвращеніи въ Польшу онъ сразу поставленъ былъ архидиакономъ пулгускимъ, но вскорѣ вторично отправился во Францію для изученія богословія и обзорнія тамошнихъ книгохранилищъ; затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ З-скій послѣдовательно былъ настоятелемъ разныхъ приходовъ въ королевствѣ Польскомъ, а въ 1728 г. назначенъ былъ короннымъ референдаріемъ и тогда же рукоположенъ въ капеланы епископомъ познанскимъ Іоанномъ Тарло. Около этого же времени З-скій получилъ и степень доктора богословія. Посвящая всѣ досуги научнымъ и литературнымъ работамъ, онъ уже тогда много писалъ и, между прочимъ, вмѣстѣ съ Конарскимъ предпринялъ изданіе большого юридическаго труда «*Volumen legum*». Нѣсколько позже, около 1733 г., онъ напечаталъ свой «*Specimen historiae criticae*», трудъ, явившійся въ Польшѣ первымъ опытомъ критическаго изслѣдованія историческихъ матеріаловъ.

Безкоролевіе, наступившее въ Польшѣ послѣ смерти Августа II (1733 г.), втянуло З-скаго, всегда чуткаго къ вопро-

самъ общественнымъ, въ сеймовую борьбу, неизбежную при выборѣ новаго короля. Горячій сторонникъ Станислава Лещинскаго, З-скій присутствовалъ при его избраніи и непосредственно затѣмъ въ качествѣ посла отправленъ былъ новымъ королемъ въ Римъ, гдѣ епископъ куявскій Шембець предлагалъ ему назначить его своимъ викаріемъ, но З-скій отказался отъ этого предложенія въ пользу своего брата Мартина, такъ какъ надѣялся занять болѣе видное мѣсто при королѣ Станиславѣ Лещинскомъ. Когда же послѣдній, тѣненнымъ русскими войсками, вынужденъ былъ покинуть Польшу и отказаться отъ королевскаго престола, З-скій послѣдовалъ за нимъ въ добровольное изгнаніе въ Лотарингію. Французская королева (дочь Лещинскаго) вызвала З-скаго ко двору и назначила его своимъ канцлеромъ. Пользуясь неизмѣннымъ покровительствомъ королевскаго тестя и расположеніемъ самого Людовика XV, занимаемая видное положеніе среди французскаго духовенства и будучи совѣтникомъ Лотарингскаго парламента З-скій не безъ основанія рассчитывалъ, что будетъ назначенъ примасомъ Лотарингіи, когда же у него нашелся болѣе счастливый соперникъ въ лицѣ природнаго француза Шоазеля, онъ рѣшилъ вернуться на родину. Въ Польшѣ король Августъ III принялъ его очень милостиво, но въ теченіе многихъ лѣтъ держалъ его не у дѣлъ, очевидно, не вполнѣ довѣряя бывшему стороннику короля Станислава. З-скій по-прежнему именовался короннымъ референдаріемъ и только въ 1758 г. возведенъ былъ въ санъ епископа Кіевскаго. Епископская кафедра его находилась въ Житомирѣ, и отсюда З-скій управлялъ дѣлами епархіи, часть которой (съ городомъ Кіевомъ) расположена была за рѣдками королевства, въ русскихъ владѣніяхъ. Въ качествѣ епископа З-скій, въ общемъ человѣкъ вѣротерпимый, являлся ревностнымъ защитникомъ старинныхъ традицій католичества въ Польшѣ и въ этомъ отношеніи рѣзко выдѣляется на фонѣ своего вѣка, глубоко зараженнаго религіознымъ индифферентизмомъ. Заботясь о религіозномъ воспитаніи юношества, онъ писалъ, между прочимъ, школьныя драмы-мистеріи, которыя въ литературномъ отношеніи стоятъ, правда, невысоко, такъ какъ авторъ ихъ, человѣкъ несомнѣнно

очень ученый, не обладалъ поэтическимъ дарованіемъ и плохо справлялся съ стихами. Страсть къ писательству у З-скаго съ годами обратилась въ настоящую манию; бібліофильство и широкое меценатство шли объ руку съ нею. Онъ издавалъ сочиненія свои и чужія, печаталъ свои многочисленныя проповѣди (главнымъ образомъ на польскомъ и французскомъ яз.), задумалъ два обширныхъ труда, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ явиться собраніемъ всего того, что сдѣлано было поляками для науки (напеч. только «Program», 1737 г.), а другой—полнымъ собраніемъ церковныхъ законовъ въ Польшѣ (напеч. только «Compendium»); наводился въ оживленной перепискѣ съ многими современными ему учеными, состоялъ членомъ различныхъ научныхъ обществъ, усердно собиралъ старинныя рукописи и скупалъ книги для своей бібліотеки, находившейся въ Варшавѣ. Вопросы литературы, исторіи, права одинаково интересовали его. Работая надъ рукописными матеріалами и занимаясь генеалогическими изысканіями, З-скій обнародовалъ впервые дѣла Павла Потоцкаго, автора сочиненія о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и составилъ цѣлый рядъ родословныхъ: Потоцкихъ, Залускихъ, Яблоновскихъ и др. Свой родъ онъ, со свойственнымъ его вѣку тщеславіемъ, производилъ отъ знатнѣйшихъ польскихъ и французскихъ предковъ. Черезъ Собѣскихъ онъ считалъ себя родственникомъ англійскаго претента Іакова Стюарта, который дѣйствительно хлопоталъ о назначеніи З-скаго ассистентомъ папскаго престола. Вѣроятно по тѣмъ же тщеславнымъ побужденіямъ, З-скій усердно поддерживалъ связи съ аристократіей мѣстной и заграничной. Ни одно семейное торжество у католической знати не обходилось безъ него, хотя лично самъ онъ велъ очень скромный образъ жизни, тратя всѣ свои громадныя доходы съ многочисленныхъ помѣстій на приобрѣтеніе книгъ. 50-ые годы и начало 60-хъ годовъ было временемъ наибольшей славы З-скаго; со смертью Августа III-го (1763 г.) счастье ему измѣнилось. Съ Станиславомъ Понятовскимъ отношенія у него не наладились, а диссидентскій вопросъ поссорилъ его съ той сеймовою партіей, которая готова была идти на уступки. Стоя во главѣ католи-

ческой партіи, Кіевскій епископъ на сеймѣ 1767 г. горячо защищалъ права господствующей въ Польшѣ церкви и рѣшительно воспротивился требованіямъ Россіи. Тогда русский посоль въ Варшавѣ Решинъ, опираясь на вооруженную силу, съ согласія короля, далъ распоряженіе объ арестѣ главарей католической партіи. 13-го октября З-скій, вмѣстѣ съ краковскимъ епископомъ Солтыкомъ и двумя Ржевусскими, былъ арестованъ и отправленъ въ Калугу. Пять съ половиною лѣтъ провелъ З-скій въ ссылкѣ. Обладая великолѣпной памятью, онъ почти безъ источниковъ составлялъ здѣсь свою бібліографію, написанную бѣлыми стихами. Часть этого обширнаго труда напечатана была въ 1832 г. І. Мучковскимъ въ Краковѣ подъ заглавіемъ: «Biblijoteka historyków, polityków i prawników». Свои воспоминанія о пребываніи въ Калугѣ З-скій написалъ также стихами, озаглавивъ ихъ: «Przypadki niektóre» (изд. І. Е. Минасовичъ). Въ мартѣ 1773 г. З-скій вернулся въ Варшаву, но прожилъ по возвращеніи изъ ссылки меньше года. 1-го января 1774 г. онъ простудился въ костелѣ, слегъ и 7-го января скончался. По духовному завѣщанію, составленному еще въ Калугѣ, З-скій оставилъ 30.000 зл. на устройство монастыря-общины сестеръ милосердія въ Кіевской епархіи; свою многотомную и дорогую бібліотеку, ставшую общедоступной еще при его жизни, онъ завѣщалъ польскому народу.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 244—249.—«Tygodnik Ilustrowany» 1862 г., т. V.—«Poseszya bibliot. Zaluskich» («Wędrowiec» 1900 г., № 39).—«Bibliografia historii polskiej». Крак. 1904 г., стр. 1902.

Зальфельдъ-фонъ, Георгъ-Фридрихъ. Родился 13 августа 1769 г. въ Дертѣ (Юрьевѣ), гдѣ отецъ его былъ слесаремъ. Осиротѣвъ на одиннадцатомъ году, З—дъ въ дѣтствѣ терпѣлъ крайнюю нужду и былъ лишенъ возможности получить систематическое образованіе. Обучившись грамотѣ въ начальной школѣ, онъ въ 1782 г., по предложенію школьнаго учителя Зегерса, поселился въ его домѣ на очень трудныхъ условіяхъ: днемъ онъ долженъ былъ помогать Зегерсу въ школѣ, а вечеромъ зато могъ самъ пополнять свое образованіе подъ руководствомъ учителя. Нуждаясь, однако, въ средствахъ для себя и для матери, З—дъ уже въ 1786 г.

вынужденъ былъ прекратить эти занятія и поступилъ на службу канцеляристомъ въ Дерптскій магистратъ, откуда скоро перешелъ на ту же должность въ уѣздный судъ. Здѣсь, пользуясь расположеніемъ начальства, которое цѣнило его за исполнительность и хорошее знаніе русскаго языка, З—дъ въ теченіе четырехъ лѣтъ одновременно былъ и протоколистомъ, и регистраторомъ, и архивариусомъ. Съ 1790 г. онъ жилъ въ домѣ барона Левенстера въ качествѣ гувернера и конторщика, а въ 1792 г., скопивъ необходимыя средства, наконецъ, приобрѣлъ возможность продолжить свое образованіе. Онъ отправился въ Гейсскій университетъ, гдѣ изучалъ право; отсюда вслѣдъ за любимымъ профессоромъ Рейнгольдомъ переехалъ въ Киль, но недостатокъ средствъ и, главное, тоска по родинѣ заставили его уже въ 1794 г. вернуться въ Россію. Онъ поселился опять въ Дерптѣ, гдѣ назначенъ былъ адвокатомъ при мѣстномъ уѣздномъ судѣ, а въ 1796 г., съ открытіемъ Курляндской губерніи, переведенъ былъ секретаремъ въ тамошнее губернское правленіе. Въ октябрѣ 1798 г., по Высочайшему повелѣнію, З—дъ былъ опредѣленъ профессоромъ краснорчія въ Митавскую академическую гимназію и одновременно вѣдалъ адвокатуру съ 1800 г. въ Курляндскомъ Верхнемъ земскомъ судѣ, а съ 1801 г. и въ Пильтенскомъ уѣздномъ судѣ. Имя З—да въ эти годы значилось и въ числѣ профессоровъ (въ качествѣ профессора русскаго права), намѣченныхъ для преподаванія въ Митавскомъ университетѣ. Въ 1802 г., за недостаткомъ времени, З—дъ отказался отъ занятій въ гимназіи, а въ слѣдующемъ 1803 г. переѣхалъ на жительство въ Петроградъ, гдѣ назначенъ былъ юрисконсультомъ Прибалтійскихъ провинцій при министерствѣ юстиціи. Въ томъ же году онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и въ мартѣ 1804 г., оставаясь въ занимаемой должности, назначенъ былъ однимъ изъ редакторовъ второго отдѣленія законодательной комиссіи. Съ 1804-го же года и по 1806 г. З—дъ, кромѣ того, безвозмездно вѣдалъ прокуратуру въ государственной юстицѣ-коллегіи по эстляндскимъ, лифляндскимъ и финляндскимъ дѣламъ и въ римско-католической и уніатской коллегіи, за что награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-ой степени и чиномъ коллежскаго со-

вѣтника. Около этого же времени З—дъ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи порядковъ устройства протестантскихъ церквей въ Россіи, и составленный имъ по этому вопросу подробный проектъ («Kirchenordnung für die Protestanten im Russischen Reiche») напечатанъ былъ, согласно распоряженію законодательной комиссіи, въ Митавѣ въ 1808 г. Эта же работа З—да побудила Гельмштедтскій университетъ прислать ему почетный дипломъ доктора богословія *ultro et non petenti*. Въ слѣдующемъ 1809 г., также по порученію законодательной комиссіи, З—домъ напечатаны были его примѣчанія къ проекту устройства гражданскаго суда въ Курляндской губерніи («Bemerkungen über den Entwurf zu einer Prozessordnung in Civilsachen im Kurländischen Gouvernement»). Имѣя намѣреніе всецѣло посвятить себя наукѣ, З—дъ въ 1810 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Крыму въ приобретенномъ имъ имѣніи Кальмюкара, но уже черезъ годъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ вновь былъ призванъ на службу и на этотъ разъ назначенъ начальникомъ таможи сперва въ Одессѣ, а затѣмъ въ Радзивиловѣ. Непривычныя занятія очень, однако, тяготили З—да. Въ 1813 г. онъ былъ вызванъ въ главную квартиру императора Александра I въ Калишъ, вновь просился въ отставку, и монарху угодно было уволить его отъ всѣхъ занятій съ сохраненіемъ олада по занимаемой должности и причисленіемъ къ департаменту внѣшней торговли. Изрѣдка только пріѣзжая въ Петроградъ, З—дъ, начиная съ 1814 г., жилъ уже постоянно въ Крыму, занимаясь устройствомъ своего имѣнія и посвящая досуги научнымъ занятіямъ. 6-го октября 1816 г., по Высочайшему повелѣнію, З—дъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ Таврической губерніи, но состоялъ въ этой должности всего нѣсколько мѣсяцевъ и 17 февраля 1817 г. скончался въ Симферополѣ.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten Lexikon», Митавъ 1832 г., т. IV, стр. 8—12.—«Allgemeine deutsche Zeitung für Russland», 1817 г., № 98.

А. Г.

Зальцманъ, Іоаннъ-Христіанъ-Фридрихъ, коллеж. секр., педагогъ, родился въ Лиденѣ, въ Лифляндіи, 17-го апрѣля 1776 г., на 21-мъ году жизни отправился

въ Галле для изученія богословія, но уже черезъ годъ (въ 1798 г.), по указу императора Павла I, долженъ былъ вернуться въ Россію. Здѣсь онъ сперва жилъ въ домѣ родителей, а потомъ, пріобрѣта небольшіе имѣніе, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Въ 1813 г. З—манъ переселился въ Курляндію и въ г. Якобштадтѣ открылъ частное учебное заведеніе, состоя одновременно учителемъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ съ 1822 г. назначенъ былъ инспекторомъ. Въ 1825 г. онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Ригѣ и, живя частными уроками, занялся изданіемъ литературныхъ сборниковъ для юношества, подъ заглавіемъ «Unterhaltungsbibliothek für die vaterländische Jugend» (Рига. 1829 — 1831 гг., 4 тома). Свои педагогическіе взгляды З—манъ высказалъ въ статьѣ, посвященной реформѣ сельской школы въ Лифляндіи путемъ учрежденія учительской семинаріи («Neue inländ. Blt.», 1818 г., № 26), и въ статьяхъ, помѣщенныхъ имъ въ газетѣ «Rigasch. Stadtbl.» (1828 г.). Скончался З—манъ въ Ригѣ 21 февраля 1833 г.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexikon», Митавъ, 1832 г., т. 4, стр. 21 и приложение 1861 г., стр. 161. А. Г.

Залѣскій, Гиларій Леоновичъ, писатель первой половины XIX ст., родился въ Киевской губ., принималъ участіе въ изданіи и редакціи журнала «Gwiazdka Kijowska» и писалъ подъ псевдонимомъ «Klemensa Protasza». Въ 1842 г. въ Poznani напечатано было собраніе его сочиненій, въ которое вошли трагедія въ стихахъ «Mieczysław książę polski», мелкія стихотворенія и статьи въ прозѣ; другое собраніе его сочиненій подъ заглавіемъ «Pisma Klemensa Protasza» вышло въ Киевѣ въ 1850 г. Въ своихъ произведеніяхъ З—скій является и талантливымъ поэтомъ-художникомъ, и глубокимъ мыслителемъ. Скончался онъ въ 1856 г.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 225. А. Г.

Залѣскій, Гиларій, родомъ съ Волыни, въ 1823 году издавалъ въ Варшавѣ дамскій журналъ подъ названіемъ: «Kuryera dla p̄sci pięknej»; кромѣ того, писалъ и переводилъ пьесы для театра, шедшія съ успѣхомъ на Варшавской сценѣ. Изъ такихъ вещей его въ печати извѣстны двѣ: комедія «Mały odwet» и драма «Rinaldo

Rinaldini». Въ рукописяхъ З—скій оставилъ два словаря: русско-французскій и французско-русскій. Скончался онъ въ 1824 г.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 225. А. Г.

Залѣскій, Иосафатъ, перевелъ сочиненіе де-ла-Кудре «Теоретическіе и практическіе уроки для наблюденія долготы на морѣ посредствомъ разстоянія луны отъ солнца или отъ звѣздъ». (П. 1813 г.).

«Росписъ російскимъ книгамъ для чтенія изъ библиотеки А. Смирдина», № 4167.—*Геннадіи*, Словарь.

Залѣскій, Иосифъ-Богданъ, поэтъ т. наз. «украинско—польской школы», родился 2/14 февраля 1802 г. въ деревнѣ Богатыркѣ, Киевской губерніи, на первомъ году жизни лишился матери и былъ отданъ отцомъ на воспитаніе одной изъ своихъ тетокъ, жившей въ Каневскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Медвѣдовкѣ. 4-хъ лѣтъ отъ роду З—скій, по словамъ его біографа Здзярсаго, помѣщенъ былъ теткою въ приходскую школу въ Каневѣ и пробылъ здѣсь до 1809 г.; вернулся затѣмъ къ теткѣ, но вскорѣ заболѣлъ какой-то наложной болѣзнью и былъ отданъ на излѣченіе старику-знахарю Зую, жившему у Днѣпра. Полтора года, проведенные будущимъ поэтомъ въ хатѣ поселянина, гдѣ жизнь его протекала на свободѣ «подъ звуки торбана и напѣвы думъ», произвели на него глубокое впечатлѣніе и вызвали въ немъ послѣдствіи самыя свѣтлыя воспоминанія. «Тамъ я почувствовалъ себя поэтомъ украинскимъ. Много даровъ и милостей Божескихъ расточилъ я въ продолженіе долгихъ своихъ скитаній, но и по сей день живу лишь тѣмъ, что оттуда вынесъ»—говорилъ самъ З—скій послѣдствіи, быть можетъ нѣсколько идеализируя свое дѣтство, лишенное материнской ласки, гдѣ каждый проблескъ расположенія къ нему былъ особенно дорогъ и памятенъ ребенку. «Тоскливый тонъ малороссійскихъ пѣсень, «недоля», воспѣтая во многихъ изъ нихъ, какъ нельзя лучше отвѣчали тому, что испытывалъ въ своемъ дѣтствѣ З—скій», говорить объ этомъ періодѣ его жизни Н. К. Грунскій, а потому неудивительно, что послѣдствіи поэту казалось, будто пѣсни бандуристовъ, слышанныя имъ на Украинѣ, постоянно звучали въ его ушахъ. На десятомъ году З—скаго стали готовить къ средней школѣ. Въ это время онъ жилъ

въ Малыхъ Ерчикахъ у другой своей тетки г-жи Ясеньской, съ дѣтymi которой занимался ех-іезуитъ. Въ 1812 г. мальчишка помѣстился въ Уманьскую бесплатную школу, гдѣ на развитіе его поэтическаго таланта большое вліяніе оказалъ профессоръ поэтики и риторики всендзъ Гриневецкій. Онъ побуждалъ своихъ учениковъ къ переводамъ на польскій языкъ произведеній классической литературы и лучшіе изъ этихъ переводовъ посылалъ для напечатанія въ «Dziennik Wileński». Въ этомъ изданіи были помѣщены переводы З—скаго изъ Горация, переложение съ французскаго «Марія Стюартъ въ темницѣ» и болѣе самостоятельная «Дума о Вацлавѣ». Благотворное вліяніе на литературное развитіе юноши З—скаго имѣлъ и кружокъ школьныхъ товарищей, среди которыхъ былъ Грабовскій и Северинъ Гоцинскій, тоже будущій поэтъ украинско-польской школы. Съ послѣднимъ особенно близко сошелся З—скій и съ нимъ же въ 1820 г., не окончивъ Уманьской школы, отправился въ Варшаву. Здѣсь оба друга поступили вольнослушателями въ Варшавскій университетъ; но въ то время, какъ Гоцинскаго манилъ въ Варшаву тотъ политическій подъемъ, который замѣчался въ тогдашнемъ варшавскомъ обществѣ, З—скій всецѣло погруженъ былъ въ поэзію, искалъ знакомства среди писателей и слѣдилъ за литературными движеніями. Участіе его въ кружковой политической жизни въ эту пору было незначительно, хотя онъ, увлекаемый примѣромъ товарищей, и вступилъ въ общество т. наз. «Свободныхъ поляковъ». Слѣдъ вліянія отъ вступленія въ этотъ кружокъ сохранился въ неизданномъ стихотвореніи З—скаго «Wyjeżdżający do legionów»; героемъ этой думы является извѣстный польскій патріотъ, тоже поэтъ, Гodeбовскій. Изъ литературныхъ вліяній, испытанныхъ въ это время З—скимъ, слѣдуетъ отмѣтить вліяніе Казимира Бродзинскаго, которому молодой поэтъ обязанъ былъ своимъ славянофильствомъ. Съ дѣтства знакомый съ языками старославянскимъ, малорусскимъ и русскимъ, З—скій хорошо зналъ русскую литературу, былъ знакомъ и съ памятниками чешской народной поэзіи и въ связи съ этимъ даже выступилъ въ качествѣ кандидата на новую кафедру, учрежденную въ Варшавскомъ университетѣ—кафедру славянскихъ

нарѣчій, но попытка эта не имѣла успѣха, такъ какъ у З—скаго не оказалось достаточныхъ научныхъ познаній. Необходимость добывать себѣ средства къ существованію собственнымъ трудомъ въ 1823 г. заставила З—скаго принять мѣсто домашняго учителя, сперва въ домѣ полковника Гурскаго, въ дер. Лещинѣ, потомъ у генерала Шембека, въ Плоцѣ; съ осени 1825 г. онъ жилъ съ Шембеками въ Равѣ, изрѣдка только прѣзжая на время въ Варшаву. Съ 1822 г. стали появляться въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ его литературные опыты. Къ произведеніямъ этого періода (1820—30 гг.), кромѣ мелкихъ лирическихъ стихотвореній, относятся: неудачная въ историческомъ отношеніи «Думка гетмана Косинскаго», баллады - передѣлки «Людмила», «Люборъ» и «Арабъ у могилы коня», въ которыхъ сильно сказывается вліяніе переводовъ Жуковскаго, дума «Nieszczęśliwa godzina», представляющая передѣлку украинской думы, и вторично впоследствии обработанная поэтомъ подъ заглавіемъ «Wzgórek pożegnania», стихотвореніе «Ukaranie»—на тему малоросійской пѣсни «Ой, не ходи, Грицю, тай на вечерниці!», большое художественное стихотвореніе «Janusz Bieniawski», источникомъ для котораго, какъ полагаетъ проф. Колесса, послужила украинская дума о Иванѣ Коновченѣ; «Dumka Mazuru», двѣ думы о князѣ Даміанѣ Вишневецкомъ, въ которыхъ усматривается кое-что общее съ «Пѣсню о Вѣщемъ Олегѣ» Пушкина, «Zołotarenko w Warszawie», много передѣлокъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ и, наконецъ, одно изъ лучшихъ произведеній З—скаго, «фантазія», посвященная воспоминаніямъ «золотога» сна молодости,—«Rusałki», гдѣ въ захватывающей формѣ переданы поэтомъ фантастическія повѣрья родной Украины. Произведеніе это имѣетъ и автобіографическій характеръ: въ немъ воспѣта любовь З—скаго (подъ именемъ казака Цислава Зори) къ Розѣ Жуковской (подъ именемъ Зорины), съ которой онъ познакомился въ Варшавѣ въ 1825 г., и горячее чувство поэта искусно сплетается здѣсь съ богатой фантазіей.

«Rusałki» напечатаны были въ 1829 г. Наступившія вскорѣ затѣмъ въ Польшѣ политическія событія не располагали къ поэтической дѣятельности; въ концѣ концовъ З—скій, мало интересовавшійся по-

литкой, вовлеченъ былъ въ мятежное движеніе, принялъ участіе въ возстаніи (1830—31 г.) и вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ убраться за границу. Изъ произведеній его, напечатанныхъ въ это время, наибольшій успѣхъ имѣли «Czayki» и «Spiewające jezioro».

По выѣздѣ за границу З—скій до 1835 г. жилъ въ Парижѣ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ эмигрантовъ и близко сошелся съ Адамомъ Мицкевичемъ. Въ 1834 г. прибылъ въ Парижъ давнишній другъ и тезка поэта—капитанъ Іосифъ Залѣскій, съ которымъ затѣмъ пѣвецъ Украины почти неразлучно прожилъ 30 лѣтъ, много путешествуя по Италіи и Швейцаріи и часто мѣняя мѣсто жительства. Но всюду преслѣдовала поэта тоска по родинѣ, которую онъ изливалъ въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, «Sypowski żal» и др. Извѣстность его, какъ поэта, въ это время значительно возрасла. Въ 1837 г. въ Львовѣ вышло въ свѣтъ первое собраніе его сочиненій; за нимъ послѣдовали другія: въ Вильнѣ, Парижѣ, Познани, Петроградѣ и опять въ Львовѣ. Изъ позднѣйшихъ (1831—41 гг.) болѣе крупныхъ произведеній З—скаго отмѣтимъ: большое лирическое стихотвореніе «Kalinowy most», въ которомъ поэтъ, сравнивая жизнь человѣческую съ бурливимъ потокомъ, скорбитъ о неудавшейся жизни, о разбитыхъ идеалахъ; поэмѣ «Potrzeba Zbawczka», воспѣвающую баснословныя преданія о борьбѣ казачества съ татарами; затѣмъ проникнутую религиознымъ чувствомъ поэмѣ «Przenajświętsza Rodzina», гдѣ въ изображеніе дѣтства Спасителя слишкомъ очевидно вкрались черты украинскаго быта, и два большихъ эпоса: «Złota Duma» (неоконченная поэма) и «Duch od stepu». Первую самъ З—скій ставилъ выше всѣхъ своихъ произведеній; незамысловатая по содержанию, поэма эта интересна въ автобиографическомъ отношеніи и хороша по глубокому лиризму, лежащему въ ея основаніи. Много субъективнаго элемента и въ эпосѣ «Duch od stepu», въ которой, воспѣвая человечество съ древнѣйшей поры и особенно подчеркивая выдающуюся роль славянства, авторъ, однако, нерѣдко грѣшитъ противъ исторической истины. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что по самому складу своей души З—скій преимущественно былъ лирическимъ поэтомъ; въ эпосѣ онъ несравненно

слабѣе. Здѣсь нерѣдко предвзятая мысль примирить духъ казачества съ возрѣніями поляковъ ведетъ его къ нарушенію исторической правды, къ идеализаціи, къ прикрашиванію прошлаго. Эти недостатки только до нѣкоторой степени искупаются тѣми прекрасными лирическими отступленіями, которыми такъ богатъ эпосъ З—скаго. Лирическое настроеніе его подкупаетъ своею глубиною и искренностью. Его «Dumki», «Szumki», «Rużki», «Fantazyje», «Wiośnianki»—захватываютъ читателя своей свѣжестью и непосредственностью чувства.

Характерныя черты своей поэзіи самому З—скому удалось схватить въ его стихотвореніи «Spiew poety», гдѣ онъ сравниваетъ себя съ жаворонкомъ. «Въ его поэзіи нѣтъ яркости цвѣтовъ—говоритъ Грунскій—это полевой цвѣтокъ, который иногда милъ сердцу болѣе, чѣмъ роскошная роза. Тоскливая мелодія, чарующая мягкость, замѣчательная музыкальность, необычайная простота и естественность стиха—вотъ прежде всего чарующія стороны поэзіи З—скаго. И вся эта поэзія черпаетъ свои лучшіе соки изъ поэзіи народной, не польской, а малорусской. Самъ поэтъ исполненъ какой-то мистической любви къ Украинѣ, къ ея думкѣ».

Мистическія ноты, и раньше слышавшіяся въ произведеніяхъ З—скаго, стали преобладать въ послѣднемъ періодѣ его творчества (1842—86 гг.).

Въ 1843 г. З—скій вмѣстѣ съ другомъ совершилъ большое путешествіе черезъ Италію, Мальту и Смирну въ Іерусалимъ. По возвращеніи въ Парижъ онъ задумалъ жениться и дѣйствительно въ 1846 г. ввелъ въ свой домъ молодую жену Софью Ровенгардтъ. Съ этого времени въ теченіе многихъ лѣтъ муза его почти безмолвствуетъ. Семейное счастье всецѣло поглотило поэта. Только въ 60-хъ гг. онъ опять берется за перо. Къ этому времени относятся: «Wigilia godów Tysiąclecia», написанная въ память тысячелѣтія крещенія поляковъ и неоконченная, переложенія псалмовъ, молитвы и гимны, помѣщенные въ сборникахъ «Wniebogłosy» и «Oratoryjum Wieszcze», и томикъ «Dum i dumek» (1864 г.).

Скончался З—скій глубокимъ старикомъ 31 марта 1886 г. въ Вильпрѣ, завѣщавъ положить съ собою въ могилу горсточку украинской земли.

C. Chmielowski, «Poezye I. B. Zaleskiego» («Niwa», 1877 г., № 65—66).—*H. Zathay*, «Młodość Bohdana Zaleskiego», Краковъ, 1886.—*Zdziarski*, «Bohdan Zaleski»,—*Ego ośce*, «Ostatni okres w twórczości B. Zaleskiego» («Ateum» 1899 г., т. I).—*Tretiak*, «Bohdan Zaleski» (1802—1831), Краковъ, 1911 г.—*Ego ośce*, «Bohdan Zaleski na tularstwie», Крак. 1913 г.—«Журналъ Минист. Народ. Просв.», 1914 г., январь (критическая статья *H. К. Грунскога*).—*Пытинъ*, «Исторія русской этнографіи», т. III, стр. 247 и слѣд.—*A. Kolesa*, «Ukrainska rytmika ludowa w poezyjach B. Zaleskiego», Львовъ. 1910 г.—*M. Maganowski*, «I. B. Zaleski» (Спб. 1900 г.).—«Wiek XIX», Варш. 1909 г., т. V (здѣсь подробная библиографія). *A. Г.*

Залъскій, *Мартинъ*, художникъ архитектурной и перспективной живописи, родился въ 1796 г. въ Краковѣ, гдѣ провѣлъ дѣтство и началъ свое художественное образование; однако уже въ ранней молодости (до 1815 г.) З-скій переселился въ Варшаву и здѣсь сперва работалъ въ театральныхъ мастерскихъ по изготовленію декорацийъ подъ руководствомъ опытнаго художника-декоратора Богдана Плерша. Въ этой области З-скій скоро сдѣлалъ большіе успѣхи; особенно хорошо удавались ему бѣло-мраморные колонны дворцовыхъ залъ, въ изображеніи которыхъ, путемъ удачнаго подбора красокъ, онъ достигалъ полной иллюзіи всесторонняго освѣщенія. Одновременно съ этими работами молодой художникъ началъ зарисовывать виды Варшавы, подражая при этомъ приемамъ знаменитаго *Bernard'a Bellotto* (*Canalotto*), отъ котораго много аналогичныхъ рисунковъ сохранилось въ Варшавѣ. Несомнѣнный талантъ З-скаго съ полной очевидностью выразился уже въ первыхъ картинахъ его, обратилъ на себя вниманіе тогдашняго правительства Царства Польскаго, и начинающій художникъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ области искусства посланъ былъ на казенный счетъ въ Парижъ. Тамъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ усердно работалъ въ музеяхъ и мастерскихъ лучшихъ современныхъ ему художниковъ и вернулся въ Варшаву, въ началѣ 1830-хъ гг., уже вполне законченнымъ мастеромъ съ большими теоретическими познаніями и великолѣпной техникой. Сейчас же по возвращеніи З-скаго изъ-за границы намѣстникъ Царства Польскаго кн. Паскевичъ поручилъ ему снять копии съ лучшихъ картинъ *Bellotto*, оригиналы которыхъ отправлены были въ Гатчину. З-скій вы-

полнилъ это порученіе весьма удачно, вѣрно до мельчайшихъ подробностей передавъ въ своихъ копіяхъ вѣсть талантливаго художника, подъ сильнымъ влияніемъ котораго попрежнему находился самъ. Все личное творчество З-скаго за этотъ періодъ говоритъ объ этомъ влияніи. Писалъ же онъ очень много: виды Варшавы, Вильны, Кракова и Неборова, съ его живописными окрестностями, пестрой галлереей создавались на мольбертахъ его. Къ этой эпохѣ (30-мъ и 40-мъ гг.) его художественной дѣятельности относятся, напримѣръ, картины, изображающія внутренніе виды: костела св. Яна въ Варшавѣ, костела св. Креста (тамъ же), Доминиканской ризницы въ Краковѣ, части Краковскаго кафедральнаго костела, часовни Солтыка (тамъ же), а также картины: «*Ostra Brama*», «*Dzielniec Akademii Krakowskiej*», «*Widok Kościoła Panny Maryi w Krakowie*», «*Plac i Kościół Sakramentek*», съ изображеніемъ на этомъ фонѣ процессіи «*Bozego Ciała*», и много другихъ. Очень интересны и тѣ картины З-скаго, которыя рисуютъ уличную жизнь Варшавы въ ея пестромъ разнообразіи. Наконецъ, въ это же время З-скій исполнялъ и много частныхъ заказовъ. Около 1840 г. военное министерство поручило ему зарисовать внѣшній видъ ряда крѣпостей въ Царствѣ Польскомъ и въ предѣлахъ Имперіи. За эту работу онъ получилъ бриллиантовый перстень и денежное вознагражденіе. Рисовалъ З-скій и акварелью, при чемъ и эти рисунки его (рядъ залъ въ Лазенкахъ), какъ и картины, писанныя масляными красками, обращаютъ на себя вниманіе тщательностью отдѣлки и ласкаютъ взоръ гармоніей красокъ. На всѣхъ картинныхъ выставкахъ Варшавы съ 1841—1845 гг. всегда появлялись работы З-скаго. Современникъ и очевидецъ проф. Герзонъ вспоминаетъ о нихъ съ восхищеніемъ: въ нихъ не было внѣшнихъ эффектовъ, все было написано просто и правдиво, но живая и смѣлая вѣсть З-скаго такъ захватывала зрителя, что хотѣлось пройти между ея стѣнами, погрѣться на ея тепломъ солнышѣ или отдохнуть въ густой, прохладной тѣни подъ его высокими сводами.

Въ 1846 г. З-скій былъ назначенъ профессоромъ вновь открытой въ Варшавѣ школы изящныхъ искусствъ по классу перспективной живописи. Въ этой должности онъ оставался до самаго закрытія школы въ 1864 г., а затѣмъ еще въ

теченіе 4-хъ лѣтъ (до 1868 г.) преподавалъ въ Варшавскомъ рисовальномъ училищѣ. Педагогическая дѣятельность однако не заставила его забросить кисть художника: всѣ архитектурныя достопримѣчательности Варшавы попрежнему не ускользали отъ его вниманія, и картины свои за этотъ промежутокъ времени онъ показывалъ главнымъ образомъ на выставкахъ Товарищества поощренія художествъ, которымъ была приобрѣтена въ собственность его картина: «Wnętrze Katedry św. Jęna». З-скій скончался въ Варшавѣ въ половинѣ сентября 1877 г. Дѣятельность его интересна не только въ художественномъ отношеніи, но и въ историческомъ, и въ бытовомъ: по его картинамъ можно прослѣдить архитектуру и бытъ Варшавы на протяженіи болѣе полулѣта. Мертвыя стѣны З-скій сумѣлъ одухотворить, онъ вдохновлялъ его такъ же, какъ живыя модели и пейзажи вдохновляютъ другихъ художниковъ.

«Album biograficzne zasłużonych polaków i polek wieku XIX», Варшава, 1903 г., т. II, стр. 140—142. — «Tygodnik Ilustrowany», 1871 г., серия 2-ая, т. VII, стр. 25—26; 1877 г., стр. 183 и 188. А. Г.

Залѣскій, Францъ Францовичъ, приватъ-доцентъ исторіи медицины въ Казанскомъ университетѣ, род. 15 іюля 1820 г. въ селѣ Березовичахъ, Волынской губ. Первоначальное образованіе получилъ въ Клевановской гимназіи, по окончаніи которой въ 1837 г. поступилъ въ университетъ св. Владиміра, но въ 1839 г. перешелъ на третій курсъ юридическаго факультета Казанскаго университета. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1841 г. съ званіемъ кандидата, З-скій опредѣлился на службу въ Волынское губернское правленіе, но спустя два года вышелъ въ отставку. Въ 1845 г. онъ поступилъ въ канцелярію Волынскаго гражданскаго губернатора и снова въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку. Съ 17 мая 1850 г. и по 6-ое апрѣля 1851 г. З-скій состоялъ помощникомъ бухгалтера правленія XII округа путей сообщенія въ г. Ковнѣ; въ томъ же 1851 г. онъ зачислился въ студенты Казанскаго университета по медицинскому факультету, по окончаніи котораго въ 1856 г. съ званіемъ лѣкаря опредѣленъ былъ преподавателемъ естественныхъ наукъ въ Казанскій Родіоновскій институтъ благородныхъ дѣвицъ и тогда же назначенъ ассистентомъ акушерской клиники Казан-

скаго университета. Въ 1858 г. З-скій защитилъ диссертациі подл заглавіемъ «De paralyssi organorum motus voluntarii» была удостоенъ ученой степени доктора медицины. Въ 1859 году, за выслугою лѣтъ, онъ былъ уволенъ отъ обязанностей ассистента названной клиники, а въ слѣдующемъ году, по прошенію, и отъ должности преподавателя естественной исторіи въ Родіоновскомъ институтѣ. Въ послѣдніе годы своей жизни З-скій состоялъ старшимъ врачомъ заведенія Вятскаго приказа общественаго призрѣнія (1861 г.), старшимъ врачомъ больницы Ярославскаго приказа общественаго призрѣнія (1863 г.) и приватъ-доцентомъ исторіи медицины въ Казанскомъ университетѣ. Скончался З-скій 20 декабря 1867 г.

Кромѣ названной диссертациі, З-скому принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «Ischuria renalis congenita (Соврожденное почечное мочеудержаніе). Замѣчательный патологическій случай» («Учен. Зап. Имп. Каз. у-та», 1858 г., кн. 2); «Очерки главнѣйшихъ лѣчебныхъ заведеній С.-Петербурга и Москвы». 1859 г.; «Ненормальное образованіе и положеніе почки» («Современ. Медицина», 1862 г., № 27); «Неудачное хлороформированіе у притворнаго» (тамъ же, № 41); «Объ употребленіи хлороформа» (тамъ же, № 41) и «Общее клиническое ученіе о горячкѣ» (СПБ. 1863 г.).

Биографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Казанскаго университета, ч. II, стр. 196—198. — *Змеевъ*, «Русскіе врачи-писатели», тетр. I, стр. 113 и IV, стр. 119—120 (здѣсь отчество Залѣскаго ошибочно названо Карловичъ). *Степ.*

Залѣсовъ, Александръ, медальеръ, ученикъ Академіи Художествъ, конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ XIX столѣтія. Въ началѣ З-совъ оказывалъ значительные успѣхи: въ 1852 году онъ получилъ серебряную медаль 2-го достоинства за восковую лѣпку съ натуры, въ 1853 году серебряную медаль 1-го достоинства за медаль «Марсъ, убивающій Мимаса», эта медаль была на академической выставкѣ 1854 г. Въ слѣдующемъ году ему было задано вылѣпить изъ воска группу: «Орфей и Евредика», наконецъ 11 августа 1858 г. онъ былъ признанъ назначеннымъ въ академіи, и ему было разрѣшено сочинить для полученія званія академика проектъ медали «На присоединеніе Сибири къ царству Русскому». Представленный имъ эскизъ былъ признанъ Академіей Ху-

дожествъ неудовлетворительнымъ, и, кажется, эта неудача заставила З—сова бросить дальнѣйшее стремленіе къ самоусовершенствованію и перейти къ практической дѣятельности.

Петровъ, «Матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ» (по указат.).—«С.-Петер. Вѣд.» 1854 г., № 231.—«Сѣв. Пчела» 1853 г., ст. 906; 1854 г., ст. 1316. П. С.—кій.

Залѣсскій, *Василій Анисимовичъ*, генералъ-майоръ, начальникъ артиллеріи Черноморскаго флота. Род. въ 1781 г. Ум. въ 1833 г. Сынъ сельскаго священника. Воспитывался первоначально въ Смоленской духовной семинаріи. На четвертомъ году его семинарской жизни семинарію посѣтилъ епископъ Веніаминъ, которому поручено было императрицей Екатериной II-й выбрать нѣсколько семинаристовъ для опредѣленія ихъ въ военно-учебныя заведенія Черноморскаго флота. Въ числѣ этихъ избранныхъ оказался и З—скій, который съ нѣсколькими изъ его товарищей и былъ помѣщенъ въ только-что открывшееся Херсонское морское артиллерійское училище. Въ 1798 г. онъ окончилъ курсъ наукъ и былъ произведенъ въ офицеры. Первое десятилѣтіе своей службы во флотѣ онъ часто бывалъ въ морскихъ кампаніяхъ на судахъ Черноморскаго флота, назначаемыхъ для практическаго плаванія, крейсеровалъ въ Средиземномъ и Адриатическомъ моряхъ, былъ въ Корфу и исправлялъ разныя техническія порученія при портѣ. Въ 1807 г. З—скій впервые принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Прибывъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на крейсерѣ «Ратномъ» на Анапскій рейдъ, онъ былъ высаженъ вмѣстѣ съ десантомъ; во время осады кр. Анапы командовалъ осадною артиллеріею и за оказанное при этомъ отличіе получилъ орденъ св. Анны 4-й ст.; потомъ участвовалъ при взятіи непріятельскихъ судовъ при Трапезундѣ у м. Плагана. По прекращеніи военныхъ дѣйствій, въ 1808 г., возвратился въ Севастополь и до 1818 г. преимущественно находился въ морскихъ кампаніяхъ и разнаго рода сухопутныхъ командировкахъ. Въ 1818 г. былъ назначенъ преподавателемъ высшихъ наукъ Черноморскаго артиллерійскаго училища, того самого, въ которое онъ перешелъ (въ 1794 г.) изъ семинаріи и которое перенесено было теперь изъ Херсона въ Николаевъ, такъ какъ туда же былъ пе-

реведенъ и портъ. Съ этого времени начинается новый періодъ дѣятельности З—скаго. Вступивъ въ исправленіе обязанностей, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на неудовлетворительное состояніе училища, ограниченность программы преподаваемыхъ наукъ и содержанія воспитанниковъ. Это артиллерійское училище было тогда единственнымъ разсадникомъ спеціальныхъ артиллеристовъ для флота. Въ качествѣ преподавателя З—скій заслужилъ репутацію отличнаго педагога; его методъ преподаванія былъ настолько простъ и увлекателенъ, что, несмотря на сухость предмета, всегда собиралъ ему полную аудиторію. З—скій умѣлъ внушить любовь къ наукѣ и «заохотить» воспитанника учиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ спеціально занимался разработкой вопросовъ, касающихся артиллеріи, а также и другими науками. Но этотъ періодъ характеризуется не только чисто научною его дѣятельностью. Не менѣе важны труды З—скаго и въ практической области, такъ какъ благодаря имъ наша морская артиллерія была доведена до возможнаго по тому времени совершенства. Главный командиръ Черноморскаго флота адмиралъ Грейгъ имѣлъ въ лицѣ З—скаго дѣятельнаго сотрудника по преобразованію Черноморскаго флота. Въ 1824 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны 3-го ранга артиллеріи за усовершенствованіе пушечныхъ станковъ на образцовой канонерской лодкѣ. Въ 1828 г., по открытіи военныхъ дѣйствій противъ турокъ, поступилъ въ эскадру адмирала Грейга и на флагманскомъ кораблѣ «Парижъ» прибылъ на Анапскій рейдъ. Послѣ продолжительнаго бомбардированія Анапы, не давшаго желательныхъ результатовъ, когда было приступлено къ правильной осадѣ крѣпости, З—скому ввѣрено было управленіе всею береговою осадною артиллеріею, а также и размѣщеніе ея по укрѣпленіямъ. Онъ былъ настолько неутомимъ, что дни и ночи проводилъ на батареяхъ и, сравнительно съ незначительностью средствъ, весьма много способствовалъ паденію крѣпости. За оказанныя при этомъ отличія ему былъ пожалованъ чинъ капитана 2-го ранга и объявлено Высочайшее благоволеніе. Подъ Варною З—скій также командовалъ осадною артиллеріею. Но онъ не только руководилъ дѣйствіями артиллеріи; вслѣдствіе недостатка въ офицерахъ инженернаго вѣдомства, подъ его

непосредственнымъ руководствомъ возводились и всѣ батареи, при томъ большею частью морскими нижними чинами. За успѣшное дѣйствіе морской артиллеріи, ускорившей покореніе кр. Варны, считавшейся турками неприступной, З-скій былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, получилъ одновременно 3.000 рублей и орденъ св. Владимира 3-й ст., возложенный на него лично Государемъ Императоромъ. По прекращеніи военныхъ дѣйствій, во время перемирія, ему было поручено для предстоящей въ 1829 г. кампаніи заготовить брандеры. Когда же военныя дѣйствія возобновились, онъ вновь прибылъ въ эскадру, и, съ прибытіемъ ея въ крѣпость Мессемврія, былъ назначенъ главнымъ начальникомъ бомбардирскихъ судовъ «Опытъ» и «Подобный», съ которыми бомбардировалъ крѣпость. Разрушительныя дѣйствія морской артиллеріи до того разстроили жителей и самого коменданта, что послѣдній тотчасъ же согласился на предложенную капитуляцію. За покореніе Мессемврія З-скій получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною. Послѣ этого онъ отправился на бригъ «Мингрелія» въ крейсерство по Черному морю и, по прибытіи въ Севастополь, 6 августа 1829 г. былъ назначенъ командиромъ 6-й морской артиллерійской бригады. Въ 1831 г. произведенъ въ генералъ-майоры и получилъ новое назначеніе — начальникомъ артиллеріи Черноморскаго флота, при чемъ въ полное завѣдываніе его поступило и артиллерійское училище. Состоя въ этой должности, З-скій попрежнему занимался преобразованиемъ морской артиллеріи. За четырехлѣтній періодъ (1829—33 гг.) онъ произвелъ усовершенствованія въ различныхъ отрасляхъ артиллерійскаго искусства: распространялъ среди офицеровъ свѣдѣнія по морской артиллерійской тактикѣ и улучшилъ матеріальный и личный составъ артиллеріи. Въ 1833 г. участвовалъ въ экспедиціи вице-адмирала Лазарева, посланнаго на помощь турецкому султану противъ египетскаго паши Ибрагима, возставшаго противъ султана и угрожавшаго Константинополю. Но дѣло окончилось безъ кровопролитія. Ибрагимъ понялъ невыгодность своего положенія и поспѣшилъ заключить миръ, удовлетворившись одной Сиріей. 27 іюня русскій флотъ съ десантомъ отправился въ Россію. З-скій,

по прибытіи въ Николаевъ, тяжело заболѣлъ и вскорѣ скончался. Незадолго до смерти онъ окончилъ сочиненіе «Техника морской артиллеріи», оставшееся въ рукописи. Ему безспорно принадлежитъ весьма видное мѣсто въ исторіи морской артиллеріи, существованіе которой до него имѣло совершенно ничтожное значеніе.

«Кіевская Старина», 1885 г., № 5.—«Гербовникъ дворянскихъ родовъ Царства Польскаго».—«Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ» Леера.—«Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона», 23.—«Большая энциклопедія», т. 9.—«Общій морской списокъ», ч. VI, стр. 89.—«Записки ученаго комитета морскаго штаба», 1833 г., ч. 11 (некрологъ).—«Морской сборникъ», 1865 г., № 12 (биографія).

Залѣсскій, Павелъ Максимовичъ, редакторъ официальной части «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», скончался въ Москвѣ 5 августа 1880 г., 38-ми лѣтъ отъ роду. Въ теченіе послѣднихъ 9-ти лѣтъ, служа въ Вяткѣ, онъ много посвятилъ трудовъ на пользу тамошняго края. Сначала онъ былъ бібліотекаремъ публичной бібліотеки, при чемъ составилъ обстоятельный и полный каталогъ книгъ, напечатанный въ 1873 году; затѣмъ въ мартѣ того же года былъ назначенъ редакторомъ «Вятскихъ Губ. Вѣдомостей» и оставался въ этой должности до дня смерти. Помимо прямой своей обязанности, онъ, въ качествѣ секретаря, принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Вятскаго благотворительнаго общества и мѣстнаго управленія общества Краснаго Креста.

«Вятскія Губернскія Вѣдомости» 1880 г., № 64.

Залѣсскій, Петръ Васильевичъ, отставной ген.-майоръ, редакторъ-издатель журнала «Сотрудникъ Народа», писатель-публицистъ и общественный дѣятель; происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ, родился на югѣ Россіи въ 1831 году. Рано лишившись родителей, онъ былъ помѣщенъ въ малолѣтнее сиротское отдѣленіе Александровскаго корпуса и воспитывался на средства императора Николая Павловича; по окончаніи съ отличіемъ курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и производствѣ въ офицеры (1851 г.) З-скій слушалъ лекціи въ Петроградскомъ университетѣ и неустанно работалъ надъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Послѣ Крымской войны, въ которой онъ принималъ участіе, З-скій служилъ въ Западномъ краѣ. Служба его проходила въ кипучей дѣятель-

ности: онъ составлялъ, по порученію, различные проекты, касавшіеся преобразованія той или другой части военнаго дѣла, уменьшенія расходовъ и т. п., ѣздилъ въ командировки и получалъ всегда самыя трудныя и многосложныя работы, требовавшія постояннаго напряженія умственныхъ силъ и энергіи. Черезъ 20 лѣтъ послѣ Севастопольской кампаніи онъ въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ артиллеріи въ Керченской крѣпости. Здѣсь ему не мало пришлось поработать, такъ какъ массы казеннаго имущества не хватало, а что уцѣлѣло отъ расхищенія, оказалось въ хаотическомъ безпорядкѣ. Кромѣ того, назначеніе это совпало съ Турецкой войной, когда ему пришлось работать надъ снаряженіемъ десанта. Одновременно онъ вооружалъ и приводилъ въ порядокъ крѣпость, которую сдалъ (въ 1878 г.) въ блестящемъ состояніи. Произведенный въ томъ же году въ ген.-майоры, Залѣсскій оставилъ военную службу и вышелъ въ отставку, переселившись съ своимъ семействомъ въ Москву.

Несмотря на служебныя обязанности, поглощавшія у него много времени и силъ, Залѣсскій не переставалъ интересоваться наукою: онъ читалъ въ Одессѣ лекціи по исторіи, дѣлалъ сообщенія въ публичныхъ засѣданіяхъ и писалъ статьи, помѣщая ихъ въ столичныхъ журналахъ и мѣстныхъ органахъ печати. Принимая живое участіе въ дѣлѣ основанія высшаго технического училища, Залѣсскій въ то же время писалъ статьи, въ которыхъ доказывалъ насущную потребность въ такомъ учебномъ заведеніи для г. Одессы. Въ 1886 г. онъ издалъ въ Москвѣ книгу подъ заглавіемъ «Цѣлесообразный путь къ уменьшенію военныхъ расходовъ въ мирное и военное время» (Отрывокъ изъ этого труда, подъ заглавіемъ: «Замѣтки о военной организаціи и военномъ хозяйствѣ», былъ помѣщенъ въ «Русской Мысли» за 1885 г., кн. XI). Книга эта обратила на себя серьезное вниманіе печати и вызвала обмѣнъ мнѣній въ «Недѣлѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ какъ въ общихъ, такъ и въ специальныхъ журналахъ. Задумавъ издавать журналъ «Сотрудникъ Народу», Залѣсскій пригласилъ въ помощники себѣ Н. М. Богомолова, извѣстнаго публициста, основательно знакомаго съ нуждами и потребностями нашего кре-

стьянства. Къ сожалѣнію, выходъ въ свѣтъ этого журнала тормозился цензурою. Выпустивъ съ опозданіемъ двѣ книжки (1887 г.), Залѣсскій вынужденъ былъ ходатайствовать объ упраздненіи въ названіи журнала слова «Народъ», такъ какъ затрудненія происходили отъ этого слова. Ходатайство было уважено, и съ 4-й книжки журналъ сталъ выходить уже прямо подъ названіемъ «Сотрудникъ». Въ немъ Залѣсскій помѣщалъ свои статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ и велъ ежемѣсячно политическое обозрѣніе. Имѣя ограниченное число подписчиковъ, журналъ этотъ не оправдывалъ производимыхъ на него расходовъ, тѣмъ не менѣе Залѣсскій продолжалъ вести изданіе, глубоко вѣря, что доброе дѣло не погибаетъ. Къ сожалѣнію, со смертію Богомолова, лишившись въ лицѣ послѣдняго незамѣнимаго помощника, Залѣсскій превратилъ изданіе (1888 г.). Бездѣйствіе не было свойственно натурѣ Залѣскаго, и онъ обратилъ свое вниманіе на другое дѣло. Въ Москвѣ въ то время существовало товарищество подъ названіемъ «Сотрудникъ школы» (книги, письменныя принадлежности и дѣтскія игры). Залѣсскій купилъ эту фирму и, замѣтивъ пробѣлъ въ нашемъ учебномъ и воспитательномъ дѣлѣ, предпринялъ разные полезныя изданія, самъ выработывалъ модели дѣтскихъ игръ и т. п., разѣзжалъ по Московской губерніи, отыскивая для выполнения заказовъ кустарей, входилъ въ сношеніе съ лицами отдаленныхъ уголковъ Россіи, чтобы распространить новыя изданія и учебныя принадлежности, старался объ учрежденіи склада книгъ и учебныхъ пособій въ Сербіи, о чемъ велъ переписку съ митрополитомъ Михаиломъ и т. д. Незадолго до смерти онъ окончилъ новый литературный трудъ: «Въ просвѣщеніи—счастіе народа». Эту книгу онъ завѣщалъ въ пользу Московскаго комитета грамотности, членомъ коего онъ состоялъ. Умеръ Залѣсскій 19 декабря 1892 г.

«Русскія Вѣдомости» 1893 г., № 124.—*Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. XII, стр. 83. *Михайловъ*.

Замараевъ, Гавріилъ Тихоновичъ, род. въ 1758 г. † 19 января 1823 г., одинъ изъ первыхъ русскихъ скульпторовъ, преимущественно барельефа. Въ 1777 году былъ ученикомъ 5-го возраста въ Академіи Художествъ и получилъ первую награду

2-ю серебряную медаль за лѣпку съ натуры; за эту первую наградою быстро шли остальные: вторая золотая медаль (13 сентября 1778 г.), первая золотая медаль (13 августа 1779 г.) и въ тот же годъ заграничная командировка въ Парижъ, гдѣ З—раевъ учился у профессора Парижской Академіи Художествъ Муши и у знаменитаго французскаго скульптора того времени Пигалля. З—раевъ, какъ удостоиваетъ его біографъ, между прочимъ исполнялъ по распоряженію Муши тѣ заказы, которые послѣдній получалъ отъ короля Франціи. Въ началѣ 80-хъ годовъ XVIII вѣка З—раевъ вернулся въ Россію и былъ сдѣланъ академикомъ, можно предполагать, за барельефъ «Проклятіе Хама». Этотъ барельефъ въ настоящее время хранится въ Академіи Художествъ. Вскорѣ послѣ возвращенія въ Россію З—раевъ былъ отосланъ въ Москву для работъ при возобновлявшемся въ то время Кремлевскомъ дворцѣ. Въ Москвѣ дѣятельность З—раева приняла широкіе размѣры, при чемъ онъ, кромѣ казенныхъ работъ, выполнялъ и многочисленные частные заказы. Изъ казенныхъ заказовъ онъ выполнялъ барельефы (Крещеніе Россіянъ св. Владиміромъ, побѣды надъ татарами), бюсты и статуи (кн. В. В. Голицынъ, Матвѣевъ, богатырь Добрыня) для оружейной палаты, два громадныхъ барельефа «Воскрешеніе Лазаря» и «Избѣненіе младенцевъ» въ церковь страннопріимнаго Шереметевскаго дома, фризъ на фасадъ Московскаго университета и арматуру для арсенала. Кромѣ того, З—раевъ принималъ участіе въ работахъ по устройству триумфальныхъ воротъ для коронаціи императора Павла Петровича. Изъ частныхъ работъ интересенъ его фризъ въ Останкинѣ, по фасаду дворца, на домѣ графа Румянцева и скульптурныя работы въ домѣ Благороднаго собранія. З—вымъ же были произведены скульптурныя работы въ Херсонскомъ соборѣ и въ церкви св. Дмитрія въ Ростовѣ. Въ некрологѣ З—раева говорится: «если рѣзецъ сего художника не заключалъ особеннаго огня и не доказываетъ богатства идей и воображенія, то свидѣтельствуетъ о его отличномъ радѣніи въ правильномъ изображеніи предметовъ и знаніи рисунка». Работы З—раева еще не зарегистрированы и не изучены, и такимъ образомъ значеніе этого скульптора не выяснено, да и вообще его имя стало извѣстно только въ самое

послѣднее время. Несмотря на обиліе заказовъ и выполненныхъ работъ, скульпторъ умеръ въ крайней бѣдности, оставивъ свое семейство на попеченіе страннопріимнаго дома въ Москвѣ.

Петровъ, «Матеріалы къ исторіи Ак. Худ.»—«Отечеств. Записки» 1823 г., т. XIII, ст. 446—447.—«Старые годы», 1907, № 7—9, стр. 21. *П. С-кій*.

Замень, Генрихъ, приватъ-доцентъ Дерптскаго университета, сынъ проф. того же университета, родился въ Дерптѣ 1 декабря 1829 года. Медицинское образованіе З-ень получилъ въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ въ 1854 году защитилъ докторскую диссертацию подъ заглавіемъ: «Disquisitiones microscopicae de chiasmatis optici textura». До 1857 года онъ пробылъ за границею, слушая лекціи въ Берлинѣ, Прагѣ, Вѣнѣ и въ Италіи. Съ 1858 по 1860 годъ З-ень прослужилъ фабричнымъ врачомъ въ Цинтенгофѣ близъ Пернова; затѣмъ въ 1860 году онъ возвратился въ Дерптъ и былъ сначала вольнопрактикующимъ врачомъ, а послѣ поликлиническимъ ассистентомъ и приватъ-доцентомъ (1861—1864). Годъ смерти его неизвѣстенъ.

«Биографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго у-га за столѣтіе его существованія», т. II, стр. 130—131.

Замень, Гетлибъ Іосифовичъ, проф. Дерптскаго университета, сынъ пастора, родился въ Лифляндской губ., въ Опелькальнѣ, 22 іюля 1789 года. Окончивъ гимназію въ Ригѣ, З-ень поступилъ въ 1806 году на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета, откуда вышелъ въ 1811 году со степенью доктора медицины. Послѣдующіе три года З-ень состоялъ въ имѣніи Мойзекуль домашнимъ учителемъ, а затѣмъ въ 1814 году отправился для научнаго усовершенствованія за границу, гдѣ провелъ одинъ годъ въ Вѣнѣ, а другой въ Вюрцбургѣ. Въ 1816 году онъ возвратился въ Дерптъ и получилъ тутъ мѣсто уѣзднаго врача; но мѣсто это З-ень въ 1823 году оставилъ, такъ какъ ему поручено было завѣдываніе медицинскою клиникой. Въ 1826 году З-ень сдѣлался преемникомъ проф. Стикса, получивъ кафедру діететики, фармакологіи, исторіи медицины и медицинскою литературы, а въ 1828 году, за смертью проф. Струве, перешелъ на кафедру терапіи и

клиники, которую занималъ до 28 февраля 1847 г. Умеръ З-ень въ Дерптѣ 3 мая 1848 года.

Перу З-ена принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: «Dogmata veterum et recentiorum medicorum eorumque in praxi medica usus». Diss. inaug. Dorpati. 1811; «Ueber die gegenwärtige Stellung der Homöopathie zur bisherigen Heilkunde». Dorpat. 1825; «Die Krankheiten des Gehirns und der Hirnhäute, pathologisch betrachtet». Dorpat und Riga. 1826; «Ueber die Witterungs- und Krankheits-Constitution der Stadt Dorpat in den Jahren 1822, 1823, 1824 (сообща съ F. Parrot); «Ueber die Witterungs- und Krankheits-Constitution der Stadt Dorpat in den Jahren 1828-32; «Bemerkungen über dem Intestinaltyphus»; Ein Paar Worte über die medicinische Literatur Russlands («Dorpater Jahrbücher» 1834); «Anzeige der Tyrologia systematica, usui academico accommodata, auctore Prof. Dr. H. Blumenthal. Charcov. 1834» (ib. 1835).

«Биографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевского у-га за сто лѣтъ его существованія», т. II, стр. 121—122, 186.—Recke u. Napiersky. Lexicon., т. 4, стр. 12—13 и допол., стр. 160. *Стен.*

Замень, Иоаннъ - Яковъ, Дерптскій (Юрьевскій) бургомистръ, родился 18 января 1700 г. въ Кенигсбергѣ и тамъ же получилъ образованіе, изучая богословіе въ мѣстномъ университетѣ; въ 1818 г. онъ отправился въ Галле для изученія права, потомъ посѣтилъ Іену, Ростокъ и Лейденъ и въ 1726 г. пріѣхалъ въ Ригу. Здѣсь въ теченіе семи лѣтъ З-нъ жилъ въ качествѣ домашняго учителя въ нѣсколькихъ аристократическихъ домахъ, а въ 1733 г. устроился адвокатомъ при Рижскомъ судѣ; одновременно онъ состоялъ здѣсь и въ должности фискала. 18 февраля 1740 г. онъ былъ избранъ Дерптскимъ бургомистромъ и занималъ эту должность до 1764 г. Въ эти годы З-нъ усердно занимался изученіемъ историческихъ памятниковъ древняго Дерпта (Юрьева), и собранныя имъ по этому вопросу свѣдѣнія вошли, между прочимъ, въ портфели Мюллера (IX, 453—468). Кроме того, въ архивѣ Юрьевской ратуши сохранились три большія рукописи его, представляющія матеріалы для исторіи древняго Дерпта и подробное историческое описаніе этого города (1) «Das

alte Dorpat, so den Zustand und Beschaffenheit desselben unter bischöflichen und Königlichen polnischen Regierung aus richtigen Urkunden vorstellt», 2) «Excerpta protocollorum Dorpatensium a. 1600 ad 1709» и 3) «Excerpta protocollorum actorumque Dorpatensium ab urbe restituta ad praesens tempus cum indicibus». Скончался З-нъ 16 мая 1769 г.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller — und Gelehrten Lexicon», Митавъ, 1832 г., т. 4, стр. 14 и 15.—Приложеніе, стр. 161.

Замойскій, Станиславъ (Костка-Францискъ - Салезій - Ринальдо) *Андревицъ*, графъ, д. т. сов., членъ Государственнаго Совѣта, сынъ короннаго канцлера, род. 13 января 1775 года. На 33-мъ году жизни (1808 г.) австрійскимъ правительствомъ былъ пожалованъ чиномъ дѣйств. тайн. совѣтника и званіемъ дѣйствительнаго камергера; въ 1810 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ и воеводою бывшаго княжества Варшавскаго; въ 1812 г. получилъ отъ короля Саксонскаго ордена св. Станислава 1-й ст. и Бѣлаго Орла. Въ 1815 г. гр. З-скій былъ избранъ предводителемъ депутаціи того же княжества, отправленной въ Парижъ къ императору Александру Павловичу, который наградилъ его орденомъ св. Александра Невскаго и съ тѣхъ поръ благоволилъ къ нему. Въ 1821 г. З-скій пожалованъ былъ членомъ Общаго Совѣта Правительственной комиссіи върнопровѣданій и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ. Назначенный въ слѣдующемъ году (17 января) президентомъ Сената Царства Польскаго, онъ въ 1825 году получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, а въ 1826 году былъ опредѣленъ президентомъ слѣдственной комиссіи по дѣламъ Царства Польскаго. Въ 1831 г. гр. З-скій получилъ алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и 6 октября того же года опредѣленъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 14 февраля 1832 года—присутствующимъ въ особомъ департаментѣ, учрежденномъ въ Государственномъ Совѣтѣ для Царства Польскаго. Въ этомъ званіи гр. З-скій состоялъ до 3 го апрѣля 1850 года, когда, поболѣвши, уволенъ былъ въ отставку. Жилъ затѣмъ въ Вѣнѣ, гдѣ и скончался въ 1858 году.

Женатъ былъ на Софьѣ Адамовнѣ княжнѣ Чарторыйской (род. въ 1778 † въ

1837 г.), извѣстной красавицѣ, производившей фруроръ на празднествахъ въ Вѣнѣ.

Формуляръ о службѣ гр. Замойскаго (хранится въ Архивѣ Государственнаго Собрѣта).—«Русскіе портреты», изданіе вед. кн. Николая Михайловича, т. IV, №№ 147, 148.

Замысловъ, Михаилъ Спиридоновичъ, механикъ-самоучка, крестьянинъ деревни Переходъ, Новгородскаго уѣзда, родился въ началѣ XIX ст., грамотѣ выучился самоучкой и, будучи еще мальчикомъ въ синильщикахъ, придумалъ особенную машину синить пряжу и набивать красками на холстѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ устраивать машины для бойки свай, перевозки тяжестей, отливанія воды, подъема изъ воды потонувшихъ пароходовъ и др. Въ 1851 г. онъ поднялъ изъ Невы затонувшій пароходъ «Марія»; тогда же для бойки свай на Масланомъ бунѣ въ Петроградѣ изобрѣтенъ имъ былъ механическій коперъ, дѣйствовавшій вчетверо успѣшнѣе обыкновеннаго. Въ 1853 г. онъ же руководилъ выемкой свай изъ Введенскаго канала. Всѣ его изобрѣтенія отличались простотою и дешевизною. Кромѣ того, З—ловъ строилъ водяныя и вѣтренныя мельницы, лѣсопильные заводы и пр. Такъ, между прочимъ, онъ построилъ пильный заводъ и водяную мельницу близъ помѣстья Званки у вдовы поэта Державина. Большую пользу З—ловъ принесъ при постройкѣ Николаевской желѣзной дороги и при постройкахъ въ Грузинскомъ имѣніи гр. Аракчеева, гдѣ показавъ свое искусство при перевозѣ гранитныхъ камней. Въ концѣ 50-хъ годовъ З—ловъ усердно придумывалъ средства для подъема затонувшаго въ Балтійскомъ морѣ военнаго корабля «Лефортъ» и въ 1858 г. даже привезъ въ Петроградъ модели своихъ машинъ для этой цѣли. Но дѣло не получило хода. Главнымъ побужденіемъ для З—лова къ труду служило сознание приносимой имъ пользы, одобреніе же, похвала и поощреніе были для него лучшею наградою. Къ сожалѣнію, та глушь, въ которой жилъ З—ловъ, мало способствовала проявленію его неутомимой изобрѣтательности, а окружающая среда не могла оцѣнить даровитаго человѣка и сочувствовать ему. Если къ этому присоединить слабость З—лова къ вину, то станетъ яснымъ, почему онъ раздѣлилъ судьбу тѣхъ русскихъ даровитыхъ самоучекъ-изобрѣтателей, ко-

торые при такихъ условіяхъ остаются въ тѣни, мало замѣченными.

В. Г. Величкинъ, «Разказы о русскихъ самоучкахъ». М. 1882 г., стр. 26—38.—«Сѣверная Пчела» 1851 г., №№ 173 и 176; 1860 г., № 51.—«Посредникъ» 1851 г., № 19, 29.

Замыцкій, Андрей Васильевичъ † 1605 г. на дорогѣ изъ Тюмени. Въ 1575 г. состоялъ на Мышегѣ однимъ изъ головъ въ правой рукѣ, подъ предводительствомъ кн. Ив. Мих. Долгорукаго; въ 1577 г. числился воеводой въ Орлѣ; въ 1581 г. былъ однимъ изъ головъ въ Псковѣ, во время осады этого города Стефаномъ Баторіемъ, въ 1585 г.—намістникомъ на Бѣлой и въ Почепѣ и затѣмъ воеводой въ городахъ: Копорьѣ (1591 г.), Рязкѣ (1593 г.), Дорогобужѣ (1597 г.), Черни (1598 г.), Курскѣ (1600 г.), Орлѣ (1602 г.) и Тюмени (1603—1605 гг.). Въ 1598 г. онъ подписалъ грамоту утвержденную объ избраніи царемъ Бориса Годунова. Весной 1602 г. былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ въ Кремль.

А. А. Э., II.—Др. Р. Вивл., XIV.—Синб. Сб.—Кн. Долгоруковъ, Род. кн., IV.—Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ».

В. Корсакова.

Замыцкій, Андрей Ивановичъ. Въ 1576 г. былъ воеводой въ Орлѣ, а въ 1603 г.—въ Орѣшкѣ. З-кой состоялъ также въ большомъ полку съ кн. Ив. Сем. Лобановымъ.

Синб. Сб.

В. Корсакова.

Замыцкій, Василій Аванасьевичъ. Въ 1639 г. присутствовалъ при встрѣчѣ персидскаго посла за р. Язвой. Въ 1646 г. онъ, числясь дворяниномъ, дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ. Въ 1654—55 гг. состоялъ воеводой на Бѣлозерѣ. По случаю войны съ Польшею приходилось заботиться о сборѣ и отсылкѣ разныхъ припасовъ: 23-го февраля 1655 г. патриархъ Никонъ прислалъ З-кому грамоту объ отправленіи подѣ Смоленскъ изъ Терапонтова монастыря хлѣбныхъ запасовъ (одной половины по зимнему, а другой по лѣтнему пути). Въ июлѣ и въ сентябрѣ того же года З-кій увѣдомлялъ патриарха о сборѣ лошадей съ бѣлозерскихъ монастырскихъ и церковныхъ земель для отправки подѣ Смоленскъ, а также о хлѣбномъ и денежномъ сборѣ съ бѣлозерскихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель. Требовались люди не только для войны, но и для выполненія разныхъ вре-

менныхъ службъ при царскомъ дворѣ: эту повинность могли нести отставные помѣщики и вотчинники, и 3-ій высылалъ въ Москву для встрѣчи шведскихъ пословъ какъ коренныхъ жителей Бѣлозерскаго у., такъ и испомѣщенныхъ въ немъ дворянъ московскихъ и другихъ городовъ.

Доп. въ Акт. Ист., IV.—Р. И. В., X.—Дв. разр., II.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».

В. Корсакова.

Замыцкій, Василій Константиновичъ. Въ 1548 г. на свадьбѣ кн. Юрія Вас. (брата царя Іоанна Вас.) съ княжной Ульяной Дм. Палецкой несъ вмѣстѣ съ Ѳеод. Коробовымъ фонарь надъ «княжю свѣчу». 2 октября 1550 г. онъ и его братья Иванъ и Михайлъ изъ переславльскихъ дѣтей боярскихъ переведены были боярскими дѣтьми въ Московскій уѣздъ. Въ 1554 г. 3-ій былъ въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ Казанскаго царя Симеона съ Марьей Андр. Кутузовой. Въ 1563 г., по взятіи Полоцка царемъ Іоанномъ Вас., былъ тамъ городничимъ вмѣстѣ съ Вас. Петр. Головинымъ, а въ 1565 г. намѣстникомъ въ Почепѣ.

Др. Р. Вивл., XIII.—Спб. Сборн.—Кн. Долгоруковъ, Род. кн., IV. *В. Корсакова.*

Замыцкій, Василій (большой) Тимоѣевичъ, прозваніемъ *Шумиха*. Это прозвище встрѣчается въ межевой грамотѣ великаго князя Іоанна Васильевича (около 1504 г.) при пожалованіи имъ своему сыну Юрію городовъ Дмитрова и Кашина: «селцо Рождественное Васильево *Шумихино* Тимоѣева сына *Замыцкаго*». Тамъ же упоминается *Замыцкій* станъ, въ которомъ было нѣсколько деревень, принадлежавшихъ Замыцкимъ. У Василія Тимоѣевича *Шумихи* было семь братьевъ: двое изъ нихъ носили имя Василія и, для отличія другъ отъ друга, тоже имѣли прованія: средній назывался *Жукъ*, младшій — *Толстый*. Свѣдѣнія о нихъ крайне скудны: Вас. Тимоѣ. *Шумиха* былъ въ 1528 г. воеводой на Унжѣ, а Вас. Тимоѣ. *Толстый* въ 1549 г. воеводой въ Смоленскѣ. Неизвѣстно, который изъ братьевъ состоялъ въ 1549 г. приставомъ у пословъ, пріѣхавшихъ въ Москву отъ польскаго короля Сигизмунда для переговоровъ о мирѣ, и кто описывалъ въ 1557 г. земли Старицы.

С. Г. Г. и Д. I, I.—Кн. Долгоруковъ, Род. кн. I.—Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 59.

В. Корсакова.

Замыцкій, Даниилъ Андреевичъ. Въ 1607 г. былъ подъ Калугою головою у сотни въ полку Ив. Матв. Бутурлина. Затѣмъ онъ послѣдовательно состоялъ воеводою—въ Боровскѣ (1614 г.), Брянскѣ (1615 г.), Муромѣ (1616—1617 г.), Можайскѣ (1619 г.), Арзамасѣ (1623—25 гг.), Вязьмѣ (1626—28, 1630—31, 1637—38 гг.) и Тобольскѣ (1632—35 гг.). При назначеніи въ Вязьму вмѣстѣ съ кн. Черкасскимъ 3-ій былъ челомъ государю на кн. Черкаскаго, но государь пригрозилъ тюрьмой въ случаѣ непослушанія, и 3-ій смирился. Въ 1628 г. онъ бывалъ у царскаго стола. Въ этомъ году и въ 1632 г. сопровождалъ царя Мих. Ѳеод. въ богомольныхъ походахъ. Въ 1636 и 1640 гг., въ числѣ другихъ дворянъ, дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ. Въ 1641 г. былъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ отъ Яузы по Срѣтенскія ворота.

С. Г. Г. и Д., III.—Разр. кн., I и II.—Дв. разр., I и II.—Р. И. В., IX и X.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Вълокуровъ*, «Разрядныя записи за Смутное время».

В. Корсакова.

Замыцкій, Дмитрій Андреевичъ. Въ 1570—1572 гг. состоялъ намѣстникомъ въ Мценскѣ. Когда царь Іоаннъ Вас. пошелъ въ 1572 г. изъ Александровской слободы противъ крымскаго хана на Тулу и на Дѣдлово, то въ передовомъ полку съ Ив. Мих. Морозовымъ былъ 3-ій, а люди съ ними по ихъ спискамъ. Въ 1573 г. онъ былъ воеводою въ Старицѣ. Въ 1574 г. подъ Перновъ было послано войско съ царемъ казанскимъ Симеономъ Бекбулатовичемъ, при чемъ отрядъ ногайскихъ людей находился подъ начальствомъ 3-каго. Въ 1575 г. 3-ій былъ однимъ изъ головъ на Мышевѣ въ правой рукѣ у кн. Ив. Юрьев. Голицына; въ 1576 г. въ Новгородѣ, въ большомъ полку съ бояриномъ Ив. Вас. Шереметевымъ, а въ 1579 г.—намѣстникомъ и воеводою въ Рязскѣ. Въ 1580 г. въ Ржевѣ—Володимировѣ стояли полки; воеводами передоваго полка были: кн. Вас. Агишев. Тюменской и 3-ій; на мѣсто 3-каго назначенъ кн. Ѳеод. Александр. Масальскій, а 3-вому велѣно быть въ Торонѣ. Въ 1581 г., послѣ того, какъ литовцы выжгли Старую Русу, царь отправилъ на смѣну прежнимъ другимъ воеводъ, въ томъ числѣ 3-каго. Литовцы вторично пришли къ Старой Русѣ и зажгли ее, а воеводу кн. Ту-

ренина взяли въ плѣнъ, потому что остальные воеводы (два Салтыкова и 3-кій) «побѣжали, а вн. Василья выдали». Въ 1582 г. 3-кій описывалъ земли Деревской пятины (въ Новгородской области) и въ томъ же году состоялъ осаднымъ воеводою въ Рузѣ. Въ 1583 г., въ половинѣ апрѣля, на Волгу были отправлены въ плавныхъ въ большомъ полку: вн. Ив. Самсон. Туренинъ и 3-кій; вмѣстѣ съ воеводами передового полка они поставили въ Козмодемьянскѣ острогъ. Въ 1594 г. 3-кій дѣлалъ засѣки вмѣстѣ съ Кузьмой Осип. Безобразовымъ, но гдѣ именно— неизвѣстно. Въ 1597 г. онъ присутствовалъ при приемѣ царемъ Борисомъ бургграфа Данавскаго и носилъ въ это время званіе ловчаго. Послѣднее свѣдѣніе о немъ относится къ 1602 г., когда онъ упоминается воеводою въ Оршкѣ.

Др. Р. Визл., XII и XIV. — Сиб. Об. — Р. И. Б., V. — *Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Рос.», IX и X. — Кн. *Долгоруковъ*. — Род. кн., IV. — *Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».
В. Корсакова.

Замыцкій, Дмитрій Петровичъ, адмиралъ, членъ адмиралтействъ - совѣта, первоначальное образованіе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда былъ опредѣленъ въ 1799 г. По окончаніи курса наукъ, въ періодъ времени 1809—1828 гг., 3-кій совершалъ обычныя крейсертства въ Финскомъ заливѣ и Балтійскомъ морѣ и, кромѣ того, дважды побывалъ въ Архангельскѣ. Произведенный въ 1826 г. въ капитанъ-лейтенанты и назначенный командиромъ брига «Телемакъ», 3-кій въ томъ же году совершилъ переходъ отъ Кронштадта до Мальты, гдѣ былъ сначала назначенъ въ эскадру вице-адмирала графа Гейдена, а затѣмъ переведенъ въ эскадру контръ-адмирала Рикорда, съ которой участвовалъ въ блокадѣ Дарданеллъ. Въ 1831 г. 3-кій принялъ участіе въ войнѣ за независимость Греціи и за удачное сраженіе съ идріотскими матежниками въ Монастырской бухтѣ, у города Поло, былъ награжденъ бантомъ къ ордену св. Владиміра. Черезъ два года, въ 1833 г., онъ въ чинѣ капитана 2-го ранга вернулся въ Кронштадтъ, гдѣ былъ назначенъ командиромъ фрегата «Александръ Невскій». Въ 1836 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Въ теченіе времени 1836—1846 гг., командуя новопостроеннымъ кораблемъ

«Лефортъ», 3-кій ежегодно крейсеровалъ въ Балтійскомъ морѣ. Произведенный въ 1847 г. въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 2 бригады 3-ей флотской дивизіи, онъ, имѣя послѣдовательно свой флагъ сначала на кораблѣ «Арсисъ», а затѣмъ на кораблѣ «Россия», крейсеровалъ въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ (1847—1848 гг.), послѣ чего въ 1849 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника 1-ой флотской дивизіи. Въ 1850 г. 3-кій былъ назначенъ членомъ комитета по пересмотру и составленію морского устава и въ 1853 г. произведенъ за отличіе въ вице-адмиралы, съ утвержденіемъ начальникомъ дивизіи. Во время Крымской кампаніи 1854 г., имѣя свой флагъ на кораблѣ «Красный», 3-кій находился съ флотомъ на маломъ кронштадтскомъ рейдѣ для обороны Кронштадта отъ нападенія англо-французскаго флота. Въ 1855 г. былъ назначенъ членомъ адмиралтействъ совѣта, а въ 1859 г. произведенъ въ адмиралы и уволенъ отъ службы. Скончался онъ въ 1879 г. Служба 3-каго была отмѣчена многими орденами до Анны 1-й степени включительно. Кромѣ того, за переводъ съ англійскаго книги «Часовыя таблицы» онъ былъ пожалованъ золотой табакеркой съ живописью.

«Общій морской списокъ», т. VII, стр. 119—121. — *И. Петровъ*, «Указатель статей повременныхъ морскихъ изданій», предшествовавшихъ журналу «Морской Сборникъ» 1881 г., стр. 17. — *С. Н. Южаковъ*, «Большая Энциклопедія», т. IX, вып. 7—8, стр. 496.
Н. Артамонова.

Замыцкій, Иванъ Ивановичъ. Въ 1638—40 гг. былъ осаднымъ воеводою въ Тулѣ; въ 1641 г., марта 1-го, въ день именинъ царицы Евдокіи Лубьяновны, обѣдалъ за царскимъ столомъ. Въ 1643—46 гг. онъ числился воеводою въ Бѣжецкомъ Верхѣ, гдѣ и скончался въ 1646 г.

Дв. разр., II. — Р. И. Б., X. — *Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».
В. Корсакова.

Замыцкій, Константинъ Тимофеевичъ. Въ 1504 г. ѣздилъ въ Литву къ вел. княгинѣ Еленѣ Іоанновнѣ съ кречетами, бѣлками и сухою рыбою. Посылка этихъ вещей была, конечно, предлогомъ: въ Москвѣ желали знать о томъ настроеніи, какое существовало въ Литвѣ. Въ 1509 г. въ Москву пріѣхало посольство нѣмецкаго императора Максимилиана для возобнов-

ленія торговаго договора и чтобы выхлопотать право безопаснаго проѣзда путешественниковъ въ обоихъ государствахъ. Вел. князь Вас. Ив. не желалъ самъ договариваться съ послами, а потому, слѣдуя примѣру отца, отправилъ ихъ въ Новгородъ. Въмѣсто новгородскихъ намѣстниковъ крестъ цѣловали тамъ: дворянинъ Замыцкій и новгородскіе купецкіе старосты Саларовъ и Кирилловъ. Въ 1512 г. 3-кій ѣздилъ въ Литву съ жалобой вел. кн. на притѣсненія, которымъ подвергаются русскія пограничныя селенія. Возвратясь въ Москву, 3-кій сообщилъ вел. князю, что вдовствующая королева Елена Иоанновна терпитъ большія неприятели и что для разбора пограничныхъ дѣлъ обѣщано выслать 23 апрѣля на границу судей.

Въ 1519 г. 3-кій, названный «ближнимъ боярскимъ сыномъ», ѣздилъ съ толмачемъ Истомай Малымъ къ магистру ливонскому Альбрехту. Уже нѣсколько времени папа Левъ X велъ переговоры съ вел. кн. Вас. Ив. черезъ посредничество Альбрехта; цѣлью этихъ переговоровъ было втянуть Московское государство въ войну съ Оттоманскою имперіей и добиться соединенія греко-россійской и римско-католической церкви. Въ случаѣ согласія вел. князя на соединеніе церквей, папа обѣщалъ поставить Московскаго митрополита въ патриархи, а вел. кн. короновать царемъ. Въ началѣ марта прѣѣзжалъ въ Москву отъ папы уже въ третій разъ монахъ Шомбергъ. Кромѣ войны съ Турціей и соединенія церквей, ему было поручено хлопотать о перемиріи съ Польшей. Въ наказѣ, даномъ 3-кому, сказано между прочимъ: «Государь нашъ съ папою хочетъ въ дружбѣ и въ согласѣ быти о дѣлахъ о которыхъ; а какъ напередъ того Государь нашъ съ Божьею волею отъ прародителей своихъ Законъ Греческой держалъ крѣпко, такъ и нынѣ съ Божьею волею Законъ свой держати крѣпко хочетъ». Что касается перемирія съ Польшей, то вел. князь изъяснилъ на это согласіе, но съ условіемъ, чтобы магистръ не забылъ своей клятвы быть вѣрнымъ союзникомъ вел. князя. 3-кій такъ описываетъ свой приемъ: «Магистръ принялъ меня съ великою честью, самъ ко мнѣ пришелъ и рѣчей слушалъ, самъ меня къ себѣ къ столу провожалъ и шелъ отъ меня по лѣвую сторону, за столомъ посадилъ на

своемъ мѣстѣ». Выѣхавъ изъ Москвы 3-го апрѣля, 3-кій вернулся 23 мая и донесъ вел. князю, что магистръ просилъ денегъ на заемъ людей, такъ какъ иначе онъ не имѣетъ возможности нанять войско.

Въ 1520 г. 3-кій былъ воеводой, по всей вѣроятности, въ Нижнемъ Новгородѣ. Въ 1533 г. онъ ѣздилъ посломъ къ господарю Молдавскому Петру.

Карамзинъ, «Исторія Государ. Россійскаго», VI и VII.—*Соловьевъ*, «Исторія Россій», V.—*Кн. Долгоруковъ*, Род. кн., IV.—*Бантышъ-Каменскій*, «Обзоръ вѣдшихъ сношеній Россіи». М. 1897 г., III и IV.

В. Корсакова.

Замыцкій, Никита Константиновичъ. Въ 1559 г. подъ Вильяномъ былъ однимъ изъ головъ въ большомъ полку у боярина и воеводы Мих. Яв. Морозова, въ 1565 г. состоялъ намѣстникомъ въ Стародубѣ и въ 1569—71 гг.—воеводою въ Псковѣ. Какъ извѣстно, онъ доносилъ царю о приходѣ литовцевъ и взятіи ими г. Изборска.

Др. Рос. Вивл., XIII.—Симб. Сб.—*Кн. Долгоруковъ*, Род. кн. IV.—Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 71.

В. Корсакова.

Замыцкій, Семенъ Степановичъ Шаранъ. 7-го сентября 1538 г. новгородскій намѣстникъ кн. Горбатый отправилъ его въ Швецію посланникомъ, чтобы подтвердить перемиріе, заключенное на 60 лѣтъ. 12-го іюня 1539 г. онъ вернулся въ Москву, и съ нимъ прѣѣхалъ посланникъ Нилъ, по всей вѣроятности привезшій королевскую ратификацію договора.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ вѣдшихъ сношеній Россіи». М. 1902 г., IV.—*Кн. Долгоруковъ*, Род. кн., IV.

В. Корсакова.

Замыцкій, Теодоръ Андреевичъ. Въ 1569 г. ѣздилъ изъ дворца съ ѣствою къ литовскому гонцу Андрею Халетцкому. Въ 1574—75 гг. состоялъ воеводою въ Черниговѣ, а въ 1578 г., съ Благовѣщенья—намѣстникомъ въ Мценскѣ. Подъ 1579 г. имѣется свѣдѣніе, что въ Великихъ Лукахъ былъ «по вѣстямъ съ Госпожина дня (т. е. съ 15 августа) митрополитъ двореккой Ѳ. А. Замыцкой».

Др. Рос., Вивл., XIII и XIV.—Симб. Сб.—Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 71.—*Кн. Долгоруковъ*, Род., кн. IV. *В. Корсакова.*

Замятнинъ, Дмитрій Николаевичъ, д. т. с., членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, почетный опекунъ, министръ

юстиціи. Род. 31 января въ 1805 г. въ Горбатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. Первоначальное образованіе получалъ въ Лицейскомъ пансіонѣ, откуда за отличные успѣхи былъ переведенъ въ Царскосельскій лицей, въ которомъ окончилъ курсъ наукъ съ серебряной медалью въ 1823 году. 4 сентября того же года, съ чиномъ титулярнаго совѣтника, онъ поступилъ на государственную службу въ Комиссію по составленію законовъ и состоялъ подъ начальствомъ Сперанскаго, который въ это время занимался кодификационными работами. 4 апрѣля 1825 г., съ закрытіемъ этой Комиссіи, З-нинъ перешелъ старшимъ помощникомъ во вновь учрежденную Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію. Здѣсь съ самаго начала ему поручено было собраніе матеріаловъ для составленія части гражданскихъ законовъ объ имуществахъ и матеріаловъ по исторіи судебныхъ мѣстъ за 1649—1796 годы. Вслѣдъ затѣмъ З-нинъ самостоятельно составилъ главы о дарѣ и о взысканіяхъ. Его же перу принадлежатъ своды о ревизіяхъ, о паспортахъ, о бѣглыхъ, о колоніяхъ, о карательныхъ постановленіяхъ по выборной службѣ и учрежденіе департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Кромѣ того, З-ну было поручено составленіе нѣкоторыхъ главъ общаго губернскаго присутствія, устава о податяхъ и устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Особенно неутомимую дѣятельность онъ проявилъ въ дѣлѣ составленія Свода законовъ для Западныхъ губерній. Имъ же составлены были обширныя записки, внесенныя въ Государственный Совѣтъ, о распространеніи на Малороссійскія губерніи общихъ законовъ о судопроизводствѣ, мѣръ гражданскихъ взысканій и отмѣнѣ нѣкоторыхъ частей Литовскаго статута. Такое продолжительное участіе въ столь сложныхъ работахъ не могло не способствовать исключительному знакомству З-на со всѣмъ нашимъ законодательствомъ.

10 февр. 1837 г. З-нинъ былъ пожалованъ въ званіе камергера Двора Его Императорскаго Величества, 16 дек. 1839 г.—чиномъ дѣйствит. стат. совѣтника, а 30 декабря 1840 г. былъ назначенъ герольдмейстеромъ. Назначенію этому тогда придавалось особое значеніе въ виду обнаруженныхъ крупныхъ злоупотре-

бленій и взяточничества въ департаментѣ Герольдіи. Въ первый же годъ З-нинъ выказалъ себя хорошимъ администраторомъ. Отчетъ его за 1841 годъ, заключавшій въ себѣ также тщательное обдуманнѣе планъ реформы дѣлопроизводства департамента Герольдіи, обратилъ на себя вниманіе. 30 мая 1848 г. З-нинъ былъ назначенъ членомъ Консультациі, учрежденной при мин. юстиціи, а въ 1849 г. назначенъ и. д. оберъ-прокурора 2-го департамента Сената, въ каковой должности утвержденъ былъ 19 іюля 1852 г., послѣ того какъ въ 1851 г. произвелъ ревизію судебныхъ мѣстъ въ Витебской губерніи; 26 іюля 1852 г. З-нинъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и назначенъ былъ сенаторомъ; 9 мая 1858 г.—товар. министра юстиціи, 22 мая того же года—членомъ Совѣта Патріотическаго института и Петроградскаго Елизаветинскаго училища, а 8 сентября 1859 г. награжденъ орденомъ Александра Невскаго.

21 окт. 1862 г., послѣ отставки министра юстиціи графа Панина, З-нинъ назначенъ былъ управляющимъ министерствомъ юстиціи, 1 янв. 1864 г. утвержденъ въ званіи министра юстиціи, а 27 марта 1866 г. произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Назначенный затѣмъ 2 мая 1866 г. членомъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, З-нинъ 16 апр. 1867 г. уволенъ былъ отъ должности министра юстиціи и одновременно назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и награжденъ орденомъ Александра Невскаго съ алмазными украшеніями. Далѣе, 1 янв. 1874 г. онъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ, 1 янв. 1877 г. награжденъ орденомъ св. Владимира 1 ст., а въ 1881 г. получилъ предсѣдательство въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ и въ томъ же году, 19 октября, скончался.

Во время управленія З-нимъ министерствомъ юстиціи въ области нашего судебнаго законодательства послѣдовалъ законъ, измѣнившій основы дѣйствовавшей въ то время карательной системы и имѣвшій огромное культурное значеніе. Указомъ 17 апрѣля 1863 г. были отмѣнены жестокія тѣлесныя наказанія; розги и плети, считавшіяся необходимымъ придаткомъ къ каждому наказанію, начиная отъ тюрьмы и кончая каторжными работами, наложеніе клеймъ на лбу и обѣихъ ще-

какъ присужденнымъ къ каторгѣ, прогнаніе съвозъ строй и шпицрутены для каторжниковъ изъ бывшихъ военно-служавшихъ и публичное исполненіе всѣхъ этихъ наказаній, отъ которыхъ не были избавлены ни женщины, ни старики, не достигшіе семидесятилѣтняго возраста,—съ этого дня стали лишь воспоминаніемъ темнаго прошлаго.

При министрѣ юстиціи З-нѣ были утверждены судебные уставы 20 ноября 1864 г. Со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ исчезла старинная канцелярская волокита, забылось тайное формальное судебное дѣлопроизводство съ его теоріей письменныхъ доказательствъ и крючкотворствомъ и явился заслужившій всеобщее довѣріе, судъ устный, гласный, милостивый и справедливый. Много трудовъ и усилій потребовалось для проведенія такой коренной судебной реформы. Немало потрудился при составленіи новаго закона и проведеніи его въ жизнь и З-нинъ. Самое дѣятельное и живое участіе въ трудахъ комиссіи по разработкѣ судебныхъ уставовъ онъ началъ принимать, состоя еще въ должности товарища министра юстиціи. Будучи министромъ, онъ просматривалъ всѣ измѣненія проектовъ, въ которыхъ было до 1100 статей, и собственноручно дѣлалъ къ нимъ замѣчанія. Съ особенною настойчивостью онъ стремился къ возможному улучшенію положенія и къ увеличенію окладовъ будущихъ судебныхъ чиновъ. Онъ придавалъ этому такое серьезное значеніе, что возможность осуществленія судебной реформы ставилъ въ прямую зависимость отъ матеріальнаго обезпеченія судебныхъ чиновъ. Онъ сознавалъ, что если судебное вѣдомство не будетъ въ состояніи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣателей,—несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и правительству будетъ опасно предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и ввѣрить охраненіе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ будетъ служить въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не могло пристроиться въ другомъ мѣстѣ.

Сложную и трудную задачу практическаго осуществленія этой великой реформы З-нинъ выполнилъ съ большимъ успѣхомъ. Согласно его мнѣнію, къ которому примкнуло большинство голосовъ членовъ

Государственнаго Совѣта, судебная реформа должна была вводиться не единовременно на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, а постепенно. 19 октября 1865 г. состоялся Высочайшій указъ о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. въ 10-ти губерніяхъ Петроградской и Московской судебныхъ палатъ.

Благодаря энергіи, настойчивости и умѣлой распорядительности З-на, обширный персоналъ новыхъ судебныхъ дѣателей былъ сформированъ въ теченіе самаго короткаго времени. Ему удалось подобрать такихъ блестящихъ дѣателей, что память о нихъ, какъ о честныхъ и просвѣщенныхъ служителяхъ правосудія, сохранилась и доннынѣ.

Въ 1865 г. З-нинъ предпринялъ шаги къ усиленію власти надзора Сената надъ министрами установленіемъ правилъ, чтобы всѣ циркуляры министровъ, издаваемые ими въ предѣлахъ ихъ вѣдомствъ, вносились бы до ихъ опубликованія въ Сенатъ и чтобы мнѣніе Сената выслушивалось бы во всѣхъ случаяхъ, требующихъ постановленія новаго закона или измѣненія прежнихъ законовъ, въ особенности если дѣло идетъ о реформѣ какой-либо части управленія въ дѣломъ. Онъ находилъ, что Сенатъ тогда будетъ въ состояніи дѣйствительно охранять законы, когда онъ будетъ участвовать въ составленіи законовъ и знать всѣ мотивы законодателя. Этотъ проектъ З-на встрѣтилъ рѣшительное возраженіе въ Комитетѣ министровъ и не былъ осуществленъ.

Переходъ отъ прежнихъ порядковъ, отъ зависимости суда отъ администраціи къ самостоятельному и независимому положенію былъ слишкомъ рѣзокъ и не могъ не вызвать нѣкоторой реакціи. Несмотря на восторженные отзывы о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій, появились нареканія на дѣятельность суда по исходамъ нѣкоторыхъ процессовъ, не соответствовавшимъ ожиданіямъ администраціи. Положеніе З-нина поколебалось, и онъ долженъ былъ покинуть постъ министра юстиціи.

Г. Докучаевъ, «Эпоха великихъ реформъ».—Его же, «Страницы изъ исторіи судебной реформы».—Его же, «Роль Д. Н. Замятнина въ судебной реформѣ». Спб. 1882 г.—«Министерство юстиціи за 100 лѣтъ (1802 — 1902 гг.)». — Подлинныя документы

Архива Государственнаго Совѣта. — «Портретная галлерей русскихъ дѣятелей». Изд. А. Мюнстера. — «Голосъ» 1873 г., №№ 253, 259. — «Русскій Миръ» 1873 г., № 243. — «Виржевыя Вѣдомости» 1873 г., № 254. — «Рус. Архивъ» 1876 г., № 7, стр. 483—484. — «Нов., Вр.» 1881 г., №№ 2030, 2046; 1905 г., № 10383. — «Порядокъ» 1881 г., № 296. — «Всемирная Иллюстр.» 1881 г., № 296. — «Газета А. Гатцуна» 1881 г., № 42. — «Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права» 1881 г., № 6 (Некрологъ Замятнина, написанный Д. В. Веромъ); 1882 г., № 9. — «Русская Мысль» 1882 г., кн. 11—12. — А. О. Кони, «Главные дѣятели судебной реформы». Спб. 1904 г. — *Его же*, «Отды и дѣти судебной реформы». М. 1914 г. — «Исторія Правит. Сената за 200 лѣтъ». Спб. 1911 г. — Д. Кобеко, «Императорскій Царскосельскій лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843». (Спб. 1911). — А. Н. Куломзинъ, «Д. Н. Замятнинъ» («Журналъ Министерствъ Юстиціи» 1914 г.). М. Чулицкій.

Замятнинъ, Юрій, ратный воевода. Въ январѣ 1515 г. посланъ былъ вел. кн. Василиемъ Ивановичемъ, вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Шаминамъ, въ Псковъ, откуда они «съ силою» Новгородскою и Псковскою должны были итти войною на «Брянсловъ». Воеводы выступили изъ Пскова 28 января, и «тамо прѣхаша и посадъ ожгоща», послѣ чего побывали подъ Икалномъ и, разоривъ городъ Друю, «придоша къ Опочкѣ, Богомъ сохранены быша». Второй разъ имя воеводы Юрія З—на мы встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1521 г. Въ іюль мѣсяцъ этого года, во время нашествія Крымскаго хана Магметъ-Гирея съ многочисленной ордой на Московское государство, З—нъ стоялъ вмѣстѣ съ другими ратными воеводами на р. Олѣ. Крымцы напали на нихъ врасплохъ: большинство воеводъ было перебито, въ числѣ ихъ палъ и З—нъ.

Пол. Собр. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 290; т. VI, стр. 28, 263. А. Г.

Замятнинъ, Феодоръ Инатъевичъ. Съ 1680—1687 гг. былъ подьячимъ, а съ 1692—1700 гг. разряднымъ дьякомъ. Въ промежуткѣ этого времени, именно около 1693 г. былъ въ Сѣвскѣ дьякомъ, въ 1694 г. состоялъ въ разрядѣ у денежной и хлѣбной доимки съ бояриномъ Тихон. Никит. Стрѣшневымъ, а лѣтомъ 1699 г. участвовалъ въ Москвѣ въ крестныхъ ходахъ.

С. Г. Г. и Д., IV. — Доп. къ Арт. Ист., VIII. — Дв. разр., IV. — Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ». В. Корсакова.

Замятня, Иванъ Васильевичъ, сынъ боярскій. Въ 1471 г. участвовалъ въ

походѣ Московской рати противъ новгородцевъ и 18 іюля послѣ Шелонской побѣды посланъ былъ къ вел. кн. Іоанну Васильевичу въ Яжелбицы съ извѣстіемъ, «что непріятель истребленъ и рать Московская цѣла»; въ то же время З—ня привезъ вел. князю и найденный у новгородцевъ въ обоѣхъ текстъ договора съ польскимъ королемъ Казиміромъ и представилъ челоуѣка, писавшаго этотъ договоръ.

Пол. Собр. Рус. Лѣт., т. VI, стр. 11; т. VIII, стр. 165. — Н. М. Карамзинъ, «Исторія Госуд. Россійскаго», т. VI, стр. 42, пр. 56.

А. Г.

Зандъ, Іоаннъ-Давидъ, родился въ Ризенбургѣ, въ Пруссіи, 20 февраля 1748 г., въ 1765 г. поступилъ въ Кенигсбергскій университетъ для изученія богословія, но занимался главнымъ образомъ математикой, физикой, естествознаніемъ и философіей и въ 1769 г., по окончаніи университета, прѣхалъ въ Эстляндію. Въ теченіе десяти лѣтъ занимался онъ здѣсь частными уроками и, изучивъ тѣмъ временемъ основательно восточскій языкъ, намѣревался уже стать пасторомъ, когда въ 1779 г. приглашенъ былъ на должность преподавателя въ дворянское училище въ Ригѣ; послѣ преобразования этой школы въ 1804 г. въ уѣздное училище Зандъ продолжалъ здѣсь свою педагогическую дѣятельность до 1817 г., когда вышелъ въ отставку и за долголѣтнюю службу награжденъ былъ орденомъ св. Анны 3-й ст. Въ томъ же году Курляндское литературно-художественное общество, во вниманіе къ его научнымъ заслугамъ, выбрало его своимъ членомъ. Изъ многочисленныхъ работъ З—да по астрономіи и космографіи назовемъ слѣдующія: 1) «Beobachtung und Berechnung der Sonnenfinsternisse von J. 1787 u. 1791» (Bode. «Astron. Jahrb.», 1794); 2) «Astronomische Beobachtungen und Nachrichten» (ibid., 1808); 3) «Verbesserung der Bestimmung der Polhöhe von Riga» (ibid., 1815); 4) «Bestimmung der Polhöhen von Kokenhusen, Dubena, Stockmannshof, Praulen und Wenden» («Jahresverh. der Kurl. Gesellschaft f. Lit. u. Kunst», I); 5) «Bestimmung der geographischen Länge von Kokenhusen» (ibid.); 6) «Bestimmung der Länge von Riga aus vier Entfernungen des Mondes von der Sonne» (ibid., II); 7) «Barometrische Höhenmessungen in Livland» (ibid.); 8) «Sonnenfinsterniss» («Rigasch. Stadtbl.», 1818)

и 9) «Ueber die Sonnenflecken» (ibid). Кроме перечисленных статей, много мелких замѣтокъ по тѣмъ же вопросамъ было помѣщено З—домъ въ газетѣ «Rigasche Stadtblätter» за 1810—1821 гг. Скончался З—дъ въ Ригѣ 19 марта 1834 г.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten Lexicon», Митаве, 1832 г., т. 4, стр. 33--34.—«Rigasche Stadtbl.», 1834 г., стр. 165—170 (некрологъ). А. Г.

Зань, Ома Карловичъ, поэтъ-романтикъ, близкій другъ Адама Мицкевича, на котораго въ молодости имѣлъ большое вліяніе, родился въ Новогродскомъ повѣтѣ 21 декабря 1796 г., первоначальное образованіе получилъ въ м. Молодечнѣ, а затѣмъ поступилъ на физико-математическій факультетъ Виленскаго университета. По окончаніи здѣсь курса наукъ Зань имѣлъ въ виду продолжать свои научныя занятія. Постоянно вращаясь въ кругу профессоровъ и университетской молодежи, молодой мечтатель-романтикъ приобрѣлъ громадное вліяніе на своихъ товарищей; въ ихъ числѣ былъ и землякъ Зана, А. Мицкевичъ, гений котораго будила романтическая лира товарища. Самъ Зань сталъ писать подъ вліяніемъ твореній Жуковскаго и нѣмецкихъ поэтовъ-романтиковъ: передѣлалъ «Ленору» Бюргера, писалъ баллады (впервые на польскомъ языкѣ) и мелкія лирическія стихотворенія, положившія начало романтическому направленію въ польской поэзіи. Литературные опыты его не блещутъ поэтическими достоинствами, но современниками читались съ удовольствіемъ, какъ новинка, и охотно помѣщались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1819 г. Зань вступилъ въ научное общество, руководимое проф. Лелевелемъ, но уже въ слѣдующемъ 1820 г. отдѣлился отъ него и основалъ собственное научно-нравственное общество «Фигаретовъ» или «друзей добродѣтели». Уставъ новаго общества, члены котораго еще иначе носили названіе «Promienistych», былъ утвержденъ правительствомъ, и общество сперва существовало на легальномъ основаніи, но потомъ (въ 1823 г.) заподозрѣно было въ тайной политической пропагандѣ и, какъ вредное, закрыто. Попечитель Новосильцевъ нарядилъ слѣдствіе, всѣ соучастники Зана были арестованы, но Зань добровольно принялъ на

себя всю отвѣтственность и былъ сосланъ сперва въ Сибирь, а потомъ переведенъ въ Оренбургъ. Здѣсь онъ жилъ въ благоприятныхъ условіяхъ и, какъ полагають, въ качествѣ учителя имѣлъ вліяніе на будущаго писателя М. В. Авдѣева. Въ Оренбургѣ же Зань, по распоряженію губернатора генерала Перовскаго, устроилъ мѣстный музей. Получивъ разрѣшеніе заняться изученіемъ Уральскихъ горъ, Зань усердно сталъ собирать необходимыя свѣдѣнія и въ результатѣ написалъ цѣлый рядъ работъ, не лишенихъ научнаго интереса: «O górach Uralskich», «O kopalniach złota i platynu», «O możności znachodzenia dyamentów» и др. Работалъ онъ и по другимъ отраслямъ знаній: дѣлалъ метеорологическія наблюденія, описалъ Сергіевскіе минеральныя ключи, занимался философіей и языковѣдѣніемъ. Въ 1837 г. онъ былъ помилованъ, получилъ право жить въ столицѣ и назначенъ былъ бібліотекаремъ Горнаго института. Въ 1841 г. Зань переселился въ Вильну. Изъ позднѣйшихъ литературныхъ произведеній его извѣстна повѣсть, написанная стихами (въ 2-хъ частяхъ), «Koteczka» («Noworosznik Leksmi-pie», 1844 г.). Скончался Зань въ своемъ имѣніи Кохачинѣ 7 іюля 1855 г.

«Album biograficzne». Вар. 1901 г., т. I, стр. 268—271.—«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 286.—*Брокгаузъ и Ефронъ*, Энцикл. словарь, изд. 1894 г., т. XII, стр. 229.—*Вар. Розетъ*, «Записки декабряста», Сиб. 1907 г., стр. 52. А. Г.

Заньковскій (Заньковскій), Емсей Дмитріевичъ, капитанъ, родился около 1788 г., службу началъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но уже въ чинѣ коллежскаго регистратора перешелъ на военную службу колонновожатымъ по квартирмейстерской части въ свиту Его Императорскаго Величества. 27-го января 1812 г. З—скій произведенъ былъ въ прапорщики и въ томъ-же году за отличія въ Отечественную войну получилъ нѣсколько наградъ: за Бородино — орденъ св. Анны 4-й степени, за сраженіе подъ Тарутинимъ—чинъ подпоручика, за дѣло подъ Вязмою — золотую шпагу съ надписью «за храбрость» и за битву подъ краснымъ—орденъ св. Владимира 4-й степени. Принимая затѣмъ участіе въ заграничномъ походѣ 1813—1814 гг., З—скій находился при переправѣ черезъ Марну, гдѣ получилъ чинъ поручика и прусскій

орденъ «за военныя достоинства», а 18 марта 1814 г., подъ Парижемъ, былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы З—скій вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана. Умеръ послѣ 1833 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Киевъ, 1910 г., т. II, стр. 122.

Заозерскій, Василій, перевелъ съ франц. языка сочиненіе Бартеlemi «Любовь Кариты и Полидора» (М. 1790 г.).
Геннади, Словарь.

Заорскій, Павелъ, библиографъ, родился въ 1780 г., образование получилъ въ Краковѣ, нѣкоторое время былъ учителемъ латинскаго языка, но скорѣ, по приглашенію Линде, отправился въ Варшаву, гдѣ принялъ участіе въ устройствѣ публичной библиотеки, сперва въ качествѣ помощника библиотечаря, а потомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ качествѣ библиотечаря. Хорошій знатокъ библиографіи и неутомимый работникъ въ этой области, З—скій всегда охотно приходилъ на помощь всѣмъ нуждавшимся въ его указаніяхъ и оставилъ по себѣ свѣтлую память въ Варшавской библиотекѣ, которая обязана ему пополненіемъ многихъ отдѣловъ своихъ и составленіемъ каталога для польскаго отдѣла. Свои работы по библиографіи З—скій помѣщалъ въ «Gazecie Litewskiej», сотрудникомъ которой состоялъ въ 1821—1822 гг. Въ 1849 г., по выходѣ въ отставку съ пенсіей, онъ остался жить въ Варшавѣ, гдѣ и скончался въ 1862 г.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 291, 292. А. Г.

Запара, Дмитрій Федоровичъ, общественный дѣятель, гласный перваго Харьковскаго губернскаго земскаго собранія, род. 5 февраля 1826 г. Первые годы дѣтства провелъ въ деревнѣ своего отца, въ Изюмскомъ уѣздѣ, близъ рѣки Торца. Одиннадцати лѣтъ былъ отданъ въ Харьковскій частный пансіонъ Зимницкаго, по окончаніи котораго на 16-мъ году отъ роду поступилъ въ Харьковскій университетъ и жилъ на квартирѣ у проф. А. Л. Метлинскаго. М. Де-Пуле даетъ такую характеристику З—рѣ: «Необыкновенное добродушіе и неистощимый малороссійскій юморъ составляли отличительныя качества Запары и дѣлали его общимъ любимцемъ не однихъ товарищей и сокурсниковъ, но и всѣхъ, знавшихъ его студентовъ. Отлично подготовлен-

ный и постоянно занимающійся, онъ, будучи студентомъ, старался разыгрывать передъ профессорами роль пустого юноши, что вполнѣ ему удавалось; все это онъ считалъ необходимымъ для того, чтобы не получить кандидата, ибо, по его мнѣнію, для порядочнаго студента нашего времени постыдно было называться этимъ именемъ. Запара, вопреки принятому обычаю, поступилъ на словесный факультетъ, отлично занимался, но умышленно дурно держалъ репетиціи и экзамены и окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, послѣднимъ изъ своихъ товарищей, будучи всѣхъ насъ образованнѣе, ибо тогда еще свободно читалъ по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, по-итальянски и по-польски. Нѣкоторые профессора знали хорошо этого чудака, другіе догадывались о немъ, но что было дѣлать тѣмъ и другимъ на экзаменѣ при видѣ простодушнаго и простоватаго хлопца-студента, который или несетъ чепуху, или стоитъ пнемъ и хлопаетъ глазами. Поневолѣ имъ приходилось ставить ему двойки и тройки».

Окончивъ 20-ти лѣтъ университетъ и прослужа немного времени въ Изюмскомъ уѣздномъ судѣ, З-ра поселился въ Изюмскомъ уѣздѣ въ деревнѣ, откуда почти никуда не выѣзжалъ, за исключеніемъ кратковременныхъ поѣздокъ. Линившись вълѣдствіе нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ необходимыхъ средствъ къ жизни, З-ра заперся въ почти крестьянской мазанкѣ хутора Кринички и самъ сталъ добывать тяжелую копѣйку, терпя съ молодою женою невѣроятныя лишенія. Такая суровая обстановка способствовала выработкѣ въ немъ характера упорнаго въ перенесеніи всякихъ невзгодъ и сильнаго въ достиженіи частныхъ и общественныхъ свѣтлыхъ цѣлей. Ни въ комъ не нуждаясь, онъ развелъ у себя отличное овцеводство. Рассказываютъ, что, купивъ у извѣстнаго Екатеринбургскаго овцевода Абазы стадо барановъ, онъ, не довѣряя чабанамъ, самъ пригналъ эту драгоценность пѣшкомъ за 50 верстъ къ себѣ въ Кринички. Усердно занимаясь собственнымъ хозяйствомъ, З-ра дѣлалъ много добра и другимъ. Полезная и безкорыстная дѣятельность его была причиною того, что вліяніе его на околотокъ сдѣлалось неотразимымъ и онъ оказался центромъ, къ которому стремились всѣ радіусы окрестной жизни. Въ особенности вліяніе его

было сильно среди крестьянъ, которыхъ онъ систематически подготавливалъ къ освобожденію. Въ часы досуга 3-ра писалъ статьи для нѣкоторыхъ журналовъ; такъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ имъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», онъ простодушно разсказалъ грустную исторію добровольныхъ соглашеній съ крестьянами своего хутора, въ которой скорѣе обвинялъ себя, чѣмъ оправдывалъ. Кромѣ того, онъ работалъ въ «Основѣ», въ «Голосѣ» и въ «Земледѣльческой газетѣ». Придавая большое значеніе народному образованію, 3-ра подалъ первый мыслъ основать денежный фондъ по подпискѣ на поддержаніе народныхъ школъ въ Харьковской губерніи и на изданіе руководствъ для нихъ. Къ симпатичнымъ чертамъ его нужно отнести и любовь его къ стариннымъ рукописнымъ матеріаламъ, которые собиралъ онъ для исторіи Малороссіи; этимъ собраніемъ, между прочимъ, пользовался Харьковский архіепископъ Филаретъ. Ранніе усиленные труды вскорѣ подорвали его силы, а неудачно сдѣланная ему операція, приковавшая его надолго къ постели, вызвала пролежень на хребетномъ столбѣ, который и свелъ его въ могилу 6 декабря 1865 года.

М. Де-Пуле, «Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій» («Востокъ Европы» 1874 г., т. I) — «Прибавленіе къ Харьковскимъ Губ. Вѣдомостямъ» 1866 г., № 126. — «Иллюстрированная Газета 1866 г., № 2. — *Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 23. — *Иконниковъ*, «Опытъ рус. исторіографіи», т. I, стр. 1231.

М.—ловъ.

Запольскій, Василій Игнатовичъ, писатель и переводчикъ съ франц. языка начала XIX в. Съ именемъ его связаны слѣдующіе печатные труды: «Филетъ, пастушескій романъ», соч. Бланшара съ франц. (М. 1809 г.); «Теласко, или добродѣтельный американецъ, истинное происшествіе», съ франц. 2 ч. (М. 1805); «Новая учебная книга для французскаго языка, содержащая въ себѣ букварь, этимологію, синтаксисъ и хрестоматію» (М. 1817). Изданіе 2-ое вышло подъ названіемъ: «Новая учебная книга французскаго языка по руководству Лезивака и Жиро Дювивье» (въ 4-хъ отдѣленіяхъ. М. 1824); «Французская хрестоматія или собраніе разныхъ пьесъ на франц. языкѣ» (М. 1822) и «Краткое руководство всеобщей географіи, по новому раздѣленію,

въ употребленіе введенное въ учебныя заведенія и частные пансіоны Московскаго учебнаго округа» (3 ч. Изд. 2-ое испр. М. 1826).

Росписъ російскимъ книгамъ для чтенія изъ библиотеки А. Смирдяна», №№ 3519, 5807, 5922, 9475, 9522. — *Геннади*, Словарь.

Запольскій, Иванъ Игнатовичъ, проф. прикладной математики и опытной физики въ Казанскомъ университетѣ, род. въ 1773 г., воспитывался сначала въ Сѣвской и Вѣлгородской духовныхъ семинаріяхъ, затѣмъ въ Киевской духовной академіи и Московскомъ университетѣ (1796 г.). Въ 1799 г. онъ былъ опредѣленъ въ Казанскую гимназію учителемъ физики и математики, а въ 1805 г. назначенъ адъюнктомъ прикладной математики и физики во вновь открывавшійся тогда Казанскій университетъ и тогда же принялъ завѣдываніе его физическимъ кабинетомъ. Съ ноября 1806 г. и по мартъ 1807 г. онъ устраненъ былъ отъ участія въ засѣданіяхъ совѣта за прикосновенность къ совѣтскимъ неурядицамъ, но съ августа 1807 г. несъ обязанности секретаря совѣта. Утвержденный въ январѣ 1810 г. экстраординарнымъ профессоромъ по занимаемой кафедрѣ, онъ въ томъ же году, 20 декабря, скончался. Сочиненія его: «De summo bono» (рукописное?), одобренное Дерптскимъ университетомъ, и «Разсужденіе о самолюбіи», написанное въ 1807 г. и изданное (по смерти) въ «Трудахъ Казанск. Общ. Любит. Отеч. Слова». Каз. 1815 г.

«Биографическій Словарь профессоръ и преподавателей Казанскаго университета», ч. I, стр. 336. — *Геннади*, «Справочный Словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 24. (Здѣсь Запольскій ошибочно названъ *Игнатовичъ*). *Степ.*

Запольскій, Никита, протоіерей, миссіонеръ Ягутской области, родился въ Рязанской губ., сынъ дьячка, воспитывался въ Сапожковскомъ духовномъ училищѣ и Рязанской семинаріи, которую окончилъ въ 1840 году со степенью студента; въ слѣдующемъ году онъ былъ посвященъ въ священники къ Ягутскому Троицкому собору и въ то же время опредѣленъ учителемъ въ духовное училище. Перемѣщенный въ 1844 г. миссіонеромъ къ походной Николаевской церкви, онъ тогда же былъ назначенъ благочиннымъ сель-

скихъ деревьевъ, лежащихъ по сѣверо-восточной сторонѣ рѣки Лены, и одновременно несъ обязанности члена Якутскаго духовнаго правленія; по перенесеніи же Ново-Архангельской семинаріи изъ Ситхи въ Якутскъ состоялъ преподавателемъ ея. Какъ миссіонеръ, 3-ій отличался необыкновенною энеріею. Онъ почти каждый годъ предпринималъ самыя далекія и трудныя путешествія, сопряженныя съ большими лишениями. Едва-ли осталось какое-нибудь пустынное мѣсто въ Якутской области, куда бы онъ по нѣсколько разъ не проникалъ съ проповѣдью слова Божія. Начиная съ береговъ Ледовитаго моря до притоковъ Амура, всюду можно видѣть слѣды его миссіонерской дѣятельности. 20-ти лѣтніе труды его въ этой области имѣли результатомъ обращеніе въ православіе нѣсколькихъ сотъ язычниковъ, открытіе нѣсколькихъ приходовъ въ полярныхъ странахъ и пр. Последнюю зимнюю поѣздку по рѣкѣ Алдану и отрогамъ Яблоноваго хребта онъ совершилъ (въ 1862 г.) по порученію епископа Иннокентія для выясненія вопроса, какихъ изъ тунгузовъ, обитающихъ между Амуромъ и Якутскою областью, причислить къ Амурской миссіи и какихъ оставить попрежнему въ завѣдываніи якутскихъ миссіонеровъ. Эта поѣздка стоила ему жизни: онъ простудился и скончался 23 августа 1863 года.

«Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости» 1871 г., № 34, стр. 660—661.

Запольскій, Николай Васильевичъ, врачъ, н. с., дворянинъ, род. въ 1835 г., образованіе получилъ въ Московской гимназіи и университетѣ, окончивъ который въ 1860 г. съ званіемъ лѣкаря, онъ опредѣлился на службу въ Московскій воспитательный домъ. Скончался 3-скій 6 іюля 1883 г. Ему принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: «О патологіи маточныхъ родовыхъ сокращеній» («Моск. Медич. Газета», 1870 г.); «Теорія пуэрперал. процесса» (тамъ же, 1871 г.); «Объ отношеніи карболовой кислоты къ бѣлковымъ тѣламъ и ферментамъ» (тамъ же); «Случай *dismenorrhoea membranacea*» (тамъ же, 1872 г.); «О рвотѣ беременныхъ» (тамъ же, 1873 г.); «Состояніе гинекологіи на западѣ» («Медич. Обзоръ», 1879 г.) и «Оперативное лѣченіе кистъ яичника» (тамъ же). Кромѣ того, 3-скій много реферировалъ въ «Медич. Обзорѣ-

ніи» по гинекологіи и акушерству, начиная съ 1874 г. и почти до самой смерти.

«Медицинское Обзоріе», 1883 г.—*Зимевъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. IV, стр. 120. *Степ.*

Запольскій, Николай Никитичъ, преподаватель 2-й военной гимназіи, родился въ 1840 г., скончался 12 октября 1894 года. Родомъ сибирякъ, сынъ священника; образованіе получилъ въ Иркутской духовной семинаріи и Петроградской дух. академіи (1863—1867 гг.), затѣмъ поступилъ на педагогическіе курсы при 2-й военной гимназіи; въ 1869 г. былъ оставленъ при гимназіи преподавателемъ русскаго языка и словесности; вскорѣ былъ командированъ за границу для ознакомленія со школьнымъ дѣломъ на Западѣ, а съ 1873 г. состоялъ уже руководителемъ молодыхъ кандидатовъ-педагоговъ на курсахъ по русскому языку и словесности. Онъ много работалъ въ «Педагогическомъ Обществѣ» при гимназіи, но тяжелая болѣзнь, воспаленіе оболочекъ спинного мозга, заставила его въ началѣ 80-хъ годовъ выйти въ отставку; потребность пристроиться къ общественному дѣлу жила еще въ немъ, онъ порывался дѣлать доклады въ общепедагогическомъ отдѣлѣ Педагогическаго Музея, принялъ приглашеніе давать уроки въ одной частной гимназіи, но приступы болѣзни заставили его отказаться отъ всякой иной дѣятельности, кромѣ кабинетной. Онъ работалъ въ журналахъ: «Педагогическомъ Сборникѣ», «Образованіи», «Народной Школѣ», «Педагогическомъ Музеѣ», «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія» и др., подписывая свои статьи или полною фамиліею, или инициалами и псевдонимами: Н. Горизонтовъ и Н. Изгоевъ. Перу его принадлежатъ статьи: «Очеркъ состоянія народнаго просвѣщенія въ Россіи до 1882 г.», «Состояніе народнаго просвѣщенія въ Пруссіи, Саксоніи и Англіи», «Обязательность начальнаго обученія», «О ручномъ трудѣ», «По бѣлу-свѣту», «О медицинѣ и педагогикѣ» и мн. др. статей педагогическаго содержанія. Кромѣ того, имъ переведены соч. Диттеса—«Практическая логика (преимущественно для учителей)» и «Методика начальнаго обученія, изложенная на основаніи историческаго ея развитія». Для «Каталога Музея военно-учебн. завед.» онъ составилъ въ 1870 г. руководящую статью—

«Дѣтскія игры и образовательныя занятія» и «Подробное описаніе коллекціи игрушекъ», а для «Историко-статистич. очерка общаго и спец. образованія въ Россіи» — составилъ «Очеркъ состоянія нашего народнаго просвѣщенія и лѣтописный очеркъ движенія школьнаго дѣла въ царствов. Императора Александра II». Большую группу статей составляютъ его работы по толкованію произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей—Пушкина, Гете, Шиллера, Шекспира и др. Пройденная имъ духовная школа развила въ немъ способность къ серьезному и упорному труду; военно-педагогическіе курсы и командировка за границу направили его мысль въ опредѣленную сторону; при громадной начитанности и чуткости къ общественнымъ интересамъ, онъ, несмотря на мучительную болѣзнь, работалъ перомъ до самой смерти, представляя собою изумительное явленіе власти духа надъ плотью.

«Педагогическій Сборникъ», 1894 г., декабрь. — «Русская Школа», 1894 г., № 12. — *Родосскій*, «Биографич. словарь студентовъ Спб. Дух. Акад.». — Энциклопедич. словарь *Брокгауза и Ефрона*. К. Здр—въ.

Заремба, Николай Ивановичъ, музыкальный педагогъ и теоретикъ, ученикъ Гроссе и Герке, родился 3 июня 1821 г. въ Витебской губ.; съ дѣтства занимаясь музыкой, онъ уже въ школьные годы по временамъ импровизировалъ на фортепиано. Поступивъ затѣмъ въ Петроградскій университетъ, З-ба усердно продолжалъ свои музыкальныя занятія. Тамъ, извѣстно, что университетскимъ студенческимъ оркестромъ, подъ управленіемъ К. Шуберта, исполнена была, и съ большимъ успѣхомъ, сочиненная имъ симфонія. По окончаніи университета З-ба сперва поступилъ на гражданскую службу, въ которой, однако, оставался недолго, и, выйдя въ отставку, продалъ свое имѣніе, чтобы на вырученные деньги отправиться за границу для основательнаго изученія музыки. Въ Берлинѣ онъ занимался у извѣстнаго теоретика Маркса и, вернувшись въ Петроградъ въ 1854 г., принялъ на себя руководство хорovýmъ обществомъ при лютеранской Петропавловской церкви. Въ 1859 г. З-ба, по приглашенію А. Рубинштейна, сталъ читать лекціи въ классахъ, учрежденныхъ при Имп. Русскомъ музыкальномъ обществѣ, а послѣ преобра-

зованія этихъ классовъ въ консерваторію назначенъ былъ (въ 1862 г.) тамъ же профессоромъ теоріи музыки. Въмѣстѣ съ Рубинштейномъ З-ба трудился надъ тѣмъ, чтобы поставить Петроградскую консерваторію на одну высоту съ лучшими западно-европейскими консерваторіями, и вполнѣ достигъ своей цѣли. Когда въ 1867 г. Рубинштейнъ отказался отъ директорства, на его мѣсто назначенъ былъ вел. кн. Еленой Павловной проф. З-ба, который, продолжая свою полезную педагогическую дѣятельность, занималъ должность директора до 1873 г. Выйдя затѣмъ по различнымъ обстоятельствамъ изъ консерваторіи, З-ба держался въ сторонѣ отъ нея и нѣкоторое время жилъ за границей. Вернувшись въ Петроградъ, онъ заболѣлъ сперва ревматизмомъ, а въ концѣ 1878 г. былъ разбитъ праличемъ и скончался 27 марта 1879 г.

Какъ отличный педагогъ и добрый отзывчивый человекъ, З-ба оставилъ по себѣ благодарную память среди своихъ многочисленныхъ учениковъ, въ числѣ которыхъ принадлежали: Чайковскій, Ларошъ, Соловьевъ, Рубецъ, Мареничъ, Альтани, Зике, Помазанскій, Кроссъ, Фанъ-Аркъ, Губертъ, Галертъ, Лавровская, Есинова и др.

Изъ сочиненій З-бы въ печати извѣстно очень мало. Незадолго до болѣзни, сведшей его въ могилу, онъ окончилъ большую ораторію «Іоаннъ-Креститель» (струнный квартетъ и хоры.)

А. И. Рубецъ, «Биографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей», СПб., 1886 г., стр. 38. — Музыкальный словарь *Римана*, стр. 524—525. — Энциклоп. словарь *Брокгауза-Ефрона*, изд. 1894 г., т. XII, стр. 298. — В. *Чешининъ*, «Исторія Русской оперы», СПб., 1905 г., стр. 301, 362. — «Journal de St.-Petersbourg», 1871 г., № 231; 1877 г., № 144; 1879 г., № 84. А. Г.

Заремба-Калиновскій, Фелиціанъ-Мартинъ, докторъ философіи Дерптскаго университета, родился 4 марта 1794 г. въ окрестностяхъ Новогродка, Гродненской губ., рано осиротѣлъ и былъ взятъ на воспитаніе однимъ изъ своихъ дядей, который его на семнадцатомъ году привезъ въ столицу; здѣсь онъ думалъ сперва опредѣлить племянника въ Инженерное училище или въ Пажескій корпусъ, но потомъ отправилъ его въ Дерптъ и помѣстилъ въ пансіонъ Розенберга. По окончаніи Дерптской гимназіи З-ба въ 1813 г.

поступилъ въ мѣстный университетъ и уже въ 1816 г. получилъ степень доктора философіи, при чемъ докторская диссертация его «Разсужденіе о цѣхахъ ремесленныхъ въ отношеніяхъ политическомъ и въ особенности политико-экономическомъ, съ присовокупленіемъ нужныхъ историческихъ извѣстій», была напечатана въ Митавѣ только въ слѣдующемъ 1817 г. Въ томъ же году З—ба, въ чинѣ коллежскаго асессора, опредѣленъ былъ на службу въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ. Вскорѣ, однако, подъ влияніемъ чтенія книгъ мистическаго направленія молодой человекъ почувствовалъ влеченіе къ духовному подвигу; особенно сильное впечатлѣніе оказало на него жизнеописаніе Юнгъ-Штилинга. Въ 1818 г. онъ ваялъ отпускъ, уѣхалъ за границу и скорѣ прислалъ прошеніе объ отставкѣ. Поступивъ затѣмъ въ число членовъ Базельской евангелической миссіи, З—ба посланъ былъ для проповѣди христіанства среди магометавъ въ Астрахань; отсюда онъ перешелъ въ Шушу, гдѣ миссія купила домъ, устроила типографію и занялась печатаніемъ книгъ духовнаго содержанія, а когда въ 1830-хъ годахъ дѣятельность Базельской миссіи въ Шушѣ была прекращена правительствомъ, миссіонеръ ея, оставшись не у дѣлъ, временно поселился въ Тифлисъ (въ Шотландской колоніи) въ домѣ протестантскаго пастора Ланге. Здѣсь въ 1838 г. видѣлъ его въ бытность свою на Кавказѣ декабристъ б. Розень; онъ слышалъ его проповѣдь, «оригинальную, сильную и хорошо принаровленную къ пониманію слушателей», и характеризуетъ З—бу, какъ «ревностнаго служителя Богу и ближнимъ», который не зналъ ни нѣги, ни прихотей и ожидая новаго назначенія изъ Базеля, «готовъ былъ итти на край свѣта, къ дикарямъ, лишь бы служить Богу по данному обѣту». Получивъ распоряженіе ѣхать въ Константинополь, З—ба на слѣдующій же день отправился въ путь. Впослѣдствіи Розень больше ничего не слышалъ о З—бѣ. Есть извѣстіе, что въ 1856 г. онъ пріѣзжалъ въ Россію и нѣкоторое время жилъ въ Ревелѣ, гдѣ напечаталъ свою автобіографію (молодые годы) подъ заглавіемъ «Wie Gott mich führt, so will ich gehen» (Ревель, 1857 г.); то же сочиненіе въ 1858 г. вторично издано было въ Базелѣ уже подъ за-

главіемъ: «Jugendleben Felician Zarem-ba's»...

Recke u. Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten—Lexicon», Митавъ, 1832, т. 4, стр. 37 и дополненіе 1861 г., стр. 166—167. — *Бар. Розень*, «Записки декабриста». Спб. 1907 г., стр. 254. А. Г.

Зарембскій, Юлій, піанистъ-композиторъ, родился 20 февраля 1854 г. въ Житомирѣ, фортепіанной игрѣ обучался въ Вѣнской консерваторіи подъ руководствомъ І. Дакса, а затѣмъ нѣкоторое время занимался въ Петроградской консерваторіи. Въ 1874 г. З—скій давалъ свои первые концерты въ Кіевѣ и въ Одессѣ и въ томъ же году отправился къ Листу, подъ руководствомъ котораго, сперва въ Римѣ, а потомъ въ Веймарѣ, занимался болѣе двухъ лѣтъ. Осенью 1876 г. онъ пріѣхалъ въ Варшаву и далъ здѣсь четыре концерта. По отзывамъ слышавшихъ З—скаго, «это былъ первоклассный піанистъ съ большимъ талантомъ и непогрѣшимой техникой», но для широкихъ круговъ публики программы его были мало доступны и потому концерты его привлекали мало слушателей. Послѣдній свой концертъ З—скій продалъ концертному агенту за 400 рублей, для того чтобы имѣть возможность выѣхать изъ Варшавы. Отсюда онъ уѣхалъ къ своему учителю и другу Листу, который цѣнилъ въ своемъ ученикѣ не только музыкальныя дарованія, но и его высокія нравственныя качества. Онъ бралъ его съ собою во всѣхъ своихъ поѣздкахъ, вводилъ въ дома своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ и обличалъ съ выдающимися музыкантами. Такъ, при посредствѣ Листа, З—скій въ 1877 г., въ Веймарѣ, познакомился, напримѣръ, съ извѣстнымъ композиторомъ А. П. Бородинымъ. Послѣдній, передавая свои впечатлѣнія отъ этого знакомства, писалъ, между прочимъ, своей женѣ: «какъ піанистъ, Зарембскій, чортъ знаетъ, какъ талантливъ, равно какъ и композиторъ»; онъ пророчилъ ему блестящую будущность. Около этого времени З—скій заинтересовался новымъ музыкальнымъ инструментомъ, такъ наз. piano-Mangeot (соединеніе двухъ фортепіано) и въ началѣ 1878 г. опять концертировалъ въ Варшавѣ; уже на этомъ инструментѣ. Для этой цѣли онъ аранжировалъ надлежащимъ образомъ нѣкоторыя извѣстныя оркестровыя сочиненія, другія

самъ сочинялъ специально для рiано Мопгеот'а. «Эффекты получались удивительныя, а гармоническія сочетанія, поистинѣ, были необыкновенно полны и разнообразны.» Но самое исполненіе на этомъ инструментѣ было значительно труднѣе, чѣмъ на обыкновенномъ фортепіано, такъ какъ приходилось играть одновременно на двухъ клавиатурахъ, изъ которыхъ одна помѣщалась нѣсколько выше другой; тѣмъ не менѣе З—скій владѣлъ новымъ инструментомъ удивительно мастерски и съ успѣхомъ выступалъ нѣсколько разъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, а затѣмъ въ Англии и въ разныхъ городахъ въ Россіи. Уѣзжая за границу въ 1879 г., онъ, однако, рѣшилъ разстаться съ этимъ сложнымъ и громоздкимъ инструментомъ, представлявшимъ много трудностей при перевозкѣ: онъ бросилъ его на станціи Подволочискъ и послалъ телеграмму въ Варшавское музыкальное общество о томъ, что дарить ему свой инструментъ.

Въ 1880 г., находясь въ Парижѣ, З—скій получилъ приглашеніе занять мѣсто профессора фортепіаннаго класса въ Брюссельской консерваторіи послѣ Луи Брасена, приглашеннаго въ Петроградскую консерваторію. З—скій принялъ это предложеніе и занимался въ Брюсселѣ около трехъ лѣтъ, но тяжелая грудная болѣзнь заставила его вернуться на родину, въ Житомиръ. Здѣсь, несмотря на тщательный уходъ и заботы родныхъ, онъ скончался отъ чахотки 18-го сентября 1885 г.

З—скій писалъ почти исключительно для фортепіано. Изъ многочисленныхъ его композицій, издававшихся преимущественно за границей, извѣстны слѣдующія: 1) «Danse polonaise à 4 mains», 2) «Trois danses galiciennes», 3) «Etude de concert G-dur», 4) «Deux morceaux en forme de mazourkas à 4 mains», 5) «Réverie», 6) «Passion», 7) «Grand polonaise Fis-dur», 8) «Trois etudes de concert», 9) «Mazourka de concert (G-moll)», 10) «Fantaisie Polonaise», 11) «Polonaise mélancolique», 12) «Polonaise triomphale à 4 mains», 13) «Andante D-dur», 14) «Allegro G—moll», 15) «Les Roses et les Epines» (пять импровизацій), 16) «Mazourka de concert Gis-moll», 17) «Valse sentimentale As-dur», 18) «Ballade G-moll», 19) «Nouvellette-caprice E-dur», 20) «Sérénade burlesque D-dur», 21) «Berceuse As-dur»,

22) «Chant du depart», 23) «Le mal du pays», 24) «Valse caprice G-dur», 25) «Tarentelle A-moll», 26) «Sérénade espagnole As-dur», 27) «Marche D-dur», 28) «Menuet Es-dur» и много мелкихъ пьесъ, изданныхъ въ сборникахъ и отдѣльно.

«Биографіи композиторовъ IV—XX в.» изданіе К. А. Дурново, М., 1904 года, стр. 856—860.—Музыкальный словарь Ричмана, стр. 525

А. Г.

Заржецкій, Іосифъ Альбертовичъ, инженеръ, генералъ-лейтенантъ; строитель кронштадтскихъ фортовъ. Родился въ 1800 году. Умеръ 29 января 1869 г. Воспитывался въ Виленскомъ университетѣ и по окончаніи физико-математическаго факультета (1826 г.) поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Въ 1829 г., по окончаніи курса, былъ произведенъ по экзамену въ поручики инженеровъ путей сообщенія съ зачисленіемъ на дѣйствительную службу—въ резервъ и командированъ на съемку близъ Новгорода. Когда-же (въ 1830 г.) была образована морская строительная часть, директоръ стоительнаго департамента, генералъ Карбальеръ, пригласилъ его заниматься подъ личнымъ его наблюденіемъ проектомъ доковъ для Кронштадта. З-кій былъ переведенъ въ строительную часть, съ прикомандированіемъ къ Кронштадтской инженерной командѣ и съ этого времени, въ теченіе почти сорока лѣтъ, посвятилъ себя строительной дѣятельности. Въ 1838 г., съ затратой громаднхъ трудовъ, при несовершенствѣ средствъ для производства работъ, былъ оконченъ корабельный Николаевскій докъ. З-кій получилъ за это время чины: штабсъ-капитана (1834 г.) и капитана (1837 г.) и обратилъ на себя личное вниманіе государя, часто посѣщавшаго строительныя работы, а когда (въ началѣ 1839 г.) приступлено было къ постройкѣ фрегатнаго дока, З-кій былъ назначенъ отдѣльнымъ его строителемъ и строителемъ обводнаго канала въ Кронштадтѣ. Къ этимъ весьма сложнымъ обязанностямъ въ 1843—44 гг. были прибавлены еще новыя обязанности: 1) строителя казематированной батареи «кн. Меншиковъ», для которой, по порученію Государя Императора, имъ былъ составленъ проектъ, и 2) обязанность по постройкѣ купеческихъ воротъ Кронштадтской гавани. Постройка доковъ

была окончена совершенно въ 1846 г. Но съ этимъ строительныя работы не прекратились. Укрѣпленіе Кронштадта продолжалось. Въ декабрѣ 1848 г. полковнику 3-кому Высочайше повелѣно было составить проектъ на постройку казематированной батареи на западномъ фронтѣ Кронштадтскаго форта; въ 1849 г. ему же поручено было передѣлать куполь римско-католической церкви, и, наконецъ, въ 1850 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о назначеніи его строителемъ Кронштадтской крѣпости. Одновременно съ этимъ 3-кій принималъ участіе въ работахъ разныхъ комиссій, состоялъ членомъ комиссіи подъ предѣлательствомъ генерала Вильсона по установкѣ водостливной паровой машины въ доковомъ кронштадтскомъ бассейнѣ, комиссіи по устройству перваго учебнаго морского экипажа въ Кронштадтѣ и комиссіи по загражденію сенернаго фарватера, гдѣ имѣлъ главный надзоръ за работами, производившимися по составленному имъ проекту. Во время Восточной войны онъ устроилъ при Лисьемъ Носѣ гавань для канонерокъ и принималъ дѣятельное участіе по приведѣнію крѣпости въ оборонительное положеніе. Въ декабрѣ 1855 г. 3-кій былъ назначенъ исправляющимъ должность члена общаго присутствія строительнаго департамента по искусственной части и вскорѣ затѣмъ (1 января 1856 г.) произведенъ въ генераль-майоры. Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ членомъ морского строительнаго технического комитета и членомъ общаго присутствія инженернаго департамента военнаго министерства по искусственной части и, порвавъ такимъ образомъ съ своей прежней строительной дѣятельностью, всецѣло посвятилъ свою дальнѣйшую службу административнымъ учрежденіямъ. Изъ массы составленныхъ имъ проектовъ различныхъ сооружений особаго вниманія заслуживаютъ два, составленные имъ внѣ круга комитетскихъ занятій: проектъ Балтійскаго порта, выработанный имъ по порученію Его Императорскаго Высочества генераль-адмирала, и проектъ торговаго порта для Петрограда на лѣвомъ берегу Невы у Канонерскаго острова. Съ 1863 г. 3-кій состоялъ членомъ технического комитета главнаго инженернаго управленія военнаго министерства, а съ 1867 г.—членомъ строительнаго отдѣленія морского технического комитета. Въ генераль-лей-

тенанты онъ былъ произведенъ 1 января 1864 г.

Общій архивъ гл. штаба, списки генераламъ по старшинству.—«Общій морской списокъ», ч. 10, стр. 163.—«Иллюстрированная Газета», 1869 г., № 7.—«Русскій Архивъ», 1871 г., № 3.—«Кронштадтскій Вѣстникъ», 1869 г., № 14.—«Журналъ Министерства Путей Сообщенія», 1869 г., № 3.—«Русскій Инвалидъ», 1869 г., № 15.—*Геннади*, «Справочн. словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. I.—*Житковъ*, «Биографія инженеровъ путей сообщенія», вып. I, стр. 41—44.

Заринъ, Аполлинарій Александровичъ, вице-адмиралъ. Родился въ 1805 г. Умеръ 26 февраля 1872 г. Происходилъ изъ дворянъ Калужской губерніи. Воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ 1 марта 1822 г. мичманомъ Балтійскаго флота, гдѣ служилъ до 1833 г., а потомъ, уже въ чинѣ лейтенанта, былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ. Въ 1838 г. на фрегатѣ «Мессемврія» участвовалъ при занятіи на Кавказскомъ берегу мѣстечка Сочи, при чемъ во время крушенія фрегата былъ захваченъ горцами и нѣсколько мѣсяцевъ находился въ плѣну. Въ 1839 г. 3-нъ произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты, а затѣмъ около двухъ лѣтъ крестовалъ въ Архипелагѣ, командовалъ бригамою «Эндиміонъ», бригамою «Θεμισтоклъ», пароходомъ «Молодець», фрегатомъ «Мессемврія» и кораблемъ «Селафаль». Въ 1847 г. за 18 морскихъ кампаній онъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Во время войны съ коалиціей (1854—56 гг.) 3-нъ состоялъ начальникомъ 1-го отдѣленія оборонительной линіи при защитѣ Севастополя и за отличную распорядительность при отступленіи войскъ съ южной стороны былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса и золотую саблю съ надписью «за храбрость». За другія дѣла этой кампаніи онъ получилъ орденъ св. Владимира 3-й ст. и на 12 лѣтъ по 800 руб. арендою. По окончаніи войны, въ 1856 г., 3-нъ прибылъ съ оставшимися моряками бывшихъ Черноморскихъ экипажей въ Москву, гдѣ имъ была устроена торжественная встрѣча, здѣсь же послѣ смотра, произведеннаго государемъ, пожалованъ былъ въ флигель-адъютанты и вслѣдъ затѣмъ произведенъ въ контръ-адмирала, съ зачисленіемъ въ свиту Его Императорскаго Величества, и назначенъ начальникомъ особой бригады мелкихъ су-

довъ на правахъ дивизионнаго начальника. Въ 1860 г., за упраздненіемъ отдѣльной бригады, онъ былъ переименованъ въ младшіе флагманы Балтійскаго флота; въ 1861 г. былъ командированъ въ Могилевскую губернію для объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; въ 1862—63 гг. командовалъ отрядомъ канонерскихъ лодокъ и сухопутныхъ войскъ, расположенныхъ въ Выборгѣ и Гранзундѣ; въ 1864 г. произведенъ былъ въ вице-адмиралы, съ назначеніемъ въ старшіе флагманы Балтійскаго флота, и въ 1871 г. назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта.

«Общій морской списокъ», ч. 7. — *Гр. А. Бобринскій*, «Дворянскіе роды», ч. 2. — *М. Чернявскій*, «Генеалогія дворянъ Тверской губ.» — *Общій гербовникъ*, ч. 7. — *Энциклопедія воен. и морск. наукъ*, *Леера*, т. 3. — *Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона*, т. 23. — «*Большая энциклоп.*», т. 9. — «*Настольный энцикл. словарь*», *Граната*, т. 3. — «*Иллюстрированная Газета*» (некрологъ) 1872 г., № 10. — «*С.-Петербургскія Вѣдомости*», 1872 г., № 63.

Заринъ, Евимій Теодоровичъ, публицистъ, поэтъ, переводчикъ, родился въ 1829 г. въ Пензенской губерніи. Воспитаніе и образованіе получилъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ: среднее — въ Пензенской духовной семинаріи, высшее — въ Казанской духовной академіи. Литературная дѣятельность З—на началась съ конца 50-хъ годовъ, когда онъ поселился въ Петроградѣ. Первая его литературная работа, переводъ драматической поэммы Байрона «Манфредъ», была напечатана въ августовской книгѣ журнала «Библиотека для Чтенія» за 1858 годъ. Въ томъ же журналѣ З—нъ помѣстилъ въ переводѣ отрывокъ изъ трагедіи Байрона «Марино Фальеро» (1860 г., кн. 2), трагедіи «Сарданапалъ» (1860 г., кн. 12), «Двое Фоскари» (1861 г., № 11) и нѣсколько стихотвореній (1861 г., кн. 4, 6). Съ 1862 г. З—нъ дѣлается постояннымъ сотрудникомъ «Библиотеки для Чтенія», редакторомъ которой въ это время на мѣсто А. В. Дружинина сталъ сперва А. Ѳ. Писемскій, а затѣмъ П. Д. Боборыкинъ. З—нъ пишетъ рядъ публицистическихъ и критическихъ статей, ведетъ полемику съ Чернышевскимъ и подробно останавливается на освѣщеніи назрѣвающихъ реформъ. Въ 1865 г. З—нъ, уже подъ псевдонимомъ «Incognito» и «З—нъ», работалъ въ жур-

налѣ «Отечественныя Записки», выходящемъ подъ редакціею А. Краевскаго и С. Дудышкина. Съ переходомъ «Отечественныхъ Записокъ» въ руки Некрасова З—нъ пересталъ въ нихъ работать. Съ этого времени его литературная дѣятельность не носила уже характера постоянного сотрудничества въ опредѣленномъ органѣ. Онъ работалъ въ слѣдующихъ газетахъ и журналахъ: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» при редакціи А. А. Краевскаго (литературная лѣтопись), газетѣ «Русскій Миръ» (подъ редакціею М. Г. Черняева), газетѣ «Голосъ», когда она держалась умѣренного направленія, въ «Литературной Библиотекѣ» Ю. М. Богусhevскаго (помѣщалъ стихи, писалъ въ критическомъ отдѣлѣ), въ журналѣ «Изящная Литература» (помѣщалъ переводы) и въ газетѣ «Театральный Мирокъ»; въ литературномъ приложеніи къ газетѣ «Гражданинъ» напечаталъ отрывокъ изъ поэммы Байрона «Гяуръ» (1884 г., кн. 6). Последніе годы З—нъ служилъ по министерству путей сообщенія. Переутомленный работою, онъ въ началѣ іюля 1892 года взялъ отпускъ, а 20 іюля умеръ скоропостижно отъ паралича сердца и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Смерть его была мгновенна: онъ не успѣлъ даже сказать своимъ близкимъ послѣдняго «прости».

Литературный обликъ З—на далеко незаурядный. Его главная публицистическая дѣятельность падаетъ на тѣ годы, когда объявлена была въ радикальныхъ органахъ русской журналистики безпощадная борьба всякимъ и всѣмъ авторитетамъ. Сперва «Современникъ», а затѣмъ «Русское Слово», побѣдившее «Современникъ» и отнявшее у него въ глазахъ молодежи роль влестителя думъ, испровергали все: авторитеты, традиціи, искусство, театр. Естественныя науки и естественныя требованія организма заняли первое мѣсто въ созданіи новаго міровоззрѣнія. Въ то время надо было обладать большимъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы защищать нормы жизни, отстаивать гуманитарное знаніе и не соглашаться съ новыми словами новыхъ людей. Въ этомъ отношеніи за З—нымъ прежде всего должно быть оставлено опредѣленное мѣсто въ исторіи русской журналистики 60-хъ годовъ, мѣсто самостоятельное: онъ защищалъ хорошія литературныя тради-

ціи, трезвый взглядъ на вещи и доблестно боролся съ «кумирами» своего времени.

Сравнительную извѣстность въ журнальномъ мірѣ З—нъ получилъ съ 1862 года вслѣдствіе рѣзкой полемики съ Чернышевскимъ, вызванной кончиною Добролюбова. По выходѣ въ 1862 году первыхъ двухъ томовъ сочиненій Добролюбова З—нъ въ «Библиотекѣ для Чтенія» (кн. 7) выступилъ съ обстоятельною статью «Сочиненія Добролюбова», въ которой занялъ совершенно опредѣленную самостоятельную позицію и вразрѣзъ съ ходячими мнѣніями сдѣлалъ попытку трезво опредѣлить историко-литературное значеніе покойнаго публициста. На Добролюбова, по его мнѣнію, слѣдуетъ смотрѣть какъ на обыкновеннаго журналиста, присяжнаго поставщика каждаго тысячныхъ статей, отъ котораго, по словамъ самого Добролюбова, самое большое требованіе можетъ состоять только въ томъ, чтобы онъ былъ человѣкомъ опредѣленнаго направленія и чтобы онъ высказывался въ этомъ направленіи постоянно, безъ особенной сбивчивости и противорѣчій самому себѣ, такъ чтобы въ читающей публикѣ могло образоваться безошибочное мнѣніе о томъ, какъ именно, согласно своимъ основнымъ убѣжденіямъ, онъ долженъ смотрѣть на какой-бы то ни было данный предметъ. По своему званію журналиста Добролюбовъ былъ энциклопедистомъ. Специальностью его были общіе литературные вопросы и отчасти факты и явленія общественной жизни въ ихъ непосредственномъ проявленіи. Въ журнальной дѣятельности Добролюбова всегда замѣтно стремленіе создать себѣ во что бы то ни стало оппозиціонное положеніе. Какъ у беллетристическаго критика, у Добролюбова были кое-какіе, довольно впрочемъ своеобразные, приемы и частныя правила, была своя особая манера, но не было своихъ началъ, безъ которыхъ нѣтъ самостоятельнаго мышленія. Добролюбовъ не былъ провозгласителемъ новыхъ началъ или изобрѣтателемъ новыхъ путей въ сферѣ умственной дѣятельности своего отечества. Приведенная оцѣнка дѣятельности Добролюбова дана З—нымъ уже во второй половинѣ 1862 года и представляетъ собою его окончательно уже сложившееся мнѣніе. Poleмика же съ Чернышевскимъ началась нѣсколько раньше: въ 91 томѣ «Современника»

(февраль 1862 года) Чернышевскій помѣстилъ открытое письмо (подъ заглавіемъ «Въ изъявленіе признательности»), въ которомъ въ рѣзкой формѣ обрушился на З—на за то, что онъ въ одной своей статьѣ о Добролюбовѣ пытался опредѣлить отношеніе послѣдняго къ Чернышевскому, котораго считалъ болѣе замѣчательнымъ по дарованіямъ, чѣмъ Добролюбовъ. Эту похвалу со стороны З—на, человѣка противоположнаго литературнаго лагеря, Чернышевскій считалъ лестью, оскорбительной для себя. Горячимъ, тоже открытымъ письмомъ отвѣтилъ З—нъ Чернышевскому, озаглавивъ статью «Лесть живому и поруганіе надъ мертвымъ». («Библ. для Чт.» 1862 г., кн. 3).

Въ своихъ статьяхъ критическаго и публицистическаго характера З—нъ стойко отстаивалъ добрыя литературныя традиціи и зорко оберегалъ цѣнность художественно-реальныхъ произведеній. Его всегда удивляло неудобопонятное отдѣленіе реальной дѣйствительности отъ художественнаго ея воспроизведенія. Въ беллетристическомъ сочиненіи, по его мнѣнію, художественность воспроизведенія факта есть въ то же время и возведеніе его въ дѣйствительность. Подъ фактомъ, воспроизводимымъ художественно, всегда разумѣется не какой-нибудь дѣйствительный фактъ, а только понятіе художника о дѣйствительности. Поэтому-то умственные операціи художниковъ надъ своими произведеніями и называются творчествомъ. Романъ или повѣсть, произведенныя бездарностью, хотя бы они при томъ не заключали въ себѣ ни одного вымысла, а были основаны на сущей фактической правдѣ, составляютъ чистѣйшую небылицу; по крайней мѣрѣ, такую небылицей они будутъ оставаться до тѣхъ поръ, пока авторъ не возьметъ присяги и не приведетъ достовѣрныхъ свидѣтелей въ доказательство того, что рассказанныя имъ происшествія случились на самомъ дѣлѣ. Но тогда романъ или повѣсть уже будутъ относиться къ тому роду произведеній, къ которому относятся рапорты, доносы, записки и протоколы судебныхъ мѣстъ. Благодѣянія художественныхъ произведеній для общества въ томъ только и состоятъ, что они знакомятъ насъ съ положеніемъ дѣлъ въ обществѣ и со всѣмъ содержаніемъ и направленіемъ его умственныхъ и нравственныхъ силъ, не заставляя насъ

обращаться при этомъ ни къ какимъ постороннимъ справкамъ. Литература не только сокровищница, но и производительница умственного достоянія.

Приведенныя мнѣнія З-на въ эпоху, ставившую въ основу человѣческаго міропониманія лишь реализмъ естествознанія, знаменательны и заслуживаютъ особаго упоминанія въ исторіи русской литературы. Въ борьбѣ съ нигилистами обращаетъ на себя особое вниманіе статья З-на «Verba novissima» («Отеч. Зап.», 1865 г., кн. 7). Обзорѣвая борьбу «Современника» и «Русскаго Слова», приемы полемики этихъ журналовъ и настроеніе публицистовъ, З-нъ удачно отмѣчаетъ: «Всѣ невоздержности, проявленныя публицистами двухъ журналовъ, всѣ ихъ чрезмѣрности, которыя, вѣроятно, не были превзойдены добродѣтельными газетчиками Содома и Гоморры, всѣ онѣ объясняются тою несчастною манерою діалектики, которая такъ часто была осуждаема на страницахъ этого журнала («Отечественныя Записки»). Мы разумѣемъ привычку означенныхъ публицистовъ, состоящую въ томъ, чтобы въ одной журнальной статьѣ, несмотря на тѣсныя ея предѣлы, касаться всѣхъ предметовъ, задѣвать всѣ вопросы, придираться къ всѣмъ физиономіямъ, исчерпывать всѣ истины и разрѣшать всѣ задачи, такъ что, наконецъ, нѣтъ никакой возможности разобратъ—что относится къ «размазгѣ», что къ философіи Шопенгауэра, и что къ «буттерброду».

Эпоха великихъ реформъ въ лицѣ З-на имѣла вдумчиваго, чуткаго, широко образованнаго журнальнаго работника. Проекты устава о книгопечатаніи, судебные уставы, земскія учрежденія вызывали со стороны З-на мѣткія, дѣловыя и жизненныя замѣчанія. Строгое вниманіе къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ Россіи наводитъ на мысль, отмѣчаетъ З-нъ, что такому большому государству, какъ Россія, безъ разговора, къ какому способна только освобожденная печать, жить невозможно. Всѣ законодательства выводятся изъ понятія о печати, какъ о силѣ зловредной по самой своей сущности; всѣ законодатели по этой части, стараясь, конечно, защитить общество отъ злоупотребленій печати, еще болѣе того старались сдѣлать беззащитной самую печать. Тутъ, очевидно, есть недоумѣніе. Если такой взглядъ перенести, напримѣръ, на злоупотребленіе но-

жами и ружьями, то законъ долженъ былъ бы подчинить ножевыя и ружейныя производства, а также и торговлю ножами и ружьями шнуровымъ книгамъ, инспекторскимъ надзорамъ, административнымъ взысканіямъ, запрещеніямъ и уголовнымъ преслѣдованіямъ, — словомъ всему, чему только подчиняютъ печать.

И основныя положенія преобразования судебной части, и проектъ земскихъ учреждений вызвали со стороны З-на мѣткія и главнымъ образомъ практически житейскія указанія. Въ маѣ 1863 года особая коммиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ закончила свою работу, касавшуюся земскихъ учреждений. Въ августовской и декабрьской книгахъ журнала «Библиотека для Чтенія» (кн. 8 и 12) З-нъ помѣстилъ большую статью подъ заглавіемъ «Земскія учрежденія», въ которой, разсматривая двѣ части «Трудовъ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ», ревниво защищалъ реформу отъ всѣхъ сдѣланныхъ уже и возможныхъ нападокъ. Проектъ реформы, по мнѣнію З-на, страдаетъ только слишкомъ исключительною заботою о достиженіи одной только непосредственной цѣли: онъ слишкомъ погнуть въ сторону исправнаго сбора повинностей. Обращаясь къ техникѣ работы составителей проекта, З-нъ утверждаетъ, что древняя русская жизнь сама по себѣ не могла ничего дать при разработкѣ закона и безъ ущерба для дѣла могла быть оставлена безъ всякаго вниманія.

Какъ поэтъ, З-нъ былъ очень чутковъ. Это сказалося и на его теоретическихъ представленіяхъ объ искусствѣ, и на выборѣ имъ матеріала для поэтическихъ переводовъ, и на его оригинальныхъ стихотвореніяхъ. Поэзія вводитъ человѣчество въ сокровенные вопросы бытія. Три способа относиться къ этимъ вопросамъ находятся въ обладаніи человѣка: это—религія, наука и поэзія. Одной только религіи все понятно въ этихъ вопросахъ, и она одна только предлагаетъ полный отвѣтъ на нихъ. Удѣлъ науки и поэзіи—вѣчно думать и задумываться надъ ними, безъ надежды придти когда-нибудь, во всю безконечность, къ полному удовлетворенію своихъ стремленій. Особенно манила къ себѣ З-на поэзія міровой скорби Байрона. Кромѣ напечатанныхъ З-нымъ произведеній Байрона, остались въ рукописи его переводы «Каина» и «Земли и Неба». Огонь Байрона звучитъ и въ оригинальныхъ сти-

хотвореніяхъ 3-на. Его элегія «Укоръ» («Библ. для Чт.», 1861 г., кн. 6), написанная на слова пророка Исаи «Плясахомъ вамъ, и вы намъ не играете», заканчивается слѣдующими громкими словами: «Проснетесь-ли, безчувственные братья? Дадите ли отъ злобы и проклятыя окаменѣть васъ любящимъ сердцамъ?.. Позоръ, позоръ—живущимъ мертвецамъ».

Кромѣ названныхъ сочиненій и переводовъ, 3-ну принадлежатъ еще слѣдующія статьи, напечатанныя а) въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Между старымъ и новымъ», по поводу повѣстей, рассказовъ и очерковъ Н. Помяловскаго (1865 г., кн. 5 и 6), «Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей» (1865 г., августъ), «Нѣмецкая наука и педагогія въ Россіи въ настоящее время» (1865 г., т. 162), «Четыре повѣсти и одинъ пономарь» (1865 г., кн. 11—12) и б) въ «Библиотекѣ для Чтенія»: «Не въ бровь, а въ глазъ» (по поводу романа Тургенева «Отцы и дѣти», 1862 г., кн. 4, 5), «Взбаломученное море» (по поводу романа А. Писемскаго, 1863 г., кн. XI), «Основные положенія преобразованія судебной части» (1862 г., кн. 11, 12) и «Печатныя льготы по проекту устава о книгопечатаніи» (1863 г., кн. 2).

«Библиографическія Записки», 1892 г., № 12, стр. 883.—С. А. Венгерова, «Источники словаря русскихъ писателей». СПб. 1910 г., т. II, стр. 421.—«Всемирная Иллюстрація», 1892 г., т. XLVIII, № 6, стр. 102.—«Новое Время», 1892 г., №№ 5889 (психологъ) и 5891 (письмо въ редакцію А. Е. Зарина).—Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», в. XII, стр. 84—85.—«Историческій Вѣстникъ», 1892 г., сентябрь, стр. 757.—«Современникъ», 1862 г., февраль, стр. 389—394.—«Сѣверный Вѣстникъ», 1895 г., стр. 297 и слѣд. А. Николаевъ.

Зарницынъ, Иванъ, авторъ «Оды на учрежденіе штатовъ Черноморскаго правленія и флотовъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ» (П. 1794 г.).
Генштабн., Словарь.

Зарубаевъ, Валеріанъ Платоновичъ, ген.-лейт., скончался 2 августа 1890 года; воспитаніе получилъ въ Дворянскомъ полку, откуда былъ выпущенъ въ 1845 г. прапорщикомъ въ Алексопольскій пѣхотный полкъ, съ которымъ принималъ участіе въ Венгерской войнѣ, былъ въ сраженіяхъ подъ Вайценомъ и Дебречиномъ, затѣмъ командовалъ въ томъ же полку ротой, а въ 1852 году былъ прикомандированъ къ

Дворянскому полку. Съ наступленіемъ Крымской войны 3—въ, по собственному желанію, былъ снова отправленъ въ свой полкъ, участвовалъ съ нимъ въ дѣлахъ на Дунаѣ и при осадѣ Силистріи, а въ апрѣлѣ 1855 г. отправился въ Севастополь. Здѣсь въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ, находясь въ передовой оборонительной линіи, 3—въ участвовалъ въ геройской оборонѣ Севастополя и при отбитіи штурма 29 іюня былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ голову. За боевыя заслуги въ этихъ дѣлахъ онъ былъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана и орденами св. Анны 3 й ст. съ мечами и св. Станислава 2-й ст. съ мечами. По возвращеніи изъ кампаніи 3—въ былъ прикомандированъ къ Образцовому полку, затѣмъ зачисленъ въ кадръ этого полка и переведенъ въ лб.-гв. Павловскій полкъ.

Произведенный въ 1865 г. въ полковника, 3—въ въ то же время состоялъ при Е. И. В. князѣ Евгеніи Максимилиановичѣ Романовскомъ, герцогѣ Лейхтенбергскомъ. Въ 1872 г. 3—въ былъ произведенъ въ ген.-майоры и въ 1877 г. участвовалъ въ Турецкой кампаніи, за что получилъ орденъ св. Анны 1-й ст.; въ ген. лейтенанты онъ былъ произведенъ въ 1885 году.

«Сынъ Отечества» 1890 г., № 209.

Зарубинъ, Павелъ Алексѣевичъ, писатель, изобрѣтатель - самоучка, родился 10 мая 1816 года въ посадѣ Пучежѣ, Юрьеведкаго уѣзда, Костромской губ.; умеръ въ Петроградѣ 31 іюля 1886 года. Его отецъ, небогатый мѣщанинъ, занимался перевозкой хлѣба и другой тяжести на принадлежавшихъ ему баркахъ. 3-нъ выучился у матери начаткамъ русской грамоты, но всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ и образованіемъ обязанъ исключительно себѣ. Ему попался въ руки учебникъ ариемтики Магницкаго, его заинтересовавшій, и онъ предался изученію ариемтики, а затѣмъ физики и механики. Во время навигаціи онъ помогалъ отцу и въ то же время старался удѣлить время на чтеніе книгъ и изученіе любимыхъ учебниковъ, что приводило нерѣдко къ семейнымъ непріятностямъ. Послѣ смерти отца онъ продолжалъ отцовское дѣло, но въ одну изъ бурь его барки погибли, и 3-нъ, чтобы добывать средства для существованія семьи, сдѣлался мебельщикомъ. Въ 1843 году послѣ многихъ хлопотъ онъ выдержалъ

экзаменъ и поступилъ на государственную службу въ Костромскую губернскую чертежную. Въ первые годы службы онъ изобрѣлъ планиметръ, доставившій ему извѣстность за границей и награды Императорской Академіи Наукъ и Парижской Академіи, но навлекшій неудовольствіе ближайшаго начальства, которое подвергло изобрѣтателя аресту и строго запретило заниматься изобрѣтеніями, угрожая въ противномъ случаѣ исключеніемъ изъ службы. Въ 1853 году З-нъ былъ переведенъ въ Московскій Межевой корпусъ старшимъ землеѣрнымъ помощникомъ и черезъ пять лѣтъ (1858 г.), получивъ чинъ коллежскаго регистратора, вышелъ въ отставку, поселился на родинѣ (посадъ Пучежъ), занялся починкою часовъ, какъ средствомъ къ существованію, и въ свободныя минуты—литературой и изобрѣтеніями. Въ 1863 году лично знавшій З-на министръ А. А. Зеленый, вызвалъ его въ Петроградъ и опредѣлялъ на службу по министерству государственныхъ имуществъ, гдѣ З-нъ и служилъ до 1882 года, когда вновь вышелъ въ отставку. З-нымъ изобрѣтены, кромѣ планиметра, еще многосильный гидроруль (1866), водоподъемникъ (1867) и сельско-хозяйственно-пожарный насосъ. Императорское Вольно-Эконом. Общество наградило его двумя золотыми медалями и въ память его учредило золотую медаль. Императоръ Александръ II (за водоподъемникъ) пожаловалъ ему орденъ св. Владимира 4-й ст., а Всероссийская выставка (въ Москвѣ, 1882 г.) наградила его медалью (за насосъ). Въ послѣдніе годы своей жизни онъ занимался опытами надъ задуманными имъ ртутными вѣсами, но тяжкая болѣзнь (ракъ въ печени) и смерть не дали возможности довести до конца задуманное изобрѣтеніе.

Съ другой стороны, З-нъ также извѣстенъ своею литературною дѣятельностью: кромѣ редактированія газеты «Петербургскій Листокъ» (1867—1878 гг.) и помѣщенія своихъ статей въ этомъ изданіи, а также въ «Московскомъ Листѣ», онъ напечаталъ: «Описаніе планиметра» (Спб. 1854 г.); «Исправленіе поврежденной паровой машины» («Морской Сборникъ» 1854 г., кн. 6); «О книгѣ Е. Голицына: «Руководство къ практической навигаціи и мореходной астрономіи» (тамъ же, 1855 г., кн. 5); «Замѣтки о Варнавинскомъ уѣздѣ» («Рус. Вѣстникъ», 1856 г., ч. V, кн. 19,

стр. 393—422); «Замѣтка на сочиненіе гр. Н. Толстого: «Заволжская часть Макарьевского уѣзда, Нижегородской губ.» («Москов. Вѣд.», 1857 г., № 13); «Жизнь», романъ («Библіотека для Чтенія», 1861 г., т. CLXIII, кн. 2; т. CLXIV, кн. 3); «Торговая Волга» (тамъ же, т. CLXVIII, кн. 11, 12); «Мѣщанская женитьба», повѣсть (тамъ же, 1862 г., т. CLXXIV, кн. 11, 12); «Происшествіе сороковыхъ годовъ», эпизодъ изъ романа («Эпоха», 1864 г., кн. 3, 4); «О книгѣ А. Ганса: «Уходъ за паровыми машинами» («Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», 1870 г., № 11); «Паровое паханіе въ Копорѣ, имѣніи Д. В. Зиновьева, Петергофскаго уѣзда, С.-Петербур. губ.», Спб. 1869 г. (вмѣстѣ съ В. Черняевымъ); «Темныя и свѣтлыя стороны русской жизни», романъ (Спб. 1872 г., два тома); это лучшее его беллетристическое сочиненіе, имѣющее отчасти автобиографическое значеніе; оно, къ сожалѣнію, плохо оцѣнено критикой и публикой; «О сборникѣ, изданномъ Усовыми и Сабанѣвымъ подъ названіемъ: «Природа» («Петербургскій Листокъ», 1874 г., №№ 118—121); «О городскомъ освѣщеніи вообще и о газоосвѣщеніи «Дневной свѣтъ», Спб. 1875 г.; «О дополненіи къ Настольному словарю Ф. Толля» (тамъ же, 1875 г., № 168); «Рецензія брошюры Сытенко: «Дешевыя перевозочныя средства, примѣнимыя и въ военное время» (тамъ же, 1878 г., №№ 22—23); «По поводу прерращенія журнала «Знаніе» (тамъ же, 1878 г., № 175); «Воздухоплаваніе» («Природа и Охота», 1878 г., кн. 6); «Нѣсколько словъ о летательныхъ машинахъ» (тамъ же, 1878 г., кн. 7); «Опредѣленіе плотности воздуха на различныхъ высотахъ» (тамъ же, 1878 г., кн. 8); «О томъ, какъ разрѣшается учеными специалистами вопросъ о летаніи птицъ» (тамъ же, 1878 г., кн. 9); «Значеніе въ природѣ секунднаго маятника» (тамъ же, 1878 г., кн. 11); «Устройство секунднаго маятника» (тамъ же, 1878 г., кн. 12); «Современные социалисты-революціонеры, ихъ идеи, дѣятельность и цѣль, которой они стремятся достигнуть» (Спб. 1879 г.); «Современный судъ надъ редакторами» (Спб. 1880 г.) и «Научное разрѣшеніе вопроса объ ассенизаціи Петербурга по проекту Линдлея» (Спб. 1886 г.).

М. Семевскій, Альбомъ. Спб. 1886 г., стр. 231.—*В. Митневичъ*, «Наши знакомые». — «Московск. Вѣдом.» 1856, № 105.—«Журн.

Минист. Нар. Просв.» 1855, № 7.—«Русскій Художеств. Листокъ» 1862, № 32.—«Русскій» 1868, № 11.—«Русская Лѣтопись» 1870, № 19.—«Истор. Вѣстн.» 1886, № 9.—«Новъ» 1886, № 20.—«Московск. Листокъ» 1886, №№ 314, 315.—«Нов. Время» 1886 г., №№ 3744, 3749.—«Правит. Вѣстн.» 1886 г., № 211.—«Павель Алексѣвичъ Зарубинъ, человекъ труда и науки» (Спб., 1886).—Словарь *Брокгауза и Ефрона*, книга 23 (Спб., 1894).—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VI.—«Словарь членовъ Общества любителей Россійской словесности при Московскомъ у-тѣ (1811—1911)», стр. 113.

П. Александровъ.

Зарудневъ, Иванъ Петровичъ (по другому написанію *Зарудный*), иконописецъ и живописецъ Петровскаго времени † 1726 года. По П. Н. Петрову, кромѣ того, былъ цензоромъ иконописныхъ работъ. Извѣстно, что 22 января 1722 года ему было велѣно сдѣлать надписи и рисунки на «тумбу», приготовляемую для постановки ботика Петра Великаго. Тумба была четырехугольная, на сторонѣ, соотвѣтствующей кормѣ, было нарисовано море, а подъ нимъ надпись «дѣцкая утѣха», со стороны носа также море и надпись: «принесла мужескіи триумфы». Съ одного бока тумбы были нарисованы корабль подъ парусами и галера на веслахъ и надпись: «Отъ Бога силъ токмо полученъ», на другомъ боку: Ноевъ ковчегъ, летящій голубь, радуга, соединяющая два укрѣпленные города и надпись «отъ Бога силъ токмо полученъ». Картины и сама тумба не сохранились и извѣстны лишь по гравюрѣ Зубова. Затѣмъ Петръ Великій поручилъ 3—дневно работу иконостаса для Петропавловскаго собора, при чемъ работу этого иконостаса по чертежамъ 3—дневна въ теченіе 4 лѣтъ (1722—1726 гг.) исполняли московскіе мастера Трифонъ Ивановъ и Иванъ Телѣга.

Сборникъ Имп. Рус. Историческ. Общества, т. 60.—«Истор. Вѣстн.», т. XIII, стр. 482.—«Рус. Старина», т. IV., стр. 466.

П. С—кій.

Зарудный, Алексѣй Андреевичъ, происходилъ изъ дворянъ Харьковской губ., родился 21 мая 1826 г. въ слободѣ Шиповатой, Валковскаго уѣзда, состоялъ на военной службѣ въ Кирасирскомъ вел. кн. Маріи Николаевны полку (1846 г.), но потомъ, выйдя въ отставку, занялся литературными трудами. Въ 60-хъ годахъ онъ вмѣстѣ съ братомъ Н. А. Заруднымъ издавалъ газету «Петербургскій Листокъ»

(1866—70 гг.), по изданію которой ему пришлось вести судебные процессы, давшіе ему печальную извѣстность. Скончался онъ въ Петроградѣ 5 января 1885 года. Кромѣ разныхъ статей, помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ по поводу процессовъ (о нихъ см. «Библиографическіе матеріалы Межова, Спб. 1872 г., стр. 259), 3-й напечаталъ слѣдующія брошюры: «По поводу опроверженія, напечатаннаго въ № 1415 газеты «Новое Время» правленіемъ Оренбургской желѣзной дороги» (Спб. 1880 г.); «Опять объ Оренбургской желѣзной дорогѣ» (Спб. 1880 г.) и «Какъ гибнуть иногда люди» (Спб. 1884 г.).

«Биографъ» 1886 г., № 12, стр. 181.—*Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. V, стр. 53.—*В. Л. Модзалевскій*, «Малороссійскій Родословникъ». К. 1910 г., т. II, стр. 131.—*Михневичъ*, «Наши знакомые».—«Гласный Судъ» 1867 г., № 103.—«Голосъ» 1868 г., №№ 160, 192.—«Новое Время» 1868 г., №№ 40, 50; 1889 г., № 4685.—«С.-Петерб. Вѣдом.» 1868 г., №№ 160, 195.

Зарудный, Викторъ Ивановичъ, вице-адмиралъ. Родился 6 марта 1828 г. въ дер. Андреевкѣ, Изюмскаго у. Умеръ въ 1892 г. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1847 г. произведенъ былъ въ мичманы Черноморскаго флота, въ 1851 г. переведенъ въ Балтійскій флотъ, назначенъ къ производству магнитныхъ наблюденій въ Балтійскомъ морѣ и затѣмъ въ 1852 г. производилъ магнитныя наблюденія въ Моонзундѣ и на 18-ти островахъ Финскаго залива. Въ слѣдующемъ году вновь былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ; съ 1856 по 1858 гг. находился въ командировкѣ въ Англію по дѣлу о заказѣ механизмовъ для пильныхъ заводовъ въ Николаевѣ и покупкѣ инструментовъ. По возвращеніи изъ командировки онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника гидрографической части въ Николаевѣ; затѣмъ занималъ должность начальника гидрографической части и директора Черноморскихъ и Азовскихъ маяковъ, производилъ магнитныя наблюденія по берегамъ Азовскаго моря въ качествѣ начальника черноморской гидрографической экспедиціи, производилъ гидрографическія работы у Кавказскихъ береговъ, по берегамъ Крымскаго полуострова, въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ и участвовалъ въ отдѣль-

ной съемеѣ сѣвернаго и Кавказскаго береговъ Чернаго моря. Въ 1888 г. 3-ній былъ произведенъ въ вице-адмирала, съ увольненіемъ отъ службы.

3-ній написалъ по своей специальности цѣлый рядъ статей. Въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1852—1880 г. имъ напечатаны: «Нѣсколько замѣчаній о наблюденіяхъ въ искусственный горизонтъ», «Вспомогательная таблица для предварительнаго вычисленія высотъ», «Замѣченное временное дрожаніе почвы въ Петербургѣ», «Кронштадтъ и Ревель», «Названіе румбовъ компаса на языкахъ: италянскомъ, турецкомъ и эстонскомъ», «Путевой компасъ на пароходѣ Эльборусъ», «Диплейдоскопъ, его теорія, устройство и установка», «Опредѣленіе широты мѣста по соответствующимъ близполуденнымъ высотамъ солнца», «Отвѣтъ на безыменные замѣчанія о статьѣ: Путевой компасъ на пароходѣ Эльборусъ», «О морскомъ образованіи во Франціи», «Севастопольская морская библіотека» (историческій обзоръ), «Объ аномаліяхъ и мѣстныхъ притяженіяхъ, встрѣчающихся при опредѣленіи склоненія магнитной стрѣлки на морскихъ берегахъ», «Удобный способъ провѣрки компасовъ», «Гибельное положеніе судовъ Эребусъ и Терроръ (въ экспедиціи Росса)», «Отрывокъ изъ путешествія капитана Росса въ южныя полярныя страны», «Опыты, произведенныя на 80-ти-пушечномъ винтовомъ кораблѣ Шарлеманъ во время 4-хъ-мѣсячнаго плаванія его по Средиземному морю, въ 1852 г.», «Объ адмиралѣ Павлѣ Степановичѣ Нахимовѣ», «Фрегатъ Бальчикъ» (разсказъ, посвящается памяти адмирала Нахимова), «Изъ артиллерійскихъ замѣтокъ на Севастопольскомъ рейдѣ» (бомбардированіе Севастополя), «Нѣсколько замѣчаній о преподаваніи первоначальныхъ приемовъ кораблевожденія», «На какой почвѣ построены Еникальскій маякъ» и «Объ измѣненіи величины угла зрѣнія, подъ которымъ усматривается двѣ точки одной и той же сварной линіи, при измѣненіи мѣста наблюденія».

«Общій морской списокъ», т. 10, стр. 167—169.—В. Л. Мовзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Киевъ, 1910 г., т. II, стр. 132.

Зарудный, Митрофанъ Ивановичъ, д. ст. с., юристъ-писатель, родился 17 марта 1834 г. въ слободѣ Заводѣ, Изюмскаго

уѣзда, юридическое образованіе получилъ въ Импер. училищѣ Правовѣднія и по окончаніи курса наукъ 5 іюня 1855 г. поступилъ на службу въ канцелярію 1-го отдѣленія 5-го департамента Правит. Сената съ чиномъ титулярнаго совѣтника, а 24 августа того же года переименованъ былъ младшимъ помощникомъ секретаря общаго собранія 1-го, 2-го и 3-го департаментовъ и департамента Герольдіи. 1 мая 1856 г. 3-ній назначенъ былъ старшимъ помощникомъ столоначальника въ департаментѣ министерства юстиціи и вскорѣ сдѣланъ столоначальникомъ, послѣ чего черезъ два года (1860 г.) уволился отъ этой должности, съ причисленіемъ къ департаменту, и предпринялъ продолжительное путешествіе въ Англію съ цѣлью изученія тамошнихъ общественныхъ и судебныхъ учреждений. Свои впечатлѣнія отъ этой поѣздки онъ излагалъ во многихъ статьяхъ и письмахъ на страницахъ «Журнала Министерства Юстиціи», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», а впоследствии (въ 1865 г.), по возвращеніи въ Россію, сдѣланныя наблюденія обнародовалъ въ книгѣ «Общественный бытъ Англіи». Здѣсь 3-ній сперва даетъ очеркъ важнѣйшихъ городовъ Британіи и Ирландіи: Лондона, Эдинбурга, Глазго, Дублина и др., а затѣмъ въ рядѣ краткихъ, но занимательныхъ статей изображаетъ картины англійскаго общественнаго самоуправленія, городского управленія, судопроизводства и мѣстъ заключенія, попутно дѣлая характеристику соответствующихъ учреждений Франціи и современныхъ ему преобразованій въ Россіи. Последнее обстоятельство дѣлало еще болѣе интересной его книгу, написанную вообще очень живо и картинно. Критика, впрочемъ, усматривала въ ней нѣкоторые признаки очень распространенной въ началѣ 60-хъ годовъ «англоманіи» и находила, что 3-ній не любитъ вскрывать темныя стороны англійской жизни, а если «доходить до изображенія недостатковъ англійскихъ учреждений, то эти недостатки оказываются только почтенными формальностями, правда, нѣсколько смѣшными теперь, но нисколько не касающимися сущности дѣла». Указывали, напримѣръ, на то, что авторъ не отмѣтилъ страшнаго дороговизны англійскаго суда, ремесленнаго отношенія къ дѣлу англійской адвокатуры и непоимѣнной жестокости англійскаго уголовного

закона. Несмотря на эти недочеты, книга З-наго тѣмъ не менѣе всѣми была признана цѣнной и занимательной.

По возвращеніи изъ путешествія въ 1861 г. З-ный нѣкоторое время состоялъ членомъ отъ правительства на мировыхъ сѣздахъ по уѣздамъ: Павлоградскому, Бахмутскому и Александровскому, а 28-го января 1862 г. назначенъ былъ и. д. чиновника особыхъ порученій VI класса при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и черезъ два года утвержденъ въ этой должности. За этотъ промежутокъ времени онъ участвовалъ въ качествѣ помощника дѣлопроизводителя во Временной комиссіи о бывшихъ въ 1862 г. въ Петроградѣ пожарахъ и въ качествѣ члена отъ министерства въ Высочайшей слѣдственной комиссіи о дѣлателяхъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, а 24-го января 1862 г. назначенъ былъ членомъ комиссіи о проектѣ судебной реформы. Въ 1865 г. З-ный состоялъ дѣлопроизводителемъ комиссіи для составленія проекта положенія объ опекахъ, въ 1866—и. д. юриконсультанта консультаціи при министерствѣ юстиціи и загѣмъ—управляющимъ законодательнымъ отдѣленіемъ при департаментѣ того же министерства; 3 октября 1868 г. назначенъ былъ членомъ Одесской судебной палаты и 15 октября того же года поступилъ въ распоряженіе старшаго предсѣдателя той же палаты. Въ ноябрѣ 1870 г. З-ный уволился отъ этой должности, вернулся въ столицу и съ 1-го декабря 1871 г. состоялъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ 1-го департамента Правит. Сената. Въ слѣдующемъ году онъ принялъ дѣятельное участіе въ комиссіи для изслѣдованія волостныхъ судовъ и предпринялъ рядъ поѣздокъ вглубь Россіи для ознакомленія съ юридическимъ бытомъ и обычнымъ правомъ сельскаго населенія. Результаты своихъ наблюденій З-ный изложилъ въ книгѣ «Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ». (Сиб. 1874 г.). Это сжатый, но достаточно полный, живой и всѣмъ доступный очеркъ всего, что добыто было названной комиссіей, труды которой, изложенные въ семи объемистыхъ томахъ, мало были извѣстны широкимъ кругамъ читателей. Цѣль книги, по словамъ самого автора, «удовлетворить живому интересу, выразившемуся къ вопросу о волостныхъ судахъ

въ наиболѣе развитыхъ слояхъ нашего общества и прессы вообще»—вполнѣ была достигнута. З-ный, не впадая въ крайности и оставляя все время на реальной почвѣ, сказалъ въ ней «трезвую правду» о крестьянскомъ бытѣ. Книга начинается съ историческаго очерка («Исходныя мысли») разсматриваемаго предмета, далѣе слѣдуютъ разборъ дѣйствующаго законодательства, описаніе современнаго автору состоянія волостныхъ судовъ, указаніе недостатковъ этихъ судовъ и, наконецъ, мѣры для достиженія правосудія въ крестьянской средѣ. Попутно авторъ весьма отчетливо рисуетъ степень умственнаго и нравственнаго развитія крестьянъ, экономическій бытъ ихъ, семейныя отношенія, личныя и имущественныя,—словомъ, всю житейскую обстановку крестьянина, изученіе которой сдѣлало З-наго горячимъ сторонникомъ сохраненія особыхъ волостныхъ судовъ. Самой цѣнной частью книги являются «Итоги»; значительно слабѣе «Введеніе», гдѣ авторомъ, не всегда удачно, собраны «крохи» изъ историческихъ трудовъ Соловьева, Кавелина, Костомарова, Неволлина и др.

Въ январѣ 1874 г. З-ный былъ произведенъ въ д. с. сов. и въ маѣ того же года назначенъ завѣдующимъ законодательнымъ отдѣленіемъ департамента министерства юстиціи; съ апрѣля 1875 г. онъ состоялъ членомъ консультаціи при томъ-же министерствѣ и въ промежутокъ лѣтъ съ 1875—1878 гг. четыре раза исполнялъ должность прокурора, сперя 4-го, потомъ 3-го департамента Сената. 1-го января 1877 г. З-ному пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 3-ей ст. На службѣ въ министерствѣ юстиціи онъ оставался до 29 іюля 1881 г., когда неизлѣчимая душевная болѣзнь прервала его полезную дѣятельность. Скончался З-ный 26 марта 1883 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1910 г., т. II, стр. 132—133. — «Историческій Вѣстникъ», 1883 г., т. XII, стр. 485. — «Журналъ Гражд. и Уголов. Права», 1874 г., кн. 5, стр. 265—273. — «С.-Петербург. Вѣдомости», 1874 г., № 294. — «Голосъ», 1874 г., № 328. — «Сѣверная почта», 1865 г., № 187. — «Отечествен. Записки», 1865 г., т. 26. — «Журналъ Минист. Юстиціи», 1865 г., кн. 12, стр. 617—621. — «Русскій Листокъ», 1862 г., № 24, стр. 440—444. — «Княжичъ», 1865 г., кн. 8.

А. Г.

Зарудный, Романъ Григорьевичъ, ротмистръ, родился около 1781 г., въ

1800 г. состоялъ уже на военной службѣ унтеръ-офицеромъ Мариупольскаго полка; въ 1806 г. былъ подъ Хотиномъ и 3 мая того же года произведенъ былъ изъ корнетовъ въ поручики. Въ слѣдующемъ 1807 г. 3—ный принялъ участіе въ походѣ въ Пруссію; въ 1809 г. былъ въ Галиціи и въ 1812 г. отличился подъ Смоленскомъ (гдѣ получилъ орденъ св. Анны 4-й степени) и подъ Краснымъ. Во время заграничнаго похода 1813—1814 гг. 3—ный принималъ участіе въ битвахъ подъ Кацбахомъ и Лейпцигомъ и произведенъ былъ въ штабсъ-ротмистры, а подъ Ларотьеръ отбилъ у непріятеля пушку, за что награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени; отличился затѣмъ подъ Фершампенуазомъ и получилъ орденъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ. По возвращеніи изъ похода 3—ный вышелъ въ отставку съ чиномъ ротмистра. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1910 г., т. II, стр. 130.—*И. Павловскій*, «Полтавцы», Полт., 1914 г., стр. 170. А. Г.

Зарудный, Сахойло Богдановичъ, генеральный судья войска Запорожскаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1652 г. былъ посланъ Богданомъ Хмельницкимъ въ Москву съ низкими челобитьемъ, чтобъ государь умилосердился, велѣлъ принять Запорожское войско подъ свою высокую руку. Дѣяки Посольскаго приказа, которые вели переговоры съ 3—днимъ, спросили его: «Какъ тому быть, что гетману и всему войску Запорожскому быть подъ царскаго величества рукою, и какъ имъ жить, — такъ ли, въ своихъ городахъ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ?—о томъ съ ними отъ гетмана наказано ли подлинно?» 3—дний отвѣчалъ: «Какъ гетману и всему войску Запорожскому быть подъ царскаго величества рукою, о томъ онъ не вѣдаетъ, и отъ гетмана съ нимъ о томъ ничего не наказано, вѣдаетъ то гетманъ; а съ нимъ только наказано царскому величеству бить челомъ: какъ прежде царское величество былъ къ гетману и ко всему войску Запорожскому милостивъ, такъ бы и теперь своей государской милости отъ нихъ не отдалялъ и непріятелямъ ихъ, Полякамъ, помощи на нихъ не давалъ; а кромѣ того ни о чемъ говорить не наказано». 6 января 1654 г. 3—дний участвовалъ въ Переяславской радѣ, на которой рѣшено было

подчиниться Москвѣ. Въ началѣ марта того же года 3—дний вмѣстѣ съ Переяславскимъ полковникомъ Тетерею вновь ѣздилъ въ Москву въ качествѣ посланника Хмельницкаго бить челомъ государю: 1) о томъ, чтобы въ городахъ урядники были выбираемы изъ малороссіянъ, люди достойные, которые должны будутъ всѣмъ управлять и доходы въ казну царскую отдавать; 2) чтобъ вольно было гетману и войску Запорожскому принимать иностранныхъ пословъ; а если бы послы эти пришли съ чѣмъ-нибудь противнымъ царскому величеству, то давать знать объ этомъ государю; 3) чтобъ число реестровыхъ казаковъ было 60.000; 4) чтобъ по смерти гетмана войско Запорожское само избирало новаго и 5) чтобъ права, данныя князьями и королями духовнымъ и мірскимъ людямъ не были нарушены. На всѣ пункты послѣдовало согласіе царя, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями. Впослѣдствіи 3—дний сдѣлался однимъ изъ совѣтниковъ измѣнника Ивашки Выговскаго, за что былъ исключенъ въ 1659 г. изъ войсковой рады, но при Юріи Хмельницкомъ получилъ прощеніе.

Соловьевъ, «Исторія» (Изд. Обществ. Польза), т. II, стр. 1624, 1638, 1641; т. III, 54, 77. — *Ванталь-Каменскій*, «Исторія Малой Россіи», т. I, стр. 278, 317.

Зарудный, Сергій Ивановичъ, сенаторъ, т. с., род. 17 марта 1821 г. въ Харьковской губ.; происходилъ изъ стараго, когда-то богатаго, но сильно обдѣннѣвшаго малороссійскаго дворянскаго рода. Дѣтство 3—ный провелъ въ деревнѣ, а съ 14-ти-лѣтняго возраста въ Харьковѣ, гдѣ былъ предоставленъ самому себѣ и безъ учителей готовился въ университетъ, по временамъ терпя довольно сильную нужду. Нужду терпѣлъ онъ и въ студенческіе годы. Въ 1842 г. онъ окончилъ курсъ Харьковскаго университета со степенью кандидата математики. Въ то же время онъ живо интересовался русскою и иностранною литературою (онъ съ дѣтства хорошо зналъ французскій и итальянскій языки, нѣсколько хуже англійскій) и общественными вопросами. По окончаніи университета 3—ный пріѣхалъ въ Петроградъ въ расчетъ поступить на штатную должность астронома въ Пулковскую обсерваторію, но обстоятельства сложились иначе, и 27 ноября 1842 г. онъ былъ причисленъ въ чинъ коллеж-

скаго секретаря къ департаменту министерства юстиціи. Такимъ образомъ, математикъ по образованію и интересамъ, онъ долженъ былъ обратиться въ юриста, но именно въ этой области нашель онъ свое призваніе. 24 апрѣля 1843 г. онъ опредѣленъ былъ состоящимъ въ должности старшаго помощника столоначальника въ департаментъ м-ства юстиціи. 31 января 1845 г. былъ назначенъ исправлять должность столоначальника, а 15 января 1847 г. утвержденъ въ этой должности. Въ 1843 г. гр. Блудовъ, главноуправляющій 2-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, рѣшилъ заняться пересмотромъ нашего гражданскаго процесса и обратился къ министру юстиціи гр. Паину съ просьбою затребовать отъ предсѣдателей гражданскихъ палатъ и губернскихъ прокуроровъ и доставить ему отзывы о недостаткахъ нашего порядка гражданскаго судопроизводства. Переписка на эту тему шла по тому столу, который находился въ вѣдѣніи 3—наго; черезъ руки его шли запрашиваемые отзывы. На обязанности 3—наго лежало вскрывать пакеты и пересылать ихъ гр. Блудову. Такого рода бумаги считались обычной канцелярской отпиской, и на нихъ никто не обращалъ вниманія. Но 3—ный заинтересовался ими, сталъ брать ихъ къ себѣ на домъ, изучать ихъ, дѣлать изъ нихъ выписки и даже переписывать ихъ. Такимъ образомъ онъ, только что окончившій курсъ математическаго факультета и не имѣвшій знакомства съ юриспруденціей, началъ изученіе ея со стороны недостатковъ нашего законодательства. «Это была моя школа, говорилъ онъ впоследствии въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (напечатанныхъ въ «Сборникѣ Правовѣднія» въ 1894 г.). И, кажется, я не солгу, сказавши, что это — единственная польза этихъ мнѣній практиковъ. Думаю, что никто, кромѣ меня, не изучалъ ихъ. Мой начальникъ отдѣленія Харченко не обращалъ на эти бумаги ровно никакого вниманія. Какъ истый чиновникъ, онъ заботился только о томъ, чтобы онѣ отсылались гр. Блудову, и по временамъ освѣдомлялся объ этомъ. Но что сдѣлало съ этими бумагами II-е Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи, — это вопросъ, который будетъ разрѣшенъ тогда только, когда разберутъ архивы дѣлъ II-го Отдѣленія... У

меня осталось предположеніе, что всѣ эти бумаги были просто брошены». Одновременно 3—ный принялся за изученіе науки права, преимущественно, за почти полнымъ отсутствіемъ русскихъ сочиненій, по иностраннымъ источникамъ.

Лѣтомъ 1847 г. 3—ный совершилъ четырехмѣсячную поѣздку за границу. Около мѣсяца провелъ онъ для лѣченія въ Крейцнахѣ и приблизительно столько же времени въ Парижѣ. Отъ этого времени остались его «Воспоминанія», до сихъ поръ не опубликованныя. Въ Парижѣ 3—ный задумалъ, какъ онъ говоритъ самъ, найти «осуществленіе своего демократическаго идеала—стать лицомъ къ лицу съ народомъ, пользующимся глубокимъ сознаниемъ своего права, вполне постигающимъ истинное значеніе человѣка и мѣсто его въ административной машинѣ.... увидѣть народъ, въ которомъ сознание истиннаго права побуждаетъ корысть, свобода ограждается публичностью, стремленіе къ истинѣ получаетъ полное развитіе». Онъ мечталъ увидѣть такой общественный строй, въ которомъ по извѣстной формулѣ Бентама (писателя, который оставилъ особенно глубокой слѣдъ на всемъ міросозерцаніи 3—наго и ссылками на котораго переполнены какъ его «Воспоминанія», такъ и почти всѣ его сочиненія) достигается наибольшее частіе наибольшаго числа людей. Онъ бывалъ въ судахъ, слушалъ Жюля Фавра и Берье, провѣрилъ и укрѣпился въ своемъ уваженіи къ гласности судопроизводства, какъ одной изъ важнѣйшихъ гарантій правосудія (въ слѣдующія поѣздки за границу онъ, однако, убѣдился, что эта гарантія далеко не достаточная и не всегда достигающая своей цѣли).

25 октября 1849 г. 3—ный былъ назначенъ исправляющимъ должность, а 21 марта 1853 г. утвержденъ въ должности старшаго юрисконсульта консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи, и оставался въ ней до 1856 г. «Работы С. И. Заруднаго по дѣламъ консультаціи, говоритъ въ воспоминаніяхъ о немъ Д. Шубинъ-Поздѣвъ, составили цѣлую эпоху; выработались даже положенія о признаціи безспорными извѣстныхъ взглядовъ на многіе юридическіе вопросы и служили примѣромъ, на которые ссылались при разсмотрѣніи дѣлъ однородныхъ. Такая дѣятельность С. И. составила ему репутацію

самаго дѣльнаго юриста въ департаментѣ министерства юстиціи... С. И. Зарудный сумѣлъ образовать при консулѣтаци дѣльную школу, въ которой пробовали свои силы способные молодые юристы... С. И. Зарудный имѣлъ особенную способность, работая самъ болѣе всѣхъ, побуждать и другихъ работать, и притомъ работать не по казенному только, а съ полною любовію къ дѣлу, съ желаніемъ не только написать заключеніе, но разработать каждый вопросъ всесторонне». Вообще 3-ній былъ однимъ изъ немногихъ юристовъ того времени, которые, не довольствуясь мелкимъ казуистическимъ анализомъ каждаго отдѣльнаго случая, старались разбирать его съ точки зрѣнія общихъ принциповъ права.

Въ 1852 г. послѣ долгой безплодной переписки между министромъ юстиціи гр. Панинымъ и главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ гр. Блудовымъ былъ Высочайше учрежденъ комитетъ о пересмотрѣ гражданскаго судопроизводства, и дѣлопроизводителемъ его назначенъ 3-ній (съ сохраненіемъ должности юрисконсульта консулѣтаци при министерствѣ юстиціи). 3-ній оказалъ значительное вліяніе на труды этого комитета, и, не имѣя возможности при настроеніи министра юстиціи провести такіе принципы, какъ устность и гласность судопроизводства, онъ старался ввести въ гражданскій процессъ хотя бы второстепенныя техническія усовершенствованія. Но работа комитета осталась безплодной.

Съ начала новаго царствованія для 3-наго открылась болѣе широкая арена дѣятельности. 13 іюня 1856 г. онъ былъ уволенъ отъ должности юрисконсульта консулѣтаци при министерствѣ юстиціи, причисленъ къ департаменту министерства юстиціи и откомандированъ въ распоряженіе генераль-адъютанта кн. Васильчикова 2-го, по порученію котораго состоялъ дѣлопроизводителемъ комиссіи о раскрытіи злоупотребленій по интендантству южной и крымской армій во время войны 1854—55 гг. Здѣсь онъ работалъ вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ. Онъ со всею доступною ему энергіей производилъ разслѣдованія злоупотребленій въ Одессѣ, Симферополѣ, Севастополѣ и др. городахъ и могъ убѣдиться, какіе размѣры приняло въ то время казнокрадство и взяточничество въ военномъ вѣдомствѣ.

27 апрѣля 1857 г. 3-ній назначенъ

былъ помощникомъ статсъ-секретаря, а 20 октября 1859 г. исправляющимъ должность статсъ-секретаря департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта. Одновременно шло его повышение въ чинахъ: 28 дек. 1857 г. онъ произведенъ былъ въ статскіе, а 2 января 1859 г. въ дѣйствительные статскіе и наконецъ 1 янв. 1864 г. въ тайные совѣтники. Въ должности помощника или исправляющаго должность статсъ-секретаря онъ занимался въ первые годы главнымъ образомъ вопросомъ о реформѣ гражданского судопроизводства и судопроизводства. Въ 1858 г. онъ былъ командированъ на каникулярное время за границу для изученія существующаго въ иностранныхъ государствахъ порядка судопроизводства и устройства судебныхъ мѣстъ. Въ 1857 г. на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта поступилъ внесенный гр. Блудовымъ 8 іюля 1857 г. проектъ устава гражданского судопроизводства. Съ ноября 1857 по сентябрь 1859 г. Государственный Совѣтъ въ усиленномъ составѣ соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскомъ посвятилъ этому проекту 39 засѣданій. Самое дѣятельное участіе въ этихъ трудахъ принималъ 3-ній. Работа шла при чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ. Наиболѣе прогрессивные дѣятели того времени, и въ ихъ числѣ 3-ній, ясно сознавали необходимость постановки всего судебного права на совершенно новомъ для Россіи того времени фундаментѣ. Онъ твердо изъ изученія иностраннаго права и изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ усвоилъ значеніе гласности, устности и составительнаго начала въ процессѣ и всѣми силами старался провести эти принципы въ сознаніе Государственнаго Совѣта. Еще 15 ноября 1857 г. было объявлено Высочайшее повелѣніе которымъ Государственному Совѣту воспрещалось касаться вопросовъ о гласности судопроизводства и объ адвокатурѣ, а также о судѣ присяжныхъ. Несмотря на это, работа шла. Въ 1859 г. 3-ній составилъ 11 обширныхъ записокъ, касавшихся самыхъ важныхъ вопросовъ будущаго судопроизводства: единого кассационнаго суда (учрежденіе котораго 3-ній считалъ безусловной необходимостью, хотя и видѣлъ въ немъ нѣкоторую опасность, какъ въ способѣ тормозить приведеніе въ исполненіе окончательныхъ приговоровъ, и потому считалъ необходимымъ нѣсколько затруд-

нить подачу кассационныхъ жалобъ и протестовъ), состязательнаго начала, введенія мировой юстици, установленія охранительнаго судопроизводства, созданія сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Къ этому же времени относится работа З-наго «Объ отдѣленіи вопросовъ факта отъ вопросовъ права» и статья «Объ изслѣдованіи системы русскихъ гражданскихъ законовъ».

Въ 1860 г. былъ выработанъ проектъ гражданскаго судопроизводства и составлена объяснительная записка къ нему гр. Блудова. Тотъ и другая являются главнымъ образомъ созданіемъ З-наго. Въ нихъ были признаны отдѣленіе юстиціи отъ администраціи и введеніе адвокатуры подъ именемъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

Не прекращая работъ по введенію новаго порядка гражданскаго судопроизводства и судопроизводства, З-ный въ то же время принялъ участіе въ разработкѣ проекта освобожденія крестьянъ, въ то время стоявшаго на первой очереди. 21 апрѣля 1859 г. онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для составленія проектовъ о новомъ уставѣ уѣздной полиціи и учрежденій для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами. Въ числѣ членовъ этой комиссіи были: Н. И. Стояновскій, В. А. Арцымовичъ, К. К. Гротъ и М. Е. Салтыковъ (Щедринъ). Она подготовила институтъ мировыхъ посредниковъ, который сильно содѣйствовалъ преобразованію порядка судопроизводства. 25 сентября 1860 г. З-ный былъ назначенъ въ помощь государственному секретарю при окончательномъ разсмотрѣніи въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу составленнаго бывшими при ономъ редакционными комиссіями положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Вслѣдъ затѣмъ, 7 января 1861 г., З-ный былъ перемѣщенъ изъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ департаментъ законовъ на постъ исправляющаго должность статсъ-секретаря. Тамъ онъ явился докладчикомъ, докладывалъ и отстаивалъ положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, энергично защищая принятый въ положеніи принципъ освобожденія крестьянъ съ землею. Послѣ подписанія манифеста объ освобожденіи крестьянъ

19 февраля 1861 г. З-ный получилъ выраженіе Высочайшей благодарности за «добросовѣстные и неутомимые труды по сему важному дѣлу», орденъ Владимира 3-й степени и золотую медаль «за труды по освобожденію крестьянъ 19 февраля 1861 г.».

Тѣмъ не менѣе необходимо признать, что участіе З-наго въ крестьянской реформѣ было незначительно; онъ приложилъ къ ней свою руку только тогда, когда основанія реформы въ существенныхъ чертахъ были уже выработаны, и приложилъ ее скорѣе какъ защитникъ выработанныхъ другими началъ, чѣмъ какъ человѣкъ, самостоятелно ихъ выработывающій. Но онъ дорожилъ крестьянскою реформою не только ради нея самой; дорожилъ ею вслѣдствіе той связи, которая существуетъ между нею и реформою судебною, которую онъ сдѣлалъ дѣломъ своей жизни. Тѣмъ съ большею энергіею вернулся онъ къ своимъ трудамъ по подготовленію судебной реформы, какъ только была осуществлена реформа крестьянская. И дѣйствительно, только послѣ этого дѣла судебной реформы было поставлено на рельсы. Предложенія и мысли З-наго были развиты въ докладѣ гр. Блудова о передачѣ дѣла судебной реформы въ вѣдѣніе Государственной Канцеляріи и въ докладѣ исправлявшаго обязанности предсѣдателя Государственнаго Совѣта кн. Гагарина объ основныхъ началахъ судебной реформы. По докладу кн. Гагарина въ январѣ 1862 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе выработать основныя начала судебной реформы, согласно указаніямъ науки и опыта европейскихъ государствъ, повелѣніе, совершенно новое по своей идеѣ. Работа началась. Теперь уже разрабатывался не проектъ только гражданскаго судопроизводства, какъ раньше, а проектъ судебныхъ уставовъ во всемъ ихъ объемѣ. Черезъ три мѣсяца были выработаны основныя положенія, къ которымъ была присоединена подробно разработанная объяснительная записка; эти основныя положенія были доложены при дѣятельномъ участіи З-наго, какъ статсъ-секретаря, Государственному Совѣту. 24-го сентября 1862 г. они удостоились Высочайшаго утвержденія, по настоянію З-наго были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе въ собраніи узаконеній и произвели очень сильное впечатлѣніе какъ въ Россіи, такъ

и за границей. Благодаря этому, работа надъ судебными уставами изъ тайниковъ канцелярій, въ которыхъ обыкновенно производилась въ Россіи законодательная работа, была перенесена въ общество и печать, вызвавъ усиленную работу общественной мысли. Вслѣдъ затѣмъ 27 сент. 1862 г., по Высочайшему повелѣнію, была образована при Государственной Канцеляріи особая коммиссія для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части въ Россіи. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ государственный секретарь В. П. Бутковъ, но истиннымъ двигателемъ, ея душою былъ именно 3—ный, который официально былъ только предсѣдателемъ отдѣленія гражданскаго судопроизводства (предсѣдателемъ отдѣленія уголовнаго судопроизводства былъ Будковскій, а судоустройства—Плавскій); но 3—ный не ограничивался работой въ своемъ отдѣленіи: онъ принималъ дѣятельное участіе и въ другихъ отдѣленіяхъ, а также въ пленарныхъ засѣданіяхъ коммиссіи. Въ ряду многочисленныхъ работъ, которыя были составлены 3—нымъ въ это время для коммиссіи или по поводу ея работъ, выдѣляются два труда: «Общія соображенія о составѣ суда уголовнаго» и «О специальныхъ присяжныхъ для особаго рода дѣлъ въ Англіи, Франціи и Италіи». Противъ суда присяжныхъ шли въ это время нападенія двоякаго рода. Съ одной стороны, говорили, что у русскаго народа нѣтъ живого чувства и сознанія права, что онъ смѣшиваетъ законъ съ приказаніемъ начальства, преступника съ несчастнымъ, и поэтому оказывается недоросшимъ и совершенно неподготовленнымъ для суда присяжныхъ. Съ другой стороны доказывали, что судъ присяжныхъ не соответствуетъ и противорѣчитъ самодержавному строю Россійской Имперіи, являясь вмѣшательствомъ общества въ дѣло власти. 3—ный велъ энергичную борьбу какъ съ тѣми, такъ и другими противниками присяжныхъ; возражая противъ вторыхъ, онъ развивалъ теорію, въ силу которой существуетъ рѣзкая грань между деспотіей, гдѣ надъ всѣмъ царитъ воля, изречаемая ad hoc, и монархіей, которая управляется хотя и верховной волей, но на основаніи правильно и постоянно дѣйствующихъ законовъ. Исходя изъ этого своего убѣжденія и идя гораздо дальше своихъ товарищей

по работѣ, 3—ный отстаивалъ судъ присяжныхъ также для политическихъ и литературныхъ дѣлъ, что, однако, не было принято коммиссіей. Черезъ годъ упорной работы были выработаны судебные уставы и къ нимъ обширныя объяснительныя записки, имѣющія строго научный характеръ. Судебные уставы были проведены черезъ Государственный Совѣтъ, гдѣ докладчикомъ вновь былъ 3—ный, и, наконецъ, 20 ноября 1864 г. утверждены императоромъ Александромъ II.

Въ 1866 г. 3—ный напечаталъ «Судебные Уставы съ разсужденіями, на коихъ они основаны»,—изданіе, имѣвшее большое значеніе и для русской юридической науки и для судебной практики. Кромѣ того, около этого же времени онъ составилъ нѣсколько комплектовъ для разныхъ петроградскихъ книгохранилищъ «Дѣла о преобразованіи судебной части Россіи» въ 74-хъ томахъ (последніе 4 тома — названное изданіе «Судебныхъ Уставовъ»), являющихся неопцнимымъ источникомъ для изученія исторіи судебной реформы (опись этого «Дѣла» см. въ приложеніи къ книгѣ Гр. Джаншіева, «Основы судебной реформы», М. 1891). За свои труды по проведенію судебной реформы 3—ный получилъ 1-го января 1865 г. орденъ св. Анны I-й степени и затѣмъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта.

Вслѣдъ за законодательнымъ проведеніемъ судебныхъ уставовъ предстояло ихъ введеніе на практикѣ. 19-го октября 1865 г. 3—ный назначенъ былъ дѣлопроизводителемъ въ совѣщаніи по вопросамъ о введеніи въ дѣйствіе судебного преобразованія. 3—ный отстаивалъ одновременно введеніе судебныхъ уставовъ во всѣхъ земскихъ губерніяхъ, но не имѣлъ успѣха.

1-го января 1869 г. 3—ный былъ назначенъ сенаторомъ во второй департаментъ, откуда позднѣе былъ переведенъ въ 4-й и затѣмъ въ департаментъ межевой. Въ бытность свою сенаторомъ 4-го (судебнаго) департамента онъ велъ борьбу, насколько это было возможно, со старыми законами о судопроизводствѣ (XV томъ Свода Законовъ).

Досути 3—ный посвящалъ научнымъ и литературнымъ работамъ. Таки имъ составлены были три собранія матеріаловъ по

судебному преобразованию, представляющих драгоценный историко-юридический памятникъ. Въ 1869 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ въ 2-хъ томахъ «Гражданское уложение итальянскаго королевства и русскіе гражданскіе законы. Опытъ сравнительнаго изученія системы законодательства», въ 1870 г. «Торговое уложение итальянскаго королевства и русскіе торговые законы. Опытъ сравнительнаго изученія системы законодательства». Въ 1873 г. онъ составилъ для I-го съѣзда русскихъ юристовъ докладъ «О необходимости полнаго изданія гражданскихъ законовъ 1857 г. и согласованія ихъ со всѣми послѣдующими узаконеніями». Въ 1879 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ книгу Беккариа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главою 10-ю Наказа Екатерины II и съ современными русскими законами. Матеріалы для разработки сравнительнаго изученія теории и практики уголовного законодательства». Эта книга представляетъ собою полный переводъ знаменитой книги Беккариа, сопровождаемый изслѣдованіемъ о вліяніи этой книги на Наказъ Екатерины II. Особенность этой книги составляетъ стремленіе во что бы то ни стало избѣгать иностранныхъ словъ, даже такихъ общепринятыхъ, какъ результатъ, анархія, революція, политика, вмѣсто которой онъ употребляетъ терминъ наука государственной мудрости; въ предисловіи онъ подробно обосновываетъ это свое стремленіе. Въ 1874 г. онъ выпустилъ во Флоренціи небольшую книжку «*Fiore della poesia russa*», представляющую прозаическій итальянскій переводъ ряда избранныхъ стихотвореній Лермонтова, Майкова, Кольцова и Жемчужникова.

Послѣдніе годы жизни З—ный усердно занимался переводомъ «Божественной Комедіи» Данте, но успѣлъ окончить только первую ея часть «Адъ», которая и вышла въ свѣтъ въ Петроградѣ въ 1887 г. Переводъ снабженъ обстоятельными предисловіемъ и толкованіями. З—ный обнаруживаетъ въ этой книгѣ весьма солидное знакомство и съ Данте, и съ итальянской литературой вообще, и съ средневѣковой и новой исторіей. Громадная работа видна въ каждой строчкѣ перевода и примѣчаній; для человѣка, серьезно изучающаго Данте, этотъ переводъ и особенно толкованія могутъ

быть весьма полезными; но нѣкоторыя странности перевода ослабляютъ его значеніе. «Существенная мысль перевода», говоритъ въ предисловіи самъ З—ный, «и, нужно сказать, мысль довольно смѣлая состоитъ въ томъ, чтобы включить въ самую поэмѣ важнѣйшія историческія и философскія ея толкованія. Многіе могутъ сказать, что переводчикъ захотѣлъ дополнить Данте,—отвѣтъ на это одинъ: онъ не дополняетъ, а только разъясняетъ мысль поэта. Безъ этихъ разъясненій нынче самая поэма останется непонятною, трудною и скучною для чтенія, потому утрачивается свое практическое значеніе». По мнѣнію переводчика, Данте является прежде всего богословомъ, историкомъ, моралистомъ, правовѣдомъ, мудрецомъ,—а потомъ уже поэтомъ. З—ный идетъ дальше этого, онъ безъ всякихъ оговорокъ вторяетъ высказанную къмъ то мысль, что Данте былъ пророкомъ, и самъ отъ себя прибавляетъ къ этому, что онъ почти «предсказалъ открытіе Америки... могъ предчувствовать въ своемъ гениальномъ вдохновеніи Гарибальди, Кавура, Виктора-Эммануила, объединившихъ въ наше время Италію». Заходя такъ далеко въ своемъ поклоненіи Данте, З—ный вставляетъ въ текстъ перевода мысли, которыя рѣшительно не могутъ быть приписаны Данте: иногда онъ поясняетъ слова Данте указаніями на событія, совершившіяся гораздо позднѣе; такъ, къ указанію поэта на находящихся въ аду знаменитыхъ на землѣ вельможъ, властителей царствъ, «которые здѣсь (въ аду) валяются, какъ свиньи въ грязи, оставивъ послѣ себя на землѣ только отвратительное презрѣніе», дѣлаетъ примѣчаніе: «напр., Наполеонъ III» и т. д. Первый знаменитый стихъ дантовскаго «Ада» *Nel mezzo del cammin di nostra vita* З—ный переводитъ такимъ образомъ: «Въ минуту жизни трудную, на поворотѣ нашихъ лѣтъ», а въ примѣчаніяхъ настаиваетъ на томъ, что именно здѣсь онъ «придерживался только буквального смысла» словъ Данте, хотя все же соглашается, что «читателю можетъ показаться страннымъ и даже невѣроятнымъ, чтобы комедія XIV вѣка начиналась двумя стихами двухъ русскихъ поэтовъ XIX столѣтія». Такія странности въ значительной степени ослабляютъ значеніе этого во всякомъ случаѣ выдающагося труда и заставляютъ читателя пользоваться имъ

лишь съ крайней осторожностью, скорѣе какъ пособіемъ при изученіи «Божественной Комедіи» въ подлинникѣ, чѣмъ какъ дѣйствительнымъ переводомъ.

Лѣтние каникулы 3-ний проводилъ обыкновенно въ имѣніи своей жены въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губ. Въ 1887 г. 3-ний заболѣлъ; родные повезли его въ Ниццу, но, не доѣхавъ нѣсколькихъ верстъ до нея, онъ скончался въ вагонѣ желѣзной дороги, 18 декабря 1887 г.; похороненъ онъ въ Ниццѣ. Незадолго до смерти судьба нанесла 3-ному предпослѣдній ироническій ударъ. Онъ приобщился, наконецъ, къ новому, созданному судебными уставами, Сенату, но не въ качествѣ сочлена, а обвиняемаго. Находя непримѣнимымъ къ условіямъ деревенской жизни и къ ея интересамъ циркулярный указъ соединеннаго присутствія Сената о ежедневномъ разборѣ дѣлъ мировыми судьями, онъ убѣдилъ Купянской мировой сѣзду, гдѣ состоялъ почетнымъ судьей, приостановиться исполненіемъ уже разосланнаго судьямъ указа и представить Сенату, на основаніи 1 т. Свода Законовъ, о встрѣчающихся затрудненіяхъ. Представленіе было встрѣчено сурово, и сѣзду во всемъ составѣ объявлено было отъ Сената дисциплинарное замѣчаніе.

Послѣ смерти 3-наго опубликованъ въ 3-мъ томѣ «Сборника Правовѣдѣнія и Общественныхъ знаній» (СПб. 1894 г.) небольшой отрывокъ «Изъ воспоминаній С. И. Заруднаго», а въ «Русской Старинѣ» (1899 г., № 12) его шутивно-ироническое «Письмо опытнаго чиновника 40-хъ гг. младшему собрату, поступающему на службу».

Формулярный списокъ о службѣ сенатора, тайнаго совѣтника Сергія Заруднаго.—«Воспоминанія 1847 года» С. И. Заруднаго. (Рукопись).—Гр. *Доканшиевъ*, «С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій очеркъ». Москва 1889 г.—*Его же*, «Основы судебной реформы», Москва, 1891 г.—*Его же*, «Эпоха великихъ реформъ», 9-е изданіе. (Біографіи и характеристикѣ Заруднаго посвящена здѣсь спеціальная глава; кроме того, о немъ много говорится въ главахъ о судебной реформѣ и о другихъ дѣятеляхъ той же эпохи).—А. Ф. *Кони*, «Очерки и воспоминанія». СПб. 1906 г. (Зарудному посвящена напечатанная здѣсь рѣчь, произнесенная въ засѣданіи С.-Петербургскаго юридическаго общества въ декабрѣ 1898 г.).—*Его же*, «Отцы и дѣти судебной реформы» М. 1914 г., стр. 78—90.—Д. П. *Шубинъ-Поздѣевъ*, «С. И. Зарудный». («Русская Старина» 1888 г., № 2).—А. Ф. *Селивановъ*, «С. И. Зарудный»

(«Русская Старина» 1890 г., № 2).—В. В. *Умановъ - Каммуновскій*, «Дѣятель великой эпохи реформъ» («Сѣверъ» 1902 г., № 50).—«Исторія Правит. Сената за 200 лѣтъ». 1911 г.—Д. *Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. VII, стр. 29—30.—*Ровинскій*, «Словарь гравированныхъ портретовъ».—«Вѣстникъ Европы» 1887 г., № 2; 1888 г., т. I, № 2.—«Историч. Вѣстникъ» 1887 г., № 3; 1888 г., № 3; 1889 г., № 8.—«Новое Время» 1887 г., № 4245; 1897 г., № 7839; 1899 г., № 8238.—«Правит. Вѣстникъ» 1887 г., № 279.—«Русская Старина» 1887 г., кн. 2.—«Рус. Вѣдомости» 1887 г., № 360; 1889 г., № 58; 1892 г., № 269; 1897 г., № 347; 1899 г., № 34, 35.—«Харьков. Губ. Вѣд.» 1887 г., № 337.—«Всемирная Иллюстрація» 1888 г., т. 39, стр. 42.—«Журналъ Гражд. и Уголовн. Права» 1888 г., кн. 3, стр. 173—176.—«Смоленскій Вѣстникъ» 1888 г., № 3.—«Труды Одесскаго Юридич. Общ.» 1888 г., т. III.—«Наблюдатель» 1889 г., кн. 8.—«Недѣля» 1889 г., № 12.—«Новости» 1889 г., № 63; 1899 г., № 33.—«Русская Мысль» 1889 г., № 4.—«Судебная Газета» 1889 г., № 10.—«Сѣверный Вѣстникъ» 1889 г., № 5.—«Юридич. Вѣстникъ» 1889 г., кн. 6—7.—«Общ. Правов. и Обществ. Знаній» 1894 г., т. II, стр. 1—7.—«Одесскія Новости» 1897 г., № 4178.—«Народъ» 1889 г., № 754, 755.

В. Вод-ошъ.

Зарульскій, Станиславъ, армейскій капитанъ XVIII ст., извѣстенъ, какъ авторъ сочиненія: «Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ», написаннаго на основаніи имѣвшихся тогда изслѣдованій по исторіи Россіи и Литвы и польскихъ лѣтописей. Въ своей «Исторіи Малой Россіи» Бятышъ-Каменскій упоминаетъ это сочиненіе 3-скаго въ числѣ рукописныхъ источниковъ.

«Чтенія въ Им. Общ. Ист. и Древ. Рос.», Москва, 1848 г., № 8.—Д. Н. *Бятышъ - Каменскій*, «Исторія Малой Россіи», М. 1842 г., стр. XVI, № 18.—*Иконниковъ*, «Опытъ русской историографіи», т. I, кн. 2, стр. 1231.

Заруцкій, Аванасій Алексѣевичъ, Новгородсѣверскій протопопъ, родился въ концѣ 60-хъ годовъ XVII ст. въ Глуховѣ, гдѣ отецъ его, тогда войсковою товарищъ и Глуховскій городовою атаманъ, впоследствии тоже былъ протопопомъ. Получивъ хорошее образованіе, законченное, какъ полагаютъ его біографъ Левицкій, въ Кіево-Могилянскомъ коллегіумѣ или въ польскихъ школахъ, 3-цкій уже въ молодыхъ годахъ задумалъ приобрѣсти славу на литературномъ поприщѣ и, слѣдуя обычаю вѣка, написалъ (1687—1688 г.) панегирикъ—«Книжицу на похвалу преемственнаго имени пресвѣтѣйшихъ и державѣйшихъ

великихъ государей и великой государыни благовѣрной царевны, ихъ царскаго пресвѣтлаго величества, и на расширение славы всего ихъ монаршаго Россійскаго царствія». Свое произведение онъ представилъ мѣстному архіепископу Лазарю Барановичу, который одобрилъ его, далъ молодому автору рекомендательное письмо къ гетману Мазепѣ и посовѣтовалъ З—цкому лично представить свой трудъ «его ясновельможности». Гетману понравилось сочиненіе З—цкаго, и онъ, съ своей стороны, рѣшилъ оказать покровительство начинающему поэту, написавъ о немъ восторженное письмо всецельному тогда вельможѣ кн. В. В. Голицыну; при томъ онъ посылалъ и программу «Книжицы» и ходатайствовалъ о награжденіи «селомъ» ея автора, отправлявшагося въ Москву подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ для исправленія своей работы нуждается въ справкахъ съ «лѣтописцами», какіе можно найти только въ столицѣ. Въ августѣ 1689 г., по окончаніи второго крымскаго похода, З—цкій дѣйствительно прибылъ въ Москву въ многочисленной свитѣ самого гетмана; но обстоятельства перемѣнились. Голицынъ палъ, царевна Софья отправлена была въ монастырь, и панегирикъ, прославлявшій, между прочимъ, и ее, могъ сослужить своему автору плохую службу. «Книжица» З—цкаго, уже приготовленная къ печати, осталась такимъ образомъ не изданной, а «тревожное съ нею приключеніе надолго отбило въ немъ охоту къ литературнымъ упражненіямъ». Потерпѣвъ неудачу на литературномъ поприщѣ, З—цкій «избралъ болѣе скромный путь къ матеріальному обезпеченію»: онъ женился на дочери богатаго новгородсверскаго мѣщанина Прасковѣ Константиновнѣ Пригарѣ, взявъ за нею хорошее приданое, а въ 1692 г., послѣ смерти своего отца, новгородсверскаго протопопа, заступилъ его мѣсто. О З—цкомъ, какъ писателѣ, въ эти годы ничего не слышно; валадившаяся было его дружба съ Мазепой тоже какъ-будто оборвалась, но надо думать, что свои литературныя способности и ученость З—цкій въ эту пору съ успѣхомъ примѣнялъ въ проповѣдничествѣ и приобрѣлъ въ этой области нѣкоторую извѣстность, такъ какъ этимъ только и можно объяснить его выступленіе въ качествѣ проповѣдника на торжественномъ богослуженіи 12 ноября 1708 г. въ

Глуховѣ, гдѣ онъ въ присутствіи царя, вельможъ и новоизбраннаго гетмана Скоропадскаго произнесъ проповѣдь, посвященную краснорѣчивому изображенію измѣнническихъ дѣлъ Мазепы и оправданію наложеннаго на него церковнаго проклятія. Проповѣдь понравилась царю, и З—цкій на слѣдующій же день получилъ царскую жалованную подтвердительную грамоту на сельцо Бѣлокопытовку и прочія земли и угодья, принадлежавшія его отцу въ Глуховскомъ и Новгородсверскомъ уѣздахъ; а въ 1709 г., по гетманскому универсалу, за «казнодѣйскія въ проповѣди слова Божою праці» ему же пожалована была «измѣнническая» слободка Быстрицкаго—Ковпинка. Ободренный этимъ успѣхомъ, З—цкій вновь принялся за литературную работу и въ 1717 г. представилъ на царское воззрѣніе большую рукописную книгу (775 л.) съ витѣватымъ заглавіемъ: «Хлѣбъ ангельскій, на крестномъ жертвенницѣ испеченный». Это единственное дошедшее до насъ сочиненіе З—цкаго не было напечатано, но подлинная рукопись его, тщательно исполненная и украшенная множествомъ рисунковъ (изображеніями святыхъ, царя Петра, членовъ царской семьи и др.) и каллиграфическихъ орнаментовъ, хранится въ Петроградской духовной академіи. Написанное тяжелымъ языкомъ, сочиненіе это заключаетъ въ себѣ толкованіе на евангеліе Іоанна, «но цѣнность книги, по замыслу автора, заключалась не столько въ толкованіяхъ евангелскаго текста, сколько на «дедикаціяхъ», рисункахъ и виршахъ, какими онъ въ обиліи снабдилъ и украсилъ свой трудъ». И трудъ этотъ былъ щедро награжденъ: по гетманскому универсалу отъ 18 февраля 1718 г. З—цкій получилъ «въ спокойное владѣніе» село Знобу, прилегавшее къ его землямъ въ Новгородсверскомъ уѣздѣ. Въ томъ же 1718 г. дана была ему и царская жалованная грамота, по которой укрѣплялись за нимъ «въ вѣчное владѣніе» всѣ прежде пожалованныя ему и лично имъ приобретенныя земли и угодья; въ числѣ пожалованныхъ селъ упоминалось здѣсь и село Зноба, которое гетманъ Скоропадскій, «будучи въ Москвѣ, далъ ему, протопопу Аванасію, за труды его въ составленіи печатной конклюдіи на прославленіе имени нашего царскаго величества». То обстоятельство, что книга З—цкаго

здѣсь названа «печатной», Левицкій объясняетъ тѣмъ, что къ сочиненію, по всей вѣроятности, приложены были печатные тезисы, которые и надо понимать подъ «конклюдіей».

Въ «Малороссійскомъ Родословникѣ» В. Л. Модзалевскаго противъ имени Аванасія З—цкаго глухо упоминаются еще и «другія литературныя произведенія» его.

Скончался З—цкій въ началѣ 1720-хъ годовъ (до 1723 г.) и похороненъ въ Новгородсѣверской соборной Успенской церкви.

Въ селѣ Протопоповѣѣ (Новгородсѣверскаго у.), основанномъ самимъ З—цкимъ, въ церковномъ притворѣ хранится писанный масляными красками портретъ его; тамъ-же вмѣстѣ и серебряная кружка, по преданію, подаренная З—цкому царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Преданіе же о томъ, будто о. Аванасій пользовался благосклонностью Петра I въ качествѣ «царскаго шпига» надо считать лишеннымъ основанія.

Ор. Левицкій, «Аванасій Заруцкій, малороссійскій панегиристъ конца XVII и начала XVIII ст.», Киевъ 1896 г. (Оттискъ изъ жур. «Кіевская Старина»).—В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Киевъ, 1910 г., т. II, стр. 140, 141.—А. Родосскій, «Описание 432 рукописей С.-Петербур. духовной академіи», 1893 г., № 57.—Мит. Филаретъ, «Обзоръ русской духовной литературы», 1884 г., стр. 213.—Его-же, «Описание Чернигов. епархіи», кн. 6, стр. 13—15.—А. М. Лазаревскій, «Описание Старой Малороссіи», т. I, стр. 230.—Историческій Вѣстникъ, 1895 г., декабрь (ст. С. Браиловскаго). А. Г.

Заруцкій, Иванъ Мартыновичъ (иначе *Ивановичъ*), одинъ изъ виднѣйшихъ вожаковъ воровскаго казачества въ эпоху Смуты, былъ уроженцемъ западной Руси. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ родился въ городѣ Тарнополь, мальчикомъ попалъ въ неволю къ крымскимъ татарамъ, а оттуда бѣжалъ на Донъ, гдѣ сталъ казакомъ. Выдѣлявшій своими недюжинными способностями изъ окружающей его среды, З—кій сталъ однимъ изъ донскихъ атамановъ. Онъ рано примкнулъ къ Смутѣ, былъ сторонникомъ перваго Лжедмитрія и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Москву, гдѣ, впрочемъ, не игралъ сначала замѣтной роли. З—кій вернулся на Донъ, откуда послѣ гибели Самозванца явился къ Волотникову и Лженетру. Вмѣстѣ съ ними онъ стоялъ подъ Москвой, а затѣмъ въ Тулѣ переносилъ тягости осады этого го-

рода войсками Шуйскаго. Изъ Тулы З—кій отправился въ Сѣверскіе города отыскивать «царя Дмитрія Ивановича», упорные слухи о чудесномъ спасеніи котораго во время московскаго майскаго движенія 1606 года держались на Руси и распространялись тѣмъ, кому выгодна была дальнѣйшая смута. Благодаря своему удаленію изъ Тулы, вскорѣ послѣ этого взятой Шуйскимъ, З—кій избѣжалъ неминуемой гибели. При этомъ ему посчастливилось. Въ Стародубѣ З—кій дѣйствительно нашелъ «царя Дмитрія Ивановича», т. е. втораго Самозванца, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Вора, и поступилъ къ нему на службу. Съ этой поры начинается быстрое возвышеніе З—каго. Красивый, статный, видный, смѣлый, энергичный, умный атаманъ пришелся по душѣ Вору и сталъ однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ нему лицъ. Наряду съ указанными свойствами З—кій отличался жестокостью, лукавствомъ и неразборчивостью въ средствахъ. Одинъ изъ наблюдательныхъ современниковъ Смуты такъ характеризуетъ знаменитаго воровскаго военачальника: «воевода же надъ казаческими полки былъ московской служилой ротмистръ панъ Иванъ Заруцкой. Сей бысть не нехрабръ, но сердцемъ лють и нравомъ лукавъ». Послѣднія качества удачнаго атамана не были, впрочемъ, предосудительными въ глазахъ Вора, который цѣнилъ въ своемъ любимцѣ безусловную преданность его своему дѣлу, себѣ и выдающуюся распорядительность. И дѣйствительно, второй Лжедмитрій имѣлъ полное основаніе дорожить З—кимъ и отличать его. Такъ З—кій, отправленный на Донъ съ цѣлью привлечь на сторону Вора новыя силы, сумѣлъ весной 1608 года привести въ Орелъ къ «царю Дмитрію Ивановичу» 5000-ный отрядъ казаковъ. Затѣмъ ему и Лисовскому были подчинены всѣ казацкія войска Самозванца. Подобнымъ образомъ при первомъ походѣ Вора къ Москвѣ З—кій командовалъ правымъ крыломъ его арміи. Когда же «царь Дмитрій Ивановичъ» обосновался въ Тушинѣ, З—кій занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ совѣтѣ царика, который пожаловалъ своего любимца саномъ боярина. Казачій воевода оказалъ въ это время много услугъ дѣлу Вора. Особенно прославился онъ въ день неудачной для «царя Дмитрія Ивановича» битвы подъ

Москвой. Это сраженіе, губительное для тушинцевъ, произошло въ 1609 году, въ Троицынъ день, и началось нападеніемъ воровскихъ войскъ на предмѣстья Москвы. Большой отрядъ ихъ подошелъ къ столицѣ, разбилъ высланныхъ противъ него москвичей, прогналъ ихъ до самаго города, возвратился и сталъ за Ходынкой на берегу. Царь Василій Шуйскій выслалъ противъ тушинцевъ свои войска съ пушками и гуляй-городами (подвижными укрѣпленіями). Полки овладѣли было этими гуляй-городами, но въ это время къ москвичамъ подошли значительныя подкрѣпленія. Тогда войско Шуйскаго перешло въ наступленіе, отбило свои гуляй-города, погнало непріятеля и чуть было не ворвалось въ самое Тушино. Но здѣсь-то подошлъ З—кій съ своими Донскими казаками. Онъ вступилъ въ жаркій бой съ москвичами и сумѣлъ удержать ихъ на рѣкѣ Химкѣ.

Однако З—каго все же нельзя причислить къ безогляднымъ сторонникамъ Вора. На первый планъ онъ ставилъ свои личныя цѣли, а, по своему западно-русскому происхожденію, имѣя нѣкоторыя связи съ Поляками, не прочь былъ иногда поближе сойтись съ ними. Поэтому, когда «царь Димитрій Ивановичъ» вынужденъ былъ въ январѣ 1610 года бѣжать изъ Тушина въ Калугу, З—кій обнаружилъ склонность применить къ сторонникамъ Сигизмунда и во время совѣщанія многихъ вліятельныхъ тушинцевъ съ послами польскаго короля согласился не признавать ни Шуйскаго, ни царика. И даже тогда, когда громадное большинство Донскихъ казаковъ потянулось въ Калугу къ «царю Димитрію Ивановичу», бывший атаманъ не послѣдовалъ за своими боевыми товарищами, а предпочелъ отправиться въ ставъ польскаго короля подъ Смоленскъ. Оттуда З—кій съ войскомъ гетмана Жолкѣвскаго отправился походомъ на Москву. Впрочемъ, отношенія между родовитымъ талантливымъ паномъ и высочкой тушинскимъ «бояриномъ» не наладились. Вслѣдствіе этого З—кій вернулся къ Вору и вѣрно служилъ ему до дня гибели царика, т. е. до декабря 1610 года. Смерть Самозванца поставила передъ его «бояриномъ» вопросъ: договориться ли съ Поляками, или дѣйствовать на свой страхъ.

Сначала З—кій рѣшается какъ будто на первое. По крайней мѣрѣ въ февралѣ 1611 года онъ ведетъ переговоры съ Са-

пѣгой. Тѣмъ временемъ на Руси, подъ вліяніемъ пробудившагося сознанія національной опасности, по призыву патриарха Гермогена и по почину думнаго дворянина и рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова поднялось первое земское ополченіе для очищенія Москвы отъ овладѣвшихъ ею Поляковъ. З—кій понялъ значеніе этого народнаго движенія, учелъ выгоды, которыя оно ему сулило, и сдѣлалъ свой выборъ. Поэтому съ своими казаками, очень любимыми своего вождя, онъ двинулся подъ Москву на соединеніе съ Ляпуновымъ. Значительныя силы, приведенныя З—кимъ подъ стѣны столицы, личныя способности и вліятельное положеніе его среди бывшихъ тушинцевъ, наконецъ, высокій санъ, полученный имъ отъ покойнаго царика и въ то смутное время имѣвшій такую же силу, какъ и чины, пожалованные другимъ лицамъ при Борисѣ Годуновѣ и Василии Шуйскомъ, выдвинули бывшаго донскаго казака на одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ государствѣ. Когда подъ Московью образовался совѣтъ всей земли, то во главѣ его стали трое начальники: бояринъ князь Димитрій Тим. Трубецкой, «бояринъ» Иванъ Мартыновичъ Заруцкій и думный дворянинъ Прокопій Петровичъ Ляпуновъ. Двое изъ нихъ представляли собой интересы казачества, а третій стоялъ во главѣ земщины. Ляпунову, обладавшему очень твердымъ характеромъ и опиравшемуся на сочувствіе очень вліятельныхъ земскихъ круговъ, удалось мало-по-малу приобрести первенствующее значеніе въ подмосковномъ ставѣ и на совѣтѣ всей земли. Онъ провелъ 30-го іюня 1611 года рядъ постановленій, очень невыгодныхъ для казачества, но воплотивъ отвѣчавшихъ интересамъ государства. Послѣ этого и самъ по себѣ непрочный союзъ между двумя враждебными по существу частями подмосковнаго ополченія окончательно распался. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался властолюбивый и неразборчивый въ средствахъ З—кій. Судьба давала ему возможность загладить прежнія вины передъ Русью, ставъ однимъ изъ вождей національнаго движенія и принявъ участіе въ спасеніи русской государственной самобытности. Но З—кій какъ былъ, такъ и остался искателемъ приключеній, неспособнымъ возвыситься хоть сколько-нибудь до пониманія государственныхъ интересовъ.

Бывшій казакъ, ставшій бояриномъ, началъ домогаться первенствующаго положенія въ государствѣ. На дорогѣ ему стоялъ Ляпуновъ. З—кій рѣшилъ отдѣлаться отъ опаснаго и ненавистнаго соперника. Онъ «и чести позавидѣ Прокошевъ и злую крामолу нанъ состави». Когда въ казачью среду была умѣло пущена составленная по приказанію недруговъ Ляпунова подложная грамота его, въ которой земскій вождь якобы подстрекаетъ земскихъ людей бить и казнить казаковъ, гдѣ бы они ни встрѣтились, З—кій сумѣлъ поддержать возмущеніе, вспыхнувшее у казаковъ. Благодаря его прояскамъ, Ляпуновъ «преданъ бысть въ кровоядныя руки злочинному сонмищу, идеже безъ зла не спать», другими словами, позванъ былъ для объясненія въ казачій кругъ. Пылкій и гордый предводитель земщины во время объясненій съ казаками не захотѣлъ сдержатъ себя и былъ 22-го іюля 1611 года убитъ разъяренной толпой. Его единомышленники, объятые ужасомъ, покинули подмосковный станъ, и З—кій на время увидаль себя господиномъ положенія. Подъ Москвой остались лишь тушинцы. По родовитости среди нихъ первое мѣсто принадлежало князю Трубецкому, но вслѣдствіе бездарности и ничтожества этого вождя фактически главная роль пошла въ руки З—каго. Онъ вмѣстѣ съ Трубецкимъ присвоилъ себѣ доходы съ богатой Важской волости. Вмѣстѣ съ Трубецкимъ «бояринъ» З—кій рассылалъ грамоты по городамъ, зова рати на очищеніе столицы государства отъ Поляковъ. Вліятельная Троице-Сергіева обитель подъ давленіемъ З—каго составляла воззванія, приглашавшія уѣздныхъ людей на соединеніе съ подмосковными «боярами и воеводами».

Между тѣмъ въ головѣ у предприимчиваго тушинца созрѣлъ новый смѣлый планъ. Пользуясь своей близостью къ вдовѣ Вора, Маринѣ Мнишекъ, съ которой З—кій вступилъ въ интимныя отношенія во время пребыванія своего въ Калугѣ, «бояринъ и воевода» задумалъ провозгласить царемъ Воренка, т. е. маленькаго сына «царя Дмитрія Ивановича». При такомъ оборотѣ дѣлъ З—кій упрочилъ бы свое положеніе, ставъ на долгое время фактическимъ правителемъ государства. Однако подобная перспектива не сулила ничего добраго изстрадавшейся Русской землѣ, поэтому

даже въ подмосковномъ станѣ затѣя З—каго встрѣчена была безъ особаго энтузіазма. Въ особенности же встревожила она великаго молитвенника земли Русской, св. патріарха Гермогена. Патріархъ послѣшилъ обратиться къ земскимъ людямъ съ пламеннымъ увѣщаніемъ «отнюдъ на царство проклятаго паньина Маринкина сына не хотѣти». Увѣщаніе св. Гермогена пало на благодарную почву, и вожди новаго нижегородскаго ополченія, Кузьма Мининъ и князь Дмитрій Пожарскій, вседѣло прониклись лозунгомъ великаго стоятеля и страдальца за родную землю. Тогда З—цкій со свойственной ему изворотливостью попытался найти другой способъ удержаться у власти. Сначала, правильно оцѣнивъ важное стратегическое и политическое значеніе Ярославля, тушинскій «бояринъ» пытался овладѣть этимъ городомъ. Потерпѣвъ неудачу въ своемъ замыслѣ, З—кій 2-го марта 1612 года присягнулъ третьему Лжедмитрію, Псковскому Вору, который еще въ декабрѣ 1611 года прислалъ въ подмосковные таборы свое посольство.

Однако земское движеніе, направленное и противъ Поляковъ и противъ казаковъ, все болѣе и болѣе крѣпло въ странѣ. Оно, благодаря большимъ финансовымъ способностямъ Минина и толковымъ военнымъ мѣрамъ Пожарскаго, располагало большими матеріальными средствами и внушительной военной силой. Передовые отряды земскаго ополченія постепенно захватывали подступы къ Москвѣ, оттѣсняя и разбивая казаковъ, многіе изъ которыхъ, привлекаемые щедрымъ жалованьемъ, переходили подъ знамена князя Пожарскаго. Тогда З—вій затѣялъ новую игру. Онъ отправилъ въ Ярославль просьбу о помощи противъ Поляковъ и лицемерно выражалъ раскаянне въ томъ, что присягалъ Псковскому Самозванцу. Но честный князь Пожарскій остался холоденъ къ заигрываньямъ З—каго. Послѣ этого З—вій прибѣгъ къ испытанному уже имъ однажды средству. Онъ и ближайшіе его приверженцы отправили своихъ агентовъ въ Ярославль. Тѣ организовали, но неудачно, покушеніе на князя Пожарскаго. Задуманное злодѣянне не удалось: подосланные убійцы были схвачены и раскрыли всѣ обстоятельства заговора. Дальновидный Пожарскій простилъ второстепенныхъ участниковъ заговора и отправилъ ихъ въ подмосковные таборы изблечить своихъ подстрекателей.

Въ таборахъ поднялось большое волненіе, которое еще болѣе усилилось, когда обнаружилась новая интрига З—каго. Онъ вступилъ въ переговоры съ гетманомъ Ходкевичемъ, шедшимъ на выручку сидѣвшихъ въ Москвѣ Поляковъ, и такимъ образомъ окончательно измѣнилъ общенародному дѣлу. З—кій увидѣлъ, что положеніе его въ лагерѣ подъ Москвой сильно поколебалось. При этомъ къ столицѣ приближалось общеземское ополченіе. Тогда въ августѣ 1612 года казацкій «бояринъ и воевода» съ оставшейся ему вѣрной значительной частью казаковъ («мало не съ половиной войска») ушелъ въ Коломну, а оттуда, увлекая за собой Марину Мнишекъ съ Воренкомъ, въ Михайловъ. З—кій, повидимому, сначала не терялъ надежды провести на избирательномъ сборѣ кандидатуру Воренка, но всенародный выборъ 21-го февраля 1613 года царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова нанесъ рѣшительный ударъ чаяніямъ закоренѣлаго тушинца.

Тѣмъ не менѣе отважный «бояринъ и воевода» не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ. Онъ цѣплялся за окраинные города Московскаго государства и пытался именемъ Марины Мнишекъ и Воренка поднять новую смуту въ странѣ. Эти попытки продолжаются и во время «подвига» царя Михаила въ столицу. Новое правительство съ своей стороны начинаетъ энергичную ликвидацію внутреннихъ нестроей и на одно изъ первыхъ мѣстъ ставитъ борьбу съ З—кимъ. Противъ него изъ Москвы былъ отправленъ бояринъ князь Иванъ Никитичъ Одоевскій съ ополченіями изъ Суздаля, Владиміра, Тулы и Рязани. Среди сторонниковъ «тушинскаго боярина» началась рознь. Многие изъ его приверженцевъ, узнавъ о вѣзвѣщеніи Михаила Ѳеодоровича, покинули З—го. Нѣкоторые города измѣнили Воренку и цѣловали крестъ законному государю. Тогда З—кій «съ Маринкою поиде прямо къ Воронежу». Здѣсь его настигъ Одоевскій и имѣлъ съ нимъ упорный бой. Послѣ этого сраженія З—кій «перегѣзе черезъ Донъ» и степью направился къ Астрахани, гдѣ и зимовалъ.

Тушинскій «бояринъ» не терялъ присутствія духа. Его поддерживала малообыточная надежда возвратить себѣ власть надъ Москвой. З—кій тѣшилъ мыслью если не о царской коронѣ, то о регентствѣ

въ малолѣтство Воренка. Есть извѣстіе, что З—кій именно въ это время обвѣнчался съ Мариной Мнишекъ. Скорѣе обманувшаяся, чѣмъ обманщица, польская панна, ослѣплена была блескомъ короны, которою нѣкогда вѣнчалъ ея Разстрига. Она серьезно считала себя законной русской государыней и думала, что бракъ съ нею давалъ право на власть и ея мужу. Этимъ самообманомъ Марины, вѣроятно, и воспользовался З—кій. Въ то же время бывшій атаманъ не терялъ надежды снова поднять вольное казачество, посылалъ «прелестныя» грамоты на Донъ, но не имѣлъ успѣха. Получивъ государево «многое жалованье», донцы объявили, что они не начнутъ новаго «воровства». Впрочемъ, среди этихъ казаковъ нашлось около 500—600 человекъ, которые прельстились затѣваемымъ З—кимъ походомъ на Самару и «добычей зипуновъ» во время этого предпріятія.

Все же конецъ З—каго былъ близокъ. Воровской вождь своими насиліями и грабежами своихъ шаекъ возбудилъ всеобщую ненависть жителей города Астрахани, и они весной 1614 года сѣли отъ него въ правильную осаду. На помощь къ нимъ изъ Москвы шли бояринъ И. Н. Одоевскій, окольникій С. В. Головинъ и дьякъ Василій Людинъ. З—кій не сталъ дожидаться высланной противъ него московской рати. Онъ испугался появленія подъ Астраханью «казанца Василья Хохлова съ ратными людьми», которыхъ выслалъ противъ З—каго распорядительный терскій воевода П. В. Головинъ. Силы опаснаго воровскаго атамана быстро таяли, и онъ въ маѣ 1614 года съ Мариной Мнишекъ и Воренкомъ бѣжалъ на «Яикъ», гдѣ и укрылся на Медвѣжьемъ островѣ, но былъ тамъ послѣ боя захваченъ стрѣleckимъ головой Гордѣемъ Пальчиковымъ и головой Севастьяномъ Онучинымъ, которые были отправлены Одоевскимъ для поимки опаснаго вора. 6-го іюля 1614 года З—кій былъ привезенъ въ Астрахань, а оттуда вмѣстѣ съ Мариной Мнишекъ и Воренкомъ былъ отправленъ въ Москву. «На Москвѣ же тово Заруцково посадиша на колъ, а Воренка повѣсиса, а Марина умре на Москвѣ».

Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. — Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. XV, первая половина. — Русская Историческая Библиотека, т. XIII, изданіе второе. — Сочиненія по Смутѣ Соловьева, Карамзина, Иловайскаго и др. — С. Ѳ. Плато-

новъ, «Очерки по исторіи Смуты». — *Пав. Пирлингъ*, «Историческія статьи и замѣтки». — *П. Г. Любомировъ*, «Очерки исторіи Нижегородскаго ополченія». — *Васенко*, «Бояре Романовы и воцареніе Михаила Теодоровича». — *И. И. Жемльновъ*, «Маринкины городокъ» (II-й томъ «Уральцевъ», 1910 г.). — *Ник. Коллисовскій*, «Лебединскій Троицкій мужской монастырь» («Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости» 1875 г., № 19; въ этомъ трудѣ любопытна запись для поминаенія «боярина Ивана Мартыновича Заруцкаго»).

Пл. Васенко.

Заруцкій, Степанъ, алебастровыхъ дѣлъ мастеръ Оружейной палаты, приблизительно до 1681 года. Изъ работъ его имѣется указаніе на вылитый имъ изъ алебастра образъ св. великомученика Теодора Стратилата для царя Теодора Алексѣевича, при чемъ этотъ образъ былъ даже раскрашенъ. Кромѣ того, извѣстно, что З—цкій обучалъ своему искусству учениковъ въ Оружейной палатѣ. Къ сожалѣнію, мы о немъ имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы высказать какое-либо определенное сужденіе.

Успенскій А., «Словарь иконописцевъ», ст. 80.

П. С—кій.

Зарянко, Николай Константиновичъ, художникъ-портретистъ, учился въ Академіи Художествъ и за портретъ съ натуры получилъ въ 1852 г. серебрян. медаль 2-го достоинства, тогда же ему была объявлена и «похвала за успѣхъ въ живописи», а въ 1854 году онъ былъ выпущенъ некласснымъ художникомъ. Черезъ 2 года (1856 г.), представляя въ Академію Художествъ портретъ и прося признать его назначеннымъ въ академики, онъ въ то же время возбудилъ ходатайство, въ виду своего отъѣзда по болѣзни въ Крымъ, о разрѣшеніи ему писать на программу въ академики портретъ съ какого-либо «извѣстнаго Академіи въ Крыму жителя». Академія Художествъ, признавъ З-нко назначеннымъ въ академики, предоставила ему свободный выборъ портрета на званіе академика. Приѣхавъ въ Симферополь, З-нко опредѣлился учителемъ рисованія въ мѣстную гимназію, и 8 марта 1858 года Академія Художествъ, получивъ при отношеніи директора Таврическихъ училищъ нарисованный съ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бракке портретъ, признала З-нко академикомъ. Но болѣзнь прогрессировала, З—нко долженъ былъ оставить мѣсто учителя, легъ въ больницу и въ іюль 1861 года представилъ въ Академію Художествъ прошеніе о пособіи. Въ

этомъ прошеніи несчастный художникъ жалуется, что, выйдя изъ больницы, онъ не имѣетъ средствъ даже нанять квартиру. Академія Художествъ постановила ходатайствовать передъ президентомъ Академіи о выдачѣ пособія. Но дни талантливаго, подававшего большія надежды портретиста, были сочтены, и онъ умеръ въ 1862 г.

Такъ же недолговѣчны были два брата З-нны, тоже художники: *Василій Константиновичъ*, ученикъ Московскаго училища живописи и ваянія, умершій 7 октября 1860 г., черезъ два года послѣ того, какъ получилъ отъ Академіи Художествъ званіе некласснаго художника за портретъ картину «Дѣвочка, читающая книгу» (эта картина заслужила одобреніе на академической выставкѣ 1858 г.), и *Иосифъ Константиновичъ*, архитекторъ, удостоенный въ 1843 г. званія класснаго художника за проектъ губернскаго дома и тоже умершій въ молодости.

Кондаковъ, «Юбилейный сборникъ», т. II, стр. 72, 73. — «Сѣверная Пчела» 1852 г., № 228; 1854 г., стр. 1317. — *Петровъ*, «Материалы», т. III, стр. 183, 269, 300, 381. — «Иллюстрированная Газета», 1858 г., № 16, стр. 255.

П. Ст—скій.

Зарянко, Сергій Константиновичъ, художникъ, братъ предыдущихъ, родился 24 сентября 1818 года, умеръ 20 декабря 1870 года. Уроженецъ Могилевской губерніи (въ имѣніи князя Любомірскаго), по однимъ свѣдѣніямъ получилъ предварительную художественную подготовку въ селѣ Сафоновѣ, Вышневолоцкаго уѣзда, въ школѣ Венеціанова, а по другимъ—у нѣкоего Аврорина, пѣвчаго, а потомъ діакона Троицкаго подворья. Учился въ 3-ей Петроградской гимназіи и одновременно, «какъ посторонній», занимался въ Академіи Художествъ, гдѣ оказывалъ значительные успѣхи. 16 мая 1836 года, т. е. 18 лѣтъ отъ роду, получилъ 2-ю серебряную медаль за перспективную картину «Фельдмаршалскій залъ въ Зимнемъ Дворцѣ.» Въ этомъ же году ему было дано «ободреніе» за портретъ съ натуры. Черезъ два года, 30 сентября 1838 года, З—нко получаетъ званіе некласснаго художника, 14 января 1842 г. серебряную медаль 1-го достоинства, а въ мартъ того же года Академія Художествъ, признавъ его «по извѣстнымъ Академіи живописнымъ работамъ назначеннымъ въ академики», поручила ему программную работу на званіе академика: «внутренность Петер-

бургской Никольской церкви въ верхнемъ этажѣ», при чемъ указывала, что картина должна быть не менѣе $1\frac{1}{2}$ —2 аршинъ ширины. Это известная картина, въ настоящее время находящаяся въ Русскомъ Музеѣ Императора Александра III, написанная въ 1842—1843 г. Затѣмъ, черезъ 7 лѣтъ, З—нко возбуждаетъ ходатайство о заданіи Академіей Художествъ программы на званіе профессора исторической живописи. Подчеркиваемъ желаніе З—нки стать профессоромъ исторической живописи: это обстоятельство очень характерно. Академія Художествъ удовлетворяетъ желаніе своего талантливаго ученика, назначивъ ему программу: «Смерть св. Павла Фивейскаго», при чемъ фигуры этой картины должны были быть въ ростъ человека. Но З—нко, видимо, не выполнилъ этой картины и получилъ званіе профессора въ томъ же 1850 году за портретъ вице-президента Академіи Художествъ гр. Ф. П. Толстого. Такимъ образомъ художникъ, получившій званіе художника и академика «по классу живописи перспективной» и желавшій стать профессоромъ «исторической живописи», былъ удостоенъ этого званія за портретъ. Въ то же время З—нко былъ преподавателемъ рисованія въ Дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское училище). Въ 1855 году въ Академіи Художествъ открылась вакансія профессора перспективной живописи, и З—нко началъ хлопотать о назначеніи его на эту должность, но не имѣлъ успѣха въ своемъ стремленіи и уѣхалъ въ Москву, гдѣ поступилъ преподавателемъ въ Московское училище живописи и ваянія, сдѣлавшись тамъ съ 1859 года инспекторомъ училища. Въ 1865 году З—нко былъ снова вызванъ въ Петроградъ, чтобы исполнять недостававшіе въ Эрмитажѣ портреты Императорской фамилии. Надъ этою работою онъ трудился 5 лѣтъ и вернулся въ 1870 году снова въ Москву, гдѣ скоропостижно умеръ отъ разрыва сердца.

Съ ранняго дѣтства З—нко чувствовалъ матеріальный гнетъ и уже 15 лѣтъ долженъ былъ зарабатывать деньги, чтобы поддерживать семью. Представивъ въ Академію Художествъ свою картину «Внутренній видъ Никольскаго собора», З—нко обратился въ Академію съ прошеніемъ, прося выдать ему эту картину, чтобы онъ могъ ее продать и получить такимъ образомъ «способы для принятія новыхъ заня-

тій по части художествъ». Академія Художествъ картины не вернула, но назначила художнику пособіе въ размѣрѣ 300 рублей изъ «суммы, назначенной на ободреніе художниковъ». Та же матеріальная небезопасность, видимо, заставляла художника принимать мѣсто учителя рисованія сперва въ Дворянскомъ полку, а затѣмъ въ Московскомъ училищѣ живописи, и умеръ художникъ, оставивъ свою семью въ большой нуждѣ.

Учился З—нко, какъ мы указывали выше, по классу живописи перспективной, и у него имѣется цѣлый рядъ работъ въ этомъ направленіи, какъ то: «Видъ террасы въ Московскомъ Кремлѣ съ семействомъ Владиславева» (1847 г.), «Внутренній видъ собора св. Марка въ Венеціи», «Внутренній видъ Троицкаго собора Сергіевской лавры», «Внутренность комнаты золотопромышленника Латкина съ портретами его семейства» (1848 г.), «Внутренность Никольскаго Морского собора» (1843 г.), «Зала въ училищѣ Правовѣдѣнія» (1843 г.), «Зала въ домѣ кн. А. Н. Голицына», «Кабинетъ Императора Александра II въ Царскомъ Селѣ», «Лѣстница въ Зимнемъ Дворцѣ», «Тронный залъ Зимняго Дворца». Особенностью всѣхъ этихъ картинъ является присутствіе въ нихъ лицъ, даже цѣлыхъ группъ людей, при чемъ художникъ обращалъ вниманіе на послѣднія никакъ не меньше, чѣмъ на перспективу. Такимъ образомъ для насъ ясно, что «перспективная живопись» не удовлетворяла художника, и онъ искалъ чего то другого. Исканія эти ясны и въ желаніи З—нки стать профессоромъ живописи исторической. Но появленіе портретовъ З—нки на выставкѣ 1850 года было положительной неожиданностью. «До сихъ поръ мы не слышали о Зарянко, и вдругъ онъ выставкою двухъ портретовъ, писалъ въ 1850 году, сосредоточилъ на себѣ вниманіе всей столицы и заставилъ говорить о себѣ». Отзывы о портретахъ З—нки въ настоящее время поражаютъ своею похвалою. «Я говорю рѣшительно и утвердительно, читаемъ мы далѣе, что г. Зарянко гений, что лучшихъ портретовъ не было со времени изобрѣтенія портретной живописи (съ портретами Ванъ Дика включительно) и быть не можетъ, потому что работы г. Зарянки совершенство въ полномъ значеніи этого слова». Далѣе, портреты З—нки характе-

ризовались, какъ «оживленіе натуры», утверждалось, что онъ «доказалъ представленіемъ живой натуры, что натура выше всякаго искусства», и что онъ «создалъ совершенно новый родъ портретной живописи, который можно назвать пластической дѣйствительностью. Портреты г. Зарянки живутъ и дышутъ. Онъ сообщаетъ удивительную живость глазамъ». Такое восторженное отношеніе къ портретамъ З—ни смѣнилось къ концу 60-хъ и началу 70-хъ годовъ прямо противоположнымъ; доказывалось, что «перспективный живописецъ остался и въ портретистѣ, и можетъ быть именно этой своей сторонѣ, этому перспективному изображенію головъ, этому микроскопическому вычерчиванію деталей, этому однообразному выраженію лицъ, этой мундирности и безтипичности ихъ обязанъ былъ Зарянку въ 50 хъ годахъ своею извѣстностью».

Конечно, ни первые отзывы, ни послѣдній не могутъ считаться правильными. З—нко написалъ около 100 портретовъ, и главный недостатокъ даже самыхъ лучшихъ изъ нихъ заключается въ томъ, что въ этихъ портретахъ больше сходства внѣшняго съ изображаемою имъ личностью, чѣмъ внутренняго. З—нко не могъ уловлять психологіи своей натуры, но этотъ недостатокъ объясняется, во-первыхъ, тѣмъ временемъ, въ которое жилъ художникъ, а во-вторыхъ, и самими обстоятельствами жизни его, вѣчною небезопасностью, вѣчною погонею за кускомъ хлѣба. При такихъ условіяхъ человекъ не можетъ предаваться тонкостямъ психологическаго анализа. Поэтому если мы и можемъ говорить о недостаткахъ портретовъ З—ни, то во всякомъ случаѣ должны принять во вниманіе и причины появленія этихъ недостатковъ. Но зато сила дѣлки, сходство, тщательная разработка мельчайшихъ подробностей, превосходная передача освѣщенія поражаютъ въ портретахъ З—ни и въ настоящее время. Лучшими портретами З—ни могутъ считаться: портретъ покойнаго наследника престола вел. кн. Николая Александровича и портретъ гр. Ѳ. П. Толстого. Еще при появленіи первыхъ портретовъ З—ни стали задавать вопросъ, возможно ли подражаніе ему, и въ то время давался отвѣтъ: нѣтъ, невозможно. До извѣстной степени этотъ отвѣтъ справедливъ, такъ какъ безусловно въ мастерствѣ З—ни

было слишкомъ много индивидуальнаго, присущаго только этому художнику.

Кромѣ картинъ перспективной живописи и портретовъ, З—нко оставилъ послѣ себя одну религиозную картину «Ангель молитвы» и рядъ образовъ (образъ Богородицы, иконостасъ для 2-го кадетскаго корпуса и голова Спасителя и Божіей Матери для Царскосельскаго Софійскаго собора). Но эти произведенія весьма посредственны.

Необходимо отмѣтить и педагогическую дѣятельность З—ни главнымъ образомъ въ Московскомъ училищѣ живописи и ваянія; въ этомъ отношеніи достаточно сказать, что учениками его были Перовъ, братья Маковские, Гр. Бортневскій и др.

«Сѣв. Пчела» 1848 г., № 231; 1849 г., № 234; 1850 г., ст. 922; 1851 г., № 241; 1852 г., ст. 907, 924, 925; 1853 г., ст. 924; 1854 г., ст. 1094, 1160, 1342.—«С.-Петербург. Вѣд.» 1839 г., стр. 341; 1850 г., №№ 234, 275; 1851 г., №№ 111, 241, 247; 1852 г., № 229; 1853 г., №№ 219, 228; 1854 г., № 231.—«Моды» 1851 г., № 2.—«Иллюстр. Газета» 1865 г., № 44.—«Всем. Илл.», 1871 г., № 121.—«Голосъ» 1871 г., № 62.—«Рус. Стар.», тт. X, ст. 154, XXV, стр. 754, т. XXX, стр. 601, 602, XXXIII, стр. 152, LXXIII, стр. 247, LXXXVI, стр. 655, LXXXII, стр. 205.—«Стар. Годы» 1908, № 12 (684—685).—*Божеряновъ*, «Невскій пр.», 422.—Каталогъ выставки коллекцій Деларова.—Каталогъ путеводителя по Ак. Худ.—Сборникъ Им. Истор. Общ., т. 60.—*Кондаковъ*, «Юбилейный Сборникъ», П, 73.—Отчетъ Имп. Акад. Худ. за 1870—71 гг., стр. 82—90.
П. Столянский.

Заславскій, Геронимъ Ивановичъ, врачъ, к. с., род. въ Московской губ. въ 1833 г., первоначальное образованіе получилъ въ Слуцкой гимназіи (1854 г.), а затѣмъ въ Петроградской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой (1859 г.) съ званіемъ лѣкаря опредѣлился врачомъ въ Псковскій пѣхотный полкъ; затѣмъ въ 1865—66 гг. онъ прикомандированъ былъ къ медико-хирургической академіи, а въ слѣдующемъ году назначенъ въ 1-й Петроградскій военный сухопутный госпиталь. По защитѣ (1868 г.) диссертациі на степень доктора медицины подъ заглавіемъ: «О развитіи рака въ печени въ патолого-гистологическомъ отношеніи» («Военный Медич. Журн.», 1868 г., ч. 102) З—скій опредѣленъ былъ старшимъ врачомъ въ 11-й пѣхотный Псковскій полкъ, откуда перешелъ старшимъ врачомъ (1874 г.) въ 132-й пѣхотный Бендерскій полкъ. Въ 1876 г. онъ поѣхалъ съ научною цѣлью

за границу, гдѣ и скончался въ томъ же году.

Змеевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. IV, стр. 121. *Степ.*

Зассъ, Александръ Павловичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ 6 пѣхотной дивизіи, членъ генераль-аудиторіата, родился въ 1782 г., умеръ въ 1843 г. Происходилъ изъ дворянъ Лифляндской губерніи. Въ 1793 г. былъ зачисленъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ унтеръ-офицеромъ, а черезъ три года, 13 ноября 1796 г., имѣя четырнадцать лѣтъ отъ роду, получилъ офицерскій чинъ (прапорщика). Во время кампаніи 1805 г. противъ французовъ былъ командированъ въ армію гр. Буксгевдена и участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ. 14 іюля 1806 г. произведенъ въ капитаны. Въ 1807 г. снова былъ въ походѣ противъ французовъ и сражался съ ними подъ Гутштадтомъ, Вольфсдорфомъ, Фридландомъ и получилъ чинъ полковника, а съ 1809 по 1811 г. находился въ турецкомъ походѣ. Командуя въ 1810 г. 27-мъ егерскимъ полкомъ, слѣдовалъ съ отдѣльнымъ отрядомъ въ Сербію до укрѣпленнаго замка Гургусовцы, устроилъ тамъ батарею изъ 12 орудій и принудилъ непріятеля сдаться на капитуляцію. За этотъ подвигъ Зассъ получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. Въ Отечественную войну и войну съ Франціей онъ командовалъ 2 бригадой 10 пѣхотной дивизіи, былъ во многихъ сраженіяхъ и особенно отличился въ дѣлѣ на рѣкѣ Кацбахѣ (1813) и при Бріеннѣ (1814); за первое ему былъ пожалованъ чинъ генераль-маіора, а за второе — орденъ св. Георгія 3 ст. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ онъ продолжалъ командовать бригадой, а потомъ былъ назначенъ дивизионнымъ начальникомъ 8 пѣхотной дивизіи. Турецкая война 1828 — 1829 гг. снова вызвала его на боевое поприще: въ теченіе всей этой кампаніи онъ неотлучно находился при арміи, оказалъ новыя отличія и получилъ новыя награды: за дѣло подъ Шумлою ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 2 ст., орденъ св. Анны 1 ст. съ Императорскою короною «за отличное мужество и благоразумныя распоряженія при крѣпости Силистріи» и чинъ генераль-лейтенанта за другія дѣла. За турецкою войной послѣдовало усмиреніе польскаго мятежа (1830—1831 гг.). Зассъ принималъ участіе и въ

этой кампаніи; вмѣстѣ съ ея окончаніемъ окончилась и его боевая карьера. 28 ноября 1833 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 6 пѣхотной дивизіи и командовалъ ею до 1839 г., до назначенія его членомъ генераль-аудиторіата, въ каковомъ званіи и состоялъ до конца своей жизни.

Формул. списокъ въ Моск. отд. общаго арх. гл. штаба, кн. за 1838 г., № 3941. — «Списки титул. родамъ», изд. департамента герольдіи. — «Изъ записокъ Н. И. Лорера» («Русскій Архивъ», 1874 г., №№ 2 и 9). — *В. Квядри*, «Императорская Главная Квартира». Н. 3.

Зассъ, Андрей Андреевичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ 2 кирасирской дивизіи. Родился въ 1770 г. Умеръ въ 1830 г. Происходилъ изъ дворянъ Курляндской губерніи. Службу началъ въ л.-гв. Конномъ полку, въ который определенъ былъ вахмистромъ 1 января 1787 г. Въ 1792 г. переведенъ въ армію ротмистромъ, съ назначеніемъ въ Кіевскій конно-егерскій полкъ, съ которымъ и находился въ Польшѣ до присоединенія ея къ Россіи. Въ 1794 г. участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Холмомъ, Слонимомъ, при штурмѣ Прагскихъ ретраншементовъ и взятіи Варшавы. За отличія награжденъ былъ золотымъ крестомъ и чиномъ секундъ-маіора. Въ 1797 г. онъ былъ переведенъ въ Орденскій кирасирскій полкъ; въ 1804—1807 гг. находился въ отставкѣ, а съ началомъ кампаніи 1807 г. снова поступилъ на службу, былъ определенъ въ Псковскій драгунскій (впослѣдствіи кирасирскій) полкъ и выступилъ въ походъ въ Пруссію противъ французовъ; участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Гейсисбергомъ и Фридландомъ, получивъ за отличіе орденъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1810 г. получилъ должность полкового командира. Во время Отечественной войны былъ раненъ пулею въ лѣвую руку подъ Можайскомъ и особенно отличился въ Бородинской битвѣ, за которую получилъ орденъ св. Георгія 4 кл. По переходѣ нашихъ войскъ за границу, командуя полкомъ, продолжалъ находиться въ составѣ дѣйствующей арміи до взятія Парижа и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Въ августѣ 1813 г. за боевыя отличія былъ пожалованъ въ генераль-маіоры; въ сентябрѣ 1814 г. назначенъ командиромъ 2 бригады 2 кирасирской дивизіи. При вторичномъ походѣ за Рейнъ, по случаю прибытія въ Парижъ Наполеона съ острова Эльбы, вновь дошелъ до

столицы Франціи и присутствовалъ на знаменитомъ смотру при Верткю. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, до 1820 г., продолжалъ командовать бригадой, а потомъ получилъ подъ свое начальство 1-ю конно-егерскую дивизію. Въ генераль-лейтенанты онъ былъ произведенъ въ 1826 г. 2-й кирасирской дивизіей командовалъ съ 19 декабря 1827 г.

Формул. списокъ въ Моск. отд. общаго Архива Гл. Штаба, кн. 1829 г., № 10430. — «Списки титул. родамъ», изд. департ. герольдіи.

Зассъ, Андрей Павловичъ, баронъ, генераль-лейтенантъ. Родился въ 1753 г. Умеръ 23 декабря 1815 г. Службу началъ (формально) въ годъ рожденія, въ 1779 г. былъ произведенъ въ полковника лейбъ-кирасирскаго полка. Въ 1787 г. участвовалъ подъ начальствомъ Потемкина въ походѣ противъ турокъ; съ 1779 по 1793 г. командовалъ Переяславскимъ конно-егерскимъ полкомъ, а въ 1793 г. сформировалъ Киевскій конно-егерскій полкъ, отправился съ нимъ въ Польшу и находился тамъ около двухъ лѣтъ. Но свои боевые лавры Зассъ стяжалъ во время Турецкой войны 1806—1811 гг. Здѣсь, уже съ самаго начала кампаніи, онъ принималъ дѣятельное участіе, а въ 1809 г. ему вѣрены были войска подъ Измаиломъ, второй Зассъ взялъ съ боя послѣ непрерывнаго 9-дневнаго дѣйствія осадныхъ батарей; трофеями побѣды были 281 орудіе и 21 знамя. При наступленіи зимы, по случаю отъѣзда изъ Валахіи генераль-лейтенанта Милорадовича, Зассъ принялъ начальство надъ его корпусомъ въ Большой Валахіи; 19 мая 1810 г. перешелъ Дунай ниже Тургукая, овладѣвъ этой крѣпостью послѣ легкаго сопротивленія, и приступилъ къ блокадѣ, а затѣмъ и къ осадѣ Рущука; но осада долгое время была безуспѣшна вслѣдствіе малочисленности отряда. 22 іюля Зассъ велъ колонны праваго крыла. Вскорѣ затѣмъ, получивъ начальство надъ войсками въ Малой Валахіи и Сербіи, овладѣлъ Кладовымъ, а въ 1811 г. разбилъ турокъ подъ предводительствомъ Измаиль-бея при Кадафатъ. Но въ концѣ кампаніи онъ долженъ былъ оставить поля сраженій по случаю болѣзни и послѣ неоднократныхъ и убѣдительныхъ просьбъ, получивъ разрѣшеніе главнокомандующаго (Кутузова), отправился въ отпускъ. Вскорѣ государь писалъ ему, что «очень желаетъ видѣть

его опять на службѣ, столь полезной отечеству». То же самое было повторено императоромъ Александромъ по адресу Засса и въ 1812 г.; но болѣзнь и старость не позволили ему взяться за оружіе, и 27 марта 1814 г. онъ совѣмъ вышелъ въ отставку. Зассъ имѣлъ ордена св. Георгія 3 ст., св. Александра Невскаго, Анны и Владимира 1 ст. и золотую шпагу съ надписью «за храбрость».

«Энциклопедія военн. и морскихъ наукъ» *Леера*, т. 3. — «Военн. энциклоп. лексиконъ», т. 5 (изд. 2). — «Русскій энциклоп. словарь» *Березина*, отд. 2, т. 2. — «Большая энциклопедія», т. 9. — «Настоящій энцикл. словарь» *Граната*, т. 3. (изд. 2.).

Зассъ, Григорій Христофоровичъ, баронъ, генераль-отъ-кавалеріи, извѣстный кавказскій партизанъ 30-хъ годовъ, родился въ 1798 г.; умеръ 4 декабря 1883 г. Воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи. Въ 1813 г. поступилъ на службу въ Гродненскій (впослѣдствіи Клястицкій) гусарскій полкъ, находившійся въ то время въ составѣ дѣйствующей арміи за границей, и принималъ участіе въ сраженіяхъ съ французами подъ Петерсвальдомъ, Дрезденомъ, Кульмомъ и въ «битвѣ народовъ» подъ Лейпцигомъ, при чемъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена и былъ произведенъ въ корнеты съ переводомъ въ Чугуевскій уланскій полкъ. По переходѣ союзной арміи за Рейнъ сражался съ французами подъ Бриенномъ, Морманомъ, Баръ-сюръ-Обомъ, Арси, Мецомъ, Феръ-Шампенуазомъ и Парижемъ. Въ 1815 г. участвовалъ во вторичномъ походѣ за Рейнъ и былъ на знаменитомъ смотру подъ Верткю. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ Зассъ около пяти лѣтъ служилъ въ Псковскомъ кирасирскомъ полку, а потомъ 11 сентября 1820 года былъ переведенъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Спустя пять лѣтъ, онъ въ чинѣ капитана перешелъ въ Навагинскій пѣхотный полкъ, такъ какъ полагалъ, что, по характеру войны съ горцами, служба въ пѣхотѣ представитъ больше возможности проявить свою дѣятельность. Однако до Турецкой войны жажда боевыхъ подвиговъ оставалась неудовлетворенной; только въ 1829 году, когда полкъ перешелъ турецко-азиатскую границу, маіоръ Зассъ могъ вполне отдаться любимому дѣлу: здѣсь онъ участвовалъ во всѣхъ видныхъ сраженіяхъ кампаніи, получивъ за храбрость

орденъ св. Владимира 4 ст. съ бантомъ и чинъ подполковника. Но начало его известности, какъ храбраго воина, относится только ко времени командованія его Моздокскимъ линейнымъ казачьимъ полкомъ, который онъ получилъ подъ свое начальство 16 ноября 1830 г. и съ которымъ въ 1831—32 г. прошелъ почти всю Чечню и часть Дагестана. Особенно памятенъ изъ этой экспедиціи кровавый бой 23 августа 1832 г. въ Большой Чечнѣ подъ Герменчикомъ, когда Зассъ съ своимъ полкомъ бросился на непріятельскіе завалы и взялъ ихъ штурмомъ. Правда, онъ заплатилъ за эту удачу тяжкою раной, но зато слава его подвига разнеслась далеко по горамъ среди горцевъ.

Боевые подвиги доставили ему при этомъ чинъ полковника и орденъ св. Анны 2 ст. Это же обстоятельство было причиною и дальнѣйшаго его возвышенія. Несмотря на то, что Зассъ только что получилъ чинъ полковника, командуя войсками Кавказской и Черноморской линій генералъ Вельяминовъ поручилъ ему въ 1833 г. управление сначала Баталпашинскимъ участкомъ на р. Кубани, а затѣмъ и всею Кубанскою линіею. Первымъ дѣломъ его по вступленіи въ командованіе Баталпашинскимъ участкомъ было защитить подвергавшіяся со стороны горцевъ почти ежедневнымъ нападеніямъ казачьи и др. мирныя станицы. Съ этою цѣлью онъ передвинулъ на другіе пункты нѣкоторые посты, распредѣлилъ ночные секреты на бродахъ, приказалъ перекопать лишнія дороги, ведущія черезъ лѣсъ къ Кубани, и, уменьшивъ такимъ образомъ расходъ казаковъ, получилъ возможность образовать сильныя резервы во всѣхъ станицахъ и на нѣкоторыхъ промежуточныхъ постахъ. Послѣ этихъ распоряженій, собравъ легкій отрядъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и восьмисотъ казаковъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, баронъ Зассъ отправился обозрѣвать мѣстность за Кубанью, считавшуюся непріятельскою, и, встрѣтивъ тамъ сильный отрядъ горцевъ, сдѣлавшихъ на него нападеніе, вступилъ съ превосходившимъ численностью непріателемъ въ схватку. Горцы были разбиты на голову и въ страшной паникѣ разсыпались, ища спасенія въ лѣсахъ. Но Зассъ не ограничился однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ: подражая образу дѣйствія горцевъ, онъ самъ

предпринималъ внезапныя и отважныя набѣги, пробираясь въ такія мѣста, куда до него никто не проникалъ. Въ томъ же 1833 г. онъ разбилъ большое скопище горцевъ на правомъ берегу р. Лабы, разорилъ до основанія аулъ бесленеевскаго князя Айтека Конокова, захвативъ 68 плѣнныхъ, и сжегъ запасы сѣна и хлѣба, принадлежавшіе бесленеевцамъ. То же повторилось и въ слѣдующіе годы. Всѣ жители приведены были въ ужасъ; кабардинцы, бесленеевцы, багоевцы и медовеевцы, поселившіеся на истокахъ рѣкъ Зеленчуговъ и Урупа, просили Засса о мирѣ, выдали аманатовъ и переселились на указанныя имъ плоскія, во всякое время доступныя мѣстности.

Покончивъ съ ними, Зассъ сталъ дѣлать набѣги за рѣку Вѣдую, въ верховья Пчеги, на аулы по Пчегѣ и Курджинскому ущелью, гдѣ жили абадзехи. Заручившись надежными и смѣтливими лазутчиками, онъ не только предупреждалъ всегда вторженія хищническихъ партій въ наши предѣлы по всей линіи, вѣтренной его начальству, но никогда не допускалъ, чтобы партіи успѣли стянуться къ условному пункту. Какъ только узнавалъ онъ, что партія собирается, немедленно составлялъ отряды, лично велъ въ известныя ему заранѣе мѣста и разбивалъ на голову сборище горцевъ. Въ 1835 г. онъ выслѣживалъ съ небольшимъ отрядомъ довольно значительную партію горцевъ. Лазутчикъ Керимъ-Хадиль сообщилъ Зассу, что скопище горцевъ громадно, что предпріятіе съ такимъ малочисленнымъ отрядомъ, какой имѣется въ распоряженіи барона, слишкомъ рискованно, и просилъ вернуться, пока есть возможность, и соединиться съ остальными войсками, но баронъ и слушать не хотѣлъ объ отступленіи. Тогда Керимъ, видя, что Засса не уговорить, хлестнувъ плетью свою лошадь, ускакалъ впередъ; влетѣвъ въ середину спавшаго на зарѣ сборища горцевъ, онъ выстрѣлилъ изъ пистолета и закричалъ во все горло: «Что вы спите! Зассъ, Зассъ, Зассъ!» Горцы вскочили и въ паническомъ страхѣ бросились, кто куда. Къ этому времени подоспѣли казаки и съ крикомъ «ура» и гиканемъ бросились рубить непріятеля, разсыпавшагося, то по одиночкѣ, то по нѣсколько человѣкъ, въ разныя стороны. Преслѣдованіе продолжалось три часа, пораженіе непріятеля

было полное. Много было убитыхъ и раненыхъ; было отбито до двухсотъ лошадей съ сѣдлами, много оружія, и были освобождены захваченные въ плѣнъ донскіе казаки. Столь значительной популярности Засса способствовало еще умѣніе его пользоваться суевѣріемъ сыновъ Кавказа. Черкесы звали Засса шайтаномъ (чертомъ) не за одну его жестокость, но также за тѣ шутки и фокусы, которые онъ имъ показывалъ. При помощи зеркала, панорамы, электрической машины, музыкальныхъ табакерокъ и другихъ вещей Зассъ дѣйствовалъ на воображеніе горцевъ. Весьма многіе считали, что онъ, знаясь съ чертомъ, дѣйствительно неуязвимъ, все знаетъ, умѣетъ заговаривать пули и дѣлать изъ пороха золото.

Такъ подвизался баронъ Зассъ на Кубани до 1840 г., производя почти непрерывные набѣги, опустошая аулы горцевъ и истребляя ихъ имущество. За боевые подвиги ему было пожаловано золотое оружіе съ надписью «за храбрость», ордена св. Анны и св. Станислава 1 ст. и чинъ генералъ-маіора. Въ 1840 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи и произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Набѣги его стали теперь повторяться уже значительно рѣже. Къ этому времени удостоился Высочайшаго утвержденія его проектъ о заселеніи казачьими станицами всего пространства отъ Тамовскаго аула до впаденія Лабы въ Кубань. Онъ съ увлеченіемъ предался новой дѣятельности—устройству станицъ: изъ разрушителя горскихъ ауловъ сдѣлался строителемъ казачьихъ станицъ. Станицы: Урупская, Вознесенская, Чалмыковская, Лабинская и Темиргоевское укрѣпленіе возникли благодаря трудамъ Засса. При немъ же было положено основаніе селенія Армавирь, населеннаго вышедшими изъ-за Кубани армянами, и построено укрѣпленіе, названное по его имени «Зассовскимъ». 1842 г. былъ послѣднимъ годомъ службы его на Кавказѣ. Происшедшая въ этомъ году размолвка съ генераломъ Граббе заставила Засса покинуть должность; онъ былъ зачисленъ по кавалеріи, а въ 1848 г. совсѣмъ удалился отъ службы, выйдя въ отставку. Черезъ полгода онъ вновь поступилъ на службу и первое время состоялъ при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей гр. Паскевичъ-Эриванскомъ, а когда въ 1849 г. наши войска

были двинуты за границу на помощь Австріи противъ венгерцевъ, ему порученъ былъ авангардъ 3 корпуса, съ которымъ Зассъ произвелъ рядъ рекогносцировокъ, имѣлъ нѣсколько стычекъ съ неприятелемъ и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Вайценомъ и Дебречиномъ; послѣ этого снова вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи.

Послѣ покоренія Западнаго Кавказа въ 1864 г. императоръ Александръ II, желая почтить боевые подвиги Засса, призвалъ его вновь на службу и произвелъ въ генералъ-отъ-кавалеріи, повелѣвъ числиться по Кавказской арміи съ правомъ жить, гдѣ пожелаетъ. Зассъ дожилъ до глубокой старости и умеръ на 86 году отъ рожденія.

Послужн. списокъ въ общемъ Арх. Гл. Штаба, кн. 1870 г.—«Списки титул. родовъ и лицамъ», изд. департ. герольдіи.—«Энциклопедія военн. и морск. наукъ» Леера, т. 3.—«Большая энциклоп.», т. 9.—«Настоящ. энциклоп. словарь» Граната, т. 3.—«Указатель по Кавказскому историч. музею», стр. 15.—«Военный сборникъ» 1870 г., № 8.—«Русскій Инвалидъ» 1873 г., № 146; 1883 г., №№ 270 и 277.—«Иллюстрированная Газета» 1873 г., т. 31, №№ 4, 5, 8.—«Бар. Розенъ», «Записки декабриста» Спб. 1907 г., стр. 250—51.—«Новое Время» 1883 г., № 2802.

Н. З.

Зассъ, Корнелій Корнеліевичъ, генералъ-адъютантъ. Родился 23 іюля 1793 г. Умеръ 14 марта 1857 г. Происходилъ изъ дворянъ Лифляндской губерніи. На службу опредѣленъ былъ 5 ноября 1804 г.; первое время числился по инженерному корпусу, а потомъ (въ 1805 г.) былъ назначенъ въ чертежную инженерной экспедиціи. Первый офицерскій чинъ (подпоручика) получилъ въ 1808 г. Въ 1813 г. Зассъ былъ переведенъ въ л.-гв. саперный баталіонъ; въ 1820 г. произведенъ въ полковники, съ утвержденіемъ въ должности командира л.-гв. конно-піонернаго эскадрона; 14 декабря 1825 г. находился въ числѣ войскъ, собранныхъ на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ противъ возмущившихся частей, и на слѣдующій день былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты къ Его Императорскому Величеству. Во время Турецкой войны (1828—29 гг.), въ первый періодъ кампаніи, находился со своимъ эскадрономъ въ Придунайскихъ княжествахъ; согласно Высочайшему повелѣнію, производилъ работы по исправленію путей сообщенія и проложилъ удобную дорогу черезъ

горы и непроходимый лѣсъ около вр. Варны. Въ 1829 г., за отличіе по службѣ, Зассъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ командиромъ л.-гв. драгунскаго (впослѣдствіи конно-гренадерскаго) полка, съ которымъ принималъ весьма видное участіе въ усмирении польскаго мятежа. Прибывъ въ 1831 г. на театръ войны, онъ поступилъ въ отрядъ генерала Бистрома, съ которымъ былъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ поляками; потомъ совершилъ, по порученію начальства, нѣсколько самостоятельныхъ экспедицій, участвовалъ въ дѣлахъ подъ Тыкочиномъ, при Остроленкѣ и при взятіи штурмомъ варшавскихъ укрѣпленій и городского вала гор. Варшавы. За Тыкочинъ Зассъ получилъ орденъ св. Анны I ст., за Остроленку — украшенную алмазами золотую саблю съ надписью «за храбрость» и за Варшаву—Георгія 4 класса. По возвращеніи изъ похода (1831 г.) онъ былъ назначенъ командиромъ 1 бригады 1 легкой кавалерійской дивизіи; въ 1838 г. зачисленъ въ свиту Его Императорскаго Величества; въ 1842 г. получилъ должность дивизионнаго начальника 4 легкой кавалерійской дивизіи, а въ 1843 г. былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ время венгерскаго мятежа (1849 г.) Зассъ ходилъ за Карпаты, сражался съ мятежниками при с. Геремболи, Зольцѣ, Кекешѣ и Дебречинѣ и получилъ за отличіе вторую золотую саблю, украшенную брилліантами, съ надписью «за храбрость». 12 сентября 1851 г. онъ пожалованъ былъ въ генераль-адъютанты къ его Императорскому Величеству. Зассъ состоялъ членомъ комитета «18 августа 1814 г.», а съ 1853 г. исправлялъ должность попечителя военно-сухопутныхъ госпиталей, находившихся въ то время въ Петроградѣ и его окрестностяхъ.

Формул. списокъ въ Московск. отд. общаго Арх. Гл. Штаба за 1854 г., № 16886. — «Списки титул. родамъ и лицамъ», изд. департ. герольдіи. — В. *Квадри*, «Императорская глава, квартирадарств. Императора Николая I-го». — «Петербургскій Некрополь».

Н. З.

Заставскій, Федоръ Петровичъ, ст. сов., происходилъ изъ духовнаго званія, образованіе получилъ въ Спб. педагогическомъ институтѣ, который окончилъ въ 1792 г. Въ 1805 г. онъ назначенъ былъ учителемъ въ Екатеринославскую гимназію, а въ 1811 г. — директоромъ училищъ

Таврической губ., гдѣ прослужилъ до 1837 г., когда вышелъ въ отставку съ пенсіей въ 3.200 руб. ассигнаціями. Въ 1839 г. З—скій былъ избранъ дворянствомъ попечителемъ Симферопольской гимназіи, а въ 1841 г. — совѣстнымъ судьей. Скончался онъ 3 іюня 1842 г. 73-хъ лѣтъ отъ роду. Ему принадлежитъ «Начальное ученіе французскаго языка» (Новорос. 1800 г.).

«Таврическія Губерн. Вѣдомости» 1842 г., № 31. — *Геннади*, Словарь, т. II.

Засѣкинъ (Жировой-Шастуновъ), кн. *Александръ Θεодоровичъ* † 1611 г. Въ 1584 г. находился въ Пронскѣ; отсюда былъ въ сторожевомъ полку съ воеводой кн. Андр. Ив. Хворостининымъ. Въ 1585 г., въ случаѣ прихода воинскихъ людей (по ногайскимъ вѣстямъ), на Рязани должны были быть въ сходѣ бояринъ кн. Дм. Ив. Хворостининъ и кн. З-нъ. Послѣдній писалъ къ государю, что велѣно ему быть по росписи въ большомъ полку въ другихъ (т. е. вторымъ воеводой), а Ефиму Бутурлину въ передовомъ полку, а кн. Семену Звенигородскому въ сторожевомъ полку въ первыхъ, да на Тулѣ въ другихъ велѣно быть кн. Никитѣ Тюфякину, — и ему «меньше ихъ быти немочно». По этому поводу въ государевомъ указѣ кн. З-ну писалось: «что онъ то бредитъ, воеводство ему первое, и онъ не вѣдаетъ, съ кѣмъ мѣстничается, а передоваго и сторожеваго полку первымъ воеводамъ до большаго полку другого воеводы дѣла нѣтъ; а кн. Никита Тюфякинъ на Тулѣ въ другихъ, и ему до него какое дѣло; и велѣно быть по росписи и списки взять, а не возметь, и ему быть въ опалѣ». Въ 1588 г. кн. З-нъ искалъ своего «отечества» на кн. Василии Щербатомъ. Въ слѣдующемъ году онъ билъ челомъ въ второго воеводу передоваго полка Мих. Глѣб. Салтыкова и на второго воеводу сторожеваго полка кн. Вас. Мих. Лобанова. Въ 1590 г. послѣ взятія Яма онъ былъ отставленъ отъ воеводства въ передовомъ полку, но въ томъ же году былъ снова въ передовомъ полку въ Великомъ Новгородѣ. Въ большомъ полку вторымъ воеводой въ то время былъ Мих. Мих. Салтыковъ, и кн. З-нъ билъ на него челомъ. Въ 1591 г., въ ожиданіи прихода подъ Москву крымскаго хана, царь Θεодоръ Иоанновичъ велѣлъ стать полкамъ на рѣкѣ Пахрѣ. Въ

большомъ полку съ кн. Ив. Феод. Мстиславскимъ головами были: кн. З-нъ и два князя Звенигородскихъ. Въ томъ же году зимою, по вѣстямъ отъ нѣмецкой украины, ходили въ передовомъ полку: кн. Ѡ. А. Ноготковъ и кн. З-нъ. Затѣмъ, когда стояли въ Новгородѣ Великомъ, первымъ воеводой передового полка вмѣсто кн. Ноготкова назначенъ былъ окольничій Мих. Глѣб. Салтыковъ; въ сторожевомъ же полку были: кн. Григ. Петр. Ромодановскій и кн. Мих. Мих. Пугатинъ. Кн. З-нъ билъ челомъ государю на Салтыкова и на кн. Ромодановскаго въ «отечествѣ» о счетѣ; по этому поводу былъ судъ, неизвѣстно чѣмъ кончившійся. Въ 1592 г., дек. 5-го, царь велѣлъ разрядному дьяку Салуну Аврамову сказать воеводамъ быть по полкамъ. Въ большомъ полку одному изъ трехъ, кого государь изволилъ, — кн. Ив. Туренину, кн. Мих. Кашину, или Ждану Сабурову; вторымъ воеводой назначенъ былъ кн. З-нъ. Въ 1598 г. онъ подписалъ грамоту утвержденную объ избраніи царемъ Бориса Годунова.

Въ 1600 г. отъ персидскаго шаха Аббаса былъ въ Москвѣ посолъ Перхулы-Бекъ. Въ сентябрѣ съ нимъ въ числѣ другихъ лицъ отправился въ Персію и З-нъ; имъ была дана грамота, которою они должны были руководствоваться при заключеніи союза. Между прочимъ въ ней сказано: «Быть Царю и Шаху на всѣхъ недруговъ заодно; послать и купцамъ ѣздить свободно изъ Россіи въ Персію, изъ Персіи въ Россію; не вводить новыхъ торговыхъ пошлинъ и проч.». Царь Борисъ и царевичъ Феодоръ послали въ даръ Аббасу скарлатныя однорядки съ кружевомъ, нѣсколько кречетовъ, соборей, чернобурныхъ лисицъ, 7 костей рыбаго зубу, панцирь, 2 самопала, порошницу нѣмецкую съ наводомъ, боевые часы да, по желанію шахову, медвѣдя-гонца, двухъ собаекъ борвыхъ и двухъ медвеженскихъ (миланскихъ), 200 ведръ вина (изъ Казани), два куба винные съ трубами, крышками и таганами.

Въ наставленіи кн. З-ну сказано: «Будеть Шаховы ближніе люди учнутъ говорить что о Шевкалѣ и о Косійскомъ городѣ... и кн. Александру съ товарищи говорить: «Великій Государь нашъ для любви брата своего, Шахова Величества, городъ съ Койсы снести велить; а Аббасъ-Шаховобъ Величество къ Шевкалу пошлетъ, чтобъ онъ исправился, прежніе свои неправды

покрылъ правдою и въ винахъ своихъ добилъ челомъ Великому Государю нашему, и былъ бы со всею землею въ жалованьѣ у Его Царскаго Величества крѣпко и неподвижно... А нѣчто по грѣхомъ принесетъ васъ подъ Турской городъ подъ Дербентъ, или на морѣ васъ возмутъ Турскіе люди, и вы наказъ и грамоты, изготова тайно, съ каменемъ ввинте въ воду». Посольство это возвратилось въ 1603 году.

Въ 1605 г., когда Лжедмитрій велѣлъ быть у себя царю Симеону Бекбулатовичу, въ первой встрѣчѣ были: окольничій Мих. Бор. Шейнъ и кн. З-нъ. Въ томъ же году кн. З-нъ былъ воеводой въ Торопцѣ.

Въ іюнѣ 1609 г. онъ состоялъ намѣстникомъ Псковскимъ; вмѣстѣ со псковичами кн. З-нъ писалъ Дерптскому державцу Бормовскому, прося прислать вспомогательное наемное войско для нападенія на Великій Новгородъ, отложившійся отъ Самозванца. Василий Ивановичъ Шуйскій и новгородцы названы въ этой грамотѣ «государевыми измѣнниками». Осенью 1610 г., какъ видно изъ письма Феодора Андропова литовскому канцлеру Салтѣгъ, кн. З-нъ, бывшій одно время сторонникомъ польскаго королевича Владислава, ушелъ отъ гетмана Жолкевскаго и присталъ къ Заруцкому. Въ 1611 г. кн. З-нъ былъ однимъ изъ членовъ Боярской Думы и вмѣстѣ съ кн. Андреемъ Голицынымъ и кн. Ив. Мих. Воротынскимъ (тоже членами Думы) не скрывалъ своего единомыслія съ патриархомъ Гермогеномъ. Всѣ они были отданы «за приставовъ», т. е. подъ стражу.

А. А. Э., II. — Акты Ист., II. — Синб. Сб. — Др. Р. Вивл., XIV. — *Карамзинъ*, «Исторія госуд. Рос.», XI, XII. — *Бялжуровъ*, «Разр. записи Смутнаго времени».

В. Корсакова.

Засѣкинъ (*Солнцева*), кн. *Андрей Михайловичъ*. Въ 1635 г. былъ стольникомъ; на обѣдѣ литовскихъ пословъ, Александра Песочинскаго съ товарищами, у царя Мих. Феод. онъ «носилъ пить передъ боярѣ», сидѣвшихъ за большимъ столомъ. Затѣмъ кн. З-нъ три раза (1643, 1667 и 1671 гг.), черезъ значительные промежутки времени, «смотрѣлъ» за царскими обѣдами «въ кривой столъ». Для большей торжественности, такъ какъ обѣдъ былъ данъ въ 1667 г. въ честь польскихъ и литовскихъ пословъ, царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ по два стольника и въ большой,

и въ кривой столы. Въ «большой столъ должны были смотрѣть»: Никита Ив. Шереметевъ и кн. Дм. Ив. Жирового-Засѣкинъ; въ кривой столъ: кн. Андрей Мих. Солнцевъ-Засѣкинъ и Ив. Максим. Языковъ. Царь пожелалъ сдѣлать измѣненіе и вмѣсто Языкова велѣлъ назначить кн. Мих. Феод. Жирового-Засѣкина, но его не оказалось въ городѣ, такъ какъ онъ отпущенъ былъ на свадьбу. Кн. Дм. Ив. Жирового-Засѣкинъ билъ челомъ государю въ «отечествѣ» о счетѣ на кн. Андрея Солнцева-Засѣкина, что ему съ нимъ быть невмѣстно. Царь тѣмъ не менѣе велѣлъ ему «смотреть въ большой столъ» вмѣстѣ съ Шереметевымъ, общая дань вслѣдъ затѣмъ счетъ, но кн. Дмитрій Жирового-Засѣкинъ не послушался. Вслѣдствіе этого разрядный думный дьякъ Башмаковъ, по царскому приказанію, билъ кн. Жирового-Засѣкина въ подолѣтѣ батогами и заставилъ его «смотреть въ большой столъ» вмѣстѣ съ Шереметевымъ. Въ «кривой столъ смотрѣли»: кн. Андрей Солнцевъ-Засѣкинъ и Ив. Макс. Языковъ. Послѣ обѣда, когда государь пошелъ къ себѣ въ хоромы, кн. Дмитрій Жирового-Засѣкинъ билъ ему челомъ о счетѣ на кн. Андрея Солнцева-Засѣкина. Три дня спустя кн. Андрей, въ свою очередь, билъ челомъ о безчестіи и оборонѣ. Челобитная была принята, и думному дьяку Башмакову велѣно сдѣлать справки и доложить государю. Послѣ этого князья Дмитрій и Михайло Жирового-Засѣкины подали въ Разрядъ сказку, что имъ «съ княземъ Андреемъ Солнцевымъ-Засѣкинымъ быти мочно и на него не челобитчию».

Кн. Солнцевъ-Засѣкинъ въ 1647-49 гг. былъ воеводой въ Рыльскѣ, въ 1657-59 гг. въ Новгородѣ Великомъ и въ 1661 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ промежуткѣ между двумя первыми воеводствами онъ находился въ 1650 г. и вторично въ 1652 г. въ Переяславлѣ-Рязанскомъ для обереганья отъ прихода крымскихъ и ногайскихъ людей. Въ 1655 и 1656 гг. онъ участвовалъ въ польскомъ походѣ, былъ головой у дворянъ, а въ 1669 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича.

Дв. разр., II и III, дополн. къ III т.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».

В. Корсакова.

Засѣкинъ, кн. *Борисъ Петровичъ* † 1589 г. Въ 1565-67 гг. былъ намѣст-

никомъ въ Рязкѣ, въ 1569 г. воеводой на Пловѣ и на Соловѣ, а въ 1570 г. полковымъ воеводой въ Рязкѣ. Въ 1572 г. во время похода царя Іоанна Вас. въ Новгородъ съ нимъ былъ и кн. З-нъ, въ качествѣ представителя отъ Холопьяго Суда. Въ 1573 г. З-нъ былъ намѣстникомъ въ Рыльскѣ, въ 1577 г. полковымъ воеводою на Рязани, въ 1580 г. въ Серпуховѣ, а затѣмъ былъ однимъ изъ воеводъ большого полка на берегу рѣки Оки. Въ 1581 г. З-нъ состоялъ въ Калугѣ воеводою передового полка, въ 1582 г. полковымъ воеводою, въ 1583 г. намѣстникомъ и воеводою въ Рязкѣ, а въ 1585 г. околичникомъ. Въ 1588 г., 24 іюля, у царя Феодора Іоанновича обѣдали: бояринъ Феод. Никит. Юрьевъ (впослѣдствіи патріархъ Филаретъ), кн. Феод. Дм. Шестуновъ и кн. Засѣкинъ, бывший въ этотъ день именинникомъ. Неизвѣстно, въ которомъ году кн. З-нъ переписывалъ земли въ Важской области.

Акты Ист., I.—Др. Рос. Вивл., XIII и XIV.—Синб. Сб.—*Кн. Долгоруковъ*, Родосл. кн., I.—*Карамзинъ*, «Исторія госуд. Россійскаго», IX.

В. Корсакова.

Засѣкинъ (*Жировой - Головинъ*), кн. *Василій Феодоровичъ*. Въ 1576-1577 г. былъ полковымъ воеводою въ Данковѣ, раньше же стоялъ на Рязани; въ 1581 г. состоялъ осаднымъ воеводою въ Карачевѣ; затѣмъ ему велѣно было быть въ Новосили на мѣсто кн. Семена Коркодинова, убитаго татарами. Въ 1584 г. З-нъ находился въ Рязкѣ, откуда предполагалось, по нагайскимъ вѣстямъ, послать осенью къ Казани; въ декабрѣ того же года большой полкъ долженъ былъ по росписи находиться въ Рязани; воеводами въ немъ были: бояринъ кн. Дм. Ив. Хворостининъ и кн. З-нъ. Вслѣдствіе болѣзни кн. Хворостинина кн. З-нъ былъ присланъ въ Переяславль «покамѣста кн. Дмитрей обможетца». Такое, хотя и временное, повышение кн. Меркуль Александровичъ Щербатой, бывший въ то время въ сторожевомъ полку у Николы Зарайскаго, счелъ порухой для своей чести и отправилъ царю челобитную, что ему «не мочно быть менши кн. Засѣкина». Царь увѣдомилъ объ этомъ грамотой кн. З-на и по минованіи службы общалъ кн. Щербатому «дать счетъ».

Синб. Сборн.—Др. Рос. Вивл., XIV.

В. Корсакова.

Засѣкинъ (*Жировой*), кн. *Василій Θεодоровичъ*. Въ 1676 г. былъ стольникомъ; извѣстно, что онъ сопровождалъ царя Θεодора Алексѣевича въ его загородныхъ и богомольныхъ походахъ. До 1694 г. мы имѣемъ только два свидѣнія, касающіяся служебнаго положенія кн. З-на; въ 1684 г., будучи окольничимъ, онъ управлялъ приказомъ Холопьяго Суда, а въ 1688 г. былъ воеводой въ Симбирскѣ. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ кн. З-нъ часто участвовалъ въ крестныхъ ходахъ изъ Московскихъ соборовъ и монастырей, а послѣ кончины царя Θεодора Алексѣевича сопровождалъ въ подмосковныя села и разные монастыри царя Іоанна Алексѣевича. Ко времени воеводства его въ Симбирскѣ относится память Кареунскому воеводѣ Ив. Игнат. Ужимову, написанная отъ имени царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи Алексѣевны. Изъ этой памяти мы узнаемъ, что Донскіе казаки въ большомъ количествѣ стремились къ Шевкалу на рѣки Куму и Тясму, а потому кн. З-ну предписывалось соблюдать осторожность, поставить на опасныхъ мѣстахъ караулы и стараться не допустить воровскихъ казаковъ къ Симбирску и на Волгу. Если же они появятся близъ Симбирска, или гдѣ-либо на Волгѣ, то послать къ нимъ надежныхъ людей и убѣдить ихъ, на основаніи царскаго указа, вернуться на Донъ.

Доп. въ Акт. Ист., XII.—Дв. разр. IV.—Р. И. В., IX.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».

В. Корсакова.

Засѣкинъ, кн. *Григорій Осиповичъ Зубокъ*. Въ 1577 г. находился въ Орѣшкѣ съ кн. Ив. Андр. Солнцевымъ-Засѣкинымъ. Въ 1580 г. онъ былъ вторымъ воеводою сторожевого полка на Коломнѣ, а затѣмъ первымъ воеводою передового полка въ Калугѣ; въ 1581 г. полковымъ воеводою въ Михайловѣ, въ 1583 г. сходнымъ воеводою въ большомъ полку въ Казанскомъ походѣ, въ 1584 г. полковымъ воеводою на Алатырѣ, а затѣмъ въ Арзамасѣ. Въ 1585 г., послѣ того какъ былъ поставленъ у луговыхъ черемисъ городъ Шанчюринъ (теперешній Санчурскѣ), для береженія были тамъ воеводы въ большомъ полку—кн. З-нъ и Меньшой Гр. Волынской. Въ 1589 г. кн. З-нъ былъ назначенъ воеводою на Переволочку (Царицынъ), а товарищами къ нему были при-

ставлены Романъ Васильевичъ Алферьевъ и Ив. Аван. Нащокинъ. Считая, что ему невѣстно быть меньше кн. З-на, Алферьевъ искалъ на немъ «отечества» (15 апрѣля того же года), а кн. З-нъ билъ челомъ въ своею безвѣстна на Алферьева. Судили ихъ бояринъ кн. Никита Ром. Трубецкой и дьякъ Сапунъ Аврамовъ и приговорили: кн. З-на оправить, а Алферьева обвинить и выдать его головою кн. З-ну. Въ царской грамотѣ отъ 23 мая 1589 г. на имя З-на, между прочимъ, сказано: «а Роману Алфереву не только что съ тобою, и съ меньшимъ въ твоёмъ родѣ Роману Алфереву быти на службѣ, на Переволокѣ, съ тобою въ товарищехъ». Послѣ этого Алферьевъ былъ посланъ на службу въ Переволочку и, по государевой опалѣ, не допущенъ дьякомъ Сапунемъ Аврамовымъ къ государевой рубли. 2-го іюля того же года кн. З-нъ и его товарищи, Алферьевъ и Нащокинъ, получили царскую грамоту объ отправленіи въ Астрахань судовъ, на которыхъ были привезены лѣсные матеріалы для строенія на Переволокѣ (между Волгою и Дономъ) города и острога. На Переволокѣ велѣно было оставить сколько нужно судовъ для посылокъ, а лучшія суда отправить въ Астрахань на тамошній обиходъ. Въ 1590 г. сынъ Ром. Вас. Алферьева, Семенъ Романовичъ, возобновилъ челобитые на кн. З-на, представивъ, повидимому, справки, которыхъ первоначально не было. Государь выслушалъ судный списокъ, сложилъ съ Романа свою опалу и велѣлъ дать ему невѣстную грамоту на кн. З-на. Вскорѣ послѣ оправданія Алферьевъ умеръ въ Царицынѣ. Въ томъ же году кн. З-нъ посылалъ изъ вновь построеннаго города Саратова въ погоню за воровскими атаманами и казаками. Въ 1596 г. кн. З-нъ былъ на Терекѣ: ходилъ вмѣстѣ съ нѣсколькими воеводами противъ Шевкала (недруга Грузинскаго царя Александра), при чемъ много непріятелей было убито, а Шевкалъ раненъ.

Акты Ист., I.—Доп. къ Акт. Ист., I.—Спб. Сб.—Др. Рос. Вивл., XIV.—Р. И. В., II.—*Карамзинъ*, «Исторія госуд. Рос.», X.
В. Корсакова.

Засѣкинъ (*Солнцевъ*), кн. *Иванъ Андреевичъ*. Въ 1577 г. былъ въ Орѣшкѣ на вылазкѣ, въ 1581 г. числился воеводою на Дѣдлово. Весной 1583 г. передовою полкъ со своими воеводами, кн. З-нымъ и Степ. Вас. Кузьминымъ-Кара-

заевымъ, и большой полкъ, подъ предводительствомъ кн. Ив. Самс. Туренина и Дм. Андр. Замыцкаго, поплыли внизъ по Волгѣ и поставили въ Козмодемьянскѣ острогъ. Въ 1584 г. З-нъ стоялъ на Михайловѣ со сторожевымъ полкомъ. Въ 1585 г. онъ былъ воеводою въ Бѣлевѣ. Въ 1587 г., послѣ того какъ 30 июня крымскіе царевичи взяли острогъ города Кропивны, были посланы воеводы съ полками за Туду къ Малиновымъ воротамъ; пришли туда 13-го іюля; стояли недѣлю. Въ правой рукѣ были: кн. Ѳеод. Андр. Ноготковъ и кн. Ив. Андр. З-нъ; онъ былъ челомъ государю на Ив. Львов. Салтыкова, второго воеводу большого полка, и государь велѣлъ его челобитье записать. Въ 1592 г. З-нъ, будучи воеводою въ Бѣлевѣ, дѣлалъ городъ; въ 1593 г. онъ былъ воеводой въ Рязскѣ, а въ 1598 г. въ Осколѣ. Въ 1600 г. вторымъ воеводою въ большой полкъ, находившійся въ Мценскѣ, назначенъ былъ кн. Вас. Григ. Щербатовъ. Это назначеніе кн. Щербатова въ большой полкъ задѣло родовую честь кн. З-на, и онъ былъ челомъ царю на князя Васильева дѣда Щербатова: «ему, кн. Ивану, меньше кн. Васильева дѣда Щербатова быть невмѣстно». Царь велѣлъ боярамъ сыскать случаи въ разрядахъ и учинить приговоръ. Бояре распорядились записать на челобитной кн. З-на, чтобы ему быть безъ мѣсть, по росписи, а по окончаніи службы дать ему судъ въ «отечествѣ» и счетъ на князя Васильева дѣда Щербатова. Въ 1601 г. въ Украинномъ разрядѣ въ передовомъ полку въ Новосили, какъ и въ предыдущемъ году, должны были быть Сабуровъ и кн. З-нъ; но Сабуровъ не былъ, а потому съ кн. З-нымъ были сходные воеводы съ Михайлова: Ефимъ Бутурлинъ и Петръ Ѳеодоровъ. Въ 1602 г. З-нъ былъ назначенъ воеводою въ передовой полкъ на мѣсто кн. Петра Ахамашковича Черкаскаго, съ которыми былъ Ив. Ѳед. Басмановъ. Это назначеніе вызвало мѣстничество: кн. З-нъ былъ челомъ въ «отечествѣ» о счетѣ на большого Иванова брата на окольного Петра Басманова, а также на боярина кн. Дм. Ив. Хворостинина, сынъ котораго кн. Ив. Дм. Хворостининъ былъ первымъ воеводою сторожевого полка. Государь оставилъ кн. З-на стоять въ Новосили, а Иванъ Басмановъ на службѣ не былъ, потому что его убили разбойники. Въ 1609 г. кн.

З-нъ находился во главѣ Холопяго Суда и докладывалъ боярамъ о разныхъ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику.

Сибб. Сб.—Др. Рос. Вивл., XIV.—Акты Истор., II.—*Карамзинъ*, «Исторія госуд. Рос.», IX—XI.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».

В. Корсакова.

Засѣкинъ (*Солнцевъ*), кн. *Иванъ Никитичъ*. Въ 1669 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича, а въ 1690 г. былъ окольнымъ. Последнее извѣстіе о немъ относится къ 1693 му году, когда онъ участвовалъ въ крестномъ ходѣ. Служба его была, очевидно, только дворцовая: онъ сопровождалъ царя Ѳеодора Алексѣевича въ загородныхъ походахъ и бывалъ назначаемъ въ крестные ходы.

Дв. разр., III и IV.

В. Корсакова.

Засѣкинъ (*Жировой*), кн. *Иванъ Ѳеодоровичъ*. Въ 1570 г. былъ «поддатней съ рогатиною» въ походѣ царя Іоанна Вас. и сына его царевича Іоанна. Въ 1572 г. находился на свадьбѣ царя Іоанна Вас. съ Марей Вас. Собакиной: «А у платья, у государя царя и вел. князя, кн. Иванъ Жирового-Засѣкинъ; а быть князю Ивану у мастеровъ въ избѣ, не выходить, только платью государю отпущати». Въ 1581 г. З-нъ былъ воеводою въ Карачевѣ, въ 1584 и 1591 гг. въ Михайловѣ; въ случаѣ прихода военныхъ людей на Украину кн. З-нъ долженъ былъ итти въ сторожевой полкъ къ кн. Вас. Агисев. Тюменскому; въ мирное время кн. З-нъ находился въ сторожевомъ полку вторымъ воеводою. Въ 1598 г. онъ былъ воеводой въ Рославлѣ, въ 1599—1600 гг. въ Осколѣ, въ 1602 г., весной, въ Орлѣ въ сторожевомъ полку вторымъ воеводой при кн. Ив. Дм. Хворостининѣ, въ 1603 г. тамъ же при кн. Ив. Ив. Курлатевѣ, въ 1604 г. въ Мценскѣ въ большомъ полку при стольникѣ и воеводѣ Мих. Бор. Шейнѣ, въ 1605 г. первымъ воеводой въ Брянскѣ, затѣмъ въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, въ 1606 г. воеводой въ Сургутѣ и, наконецъ, въ 1608 г. въ Осколѣ.

Сибб. Сборн.—Др. Рос. Вивл., XIII и XIV.—*Карамзинъ*, «Исторія госуд. Рос.», IX.—Разр. кн. I.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Блюкжуровъ*, «Разр. записи Смутн. времени».

В. Корсакова.

Засѣкинъ (*Жировой-Глазатово*), кн. *Михаилъ Ѳеодоровичъ*. Въ 1627 г. значился дворяниномъ московскимъ. Въ 1638, 1640 и 1647 гг. дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ; въ 1638 г. находился въ числѣ дворянъ, сопровождавшихъ на Волюйку кн. Вас. Петр. Черкаскаго для посольской размѣны. Последнее свидѣніе о немъ относится къ 1660 г., когда на царскомъ обѣдѣ въ честь Грузинскаго царевича Николая Давидовича онъ былъ однимъ изъ стольниковъ, которые ставили кушанья передъ боярами.

Дв. разр., III и IV.—Р. И. Б., X.
В. Корсакова.

Засѣкинъ (*Солнцевъ*), кн. *Никита Петровичъ*. Въ 1627 г. былъ странчимъ съ платьемъ; въ 1635 г. при приѣмѣ литовскихъ пословъ, а также и персидскаго посла находился въ числѣ стольниковъ, которые «пить носили передъ бояръ». Въ 1636 г. онъ состоялъ ближнимъ стольникомъ; въ 1627—1641 гг. часто дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ; въ 1639 г., въ январѣ, дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ивана Михайловича, а въ апрѣлѣ—при гробѣ царевича Василя Михайловича.

Дв. разр., I и II.—Р. И. Б., IX и X.
В. Корсакова.

Засѣкинъ (*Нагавица-Пестрый*), кн. *Петръ Васильевичъ*. Въ 1536 г. былъ воеводою на Себежѣ. Киевскій намѣстникъ Немировъ подступилъ къ городу съ 20-ти тысячнымъ войскомъ, получивъ приказаніе отъ польскаго короля Сигизмунда взять Себежскую крѣпость. Литовскіе и польскіе пушкари стрѣляли плохо и больше попадали въ своихъ, чѣмъ въ крѣпость. Осажденные сдѣлали удачную вылазку и обратили непріятеля въ бѣгство. Себежскіе воеводы, кн. З—нъ и Тушинъ, не давъ опомниться отступавшимъ, сдѣлали на нихъ сильный натискъ, отняли пушки и знамена, а людей погнали къ озеру: ледъ не выдержалъ тяжести, обломился, и много литовцевъ и поляковъ погибло. Немировъ едва спасся. Вел. княгиня Елена Васильевна въ память этой побѣды велѣла соорудить въ Себежѣ церковь Живоначальной Троицы. Въ томъ же году лѣтомъ пришли татары на Костромскія и Галичскія мѣста; противъ нихъ были отправлены воеводы Ми-

хаилъ Сабуровъ и кн. З—нъ. Не собравъ достаточно ратныхъ людей, воеводы поторопились вступить въ сраженіе и потерпѣли неудачу: войско было разсѣяно, а кн. З—нъ убитъ.

Карамзинъ, «Исторія госуд. Рос.», VIII.—Кн. *Долгоруковъ*, Род. кн., I.

В. Корсакова.

Засѣкинъ (*Жировой-Глазатово*), кн. *Ѳеодоръ Михайловичъ*. Въ 1584 г. былъ воеводою въ Кинешмѣ. Послѣ низложенія царя Вас. Ив. Шуйскаго (1610 г.) Захаръ Ляпуновъ съ тремя князьями—Засѣкинымъ, Тюфякинымъ и Мериномъ-Волконскимъ, еще съ нѣсколькими людьми и съ монахами Чудова монастыря отправились во дворецъ и объявили Шуйскому, что для успокоенія народа онъ долженъ постричься. Многие, въ томъ числѣ и кн. З—нъ, перешли въ лагерь Самозванца, но 26 августа того же года повинили его и присягнули польскому королевичу Владиславу. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ это было важнымъ событіемъ, и бояринъ кн. Ѳеод. Ив. Мстиславскій въ окружной грамотѣ отъ 4-го сентября въ сибирскіе города перечислил всѣхъ главныхъ лицъ: «Воровскіе совѣтники: кн. Олексѣй Ситцкой, Олександро Нагой, Григорій Сунбуловъ, Ѳеодоръ Плещеевъ, кн. Ѳеодоръ Засѣкинъ, да дьякъ Петръ Третьяковъ и всякіе служивые и несслуживые люди вину свою Государю королевичу принесли».

С. Г. Г. и Д., II.—*Карамзинъ*, «Исторія госуд. Рос.», XII.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», VIII,

В. Корсакова.

Засѣкинъ, переводчикъ начала XIX в.; ему принадлежитъ переводъ съ французскаго «Пагубныя слѣдствія игры банка, или свѣтъ для помраченныхъ страстію къ фортунѣ, открытіемъ плутовства банкеровъ игры фаро, съ присовокупленіемъ повѣстей и анекдотовъ о гибельныхъ слѣдствіяхъ азартныхъ игръ». II. 1807 г.

Геннади, Словарь, т. II.—*Сотниковъ*, «Опытъ Россійской Библіографіи» (8037).

Засѣцкая, *Юлія Денисьевна*, дочь знаменитаго партизана Отечественной войны Д. Давыдова, извѣстна своими трудами по устройству задуманнаго ею перваго въ Россіи ночлежнаго приюта для бѣдныхъ. Открытый въ Петроградѣ на Обводномъ каналѣ, близъ вокзала Варшавской ж. д., этотъ первый ночлежный домъ устроенъ

былъ на нѣсколько сотъ лицъ обоего пола, и сама З—кая въ теченіе почти десяти лѣтъ непосредственно руководила имъ, неоднократно дополняя собственными средствами скудный приходъ его отъ пятикопѣечной платы ночлежниковъ. Являя своей жизнью примѣръ дѣятельнаго служенія ближнимъ, З—кая поставила себѣ цѣлью провести въ общество ту же мысль и путемъ литературы. Въ 1877 г. она напечатала небольшую книгу нравственныхъ повѣстей подъ заглавіемъ: «Часы досуга» (помѣщена въ каталогѣ книгъ, одобренныхъ уч. ком. мин. нар. проsv.), а въ 1878 г. вышло въ свѣтъ первое изданіе ея перевода аллегорическихъ разсказовъ англійскаго писателя Джона Буньяна: «Путешествіе пилигрима въ небесную страну» (2 части) и «Духовная Война» (ч. 3-я). Повѣсти эти, произведшія въ свое время цѣлую эпоху въ духовно-нравственной литературѣ, выдержали до ста тысячъ разныхъ изданій, а на русскомъ языкѣ впервые изданы были Новиковымъ въ 1786 г., при чемъ однако переводъ (не полный) сдѣланъ былъ не съ англійскаго оригинала, а съ нѣмецкаго перевода. Трудъ З—ской, исполненный съ большой тщательностью, снабженный жизнеописаніемъ автора, многочисленными объясненіями и гравюрами, являлся поэтому цѣннымъ вкладомъ въ нашу переводную литературу и сдѣлалъ имя переводчицы весьма популярнымъ въ кружкѣ ея современниковъ и единомышленниковъ, нерѣдко собиравшихся въ ея домѣ для религіозно-нравственныхъ бесѣдъ. Скончалась З—кая въ Парижѣ 27 декабря 1882 г.

«Другъ Женщинъ» 1883 г., № 3.—«Голосъ» 1878 г., № 106.—«Церковно-Общественный Вѣстникъ» 1878 г., № 40.—«Новое Время» 1881 г., № 1991; 1883 г., № 2462.

А. Г.

Засѣцкій, Александръ Николаевичъ, штабс-ротмистръ, родился въ 1778 г. и происходилъ изъ дворянъ Владимірской губ.; службу началъ въ 1796 г. капитаномъ въ Измайловскомъ полку, въ слѣдующемъ году онъ былъ выпущенъ эст.-юнкеромъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, въ 1799 г. пожалованъ кавалергардомъ въ Кавалергардскій корпусъ и въ томъ же году переведенъ корнетомъ въ кирасирскій Каменскаго полкъ, по расформированіи котораго въ 1800 г. снова

перешелъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ; наконецъ, въ 1802 г. З—кій былъ переведенъ въ лейбъ-кирасирскій Ея Имп. Величества полкъ, съ которымъ въ чинѣ поручика принялъ участіе въ осадѣ Измаила (1807 г.). Произведенный въ 1811 г. въ шт.-ротмистры, З—кій въ слѣдующемъ году находился въ дѣлахъ при Вятескѣ, Смоленскѣ, Бородинѣ, Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ, Вязьмѣ и подъ Краснымъ. За отличіе въ означенныхъ дѣлахъ онъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость» и въ 1815 г. вышелъ въ отставку.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ», кн. II, стр. 420.

Засѣцкій, Алексѣй Александровичъ, лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ, Вологодскій помѣщикъ, авторъ изслѣдованія: «Историческія и топографическія извѣстія по древности о Россіи и частно о городѣ Вологдѣ и его уѣздѣ, и о состояніи онаго понынѣ, изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ російскихъ и иностранныхъ книгъ, съ приобщеніемъ примѣчаній». М. 1780 г. и 1782 г. Трудъ З—каго, ставшій въ настоящее время бібліографической рѣдкостью, былъ въ свое время цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу: первая часть его представляетъ довольно подробную вологодскую лѣтопись съ 982 г., т. е. за полтораста лѣтъ до возникновенія Вологды, и до выхода въ свѣтъ книги, т. е. до 1780 г.; вторая часть книги, по указанію автора, посвящена топографическимъ извѣстіямъ о Вологдѣ и Вологодскомъ уѣздѣ. Въ этомъ отдѣлѣ своего сочиненія З—кій сообщаетъ довольно подробный очеркъ современнаго ему состоянія г. Вологды и его уѣзда въ отношеніи не только собственно топографическомъ, но и въ статистическомъ, этнографическомъ, ботанико-зоологическомъ, мануфактурно-промышленномъ и даже отчасти археологическомъ. Такимъ образомъ въ настоящее время и эта часть книги представляетъ нѣкоторый историческій интересъ. Кромѣ названнаго труда, З—кому принадлежитъ стихотворное переложеніе «Книги премудрости Иисуса сына Сирахова». М., 1777 г.

«Вологжане—писатели», Вологда, 1900 г., стр. 36, 37.—*Бурцевъ*, «Описаніе рѣдкихъ книгъ», ч. II, № 317.—«Другъ Просвѣщенія» 1806 г., № 10.—*Геннади*, Словарь, т. II.—«Во-

погодскія Епарх. Вѣдомости», 1873 г., №№ 8—10, 13—15 (прибавленіе).—«Вологодскія Губерн. Вѣдом.» 1845 г., № 23.

А. Г.

Засядко, Александръ Дмитріевичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ артиллерійскаго училища и начальникъ штаба Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера. Родился въ 1779 г. Умеръ 27 мая 1837 г. Происходилъ изъ малороссійскихъ дворянъ. Воспитывался во второмъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ былъ 28 февраля 1797 г. подпоручикомъ въ 10 артиллерійскій баталіонъ. Въ 1799 г. участвовалъ въ итальянскомъ походѣ Суворова и былъ въ дѣлахъ при осадѣ и взятіи Мантуи. Въ 1804 г. находился съ нашей эскадрой въ Средиземномъ морѣ, сперва на островѣ Корфу, потомъ въ южной Италіи и въ Адриатическомъ морѣ; 19 сентября участвовалъ въ сраженіи при отбитіи французскихъ атакъ отъ крѣпости Кастель-Нуово, при чемъ за оказанныя въ этомъ дѣлѣ храбрость и примѣрную распорядительность былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса; въ 1807 г. въ войну съ турками онъ отличился на батарее при осадѣ Измаила, а въ 1810 г.—при переправѣ въ виду непріятелиа черезъ Дунай. Затѣмъ находился при взятіи Туртукая, за что и пожалованъ былъ орденами св. Анны 2 ст. и Владиміра 4 ст. съ бантомъ; при овладѣніи Разградомъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость»; въ сраженіяхъ при вылазкахъ непріятелиа изъ крѣпости Рущука былъ раненъ ружейною пулею въ колѣно лѣвой ноги, но, несмотря на то, оставался при бригадѣ. За это дѣло 3-ко награжденъ былъ алмазными знаками къ ордену св. Анны 2-й ст. Кромѣ того, съ половины іюля до конца августа 1810 г. онъ командовалъ артиллеріей при осадѣ крѣпостей Журжи и Рущука, а въ 1811 г. участвовалъ въ атакѣ непріятелиа лагера на правой сторонѣ Дуная, чѣмъ и закончилъ свою дѣятельность въ Турецкую войну. Во время Отечественной войны 3-ко, командуя 15 артиллерійскою бригадою, участвовалъ въ дѣлахъ съ французами при селеніи Городечно и при городѣ Борисовѣ, а по переходѣ нашихъ войскъ за границу—при осадѣ крѣпости Торна; во время переговоровъ о сдачѣ крѣпости былъ посланъ туда заложни-

комъ и за отличное исполненіе порученія произведенъ въ полковники и получилъ прусскій орденъ «Pour le mérite». Кромѣ того, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Бауценѣ, при мѣстечкѣ Гольбергѣ, Гейнездорфѣ, Кацбахѣ и «въ битвѣ народовъ» подъ Лейпцигомъ. За лейпцигское дѣло получилъ орденъ св. Георгія 3 класса и орденъ св. Владиміра 3 ст.—за другія дѣла. По переходѣ за Рейнъ 3—ко участвовалъ въ блокадѣ крѣпости Майнца, а потомъ былъ командированъ во Франкфуртъ на Майнѣ для снабженія дѣйствующей арміи снарядами; по исполненіи возложеннаго на него порученія, при возвращеніи изъ Франціи русской арміи, вновь вступилъ въ командованіе 15 бригадою и вмѣстѣ съ нею возвратился въ Россію. Вмѣстѣ съ этимъ кончилась и его боевая служба. Въ періодъ мирнаго затишья, наступившаго по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, 3-ко занялся опытами надъ конгревовыми ракетами и, благодаря своимъ довольно основательнымъ свѣдѣніямъ въ физикѣ, химіи и механикѣ, открылъ секретъ ихъ изготовленія. Это обстоятельство выдвинуло его и сдѣлало извѣстнымъ въ высшихъ кругахъ. 3—ко отправился въ Петроградъ; тамъ, не дѣлая изъ своего открытія никакой тайны, не требуя вознагражденія за издержки, представилъ начальству полное описаніе своего изобрѣтенія, съ указаніемъ пользы отъ его примѣненія. Императоръ Александръ I такъ остался доволенъ безкорыстіемъ изобрѣтателя, не требовавшаго вознагражденія, что выразился по этому поводу: «Слава Богу, есть офицеры, которые служатъ изъ одной чести». Послѣ этого 3-ко былъ отправленъ въ Могилевъ, въ главную квартиру къ фельдмаршалу кн. Барклаю-де Толли для показанія офицерамъ и фейерверкерамъ способа изготовленія ракетъ; по исполненіи этого порученія былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ дежурнымъ генераломъ 2-й арміи (1819 г.). Когда же въ 1820 г. подъ вѣдѣніемъ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера учреждено было артиллерійское училище, онъ получилъ новое назначеніе: главнаго начальника училища, С.-Петербургской лабораторіи и Охтенскаго пороховога завода. Вмѣстѣ съ тѣмъ 3-ко простился со строевою службой.

Первою заботою его было устройство училища. Составивъ программу наукъ, входящихъ въ кругъ преподаванія, онъ показалъ объемъ и направление, въ которомъ онъ долженъ быть изучаемы, избралъ и пригласилъ лучшихъ въ столицѣ преподавателей, изложилъ правила дневного порядка и занятій въ училищѣ и самъ составилъ записки исторіи артиллеріи съ древнихъ и до новѣйшихъ временъ для руководства при преподаваніи этого предмета. Такъ какъ ни училище, ни учебная артиллерійская бригада не имѣли помѣщенія, то ему на другой годъ послѣ открытія училища велѣно было построить обширное зданіе съ манежемъ, конюшнями и другими принадлежностями. 3-ко выполнилъ данное порученіе съ весьма значительной экономіей, которая обращена была по его ходатайству на улучшеніе постановки учебнаго дѣла и устройство училища. На эти средства было положено основаніе библиотеки и физическаго кабинета. Учебная артиллерійская бригада была также предметомъ заботы 3-ки. Въ качествѣ начальника Охтенскаго порохового завода и лабораторіи, онъ занимался различными изобрѣтеніями: изобрѣлъ пороховую мельницу, предотвративъ этимъ нерѣдко происходившіе при изготовленіи пороха взрывы, калибромѣръ и лафетъ съ пушкой для употребленія при оборонѣ вѣрностей; производилъ опыты надъ орудіями, отлитыми въ глиняныя формы и опоки, для опредѣленія разности въ металлѣ; кромѣ того, на него было возложено распоряженіе по постройкѣ арсенала и перемѣщенію туда вещей. Эта работа была выполнена съ такимъ успѣхомъ и знаніемъ дѣла, что онъ получилъ со всѣхъ сторонъ массу одобреній; арсеналъ посѣтилъ фельдмаршалъ Ведингтонъ и многіе иностранные принцы; всѣ хвалили его устройство и порядокъ.

Въ 1826 г. 3-ко заболѣлъ и отправился для лѣченія въ Крымъ. Когда же здоровье его немного поправилось, онъ вновь возвратился въ Петроградъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ встрѣтилъ его словами: «Александръ Дмитріевичъ, мнѣ нуженъ начальникъ штаба, и это—ты». «Если, Ваше Высочество, изволите находить меня способнымъ и достойнымъ занять эту должность, то я буду служить и трудиться, пока не упаду», отвѣтилъ 3-ко и дѣйствительно сдержалъ свое слово.

Около четырехъ лѣтъ занималъ онъ должность начальника штаба генераль-фельдцейхмейстера и оставилъ ее только послѣ постигшаго его апоплексическаго удара. Весною 1831 г. онъ взялъ продолжительный отпускъ, лѣчился въ Москвѣ, въ Харьковѣ и на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Но здоровье его было почти безнадежно. Получивъ въ 1834 г. отставку, онъ поселился въ Харьковѣ и жилъ тамъ безвыѣздно до конца своихъ дней. Чинъ генераль-лейтенанта 3-ко получилъ въ 1829 г.

Московское отд. общаго Арх. Гл. Штаба, д. 3 ст. 3 отд. Инспект. д-та за 1838 г., № 781 (св. 1017), указъ объ отставкѣ.—В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», т. II, стр. 146, 147.—И. Павловскій, «Полтавцы», Полт., 1914 г., стр. 170.—«Энциклопедія военн. и морск. наукъ» Леера, т. 3.—«Военный энцикл. лексиконъ», т. 5.—А. Платовъ и Л. Курпичевъ, «Историческій очеркъ образованія и развитія артил. училища», 1820—1870 гг., гл. 2-я.—«Артиллерійскій Журналъ», 1857 г., № 3, отд. 4 (біографія).

Н. З.

Засядко, Владиславъ Ефимовичъ, врачъ, род. въ 1844 г., скончался 24 января 1878 г., образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1867 г. по естественному факультету съ званіемъ кандидата, и былъ оставленъ при университетѣ лаборантомъ по химіи. Черезъ 6 лѣтъ онъ поступилъ въ Императорскую медико-хирургическую академію, гдѣ окончилъ курсъ въ началѣ 1877 г. Отличительной чертой 3—дки была любовь къ человѣку. Турецкая война подвинула его на помощь ближнему. Уже при самомъ началѣ своей дѣятельности въ Тифлисскомъ военномъ госпиталѣ и среди населенія Навтлуга онъ успѣлъ, какъ очень рѣдко кому удается, возбудить къ себѣ искреннее уваженіе и любовь всѣхъ сотоварищей и пациентовъ. Больные въ его палатахъ называли его «отцомъ роднымъ», и было за что: каждый выздоравливавшій онъ снабжалъ посильною отъ себя денежною помощію, больнымъ же туркамъ нерѣдко покупалъ на свой счетъ коранъ.

3—дко напечаталъ: «Выдержки изъ французской военно-административной литературы» («Военный Медиц. Журн.», 1875 г., чч. 124, 127) и «Перечень парижскихъ диссертаций по гигиенѣ за 1874 годъ» (тамъ же, ч. 124).

Змеевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. IV,

стр. 121.—«Голосъ» 1878 г., № 43.—«Обзоръ» 1878 г., № 26.—«Харьковъ» 1878 г., № 78.
Стен.

Затеплинскій, Павелъ Александровичъ, профессоръ Харьковскаго университета по кафедрѣ астрономіи, происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, родился въ Кавказской губ. 18 іюня 1796 г. Въ 1812 г. онъ поступилъ въ число студентовъ Харьковскаго университета и по окончаніи въ 1816 г. курса со степенью кандидата былъ назначенъ учителемъ «математическихъ наукъ» въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію. Въ 1820 г. физико-математическій факультетъ Харьковскаго университета представилъ З—скаго кандидатомъ на кафедру астрономіи, и лѣтомъ слѣдующаго года онъ былъ командированъ за границу для усовершенствованія въ астрономіи на два года, затѣмъ командировка была продолжена еще на одинъ годъ. Сначала З—скій отправился въ Парижъ, гдѣ занимался наблюденіями на обсерваторіи подъ руководствомъ Буvara, вычислилъ элементы двухъ открытых тогда кометъ и слушалъ курсы въ королевскомъ университетѣ, по окончаніи которыхъ Біо рекомендовалъ его совѣту университета. Выдержавъ экзамень и защитивъ двѣ диссертациі—одну по аналитической, а другую по небесной механикѣ («Des inégalités périodiques des mouvements célestes»), онъ въ 1823 г. получилъ званіе бакалавра, лиценціата и доктора философіи; это былъ первый русскій, получившій степень доктора въ Парижскомъ университетѣ. Въ августѣ того-же года З—скій отправился въ Англію, гдѣ занимался на обсерваторіяхъ Гринвичской, Гершеля и др., посѣщалъ мастерскія Доллонда, Траутона и др. и стремился въ Геттингенъ къ знаменитому Гауссу, но туда не попалъ вслѣдствіе несочувствія высшаго начальства, опасавшагося вреднаго вліянія на нашу молодежь того броженія умовъ, которое замѣчалось тогда среди германскаго общества. На пути въ Парижъ и на обратномъ пути въ Харьковъ З—скій посѣтилъ Вѣну, Мюнхенъ, Готу, Дерптъ и др. города. Вернувшись изъ-за границы въ іюнѣ 1824 г. отлично подготовленнымъ, онъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ началъ чтеніе лекцій по астрономіи; въ февралѣ 1826 г. былъ назначенъ адъюнктомъ, съ іюня того же года въ теченіе трехлѣтія состоялъ секретаремъ физико-

математическаго факультета, а въ мартѣ 1829 г. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. З—скій пытался устроить обсерваторію; при немъ были выписаны большіе инструменты для предполагавшейся въ Харьковѣ постоянной обсерваторіи и была устроена временная, существовавшая семь лѣтъ. Къ сожалѣнію, постепенно развивавшаяся тяжелая душевная болѣзнь, начавшаяся, какъ полагаютъ, еще въ Парижѣ, помѣшала ему принести всю ту пользу, которую онъ могъ бы принести въ силу прекрасной полученной имъ подготовки, обнаруженныхъ имъ въ началѣ большихъ способностей и прекрасныхъ душевныхъ качествъ. Рассказываютъ, что онъ постоянно чувствовалъ людей и нигдѣ не показываясь въ обществѣ. Такой же отпечатокъ душевнаго разстройства носили на себѣ и лекціи профессора. Нерѣдко онъ забывался до того, что превращалъ чтеніе и въ продолженіе долгихъ минутъ ходилъ молча и задумавшись по аудиторіи; иногда, остановясь на какомъ-нибудь предметѣ, онъ вдругъ объявлялъ студентамъ, что читалъ не то и не такъ, и что эту же самую лекцію прочтетъ онъ въ другой разъ. Въ 1834 г. онъ вышелъ въ отставку. З—скій оставилъ двѣ печатныхъ работы: 1) «Разсужденіе объ успѣхахъ ума въ астрономіи, взятое изъ творенія Лапласа — «Exposition du système du monde» («Украинскій Журналъ» 1824 г., № 19—21) и 2) рѣчь «Объ успѣхахъ ума въ астрономіи, говоренная въ торжественномъ собраніи университета, извлеченная изъ того же сочиненія Лапласа» (Харьковъ. 1826 г.). Въ этой рѣчи давалось общее понятіе о тѣхъ успѣхахъ, какіе сдѣлала наука астрономія. Имѣя дѣло съ публикой, не получившей спеціальной математической подготовки, З—скій обходился безъ формулъ и ихъ доказательствъ, а довольствовался указаніемъ на важнѣйшія открытія столповъ астрономической науки.

«Физико-математическій факультетъ Харьковскаго университета за первые сто лѣтъ его существованія (1805—1905)», стр. 61—62 (Биографич. словарь профессоровъ), стр. 49, 50, 145, 148, 153, 161—162, 171, 211, 223—229 (Исторія факультета и Очерки отдѣльныхъ кафедр).—*Д. И. Багалъй*, «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», т. II (по указателю).—*Геннаби*, Словарь, т. II.

Мик—въ.

Затлеръ, Федоръ Карловичъ, баронъ, артиллеріи генераль-майоръ, генераль-интендантъ Южной и Крымской арміи во время Восточной войны 1853—1856 гг., происходилъ изъ шведскихъ дворянъ и родился въ Финляндіи въ 1805 г. Воспитывался въ Императорскомъ военно-сиротскомъ домѣ, переименованномъ впоследствии въ Павловскій кадетскій корпусъ, и въ 1825 г., по окончаніи курса, выпущенъ былъ прапорщикомъ въ 18-ю артиллерійскую бригаду. Первые годы своей службы З—ръ провелъ на боевомъ поприщѣ: онъ принималъ участіе въ Турецкой кампаніи 1828—1829 гг., былъ при осадѣ и взятіи крѣпости Браилова и участвовалъ во многихъ дѣлахъ при блокадѣ Шумлы. Въ 1831 г., въ чинѣ поручика, состоя въ 6-й артиллерійской бригадѣ, онъ принималъ участіе въ польской кампаніи и былъ при штурмѣ укрѣпленія Воли подъ Варшавой. Вслѣдъ затѣмъ З—ръ около 14 лѣтъ состоялъ въ должности старшаго адъютанта при управленіи начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, а въ 1846 г., въ чинѣ полковника, назначенъ былъ генераль-провіантмейстеромъ дѣйствующей арміи при фельдмаршалѣ кн. Паскевичѣ. Въ 1848 г., во время возстанія въ Венгріи, З—ръ былъ командированъ въ Галицію для собранія свѣдѣній о средствахъ края для продовольствованія тамъ значительной арміи. Съ успѣхомъ исполнивъ данное ему порученіе, онъ въ слѣдующемъ 1849 г., съ стержнемъ венгерскаго похода, назначенъ былъ кн. Паскевичемъ въ помощь генераль-интенданту арміи, двинутой въ предѣлы Австріи. Во время этой войны на З—ра возложено было весьма щекотливое и серьезное порученіе: онъ былъ командированъ въ главную квартиру австрійской арміи къ фельдмаршалу барону Гайнау для личныхъ переговоровъ съ нимъ и для участія совмѣстно съ гр. Зичи въ комиссіи по опредѣленію размѣровъ той суммы, какая причиталась Россіи за продовольствіе нашихъ войскъ въ Австріи. За отличное исполненіе этого порученія З—ръ былъ произведенъ въ генераль-майоры и награжденъ австрійскимъ орденомъ Желѣзной Короны 1-й степени. Въ 1853 г., съ назначеніемъ кн. Горчакова командующимъ 4-мъ и 5-мъ пѣхотными корпусами, вступившими въ Придунайскія княжества, З—ръ, заслужившій уже репутацію спо-

собнаго и опытнаго генераль-интенданта, занялъ эту должность при кн. Горчаковѣ. Здѣсь его распоряженія и заботы по довольствію войскъ, разбросанныхъ на всемъ пространствѣ княжествъ и находившихся въ безпрестанномъ передвиженіи, требовали особенной энергіи и настойчивости; послѣ же возвращенія нашихъ войскъ въ предѣлы имперіи, когда Южная армія получила самостоятельное значеніе и князю Горчакову, въ качествѣ главнокомандующаго, подчинены были объявленныя на военномъ положеніи шесть губерній, ближайшихъ къ театру военныхъ дѣйствій, и сѣверная часть Таврической губ. до Перекопа, съ порученіемъ содѣйствовать во всемъ главнокомандующему въ Крыму кн. Меншикову, задача генераль-интенданта З—ра значительно расширилась и осложнилась. Снабженіе Крымской арміи провіантомъ и фуражомъ представляло дѣло большой трудности, и З—ръ принялся за него со свойственной ему энергіей. Когда же, несмотря на это, въ главной квартирѣ Южной арміи, въ Клишиневѣ, получены были свѣдѣнія о томъ, что войска, расположенныя въ Крыму, терпятъ крайній недостатокъ въ продовольствіи, З—ръ лично отправился въ Крымъ и, собравъ по пути необходимыя свѣдѣнія, подалъ въ декабрѣ 1854 г. кн. Меншикову докладную записку о мѣрахъ, какія необходимо будетъ принять для лучшаго обезпеченія крымскихъ войскъ продовольствіемъ. Въ февралѣ 1855 г. главнокомандующимъ всеми сухопутными и морскими силами, расположенными въ Крыму, назначенъ былъ кн. Горчаковъ, по настоятельнымъ просьбамъ котораго З—ръ долженъ былъ вступить въ должность генераль-интенданта и Крымской арміи. Главнымъ затрудненіемъ при снабженіи крымскихъ войскъ необходимыми припасами являлось отсутствіе удобныхъ дорогъ, особенно въ зимнее время, въ связи съ недостаткомъ перевозочныхъ средствъ. Положеніе еще болѣе ухудшилось, когда Азовское море перешло въ руки непріятеля. Съ занятіемъ этого моря англійскимъ флотомъ Крымская армія лишилась единственнаго удобнаго и дешеваго способа къ обезпеченію ея продовольствіемъ, такъ какъ хлѣбъ главнымъ образомъ заготовленъ былъ въ Ростовѣ, Геническѣ и другихъ азовскихъ портахъ. Много мѣшали дѣятельности З—ра въ качествѣ генераль-интенданта и тѣ раз-

нообразныя порученія, не входившія въ кругъ его обязанностей, которыя постоянно возлагались на него, какъ-то: при- веденіе въ порядокъ почтъ, посылка транс- портовъ для перевозки больныхъ и ране- ныхъ съ театра военныхъ дѣйствій въ отдаленныя госпитали, доставка войскамъ дровъ и лѣса для постройки землянокъ, наконецъ, очистка колодезевъ на комму- націонныхъ путяхъ. З—ръ не отказывался ни отъ какого дѣла, гдѣ могъ быть полез- нымъ. Районъ дѣйствій его распростра- нялся на восемь губерній южной Россіи; ему подчинено было множество чиновни- ковъ интендантскаго вѣдомства, по боль- шей части ему незнакомыхъ и назначен- ныхъ не по его выбору, а между тѣмъ производившихъ значительныя операціи, отвѣтственность за которыя ложилась въ результатъ на генераль-интенданта, между тѣмъ какъ послѣднему, находясь въ глав- ной квартирѣ, очень трудно было услѣдить за правильнымъ исполненіемъ всѣхъ сво- ихъ распоряженій и обнаружить во-время злоупотребленія. Если къ этому приба- вить, что въ продолженіе всей кампаніи З—ру приходилось вести борьбу съ по- стояннымъ и часто неудачнымъ вмѣша- тельствомъ въ распорядительную часть главнокомандующаго центральной админи- страціи военнаго министерства и интен- дантства, то понятно станеть, почему къ концу 1855 г. силы его значительно исто- пились и здоровье его пошатнулось; живо было только сознание служебнаго долга. При прощаніи съ кн. Горчаковымъ, от- званнымъ въ декабрѣ 1855 г. въ столицу, З—ръ говорилъ: «Здоровье мое не позво- ляетъ мнѣ оставаться генераль-интендан- томъ, но, не взирая на то, я не покину арміи, а буду распоряжаться въ самое опасное, въ самое страшное время, въ теченіе зимы и весны, до наступленія су- хихъ дорогъ, зелени и подножнаго корма, т. е. до времени, когда условия продо- вольства войскъ сдѣлаются болѣе лег- кими». И онъ дѣйствительно остался на своемъ трудномъ и отвѣтственномъ посту и при новомъ главнокомандующемъ гене- раль-адъютантѣ Лидерсѣ, такъ же, какъ и его предшественникъ, высоко цѣнив- шемъ благоразумную распорядительность и необыкновенную энергію З—ра. По сви- дѣтельству лицъ, близко знавшихъ дѣя- тельность генераль-интенданта Крымской арміи, явствуетъ, что всѣ усилія его на-

правлены были къ сбереженію арміи и удержанію Крымскаго полуострова. Въ этомъ отношеніи немалую заслугу З—ра составляетъ предложеніе его кн. Горча- кову, сдѣланное еще въ маѣ 1855 г., объ устройствѣ моста черезъ большую бухту на сѣверную сторону Севастополя для спа- сенія гарнизона на случай оставленія имъ южной стороны. Мысль эта впоследствии приведена была въ исполненіе, и З—ръ много способствовалъ тому, доставивъ своевременно лѣсъ для настилки моста за 300 верстъ отъ Севастополя, изъ Каховки. Заслуги З—ра въ это время признава- лись всѣми, и въ продолженіе Восточной войны онъ Всемилостивѣйше награжденъ былъ орденами: Станислава 1-й ст. (24 ав- густа 1854 г.), св. Анны 1-ой ст. (6 де- кабря 1854 г.) и св. Владиміра 2-ой ст. (30 ноября 1855 г.).

Однако по мѣрѣ того, какъ тяжелая и неудачная для насъ кампанія приближа- лась къ концу, въ обществѣ стали рас- пространяться слухи о хищеніяхъ и без- порядкахъ въ интендантствѣ; имъ готовы были приписать всю неудачу кампаніи. Послѣ войны слухи эти росли все болѣе и болѣе. Тогда для раскрытія истины, по Высочайшему повелѣнію, образована была слѣдственная комиссія подъ предсѣдатель- ствомъ кн. Васильчикова. По открытіи дѣйствій этой комиссіи, въ іюнѣ 1856 г., въ г. Николаевѣ, начали поступать до- носы какъ на интендантскихъ чиновни- ковъ, такъ и на самого З—ра. Раздра- женіе въ обществѣ все увеличивалось; на бывшаго генераль-интенданта возводились самыя нелѣпыя и ни на чемъ не осно- ванныя обвиненія; а когда тотчасъ по окончаніи работъ слѣдственной комиссіи учреждена была, по Высочайшему пове- лѣнію, новая комиссія въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Тучкова, періодическая печать повела противъ З—ра и интендантства цѣлую кампанію. Въ «Военномъ Сборникѣ» за 1858 г. напе- чатаны были, одна вслѣдъ за другой, двѣ статьи: «Изнавка Крымской войны» и «Изнавка Крымской войны, другая сто- рона», изображавшія на основаніи мате- ріаловъ, не провѣренныхъ критически, без- страдное положеніе нашихъ войскъ въ Крыму, наглое расхищеніе казны и разо- реніе края. Въ отвѣтъ на первую статью З—ръ написалъ и послалъ въ «Военный Сборникъ» свою статью: «Изнавка на

лицо», которая, однако, не была тамъ напечатана. Возраженіе на вторую статью, представленное З—ромъ кн. Горчакову, съ одобренія послѣднаго, напечатано было въ № 7 «Военнаго Сборника» за 1859 г. Одновременно З—ръ выступилъ противъ своихъ обвинителей и на страницахъ «Русскаго Инвалида», вызвавъ тѣмъ цѣлую бурю негодованія въ печати. Въ «Атенеѣ», въ «Русскомъ Словѣ» и въ другихъ журналахъ и газетахъ помѣщены были рѣзкія статьи, направленные противъ него. Враги З—ра не ограничились журналами, издававшимися въ Россіи: послана была обвинительная статья въ «Колоколь», пользовавшійся большимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе; эта же статья слово въ слово была перепечатана кн. П. В. Долгорукимъ въ «La vérité sur la Russie». Голословныя обвиненія достигли своей цѣли: въ обществѣ ходили о З—рѣ такіе ужасные слухи, что всѣ бывшіе его знакомые избѣгали даже его посѣщать. Между тѣмъ, по окончаніи занятій второй слѣдственной комиссіи, въ декабрѣ 1858 г., въ Москвѣ собрался, подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Муравьева (Карскаго), генеральный военный судъ надъ лицами, виновными въ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по доволію бывшей Южной арміи и войскъ, расположенныхъ въ Крыму. Признавъ З—ра, въ числѣ многихъ другихъ интендантскихъ чиновниковъ, виновнымъ въ преступленіяхъ по должности, судъ приговорилъ его «къ разжалованію въ рядовые, лишенію чиновъ, орденовъ и дворянскаго достоинства, съ наложеніемъ денежнаго взысканія въ размѣрѣ исчисленнаго судомъ казеннаго ущерба». Немедленно по объявленіи приговора, до Высочайшей конфирмаціи его, З—ръ былъ арестованъ на своей квартирѣ съ приставленіемъ къ ней жандармовъ. Подъ такимъ арестомъ онъ находился шесть мѣсяцевъ, когда, во вниманіе къ его особымъ заслугамъ, засвидѣтельствовааннымъ обоими главнокомандующими въ Крыму, кн. Горчаковымъ и гр. Лидерсомъ, милосердіемъ Государя Императора приговоръ былъ смягченъ и наказаніе ограничено исключеніемъ изъ службы безъ разжалованія въ рядовые, съ оставленіемъ однако денежнаго начета (до 1,700.000 р.) въ полной силѣ. Это несчастіе глубоко поразило З—ра на всю его послѣдующую жизнь, протекшую подъ гнетомъ

тяготѣвшаго на немъ тяжелаго обвиненія, въ постоянныхъ военно-литературныхъ трудахъ и тревожныхъ заботахъ о возстановленіи своей репутаціи въ глазахъ правительства и общества. Мѣстомъ своего жительства онъ избралъ Варшаву, гдѣ его давно знали и гдѣ онъ пользовался общимъ уваженіемъ. Доказательствомъ этого уваженія можетъ служить то, что Русское собраніе въ Варшавѣ избрало его, въ 1867 г., въ кандидаты старшинъ, а черезъ два года въ старшины собранія; еще ранѣе онъ былъ избранъ въ число дѣйствительныхъ членовъ Варшавскаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Въ 1863 и въ 1865 г. сперва бывший Виленскій генераль-губернаторъ М. Н. Муравьевъ, а затѣмъ намѣстникъ Царства Польскаго, гр. Бергъ, предлагали З—ру поступить на службу, но онъ не пожелалъ принять ихъ предложеній иначе, какъ подъ условіемъ смыть съ себя незаслуженный позоръ посредствомъ новаго пересмотра дѣла и признанія его виновнымъ, какъ нашли это главнокомандующіе, только въ упущеніяхъ по службѣ, а не въ злоупотребленіяхъ. Такой отказъ со стороны З—ра не помѣшалъ, однако, гр. Бергу впоследствии ходатайствовать о немъ передъ государемъ, и, согласно его представленію, въ декабрѣ 1869 г. Высочайше повелѣно было возвратить З—ру права, безспорочной службой пріобрѣтенныя, и сложить съ него казенный начетъ. Такимъ образомъ послѣ десяти томительныхъ лѣтъ З—ръ могъ вздохнуть свободнѣе, но усердная забота смыть съ себя позорное пятно подорвала и теперь не покидала его; онъ поставилъ себѣ цѣлью не лечь въ могилу до тѣхъ поръ, пока не оправдается передъ государемъ и Россіей, и съ этой цѣлью собиралъ необходимые матеріалы, печатавшіеся имъ за границей. Въ 1871 г. могилевскій губернскій предводитель дворянства, съ согласія дворянъ, предложилъ ему занять мѣсто директора земскаго банка, но З—ръ отказался. Въ 1873 г., по приглашенію гр. Берга, онъ принялъ участіе въ засѣданіяхъ особой комиссіи, учрежденной въ Варшавѣ для обсужденія вопроса о введеніи въ нашей арміи корпусныхъ управленій въ мирное время.

Военно-литературная дѣятельность З—ра, которой онъ посвятилъ послѣднія 20 лѣтъ

жизни, была довольно значительна. Не говоря о газетных статьях, имѣвших чисто полемическій характеръ, имя его, какъ военнаго писателя, должно стоять въ ряду лучшихъ работниковъ на этомъ поприщѣ. Онъ первый у насъ разработалъ научнымъ образомъ важные вопросы по продовольствію войскъ и уяснилъ своими сочиненіями, какое громадное влияние оказываетъ на ходъ военныхъ операций надлежащее устройство продовольственной части арміи. Къ числу главнѣйшихъ его трудовъ относятся: «Записки о продовольствіи войскъ въ военное время» (1860—1865 г., 4 части), «О госпиталяхъ въ военное время» (1861 г.), «Нѣсколько словъ о продовольствіи войскъ въ Придунайскихъ княжествахъ въ 1853 и 1854 годахъ» (1863 г.), «Краткій критическій обзоръ механизма арміи въ военное время во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи и у насъ, преимущественно по интендантской части» (1867 г.) и «Участь раненныхъ и больныхъ во время войны» (1868 г.), сочиненіе, написанное 3-ромъ безвозмездно по приглашенію главнаго управленія Варшавскаго общества попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ для ознакомленія публики съ характеромъ дѣятельности подобныхъ обществъ за границею. Кромѣ оригинальныхъ трудовъ, заключающихъ въ себѣ военно-историческія изслѣдованія по военно-хозяйственной части, 3-ръ издалъ нѣсколько переводовъ съ иностранныхъ языковъ: теоретическое сочиненіе Ритгофена: «Военное хозяйство въ военномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ» съ нѣмецкаго (1866—1867 гг., 2 т.) и разсужденіе Макиавелли: «Государь» (1869 г.). Какъ человекъ высоко образованный и начитанный, 3-ръ былъ горячимъ поборникомъ и распространителемъ просвѣщенія; онъ устраивалъ библиотеки (въ управленіи артиллеріи дѣйствующей арміи и въ интендантскомъ) и лично обучалъ грамотѣ своихъ денщиковъ, солдатъ и крестьянъ. Его девизомъ было: «человѣкъ долженъ каждый день исполнить то, что въ силахъ сдѣлать, потому что неизвѣстно, будетъ-ли онъ въ состояніи это сдѣлать завтра». Энергичный и строгій къ самому себѣ, онъ крайне снисходительно и довѣрчиво относился къ другимъ, что и было главной причиной постигшаго его въ жизни несчастія. 3-ръ скончался въ Каменецъ-Подольской губ.

28-го іюля 1876 г.; въ февралѣ 1877 г. тѣло его перевезено было въ обычное и любимое имъ мѣстопребываніе, въ Варшаву, и здѣсь вторично предано землѣ вдовой его, продолжавшей, согласно волѣ покойнаго, хлопотать о возстановленіи запятанной репутаціи своего мужа и послѣ смерти послѣдняго.

«Русская Старина» 1877 г., № 9, стр. 127—165; № 10, стр. 349—351; 1881 г., № 2, стр. 455—456. — «Русское Слово» 1859 г., № 9, стр. 88—90. — «Военный Сборникъ» 1860 г., т. 14, № 8, отд. II; 1861 г., т. 19, № 6; 1864 г., т. 36, № 3, отд. II; т. 38, № 3, отд. II. — «Русскій Инвалидъ» 1869 г., № 263; 1860 г., № 125; 1862 г., №№ 255, 256; 1864 г., № 3, прибав.; 1869 г., № 150. — «Вѣстникъ Европы» 1868 г., № 2. — «Иллюстрированная Газета» 1876 г., № 44. — «Голосъ» 1876 г., № 298. — «Варшавскій Дневникъ» 1869 г., № 278. — «Газеткамфъ», «Военная администрація» 1875 г., ч. II.

Заторскій, Францискъ (Franciszek), писатель, родомъ изъ Литвы, по окончаніи университета въ Вильнѣ занялся педагогической дѣятельностью, сперва въ Виленскомъ округѣ, потомъ (съ 1832 г.)—въ Варшавскомъ, а подъ конецъ жизни состоялъ преподавателемъ въ Сѣдлецкой гимназіи. Скончался въ Варшавѣ въ 1849 г.

3-скій извѣстенъ, какъ оригинальный писатель и какъ переводчикъ. Кромѣ многихъ мелкихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, ему принадлежатъ: 1) большая поэма въ 4-хъ пѣсняхъ «Polowanie» (Вильна, 1829 г.), 2) Сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Triolety» (тамъ же, 1830 г.), 3) два тома «Pisma lituskie i religijne» (Варшава, 1833—1835 гг.), 4) обработка литовскаго народнаго эпоса, озаглавленная «Witold nad Worską» (Варшава, 1844 г.), 5) очеркъ съ натуры «Siedmioro dzieł» (тамъ же, 1844 г.) и 6) «Znicz nad Niewiaza, poemat z podań Litwy, Żmujdzi i Polski» (Сѣдлецъ, 1845 г., 2 тома). 3-скимъ же сдѣланъ былъ переводъ (съ русскаго) «Очерковъ по всеобщей исторіи» Кайданова (Варшава, 1832 г.), выдержавшій шесть изданій, и составленъ указатель къ исторіи Россіи Устрялова (Варшава, 1841 и 1850 гг.).

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 358.

А. Г.

Затрапезный, Иванъ Максимовичъ, купецъ-ярославецъ гостиной сотни, основатель и первый директоръ ярославской

полотняной мануфактуры, род. 22 мая 1695 г., ум. 8 сентября 1741 г.

Онъ былъ самымъ виднымъ изъ купеческой семьи, нѣсколько членовъ которой принимали участие въ созданіи и развитіи русской мануфактуры при Петрѣ Великомъ и въ накопленіи личнаго, огромнаго по тому времени богатства. Начало его, впрочемъ, надо отнести къ до-Петровскому времени. Еще первый изъ извѣстныхъ по имени Затрапезныхъ, Семенъ, былъ богатымъ ярославскимъ купцомъ. Его сыновья Максимъ (род. 1670 г.) и Петръ (род. 1675 г.) владѣли въ Ярославѣ нѣсколькими домами и многими лавками, гдѣ торговали крапешинной, коробейными и красильными товарами. Надо думать, что они выдѣлялись изъ своей среды не только богатствомъ, но и предпримчивостью и именно благодаря ей на Затрапезныхъ обратилъ вниманіе Петръ Великій. Онъ посѣтилъ Ярославль въ маѣ 1693, въ іюнѣ 1694, въ декабрь 1696 и въ маѣ 1702 г. По семейнымъ преданіямъ, въ одно изъ этихъ посѣщеній Петръ Великій замѣтилъ бойкій умъ тогда еще мальчишка Ивана Максимовича и рѣшилъ обратиться его на службу русской промышленности. Извѣстно, что Иванъ Затрапезный бывалъ и учился за границей; по семейнымъ преданіямъ, его туда взялъ съ собою Петръ Великій и, озабочиваясь подготовкой лицъ изъ русскаго купечества, способныхъ самостоятельно вести и распространять мануфактурное дѣло, направилъ для изученія полотнянаго дѣла въ Голландію. Врядъ ли эта специальность была ему указана по прихоти царя или случайно: полотнянымъ дѣломъ занимался и его отецъ, а повдѣе и его братья: Андрей (род. 1679 г.), Дмитрій (род. 1697 г.) и Гавріиль (род. 1711 г.) (о которыхъ, впрочемъ, кромѣ Дмитрія, ничего почти и неизвѣстно). Семь лѣтъ пробылъ Затрапезный въ иностранной наукѣ и, судя по его дальнѣйшей дѣятельности, провелъ время не зря — научился очень многому. По возвращеніи въ Россію онъ скоро нашелъ примѣненіе и своимъ знаніямъ, и своей энергіи. Съ 1720 г., послѣ утвержденія «кумпанствъ», Затрапезный является однимъ изъ самыхъ видныхъ компанейщиковъ въ полотняномъ дѣлѣ, на которое, между прочимъ, Петръ Великій обращалъ большое вниманіе, нуждаясь въ полотнѣ для парусовъ. Выступалъ онъ обычно подъ фирмой отца: «Максимъ

Затрапезный съ сыновьями», но на документахъ всюду была подпись одного Ивана. Вклады ихъ (около 1720 г.) въ одну полотняную мануфактуру (а занимались они не только ею) достигали огромной суммы 100.000 р. Ихъ превосходили только вклады Гончаровыхъ. Чрезвычайное богатство Затрапезныхъ породило въ ихъ семьѣ много легендъ. Въ числѣ таковыхъ одна приписываетъ пожалованіе Петромъ Великимъ Ивану Затрапезному по возвращеніи его изъ-за границы 5.000 душъ крестьянъ. Подтверженія этому преданію не находится, и богатство Ивана Затрапезнаго нужно скорѣе считать скопленнымъ или его отцомъ или даже его дѣдомъ. Къ числу вещей, доставшихся ему по наслѣдству, могло, напримѣръ, относиться серебро въ слиткахъ, внесенное въ 1726 г. Затрапезными на монетный дворъ и обмѣненное на деньги.

Созданіе знаменитой полотняной фирмы Затрапезныхъ, съ которой тѣсно связано имя Ивана Затрапезнаго, относится къ 1720 г. Началось оно при участіи знаменитаго въ то время на Руси мануфактуриста Тамеса. По указу Петра Великаго Ивану Тамесу было повелѣно «у полотняныя фабрики быть директоромъ и въ компанію изъ купечества призывать къ себѣ, кого хотятъ добровольно». На приглашеніе Тамеса отозвались Мишляевъ, Шепелевъ, Пастуховъ, Мыльниковъ, а Максимъ Затрапезный съ его четырьмя сыновьями былъ *назначенъ* въ компанейщики именнымъ Высочайшимъ указомъ и вложилъ въ предпріятіе сначала ничтожную сумму—250 р. на 46 тысячъ, вложенныхъ остальными 11-ью компанейщиками. Указомъ 22 декабря 1720 г., по докладу бергъ и мануфактуръ-коллегии, Тамесъ и его компанейщики были утверждены правительствомъ. Такое признаніе давало имъ много правъ: «оныхъ въ службы государевы ни въ какія не выбирать, постою на дворахъ ихъ никаго не ставить и судомъ и расправою, кромѣ сборовъ и татинныхъ и убивственныхъ дѣлъ, вѣдать ихъ въ коллегіи бергъ и мануфактуры, покамѣстъ оныя при той полотняной фабрикѣ и въ прямое существо оную фабрику производить будутъ», гласилъ изданный по этому случаю указъ. «Фабрику» Тамесъ и компанія обязывались содержать не менѣе 30 лѣтъ. Въ началѣ 1721 г. въ Москвѣ Тамесъ и Максимъ Затрапезный, уже оказавшійся во главѣ дѣла, открываютъ по-

лотняную мануфактуру. 28-го іюня 1722 г. кладется начало знаменитой ярославской полотняной мануфактурѣ. По приговору мануфактурь-коллегіи, Тамесу и Затрапезному отданъ по описи съ оцѣнкою безденежно въ Ярославль дворъ пустой, на которомъ въ 1710 г. дѣлали широкія полотна плѣнные шведы. Кромѣ того, близъ Ярославля же, за рѣкою Которостью, въ угодьяхъ Спасо-Ярославова монастыря на ручьѣ Кавардаковскомъ дано имъ мѣсто для бѣленія полотна. При фабрикѣ разрѣшалось держать учениковъ, которые по указу оставались въ этомъ званіи 7 лѣтъ, а затѣмъ на 3 года опредѣлялись подмастерьями. Если они убѣгали, фабриканты имѣли право ихъ ловить, а за укрывательство таковыхъ держатели платили по 100 р. штрафу. На пять лѣтъ мануфактура освобождалась отъ всякихъ пошлинъ при торговлѣ. Въ 1724 г. изъ Московскаго полотнянаго кумпанства вышли всѣ компанейщики, кромѣ Тамеса и Затрапезнаго, а въ 1725 г. ярославская мануфактура переходитъ всецѣло въ руки однихъ Затрапезныхъ. Въ 1727 г. умеръ Тамесъ, и съ этого времени значеніе Ивана Затрапезнаго въ полотняномъ дѣлѣ во всей Россіи становится особенно значительнымъ. По его прошенію мануфактурь-коллегія отводитъ ему въ Ярославль добавочно 5.000 кв. саженей земли для «размноженія мануфактуры». 28-го іюля 1727 г., по постановленію Верховнаго Тайнаго Совѣта, Ивану Затрапезному выдана привилегія на устройство фабрики для выдѣлки клейменныхъ платковъ изъ бумажной выбойки. 23-го октября 1727 г., по указу Верхов. Тайнаго Совѣта, имѣющіяся «на коштѣ» Ея Величества въ Петербургѣ и Красномъ Селѣ полотняныя и коломяновыя мануфактуры, бумажную вѣтряную мельницу и маслодѣльную велѣно отдать ярославцу гостиной сотни Ивану Затрапезному съ братьями, съ правомъ содержать эти мануфактуры въ Ярославль или inomъ мѣстѣ, гдѣ они захотятъ. Уплата за переданное имъ имущество была разсрочена на пять лѣтъ. Кромѣ того, весь инструментарій мануфактуры былъ отданъ безвозмездно и также безвозмездно были переданы во владѣніе Затрапезнаго подмастерья, ученики и мастера всѣхъ этихъ фабрикъ. Затрапезный заявилъ, что намѣренъ перенести всѣ вновь подаренныя ему учрежденія въ Ярославль и получилъ

добавочное у рѣки Которости мѣсто, «гдѣ была мельничная плотина», и другое «у кирпичныхъ заводовъ Затрапезныхъ». Бумага, которую сталъ выдѣлывать Затрапезный, была освобождена отъ пошлины на 5 лѣтъ, а коломяна на 10 лѣтъ. Кромѣ того, въ мануфактурь-коллегіи приступили къ выработкѣ привилегія для всѣхъ Затрапезныхъ, «дабы оныя Затрапезные съ надеждою могли тѣ мануфактуры и фабрики распространять и деньги употреблять безъ опасенія».

Дѣятельность Затрапезныхъ достигаетъ въ это время огромнаго развитія. Они овладѣваютъ очень обширными внутренними рынками и даже заводятъ граничныя торговыя сношенія. Иванъ Максимовичъ за четыре года на берегу Которости, «гдѣ было непроходимое болото», создаетъ цѣлый городокъ съ великолѣпнымъ паркомъ, осушаетъ почву и, огораживая ее отъ рѣки, устраиваетъ «пруды и плотины не малыя». Въ маѣ 1728 г. на казенные денежные дворы принято было 1.000 пудовъ мѣди, «вывезенной изъ-за границы заводчикомъ полотняной мануфактуры И. Затрапезнымъ, и уплочено ему за нее пятикопѣечниками». Въ уваженіе къ его дѣятельности, въ августѣ 1728 г. ему оказана была Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ милость: дано заимообразно 5.000 рублей съ обязательствомъ уплатить таковыя въ четыре года. Послѣ 1727 г. уже не встрѣчается упоминаній о Максимѣ Затрапезномъ, и, повидимому, главой дома становится Иванъ. Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны дѣла Затрапезныхъ пошатнулись, и имъ пришлось просить вспоможенія. 31-го іюля 1734 г., по именному указу, Ивану Затрапезному съ братьями было выдано заимообразно 20.000 рубл. 8-го августа они были освобождены «по издѣліямъ ихъ полотняной и бумажной фабрики въ Ярославль» на пять лѣтъ отъ платежа внутреннихъ пошлинъ, и имъ отведена была въ оброчное содержаніе порожняя монастырская земля, прилегающая къ ихъ фабрикамъ. Кромѣ того, для облегченія уплаты большого долга Затрапезнымъ разрѣшено было погашать его поставкой бумаги въ присутственныя мѣста по цѣнамъ, которыя и ранѣе имъ уплачивались. (Указъ 31 іюля 1734 г.). Въ октябрѣ слѣдующаго 1735 г. Иванъ Затрапезный снова обращается къ правительству съ просьбой о поддержкѣ. И на

этотъ разъ дѣло идетъ о бумагѣ. Въ Россіи для нея былъ плохой сбытъ. Въ ней нуждалось преимущественно правительство и казенныя учрежденія. Частныя лица покупали бумагу рѣдко и въ небольшомъ количествѣ, и Затрапезный просилъ обязать присутственныя мѣста брать отъ него писчую бумагу «по прежнимъ указамъ» съ зачетомъ должныхъ имъ казнѣ 20.000 р. по 4.000 р. въ годъ, а за остальную поставку казнѣ выдавать ему деньгами по установленнымъ на бумагу цѣнамъ. 7-го января 1736 г., по именному указу, послѣдовавшему на прошеніе владѣльцевъ мануфактуры, а въ ихъ числѣ и И. Затрапезнаго, рабочіе были прикрѣплены къ фабрикамъ и заводамъ: теперь въ отношеніи обеспеченности дѣла опытными руками уже не было опасеній, и Затрапезному не приходило жаловаться на народъ «дикий, неученый, совершенно непонятный къ манифактурному дѣлу», съ которымъ онъ начиналъ свое грандіозное предпріятіе въ 1722 г. Теперь уже онъ могъ не бояться, что мастера, прошедшіе школу на его мануфактурѣ и завершившіе ее на его же счетъ за границей, вернувшись, перейдутъ къ другому фабриканту. 3 мая 1738 г., по именному указу, Иванъ Затрапезный пожалованъ былъ въ директоры ярославской его полотняной фабрики въ рангѣ коллежскаго асессора, какъ сказано въ указѣ, «за труды его и не въ примѣръ прочимъ». Единовременно ему былъ выданъ и другой указъ: «для непомятаія въ фабричномъ дѣлѣ губернаторамъ и воеводамъ и прочимъ обрѣткающимся въ городѣ Ярославѣ управителемъ судомъ и расправою, кромѣ государственныхъ дѣлъ, его, Затрапезнаго, не вѣдать, а вѣдать его во всемъ томъ коммерцъ-коллегіи». Въ этомъ же указѣ видно, что если Затрапезный преуспѣвалъ въ полотняномъ дѣлѣ, то бумага попрежнему ему не давалась. «А о пріемѣ съ заводовъ его бумаги для заллаты имѣющагося на немъ казеннаго долга для лучшаго вспоможенія оной ево фабрики продолжать еще срокъ на шесть лѣтъ и отдавать ему тое бумагу въ тѣхъ мѣстахъ и по тѣмъ же цѣнамъ, какъ по указу 31 іюля 1734 г. опредѣлено, и за оную, принятую у него бумагу, перво съ него возвратитъ долгъ, а потомъ ему выдавать деньги изъ тѣхъ мѣстъ, куда у него бумага будетъ взята, по вышеупомянутымъ прежнимъ апробованнымъ цѣнамъ».

15 февраля 1740 г. директоръ полотняныхъ и другихъ мануфактуръ Иванъ Затрапезный, или какъ названъ онъ въ указѣ Затрапезновъ, по прошенію его, не въ примѣръ прочимъ, пожалованъ былъ рангомъ коллежскаго совѣтника. 8 сентября 1741 г. И. Затрапезный умеръ. Братъ его Дмитрій выдѣлился изъ наслѣдственной доли и въ 1742 г. положилъ основаніе ярославской мануфактурѣ, получившей въ отличіе отъ старой большой наименованіе малой. Д. Затрапезный обладалъ сравнительно хорошимъ образованіемъ и принадлежалъ къ лучшему Ярославскому обществу того времени. Къ нему ѣзжили важныя гости изъ Петербурга; съ нимъ водилъ компанію Биронъ во время своей ссылки въ Ярославль (1742—1761). Мануфактура Д. Затрапезнаго имѣла 90 становъ. Кромѣ нея, онъ устроилъ въ 1750 г. въ Ярославлѣ первый колокольный заводъ и выливалъ колокола до 700 пудовъ вѣсомъ. Умеръ онъ въ 1756 г. У его сына Ивана Дмитриевича было 13 челоувѣкъ дѣтей, которые въ концѣ XVIII вѣка продали свое Ярославское имущество и переселились въ Выборгъ.

Время управленія дѣлами Затрапезныхъ Ивана Максимовича, этого «истинно перваго манифактора, премудраго и искуснаго изобрѣтателя», наиболѣе цвѣтущее для ихъ мануфактуры. Особенно замѣтно оно было при ближайшихъ преемникахъ Петра и въ первую половину царствованія Анны Іоанновны. При Петрѣ не вѣрили въ возможность созданія крупной полотняной промышленности въ Россіи. «Всѣмъ извѣстно», писалъ Затрапезный, «что полотняная фабрика охулена и безнадежна отъ многихъ мнилась»... Своей неутомимой энергіей, затратой большого капитала и «черезъ поѣздку за море въ разныя государства» Затрапезный создалъ казавшееся «безнадежнымъ». Не даромъ въ девизѣ его мануфактуры написано: «Слава трудомъ рожденна». Правда, во второй половинѣ царствованія Анны Іоанновны уже замѣчается нѣкоторая запутанность денежныхъ дѣлъ Ивана Максимовича, зато въ смыслѣ расширенія и разнообразія дѣятельности это дѣйствительно самое примѣчательное время. Его полотняная ярославская мануфактура насчитывала болѣе двухсотъ становъ и около нихъ до 6.000 мастеровъ и работниковъ. Кромѣ полотень простыхъ и са-

мыхъ тонкихъ, въ Ярославль же Затрапезные выдѣлывали шелковыя и шерстяныя матеріи, скатерти и салфетки, по добротѣ не уступавшія голландскимъ и, судя по цѣнамъ на нихъ, рассчитанныя на богатыхъ покупателей. Изъ тканей, вырабатываемыхъ ими, особенно широкимъ распространениемъ пользовался родъ тика, простая пестрядина, употреблявшаяся для домашняго платья; она называлась и называется «затрапезъ» (*затрапезное платье, быть въ затрапезномъ видѣ*). При мануфактурѣ была большая красильня. Отдѣльно существовала бумажная фабрика, дѣла которой шли все хуже и хуже. 10-го ноября 1741 г., вслѣдствіе многократныхъ жалобъ присутственныхъ мѣстъ, Сенатъ объявилъ о непріемѣ бумаги отъ Затрапезныхъ по окончаніи сроковъ контрактовъ. Были еще у нихъ же въ Ярославль маслодѣльня, лѣсопильный и кирпичный заводы.

Андрей и Гавріилъ (выдѣлившіяся изъ дѣла въ 1736 г.) Затрапезные, вѣроятно, умерли еще до Ивана. Наслѣдниками всего огромнаго состоянія Ивана Затрапезнаго были его дѣти: сынъ Алексѣй, родившійся 10 марта 1732 г., и замужнія дочери, изъ которыхъ старшая была замужемъ за майоромъ Лакостовымъ, опекуномъ Алексѣя и управителемъ всѣхъ имуществъ наслѣдниковъ Ивана Затрапезнаго, вторая Сарра—за Балашовымъ, третья Сусанна, овдовѣвшая къ 1744 г.,—за Волотиннымъ и четвертая Ева—за Данииломъ Яковлевичемъ Земскимъ. Вдова Ивана Затрапезнаго была слабоумная, пила запоемъ и буянила. Любимымъ ея дѣтенышемъ была дочь Ева и ея мужъ Данилушка. Сынъ былъ въ загонѣ; зятей Балашова и Лакостова она ненавидѣла и постоянно твердила о мужниномъ имуществѣ: «все Данилушкино». Молодой Затрапезный, угождая матери, «хотя по дурному воспитанію своему и по природѣ былъ очень глупъ, однако Лакостова и Балашова ругать, а Земского хвалить твердо навъкъ». Между тѣмъ единственный, кто дѣйствительно о немъ заботился, былъ именно Лакостовъ. Видя его полную заброшенность дома, опекуны опредѣлили его къ учителю Жилину «для обученія нѣмецкому языку и арифметикѣ». Позднѣе Лакостовъ намѣревался послать Алексѣя, по примѣру его отца, для науки за границу. Но Земской, «подкапываясь» подъ Лакостова, выкралъ мальчика отъ учителя;

«вмѣсто честныхъ наукъ купилъ ему голубей; держалъ его въ домѣ своемъ въ праздности и играхъ два мѣсяца; возилъ его въ Ярославль и, отлуча отъ наукъ, велѣлъ его тамъ оставить безъ всякаго призрѣнія; юноша сталъ развращеннымъ и непристойнымъ, въ самой пагубной праздности, ходя по улицамъ въ непристойной одеждѣ, а иногда въ балахонѣ, игралъ съ фабричными ребятами въ бабки». По общему согласію Балашовой, Болотиной и Лакостова и по просьбѣ самого Алексѣя Затрапезнаго, его снова отдали въ ученіе, а въ 1747 г. отправили для усовершенствованія въ наукахъ въ Ригу. Но Земской, не прекращая своихъ происковъ, искалъ вторично украсть шурина и даже съ такою цѣлью посылалъ своего человѣка въ Ригу и переправилъ Алексѣю Затрапезному «воровское письмо отъ имени тещи, которая писала, чтобы безъ ея благословенія не ѣздить за море, куда хочетъ послать его Лакостовъ». При такомъ семейномъ положеніи Затрапезныхъ не удивительно, что дѣла ихъ понемногу приходили въ упадокъ, но фирма еще продержалась при Алексѣѣ Ивановичѣ и даже приобрѣла нѣкоторый блескъ. 5 марта 1762 г. Алексѣй Ивановичъ за заслуги его отечественной промышленности былъ произведенъ въ коллежскіе асессоры; 18-го мая того же года—въ статскіе совѣтники и назначенъ въ московскій банкъ. Родство его расширилось, и въ числѣ его свойственниковъ оказались князья Вяземскіе, Измайловы, Демидовы, Аничковы.... Императрица Екатерина оказала ему высокое вниманіе и во время путешествій по Волгѣ въ 1763 г. останавливалась въ Ярославль въ его домѣ и осматривала его мануфактуру. Около этого же времени (въ 1765 г.) случилось обстоятельство, сильно подвинувшее паденіе фирмы: Савва Яковлевичъ Яковлевъ или, какъ его тогда называли, Сабанинъ купилъ Большую ярославскую полотняную мануфактуру Затрапезныхъ, насчитывавшую 2300 мужскихъ и 2380 женскихъ рабочихъ, за 60.000 рублей, т. е. за чрезвычайно низкую цѣну. Современники и родственники Затрапезныхъ обвиняли Яковлева въ томъ, что онъ воспользовался порочными привычками и слабостью Алексѣя Ивановича и обманно вовлекъ его въ невыгодную сдѣлку. Однако оставшаяся часть мануфактуры подъ фирмою Ивана Затрапезнаго оцѣнивалась въ 1774 г. въ

80.000 рублей при общей оцѣнкѣ всѣхъ русскихъ полотняныхъ мануфактуръ въ 780.000 рублей. Умеръ Алексѣй Ивановичъ 1 октября 1773 г., и съ нимъ прекратилось мужское потомство Ивана Максимовича Затрапезного, а торговый домъ Затрапезныхъ просуществовалъ до 1794 г. Представители этой семьи выдѣлялись еще при Павлѣ I. Одинъ изъ Затрапезныхъ, должно быть изъ потомковъ Дмитрія Максимовича, которые существуютъ и донья, былъ въ свитѣ великаго князя Константина Павловича во время путешествія его въ Парижъ и производилъ на встрѣчавшихъ его очень хорошее впечатлѣніе умомъ и умѣніемъ себя держать.

Соловьевъ, С., «Исторія Россіи», кн. IV, V и VI.—*Барановъ*, «Опись Сенатскаго Архива», т. I, II, III.—*Чулковъ М.*, «Историческое описание Россійской коммерціи». Москва, 1786, т. VI.—*Грязновъ А.*, «Ярославская большая мануфактура» (помѣщенъ портретъ И. Затрапезнаго). 1910 г.—*Туганъ-Барановскій М.*, «Русская фабрика».—*Ланно-Данилевскій А. С.*, «Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первой половинѣ XVIII в.» («Ж. М. Народнаго Просвѣщ.» 1898—1899 гг.).—*Лобановъ П. В.*, «Д. Я. Земской» («Русская Старина» 1883 г., № 4, XL).—*Лобановъ-Ростовскій кн. А. Б.*, «Земскіе и Затрапезные, представители купеческихъ фирмъ XVIII в.» («Русск. Старина» 1884, кн. I, XLII).—«Награда первому Ярославскому купцу Затрапезному» («Ярославскія Губ. Вѣдомостя» 1871 г., № 50. Часть неофіціальная).—«Memoirs de V. Vagère» Paris, 1843.—«Архивъ Воронцова» (по указателю).—«Петербургскій Некрополь».

В. Фурсенко.

Затыркевичъ, Михаилъ Дмитриевичъ, ст. сов., профессоръ Нѣжинскаго лицея кн. Безбородко, родился въ сентябрѣ 1831 г. въ с. Осьмакахъ, Сосницкаго уѣзда, воспитывался сперва въ Черниговской гимназіи, потомъ въ Нѣжинской и закончилъ образованіе въ университетѣ св. Владиміра, откуда выпущенъ былъ въ 1855 г. со степенью кандидата законовѣднія. 21-го марта 1856 г. З-вичъ опредѣленъ былъ на службу старшимъ учителемъ законовѣднія въ Новгородсверскую гимназію, гдѣ затѣмъ былъ и секретаремъ совѣта, а съ ноября 1859 г. сталъ читать лекціи въ Нѣжинскомъ лицей кн. Безбородко, въ качествѣ исправляющаго должность профессора энциклопедіи законовѣднія и государственныхъ законовъ. Въ свое преподаваніе энциклопедіи законовѣднія З-вичъ включалъ и собственно энциклопедію, и исторію филосо-

фіи, и исторію государственнаго права важнѣйшихъ народовъ, древнихъ и новыхъ. Отличаясь прекраснымъ даромъ слова и величайшей добросовѣстностью въ подготовкѣ къ лекціямъ, онъ умѣлъ заинтересовать своихъ слушателей и пробудить въ нихъ горячую любовь къ наукѣ; въ лицей онъ пользовался большою популярностью. Съ своей стороны З-вичъ, въ качествѣ профессора и совѣтника правленія лицея, всегда близко принималъ къ сердцу интересы и нужды молодежи, горячо любилъ ее и всегда готовъ былъ словомъ и дѣломъ прийти ей на помощь.

Въ 1866 г. З-вичъ выдержалъ магистерскій экзаменъ, но затѣмъ еще въ теченіе восьми лѣтъ работалъ надъ своей диссертацией: «О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе строя Русскаго государства въ до-монгольскій періодъ» (Москва, 1874 г.). Этотъ солидный трудъ (въ 500 слишкомъ страницъ) представляетъ массу историческаго матеріала, собраннаго изъ различныхъ источниковъ и тщательно подобранаго. Выработавъ себѣ своеобразную теорію образованія политическаго строя всѣхъ государствъ, древнихъ и новыхъ, какъ конечнаго результата борьбы между сословіями и національностями, авторъ старается прослѣдить ту же борьбу и въ древнемъ періодѣ нашей исторіи. Это была, по его мнѣнію, сначала борьба туземнаго населенія съ пришлымъ, а потомъ борьба различныхъ общественныхъ элементовъ, преимущественно общинно-городскаго населенія съ княжескимъ и дружиннымъ элементами. Трудъ З-вича, по новизнѣ положеннаго въ его основаніе метода и по оригинальности проводимыхъ въ немъ (хотя и не безъ нѣкоторой натяжки) мыслей, вызвалъ въ ученomъ мірѣ оживленную критику. Профессоръ Сергіевичъ выступилъ противъ автора съ рѣзкой рецензіей на страницахъ «Журнала Мин. Нар. Просв.» (1875 г.); профессора Невабитовскій и Самоквасовъ, напротивъ, отозвались о работѣ З-вича съ большой похвалой. Удостоенный степени магистра, З-вичъ былъ утвержденъ въ должности профессора, но послѣдовавшее въ томъ-же 1875 г. преобразование лицея побудило его выйти въ отставку и прервало начатый имъ новый ученый трудъ, имѣвшій цѣлью критическій разборъ государственныхъ воззрѣній французскихъ политиче-

скихъ писателей XVIII и XIX столѣтій. З—вичъ отказался и отъ предложенія Киевскаго юридическаго факультета, приглашившаго его занять кафедру русскаго права, поселился въ родныхъ Осьмакахъ и занялся сельскимъ хозяйствомъ, сотрудничая по временамъ въ «Земледѣльской Газетѣ». Скончался З—вичъ на родинѣ 23 мая 1893 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Киевъ 1910 г., т. II, стр. 158.—«Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Везбородко», изд. 2-ое, Спб. 1881 г., стр. 259—260.—«Всемирная Иллюстрація» 1894 г., т. LII, стр. 162.

А. Г.

Зауервейдъ, Александръ Александровичъ, воспитывался въ Академіи Художествъ, гдѣ 19 сентября 1839 г. получилъ золотую медаль второй степени за представленныя картины по классу живописи морскихъ видовъ. Эти двѣ картины, носящія одинаковое названіе «Буря на морѣ», произвели извѣстное впечатлѣніе на академической выставкѣ 1839 г. Подававшій большія надежды художникъ отправился за границу, во Францію, откуда въ 1842 г. прислалъ видъ съ натуры «Гавань въ Гаврѣ», и получилъ отъ Академіи Художествъ первую золотую медаль. Но чашотка прервала молодую жизнь, и, какъ кажется, З—дъ умеръ за границею.

Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Академіи Художествъ», т. II, стр. 389, 438.—«Сѣверная Пчела» 1839 г., стр. 919.

П. С—скій.

Зауервейдъ, Александръ Ивановичъ, отецъ предыдущаго, род. 19 февраля 1783 г. въ Курляндіи † 25 октября 1844 г. въ Петроградѣ, художественное образованіе получилъ за границею, при чемъ въ 1812 г. въ бытность въ Парижѣ рисовалъ для Наполеона его лошадей. Иорданъ, нашъ знаменитый граверъ, сохранилъ очень характерное для З—да воспоминаніе. Когда до Парижа дошло извѣстіе о взятіи войсками Наполеона Москвы и пушечными выстрѣлами извѣстили парижанъ объ этомъ событіи, З—дъ работалъ въ мастерской французскаго художника. Узнавъ причину пальбы пушекъ, онъ бросилъ кисти, со слезами ушелъ изъ мастерской и въ теченіе двухъ дней не принимался за работу. Иорданъ приводитъ этотъ случай, какъ характеризующій русскій патріотизмъ З—да. И дѣйствительно, З—дъ носилъ только

нѣмецкую фамилію и всею своею дѣятельностью, направленною, главнымъ образомъ, въ развитію русскихъ талантовъ, вовсе не походилъ на большинство русскихъ профессоровъ-нѣмцевъ эпохи императора Николая I.

Въ Парижѣ З—дъ оставался до 1814 г., до торжественнаго входа русскихъ войскъ въ Парижъ. Надо полагать, что въ это время художникъ, уже заслужившій почетную извѣстность мастерскимъ изображеніемъ лошадей, былъ представленъ императору Александру I и приглашенъ имъ возвратиться на родину съ специальною задачею, вмѣстѣ съ другимъ иностраннымъ художникомъ Ладюрнеромъ, нарисовать и издать «рисунки обмундированія русскихъ войскъ». Къ этой главной задачѣ вскорѣ присоединились еще и другія—обученіе рисованію дѣтей великаго князя Николая Павловича, а затѣмъ и дѣтей великаго князя Михаила Павловича, великихъ князей Маріи и Елизаветы Михайловны. Такимъ образомъ З—дъ обучалъ рисованію и наслѣдника престола, впоследствии императора Александра II. Близость ко двору безусловно сыграла значительную роль въ жизни З—да, и на второй годъ царствованія императора Николая I, 27 сентября 1827 года, З—дъ былъ избранъ въ почетные вольные общники Академіи Художествъ. 10 февраля 1831 г. въ засѣданіи совѣта Академіи Художествъ было постановлено: «почетному вольному общнику Зауервейду за исполненіе должности профессора по классу живописи животныхъ, для баталій и другихъ родовъ, производить слѣдующее по новому штату сей Академіи жалованье, т. е. 2000 рублей въ годъ съ 1 февраля 1831 года». Такимъ образомъ съ 1831 г. узаконена была преподавательская дѣятельность З—да; 24 сентября 1836 г. президентъ Академіи Художествъ А. Н. Оленинъ предложилъ баллотировать въ профессора 3-й степени г. почетнаго вольнаго общника З—да, «пріобрѣтшаго всеобщую извѣстность многими отличными произведеніями по части баталіической живописи». Баллотировкою З—дъ былъ единогласно избранъ профессоромъ 3-й степени. Въ 1842 г. онъ «въ награду отличнаго усердія и трудовъ по образованію учениковъ Академіи Художествъ» былъ пожалованъ въ профессора 2-й степени, каковымъ онъ и оставался до своей смерти, не обладая

въ то же время никакой академической степени.

Въ теченіе 15-ти лѣтъ черезъ классъ З—да прошелъ многочисленный рядъ учениковъ. Нельзя забывать, что въ это время «баталическая живопись» играла значительную роль, что видно хотя бы изъ словъ императора Николая I къ художнику Моллеру (творцу «Поцѣлуя» и «Русалки»): «Я люблю баталическую живопись, и она очень нужна; у насъ есть довольно того, что можно передать потомству—подвиги на Кавказѣ и много другого, а съ тѣхъ поръ, какъ не стало нашего Зауервейда, некому этого поручить». Въ этихъ же словахъ заключаются и оцѣнка императоромъ Николаемъ I З—да; ясно, что императоръ очень любитъ, уважалъ и цѣнилъ своего художника. Этою близостью къ императору З—дъ пользовался для покровительства начинающимъ художникамъ. Такъ, когда, вслѣдствіе интриги французскаго художника Таннера противъ своего ученика Айвазовскаго, картина послѣдняго по особому Высочайшему повелѣнію была снята съ академической выставки и карьерѣ Айвазовскаго, какъ казалось, наступилъ конецъ, З—дъ воспользовался подходящимъ моментомъ и убѣдилъ императора Николая I въ невинности Айвазовскаго. Характерны слова З—да на вопросъ императора Николая I, почему З—дъ не говорилъ ему раньше объ Айвазовскомъ: «Ваше Величество—такъ передаетъ слова Зауервейда одинъ изъ современниковъ—во время бури маленькимъ лодочкамъ не безопасно приближаться къ линейному кораблю, да еще ступечному... въ тихую погоду можно». Точно также З—дъ хотѣлъ выхлопотать милости и К. Брюллову, но послѣдній будто бы не явился въ мастерскую, когда въ ней ожидали императора Николая Павловича. Къ своимъ личнымъ ученикамъ З—дъ относился очень внимательно, что видно хотя бы изъ слѣдующаго факта: отправляясь лѣтомъ 1838 г. въ Теплицъ «для обозрѣнія мѣста Кудымскаго сраженія и Лейпцигской битвы», при чемъ подробности этихъ сраженій обѣщалъ объяснить художнику самъ прусскій король (З—дъ въ то время приступалъ къ своей картинѣ «Лейпцигское сраженіе»), З—дъ выхлопоталъ совмѣстную поѣздку и двумъ своимъ ученикамъ, В. Тимму и А. Коцебу, такъ какъ находилъ, что эта поѣздка можетъ быть

для нихъ очень полезною. Наконецъ, въ работахъ о своихъ ученикахъ З—дъ въ 1842 г. представилъ совѣту Императорской Академіи Художествъ «литографированную анатомію лошади». Совѣтъ постановилъ приобрести эту «анатомію» для руководства ученикамъ.

Близость къ императору Николаю I иногда приносила художнику и непріятности. Во время обсуждения въ 1840 г. представленныхъ президентомъ и измѣненныхъ министромъ правилъ касательно преобразованія училища при Императорской Академіи Художествъ и учрежденія въ немъ новаго штата З—дъ предложилъ объявить совѣту Академіи Художествъ объ отзывѣхъ, сдѣланныхъ ему лично Государемъ Императоромъ по поводу преобразованія Академіи. Такого нарушенія субординаціи министръ двора не могъ потерпѣть, и потому онъ просилъ «г. президента сдѣлать г. Зауервейду за таковой поступокъ строгое замѣчаніе и внушить ему, что въ дѣлахъ, до Академіи Художествъ относящихся, кромѣ его свѣтлости (т. е. министра двора), никто не въ правѣ объявлять Высочайшихъ повелѣній и что если бы самъ Государь Императоръ изволилъ удостоить его, Зауервейда, какихъ-либо личныхъ приказаній, то ему надлежало донести объ этомъ, для приведенія въ надлежащее исполненіе, его свѣтлости». Но мало этого, министръ двора находилъ нужнымъ, чтобы президентъ разъяснилъ З—ду, что «въ настоящихъ чрезвычайныхъ собраніяхъ Академіи Художествъ надлежитъ разсуждать только о томъ, что предложено его свѣтлостью министромъ двора на соображеніе Совѣта», всякія же разсужденія на общія темы объ Академіи Художествъ безусловно не допускались. Очевидно, что вслѣдствіе недовольства министра двора не прошло предложеніе З—да «о назначеніи ежегодно особой суммы для заказовъ художникамъ работъ». З—дъ, зная тяжелое необеспеченное матеріальное положеніе русскаго художника, полагалъ, что назначеніе опредѣленной суммы позволитъ до извѣстной степени улучшить это положеніе и, главное, не будетъ прежней неопредѣленности. Но, очевидно, предложеніе З—да было доложено императору Николаю Павловичу, какъ нежелательное, такъ какъ на это предложеніе императоръ «соизволилъ отозваться, что если картины и другія художествен-

ныя произведенія нашихъ художниковъ удостоятся Высочайшаго вниманія, то Его Величество предоставляет себѣ покупать оныя для поощренія художниковъ», т. е. вмѣсто права, о которомъ хлопоталъ З—дъ, осталась та же милость, то же неопредѣленное положеніе. При вопросѣ о реформѣ Академіи Художествъ З—дъ выступилъ яркимъ противникомъ бывшаго при Академіи Художествъ воспитательнаго училища, вполне основательно полагая, что училище при Академіи Художествъ должно преслѣдовать свои спеціальныя художественныя цѣли.

Первое произведеніе, съ которымъ З—дъ выступилъ передъ русскою публикою, была картина подъ названіемъ «Горскій наѣздникъ», появившаяся на выставкѣ 1827 г. Художественная критика того времени отозвалась о картинѣ въ общемъ сочувственно, хотя и подчеркнула общіе недостатки творчества З—да. Такъ, критикъ указывалъ, «что всѣ подробности одежды выдѣлены съ великою тщательностью, несмотря на яркость цвѣтовъ, въ тонахъ красокъ нѣтъ излишней рѣзкости... конь его имѣетъ весь пылъ горской породы; онъ, говоря словами нашего поэта Д. В. Давыдова, кипитъ подъ сѣдокомъ... окружающій пейзажъ слегка только обозначенъ, а этого жаль, скажемъ болѣе, при тщательной отдѣлкѣ принадлежностей всадника, небрежность пейзажа какъ-то нарушаетъ полноту картины». Воздушная перспектива никогда не удавалась художнику, который былъ, собственно говоря, талантливымъ рисовальщикомъ, но которому приходилось компоновать цѣлыя картины на военные сюжеты. Первою изъ такихъ картинъ была картина «Взятіе Варны», появившаяся на академической выставкѣ 1833 г. и изображающая собою эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1827—1828 гг., въ которой императоръ Николай I принималъ личное участіе, при чемъ при переѣздѣ государя черезъ Черное море отъ Варны въ Одессу пришлось выдержать такой страшный шквалъ, что являлось опасеніе за благополучный переѣздъ. Весьма понятно, что картина «Взятіе Варны» при своемъ появленіи вызвала всеобщую похвалу и одобреніе. Одинъ изъ военныхъ знатоковъ того времени писалъ о картинѣ слѣдующія строки: «въ этой картинѣ такъ много ума, воображенія, истины и умѣнія разнообразить

однообразіе, а главное схвачены всѣ подробности осажденныхъ работъ такъ вѣрно, что, взглянувъ въ нее, невольно переносишься въ самое мѣсто славнаго подвига полковника Шильдера. Словомъ, картина З—да лучше всякихъ описаній знакомить съ окончательнымъ актомъ осады Варны». Конечно, то, что Глѣбовъ, авторъ вышеприведенныхъ строкъ, считалъ за достоинство картины, съ точки зрѣнія художественной критики не можетъ быть признано таковымъ—въ картинѣ не было главнаго: художественнаго творчества, это была не картина, а иллюстрація извѣстнаго момента осады, при чемъ соблюдена была не только топографическая точность, но и портретная передача дѣйствовавшихъ лицъ. Затѣмъ появилось «Кульмское сраженіе» и, наконецъ, «Лейпцигское сраженіе»; послѣдняя картина не была докончена художникомъ вслѣдствіе смерти, и 17 ноября 1844 г., по приказанію императора Николая Павловича, былъ вызванъ «художникъ 14 класса Вилевальде для окончанія начатыхъ покойнымъ профессоромъ Зауервейдомъ работъ». Картина «Лейпцигское сраженіе» появилась на академической выставкѣ 1845 г. и затѣмъ была помѣщена въ Александровскомъ залѣ Зимняго Дворца. Еще одна большая картина З—да «Прейсишъ-Эйлауская баталія» въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія находилась въ Митавѣ, въ городскомъ музеумѣ, куда она, кажется, поступила, какъ даръ автора. Во всѣхъ этихъ картинахъ, выражаясь словами А. Сомова, «композиція нѣсколько натянута, письмо суховато, воздушная перспектива слаба, но задуманы онѣ вообще не худо, а по рисунку весьма исправны, особенно Зауервейдъ хорошъ въ фигурѣ лошадей».

Большое историческое значеніе имѣютъ рисунки З—да къ изданіямъ военнаго министерства: 1) собраніе мундировъ гвардіи, 2) собраніе мундировъ арміи и 3) собраніе мундировъ 1-го кадетскаго корпуса; безусловно интересны его многочисленные до сихъ поръ мало извѣстные рисунки придворной жизни. Такъ, напримѣръ, будучи въ Москвѣ, во время коронаціи, З—дъ срисовывалъ «12 черкесскихъ князей» по порученію Государыни Императрицы; такихъ рисунковъ должно быть громадное количество, часть ихъ имѣется въ Третьяковской галлерей. Наконецъ, укажемъ, что З—ду принадлежитъ иллюстрація басни И. А. Крылова «Конь и Всад-

нивѣ» въ изданіи 1826 года. Объ этой иллюстраціи въ то время писалось: «конь пышетъ гордою живнью, онъ достоинъ соперника Вернегова Зауервейда, живописца русскаго, извѣстнаго искусствомъ въ рисованіи лошадей».

«Сѣверная Пчела» 1826 г., № 41; 1827 г., № 118; 1832 г., № 290; 1833 г., стр. 1000; 1839 г., стр. 919; 1840 г., стр. 1849; 1842 г., стр. 1097; 1845 г., стр. 1068.—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1839 г., стр. 150.—«Сынъ Отечества» 1830 г., т. XLIV, стр. 225; 1831 г., т. XLII, стр. 237.—«Художественная Газета» 1840 г., № 24.—«Иллюстрація» 1846 г., № 17.—«Художественныя Сокровища Россіи» 1902 г., стр. 204, 205.—«Русская Старина», т. XIV, стр. 282; XXI, стр. 664; XXII, стр. 102; XXIII, стр. 302; XXVII, стр. 229; XXXI, стр. 411, 634, 638; XLV, стр. 344, 353, 361, 528; LXXI, стр. 63; СШ, стр. 160; CV, стр. 42, 43.—*Мюнстеръ*, «Портретная Галлерей», т. П, стр. 66.—*Петровъ*, «Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. II, стр. 219, 221, 258, 279, 308, 329, 347, 352, 395, 399, 437, 445; т. III, стр. 25.—Каталогъ Третьяковской Галлерей.—Каталогъ гравюръ Академіи Художествъ.—*Д. Ровинскій*, «Словарь гравировъ».—*В. Верещагинъ*, «Русская карриатура», т. I, стр. 9.—«Петербургскій Некрополь».

II. Столтянскій.

Зауервейдъ, Николай Александровичъ, сынъ предыдущаго, родился въ 1836 г., умеръ 29 мая 1866 г. Ученикъ Академіи Художествъ, гдѣ, на 18 году жизни, въ 1854 г. получилъ серебряную медаль второго достоинства «за живопись баталическую», а черезъ три года—рядъ награды,—серебряную медаль 1-го достоинства за картину и серебряную медаль 2-го достоинства за рисунокъ съ натуры; на слѣдующій годъ ему была дана программа на золотую медаль: «Сраженіе при взятіи Нарвы»,—за эту картину, выставленную въ 1859 г., онъ получилъ золотую медаль 2-го достоинства и тогда же былъ удостоенъ званія художника 14 класса. На золотую медаль 1-го достоинства онъ получилъ программу: «Покореніе Риги императоромъ Петромъ Великимъ», при чемъ, когда представилъ эскизъ «Рѣшннъ въ Ригѣ во время чумы», то получилъ разрѣшеніе писать сразу на академика, каковымъ и былъ признанъ 2 сентября 1860 г. Наибольшее впечатлѣніе произвела картина его «Петръ I при Нарвѣ». Объ этой картинѣ сохранился слѣдующій отзывъ: «Много жизни и движенія, особенно хороша группа около раненаго на лѣвой сторонѣ отъ зрителя; тутъ замѣча-

тельнѣе всѣхъ дѣвочка съ распущенными волосами, въ одной рубашкѣ, закрывшая лицо обѣими руками. Ея поза совершенно натуральна и проста; лица не видно, но вся фигура выражаетъ отчаяніе самое полное и вмѣстѣ такое дѣтское, что вызываетъ состраданіе будто къ существу живому». На военные сюжеты извѣстны слѣдующія картины 3—да: 1) Взѣздъ князя Рѣпина въ Ригу по взятіи города 4/VII 1700 г. (1860 г.), 2) Казаки стаскиваютъ на петлѣ часоваго въ лунную ночь (1857 г.), 3) Сраженіе при Курювъ-Дарѣ (1858 г., акад. выставка), 4) Сраженіе при Нарвѣ или Петръ I при Нарвѣ (1859 г.), 5) Штурмъ редута Шварца (1854 г.) и 6) Этюдъ сраженія при Олтеницѣ (1854 г.). Такимъ образомъ 3—дѣ вдохновлялся военными подвигами Петра I и эпизодами только что окончившейся Крымской эпопеи. Но художникъ, видимо, не удовлетворялся одною баталіею, по классу которой онъ окончилъ Академію Художествъ: на выставкѣ 1864 г. онъ выставилъ картину чистаго жанра «Скромный переѣздъ съ квартиры на квартиру». Тяготѣніе къ жанру проявилось и въ сотрудничествѣ въ «Иллюстраціи» того времени, гдѣ 3—дѣ помѣстилъ рисунокъ «Пьяный». Послѣднею работою художника былъ «Портретъ г-на Барри» (1865 г.); наконецъ, нужно указать на акварельные рисунки-иллюстраціи къ роману графа Алексѣя Толстого «Князь Серебряный». Такимъ образомъ трудно сдѣлать какое-либо заключеніе о 3—дѣ, остался ли онъ, какъ и его отецъ, баталистомъ или, подчинившись господствовавшему въ то время модному теченію, перешелъ въ ряды обличителей-жанристовъ. Къ сожалѣнію, ранняя смерть, на 30 году жизни,—не позволила художнику вполне опредѣлиться.

Петровъ, «Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. III, стр. 227, 243, 293, 315, 331, 333, 334, 354, 355.—*Берегановъ*, «Наши художники», стр. 153.—«Сѣверная Пчела» 1854 г., стр. 1130, 1316.—«Иллюстрація» 1858 г., № 16; 1859 г., стр. 343.—«Иллюстр. Газета» 1862, № 228; 1866 г., № 22.

II. Столтянскій.

Зауэръ, Федоръ Леонтьевичъ, штаб-лѣкарь, надв. сов. Производя практику въ Обуховской городской больницѣ и по служебному положенію имѣя наблюденіе за образованіемъ фельдшеровъ, 3-ръ обратилъ вниманіе на необходимость спеціальной подготовки для лицъ, опредѣ-

ляющихся указывать за больными. Съ этой цѣлью имъ и было составлено «Полное наставленіе, какъ должно ходить за больными, или учебная книга для руководства фельдшерамъ, сердобольнымъ вдовамъ, повивальнымъ бабкамъ и другимъ лицамъ, посвящающимъ себя хожденію за больными обоюга пола въ больницахъ и частныхъ домахъ» (Спб., 1841—1842 гг., 2 части). Въ первой части этого руководства авторъ подробно говоритъ о свойствахъ хожатаго, о помѣщеніи для больныхъ, ихъ одеждѣ, пищѣ, дачѣ внутреннихъ лѣкарствъ и употребленіи наружныхъ средствъ и пособій; во второй части, приворвленной для читателей болѣе подготовленныхъ, сообщаетъ свѣдѣнія о кровопусканіи и прививкѣ предохранительной оспы, даетъ общія наставленія, какъ должно обращаться съ больными относительно ихъ душевнаго состоянія и какъ наблюдать за ихъ болѣзненными припадками, излагаетъ правила, какъ поступать при различныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ, въ частности при несчастныхъ случаяхъ, какъ-то: замерзаніе, отравленіе, ушибы, удущье и т. под., а въ двухъ послѣднихъ главахъ говоритъ о попеченіи относительно умирающихъ и умершихъ и объ уходѣ за заразными больными. Полезный трудъ З-ра, могущій служить руководствомъ не только для неспециалистовъ, но и для врачей, обратилъ на себя вниманіе лицъ, близко стоявшихъ къ больничному дѣлу, и попечитель Обуховской больницы исходатайствовалъ монаршее пособіе на изданіе этого руководства. З—ру же принадлежитъ: «Сокращенное руководство къ анатоміи для фельдшерской школы» (Спб. 1831 г.).

«Отечественныя Записки» 1841 г., т. 15, отд. VI, стр. 58—59; 1842 г., т. 24, отд. VI, стр. 15—16.—Карточный каталогъ рус. отд. библи. Имп. Академіи Наукъ.

А. Г.

Захарбековъ, Александръ Алексѣевичъ, директоръ Рыбинской прогимназіи, высшее образованіе получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета, по окончаніи курса въ которомъ со степенію кандидата и серебряною медалью за сочиненіе «De casuum latinae linguae usu, quo a rossico differt» (1866 г.) состоялъ преподавателемъ классическихъ языковъ во Владимірской гимназіи, а затѣмъ директоромъ Ры-

бинской прогимназіи (до половины 1884 г.). Скончался въ Москвѣ 23 мая 1887 г. Онъ напечаталъ: «Евтифронъ», діалогъ Платона съ примѣчаніями и словаремъ. М. 1872 г. (вмѣстѣ съ Гайчманомъ), «Рѣчи Цицерона противъ Катилины», съ примѣчаніями и словаремъ. М. 1873 г. (вмѣстѣ съ Гайчманомъ) и «Исторію римской литературы въ таблицѣ». Владимір. 1874 г.

Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VII, стр. 30.—«Отчетъ Московскаго университета за 1866 годъ». М. 1867 г., стр. 40.—«Московскія Вѣдомости» 1887 г., № 146 (дата смерти).

Захаревичъ, Викторъ Матвѣевичъ, ординаторъ хирургической клиники Харьковскаго университета, членъ-распорядитель лѣчебницы Харьковскаго медицинскаго общества; родъ въ 1853 году, умеръ 1-го ноября 1887-го года въ Харьковѣ. Высшее образованіе З-вичъ получилъ на медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета, по окончаніи котораго въ 1878 г. съ званіемъ лѣкаря былъ оставленъ ординаторомъ при хирургической клиникѣ того же университета, а черезъ три года былъ избранъ Харьковскимъ медицинскимъ обществомъ въ члены-распорядители больницы общества, которой завѣдывалъ до смерти. З-вичъ былъ выдающийся хирургъ; имѣя большую частную практику въ Харьковѣ, онъ пользовался большою популярностью. Харьковское медицинское общество, желая ознаменовать память своего товарища, постановило учредить въ лѣчебницѣ кровать имени З-вича, а также издать его труды и подробную біографію.

Изъ научныхъ печатныхъ работъ З-вича извѣстны слѣдующія: 1) «Два случая смерти отъ выдергиванія зуба» («Врачъ» 1882 г., №№ 29, 33—37); 2) «Упрощенный способъ исправленія удавки» (тамъ-же, № 35); 3) «Вырѣзываніе сифилитическаго и венерическаго шанкравъ» (тамъ-же, № 36); 4) «Изъ отчета по хирургической клиникѣ Харьковскаго университета за 1878—81 г.» (тамъ-же, № 37); 5) «Камни мочевого пузыря» (тамъ-же, № 38); 6) «Новый способъ введенія каучуковаго дренажа въ раны» (тамъ-же, 1883 г., № 28—29) и 7) «Двухпріемный способъ прокола полостей троакаромъ» (тамъ-же, 1885 г., № 18).

Л. О. Змбевъ, «Врачи-писатели», ч. III, стр. 122. — Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни

и трудовъ покойныхъ рус. писат.), вып. VII, стр. 30. — «Протоколы Харьковскаго медицинскаго общества за 1887 г.» — «Врачъ» 1887 г., № 45. — «Южный Край» 1887 г., № 2350. — «Благовѣсть» 1887 г., № 23. — «Харьков. Губ. Вѣд.» 1887 г., № 284.

Апостоловъ.

Захаревичъ, Данилъ Семеновичъ, помощникъ окружнаго интенданта, дѣйств. ст. сов. Скончался въ 1888 году. Сынъ священника Могилевской епархіи; образованіе получилъ въ Петроградской духовной академіи въ 1847—1851 гг. Служилъ въ интендантскомъ управленіи; участвовалъ въ походахъ 1863 и 1877—1878 гг., послѣ чего вышелъ въ отставку. Проживалъ въ Одессѣ, принималъ участіе въ дѣлахъ Одесскаго мисіонерскаго общества и Херсонскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ «Русской Старинѣ» за 1884 годъ имъ напечатана статья: «О пѣвческой при архіепископѣ Смарагдѣ», вызвавшая возраженія архіепископа Херсонскаго Никанора.

Родосскій, «Биографич. словарь студентовъ Спб. Дух. Академіи».

К. Здр—въ.

Захаржевскій, Яковъ Васильевичъ, генералъ-отъ-артиллеріи, родился 23 октября 1780 г., умеръ 1 марта 1860 г. Происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Воспитывался въ Шкловскомъ благородномъ училищѣ, изъ котораго выпущенъ былъ 19 іюня 1799 г. подпоручикомъ въ 1-й осадный баталіонъ, находившійся въ то время въ Петроградѣ; по расформированіи его въ 1800 г. былъ переведенъ въ 1-й артиллерійскій полкъ. Въ кампанію 1806—1807 гг. находился въ Пруссіи, участвовалъ въ сраженіяхъ съ французами и получилъ чинъ поручика. Въ 1810 г. былъ назначенъ командиромъ конной роты 3-й артиллерійской бригады. Въ Отечественную войну, уже въ чинѣ подполковника, состоя съ своей ротой въ арріергардѣ большой арміи, удерживалъ непріятеля на верхнемъ Днѣпрѣ при отступленіи русской арміи послѣ сраженія при Лубинѣ, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи и въ сраженіяхъ подъ Мало-ярославцемъ и Вязмою, при чемъ за отличіе былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст., св. Владиміра 4 ст. и чиномъ полковника. Еще болѣе видное участіе принялъ 3-кій въ кампаніи 1813 г. Такъ, подъ Рейхенбахомъ онъ подоспѣлъ со своею ротою на поле сраженія въ тотъ

моментъ, когда французская кавалерія, изрубивъ одинъ баталіонъ 21 егерскаго полка, устремилась въ обходъ лѣваго фланга войскъ принца Виртембергскаго. Удачное дѣйствіе его батареи по густымъ массамъ французовъ дало возможность гр. Милорадовичу подкрѣпить нашъ слабый арріергардъ кавалеріей Корфа, которая опрокинула непріятеля и захватила множество плѣнныхъ. Въ Лейпцигской битвѣ, предрѣшившей дальнѣйшій ходъ кампаніи, 3-кій былъ посланъ вмѣстѣ съ кавалеріей графа Палена для содѣйствія атакѣ союзниковъ на Лебортвольквицъ; здѣсь встрѣченъ былъ огнемъ французскихъ батарей и потерялъ ногу. За отличіе въ этомъ дѣлѣ 3-кій получилъ орденъ св. Георгія 4 класса и 3000 руб. единовременнаго пособія на излѣченіе раны. Послѣ этого, до окончанія войны, онъ находился на излѣченіи въ городѣ Альтенбургѣ, а при вторичномъ походѣ на Рейнъ, въ 1815 г., командовалъ всѣми подвижными запасными парками. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ 3-кій оставилъ строевую службу и (1817 г.) былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію управляющимъ царскосельскимъ дворцовымъ управленіемъ и полиціей г. Царскаго Села; одновременно съ этимъ ему было подчинено и Петергофское дворцовое управленіе; поручены также были въ непосредственное завѣдываніе и распорядженіе всѣ относящіяся до благоустройства Царскаго Села части, городская больница и богадѣльня; въ 1828 г. поѣздъ его начальство поступилъ также и Гатчинскій дворецъ со всѣми принадлежавшими къ нему зданіями, садами и деревьями. За время почти пятидесятилѣтняго завѣдыванія его дворцовыми правленіями 3-кій неизмѣнно пользовался благоволеніемъ трехъ императоровъ; получилъ всѣ высшіе русскіе ордена, въ томъ числѣ: Бѣлаго Орла, Александра Невскаго съ брилліантовыми украшеніями, Владиміра 1 ст. и св. Андрея Первозваннаго, знакъ отличія безпорочной службы за 60 лѣтъ, нѣсколько Всемилоствѣйшихъ рескриптовъ, подарковъ, и, наконецъ, въ день шестидесятилѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ, императоръ Александръ II пожаловалъ ему на эполеты вензельное изображеніе своего имени при весьма лестномъ Высочайшемъ рескриптѣ. Въ 1843 г. 3-кій былъ произведенъ въ ге-

нералы-отъ-артиллеріи, а въ 1855 г. пожалованъ въ шефы конно-артиллерійской № 15 батареи.

Послужн. списокъ въ общемъ Арх. Гл. Штаба, кн. 1861 г., № 4275.—вн. *А. Лобановъ-Ростовскій*, «Русская родословн. книга», т. 1.—«Русскій Архивъ», 1837 г., т. 3.—«Иллюстрированная Газета», 1865 г., № 14 (некрологъ).—«Русскій Инвалидъ», 1865 г., № 76.—«Военный Сборникъ», 1865 г., № 4.—«Петербургскій Некрополь».

Н. З.

Захарій Григорьевичъ (*Овинъ, Овинъ*), Новгородскій посадникъ въ эпоху паденія Великаго Новгорода. Въ 1476 г. онъ вмѣстѣ съ сыномъ Захаріемъ встрѣчалъ вел. князя Іоанна Васильевича въ Влукотѣ и присутствовалъ на судѣ вел. князя въ Городищѣ, при чемъ съ архіепископомъ Теофиломъ ходатайствовалъ о возвращеніи свободы опальнымъ новгородскимъ боярамъ. Въ декабрѣ того же года Іоаннъ Васильевичъ пировалъ въ его домѣ, а при возвращеніи вел. князя изъ Новгорода въ Москву посадники Захарій и Ѧома поднесли ему богатые дары отъ имени новгородскихъ жителей, и вел. кн. взаимно отдалилъ подносителей. Въ слѣдующемъ 1477 г. посадникъ Захарій Овинъ, не поладивъ съ согражданами, самъ побѣжалъ въ Москву судиться у вел. князя съ многими новгородцами, чего, по словамъ лѣтописца, не бывало со временъ Юрия. Возстановивъ такимъ образомъ противъ себя новгородцевъ, Захарій, очевидно выгораживая себя, оговорилъ боярина Василия Никифоровича Пенкова, который и былъ убитъ возмущившейся толпой, но и самъ посадникъ не избѣгнулъ той же участи: вмѣстѣ съ братомъ Кузьмою онъ былъ убитъ новгородцами на владычнемъ дворѣ. Сынъ его Захарій въ 1478 г. перешелъ на службу къ вел. князю Московскому.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. т. III, VI, VII, VIII (по указателю). — *Калайдовичъ*, «Опытъ о посадникахъ новгородскихъ», М. 1821 г., стр. 271.—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. гос. Рос.», т. VI, стр. 68.

Захарій Костроминичъ, посадникъ псковскій, въ 1395 г. построилъ церковь во имя св. Николая на Валкѣ (въ Псковѣ на Завеличѣ) и при ней монастырь, приписанный въ 1651 г. въ Саввину Сторожевскому монастырю и упраздненный въ

началѣ XVIII столѣтія. Кроме того, посадникъ Захарій Костроминичъ извѣстенъ своей строительной дѣятельностью, направленной на укрѣпленіе г. Пскова. Такъ, въ 1397 г. онъ вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Андреевичемъ и Григоріемъ Остафьевичемъ построилъ три башни («костра») на псковской пристушной стѣнѣ: одну со стороны р. Великой, другую на Лужищѣ и третью «отъ Псковы на углѣ». Въ 1399 г. они же заложили новую стѣну къ старой стѣнѣ на приступѣ и устроили три башни отъ р. Великой до р. Псковы: одну на Незнановой горѣ, вторую у Лужскихъ воротъ и третью у Куминыхъ воротъ. Пріѣхавшій въ Псковъ, въ слѣдующемъ 1400 г., новгородскій владыка Іоаннъ поручилъ Захарію Костроминичу нанять рабочихъ («наймитовъ») для постройки новой башни надъ Псковою, что и было исполнено посадникомъ. Въ 1401 г., при великокняжескомъ намѣстникѣ Даниилѣ Александровичѣ, онъ же заложилъ въ Псковѣ каменную стѣну, къ старой стѣнѣ, подлѣ р. Великой, отъ Бурковыхъ воротъ до Кромы. Въ томъ же году, 20 марта, Захарій Костроминичъ скончался и «положиша мощи его въ церкви св. Рождества».

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 194—195; т. V, стр. 17, 18; т. VI, стр. 194.—*Строевъ*, «Списки іерарховъ», стр. 401.—*Акты Ист.*, т. I, стр. 9.—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», т. V, пр. 254.

Захарій Неревинъ, Новгородскій посадникъ, избранный на эту должность осенью 1160 г. на мѣсто Нѣжаты, который въ томъ же году лишенъ былъ посадничества, послѣ того какъ великіе князья Ростиславъ Мстиславичъ, отецъ незадолго передъ тѣмъ изгнаннаго новгородцами князя Святослава Ростиславича, и Андрей Юрьевичъ Боголюбскій заключили между собой мирный договоръ, на основаніи котораго, по вторичной просьбѣ новгородцевъ, возвращенъ былъ въ Великій Новгородъ князь Святославъ. Въ 1164 г. посадникъ Захарій Неревинъ во главѣ новгородскаго войска вмѣстѣ съ княземъ Святославомъ Ростиславичемъ, по просьбѣ ладожанъ, посланъ былъ подѣ Ладогу, осажденную шведами. Большое шведское войско, послѣ неудачной попытки взять Ладогу приступомъ, принуждено было отступить и ввести свои лодки въ рѣку Во-

роную, гдѣ подоспѣвшіе новгородцы въ первомъ-же сраженіи совершенно разбили шведовъ, «овы изсѣкоша, а иные изымаша». Вскорѣ послѣ возвращенія новгородцевъ изъ этого похода въ Новгородѣ опять начались внутреннія смуты. Въ 1167 г. князь Святославъ Ростиславичъ самовольно оставилъ новгородское княженіе и удалился въ Великія Луки, объявивъ новгородцамъ о своемъ отреченіи. Новгородцы, съ своей стороны, клятвенно подтвердили, что не желаютъ имѣть его княземъ, и отправили посольство къ вел. князю Киевскому Мстиславу, призывая къ себѣ на княженіе его сына Романа. Разгорѣлась борьба; Святославъ хотѣлъ силою смирить новгородцевъ. Онъ отправился на Волгу, получилъ помощь отъ Андрея Боголюбскаго и, вернувшись въ Новгородскую землю, пожегъ Новый Торгъ, между тѣмъ какъ братья его Романъ и Мстиславъ сожгли Великія Луки, а союзникъ ихъ Андрей Юрьевичъ, соединившись съ смолянами и полочанами, занялъ всѣ пути и перехватилъ новгородскихъ пословъ, «вѣсти не дадучи къ Киеву, ко Мстиславу». Раздраженные новгородцы, узнавъ объ этомъ, подняли бунтъ и, подозрѣвая посадника Захарія въ тайныхъ сношеніяхъ съ ихъ врагами, убили его, какъ сторонника князя Святослава.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. III, стр. 13, 14, 125; т. IV, стр. 11; т. V, стр. 162, 163; т. VII, стр. 82.—*Калайдовичъ*, «Опытъ о посадникахъ новгородскихъ», М., 1821 г., стр. 85—88.—*Н. М. Карамзинъ*, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. 1844 г., т. II, стр. 182, прим. 415, 418.

А. Г.

Захарій, Новгородскій вѣчевой дьякъ, въ 1477 г. вмѣстѣ съ подвойскимъ Назаромъ, по словамъ лѣтописи, посланъ былъ владыкою Великаго Новгорода, посадниками и всѣми новгородскими боярами въ Москву къ вел. кн. Іоанну III Васильевичу и сыну его Ивану «бити челомъ и называть ихъ себѣ государи». Впослѣдствіи новгородцы, какъ извѣстно, отреклись отъ этого посольства, что и послужило Іоанну III поводомъ къ окончательному уничтоженію новгородской вольности.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. т. VI и VIII (по указателю).—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. гос. Рос.», т. VI, стр. 67, 73, 76, прим. 147.—*Соловьевъ*, «Ист. Россіи», т. I, стр. 1870.

Захарія (*Копыстенскій*), архимандритъ Киево-Печерской лавры, южно-русскій дѣятель XVII вѣка, посвятившій всѣ свои силы на пользу православной церкви и русскаго народа, скончался 21 марта 1627 года. Сынъ православныхъ родителей духовнаго званія и близкій родственникъ православнаго Перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго. Получивъ образованіе въ Львовской братской школѣ и изучивъ основательно греческій, славянскій и латинскій языки, онъ дополнилъ свои знанія путемъ долгодѣтнихъ усидчивыхъ самостоятельныхъ ученыхъ занятій и предпринятаго имъ съ научною цѣлью путешествія на югъ, въ Валахію и сосѣднія съ ней единовѣрныя и единоплеменные земли. Въ 1616 г. онъ поступилъ въ Киевское братство, былъ архидиакономъ, намѣстникомъ, а съ 20 ноября 1624 г. и архимандритомъ Киево-Печерской лавры, какъ главнѣйшаго въ то время оплота православія и средоточія напряженной борьбы Западной Россіи за православіе и русскую народность. Ученоподемическая дѣятельность этого просвѣщеннаго ревнителя вѣры и благочестія выразилась въ составленіи и изданіи книгъ, направленныхъ противъ протестантовъ и латино-униатовъ. Такъ, въ 1617 г. имъ былъ изданъ «Часословъ» съ толкованіемъ службъ и объясненіемъ состава и употребленія книги; въ 1619 г.—«Книга о вѣрѣ», поражающая протестантовъ не отвлеченными разсужденіями, а фактами, заимствуемыми изъ Св. Писанія, отцовъ и учителей церковныхъ, соборныхъ канонъ и исторіи. Въ 1622 г. изъ-подъ пера его вышло самое главное его сочиненіе «Палинодія», противъ сочиненія виленскаго архимандрита Льва Кривзы «Оборона уни». Это замѣчательное сочиненіе Захарія Копыстенскаго содержитъ много цѣнныхъ данныхъ для исторіи западно-русской церкви и для характеристики современной ему богословской науки; оно историческими данными разбиваетъ противника по всѣмъ пунктамъ; оно имѣло широкое распространеніе въ рукописи, пользовалось популярностью среди раскольниковъ и напечатано только въ 1878 г. въ IV т. «Русской Исторической Библиотеки». Въ дополненіе къ «Палинодіи» Захарія составилъ новое сочиненіе: «Книга о правдивой единости православныхъ христіанъ церкви восточной, такъ же и про-

тивъ апостатовъ и ихъ живою унію». Извѣстно также его участіе въ переводахъ съ греческаго «Анеологіона» и «Бесѣдъ св. І. Златоуста на дѣянія апостолъ и посланія ап. Павла», снабженныхъ отъ него пространнѣмъ предисловіемъ, и «Толкованія Андрея Кесарійскаго на апокалипсисъ»; имъ составлено предисловіе ко второму изданію «Номоканона» (Кіевъ, 1624 г.). Ему же принадлежать двѣ проповѣди, произнесенныя при погребеніи и поминовеніи своего предшественника лаврсаго архимандрита Елисея Плетенецкаго и представляющія ученый трактатъ о поминовеніи умершихъ (обѣ изд. въ Кіевѣ въ 1625 г.). Какъ настоятель Кіево-Печерской лавры, Захарія заботился объ увеличеніи и обогащеніи лаврской бібліотеки и объ изданіи книгъ въ новопріобрѣтенной типографіи, направляя ея дѣятельность и защищая ея автономію.

В. З. Заситневичъ, «Палинодія Захарія Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемикѣ XVI и XVII в.в.» (Варш., 1883 г.).—*Сахаровъ*, «Обоарніе славяно-русской бібліографіи» (Спб., 1819 г.).—*Прот. Ѡ. И. Титовъ*, «Краткое описаніе Кіево-Печерской лавры» (Кіевъ, 1911 г.).—«Христіанское Чтеніе», 1888 г., I.—*Терновскій*, «Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное примѣненіе въ древней Руси».—*Н. А. Скобалавичъ*, «Объ апокрисѣ Христофора Филалета».—*М. О. Жоллоуичъ*, «Литовская церковная унія».—*С. Т. Голубевъ*, «О старопечатныхъ книгахъ».—«Волословская православн. энциклопедія», т. V.—*Архіеп. Филаретъ*, «Обзоръ русской духовной литературы».—«Другъ Просвѣщ.», 1806 г.—«Черниг. Епарх. Вѣд.» 1864 г., ч. неоф., стр. 118.—«Холмско-Варшавск. Епарх. Вѣстн.» 1882 г., № 19, стр. 332; № 20, стр. 348; № 21, стр. 367; № 22, стр. 393; № 23, стр. 412.—*Н. И. Петровъ*, «Труды Киевск. дух. акад.» 1884 г., № 6.—*Митр. Евгений*, «Словарь духовн. писателей».

К. Здр-въ.

Захарія (Корниловичъ), епископъ Переяславскій, скончался 28 августа 1715 года. Изъ біографіи его извѣстно, что онъ въ концѣ XVII ст. былъ игуменомъ Кіево-Михайловскаго монастыря и 1 октября 1700 г. хиротонисанъ въ епископа Переяславскаго, викарія престарѣлаго Кіевскаго митрополита Варлаама (Ясинскаго) и его преемника Іоасафа Кроковскаго. Епископъ Захарія въ 1711—1713 гг. выстроилъ въ Переяславлѣ Михайловскій монастырь. Ему принадлежитъ составленіе «Житія препод. Маварія Овручскаго»,

но съ ошибками противъ хронологіи и исторіи.

В. Пархоменко, «Счеркъ исторіи Переяславль - Бориспольской епархіи» (Полтава, 1910 г.).—*Архіеп. Филаретъ*, «Обзоръ духовной литературы».—«Правосл. Богословская энциклопедія», т. V.—*Строевъ*, «Списки іерарховъ».—«Эпоха» 1865 г., № 1.—«Полтавск. Епарх. Вѣд.» 1867 г., № 19—24.

К. Здр-въ.

Захарія, архіепископъ Тверской въ концѣ XVI вѣка; ранѣе былъ архимандритомъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря; хиротонисанный въ 1578 г. въ епископа Тверского и Капшинскаго, онъ участвовалъ на соборахъ 1580, 1584 и 1589 гг., когда возведенъ былъ въ санъ архіепископа и нѣкоторое время имѣлъ названіе «Тверского и Старицкаго» (пока рѣшался вопросъ объ открытіи новой кафедръ епископа Дмитровскаго и Капшинскаго). Захарія вѣнчалъ на царство Бориса Годунова. Лѣтописи рассказываютъ о чудѣ, бывшемъ въ его время въ Твери: бродившіе по русскому царству поляки сняли съ гроба чудотворца тверскаго святителя Арсенія шитый золотомъ покровъ, и одинъ изъ поляковъ положилъ его на сѣдло и сѣлъ, «но абіе чудесно силою божественною и съ конемъ поднять былъ выше церкви и падъ издше»; покровъ вѣтромъ отбросило на церковный крестъ (нынѣ онъ находится на гробѣ чудотворца). Скончался архіепископъ Захарія въ началѣ XVII столѣтія.

«Тверскія Епарх. Вѣдомости» 1888 года, № 9.—*Дзевъ*, «Повѣркіи іерархическихъ каталоговъ» (рукоп. Архива Св. Синода № 1770).—*Строевъ*, «Списки іерарховъ».—*А. А. Титовъ*, «Тверскіе епископы». М. 1890 г., стр. 21.—*Прот. Перещинскій*, «О Тверскихъ іерархахъ». Тверь. 1901 г., стр. 69—71.

К. Здр-въ.

Захарія, преподобный постникъ Кіевопечерскій конца XI вѣка. Въ лѣтописи рассказывается объ этомъ подвижникѣ слѣдующее: отецъ его, кіевлянинъ Іоаннъ, передъ смертью своею поручилъ своего малолѣтнаго сына Захарію другому кіевлянину Сергію и оставилъ ему въ наслѣдство большую сумму денегъ. Когда Захарія достигъ 15-лѣтнаго возраста и сталъ просить своего наслѣдства, то Сергій сказалъ, что никакого наслѣдства ему не оставлено; однако ложь была чудеснымъ образомъ обнаружена, и Сергій наказанъ, а Захарія все наслѣдство отдалъ въ Кіе-

вопечерскій монастырь, принявъ иночество и до самой смерти подвизался въ строгомъ постничествѣ: не ѣлъ ничего печенаго и варенаго, питался малымъ количествомъ зелени и то только по заходѣ солнца; бѣсы страшились даже имени его, самъ же онъ удостоенъ былъ видѣнія ангеловъ. Мощи его почиваютъ въ дальнихъ пещерахъ. Память его чтится 28 августа и 24 марта.

Кіевопечерскій патерикъ.—*Архивъ. Мобестъ*, «Краткія свѣдѣнія о жизни и подвигахъ св. отцовъ дальнихъ пещеръ Кіевопечерской лавры», Кіевъ 1901 г.—*Филаретъ*, «Русскія житія святыхъ» — *Барсуковъ*, «Источники русской агиографии».
К. Здр—въ.

Захарія, чернецъ, еретикъ XV вѣка. Нѣкоторое время онъ былъ настоятелемъ Благовѣщенскаго монастыря подъ Новгородомъ, но иноки стали доносить на него архіепископу, что онъ не пріобщается и не позволяетъ пріобщаться инокамъ. На допросѣ онъ сказалъ: «А у кого пріобщаться, если всѣ попы, митрополитъ и владыки ставятся на мздѣ»? Признавъ Захарію за стригольника, архіепископъ сослалъ его въ отдаленную пустынь, но вскорѣ, по грамотѣ великаго князя, онъ былъ освобожденъ подъ клятвенную подписку оставить заблужденіе. Не желая исполнять данной клятвы, Захарія въ 1487 г. бѣжалъ въ Москву и присоединился къ жидовствующимъ еретикамъ, въ то же время онъ сталъ разсылать по всей Россіи и Новгородской епархіи многочисленныя хульные грамоты на архіепископа Геннадія. На соборѣ противъ еретиковъ въ 1490 г. Захарія былъ осужденъ, лишенъ сана и отправленъ въ Новгородъ, гдѣ, какъ «врагъ Божій и хульникъ христіанскій», преданъ былъ посмѣянію и заточенію.

Макарій, митроп., «Исторія русской церкви», т. VI, стр. 94—100. — «Полн. Собр. Рус. Литоп.», т. IV, стр. 158—159, 235; VI, стр. 38, 240; VIII, стр. 220.

К. Здр—въ.

Захарова, Евдокія, была вольноприходящей ученицею въ Академіи Художествъ въ 1856—57 годах; на выставкѣ этого года выставила «пейзажи» съ натуры и была признана совѣтомъ Академіи Художествъ въ засѣданіи 23 ноября 1857 г. неклассной художницею по живописи пейзажной.

Петровъ, «Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. III, стр. 235.

П. С—кій.

Захаровъ, Александръ Григорьевичъ, живописецъ и смотритель Императорскаго фарфороваго завода, род. 20 августа 1756 г., умеръ 19 іюня 1808 г. Происходилъ изъ «художническихъ дѣтей», обучался живописи въ Императорской Академіи Художествъ съ 1764 по 1772 годъ, при чемъ специализировался на «живописи миниатюрной», такъ какъ предстоящая работа на фарфоровомъ заводѣ требовала главнымъ образомъ этой миниатюрной живописи; въ 1779 г. онъ былъ избранъ въ «назначенные» академики; передъ этимъ — 30 сентября 1778 г. — получилъ отъ императрицы Екатерины II двѣ тысячи рублей за скопированіе картины и за московскую въ 1775 г. повѣзку. Очевидно, эта повѣзка была связана съ какимъ-либо порученіемъ по фарфоровому заводу, на которомъ З—ровъ сталъ работать въ качествѣ живописца тотчасъ по окончаніи обученія въ Императорской Академіи Художествъ, а впоследствии (съ 1793 г.) былъ и смотрителемъ живописной части завода и членомъ заводской конторы. Такимъ образомъ художественныя произведенія Императорскаго фарфороваго завода конца царствованія императрицы Екатерины II и начала царствованія императора Александра I создавались, если и не личными трудами З—рова, то подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и смотрѣніемъ, а къ этому времени относится рядъ высокохудожественныхъ вещей Императорскаго фарфороваго завода, которыя очень цѣнились не только у насъ въ Россіи, но и при заграничныхъ дворахъ.

Баронъ Н. Вольфъ, «Императорскій фарфоровый заводъ». — *П. Петровъ*, «Матеріалы къ исторіи Императорской Академіи Художествъ», т. I, стр. 140. — «Русскій Архивъ» 1886 г., т. I, стр. 476. — «Художественныя сокровища Россіи» 1904 г., стр. 129. — *Д. Ровинскій*, «Словарь», стр. 341. — *С. Кондаковъ*, «Юбилейный справочникъ», т. II, стр. 73.

П. Столянскій.

Захаровъ, Александръ Ивановичъ, живописецъ оружейной палаты и конторы строеній (род. въ 1667 г. † 15 марта 1743 г.). 2 августа 1694 г. ему велѣно было написать «къ государю Петру Алексѣевичу въ хоромы, живописнымъ письмомъ, самымъ

добрымъ мастерствомъ, 23 картины, противъ нѣмецкаго образца, бой полевые». Размѣръ каждой картины опредѣлялся въ 2 ар. \times $1\frac{1}{2}$ ар.; въ писанію этихъ картинъ были привлечены лучшія силы того времени, и на долю «живописнаго письма ученика Александра Захарова» выпало написать 2 картины; въ томъ же году онъ расписывалъ деревянныя точенныя яйца. Въ Москвѣ З—ровъ оставался до 1711 г., когда, по повелѣнію Петра Великаго, долженъ былъ переѣхать въ новую столицу—Петербургъ и вступить въ число петербургскихъ живописцевъ. Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ З—ву приходилось вмѣстѣ съ писаніемъ картинъ «самымъ добрымъ мастерствомъ» расписывать точенныя яйца и живописную работу соединять съ работою золотильщика и маляра, при чемъ въ золоченіи З—ровъ иногда бралъ верхъ надъ иностранными мастерами, а иногда вызывалъ гнѣвъ Петра Великаго. Въ 1724 г. З—ровъ завѣдывалъ окраскою крышъ и карнизовъ «въ гошпиталяхъ», въ красныхъ хоромѣхъ на Петербургской сторонѣ, въ Лѣтнемъ дворцѣ и въ Дубкахъ. Видимо, З—ровъ работалъ успѣшно, потому что жалованье ему постепенно увеличивали, такъ, въ 1721 г. онъ получалъ «60 рублей деньгами и 25 юфтей муки», въ 1723 г.—90 р., а въ 1732 г.—200 р. Начавъ работать подъ надзоромъ Каролава, онъ впоследствии уже самъ свидѣтельствовалъ работы другихъ художниковъ, напримѣръ, Петра Зыбина и Дмитрія Соловьева (1730 г.), опредѣлялъ достоинство представленныхъ въ канцелярію строеній красокъ и исполнялъ рядъ отвѣстныхъ порученій: писалъ, напр., въ 1739 г. образа для церкви преподобнаго Симеона и Анны (любимой церкви императрицы Анны Иоанновны), для украшенія которой не щадили средствъ и приглашали лучшихъ мастеровъ. Работъ З—рова до нашего времени не сохранилось, и о нихъ мы знаемъ только по названію: такъ, въ 1728 г. З—вымъ былъ написанъ для Петропавловскаго собора образъ «Всѣда Христова съ самаряною», въ 1731 г. рядъ картинъ для триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ для встрѣчи въ Петербургѣ императрицы Анны Иоанновны, въ 1742 г.—новыя картины для такихъ же триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ уже для импера-

трицы Елисаветы Петровны; дагве рядъ образовъ для Петропавловскаго собора, Симеоновской церкви, рядъ плафоновъ «въ оперѣ и аванзалѣ Зимняго Дворца». Къ этому перечню работъ З—рова необходимо присоединить, для характеристики этого художника, и слѣдующій аттестатъ, выданный ему 24 ноября 1731 г. свѣтилами того времени Андреемъ Матвѣевымъ (художникомъ) и Трезини и Земцовымъ (архитекторами). Въ аттестатѣ было написано: «Въ живописной работѣ въ заданныхъ ему исторіяхъ какъ божественныхъ, такъ свѣтскихъ за обыкновеніе справлять можетъ безъ нужды, въ золотарномъ же какъ на полументъ золотомъ и серебромъ и песталью, къ тому жъ прикрываніе фѣрнизомъ преизрядно превзошелъ, какъ доброму и искусному мастеру надлежитъ, которыя его работы во многихъ мѣстахъ и въ святыхъ церквахъ и въ домахъ Ея Императорскаго Величества видимы». Аттестатъ свидѣтельствуетъ о З—ровѣ болѣе какъ о «золотильщикѣ», а не какъ о художникѣ: художественную работу онъ можетъ исправлять «безъ нужды», хотя должно замѣтить, что отзывавшійся такимъ образомъ Андрей Матвѣевъ имѣлъ съ 1732 года до своей смерти своимъ непосредственнымъ помощникомъ именно З—рова. Вмѣстѣ съ нимъ А. Матвѣевъ писалъ въ 1732 году образа апостоловъ Петра и Павла въ Петропавловскомъ соборѣ.

А. И. Успенскій, «Царскіе иконописцы». — Его же «Словарь художниковъ». — «Русскій Архив.» 1875 г., т. III, стр. 97. — «Художественныя сокровища Россіи» 1902 г., стр. 185; 1903 г., стр. 101; 1906, стр. 70.

П. Столянскій.

Захаровъ, Андрей Дмитріевичъ, (род. 8 августа 1761 г. † 27 августа 1811 г.), одинъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ архитекторовъ, творецъ петроградскаго Адмиралтейства. Уроженецъ Петрограда, З—ровъ 6-ти лѣтъ былъ отданъ въ младшій возрастъ академическаго училища при Императорской Академіи Художествъ, курсъ въ которой онъ окончилъ 3 сентября 1782 г. съ большою золотою медалью, производствомъ въ 14 классъ и съ заграничною командировкою. Въ Академіи Художествъ учителями и наставниками З—рова были изъ русскихъ зодчихъ Кокориновъ, одинъ изъ интереснѣйшихъ и вполне невыясненныхъ

до сихъ поръ русскихъ архитекторовъ, и И. Е. Старовъ, а изъ иностранцевъ—французъ Валенъ де-ла Мотъ, сохранившій о себѣ въ Петроградѣ память такими постройками, какъ Новая Голландія, Гостинный дворъ, католическая церковь св. Екатерины на Невскомъ проспектѣ и, наконецъ, зданіе Академіи Художествъ (послѣднее въ конечномъ результатѣ является, такъ сказать, коллективною постройкою, такъ какъ, кромѣ де-ла Мота, въ составленіи проекта и въ постройкѣ принималъ участіе цѣлый рядъ зодчихъ). Такимъ образомъ первыми учителями З—рова были выдающіеся архитекторы, а два изъ нихъ—Кокориновъ и де-ла Мотъ архитекторы съ большою инициативой, смѣло нарушавшіе традиціи прошлаго. За границею З—ровъ пробылъ съ 1782 по 1786 годъ, при чемъ его учителями были Шальгрень, королевскій архитекторъ, и Мусье. Вліяніе этихъ архитекторовъ нельзя назвать значительнымъ, и заграничная поѣздка, если и была полезна З—ву, то только потому, что она познакомила его со многими выдающимися памятниками западно-европейскаго зодчества.

По возвращеніи въ Россію З—ровъ принимается на службу исправляющимъ должность адъюнкта-профессора архитектуры, архитекторомъ и смотрителемъ академическихъ зданій (1794—1800 г.) и затѣмъ послѣдовательно исполняетъ рядъ должностей: архитектора города Гатчины (1799—1801 г.), члена свѣта Академіи (1802—1811 г.), старшаго архитектора Академіи Художествъ (съ 1803 г.) и, наконецъ, главнаго адмиралтействъ-архитектора, на мѣсто уволеннаго Камерона (съ 1805 по 1811 г.).

Занявъ послѣднюю должность, З—ровъ тотчасъ приступаетъ къ составленію проекта перестройки стараго Адмиралтейства и черезъ годъ уже представляетъ проектъ и смѣту, которые тотчасъ же были утверждены императоромъ, а 12 іюня начались и самыя работы. Однако З—ву не удалось дожить до выполненія своего проекта: Адмиралтейство было окончательно готово только въ 1823 г., при чемъ собственно строительныя работы продолжались по 1819 г., а съ этого года, въ теченіе 4 лѣтъ, производилась отдѣлка и украшеніе его. Кромѣ Адмиралтейства, З—вымъ отчасти сдѣланы были проекты, отчасти и выполнены имъ самимъ слѣдующія

постройки: 1) церковь во имя апостола Павла въ селѣ Александровскомъ по Шлиссельбургской дорогѣ (одна изъ первыхъ построекъ З—рова, напоминающая St.-Philippe du Roule Шальгрена и являющаяся скорѣе типомъ католической церкви, чѣмъ православной); 2) Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ, перестроенный и исправленный дважды въ 1854—55 г. и въ 1877 г.; 3) Черноморскій госпиталь при Херсонскомъ портѣ, въ проектѣ котораго З—ровъ сумѣлъ некрасивымъ длиннымъ одноэтажнымъ больничнымъ постройкамъ, помощью устройства посреднякъ церкви съ колонадою и по концамъ—двухъэтажныхъ выступовъ, придать гармоничный красивый видъ; 4) кадетскій корпусъ въ Николаевѣ; 5) проектъ постройки Астраханскаго адмиралтейства; 6) проектъ перестройки морскихъ провіантскихъ магазиновъ въ Петроградѣ и рядъ проектовъ, не только не выполненныхъ, но и чертежи которыхъ не сохранились до нашего времени, какъ то: проектъ церкви въ Академіи Художествъ, возобновленія Исаакіевской церкви, казармъ въ Гатчинѣ и казармъ Измайловскаго полка въ Петроградѣ. Кромѣ помянутыхъ капитальныхъ работъ, З—ву особенно въ первое время, когда онъ былъ академическимъ архитекторомъ, приходилось тратить массу времени на мелкіе ремонты и разныя хозяйственныя постройки, но и здѣсь, по словамъ его біографа, онъ былъ всегда на настоящей высотѣ: его утилитарныя постройки всегда были удобны и логичны, технически впереди другихъ, а въ смыслѣ художественномъ если и просты, то всегда отличнаго вкуса.

Основное свойство З—рова, какъ зодчаго (грандіозность массъ при простотѣ и величавости пропорцій и нѣкоторый романтизмъ), особенно ярко проявляется въ Адмиралтействѣ, которое, по справедливости, должно считаться однимъ изъ лучшихъ памятниковъ русскаго зодчества. Конечно, эта постройка стиля классическаго, но въ этомъ классицизмѣ есть много чисто русскихъ чертъ; далѣе, нельзя не отмѣтить, что при перестройкѣ Адмиралтейства З—ровъ сохранилъ неизмѣнной основную мысль державнаго основателя Адмиралтейства Петра Великаго. Планъ современнаго Адмиралтейства вполне походитъ на планъ Адмиралтейства Петра Великаго: тотъ же «покой» (т. е. въ видѣ

буквы П съ открытой частью къ Невѣ) съ высокимъ любимымъ шпиромъ Петра Великаго, съ столь дорогой для былого петербуржца «адмиралтейскою иглою». Во внутренней отдѣлкѣ Адмиралтейство по проекту З—рова (въ настоящее время внутреннее расположение залъ испорчено безконечными перегородками, передѣлками и пр.) особенно обращаетъ на себя вниманіе соответствіе внутренней отдѣлки съ предназначеніемъ помѣщенія: одинъ порталъ главнаго входа съ широкой грандіозною лѣстницею, своими обширными размѣрами какъ бы подчеркивающей, что здѣсь входъ въ то учрежденіе, которое вѣдаетъ «безконечной поверхностью» океана, уже ясно свидѣтельствуетъ о гениальности русскаго зодчаго; колоннада башни Адмиралтейства очень проста, но въ этой-то простотѣ и заключается весь эффектъ этой изумительной «Адмиралтейской иглы», смѣло поднявшей корабликъ надъ болотной поверхностью бывшей Ингерманландіи.

Дѣятельности А. Д. Захарова посвящено очень подробное тщательное изслѣдованіе архитектора *Н. Е. Лансере*, напечатанное предварительно въ журналѣ «Старые Годы» 1911 г.; въ этомъ изслѣдованіи исчерпывающе указана литература вопроса.

П. С—кій.

Захаровъ, Василій Ивановичъ, рѣзчикъ на деревѣ, одинъ изъ русскихъ самородковъ, открытый въ Петроградѣ П. П. Свинымъ. Сынъ Костромскаго мѣщанина, мелкаго торговца, З—ровъ съ раннаго дѣтства выказывалъ склонность къ рисованію и рѣзбѣ, учился у одного изъ костромскихъ мастеровъ, а въ 1810 г. добрался до Петрограда, гдѣ работалъ въ мастерскихъ иностранцевъ-рѣзчиковъ. Въ 1823 г. Свинынъ отыскалъ подоманное трюмо работы будто бы Петра Великаго; это трюмо онъ пожелалъ починить. Кто-то указалъ ему на русскаго самородка-рѣзчика З—рова. Свинынъ поручилъ ремонтъ трюмо З—рову, остался доволенъ работою и, по своему обыкновенію, съ жаромъ принялся за пропаганду открытаго имъ гени-самородка изъ русскихъ мѣщанъ. Благодаря поднатой агитации, русскій рѣзчикъ З—ровъ сталъ получать большіе заказы, между которыми назовемъ: каедрю въ Преображенскомъ соборѣ, иконостасъ для собора Воскресенія Христа въ Смольномъ институтѣ, канделябры для Михайловскаго дворца, орнаментъ для царской ложи въ Але-

ксандринскомъ театрѣ, рамы для портретовъ въ Военной галлерей Зимняго дворца, модель рѣшетки Казанскаго собора и т. д. Работы З—рова были признаны Академіей Художествъ, которая предоставила ему званіе свободнаго художника. На мануфактурной выставкѣ 1839 г. за «вырѣзанный подъ руководствомъ доктора Буяльскаго изъ дерева слуховой органъ», т. е. разборную модель уха, З—ровъ получилъ большую серебряную медаль. Эта модель приводила въ восторгъ посѣтителей выставки, находившихъ ее образцомъ рѣзбы.

«Сѣверная Пчела» 1834 г., стр. 687, 691 (статья *Вл. Бурнашева*: «Рѣзчикъ Василій Ивановичъ Захаровъ»); 1839 г., стр. 1044.—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1839 г., стр. 840.

П. С—кій.

Захаровъ, Дмитрій Иринарховичъ, академикъ († 1888 г.). 25 сентября 1850 года совѣтъ Императорской Академіи Художествъ разсматривалъ, между прочимъ, представленную вольноприходящимъ ученикомъ Академіи Художествъ Д. И. З—ровымъ картину «съ изображеніемъ военныхъ группъ» и призналъ его, «во вниманіе къ хорошимъ познаніямъ въ художествѣ», достойнымъ званія некласснаго художника. Картина эта была выставлена на академической выставкѣ 1850 г. и удостоилась ряда лестныхъ отзывовъ, при чемъ рецензенты того времени подчеркивали ея реализмъ и высказывали пожеланія, чтобы и другіе художники слѣдовали примѣру З—рова. Черезъ 8 лѣтъ послѣ такого удачнаго дебюта З—ровъ представилъ въ Академію Художествъ «написанный имъ для Кавказскаго войска образъ святытеля и чудотворца Николая» и просилъ Академію Художествъ, если трудъ его заслуживаетъ, удостоить его званія академика. Въ засѣданіи 8 марта 1858 г. совѣтомъ Академіи Художествъ это званіе было присуждено З—ву.

Петровъ, «Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. III, стр. 144, 302.—*С. Кондаковъ*, «Юбилейный справочникъ», стр. 74.—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1850 г., № 275, стр. 1109.

П. С—кій.

Захаровъ, Иванъ Дмитріевичъ, воспитанникъ Академіи Художествъ, неклассный художникъ съ 1849 г., авторъ любопытныхъ «Путевыхъ записокъ русскаго

художника», изданныхъ въ 3-хъ томикахъ въ 1854—1860 г. Въ этихъ «Запискахъ» русскій художникъ описываетъ, какъ, не обладая средствами, онъ совершенно случайно въ 1849 г. попадаетъ въ Константинополь съ военнымъ кораблемъ «Грозный» и здѣсь рѣшается написать портретъ съ султана. «Но какимъ образомъ?—задаетъ онъ такой вопросъ въ своихъ «Запискахъ» — и продолжаетъ: «многіе иностранные художники нѣсколько разъ добивались этой чести, но всегда безъ успѣха... словомъ, попасть къ султану было невозможно. Плохо! думаю, а честолюбіе такъ и задѣваетъ за живое, и надежда не оставляетъ меня. Султанъ, какъ намѣстникъ пророка, обязавъ каждую пятницу совершать молитву въ какой-нибудь мечети и выѣздъ его въ этомъ случаѣ бываетъ всегда торжественный. Я это замѣтилъ и началъ съ того, что не пропускалъ ни одной пятницы, слѣдилъ за церемоніей, напрягалъ все свое воображеніе, чтобы заучить черты его лица. Чего не успѣвалъ высмотрѣть одинъ разъ, то дополнялъ въ другой. Новоизобрѣтенная операція эта продолжалась около мѣсяца, и портретъ мой благополучно приближался къ окончанію. Взяло меня раздумье. Портретъ то я написалъ, да что въ томъ толку? Все-таки онъ написанъ больше на память, чѣмъ съ натуры...». Но, несмотря на такое «раздумье», художникъ съ этимъ портретомъ направился къ великому визирю и, добившись свиданія, получилъ разрѣшеніе присутствовать на какомъ-то особенномъ смотрѣ, гдѣ на него обратилъ вниманіе сынъ султана и потребовалъ отъ него портретъ. Портретъ такъ понравился султану, что послѣдній далъ русскому художнику аудіенцію и поручилъ ему написать портретъ и его дѣтей. По написаніи этихъ портретовъ, частью миниатюрою, частью масляными красками, З—ровъ добился разрѣшенія устроить во дворцѣ султана выставку не только этихъ портретовъ, но и другихъ картинъ и эскизовъ, сдѣланныхъ имъ въ Константинополѣ. Выставка была публичная, о ней были даны многочисленные отзывы въ заграничной прессѣ того времени, какъ о первой художественной выставкѣ въ Константинополѣ. За свои работы З—ровъ получилъ отъ султана 25 тысячъ піастровъ и отправился на эти деньги путешествовать по Греціи и Италіи. Въ 1850 г. онъ воз-

вратился въ Петроградъ и въ залахъ только что отстроеннаго Пассажа открылъ выставку своихъ картинъ и эскизовъ. Это была первая выставка отдѣльнаго художника въ Петроградѣ: до сихъ поръ выставки устраивались только Академіей Художествъ. Выставка возбудила большой интересъ. Между прочимъ, какой-то любитель художествъ помѣстилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» большое открытое письмо къ художнику, прося его уменьшить плату за входъ, которая была назначена въ 1 р. серебромъ, сборъ шелъ на благотворительныя цѣли. Любитель художествъ находилъ эту плату непомѣрно высокою и предлагалъ, что художникъ, щедро награжденный султаномъ, забыть цѣну деньгамъ. Окрыленный такими успѣхами, З—ровъ обратился въ 1852 г. въ Академію Художествъ съ двумя прошеніями: въ первомъ онъ просилъ о назначеніи ему въ Академіи мастерской для написанія картины, изображающей «парадъ», ибо, будучи въ Константинополѣ на аудіенціи султана турецкаго, общалъ, по приѣздѣ въ Петроградъ, написалъ эту картину; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему пособія на исполненіе указанной картины изъ суммъ, назначаемыхъ на ободреніе художниковъ; второе прошеніе, сопровождаемое написаннымъ З—ровымъ акварельнымъ портретомъ, заключало въ себѣ перечень исполненныхъ какъ въ Россіи, такъ и за границею работъ и просьбу «удостоить его званія академика». Но если фортуна улыбалась З—рову въ Константинополѣ, то она отвернулась отъ него въ Петроградѣ. Совѣтъ Академіи Художествъ опредѣлилъ: «объявить г. художнику Захарову, что онъ для полученія званія академика долженъ просить установленнымъ порядкомъ программы; что же касается до отвода ему въ Академіи мастерской для производства картины, то Академія ни свободной мастерской для назначенія ему, ни суммъ для вспоможенія въ подобныхъ случаяхъ не имѣетъ». Какъ кажется, оскорбленный художникъ не пожелалъ просить программы на званіе академика, оставшись некласснымъ художникомъ, и обратился къ литературѣ. Сперва въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилось нѣсколько его фельетоновъ, посвященныхъ заграничнымъ воспоминаніямъ, а потомъ, въ 1854 году, онъ выпустилъ и цѣлую книжку, которая быстро

разошлась. Успѣхъ этой первой книжки заставилъ художника продолжать свои писанія, и онъ выпустилъ еще 2 части въ 1855 и въ 1860 годахъ. Къ книжкамъ онъ прикладывалъ иллюстраціи-литографіи изъ своего альбома, между ними портреты дочери султана. Путевыя замѣтки художника любопытны; правда, онѣ написаны довольно наивно, разсужденія художника по поводу общихъ вопросовъ вызываютъ улыбку, но достойны вниманія прежде всего описаніе, какъ художникъ добился аудіенціи у султана, а затѣмъ рядъ подробностей турецкой жизни, картинки изъ быта греческихъ художниковъ и т. д. Послѣ 1860 г. свѣдѣнія о З—ровѣ обрываются.

Петровъ, «Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. III, стр. 169 и сл.—«Сѣверная Пчела» 1849 г., № 533; 1850 г., ст. 886, 915; 1853 г., № 24; 1854 г., стр. 929.—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1850 г., стр. 775, 915; 1853 г., №№ 140, 171, 181.

II. Столѣтійскій.

Захаровъ, Иванъ Ильичъ, ординарный профессоръ Петроградскаго университета по кафедрѣ маньчжурскаго языка и словесности, родился въ 1814 г. въ селѣ Вислой Полянѣ Землянскаго уѣзда, Воронежской губ., гдѣ отецъ его состоялъ дьячкомъ. По окончаніи курса въ Воронежской семинаріи со степенью студента (1837 г.) онъ былъ отправленъ для высшаго образованія въ Петроградскую духовную академію, но здѣсь онъ пробылъ всего два года и поступилъ въ число студентовъ православной Пекинской миссіи, которая отправилась изъ Петрограда въ концѣ 1839 г., возвратилась же въ 1850 г. Въ этотъ промежутокъ времени З—въ въ Пекинѣ посвятилъ себя изученію языковъ маньчжурскаго и китайскаго. Въ 1851 г., когда извѣстный путешественникъ Е. П. Ковалевскій былъ командированъ правительствомъ въ Кульджу для заключенія договора съ Китаемъ, онъ взялъ съ собою въ качествѣ переводчиковъ З—ва и Татаринова, которые не мало содѣйствовали успѣху этого дѣла. По договору, заключенному съ Китаемъ, Россіи предоставлялось, между прочимъ, право держать консуловъ въ Кульджѣ и Чугучакѣ, и первыми консулами были назначены въ Кульджѣ З—въ, а въ Чугучакѣ—А. А. Татариновъ. Это былъ первый случай, когда на крайнемъ Востокѣ появились русскіе дѣятели, знающіе страну и ея

языкъ. Задача ихъ сводилась къ тому, чтобы внушить къ себѣ уваженіе, умѣть поладить съ китайскими властями, не раздражая ихъ, но и не уступая имъ, и защищать интересы Россіи, не нарушая справедливости; и первые консулы съ честью выполнили свою задачу. Въ 1858 г. З—ву поручено было разслѣдовать дѣло о сожженіи въ 1855 г. китайскою чернью русскаго консульства въ Чугучакѣ. З—въ удачно окончилъ это долго тянувшееся дѣло, заставивъ китайцевъ принять обязательство уплатить 200,000 рублей. Въ награду за это дѣло З—въ былъ возведенъ въ званіе генеральнаго консула и въ этомъ званіи, въ качествѣ полномочнаго комиссара, произвелъ разграниченіе нашихъ владѣній отъ западныхъ предѣловъ Китая, при чемъ весьма значительное пространство отошло отъ Китая къ Россіи. За этотъ трудъ онъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйств. ст. совѣтника. 13-го іюня 1864 г. З—въ былъ назначенъ драгоманомъ V класса при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ какой должности состоялъ по 28 февраля 1866 г., когда былъ уволенъ за штатъ съ пенсіей въ 1200 р. по званію драгомана. Въ 1868 г. факультетъ восточныхъ языковъ единогласно рѣшилъ пригласить З—ва преподавателемъ маньчжурскаго языка, и 9 января слѣдующаго года, по полученіи разрѣшенія попечителя, начались лекціи З—ва, привлекаяшія слушателей своею безыскусственностью и свѣжестью и оригинальностью мысли. Въ 1875 г. совѣтъ университета удостоилъ З—ва за его ученые труды степени доктора маньчжурской словесности. Въ 1877 г. ему было увеличено содержаніе до оклада экстраординарнаго профессора, но это послѣднее званіе, въ виду сохраненія пенсіи и отсутствія вакансіи, онъ получилъ только 19 мая 1879 г., званіе же ординарнаго профессора—26 ноября 1884 г. Скончался З—въ скоропостижно отъ разрыва сердца 26 сентября 1885 г.

Еще состоя на службѣ дипломатической, З—въ былъ извѣстенъ, какъ многосторонній ученый. Неизвѣстно, куда дѣвалась его обширная рукопись «Описаніе западныхъ китайскихъ владѣній», надѣ которую онъ трудился нѣсколько послѣднихъ лѣтъ своего пребыванія въ Пекинѣ. Въ свое время она была представлена

азиатскому департаменту, но осталась не напечатанною. Болѣе пошастливилось двумъ статьямъ З—ва, помѣщеннымъ въ «Трудахъ членовъ російской духовной мисси въ Пекинѣ», 1852—53 годовъ: «Историческое народонаселеніе Китая» (т. I, стр. 247—760) и «Поземельная собственность въ Китаѣ» (т. II, стр. 1—96). Эти статьи были составлены съ неизвѣстною до тѣхъ поръ полнотою по источникамъ, которые прежде не были доступны ученымъ, и служатъ до сихъ поръ предметомъ ссылки для заграничныхъ ученыхъ. Кромѣ того, въ бытность свою консуломъ З—въ составилъ подробную карту нашихъ владѣній, смежныхъ съ Китаемъ и Маньчуріей, въ которую впервые вошли тысячи неизвѣстныхъ мѣстностей, урочищъ, горъ и рѣчекъ. Полученная въ управленіи одной изъ сибирскихъ губерній, эта карта безъ имени автора была отправлена въ депо картъ, напечатана и представлена государю; на всемірной Парижской выставкѣ она была удостоена почетной медали и патента. Главный трудъ З—ва, за который онъ былъ удостоенъ отъ университета ученой степени доктора маньчжурской словесности, а отъ Имп. Рус. Географ. Общества — Константиновской медали, это «Полный маньчжурско-русскій словарь» (Спб. 1875). Этотъ трудъ, обнаружившій въ авторѣ глубокое знаніе маньчжурскаго языка, по своей полнотѣ оставилъ далеко позади себя всѣ другіе существующіе на Западѣ однородные лексиконы. Ученая дѣятельность З—ва не прекратилась съ изданіемъ помянутаго словаря; въ 1879 г. имъ издана была «Грамматика маньчжурскаго языка» и въ то же время подготовлялся другой еще болѣе важный трудъ — китайско-маньчжурско-русскій лексиконъ, окончить который помѣшала ему внезапно подкрившаяся смерть. Кромѣ названныхъ трудовъ, З—ву принадлежатъ еще нѣсколько рецензій, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Имп. Рус. Географ. Общества, какъ-то: о гольдскомъ словарѣ Протодіаконова, о китайско-русскомъ словарѣ В. П. Васильева и др.

«Журн. М.-ва Народ. Просвѣщ.» 1875 г., кн. VII, стр. 111—114; 1885 г., кн. XI, стр. 94—110. — Григорьевъ, «Исторія С.-Петербургскаго университета», стр. 389—390. — В. Васильевъ, «Воспоминаніе объ И. И. Захаровѣ». Спб. 1885 г. — «Библиографъ» 1885 г., № 12, стр. 93. — «Вольнск. Епарх. Вѣд.»

1885 г., №№ 31, 32. — «Воронеж. Епарх. Вѣд.» 1885 г., № 20. — «Восточн. Обзорніе» 1885 г., № 5. — «Историч. Вѣстникъ» 1885 г., кн. XI, стр. 481. — «Новое Время» 1885 г., № 3446. — «Новости» 1885 г., № 269. — «Новъ» 1885 г., кн. 24, стр. 809. — Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. V, стр. 53—54. — «Петербургскій Некрополь».

Мих—въ.

Захаровъ, Иванъ Семеновичъ, тайн. сов., сенаторъ, членъ Російской Академіи, писатель, родился въ 1754 г. и происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Службу началъ 3 февраля 1766 г. вѣпистомъ въ Императорскомъ Кабинетѣ, гдѣ послѣдовательно производился въ канцеляристы (1770 г.), регистраторы (1772 г.) и коллежскіе секретари (1774 г.), когда былъ назначенъ состоять при главной дворцовой канцеляріи. 8 августа 1786 г. онъ въ чинѣ надворнаго совѣтника былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императ. Російской Академіи. Поводомъ къ избранію его въ члены послужилъ его переводъ «Похожденія Телемака» Фенелона (1786 г. 2 ч. Второе изданіе П. 1788 г.); этотъ переводъ изобилуетъ славянизмами, что объясняется тогдашними понятіями о важности эпической поэмы. Въ 1787 г. З—въ назначается старшимъ директоромъ въ Государственный заемный банкъ, въ 1793 г. — первымъ директоромъ того же банка, въ слѣдующемъ году — вице-губернаторомъ Могилевскаго намѣстничества и въ 1796 г. — на ту же должность въ Вѣлостокскую губернію. Въ послѣдней должности З—въ принялъ дѣятельное участіе въ разграниченіи этой губерніи по новому положенію, переводѣ присутственныхъ мѣстъ, постройкѣ для нихъ помѣщеній, приведеніи въ порядокъ архивовъ и назначеніи во вновь образованную Витебскую губернію чиновниковъ. Кромѣ того, онъ составилъ Высочайше утвержденный планъ г. Витебска. Въ 1797 г. за установку, вопреки строгому распоряженію, нарядовъ во время проѣзда императора Павла получилъ монаршее неудовольствіе и подвергся денежному взысканію въ пользу обывателей, работавшихъ по дорогамъ. Произведенный въ томъ же году въ ст. совѣтники, а въ 1799 г. въ д. с. совѣтники, онъ въ 1798 г. былъ назначенъ Астраханскимъ губернаторомъ, но въ 1800 г., отрѣшенный отъ этой должности, былъ преданъ суду за неисполненіе распоряженія по во-

дворенію разнаго рода людей на землях Астраханской губерніи. Произведеннымъ по этому случаю разслѣдованіемъ сенаторами Неплюевымъ и фонъ-Визинымъ З—въ былъ признанъ невиновнымъ, повышенъ въ чинъ тайн. совѣтника и назначенъ въ 4-й департаментъ Сената. Въ Сенатѣ онъ послѣдовательно присутствовалъ во временномъ апелляціонномъ департаментѣ (1801 г.), въ 5-мъ уголовномъ департаментѣ (1805 г.) и во II-мъ отдѣленіи того же департамента (1808 г.). Въ то же время З—въ дважды былъ командированъ: въ 1807 г. съ особымъ порученіемъ въ Вятскую губернію и въ 1808 г. въ Ревель для принятія мѣръ по продовольствію хлѣбомъ Эстляндской губ. и для прекращенія въ этихъ дѣляхъ излишняго тамъ винокуренія. Въ томъ же 1808 г. ему поручено было составить проектъ объ устройствѣ земскихъ полицій въ Эстляндской губ., а въ 1815 г. повелѣно присутствовать въ учрежденномъ при Сенатѣ комитетѣ по разсмотрѣнію изслѣдованій губернскихъ комиссій о недоимкахъ по питейнымъ откупамъ истекшаго четырехлѣтія. Скончался З—въ 30 января 1816 г. Онъ былъ предсѣдателемъ «Бесѣды любителей русскаго слова» и состоялъ членомъ Московскаго университета и Вольнаго экономическаго общества. Кромѣ названнаго выше перевода «Похожденія Телемака», З—ву принадлежатъ еще слѣдующіе: «Авелева смерть», поэма въ 5-ти пѣсняхъ Геснера (съ нѣмец. М. 1780 г. Изд. 2-е испр. П. 1781 г.); «Опытъ о свойствѣ, о нравахъ и разумѣ женщинъ въ разныхъ вѣкахъ» Томаса (съ франц. М. 1781 г.); «Любимецъ фортуны» (съ франц. 2 ч. 1782 г.); «Путешествіе Гумфрія Клинкера» Смоллета (съ нѣм. 3 ч. П. 1789 г.); «Велисарій» Жанлиса (съ франц. 2 ч. П. 1808 г. и М. 1821 г.) и «Вальмье, истинное приключеніе» Арнода (пер. П. 1790 г.). Къ оригинальнымъ же его произведеніямъ относятся: «Похвала Екатеринѣ Великой» (П. 1802 г.), «Усадьбы, или новый способъ селить крестьянъ и собирать съ нихъ помѣщичьи доходы» (П. 1802 г.), «Хозяинъ-винокуръ, открывающій свѣдѣнія, къ устройству винныхъ заводовъ и къ производству винокурения относящіяся» (П. 1808 г.), «Похвала женамъ» («Бесѣда люб. рус. слова» П. 1811 г.), «Маршъ всеобщаго ополченія Россіянъ» (П. 1812 г.) и «Пѣснь побѣдителя Наполеона Александру I» (П. 1813 г.).

Формуляръ о службѣ сенатора г. сов. И. С. Захарова, хранящійся въ Архивѣ Имп. Рус. Историч. Общества.—«Извѣстія Рос. Академіи», кн. II, стр. 88.—*Сухомлиновъ*, «Исторія Россійской Академіи», т. I, стр. 18, 19; т. V, стр. 56, 317, т. VIII, стр. 342, 343, 487, 488.—*Митроп. Евгений*, «Словарь рус. свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 229.—*Геннади*, «Словарь», т. II, стр. 25, 26.—«Другъ Просвѣщенія» 1806 г., ч. IV, стр. 50.—Сочиненія Державина (академич. изданіе, по указателю).

П. П.

Захаровъ, И., учитель рисованія съ 1858 г., авторъ изданнаго въ 1858 г. «Практическаго учебника рисованія и черченія по правиламъ перспективы». Хотя въ предисловіи къ этому учебнику З—ровъ, подчеркивая громадное значеніе обученія рисованію не только для художниковъ, но и вообще для всякаго образованнаго человека, указываетъ, что его методъ, испытанный имъ во время уроковъ рисованія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, давалъ блестящіе результаты и его ученики дѣйствительно обучались рисовать,—учебникъ З—рова не выдерживаетъ критики и является не болѣе, какъ переработкою старыхъ нѣмецкихъ «школъ рисованія». Къ 24 листамъ рисунковъ, начиная съ глаза, уха, носа и т. д. и кончая женскою фигурою, поставленной въ профиль, приложены по нѣскольку строчекъ объясненій, какъ надо рисовать ту или иную фигуру, изображенную на мѣстѣ рисунковъ. Объясненія мало понятны и написаны тяжелымъ языкомъ.

П. Столянскій.

Захаровъ, Константинъ Ивановичъ, докторъ медицины, с. с., изъ дворянъ, родился въ 1832 году и воспитывался въ Рязанской гимназіи, а затѣмъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, по окончаніи котораго въ 1854 году съ званіемъ лѣкаря опредѣлился полковымъ врачомъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ. Въ 1859 г. онъ состоялъ ординаторомъ Пятигорскаго военнаго госпиталя, въ 1863 г. — старшимъ ординаторомъ Георгіевскаго военнаго госпиталя, а въ 1869 г. былъ прикомандированъ къ Спб. медико-хирургической академіи для защиты диссертациі на степень доктора медицины, въ каковой и утвержденъ былъ въ маѣ 1871 года. Въ томъ же году З—въ былъ опредѣленъ врачомъ въ Московское комендантское управленіе, въ 1877 г. перевелся въ управленіе гренадерскихъ

и армейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, но въ слѣдующемъ же году перешелъ снова въ комендантское управленіе, гдѣ пробылъ до 1884 г., когда по болѣзни долженъ былъ выйти въ отставку. Скончался З—въ 17 сентября 1891 года въ Москвѣ.

Ему принадлежать слѣдующія сочиненія: «О подкожномъ впрыскиваніи сѣрно-кислаго хинина» («Проток. Общ. Кавказ. Врачей» 1865—66 гг., в. III, стр. 66); «Замѣчанія о лѣченіи сѣрными водами ревматизма, сифилиса и проч.» («Записки Рус. Вальнеологич. Пятигорскаго Общ.», в. I, стр. 179); «Нѣсколько практическихъ замѣчаній за курсъ лѣченія водами» 1865 г. (тамъ же, III, I, стр. 12); «О холерныхъ больныхъ въ Пятигорскомъ госпиталѣ (тамъ же, стр. 62); «Некрологъ И. И. Савицкаго» (тамъ же, стр. 72); «Случай лейкеміи» («Прот. Общ. Кавказ. Врачей» 1868—69 гг., стр. 88); «О состояніи сифилитическихъ больныхъ въ Пятигорскомъ военномъ госпиталѣ за 1868 годъ» (тамъ же, 1869—70 гг., стр. 109); «Гистологическое изслѣдованіе заживленія костныхъ ранъ послѣ резекціи, осложненной раненіемъ нерва» (докторская дис. Спб. 1871 г.); «О подкожныхъ впрыскиваніяхъ морфія» («Проток. Общ. Кавказ. Врачей» (1878—79 гг., стр. 44) и «Изслѣдованіе остроты зрѣнія у учениковъ 2-й Московской прогимназіи» (тамъ же, 1881—82 гг., стр. 155).

Змтеевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. IV, стр. 122.—«Русскія Вѣдом.» 1891 г., № 258.—«Отчетъ Московскаго университета за 1854 годъ» (стр. 21).—*Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писат. и писательницъ», вып. XI, стр. 58.—*Добролюбовъ и Ясонтовъ*, «Биографич. словарь писат., учен. и художн. уроженцевъ Рязанской губ.» Ряз. 1910 г., стр. 86—87.

Стен.

Захаровъ, Михаилъ Александровичъ, (род. 1701 г. † 23 августа 1739 г.), художникъ, пенсіонеръ Петра Великаго за границую. 6 января 1716 г. состоялся слѣдующій Высочайшій указъ: «отдать живописцу Ивану Никитину для житія его въ Италиі триста рублевъ, ученикамъ его Роману Никитину, Ѳедору Черкасову, Михаилу Захарову по 200 руб., и впредь имъ то число (червоными или еeimками) по вся годы переводити, доколѣ тамъ будутъ жить, да на проѣздъ дать въ Италию ему, Ивану Никитину, съ 3 учениками по

100 рублей». Михаилъ Захаровъ прожилъ въ Италиі и во Флоренці 6 лѣтъ и въ 1723 г. по возвращеніи въ Россію былъ свидѣтельствованъ живописцемъ Каровакомъ, который далъ о немъ слѣдующій отзывъ: «въ рисованіи живописной науки имѣеть искусство свыше живописца Ивана Одольскаго и всѣхъ живописцевъ, обучавшихся въ Россіи, а въ писаніи красками противъ ихъ, да сверхъ того имѣеть доброе начало въ геометріи, перспективѣ, анатоміи и отчасти архитектурѣ, которыхъ наукъ въ тѣхъ мастерахъ онъ, Каровакъ, не признаваеть». Несмотря на такой очень благоприятный отзывъ, З—ровъ не выдѣлился изъ ряда другихъ живописцевъ «конторы строеній» и точно такъ же, какъ и остальные, привлекался для ряда самыхъ разнообразныхъ художественныхъ работъ. Онъ писалъ и образа въ различныхъ церкви, главнымъ образомъ въ Петропавловскій соборъ, и «баталіи» въ Лѣтній дворецъ, участвовалъ своими картинами при устройствѣ «тріумфальныхъ» воротъ какъ въ Москвѣ въ 1727 г.; такъ и въ Петроградѣ въ 1731 г.; былъ одно время помощникомъ у Каровака, затѣмъ у Андрея Матвѣева. Кромѣ исполненія разныхъ художественныхъ работъ, ему поручалось и составленіе отзыва о картинахъ другихъ мастеровъ; такъ, въ 1731 г. онъ давалъ отзывъ о 13 картинахъ, написанныхъ голландскимъ художникомъ Гаелемъ и живописцемъ Василиемъ Игнатьевымъ.

А. И. Успенскій, «Словаръ живописцевъ».—«Вѣстникъ Изыщныхъ Искусствъ» 1883 г., стр. 72.—«Иллюстр. Газета» 1862 г., № 202, стр. 17.

П. С—кій.

Захаровъ, Михаилъ Петровичъ, ст. сов., въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія состоялъ редакторомъ «Вѣдомостей Московской городской полиціи» и по распоряженію московскаго оберъ-полицеймейстера составилъ «Указатель Москвы» (М., 1851—1852 гг., 2 ч.), въ который вошли свѣдѣнія о мѣстности первопрестольной столицы, важнѣйшихъ зданіяхъ, храмахъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, мѣстахъ увеселенія, фабрикахъ, заводахъ, промышленныхъ, ремесленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ, а также краткій перечень нужнѣйшихъ адресовъ. Второе и третье изданія «Указателя» вышли подъ заглавіемъ: «Путеводитель по Москвѣ и указатель ея достопри-

мѣчательностей» (М., 1865 г. и 1868 г.). Въ 1867 г. имъ же изданъ былъ «Путеводитель по окрестностямъ Москвы и указатель достопримѣчательностей». Съ 1869 по 1875 годы З—въ, въ чинѣ над. сов., былъ начальникомъ третьяго отдѣленія канцеляріи московскаго генералъ-губернатора. Скончался онъ въ Москвѣ 26 декабря 1889 г. на 73 году жизни.

«Отечественныя Записки» 1851 г., т. 79, отд. VI, стр. 34.—«Москвитянинъ» 1852 г., ч. III, отд. V, стр. 80.—Адресъ-календарь съ 1869—1875 гг.—Бартоломей каталогъ рус. отд. библи. Имп. Ак. Наукъ.—«Московский Некрополь».

А. Г.

Захаровъ, Никита Захаровичъ, протоіерей Петроградскаго Троицкаго собора; родился 27 мая 1750 г., скончался 13 сентября 1846 г. Изъ воспитанниковъ старой Александро-Невской славянской школы-семинаріи, гдѣ по окончаніи курса исполнялъ нѣсколько времени комиссарскую и учительскую должности. Въ 1783 г. онъ опредѣленъ былъ священникомъ и законоучителемъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, откуда черезъ три года перешелъ въ Троицкій соборъ; въ отставку жилъ при Николо-Трунилловской церкви и, уже ослабшій, не переставалъ отправлять богослуженіе. Долголѣтняя служба, маститая старость, строгая уединенная жизнь слѣпца-подвижника привлекали къ нему уваженіе жителей столицы. Погребенъ онъ на Смоленскомъ владѣищѣ.

И. А. Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской духовной академіи». СПб. 1857 г.—«Историко-статистич. свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи», т. VII, стр. 121.—«Петербургскій Некрополь», т. II.

К. Здр—въ.

Захаровъ, Павелъ Петровичъ, в. с., врачъ, сынъ чиновника, род. 9 іюня 1843 г., высшее образованіе получилъ въ Спб. медико-хирургической академіи, которую окончилъ въ 1868 г. дѣкаремъ съ золотою медалью и преміей Иванова. Оставленный при академіи на три года, онъ за это время написалъ и защитилъ диссертацию на степень доктора медицины подъ заглавіемъ: «О заживленіи ранъ матки» («Журн. Гистологии, Фармакологіи и Клинической Медицины» 1871 г., ч. III, стр. 305). Послѣ этого онъ состоялъ врачомъ въ Николаевскомъ госпиталѣ, въ 145-мъ Новочеркасскомъ пѣхотномъ полку

(1873 г.) и старшимъ врачомъ въ Спб. военной прогимназіи (1875 г.). Скончался З—въ въ своропостижно 1 марта 1880 г.

Змтѣвъ, «Русскіе врачи — писатели», вып. IV, стр. 122.—«Петербургскій Некрополь».

Степ.

Захаровъ, Петръ Захаровичъ (1816—1852), академикъ портретной живописи; въ 1833 г. былъ постороннимъ ученикомъ Академіи Художествъ, при чемъ въ 1835 г. получилъ особую серебряную медаль, выдаваемую Академіей Художествъ за экспрессию; въ этомъ же году онъ получилъ званіе некласснаго художника за картину «Старуха, гадающая въ карты». Въ 1843 г. онъ былъ опредѣленъ въ «назначенные» академики за портретъ генерала А. П. Ермолова (Русскій музей Императора Александра III). На выставкѣ 1845 г. онъ обратилъ особое вниманіе портретомъ Т. Н. Грановскаго (Третьяковская галерея). Изъ портретовъ его интересенъ портретъ Лермонтова въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ мундирѣ, съ набросанной на плечо шинелью и треугольною шляпою въ рукѣ. Портретъ этотъ былъ писанъ для А. Столыпина, вскорѣ по выходѣ Лермонтова изъ школы подпрапорщиковъ. Портретъ воспроизведенъ при изданіи «Пѣсни про царя Ивана Васильевича» съ рисунками Шарлемана. Изъ другихъ портретовъ З—ва, находящихся въ Третьяковской галереѣ, уважаемъ: семейственный портретъ (карандашемъ), портретъ доктора Иноземцова и портретъ г-жи Постниковой. Прежде чѣмъ перейти къ портретамъ, З—въ пробовалъ свои силы въ духовной живописи: на выставкѣ 1839 г. онъ выставилъ картину «Искушеніе Спасителя дьяволомъ».

С. Кондаковъ, «Юбилейный справочникъ Академіи Художествъ», т. II, стр. 74.—«Рус. Старина», т. XLV, стр. 63.—«Сѣверн. Пчела» 1839 г., стр. 919.—«С.-Петер. Вѣд.» 1845 г., стр. 1263.

П. С—кій.

Захаровъ, Ростиславъ Ивановичъ, капитанъ гвардейской артиллеріи, убитъ при Бородинѣ 26 августа 1812 года, гдѣ командовалъ батареею изъ 8-ми орудій на самомъ флангѣ лѣваго крыла русской арміи. Получивъ приказаніе перевести 6 орудій въ резервъ за недостаткомъ снарядовъ, онъ воротился къ остальнымъ двумъ орудіямъ, чтобы ободрять солдатъ

къ исполненію ихъ обязанностей, и сказалъ бывшему при нихъ поручику: «Завиду вамъ, вы будете еще сражаться за государя и любезное отечество». Потомъ обратился къ солдатамъ, говоря: «Друзья! у насъ еще довольно снарядовъ»—и въ это самое время пораженъ былъ ядромъ. Канониры со слезами подняли своего командира и понесли съ битвы. Едва пришелъ онъ въ себя, первая мысль его была забота о пользѣ отечества: «Оставьте меня, друзья мои! ступайте туда, гдѣ вы нужны, а меня кто-нибудь дотащить». Послѣдними его словами были: «Побѣждаютъ ли наши? Отступаетъ ли непріятель?».

«Военный энциклопедическій лексиконъ», ч. V, стр. 575.

Захаровъ, Семенъ Логимовичъ (род. въ 1821 г. † 22 августа 1847 г.), граверъ, ученикъ Уткина, сынъ мѣщанина Псковской губерніи; благодаря содѣйствію князя Константина Шаховского, обратившаго вниманіе на выдающіеся рисунки мальчика-самоучки, онъ былъ помѣщенъ въ 1837 г. въ Академію Художествъ. Черезъ годъ послѣ поступленія въ Академію получилъ первую награду—вторую серебряную медаль «за копіи съ эстамповъ въ гравюрь», а въ слѣдующемъ году (1839)—первую серебряную медаль; въ 1840 г. ему была объявлена похвала и разрѣшена работа на полученіе золотой медали, которой онъ и былъ удостоенъ въ 1842 г. за гравюру съ картины Гвидо Рени «Похищеніе Европы». Получивъ вторую золотую медаль, З-ровъ выбралъ слѣдующей своею работою гравюру съ гремѣвшей въ то время картины фонъ-Моллера «Поцѣлуй». Академія Художествъ одобрила этотъ выборъ, но министръ Двора объявилъ, что «такъ какъ съ картины Моллера имѣется литографія, то С. Захаровъ можетъ гравировать съ этой литографіи, а самую картину для сего дать нельзя, ибо она находится у Государя Императора». Весьма понятно, что З-ровъ отказался дѣлать гравюру по литографіи, и для программы на 1-ую золотую медаль ему выбрали картину Бруни «Моленіе о чашѣ», при чемъ размѣръ гравюры былъ опредѣленъ въ укороченный листъ писчей бумаги. Кромѣ этихъ официальныхъ работъ, З-ровымъ были исполнены еще гравюры: два портрета Петра Великаго,

одинъ въ медальонѣ при сочиненіи Устрялова «Именитые люди Строгановъ», а другой въ изданіи Ведаго «Молодики» и копія съ Дольчи «Спаситель». Ранняя смерть помѣшала развитію таланта З-рова, который, по отзыву Д. Ровинскаго, по чистотѣ и изяществу обвѣшалъ хорошаго гравера.

Петровъ, «Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. II, стр. 355, 357, 390, 406, 438, 446, 447; т. III, стр. 1.—*Д. Ровинскій*, «Словарь граверовъ», стр. 342.—«Художественная газета», 1840, № 21.—«Сѣверная Пчела» 1844 г., стр. 368.

П. С—кій.

Захаровъ, Яковъ Дмитріевичъ, профессоръ химіи, ординарный академикъ, ст. сов., родился въ Петроградѣ 3-го октября 1765 г., обучался въ академической гимназіи, куда поступилъ въ 1773 г. По окончаніи ея однимъ изъ первыхъ въ 1785 г. онъ былъ отправленъ въ Геттингенскій университетъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Пробывъ тамъ 4 года, онъ въ маѣ 1790 г. возвратился въ Россію и по представленіи Академіи Наукъ записки: «Specimen chemicum de differentia et affinitate acidi nitrosi cum aliis corporibus» былъ избранъ въ адъюнкты Академіи. Когда же при послѣдней были открыты публичные курсы, функционировавшіе ежегодно въ теченіе 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, З—въ приглашенъ былъ читать на нихъ сначала химію, а затѣмъ естествознаніе. Въ 1795 г. онъ былъ произведенъ въ экстраординарные, а въ 1798 г. ординарные академики по химіи. Избраніе его въ академики является любопытнымъ въ томъ отношеніи, что оно состоялось по приказанію самого императора Павла, и вотъ по какому поводу. Бывшій въ то время директоромъ Академіи Бакунинъ, облекавшій въ званіе академика, кого хотѣлъ, обходилъ З—ва и С. Е. Гурьева. Не ожидая ничего для себя хорошаго отъ Бакунина, они подали прошенія государю; эти прошенія были препровождены на заключеніе конференціи Академіи, которая признала ходатайства просителей заслуживающими уваженія. Рѣшеніе государя по этому дѣлу было объявлено Академіи въ формѣ письма секретаря его величества Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго на имя Бакунина, въ которомъ сообщалось, что «Его Имп. Величеству угодно, чтобы Захаровъ и Гурьевъ были непременно въ дѣйствительные академики произведены и

получили бы слѣдующее имъ по регламенту жалованье». Такимъ образомъ со времени учрежденія Академіи З—въ и Гурьевъ были первые академики, возведенные въ это званіе Высочайшею властью, и съ этого времени такой порядокъ сталъ правиломъ. Въ томъ же 1798 г. З—ву было предложено Бакунинымъ мѣсто цензора при Радзивиловской таможенѣ. З—въ рѣшительно воспротивился такому предложенію и прочелъ въ засѣданіи конференціи записку, въ которой указывалъ на плоды безконтрольнаго хозяйничанія директоровъ Академіи. Конференція довела объ этомъ до свѣдѣнія Бакунина, и послѣдній созвалъ чрезвычайное засѣданіе, на которомъ пытался доказать неосновательность причинъ отказа З—ва отъ должности цензора, при чемъ не постылся утверждать, вопреки дѣйствительности, что конференція будто бы дала согласіе на назначеніе З—ва на ту же должность въ Одессу. Какъ бы то ни было, конференція въ своемъ протоколѣ отмѣтила слѣдующее: «Ученому собранію Захаровъ извѣстенъ только, какъ химикъ, а о познаніяхъ его въ литературѣ, политикѣ и проч. конференція не въ состояніи судить, и поэтому она должна положиться на заявленіе самого г. Захарова о томъ, что онъ не обладаетъ свѣдѣніями, необходимыми для цензора». Послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ увольненіе Бакунина и назначеніе на его мѣсто президентомъ барона Николаи дало дѣлу о назначеніи цензоровъ отъ Академіи иное направленіе, и З—въ былъ освобожденъ отъ новаго назначенія.

Ученая дѣятельность З—ва выразилась въ рядѣ статей, помѣщенныхъ имъ въ «Мемуарахъ Академіи» и «Технологическомъ журналѣ», при чемъ, кромѣ «Опыта русской химической номенклатуры» и «О теоріи колпаковъ на перегонныхъ трубахъ и холодильныхъ кадкахъ», остальные статьи имѣютъ предметомъ своимъ описаніе болѣе или менѣе замысловатыхъ, имъ самимъ изобрѣтенныхъ снарядовъ, какъ-то: прибора для разложенія воды въ большомъ количествѣ, снаряда для растопленія веществъ трудноплавимыхъ посредствомъ особой смѣси водородныхъ и кислородныхъ газовъ и новаго устройства вѣтрометра. Въ 1804 г. онъ совершилъ съ аэронавтомъ Роберсономъ воздушное путешествіе и результаты его опубликовалъ въ «Мемуарахъ Академіи». По порученію Академіи, З—въ разсматривалъ мемуаръ Озерецков-

скаго «De usu radicis fumariae bulbosae, a russis растъ dictae» и издалъ письма Эйлера въ переводѣ Румовскаго, а по предложенію А. С. Шишкова принять на себя сочиненіе словаря ремесель и рукодѣлій. Кромѣ того, З—въ перевелъ съ нѣмецкаго «Начальныя основанія химіи, горючее вещество опровергающей» Гартшнера (II. 1806 г.). Въ 1824 г. онъ былъ избранъ въ почетные члены адмиралтейскаго департамента, по порученію котораго разсматривалъ нѣкоторые проекты и инструменты и давалъ свои заключенія о нихъ. При закрытіи же департамента въ 1827 г. онъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ ученаго комитета морского штаба, а въ 1835 г. исполнялъ должность члена домостроительнаго комитета и назначенъ въ Академіи. З—въ числился также членомъ Вольноэкономическаго общества. Скончался онъ 2-го октября 1836 г.

«Другъ Просвѣщенія» 1806 г., ч. IV, стр. 50—51. — «Сѣверная Пчела» 1836 г., № 229. — Отчетъ Академіи за 1836 г. — «Журналъ М-ва Нар. Просвѣщ.» 1837 г., ч. XIII, отд. II, стр. 360—362. — «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1837 г., № 4. — «Записки ученаго комитета морского министерства» 1837 г., ч. XIII, стр. 357—360. — *Митроп. Евгений*, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 229—230. — *Сухомлиновъ*, «Исторія Россійской Академіи», т. I, стр. 36; т. II, стр. 130, 342, 444—446; т. IV, стр. 10; т. V, стр. 56; т. VII, стр. 456; т. VIII, стр. 183—223. — *Геннадіи*, Словарь, т. II. — «Русская Старина» 1898 г., № 4, стр. 11—12; № 5, стр. 239—242. — «Петербургскій Некрополь».

Н. П.

Захаровъ—Чеченецъ † 1846 г., художникъ-академикъ, получившій прозвище *Чеченецъ*, потому что былъ родомъ черкесъ, захваченный въ плѣнъ ребенкомъ при взятіи одного кавказскаго аула. Обладая большими способностями къ живописи, онъ подавалъ надежды, которымъ не удалось осуществиться вслѣдствіе ранней смерти художника. Изъ его произведеній уважемъ на портретъ извѣстнаго духовнаго писателя А. Н. Муравьева въ 1838 г.

«Русскій Архивъ» 1895 г., II, 79. — «Сѣверная Пчела» 1847 г., стр. 419. — «С.-Петерб. Вѣд.» 1846 г., стр. 1092. — *Андреевъ*, «Живопись и живописцы», стр. 571.

П. С—кій.

Захарченко, Иосифъ Ивановичъ, писатель, родился въ 1837 г. въ Зеньковскомъ у. Полтавской губ. и былъ сыномъ бога-

таго помѣщика. Впослѣдствіи онъ проживалъ въ своемъ имѣніи Галейкѣ, Дейкаловской волости, и съ 1888 г. началъ писать басни, мелкіе рассказы и комедіи, которые издалъ въ Зеньковѣ въ 1891—1892 гг. (три книги); но такъ какъ изданіе не пошло, то значительную часть его З—ко самъ уничтожилъ. Въ 1894 г. въ Полтавѣ вторымъ изданіемъ были напечатаны его «Оригинальныя басни». Кроме того, нѣсколько произведеній З—ки осталось въ рукописяхъ; изъ нихъ двѣ комедіи: «Скильки плачу Тытыта наробила» (въ 2-хъ дѣйств.) и «Перепелъ» были разрѣшены къ постановкѣ на сценѣ. Скончался З—ко 24 марта 1894 г. и похороненъ въ Зеньковѣ.

И. Павловскій, «Віографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи» Полтава, 1912 г., стр. 74.—Карточн. каталогъ русскаго отдѣла бібліотеки Им. Академіи Наукъ.

А. Г.

Захарьинъ-Юрьевъ, Даниль Романовичъ. См. **Романовъ, Даниль Романовичъ.**

Захарьинъ, Иванъ Яковлевичъ, вице-адмиралъ. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1805 г. произведенъ былъ въ гардемарины, въ томъ же году на фрегатѣ «Антроиль» перешелъ изъ Кронштадта въ Корфу и до 1810 г. плавалъ въ Средиземномъ и Адриатическомъ моряхъ, при чемъ участвовалъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ при Дарданеллахъ и Аеонской горѣ (1807), за что награжденъ былъ знакомъ отличія военнаго ордена, а потомъ находился въ кампаніи на триестскомъ рейдѣ (1808—09). Въ 1810 г. возвратился берегомъ изъ Триеста въ Петроградъ; въ 1812 г. произведенъ былъ въ лейтенанты; съ 1815 по 1822 г. находился въ Камчаткѣ и былъ награжденъ (1820) орденомъ св. Владимира 4 ст. за доставку изъ Нижне-Камчатска въ Верхне-Камчатскъ провіанта. По возвращеніи въ Кронштадтъ находился при описи сѣверныхъ береговъ Финскаго залива (1823), командовалъ флотиліею военныхъ поселеній въ Старой Русѣ (1825—28), а затѣмъ фрегатомъ «Екатерина» и кораблями «Гангутъ» (1834), «Кронштадтъ» (1835) и «Эмгейтенъ» (1836). Въ 1837 г. З—нъ произведенъ былъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 1 бригады 4

флотской дивизіи; крейсера въ теченіе двухъ лѣтъ въ Черномъ морѣ, командовалъ (1840) десантными войсками для занятія крѣпостей Туалсе и Псезуане. Въ 1847 г. назначенъ былъ командиромъ Дунайскихъ портовъ и тамошней флотиліи. Последнее время состоялъ членомъ общаго присутствія черноморскаго интендантства. Въ вице-адмиралы произведенъ въ 1849 г. 22 іюля 1853 г. уволенъ въ отставку, а 2-го сентября 1857 г. скончался.

«Общій морской списокъ», ч. 7, стр. 128.

Захарьинъ, Петръ Михайловичъ, писатель, дворянинъ, родился въ селѣ Никольскомъ Козловскаго уѣзда, Тамбовской губ. Отецъ его, по показанію самого З—на («Арфаксадъ, халдейская повѣсть» 1793 г. М., т. I, стр. XVII), происходилъ изъ татаръ, былъ взятъ въ плѣнъ русскими и, принявъ православіе, остался жить въ Россіи. Занявшись торговлею, онъ довольно скоро приобрѣлъ значительное состояніе, доходившее до 100.000 рублей, которое по смерти перешло къ его сыну. Въ помнутаго сочиненіи З—нъ говоритъ, что «россійской грамотѣ онъ обучался у сельскаго дьячка», между тѣмъ какъ изъ письма поэта Державина къ Гудовичу видно, что З—нъ «въ дѣтствѣ своемъ воспитывался въ домѣ статскаго совѣтника Луки Никифоровича Волкова въ Саратовѣ вмѣстѣ съ сыномъ его Петромъ Лукичемъ, что нынѣ генералъ - майоромъ, учился нѣмецкому языку, ариеметикѣ и правописанію и, имѣя натуральную способность къ словеснымъ наукамъ, упражнялся въ оныхъ съ самой своей молодости». Во всякомъ случаѣ, З—нъ образовалъ себя скорѣе чтеніемъ книгъ, къ которымъ съ дѣтства питалъ страсть, чѣмъ ученіемъ; объ этомъ онъ, впрочемъ, самъ говорилъ своимъ знакомымъ, что всѣ свѣдѣнія, какія онъ имѣлъ, почерпнулъ изъ книгъ. Въ молодости З—нъ служилъ на военной службѣ и даже участвовалъ въ Турецкомъ походѣ, «но—читаемъ дальше въ томъ же письмѣ Державина къ Гудовичу—«получивъ развращеніе въ своемъ поведеніи и сильное пристрастіе къ пьянству, не сдѣлалъ въ оной своего счастья». Неизвѣстно, былъ ли онъ исключенъ изъ службы или же по истеченіи срока, установленнаго для дворянъ, возвратился на родину, но безспорно то, что онъ, предавшись необузданному пьянству, скорѣе промоталъ весь капиталъ своего покойнаго

отца. Впрочемъ, по словамъ самого З—на, имѣніе отца его было расхищено, а самому наследнику достался только дубовый ящикъ, «заклучавшій въ нѣдрахъ своихъ разныя ни къ чему ненадобныя и безъ разбору набросанныя бумаги». Какъ бы то ни было, З—нъ вынужденъ былъ «препроводить жизнь свою на прежнемъ своемъ жилищѣ въ крайней бѣдности, обучая, между прочимъ... дѣтей у бѣдныхъ дворянъ российской грамотѣ и нѣмецкому языку». З—нъ еще въ молодости усердно упражнялся въ писаніи всякаго рода стиховъ. Узнавъ, что вновь назначенный въ Тамбовъ гражданскій губернаторъ Державинъ тоже занимается стихотворствомъ, онъ завелъ съ нимъ знакомство и началъ часто хаживать къ нему пѣшкомъ изъ Козлова. Ознакомившись съ нѣкоторыми сочиненіями З—на въ стихахъ и прозѣ, полученными отъ Н. А. Ахлебнина, и видя крайнюю нужду З—на, Державинъ предложилъ ему мѣсто канцелярскаго служителя, но З—нъ такъ пьянствовалъ, что не могъ нести этой службы. Однако знакомство съ Державинымъ принесло ему большую пользу, сдѣлавъ имя его извѣстнымъ даже императрицѣ, и вотъ по какому случаю. 22 сентября 1786 г. предполагалось открытіе народнаго училища въ Тамбовѣ. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Державинъ предложилъ З—ну произнести рѣчь при торжественномъ открытіи училища. З—нъ согласился, но написалъ такую рѣчь, «гдѣ не было ни складу, ни ладу». Три раза Державинъ заставлялъ его передѣлывать эту рѣчь, но безъ успѣха. Тогда Державинъ на разсвѣтъ самаго дня торжества пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ З—на и продиктовалъ ему рѣчь собственнаго сочиненія, которую З—нъ долженъ былъ произнести, какъ свое произведеніе. Такъ какъ З—нъ не могъ говорить ни въ церкви, ни въ училищѣ, будучи не изъ духовныхъ и не изъ учителей, то рѣшено было, что онъ скажетъ ее на улицѣ, остановивъ всѣхъ у дверей училища. Такъ и было сдѣлано. «Когда мы съ собраніемъ—говорить Державинъ—послѣ отправленія церемоніи выходили изъ училища, онъ остановилъ насъ и началъ говорить, и какъ симъ неожиданнымъ своимъ явленіемъ, такъ и силою своихъ выраженій, а особенно, когда онъ показалъ на жену и сына своего, принесеннаго на рукахъ ея, и когда онъ сталъ возбуждать усопшихъ государей,

то такъ всѣхъ поразилъ, что никто изъ очевидцевъ не могъ отъ слезъ воздержаться. Столь пріятно было сіе позорище!». Присутствующіе щедро наградили козловскаго Цицерона деньгами, и герой дня тотчасъ же послѣ торжества зашилъ съ радости и цѣлыхъ два мѣсяца «обращался по деревнямъ у дворянъ, его пригласившихъ».

Рѣчь З—на была послана Державинымъ тамбовскому намѣстнику графу Гудовичу, который, признавъ ее замѣчательною, отправилъ ее въ Петроградъ къ предсѣдателю комиссіи объ училищахъ Завадовскому и въ то же время въ письмѣ къ Державину выразилъ готовность оказать содѣйствіе З—ну. Державинъ же въ отвѣтномъ письмѣ гр. Гудовичу высказывался противъ какаго бы то ни было «устроенія» З—на, въ виду его безпутной жизни, но признавалъ желательнымъ исходатайствовать сыну его 500 руб., съ тѣмъ, чтобы они положены были въ приказъ общественнаго призрѣнія до его совершеннолѣтія. Завадовскій пришелъ въ восторгъ отъ рѣчи З—на и говорилъ, что подобной нѣтъ на русскомъ языкѣ. Херасковъ признавалъ, что рѣчь З—на «и въ устахъ самого правителя (т. е. Державина) заслужила бы похвалу и уваженіе. Въ ней видны знанія, даръ слова и достойныя челоуѣка чувствованія». Императрица же, читая ее, не могла удержаться отъ слезъ, не мало хвалила ее и приказала изъ Петрограда отправить въ Тамбовъ курьера, который долженъ былъ доставить краснорѣчиваго однодворца ко двору, но З—нъ продолжалъ «обращаться» у гостепримныхъ помѣщиковъ, и курьеръ возвратился назадъ одинъ, безъ З—на, не пожелавшаго слѣдовать за нимъ въ столицу. Тѣмъ не менѣе З—ну назначена была пенсія въ 300 рублей въ годъ. Вскорѣ рѣчь его, будучи напечатана въ «Зеркалѣ Свѣта», журналѣ Туманскаго, и въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», издававшихся кн. Дашковой, сдѣлалась извѣстною какъ Петрограду, такъ и Москвѣ, а затѣмъ была переведена и на иностранныя языки.

Но мало-по-малу похвалы и восхищенія смѣнились критическимъ отношеніемъ къ рѣчи однодворца и нѣкоторые стали сомнѣваться, дѣйствительно ли авторъ ея З—нъ. Въ письмѣ Д. Свистунова къ Державину мы читаемъ: «Но недолго рѣчь сія была въ такой похвалѣ: не болѣе, какъ черезъ два дни родилось на нее

премножество критикъ, не въ томъ, чтобы она нехороша была, а въ томъ, что соображенія, сдѣланныя въ оной, черни съ орангутангами и прочими близкими къ человѣку животными и соравненіе успѣшихъ государей съ великою Екатериною обширными свѣдѣніями своими вышли изъ сферы однодворца, упражняющагося въ земледѣліи, и потому начали разыскивать истиннаго творца оной, при чемъ Тутолминъ не пропустилъ испустить своей желчи противъ Васъ,—во многихъ домахъ увѣрялъ, что онъ точно знаетъ, что Вы ее сочинили».

Дѣйствительно, недоброжелатели Державина открыто называли его авторомъ рѣчи и всячески старались найти въ ней недостатки. Кто-то даже пустилъ слухъ, что императрица, прочитавъ рѣчь, сказала: «Рѣчь прекрасная, каковую я еще не читывала. Я увѣрена въ достоинствахъ и благородныхъ чувствованіяхъ господина Державина». Но слухъ, что рѣчь написана Державинимъ, не нашелъ себѣ такой поддержки, какъ пущенное кн. Дашковой слово, что авторъ рѣчи—Завадовскій. «Вездѣ наконецъ заговорили—читаемъ мы далѣе въ томъ же писемѣ Свистунова къ Державину—что будто рѣчь сочинена здѣсь въ Петербургѣ и отослана къ вамъ въ Тамбовъ тѣмъ самымъ творцомъ, который сочинялъ манифестъ о новомъ заемномъ банкѣ. Но почему же судъ публики остановился на семь заключеній? Потому только, что нашли какъ въ рѣчи сей, такъ и въ манифестѣ одинакія изреченія о правилѣ адской политики, внушающей не обогащать народъ и содержать въ недостаткѣ или бѣдности».

Вскорѣ З—ну пришлось разстаться съ Державинимъ, который, будучи отрѣшенъ отъ должности губернатора, покидалъ Тамбовъ. На прощаніе со своимъ собратомъ по перу пѣвецъ Фелицы написалъ шуточное стихотвореніе, переполненное мѣстными степными выраженіями, подъ заглавіемъ: «Желаніе зимы»; посвященіе же гласитъ: «Его милости разжалованному отставному сержанту, дворянской думы копіисту, архивариусу безъ архива, управителю безъ имѣнія и стихотворцу безъ вкуса». По отъѣздѣ его многіе изъ тамбовцевъ, знавшіе, что авторъ надѣлавшей столько шуму рѣчи былъ не кто иной, какъ Державинъ, стали поговаривать объ этомъ смѣлѣе, а когда З—нъ пришелъ за полученіемъ пен-

си, его осмѣяли въ глаза. Это огорчило З—на, и онъ рѣшается доказать, что онъ не чуждъ литературныхъ дарованій, и сочиняетъ книгу въ 6-ти томахъ подъ заглавіемъ: «Арфаксадъ, халдейская повѣсть» (М. 1793—96 гг.), въ которой описываетъ древніе нравы Востока, соединеніе людей въ гражданскомъ обществѣ, потрясеніе городовъ, судьбу царствъ, дѣла и славу войны и благоденствіе мира. «Арфаксадъ» имѣлъ успѣхъ и доставилъ нѣкоторую извѣстность автору, обезпечивъ въ то же время его и матеріально. О немъ отзывался хорошо и Державинъ. Такой успѣхъ окрылилъ З—на, и онъ принялся съ большимъ рвеніемъ за продолженіе своихъ литературныхъ занятій. Въ 1796 г. онъ выпускаетъ въ Москвѣ другое свое произведеніе, имѣвшее также успѣхъ: «Путь ко благодравію, или сокращенное наставленіе обучающемуся юношеству, содержащее въ себѣ полезныя и нравоучительныя правила для всякаго званія и состоянія людей». Пробывъ въ Москвѣ съ 1790 по 1797 г., З—нъ, по приглашенію начальника Черноморскаго флота, адмирала Н. С. Мордвинова, увлекшагося его романомъ «Арфаксадъ», переѣхалъ въ Николаевъ, гдѣ получилъ мѣсто школьнаго учителя, хорошее жалованье, а впоследствии и офицерскій чинъ. Въ Николаевѣ З—нъ издалъ въ 1798 г. вторично быстро разошедшіяся свои сочиненія: «Арфаксада», подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: «Арфаксадъ, халдейская вымышленная повѣсть, содержащая въ себѣ образъ жизни и нравовъ древнихъ восточныхъ народовъ» и «Путь ко благодравію», а также и знаменитую рѣчь, вышедшую первымъ изданіемъ еще въ 1786 г. въ Тамбовѣ. Въ 1798 же году онъ издалъ новыя свои сочиненія: «Приключенія Клеандра, храбраго царевича лакедонскаго, и Ніотильды, королевы Фракійской (Ник. 1798 г.), поэму (стихами) «Пожарскій», въ 12-ти пѣсняхъ, и «Новый синописисъ, или краткія описанія о происхожденіи славяно-россійскаго народа; владычествованіе всероссійскихъ государей въ Новѣгородѣ, Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ, съ подробнымъ повѣствованіемъ полководца Мамаю, отъ Дмитрія Іоанновича, великаго князя московскаго, и о послѣдующихъ по немъ великихъ князьяхъ и царяхъ до вступленія на престолъ государя императора Петра Великаго». Любимою мечтою

З—на было представить китайскаго мудреца Конфуція путешествующимъ по разнымъ государствамъ, но мечту эту ему не удалось осуществить, и онъ скончался въ Николаевѣ. Годъ смерти его опредѣляется разнo: одни относятъ къ 1798, другіе къ 1800 и третьи къ 1810 г.

«Другъ Просвѣщенія» 1806 г., № 10, стр. 51.—«Отечествен. Записки» 1823 г., ч. XIII, стр. 80—98.—«Московскія Вѣд.» 1859 г., №№ 190, 192, 194, 195.—«Русская Бесѣда» 1859 г., № 3, стр. 263.—*Е. Салиасъ*, «Поэтъ Державинъ и правитель намѣстничества» («Русскій Вѣстникъ» 1876 г., № 10, стр. 571—578).—*А. Никольскій*, «Козловскій одиодворецъ П. М. Захарьинъ» («Русская Стар.» 1896 г., № 4, стр. 183—190).—*Г. Р. Державинъ*, Сочиненія (академич. изд., по указателю).—*Геннади*, Словарь, т. II, стр. 26.

Н. П.

Захарьинъ, *Тимоѳей*, переводчикъ конца XVIII в., имъ переведено съ нѣмецкаго соч. Шарлоты Фонъ-дерь-Реке: «Описаніе пребыванія въ Митавѣ извѣстнаго Калиостра на 1779 годъ и произведенныхъ имъ тамо магическихъ дѣйствій» (П. 1787 г.) и съ французскаго 1) соч. d'Anglesi: «Совѣты военнаго человѣка сыну своему, писанные барономъ А***, пѣхотнымъ полковникомъ» (П. 1787 г.) и 2) соч. де-Саси: «Друзья-соперники» (П. 1779 г.).

Геннади, Словарь, т. II.—*Губерти*, Материалы, т. II, стр. 118.—*Остроглазовъ*, Рѣдкости, стр. 227.

Зацѣпинъ, *Дмитрій Константиновичъ*, полковникъ, изслѣдователь Туркестанскаго края, пользовавшійся большою извѣстностью въ Туркестанѣ за то участіе, которое онъ принималъ въ устройствѣ и поддержаніи мѣстнаго дѣтскаго приюта. Въ продолженіе своего болѣе чѣмъ 20-тилѣтнаго пребыванія въ Туркестанскомъ краѣ З—нъ составилъ весьма цѣнный и интересный этнографическій альбомъ, заключающій въ себѣ нѣсколько сотъ рисунковъ красками. Вообще онъ немало занимался изслѣдованіемъ края и помѣстилъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» двѣ статьи: «О способахъ измѣренія земли у туземцевъ Туркестанскаго края» и «Развалины Шаракія». Предметы, добытые имъ при изслѣдованіи этихъ развалинъ, находятся въ Ташкентскомъ музеѣ. Скончался З—нъ 5 февраля 1887 года.

«Новое Время» 1887 г., № 3959.

Зацѣпинъ, *Иванъ Яковлевичъ*, с. с., ординарный проф. Московской медико-

хирургической академіи, изъ духовнаго званія; въ 1816 г. поступилъ въ Сиб. медико-хирургическую академію, откуда въ 1820 г. перешелъ своекоштнымъ въ Московскій университетъ; по окончаніи въ 1823 г. университета съ званіемъ доктора онъ въ слѣдующемъ году получилъ степень доктора медицины, а въ 1825 г. опредѣлился учителемъ и библиотекаремъ въ Московскій кадетскій корпусъ, гдѣ съ 1830 г. состоялъ и младшимъ лѣкаремъ. Въ 1833 г. З—нъ былъ уволенъ отъ должности учителя и въ 1835 г. назначенъ адъюнктомъ-профессоромъ терапевтической клиники Московской медико-хирург. академіи. По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ З—нъ нѣкоторое время слушалъ лекціи, онъ въ той же академіи читалъ энциклопедію медицины. Въ 1837 г. З—нъ приступилъ къ изданію одного изъ первыхъ медицинскихъ органовъ — «Терапевтическаго журнала», который выходилъ до 1844 г., при чемъ въ 1842 и 1843 гг. выходилъ неправильно, съ перепутанной номерацией и состоялъ по большей части изъ отдѣльныхъ переводовъ учебниковъ, выходившихъ иногда ранѣе появленія въ журналѣ, или изъ перепечатокъ. Въ 1840 г. З—нъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ и ученымъ секретаремъ, но въ 1845 г., по случаю закрытія академіи, остался за штатомъ. Съ 1847—61 гг. онъ состоялъ сверхштатнымъ врачомъ Константиновскаго межевого института въ Москвѣ, а затѣмъ врачомъ при гимназій министерства народнаго просвѣщенія, въ каковой должности и скончался въ ноябрѣ 1865 года.

З—нъ оставилъ послѣ себя рядъ оригинальныхъ и переводныхъ научныхъ работъ: «De alcalibus eorumque combinationibus» (Diss. M. 1824 г.); «Ученіе о жизни вообще и о жизни человѣка въ особенности, какъ таковымъ предметѣ, на которомъ утверждается врачебная наука» («Терапевт. Журн.», 1838 г.); «Взглядъ на состояніе медицины и въ особенности въ Германіи и Франціи» (тамъ же, 1839 г.); «О болѣзненныхъ явленіяхъ, господствующихъ въ Германіи»; «Славны бубны за горами». (Изъ путевыхъ замѣтокъ автора, тамъ же, 1839 г.); «Фармакологія для практическаго употребленія» (M. 1840 г.); «О постной и скоромной пищѣ» (M. 1841 г.); «Анатомія, физиологія и психологія человѣка» (изъ публичныхъ чтеній энцикло-

педіи медицины. М. 1848 г.); «Западные европейцы и русскіе». Доктора Панезица (анаграмма) М. 1862 г. и «О сближеніи медицинскіхъ понятій о человѣкѣ со внушеніями св. вѣры и здоровой философіи» (Публичныя лекціи М. 1863 г.). Изъ переводныхъ же работъ З—на извѣстны слѣдующія: «Семіотика, или признаковѣдніе, т. е. наука о признакахъ болѣзненнаго состоянія человѣка», К. Шпренгеля, съ нѣмецк. (М. 1825 г.); «О лѣченіи болѣзней отъ многодѣйствующихъ средствъ и о судебноврачебномъ осмотрѣ потерпѣвшихъ вредъ отъ оныхъ», П. Шнейдера, съ нѣм. (М. 1825); «Руководство къ физическому и нравственному воспитанію женскаго пола по Е. Дарвину» (соч. обработанное и дополненное Гүфелндомъ), съ нѣмецк. (М. 1825); «О мѣрахъ врачебной полиціи противу обстоятельствъ вредныхъ обществу или о вредныхъ вещахъ, угрожающихъ здоровью людей въ пищѣ, питъи и другихъ необходимыхъ въ общежитіи предметахъ, о средствахъ узнавать умысленныя и неумысленныя вредныя подмѣсы и предохранити здоровье отъ опасности, также о вредномъ вліяніи на общество и искорененіи ядовитыхъ растений и лжеврачей, или шарлатановъ», П. Шнейдера, съ нѣм. (М. 1827 г.); «Частная терапія», т. 5-й, Рихтера, съ нѣм. (М. 1829 г.); «Извѣстіе о составленіи привилегированнаго водянопыльнаго купальнаго аппарата, въ видѣ шкафа, посредствомъ котораго 8-ю штофами воды, въ продолженіе 15-ти минутъ, купаться можно», Шнейдера, съ нѣм. (М. 1831); «Начальныя основанія практической медицины», Куллена, съ англ. (М. 1836 г.) и «Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ или искусство воспитывать, предохранять и лѣчить простыми средствами коровъ, лошадей, овецъ и проч.», Шнейдера, съ нѣм. (М. 1853).

«Протоколы засѣданій Москов. физико-медич. общества за 1866—67 гг.»—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писателяхъ и ученыхъ», кн. II, стр. 27.—*Змиевъ*, «Русскіе врач.-писатели», вып. I, стр. 115—116.—«Москвит.» 1848 г., ч. I, № 2, стр. 18.—«Рус. Стар.» 1882 г., т. 36, № 11, стр. 357.

Н. З.

Зацѣпинъ, Николай Константиновичъ, полковникъ, командиръ 3-го сапернаго баталіона, художникъ. Родился въ 1819 году, умеръ 11 мая 1855 года. Происходилъ изъ дворянъ. Воспитывался въ главномъ инженерномъ училищѣ и окон-

чилъ курсъ офицерскіхъ классовъ (впослѣдствіи инженерная академія). Въ 1837 году былъ выпущенъ на дѣйствительную службу въ л.-гв. саперный баталіонъ прапорщикомъ, съ оставленіемъ при училищѣ. Въ 1841 г. командированъ на Кавказъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ горцами. Во время Крымской войны (1854—55) онъ командовалъ 3-мъ сапернымъ баталіономъ, принималъ дѣятельное участіе въ укрѣпленіи Севастополя и въ геройской его оборонѣ, гдѣ въ ночь съ 10 на 11 мая 1855 года былъ пораженъ на смерть непріятельской пулей въ шею. З—пинъ былъ ученикъ К. П. Брюлова, обладалъ прекраснымъ художественнымъ талантомъ и состоялъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской Академіи Художествъ (1849 г.), отъ которой неоднократно получалъ поощрительныя награды. Къ числу наилучшихъ его произведеній принадлежатъ: «Монастырки на клиросѣ», очень живая, согрѣтая теплымъ чувствомъ художника картина, обратившая на себя всеобщее вниманіе на выставкѣ 1853 г., и «Иванъ Сушанинъ», многообѣщавшая, но незаконченная картина, которую онъ занимался съ особой любовью въ 1853 г., передъ самымъ началомъ Крымской кампаніи. О первой изъ нихъ давался въ то время такой отзывъ: «Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, стѣснились за перилами, иныя смотрятъ въ молитвенникъ, другія подняли голову къ небу, или обратились въ другую сторону. Есть лица, коихъ выраженія по истинѣ прекрасны; вообще же вся эта группа, полная свѣжести и красоты очень привлекательна. Художникъ очень натурально соединилъ два свѣта: справа дневной, слѣва изъ-за колонны красноватый свѣтъ свѣчей».

Послужной списокъ въ Московскомъ отд. общаго Архива Главнаго Штаба, кн. 1854 г., № 16187. — «Одесскій Вѣстникъ», 1855 г., № 65. — «Сѣверная Пчела», 1852 г., стр. 894; 1855 г., № 136. — *Петровъ*, «Матеріалы по исторіи Академіи Художествъ», т. III, стр. 108. — «С.-Петербург. Вѣдом.» 1852 г., стр. 925.
П. С—скій.

Збіевскій, Тимофей Ивановичъ, генералъ-майоръ, родился въ 1767 г., былъ сыномъ бѣднаго польскаго шляхтича и въ дѣтствѣ не получилъ никакого образованія. Сдѣлавшись русскимъ подданнымъ по второму раздѣлу Польши, онъ въ 1783 г. поступилъ въ русскую армію

рядовымъ въ Екатеринославскій егерскій корпусъ и въ томъ же году произведенъ былъ въ каптенармусы. Съ 1787 г. началась для З—скаго боевая жизнь. Въ августѣ этого года Екатеринославскіе егеря вошли въ составъ арміи Потемкина, а весною 1788 г. часть корпуса поступила на гребную флотилію, назначенную дѣйствовать во время осады Очакова на Днѣпровскомъ лиманѣ подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена; въ числѣ егерей, отосланныхъ на суда, находился и З—скій. Онъ принималъ участіе въ четырехъ большихъ сраженіяхъ (7, 17, 18 іюня и 1 іюля), нанесшихъ турецкому флоту чувствительный уронъ, а затѣмъ находился при осадѣ Очакова (до ноября), когда флотилія ушла на зимовку въ устья Днѣпра. Въ слѣдующемъ 1789 г. З—скій былъ при занятіи Каушанъ, Аккермана и Бендеръ; въ іюлѣ 1790 г. переведенъ былъ въ Днѣпровскій приморскій гренадерскій корпусъ, 1 октября того же года произведенъ въ адъютанты и затѣмъ вошелъ въ составъ гребной флотиліи де-Рибаса, которая должна была содѣйствовать войскамъ, обложившимъ Измаилъ. На этотъ разъ З—скій находился сперва въ дѣлѣ противъ турецкаго отряда, защищавшаго входъ въ Сулинское гирло Дуная, а потомъ при взятіи крѣпости Тульчи и Исаичи. На измаильскомъ приступѣ 11 декабря онъ былъ въ числѣ первыхъ, взшедшихъ на неприятельскій валъ, за что, по представленію Суворова, произведенъ былъ въ поручики и награжденъ золотымъ знакомъ на георгиевской лентѣ. Въ 1791 г. З—скій былъ съ кн. С. Ѳ. Голицынымъ у Браилова и съ М. Л. Кутузовымъ въ поискѣ подъ Бабадагомъ, а послѣ окончанія кампаніи, въ 1793 г., переведенъ былъ во вновь учрежденный легко-гренадерскій баталіонъ, который по положенію долженъ былъ состоять изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ испытанной храбрости. По упраздненіи этого баталіона въ 1796 г. З—скаго перевели въ Таврическій гренадерскій полкъ, изъ списковъ котораго онъ въ слѣдующемъ году былъ исключенъ за находженіе въ командировкѣ безъ Высочайшаго разрѣшенія; но такъ какъ слѣдствие показало, что командировка З—скаго состоялась по распоряженію начальства, то онъ былъ оправданъ, вновь принятъ на службу въ Владимірскій мушкетерскій полкъ и вскорѣ

произведенъ въ капитаны. Въ 1798 г. З—скій получилъ чинъ маіора, а въ 1800 г.—подполковника. Съ 1804 г. онъ состоялъ командиромъ Владимірскаго полка, съ которымъ и принялъ участіе въ Аустерлицкомъ сраженіи (1805 г.). Находясь въ колоннѣ Дохтурова, которой пришлось выдержать борьбу не только съ превосходными силами неприятеля, но и съ разбушевавшейся стихіей (при переправѣ черезъ Сачанское озеро), З—скій выказалъ примѣрное мужество и былъ названъ Дохтуровымъ однимъ изъ достойнѣйшихъ его помощниковъ Импер. Александръ I пожаловалъ З—скому орденъ св. Георгія 4-го кл., а въ мартѣ 1806 г. онъ былъ произведенъ въ полковники. Въ послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ второй войнѣ съ Наполеономъ З—скій обратилъ на себя всеобщее вниманіе, а Владимірскій полкъ, воодушевленный его примѣромъ, дѣлалъ чудеса храбрости. Походъ 1807 г. далъ отважному полковнику нѣсколько наградъ: за Голминъ—орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, за Прейсшъ-Эйлау—орденъ св. Анны 2-го кл. и за Гутштадтъ—золотую шнагу съ надписью «за храбрость»; въ послѣднемъ сраженіи З—скій былъ контуженъ въ лѣвый бокъ.

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира З—скій два года стоялъ на западной границѣ имперіи, а въ 1809 г. назначенъ былъ шефомъ Мингрельскаго мушкетерскаго полка, входившаго въ составъ Молдавской арміи кн. Багратіона (потомъ гр. Каменскаго). Здѣсь онъ участвовалъ при осадѣ и покореніи Браилова, послѣ чего сопровождалъ браиловскій гарнизонъ до Калараша. Въ 1810 г., по взятіи Силистріи, онъ былъ награжденъ алмазными украшениями къ ордену св. Анны 2-го кл., при чемъ на него снова было возложено конвоированіе плѣннаго гарнизона до Шумлы. Исполнивъ это порученіе, З—скій присоединился къ колоннѣ гр. Ланжерона, стоявшей близъ Шумлы, и вновь имѣлъ случай отличиться въ упорномъ бою съ пашею Ахметъ-беємъ, за что, по ходатайству гр. Каменскаго, произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Съ войсками гр. Ланжерона З—скій двинулся къ Русууу и былъ тамъ до паденія крѣпости, когда назначенъ былъ въ отрядъ ген. Засса, посланный въ Малую Валахію. Въ апрѣлѣ 1811 г. мѣсто заболѣвшаго гр. Каменскаго заступилъ Куту-

зовъ. Отрядъ Засса составлялъ правое крыло его арміи, при чемъ авангардомъ, стоявшимъ противъ Виддина, командовалъ З—скій. Послѣднему поручено было всѣми силами удерживать тридцатитысячную армію Серезскаго паши Измаиль-бея отъ переправы на лѣвый берегъ Дуная. Когда же турки стали переходить рѣку ниже Виддина, З—скій, видя совершенную невозможность своими двумя баталіонами остановить непріятеля на правомъ берегу Дуная, перешелъ къ селенію Копурчени и занялъ здѣсь край болота, перерѣзавъ единственныя двѣ тропинки, по которымъ могло двигаться турецкое войско въ этой мѣстности. Заслуга З—скаго въ этомъ случаѣ была очень велика: черезъ день подоспѣлъ ген. Зассъ, который, не находя словъ благодарить З—скаго, поручилъ ему отдѣльный отрядъ на лѣвомъ крылѣ. Послѣ упорнаго боя турки принуждены были отойти за Дунай. За свой подвигъ З—скій, по представленію Кутузова, получилъ орденъ св. Георгія 3-го кл. Въ августѣ того же года онъ имѣлъ еще нѣсколько дѣлъ съ турками, которыми такъ и не удалось проникнуть въ Малую Валахію. Тогда Измаиль-бей передвинулся къ Калафату, и здѣсь, вторично перейдя Дунай, 7 сентября атаковалъ отрядъ Засса; полкъ З—скаго понесъ въ этомъ дѣлѣ большой уронъ, будучи атакованъ на гористой позиціи, гдѣ артиллерія могла дѣйствовать только съ большимъ трудомъ. Свои нападенія непріятель возобновлялъ два раза. Наконецъ, въ исходѣ сентября Кутузовъ предписалъ Зассу послать отрядъ на правый берегъ Дуная, чтобы тѣмъ побудить непріятеля къ отступленію. Это порученіе Зассъ возложилъ на гр. Воронцова, назначивъ въ его отрядъ и полкъ З—скаго. 7-го октября Воронцовъ перешелъ Дунай выше Калафата у Груи и спустился на Виддинскую равнину. Слѣдствіемъ этого движенія было удаленіе войскъ Измаиль-бея съ лѣваго берега Дуная. Отрядъ Воронцова, успѣшно выполнившій свое назначеніе, былъ отозванъ и дѣйствіями подъ Виддиномъ окончилось участіе З—скаго въ Турецкой войнѣ.

Въ началѣ Отечественной войны 1812 г. З—скій состоялъ въ Дунайской арміи Чичагова; переправился съ корпусомъ Булатова черезъ Стырь и, слѣдуя вдоль австрійской границы на Владиміръ-Во-

лынский и Устилугъ, прибылъ къ Любомлю, гдѣ Чичаговъ и Тормасовъ предполагали атаковать Шварценберга. Когда Чичаговъ затѣмъ двинулся къ Минску, З—скій посланъ былъ къ Кобрину для надзора за раздачею запасовъ изъ тамошнихъ магазиновъ; потомъ онъ состоялъ въ главномъ резервѣ арміи Чичагова, а въ послѣднихъ числахъ сентября вошелъ въ составъ боевого корпуса Сакена, съ которымъ участвовалъ въ вытѣсненіи непріятеля изъ дер. Плюсокъ, близъ Бѣловѣжа, и въ прогнаніи его на правый берегъ Нарева; былъ затѣмъ въ сраженіи подъ Волковискомъ и при пораженіи Булатовымъ непріятельскаго авангарда у мѣстечка Цѣхановца. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1812 г. З—скій вступилъ въ Варшавское герцогство и оставался здѣсь до осени 1813 г., когда ему поручено было состоять съ Мингрельскимъ полкомъ въ польской арміи Беннигсена. Съ этой арміей онъ побывалъ въ Пруссіи, Саксоніи, Мекленбургѣ и Голштиніи, а съ 13 января по 19 мая 1814 г. находился при осадѣ Гамбурга. Съ 1 сентября 1814 г. З—скій вступилъ въ командованіе 2-й бригадой 16 пѣхотной дивизіи, въ составъ которой входили полки Камчатскій и Мингрельскій, и съ ней перешелъ въ корпусъ ген. Ермолова.

Въ февралѣ 1817 г. состоялось послѣднее назначеніе З—скаго комендантомъ Бендеръ, въ каковой должности онъ и скончался 18 февраля 1828 г.

Михайловскій-Данилевскій и Висковатовъ, «Военная галлерей Зимняго дворца», выпускъ 65, Спб., 1846 г.

А. Г.

Зборжевскій, *Войтъкъ*, натуралистъ, профессоръ Кременецкаго лицея, затѣмъ преподаватель Полтавской гимназіи, родомъ изъ Подоліи; въ 1830 г. во время научной экскурсіи профессора Эйхвальда въ Волыни, Подоліи и Литвѣ былъ его дѣятельнымъ помощникомъ и обратилъ на себя вниманіе выдающагося ученаго своими познаніями, особенно въ области палеонтологіи. По образованію математикъ, З—скій въ то же время основательно изучилъ языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій и отлично рисовалъ, но любимѣйшими предметами его занятій были палеонтологія и метеорологія, для изученія которыхъ онъ не щадилъ ни средствъ, ни здоровья.

Изъ научныхъ работъ его въ печати известны: «Observations microscopiques sur quelques fossiles rares de Podolie et Volhynie», «Postrzeżenia nad spadającym gwiazdami w Pultawie» («Tygodnik Petersburgski» 1841 г., № 67) и «Pomysły do nauk przyrodzonych a mianowicie zoologii» («Przegląd naukowy» 1846 г., стр. 285). Кроме того, имъ же приготовлены были къ печати еще слѣдующіе труды: «Koło kosmologiczne, czyli listy naturalisty Podolanina do Mazura i Litwina», «Podróże po kraju z mnóstwem rysunków, wyobrażających najpiękniejsze miejsca na Wołyniu i Podolu» и «Postrzeżenia meteorologiczne nad stanem nieba i atmosfery pod czas zaćmienia słońca, sprawionego księżycem, z uwagą na stan electro-dynamiczny».

З—скій состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ Московскаго Общества испытателей природы, и обладалъ цѣнной палеонтологической коллекціей. Впослѣдствіи онъ жилъ въ Москвѣ. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28; 1904 г., т. XVI.—*J. Majorzewicz*, «Pisma pomniejszych», Варшава, 1852 г., ч. II, стр. 147—153.

Збруевъ, Алексѣй Алексѣевичъ, русскій граверъ, ученикъ Н. И. Уткина. Во время обученія въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ оказалъ большіе успѣхи въ рисованіи и по окончаніи его былъ принятъ на стипендію импер. Маріи Ѳеодоровны казеннымъ пенсіонеромъ въ Академію Художествъ, въ классъ гравированія. Но такъ какъ по своимъ лѣтамъ онъ не могъ быть принятъ воспитанникомъ, то былъ, 22 марта 1819 г., зачисленъ въ число оставляемыхъ при Академіи для усовершенствованія. Въ 1823 г. за третій экзаменъ З—въ получилъ первую награду—серебряную медаль 2-го достоинства. Въ 1824 г. ему было поручено выгравировать Божию Матерь съ картины профессора Егорова; за эту работу онъ былъ награжденъ аттестатомъ 2-й степени; въ слѣдующемъ 1825 г. имъ была получена серебряная медаль 1-го достоинства, а черезъ два года за эстампъ, «выгравированный имъ грабшникомъ съ картины Леонардо да Винчи, представляющей Иродіаду, держащую на блюдѣ главу Іоанна Крестителя», получилъ золотую медаль 2-го достоинства. Этотъ эстампъ былъ на академической выставкѣ 1827 г.,

при чемъ находили, что онъ «весьма удачно выполненъ, особенно въ отдѣлкѣ лица Иродіады много мягкости и пріятности. Колоритъ въ подлинной картинѣ очень темень, но молодой художникъ сдѣлалъ все, что могъ, для избѣжанія однотонности». Эстампъ этотъ былъ посвященъ З—вымъ своей покровительницѣ, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Начатая такъ блестяще карьера художника по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ прервалась; художникъ не выступилъ конкурентомъ на первую золотую медаль, а вышелъ изъ Академіи и переѣхалъ учителемъ рисованія въ Москву, гдѣ и умеръ—по словамъ Іордана—отъ холеры въ 1832 г. Изъ другихъ работъ З—ва известна гравюра рисунка А. Потбека «Татьяна съ письмомъ» въ «Невскомъ Альманахѣ» за 1829 г., по поводу которой кн. П. А. Вяземскій писалъ Пушкину, что этотъ рисунокъ Татьяны всѣхъ пугалъ въ Москвѣ и просилъ прислать альманахъ въ Пензу, чтобы «пугать» пензенскихъ барышень. Дѣйствительно, рисунокъ А. Потбека не можетъ быть названъ художественнымъ, но участіе З—ва, выразившееся хотя бы въ гравированіи рисунка для «Невскаго Альманаха», до известной степени свидѣтельствуетъ, что онъ уже пользовался славою гравера и успѣлъ завязать связи среди лучшихъ литераторовъ того времени.

Петровъ, «Матеріалы для исторіи Академіи Художествъ», т. II, стр. 172, 188, 190, 207, 214.—*Ровинскій*, «Словарь гравировъ», стр. 241.—«Сѣв. Пчела» 1827 г., № 117.—«Переписка Пушкина» (англ. изд., т. II, стр. 86).
П. С—кій.

Збукирева, Екатерина Яковлевна, первая изъ русскихъ сестеръ милосердія, умерла 10 октября 1886 г. Во время Севастопольской кампаніи она обратила на себя всеобщее вниманіе своимъ подвижничествомъ и принесенными ею на алтарь отечества жертвами. З—ва все свое небольшое состояніе положила въ излюбленное ею дѣло ухода за ранеными, удостоилась лестнаго письменнаго отзыва отъ главнокомандующаго князя Меншикова и въ теченіе своей слишкомъ тридцатилѣтней дѣятельности была неоднократно награждаема орденами и другими знаками отличія. Она принимала также участіе въ качествѣ сестры милосердія и въ Русско-турецкой войнѣ въ 1877—78 гг. Умерла

З-ва въ крайней бѣдности почти въ ничетѣ, не оставивъ послѣ себя даже денегъ на похороны. Въ бумагахъ ея сохранилось нѣсколько писемъ и документовъ о Севастопольской кампаніи.

«Новое Время» 1886 г., № 3817.

Зышевскій, Владиславъ Иеронимовичъ, лейтенантъ, службу началъ юнкеромъ въ Черноморскомъ флотѣ (1851 г.); произведенный черезъ два года (1853 г.) въ мичманы, онъ на корветѣ «Пиладъ» участвовалъ при бомбардированіи занятаго турками Николаевскаго укрѣпленія, а затѣмъ на кораблѣ «Парижъ» былъ въ кампаніи на Севастопольскомъ рейдѣ; въ 1854—55 гг. онъ находился въ составѣ севастопольскаго гарнизона при защитѣ Севастополя отъ нападенія англо-французовъ и награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-й степени «за храбрость» и 3-й ст. съ мечами. Въ 1857 г. З-скій былъ произведенъ въ лейтенанты, съ переводомъ изъ Балтійскаго въ Черноморскій флотъ, и по совершеніи плаваній въ Тихомъ океанѣ у береговъ Китая и Японіи скончался 1-го октября 1863 г. Ему принадлежитъ статья, помѣщенная въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1857 г. подъ заглавіемъ: «Нѣсколько мыслей относительно машинъ высокаго давленія, примѣняемыхъ къ мореплаванію».

«Общій морской списокъ», ч. X, стр. 172—173.

Звалинскій, Елевсерій Ивановичъ, полковникъ, родился 16 іюля 1798 г., умеръ въ Москвѣ 24 января 1834 г. Налечалъ двѣ пьесы для театра: оперу въ 1 дѣйств. «Женщина-полковникъ» (М., 1824 г., соч. Скриба и Деламина, переводъ З-скаго) и водевилъ въ 1 дѣйств. «И еще домъ сумасшедшихъ».

«Роспись российскимъ книгамъ для чтенія изъ библ. Ал. Смирдина», Спб., 1828 г. (по указателю). — П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», стр. 372. — «Московский Некрополь». — *Геннадіи*, Словарь, т. II.

Званцевъ Константинъ Ивановичъ, писатель по музыкѣ, родился 14 декабря 1823 г., образованіе получилъ въ Петроградскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1846 г. по разряду общей словесности (философскаго факультета) дѣйствительнымъ студентомъ, и 20 сентября того же года поступилъ на службу въ

православное духовное вѣдомство. Сверхъ служебныхъ занятій, онъ удѣлялъ много времени изученію литературы и музыки, а съ 1858 г., по выходѣ въ отставку, будучи человекомъ обеспеченнымъ, всецѣло посвятилъ себя этимъ занятіямъ. На музыкально-литературномъ поприщѣ онъ выступилъ по совѣту композитора А. Н. Сѣрова, съ которымъ, начиная съ 1857 г., былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и который видѣлъ въ З-вѣ истиннаго знатока и цѣнителя музыкальныхъ произведеній. Вмѣстѣ съ Сѣровымъ З-въ сотрудничалъ въ «Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ» Раппопорта («Айра-Элдриджъ») — очеркъ его жизни и представленій, 1858 г., №№ 46—48; отдѣльно — Спб., 1858 г. и Одесса 1861 г.) и въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ, преимущественно по театру. Будучи горячимъ поклонникомъ Вагнера, онъ выступилъ въ защиту идеаловъ любимаго композитора на страницахъ «Сына Отечества» (1857 г., № 25) съ статью «О Рихардѣ Вагнерѣ, по случаю новаго сочиненія А. Д. Улыбышева», въ которой съ увлеченіемъ доказывалъ, что идеалъ вагнеровской драмы осуществилъ въ себѣ все, къ чему стремились, съ одной стороны, Глюкъ, Метюль, Моцартъ, Россини, Бетховенъ, Веберъ, Глинка, а съ другой стороны — древніе трагики, ихъ французскіе подражатели, Шекспиръ, Лессингъ, Гете, Шиллеръ и драматурги современной ему Европы. По словамъ Сѣрова, З-въ принадлежалъ къ числу вагнеристовъ «болѣе ярыхъ, чѣмъ самъ Вагнеръ». Ко времени увлеченія Вагнеромъ относятся и его переводы либретто «Лоэнгина» и «Тангейзера». Надъ первымъ изъ нихъ З-въ трудился три года (1863—1866 гг.), имѣя въ виду одну только цѣль: вѣрно до мелочей передать текстъ подлинника, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ каждомъ словѣ, въ каждомъ акцентѣ былъ расчетъ на осуществленіе этого слова и этого акцента въ музыкѣ, безъ малѣйшаго ея измѣненія. Въ результатѣ переводъ «Лоэнгина» выпелъ почти подстрочнымъ и вполнѣ приносившимъ къ музыкѣ, но въ жертву акустическому эффекту переводчику пришлось принести всякую претензію на достоинства перевода собственно литературнаго. Сдѣланная прозой, мѣстами риемованная, и напечатанная въ либретто въ видѣ сти-

ховъ, переводъ этотъ отмѣченъ былъ критикой, какъ «варварски-оригинальный», и даже Сѣровъ, высоко оцѣнившій въ данномъ случаѣ «самоотверженіе» З—ва, находилъ, что русскій текстъ «Лозангрена» только поется очень удобно, но читается «не совсѣмъ гладко и мѣстами выходитъ страненъ до дикости». То же можно сказать и о либретто «Тангейзера»: и здѣсь въ угоду точной передачѣ вагнеровскаго текста З—ву нерѣдко приходилось отказываться отъ основныхъ требованій русскаго стихосложенія. Музыкальныя достоинства переводовъ З ва, впрочемъ, были вполне оцѣнены, и по его либретто названныя оперы поставлены были у насъ на сценѣ. Страстно любя театръ и въ особенности оперу, З—въ усердно слѣдилъ за специальной литературой по этому вопросу и самъ пробовалъ писать либретто. Онъ собралъ и издалъ матеріалы, касающіеся библиографіи по «Донъ-Жуану»; отыскавъ не менѣе сотни авторовъ, избравшихъ этотъ типъ предметомъ для своихъ произведеній; передѣлалъ для русскои сцены оперу «Юланта» («Дочь короля Рене»), подгонялъ тексты подъ музыкальные отрывки Сѣрова и переводилъ либретто, написанныя съ той же цѣлью лекторомъ итальянскаго языка И. А. Джустиніани; написалъ либретто на сюжетъ «Франческа да Римини» (осталось въ рукописи), а послѣдніе годы своей жизни работалъ надъ передѣлкой для оперной сцены романа гр. Салиаса «Атаманъ Уста». Увлечение З—ва Вагнеромъ въ это время значительно ослабѣло, и послѣднія либретто его какъ по содержанію, такъ и по планировкѣ уже далеко уклонялись отъ вагнеровскихъ идеаловъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ З—въ сотрудничалъ въ «Баянѣ», а въ 1888 г. напечаталъ въ «Русской Старинѣ» свои интересныя воспоминанія о Сѣровѣ.

Изъ музыкальныхъ сочиненій З—ва въ печати извѣстно только одно: «La danza guergiera»; неизданной осталась написанная имъ музыка къ «Гамлету».

Скончался З—въ въ августѣ 1890 г.

«Альбомъ Симеонскаго», Спб., 1888 г., стр. 249. — «Историческій Вѣстникъ», 1890 г., № 11. — «Новое Время», 1868 г., № 234; 1874 г., № 22; 1890 г., № 5220. — Григорьевъ, «С.-Петербургскій университетъ», стр. LXXXIV. — В. Чешинскій, «Исторія русской оперы», Спб., 1905 г., стр. 166—168, 203, 347,

395. — «Музыкальный словарь» Римана, стр. 526. — «Русская Старина», 1878 г., т. XXI, стр. 154. — «Голосъ», 1868 г., № 278. — «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1868 г., №№ 278, 332. — «Русская историческая библиографія», 1857, 1858 и 1861 гг.

А. Г.

Зварковскій, Николай Акимовичъ, артиллеріи генералъ-лейтенантъ. Род. 9 декабря 1787 г., ум. 21 августа 1847 г. Въ 1818 г., еще будучи въ чинѣ полковника, перевелъ съ французскаго трудъ, озаглавленный: «Осады и обороны Сарагоссы», въ составъ котораго вошли сочиненія бар. Ронье и Мануэля Кавальеро объ осадѣ Сарагоссы и, въ видѣ приложенія, статья ген. Карно, содержащая описаніе осадъ г. Сагунта и Нуманціи. Удачный переводъ одобренъ былъ инженернымъ вѣдомствомъ и отмѣченъ критикой, какъ интересный и цѣнный въ научномъ отношеніи трудъ, а авторъ его удостоился получить выраженіе Высочайшаго благоволенія. Впослѣдствіи З—скій состоялъ членомъ Военно-ученаго комитета.

«Сынъ Отечества» 1819 г., № 4, стр. 180--181. — «Сѣверная Пчела» 1847 г., № 201. — Геллади, Словарь, т. II. — «Петербургскій Некрополь».

Зварыкинъ, Федоръ Василевичъ, ген.-майоръ, родился 10 апрѣля 1765 г. и происходилъ изъ дворянъ Костромской губерніи. Въ январѣ 1770 г. былъ опредѣленъ отцомъ своимъ, отставнымъ капитаномъ Василіемъ Ивановичемъ, въ Сухопутный кадетскій корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ былъ выпущенъ поручикомъ въ Спб. гренадерскій полкъ, вошедшій съ открытіемъ второй Турецкой войны Екатерининскаго царствованія въ составъ войскъ украинской арміи фельдмаршала Румянцева. Проведя зиму въ Подолін, русскіе весной 1788 г. двинулись къ Хотину. З—кинъ принялъ участіе въ осадѣ и покореніи этой крѣпости, сдавшейся 18-го сентября послѣ чего съ войсками князя Рѣпинна сражался на р. Сальчѣ противъ сераскира Гассана-паши и участвовалъ въ бомбардировкѣ Изманта. Въ ноябрѣ 1790 г. во время приступа къ Килии З—кинъ былъ тяжело раненъ въ голову; но едва только оправившись отъ раны, онъ снова вернулся въ строй и принялъ участіе въ Мачинской битвѣ. Переведенный (1792 г.) въ чинѣ капитана въ Таврической егерскій корпусъ, З—кинъ въ 1794 г. участвовалъ во многихъ дѣлахъ

съ польскими конфедератами и за отличие въ бояхъ получилъ чинъ секундъ-маіора, послѣ чего былъ переведенъ въ Смоленскій драгунскій полкъ. Съ уничтоженіемъ премьеръ-маіорскаго и секундъ-маіорскихъ чиновъ, 3—кинь былъ переименованъ въ маіоры и въ маѣ 1797 г. переведенъ въ Старонингерманландскій мушкетерскій полкъ. 7-го декабря 1799 г. онъ получилъ чинъ подполковника, а въ началѣ царствованія императора Александра переведенъ былъ въ 10-й Егерскій полкъ, съ которымъ въ апрѣлѣ 1806 г. принялъ дѣятельное участіе въ осадѣ и занятіи Хотина. Затѣмъ, поступивъ въ корпусъ генераль-лейтенанта Эссена, онъ былъ посланъ къ Брестъ-Литовску на соединеніе съ войсками, назначенными дѣйствовать противъ Наполеона. За отличие въ дѣлѣ 4-го февраля противъ корпуса Совари 3—кинь пожалованъ былъ орденомъ св. Анны 2 кл. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года онъ участвовалъ въ атакѣ авангарда французскаго генерала Клапареда у Ольшевой Борки, когда непріятель лишился всего своего лагеря. Вскорѣ по заключеніи Тильзитскаго мира 3—кинь возвратился съ 10-мъ Егерскимъ полкомъ въ Россію и черезъ полгода, 27-го января 1808 г., былъ назначенъ шефомъ Ширванскаго мушкетерскаго полка, съ которымъ въ 1809 г. находился въ походѣ въ Галицію противъ австрійцевъ. Во время Отечественной войны 1812 г., при общемъ отступленіи нашихъ войскъ отъ западной границы во внутрь Россіи, 3—кинь участвовалъ въ быстромъ переходѣ къ Свенцянамъ, оттуда въ лагерь подъ Дриссою, а затѣмъ къ Смоленску, гдѣ 5-го августа былъ раненъ пулею въ кисть лѣвой руки съ раздробленіемъ кости, и хотя во все остальное время войны 1812 г. слѣдовалъ за арміей, но не могъ принять личнаго участія въ битвахъ. За Смоленскъ ему былъ пожалованъ Владимирскій крестъ 4 ст. съ бантомъ. По изгнаніи французовъ изъ Россіи во второй половинѣ декабря 1812 г. 3—кинь съ мушкетерскимъ полкомъ былъ посланъ въ Варшавское герцогство; тамъ онъ оставался до апрѣля 1813 г., когда 24-й дивизіи приказано было двинуться въ Пруссію. Принявъ участіе въ блокадѣ Кюстрина, 3—кинь въ іюлѣ, передъ истеченіемъ Пойшвицкаго перемирія, поступилъ въ корпусъ барона Винцингероде, съ которымъ былъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ 6-го октября, а на дру-

гой день на приступѣ восточнаго или Гримскаго предместья Лейпцига. За отличие, оказанное въ этихъ бояхъ, 3—кинь былъ произведенъ въ генераль-маіоры. Отъ Лейпцига онъ въ рядахъ корпуса Винцингероде двинулся черезъ Артернъ къ берегамъ Везера и находился 27-го ноября въ отрядѣ Вуича при занятіи послѣ однодневной бомбардировки крѣпости Ротенбурга. Въ первыхъ числахъ января 1814 г. 3—кинь присоединился къ корпусу и, командуя бригадою изъ Ширванскаго и Уфимскаго полковъ, переправился черезъ Рейнъ у Дюссельдорфа. Въ февралѣ мѣсяцѣ онъ участвовалъ въ двукратномъ сраженіи подъ Суассономъ и находился въ битвѣ подъ Краономъ. Въ этой знаменитой битвѣ 24-ая дивизія находилась на правомъ крылѣ первой линіи и мужественно выдержала нѣсколько упорнѣйшихъ нападений непріятеля. При одномъ изъ нихъ 3—кинь лично водилъ Ширванскій полкъ въ штыки. Между тѣмъ французская конная дивизія генерала Лаферьера заскакала въ тылъ Ширванскому полку, но была обращена въ бѣгство. Отбивъ атаку конницы, ширванцы подверглись губительному дѣйствію направленной на нихъ артиллеріи. Ободряемые начальникомъ первой и второй боевыхъ линій, генераль-маіоромъ Лаптевымъ, ширванцы бросились на батарею; вскорѣ мѣсто сильно контуженнаго Лаптева занялъ 3—кинь, но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ былъ прострѣленъ пулею навзлеть. Между тѣмъ вся линія получила приказаніе отступать. Ширванцы, оставшись одни, были охвачены непріятельской конницей. Разстрѣлявъ патроны, они три раза при барабанномъ боѣ на штыкахъ пробивались сквозь конницу и присоединились къ линіи, принеся съ собой не только своего шефа, но и всѣхъ раненыхъ и тѣла убитыхъ офицеровъ. Награжденный за отличие подъ Краономъ Анненской лентой, 3—кинь вернулся въ 1814 г. въ Россію и былъ назначенъ командиромъ 2-ой бригады 24-ой пѣхотной дивизіи, съ которой въ слѣдующемъ году участвовалъ на знаменитыхъ смотрахъ нашей арміи подъ Вертю. По вторичномъ возвращеніи въ Россію онъ командовалъ около двухъ лѣтъ бригадою и 6-го апрѣля 1817 г. былъ назначенъ комендантомъ въ Витебскъ, а оттуда (30 апрѣля 1821 г.) въ Астрахань. Умеръ онъ 13-го сен-

тября 1826 г. въ Кисловодской крѣпости.

Мисайловскій - Дамилевскій и Висковатовъ, «Военная галлерей Зимняго дворца», т. V, Спб. 1848—1849 г.

И. Артамонова.

Звенигородскій, кн. *Андрей Дмитриевичъ*. Въ 1575 г. былъ однимъ изъ головъ въ Серпуховѣ въ полку боярина Ив. Вас. Шереметева, а въ 1581 г. въ Смоленскѣ. Въ 1582 г. онъ состоялъ воеводой въ Брянскѣ, а затѣмъ въ Торопцѣ. Въ 1583 г. онъ участвовалъ въ посольствѣ къ Смоленску для раздѣла плѣнныхъ и названъ по этому случаю «намѣстникомъ арзамасскимъ». Въ концѣ 1584 г., по «черниговскимъ и по путивльскимъ вѣстямъ», государь приговорилъ послать въ Черниговъ (намѣстникомъ тамъ былъ въ это время Писемской) воеводъ кн. Ив. Самсон. Туренина и кн. З-скаго, да голову Степана Фендрикова Благово. Въ городѣ велѣно быть: кн. Туренину и Писемскому, а въ острогѣ: кн. З-скому и Благово. Такое распределение осталось въ силѣ и на 1585-й годъ. Въ 1586—87 гг. кн. З-скій былъ однимъ изъ воеводъ въ Смоленскѣ въ крѣпости; въ началѣ 1588 г. отпущенъ былъ оттуда, а осенью того же года на ходился воеводой въ Волховѣ.

30-го мая 1594 года, въ царствованіе Феодора Иоанновича, кн. З-скій отправленъ былъ посломъ въ Персію къ шаху Аббасу (въ Кизильбаши, какъ въ то время называли Персію въ Московскомъ государствѣ). Эта посылка является выдающимся событіемъ къ служебной дѣятельности кн. З-скаго и вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ весьма важныя тогдашнія отношенія Московскаго государства къ Персіи, Турціи и Грузіи. Когда именно кн. З-скій возвратился въ Москву—намъ неизвѣстно; знаемъ только, что въ октябрѣ 1595 г., слѣдовательно почти полтора года спустя послѣ выѣзда изъ Москвы, онъ не прибылъ еще въ Казань, на обратномъ пути изъ Персіи. Съ кн. З-скимъ были посланы въ Персію: татарскій переводчикъ Степанъ Полухановъ, подьячій Дружина Кузьминъ, толмачъ Айдоръ Павловъ, посольскій шаха Аббаса при Московскомъ царскомъ дворѣ Ази-Хосровъ и кизильбашскій кречетникъ Булатъ-бекъ. По государеву указу отъ Казани до Астрахани всѣхъ ихъ должны были провозить сто стрѣльцовъ съ сотникомъ, а отъ Астрахани въ Персію тридцать «луч-

шихъ» стрѣльцовъ. Отъ царя Феодора Иоанновича были посланы шаху двѣ грамоты: одна въ отвѣтъ на грамоту шаха, присланную съ посломъ Ази-Хосровомъ, а другая о гонцѣ его Искндерѣ. Отъ Бориса же Годунова три грамоты: шаху, ближнему его человѣку Фергатъ-хану и гиланскому Мегди-Гулы-хану. Начало царской грамоты писано, по новому государеву указу, «съ прибавкою», вслѣдствіе того, что шахъ писалъ къ нему «со многую похвалою и высокословно». Цѣлю посольства было: сообщить шаху, что, согласно его просьбѣ, переданной въ 1590 г. его послами Бутакъ-бекомъ и Анди-бекомъ, царь Феодоръ Иоанновичъ, по докладу своего шурина, боярина Бориса Феодоровича Годунова, готовъ быть съ шахомъ «въ дружбѣ и въ любви мимо всѣхъ великихъ государей», и, какъ сказано въ царской грамотѣ, «дорогу твоимъ людямъ въ наши государства послы своими и посланники отворяемъ, и торговымъ людямъ ходити поволили безо всякаго задержанія». Борисъ Годуновъ далъ кн. З-скому наказъ, какъ онъ долженъ былъ править отъ него шаху поклонъ, явить «поминки» и подать грамоты; что касается гиланскаго Мегди-Гулы-хана и ближняго шахова человѣка Фергатъ-хана, то имъ, по наказу Годунова, грамоты и поминки долженъ былъ передать не кн. З-скій, а переводчикъ Полухановъ.

Пользуясь «Статейнымъ спискомъ» кн. З-скаго, передадимъ вратцѣ оего пребываніи въ Персіи и о тѣхъ бесѣдахъ, которыя велъ съ нимъ шахъ. Кн. З-скій прибылъ къ Гиланской пристани 22-го сентября и далъ знать о своемъ приѣздѣ пушечной стрѣльбой, вслѣдствіе чего за нимъ и за посольскими государевыми людьми были присланы изъ Гилани «сандалы», на которыхъ они, пересѣвъ изъ бусы, приѣхали въ тотъ же вечеръ къ пристани. Посольскій шаха Ази-Хосровъ и кречетникъ Булатъ-бекъ приѣхали въ Гиланъ на недѣлю позже, потому что, несмотря на уговоры кн. З-скаго, сѣли въ Астрахани на другую бусу, и на морѣ вѣтромъ ихъ разнесло: «погодье было встрѣчное великое».

Лишь черезъ полтора мѣсяца послѣ прибытія въ Гиланъ, кн. З-скій получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Кашанъ для представленія шаху. Причинами такого промедленія были сначала ожиданіе приѣзда въ Гиланъ Ази-Хосрова, а затѣмъ выяс-

неніе разныхъ недоразумѣній, какъ напр. требованіе пристава Амиркуни-князя, чтобы кн. З—скій дозволилъ приказнымъ гиланскимъ людямъ осмотрѣть привезенныя имъ отъ царя и отъ Годунова поминки, а также и его собственную рухлядь. Кн. З—скій заявилъ, что посламъ, посланникамъ и гонцамъ шаха Аббаса «въ государя нашего государствѣ повольность и честь бываетъ великая, и рухляди ихъ сильно не емлютъ и не переписываютъ, и такова безчестія надъ ними не живетъ». Кн. З—скій предупреждалъ, что если будетъ сдѣланъ осмотръ, то и въ Московскомъ государствѣ такъ же поступать съ послами шаха «и тѣмъ бы непригожимъ дѣломъ межъ государей доброму дѣлу поруха не учинилася».

3-го ноября, версты за двѣ до Кашана, кн. З—скій былъ встрѣченъ, по приказанію шаха, Шигаметъ-Агой и Ази-Хосровомъ, которыхъ сопровождало челоуѣкъ пятьдесятъ всадниковъ. Подъ самымъ Кашаномъ встрѣтили кн. З—скаго приблизительно тысяча пѣшихъ кашанскихъ жителей. Въ Кашанѣ кн. З—скому были отведены хоромы вблизи шахова дворца, откуда принесли и ковры для украшенія его жилища. Шигаметъ-ага съ товарищами заявили кн. З—скому, что шахъ распорядился выслать подъ него и подъ бывшихъ съ нимъ посольскихъ людей нарядныхъ лошадей изъ собственной конюшни, съ драгоценными сѣдлами, но посланные поѣхали, повидимому, другой дорогой, вслѣдствіе чего и не успѣли къ нему навстрѣчу. Узнавъ объ этой несправности, шахъ прислалъ Ази-Хосрова сказать кн. З—скому, что если онъ принялъ это «за досаду», то шахъ велитъ въ его присутствіи казнить Шигаметъ-агу. Кн. З—скій просилъ передать шаху, что онъ бѣгетъ ему челомъ на такомъ жалованѣ и проситъ не класть своей опалы на Шигамета. 5-го ноября явился къ кн. З—скому Ази-Хосровъ и сказалъ, что шахъ велѣлъ ему быть у себя на посольствѣ, на потѣшномъ дворѣ на майданѣ, въ присутствіи «турскихъ и бухарскихъ купцовъ и иныхъ земель многихъ людей»; тутъ же должны были подноситься государевы поминки какъ привезенные кн. З—скимъ, такъ и посланные съ Ази-Хосровомъ. Шахъ желалъ, чтобы «шаховы окольные недруги, турецкой и бухарской, пострашились, что съ нимъ такой великій государь ссылаетца». Кн.

З—скій сильно воспротивился выполненію этого намѣренія шаха и настаивалъ, чтобы Аббасъ принялъ его на своемъ дворѣ, не въ присутствіи недруговъ шаха и царя Теодора Іоанновича и чтобы «государевы поминки» не несли вмѣстѣ съ той рухлядью, какая прислана съ Ази-Хосровомъ. Въ тотъ же день кн. З—скій былъ на приемѣ у шаха, который согласился замѣнить персидскіе порядки московскими и дозволилъ кн. З—скому «быть у себя у руки», а не у ноги, какъ это было въ обычаѣ при его дворѣ. Кн. З—скій правилъ посольство по государеву наказу, поклонъ правилъ и грамоту подалъ, и поминки по росписи явилъ, сначала отъ царя Теодора Іоанновича, а затѣмъ отъ Бориса Годунова. На слѣдующій день шахъ позвалъ кн. З—скаго къ себѣ «на потѣху». Для него устраивались въ садахъ гулянья съ музыкой и плясками и воинскія игры, въ которыхъ принималъ участіе и самъ шахъ: онъ прекрасно ѣздилъ на рѣзвомъ аргмакѣ и занимался стрѣльбой въ цѣль изъ лука. По вечерамъ на стѣнахъ потѣшнаго двора зажигали свѣчи и «камышины съ зельемъ съ пишальнымъ и съ нефтью и съ сѣрою»; посреди двора зажигали «въ трубахъ мѣдяныхъ пишальное зелье». Шахъ Аббасъ хвалился своими палатами съ проведенной въ нихъ водой, говоря: «ни при дѣдѣ моемъ, ни при отцѣ, не было такихъ построекъ; все это устроено мною съ тѣхъ поръ, какъ я царствую». Показывалъ шахъ кн. З—скому и торговые ряды при вечернемъ освѣщеніи; очевидно, что убранство лавокъ произвело на кн. З—скаго впечатлѣніе чего-то наряднаго, богатаго и праздничнаго. «А въ рядѣхъ у всѣхъ лавокъ—читаемъ въ «Статейномъ спискѣ»—стѣны и подволоки обиты камками и дорогами, и киндяками, и выбойками, а товары всякіе во всѣхъ лавкахъ развѣшаны по стѣнамъ и по полицамъ раскладены, и свѣчи и чираки многіе зажжены во всѣхъ лавкахъ и ставлены у товаровъ. Изъ сокровищъ шаха особенно понравились кн. З—скому: желтый яхонтъ, вѣсомъ въ 100 золотниковъ (оказалось, что шахъ предназначилъ его въ подарокъ царю Теодору Іоанновичу), сѣдло Тамерлана, украшенное драгоценными камнями, яхонтами, лалами и бирюзой, шлемы и латы персидской работы и булатные мечи, привезенные изъ Индіи.

Шахъ не высылалъ своихъ ближнихъ

людей «въ отвѣтъ» къ кн. З—скому, а разговаривалъ съ нимъ обо всѣхъ дѣлахъ самъ, при помощи толмача. Шахъ разспрашивалъ кн. З—скаго объ отношеніяхъ царя Θεодора Іоанновича къ Турціи, Крыму, цесарю Римскому (т. е. нѣмецкому императору Рудольфу), къ королю литовскому, грузинскому царю Александру, дагестанскому владѣтелю Шевкалу, къ Ногайской Ордѣ и къ бухарскому хану. Кн. З—скій отвѣчалъ обо всемъ согласно государеву наказу. Поручено было кн. З—скому Борисомъ Годуновымъ хлопотать объ отпускѣ шахомъ въ Московское государство грузинскаго царевича Константина, сына царя Александра. Шахъ согласался на исполненіе этой просьбы въ томъ случаѣ, если самъ царевичъ Константинъ пожелаетъ покинуть Персію. Кн. З—скому дозволено было видѣть царевича и лично съ нимъ переговорить; царевичъ, перешедшій въ мусульманство и женатый на персіанкѣ, уклонился, однако, отъ свиданія съ кн. З—скимъ и предпочелъ остаться заложникомъ у шаха.

Кромѣ отношеній Московскаго царя къ разнымъ иноземнымъ государямъ, шахъ Аббасъ разспрашивалъ кн. З—скаго: 1) «какіе роды въ Московскомъ государствѣ самые большіе», т. е. важные, 2) про Сибирскую землю, 3) про величину пушекъ, 4) гдѣ водятся кречеты и какъ ихъ ловятъ, 5) дешевле-ли жемчугъ и откуда его получаютъ и т. п. По словамъ кн. З—скаго, наибольшимъ почетомъ пользуется царскій шуринъ, Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ: «Всякой царь и царевичъ и королевичъ и государскіе дѣти любви и печалованья просятъ у Бориса Федоровича»... и онъ «по ихъ челобитью у вел. государя нашего объ нихъ печалуется и промышляетъ ими всѣми». Про Сибирскую землю кн. З—скій сказалъ, что она очень велика, что въ ней было прежде до двухсотъ городовъ, да въ последнее время построены церкви и поставлено больше двадцати городовъ; что принимаются мѣры къ заселенію Сибири. Относительно пушекъ, которыхъ имѣется изрядное количество, кн. З—скій выразился такъ: «а ядра у нихъ живутъ мало не въ стояча человѣка ядро. И коли вел. государь нашъ посылаетъ подѣ городамъ воеводъ своихъ, и тогда подѣ большими пушками живеть по три тысячи человѣкъ и больше».

Шахъ оказывалъ кн. З—скому особое вниманіе, напр., однажды вечеромъ на потѣш-

номъ дворѣ посадилъ его рядомъ съ собой и, указывая на индійскаго посла, сидѣвшаго ниже кн. З—скаго, сказалъ: «Государь его Джемладинъ-Айберъ владѣеть странами неизмѣримыми, едва-ли не двумя третями населеннаго міра, но я уважаю твоего царя еще болѣе, вслѣдствіе чего и тебѣ оказывается честь!» Незадолго до отпуски кн. З—скаго изъ Кашана, шахъ ѣздилъ на охоту въ Казвинъ; на возвратномъ пути оттуда шахъ заѣхалъ въ гости къ кн. З—скому, въ сопровожденіи юргенскаго царя Курума, Фергать-хана и ближнихъ людей. Кн. З—скій угощалъ ихъ виномъ и медомъ и ударилъ челомъ шаху—поднесъ ему шапку изъ чернобурой лисицы; такую же шапку подарилъ онъ и Фергать-хану. Шахъ неоднократно жаловалъ кн. З—скому дорогія одежды, а на другой день послѣ посѣщенія его пожаловалъ ему не только «кафтанъ камчатъ золотной» и верхнюю одежду, крытую золотнымъ бархатомъ, кинжалъ и саблю, но и сердоликъ, отдѣланный золотомъ, и образъ Пречистыя Богородицы, писанный на золотѣ въ Персіи съ фряжской иконы, которая была прислана шаху изъ Ормуса.

9-го марта 1595 г. кн. З—скій обратился съ просьбой объ отпускѣ изъ Персіи, но шахъ отвѣтилъ, что отпустить его, когда настанетъ время. Ровно черезъ мѣсяць послѣдовалъ отпускъ кн. З—скаго; на прощанье онъ получилъ отъ шаха въ подарокъ армагама съ сѣдломъ и съ уздой. Одновременно съ кн. З—скимъ шахъ распорядился отправить посольство къ царю Θεодору Іоанновичу; посломъ своимъ онъ назначилъ Пакизэ Имамъ-вулы и велѣлъ кн. З—скому ѣхать въ Гилянъ, не дожидаясь его. 9-го мая кн. З—скій выѣхалъ изъ Гиляни и лишь 6-го августа прибылъ въ Астрахань, гдѣ прожилъ почти мѣсяць, намѣреваясь продолжать путь съ кизильбашскимъ посломъ. Такъ какъ онъ не явился, то кн. З—скій одинъ отправился изъ Астрахани 1-го сентября. Какъ видно изъ сохранившейся части «Статейнаго списка», кн. З—скій собралъ много цѣнныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ шаха Аббаса къ Турціи, Бухарѣ и т. д. Получилъ-ли кн. З—скій награду отъ царя Θεодора Іоанновича за свое посольство въ Кизильбашіи—неизвѣстно.

Посольство кн. З—скаго въ Персію слѣдуетъ признавать удачнымъ, такъ какъ выяснились взгляды шаха Аббаса на отношенія его къ Московскому государству и можно

было ожидать, что, овладѣвъ Хорасаномъ и Ширванской областю, шахъ будетъ содѣйствовать вытѣсненію турокъ изъ Прикаспійскаго края. Московское правительство желало получить Грузію, и шахъ соглашался уступить ее, но предупреждалъ относительно лукавства грузинскаго царя Александра, который льститъ Московскому государю и въ то же время платитъ дань турецкому султану. Черезъ посредство Московскаго правительства шахъ Аббасъ готовъ былъ вступить въ сношенія съ нѣмецкимъ императоромъ Рудольфомъ. Однимъ словомъ, какъ самъ шахъ сказалъ кн. З—скому, онъ желалъ быть съ царемъ Θεодоромъ Иоанновичемъ «въ крѣпкой дружбѣ, въ братствѣ и въ любви, и въ ссылѣ навѣки неподвижно».

Сиб. Сб.—Др. Рос. Вивл., XIV.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», X.—*Соловьевъ*, «Ист. Россіи», VII.—*Бллокуровъ*, «Разрядныя записи за Смутное время. М. 1907 г.—*Веселовскій*, «Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей». СПб. 1890 г., т. I.

В. Корсакова.

Звенигородскій, кн. *Василій Андреевичъ*. Въ 1576 г. во время Ливонскаго похода былъ однимъ изъ головъ въ сторожевомъ полку у воеводы кн. Григ. Андр. Куракина. Въ 1579—81 гг. состоялъ воеводой въ Ровномъ и въ Тулѣ, въ 1583 г.—въ Мценскѣ и въ Новосилѣ, въ 1584 г.—вторымъ воеводой на Тулѣ и въ 1585—87 гг.—воеводой на Двинѣ, когда и составилъ первое обстоятельное описаніе Двинской земли. Въ 1591 г., въ ожиданіи прихода крымскаго хана, кн. З—скій былъ у *наряду* вторымъ воеводой; первымъ воеводой былъ окольный Сем. Θεод. Сабуровъ. Въ томъ же году оба они должны были выступить изъ Новгорода въ сторожевомъ полку, но состоялся ли ихъ походъ—неизвѣстно. Въ концѣ 1592 г. кн. З—скій былъ снова въ Новгородѣ, и ему велѣно было идти подъ Выборгъ противъ шведовъ. Въ 1595 г. ему поручена была постройка крѣпости въ Смоленскѣ и дана царская грамота объ отправленіи туда съ государевою казною для этой постройки.

Въ 1606 г. кн. З—скому снова пришлось быть въ Смоленскѣ; первымъ воеводой тамъ былъ кн. Ив. Сем. Куракинъ, а товарищемъ кн. Ив. Петр. Ромодановскій; затѣмъ кн. З—скій замѣнилъ кн. Ромодановскаго, отпущеннаго въ Москву. Какъ увидимъ ниже въ біографіи кн. Θεод. Андр-ча Звенигородскаго (брата кн.

Василія Андреевича), оба они были «отъ ростриги и отъ Шуйскаго въ закоснѣннѣ и отосланы». Въ 1610 г., по милости канцлера Льва Ив. Сапѣги, кн. З—скій пожалованъ былъ въ окольнічѣ. Въ 1612—13 гг. онъ былъ воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ, а въ 1615—16 гг. въ Коломнѣ.

Въ «Двинскомъ Лѣтописцѣ» сказано: «Кн. Василій Звенигородскій въ иноческомъ чину преименованъ Варлаамъ, и въ схимѣ преставися въ Соловецкомъ монастырѣ, и погребенъ у Чудотворцевъ Святыхъ Зосимы и Савватія въ церкви на сѣверной странѣ». Годъ кончины не обозначенъ.

Кн. П. В. Долгоруковъ ошибочно относитъ это свѣдѣніе къ кн. Василию Михайловичу Звенигородскому, родному дядѣ кн. Василія Андреевича. Такъ какъ кн. Вас. Андр. былъ воеводой на Двинѣ и переписывалъ Двинскія земли, то «Двинскій Лѣтописецъ» не могъ спутать двухъ Василіевъ, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно опредѣленно говоритъ о постриженіи бывшаго Двинскаго воеводы.

А. А. Э., I.—Акты Ист., I, II.—С. Г. Г. и Д., II.—Др. Рос. Вивл., XIV и XVIII.—Сиб. Сб.—Р. И. В., II, V.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», X.—*Кн. Долгоруковъ*, «Рос. род. кн.», I.—*Бллокуровъ*, «Разрядныя записи за Смутное время». М. 1907 г.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ Московскаго государства XVII столѣтія».

В. Корсакова.

Звенигородскій (Тюмаковъ), кн. *Юрій Ивановичъ*. См. **Тюмаковъ**, *Юрій Ивановичъ*.

Звенигородскій, кн. *Григорій Васильевичъ*. Въ 1571 г. подписался въ поручной записи по тѣмъ боярамъ, которые ручались въ вѣрной службѣ кн. Ив. Θεод. Мстиславскаго царю Иоанну Грозному. Въ случаѣ его побѣга поручители должны были заплатить въ казну государя 20 тысячъ рублей; при несостоятельности поручителей уплата разверстывалась между лицами, подписавшими «подручную» запись. Въ 1574 г., съ Благовѣщенья, кн. З—скій былъ намѣстникомъ въ Рославлѣ; съ 15 августа 1576 г.—воеводой въ Красномъ. Лѣтомъ 1579 г. онъ находился въ г. Алыстѣ (Маріенбургѣ) въ числѣ воеводъ, которые должны были распоряжаться отпавкой хлѣбныхъ запасовъ въ Ливонскіе города для продовольствія войска. Наконецъ, въ 1599 г. онъ числился воеводой въ Колорѣ.

С. Г. Г. и Д., I.—Синб. Сб.—Др. Рос. Вивл., XIII и XIV.—Доп. къ Акт. Ист., I.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», XI.
В. Корсакова.

Звенигородскій, кн. *Иванъ Александровичъ Большой*. О немъ сохранились весьма отрывочныя свѣдѣнія за промежутокъ времени въ четверть вѣка. Лѣтомъ 1451 г. вел. кн. московскій Вас. Вас. получилъ извѣстіе, что идетъ «изгономъ» ногоайскій царевичъ Мазовша, сынъ Седи-Ахмета. Вас. Вас. выступилъ въ походъ къ Коломнѣ, успѣвъ собрать лишь часть войска. Когда онъ былъ близъ Брашевы, то узналъ, что многочисленное татарское войско находится уже на берегу Оки. Вас. Вас., какъ сказано въ лѣтописи, «поворотися къ Москвѣ, а что съ нимъ людей было, тѣхъ всѣхъ отпусти къ берегу съ воеводою кн. Иваномъ Звенигородскимъ, чтобы не толь борзо перевезлися рѣку Оку; онъ же, убоаяся, вернулся назадъ инымъ путемъ, а не за великимъ княземъ». Неизвѣстно, подвергся-ли какому-нибудь взысканію кн. З—скій за неисполненіе приказанія вел. князя. Последствія ухода московскихъ ратныхъ людей отъ рѣки Оки были весьма печальны, такъ какъ татары безъ помѣхи дошли до Москвы и стали жечь посады.

Въ 1463 г. псковичи выгнали своего намѣстника кн. Владиміра Андреевича, назначеннаго помимо ихъ воли еще великимъ княземъ Вас. Васильевичемъ. Кн. Владиміръ Андреевичъ, а затѣмъ псковскіе бояре и посадникъ Тимошей Васильевичъ отправились въ Москву жаловаться другъ на друга. Лишь на четвертый день послѣ пріѣзда вел. кн. Иоаннъ Вас. допустилъ къ себѣ псковскихъ бояръ и посадника и, выслушавъ ихъ объясненія, дозволилъ имъ выбрать себѣ князя. Вскорѣ по возвращеніи посольства псковичи отправили къ вел. князю гонца съ грамотою, въ которой просили дать имъ кн. Ив. Александр. Звенигородскаго. Вел. князь утвердилъ этотъ выборъ. Кн. З—скій пріѣхалъ въ Псковъ 10-го апрѣля 1463 г., въ самый день Пасхи. Духовенство вышло встрѣтить его съ крестами, псковичи приняли его съ честью и посадили на княженіе, а кн. З—скій цѣловалъ крестъ Пскову «на всей Псковской пошлнѣ» въ присутствіи степеннаго посадника Зиновія Михайловича. Лѣтомъ того же 1463 г. кн. З—скій вмѣстѣ съ посадниками сталъ собирать жителей всѣхъ

пригородовъ и волостей для того, чтобы итти противъ нѣмцевъ къ Нейгаузену; вел. князь Иоаннъ Вас. прислалъ въ помощь псковичамъ ратныхъ людей подъ предводительствомъ кн. Феод. Юрьев. Шуйскаго. Поводомъ для войны послужило заключеніе въ тюрьму въ Дерптѣ псковскихъ гостей еще до пріѣзда въ Псковъ кн. З—скаго. Успѣхъ съ самаго начала военныхъ дѣйствій оказался на сторонѣ псковичей, а потому магистръ Ливонскій и епископъ Дерптскій прислали въ Псковъ своихъ пословъ для заключенія перемирія на 9 лѣтъ. Перемиріе было заключено отъ имени кн. З—скаго, кн. Шуйскаго, посадниковъ и жителей Пскова. Зимой 1464 г. кн. З—скій ѣздилъ въ Москву бить челомъ великому князю о разныхъ псковскихъ дѣлахъ. Псковичи хотѣли послать вмѣстѣ съ нимъ «болшихъ людей посадниковъ», но Великій Новгородъ не пропустилъ ихъ и навлекъ на себя сильное недовольство великаго князя, приславшаго сказать псковичамъ, что новгородскіе послы жаловались ему на Псковъ и просили отпустить противъ него кн. Феод. Юр. Шуйскаго, но вел. князь, желая мира и тишины, воеводы своего не далъ имъ и противъ Пскова не велѣлъ ходить. Великокняжескій посоль такъ закончилъ свою рѣчь отъ имени вел. князя: «а что вашимъ посломъ пути ко мнѣ не дали, и язъ о томъ на нихъ добрѣ помолвилъ: ино о томъ били челомъ, а путь вамъ, моею отчинѣ, ко мнѣ чистъ, по старинѣ, черезъ нашу отчину Великой Новгородъ».

Въ теченіе той же зимы кн. З—скій и степенный посадникъ Алексѣй Васильевичъ заложили новый деревянный городъ на рѣкѣ Сини и назвали его «Красный городецъ». Лѣтомъ 1465 г. возникъ раздоръ между Псковомъ и Новгородомъ изъ-за владычной земли и воды, отнятой псковичами, и псковскіе послы были въ Новгородѣ, чтобы уладить это дѣло, а также, чтобы заключить мирный договоръ по старинѣ. Въ то время, какъ послы были еще въ Новгородѣ, кн. З—скій, степенные посадники Леонтій Маварьевичъ и Тимошей Васильевичъ, псковичи и посадскіе жители заложили деревянную стѣну отъ Великой рѣки, отъ Покровскаго монастыря, до Псковы рѣки; въ Запсковы—отъ Гремячей рѣки до Великой (до святаго Варлама); стѣна была готова въ одну недѣлю.

Осенью 1466 г., «ударивъ челомъ Пско-

вичемъ за все добро Псковское», кн. З—скій уѣхалъ въ Москву, хотя псковичи, довольные его правленіемъ, усердно просили его остаться. Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ. Намѣстникомъ въ Псковѣ былъ кн. Ярославъ Васильевичъ Стрига-Оболенскій. 15 іюня 1476 г. псковичи послали бояръ изъ всѣхъ концовъ на Москву «съ грамотою жалобною, съ плачемъ къ вел. князю на князя Ярослава, чтобъ его сослалъ, а намъ бы далъ кн. Ив. Ал. Звенигородскаго». Изъ этой просьбы ясно видно, что кн. З—скій оставилъ по себѣ въ Псковѣ прекрасную память. Но кн. З—скаго не было уже въ это время въ живыхъ: онъ скончался въ томъ же году во Владимірѣ въ пятницу на Страстной недѣлѣ, принявъ передъ кончиной монашество.

П. С. Р. Л., т. I, IV, V, VI и VIII.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», V, VI.—*Соловьевъ*, «Ист. Россіи», IV, V.—*Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья с.-в. Руси», т. I.

В. Корсакова.

Звенигородскій, кн. *Иванъ Ивановичъ*, прозваніемъ *Звенецъ*, сынъ кн. Ивана Александровича Звенигородскаго, родоначальникъ угасшихъ кн. *Звенцовыхъ-Звенигородскихъ*. Въ 1468 г. Іоаннъ III предпринялъ походъ противъ казанскихъ татаръ, которые грабили и жгли села на Кичменгѣ. Главными военачальниками были: Руно изъ Москвы и кн. Иванъ Звенецъ изъ Устюга. Дѣти боярскіе и казаки изъ Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги соединились подъ начальствомъ этихъ двухъ воеводъ въ землѣ Вятской, подъ Котельничемъ, и шли берегомъ рѣки Вятки до Камы, откуда повернули къ Бѣлой Воложкѣ, предавая на своемъ пути все огню и мечу. Встрѣтивъ отрядъ, состоявшій лишь изъ 200 вооруженныхъ казанцевъ, воеводы, вслѣдствіе малочисленности отряда, не сочли возможнымъ вступить съ нимъ въ сраженіе, а поручили «охочимъ» людямъ изъ среды войска истребить весь отрядъ, что и было исполнено; два начальника были взяты въ плѣнъ. Походъ кн. Ив. Ив. Звенца и Руна закончился захватомъ на Камѣ большого количества судовъ, нагруженныхъ разнымъ товаромъ, а потому ратные люди вернулись въ Устюгъ и въ Москву съ большою добычею. Въ 1475 г. кн. Звенецъ находился въ числѣ дѣтей боярскихъ, сопровождавшихъ великаго

князя Іоанна III во время его *мирнаго* похода въ Новгородъ. Въ 1478 г. онъ былъ въ качествѣ пристава у касимовскаго царевича Давыара, приходившаго къ Новгороду и остановившагося, по приказанію Іоанна III, на Ковалевѣ въ монастырѣ.

Въ 1480 г. кн. Звенецъ ѣздилъ отъ Іоанна III къ крымскому хану Менгли-Гирею съ поздравленіемъ по случаю его воцаренія. Послѣ 1467 г., т. е. по смерти Ази-Гирея (отца Менгли-Гирея), въ Крыму происходила частая смѣна хановъ; кромѣ того, Крымъ послѣдовательно попадалъ подъ власть то Турціи, то Золотой Орды, и Менгли-Гирей, дружески расположенный къ московскому великому князю, въ *третій разъ* занялъ въ 1480 г. престолъ. Кн. Звенцу поручено было сказать Менгли-Гирею, что Іоаннъ III, изъ особенной къ нему дружбы, принялъ къ себѣ не только изгнаннаго изъ Крыма хана Зенебека (Дженебека), но и двухъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, чтобы лишить ихъ возможности вредить Менгли-Гирею. Кн. Звенецъ долженъ былъ обѣщать Менгли-Гирею поддержку противъ хана Золотой Орды Ахмата и заключить съ нимъ союзъ, если онъ согласится быть заодно съ Іоанномъ III противъ вел. кн. литовскаго Казимира. Въ тайной грамотѣ, утвержденной крестнымъ цѣлованіемъ и золотою печатью (грамоту эту кн. Звенецъ долженъ былъ наединѣ передать Менгли-Гирею), Іоаннъ III обязывался дружески принять Менгли-Гирея въ Московскомъ государствѣ, если онъ снова лишится престола; обещаясь съ нимъ, какъ съ независимымъ государемъ, и всѣми силами способствовать возвращенію царства. Кн. Звенецъ исполнилъ возложенное на него порученіе, заключилъ съ Менгли-Гиреемъ союзъ, въ силу котораго Московское государство и Крымъ условились вмѣстѣ воевать или мириться съ Золотой Ордой и съ Литвой. Кромѣ заключенія союза съ Менгли-Гиреемъ, кн. Звенцу было поручено хлопотать о пропускѣ великокняжескаго человѣка къ Стефану, воеводѣ волошскому, такъ какъ Іоаннъ III намѣревался посватать дочь Стефана за своего сына, кн. Ивана Ивановича.

Въ 1482 г. кн. Звенецъ ѣздилъ посломъ въ Казань. Въ 1489 г., при покореніи Вятки, онъ былъ воеводой у устюжанъ во

время похода къ Хлынову. Въ 1490 г., юля 16, съ московскимъ посломъ Траханиотомъ, ъздившимъ къ нѣмецкому императору Максимилиану, прибылъ въ Москву посолъ Максимилиана Георгъ Делаторъ; 18 юля Иоаннъ III велѣлъ Делатору быть у себя и посылалъ «по него на подворье окольничаго кн. Ивана Звенца да Юрія Грека, и пріѣхали съ нимъ вмѣстѣ на дворъ».

Мы видѣли выше, что основаніемъ союза Иоанна III съ Менгли-Гиреемъ, заключеннаго кн. Звенцомъ, было *единеніе противъ Литвы*. Въ 1496 г. кн. Звенецъ, какъ лицо уже извѣстное Менгли-Гирею, снова былъ посланъ въ Крымъ, чтобы уладить то неприятое положеніе, въ какое поставилъ себя Иоаннъ III по отношенію къ крымскому хану. Въ 1495 г. Иоаннъ III выдалъ свою дочь Елену за вел. кн. литовскаго Александра, не предупредивъ Менгли-Гирея о сватовствѣ Александра и о своемъ союзѣ съ Литвой. Когда разнесся слухъ, что Менгли-Гирей идетъ войной на Литву, Елена и Александръ писали Иоанну, чтобы онъ принялъ мѣры для предотвращенія нападенія крымскаго хана. Тутъ только Иоаннъ III извѣстилъ Менгли-Гирея о бракосочетаніи своей дочери и о союзѣ съ Литвой. Изъ отвѣтной грамоты видно, что Менгли-Гирей былъ сильно оскорбленъ и огорченъ поступкомъ Иоанна III. «Другъ и братъ—великое дѣло; не скоро добудешь его»—писалъ онъ между прочимъ. «Ты сталъ другомъ нашихъ злодѣевъ—читаемъ дальше—а меня оставилъ имъ въ жертву!.. Сказалъ ли намъ хотя единое слово о своемъ намѣреніи? Не разсудилъ и подумать съ твоимъ братомъ». Полученіе этой грамоты и побудило Иоанна III отправить зъ Менгли-Гирею кн. Звенца, въ то время уже боярина, съ извиненіемъ, что онъ своевременно не могъ увѣдомить его о сватовствѣ Александра, волгѣдствіе бездорожья. Чтобы смягчить недовольство Менгли-Гирея, Иоаннъ III писалъ ему: «если зять мой будетъ опять тебѣ или мнѣ врагомъ, то мы возстанемъ на него общими силами». Кн. Звенецъ скончался въ Крыму въ 1497 г.

П. С. Р. Л., VI—VIII. — *Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», VI. — *Долгоруковъ*, кн. П. В., Рос. род. кн., I. — *Экземлярскій*, «Великіе и удѣльные князья с.-в. Руси», т. I.—Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 41.

В. Корсакова.

Звенигородскій, кн. Иванъ Петровичъ Средній. Въ 1548 г. былъ вторымъ воеводой въ правой рукѣ на Муромѣ; въ 1556 г. намѣстникомъ въ Карелѣ; въ 1565 г. воеводой въ Псковѣ, въ прибавку къ кн. Дмитрію Куранину, къ городскому строенію и для суда, а затѣмъ воеводой въ Тетюшахъ.

Синб. Сб. — Др. Рос. Вивл., XIII. — Дв. разр., II.—*Долгоруковъ*, кн. П. В., Рос. род. кн., I.

Звенигородскій, кн. Патрикій Теодоровичъ. Онъ выѣхалъ изъ Литвы въ Московское государство въ 1408 г. вмѣстѣ съ Свидригайлой Ольгердовичемъ, недовольнымъ тѣмъ удѣломъ, какой далъ ему Витовтъ. Одновременно съ кн. З—скимъ пріѣхало много бояръ: Черниговскихъ, Сѣверскихъ, Стародубскихъ, Любутскихъ и Рословскихъ. Всѣ они приняли московское подданство и получили земельныя угодья отъ вел. кн. Василія Дмитріевича.

П. С. Р. Л., т. т. V, VI и VIII.

Звенигородскій, кн. Петръ Никитичъ. Въ 1618 г., при извѣстіи о приближеніи къ Москвѣ польскаго королевича Владислава, была составлена роспись, кому гдѣ находиться для обереганія Москвы. Яузскія ворота вплоть до Васильевскихъ воротъ долженъ былъ вѣдать бояринъ П. П. Головинъ, а съ нимъ кн. З—скій «въ головахъ у сѣзжаго двора». Въ 1620 г. онъ былъ воеводой въ Рязскѣ. Въ 1624—28 гг. упоминается нѣсколько разъ, что кн. З—скій дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ во время загородныхъ походовъ царя Мих. Теод., когда на Москвѣ оставался кто-либо изъ бояръ, напр., кн. Дм. Мих. Пожарскій или Теод. Ив. Шереметевъ. 5 янв. 1634 г. онъ былъ посланъ къ воротамъ въ Стрѣлецкій приказъ. Очевидно, кн. З—скаго удручало, что его не назначали на воеводство, а потому онъ подалъ царю Мих. Теод. челобитную, которую въ полномъ смыслѣ слова можно назвать «слезницей». Челобитная подѣйствовала, и кн. З—скій получилъ въ 1635 г. воеводство на Бѣлоозерѣ, гдѣ пробылъ до 1637 г.

С. Г. Г. и Д., III.—Временникъ, кн. IV.—Доп. къ Акт. Ист., VIII.—Р. И. В., IX, X.—Дв. разр., I.—*Барсуковъ*, «Списки городскихъ воеводъ Моск. госуд. XVII столѣтія».

В. Корсакова.

Звенигородскій, вн. *Семень Григорьевичъ*. Въ 1585 г., по ногайскимъ вѣстямъ, находился въ сторожевомъ полку на Михайловѣ; оттуда назначенъ былъ въ числѣ другихъ воеводъ «на поле Черкасъ сыскаать», вслѣдствіе отписки съ Дона головы Романа Вердеревского, «что его громили Черкасы». Въ томъ же году былъ сходнымъ воеводой на Тулѣ, затѣмъ встрѣчалъ турецкаго посла подѣ Азовомъ и ходилъ, по ногайскимъ вѣстямъ, изъ Переяславля въ Шацкъ. Весной 1587 г. «для приходу крымскаго царя», т. е. для обереганья на случай его прихода, въ передовой полкъ на Тулу были назначены кн. Мих. Вас. Ноздроватый и Ив. Алексѣев. Жеребцовъ. При отпускѣ «у руки государя» Жеребцовъ билъ челомъ царю на кн. Ноздроватаго; вслѣдствіе этого вмѣсто Жеребцова въ товарищи къ кн. Ноздроватому былъ назначенъ кн. З—скій. Полтора мѣсяца спустя, въ сторожевомъ полку на Тулѣ находились: кн. Мих. Θεод. Кашинъ и кн. З—скій. Осенью того же года на Дѣдиловѣ въ передовомъ полку должны были быть: Ив. Льв. Салтыковъ и кн. Сем. Гр. З—скій, а въ правой руке: бояринъ кн. Дм. Ив. Хворостининъ и кн. Θεод. Андр. Звенигородскій, на Веневѣ. Въ большомъ полку на Тулѣ: кн. Θεод. Андр. Ноготковъ и Мих. Глѣб. Салтыковъ. Князья Θεод. Андр. и Сем. Гр. Звенигородскіе списковъ не взяли «для Мих. Гл. Салтыкова», бывшаго вторымъ воеводой большого полка, слѣдовательно выше ихъ, и послали бить на него челомъ государю въ «отечествѣ» о счетѣ. Царь Θεод. Иоанновичъ пожаловалъ ихъ, приславъ имъ грамоту невмѣстную на Салтыкова, а потому они на службѣ были. 20 марта 1588 г., по государеву указу, бояринъ кн. Тимошей Роман. Трубецкой и дьякъ Сапунъ Авраамовъ судили въ «отечествѣ» Мих. Глѣб. Салтыкова; искали на немъ своего «отечества» вышеупомянутые князья Звенигородскіе и кн. Михайло Ноздроватый. Выслушавъ судъ, царь велѣлъ и по суду и по счету Салтыкова оправить, а всѣхъ трехъ челобитчиковъ обвинить. Осенью 1588 г. воеводами въ Мценскѣ были: кн. З—скій и Вас. Игн. Колтовской. Въ апрѣлѣ 1589 г. кн. З—скій, съ титуломъ намѣстника брянскаго, былъ отправленъ посломъ въ Грузію, къ царю Александру. Съ кн. З—скимъ отпущены были находившіеся въ Москвѣ грузинскіе послы.

Для утвержденія въ Грузіи христіанской вѣры были отправлены съ кн. З—скимъ «учительные люди»: два старца троицкіе, два священника, дьяконъ и три иконописца; впоследствии царь Θεод. Иоан. обѣщаль послать различныхъ мастеровъ. Изъ Астрахани кн. З—скій со своими спутниками долженъ былъ плыть въ судахъ до устья рѣки Терека, а лошадей послать сухопутьемъ до города Терека, откуда и ѣхать на нихъ до Суншина городища. Кн. З—скій пріѣхалъ въ Грузію въ октябрѣ 1589 г., а возвратился въ Москву лѣтомъ 1590 г. Онъ обѣщаль царю Александру отъ имени царя Θεод. Иоанновича свободу всей Грузіи, а также возстановленіе ея полуразрушенныхъ храмовъ и городовъ. Въ августѣ 1591 г. онъ отозванъ былъ въ Москву изъ сторожевого полка, изъ Тульскаго разряда, гдѣ былъ вторымъ воеводой при Жданѣ Сабуровѣ. Въ декабрѣ 1592 г., по новой росписи, въ сторожевой полкъ были назначены: кн. Ив. Петр. Ромодановскій и кн. Сем. Гр. З—скій. Кн. Семена въ ту пору на Мышегѣ не было. «А въ князь Семеново мѣсто билъ челомъ государю большой его братъ родной, кн. Иванъ: на государеву службу братъ мой готовъ, а быть ему меньше кн. Ив. Ромодановскаго невмѣстно». Но государь не измѣнилъ росписи и велѣлъ разрядному дьяку Сапуну Аврамову подтвердить назначеніе. Въ 1592 г. намѣстникъ брянскій кн. З—скій и намѣстникъ болховской Григ. Бор. Васильчиковъ были отправлены въ Колу для переговоровъ съ уполномоченными недавно воцарившагоса датскаго короля Христіана IV. Они долго прожили въ Колѣ, но такъ и не дождались датскихъ уполномоченныхъ. Изъ бесѣды со старожилками они узнали межи Норвегіи съ Новгородской Лопью и велѣли жителямъ, прекративъ споры, торговать мирно и свободно до заключенія письменнаго договора между царемъ Θεод. Иоан. и королемъ Христіаномъ IV. Весной 1593 г. мы снова видимъ кн. З—скаго вторымъ воеводой сторожевого полка на Тулѣ при Жданѣ Сабуровѣ. Осенью того же года кн. З—скій былъ приставомъ у Николая Варкоча, посла нѣмецкаго императора Рудольфа. Въ 1598 г. кн. З—скій подписался подѣ грамотой утвержденной объ избраніи въ цари Бориса Годунова. Въ 1600—1601 гг. онъ былъ воеводой въ Копорьѣ, въ

1605 г. товарищемъ воеводы у кн. Андрея Андр. Телятевскаго въ Черниговѣ, а въ 1606 г. у него же въ Астрахани. Въ 1608 г. онъ былъ бояриномъ дворецкимъ у Тушинскаго вора; изъ грамоты, полученной на Вологдѣ въ началѣ ноября, видно, что пять дней въ недѣлю должны были рыбаки ловить рыбу на «вора», а шестой день на его дворецкаго кн. З—скаго. 14 января 1610 г., извѣщая пермскихъ и верхотурскихъ воеводъ о смерти Тушинскаго вора, устюжскій воевода Стрѣшневъ писалъ также и о смерти его приближенныхъ, въ числѣ коихъ былъ и кн. Сем. Звенигородскій.

А. А. Э., II.—Акты Ист., II.—С. Г. Г. и Д., II.—Синб. Сб.—Др. рос. Вивл., XIV.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», X, XI.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII стол.». — *Благоуровъ*, «Разр. записи за Смутное время».

В. Корсакова.

Звенигородскій, кн. Семенъ Юрьевичъ, 17 марта 1641 г., въ именины царевича Алексѣя Михайловича, онъ пожалованъ былъ изъ жильцовъ въ стольники. Въ 1649—52 гг. сопровождалъ царя Алексѣя Мих. въ его загородныхъ и богомольныхъ походахъ. Въ 1661 г., въ 3-е воскресенье послѣ Пасхи, присутствовалъ на «радѣ» въ полѣ, въ Быковѣ, когда происходили выборы въ гетманы Якима Самка. Въ 1664 г. во время обѣденнаго стола у царя Ал. Мих., по случаю приѣма англійскаго посла Говорта, кн. З—скій, въ числѣ другихъ стольниковъ, ставилъ передъ государемъ ушанья. Въ 1669 г. онъ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона. Въ 1672 г. числился воеводой въ Переяславлѣ Южномъ, а въ 1675 г.—въ Нѣжинѣ. Въ 1676 г. кн. З—скій показанъ въ числѣ стольниковъ, назначенныхъ въ прибавку къ прежнимъ для осеннихъ и зимнихъ походовъ царя Теодора Алексѣевича. Въ 1679 г. ему дана была царская грамота о сборѣ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ, владимірскихъ, суздальскихъ, шуйскихъ и луковскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, и о высылкѣ ихъ 23-го апрѣля въ Путивль въ полкъ кн. Мих. Юрьев. Долгорукаго. 13-го мая 1683 г. ему «сказано овольничество».

Р. И. Б., V, X, XI.—Дв. разр., III и IV.—*Соловьевъ*, «Ист. Россіи», XII.—*Барсуковъ*, «Спи-

ски городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII столѣтія».

В. Корсакова.

Звенигородскій, кн. Теодоръ Андреевичъ. Въ 1571 г. участвовалъ въ поручной записи по тѣмъ боярамъ, которые ручались въ вѣрной службѣ кн. Ив. Феод. Мстиславскаго Іоанну Грозному; въ случаѣ его побѣга и несостоятельности поручителей кн. Теодоръ Андр. и братья его кн. Ив. Андр. Звенигородскіе должны были бы заплатить въ царскую казну 150 руб. Въ 1582 г. онъ былъ воеводой въ Ярославлѣ, въ 1587 г. въ Тулѣ, въ 1588 г. въ Веневѣ, въ 1590 г. въ Новгородѣ Великомъ въ сторожевомъ полку; въ 1591 г. кн. З—скій былъ однимъ изъ головъ въ большомъ полку у кн. Феод. Ив. Мстиславскаго во время ожиданія прихода крымскаго хана къ Москвѣ; въ 1593 г. онъ состоялъ воеводой въ передовомъ полку на Дѣдиловѣ; въ 1598 г. подписался подъ грамотой утвержденной объ избраніи въ цари Бориса Годунова. Въ 1602 г. былъ воеводой на Ливнахъ. Въ 1603 г. при приѣмѣ царемъ Борисомъ Годуновымъ кизильбашскаго посла въ Золотой палатѣ кн. З—скій и Андрей Воейковъ были у него приставами. Въ 1604 г., получивъ извѣстіе о приходѣ Лжедмитрія въ Новгородъ-Сѣверскъ, Борисъ Годуновъ началъ принимать мѣры обороны и назначилъ въ сторожевой полкъ въ Брянскъ воеводами боярина Мих. Глѣб. Салтыкова и кн. З—скаго. Въ 1605 г., когда Лжедмитрій пошелъ изъ-подъ Кромъ на Тулу, кн. З—скій былъ вторымъ воеводой въ сторожевомъ полку. Въ томъ же году возникло мѣстническое дѣло между Гавр. Гр. Пушкинымъ и кн. З—скимъ; были поданы «случай» и «счетныя памяти», но чѣмъ кончился судъ—неизвѣстно. Въ 1610 г. кн. З—скій дважды ѣздилъ къ литовскому канцлеру Льву Ив. Салтѣгъ отъ боарина Мих. Глѣб. Салтыкова, женатаго на родной тетѣ кн. З—скаго, княжнѣ Іудіаніи Мих. Звенигородской. Въ первый разъ, когда Салтыковъ поручилъ кн. З—скому передать Салтѣгъ лисью горлатную шапку, онъ проявилъ недовѣріе, высказанное даже въ письмѣ къ Салтѣгъ: «продернувъ въ нее (т. е. въ шапку) веревочку, запечаталъ тою-жъ печатью, которою ся грамота запечатана: а ты бѣ, государь, ту печать срѣзавъ, ко мнѣ прислалъ, чтобъ тое шапку до тебя довели, что я

послалъ, а не подмѣнили». Во второмъ письмѣ Салтыковъ проситъ Сапѣгу обратить вниманіе на челобитье кн. З-скаго, котораго называетъ своимъ «пріятелемъ», и предупреждаетъ, что кн. Феод. Андр. З-скій отправился бить челомъ королю Сигизмунду о своемъ братѣ кн. Вас. Андр. и о себѣ, такъ какъ «они были отъ ро-стриги и отъ Шуйскаго въ законнѣнны и отосланы». Въ 1611 г. кн. З-скій, будучи уже окольниковымъ, подписался подъ грамотами Московской Болгарской Думы: 1) смоленскимъ воеводамъ Шейну и кн. Горчакову о немедленной сдачѣ Смоленска польскому королю Сигизмунду и 2) ростовскому митрополиту Филарету и кн. Васил. Васил. Голицыну съ товарищами о томъ, чтобы они ѣхали въ Вильну къ королевичу Владиславу и просили его поспѣшить на Московскій престолъ, а также чтобы убѣдили смоленскихъ воеводъ сдать королю Сигизмунду Смоленскъ и принести повинную. Подъ обѣими грамотами кн. З-скій подписался сначала за боярина Мих. Самсон. Туренина, а затѣмъ за себя и за окольникова кн. Гр. Бор. Долгорукаго. Въ 1615—16 гг. кн. З-скій былъ воеводой въ Вяткѣ, а въ 1618 г. въ Арзамасѣ.

А. А. З., П.—Акты Ист., т. II.—С. Г. Г. и Д., I.—Др. Рос. Вивл., XIV.—Сиб. Сборн.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», XI.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII стол.»—*Вълюкоровъ*, «Разрядныя записки за Смутное время».

В. Корсакова.

Зворыкинъ, Николай Алексѣевичъ, физико-метеорологъ, родился въ богатой купеческой семьѣ въ г. Муромѣ 27 октября 1854 г., умеръ 6 февраля 1884 г.; образованіе получилъ во Владимірской гимназій, которую окончилъ съ золотой медалью, а затѣмъ на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета. Выпущенный отсюда въ 1877 г. однимъ изъ первыхъ кандидатовъ, онъ отправился за границу, гдѣ слушалъ лекціи въ лучшихъ германскихъ физическихъ лабораторіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ иско-диль пѣшкомъ съ котомкой за плечами всю Швейцарію, жилъ въ Италіи и два раза осматрѣлъ кратеръ Везувія. Вернувшись въ Россію, З-кинъ сначала пристроился къ Петроградской главной физической обсерваторіи. Результатомъ работъ въ этой обсерваторіи явилась его статья, напечатанная въ «Запискахъ Академіи

Наукъ» подъ заглавіемъ: «Объ опредѣленіи влажности воздуха психрометромъ». Изложеніе главныхъ пунктовъ этой статьи было напечатано затѣмъ въ «Zeitschrift der Oesterreichischen Gesellschaft für Meteorologie» (1883 г.). Такъ какъ петроградскій климатъ неблагоприятно вліялъ на его здоровье, то онъ вынужденъ былъ покинуть столицу и поселиться въ Москвѣ. Здѣсь З-кинъ вскорѣ сдалъ магистерскій экзаменъ и сталъ заниматься въ физической лабораторіи университета, продолжая начатую имъ работу въ Петроградѣ. Одновременно съ этимъ онъ писалъ солидный этюдъ по механикѣ: «О движеніи на земной поверхности матеріальной точки, подверженной одному земному притяженію», напечатанный на французскомъ языкѣ въ «Бюллетенѣ Общества испытателей природы» (1882 г.), за который онъ былъ избранъ въ члены этого общества. Занимаясь специально физикой, З-кинъ очень интересовался и метеорологіей. Съ цѣлью изслѣдованія электрическаго состоянія атмосфернаго воздуха, онъ выписалъ на свои средства электрометръ Томсона и лѣтомъ 1882 г. началъ свои изслѣдованія на родинѣ, въ Муромѣ. Результаты этихъ изслѣдованій напечатаны въ «Бюллетенѣ Общества испытателей природы» за 1883 г. (февраль). З-кинъ хотѣлъ продолжать подобныя же изслѣдованія и въ болѣе широкомъ видѣ лѣтомъ 1883 г., для каковой цѣли поселился близъ Петровской академіи, гдѣ, по его мнѣнію, условія болѣе благоприятствовали его опытамъ. Но, къ сожалѣнію, электрометръ испортился, и его пришлось отправлять въ починку въ Англию. Тѣ же изслѣдованія онъ предполагалъ въ будущемъ произвести въ горахъ Кавказа. Рядомъ съ этими научными занятіями З-кинъ работалъ надъ составленіемъ курса физической географіи для женскихъ курсовъ при 3-ей Московской гимназій, гдѣ состоялъ преподавателемъ зимомъ 1882—83 г. Этотъ трудъ вышелъ въ свѣтъ уже по смерти его подъ редакціей проф. А. Г. Столѣтова (М. 1885 г.), въ пользу означенныхъ курсовъ. Результатомъ трехлѣтнихъ занятій З-кина въ лабораторіи университета явилась его магистерская диссертация «Изслѣдованіе о психрометрѣ» («Ученыя Записки Московскаго университета» за 1884 г.), надъ обработкою которой онъ много потрудился,

разстроивъ и безъ того свое слабое здорье. Наконецъ, нельзя не упомянуть о сообщеніяхъ, сдѣланныхъ имъ въ заступаніяхъ отдѣленія физическихъ наукъ Общества любителей естествознанія, гдѣ онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ, какъ-то: «О центробѣжной силѣ», «О маятникѣ Фуко», «О планетаріи, изобрѣтенномъ для объясненія видимаго движенія планетъ» и «О кругахъ и ложныхъ солнцахъ» («Бюл. Общ. испыт. природы», 1883 г.). Кромѣ того, онъ участвовалъ на двухъ съѣздахъ натуралистовъ и на географическомъ съѣздѣ въ Венеціи.

«Русскія Вѣдомости» 1884 г., № 45.—*Лзыковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писат.», выпускъ IV, стр. 41—42.—*А. В. Смирновъ*, «Уроженцы и дѣятели Владимірской губ.», 1896 г., вып. 1.

Микс—сѣ.

Звѣрака, Евстафій Федоровичъ, ст. сов., докторъ медицины, сынъ священника изъ Переволочни, Полтавскаго намѣстничества, родился въ 1751 г., учился сперва въ Киевской академіи, а затѣмъ въ 1770 г. волонтеромъ въ Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, откуда въ слѣдующемъ году вышелъ съ званіемъ подлѣкаря, а черезъ два года (1773) поступилъ лѣкаремъ во 2-ю легкую полевую команду. Въ 1776 г. З—ка отправился за границу, гдѣ усовершенствовался въ медицинскихъ наукахъ, слушая лекціи въ разныхъ университетахъ, въ томъ числѣ и въ Шотландскомъ университетѣ св. Андрея, въ которомъ получалъ степень доктора медицины (1779 г.). Возвратившись въ Россію, З—ка экзаменовался въ медицинской коллегіи, былъ признанъ докторомъ медицины и получилъ право практики (1782 г.). Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ директоромъ медицинской канцеляріи, а въ 1785 г. опредѣленъ на службу въ Екатеринославское намѣстничество, въ г. Бориславъ. Прослуживъ тамъ около десяти лѣтъ, З—ка получилъ чинъ надворнаго совѣтника и по прошенію былъ уволенъ отъ службы. Въ 1794 г. онъ былъ назначенъ главнымъ врачомъ въ Елизаветградскій генеральный госпиталь и первымъ директоромъ тамошней хирургической школы, въ которой читалъ химію и практическую медицину. Въ 1798 г. З—ка былъ переведенъ докторомъ въ Николаевскій морской госпиталь, а оттуда въ Дубоссарскую таможенную

контору (1800 г.). Последнее его назначеніе было инспекторомъ Бессарабской врачебной управы (1816 г.), въ каковой должности онъ и скончался 29 апрѣля 1829 года.

Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи» (Приложенія, стр. CLXIX).—*Змеевъ*, «Русскіе врачи—писатели», вып. I, стр. 116.—*Павловскій*, «Краткій біографич. словарь ученыхъ и писателей Полтавской губ.», Полт. 1912 г., стр. 74.

Стен.

Звѣревъ, Константинъ Яковлевичъ, инженеръ-генералъ, строитель Кронштадтской крѣпости, почетный членъ Николаевской инженерной академіи. Родился 18 октября 1821 г. Умеръ 11 сентября 1890 г. Происходилъ изъ дворянъ Петроградской губерніи. Воспитывался въ главномъ инженерномъ училищѣ, по окончаніи курса въ которомъ (1842 г.) былъ выпущенъ на дѣйствительную службу поручикомъ, при чемъ за отличные успѣхи въ наукахъ имя его было занесено на мраморную доску. Первые шесть лѣтъ своей службы (1842—48 гг.) К. Я. состоялъ при Брестъ-Литовской инженерной командѣ; потомъ нѣсколько мѣсяцевъ находился въ Варшавѣ (1848 г.), а въ началѣ 1849 г. былъ прикомандированъ къ начальнику инженерновъ дѣйствующей арміи. Произведенный (1851 г.) въ капитаны, онъ въ 1854—58 гг. занималъ должность командира Вобруйской инженерной команды, въ маѣ 1859 г. былъ произведенъ въ полковники и назначенъ сначала строителемъ Свеаборгской крѣпости, а потомъ Кронштадтской. Ему принадлежатъ работы по устройству фортовъ «Константинъ» и «Милютинъ» и укрѣпленія по сѣверному фарватеру. Въ 1861 г. онъ получилъ званіе флигель-адъютанта, а въ 1863 г. произведенъ былъ въ генералъ-майоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Съ 1872 по 1882 г. онъ состоялъ членомъ и управляющимъ дѣлами инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія. 30 августа 1873 г., за отличіе по службѣ, пожалованъ былъ въ генералъ-лейтенанты. Товарищемъ Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части назначенъ 4 апрѣля 1882 г. и въ инженеръ-генералы произведенъ въ 1887 г. Последнею наградою его былъ орденъ св. Александра Невскаго, полученный имъ въ 1889 г.

Послужн. списокъ въ Общемъ Арх. Гл. Штаба, вв. 1865 г., № 41.—*М. Черняевскій*, «Ге-

неаполія дворянъ Тверской губ.»—«Русскій Инвалидъ», 1890 г., № 203 (некрологъ).—«Новое Время» 1890 г., № 5222.—«Московскія Вѣд.» 1890 г., № 257.—«Правительственный Вѣстникъ» 1890 г., № 232.—«Петербургскій Некрополь».

Звѣревъ, Николай Сергѣевичъ, профессоръ Московской консерваторіи, родился въ 1833 г. и происходилъ изъ зажиточной дворянской семьи; образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, котораго, однако, не окончилъ; музыку же изучалъ подъ руководствомъ Дюбука въ Москвѣ и Гендельта въ Петроградѣ. Въ 1871 г. З—въ былъ приглашенъ въ Московскую консерваторію Н. Г. Рубинштейномъ, съ которымъ былъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ, на должность младшаго преподавателя игры на фортепiano, а впослѣдствіи тамъ же былъ профессоромъ (до 1890 г.). За все время своей службы въ консерваторіи З—въ завѣдывалъ начальными классами игры на фортепiano, при чемъ подъ его руководствомъ начали свое музыкальное образованіе многіе талантливые пианисты, въ томъ числѣ и извѣстный пианистъ Зилоти. Скончался З—въ въ Москвѣ 30 сентября 1893 г.

Риманъ, «Музыкальный словарь», стр. 527.—«Новое Время» 1893 г., № 6321.—«Новости» отъ 1 октября 1893 г.—«Календарь Готте на 1894 г., стр. 501.—«Московскій Некрополь».

Звѣревъ, Поликарпъ, протоіерей Смоленской городской Ильинской церкви. Происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1755 г.; обучался въ Смоленской дух. семинаріи. Въ 1779 г. былъ опредѣленъ экзаменаторомъ въ пѣвческую архіерейскаго дома, а въ слѣдующемъ году учителемъ инфимическаго и затѣмъ грамматическаго классовъ дух. семинаріи; въ 1781 г. онъ былъ посвященъ въ діакона Смоленской город. Вознесенской церкви, въ 1783 г. — во священника и въ 1791 г.—въ протоіерея Ильинской церкви. З—въ исполнялъ обязанности увѣщателя подсудимыхъ по важнымъ дѣламъ, былъ присутствующимъ въ Смоленскомъ духовномъ правленіи (1788—1790 гг.) и въ Смоленской дух. консисторіи (1790—1794 гг.) и благочиннымъ городскихъ церквей (1790—1803 гг.). Въ 1812 г. онъ былъ обвиненъ въ проступкѣ противъ вѣрноподданнической присяги, — будто-бы встрѣчалъ въ облаченіи императора На-

полеона, за что временно былъ отставленъ отъ священнослуженія. Слѣдствіе однако выяснило полную его невиновность, и вмѣсто разоренной непріателемъ Ильинской церкви онъ въ 1814 г. получилъ Верхне-Николаевскую. Состоя на службѣ при этой церкви, онъ и скончался.

«Смоленская Старина», вып. П-й. Смол. 1912 г., стр. 227—320.

К. Здр—въ.

Звѣринскій, Василій Васильевичъ, дѣйств. ст. сов., старшій редакторъ центрального статистическаго комитета. Происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Рязанской губерніи, родился въ 1834 г., скончался 22 февраля 1893 г. Послѣ непродолжительной службы въ войскахъ онъ поступилъ въ центральный статистическій комитетъ, всецѣло отдавшись работамъ по географіи, исторіи и статистикѣ нашего отечества. Всѣ статистическія работы комитета 1865—1890 гтѣсно связаны съ именемъ Звѣринскаго, — многія изъ нихъ вышли подъ его редакціей, а въ другихъ онъ такъ или иначе принималъ участіе. Имя его пользуется заслуженною извѣстностью, какъ одного изъ лучшихъ русскихъ статистиковъ, занимавшагося собираніемъ и группировкой цифрового матеріала, характеризующаго многія стороны русской жизни. Въ началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Международной статистики», предложенной на международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Гаагѣ. Онъ составлялъ статистику рѣчного судоходства въ Россіи; ему же принадлежитъ статистическое обзорѣніе Тобольской губерніи, изданное въ сборникѣ статистич. комитета «Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи». Онъ былъ дѣятельнымъ исполнителемъ географическихъ и этнографическихъ работъ по Географическому Обществу. Много работалъ для географическаго словаря Россійской Имперіи, за каковыя труды былъ награжденъ отъ Географическаго Общества золотомъ медалью. Самый капитальный его трудъ— «Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ Россійской Имперіи»: т. I,—Преобразование старыхъ и учрежденіе новыхъ монастырей въ 1764—1890 гг.; т. II—Монастыри по штатамъ 1764, 1786 и 1795 гг.; т. III—Монастыри, закрытые

до царствованія императрицы Екатерины II (Спб. 1890, 1892 и 1897 гг.). Въ рукописномъ отдѣленіи Архива Св. Синода имѣется принадлежащая З—скому рукопись (№ 3720) «Иерархи русской православной церкви съ 1700 по 1892 гг.» (583 биографіи). Въ послѣдніе годы онъ занимался разработкой исторіи Географическаго Общества второй половины XIX столѣтія и уже закончилъ первое десятилѣтіе, но смерть прервала его ученую дѣятельность. Погребенъ З—кій на Смоленскомъ владбищѣ въ Петроградѣ.

«Астраханск. Епарх. Вѣд.» 1893 г., № 7—8.—«Петербургскій Некрополь», т. II.—«Историч. Вѣстникъ» 1893 г., № 4, стр. 301; № 7, стр. 232—234 и др.—«Новое Время» 1893 г., № 6103.—«Новости» отъ 22 февраля 1893 г.—«Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія» 1887 г., № 9, стр. 159—163.—«Правительственный Вѣстникъ» 1893 г., № 42.—Описаніе рукописей Архив. Св. Синода. Спб. 1910 г.

Р. Здр—ъ.

Здановичъ, Александръ, писатель-педагогъ, родился въ 1808 г. въ Игуменскомъ уѣздѣ Минской губерніи и происходилъ изъ бѣдной шляхетской семьи; получивъ первоначальное образованіе въ базиліанской школѣ въ селѣ Лядахъ, близъ Игумена, З—вичъ два года трудился въ качествѣ домашняго учителя, чтобъ собрать средства, необходимыя для полученія дальнѣйшаго образованія, и въ 1827 г. поступилъ на словесное отдѣленіе Виленскаго университета, который окончилъ въ 1831 г. со степенію кандидата. Въ 1834 г. З—вичъ назначенъ былъ преподавателемъ незадолго передъ тѣмъ открытаго дворянскаго института въ Вильнѣ и состоялъ на казенной службѣ 29 лѣтъ, до закрытія института въ 1863 г., при чемъ первыя 15 лѣтъ преподавалъ латинскій языкъ, а послѣднія 14 лѣтъ—всеобщую исторію. Въ то же время онъ давалъ и частные уроки, занимался въ нѣсколькихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и нѣкоторое время преподавалъ исторію Россіи въ виленской семинаріи, при чемъ въ институтѣ и семинаріи велъ преподаваніе на русскомъ языкѣ, въ женскихъ пансіонахъ—на французскомъ и въ частныхъ домахъ—на польскомъ. Наконецъ, помимо педагогическихъ занятій, З—вичъ нѣсколько лѣтъ работалъ въ редакціи «Kuryjera Wileńskiego», какъ помощникъ А. Е. Одынца, и сотрудничалъ въ «Słowniku języka polskiego» (М.

Оргельбранда), для котораго имъ же составленъ былъ первоначальный планъ.

Результатомъ его многолѣтней педагогической дѣятельности и большого опыта, приобретеннаго имъ въ дѣлѣ преподаванія, явился пѣлый рядъ разнообразныхъ учебниковъ и руководствъ, изъ которыхъ нѣкоторые получили большое распространеніе въ Западномъ краѣ. Къ числу его работъ принадлежатъ: «Dukcyjonarzyk francuzki z krótką informacją wymawiania i rozmowami» (Вильна, 1829 и 1832 гг.); «Grammatyka francuzka dla dzieci» (В. 1830, 1839 и 1844 гг.); «Abecadło albo elementarz francuzki dla dzieci» (В. 1830 г. и 1840 г.); «Wypisy francuzkie dla dzieci, poczynających naukę tego języka» (В., 9 изд. 1830—1859 гг.); «Tablice regularnych koniugacyi łacińskich» (В., 1837 г.); «Tablica etnograficzna, podług metody Jaźwinskiego, obejmująca wykład nowej metody uczenia chronologii, jako też spis cesarzów i królów, w tablicy chronograficznej zawartych od N. C. do dnia dzisiejszego» (В., 1845 г.); «Rys chronologiczno-historyczny państw nowożytnych od V wieku do dziś dnia, z kilku mappami i genealogijami, tudzież zbiorem pytań dla poczynających» (В., 1844, 1853 и 1861 гг.); «Objaśnienie chronologicznej tablicy, obejmującej porządek następstwa cesarzów i królów w XX narodach, od początku ery chrześcijańskiej do dnia obecnego» (В., 1837 г.); «Historija powszechna krótko zebrana przez Kajdanowa» (В., 1845 г., 3 тома, перев. съ русскаго); «Historija srednich wieków» (В., 1845 г., перев. съ рус.); «Historija nowych wieków» (В. 1846 г., пер. съ рус.); «Szkic historyi polskiej dla dzieci z chronolitografijami» (В., 1857 г., 1859 г. и 1862 г.); «Szkic historyi powszechnej» (В., 1861 г.); «Historija powszechna dla szkolnej młodzieży» (В., 1861 г., 2 тома); въ рукописяхъ при жизни автора остались: «Historija literatury polskiej dla młodzieży żeńskiej», «Geografija dawnej Polski ze szczególnym względem na jej stronę historyczną i malowniczą», «O organizacyi rządu starożytnej Polski», «Kosmografija dla pensyi żeńskich», «Przegląd systematyczny całego obszaru wiedzy ludzkiej», «Nauka praktyczna języka łacińskiego dla dzieci» и «Panowanie Stanisława Poniatowskiego, podług najnowszych źródeł, dla młodzieży».

Выйдя въ отставку въ 1863 г., З—вичъ

остался жить въ Вильяѣ, гдѣ и скончался въ 1868 г.

На основаніи матеріаловъ, собранныхъ З-вичемъ, издава была въ 1875—6 гг. Л. Совинскимъ обширная «Historija literatury polskiej».

«Encyklopedia Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 423—425; 1878 г., т. XI.

А. Б.

Здзитовецкій, Иосифъ-Северинъ, химикъ и агрономъ, родился 6 января 1802 г. въ Сѣдлецкой губ., первоначальное образование получилъ въ пiarской школѣ въ Холмѣ, съ 1813 г. учился въ Люблинѣ, а въ 1818 г. поступилъ на философское отдѣленіе Варшавскаго университета, гдѣ занимался преимущественно естествознаніемъ. Окончивъ въ 1822 г. университетъ со степенью магистра философіи, З-кій, по собственному желанію, назначенъ былъ преподавателемъ въ люблинское училище, гдѣ самъ воспитывался въ отроческіе годы. Здѣсь онъ пробылъ три года, а въ 1825 г. выступилъ въ числѣ кандидатовъ на должность профессора во вновь учреждавшемся тогда варшавскомъ политехническомъ институтѣ. Выдержавъ положенный конкурсный экзаменъ, онъ былъ отправленъ на казенный счетъ за границу для изученія металлургіи. Онъ слушалъ лекціи въ вѣнскомъ политехникумѣ, обзрѣвалъ важнѣйшія металлургическія предприятия въ Венгріи, Штиріи, Чехіи и Саксоніи, два года пробылъ въ Парижѣ, гдѣ занимался у лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ, посѣтилъ желѣзные рудники въ Бельгіи и металлургическіе заводы въ Эльзасѣ, а въ 1828 г. отправился въ Геттингенъ для изученія химіи подъ руководствомъ профессора Штроеера. Осмотрѣвъ затѣмъ рудники въ Гарцѣ, З-кій въ концѣ 1829 г. вернулся въ Варшаву и началъ чтеніе лекцій по химіи и металлургіи въ политехническомъ училищѣ, которое предполагалось преобразовать въ институтъ. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ приглашенъ на кафедру металлургіи и въ Варшавскій университетъ, но профессорская дѣятельность его продолжалась недолго. Политическое движеніе 1831 г. въ Польшѣ повело за собою закрытіе какъ университета, такъ и политехническаго института, и въ 1833 г. З-кій назначенъ былъ преподавателемъ Люблинской гимназіи. Въ 1837 г. онъ вернулся въ Варшаву, гдѣ тоже былъ преподавателемъ гимназіи и,

кромѣ того, членомъ экзаменаціоннаго комитета, а съ 1840 г. приглашенъ былъ преподавать химію и горнодѣліе въ реальномъ училищѣ. Здѣсь, между прочимъ, имъ же устроена была лабораторія. Усердно работая по своей специальности и слѣдя за движеніемъ науки на Западѣ, З-кій время отъ времени опять предпринималъ съ научною цѣлью путешествія за границу: такъ въ 1843 г. въ Гессенѣ онъ работалъ въ лабораторіи Либига, въ 1852 г. объѣздивъ Германію и Францію для ознакомленія съ тамошними агрономическими училищами, а въ 1857 г. посѣтилъ земледѣльческія школы въ Гогенгеймѣ, Поппельсдорфѣ, Хемницѣ, Бадерслебенѣ и др. городахъ. Въ это время З-кій состоялъ уже (съ 1853 г.) директоромъ агрономическаго института въ Маримонтѣ, а въ 1860 г., по выходѣ въ отставку, взялъ на себя трудъ редактированія сельско-хозяйственныхъ «Ежегодниковъ», имѣвшихъ въ виду, между прочимъ, распространеніе въ обществѣ научныхъ основъ земледѣлія. Съ этою же цѣлью З-кимъ еще раньше напечатано было нѣсколько работъ оригинальныхъ и переводныхъ, какъ-то: «*Ue rolnictwo wpływem chemii zyskać może*» («*Kalendarz Janickiego*» 1842 г.), «*Potrzeby chemiczne rolnictwa dla użytku rolników i pomocy w badaniach chemiczno-agronomicznych*» (соч. Дюфло и Гирша, перев. съ франц. Варшава 1844 г.), «*Listy o chemii, o jej zastosowaniach w przemyśle, fizjologii i rolnictwie*» (соч. Либига, перев. съ нѣм. Варшава 1845 г.) и «*Chemija z zastosowaniem do rolnictwa i fizjologii*». (Варшава, 1846 г.). Изъ другихъ печатныхъ трудовъ З-каго назовемъ еще слѣдующіе: «*Słówko o chemii*» и «*Drugie słówko o chemii*» (оба въ «*Gazecie Porannej*» за 1838 г.), «*Rys chemii organicznej i jej zastosowań, podług Köhler'a*» (Варшава, 1840 г.), «*Wykład początkowy chemii: 1) o metaloidach i ich związkach i 2) o metalach i ich związkach*» (Варшава, 1850—1851 гг.) и «*Projekt nomenklatury chemicznej*» (1852 г.). Наконецъ, З-кій въ теченіе многихъ лѣтъ занимался изученіемъ минеральныхъ богатствъ Польши и результаты своихъ ислѣдованій печаталъ въ «*Pamiętniku Naukowym*» и др. періодическихъ изданіяхъ. Скончался З-кій въ 1879 г.

«Encyklopedia Powszechna», Варшава, 1868 г., 28, стр. 431—433; 1904 г., т. 16.

А. Б.

Зегельбахъ, *Христианъ-Фридрихъ*, ординарный проф. Юрьевского университета по кафедрѣ историческаго богословія, род. 28 апрѣля 1763 г. въ г. Эрфуртѣ, гдѣ и посѣщалъ гимназію. Въ 1780 и 81 гг. онъ слушалъ лекціи въ Эрфуртскомъ, а въ 1782—83 гг. въ Іенскомъ университетахъ. Будучи еще студентомъ послѣдняго университета, З—бахъ уже проповѣдывалъ съ кафедръ университетской церкви. Желаніе его опредѣлиться приватъ-доцентомъ въ Іенскій университетъ не осуществилось по разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ. Возвратившись въ Эрфуртскій университетъ, З—бахъ получилъ степень бакалавра и магистра и за сочиненіе: «De valoribus quantitatum mediis» былъ удостоенъ степени доктора философіи (1789 г.). До 1796 г. онъ состоялъ приватъ-доцентомъ Эрфуртскаго университета и читалъ лекціи по исторіи, философіи и математикѣ, предпринимая въ то же время поѣздки съ учеными цѣлями и работая въ научныхъ и церковныхъ учрежденіяхъ. Такъ какъ всѣ эти занятія недостаточно обезпечивали существованіе З—баха, то онъ вынужденъ былъ принять мѣсто учителя въ главной нѣмецкой школѣ въ Петроградѣ. Въ качествѣ учителя философіи, религіи и церковной исторіи онъ проработалъ здѣсь почти 14 лѣтъ. Въ 1810 г. З—бахъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ Юрьевского университета и тогда же назначенъ членомъ школьной комиссіи. По истеченіи 6-ти лѣтъ онъ отказался, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, отъ этой послѣдней должности, но вскорѣ снова занялъ ее. Съ января 1811 по 1814 г.г. онъ состоялъ директоромъ Юрьевской гимназіи и другихъ школъ въ томъ же городѣ. Кромѣ лекцій по церковной исторіи, З—бахъ читалъ священную хронологию, церковную географію и статистику, а также руководилъ катехизаторскими и церковно-историческими семинаріями. Вызываемая преклоннымъ возрастомъ потребность въ отдыхѣ и желаніе имѣть достаточно свободнаго времени для научныхъ цѣлей побудили З—баха отказаться (1822 г.) отъ должности члена школьной комиссіи. Въ ноябрѣ того же года онъ освобожденъ былъ также отъ обязанностей участвовать въ засѣданіяхъ совѣта университета, а черезъ годъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Въ этомъ

прошеніи З—бахъ говоритъ о своей неизлѣчимой болѣзни, мѣшающей ему продолжать преподавательскую дѣятельность, въ дѣйствительности же главнымъ побужденіемъ къ отставкѣ послужило его богословское направленіе — рационализмъ, несогласное съ піэтическими воззрѣніями попечителя графа Ливена. Служебная оцѣнка преподавательской дѣятельности З—баха выразилась въ назначеніи ему пенсіи въ 5.000 р., коллегіальная же — въ поднесеніи ему въ день его 50-лѣтняго докторскаго юбилея привѣтственнаго адреса, въ которомъ отмѣчались, между прочимъ, заслуги его по отношенію къ церковной музыкѣ, а также его прекрасныя стихотворенія на разные случаи. З—бахъ состоялъ членомъ физико-математическаго общества въ Эрфуртѣ и минералогическаго и филармоническаго обществъ въ Петроградѣ. Выйдя въ 1823 г. въ отставку, онъ переехалъ въ Петроградъ, гдѣ и скончался 7 августа 1842 г. Кромѣ названной выше диссертации, З—баху принадлежатъ еще слѣдующія сочиненія: «Handbuch zum Unterricht im Christenthum, zum Gebrauch für die oberen Classen der deutschen Hauptschule zu St. Petri» (St. Petersburg. 1807); «Bemerkungen über das im kurzen erschienene Werk: Kirchenordnung für die Protestanten im russischen Reiche, entworfen von G. Fr. Sahlfeldt» (Dorpat. 1808); «Dissertatio inauguralis sistens annotationes quasdam in Epinicium Deborahae eriticas et exegeticas» (Dorpat. 1811); «Auf welche Wissenschaften hatte die Reformation einen heilsamen Einfluss. Rede bei Reformationsfeier» (1817) и «Ueber den Einfluss seltener Gedächtnissfeste auf höhere Geistesstimmung. Rede zur Feier der Eröffnung d. Universität» (1827)

«Биографическій словарь профес. и преподават. Юрьевскаго университета», т. I, стр. 109—111. — *Е. В. Пятковский*, «Императ. Юрьевскій университетъ за 100 лѣтъ его существованія (1802—1902)», стр. 177, 187, 255, 262. — *Recke u. Napiersky*, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon», Mitau. 1832 г., стр. 177 — 179. — «Петербургскій Некрополь».

Мисс—въ.

Зедделеръ, *Людвигъ (Логинъ) Ивановичъ*, баронъ, генералъ-лейтенантъ; первый вице-президентъ военной академіи и редакторъ-издатель «Военно-энциклопедическаго лексикона». Родился 23 октября

1791 г. Умеръ 17 февраля 1852 г. Отецъ его, Иванъ Непомукъ Зеделеръ, родомъ чехъ, въ концѣ XVIII столѣтія былъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ австрійскаго посольства въ Петроградѣ и Тосканскимъ министръ-резидентомъ. Здѣсь же, въ Петроградѣ, родился и Людвигъ Ивановичъ, который послѣ смерти родителя (1795 г.), по волѣ императора Франца II, былъ вытребованъ въ Австрію и обучался на казенный счетъ сначала въ Терезіанской академіи, а потомъ въ инженерномъ училищѣ. По окончаніи курса (въ 1809 г.) онъ былъ выпущенъ подпоручикомъ въ гусарскій полкъ и въ томъ же году отличился въ сраженіи съ французами при Ваграмѣ; при чемъ эрцгерцогъ Карлъ лично на полѣ сраженія поздравилъ его съ чиномъ поручика. Вскорѣ затѣмъ З-леръ былъ переведенъ въ генеральный штабъ, а въ 1813 г., когда русскія войска, вступившія въ Германію, своимъ появленіемъ напомнили ему проведенные въ Россіи дѣтскіе годы, онъ оставилъ австрійскія войска и поступилъ на русскую службу, въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части (впослѣдствіи генеральный штабъ). Продолжая свое участіе въ великой войнѣ за освобожденіе Европы подъ русскими знаменами, З-леръ находился въ сраженіи подъ Дрезденомъ; подъ Лейпцигомъ былъ раненъ въ лѣвую ногу съ раздробленіемъ кости, сражался съ французами за Рейномъ и только по окончательномъ изложеніи Наполеона прибылъ въ предѣлы Россіи. Въ 1815 г. онъ былъ произведенъ въ штабъ-капитана, а въ 1819 г. получилъ чинъ капитана.

Продолжая службу въ генеральномъ штабѣ, баронъ З-леръ находился въ 1820 г. при начальникѣ главнаго штаба Его Императорскаго Величества кн. Волконскомъ на конгрессѣ въ Тропау; за сдѣланную имъ съемку окрестностей этого города получилъ Высочайшую награду, а потомъ участвовалъ въ занятіяхъ Могилевскаго офицерскаго училища, открывшагося въ 1820 г. при штабѣ 1-й арміи для подготовки строевыхъ офицеровъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Въ 1825 г. З-леръ былъ произведенъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 19 пѣхотной дивизіи. Во время Турецкой войны 1828—29 гг. Л. И. состоялъ въ должности оберъ-квартирмейстера гренадерскаго корпуса, для кото-

раго устроилъ лагерь подъ Княжимъ Дворомъ, и благодаря этому сталъ лично извѣстенъ императору Николаю I. Въ польскую войну З-леръ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, а подъ конецъ кампаніи былъ начальникомъ штаба въ отрядѣ генерал-лейтенанта Головина, дѣйствовавшего отдѣльно для отвлеченія польскаго корпуса Ромарино, стремившагося на помощь Варшавѣ; потомъ находился при осадѣ крѣпости Модлина, по сдачѣ которой былъ отправленъ въ Пруссію для принятія загнанныхъ туда и прощенныхъ государемъ польскихъ мятежниковъ. За отличія въ этой кампаніи онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст. со звѣздой и орденомъ Краснаго Орла 2-й ст. отъ короля прусскаго. По окончаніи войны произведенъ былъ въ генералъ-майоры, а по учрежденіи въ 1832 г. военной академіи былъ назначенъ ея вице-директоромъ. Должность эта дѣлала его «непосредственнымъ начальникомъ академіи по всѣмъ частямъ». Такъ опредѣлялось званіе вице-директора академическимъ уставомъ, который компетенціи директора отводилъ главное управленіе академіей, ставя его какъ бы внѣ сферы обычной жизни этого заведенія. Но не таковъ былъ первый директоръ военной академіи Иванъ Онуфриевичъ Сухозанетъ, чтобы примириться съ такимъ положеніемъ: онъ самъ непосредственно желалъ править всѣми дѣлами, держа въ ежовыхъ рукавицахъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ. Это былъ человекъ, ставившій выше всего желѣзную дисциплину и не признававшій личности подчиненнаго. Съ нимъ - то самымъ кореннымъ образомъ разошелся баронъ З-леръ, стремившійся поднять значеніе въ дѣлѣ управленія академіей академической конференціи и внести духъ прогресса въ учебную жизнь. Получивъ хорошее образованіе и имѣя большой запасъ военныхъ знаній, онъ былъ вполне преданъ своему дѣлу, всѣми силами стремился къ улучшенію постановки учебнаго дѣла въ нашей, только что возникшей въ то время, военной академіи, и хотя многого не удалось ему сдѣлать, тѣмъ не менѣ академія обязана ему правильной постановкой курсовъ военной исторіи, стратегіи и тактики, а также лѣтнихъ и зимнихъ практическихъ занятій. Можно было бы ожидать отъ З-лера и большаго, но Сухозанетъ стоялъ выше его по положенію и имѣлъ

большее значеніе въ высшихъ сферахъ, а потому ему не трудно было раздѣлаться съ вице-директоромъ. 28 сентября 1834 г. онъ донесъ военному министру, что поступки генерала барона З-лера потрясаютъ основанія службы и подчиненности, и 3 октября З-леръ былъ уволенъ отъ службы безъ всякихъ принадлежавшихъ ему по справедливости преимуществъ; только черезъ годъ, по ходатайству нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, онъ вновь былъ принятъ на службу и получилъ должность инспектора баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, которую и занималъ до конца своей жизни.

По этой должности онъ обязанъ былъ предпринимать поѣздки по всей Россіи и въ силу привычки велъ журналъ своимъ путешествіямъ, нѣкоторые отрывки изъ котораго онъ помѣстилъ въ «Сѣв. Пчелѣ», какъ-то: «Обѣдъ въ Маймай-Ченѣ, или витайской Кяхтѣ» (1845 г., № 259), «Красноярскъ» (1846 г., №№ 34, 35), «Плаваніе по Тасѣевкѣ и Ангарѣ къ Удерейскимъ золотымъ промысламъ» (1846 г., №№ 50, 51), «Частные золотые промыслы Удерейской системы» (1846 г., №№ 86—89, 101), «Изъ путевого журнала генлейт. барона Зедделера» (1847 г., № 14), «Иркутскъ» (1847 г., № 25) и «Кеммерскія минеральныя воды» (1848 г., №№ 7—9).

Въ молодости своей баронъ З-леръ увлекался поэзіей и самъ писалъ иногда стихи. Изъ самыхъ раннихъ его сочиненій, написанныхъ въ Австріи, извѣстно «Nach Norden» («На сѣверъ»), элегическое стихотвореніе, въ которомъ выражается его стремленіе жить и служить на сѣверѣ, гдѣ онъ родился и провелъ свои дѣтскіе годы. Имъ же переведено на нѣмецкій языкъ стихотвореніе Жуковского «Бородицкая годовщина». Но не въ этомъ литературное значеніе З-лера. Несравненно болѣе глубокой слѣдъ онъ оставилъ въ военной литературѣ своими учеными трудами. Первый опытъ его въ этой области былъ «Журналъ похода 1813 года», составленный имъ въ 1825 г. по собственнымъ запискамъ и своимъ личнымъ воспоминаніямъ, за который онъ и былъ удостоенъ Высочайшей награды. Потомъ въ 1836 г. онъ издалъ первую часть «Истории военного искусства», содержащую обзоръ древняго времени. Вторая часть этого сочиненія, содержащая исто-

рію военного искусства среднихъ вѣковъ, вышла въ 1843 г. и удостоена половиною Демидовской преміи, а третья осталась незаконченною за смертью автора. Кромѣ того, З-леръ участвовалъ въ изданіи «Энциклопедическаго лексикона» Плюшара; но самымъ важнѣйшимъ его трудомъ былъ «Военно-энциклопедическій лексиконъ» (14 т. Спб. 1837—51 гг.), увѣнчанный полною Демидовскою преміею. Къ изданію его З-леръ приступилъ въ 1837 г. въ сотрудничествѣ съ Гречемъ и адмираломъ Рикордомъ, но когда изданіе слишкомъ затянулось и публика потеряла вѣру въ его окончаніе, онъ принялъ на себя редакцію всего лексикона и хозяйственную часть, съ успѣхомъ привелъ задуманное дѣло къ концу. Лично ему въ этомъ трудѣ принадлежитъ около двухъ тысячъ страницъ написанныхъ имъ статей, изъ которыхъ многія имъ даже не подписаны. Его статьи относятся главнымъ образомъ къ тактикѣ, стратегіи, военному искусству въ древніе и средніе вѣка, географіи, статистикѣ; имъ же составлены почти всѣ описанія походовъ новѣйшаго времени и большая часть описаній отдѣльныхъ сраженій. По выходѣ въ 1851 г. послѣдняго (XIV) тома, З-леръ сталъ готовиться ко второму, улучшенному изданію своего лексикона и съ этою цѣлью собственноручно нарисовалъ для него особую карту и занялся составленіемъ дополнительнаго тома, заключающаго въ себѣ описаніе войны 1848—49 гг. По смерти прервала его работу, и второе изданіе осуществлено было уже спустя нѣсколько лѣтъ его друзьями. Лексиконъ З-лера въ свое время имѣлъ весьма важное значеніе и признавался однимъ изъ лучшихъ трудовъ такого рода въ Европѣ. Словари фонъ-деръ-Люге и Барденя уступали ему какъ по своей полнотѣ, такъ и по научности. Для военного обихода онъ имѣть значеніе и до настоящаго времени.

Личность барона Людвигъ Ивановича представлялась его современникамъ окруженной ореоломъ всѣхъ добродѣтелей. «Онъ былъ человекъ честный, благородный, вѣрный другъ, добрый начальникъ, рѣдкій семьянинъ. Прямодушіе и откровенность его, радужіе и хлѣбосолюбствъ, доброжелательство къ ближнимъ, готовность помочь всякому—не имѣли предѣловъ. Домъ его являлъ собою приютъ искренней супружеской и дѣтской любви, наслажденія изящ-

ными искусствами, откровенной дружеской бесѣды—всѣхъ благъ, какими наслаждаются, какія распространяютъ вокругъ себя люди и семейства благородныя и добродѣтельные». Таковъ былъ баронъ Людвигъ Ивановичъ по свидѣтельству современниковъ.

Формул. списокъ въ Московск. отд. общ. Архива Гл. Штаба, кн. 1848 г., № 12441.—«Списки титул. родамъ и лицамъ», изд. департ. герольдии. — *Долгоруковъ*, «Русская родосл. книга», ч. 3, кн. II.—«Русскій Архивъ», 1884 г., т. 2 (родословная). — «Военный энциклоп. лексиконъ», т. 1.—«Энциклопедія военн. и морск. наукъ» *Леера*, т. 3.—*Геннади*, Словарь, т. 2.—«Русскій художественный листокъ», 1852 г., № 122.—«Сынъ Отечества» 1852 г., т. 2, кн. 3.—«Сѣверная Пчела» 1852 г., № 40.—«Петербургскій Некрополь».

Н. З.

Зедергольмъ, Альбертъ Карловичъ, ген.-маіоръ, командиръ 2-й бригады Кавказской гренадерской дивизіи, родился 22 іюня 1822 г. въ Москвѣ и по окончаніи первоначальнаго образованія въ частномъ учебномъ заведеніи поступилъ въ 1840 г. на службу унтеръ-офицеромъ въ Тенгинскій полкъ, съ которымъ принялъ участіе въ рядѣ военныхъ дѣйствій съ горцами въ Малой Чечнѣ. За отличіе, оказанное въ этихъ дѣлахъ, З—льмъ былъ сначала назначенъ баталіоннымъ, а потомъ полковымъ адъютантомъ, затѣмъ штабсъ-капитаномъ и адъютантомъ къ командиру войскамъ на Кавказской линіи ген.-отъ кавалеріи Завадовскому. По завоеваніи Малой Чечни была снаряжена экспедиція въ Большую Чечню, въ одномъ изъ отрядовъ которой находился и З—льмъ. Усердіе, проявленное имъ въ этихъ дѣлахъ, было отличено орденами св. Анны 3-й ст. съ бантомъ и св. Анны 2-й ст. съ мечами. Въ 1854 г. З—льмъ вернулся въ Тенгинскій полкъ и въ 1856 г. назначенъ былъ баталіоннымъ командиромъ его. Въ этомъ и слѣдующемъ году онъ снова участвовалъ въ жесточайшихъ схваткахъ съ неприятелемъ въ Большой Чечнѣ, сопровождавшихся разореніемъ многихъ ауловъ. Наградой за эти дѣла ему былъ чинъ подполковника (1857 г.) и назначеніе и. д. тифлискаго пладъ-маіора (1858 г.); однако въ этой должности онъ пробылъ всего два года и опредѣленъ былъ командиромъ Кавказскаго линейнаго № 30 баталіона, а въ 1863 г. командиромъ 157-го Имеретин-

скаго полка. Въ слѣдующемъ году, при завоеваніи Западнаго Кавказа, З—льмъ занимался прокладываніемъ дорогъ изъ ушелій рѣкъ Большой и Малой Лабы и участвовалъ въ наступательныхъ дѣйствіяхъ на территории Пехувцевъ и Ахчинкухцевъ. Произведенный въ 1872 г. въ ген.-маіоры, съ прикомандированіемъ къ 40-й пѣхотной дивизіи, З—льмъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ сначала командиромъ 2-й бриг. 40-й пѣх. дивизіи, а затѣмъ командиромъ 2-й Кавказской гренадерской дивизіи. Наконецъ, въ 1877 г. послѣдовало назначеніе его помощникомъ инспектора госпиталей Кавказскаго военнаго округа и начальникомъ Тифлискаго военнаго госпиталя; въ этой должности онъ оставался до смерти, послѣдовавшей въ 1878 г. За боевую и служебную дѣятельность З—льмъ, помимо многихъ орденовъ, получилъ еще 800 десятинъ въ Кубанской области.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Послужной списокъ за 1874 годъ.—«Военный Ежегодникъ» 1879 г., стр. 124.

И. Артамонова.

Зедергольмъ, Карлъ Альбертовичъ финляндскій уроженецъ, сынъ помѣщика родился 25 мая 1789 г., начальной грамотѣ выучился у матери своей, а затѣмъ былъ отданъ въ гимназію въ Борго, выйдя изъ которой поступилъ въ Абовскій университетъ. По окончаніи университета онъ, по настоянію отца, вернулся домой и занялся хозяйствомъ. Однако недолго З—льмъ оставался въ родительскомъ домѣ и отправился въ Выборгъ, гдѣ тогда при гимназіи находились молодые ученые. Скоро и онъ опредѣлился при гимназіи и, познакомившись съ этими учеными, съ любовью предавался научнымъ занятіямъ. Оттуда въ 1811 г. онъ переѣхалъ на югъ Россіи и жилъ сначала въ Таврической губ., потомъ на Дону и въ Харьковѣ, а съ 1819 г. поселился въ Москвѣ, гдѣ долго былъ лютеранскимъ пасторомъ и жилъ до кончины своей 15 іюля 1867 г. Живя съ молодыми лѣтъ въ Россіи, З—льмъ полюбилъ ея языкъ и литературу, основательно изучилъ славяно-русскій языкъ и перевелъ на нѣмецкій языкъ Слово о полку Игоревѣ («Das Lied vom Heereszuge Igors» (M. 1825 г.); будучи знакомъ со всѣми мыслящими и учеными людьми Москвы, онъ былъ собесѣдникомъ Хомякова, Кирѣевскаго и Голубинскаго.

Изъ записки объ Имп. Харьковскомъ университетѣ (сост. Фойгтъ, 1859 г.) узнаемъ, что въ Харьковѣ 3-льмъ напечаталъ «Собрание священныхъ пѣсней», на нѣм. яз. (1816 г.) и «Kleiner Katechismus» (1818 г.). Кромѣ того, ему принадлежатъ слѣдующія книги: «Руководство къ познанію латинскаго языка, содержащее: этимологическую часть латинской грамматики, со многими избраннѣйшими къ тому примѣрами для перевода съ лат. на русскій языкъ; первый курсъ съ словаремъ, содержащимъ всѣ лат. реченія сей части» (соч. Рейсса, перев. М. 1823 г.); «Nachruf an die höchstseelige Kaiserin Elisabeth» (М. 1826 г. Стихи); «Zur Feyer der Krönung des K. Nicolai Pawlowitsch» (М. 1826 г. Стихи); «Dem Dr. I. Chr. Loder...» (М. 1827 г.); «Gedichte» (М. 1828 г.); «Ueber die Möglichkeit und die Bedingungen einer Religions - Philosophie» (М. 1829 г.); «Учебная книга латинскаго языка по методу Гамильтоновой, содержащая пригготовительныя упражненія и избранныя мѣста изъ Цицерона, Юлія Цезаря, Курція Руфа, Тита Ливія, Саллюстія и Тацита, съ буквальнымъ междустрочнымъ переводомъ» (М. 1834 г.); «Новая практическая нѣмецкая грамматика для русскихъ и нѣмцевъ...» (Изд. 3-е, М. 1835 г.); «Карманная книга географіи для дѣтей» (съ 21 раскрашен. рис. и ландкартою. Перев. съ нѣм. М. 1835 г.); «Походъ Кира Младшаго» (съ объясненіями и словаремъ. М. 1840 г. Удостоено Демидовской нагр. Отзывъ: «Х присужд. Демид. нагр.» 1841 г., стр. 357—363); «Исторія древней философіи, приспособленная къ понятію каждаго образованнаго человѣка» (2 ч. М. 1841—42 гг. Отзывы: «XI присужд. Демид. нагр.» 1842 г., стр. 237—266; «Библи. для Чт.» 1842 г., т. 52, отд. VI, стр. 49; «Сынъ Отеч.» 1842 г., № 4 и «Пант. Литер.», 1841 г., № 9, стр. 394—398); «Der Brief Pauli an die Epheser, neu übersetzt u. erklärt» (М. 1845 г.) и «Плиній Младшій» (1856 г. Отзывы: «Отеч. Записки», 1856 г., т. CVI, № 5, стр. 6—7 и «Спб. Вѣд.» 1856 г., № 62). Имъ же напечатаны въ «Московск. Вѣдомостяхъ» (1853 г., №№ 49, 50) «Воспоминанія финляндскаго уроженца о родинѣ».

Геннадіи, Словарь, т. II.—«Москов. Вѣдом.» 1853 г., №№ 49—50; 1867 г., № 159.

Зедерштедтъ, Иванъ Ивановичъ, заслуженный проф. Казанскаго универси-

тета по кафедрѣ терапевтической клиники, сынъ лѣкаря, род. 10 декабря 1820 г. въ Петроградѣ. Получивъ среднее образованіе дома, онъ въ 1838 г. былъ принятъ, по испытаніи, въ студенты Казанскаго университета, въ которомъ въ 1842 г. окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря и въ слѣдующемъ году поступилъ на службу ординаторомъ въ Казанскій военный госпиталь. По защитѣ диссертаци подъ заглавіемъ: «De cholera orientali» онъ былъ удостоенъ въ 1850 г. степени доктора медицины. Избранный въ 1857 г. въ доценты при кафедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи, онъ въ слѣдующемъ году отправился въ заграничную командировку съ ученою цѣлью, по возвращеніи изъ которой (1859 г.) былъ назначенъ ординаторомъ Казанскаго военнаго госпиталя и оставался въ этой должности до 1872 г. Въ 1861 г. 3—дть былъ опредѣленъ и. д. директора терапевтическаго отдѣленія госпитальной клиники, въ слѣдующемъ году утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1863 г. перемѣщенъ на кафедру факультетской терапевтической клиники, въ 1868 г. избранъ ординарнымъ профессоромъ, а въ 1870 г. перемѣщенъ на кафедру госпитальной терапевтической клиники. При баллотировкѣ въ 1876 г. на второе пятилѣтіе службы онъ не былъ избранъ, но былъ оставленъ, по распоряженію министра, сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ, съ полнымъ содержаніемъ по этой послѣдней должности. Получивъ званіе заслуженнаго профессора (1883 г.), 3—дть въ 1885 г. вышелъ въ отставку и скончался 28 апрѣля 1892 г.

Кромѣ названной диссертаци, 3—дту приписываются еще двѣ работы, повидимому оставшіяся въ рукописи: «О правильныхъ родовыхъ потугахъ» 1855 г. (диссертация pro venia legendi) и «Исторія акушерства» 1855 г. (представленная на конкурсъ для полученія кафедры акушерства.)

«Биографическій словарь профес. и преподават. Казанскаго университета», т. II, стр. 201—202.—«Петербургскій Некрополь».

Мис—овъ.

Зеелигеръ, Карлъ - Вильгельмъ, живописецъ-миниатюристъ и рѣзчикъ на мѣди начала XIX вѣка; одинъ изъ представителей многочисленныхъ нѣмцевъ реме-

сленниковъ - художниковъ, прїѣзжавшихъ въ Россію въ чаяніи славы и богатства, родился въ Берлинѣ въ 1766 г., умеръ въ Петроградѣ 28 августа 1821 г. Разгаръ дѣятельности З-гера относится къ 1806 г., когда онъ выступилъ передъ столичной публикою съ рядомъ гравюръ-портретовъ духовныхъ лицъ; въ началѣ года З-герь выпустилъ «эстампъ, представляющій покойнаго архіепископа Евгенія Булгарскаго», при чемъ въ объявленіи о продажѣ этого эстампа указывалъ на «удовольствіе, съ каковымъ былъ принятъ этотъ эстампъ». Затѣмъ слѣдовалъ портретъ «уваженія и любви достойнаго митрополита Амвросія Подобѣдова», вырѣзанный «на мѣди съ оригинальнаго живописнаго портрета славнаго художника Яненко, который не только написалъ оный весьма сходно, но и вообще весь портретъ изобразилъ въ превосходномъ видѣ». Если портретъ-гравюра Евгенія Булгара стоилъ 5 рублей, то за портретъ Амвросія З-герь назначилъ цѣну въ 10 рублей. Затѣмъ въ томъ же году слѣдовалъ портретъ-гравюра оберъ-камергера графа Н. П. Шереметева. Эти три гравюры были представлены З-ромъ въ Академію Художествъ, которая въ засѣданіи 1 сентября 1806 г. признала его «назначеннымъ» въ академики. Ровинскій указываетъ 11 гравюръ работы З-гера, при чемъ о портретѣ императора Александра I отзываясь, какъ о громадномъ и довольно безобразномъ портретѣ.

Петровъ, «Матеріалы для исторіи Акад. Худож.», т. 1, стр. 484. — *Ровинскій*, «Словарь гравировъ», стр. 243. — «Спб. Вѣд.» 1806 г., стр. 564, 785. — Каталогъ гравюръ Академіи Художествъ.

П. С—кій.

Зейдель, *Иванъ Карловичъ*, капитанъ-лейтенантъ, военный писатель, родился въ 1824 г.; службу началъ юнкеромъ въ Балтійскомъ флотѣ (1839 г.); получивъ въ 1842 г. чинъ мичмана, онъ черезъ два года уволился отъ службы съ чиномъ лейтенанта и опредѣлился на гражданскую службу, сначала въ департаментъ министерства юстиціи (1845 г.), затѣмъ въ департаментъ сельскаго хозяйства (1847 г.). Въ 1849 г. З—ль вернулся на морскую службу мичманомъ и, будучи прикомандированъ въ 1853 г. къ морскому ученому комитету, работалъ въ комитетѣ по пересмотру морскихъ уставовъ и въ комитетѣ составленія новаго торговаго регламента.

Въ слѣдующемъ году онъ командовалъ канонерскими лодками у острова Рунсала и участвовалъ въ сраженіи съ непріятельскими пароходами. Произведенный въ капитанъ-лейтенанты съ зачисленіемъ по резервному флоту, онъ скончался 10 августа 1868 г.

Занимаясь изученіемъ морской исторіи, З—ль написалъ довольно много историческихъ статей, помѣщенныхъ имъ въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1857—1866 гг., какъ-то: «Историческій очеркъ судовъ русскаго флота», «Очеркъ исторіи морского устава, изданнаго при Петрѣ Великомъ», «Снаряженіе 1-й дальней экспедиціи въ царствованіе Петра Великаго», «Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ Финляндіи въ 1741—43 гг.», «О предразсудкахъ и суевѣрїи моряковъ» и весьма подробныя и обстоятельныя біографіи адмираловъ Л. О. Богдановича, В. И. Мелихова, вице-адмираловъ А. К. Давыдова и И. А. Курянова и контръ-адмирала И. А. Мартынова. Кромѣ того, въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» имъ была помѣщена обширная статья подъ заглавіемъ: «Списокъ главныхъ командировъ Кронштадтскаго порта», за все время его существованія.

«Общій морской списокъ», ч. X, стр. 173—175.

С. Р.

Зейдель, *Карлъ Ивановичъ*, переводчикъ, род. въ 1786 г., умеръ въ 1842 г., состоялъ лекторомъ нѣмецкой словесности въ горномъ корпусѣ и бібліотекаремъ въ Импер. вольно-экономическомъ обществѣ. Онъ перевелъ съ нѣмецкаго соч. Штиссера: «Руководство производить постройки изъ мокрой глины» (П. 1829 г.) и рѣчь Гацци: «О совершенствованіи скотоводства» (П. 1830 г.). Кромѣ того, З-ль издалъ «Книгу для чтенія въ пользу начинающихъ учиться нѣмецкому языку» (П. 1834 г.) и состоялъ издателемъ газеты «Бабочка», которая, по отзыву критика того времени, перейдя въ руки З-ла, «едва ли не пустѣе, не плоше во всѣхъ отношеніяхъ, нежели какъ теперь ее видимъ». Видя, что газета его почти никѣмъ не читается, З-ль по словамъ того же критика—«рѣшился дать гласность важнѣйшимъ статьямъ, ее составляющимъ, а именно—анекдотамъ», и съ этою цѣлью выпустилъ два альманаха анекдотовъ на 1830 и 1831 годы, въ которые вошло не мало давно уже изданныхъ анекдотовъ,

часто не остроумныхъ, «приторныхъ и совершенно безвкусныхъ».

Геннади, Словарь, т. II. — «Вѣстникъ Европы» 1830 г., № 1, стр. 83. — «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду» 1831 г., №№ 11, 18.

Зейдель, *Федоръ Адамовичъ*, писатель-переводчикъ, напечаталъ: «Агнеса и Лудвигъ», др. въ 3 дѣйств. (М., 1805 г., переводъ съ нѣмецкаго), «Глоріозо или атаманъ-патріотъ, приключеніе осмагодесять вѣка», 3 ч. (М., 1806 г., переводъ съ нѣмецкаго соч. Вульпіуса) и «Новая картинная галлерія для дѣтей, содержащая въ себѣ предметы изъ царства природы, науки, художества и мастерства, на російскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, испанскомъ и англійскомъ языкахъ внятно описанные» (2 ч. М., 1807 г.). Возможно, что ему же принадлежитъ переводная съ нѣм. пьеса «Рыцарская пирушка или проступокъ и урокъ», въ 2 дѣйств., съ хорами и танцами.

«Роспись російскимъ выигамъ для чтенія изъ библ. Ал. Смидина», Спб. 1828 г. (по указателю). — В. С. Сопиковъ, «Опытъ російской библиографіи» (по указателю В. Н. Рогожина. Спб. 1900 г.). — *Геннади*, Словарь, т. 2. — «Журналъ Минист. Народн. Просв.», 1878 г., № 6, стр. 268. — П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», стр. 277.

Зейдеръ, *Федоръ (Фридрихъ Самуилъ) Николаевичъ*, пасторъ въ Гатчинѣ, родился 8 февраля 1771 г. (по другимъ свѣдѣніямъ 1766 г.) въ Кенигсбергѣ, образованіе получилъ въ Kollegium Fridericianum и въ кенигсбергскомъ университетѣ и въ 1788 г. прибылъ въ Россію. Въ 1792 г. онъ былъ назначенъ пасторомъ въ Ранденѣ, въ Лифляндіи, гдѣ, между прочимъ, вмѣстѣ съ сосѣдними помѣщиками, устроилъ небольшую библіотеку. Въ 1800 г. одна изъ книгъ этой библіотеки (первый томъ «Вѣстника любви» Лафонтена) затерялась на почтѣ; въ поискахъ ея Зейдеръ помѣстилъ въ «Дерптскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе, которое и послужило поводомъ къ обвиненію ранденскаго пастора въ томъ, будто въ его библіотекѣ имѣются «запрещенныя и думсленныя» книги. По доносу рижскаго цензора Ѳ. О. Туманскаго Зейдеръ былъ арестованъ, отправленъ въ Петроградъ, лишень пасторскаго званія, подвергнутъ тѣлесному наказанію и посланъ на каторжныя работы въ Нерчинскъ. Ссылка однако продолжалась недолго: импера-

торъ Александръ I сейчасъ же по вступленіи на престолъ помиловалъ Зейдера и назначилъ ему ежегодную пенсію въ размѣрѣ 750 руб. Вслѣдъ затѣмъ 26 января 1802 г. Зейдеръ вторично былъ посвященъ въ пастора столичнымъ духовенствомъ и въ 1803 г. назначенъ къ восточному приходу въ Петроградѣ, а около 1810 г., по желанію императрицы Маріи Ѳеодоровны, переведенъ пасторомъ въ Гатчину, гдѣ онъ одновременно состоялъ учителемъ Гатчинскаго сиротскаго дома. Скончался Зейдеръ въ Гатчинѣ 24 іюля 1834 г. и похороненъ въ Колпинѣ.

Обстоятельства осужденія и ссылки пастора Зейдера были имъ самимъ описаны въ статьѣ «Die Leiden des Pastors Seider», но при жизни автора рукопись эта не была напечатана, и только впоследствии русскій переводъ ея, по просьбѣ г-жи М. Ѳ. Зубахиной (рожд. Зейдеръ), помѣщенъ былъ въ «Русской Старинѣ» (1878 г., май) подъ заглавіемъ: «Страданія пастора Зейдера». Въ томъ-же журналѣ (1878 г., мартъ) напечатано въ русскомъ переводѣ и письмо Зейдера, писанное изъ ссылки фонъ-Эрценъ-Клайрону и изданное въ видѣ отдѣльной брошюры въ Лейпцигѣ и Гильдесгеймѣ, въ 1803 г. подъ заглавіемъ: «Der Todeskampf am Hochgerichte. Oder Geschichte des unglücklichen Duldens F. Seider, ehemaligen Predigers zu Randen in Ebstland. Von ihm selbst erzählt». Зейдеръ, правда, печатно отказывался отъ авторства этого письма, но въ виду близости его текста къ тексту вышеупомянутой его рукописи, не остается сомнѣнія, что письмо было подлинное.

Зейдеръ извѣстенъ также, какъ авторъ нѣсколькихъ торжественныхъ одъ и гимновъ на нѣмецкомъ языкѣ. Изъ нихъ въ печати извѣстны: «Flehgesang» — по случаю годовщины посвященія автора въ пастора (Юрьевъ, 1793 г.), ода по случаю заключенія мира съ Турціей (1793 г.), ода на вступленіе на престолъ императора Александра I (Москва, 1801 г.), гимнъ въ годовщину его вступленія на престолъ (Спб., 1802 г.) и ода «An den Genius des neuen Jahres 1804» (Kafka's Nord. Archiv, 1804 г.). За изданіе оды Фосса «Humme der Deutschen in Russland an Kaiser Alexander» Зейдеръ Высочайше пожалованъ былъ перстнемъ.

Не напечатанной осталась: аллегорическая сцена, написанная къ празнику

коронаціи импер. Александра, «Das Fest der Elfen».

«Обвиненіе и ссылка пастора Зейдера» («Русская Старина», 1878 г., мартъ, стр. 463—490).—«Страданія пастора Зейдера» (тамъ-же, 1878 г., май, стр. 117—156).—«Русская Старина» 1873 г., т. VIII, стр. 589—593.—«Русскій Архивъ» 1873 г., № 5, стр. 684—685.—*Recke und Napiersky*, «Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon», Митава, 1832 г., т. 4, стр. 180—182; прибавленіе 1861 г., стр. 188.

А. Г.

Зейдлицъ, Карлъ Карловичъ, докторъ медицины, выдающійся врачъ, извѣстный профессоръ терапевтической клиники Петроградской медико-хирургической академіи, биографъ и другъ поэта В. А. Жуковского, род. 6-го марта 1798 г. въ Ревелѣ, умеръ 7-го февраля 1885 г. Въ 1815 году поступилъ на медицинскій факультетъ Юрьевского университета, гдѣ выказалъ выдающіеся успѣхи въ наукахъ и въ 1818 году былъ удостоенъ золотой медали; въ 1821 году, по окончаніи курса медицинскихъ наукъ въ Юрьевѣ, онъ получалъ степень доктора медицины за диссертацию подъ заглавіемъ: *De praecipuis oculorum morbis inter Esthonos obviiis* и былъ зачисленъ лѣкаремъ на службу въ Петроградскій морской госпиталь. Въ 1823 г. Зейдлицъ посланъ былъ въ Астрахань для принятія мѣръ противъ холерной эпидеміи и составилъ себѣ извѣстность описаніемъ развитія холеры въ Астрахани. («Bericht über die orientalische Brechruhr, welche in Astrachan vom 9 Sept. — 7 Oct. des J. 1823 herrschte»). Въ 1825 г. онъ отправился съ ученою цѣлью за границу; былъ въ Парижѣ, Монпелье, Пизѣ, въ послѣдней впервые познакомилъ ученыхъ съ употребленіемъ стетоскопа, тогда только что примѣнявшагося въ Парижѣ. За границей Зейдлицъ, по просьбѣ В. А. Жуковского и генералъ-губернатора Оренбургскаго края графа В. А. Перовскаго, сопровождалъ больную Ал. Анд. Воейкову, которая на его рукахъ и умерла въ 1828 г. въ Ниццѣ. Зейдлицъ отвезъ дѣтей Воейковой въ Россію и посѣщилъ, во время начавшейся Турецкой кампаніи, въ дѣйствующую армію Дибича, гдѣ былъ назначенъ главнымъ врачомъ 2-го армейскаго корпуса; здѣсь онъ выказалъ энергичную дѣятельность въ чумномъ госпиталѣ въ Адрианополѣ, составилъ прекрасное описаніе болѣзней нашей арміи

во время Турецкой войны и разработалъ вопросъ «о сахарномъ поносѣ» въ войскахъ. Записки объ этомъ времени изданы Зейдлицемъ на нѣмецкомъ языкѣ: «Zur Erinnerung an den Türkischen Feldzug aus dem Jahre 1828—1829» (Дерптъ, 1854 г.); отрывки изъ нихъ напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» за 1878 г. Затѣмъ онъ состоялъ врачомъ нашего посольства въ Константинополь при графѣ Орловѣ. По возвращеніи изъ Костантинополя (1830 г.) Зейдлицъ состоялъ главнымъ докторомъ морского госпиталя въ Петроградѣ. Въ 1835 г. онъ сопровождалъ великую княгиню Елену Павловну въ Берлинъ и по возвращеніи изъ-за границы былъ назначенъ медицинскимъ инспекторомъ Петроградскаго порта; но вскорѣ вышелъ въ отставку. Въ 1836 г. Зейдлицъ былъ назначенъ профессоромъ Петроградской медико-хирургической академіи по кафедрѣ клиники внутреннихъ болѣзней, помимо выбора конференціи академіи, и завѣдывалъ терапевтической клиникой; кромѣ того, онъ состоялъ еще членомъ медицинскаго общества.

Въ 1864 г., по разстроенному здоровью, Зейдлицъ окончательно вышелъ въ отставку, проживалъ съ тѣхъ поръ то въ Юрьевѣ, то въ имѣніи Мейерсгофъ, купленномъ имъ у своего друга, поэта Жуковского, и занялся сельскимъ хозяйствомъ и общественною дѣятельностью; основалъ Лифляндское вольно-экономическое общество; принималъ участіе въ трудахъ этого Общества и издавалъ громадный трудъ: «Нивелировка Лифляндской губерніи». Кромѣ того, онъ состоялъ председателемъ Общества исторіи и древностей Эстзейскаго края въ Ригѣ и Эстляндскаго литературнаго Общества въ Ревелѣ, а также членомъ Эстонскаго ученаго Общества. Зейдлицъ не только стоялъ на высотѣ современной науки, но и давалъ ей направленіе собственными трудами; онъ былъ лично знакомъ съ современными знаменитостями Германіи и Франціи; вмѣстѣ съ близкимъ другомъ своимъ, академикомъ Баромъ, разработалъ «Исторію плода». Онъ имѣлъ огромное вліяніе на поднятіе уровня образовательнаго ценза слушателей медико-хирургической академіи и русскихъ врачей; онъ первый въ Россіи началъ примѣнять перкуссію и аускультацию въ госпитальной и частной практикѣ; создалъ въ Петроградской медико-хирургической академіи пропедев-

тическую клинику, гдѣ впервые читалъ своимъ слушателямъ прикладную семіотику и познакомилъ ихъ съ объективными способами изслѣдованія болѣзней; ввелъ микроскопію, училъ дифференціальнымъ диагнозамъ и въ своемъ классическомъ отчетѣ «*Klinischer Bericht*» (1846 г.) оставилъ образецъ учено-практическаго труда. Слушатели были ему обязаны здравыми понятіями объ инфекціонныхъ болѣзняхъ и о ихъ цѣлическомъ ходѣ развитія. Медико-хирургическая академія обязана ему еще и тѣмъ, что 8-го ноября 1836 г. онъ впервые открылъ амбулаторію при терапевтической клиникѣ. Надо добавить, что З—лицъ былъ близкимъ другомъ Н. И. Пирогова, что, впрочемъ, не имѣло ему относиться критически къ трудамъ послѣдняго. По кончинѣ З—лица напечатано было его «Открытое письмо къ проф. Н. И. Пирогову» («*Рус. Стар.*» 1885 г., кн. 9), въ которомъ онъ критикуетъ нѣкоторые хирургическія положенія Пирогова.

Въ исторіи русской литературы З—лицъ извѣстенъ составленіемъ по неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ біографіи поэта В. А. Жуковскаго, напечатанной впервые въ «*Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*» за 1869 г., съ значительными сокращеніями. Въ болѣе полномъ видѣ этотъ трудъ вышелъ въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «*Wasily Andrejewitsch Joukoffsky, ein russisches Dichterleben*». Mitau 1870 г. Къ 100-лѣтнему юбилею Жуковскаго въ 1883 г. вышло новое дополненное изданіе на русскомъ языкѣ «*Жизнь и поэзія Жуковскаго по неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ*». Спб. 1883 г. Эта біографія по анализу внутренней жизни Жуковскаго считается лучшей въ нашей литературѣ. З—лицъ познакомился съ Жуковскимъ еще будучи студентомъ, на «*вомершѣ*», въ 1815 г. и поддерживалъ съ нимъ постоянную переписку, изданную въ «*Русской Старинѣ*» за 1883 г. Его же «*Два письма къ Жуковскому о кончинѣ А. А. Воейковой*» напечатаны въ «*Татевскомъ Сборникѣ*» С. А. Рачинскаго (по-нѣмецки) и въ «*Рус. Архивѣ*» за 1907 г., кн. 3 (на рус. яз.). Послѣ смерти Жуковскаго онъ былъ его душеприказчикомъ и сохранилъ до гроба самую трогательную привязанность къ памяти умершаго друга.

Изъ печатныхъ сочиненій З—лица слѣ-

дуетъ указать еще на слѣдующія: «О чумѣ въ русской арміи во время похода противъ турокъ въ 1828 и 1829 гг.»; «*Beitrag zur Geschichte und Behandlung der morgenländischen Brechruhr nach Beobachtungen während der Epidemie des Sommers 1831 in St.-Petersburg*» (въ «*Собщеніяхъ о холерной эпидеміи въ Спб. лѣтомъ 1831*», Спб., 1832 г., 2 т., подъ редакціей Лихтенштедта и Зейдлица); «*Constantinopel in medicinischer Hinsicht*» («*Dorpat. Jahrb.*» 1833. B. I); «*Beitrag zur Geschichte des Feldzugs in der Türkei in den Jahren 1828 und 1829 in medicinischer Hinsicht*» («*Vermischte Abhand. aus dem Gebiete der Heilk.*» 1835. Somml. 5); «*Lebensabriss des an die St.-Annen Kirche nach Petersburg berufenen Pastors zu Halljal in Ebstland Georg Wilhelm Spindler*» (Спб., 1838) и «*Dr. Arthur. Schopenhauer vom medicinischen Standpunkte aus betrachtet*» (Dorpat, 1872 г.).

Геннадіи, «*Справочный Словарь*», т. II, стр. 29.—*Д. Д. Лыково*, «*Писатели, умершие въ 1885 г.*», вып. V, стр. 54.—«*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*» 1885 г., кн. 3, стр. 94—96.—«*Исторія военно-медицинской академіи за сто лѣтъ*».—«*Album Academicum*» Дерпта, 1863 г., стр. 45.—«*Врачъ*» 1885 г., № 7.—«*Библиографъ*» 1885 г., № 3.—«*Вѣстникъ Европы*» 1885 г., кн. 2, стр. 445—446.—«*Историческій Вѣстникъ*» 1885 г., кн. 4, стр. 249.—«*Московскія Вѣдомости*» 1885 г., № 47.—«*Новое Время*» 1885 г., № 3219.—«*Русская Старина*» 1883 г., кн. 1, стр. 190—191; 1885 г., кн. 4, стр. 192; 1891 г., т. 70, стр. 122.—«*Рус. Архивъ*» 1878 г., кн. I, стр. 412; кн. II, стр. 88 (Воспоминанія доктора К. К. Зейдлица о турецкомъ походѣ 1829 г.).—«*Новь*» 1885 г., т. III, № 9.—«*Recke und Napiersky, Lexikon*», Матава, 1832 г., т. 4, стр. 182 и прибавленіе 1861 г., стр. 188—190.

Н. З.

Зейме, Рудольфъ Антоновичъ, военный инженеръ, генералъ-лейтенантъ, родился 17 іюня 1830 г. въ Курляндской губ., воспитывался въ Инженерномъ училищѣ и по окончаніи курса наукъ въ 1848 г. произведенъ былъ въ полевые инженеръ-прапорщики, съ оставленіемъ въ офицерскихъ классахъ. Черезъ два года, окончивъ блистательно курсъ, онъ былъ произведенъ въ подпоручики и за отличные успѣхи въ наукахъ занесенъ на мраморную доску. Вступивъ затѣмъ въ 1851 г. на дѣйствительную службу въ л.-гв. саперный баталіонъ, Зейме заявилъ себя здѣсь образцовымъ офицеромъ и за трехлѣтніе труды по преподаванію ниж-

нимъ чинамъ наукъ въ саперныхъ школахъ награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 3 ст. Въ 1856 г. онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ адъютантомъ къ инженеръ-генералу Дену, въ званіи товарища генераль-инспектора по инженерной части, но вскорѣ затѣмъ прикомандированъ былъ къ штабу отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, а послѣ смерти ген. Дена назначенъ старшимъ адъютантомъ того же штаба. Состоя въ этой должности, Зейме былъ командированъ для указанія войскамъ работъ на вновь устраиваемой желѣзной дорогѣ между Краснымъ Селомъ и красносельской станціей Петергофской ж. д. и назначенъ посредникомъ между управленіемъ желѣзной дороги и войсками, при чемъ за успѣшное веденіе дѣла и за сохраненіе здоровья нижнихъ чиновъ получилъ благодарность въ приказѣ корпуса. Въ 1862 г. Зейме былъ произведенъ въ полковники и назначенъ вице-директоромъ Главнаго инженернаго управленія, а въ 1866 г. получилъ чинъ генераль-маіора и былъ переименованъ помощникомъ начальника того же управленія. Исполняя эту должность въ теченіе 10 лѣтъ, онъ участвовалъ почти во всѣхъ преобразованіяхъ, состоявшихся за этотъ періодъ времени въ нашемъ инженерномъ вѣдомствѣ какъ по части технической, такъ и по хозяйственной. Былъ членомъ комиссіи по составленію проекта о перевозкѣ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и водою; находился въ командировкѣ во Францію, Австрію и Германію съ цѣлью собранія свѣдѣній, необходимыхъ для составленія проекта положенія о военно-желѣзнодорожныхъ командахъ; состоялъ членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ и членомъ комиссіи по составленію положенія объ управленіи хозяйственной частью въ войскахъ; участвовалъ въ пересмотрѣ положенія объ эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства. Кромѣ того, Зейме неоднократно былъ посылаемъ для осмотра саперныхъ войскъ, казарменныхъ помѣщеній, техническихъ заведеній военнаго инженернаго вѣдомства и т. п. Въ 1873 г. онъ былъ назначенъ членомъ инженернаго комитета Главнаго инженернаго управленія и въ 1879 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты. Продолжая свою полезную дѣятельность до самой кончины своей, послѣдовавшей

въ Петроградѣ 11 февраля 1886 г., Зейме участвовалъ, между прочимъ, въ разработкѣ проекта организациі военно-телеграфныхъ частей и въ испытаніи самодвижущихся минъ.

«Русскій Инвалидъ» 1886 г., № 38.—
«Свѣтъ» 1886 г., № 36.—Календарь *Гоппе* на 1887 г., стр. 496.—«Петербургскій Некрополь».

А. Г.

Зейме, Феликс Антоновичъ, генераль-лейтенантъ, родился 26 августа 1826 г., умеръ 29 іюля 1883 г. Сынъ доктора медицины и хирургіи, уроженецъ Курляндской губерніи. Воспитывался въ Главномъ инженерномъ училищѣ, въ которомъ имя его за отличные успѣхи въ наукахъ записано на мраморную доску. По окончаніи курса въ высшемъ офицерскомъ классѣ (1846 г.) онъ былъ выпущенъ на службу въ инженерный корпусъ подпоручникомъ, съ зачисленіемъ въ Петроградскую инженерную команду, а въ концѣ того же 1846 года переведенъ въ л.-гв. саперный баталіонъ. Во время венгерскаго мятежа (1849 г.) находился въ походѣ войскъ гвардіи къ западнымъ предѣламъ имперіи, а съ началомъ Восточной войны (1853—56 гг.) былъ командированъ въ распоряженіе командующаго 4-мъ и 5-мъ пѣхотными корпусами. Въ ноябрѣ 1853 г. Зейме перешелъ черезъ рѣку Прутъ и поступилъ въ составъ войскъ Мало-Валахскаго отряда; съ 21 по 24-е декабря завѣдывалъ оборонительными работами с. Боелешти и въ сраженіи при Четали командовалъ полубаталіономъ изъ двухъ ротъ 4-го сапернаго баталіона. Въ 1854 г. завѣдывалъ устройствомъ моста черезъ рѣку Жіо; принималъ участіе въ наводкѣ моста отъ острова Голагона на правый берегъ Дуная; при Силистріи, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, производилъ осадныя работы и участвовалъ въ отраженіи непріятельскихъ вылазокъ, за что награжденъ былъ золотой шпагою съ надписью «за храбрость». При обратномъ движеніи войскъ, занимавшихъ княжества Молдавію и Валахію, по случаю перенесенія театра войны на Крымскій полуостровъ, Зейме завѣдывалъ производствомъ работъ по устройству переправъ черезъ р. Сереть и исполнялъ другія аналогичныя порученія. 25 января 1856 г. онъ былъ произведенъ въ полковники. Въ 1859—60 гг.

состоялъ въ распоряженіи генераль-адъютанта Тотлебена, потомъ около года (1860—61 гг.) находился для особыхъ порученій при директорѣ инженернаго департамента военного министерства; полтора года (1862—63 г.) командовалъ л.-гв. сапернымъ баталіономъ и съ небольшимъ годъ (1863—64 г.) занималъ должность начальника инженеровъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Въ 1864 г. Зейме былъ назначенъ начальникомъ сводной саперной бригады; участвовалъ въ качествѣ члена въ трудахъ комиссіи для разработкѣ положенія о личной воинской повинности и, за отличие по службѣ, произведенъ былъ въ генераль-лейтенанты (1871 г.). Во время Турецкой войны въ 1878 г. занималъ должность начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, а по окончаніи кампаніи былъ предсѣдателемъ временной комиссіи для окончанія дѣлъ и счетовъ бывшей дѣйствующей арміи. Последнее время Зейме числился въ запасѣ по инженерному корпусу.

Послужн. списокъ въ Общемъ Арх. Гл. Штаба, кн. за 1864 г.—«Русскій Инвалидъ» 1883 г., №№ 145, 148 (некрологъ).—«Петербургскій Некрополь».

Зейполь, Иоаннъ-Фридрихъ, одинъ изъ многочисленныхъ придворныхъ живописцевъ императрицы Екатерины II, написавшій въ 1783 г., по ея порученію, 4 картины. Въ 1785 г. былъ признанъ «назначеннымъ» въ академики, и ему была задана «задача представить на картинѣ кошку, которая терзаетъ пѣтуха, и поодаль собаку, изыявляющую жадность у кошки отнять пѣтуха». Видимо, специальностью З-ля были «животныя», и онъ принадлежалъ къ такъ называемымъ живописцамъ звѣрей.

Общій Архивъ министерства двора. Опись 352/1343, дѣло 45, л. 135.—*Петровъ*, «Материалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. I, стр. 289.

П. С.—кій.

Зейфертъ, Іоаннъ, членъ Импер. вольно-экономическаго общества, составитель «Увѣдомленія о разведеніи и приготовленіи тонкаго льна, какъ оный для батистовъ, брабантскихъ кружевъ и тонкаго полотна въ Голландіи, Фландріи и Франціи выдѣлывается и въ работу употребляется, также о введенномъ съ 1764 г. въ Шотландіи способѣ новую и невоздѣланную землю малымъ изживеніемъ распахивать».

(Изд. Вольн. эконом. общ. П. 1790 г.).

Геннадіи, Словарь, т. II.—Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ., т. 60.

Зеландъ, Иванъ Егоровичъ, докторъ медицины, ст. сов., сынъ богослова и доктора философіи Георга-Христіана Зеланда (1743—1795 гг.), бывшаго пасторомъ въ Аренсбургѣ, на о. Эзелѣ, родился 21 сентября 1778 г., образованіе получилъ въ Петроградѣ, гдѣ по окончаніи курса наукъ въ Медико-хирургическомъ институтѣ, въ 1796 г., поступилъ на службу лѣкаремъ въ морской госпиталь; въ 1800 г. переведенъ былъ въ сухопутный госпиталь, а въ 1803 г.—въ вѣдомство Опекунскаго совѣта, получивъ въ свое вѣдѣніе больницу при Александровской мануфактурѣ. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари; въ 1805 г. переведенъ въ Гатчинскій городской госпиталь и въ 1806 г. опредѣленъ къ больницѣ для бѣдныхъ въ Петроградѣ, откуда въ 1807 г. отправился въ Кенигсбергъ врачомъ въ главный лазаретъ нашей дѣйствующей арміи. По возвращеніи оттуда З—дъ былъ назначенъ врачомъ Петроградскаго воспитательнаго дома, а въ 1810 г. опредѣленъ на службу въ I кадетскій корпусъ, гдѣ оставался до 1825 г., когда вышелъ въ отставку и занялся частной практикой. По отзывамъ современниковъ, онъ былъ для больныхъ не только врачомъ, но и другомъ. Особенно много вниманія удѣлялъ онъ бѣднякамъ, которыхъ нерѣдко лѣчилъ безвозмездно, снабжая ихъ къ тому же и лѣкарствомъ, и пищей. Пациенты платили ему искренней признательностью и полнымъ довѣріемъ, вслѣдствіе чего во время холерной эпидеміи 1831 г., когда З—дъ исполнялъ должность врачабнаго инспектора, на Васильевскомъ островѣ, гдѣ онъ жилъ, не было никакихъ беспорядковъ. За вспоможеніе бѣднымъ послѣ эпидеміи З—дъ въ 1832 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й ст., а за долголѣтнюю врачебную дѣятельность орденомъ св. Владиміра 4-й ст. Скончался З—дъ 18 мая 1833 г. въ Травемюнде, по пути на Эмскія воды.

«Сѣверная Пчела» 1833 г., № 50, статья *В. Бурнашева*.—*Recke und Napiersky*, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon», Митава, 1832 г., т. 4, стр. 174—175 (свѣдѣнія объ отцѣ И. Е. Зеландѣ).

А. Г.

Зеленевъ, Семенъ, поэтъ начала XIX в. Напечаталъ: «Радимъ и Дагода», траг. въ стихахъ, въ 5 дѣйств. (М., 1811 г.); «Жульетта и Далморъ или севенскіе любовники», переводъ съ франц. (М. 1811 г.); «На день тезоименитства гр. С. М. Каменскаго» (М. 1811 г.); «Графу С. М. Каменскому по случаю отбытія его изъ Москвы» (М. 1811 г.); «На кончину гр. Н. М. Каменскаго» (Спб., 1811 г.); «Картина на день тезоименитства д. с. с. Н. С. Всеволожскаго» (М., 1812 г.); «Пѣснь на Рождество Христова» (М. 1812 г.) и «Сновидѣніе Росса» (М. 1812 г.).

В. С. Соликовъ, «Опытъ росейской библиографіи» (по указателю *В. Н. Рогожина*, Спб., 1900 г.). — «Роспись росейскимъ книгамъ для чтенія изъ библи. Ал. Смирдина», Спб., 1828 г. (по указателю). — *Геннады*, Словарь, т. 2.

Зеленецкій, Константинъ Петровичъ, профессоръ Рижскаго лицея, ст. сов., родился въ 1812 г., умеръ 12-го апрѣля 1858 г., первоначальное образованіе получилъ въ философскомъ отдѣленіи Рижскаго лицея, гдѣ своимъ усердіемъ и успѣхами въ наукахъ обратилъ на себя вниманіе наставниковъ, согласно ходатайству которыхъ, по окончаніи лицейскаго курса, въ 1833 г. отправленъ былъ на счетъ лицея въ Московскій университетъ. Здѣсь 3-ій черезъ годъ выдержалъ экзаменъ на кандидата словесныхъ наукъ, а затѣмъ еще болѣе двухъ лѣтъ оставался при университетѣ, приготовляясь къ экзамену для полученія степени магистра, которой и былъ удостоенъ въ 1837 г. Въ томъ же году онъ былъ допущенъ къ преподаванію русской словесности въ философскихъ классахъ Рижскаго лицея, а послѣ уничтоженія этихъ классовъ въ 1838 г. продолжалъ преподаваніе въ юридическомъ, физико-математическомъ и камеральномъ отдѣленіяхъ лицея, при чемъ въ званіи адъюнкта и исправляющаго должность профессора пробылъ два съ половиною года, а 12 іюля 1839 г. утвержденъ былъ въ должности профессора. Служа при лицей, 3-ій одновременно съ 1837 г. по 1850 г. состоялъ цензоромъ Одесскаго цензурнаго комитета и сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ: «Одесскомъ Вѣстникѣ», «Москвитянинѣ», «Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей», «Одес-

скомъ Альманахѣ» и «Библиографическихъ запискахъ». Кромѣ многихъ мелкихъ статей, четырехъ повѣстей (М. 1836 г.) и небольшого учено-литературнаго сборника «Альціона» (Одесса. 1848 г.), въ который вошли собственные его стихотворенія и афоризмы, а также четыре статьи въ прозѣ («Сиксинская Мадонна», «Изъ дневника Оттиліи», «Классицизмъ и романтизмъ въ своемъ историческомъ значеніи» и «Нѣсколько словъ о Западной Европѣ»), 3-ій въ теченіе 22 лѣтъ напечаталъ болѣе 20 трудовъ преимущественно по словесности. Первый по времени ученый трудъ его, созданный имъ еще въ студенческіе годы, — «Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ» (4 кн., М. 1835—1836 гг.). Ко времени его профессорской дѣятельности относятся слѣдующія работы: «Изслѣдованіе значенія, построенія и развитія слова человѣческаго» (М. 1837 г.); «Объ изяществѣ въ древнемъ и новомъ мірѣ» (Одесса. 1838 г.); «Система и содержаніе философскаго языкоученія» (Спб. 1841 г.); «О языкѣ первовно-славянскомъ» (Одесса. 1846 г.); «Изслѣдованіе о риторикѣ въ ея наукообразномъ содержаніи и въ отношеніяхъ, какія имѣетъ она къ общей теоріи слова и къ логикѣ» (Од. 1846 г.); «Объ особенностяхъ языка русскаго и объ отношеніи его къ языкамъ западно-европейскимъ» (рѣчь, читанная на годичномъ актѣ Рижскаго лицея. Одесса. 1848 г.); «Теорія поэзіи» (Од. 1848 г.); «Общая риторика» (Од. 1849 г.); «Лекціи о важнѣйшихъ эпохахъ въ исторіи поэзіи» (Од. 1849 г.); «Исторія русской литературы» (Од. 1849 г.); «Курсъ русской словесности для учащихся» (общая риторика, частная риторика и пѣтика. Одесса. 1849 г.); «Объ идеальной основѣ, свойствахъ и видахъ изящества» (Од. 1851 г.); «Три недѣли въ Одессѣ лѣтомъ» (М. 1852 г.); «Теорія словесности, курсъ гимназическій» (4 ч. Спб. 1852—1854 гг.); «Введеніе въ общую филологію» (Одесса. 1853 г.); «О художественно-національномъ значеніи произведеній Пушкина» (рѣчь, читанная на годичномъ актѣ Рижскаго лицея. Одесса. 1854 г. См. «Ж. М. Н. Пр.» 1855 г., № 3); «Записки о бомбардированіи Одессы 10 апрѣля 1854 г.» (съ планомъ г. Одессы и Щеголевской батареи и видомъ сраженія. Одесса. 1855 г.); «О русскомъ языкѣ въ Новоросійскомъ краѣ» (изд.

по распоряженію попечителя Одесскаго учебнаго округа. Одесса. 1855 г.); «Г-жа Ризницъ и Пушкинъ» (посвящ. П. В. Анненкову. См. «Русскій Вѣстникъ» 1856 г., т. III, кн. I); «О русской литературѣ въ эпоху преобразованія, по отношенію къ обществу, современному этой эпохѣ» (рѣчь на годичномъ актѣ Ришельевского лицея. Одесса. 1857 г.); «Записки на пути по Херсонской губерніи» (См. «Вѣст. Им. Рус. Географическаго общества» 1857 г., ч. XXI, кн. 6); «Замѣтка о Пушкинѣ и Мицкевичѣ» («Одесскій Вѣстникъ» 1858 г., № 17, на статью о Пушкинѣ и Мицкевичѣ въ «Рус. Инвал.» 1857 г., № 277) и «Замѣтки о Пушкинѣ» въ «Библиографическихъ Запискахъ» за 1858 г. (т. I, № 5).

Отличаясь необыкновенной трудоспособностью и любовью къ своему дѣлу, З-кій, однако, не принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые открываютъ новые горизонты въ избранной ими специальности; онъ не былъ новаторомъ и въ трудахъ своихъ иногда являлся даже не вполне самостоятельнымъ. Нѣкоторыя изъ его работъ къ тому же носятъ на себѣ явные слѣды поспѣшности. Тѣмъ не менѣе учено-литературная дѣятельность З-каго не могла пройти незамѣченной, и ученые общества охотно принимали его въ число своихъ членовъ: онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Одесскаго общества исторіи и древности (съ 1842 г.), членомъ Имп. Русскаго Географическаго общества, членомъ корреспондентомъ Археологическаго общества въ Петроградѣ и Сербскаго литературнаго общества въ Вѣлградѣ.

«Торжественный актъ Ришельевского лицея» 1858 г., стр. 21—23.—*И. Михневичъ*, «Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевского лицея съ 1817—1857 г.». Одесса, 1857 г., стр. 82—83.—«Библиографическія Записки» 1859 г., № 20.—«Одесскій Вѣстникъ» 1856 г., №№ 13, 21; 1857 г., № 193; 1858 г., №№ 41—42.—«Извѣстія Им. Археолог. Общ.» 1859 г., вып. 5.—*В. Майковъ*, «Критическіе опыты», Спб., 1891 г., стр. 487—493.—*Варсукъ*, «Жизнь и труды Погодина», т. X, стр. 196, 430.—«Русская истор. библиографія», 1855—1858 гг.—«Отечественныя Записки», 1839 г., т. III, отд. VII; 1841 г., т. XV, отд. VII; 1846 г., т. XLIX, отд. VI; 1848 г., т. LX, отд. VI; 1849 г., т. LXVI, отд. VI; 1851 г., т. LXXIX, отд. VI; 1855 г., т. XCIX, отд. IV.—*Вплинскій*, Соб. соч., т. I, стр. 463—465.—*П. А. Плетневъ*, «Мелкіе критическіе разборы», т. 2, стр. 278—279, 552—554.—«Современникъ» 1839 г., т. 15, стр. 58—59; 1846 г.,

т. 42, стр. 354; т. 44, стр. 104; 1848 г., № 11, от. III; 1849 г., т. XLIV, от. III; т. XLVII, от. III; 1857 г., т. LXVI, № 12.—«Библиотека для Чтенія» 1835 г., т. X, отд. VI; 1836 г., т. XVI, отд. VI; 1837 г., т. XXII, отд. VI; 1846 г., т. LXXIX, отд. VI; т. LXXX, отд. VI; 1849 г., т. XCI, отд. VI.—«Москвитинъ» 1849 г., ч. IV, № 14; 1851 г., ч. II, стр. 526; ч. VI, стр. 179.—«Московскія Вѣдомости» 1856 г., № 45.—«Спб. Вѣдомости» 1855 г., № 88.

А. Г.

Зеленка, Михаилъ Ваадеевичъ, римско-католическій священникъ въ Оренбургѣ, родился въ 1797 г. и происходилъ изъ дворянъ Виленской губ., Троцкого у., начальное образованіе получилъ въ Ковенскомъ и Мерецкомъ уѣздныхъ училищахъ, а 18-ти лѣтъ отъ роду, въ 1815 г., принялъ обѣты монашества въ Попорцкой монастырѣ доминиканскаго ордена. Окончивъ у доминиканъ высшій семинарскій курсъ со степенью доктора богословія, З—ка затѣмъ прошелъ еще полный курсъ на этико-филологическомъ факультетѣ Виленскаго университета и осенью 1819 г. назначенъ былъ учителемъ польскаго краснорѣчія и латинскаго языка въ Несвижское уѣздное училище, гдѣ оставался до осени 1825 г., въ послѣднее время преподавая исторію и французскій языкъ. Тѣмъ временемъ въ 1823 г. онъ былъ рукоположенъ въ священники, а въ концѣ 1825 г. перемѣщенъ въ Гродненскую доминиканскую гимназію, гдѣ сперва въ званіи старшаго учителя три года преподавалъ краснорѣчіе, логику и латинскій языкъ, а потомъ болѣе пяти лѣтъ управлялъ этимъ учебнымъ заведеніемъ въ должности смотрителя. Въ 1833 г. судьба неожиданно закинула его въ Оренбургъ. Выбитый изъ обычной колеи, З—ка не потерялся, но нашелъ въ себѣ достаточно силъ и энергии, чтобы позаботиться о другихъ, о бѣднякахъ, нуждавшихся въ его помощи и утѣшеніи. Самъ онъ жилъ въ эту пору частными уроками, пока въ 1839 г. не назначенъ былъ, благодаря ходатайству начальника Оренбургскаго края В. А. Перовскаго, священникомъ римско-католическаго исповѣданія при отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ. Съ этого времени кругъ дѣятельности его значительно расширился, такъ какъ войска Оренбургскаго корпуса расположены были на громадномъ пространствѣ: отъ Волги и Камы до береговъ Сыръ-Дарьи и отъ предѣловъ Сибири почти до границъ Персіи. Вѣрный самому себѣ,

З—ка вездѣ старался дѣлать людямъ добро, не обращая вниманія на принадлежность нуждавшимся въ его помощи къ тому или иному исповѣданію. Утромъ и вечеромъ двери его скромнаго жилища открыты были для каждаго, кто только хотѣлъ обратиться къ его помощи или заступничеству, а съ утра до вечера, во всякую погоду, сновалъ онъ по городу, хлопоча по чужимъ надобностямъ, являясь всюду, куда призывали его долгъ и человѣколюбіе, всюду, гдѣ могъ быть полезнымъ ближнему. Въ 1851 г. за примѣрно-усердное исполненіе обязанностей по званію корпуснаго священника ему Всемилостивѣйше пожалованъ былъ наперсный крестъ.

Умный, образованный и необыкновенно энергичный З—ка не только желалъ, но и умѣлъ дѣлать добро, никогда не отказываясь ни отъ какихъ услугъ. Такъ, въ Оренбургѣ онъ устроилъ мѣстный зоологическій музей и съ любовью хлопоталъ о пополненіи и сбереженіи его; въ теченіе нѣкотораго времени безвозмездно завѣдывалъ упраздненнымъ потомъ училищемъ земледѣлія и лѣсоводства въ Оренбургѣ; въ 1852 г. принималъ дѣятельное участіе при устройствѣ частнаго общества посѣщенія бѣдныхъ; наконецъ, его же разумной заботливости обязано было своимъ существованіемъ и первое въ Оренбургѣ училище для обученія бѣдныхъ дѣвочекъ шитью и рукодѣлію. Особенно ярко обнаружилась его филантропическая дѣятельность въ 1848 г., во время холерной эпидеміи, когда онъ въ числѣ немногихъ церковныхъ пастырей обнаружилъ истинный героизмъ въ служеніи ближнимъ. Неумолимая дѣятельность З—ки подточила, наконецъ, и его силы. Во время одной изъ своихъ далекихъ дѣловыхъ поѣздокъ онъ простудился и по возвращеніи въ Оренбургъ скончался отъ воспаленія легкихъ 31 октября 1860 г. Похороны З—ки, привлекшіе многочисленныхъ его почитателей, состоялись въ оградѣ мѣстнаго костела, построеннаго его же стараніями, а въ подписекъ на памятникъ безкорыстному труженику приняли участіе лица всѣхъ вѣроисповѣданій.

«Сѣверная Пчела» 1861 г., № 74, ст. В. Григорьева.—«Оренбургскія Губернскія Вѣдомостя» 1860 г., № 50.—«Наше Время» 1860 г., № 49.

А. Г.

Зеленко, Брониславъ-Устинъ Устиновичъ, докторъ медицины, родился въ 1847 г. и происходилъ изъ дворянъ Витебской губ. Службу началъ рядовымъ въ 1-мъ лейбъ-гренадерскомъ Екатеринбургскомъ полку (1864 г.), откуда въ чинѣ подпоручика былъ переведенъ въ 94-й пѣхотный Енисейскій полкъ (1867 г.). Уволенный въ 1869 г. съ чиномъ губернскаго секретаря, онъ опредѣлился въ Юрьевскій университетъ, который окончилъ докторомъ медицины въ 1875 г. Въ слѣдующемъ году онъ выѣхалъ для поправленія своего здоровья за границу, гдѣ и скончался въ 1877 г. Ему, кромѣ докторской диссертациі, принадлежатъ двѣ статьи, помѣщенные въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ»: «Образованіе геморрагій послѣ закупорки сосудовъ» (1872 г., №№ 37, 38, 42) и «Связь между суженіемъ аорты и заболѣваніемъ паренхимы почекъ» (1875 г., №№ 1, 2).

Зимевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. IV, стр. 123.

Зеленой, Александръ Алексѣевичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, министръ государственныхъ имуществъ, членъ Государственнаго Совѣта, членъ комитета министровъ и Кавказскаго, Сибирскаго и Остзейскаго комитетовъ. Родился въ 1819 г., умеръ 9 марта 1880 г. Получивъ воспитаніе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ выпущенъ оттуда 23 декабря 1836 г. мичманомъ и въ теченіе одиннадцати лѣтъ плавалъ на разныхъ корабляхъ, при чемъ на транспортѣ «Иртышъ» совершилъ кругосвѣтное путешествіе. Въ 1842 г. былъ произведенъ въ лейтенанты; въ 1847 г. по прошенію уволенъ отъ службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ и вскорѣ затѣмъ (въ 1848 г.) поступилъ въ межевую канцелярію на должность старшаго члена съ чиномъ коллежскаго асессора. Здѣсь черезъ два года (въ 1850 г.) онъ былъ произведенъ въ надворные совѣтники съ переименованіемъ въ полковники межевыхъ инженеровъ; одновременно съ этимъ онъ былъ назначенъ состоять при управляющемъ межевымъ корпусомъ, а въ 1852 г. получилъ чинъ полковника и должность помощника управляющаго корпусомъ. Когда же началась война съ коалиціей, онъ изъявилъ желаніе служить въ строю и въ началѣ 1855 г.,

послѣ предварительнаго трехмѣсячнаго пребыванія въ образцовомъ пѣхотномъ полку, получилъ должность командира Тобольскаго пѣхотнаго полка, во главѣ котораго сражался съ неприятелемъ на передовыхъ укрѣпленіяхъ Севастополя, былъ раненъ два раза и за неоднократно доказанныя «мужество и распорядительность» былъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость» и орденомъ св. Владимира 4 ст. съ мечами. 27 августа, въ день послѣдняго штурма Севастополя, когда главнокомандующій кн. Горчаковъ рѣшилъ оставить въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ съ безавѣтнымъ самоотверженіемъ защищавшуюся русскими твердыню, Тобольскій полкъ, получившій приказаніе «не пропускать неприятеля или умереть на батареяхъ», долженъ былъ служить приврытіемъ для отступленія. Тобольцы простояли всю ночь подъ ружьемъ и послѣдними оставили развалины Севастополя. Переправа войскъ, артиллеріи и раненыхъ на сѣверную сторону была окончена только къ 8-ми часамъ утра 28 августа, и только когда на южной сторонѣ не осталось ни одного человѣка, кромѣ начальника гарнизона и начальника его штаба, полкъ двинулся на мостъ, а по переправѣ полка и вслѣдъ за нимъ двухъ означенныхъ лицъ мостъ былъ разведенъ, и послѣдніи нити, связывавшія защитниковъ съ городомъ, были прерваны. 3—ной всегда восхищался въ послѣдствіи геройской защитой Севастополя, съ глубокимъ уваженіемъ вспоминалъ имена Корнилова и Нахимова и, когда въ 1868 г. въ «Русскомъ Архивѣ» появились извѣстныя «Записки Севастопольца», бросившія тѣнь на героев славной защиты, онъ горячо протестовалъ противъ выходовъ неизвѣстнаго автора: его небольшая рѣчь, произнесенная на севастопольскомъ обѣдѣ 11 февраля 1868 г. (напечатанная въ «Морскомъ Сборникѣ» 1868 г., № 3), дышетъ искренностью и глубокимъ негодованіемъ. «Въ насъ же, заканчиваетъ онъ свою рѣчь,—современникахъ Корнилова и Нахимова, очевидцахъ ихъ славной службы и геройской смерти, клевета вызываетъ не сомнѣніе къ заслугамъ павшихъ героевъ, но лишь глубокое презрѣніе къ ней и сожалѣніе къ тѣмъ пигмеямъ, которые дерзаютъ хулить то, что имъ непонятно и недоступно»... Черезъ годъ по окончаніи кам-

паніи 3—ной былъ произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ состоять при министерствѣ государственныхъ имуществъ; съ этого-же времени онъ начинаетъ двигаться довольно быстро по служебной лѣстницѣ. Вслѣдъ за этимъ назначеніемъ ему повелѣно было присутствовать въ совѣщаніяхъ подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ по устройству Петроградскаго и Царскосельскаго уѣздовъ и, по случаю отъѣзда министра государственныхъ имуществъ, предоставлено рѣшать всѣ нетерпящія отлагательства дѣла, присутствуя за министра во всѣхъ подлежащихъ установленіяхъ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовало и назначеніе его на должность товарища министра государственныхъ имуществъ; въ 1860 г. онъ былъ зачисленъ въ свиту Его Величества, а въ 1862 г. произведенъ въ генералы-лейтенанты, съ назначеніемъ и. д. министра государственныхъ имуществъ, и состоялъ въ этой должности до 1872 года. Его десятилѣтнее управленіе государственными имуществами совпало съ эпохой устройства крестьянскаго быта. 3—ной принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, составилъ положеніе о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, и много способствовалъ разрѣшенію вопроса объ устройствѣ сословія земледѣльцевъ въ Царствѣ Польскомъ; за двѣ послѣднія работы онъ былъ награжденъ золотыми медалями. Въ должности министра государственныхъ имуществъ 3—ной былъ утвержденъ въ 1862 г., а въ слѣдующемъ году былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты къ Его Императорскому Величеству. Въ связи съ другими занятіями по должности онъ заботился о сохраненіи лѣсовъ, о сбереженіи недвижимаго казеннаго имущества и изыскивалъ мѣры къ постепенному и правильному возвышенію дохода. Не чужды ему были также и стремленія къ улучшенію нашего сельскаго хозяйства. Свои экономическія воззрѣнія 3—ной излагалъ на страницахъ газеты «Вѣсть». Въ началѣ 1870-хъ годовъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ политехнической выставки въ Москвѣ, при чемъ былъ избранъ предсѣдателемъ Севастопольскаго отдѣла, состоявшаго подъ покровительствомъ Государя Наслѣд-

ника Цесаревича, а по окончаніи выставки былъ назначенъ предсѣдателемъ управленія вновь основаннаго Севастопольскаго музея. Въ 1872 г., вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, З—ной былъ уволенъ отъ должности министра съ оставленіемъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта и генералъ-адъютанта, а впослѣдствіи совсѣмъ удалился отъ занятій и свои послѣдніе годы прожилъ въ Ялтѣ, на южномъ берегу Крыма, гдѣ и скончался. Чинъ генерала — отъ инфантеріи З—ной получилъ 26 ноября 1869 г. Послѣдней наградой его былъ орденъ св. Александра Невскаго. Русское антомологическое общество избрало его (1862 г.) своимъ почетнымъ президентомъ, а Императорское московское общество испытателей природы (1864 г.) поднесло званіе почетнаго члена.

Послужн. списокъ въ общемъ Арх. Гл. Штаба, кн. 1864 г., № 1010. — Отчетъ по Государственному Совѣту за 1880 годъ. — *В. Руммель и В. Голубцовъ*, «Родосл. сборникъ дворянск. фамилій», т. I. — «Общій морской списокъ», ч. 10, стр. 177 — 178. — «Портретная галлерей русскихъ дѣятелей», изд. Мюнстера (биографія). — Словарь современныхъ дѣятелей Россіи. — «Русскій Инвалидъ» 1880 г., №№ 56 и 62 (некрологъ). — «Всемирная Иллюстр.» 1872 г., т. 7, № 175, стр. 301—302. — «Голосъ» 1880 г., № 72. — Историческій очеркъ бывшаго министерства государств. имуществъ. — «Императорское Московское Археологич. Общество въ первое 50 лѣтіе». М. 1915 г., т. II, стр. 129.

Н. З.

Зеленой, Александръ Ильичъ, членъ адмиралтействъ-совѣта, адмиралъ, происходилъ изъ дворянъ Псковской губ., родился 3 октября 1809 года, образованіе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, который окончилъ въ 1823 году. Произведенный въ мичманы (1826 г.), онъ былъ приглашенъ тогда же занять должность адъютанта Морского кадетскаго корпуса и въ теченіе 35-ти лѣтъ не разставался съ этимъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ трудился сперва въ качествѣ преподавателя математики, а затѣмъ въ качествѣ помощника инспектора и инспектора классовъ. Въ 1860 г. З—ной былъ назначенъ начальникомъ штурманскихъ классовъ, въ слѣдующемъ году произведенъ въ ген.-майоры, 1862 г. назначенъ членомъ академическихъ классовъ, впослѣдствіи преобразованныхъ въ Николаевскую морскую академію, въ 1869 г. — членомъ комитета морскихъ учебныхъ опытовъ, въ 1872 г. —

начальникомъ технического училища морского вѣдомства (въ Кронштадтѣ), въ 1877 г. — членомъ конференціи Николаевской морской академіи и въ 1879 г. — членомъ адмиралтействъ-совѣта, съ производствомъ въ вице-адмирала, а въ 1880 г. — въ адмирала. Скончался З—ной 31 января 1892 года.

Помимо участія въ «Военно-энциклопедическомъ словарѣ», гдѣ З—ной помѣстилъ біографіи И. О. Крузенштерна, С. Г. Малыгина, С. И. Мордвинова и А. С. Шишкова, а также рядъ статей по русской морской исторіи, имъ были напечатаны: «Краткое руководство начертательной геометріи» (Спб. 1844 г.), выдержавшее рядъ изданій и удостоенное Демидовской преміи; оно было введено въ Петроградскомъ университетѣ; «Историческій очеркъ Штурманскаго училища 1798—1871» (Кроншт. 1872 г.); «Воспоминанія о Морскомъ кадетскомъ корпусѣ» («Русская Старина» 1883 г., кн. 10, стр. 89—98); «Ариеметика», выдержавшая нѣсколько изданій (посмертное изданіе 1896 г.) и наконецъ статьи въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1854 и 1856 годы: «Нѣсколько словъ о домашнемъ воспитаніи дѣтей» и «Разборъ сочиненія В. Шульца подъ заглавіемъ: «Словарь морскихъ словъ и реченій паруснаго и парожитнаго флота» (23-е присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб. 1854 г., стр. 201—205).

«Общій морской списокъ», ч. X, стр. 178—181. — «Библиографическія Записки» 1892 г., № 2, стр. 116. — «Московскія Вѣдомости» 1892 г., № 36. — «Новое Время» 1892 г., № 5722. — «Новости» 1892 г., отъ 2 февраля. — *Лыжковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. XII, стр. 85. — «Петербургскій Некрополь».

Зеленой, Иванъ Ильичъ, ген.-майоръ, членъ ученаго отдѣленія Морского технического комитета, родился 27-го января 1811 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда былъ опредѣленъ на двѣнадцатомъ году жизни отцомъ своимъ, отставнымъ капитанъ-лейтенантомъ Черноморскаго флота. Время пребыванія З—ного въ корпусѣ (1822—1827) ознаменовалось рядомъ реформъ въ организаціи этого учебнаго заведенія, произведенныхъ государемъ Николаемъ Павловичемъ при содѣйствіи знаменитаго мореплавателя и гидрографа Ив. Ф. Крузенштерна. Въ 1827 г. З—ной былъ произведенъ въ

мичманы и въ числѣ лучшихъ учениковъ оставленъ въ только что учрежденномъ офицерскомъ классѣ; послѣ успѣшнаго окончанія курса наукъ въ 1830 г. 3-ной по экзамену была произведена въ лейтенанты и опредѣленъ въ 20-й флотскій экипажъ, гдѣ прослужилъ до 1842 г. Въ томъ же 1830 г. онъ былъ назначенъ на вновь отстроенный корабль «Полтава». Съ этимъ кораблемъ для 3-ного были связаны лучшія воспоминанія жизни. Будучи преданъ службѣ, онъ считался въ то время знаткомъ всѣхъ штатныхъ положеній по вооруженію и оснасткѣ парусныхъ судовъ, а въ товарищескихъ кружкахъ былъ любимъ за свой общительный и веселый характеръ. Въ 1838 г. 3-ной былъ командированъ въ Николаевъ и принялъ участіе въ сраженіяхъ съ горцами при мѣстечкахъ Сочи, Туапсе и Шапсухо. Въ 1840 г. онъ крейсеровалъ на кораблѣ «Полтава» въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1842 г. въ чинѣ капитанъ-лейтенанта былъ переведенъ изъ Балтійскаго флота въ Каспійскій съ назначеніемъ командующимъ Бакинскій морской станціей. Въ 1846 г., по распоряженію начальства, 3-ной производилъ опись и промѣръ р. Куры, результатомъ чего была его статья «Рѣка Кура», напечатанная въ «Запискахъ гидрографическаго департамента» за 1851 г., ч. IX. Эта работа въ нездоровой мѣстности имѣла вліяніе на его послѣдующую жизнь. Лихорадка и ревматизмъ рукъ не оставляли его до конца жизни. Въ 1850 г. въ чинѣ капитана 2-го ранга онъ былъ назначенъ начальникомъ флотиліи округовъ пахотныхъ солдатъ Новгородскаго и Старорусскаго удѣловъ, а по упраздненіи этой должности прикомандированъ въ 1854 г. въ комитету по составленію учрежденія о службѣ по морскому вѣдомству. Во время пребыванія 3-ного въ Новгородѣ онъ построилъ модель рангоута текелажа и паруснаго своего корабля «Полтава». Модель эту впоследствии онъ принесъ въ даръ Морскому музею. Кромѣ того, однимъ изъ любимыхъ его занятій было слѣдить за служебной дѣятельностью всѣхъ находящихся во флотѣ; онъ велъ особые списки, въ которыхъ помѣчалъ всякія перемѣны, происшедшія со служащими; благодаря этому у него можно было получить самыя вѣрныя свѣдѣнія по этой части, тогда какъ официальные списки чиновъ въ то время держались въ

строгомъ секретѣ. Въ 1855 г. въ чинѣ капитана 1-го ранга 3-ной былъ назначенъ редакторомъ журнала «Морской Сборникъ». Неустанно трудясь въ этой должности въ теченіе 5½ л., 3-ной выпустилъ 71 книжку подъ своей редакціей. Это время было самымъ блестящимъ періодомъ изданія «Морского Сборника». Помимо статей чисто спеціальнаго характера, въ немъ можно было найти статьи, затрагивающія всевозможные общественные вопросы, онъ, такъ сказать, давалъ сигналъ къ реформамъ по разнымъ отраслямъ общественной дѣятельности. Такое исключительное положеніе «Морского Сборника» объясняется отчасти ограниченнымъ количествомъ періодическихъ изданій въ то время. Съ назначеніемъ въ 1860 году новаго редактора «Морского Сборника» 3-ной былъ опредѣленъ членомъ ученаго комитета, преобразованнаго впоследствии въ ученое отдѣленіе морского техническаго комитета, а въ 1862 г. назначенъ для занятій въ Спб. статистическій комитетъ. Произведенный въ 1864 г. въ генераль-майоры, 3-ной скончался 18 января 1877 г.

«Морской Сборникъ» 1877 г., февраль. — «Морская хроника», стр. 57—61. — «Общій морской списокъ», т. X, стр. 181—183. — «Голосъ» 1877 г., № № 22, 24. — «Яхта» 1877 г., № 5. — «Петербургскій Некрополь».

И. Артамонова.

Зеленой, Моисей Иосифовичъ. Въ 1625—26 и 1629 гг. былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ, а затѣмъ воеводой въ Лапшевѣ (1627—29 гг.) и Кайгородѣ (1630—33 гг.). Въ 1634 г. онъ былъ назначенъ къ сыскнымъ дѣламъ въ Новгородскую четверть къ боярину кн. Ив. Ив. Шуйскому. Въ 1627—36 гг. числился дворяниномъ московскимъ.

Руммель, I.—Разр. кн., I и II.—Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Московскаго государства XVII столѣтія».—Р. И. Б., IX и X.

В. Корсакова.

Зеленой, Никандръ Ильичъ, ген.-майоръ, членъ ученаго отдѣленія Морскаго технического комитета, бывший редакторъ «Морского Сборника», род. 7 февраля 1829 г., воспитывался въ Морскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1840 г., и былъ произведенъ въ мичманы въ 1846 г. Окончивъ затѣмъ курсъ въ офицерскихъ классахъ и получивъ чинъ лейтенанта, 3-ной

занялся преподаваніемъ морскихъ наукъ въ Морскомъ корпусѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ учеными работами. Помимо своей педагогической дѣятельности, онъ на первыхъ же порахъ занимался переводомъ на русскій языкъ ежегодно издававшихся морскихъ альманаховъ съ астрономическими таблицами, необходимыми для мореплавателей. Въ 1859 г. онъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи главнаго командира Архангельскаго порта, а въ слѣдующемъ году—начальникомъ гидрографической части Николаевскаго порта. Будучи раньше дѣятельнымъ помощникомъ своего брата Ивана Ильича по редактированію «Морского Сборника», онъ въ 1866 г. дѣлается самъ редакторомъ этого журнала. Произведенный въ 1871 г. въ капитаны 1-го ранга, З—ной въ 1876 г. назначается членомъ ученаго отдѣленія Морского технического комитета, а въ 1885 г. производится въ ген.-майоры и сдаетъ редакцію «Сборника» своему помощнику, капитану В. А. Куприянову. Въ теченіе 20 лѣтъ изданія морского ученаго журнала З—ной не мало потрудился надъ нимъ. Въ немъ онъ напечаталъ слѣдующія статьи: «О парово-парусныхъ судахъ съ винтовымъ двигателемъ», «Письма изъ Нипцы съ парохода Олафъ», «О плаваніи по дугѣ большого круга» и «Разборъ нѣкоторыхъ картъ атласа Чернаго моря» («Морск. Сб.» 1851, 57, 58 и 61 гг.). З—нымъ же изданъ превосходный указатель статей «Сборника», служащій лучшимъ руководствомъ для каждаго занимающагося морскими вопросами. Скончался онъ 20 декабря 1888 г.

«Общій морской списокъ», ч. X, стр. 183—185. — Кронштадтскій Вѣстникъ, 1888 г., № 152.—«Новое Время» 1888 г., №№ 4608, 4609.—«Историческій Вѣстникъ» 1889 г., кн. 3, стр. 778.—*Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. VIII, стр. 45.—«Петербургскій Некрополь».

Зеленой, Семенъ Ильичъ, адмиралъ, почетный членъ Николаевской морской академіи и морского ученаго комитета, родился 8 іюля 1812 г. и происходилъ изъ дворянъ Псковской губ.; образованіе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1822 году; отсюда съ производствомъ въ мичманы (1828 г.) перешелъ въ офицерскіе классы корпуса, по окончаніи которыхъ первымъ по выпуску былъ отправленъ на казенный счетъ въ Юрьевъ, гдѣ слушалъ лекціи практи-

ческой астрономіи подъ руководствомъ извѣстнаго въ то время проф. В. Я. Струве. З—ной горячо полюбилъ астрономію и приобрѣлъ въ ней глубокія познанія. Возвратившись въ Петроградъ (1835 г.), онъ получилъ приглашеніе преподавать астрономію и навигацію въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и почти одновременно былъ назначенъ исправляющимъ должность помощника инспектора при офицерскихъ классахъ. Занимаясь преподавательскою дѣятельностью, З—ной издалъ свои «Лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго анализа» (Спб. 1837 г.), за которыя получилъ брильянтовый перстень и Демидовскую премію. Осенью того же 1837 года Петроградскій университетъ предложилъ С. И. занять кафедру астрономіи, онъ согласился и читалъ лекціи въ университетѣ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Другое сочиненіе З—ного подъ заглавіемъ: «Астрономическія средства кораблевожденія» (Спб. 1841 г.) было также удостоено въ 1842 г. Демидовской преміи. Наблюдая за дѣтьми, ихъ характерами и любознательностью, С. И. составилъ въ 1838 г. «Бесѣды съ дѣтьми объ астрономіи и небѣ» (второе издан. Спб. 1840 г.). Эта книга имѣла большой успѣхъ, и авторъ ея удостоился за прекрасное и дѣльное изложеніе Высочайшей награды—брильянтоваго перстня. Заслуженный и педагогическо-ученый авторитетъ С. И. былъ одною изъ причинъ назначенія его въ 1850 г. директоромъ Московскаго Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Въ 1855 г. онъ вернулся на службу въ морское вѣдомство и былъ назначенъ сначала вице-директоромъ, а затѣмъ директоромъ (1859 г.) гидрографическаго департамента и въ этой должности успѣлъ сдѣлать весьма многое для безопаснаго плаванія судовъ въ русскихъ водахъ какъ по отношенію гидрографіи и картографіи, такъ и по метеорологіи и по организаціи спасательныхъ станцій; такъ, напр., на русскихъ берегахъ послѣдовало увеличеніе маячныхъ огней (съ 62-хъ до 125), при чемъ введено освѣщеніе маяковъ по способу Френеля; изобрѣтенъ былъ новый способъ черченія картъ химическою тушью и печатаніе ихъ съ камня; произведена подробная опись Каспійскаго моря и Ладожскаго озера и изданы карты этого озера; начаты подробныя гидрографическія изслѣдованія Онежскаго озера и опись Чернаго и Азовскаго морей

и Ботническаго залива, а въ Восточномъ океанѣ были производимы непрерывныя астрономически-хронометрическія работы для связыванія мѣстъ, наиболѣе посѣщаемыхъ нашими судами; составлены лоціи Балтійскаго моря, Финскаго залива, Ладожскаго озера и Атлантическаго и Индійскаго океановъ; изданы мореходныя таблицы и альбомы флаговъ; учреждены двѣ обсерваторіи въ Кронштадтѣ: астрономическая и магнитная; сформированъ особый отрядъ судовъ для опредѣленія въ финляндскихъ шхерахъ признаковъ, дающихъ нынѣ возможность нашимъ морякамъ, безъ помощи лопмановъ, безопасно плавать въ этихъ шхерахъ; впервые начаты ежегодныя представленія гидрографическихъ работъ на Высочайшее обозрѣніе и т. п. Въ 1861 г. 3-ю былъ назначенъ предсѣдателемъ морского ученаго комитета, въ 1866 г. предсѣдателемъ ученаго отдѣленія морского техническаго комитета и въ 1881 г. предсѣдателемъ главнаго военно-морского суда. Въ свободное отъ службы время С. И. принималъ участіе въ трудахъ Географическаго Общества, членомъ котораго онъ былъ съ 1845 г.; кромѣ того, онъ состоялъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, Лазаревскаго института, Николаевской морской академіи и морского техническаго комитета и дѣйствительнымъ членомъ Обществъ: испытателей природы въ Москвѣ, Императ. вольно-экономическаго и астрономическаго въ Гейдельбергѣ. Произведенный въ 1877 г. въ адмиралы, С. И. въ сентябрѣ 1891 г. вышелъ въ отставку. Полезные труды его были отиѣчены многими орденами до ордена св. Владиміра 1-й степени включительно. Скончался 3-ю 28 мая 1892 г.

Кромѣ помянутыхъ выше печатныхъ трудовъ, 3-му принадлежатъ еще слѣдующіе: «Способъ опредѣленія долготы мѣста по наблюденію прохожденія луны и звѣздъ чрезъ меридіанъ» (Спб. 1838 г.), «Бесѣды о пользѣ и необходимости астрономіи» (Спб. 1840 г.), «Лекціи популярной астрономіи», читанныя публично, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ съ 25 ноября 1843 г. по 16 марта 1844 г. (Спб. 1844 г. Втор. изд.: Спб. 1866 г.), разборъ сочиненія Г. И. Бутакова «Новыя соображенія пароходной тактики» (32-е присуд. Демидовскихъ наградъ, Спб. 1863 г., стр. 25—43), «Мнимый островъ Аргонавтъ на Япон-

скомъ морѣ» («Извѣст. Имп. Рус. Географ. Общ.» 1865 г., т. I), разборъ книги Л. И. Шренка «Очеркъ физической географіи Сѣверо-Японскаго моря» («Отчетъ Имп. Рус. Географ. Общ. за 1869 годъ», стр. 49—58) и, наконецъ, статьи, помѣщенные имъ въ «Морскомъ Сборникѣ»: «Письмо гардемарина съ корабля Ретвизантъ», «Извлеченіе изъ гардемаринскихъ журналовъ», «Замѣчаніе на статью»: «Опредѣленіе широты мѣста на морѣ» и «Рецензія на книгу Веселаго: «Очеркъ русской морской исторіи».

«Общій морской списокъ», ч. X, стр. 188—193.—*Григорьевъ*, «С.-Петербургскій университетъ» Спб. 1870 г., стр. 186—187.—*Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. XII, стр. 86—87.—«Историч. Вѣстникъ» 1892 г., кн. 7, стр. 231—232.—«Новое Время» 1892 г., №№ 5836, 5837.—«Новости» 1892 г. отъ 29 мая.—«Московск. Вѣдом.» 1892 г., № 149.—«Библиографич. Записки» 1892 г., № 9, стр. 651—652.—«Правительственн. Вѣстникъ» 1892 г., № 115.—«Петербургскій Некрополь».

Н. П.

Зеленой, Семенъ (Семейка). Въ 1613 г. подписался подъ грамотой объ избраніи на престолъ Мих. Ѳеод. Романова. Въ 1615 г. былъ дьякомъ на службѣ въ Тулѣ при воеводахъ кн. Вас. Сем. Куракинѣ и Ратм. Андр. Вельяминовѣ, а въ 1617—21 гг. дьякомъ въ Двинской землѣ при воеводахъ кн. Андрѣй Вас. Хилковѣ и Богд. Бор. Воейковѣ. Въ 1622 г. онъ состоялъ приставомъ при Юргенскомъ царевичѣ Авганѣ. Въ 1623 г. присутствовалъ на свадьбѣ царевича Михаила Кайбуловича. Въ 1622—24 гг. неоднократно обѣдалъ за царскимъ столомъ, иногда вмѣстѣ съ патриархомъ; обѣдалъ не только въ Москвѣ, но и во время богомольныхъ походовъ царя Мих. Ѳеод. въ Троицѣ въ самомъ монастырѣ и въ тѣхъ селахъ по дорогѣ изъ Москвы въ Троице-Сергіевъ монастырь, гдѣ бывали остановки.

С. Г. Г. и Д., I, III.—Разр. кн., I.—Дв. разр., I.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», IX.—*Руммель*, I.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. въ XVII столѣтіи».

В. Корсакова.

Зеленой, Сергій Силмычъ, сынъ Сиды Алексѣевича, жилецъ, а съ 1649 г. дворянинъ Московскій; въ 1648 г. былъ воеводою въ Ладогѣ; 20 сентябрю 1655 г. присланъ былъ изъ похода съ вѣстью о взятіи Литовскихъ городовъ, а 6 іюля

1658 г. упоминается въ качествѣ сотеннаго головы у боярскихъ людей при встрѣчѣ Грузинскаго царя.

Руммель, I, стр. 301.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ», стр. 124.—Д. къ А. Ист., III, стр. 134.—Р. И. Б., X, стр. 119.—*Акты Моск. Госуд.*, II, стр. 439.—Дв. разр., III, стр. 144.

В. Корсакова.

Зеленскій, Андрей (Арнольдъ) Абрамовичъ, художникъ, родился въ 1812 г., видимо, въ Полтавѣ, сынъ купца 1-ой гильдіи; годъ смерти его неизвѣстенъ. Въ декабрѣ 1836 г. онъ представилъ въ Академію Художествъ 9 картинъ при прошеніи, въ которомъ просилъ: «буде онъ окажется достойнымъ, причислить его къ сословию Академіи». Представленныя картины были одобрены Академіей Художествъ, З-скій получилъ званіе «назначеннаго» въ академики, и ему была задана программа для полученія званія дѣйствительнаго академика—«написать поколѣнный портретъ г. профессора живописи Бруни». Но «назначенный» въ академики З-скій или не исполнилъ своей программы, или она не удовлетворила требованіямъ, и въ слѣдующемъ въ 1837 г. ему была поручена другая задача—«изобразить въ картинѣ масляными красками Товита, исцѣлившаго своему отцу Товію глаза, и ангела, отъ нихъ отлетающаго, мѣра фигуръ требуется не менѣе полунатуры». Такимъ образомъ первая программа была по классу живописи портретной, вторая же по классу живописи исторической. Но и эту программу З-скій не выполнилъ и въ теченіе 13 лѣтъ оставался «назначеннымъ», пока, наконецъ, въ 1849 г. не былъ утвержденъ академикомъ по живописи портретной и исторической за представленный образъ «Жены Мироносицы у гроба Спасителя», картину «Агарь въ пустынѣ» и 5 портретовъ. Какъ само «причисленіе къ сословию Академіи»—выражаясь словами З-скаго—было необходимо, такъ не воплнѣ обычно была и дальнѣйшая дѣятельность этого во всякомъ случаѣ любопытнаго художника. Передъ большою публикою онъ дебютировалъ на академической выставкѣ 1839 г., «выставивъ портреты во весь ростъ въ маломъ размѣрѣ». «Этотъ родъ портретной живописи»—писалъ художественный критикъ того времени—«чрезвычайно пріятенъ, изображаетъ человѣка

со всеми его манерами, и мы должны отдать справедливость г. Зеленскому за искусное исполненіе». Такимъ образомъ З-скій явился до извѣстной степени новаторомъ. Имъ были выставлены портреты князя Г. П. Волконскаго, д. ст. сов. Энгельгардта и французской актрисы Алланъ. Судя по этимъ именамъ, видно, что З-скій за трехлѣтнее пребываніе свое въ Петроградѣ сумѣлъ обзавестись заказчиками изъ такъ называемаго *bon monde*. Если критикъ въ общемъ похвалилъ З-скаго, то въ частности, касаясь портрета знаменитости французскаго театра того времени г-жи Алланъ, нашелъ, что «всѣ посѣтители выставки говорили гласно, что г-жа Алланъ лучше на сценѣ, нежели на картинѣ г-на Зеленскаго, и это правда. Художнику надлежало уловить не одно простое сходство, но и гениальную выразительность несравненной актрисы въ ея лучшія минуты, а онъ не сдѣлалъ этого. Портретъ г-жи Алланъ—есть проза. Однако художникъ—человѣкъ съ дарованіемъ и пойдетъ еще впередъ». Критикъ оказался до извѣстной степени пророкомъ, и если не въ смыслѣ развитія таланта, то въ житейскомъ успѣхѣ З-скій пошелъ далеко. Кромѣ портретовъ высокопоставленныхъ лицъ, З-скій взялся и за другое дававшее въ то время значительный заработокъ занятіе—писаніе образовъ. Въ 1842 г. онъ работалъ въ церкви министерства внутреннихъ дѣлъ, на Аптекарскомъ островѣ, которую строилъ К. Тонъ. Въ этомъ году онъ представилъ въ Академію Художествъ «написанный для этой церкви образъ Вознесенія Господня» и просилъ, если «образъ сей заслуживаетъ быть поставленъ въ упомянутой церкви, то выдать ему о томъ свидѣтельство». Академія Художествъ опредѣлила объявить З-скому, что «тонъ въ писанномъ имъ образѣ найденъ хорошъ, но рисунокъ и исполненіе вообще неудовлетворительны и слабы, почему и нужно оный исправить». Несмотря на этотъ отзывъ, З-скій продолжалъ работать и въ 1844 г., представилъ четыре образа—св. Александра Невскаго, св. Василія Великаго и Евангелистовъ Марка и Луки. Академія Художествъ нашла исполненіе образовъ «довольно удовлетворительнымъ», но строитель церкви Тонъ указалъ, что образа, предназначенные для одного иконостаса, различной величины, что они писаны

грудными, а должны быть поколѣнными, и поэтому не могутъ быть поставлены въ одинъ иконостасъ, такъ какъ нарушатъ общую гармонію. Не надо забывать, что главные образа въ церкви писалъ самъ Карлъ Брюлловъ. Далѣе З-скій работалъ много въ Гатчинскомъ соборѣ, гдѣ его кисти принадлежатъ указанный выше образъ «Жены Мироносицы», «Плащаница», «Рождество Христово» и «Снятие съ Креста». Последній образъ былъ на выставкѣ 1849 г. Его называли «замѣчательной картиною»; у художника, по словамъ критики, былъ виденъ «талантъ, вкусъ, искусная композиція и хорошая школа». Но З-скій не удовлетворился выпавшими на его долю успѣхами, отъ образовъ и портретной живописи онъ перешелъ къ жанру и написавъ въ 1850—1851 гг. двѣ картины: «Жница» и «Кормилица въ русскомъ костюмѣ съ ребенкомъ, заснувшимъ на рукахъ» (у этой послѣдней картины было и другое названіе «Материнская любовь»), которыя отправилъ въ 1852 г. въ Лондонъ на королевскую выставку художественныхъ произведеній. Это были первыя картины русскаго художника, выставленныя на этой выставкѣ, и онѣ имѣли, судя по отзывамъ прессы того времени, «большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ». Англійскія газеты называли З-скаго «знаменитѣйшимъ» русскимъ художникомъ, восхищались какъ самыми сюжетами картинъ, такъ и ихъ исполненіемъ. Въ слѣдующемъ 1853 г. уже въ Петроградѣ, на академической выставкѣ, З-скій, кромѣ портретовъ доктора Маргулиса и г-жи Штиглицъ (урожденной Грейгъ), выставилъ еще два новыхъ жанра: «Женитьба въ Вологодской губерніи» и «Жницы»; въ послѣдней картинѣ отмѣчалось стремленіе художника къ натурализму: «на картинѣ «Жницы» лѣвый уголъ неба, гдѣ за дымчатыми облаками заходитъ солнце, очень вѣрно схваченъ съ натуры и съ перваго взгляда бросается въ глаза». Конечно, во всѣхъ вышеприведенныхъ отзывахъ видно безусловное преувеличеніе. З-скій никогда не былъ «знаменитѣйшимъ» русскимъ художникомъ. Имѣя нѣкоторый талантъ въ живописи, онъ обладалъ гораздо большимъ умѣніемъ приспособляться, умѣніемъ рекламировать и себя и свои произведенія, которыя въ настоящее время вполнѣ забыты и не могутъ, особенно съ чисто-

художественной точки зрѣнія, привлечь къ себѣ вниманіе.

Петровъ, «Материалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. II, стр. 353, 365, 444; т. III, стр. 12, 109, 232.—«Свѣд. Пчела» 1839 г., стр. 1000; 1849 г., стр. 913; 1850 г., стр. 920, 949; 1852 г., стр. 637, 924, 930; 1853 г., стр. 894.—«Спб. Вѣд.» 1849 г., стр. 913; 1851 г., стр. 970; 1852 г., стр. 624, 729; 1853 г., №№ 219, 228.—*Н. Соловьевъ*, «Тальони», стр. 44—45.

II. Столянский.

Зеленскій, Иларіонъ Іовичъ, т. сов., изъ Полтавскихъ дворянъ, сынъ губ. секретаря, бывшаго засѣдателемъ Кобелякскаго земскаго суда, родился въ 1833 г., образованіе получилъ въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ имя его, за успѣхи въ наукахъ, помѣщено на мраморную доску; на службу поступилъ 7 августа 1851 г. изъ фельдфебелей Дворянскаго полка въ л.-гв. Егерскій полкъ и въ сентябрѣ того же года прикомандированъ былъ къ штабу 5-й пѣхотной дивизіи. Въ 1853 г. поступилъ въ Академію генеральнаго штаба, по окончаніи которой служилъ въ штабѣ 1-ой и 3-ей пѣхотныхъ дивизій. Въ 1856 г. онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 1-го армейскаго корпуса, а въ 1858 г. состоялъ въ должности дивизионнаго квартирмейстера 1-ой пѣхотной дивизіи. Въ 1862 г., въ чинѣ подполковника, З-скій былъ прикомандированъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ для надзора за постройкою православныхъ храмовъ въ Западномъ краѣ. Произведенный въ полковника въ 1865 г., онъ въ 1868 г. былъ начальникомъ штаба 34-ой пѣхотной дивизіи, а въ 1869 г. командиромъ 34-го пѣхотнаго Сѣвскаго полка. 20 апрѣля 1871 г. З-скій уволенъ былъ отъ военной службы въ чинѣ генераль-майора. Впослѣдствіи онъ былъ председателемъ Полтавской межевой палаты (1877—1884 гг.), членомъ правленія Полтавскаго земельного банка, гласнымъ Полтавской городской думы и губернскимъ гласнымъ, а также состоялъ председателемъ попечительнаго совѣта Полтавской Маріинской женской гимназіи. Въ чинѣ тайнаго совѣтника З-скій былъ произведенъ въ 1883 г., скончался онъ 16 ноября 1891 г. въ Полтавѣ. Послѣ его смерти, 17 февраля 1894 г., собраніе акціонеровъ земельного банка учредило стипендію его имени въ Полтавской женской гимназіи, для чего ассигновало 5.000 рублей.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Киевъ, 1910 г., т. II, стр. 164, 165.—*И. Ф. Павловскій*, «Полтавцы», Полтава, 1914 г., стр. 171—172 (съ портретомъ).

А. Г.

Зеленскій, Михаилъ Самуиловичъ, докторъ медицины, ст. сов., родился 8 декабря 1829 г. на южномъ берегу Крыма. 9-ти лѣтъ былъ отданъ въ Полтавскую гимназію, по окончаніи курса въ которой поступилъ на медицинскій факультетъ университета св. Владимира въ Киевѣ, а затѣмъ перешелъ въ Петроградскую медико-хирургическую академію на 3-й курсъ въ качествѣ лучшаго студента. Будучи еще на 5-мъ курсѣ, 3-скій написалъ сочиненіе на академическую тему: «О распознаваніи болѣзней нервныхъ центровъ», за которое получилъ первую золотую медаль, при чемъ имя его, какъ лауреата, было помѣщено на мраморной академической доскѣ. Передъ выпускомъ изъ академіи 3-скій изъявилъ желаніе держать экзаменъ прямо на доктора, но ему, по молодости его лѣтъ, было въ этомъ отказано. Окончивъ блестяще академическій курсъ, онъ поступилъ ассистентомъ къ Н. И. Пирогову въ Максимилиановскую лѣчебницу и штатнымъ ординаторомъ въ больницу для чернорабочихъ, гдѣ прослужилъ съ 1855 по 1860 годъ; степень доктора онъ получилъ въ 1853 г. по защитѣ диссертациі, на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Симеотика и диагностика болѣзней спинного мозга». («Воен.-Мед. Журн.» 1853, ч. 61). Служа въ больницѣ для чернорабочихъ, 3-скій вынесъ убѣжденіе, что въ его специальномъ образованіи имѣются нѣкоторыя пробѣлы, для пополненія которыхъ онъ и отправился за границу, гдѣ слушалъ лекціи въ разныхъ университетахъ, преимущественно въ Берлинѣ, работая подъ руководствомъ Вирхова, Фрерихса, Траубе и другихъ медицинскихъ свѣтилъ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей 3-скій возвратился въ Петроградъ и послѣ пробной лекціи получилъ мѣсто приват-доцента по дѣтскимъ болѣзнямъ въ Медико-хирургической академіи, которое занималъ до 1889 года. Въ 1864 г. онъ былъ назначенъ директоромъ школы женскаго патріотическаго Общества и въ то же время состоялъ врачомъ—консультантомъ въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи. Результатомъ почти 40-лѣтней вра-

чебной практики 3-скаго и его изслѣдованій въ области гигиены, преимущественно дѣтской, явилось нѣсколько его статей, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно, каковы: «Дѣтская гигиена» (приложеніе къ переводу «Гигиена» Реклама), «Къ вопросу о школьной гигиенѣ» («Правит. Вѣст.»), «Наши трипичники»—изслѣдованіе одного изъ главныхъ источниковъ заразы («Вѣстникъ Европы»). Кроме того, 3-скій напечаталъ и издалъ рядъ сочиненій строго-научнаго содержанія, какъ-то: «О признакахъ и распознаваніи нервныхъ болѣзней въ области узловой системы» («Другъ Здравія» 1856 г., 6. Рецензія въ «Отеч. Записк.» 1856 г., ч. 106, III, 24 и «Военно-Медиц. Журн.» 1856 г., ч. 68, I; 1857 г., ч. 69, I); «Дифтеритъ» (Рецензія въ «Вѣстникъ Европы» 1881 г., кн. XI); «Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства» (Рецензія въ «Отеч. Записк.» 1882 г., № 9); «Научный методъ для опредѣленія вѣса тѣла, какъ признакъ здоровья или болѣзни организма»; «Общій взглядъ на особенности дѣтскихъ болѣзней» («Медиц. Вѣстн.» 1862 г., 40—42); Zur Frage v. d. Muskelirritabilität («Архивъ Вирхова» 1862 г., т. XXIV); «Объ умѣ и методѣ его воспитанія» (Рецензія въ «Вѣстникъ Европы» 1890 г., № 6; въ «Русской Мысли» 1890 г., № 4, стр. 156—158; въ «Русской Школѣ» 1890 г., № 6) и «Опытъ полного исчисленія естественныхъ минер. водъ Европейской Россіи и Кавказск. Крым.» («Журн. М-ва Внутр. Дѣлъ» 1854 г., IV). Скончался 3-скій въ ночь съ 9-го на 10-е іюля 1890 года.

«Всемирная Иллюстрація» 1890 г., т. XLIV, стр. 67, 96.—«Петербургскій Листокъ» 1890 г., № 188.—«Сынъ Отечества» 1890 г., № 185.—«Новое Время» 1890 г., № 5160.—«Новости» отъ 12 іюля 1890 г.—«Врачъ» 1890 г., № 29.—«Нива» 1889 г., № 44.—*Зингеръ*, «Русскіе врачи—писатели», вып. I, стр. 117.—*Мишневичъ*, «Наши знакомые». — «Петербургскій Некрополь».

Стен.

Зеленцовъ, Капитонъ Алексѣевичъ, (1790 † 3 мая 1845 г.), академикъ живописи, одинъ изъ наиболѣе привлекательныхъ, выдающихся учениковъ основателя русскаго жанра Венеціанова. 3-цовъ не былъ воспитанникомъ нашей высшей художественной школы, онъ пришелъ въ нее уже готовымъ художникомъ. Признанный «назначеннымъ», онъ полу-

чилъ на званіе академика программу: «написать картину, изображающую внутренность мастерской художника съ различными принадлежностями и нѣсколькими фигурами». Получивъ эту программу исполнѣ шаблонную, многократно дававшуюся другимъ художникамъ, З-цовъ тѣмъ не менѣ сумѣлъ выдѣлиться ею и дать одинъ изъ немногочисленныхъ шедевровъ русской живописи. Картина эта «Въ мастерской художника Басина» была на выставкѣ 1833 г., и художникъ получилъ за нее званіе академика перспективной живописи. Она находится въ настоящее время въ Русскомъ Музеѣ Императора Александра III. Не говоря уже о томъ, что картина эта имѣетъ громадное значеніе, какъ портреты всѣхъ дѣйствующихъ лицъ (между ними, напримѣръ, есть В. Лангеръ, художественный критикъ 30—40-хъ годовъ, другого портрета В. Лангера мы не знаемъ), она важна для насъ, какъ иллюстрація мастерской большого художника Басина, какъ документъ къ исторіи русской живописи. По этой картинѣ мы можемъ детально, съ мельчайшими подробностями, возстановить былое время, любопытную пору исторіи нашего искусства, извѣстную подъ кличкой «академической». Кромѣ этой заданной картины, современники восхищались небольшою картиною З-цова, называвшейся «Мальчикъ, убирающій комнату», или «Молодой полометь». Эта картина появилась въ 1826 г. на выставкѣ произведеній, продажа которыхъ шла въ пользу Общества поощренія художествъ. Она была куплена П. Свинымъ для его «Русскаго Музея». Любопытен отзывъ современника объ этой послѣдней картинѣ—«кажется мальчикъ стоитъ посреди и ровное пространство отдѣляетъ его отъ задней стѣны, какъ и отъ зрителя. Тонкая наблюдательность замѣтна въ самыхъ мелочахъ, вплоть до пыли, которая еще не стерта съ фортепiano». Про другую картину З-цова, бывшую на выставкѣ Академіи Художествъ 1827 г. подъ названіемъ «Русская дѣвушка на сѣнокосѣ», критикъ того времени писалъ: «тотъ же предметъ, какъ и въ одной картинѣ Венеціанова». Совершенно правильно, но между тѣмъ сюжетъ одинъ, а трактовка его различна; сохранились тѣ черточки, которыя даютъ художнику самостоятельный обликъ, которыя позволяютъ ему проявить свое «я», не заглушенное

силою таланта учителя, а, наоборотъ, развитое этикъ учителемъ главнымъ образомъ потому, что это развитіе приносило въ конечномъ результатѣ плюсъ самому же учителю. Конечно, въ настоящее время картины и рисунки З-цова могутъ показаться весьма наивными, но въ нихъ, какъ и вообще въ картинахъ всей школы Венеціанова, при всей ихъ условности, видна горячая любовь художника къ своему дѣлу.

Петровъ, «Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. II, стр. 303.—«Сѣв. Пчела», 1827 г., № 114; 1830 г., № 129; 1833 г., стр. 979, 1108; 1834 г., стр. 204; 1839 г., стр. 150.—«Худож. Газ.» 1840 г., №№ 5, 24.—Списокъ произведеній выставки Об-ва Поощ. Худож. 1826—27 г.—«Міръ Искусства» 1899 г., №№ 13, 14.—«Золотое Руно» 1907 г., № 7, 9.—Каталоги Русскаго Музея Александра III, Академіи Художествъ, Третьяковской галлерей и Румянцевскаго Музея.

II. Столѣтскій.

Зелинскій, *Викторинъ*, писатель-переводчикъ, родился въ 1814 г. въ деревнѣ Бобровцѣ, на Украинѣ, первоначальное образованіе получилъ въ Умани, высшее—въ Немировскомъ училищѣ. Въ 1837 г. З-скій пріѣхалъ въ Варшаву и первое время работалъ здѣсь въ различныхъ газетныхъ редакціяхъ, а въ 1840 г. открылъ частные курсы французскаго языка; однако, за недостаткомъ слушателей, предпріятіе это пришлось въ скоромъ времени прекратить, и съ 1841 г. З-скій опредѣлился на казенную службу учителемъ. Нѣкоторое время онъ состоялъ преподавателемъ въ Ченстоховской гимназіи, а по возвращеніи въ Варшаву занялся частными уроками и литературнымъ трудомъ, помѣщая свои произведенія (стихи и прозу) въ современныхъ ему периодическихъ изданіяхъ. Послѣдній годъ своей жизни З-скій состоялъ на службѣ въ Варшавской главной бібліотекѣ. Скончался онъ въ Варшавѣ въ 1866 г.

Свои поэтическія произведенія З-скій издалъ въ сборникѣ подъ заглавіемъ: «Drobne pisma poetyczne» (Варшава, 1842 г.). Имъ-же составлена была книга польско-французско-нѣмецкихъ разговоровъ («Nowy kometnizusz czyli pierwiastki konwersacyi polskiej, francuzkiej i niemieckiej»), выдержавшая въ промежутокъ времени съ 1838 по 1859 гг. пять изданій, и, какъ продолженіе къ ней, «Przewodnik do konwersacyi czyli praktyczna nauka języka

francuzkiego» (Варшава, 1866 г.). Изъ его переводовъ съ французскаго известны два: «Ekonomija przemysłowa, kurs z г. 1837 i 1838, wykładany przez Blanquiego» (Варшава, 1843—1844 гг., 3 тома) и «Wybór pism moralnych Franklina, pompożony krótkim rysem jego życia i ciekawemi wyjątkami z jego własnych pamiętników» (тамъ же, 1845 г.).

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 488.

А. Г.

Зелинскій, Густавъ Норбертовичъ, поэтъ и общественный дѣятель, родился 1 января 1809 г. въ деревнѣ Марковицахъ, Иновроцлавскаго повѣта, и былъ сыномъ офицера польской арміи, образованіе получилъ въ пiarской школѣ въ Варшавѣ, откуда въ 1827 г. перешелъ на юридическій факультетъ Варшавскаго университета и окончилъ послѣдній въ 1830 г. Въ 1833 г. онъ побывалъ въ Киргизской степи и въ Сибири, а по возвращеніи на родину унаслѣдовалъ отъ дяди большое имѣніе въ Плоцкой губ. и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Вмѣстѣ съ Яцковскимъ и Кленевскимъ З-скій ревностно занялся здѣсь устройствомъ дешеваго кредита для мѣстныхъ земледѣльцевъ, но событія 1863 г. помѣшали развиться его предпріятію. Скончался З-скій въ своемъ имѣніи Скемпахъ въ 1881 г.

Изъ поэтическихъ произведеній З-скаго въ печати появились: художественныя поэмы «Kirgiz» (Вильна, 1842 г.) и «Stepy» (въ «Album Warszawskiem» за 1845 г.), драматическая сцена «Twardowski» и сборникъ подъ заглавіемъ «Poezyje» (Варшава, 1846 г.). Во второй половинѣ 60-хъ годовъ З-скій состоялъ членомъ редакціи и сотрудникомъ «Biblijoteki Warszawskiej», гдѣ помѣстилъ свою обширную монографію «Ziemia Dobrzyńska». Собраніе сочиненій З-скаго вышло посмертнымъ изданіемъ въ 1901 г.

Биограф. очеркъ въ собраніи сочин. Г. Зелинскаго, сост. *Хмилевскій*, 1901 г.—«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28; 1904 г., т. 16.

Зелинскій, Исидръ, профессоръ французской литературы и исторіи въ Варшавскомъ лицей, родился въ Варшавѣ въ 1785 г. и тамъ же въ пiarскихъ школахъ получилъ образованіе. Свою педа-

гогическую дѣятельность З-скій началъ съ пятнадцатилѣтняго возраста; только въ промежутокъ времени съ 1806 по 1809 гг. онъ состоялъ на службѣ въ Варшавскомъ апелляціонномъ судѣ (сперва въ качествѣ переводчика, потомъ—секретаря), а затѣмъ опять, по собственному желанію, вернулся къ дѣлу преподаванія. Въ 1813 г. онъ былъ приглашенъ преподавателемъ французскаго языка въ Варшавскій лицей, а въ 1818 г. сдѣлалъ профессоромъ. На службѣ въ лицей З-скій оставался до выхода въ отставку по выслугѣ пенсіи. Скончался онъ въ Варшавѣ въ 1857 г.

Результатомъ многолѣтней педагогической дѣятельности З-скаго явились слѣдующіе его печатные труды: 1) «Grammatyka francuzka teoryczno-praktyczna, ułożona dla Polaków» (2 ч. Варшава, 1816—1818 гг., 2-е изд.—1819 г., 3-е испр.—1822 г., 4-е—1823 г. и 5-е—1835 г.), 2) «Rozmowy potoczne, służące do grammatyki francuzkiej» (Варшава, 1816 г., 2-е изд.—1826 г. и 3-е—1836 г.) и 3) «Cours de literature française» (3 т. тамъ-же, 1823 г.). Въ 1830 г. въ Парижѣ З-скій напечаталъ свою «Histoire de Pologne» (2 т.), нѣсколько разъ перепечатанную затѣмъ тамъ-же подъ разными заглавіями и представляющую въ сущности передѣлку аналогичнаго труда Ваги.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 486.

А. Н.

Зелинскій, Феликсъ-Казиміръ, юристъ-писатель, родился въ Варшавѣ въ 1817 г., умеръ тамъ-же въ 1876 г., высшее образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ Варшавскаго университета, по окончаніи котораго, въ 1837 г., поступилъ на службу въ гражданскій трибуналь Мазовецкой губерніи и вскорѣ принялъ участіе въ работахъ по пересмотру польскаго кодекса законовъ. Въ 1848 г. онъ занялъ должность адвоката при апелляціонномъ судѣ, а въ 1854 г., назначенный чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ директорѣ правительственной финансовой комиссіи, вошелъ въ составъ комитета по пересмотру торговаго права въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1860 г. З-скій назначенъ былъ докладчикомъ общаго собранія Польскаго сената, въ 1862 г.—подсекретаремъ государственнаго совѣта, а съ 1864 г.,

до уничтоженія совѣта въ 1867 г., состоялъ тамъ же секретаремъ.

Свои разнообразныя служебныя занятія З-скій успѣшно совмѣщалъ съ занятіями научными и литературными. Онъ былъ сотрудникомъ и однимъ изъ редакторовъ «Biblioteki Warszawskiej», гдѣ помѣстилъ много статей по своей специальности—праву, по политической экономіи и по литературѣ (критика). Отдѣльно изданы имъ: «Ustawa wekslowa niemiecka» (Варшава. 1851 г.) и «O zakładach kredytowych w zastosowaniu do rolnictwa» (Вар. 1858 г.).

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 488; 1878 г., т. XI.

Зелинскій, Ома, археологъ-любитель и коллекціонеръ, родился въ 1802 г. въ Краковѣ и тамъ же получилъ начальное образованіе. Въ 1819 г. онъ поступилъ на службу въ Варшавскій магистратъ, а съ 1837 г. по 1846 г. былъ окружнымъ полицейскимъ комиссаромъ. Въ этотъ именно періодъ З-скій началъ свою коллекціонерскую дѣятельность; онъ собиралъ картины, памятники древности и старинныя книги. Все это искусно разыскивалось имъ и приобреталось нерѣдко съ большимъ трудомъ. Не имѣя не только спеціальнаго, но и общаго высшаго образованія, З-скій руководился въ своихъ изысканіяхъ почти исключительно природнымъ чутьемъ, любовью къ дѣлу, которому онъ посвящалъ всѣ свои средства, и тѣми немногими указаніями, которыя давалъ ему кружокъ знакомыхъ художниковъ. Въ 1846 г. З-скій былъ назначенъ уѣзднымъ начальникомъ въ Кѣльцы. Здѣсь онъ на собственные сбереженія построилъ домъ, куда и помѣстилъ собранныя коллекціи. Особенно цѣнной была его коллекція картинъ, насчитывавшая свыше 350 номеровъ; въ томъ числѣ 55 картинъ итальянскихъ художниковъ, 41—голландскихъ и фламандскихъ, 34—нѣмецкихъ, 29—французскихъ, 5—испанскихъ и до 150 картинъ работы польскихъ художниковъ и иностранныхъ, жившихъ въ Польшѣ. Въ этой коллекціи имѣлись 2 картины XV ст. и 13 картинъ XVI ст. Каталогъ картинной галлерей З-скаго впоследствии составленъ былъ С. Саховичемъ, многочисленная же коллекція цѣнныхъ древностей, собранныхъ имъ, описана Лепковскимъ подъ загла-

віемъ: «Zbiór ó. p. Tomasza Zielińskiego w Kielcach» (Варшава, 1860 г.). Скончался З-скій въ 1848 г.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 487.

А. Н.

Зельгеймъ, Иоаннъ-Густавъ, докторъ медицины, родился въ Раппнѣ, въ Лифляндіи, 2 октября 1794 г., въ ранней молодости помѣщенъ былъ приващикомъ въ книжную торговлю Гартмана въ Ригѣ и пробылъ здѣсь до 1812 г., когда ему удалось отправиться въ Дерптъ (Юрьевъ). Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ слушалъ лекціи по медицинѣ въ Юрьевскомъ университетѣ; въ 1814 г. уѣхалъ въ Кенигсбергъ, а въ слѣдующемъ 1815 г. выдержалъ въ Варшавѣ экзаменъ на званіе врача-хирурга и вслѣдъ затѣмъ отправился съ нашей арміей во Францію. По возвращеніи изъ похода З-мъ нѣкоторое время былъ врачомъ въ Витебской губерніи, а впоследствии состоялъ акушеромъ при врачебной управѣ въ Псковѣ. Докторскую диссертацию «De phlegmatia dolente» онъ защитилъ при Юрьевскомъ университетѣ въ 1826 г. Скончался въ Перновѣ въ 1831 г.

Recke u. Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexikon», Миттава 1832 г., т. 4, стр. 182; прибавленіе, 1861 г., стр. 190.

А. Г.

Зельницкая, Елизавета Григорьевна, въ 1826 г. напечатала въ «Отечественныхъ Запискахъ» (ч. 2, № 75) «Исслѣдованіе древнихъ историческихъ мѣстъ и урочищъ, которыя должны находиться въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи». Скончалась 29 августа 1857 г.

Кн. Голицынъ, «Библиографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 116.—«Московский Некрополь».

Зельницкій, Григорій Кирилловичъ, редакторъ ежемѣсячнаго журнала «Урація», состоялъ сначала учителемъ въ Калужскомъ главномъ народномъ училищѣ съ года его основанія, а затѣмъ въ Калужской гимназіи, прослуживъ въ общемъ на педагогическомъ поприщѣ 42 года. Скончался онъ въ чинѣ кол. совѣтника въ 1828 г. Журналъ «Урація» издавался, какъ сказано въ предисловіи 1-й книжки, «въспомоществованіемъ преосвященнаго Θεофилакта, епископа Калужскаго и Боровскаго» и вышелъ всего въ 4-хъ книгахъ за 1804 годъ, при чемъ большинство

помѣщенныхъ въ нихъ статей, а также и нѣкоторыя стихотворенія принадлежатъ самому З—кому. Эти статьи и стихотворенія слѣдующія, въ 1-й книгѣ: «Обозрѣніе Калужской губерніи въ естественномъ ея состояніи», «Историческія черты о Калужской губерніи» (продолженіе во 2-й книгѣ), «Минеральныя воды», «Изображеніе характеровъ и великодушныхъ дѣлъ частныхъ людей», «Домашніе анекдоты» и «О преимуществахъ публичнаго воспитанія дѣтей предъ домашнимъ». Во 2-й книгѣ: «Успѣхи земледѣлія по Калужской губерніи», «Златыя мѣтныя древнихъ», перев. съ греческаго языка (продолж. въ 3-й кн. и окончаніе въ 4-й), «О существенныхъ отличіяхъ прозябаемаго царства тѣлъ отъ животныхъ», «Изящность вкуса калужскихъ жителей», «Забавный способъ ловленія звѣрей» и «Преложеніе 38 псалма». Въ 3-й книгѣ: «О минеральныхъ веществахъ, скрывающихся подъ Калужскою пошвою», «Деньги—не славная вещь на войнѣ», «Цереринъ пиръ или торжество земледѣльцовъ» и «О мѣстной промышленности или торговлѣ по Калужской губерніи» и, наконецъ, въ 4-й книгѣ: «Описаніе губернскаго города Калуги» и «Нѣчто о скотоводствѣ въ Калужской губерніи». Есть основаніе предполагать, что З—цкій является авторомъ и стихотвореній: «Горохъ, посѣянный при дорогѣ», «Патріотизмъ», «Надпись риторикѣ», «Къ отцу Мелхиседеку» (книга 1-я) и «Преложеніе 42 псалма» (книга 2-ая). Кромѣ того, З—цкій перевелъ съ польскаго соч. Красицкаго: «Странствованіе неумирающаго чловѣка по знатнѣйшимъ древнимъ государствамъ, содержащее въ себѣ тонкія критическія разсужденія на древнихъ дѣписателей, представленныя въ любопытномъ и пріятномъ видѣ» (2 ч. Калуга. 1794 г.).

«Калужскія Губерн. Вѣдомости» 1855 г., № 34—35. — *Геннади*, Словарь, т. II, стр. 30. — Отзвы о журналѣ «Уранія»: «Вѣстникъ Европы» 1810 г., т. XIII, стр. 63 и «Отечествен. Записки» 1820 г., № 6, стр. 248.

Н. П.

Зембицкій, Якимъ Григорьевичъ, ст. сов., ординарный профессоръ Главнаго педагогическаго института, директоръ Императ. минералогическаго общества, родился въ 1784 г. и происходилъ изъ духовнаго званія. Образование получилъ въ Черниговской духовной семинаріи и Главномъ пе-

дагогическомъ институтѣ, который окончилъ въ 1807 г. Въ началѣ слѣдующаго года онъ опредѣлился старшимъ учителемъ естественной исторіи, технологии и торговли въ Петроградскую гимназію и затѣмъ послѣдовательно былъ приглашенъ читать естественную исторію въ Императорскомъ воспитательномъ домѣ (1814 г.), геологію и ботанику въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ (1814 г.), ботанику въ Благородномъ пансіонѣ Петроградскаго университета (1817 г.), ботанику въ университетѣ (1819 г.) (при которомъ въ 1822 г. былъ утвержденъ въ званіи адъюнта, а затѣмъ экстраординарнаго профессора), минералогію и геогнозію въ Главномъ инженерномъ училищѣ (1829 г.) и зоологію и ботанику въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, сначала въ качествѣ экстраординарнаго (1832 г.), а потомъ ординарнаго профессора (1836 г.). З—цкій былъ однимъ изъ членовъ-учредителей Императорскаго минералогическаго общества, обогащенію коллекцій котораго не мало содѣйствоваль собственными приношеніями. За время его директорства (1827—1842 гг.) общество, до этихъ поръ носившее замкнутый характеръ и слабо проявлявшееся въ литературѣ, оживилось, и дѣятельность его проявилась въ рядѣ выпущенныхъ статей, брошюръ и сочиненій; при немъ же въ 1830 г. вышла первая часть «Трудовъ Общества», въ которой помѣщена статья З—цаго: «О Шапшенскомъ и Соломенскомъ камняхъ». Изъ дальнѣйшихъ работъ его извѣстны: «Минералогическая система Моса, изложенная съ замѣчаніями на оную въ особенности и въ отношеніи къ минералогическимъ системамъ вообще (П. 1831 г.), «О мѣстонахожденіи алмазовъ въ Россіи» (П. 1832 г.), «Объ употребленіи гранита въ Петербургѣ» (П. 1834 г.) и «Историческое извѣстіе о знаменитомъ алмазѣ Санси» (П. 1835 г.). Кромѣ того, въ разное время онъ помѣщалъ статьи свои въ «Указателѣ Открытій», «Сѣверной Пчелѣ», «Журналѣ М-ва Внутр. Дѣлъ» и въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» Плюшара. З—цкій впервые началъ знакомить Россію со вновь возникшей наукой объ ископаемыхъ органическихъ остаткахъ и написалъ по этому предмету обширныя статьи въ «Горномъ Журналѣ»: «Общее обозрѣніе окаменѣлостей» (1825 г.), «Обозрѣніе ископаемыхъ растений» (1830 г.), «Сокращенное руко-

водство въ систематическому опредѣленію ископаемыхъ растений», ч. I (1832 г.), «Конхиліологія, или изложеніе свѣдѣній о раковинахъ и животныхъ, производящихъ оныя», ч. I. (Спб. 1831 г.). 3-цѣй имѣлъ громадное вліяніе на своихъ учениковъ, развивая въ нихъ вкусъ и охоту къ предметамъ естественно-историческимъ. Скончался онъ 6 ноября 1851 г.

«Записки Императ. С.-Петербургскаго минералогическаго общества», 2-ая серія, часть II, стр. 316—319.—*Григорьевъ*, «Императорскій С.-Петербургскій университетъ», стр. 25, 40, 50, 55, 62, 71, 80, 110.—«Сынъ Отечества» 1851 г., ноябрь, стр. 80.—*Геннадъ*, Словарь, т. II.—«Петербургскій Некрополь».

Мих—въ.

Земельгакъ, Яковъ Ивановичъ, въ 1800 г. былъ признанъ по засвидѣтельствваніи г. адъюнкта-ректора Гордѣева и профессоровъ Козловскаго и Шубина «назначеннымъ» въ академики, и ему была задана программа на званіе академика «сдѣлать мраморный бюстъ покойнаго президента Ивана Ивановича Бецкаго съ приличнымъ пьедесталомъ». По исполненіи этой работы З—къ былъ признанъ въ 1804 году академикомъ. Бюстъ И. И. Бецкаго и въ настоящее время сохраняется въ Академіи Художествъ.

Петровъ, «Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. I, стр. 412.—«Старые Годы», 1907 г., №№ 7—9, стр. 282.

Земенцкая (рожд. **Галаткевичъ**), **Элеонора**, писательница, родилась въ 1819 г., рано осиротѣвъ, воспитывалась въ домѣ своей бабушки, г-жи Лучевской, подъ руководствомъ которой получила отличное домашнее образованіе. Серіозное чтеніе и постоянное общество взрослыхъ людей повели за собою раннее развитіе душевныхъ силъ дѣвушки, и 12 лѣтъ отъ роду она уже сотрудничала въ «Dzienniku dla dzieci» («О historyi polskiej», «О nagrodachъ pieniężnychъ za chlubne postępi» и др. статьи), а на четырнадцатомъ году помѣстила въ «Tygodniku Polskimъ» свое первое разсужденіе—правда, не вполне самостоятельное—о воспитаніи женщинъ («Myśli o wychowaniu kobiet»). Въ 1834 г. Элеонора Галаткевичъ вышла замужъ за художника Антона Земенцаго и вскорѣ послѣ свадьбы отправилась съ нимъ въ заграничное путешествіе. Продолжительной остановкой въ Краковѣ она воспользовалась для пополненія своего

образованія; затѣмъ слушала лекціи по философіи въ Дрезденѣ и временно пристрастилась къ нѣмецкимъ философамъ, которые смѣнили ея раннее увлеченіе сенсуалистами и спиритуалистами. По возвращеніи изъ-за границы З-кая поселилась въ своемъ имѣніи Trzysławowie и здѣсь почти безвыѣздно прожила 6 лѣтъ, занимаясь хозяйствомъ, воспитаніемъ своихъ дѣтей, чтеніемъ и отчасти литературнымъ трудомъ. Въ это время она писала біографіи ученыхъ и поэтовъ для «Magazynu Powszechnego» и съ 1839 г. была постоянной сотрудницей «Pierwiosnka»—журнала, въ которомъ работали исключительно женщины. Къ этому же періоду ея сельскаго уединенія относится и тотъ душевный переворотъ З-кой, который заставилъ ее отказаться отъ Гегеля и усердно искать примиренія философіи съ религіей. Въ своей статьѣ «Myśli o filozofii» («Bibl. Warsz.» 1841, t. II) она смѣло подвергла критикѣ очень еще распространенное въ то время гегелианство, какъ несогласное съ христіанскимъ ученіемъ, и для популяризаціи своихъ философскихъ идей въ 1841 г. занялась изданіемъ журнала «Pielgrzymъ», въ которомъ приняли участіе виднѣйшіе польскіе писатели 40-хъ годовъ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ, а главное, болѣзнь и нѣкоторыя семейныя обстоятельства заставили ее, однако, въ 1846 г. прекратить редактированіе этого журнала и на время опять поселиться въ деревнѣ. Тѣмъ временемъ въ 1843 г. вышло въ свѣтъ важнѣйшее сочиненіе З-кой «Myśli o wychowaniu kobiet». Вопросъ о женскомъ воспитаніи, занимавшій авторшу еще въ юные годы, нашелъ себѣ зрѣлое обсужденіе въ этой работѣ и былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что при воспитаніи женщины слѣдуетъ прежде всего заботиться о развитіи въ ней лучшихъ сторонъ *человѣка*. Продолженіемъ этого труда служила большая работа З-кой, оставшаяся незаконченной: «Kurs naukъ wyższychъ dla kobietъ» (вышелъ только первый томъ: психологія, эстетика, педагогика и мораль, 1863 г.). Поворотъ въ сторону религіи, намѣчавшійся въ обществѣ послѣ тревожнаго 1848 г., облегчилъ З-кой распространеніе ея философскихъ взглядовъ, которые нашли себѣ полное отраженіе въ ея сочиненіи «Zagady filozofii katolickiej» (1857 г.), изображающемъ тѣсную связь между зна-

ніемъ и вѣрой. Ту же мысль проводила она и въ статьяхъ, помѣщавшихся ею въ «Pamiętniki religijno-moralnym», дѣятельной сотрудницей котораго была съ 1854 г., и въ отдѣльно издававшихся ею сборникахъ. Въ 1860 г. ею были изданы въ Вильнѣ: сборникъ научныхъ статей подъ заглавіемъ: «Studyja» (зуда, между прочимъ, вошли обширный критическій разборъ курса славянской литературы Мицкевича и интересный очеркъ польской литературы послѣ 1830 г.) и два сборника популярныхъ дидактическихъ разсказовъ «Siejba łaski» и «Powiastki ludowe»; послѣдніе, однако, вслѣдствіе слишкомъ научнаго изложенія были мало доступны читателямъ изъ народа, для которыхъ они, повидимому, предназначались авторомъ. Ратуя за охраненіе молодежи отъ вредныхъ идей безвѣрія, 3-кая въ 1862 г. выступила (въ «Przeglądzie Europejskim») съ горячимъ протестомъ противъ переводчика исторіи философіи Швейгера и въ качествѣ руководства для молодого поколѣнія сама напечатала переводъ извѣстнаго французскаго сочиненія «Manuel de philosophie», озаглавивъ его «Przewodnik filozofii». Послѣдней работой 3-кой въ научной области была ея «Filozofia wrożeńca», надъ которой она трудилась три года, но которую не успѣла издать. Изъ переводовъ 3-кой извѣстны еще два: «Kalista, powieść ks. Newmana» и «O godności gozumu ludzkiego» (съ фран. cochin. Maret).

Скончалась 3-кая 29 сентября 1869 г.

«Album biograficzne». Варшава, 1903 г., т. II, стр. 479—483.—«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 536—537.—«Tygodnik Ilustrowany» 1869 г., т. IV.

А. Н.

Земенцкій, Антонъ Францовичъ, художникъ-живописецъ, родился въ Варшавѣ въ 1806 г., художественное образованіе получилъ подъ руководствомъ профессора Кокуляра, вмѣстѣ съ которымъ посланъ былъ на казенный счетъ въ Римъ. Изъ Италіи 3-цкій совершилъ путешествіе въ Германію и въ Парижъ для обзора тамошнихъ картинныхъ галлерей, а по возвращеніи въ Римъ закончилъ свою картину «Милосердный самаритянинъ», появившуюся въ 1828 г. на выставкѣ въ Варшавѣ. Картина 3-цакаго встрѣтила общее одобреніе такъ же, какъ и выставленные имъ портреты маршалка Бѣлин-

скаго и своего отца. Впослѣдствіи во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ за границу 3-цкій искусно скопировалъ портретъ Рембрандта (съ женою) въ Дрезденской галлерей и Мадонну di Foligno Рафаэля — въ Ватиканѣ. 3-цкій былъ преимущественно художникомъ-портретистомъ, — особенно хорошо удавались ему мужскіе портреты, но и другіе виды живописи (батальной и исторической) не были ему чужды. Имъ же составлено было обширное описаніе польскихъ національных костюмовъ.

Овдовѣвъ въ 1869 г., 3-кій поселился въ деревнѣ у дочери своей, г-жи Татаркевичъ; годъ смерти его не извѣстенъ.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28; 1878 г., т. 11; 1904 г., т. 16.

А. Н.

Земенцкій, Францъ (Franciszek), знатокъ польскаго права и въ частности порядковъ стариннаго судопроизводства въ Польшѣ, родился въ 1760 г., образованіе получилъ въ иезуитскихъ школахъ и съ 1788 г. до падевія Рѣчи Посполитой состоялъ на службѣ въ Петроковскомъ трибуналѣ. Впослѣдствіи, во времена герцогства Варшавскаго, 3-цкій былъ повѣтовымъ судьей, а въ 1815 г., съ образованіемъ Царства Польскаго, призванъ былъ на службу во вновь организованный въ Варшавѣ судъ. Въ 1836 г. многолѣтняя и полезная дѣятельность 3-цакаго обратила на себя вниманіе правительственной комиссіи, занятой приведеніемъ въ порядокъ судопроизводства въ Царствѣ Польскомъ, и по ея порученію 3-цкій составилъ обширный докладъ о порядкахъ судопроизводства въ бывшей Рѣчи Посполитой, по сравненію съ современными ему порядками. Трудъ этотъ, озаглавленный: «Zbiór formalności prawnych, do postępowania w sądach każdej instancji niegdyś Rzeczypospolitej Polskiej używanych, dla porównania ich z teraźniejszym ułożony», отпущенъ былъ въ Петроградъ. Скончался 3-цкій въ 1840 году.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 537.

Земляницинъ, Левъ Васильевичъ, протоіерей, проповѣдникъ, префектъ Тобольской семинаріи (1791—1817 гг.) и ректоръ Тобольскихъ духовныхъ училищъ (1818 г.). Ему принадлежатъ два слова, сказанныя имъ въ Тобольскомъ каедраль-

номъ соборѣ въ день востества на Всероссийскій престолъ и въ день рожденія Его В-ва Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича, Самодержца Всероссийскаго (П. 1814 г.).

Геннадіи, Словарь, т. II.—Сборникъ Имп. Рус. Историч. Общества, т. 60.

Земскій, Николай Федоровичъ, д. с. с., главный врачъ Ставропольскаго военнаго госпиталя, родился въ 1791 г. и происходилъ изъ духовнаго званія; образование получилъ въ Черниговской духовной семинаріи и Московской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой въ 1814 г. съ званіемъ лѣкаря опредѣлился сначала въ Каменецъ-Подольскій военный госпиталь, а затѣмъ въ Камчатскій пѣхотный полкъ (1815 г.), въ Великолукскій пѣхотный полкъ (1816 г.) и 19-ю артиллерійскую бригаду (1817 г.). Получивъ въ томъ же году званіе штабъ-лѣкаря, 3-скій въ 1820 г. былъ назначенъ старшимъ лѣкаремъ во Владикавказскій военный госпиталь, а въ 1824 г. врачомъ 22-й пѣхотной дивизіи. За участіе въ сраженіи съ персіанами въ 1827 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. Дальнѣйшая служба его проходила: въ Георгіевскомъ военномъ госпиталѣ (1832 г.), въ 20-й пѣхотной дивизіи (1833 г.) и старшимъ врачомъ войскъ Кавказской линіи и Черноморіи (1837 г.). Степень доктора медицины онъ получилъ въ 1840 г. 3-скій пользовался самой завидной извѣстностью, какъ одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей военно-медицинской корпораціи на Кавказѣ. Все, что было производительнаго въ военно-медицинской іерархіи на Кавказѣ, прошло черезъ руки его и болѣе или менѣе воспользовалось плодами его обширной медицинской опытности. 3-скій представлялъ собою живую лѣтопись войнъ на Кавказѣ въ періодъ 1820—1850 годовъ. Онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ экспедиціяхъ Ермолова, Паскевича, Розена, Головина, Нейгардта, Граббе и Гурко. Въ послѣдніе годы своей жизни 3-скій состоялъ главнымъ докторомъ Ставропольскаго военнаго госпиталя; скончался онъ 10 іюля 1864 г.

Змитевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 117 (здѣсь Земскій ошибочно названъ Ивановичемъ).—«Медицинскій Вѣстникъ» 1864 г., № 49.—«Голосъ» 1864 г., № 303.

Отен.

Земцовъ, Михаилъ Григорьевичъ, одинъ изъ птенцовъ «гнѣзда Петрова», первый русскій зодчій. Родился въ Москвѣ въ 1688 г. и былъ переселенъ въ С.-Петербургъ въ числѣ первыхъ переселенцевъ новой столицы. Въ Петербургѣ онъ первое время находился въ школѣ при городской канцеляріи, а въ 1710 г. былъ отданъ въ науку Трезини съ жалованьемъ въ 5 рублей. Занятія его у Трезини шли очень успѣшно: въ 1715 г. ему было увеличено жалованье до 10, а въ слѣдующемъ году до 15 руб. Вскорѣ, однако, 3—въ отъ Трезини переходитъ къ архитектору Микетти, который дѣлаетъ его своимъ помощникомъ и посылаетъ въ Ревель и въ Екатериненталь надзирать за постройкою проектированнаго Микетти дворца. Очевидно, здѣсь 3—ва узнаетъ Петръ Великій и обращаетъ вниманіе на талантливаго зодчаго. Съ этого времени ему начинаетъ даваться цѣлый рядъ порученій. 19 августа 1723 г. начальникъ галернаго флота получаетъ распоряженіе «объ отправленіи архитектурнаго подмастерья Земцова на боту «Ельзенфорсъ» въ Швецію для найма рабочихъ и мастеровыхъ и покупки инструментовъ. Въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго 3—въ принимаетъ участіе и въ работахъ Петергофскихъ фонтановъ; такъ, напримѣръ, ему было поручено «передѣлать пирамиду, сдѣлать бассейнъ ниже и снять одинъ уступъ (уступъ) въ кашеадахъ; въ каналѣ по лѣстницѣ, на правую сторону отъ палаты, сдѣлать, какъ по другую сторону, дельфиновъ»; далѣе, онъ работаетъ въ царскихъ садахъ, напримѣръ, дѣлаетъ «галерею противъ пвѣтниковъ или галерею дубовую для картинъ старыхъ мастеровъ». Всѣ эти работы дали 3—ву архитектурскій рангъ (1724 г.), а менѣе чѣмъ черезъ годъ Сенатъ положилъ ему жалованье въ 550 рублей.

При Петрѣ Великомъ 3—въ учился и исполнялъ поручаемыя ему работы по проектамъ другихъ архитекторовъ, а такъ какъ онъ былъ къ тому же и искуснымъ рисовальщикомъ, то дѣлалъ тѣ чертежи, въ которыхъ требовалась изящная отдѣлка и художественность; такъ, напримѣръ, проектированный Петромъ Великимъ «гротъ въ Лѣтнемъ саду» сохранился до нашего времени въ чертежахъ 3—ва. Далѣе 3—въ исполнялъ и обязанности скульптора: имъ были составлены проекты статуй, которыми собирались украсить

строившееся зданіе для кунсткамеры Академіи Наукъ. Сдѣлавшись архитекторомъ, З—въ за 20 лѣтъ проявилъ такую громадную дѣятельность, что въ настоящее время нельзя не изумляться, какъ могъ такъ много работать этотъ еще далеко не опѣненный первый русскій архитекторъ. Съ 1725 по 1732 годъ З—въ числился при конторѣ отъ строеній, т. е. занимать должность, соответствующую нынѣшней должности архитектора Двора; въ 1732 г. онъ получилъ специальное порученіе — назначенъ на достройку монастырскихъ зданій Александро-Невской лавры». Подошли страшные петербургскіе пожары. Приходилось перестраивать городъ. Появилась особая комиссія по устройству С.-Петербурга, и З—въ въ 1735 г. опредѣляется архитекторомъ при полицейской конторѣ. Съ 1740 по 1743 г., т. е. по годъ своей смерти, З—въ вторично исполняетъ специальное назначеніе — надзоръ за постройкою Невской лавры, и въ то же время на него возлагается рядъ самыхъ разнообразныхъ дворцовыхъ построекъ.

Первую самостоятельную постройкою З—ва былъ деревянный залъ, приблизительно тамъ, гдѣ теперь на Марсовомъ полѣ находится дворецъ принца Ольденбургскаго. Залъ этотъ строился для бракосочетанія дочери Петра Великаго Анны Петровны съ принцемъ Голштинскимъ и, какъ большинство построекъ того времени, строился спѣшно. Въ запискахъ Берггольца находимъ указаніе на то, что «князь Меншиковъ прошлую ночь провелъ въ новыхъ комнатахъ да и нынче намѣренъ ночевать въ нихъ, чтобъ имѣть неослабный надзоръ за рабочими и всѣми мѣрами торопить ихъ оканчивать постройку». Затѣмъ въ томъ же 1725 г., съ такою же, если только не съ большею, быстротою З—ву пришлось и перестраивать и строить вновь Лѣтній дворецъ для императрицы Екатерины I и, наконецъ, заново отдѣлывать Итальянскій дворецъ. Всѣ эти постройки не сохранялись: торжественная зала простояла до 1731 г., Лѣтній дворецъ Екатерины I былъ смѣненъ сперва Лѣтнимъ дворцомъ императрицы Елисаветы Петровны, постройки гр. Растрелли — сына, а затѣмъ Михайловскимъ замкомъ императора Павла I, что нынѣ Инженерный замокъ, на мѣстѣ же Итальянскаго дворца Гваренги построилъ Екаторининскій институтъ. Кромѣ этихъ

фундаментальныхъ построекъ, З—ву приходилось наблюдать за рядомъ болѣе мелкихъ, напримѣръ, онъ заканчивалъ подзорный дворецъ, устраивалъ дворцы въ Екатерингофѣ и Анненгофѣ, перестраивалъ триумфальныя ворота и т. д.

Въ царствованіе императрицы Анны Иоанновны дѣятельность З—ва была направлена на устройство Петербурга и церковное строительство. З—въ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи Захгеймомъ перваго топографическаго плана С.-Петербурга 1738 года. Для этой цѣли З—вымъ была составлена опись обывательскихъ домовъ Петербурга (15 апрѣля 1736 года). Далѣе ему же принадлежить составленіе: 1) положенія о мостильныхъ работахъ, т. е. о мощеніи улицъ, и 2) условія для казенныхъ подрядовъ. По рисункамъ и чертежамъ его строились всѣ вѣзды въ столицу, полицейскія будки и, наконецъ, рогатки, которыми въ ночное время запирались улицы. Какъ полицейскій архитекторъ, З—въ построилъ и зданіе для главной полиціи, которое было вторымъ по Мойкѣ, отъ Невскаго проспекта, за голландской церковью. Интересно отмѣтить, что по проектамъ его въ суровую зиму 1739 г. были построены особыя грѣлки на улицахъ.

Какъ архитекторъ Александро-Невской лавры, З—въ не могъ себя проявить чѣмъ-либо особеннымъ главнымъ образомъ потому, что, несмотря на очень частыя, строжайшія Высочайшія повелѣнія закончить постройку лавры, не давали достаточнаго количества денегъ. Но принявъ эту постройку, З—въ указалъ, что, по всей вѣроятности, придется разбирать своды собора, которые были незаконченными. Это предположеніе З—ва оправдалось.

Изъ построенныхъ З—вымъ церквей обращали на себя вниманіе особенно двѣ — Симеоновская и старая церковь Казанской Божіей Матери, замѣненная впоследствии Казанскимъ соборомъ Воронихина. Въ церковномъ строительствѣ З—въ уже проявилъ извѣстную самостоятельность; правда, планъ Земцовскихъ церквей напоминаетъ планъ церквей Трезини: та же вытянутая и поставленная передъ церковью колокольня, за которой идетъ въ самую церковь галлерей, но детали постройки уже не Трезиновскія: колокольня прежде всего не такая простая, какъ у Трезини — вліяніе стіля барокко уже ясно

чувствуется, особенно въ верхней части колокольни, въ круглыхъ окнахъ одного изъ ярусовъ колокольни и, наконецъ, въ слегка изогнутой формѣ самого шпица. Затѣмъ З—въ совершенно измѣнилъ форму купола: вмѣсто маленькаго фонарика Трезини появился довольно значительнаго размѣра главный куполъ. Церковь св. Симеона и Анны сохранилась въ сравнительно нетронутомъ видѣ. Что же касается уже исчезнувшей церкви Казанской Божіей Матери, то она по плану походила на Симеоновскую и, судя по сохранившейся картинѣ неизвѣстнаго мастера, имѣла внутри красивую колоннаду изъ колоннъ коринтскаго стиля.

Небольшая изящная постройка—павильонъ—ботикъ Петра Великаго въ Петропавловской крѣпости—безусловно должна свидѣтельствовать, какъ говорить И. Грабарь, «о наличности надежной архитектурной фантазіи у З—ва, умѣвшаго, когда позволяла возможность, создавать самыя очаровательныя формы при помощи простѣйшихъ средствъ».

6 апрѣля 1742 года гофъ-интендантъ императрицы Елисаветы Петровны Шаргородскій даетъ приказаніе архитектору З—ву—строить Анничковскій дворецъ, при чемъ предупреждаетъ, что съ постройкою эту надо спѣшить—таково желаніе императрицы; она хочетъ, чтобы тамъ, гдѣ стояла сборная изба Преображенскаго полка, откуда императрица—тогда еще принцесса Елисавета—во главѣ своихъ лейбъ-компанцевъ отправилась добывать себѣ отцовскій престолъ, воздвигся дворецъ. И постройка этого дворца поручается не иноземцу, а русскому архитектору.

З—въ проявилъ усиленную дѣятельность: чертежъ за чертежомъ изготовливался талантливымъ архитекторомъ, и его помощникъ Дмитріевъ отвозилъ эти чертежи на апробацію императрицы въ Москву. Приступили къ работамъ, били сваи, закладывали фундаментъ, начали возводить стѣны; чтобы быть ближе къ постройкѣ, З—въ выпросилъ себѣ участокъ для постройки дома почти напротивъ дворца. И въ разгаръ этихъ работъ З—въ умираетъ. Докладъ императрицѣ о его смерти былъ сдѣланъ 29 ноября 1743 г. Работы по окончанію дворца поручены были Растрелли, который, не имѣя возможности измѣнить общаго плана, все же приложилъ свою

руку къ деталямъ, вслѣдствіе чего характеръ постройки получился не тотъ, какой ему далъ бы З—въ.

З—въ безусловно отличался громадной энергіей и трудоспособностью, но получивъ образованіе въ школѣ Трезини, который былъ не архитекторъ, а инженеръ, З—въ, конечно, не могъ развить свои большіе задатки, какъ художникъ. Незнакомый ни съ теоріей архитектуры, ни съ выдающимися памятниками водчества Европы (З—въ нигдѣ, кромѣ Столгольма, не былъ), нашъ русскій самородокъ долженъ былъ до всего доходить самостоятельно, отгрызать всюду Америку. Но заниматься архитектурой непрерывно и систематично З—въ не могъ по условіямъ того времени: его постоянно отрывали отъ главнаго занятія, онъ долженъ былъ исполнять тысячи мелкихъ порученій, долженъ былъ быть не только строителемъ, но и полицейскимъ архитекторомъ и въ то же время заниматься подрядами и участвовать на торгахъ по различнымъ работамъ. Весьма понятно, что результатъ получился незначительный. Судя по павильону—ботику, по колокольнѣ Симеоновской церкви, талантъ З—ва могъ бы развернуться, и, быть можетъ, мы могли бы съ такою же гордостью повторять имя З—ва, какъ теперь повторяемъ имя русскаго итальянца Растрелли.

Будучи дѣятельнымъ строителемъ, З—въ былъ чуть ли не единственнымъ руководителемъ той первой школы архитекторовъ въ Петербургѣ, которую основалъ еще Леблонъ; о ней мы очень мало знаемъ, но изъ нея вышли тѣ многочисленныя архитекторы, которые посылались, какъ строители, по всей Россіи.

П. Н. Петровъ, «Архитекторъ М. Г. Земцовъ» («Зодчій» 1877 г., стр. 70).—*Игорь Грабарь*, «Исторія русскаго искусства», вып. 14, стр. 155—162.—«Художественныя сокровища Россіи» 1902 г., стр. 159—161, 187, 199, 201; 1903 г., стр. 7, 9, 17, 27, 31, 74, 80, 100—104; 1904 г., стр. 208, 276; 1906 г., стр. 14.—«Рус. Старина», т. XXXV, стр. 606.—«Истор. Вѣст.», ХСII, стр. 573, 574.—Архивъ Министерства Двора, опись 73/187, д. 42, л. 201; кн. 55, л. 479; кн. 49, л. 438; кн. 48, л. 947, 953.—Госуд. Арх., кн. 39, л. 130.—Опись сенатскихъ указовъ *Баранова*, № 5188/6054.—«Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской Епархіи», т. VII, л. 947, 953.—Материалы къ исторіи Академіи Наукъ», т. V.—*Бантишъ-Каменскій*, «Словарь достопамятныхъ людей Русской земли», стр. 400.

П. Столянскій.

Зенгбушъ, Эдуардъ-Фердинандъ, докторъ медицины, ст. сов., родился въ Юрьевѣ 14 апрѣля 1807 г., среднее образование получилъ въ частномъ учебномъ заведеніи въ Ревелѣ, высшее—въ Юрьевскомъ университетѣ, гдѣ въ маѣ 1830 г., по защитѣ диссертаци: «*De variis hydrocelen tunicae vaginalis sanandi methodis*», удостоенъ былъ степени доктора медицины. Побывавъ затѣмъ за границей, онъ въ 1832 г., по возвращеніи въ Россію, поступилъ на службу во флотъ, въ 1836 г. назначенъ былъ врачомъ воспитательнаго дома въ Петроградѣ, а въ 1851 г., вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, уволенъ отъ службы съ пенсіей. Впослѣдствіи онъ занимался частной практикой въ Ревелѣ. Скончался З—бушъ послѣ 1861 г. Проживая въ Петроградѣ, З—бушъ сотрудничалъ въ «Русской Медицинской Газетѣ» (1844 г.), гдѣ помѣстилъ рядъ статей: о глазныхъ болѣзняхъ вотяковъ и черемисовъ въ Вятской губ., о рыбьемъ ядѣ, съ указаніемъ случаевъ отравленія соленою рыбою, объ отравленіи сыромъ и др., а также нѣсколько рецензій на сочиненія по медицинѣ. Имъ же изданъ былъ трудъ доктора Нормана «О Кавказскихъ минеральныхъ водахъ» (Спб., 1848 г.).

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller — und Gelehrten — Lexikon», Митана, 1832 г., т. 4, стр. 186 и прибавленіе 1861 г., стр. 191.

А. Г.

Зенгеръ, Николай Карловичъ, надв. сов., зоологъ, образование получилъ въ гимназій и Московскомъ университетѣ, который окончилъ по естественному отдѣленію съ званіемъ кандидата въ 1862 г. Способности и выходящее изъ обыкновеннаго уровня трудолюбіе его выяснились уже въ значительной степени во время его гимназической и студенческой жизни, когда онъ получилъ золотыя медали въ гимназій по окончаніи курса и въ университетѣ за представленное имъ сочиненіе по ботаникѣ. Въ годъ окончанія университета З—ръ занялся специально зоологіей, въ особенности отдѣломъ безпозвоночныхъ. Его занятія зоологіей обратили на себя вниманіе факультета, по представленію котораго совѣтъ университета въ 1863 г. избралъ его хранителемъ Зоологическаго музея; должность эту онъ сохранилъ до самой смерти. Черезъ два года, при его близкомъ участіи,

открылось Общество любителей естествознанія, первое же предварительное заведеніе котораго избрало З—ра секретаремъ, а затѣмъ и редакторомъ «Извѣстій». Эти сложныя занятія не помѣшали ему, однако, много разъ побывать за границей и въ разныхъ областяхъ Россіи, при чемъ во время этихъ поѣздокъ онъ неуклонно имѣлъ въ виду пользу Зоологическаго музея и всегда возвращался съ значительными приобрѣтеніями для него. Собранія животныхъ Бѣлаго, Балтійскаго и Нѣмецкаго морей представляютъ и по выбору предметовъ, и по численности весьма существенное обогащеніе университетскихъ собраній, исполненное трудами З—ра. Первые годы своей дѣятельности З—ръ посвятилъ улучшенію и приведенію въ порядокъ собранія жуковъ музея, которыми онъ нѣкоторое время занимался специально. За составленное имъ собраніе вредныхъ для сельскаго хозяйства жуковъ, съ представленіемъ стадій развитія нѣкоторыхъ изъ нихъ, онъ удостоенъ былъ серебряной медали отъ Общества сельскаго хозяйства на выставкѣ 1865 г. Для руководства начинающимъ заниматься энтомологіей имъ изданъ былъ трудъ Корша по опредѣленію насѣкомыхъ. Съ 1868 г. З—ръ началъ заниматься преимущественно микроскопическою анатоміей, по которой издалъ нѣсколько изслѣдованій, обратившихъ на себя вниманіе зоологовъ. Въ «Извѣстіяхъ Общ. люб. естествознанія» имъ были помѣщены статьи объ образѣ жизни и развитіи *Gracillaria syringella* (1866 г., т. III), «О паукѣ изъ рода *Latrodectes*, доставленномъ изъ Крыма» (тамъ же), «О слизняхъ, причиняющихъ вредъ озимымъ полямъ» (т. XXIV, вып. 2) и «О насѣкомыхъ, найденныхъ въ залежалой мукѣ». Редакція протоколовъ засѣданій Общества, составившихъ значительное число томовъ, была также возложена на З—ра, и въ этихъ протоколахъ помѣщено нѣсколько мелкихъ его замѣтокъ, какъ, напр.: инструкція для собиранія зоологическихъ предметовъ, отчеты о совершенныхъ имъ поѣздкахъ и проч., не говоря уже объ обязательныхъ ежегодныхъ отчетахъ по дѣятельности Общества. Въ «Трудахъ второго съѣзда естествоиспытателей» напечатаны два изслѣдованія З—ра: 1) «О балтійскихъ представителяхъ группы *Gerhurea: Haliegurpus* и *Priapulius* и *Peripatus*

Сарпенсис» и 2) «Peripatus Lenchartii». З—ръ былъ помощникомъ редактора по изданію трудовъ зоологической секціи съѣзда и, кромѣ того, вся хозяйственная и административная части по изданію всѣхъ вообще трудовъ съѣзда, составлявшихъ два большихъ тома, поручена была З—ру. Въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» имъ былъ помѣщенъ предварительный отчетъ о фаунѣ Балтійскаго моря, заключающій въ себѣ интересныя данныя по топографическому размѣщенію морскихъ животныхъ. Въ «Извѣстіяхъ комитета антропологической выставки» помѣщенъ отчетъ о его поѣздѣ на Золотицкую фабрику доисторическихъ каменныхъ орудій, совершенной имъ лѣтомъ 1877 г. Смерть, послѣдовавшая 31 окт. 1877 г., застала его за обработкою описанія собранныхъ каменныхъ орудій и добытаго имъ краниологическаго матеріала. З—ръ издалъ также переводъ «Зоологическихъ писемъ» Иегера, второй томъ «Руководства къ зоологіи» Бронна и сочиненіе Перти «Психологическая жизнь животныхъ».

«Рѣчи и отчетъ Имп. Московск. у-та за 1878 г., стр. 14—19.—«Газета Гатцукъ» 1877 г., № 46.—«Московский Некрополь».

Мис—съ.

Зенгиреевъ, Аполлинарій Алексеевичъ, сынъ купца, родился въ 1852 г., воспитывался въ 4-й Московской гимназій и Московскомъ университетѣ, который окончилъ съ отличіемъ въ 1876 г.; въ слѣдующемъ году онъ опредѣлился ординаторомъ пропедевтической клиники Московскаго университета, въ 1878 г. перешелъ младшимъ ординаторомъ военно-временнаго № 14 госпиталя и въ 1879 г. вернулся въ клинику. Получивъ въ 1880 г. степень доктора медицины за диссертацию «Матеріалы къ изученію физиологическаго значенія мышечнаго гликогена» (М. 1880 г.), онъ скончался 17 февраля 1881 г.

Кромѣ помянутой диссертации, З—рееву принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «Случай органическаго пораженія мозговой коры» («Проток. Московск. медицинск. Общ.» 1877 г.), «Краткій очеркъ нѣкоторыхъ военно-временныхъ госпиталей тыла дѣйствующей Дунайской арміи» (тамъ же, 1879 г., № 4), «О судьбѣ мышечнаго гликогена» (тамъ же, 1879 г., № 7) и «Ингаляція бензойно-кислаго

натра при чахоткѣ» (тамъ же, 1880 г., №№ 7—10).

Зиневъ, «Русскіе врачи—писатели», вып. IV, стр. 124.—*Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ рус. писателей и писательницъ», вып. I, стр. 27—28.—«Русскія Вѣд.» 1881 г., № 49.—«Московский Некрополь».

Стен.

Зенкевичъ, Ромуальдъ, поэтъ, житель г. Пинска, извѣстный своими изслѣдованіями мѣстныхъ памятниковъ старины, умеръ въ 1868 г. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: 1) «Piosenki gminie ludu pińskiego» (Ковна. 1851 г.)—сборникъ, заключающій въ себѣ болѣе 200 мѣстныхъ пѣсенъ съ приложеніемъ польскаго перевода къ нимъ и небольшого собранія пѣсенъ, записанныхъ З-вичемъ въ Полѣсьи, на Бугѣ и въ окрестностяхъ Любомля; 2) «O uroczyskach i zwyczajach ludu pińskiego; oraz o charakterze jego piosni» (Варшава. 1853 г.); 3) сборникъ «Próbki gumowe» (Вильна. 1856 г.) и «Wesele. Przedslubny podarek gumowy» (Вильна, 1857 г.).

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 23; 1878 г., т. 11.

А. Н.

Зенковъ, Алексій Васильевичъ, ген.-майоръ корпуса корабельныхъ инженеровъ, родился въ 1774 г. На 16-мъ году жизни (1790 г.) былъ опредѣленъ корабельнымъ ученикомъ въ Спб. адмиралтейство. Посланный въ 1794 г. въ Англію для усовершенствованія въ кораблестроеніи, онъ усердно предавался изученію всѣхъ тонкостей этого дѣла; успѣхи, обнаруженные имъ при занятіяхъ, неоднократно поощрялись императоромъ Павломъ Петровичемъ, дѣлавшимъ З—кову денежные подарки. По возвращеніи въ Россію ему поручено было исправленіе яхты «Роченсальмъ» (1801 г.) и работы по случаю приготовленія судовъ для кампаніи (1807 г.). Въ званіи корабельнаго мастера, которое онъ получилъ въ 1808 г., З-ковъ построилъ 20-ти пушечный бригъ «Фениксъ», 16-ти пушечный бригъ «Ахиллесъ» и произвелъ въ Свеаборгѣ починку ста различныхъ судовъ, въ томъ числѣ килеваніе 74-хъ—пушечнаго корабля «Принцъ Густавъ». Переименованный въ корабельные инженеръ-подполковникъ (1826 г.), онъ въ 1828 г. за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ полковники, въ томъ же году построилъ 2-хъ—пушечную канонер-

скую лодку и 14-ти—пушечную шхуну «Радуга». Въ 1834 г. за отличіе по службѣ З—ковъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и въ томъ же году пердѣлалъ корабль «Александръ Невскій» во фрегаты, а въ 1835 г. перетимберовалъ корабль «Вел. Кн. Михайлъ» и бриги «Усердіе» и «Охота», а также построилъ лодку-судно «Тритонъ» и приготавливалъ, какъ и во всѣ прошедшіе годы, суда, предназначенныя для кампаніи. Скончался онъ 14-го іюня 1836 г. За отличное производство работъ З—ковъ неоднократно удостоивался монаршаго благоволенія, орденовъ и подарковъ, а за сочиненіе книги подъ названіемъ «Прибавленіе объ искусствѣ дѣланія матчемъ-макерскихъ вещей» былъ пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ.

«Записки ученаго комитета Морского министерства» 1837 г., ч. XIII, стр. 350—352.—«Общій морской списокъ», ч. VI, стр. 93—94.
И. Артамонова.

Зентарскій, Ромульдъ Григорьевичъ, композиторъ, родился въ 1829 г. въ деревнѣ Вымыслинѣ, Плоцкой губ., первоначальное образование получилъ въ Пултускѣ и въ молодыхъ годахъ имѣлъ намѣреніе посвятить себя духовному служенію; когда же, по семейнымъ обстоятельствамъ, ему не удалось осуществить эту мысль, онъ занялся изученіемъ музыки въ Варшавѣ подъ руководствомъ Ницецкаго и Іосифа Эльснера (гармонія и контрапунктъ). Предпринялъ затѣмъ съ образовательною цѣлью путешествіе въ Прагу и въ Парижъ, а по возвращеніи въ Варшаву занялся преподаваніемъ музыки и композиціей. Съ 1852 г. З—скій состоялъ профессоромъ григоріанскаго пѣнія въ Варшавской консерваторіи и преподавателемъ института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, гдѣ приложилъ много стараній въ дѣлѣ развитія музыкальнаго образованія. Среди многочисленныхъ композицій З—скаго первое мѣсто занимаютъ вещи духовныя: симфоніи, ораторіи, молитвы и церковныя пѣсни, аранжированныя для фортепіано, органа, оркестра и пѣнія. Съ 1860 г. сталъ выходить въ свѣтъ отдѣльными выпусками большой трудъ его подъ заглавіемъ: «Музыка kościelna, choralna i figuralna» (3 тома), представляющій обширное собраніе церковныхъ пѣсенъ и гимновъ съ приложеніемъ собственныхъ композицій. Около этого-же времени напечатаны были и его «Pienia religijne (Miserege, Libera me Domine)», написанныя

для двухъ хоровъ и духового оркестра. Второе мѣсто среди музыкальныхъ произведеній З—скаго занимаютъ свѣтскія пѣсни, написанныя на слова Сырокомли, Поля, Гиллера и др. поэтовъ. Всѣхъ композицій З—скаго насчитывается 634 opus'a. Въ качествѣ опытнаго педагога, онъ составилъ два руководства: одно для игры на фортепіано и другое для игры на органѣ. Скончался З—скій въ Варшавѣ въ 1874 году.

Риманъ, «Музыкальный словарь», стр. 531—532.—«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 612.

А. Г.

Зенффъ, Карль-Августъ (род. 28 февраля 1770 г., скончался 2 января 1838 г.), профессоръ рисованія Юрьевского университета, основатель при университетѣ особаго кабинета для «коллекціи школы черченія» и довольно искусный граверъ на мѣди. Уроженецъ Пруссіи, воспитанникъ Лейпцигской академіи художествъ, Зенффъ попалъ въ Юрьевскій университетъ вслѣдствіе протекціи своего шурина, профессора астрономіи Кнорре и, несмотря на то, что въ другихъ русскихъ университетахъ не было кафедры рисованія, былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ рисованія въ Юрьевѣ (1818 г.). Какъ граверъ, Зенффъ оставилъ по себѣ память портретами Виттгенштейна и фельдмаршала Барклая де-Толли. Любопытенъ также портретъ М. А. Протасовой, подъ которымъ Жуковскій написалъ свой стихъ: «Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли». Гравировалъ Зенффъ почти исключительно портреты прибалтійскихъ дѣятелей. Перечень художественныхъ работъ его, числомъ до 94, имѣется у Неймана, біографа Зенффа.

Биографическій словарь профессоровъ Юрьевского университета, т. I, стр. 461—463.—«Рус. Старина», т. XXXVII, стр. 192.—*Ровинскій*, «Словарь гравировъ», стр. 349.—*Нейманъ*, «Karl August Senff, ein baltischer Kupferstecher». Reval. 1895 г.—*Плугинъ*, «Имп. Юрьевскій у-тъ за 100 лѣтъ его существованія (1802—1902)», стр. 161, 233, 304.
П. С-кій.

Зенффъ, Карль—Эдуардъ, ординарный проф. Юрьевского университета, родился въ Юрьевѣ 8 апрѣля 1810 г., воспитывался въ Юрьевской гимназіи, которую окончилъ въ 1827 г., а въ 1830 г. выдержалъ окончательные экзамены по философскому факультету и за сочиненіе:

«Die Rotationsbewegung eines festen Körpers» былъ удостоенъ степени кандидата. Затѣмъ Зенффъ продолжалъ свое математическое образование за границей и получилъ степень доктора философіи въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ (изъ универс. актовъ не видно, въ какомъ именно). Въ 1834 г. онъ защитилъ въ Юрьевскомъ университетѣ диссертацию подъ заглавіемъ: «De distantiis, quae inter stellam et lunae marginera, vel inter margines solis et lunae obscuratae sunt corrigendis» и тогда же приступилъ къ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцента. Избранный въ 1837 г. въ экстраординарные профессора по кафедрѣ чистой и прикладной математики, Зенффъ принялъ на себя завѣдываніе математическимъ кабинетомъ отъ проф. Струве; въ слѣдующемъ году по защитѣ диссертации «Elementa calculi variationum» онъ получилъ званіе доктора философіи, а въ 1839 г. единогласно былъ избранъ совѣтомъ въ ординарные профессора. По уходѣ Струве изъ университета Зенффъ завѣдывалъ астрономической обсерваторіей. Ему дважды было поручено попечителемъ округа обривизовать гимназіи: въ первый разъ (1840 г.) гимназіи въ Митавѣ, Ригѣ и Юрьевѣ со стороны преподаванія математики, а во второй разъ (1849 г.) Юрьевскую гимназію какъ въ научномъ, такъ и въ административномъ отношеніи. Зенффъ состоялъ деканомъ философскаго факультета въ теченіе 1841 г. и проректоромъ въ теченіе двухъ трехлѣтій (1842—45 и 1846—49 гг.). Скончался онъ внезапно 31 декабря 1849 г. Изъ научныхъ работъ его, кромѣ названныхъ диссертаций, извѣстны слѣдующія: «Systemat. Darstell. d. Hauptsätze der Geometrie im Raume». Dorpat, 1829; «Teoremata principalia e theoria curvarum et superficierum» Dorpat. 1831; «Experimentelle und theoretische Untersuchungen über die Gesetze der doppelten Strahlenbrechung und Polarisation des Lichtes in den Krystallen des zwei- und eingliedrigen Systems». Dorpat. 1837; «Ueber d. finnländ. Labrador» («Pogg. Ann.» XVII. 1829) и «Ueber d. Krystallform d. Wawelits» (ib. XVIII. 1830).

«Биографическій словарь профес. и преподават. Юрьевского университета», т. I, стр. 167—170.—*Иттуховъ*, «Импер. Юрьевскій университетъ за 100 лѣтъ его существованія (1802—1902)», стр. 407, 507.

Мисс—въ.

Зенффъ, Людвигъ, приватъ-доцентъ Юрьевского университета, род. въ Юрьевѣ 6 апрѣля 1842 г., образованіе получилъ въ Юрьевской гимназіи (1860 г.) и на медицинскомъ факультетѣ Юрьевского университета, по окончаніи котораго въ 1867 г. съ званіемъ врача черезъ два года защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ: «Ueber den Diabetes nach der Kohlenoxydeinathmung». Dorpat., получилъ степень доктора медицины и тогда же поступилъ въ ассистенты поликлиники. Въ 1872 г. онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ по физической діагностикѣ и одновременно завѣдывалъ до второго полугодія 1874 г. поликлиникою; лекціи же въ университетѣ продолжалъ читать до 1881 г., когда вышелъ въ отставку. Скончался Зенффъ 2-го іюля 1887 г. въ Ригѣ.

«Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевского университета», т. II, стр. 134—135.

Мисс—въ.

Зеньковъ, Павелъ Ѳеодоровичъ (род. 1824 г.), неклассный художникъ исторической живописи, получившій это званіе въ 1847 г. Извѣстны двѣ его работы: «Портретъ Гоголя», рисованный имъ на камнѣ и приложенный къ 11 книгѣ «Москвитянина» 1843 г., и «Гоголь въ гробу». Оба эти рисунка отличаются малымъ сходствомъ и полнымъ отсутствіемъ художественности.

«Сѣв. Пчела», 1849 г., № 227. — «Рус. Старина», т. XXXII, стр. 159, 163. — С. Н. Кондаковъ, «Списокъ русскихъ художниковъ». Петроградъ. 1914 г.

П. С—кій.

Зернинъ, Александръ Петровичъ, ординарный профессоръ по кафедрѣ русской исторіи при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, происходилъ изъ дворянской семьи, родился 30 іюня 1821 г., учился въ Петроградѣ въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, по окончаніи котораго съ званіемъ студента въ 1844 г., въ числѣ шести «отличнѣйшихъ студентовъ», оставленъ былъ для приготовленія къ занятію кафедры въ университетѣ. Избравъ своею спеціальностью русскую исторію, З—нинъ занимался подъ руководствомъ историка Устрялова и профессора Лоренца. Особое его вниманіе въ это время привлекъ Византійскій писатель Проконій, изъ котораго онъ сдѣлалъ

критическое извлеченіе всѣхъ сказаній о славянахъ во времена переселенія народовъ. Подъ руководствомъ Бередникова З—нинъ старательно работалъ въ области русской палеографіи. Подготовка къ магистерскому экзамену, который онъ успѣшно выдержалъ въ 1846 г. въ 1 отдѣленіи философскаго факультета Петроградскаго университета, требовала въ то время, помимо подготовки въ специальныхъ предметахъ, и занятій въ области политической экономіи, общенароднаго правовѣдѣнія и исторической географіи. 22 декабря 1846 г. З—нинъ публично защитилъ магистерскую диссертацию: «Объ отношеніи Константинопольскаго патріарха къ русской іерархіи». Въ мартѣ слѣдующаго года онъ назначенъ былъ адъюнктомъ Харьковскаго университета, съ которымъ и связана вся его ученая, преподавательская и общественная дѣятельность. Въ Харьковскій университетъ З—нинъ вступилъ, имѣя уже нѣкоторый педагогическій опытъ: въ 1845 г., по случаю отъѣзда профессора Устрялова за границу, онъ преподавалъ въ высшемъ отдѣленіи Главнаго педагогическаго института русскую исторію. Слѣдующія официальные данныя рисуютъ дѣятельность З—нина въ Харьковскомъ университетѣ: въ 1847 г. онъ состоялъ секретаремъ историко-филологическаго факультета; въ 1849 г. получилъ въ завѣдываніе милицъ-кабинетъ; 29 декабря 1849 г. утвержденъ былъ въ степени доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики, съ порученіемъ катедры русской исторіи; 4 іюля 1851 г. утвержденъ былъ въ званіи экстраординарнаго профессора; съ 3 февраля 1854 г. состоялъ членомъ и секретаремъ комитета для испытанія лицъ, ищущихъ званія домашнихъ учителей и учительницъ; 8 декабря 1854 г. утвержденъ былъ въ званіи ординарнаго профессора по кафедрѣ русской исторіи; съ 6 іюня 1859 г. былъ деканомъ историко-филологическаго факультета; въ томъ же году преподавалъ всеобщую исторію и въ 1860 г. состоялъ предсѣдателемъ испытательной комиссіи для поступающихъ въ студенты. Помимо прямыхъ служебныхъ обязанностей, З—нинъ состоялъ (съ 1856 г.) членомъ-корреспондентомъ Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета и цензуроваль (съ 1858 г.) неофициальную часть «Харьковскихъ Губер-

скихъ Вѣдомостей». Въ 1856 г. З—нинъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Московскаго Общества Истории и Древностей Россійскихъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ его преподавательская дѣятельность: въ нее профессоръ вложилъ все свое я. «Лекціи его, отмѣчаетъ въ своемъ надгробномъ словѣ профессоръ Н. А. Лавровскій, не отличаясь блестящими внѣшними качествами, должны были приносить слушателямъ всю ту пользу, какой можно ожидать отъ преподавателя, преданнаго своей наукѣ и многосторонне ее изучившаго. Приготовляя себя къ лекціямъ каждый разъ съ величайшею добросовѣстностью, слѣдя непрерывно за всѣми явленіями въ литературѣ своей науки, онъ безспорно могъ заинтересовать своихъ слушателей. Можно смѣло сказать, что прослушавшіе его курсъ исторіи, если только сами серьезно относились къ дѣлу, выносили изъ университета полное и основательное знаніе науки и ея литературы. Подробный и строгій анализъ всѣхъ существующихъ въ наукѣ возрѣній на тотъ или другой отдѣльный вопросъ, который обыкновенно А. П. предпосылалъ самому изложенію вопроса, былъ весьма важенъ не только по своему содержанію, но и въ формальномъ отношеніи, приучая слушателей серьезно относиться къ каждому факту науки и развивая въ нихъ наклонность къ тому же анализу и исторической сообразительности. Если сопоставить такую лекцію съ другою блестящею по внѣшности, но безъ столь прочнаго научнаго основанія и столь же усердной подготовки, то, конечно, нельзя допустить сомнѣнія, которой изъ нихъ должно отдать предпочтеніе». Профессорская исполнительность З—на доходила до педантства: никакія затрудненія, душевное разстройство, болѣзнь не могли удержать профессора дома въ часъ, назначенный для лекціи. Въ послѣднее даже время своей жизни совершенно разстроенный душевно и тѣлесно онъ продолжалъ съ обычною аккуратностью являться въ аудиторію, откуда не разъ выносили его въ безпамятствѣ; никакіе совѣты, убѣжденія и предписанія врачей не помогали. Курсъ З—на, читаемый студентамъ, распадался на общій и специальный. Общій курсъ продолжался два учебныхъ года: одинъ учебный годъ посвящаемъ былъ изложенію событій отечественной исторіи

отъ начала государства до Иоанна IV включительно, другой—изображенію судеб Россіи отъ смерти Иоанна IV Васильевича до царствованія Петра Великаго включительно. Для спеціальнаго курса, предназначеннаго для студентовъ 5 и 7 семестровъ, профессоръ избиралъ обыкновенно вопросы, надъ которыми самъ спеціально работалъ—напримѣръ, изложеніе исторіи Малороссіи до окончательнаго соединенія ея съ Московскимъ государствомъ, исторію преобразованія Россіи Петромъ Великимъ, исторію жизни и литературныхъ трудовъ Византійскаго императора Константина Багрянороднаго и т. д. Въ архивѣ м-ва нар. просвѣщенія хранится рядъ дѣлъ 50-хъ и начала 60-хъ годовъ XIX столѣтія «о духѣ и направленіи преподаванія въ Харьковскомъ университетѣ», въ которыхъ даны объясненія профессоромъ къ читаемымъ ими курсамъ. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ указанныхъ отчетовъ, по которымъ можно установить методы и приемы профессора З—на въ аудиторіи. «Преподаваніе профессора Зернина было въ томъ же духѣ, какъ и прежде, приближаясь, по возможности, къ лѣтописному изложенію, вслѣдствіе справедливаго убѣжденія профессора, что подобный способъ значительно помогаетъ слушателямъ яснѣе объять всѣ отѣнки и всѣ особенности государственнаго и частнаго быта... Содержаніе для своихъ лекцій преподаватель почерпалъ большею частію изъ самыхъ источниковъ, подвергая ихъ предварительно строгому разбору, и добытые результаты передавалъ своимъ слушателямъ въ безыскусственно простомъ, но тѣмъ не менѣе занимательномъ и весьма отчетливомъ изложеніи, которое, гдѣ только представлялся случай, постоянно согрѣто было патристическимъ чувствомъ... Преподаваніе было почти исключительно фактическое, при чемъ постоянно имѣлись въ виду критическіе обзоры мнѣній различныхъ писателей, дабы слушатели тѣмъ легче могли уразумѣть какъ современное состояніе науки, такъ и связь ея съ предыдущимъ»... Въ 1859 г. профессору З—нину, въ виду временной вакантности катедры по всеобщей исторіи, пришлось читать курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Поставивъ себѣ задачу познакомить своихъ слушателей съ тѣми явленіями средневѣковой жизни западно-европейскихъ народовъ, въ которыхъ

по преимуществу отпечатлѣлись всѣ типовыя особенности внутренняго ихъ развитія, профессоръ для достиженія этой цѣли пользовался не только сочиненіями лучшихъ новѣйшихъ писателей, но и самыми памятниками средневѣковой европейской литературы, преимущественно заключающимися въ извѣстномъ изданіи Перца («Germaniae monumenta historica»).

Большое участіе принималъ З—нъ въ педагогическихъ курсахъ, учрежденныхъ при Харьковскомъ университетѣ въ началѣ 60-хъ годовъ съ цѣлію доставить среднимъ учебнымъ заведеніямъ основательно приготовленныхъ учителей. З—нинъ читалъ на педагогическихъ курсахъ спеціальныя лекціи по русской и всеобщей исторіи.

Много трудовъ положилъ онъ на устройство и упорядоченіе минцъ-кабинета при Харьковскомъ университетѣ; кабинетъ этотъ по богатству, разнообразію и полнотѣ находившихся въ немъ предметовъ принадлежалъ въ то время къ числу первоклассныхъ собраний рѣдкостей. Въ немъ было монетъ и медалей до 22.000, снимковъ съ гемъ и камеєвъ до 1000, нѣсколько статуй и бюстовъ и рядъ спеціальныхъ сочиненій по нумизматикѣ. Въ 1859 г., съ упраздненіемъ преподаванія искусствъ въ университетѣ, въ минцъ-кабинетъ поступили бюсты, фотографическіе снимки и большая картинная галерея, приобретенная въ Италіи и пожертвованная университету членомъ-корреспондентомъ Бецкимъ, бывшимъ воспитанникомъ Харьковскаго университета. Въ завѣдованіе З—нина минцъ-кабинетъ поступилъ въ 1847 г. Упорядочивъ кабинетъ, онъ составилъ систематическій каталогъ. Эта огромная и трудная работа выполнена имъ была почти безкорыстно. Но главный интересъ З—нина сосредоточенъ былъ на русской исторіи, которую онъ глубоко любилъ. Списокъ трудовъ З—нина опредѣляетъ кругъ интересовавшихъ его вопросовъ. Вотъ этотъ списокъ въ хронологическомъ порядкѣ: 1) «Объ отношеніи Константинопольскаго патріарха къ Русской іерархіи». Спб. 1846 г.; 2) «Учрежденіе въ Россіи патріаршества» («Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», изд. Калачовымъ, кн. II, 1. Отзвѣвъ объ этомъ соч. въ «Москвитиняѣ» 1855 г., т. VI,

№ 21—22); 3) «Нифонтъ, епископъ новгородскій» (тамъ же); 4) «Замѣтка о Петрѣ Великомъ» («Харьковскія Губ. Вѣд.», 1852 г., № 11); 5) «О крещеніи Руссовъ» («Московскія Вѣдомости», 1852 г.); 6) «Царь Алексѣй Михайловичъ. Историческая характеристика изъ внутренней исторіи Россіи XVII столѣтія» («Москвитянинъ», 1854, т. IV, стр. 41—82. Отзывъ объ этомъ сочиненіи въ «Отеч. Записк.» 1854 г., т. 96, отд. IV, стр. 56); 7) «Императоръ Василій Македонянинъ» («Современникъ», 1854 г., т. 47. Отзывъ объ этомъ сочин. въ «Отеч. Записк.» 1854 г., т. 96, отд. IV, стр. 114); 8) «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянороднаго» (Харьковъ, 1858 г.); 9) «Очеркъ жизни Константинопольскаго патріарха Фотія» («Чтенія въ Москов. Общ. Ист. и Древ. Рос.», 1858 г., кн. 3); 10) «Очерки, служащіе къ разъясненію исторіи Польши въ первой половинѣ XVI столѣтія» («Библиотека для Чтенія», 1858 г., июнь, стр. 1—30); 11) «О самозванцахъ, по поводу сочиненія Проспера Мериме: *Episode de l'histoire de Russie. Les faux — Démétrius*» (тамъ же, февраль); 12) «Критическія замѣтки на 3 тома Устрялова: Исторія царствованія Петра Великаго» (тамъ же, ноябрь и 1859 г., февраль); 13) «Разборъ сочиненія Костомарова: Богданъ Хмельницкій» («Русское Слово», 1859 г.); 14) «О смутахъ, бывшихъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича» («Библиотека для Чтенія», 1860 г., декабрь) и 15) «Судьба мѣстничества преимущественно при первыхъ двухъ государяхъ династіи Романовыхъ» («Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», изд. Калачовымъ, 1861 г.). Списокъ трудовъ З—нина ясно показываетъ, что историческіе интересы профессора шли преимущественно въ двухъ направленіяхъ—въ область византійско-русскихъ отношеній, съ одной стороны, и въ область Московской Руси XVII столѣтія, съ другой стороны. Интересъ къ византологіи сказался у З—нина очень рано. Съ 1846 г. онъ внимательно слѣдитъ за всѣми новинками въ области византологіи и предметомъ спеціальнаго курса для студентовъ старшихъ семестровъ избираетъ иногда первоисточники византійской исторіи. В. И. Савва, біографъ А. П. З—нина, отмѣчаетъ между прочимъ, что профессоръ представилъ въ

историко-филологическій факультетъ рукописное сочиненіе: «Очерки изъ внутренней исторіи Византіи», съ просьбой напечатать его на казенный счетъ. У автора «Очерковъ» былъ обширный планъ изученія исторіи Византіи. Въ предисловіи къ «Очеркамъ» З—нинъ писалъ, что вопросъ о вліяніи Византіи на славянскія народности является однимъ изъ важнѣйшихъ, и потому исторія разработки Византіи составляетъ обязанность русскихъ ученыхъ; посвящая себя изученію вліянія Византіи на Русь, авторъ «Очерковъ» полагалъ задачей своею изслѣдованіе внутренней жизни Византіи; такое изслѣдованіе онъ началъ со времени Юстиніана Великаго какъ потому, что съ этого времени началось взаимодѣйствіе славянъ на Новый Римъ и Нового Рима на славянъ, такъ и потому, что царствованіе Юстиніана Великаго представляетъ особый интересъ. Поставленную задачу изученія внутренней исторіи Византіи, съ цѣлью уясненія вліянія ея на Русь, З—нинъ не выполнилъ; такая задача была слишкомъ сложная и превышала силы одного изслѣдователя, особенно въ то время, когда работалъ Зернинъ; но самая постановка ея показываетъ правильное пониманіе того, что надлежитъ дѣлать для уясненія вліянія Византіи на Русь». Особое вниманіе З—нинъ удѣлялъ Московской Руси XVII столѣтія, ибо эта эпоха, представляя развитіе русской жизни какъ государственной, такъ и общественной, какого только она способна была достигнуть, сохраняя неприкосновенными свои коренныя начала, ведетъ къ правильному уразумѣнію и предшествовавшаго времени, несмотря на то, что многія явленія XVII столѣтія утратили уже въ русской жизни свой дѣйствительный смыслъ, оставшись только при номинальномъ значеніи. Типичной и центральной фигурой XVII вѣка, по убѣжденію З—нина, является царь Алексѣй Михайловичъ. Все, къ чему только стремилась Москва съ начала XIV столѣтія, при немъ выработалось окончательно. Московская администрація, съ своими особенностями и положительностью своего направленія, при царѣ Алексѣѣ достигла полнаго своего развитія. При немъ опредѣлительно выразилась мысль, что царство Московское кончилось и что настало царство Всероссійское. Съ другой стороны, при царѣ Алексѣѣ рѣшенъ былъ

вопросъ, что Русь, какъ ни особенъ былъ ея внутренній бытъ, все же должна была вступить въ среду европейскихъ государствъ и занять въ этой средѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Вотъ исходныя точки, направившія работы З-нина въ область Московской Руси XVII вѣка. Общую оцѣнку научныхъ трудовъ З-нина Н. А. Лавровскій дѣлаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Каждый трудъ А. П. представляетъ въ высшей степени совѣстливое и усердное изученіе предмета, горячую и дѣльную преданность дѣлу. Можно съ полною увѣренностью сказать, что каждый его трудъ приносилъ дѣйствительную пользу науцѣ: или какъ опытъ рѣшенія того или другого вопроса науки, на примѣръ, въ статьяхъ объ учрежденіи патриаршества въ Россіи, о мятежахъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, или по разработкѣ матеріала науки, на примѣръ, въ очеркахъ, служащихъ къ разъясненію исторіи Польши, въ очеркахъ жизни патриарха Фотія и др., или по ознакомленію публики съ явленіями въ области науки на Западѣ, на примѣръ, въ статьѣ о самозванцахъ и другихъ».

З-нинъ сдѣлалъ попытку организовать въ Харьковѣ правильную разработку мѣстной исторіи. Онъ самъ интересовался казачествомъ, читалъ по этому вопросу спеціальныя курсы, ясно намѣчая необходимость изученія правительственной колонизаціи юга Россіи. З-нинъ мечталъ создать въ Харьковѣ школу мѣстныхъ архивистовъ и привлечь къ этому дѣлу молодыя научныя силы. Онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи осмотрѣть дѣла, хранившіяся въ архивахъ губернской канцеляріи, дворянскаго собранія, губернскаго правленія уголовной и гражданской палаты. Онъ убѣжденъ былъ, что въ мѣстныхъ архивахъ найдутся матеріалы, которые прольютъ свѣтъ на общественную исторію и внутреннія отношенія края.

Тяжелая болѣзнь положила предѣлъ богатымъ научнымъ предпріятіямъ и планамъ З-нина. Въ первыхъ числахъ декабря 1863 г. болѣзненные припадки его усилились до того, что его опасно было оставить въ семействѣ, а потому его отвезли въ городскую больницу. Здѣсь, хотя онъ и приходилъ иногда въ сознаніе, но большею частію бредъ и крайняя раздражительность продолжались. Болѣзнь прогресси-

ровала. Большой впасть въ тупоуміе (*stupiditas*), соединенное съ паралитическимъ состояніемъ различныхъ частей тѣла. З-нинъ страдалъ до 7 сентября 1866 года.

Личныя качества З-нина были очень высоки: трудолюбіе, выдающаяся трудо-способность, сознательный патриотизмъ, добросердечіе и глубокая честность. Идея долга, нравственного закона такъ пронизала все его существо, что ему непонятна была бы и мысль отступленія отъ него: онъ никогда не поступалъ противъ своихъ основныхъ и святыхъ для него убѣжденій.

«Харьковскія Губернскія Вѣдомости» 1866 года, № 73. Отдѣльный оттискъ изъ «Харьк. Губ. Вѣд.» (Некрологъ Александра Петровича Зернина, подписанный Н. Борисьянъ. Рѣчи, произнесенныя при погребеніи А. П. Зернина. 14 стр.)—«Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первые 100 лѣтъ его существованія (1806—1906). I. Исторія факультета. II. Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей», стр. 25, 28, 35, 38, 66—68, 70—71, 75, 77, 78, 80—81, 99, 100, 105, 134.—Дѣла Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія 88.850/3131; 106.524/1799; 133.086/3748; 133.316/3079; 135.829/879; 135.898/880; 138.482/1620; 140.771/3303; 141.668/3780; 135.774/878.—«Одесскій Вѣстникъ» 1866 г., № 205.—*Геннади*, Словарь, т. II.—*Григорьевъ*, «С.-Петербургскій университетъ». — *Пытинъ А. Н.*, «Исторія русской этнографіи», т. III, стр. 423.—*Иконниковъ, В. С.*, «Опытъ русской исторіографіи», т. I, стр. 427, 444, 632, 704, 1229, CLXXX, CLXXXV, CXXXIX, CXXXVII.

А. Николаевъ.

Зерновъ, Николай Ефимовичъ, ординарный заслуженный профессоръ чистой математики Московскаго университета, ст. сов., родился 7 ноября 1804 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его служилъ въ почтамтѣ. Грамотѣ и начальной ариметикѣ З-новъ учился дома, у отца, который образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ. Во время нашествія непріятеля въ 1812 г. семейство З-ва покинуло Москву, зарывъ подъ домомъ одной родственницы небольшой капиталъ, состоявшій, по обычаю того времени, изъ звонкой монеты и серебряныхъ вещей. Этотъ капиталъ впослѣдствіи не отыскался, что не могло не отозваться на матеріальномъ положеніи небогатаго семейства, поселившагося сперва въ какомъ-то селѣ Владимірской губерніи, у родственниковъ духовнаго званія, а затѣмъ переѣхавшаго на житье въ Ярославль.

Здѣсь З—въ въ 1814 г. поступилъ во 2-й классъ уѣзднаго училища, а черезъ годъ былъ переведенъ въ 4-хъ классную гимназію, которую окончилъ съ занесеніемъ его имени на доску, при чемъ выказалъ особенные успѣхи въ математикѣ подъ руководствомъ М. И. Морощкина, впоследствии монаха Толгскаго монастыря. Морощкинъ своимъ радушіемъ и преданностью наукѣ много способствовалъ успѣхамъ З—ва. Не малую роль въ этомъ дѣлѣ сыгралъ и отецъ его, который всегда слѣдилъ за ученіемъ своего сына. Въ 1819 г. З—въ былъ принятъ въ студенты Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища (нынѣ лицей), но въ слѣдующемъ году семейство его опять переехало въ Москву, и онъ перешелъ въ Московскій университетъ на математическій факультетъ.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ родственниковъ (просившему у него совѣта, дать ли сыну позволеніе поступить въ Академію Художествъ) З—въ такъ разсказываетъ о своемъ поступленіи въ университетъ: «Не смѣю предлагать совѣтовъ, но разскажу только, какъ поступилъ покойный мой батюшка. Я сдѣланъ былъ студентомъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ и оставался тамъ годъ, по истеченіи котораго пріѣхали мы въ Москву, во время вакаціи.. Несмотря на то, что въ такомъ случаѣ мнѣ естественно было не возвращаться болѣе въ Ярославль и вступить въ университетъ, я не хотѣлъ сего, не желая разстаться съ ярославскими товарищами. Покойникъ же не принуждалъ меня и согласился. Но скоро я самъ сталъ просить его о перемѣщеніи меня въ университетъ, по убѣжденію бывшаго тогда профессора, а теперь моего тестя, Тимофея Ив. Передогова. Кромѣ того, покойному хотѣлось, чтобы я учился медицинѣ, но при поступленіи въ университетъ онъ отдалъ выборъ факультета совершенно на волю мнѣ, 15-ти лѣтнему мальчику. Я выбралъ математику, въ которой порядочно успѣлъ еще въ гимназіи. Батюшка не препятствовалъ сему и не ошибся: благодаря Бога, я доволенъ моею участію».

По окончаніи въ 1822 г. университета со степенью кандидата З—въ, по рекомендаціи проф. математики Щепкина, опредѣлился учителемъ въ пансіонъ Болдырева. Въ то же время ему представилась возмож-

ность занять мѣсто учителя въ гимназіи, но директоръ не рѣшался сразу принять такого молодого учителя и допустилъ его въ началѣ къ преподаванію въ видѣ опыта. Но на первомъ же урокѣ оказалось, что 17-ти лѣтнему учителю трудно было ладить съ учениками, изъ которыхъ многіе были старше его. З—въ отказался отъ казенной службы, хотя послѣ и жалѣлъ о томъ, такъ какъ черезъ пять лѣтъ долженъ былъ принять такую же должность. Въ 1827 г. онъ былъ удостоенъ степени магистра за диссертацию «Разсужденіе о суточномъ и годовомъ движеніяхъ земли» (М. 1826 г.). Этотъ первый печатный трудъ З—ва, свидѣтельствующій объ умѣннн его излагать свои мысли, является любопытнымъ въ томъ отношеніи, что позволяетъ ознакомиться съ уровнемъ требованій у насъ отъ подобныхъ трудовъ около 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Диссертация эта представляетъ краткое и элементарное изложеніе великаго ученія о движеніяхъ земли и сопровождается, напр., слѣдующими тезисами: «суточное движеніе небеснаго свода само по себѣ невѣроятно, Коперникова система удовлетворительна для объясненія движеній планетъ» и т. п., т. е. такими тезисами, которые, повидимому, не представляютъ пиши для споровъ. Въ томъ же 1827 г. З—въ поступилъ учителемъ ариметики въ университетскій благородный пансіонъ и оставался тамъ до преобразованія его (1830 г.) въ 1-ю Московскую гимназію (нынѣ 4-я), а въ 1832 г. былъ назначенъ учителемъ въ бывшій Александровскій сиротскій институтъ и помощникомъ астронома-наблюдателя при университетской обсерваторіи; за послѣднюю должность онъ не получалъ жалованья, но имѣлъ казенную квартиру. Въ 1834 г., когда проф. Щепкинъ подалъ прошеніе объ увольненіи изъ университета, З—въ былъ выбранъ совѣтомъ на его мѣсто адъюнктомъ.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ близкихъ З—въ такъ сообщалъ объ этомъ важномъ въ его жизни событіи: «Вотъ наконецъ жребій мой выскочилъ на верхушку въ урнѣ судьбы. Г. Щепкинъ, проф. чистой математики, о которомъ я писалъ Вамъ въ предыдущемъ письмѣ, противъ ожиданія многихъ, вышелъ изъ университета. Министръ, хотя и писалъ къ нему весьма ласковое письмо, но не удерживалъ

въ прежней службѣ, какъ, повидимому, онъ ожидалъ. За упраздненіемъ сей катедры преподаваніе чистой математики поручено мнѣ, въ званіи, однако, адъюнкта. Выборъ происходилъ въ университетскомъ совѣтѣ, и мое дѣло рѣшено большинствомъ 21 голоса противъ одного: не знаю, кто бы былъ сей послѣдній. Кажется П. или или... но нѣтъ, кажется П. Однако же самая катедра чистой математики (т. е. званіе профессора по оной) можетъ быть занята другимъ, ибо совѣтъ опять объявилъ конкурсъ. Конечно, я собираюсь въ немъ участвовать»...

Въ слѣдующемъ году З—въ утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ. Въ 1837 г. по защитѣ диссертации: «Разсужденіе объ интеграціи уравненій съ частными дифференціалами» (М. 1837 г.) удостоенъ степени доктора, а въ 1842 г. избранъ и утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора и, кромѣ того, назначенъ цензоромъ Московскаго цензурнаго комитета (1845 г.).

Руководствами въ преподаваніи проф. З—ва служили по аналитической геометріи—сочиненіе проф. Брашмана, по высшей алгебрѣ—энциклопедія проф. Перевощикова (съ дополненіями изъ Майера и Шоке), впоследствии замѣненный по той и другой сочиненіями Лефевра де-Фурси, и по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ—энциклопедія проф. Перевощикова (съ дополненіями изъ Лакруа, Леруа и Коши).

З—въ поступилъ въ университетъ уже тогда, когда студенты были раздѣлены на курсы по годамъ, поэтому до введенія новаго устава 1835 г. онъ имѣлъ 6, а съ введеніемъ—8 лекцій.

Кромѣ названныхъ двухъ диссертаций, З—ву принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «Начальныя основанія ариметики» (М. 1827 г.), «Слово объ усовершенствованіи зрительныхъ трубъ» Ломоносова, отрывокъ, перев. съ лат. («Магазинъ Ест. Ист.» 1827 г., ч. III, № 1, стр. 31), «О причинѣ холода и тепла» Ломоносова, перев. съ лат. (ib.), «О пользѣ физико-математическихъ наукъ», изъ Бругамовой рѣчи, перев. съ франц. (ib. 1829 г., № 3, стр. 142), «Объ измѣреніи градусовъ меридіана, особенно въ Россіи» (ib. 1830 г., ч. II, № 4, стр. 289), «О пространствѣ Россійской Имперіи» («Учен. Зап. Московск. у—та» 1833 г., № 11), «Изложе-

ніе постепеннаго хода и настоящаго состоянія положительныхъ свѣдѣній и мнѣній о явленіяхъ свѣта» (рѣчь. М. 1833 г.), «Разборъ разсужденія Коши о рѣшеніи числовыхъ уравненій и теоріи исключенія» («Учен. Зап. Моск. у—та» 1836 г., № 11), «Дифференціальное исчисленіе съ приложеніемъ геометріи» (М. 1842 г. Удостоено Академіей Наукъ половиною Демидовской преміи), «Теорія вѣроятностей, съ приложеніемъ преимущественно къ смертности и страхованію» (рѣчь, составленная для акта 1843 г.), «Разборъ рѣчи проф. Спасскаго» («Москвитянинъ»), «Разборъ правилъ времяисчисленія, принятаго православною церковью Перевощикова» (ib.), «О математикѣ-слѣпцѣ» (ib.), «Разборъ 1-й части курса Франкера» («Телеграфъ»), «Опытъ Фуко» («Московск. Вѣд.» 1851 г., №№ 62, 63), «Снарядъ для изслѣдованія моря на большихъ глубинахъ» (ib., № 58), «Новое средство тушить пожаръ» (ib. 1852 г., № 88) и «По поводу статьи «Пожаръ на пароходѣ «Австрія» (ib. 1858 г., № 135). Наконецъ, имѣ же составлены въ «Биографич. Словарь профес. и препод. Московскаго у—та» слѣдующія біографіи: Аничкова, Аршеневскаго, Аенасьева, Жадейки, Загорскаго, Иде, Лобякова, Мягкова, Панкевича, Перелогова, Попова, Рогова, Суворова, Тростина, Щегина и своя собственная. Смерть З—ва, послѣдовавшая 23 ноября 1862 г., помѣшала ему закончить послѣдній трудъ его: «Главныя основанія высшей алгебры», нѣсколько листовъ котораго уже были напечатаны.

Служба З—ва была отмѣчена слѣдующими наградами: по университету—орденами св. Анны 3-й (1845 г.) и 2-й (1853 г.) степени и по Александровскому институту—золотомъ табакеркою (1835 г.), брильянтовымъ перстнемъ (1837 г.) и единовременными денежными наградами.

«Биографическій Словарь профессоръ и преподав. Московскаго университета», ч. I, стр. 336—340.—«Московскія Вѣдомости» 1862 г., № 261; 1864 г., № 11.—«Журн. М-ва Нар. Просвѣщ.» 1862 г., май, отд. IV, стр. 85—86; 1863 г., № 1.—«Сборникъ Общ. Люб. Рос. Словесн.» 1891 г., стр. 128.—«Русская Старина» 1896 г., № 1.—*Геннади*, Словарь, т. II, стр. 31—32.—«Московский Некрополь».

Мих—овъ.

Зерновъ, Степанъ Ивановичъ, протоіерей Московской Николаевской церкви,

родился 23 декабря 1817 г. въ селѣ Архангельскомъ, Меленковского уѣзда, Владимирской губ., гдѣ отецъ его былъ въ то время діакономъ. Раннее дѣтство З—ва прошло при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Отецъ, смѣщенный за какую-то провинность на пономарскую должность, переѣзжалъ изъ села въ село, и при этихъ условіяхъ, конечно, было не до заботъ о сынѣ. Однако нашлись добрые люди и 10 лѣтняго мальчика, немного подготовленнаго дома, отдали для обученія въ ближайшее Муромское духовное училище. Какъ здѣсь, такъ и въ Вианской семинаріи, гдѣ З—въ получилъ среднее образованіе, онъ отличался выдающимися способностями и потому шелъ по успѣхамъ въ числѣ первыхъ. Въ 1840 г. З—въ окончилъ курсъ семинаріи и тогда же поступилъ въ Московскую духовную академію, по окончаніи которой вторымъ магистромъ (1844 г.) былъ оставленъ при академіи и назначенъ тогда же бакалавромъ по классу библейской исторіи и въ высшемъ отдѣленіи—греческаго яз. Не чувствуя призванія къ монашеской жизни, онъ въ 1846 г. покинулъ академію и по возведеніи въ санъ священника былъ назначенъ настоятелемъ церкви св. Николая, что на Студенцахъ, гдѣ оставался около 20-ти лѣтъ. Священствуя при этомъ храмѣ, З—въ въ 1848 г., когда въ Москвѣ свирѣпствовала холера, съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ исполнялъ возложенныя на него обязанности напутствовать и погребать холерныхъ больныхъ и за свои труды снискалъ любовь и уваженіе не только прихожанъ своей церкви, но и многихъ московскихъ жителей. Въ то же время онъ былъ увѣщавателемъ заключенныхъ за преступленія, защищалъ передъ судомъ, какъ депутатовъ, церковныя имуществы и интересы и проч. Въ 1857 г. З—въ снова выступилъ на педагогическомъ поприщѣ, будучи опредѣленъ законоучителемъ Александро-Маринскаго училища и Николаевскаго сиротскаго института. Въ 1864 г. онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены конференціи при Московской дух. академіи, а въ слѣдующемъ году возведенъ въ санъ протоіерея и перемѣщенъ на болѣе видный приходъ къ церкви Николая Явленнаго, что на Арбатѣ; кромѣ того, онъ былъ благочиннымъ Пречистенскаго сорока. Въ томъ же году возникло братство св. Николая, и З—въ съ самаго

начала былъ назначенъ распорядителемъ его. Благодаря неустанной дѣятельности З—ва, это весьма полезное учрежденіе, дающее возможность сотнямъ дѣтей и сиротамъ небогатаго духовенства получать образованіе, было сразу прекрасно организовано и поставлено на твердую почву. З—въ съ особою любовью относился къ дѣламъ братства и слѣдилъ за его развитіемъ. Онъ самъ составлялъ отчеты братства (за 21 годъ), извлеченія изъ которыхъ иногда помѣщалъ въ «Православн. Обзорѣніи» (1870 г., № 10, стр. 351—354). Въ 1867 г., какъ извѣстно, былъ изданъ новый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ, по которому въ правленіяхъ при этихъ заведеніяхъ начали принимать участіе и выборные отъ духовенства. Въ число ихъ для Московской дух. семинаріи въ первую очередь былъ избранъ З—въ, который, по обыкновенію, и тутъ оказался полезнымъ членомъ правленія. Въ 1876 г. онъ былъ назначенъ членомъ духовной консисторіи. Помимо указанныхъ разнообразныхъ должностей, въ которыхъ проявлялась неутомимая дѣятельность З—ва, онъ въ теченіе долгаго времени состоялъ членомъ Московскаго цензурнаго комитета. «Православное Обзорѣніе», цензоромъ котораго былъ З—въ болѣе 15-ти лѣтъ, даетъ о немъ такой отзывъ: «При неудовлетворительности устава духовной цензуры, составленнаго въ то время, когда не существовало духовной журналистики въ собственномъ смыслѣ слова, З—въ, какъ цензоръ, съ чуткостью широко просвѣщеннаго разума относился къ здраво понимаемымъ интересамъ духовной науки и церковно-общественнымъ вопросамъ современной жизни и недостатки буквы устава восполнялъ цензурнымъ преданіемъ перваго цензора «Православн. Обзорѣнія», протопресвитера Д. П. Новскаго». Заслуги и труды З—ва высоко цѣнились и начальствомъ, которое не оставляло его наградами, и учрежденіями,—такъ Московская дух. академія избрала его въ свои почетные члены. Помимо службы по духовному вѣдомству, З—въ несъ службу и городу, будучи гласнымъ думы и попечителемъ городского Арбатскаго училища. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстна только «Надгробная рѣчь послѣ отпѣванія тѣла Филарета, митрополита Московскаго» («Правосл. Обзор.» 1867 г., кн. XI, стр. 17—19 и то же въ «Душеполезномъ

Чтеніи» 1867 г., № 11, стр. 207—209 и въ «Странникѣ» 1867 г., дек., стр. 106—113). Скончался 3—въ 17 октября 1886 г.

Смирновъ, «Исторія Московск. дух. академіи». М. 1879 г., стр. 396, 406, 411, 522.—*Николаевъ*, «Историч. очеркъ Московск. Николаевскаго сиротскаго института». М. 1887 г.—*Кедровъ*, «Московская дух. семинарія». М. 1889 г., стр. 35.—*Смирновъ*, «Уроженцы и дѣтели Владимірской губ.» 1897 г., вып. II.—*Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. VI, стр. 55—56.—«Московск. Вѣдомости» 1886 г., №№ 288, 291.—«Московск. Листокъ» 1886 г., №№ 289, 290, 292.—«Московск. Церковн. Вѣдом.» 1886 г., №№ 43—45, 47.—«Православн. Обзорніе» 1886 г., октябрь, стр. 413—415.—«Волинскія Епарх. Вѣдом.» 1886 г., № 33, стр. 1076.—«Историч. Вѣстникъ» 1889 г., № 12.—«Московский Некрополь».

Зертисъ-Каменскій, *Степанъ Константиновичъ*, сынъ молдавскаго дворянина, прибывшій въ Россію около 1691 г. Блестящія способности его и знаніе языковъ молдавскаго, греческаго и турецкаго обратили на него вниманіе гетмана Мазепы, и онъ сдѣлалъ его своимъ переводчикомъ. Отправляясь къ Карлу XII для осуществленія своихъ преступныхъ замысловъ и не будучи увѣренъ въ преданности къ себѣ З-са, Мазепа оставилъ его въ Батуринѣ и приставилъ къ нему для наблюденія полковника Чичелу. Когда-же вѣроломное предательство Мазепы обнаружилось, З-съ, вѣрный долгу службы, сталъ убѣждать сѣрдюковъ (гетманскую гвардію), «чтобы они отстали отъ предателя, и покорились царю». Такое поведение З-са не ускользнуло отъ вниманія полковника Чичелы, и послѣдній, не имѣя права, влѣдствіе важной должности, занимаемой З-сомъ, лишить его жизни безъ гетманскаго вѣдома, приковалъ его къ пушкѣ, а тѣмъ временемъ послалъ гонца къ Мазепѣ за инструкціями. Къ счастью З-са Батуринъ былъ взятъ русскими, и онъ, избѣжавъ казни, былъ награжденъ царемъ помѣстьемъ въ Нѣжинскомъ полку. З-съ скончался въ Нѣжинѣ 16 марта 1722 г. шестидесяти двухъ лѣтъ. Старшій сынъ его Андрей, въ монашествѣ Амвросій, впоследствии архіепископъ Московскій, былъ убитъ чернью въ Москвѣ во время чумы.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», т. II, стр. 400—401.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», кн. VI, стр. 1037, примѣчаніе 1-е.

Зефировъ, *Михаилъ Михайловичъ*, протоіерей, профессоръ Казанской духовной академіи; родился 6 января 1826 г., скончался 4 марта 1889 г. Онъ былъ сынъ благочестиваго, но бѣднаго и многосемейнаго пономаря села Полтевыхъ Шацкого уѣзда, Тамбовской губерніи; сначала учился въ приходскомъ и уѣздномъ духовныхъ училищахъ г. Шацка, затѣмъ съ 1840 г. продолжалъ свое образованіе въ Тамбовской дух. семинаріи и закончилъ его въ 1846—50 гг. въ Казанской дух. академіи. При крайней бѣдности онъ во все время обученія отличался благонравнымъ поведеніемъ, религиозною настроенностью и преданностью наукѣ. Въ академіи онъ велъ почти затворническую жизнь, изучилъ нѣмецкій языкъ и перечиталъ массу нѣмецкихъ книгъ изъ академической бібліотеки. Любимыми его науками были словесность и монголоуѣдніе, много переводилъ онъ съ нѣмецкаго богословскихъ статей, перевелъ цѣлый курсъ христіанской морали Гиршера, для кандидатскаго сочиненія взялъ тему по мисіонерскимъ предметамъ—«Духовное пѣствунство или частное попеченіе священника о своихъ пасомыхъ» и тогда уже намѣтилъ свое будущее служеніе церкви; отъ монашества онъ отказался, но на пастырское служеніе въ священномъ санѣ смотрѣлъ высоко и сряду принялъ бы его, если бы представился къ тому случай. По окончаніи курса онъ былъ назначенъ въ Саратовскую дух. семинарію преподавателемъ логики, психологіи и патристики, но черезъ годъ перешелъ уже въ академію на кафедру патрологіи. Здѣсь онъ примкнулъ къ существовавшему тогда въ академіи бакалаврскому литературному кружку, полюбилъ и новую тогда еще науку—патрологію, которую читалъ 5 лѣтъ, и составилъ по ней обстоятельную лекцію. Въ «Православномъ Собесѣдникѣ» были напечатаны первые его литературные труды по патристкѣ: «Посланія св. Игнатія Богоносца, съ предисловіемъ къ переводу ихъ» (1855 г., кн. I) и «Жизнеописаніе преп. Максима Исповѣдника» (противъ ложныхъ мнѣній раскольниковъ 1857 г., кн. II—IV); послѣ въ этомъ же журналѣ печатался переводъ «Дѣяній вселенскихъ соборовъ» съ участіемъ въ этомъ трудѣ и З-ва. Въ 1854 г. онъ опредѣленъ былъ въ академію на должность эконома, просилъ опредѣлить его

и священникомъ къ академической церкви, но въ этомъ ему было отказано; однакорѣшеніе его принять священный санъ было безповоротнo, и что 30 мая того же года онъ былъ посвященъ въ священники къ приходской въ гор. Казани Богоявленской церкви. Принятіе имъ священнаго сана было поводомъ поручить ему въ академіи чтеніе лекцій по гомилетикѣ и пастырскому богословію, съ условіемъ приготовить къ изданію въ свѣтъ полную систему пастырскаго богословія; въ 1859 г. онъ закончилъ этотъ научный трудъ и отправилъ его въ Петроградъ къ митрополиту Григорію, но тамъ за скорою смертью митрополита онъ пропалъ. Между тѣмъ въ академіи смѣна ректоровъ отразилась и на чтеніи лекцій профессорами. З—въ былъ освобожденъ отъ чтенія лекцій по патристикѣ и пастырскому богословію и получилъ лекціи по буддизму — предмету необязательному для студентовъ; затѣмъ ему снова поручены были лекціи по пастырскому и нравственному богословію. Среди такой тяжелой служебной обстановки проф. З—ровъ энергично работалъ, какъ закаленный въ невзгодахъ, высоко честный и идеально преданный академіи. Въ 1861 г. происшедшее на экзаменахъ столкновеніе проф. З—рова съ архіепископомъ казанскимъ Аеанасіемъ было поводомъ къ увольненію его въ ноябрѣ 1862 г. изъ академіи. Оставшись приходскимъ священникомъ и членомъ дух. консисторіи (съ 1859 г.), З—въ былъ долгое время въ опалѣ; въ 1863 г. получилъ законоучительскіе уроки во 2-й Казанской гимназіи, — но, съ другой стороны, случилось несчастье въ семьѣ — умерла жена, оставивъ на его попеченіи четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Затѣмъ онъ принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ только лишь начавшей тогда устраиваться крещено-татарской школы проф. Н. И. Ильинскаго; законоучительствовалъ въ педагогической школѣ при Казанскомъ уѣздномъ училищѣ для приготовления народныхъ учителей; былъ членомъ и потомъ председателемъ Казанскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Къ этому времени относится его записка въ защиту школьнаго употребленія инородческихъ языковъ (напечат. въ «Сборникѣ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ», Спб. 1869 г., стр. 275—334); въ его приходской Богоявленской церкви по-

ложено было начало богослуженію на татарскомъ языкѣ. Въ 1867 г. онъ былъ избранъ въ члены правленія Казанской дух. семинаріи, а въ началѣ 1869 г. выбаллотированъ и определенъ ректоромъ родной ему Тамбовской семинаріи; тамъ онъ былъ и редакторомъ «Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Въ 1871 г. онъ былъ определенъ профессоромъ богословія въ Казанскій университетъ, въ 1880 г. въ Казанскій ветеринарный институтъ, а въ 1881 г. избранъ въ почетные члены Казанской дух. академіи. Кромѣ названныхъ трудовъ, З—ву еще принадлежатъ слово надъ гробомъ проф. Г. С. Саблукова («Правосл. Собесѣдникъ» 1880 г., кн. I), некрологъ проф. И. М. Добротворскаго (тамъ же, 1883 г., кн. III) и двѣ его публичныя лекціи о лицѣ Иисуса Христа, читанныя имъ въ университетскомъ залѣ («Душеполезн. Чтеніе» 1874 г.). Изъ ненапечатанныхъ же ученыхъ трудовъ его извѣстны: отзывъ о словарѣ калмыцкаго языка и университетскія лекціи по основному и нравственному богословію. Въ 1885 г. З—ровъ вышелъ въ отставку, оставивъ до 1888 г. за собой занятія только въ ветеринарномъ институтѣ.

Отд. оттискъ некролога прот. М. М. Зефирова изъ «Правосл. Собесѣдника» за 1889 г.— «Русская Старина» 1906 г., июль, стр. 154. («Записки прот. Пѣвницкаго»).— «Биографическій словарь профессоровъ и преподават. Казанскаго Университета», т. I, стр. 8—11.— *Знаменскій*, «Исторія Казанской дух. академіи», вып. II, стр. 297.— *Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писат.», вып. IX, стр. 30.

К. Здр—въ.

Зефировъ, Степанъ, докторъ медицины, происходилъ изъ духовнаго званія, образованіе получилъ въ семинаріи и Московскомъ университетѣ, который окончилъ съ званіемъ докторанта. Получивъ въ 1839 г. степень доктора медицины за диссертацию «De inflammatione in genere», онъ въ 1841 г. определенъ въ Бѣлевскіи, Тульской губ., городовойиъ врачомъ, отсюда въ 1844 г. перешелъ вторымъ врачомъ въ больницу Нижегородскаго приказа общественаго призрѣнія, а съ 1847 г. былъ врачомъ въ имѣніяхъ графа Мусина-Пушкина, Ярославской губ., гдѣ и скончался въ 1855 г.

Змеевъ, «Русскіе врачи—писатели», вып. I, стр. 117.

Степ.

Зиберь, Николай Иванович, экономистъ, доцентъ Кіевскаго университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики, род. 10 марта 1844 г. въ Судакѣ, Таврической губ., и былъ сыномъ швейцарскаго подданнаго. Первоначальное образованіе получилъ въ Симферопольской гимназіи, по окончаніи курса въ которой поступилъ въ 1864 г. въ университетъ св. Владиміра на юридическій факультетъ. Способности З—ра обратили на себя вниманіе профессоровъ Романовича-Славатинскаго, Бунге и Цѣхановскаго; каждый изъ нихъ намѣчалъ его своимъ стипендіатомъ. Но любимымъ предметомъ З—ра была политическая экономія, поэтому попытки проф. Романовича-Славатинскаго сбить его съ этого пути и обратить его въ государственную службу не могли увѣнчаться успѣхомъ. Въ 1866 г. З—ръ блистательно окончилъ юридическій факультетъ, но такъ какъ вакантной стипендіи не оказалось, то Бунге, ревностно заботившійся о своихъ ученикахъ, предоставилъ З—ру мѣсто мирового посредника въ Волынской губ. Такимъ образомъ швейцарскому подданному пришлось служить великому русскому дѣлу освобожденія крестьянъ. Но служить этому дѣлу ему пришлось недолго (8 мѣсяцевъ): его тянуло въ университетъ къ любимой наукѣ. Въ это время открылась вакантная стипендія, которая, по предложенію Бунге, и была предоставлена З—ру. Хорошо знакомый со студенческой скамьи съ избранною наукою, З—ръ недолго готовился къ магистерскому экзамену, который выдержалъ въ 1871 г. На экзаменѣ Бунге предложилъ З—ру изложить теорію Маркса, которая была тогда большою новинкой. «Я помню, говоритъ Романовичъ-Славатинскій, какъ разгорѣлись щеки Зиберы, когда онъ сталъ излагать теорію, которой онъ сдѣлался горячимъ послѣдователемъ». За экзаменомъ послѣдовала магистерская диссертация «Теорія цѣнности и капитала Давида Рикардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями (Кіевъ, 1871 г.). Этотъ трудъ является замѣчательнымъ не только по учености и по обилію оригинальныхъ мыслей, высказанныхъ въ немъ, но еще и тѣмъ, что онъ представляетъ первую попытку познакомить русскую читающую публику съ теоретическими ученіями К. Маркса и выяснитъ тѣсную связь его доктринъ со взглядами классическихъ

экономистовъ. Еще раньше, въ 1869 г., З—ръ напечаталъ трудъ подъ заглавіемъ: «Потребительныя общества», а затѣмъ— «Къ ученію о рентѣ» («Унив. Изв.» 1870 г., №№ 5, 6).

Удостоенный степени магистра политической экономіи, З—ръ былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу и въ теченіе двухъ лѣтъ занимался въ Гейдельбергѣ, Лейпцигѣ, Цюрихѣ, Бельгіи, Франціи и Англии. Кромѣ лекцій, онъ посѣщалъ и изучалъ фабрики, потребительныя общества, социальныя конгрессы и работы статистическихъ бюро. По возвращеніи въ Россію З—ръ въ 1873 г. былъ избранъ доцентомъ университета св. Владиміра по кафедрѣ политической экономіи и статистики.

Въ періодъ преподавательской дѣятельности въ университетѣ З—ръ напечаталъ: «Отчетъ о пребываніи за границею» («Унив. Изв.» 1873 г., № 8); «Начала политической экономіи», соч. Д. Рикардо, переводъ первой части (ib., № № 1—10); «Жизнь и труды Давида Рикардо» (ib., № 9); «Что такое статистика» («Знаніе», 1874 г., № 8); «Цѣна труда» («Унив. Изв.» 1875 г., № 2). Это—разборъ статей Энгеля: «Der Preis der Arbeit» и «Der Preis der Arbeit bei den deutschen Eisenbahnen in den Jahren 1850, 1859 und 1869»; «По поводу рецензіи Кіевлянина на перепись 2 марта 1874», соображенія и замѣтки одного изъ принимавшихъ участіе въ разработкѣ переписи, Кіевъ, 1875 г. и «Опытъ программы для собиранія статистико-экономическихъ свѣдѣній» (Кіевъ, 1875 г.), составленный имъ по порученію юго-западнаго отдѣла Импер. Русск. Географич. Общества и оказавшій влияние на программы изслѣдованія земскими статистиками юга Россіи.

Однако З—ръ не могъ долго оставаться въ той университетской средѣ, которая сложилась въ половинѣ 70-хъ годовъ, когда стали господствовать совмѣстительство и нажива, когда самымъ цѣннымъ качествомъ человѣка признавались хитрость и практическая изворотливость. Завелась даже газета въ Кіевѣ, ратовавшая за такую практичность и дѣловитость. З—ръ съ нѣкоторыми своими единомышленниками задумалъ создать противовѣсъ этой газетѣ, которымъ и явился «Кіевскій Телеграфъ».

Но какъ ни страстно онъ увлекался этимъ дѣломъ, оно не имѣло успѣха, и З—ръ не выдержавъ, покинулъ университетъ и поселился въ Швейцаріи, въ Бернѣ (1875 г.). Будучи русскимъ въ душѣ, онъ продолжалъ работать здѣсь для русской науки и работалъ съ тою страстностью, которая была свойственна его природѣ, не жалѣя своихъ слабыхъ силъ, которыя мало-помалу надламывались. Его статьи, разбросанныя въ разныхъ журналахъ, не были простою передачей чужихъ мыслей, а представляли собою самостоятельныя изслѣдованія. Достаточно назвать эти работы, чтобы судить, какъ великъ былъ трудъ, затраченный на нихъ. Это были: «Матеріалы для наблюденія надъ общественно-экономическою жизнію русскаго города» («Знаніе» 1876 г., № № 3, 4); «Размѣщеніе по квартирамъ представителей различныхъ профессій въ составѣ Петербургскаго населенія» (ib., № 6); «Берлинскіе грюндеры и ихъ мошенничество» (ib., № 9); «Новѣйшее фабричное законодательство Великобританіи» («Отеч. Зап.» 1877 г., № № 1, 4, 5); «Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи Ю. Жуковскаго: «К. Марксъ и его книга о капиталѣ» (ib., № 11); «Общинно-поземельныя отношенія владѣльческихъ крестьянъ Эльзаса въ средніе вѣка» (ib. 1878 г., № № 9, 12); «Экономическая теорія Карла Маркса» («Знаніе» 1876 г., № № 10, 12; 1877 г., № 2; «Слово» 1878 г., № № 1, 3, 9, 12); «Ф. Лассаль сквозь очки г. В. Чичерина» («Слово» 1878 г., № 4); «Мысли объ отношеніи между общественною экономіей и правомъ» (ib. 1879 г., № 2; 1880 г., № 6); «Чичеринъ contra Марксъ» (ib. 1879 г., № 2); «Фіаско національнаго либерализма» (ib., № 9); «Диалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ» (ib., № 11); «Земледѣліе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки» («Отеч. Зап.» 1880 г., № 11); «Народныя школы въ кантонѣ Бернѣ въ гигиеническомъ отношеніи» (ib. 1881 г., № 9); «Еще о братствахъ» («Слово» 1881 г., № 1); «Община и государство въ Нидерландской Индіи» («Отеч. Зап.» 1881 г., № 3); «Исторія Швейцарской альменды» («Вѣстн. Евр.» 1881 г., № 10); «Экономическіе эскизы» («Отеч. Зап.» 1880 г., № 12; 1881 г., № № 3—6, 9, 11; 1882 г., № № 4, 6); «Судьба общиннаго владѣнія въ Швейцаріи» («Вѣстн. Евр.» 1882 г., № 7);

«Новый трудъ о первобытныхъ учрежденіяхъ» («Отеч. Зап.» 1882 г., № 7); «Ходъ всемірнаго хозяйства въ послѣднее 10-тилѣтіе» («Русс. Мысль» 1882 г., № 6); «О вліяніи прогресса на бѣдность» (ib. 1883 г., № № 9, 11, 13); «Распределеніе поземельной собственности въ Германіи» (ib., № № 1, 2); «Общественная экономія и право» («Юридич. Вѣстн.» 1883 г., № № 5, 9, 10); «Сравнительное изученіе первобытнаго права» (ib. 1885 г.); «Квартирный вопросъ въ большихъ городахъ» (ib. 1886 г., № № 1, 2). Въ 1882 г. вышли его «Сочиненія Давида Рикардо» съ приложеніями переводчика (Спб.), а въ слѣдующемъ году—«Очерки первобытной экономической культуры» (М. 1883 г.). Въ послѣднемъ сочиненіи З—ръ дѣлаетъ обобщеніе первобытныхъ формъ общественной жизни, удѣляя наибольшее вниманіе явленіямъ экономическимъ, но не забывая и другихъ сторонъ жизни. Красною ниткою, проходящею чрезъ все сочиненіе, является та мысль, что университетскими формами экономической дѣятельности являются формы общинныя.

З—ръ представлялъ собою чистѣйшій типъ ученаго. Всѣ его заботы и помыслы были сосредоточены исключительно на изученіи любимой науки и на учебно-литературныхъ трудахъ. Въ самой политической экономіи З—ра интересовали не столько практическіе вопросы, занимающіе большинство современныхъ ему специалистовъ по этой наукѣ, а напротивъ, теоретическая, философская сторона предмета. Проф. Романовичъ-Славатинскій такъ характеризуетъ З—ра: «Это была натура нервная, глубоко-впечатлительная, съ которой не всегда могъ справиться его уравновѣшенный, довольно положительный умъ. Онъ какъ-то трепетно и лихорадочно относился къ явленіямъ жизни и къ вопросамъ науки, представлявшейся ему царственной богиней, у ногъ которой онъ готовъ былъ повергаться ницъ съ постомъ и молитвой. Чистокровный идеалистъ, онъ не способенъ былъ ни къ какой сдѣлкѣ и компромиссу; брезгливо и нетерпимо онъ относился ко всему, что не подходило подъ его чистыя пуританскія требованія».

Усиленные работы З—ра подорвали его здоровье: появились признаки медленнаго паралича центральнаго мозга. Симптомы эти усилились въ 1884 г. З—ръ

переселился въ родную Ялту, на берега родного Чернаго моря, но ни родина, ни заботы сестры и матери не спасли угасающей жизни ученаго; онъ скончался 28 апрѣля 1888 года. Послѣ его смерти въ 1900—1901 гт. вышло 2 тома его сочиненій: т. I, «Вопросы землевладѣнія и промышленности» (Спб. 1900 г.) и т. II, «Право и политическая экономія» (Спб. 1901 г.).

Иконниковъ, «Биографич. словарь профес. п препод. университета св. Владиміра», стр. 204—206.—*Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писат.», вып. VIII, стр. 45—46; вып. XII, стр. 259.—*Н. К. Михайловскій*, «Сочиненія», т. I, 1897 г.—*А. Руссовъ*, «Одѣлочная статистика».—«Всемирная Иллюстр.» 1888 г., т. 39, стр. 422.—«Казанскій Виржевой Листокъ» 1888 г., № 104.—«Минута» 1888 г., № 185.—«Сибирская Газета» 1888 г., № 40.—«Сѣв. Вѣстникъ» 1888 г., № 8, стр. 152—153.—«Юридич. Вѣстникъ» 1888 г., № 6—7.—«Русская Мысль» 1892 г., № 6, стр. 192—196.—«Одесскія Новости» 1898 г., № 4269.—«С.-Петербург. Вѣдомости» 1898 г., № 119.—«Русскія Вѣдомости» 1902 г., № 320. (*А. В. Романовичъ-Славатинскій*, «Н. В. Зиберъ и А. Е. Назимовъ»).

Мих-въ.

Зивальдъ, *Генрихъ*, докторъ медицины, родился 14 декабря 1797 г. въ имѣніи Лавина, Витебской губерніи. Получивъ первоначальное образование въ домѣ родителей, онъ въ 1811 г. опредѣленъ былъ въ юрьевскую гимназію, а по окончаніи въ ней курса наукъ въ 1815 г. поступилъ въ Юрьевскій университетъ. Пробывъ здѣсь около года, З-дъ въ 1816 г. отправился за границу: три года слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, посѣтилъ затѣмъ Боннскій и Берлинскій университеты и въ 1821 г. вернулся въ Россію. 9-го іюня 1823 г. онъ защитилъ при Юрьевскомъ университетѣ диссертацію «De sanii formatione in Delphino Phocaena» (Dorpati, 1823) и былъ удостоенъ степени доктора медицины. Въ томъ же году, въ качествѣ врача, онъ принялъ участіе въ кругосвѣтномъ путешествіи капитана Коцебу и по возвращеніи въ Россію, въ 1826 г., награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1828 г., съ открытіемъ турецкой кампаніи, З-дъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій и работалъ здѣсь въ походныхъ лазаретахъ. Скончался онъ въ Николаевѣ въ 1829 или 1830 г.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexikon», Миттава, 1832 г., т. 4, стр. 193; прибавленіе 1861 г., стр. 192.

Зигель - фонъ, *Аполлонъ Андреевичъ*, д. с. с., родился въ 1838 г., высшее образованіе получилъ въ Казанскомъ университетѣ по физико-математическому факультету, который окончилъ въ 1855 г. съ званіемъ кандидата и съ золотою медалью, и въ томъ же году опредѣлился на службу по главному управленію Уральскихъ горныхъ заводовъ. Въ этомъ вѣдомствѣ онъ прослужилъ до 1863 г. Въ періодъ этого времени З—ль, между прочимъ, былъ преподавателемъ геодезій и мапшейдерскаго искусства въ Уральскомъ училищѣ. Въ 1863 г. онъ былъ перемѣщенъ въ акцизное управленіе Пензенской губ. Затѣмъ былъ старшимъ ревизоромъ акцизныхъ управленій: Гродненской (1864 г.), Костромской (1868 г.) и Харьковской губ. (1869 г.), а въ 1871 г. былъ назначенъ управляющимъ акцизными сборами Смоленской губ. Во время своей службы въ Смоленскѣ З—ль не разъ былъ вызываемъ въ Петроградъ для участія въ разныхъ комиссіяхъ. Такъ, напр., онъ принималъ участіе въ занятіяхъ по переустройству инструкціи касательно установкн контрольныхъ снарядовъ и наблюденія за ними, участвовалъ въ комиссіи по пересмотру правилъ о пиво- и медовареніи и водочнаго производства и пр. Несмотря на трудныя свои обязанности и преклонныя лѣта, З—ль, будучи избранъ гласнымъ мѣстной городской думы, принималъ дѣятельное участіе въ вопросахъ о благоустройствѣ города. Такъ, при его дѣятельномъ сотрудничествѣ было устроено городское страховое общество, предѣдателемъ котораго онъ состоялъ до дня кончины. Затѣмъ, благодаря его энергіи и разработкѣ вопроса, въ Смоленскѣ устроенъ былъ водопроводъ. Близки были ему интересы и народнаго образованія: онъ состоялъ предѣдателемъ совѣтовъ многихъ учебныхъ заведеній и Общества помощи учащемуся юношеству. Незадолго до своей смерти онъ не мало потрудился и для устройства училища для слѣпыхъ. Скончался З—ль 21 мая 1891 г. въ Смоленскѣ.

Формуляръ о службѣ Зигеля. — «Новое Время» 1891 г., 5482.

Зигербергъ, *Александръ Францовичъ*, академикъ архитектуры, родился 1 февраля 1841 года въ Баускѣ, отецъ его—выходецъ изъ Германіи—былъ ка-

менныхъ дѣлъ мастеромъ. Желая продолжать профессію отца, З—бергъ въ 1861 г. поступилъ вольнослушателемъ въ Императорскую Академію Художествъ, а осенью 1864 года отправился для художественныхъ занятій въ Курляндію и Ковенскую губернію. 9 октября 1865 года онъ получилъ вторую серебряную медаль за проектъ «дома для богатой дамы вдовы». Въ 1867 году онъ принялъ русское подданство, а въ декабрѣ того же года, представивъ проектъ «православной церкви со склепомъ для богатаго имѣнія», просилъ удостоить его званія класснаго художника 3-й степени. Но проектъ былъ забракованъ совѣтомъ Академіи Художествъ, и 25 мая 1868 года З—бергъ представилъ изъ Смоленска на конкурсъ другой проектъ «станціи желѣзныхъ дорогъ 3-го класса въ губернскомъ городѣ», но и этотъ проектъ, вслѣдствіе чисто формальныхъ причинъ—несоблюденія правилъ конкурса—не былъ принятъ, и З—бергъ 30 августа 1869 года представилъ на конкурсъ третій проектъ «дома мирового судьи», за который и былъ удостоенъ званія художника 3-й степени (2 ноября 1869 года). Въ концѣ ноября того же года З—бергъ просилъ разрѣшенія допустить его къ конкурсу на званіе художника 2-й степени, которое и было присуждено ему. Менѣе чѣмъ черезъ годъ онъ удостоился званія художника I-ой степени за проектъ «народнаго дома», а 4 ноября 1874 года—званія академика по архитектурѣ за проектъ «богатой гостиницы для прѣзжающихъ въ столицу». Не безынтересно отмѣтить, что, окончивъ курсъ наукъ въ Академіи Художествъ, З—бергъ служилъ архитекторомъ на желѣзныхъ дорогахъ (съ октября 1869 по сентябрь 1871 г. на Грязе-Царицынской, затѣмъ на Лозово-Севастопольской), гдѣ и строилъ гражданскія сооруженія. Такія же постройки З—бергъ велъ на Маршанско-Сызранской и Боровичской желѣзныхъ дорогахъ. Независимо отъ этихъ порученій, онъ имѣлъ и частные заказы въ Петроградѣ, Москвѣ, Пензѣ, Сызрани, Ялтѣ и др. городахъ. Такъ, имъ построены, между прочимъ, барскій домъ въ селѣ Черкасовѣ, Пензенской губ. для В. Н. Охотникова, дачи въ Ялтѣ для А. И. Гончарова, богатые дома для В. Т. Соловьева, Т. И. Назарова въ Москвѣ, для г. Кошелева въ Пензѣ и т. п. Въ архитектурной средѣ З—бергъ оставилъ память своимъ дѣл-

нымъ конкурснымъ проектомъ памятника гренадерамъ, павшимъ въ сраженіи съ турками 28 ноября 1877 г. при взятіи Плевны. Этотъ проектъ былъ награжденъ второй преміей.

Архивъ Императорской Академіи Художествъ, дѣло 15. — *Кондаковъ*, «Имп. Акад. Художествъ», т. II. — «Новости» 1890 г., отъ 29 сентября.

П. С—кій.

Зизаній, Лаврентій (носилъ еще фамилію *Тустановскій*), исповѣдникъ и проповѣдникъ святой православной вѣры, протоіерей. По происхожденію литовець, жилъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст. Образование получилъ въ самой знаменитой въ то время Львовской братской школѣ въ концѣ 80-хъ годовъ XVI ст. По окончаніи образованія онъ въ теченіе 10 лѣтъ (1592—1602 г.г.) былъ учителемъ въ Львовской, Брестской и Виленской братскихъ школахъ, а также въ домахъ знатныхъ западноруссовъ (князей Соломирецкихъ и Острожскихъ въ Ярославлѣ Галицкомъ). Съ 1612 г. былъ священникомъ (и потомъ протоіереемъ) въ г. Корцѣ на Волыни. З—ній извѣстенъ былъ, какъ ревностный защитникъ православія, мужъ благоговѣйный, «словеснѣйшій» дидаскаль и витія, изучившій духовныя и свѣтскія науки, въ совершенствѣ знавшій греческій языкъ, литераторъ и переводчикъ. Гонимый поляками, разорившими церковь, при которой онъ служилъ, и отнявшими у него имѣніе, онъ лишенъ былъ возможности предать съпокойнымъ ученымъ работамъ, чѣмъ занимался приблизительно съ 1620 г. въ Киевѣ, состоя въ ученоемъ кружкѣ архимандрита Елисея Плетенецкаго. Въ апрѣлѣ 1626 г. З—ній былъ въ Путивлѣ за милостыней, затѣмъ прожилъ 7 недѣль въ Киевѣ у митрополита, 7 іюня того же года прибылъ въ Москву и былъ принятъ царемъ и патріархомъ, при чемъ поднесъ имъ свои сочиненія. Въ началѣ 1627 г. З—ній передалъ патріарху Филарету тетради составленнаго имъ на «литовскомъ» (западно-русс.) языкѣ «Вольшого катехизиса», тогда же переведеннаго на славянскій языкъ Богоявленскимъ игуменомъ Илією и напечатаннаго. Однако, вслѣдствіе незнанія переводчикомъ западно-русскаго языка, переводъ получился неточный и неправильный,—что и выяснилось на бывшемъ «преніи» протоіеря

З-нія съ переводчикомъ и справщикомъ. Обличаемый въ неправославіи (раціонализмъ, католицизмъ и протестантизмъ), З-ній 19 февраля 1627 г. покинулъ Москву, и дальнѣйшая судьба его неизвѣстна; «Катехизисъ» же не былъ допущенъ къ употребленію (можетъ быть былъ сожженъ патріархомъ); сохранившіеся немногіе экземпляры его не имѣютъ выходного листа. Не получивъ церковнаго признанія, катехизисъ распространенъ былъ въ спискахъ, съ приложеніемъ бывшаго «Пренія» о немъ, и пользовался большимъ уваженіемъ у старообрядцевъ, трижды напечатанныхъ его въ Гроднѣ (въ 1783, 1787 и 1788 г.г.) и переизданныхъ его въ Псковѣ въ 1874 г. Раскольники находятъ въ немъ опору своимъ толкамъ, направленнымъ противъ православной церкви. Кромѣ «Большого Катехизиса» и «Отвѣта» (пренія) въ защиту его, Лаврентій З-ній составилъ еще «Славянскую азбуку» съ молитвословомъ и лексикономъ и первую «Славянскую грамматику» (обѣ напечат. въ Вильнѣ въ 1596 г.): «Наука ку читаню и разумѣнію писма словенскаго, туты-жь и о Св. Троицѣ и вочеловѣченіи Господни, и лексисъ, сирѣчь рѣченія вкратцѣ собраны и изъ словенскаго языка на простый русскій діалектъ истолкованы» (богословскій трактатъ составленъ Стефаномъ Зизаніемъ). Ему же принадлежатъ еще: «Толкованіе молитвы «Отче Нашъ», съ статьею о превѣчномъ бытіи Христовомъ, о божествѣ и воплощеніи (Вильна, 1596 г.) и переводъ «Толкованія на Апокалипсисъ св. Андрея Кесарійскаго» (изд. 1625 г.). Кромѣ того, онъ-же участвовалъ въ переводѣ «Бесѣдъ св. І. Златоуста на посланіе ап. Павла» (изд. 1623 г.).

Харламповичъ, «Малоросс. вліяніе на великорусск. церковную жизнь», т. I, 1914, стр. 103—110.—Рукопись Архива Св. Синода №1665.—*Филаретъ*, «Обзоръ духовной литературы.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. II.—*Петрскій*, «Наука и литература при Петрѣ».—*Евгеній*, «Словарь писателей духовнаго чина».—«Руковод. для сельскихъ пастырей», 1865 г., №№ 29—31.

К. Здр-сь.

Зизаній, Стефанъ, одинъ изъ пламенныхъ защитниковъ православія, страдалецъ за православіе, простой клирикъ. По происхожденію литовець, жилъ въ концѣ XVI ст., учился въ Львовской братской школѣ (въ концѣ 80-хъ годовъ

XVI ст.), въ ней-же началъ и общественное служеніе съ 1591 г. (въ качествѣ учителя. Вскорѣ былъ назначенъ всенароднымъ проповѣдникомъ и благовѣствователемъ Слова Божія въ Львовѣ и др. мѣстахъ, на рынкахъ, дорогахъ, въ ратушахъ и церквахъ. Онъ явился энергичнымъ борцомъ противъ католичества и уніи, спасителемъ погибавшаго православія; его проповѣди, богословскіе трактаты, переводы и изданія святоотеческихъ твореній, особенно пригодныхъ для борьбы съ латинствомъ, имѣли громадное вліяніе на западно-русское общество и многихъ удержали въ православіи. Въ 1593—4 г.г. З-ній, какъ живой по характеру и энергичный дѣятель, вызванъ былъ Виленскимъ братствомъ для борьбы съ уніей; изданная имъ тамъ проповѣдь объ антихристѣ была сожжена. Въ 1595 г. онъ издалъ «Книжицу на Римскій костель» (объясненіе Никейскаго собора противъ главенства папы); въ проповѣдяхъ онъ рѣзко осуждалъ высшее духовенство за его лѣнность и склонность къ уніи. Митрополитъ Михаилъ Рагоза, обличаемый З-ніемъ, грозилъ ему, какъ крамольнику и возмутителю общественнаго спокойствія, побуждающему народъ къ кровопролитію, отлученіемъ отъ церкви; на соборѣ 1596 г. объявилъ его, какъ «непокориваго, жестокаго и гнуснаго дѣлателя винограда Христова», за преступленія противъ церкви и государства, лишеннымъ права проповѣдывать и «вмѣненнымъ изъ клириковъ съ простыми людьми», поставленнымъ среди оглашенныхъ. З-ній протестовалъ въ Новогрудскій судъ, называя бывшій соборъ «смятеніемъ», но король 28 мая 1596 г. приказалъ схватить его и бросить въ тюрьму, откуда ему удалось бѣжать чрезъ дымовую трубу и найти защиту на соборѣ въ Брестѣ 8 окт. 1596 г., послѣ чего было признано его православіе и разрѣшено ему проповѣдывать попрежнему. Послѣ смерти митрополита Михаила Рагозы онъ уже снова былъ въ Виленскомъ братскомъ училищѣ. Новый митрополитъ Игнатій Поцѣй тоже не взлюбилъ Стефана З-нія, какъ противника уніи, и, заручившись согласіемъ короля, изгналъ его въ 1599 г. изъ Виленскаго братскаго монастыря. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Католики издали полемическое сочиненіе противъ З-нія, подъ названіемъ: «Куколь, расзѣиваемый Зизаніемъ»

(Зизаній по-гречески значитъ куколь). Кромѣ «Книжицы на Римскій костелъ», Стефану З-нію принадлежить еще «Изложение о православной вѣрѣ короткимъ питаньемъ и отвѣданьемъ для вразумьныя христіанскимъ дѣтямъ» (катихизисъ), съ мѣсяцесловомъ и пасхалією (напечат. въ «Азбукѣ»—брата его въ 1596 г.). Этому катихизису вѣрили больше, чѣмъ евангелію,—но онъ былъ осужденъ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою и по приказанію короля Стефана Баторія сожженъ. Ему же принадлежитъ переводъ 15-го огласительнаго «Казанья св. Кирилла патр. Іерусалимскаго объ антихриствѣ и знакахъ его, съ расширеніемъ науки противъ ересей розныхъ» (2-е изд. въ Вильнѣ 1596 г. на литов.-русск. и польскомъ языкахъ; посвящено кн. Острожскому). Другія изданія принадлежатъ раскольникамъ, которые печатаютъ его въ «Кирилловой книгѣ» (Москва, 1644 г. и Гродна, 1786 г.). Рукопись Моск. Синод. Библ. 1603 г. «Апологія православія противъ лализма» приписывается тоже Стефану З-нію, хотя авторъ на ней не показанъ.

Описаніе докум. Архива западно-русск. уніатскихъ митрополитовъ, т. I.—«Руковод. для сельск. пастыр.» 1865 г., №№ 29—31.—*Филаретъ*, «Обзоръ духовной литературы».—*Евгеній*, Словарь писателей духовнаго чина».

К. Зоръ-въ.

Зике, *Карлъ Карловичъ*, профессоръ Петроградской консерваторіи, родился въ 1850 г. въ Петроградѣ и здѣсь же въ реформатскомъ училищѣ получилъ общее образованіе. Влестящія музыкальныя способности его обнаружили очень рано, и уже въ 1863 г. онъ былъ принятъ въ консерваторію стипендіатомъ великой княгини Елены Павловны, которая продолжала заботиться о матеріальномъ обеспеченіи даровитаго юноши во все время его ученія въ консерваторіи. Изъ лицъ, имѣвшихъ здѣсь особенное влияние на его артистическое развитіе, слѣдуетъ указать прежде всего на профессора теоріи композиціи Н. И. Зарембу, который считалъ Зике своимъ лучшимъ ученикомъ; затѣмъ—на профессора Штиля, преподававшего игру на органѣ, извѣстнаго профессора фортепіанной игры А. И. Виллуана и, наконецъ, знаменитаго А. Г. Рубинштейна, при которомъ Зике поступилъ въ консерваторію. Всѣ они вполнѣ оцѣнили

богатая дарованія будущаго музыкальнаго дѣятеля и возлагали на него большія надежды, которыя Зике впоследствии и оправдалъ, и могъ бы оправдать еще болѣе, если бы своевременно открылся передъ нимъ широкій путь той дѣятельности, которой онъ жаждалъ «со всею страстностью артиста, любящаго искусство и посвятившаго ему всю свою жизнь». Но по окончаніи курса консерваторіи Зике, по характеру человекъ въ высшей степени скромный, долго оставался въ тѣни и не могъ найти соответствующаго поприща для развитія своей музыкальной дѣятельности. Образованный теоретикъ и искусный композиторъ, онъ написалъ нѣсколько талантливыхъ произведеній (увертюра «Мессинская невѣста», музыкальная картина «Черное море», хоръ «Пери» и нѣсколько фортепіанныхъ вещей), стиль которыхъ столь же гибокъ и блестящъ, сколько серіозенъ и основателенъ, но убѣдившись въ томъ, какъ тернистъ и неблагоприятенъ путь неизвѣстнаго композитора, скоро пересталъ писать и въ поискахъ заработка, такъ какъ матеріальныя обстоятельства складывались для него очень неблагоприятно, вынужденъ былъ хвататься за всякое занятіе, начиная съ уроковъ. Онъ мечталъ о дѣятельности капельмейстера, къ которой несомнѣнно имѣлъ призваніе, но устроиться въ русской оперѣ ему такъ и не удалось; свои выдающіяся капельмейстерскія способности онъ имѣлъ возможность обнаружить впервые только въ концѣ 70-хъ гг., дирижируя оркестромъ музыкально-драматическаго кружка любителей въ Кононовскомъ залѣ (на Мойкѣ), гдѣ, между прочимъ, съ успѣхомъ поставилъ нѣсколько новыхъ оперъ (оперу Соловьева «Вакула-кузнецъ» и позже, въ 1883 г., въ залѣ Благороднаго Собранія—оперу Чайковского «Евгеній Ояѣгинъ»).

Въ 1881 г. счастье, наконецъ, улыбнулось Зике: онъ былъ приглашенъ въ Московскую консерваторію ординарнымъ профессоромъ теоріи музыки и капельмейстеромъ симфоническихъ концертовъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества; въ слѣдующемъ году онъ перешелъ на службу въ Петроградскую консерваторію съ тѣмъ же званіемъ и нѣсколько разъ дирижировалъ симфоническими собраніями въ Петроградѣ. Нѣсколько концертовъ-монстръ, продирижированныхъ имъ въ Павловскѣ, произвели положитель-

ную сенсацію, съ большимъ успѣхомъ выступалъ онъ въ качествѣ дирижера и на общедоступныхъ концертахъ въ циркѣ, въ теченіе зимняго сезона 1889—1890 гг.

Дѣятельность Зике въ консерваторіи въ качествѣ педагога-теоретика была очень плодотворна; его классы были всегда одними изъ лучшихъ, его преподаваніе отличалось солидностью и вмѣстѣ съ тѣмъ ясностью изложенія. Будучи профессоромъ, овъ одновременно управлялъ ученическимъ оркестромъ и хоромъ въ консерваторіи и состоялъ дирижеромъ хора Русскаго музыкальнаго общества. Въ 1889 г., по порученію директора консерваторіи А. Г. Рубинштейна, Зике предпринялъ продолжительное путешествіе по Россіи для обревизованія многочисленныхъ провинціальныхъ отдѣленій Русскаго музыкальнаго общества. Результатомъ этой поѣздки былъ обширный и весьма дѣльно составленный имъ отчетъ о состояніи музыкальнаго образованія въ Россіи. Тогда же ему предложено было занять должность инспектора Петроградской консерваторіи, но тяжелая болѣзнь (порокъ сердца) помѣшала ему принести пользу и на этомъ поприщѣ. Усиленные занятія, въ которыя Зике вкладывалъ всю душу, рано распатали его некрѣпкое здоровье, и 21-го мая 1890 г., на 41-мъ году жизни, его не стало.

Иностранецъ по происхожденію, Зике всѣми привязаностями своими принадлежалъ Россіи. Въ 1876 г. онъ перешелъ въ русское подданство, а за годъ до смерти принялъ православіе.

«Новости» 1890 г., 23 мая (статья Н. Соловьева). — «Новое Время» 1890 г., № 5111. — А. И. Рубецъ, «Віографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ», СПб., 1886 г., стр. 39. — Риманъ, «Музыкальный словарь», стр. 533—34. — В. Чешихинъ, «Исторія русской оперы», СПб., 1905 г., стр. 320. — «День» 1890 г., № 700.

А. Г.

Зиллеръ, Карлъ-Фридрихъ-Эдуардъ, ординарный профессоръ Юрьевского университета, родился въ Данцигѣ 26 октября (нов. ст.) 1801 г. Потерявъ въ раннемъ дѣтствѣ своихъ родителей, З—ръ былъ принятъ въ 1810 г. въ Данцигскій сиротскій домъ; здѣсь, а затѣмъ въ городской школѣ и въ Данцигской гимназіи онъ получилъ первоначальное образованіе. Въ 1815 г. З—ръ поступилъ ученикомъ въ аптекарскій магазинъ Гессе

въ Данцигѣ, затѣмъ съ 1818 г. состоялъ ученикомъ и служащимъ въ аптекахъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ городовъ, послѣ чего успѣшно выдержалъ въ экзаменаціонной Комиссіи медицинскои коллегіи провинціи Помераніи экзаменъ на званіе аптекаря 2-го разряда. Въ 1828 г. З—ръ перѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ немедленно выдержалъ при Медико-хирургической академіи экзаменъ на званіе аптекаря 2-го отдѣленія. Послѣ кратковременнаго пребыванія на службѣ у доктора Гааза въ Москвѣ З—ръ былъ принятъ въ февралѣ 1829 г. на службу по военно-медицинскому вѣдомству и опредѣленъ въ главную квартиру дѣйствовавшей противъ турокъ второй арміи, при чемъ управлялъ аптеками при госпиталяхъ въ Варнѣ, Адрианополѣ и Бухарестѣ. По уничтоженіи госпиталей 2-й арміи З—ръ въ ноябрѣ 1830 г. былъ прикомандированъ къ Петроградскому военно-сухопутному госпиталю. Въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ назначенъ въ дѣйствующую противъ польскихъ мятежниковъ армію и управлялъ аптеками подвижнаго и Варшавскаго госпиталей этой арміи. По окончаніи военныхъ дѣйствій З—ръ былъ перемѣщенъ въ ноябрѣ 1834 г. въ отдѣльный кавказскій корпусъ, а затѣмъ, съ февраля 1835 г., прикомандированъ къ Петроградскому военному госпиталю для устройства паровой аптеки. Въ іюлѣ того же года онъ вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ, но въ февралѣ 1839 г. снова опредѣлился на службу въ департаментъ казенныхъ врачебныхъ заготовленій. Въ 1843 г. временный медицинскій комитетъ, которому поручено было министерствомъ народнаго просвѣщенія дѣлать предложенія о замѣщеніи вакантныхъ профессуръ въ Юрьевскомъ университетѣ, представилъ З—ра кандидатомъ на учрежденную въ этомъ университетѣ, по дополнительному штату, должность профессора фармаціи. Представленіе медицинскаго комитета было мотивировано тѣмъ, что З—ръ не только выдержалъ въ Медико-хирургической академіи экзаменъ на званіе аптекаря, но получилъ также отъ Іенскаго университета степень доктора филозофіи за сочиненіе: «Ueber die chemische Untersuchung der Mineralwasser der Wallachei» (1829 или 1830 г., кажется, напечатано не было) и, кромѣ того, редактируетъ съ 1839 г. фармацевтиче-

свѣй журналъ и издаетъ учебникъ фармаціи, по свидѣтельству комитета вполне удовлетворяющій требованіямъ. Согласно этому представленію, З—ръ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ Юрьевского университета (18 мая 1843 г.), въ которомъ читалъ фармацію, фармакогнозію, фармацевтическую химію и товаровѣдніе лѣкарственныхъ веществъ, а также о быстрой помощи въ опредѣляемыхъ § 35 Аптекарскаго устава случаяхъ и о познаніи мѣнѣе употребительныхъ медикаментовъ, служащихъ для промышленныхъ цѣлей. Но служба З—ра въ университетѣ не была продолжительной. Начавшееся въ 1848 г. серьезное заболѣваніе побудило его въ 1849 г. ходатайствовать объ освобожденіи его отъ чтенія лекцій и объ отпускѣ за границу для поправленія здоровья. Однако за границей состояніе здоровья З—ра настолько ухудшилось, что онъ подалъ прошеніе объ оставкѣ, которую и получилъ 15 іюля 1850 г. Въ томъ же году онъ эмигрировалъ въ Америку, гдѣ и умеръ въ 1852 или 1853 г. въ Мильвоки, въ штатѣ Висконсинъ. Кромѣ названной диссертации, З—ру принадлежатъ еще слѣдующія работы: «Lehrbuch der Pharmacie» (2 ч. Braunschweig. 1843 г. Второе изданіе. Bd. I. Dorpat. 1848. B. II. Riga. 1849), «Ueber Rectification von Schwefelsäure», «Ueber Zusammensetzung des Sel de Guindre, des Poudre Rogé» и др. (помѣщены въ «Nordische Blätter» за 1843 г.) и нѣсколько рецензій, помѣщенныхъ въ «Buchners Repertorium der Pharmacie» (Bd. 31 u. 35) и въ «Archiv der Pharmacie von Wackenroder u. Bley» (Heft XII, 1844).

«Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевского университета», т. II, стр. 232—234.

Мисс—въ.

Зиловъ, Петръ, Петергофскій гражданскій врачъ-хирургъ, жилъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Ему принадлежитъ печатный трудъ подъ заглавіемъ: «De extremitatibus inferioribus resolutis interposita 22 annorum intercapedine in pristinum habitum reversis» («Observationes medicochirurgorum Rutheni Imperii». 1805 г., 92).

Зимевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 117.

Зима, Иванъ, русскій еретикъ (въ протестантскомъ духѣ) начала XVIII ст. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1717 г. онъ былъ схваченъ

вмѣстѣ съ женою Настасьею и на допросѣ послѣ пытокъ въ патриаршемъ духовномъ приказѣ выяснилось, что главная изъ еретиковъ Настасья, дочь бѣглаго дячка, грамотѣ обучена, св. церкви и тайнствъ не признавала, а молилась Богу духомъ и истиною; повинную принесла только послѣ четвертой пытки.

Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. IV, стр. 263.—Архивъ Мпп. Юстиціи — дѣло Тайн. Преображен. приказа.—Правос. Богослов. энциклопедія, т. V.

К. Здр—въ.

Зиминъ (Глѣбовъ), Иоаннъ Алексеевичъ, протоіерей, проф. богословія въ Харьковскомъ университетѣ, сынъ священника о. Алексѣя Глѣбова, родился въ 1789 г. въ селѣ Зиминѣ, Михайловскаго уѣзда, Рязанской губерніи; отъ этого села онъ носилъ и свою фамилію. Образование получилъ въ Рязанской семинаріи, а затѣмъ въ Московской духовной академіи, куда былъ отправленъ въ 1816 г. по требованію комитета духовныхъ училищъ. По окончаніи академіи З—нъ въ 1820 г. академическою конференціею возведенъ былъ въ степень магистра и опредѣленъ въ Харьковскій коллегіумъ учителемъ церковной исторіи и французскаго языка. Рукоположенный въ 1823 г. въ діаконъ и въ томъ же году въ священники къ Харьковскому Успенскому собору, онъ въ 1827 г. былъ назначенъ законоучителемъ въ Харьковскую гимназію, а 1831 г. въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ, по повелѣнію государя, былъ награжденъ брильянтовымъ перстнемъ и наперстнымъ крестомъ. Въ 1835 г. состоялось назначеніе его на должность ректора духовныхъ училищъ, а въ 1837 г.—на должность профессора Харьковскаго университета по каедрѣ догматическаго и нравственнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія. «Лекціи Зимина, по отзыву бывшихъ его слушателей, отличались простыми, яснымъ изложеніемъ, выражали полную сердечную вѣру лектора въ то, что имъ излагалось; но для высшаго учебнаго заведенія онѣ были нѣсколько элементарны, недостаточно обоснованы, а потому слушателей не вполне удовлетворяли; замѣнъ того, убѣжденный преподаватель христіанскаго закона привлекалъ къ себѣ всѣхъ самою личностію своею, полною кротости и добросердечія». Прослуживъ до 1850 г., З—нъ,

согласно прошенію, былъ уволенъ въ 1850 г. отъ службы въ университетѣ. Годъ смерти его неизвѣстенъ. Послѣ него не осталось никакихъ ученыхъ трудовъ ни въ печати, ни въ рукописи; равнымъ образомъ не сохранилось и ни одной проповѣди.

«Историко - филологическій факультетъ Харьковского университета за первые 100 лѣтъ его существованія (1805—1905). Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей», стр. 4—5. Харьковъ. 1908 г.

Мисс-съ.

Зимлеръ, Иосифъ (1823—1868), варшавскій живописецъ, ученикъ Мюнхенской академіи художествъ, съ 1867 года былъ избранъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Петроградской Академіи Художествъ. Изъ его картинъ наибольшую извѣстностью пользуются: «Клятва королевы Ядвиги» и «Смерть князя Радзивилла».

Отчетъ Имп. Ак. Худ. за 1868 г.

П. С.

Зимулинъ, Петръ Васильевичъ, художникъ-акварелистъ, ученикъ Э. Бруни. Былъ крѣпостнымъ тайнаго совѣтника и кавалера Александра Никифоровича Скребицкаго, которымъ отпущенъ былъ на волю, 3 февраля 1844 года, 23 лѣтъ, такъ какъ обнаруживалъ недюжинныя способности къ рисованію. Получивъ отпускную, 3—линь поступилъ въ Академію Художествъ въ классъ профессора Э. Бруни. Въ 1850 году онъ представилъ для полученія званія свободнаго художника картину «Велизарій съ проводникомъ», но картина была признана не удовлетворяющей требованіямъ, и черезъ два года, въ 1852 году, 3—линь представилъ уже три акварельные портрета, за которые 28 сентября 1852 года ему было присуждено званіе некласснаго художника.

Архивъ Академіи Художествъ, дѣло № 35. — «Сѣверная Пчела» 1852 г., № 223, стр. 911.

П. С.

Зининъ, Николай Николаевичъ, ученый и профессоръ, академикъ Петроградской медико-хирургической академіи, ординарный академикъ Академіи Наукъ, профессоръ Казанскаго университета и Медико-хирургической академіи, тайный совѣтникъ, кавалеръ орденовъ до Бѣлаго Орла включительно.

Зининъ родился въ городѣ Шупшѣ 13 августа 1812 года. Родители его вскорѣ

скончались, также какъ и двѣ его старшихъ сестры; одинокаго мальчика приютилъ у себя дядя, жившій въ Саратовѣ; здѣсь протекла молодость Н. Н-а, здѣсь же онъ получилъ образованіе въ гимназій. По своимъ способностямъ и успѣхамъ онъ рѣзко выдѣлялся среди товарищей, нерѣдко обращавшихся къ нему за помощью, особенно по латинскому языку, который Н. Н. зналъ въ совершенствѣ. Сохранились свѣдѣнія о диспутахъ, устраивавшихся между Н. Н-мъ и лучшимъ латинистомъ Саратовскаго духовнаго училища; въ этихъ преніяхъ Н. Н. всегда оставался побѣдителемъ. Гимназическое начальство считало его лучшимъ ученикомъ, и учителя всегда вызывали его къ отвѣту при почетныхъ посѣтителяхъ гимназій; на одномъ изъ экзаменовъ присутствовалъ Саратовскій губернаторъ и настолько пораженъ былъ отвѣтами Н. Н-а, что самъ предложилъ нѣсколько вопросовъ, на которые получилъ столь же прекрасные отвѣты.

Н. Н. обладалъ большой физической силой и любилъ заниматься гимнастикой. Будучи еще въ гимназій, онъ нерѣдко дѣлалъ ботаническія экскурсіи, продолжавшіяся иногда по цѣлымъ днямъ; эта любовь къ естественнымъ наукамъ несомнѣнно имѣла большое вліяніе на дальнѣйшую жизнь его. По окончаніи гимназій Н. Н. началъ готовиться къ поступленію въ институтъ инженеровъ путей сообщенія; но смерть дади заставила его оставить этотъ планъ и выбрать для продолженія образованія болѣе доступный по его скромнымъ денежнымъ средствамъ Казанскій университетъ.

Въ 1830 году Н. Н. поступилъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета. Въ то время въ Казанскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ недавно открытыхъ провинціальныхъ университетахъ, главное вниманіе обращалось на гуманитарныя науки, естественныя же стояли на послѣднемъ планѣ; но въ Казанскомъ университетѣ математика и астрономія поставлены были хорошо и преподавались европейски извѣстными профессорами. Поэтому неудивительно, что Н. Н. увлекся изученіемъ математики подъ руководствомъ Ник. И. Лобачевского; астрономію онъ проходилъ у проф. Симонова. Профессора обратили вниманіе на выдающіяся дарованія Н. Н-а, также

какъ и тогдашній попечитель Казанскаго учебнаго округа—Мих. Ник. Мусинъ-Пушкинъ (впослѣдствіи попечитель Петроградскаго учебнаго округа), дѣтямъ котораго Н. Н. давалъ уроки. 30 іюня 1832 года Н. Н. получилъ золотую медаль «за отлично-хорошіе успѣхи и поведеніе». Химію въ то время читалъ Ив. Ив. Дунаевъ—какъ теоретическую, такъ и техническую. Судя по программамъ его курсовъ, теоретическое преподаваніе химіи было поставлено сравнительно хорошо; но практическія работы почти совершенно отсутствовали и лишь съ 1832 года были устроены обязательныя занятія «химической практикой», два раза въ недѣлю по 2 часа. Лабораторія Казанскаго университета въ то время помѣщалась въ главномъ корпусѣ и была оборудована всѣмъ необходимымъ.

Повидному, въ университетѣ Н. Н. усердно занимался и химіей, хотя никакихъ свѣдѣній объ этомъ не сохранилось; но не подлежитъ сомнѣнію, что полученная имъ здѣсь основательная химическая подготовка позволила ему впослѣдствіи выдвинуться именно какъ химику. Онъ окончилъ курсъ (въ то время трехлѣтній) 24 іюня 1833 года со степенью кандидата и съ золотой медалью за сочиненіе «О пертурбаціяхъ эллиптическаго движенія планетъ».

Послѣ окончанія университета Н. Н.-у предложили отправиться въ Дерптъ для подготовки къ профессорскому званію въ тамошнемъ профессорскомъ институтѣ; но онъ предпочелъ остаться въ Казани и, по предложенію проф. физики Кнорра, былъ назначенъ 9 сентября 1833 года «репетиторомъ при профессорѣ физики». Какъ выдающемуся математику, Н. Н.-у было затѣмъ поручено преподаваніе аналитической механики, и съ этого момента (5 марта 1834 года) онъ состоялъ на дѣйствительной государственной службѣ. За это преподаваніе университетъ объявилъ ему благодарность, а съ 7 сентября онъ началъ преподавать еще гидростатику и гидродинамику и, кромѣ того, астрономію; онъ же велъ и магнитныя наблюденія.

Какъ уже сказано, во время студенчества Н. Н.-а химію въ Казанскомъ университетѣ читалъ одинъ проф. И. И. Дунаевъ. Въ 1833 и 1834 годахъ назначали конкурсъ на свободную кафедру химіи, но безрезультатно: представляе-

мая для соисканія ея сочиненія оставались неодобренными. Вѣроятно, это обстоятельство и послужило причиною того, что Н. Н.-у было поручено 12 августа 1835 года преподаваніе чистой химіи, въ помощь И. И. Дунаеву. Еще передъ этимъ Н. Н. началъ усиленно готовиться къ экзамену на степень магистра физико-математическихъ наукъ и началъ сдавать его весной 1835 г.

Магистерскій экзаменъ въ то время производился гораздо строже, чѣмъ теперь: въ первый день экзамена, 17 апрѣля 1835 г., Н. Н.-у было предложено 18 вопросовъ по разнымъ отраслямъ математики; 18-го было письменное испытаніе, при чемъ отвѣты писались Н. Н.-мъ въ теченіе семи дней, подъ наблюденіемъ одного изъ членовъ факультета. 26 апрѣля—устный экзаменъ по прикладной математикѣ; 27-го—письменный, отвѣтъ на вопросы потребовалъ трехъ дней; 3 мая—устное испытаніе по астрономіи (13 вопросовъ); 4-го—письменное, законченное въ три дня. Наконецъ 13 мая—устное по химіи (9 вопросовъ); 17—письменное, при чемъ было предложено два вопроса: о селитротворѣ и химическихъ соединеніяхъ его съ кислотворомъ и объ углетворѣ и соединеніяхъ его съ кислотворомъ. Отвѣтъ былъ написанъ только къ 22 мая. Послѣ благополучнаго окончанія всѣхъ этихъ испытаній факультетъ предложилъ слѣдующую тему для диссертациі: «О явленіяхъ химическаго средства и о превосходствѣ теоріи Берцеліуса о постоянныхъ химическихъ пропорціяхъ передъ химическою статикою Вертоллета». Эту работу (повидному не сохранившуюся) Н. Н., вѣроятно, сдѣлалъ еще въ прежней маленькой лабораторіи Казанскаго университета, такъ какъ постройка новой химической лабораторіи началась 19 сент. 1834 года и была окончена въ 1837 году. Диспутъ состоялся 31 октября 1836 года и закончился присужденіемъ Н. Н.-у степени магистра естественныхъ наукъ.

Тѣмъ временемъ былъ введенъ новый университетскій уставъ 1835 года, И. И. Дунаевъ былъ уволенъ «за реформой» и кафедрѣ химіи занялъ К. К. Клаусъ, приглашенный изъ Дерпта, выдающійся химикъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ главнымъ образомъ своими изслѣдованіями Уральскихъ платиновыхъ металловъ, произведен-

ными въ химической лабораторіи Казанскаго университета. По полученіи степени магистра Н. Н. былъ избранъ адъюнктомъ по кафедрѣ химіи, утвержденъ 1 августа 1837 года и посланъ въ заграничную командировку на два года съ ученою цѣлью для подготовки къ химической профессурѣ; въ послѣдствіи командировка была продолжена еще на одинъ годъ.

Пребываніе за границей оказало огромное вліяніе на Н. Н.-а. Прежде всего онъ остановился въ Берлинѣ, гдѣ въ университетѣ слушалъ естественныя науки, особенно же химію у Митчерлиха и Розе, при чемъ усердно посѣщалъ частныя ихъ лекціи и работалъ въ лабораторіи. Весною 1838 года онъ посѣтилъ университеты въ Гиссенѣ, Цюрихѣ, Мюнхенѣ, Галле, Прагѣ и къ зимѣ снова вернулся въ Берлинъ для занятій у проф. Эрэнберга, Швана, I. Мюллера; онъ интересовался и медициной, подъ вліяніемъ своихъ товарищей — русскихъ врачей — посѣщалъ клиники и больницы.

Весною 1839 года онъ перешелъ въ Гиссенъ, къ Либиху, гдѣ слушалъ органическую химію и цѣлый годъ работалъ подъ руководствомъ Либиха въ его лабораторіи: такимъ образомъ и Н. Н.-а надо считать ученикомъ Гиссенской химической школы, давшей столько знаменитостей. Первые опубликованныя имъ изслѣдованія были сдѣланы въ этой лабораторіи и дали матеріалъ для докторской диссертациі. Въ то же время онъ не оставлялъ и другихъ отраслей естественныхъ наукъ, знакомился съ анатоміей, физикой, технологіей. Въ 1840 году Н. Н. посѣтилъ университеты Эльзаса, Швейцаріи, южной Франціи, затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ работалъ въ Парижѣ у проф. Пелуза, а оттуда возвратился осенью въ Петроградъ.

Съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія Н. Н. остался въ Петроградѣ, чтобы подвергнуться испытанію при мѣстномъ университетѣ на степень доктора. Уже 30 января 1841 года онъ защитилъ докторскую диссертацию «О соединеніяхъ бензоила и объ открытыхъ новыхъ тѣлахъ, относящихся къ бензольному ряду» и былъ утвержденъ 6 марта въ степени доктора по разряду естественныхъ наукъ.

По возвращеніи въ Казань Н. Н. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ 5 июня 1841 года и ординарнымъ 15 декабря 1845 года. Несмотря на то,

что ему была поручена кафедра химической технологии, онъ читалъ больше теоретическую, чѣмъ техническую химію, послѣднюю же исключительно на математическомъ отдѣленіи, по 2 часа въ недѣлю; Н. Н. первый въ Казани началъ преподавать курсъ аналитической химіи — на обоихъ отдѣленіяхъ математическаго факультета, — а кромѣ того читалъ общую химію на камеральномъ отдѣленіи юридическаго факультета и въ теченіе года специальный курсъ животныхъ тѣлъ четвертому курсу естественниковъ. На 1847—1848 учебный годъ Н. Н. и К. К. Клаусъ подѣлили между собою преподаваніе химіи такъ, что первый взялъ себѣ органическую, а второй неорганическую химію; но въ этомъ же году 6 января Н. Н. оставилъ Казанскій университетъ, и эта программа преподаванія не была осуществлена.

Очень много времени посвящалъ Н. Н. и работамъ въ химической лабораторіи Казанскаго университета, которая съ 1838 года помѣщалась въ новомъ отдѣльномъ зданіи, въ семи комнатахъ нижняго этажа, и, какъ говорилъ К. К. Клаусъ, могла смѣло соперничать съ заграничными лабораторіями; но помѣщеніе вскорѣ оказалось слишкомъ тѣснымъ, а годовое содержаніе ея (444 руб. 28 коп. серебромъ) и въ то время было уже совершенно недостаточнымъ. Подъ руководствомъ Н. Н.-а работали студенты, дѣлавшіе не только изслѣдованія на его темы, но и повторявшіе чужіе опыты, коими почему-либо интересовался Н. Н. Само собою разумѣется, что при разнообразныхъ опытахъ студенту приходилось знакомиться съ различными отдѣлами органической химіи, работать все время вмѣстѣ съ профессоромъ, чѣмъ возбуждался и постоянно поддерживался въ учащихся живой интересъ къ дѣлу.

Я не могу не привести здѣсь описанія работы въ лабораторіи Н. Н.-а, принадлежащаго его ученику А. М. Бутлерову: «Въ лабораторіи Н. Н. держалъ себя съ руководимыми имъ практикантами совѣмъ по-товарищески. Къ тѣмъ изъ нихъ, къ которымъ онъ былъ особенно расположенъ, онъ зачастую обращался съ патріархальною безцеремонностью на «ты»; но это обращеніе никогда никто не считалъ унижительнымъ, въ немъ слышалось не начальническое пренебреженіе, а родственная теплота. И теплота искреннихъ отно-

шений, дѣйствительно, несомнѣнно связывала профессора съ учениками. Иногда и доставало молодежи отъ Н. Н-а, когда она того заслуживала, и доставалось подчасъ ни на однихъ словахъ—полусутильная брань сопровождалась колотушкой. Никто этимъ не обижался, вполне позволялось тѣмъ же самымъ отвѣчать и профессору, но охотниковъ на такіе отвѣты бывало мало, потому что попытавшемуся обыкновенно приходилось раскаиваться. Одаренный замѣчательной мускульной силой, Н. Н. въ такихъ случаяхъ сжималъ противника, какъ въ тискахъ, и ему доставалось препорядочно. Все это сопровождалось смѣхомъ обѣихъ сторонъ и присутствующихъ... Такъ какъ утромъ, до обѣда, Н. Н. возился и со своими изслѣдованіями, и съ учениками, то успѣвать дѣлать органическіе анализы въ это время онъ уже не могъ. Для нихъ отводились, время отъ времени, особые послѣобѣденные часы. Въ такихъ случаяхъ Н. Н. поручалъ съ утра служителю приготовить печи и запасъ углей, отправлялся обѣдать пораньше и часа въ три уже принимался за сожиганіе въ особомъ помѣщеніи, въ такъ называемой бѣлой лабораторіи. Современная счастливая химическая молодежь, пользующаяся газомъ и не испытывавшая сожженія на угляхъ, едва ли можетъ представить себѣ достаточно ясно всю копотливую тяжесть такой работы, соединенной съ постепеннымъ внимательнымъ подкладываніемъ горящихъ углей. Безъ сюртука, съ раскраснѣвшимъ лицомъ, и химической книгой или журналомъ въ рукахъ, сидѣлъ Н. Н. за своей работой, и тутъ, въ послѣобѣденные часы, наглядно участь пріемамъ анализа, мы пользовались въ то же время властью, на просторѣ, его жавой, увлекательной бесѣдой».

Лекціи Н. Н-а пользовались большимъ успѣхомъ: живая, образная рѣчь ярко рисовала въ воображеніи слушателей излагаемое; высокій тонъ, отчетливая дикція, умѣнне освѣщать важныя стороны предмета—все это увлекало слушателей. Вниманіе ихъ приковывалось и наружностью профессора: «его фигура средняго роста, широкоплечая и широкогрудая съ одушевленнымъ лицомъ, живымъ пронзительнымъ взглядомъ, съ черными довольно длинными волосами, зачесанными съ высокаго лба назадъ и немного на правую сторону, дышала энергіей; онъ говорилъ обыкновенно стоя и сначала до конца

держалъ слушателей подъ обаяніемъ своей рѣчи».

Въ то же время Н. Н. былъ центромъ, около котораго собирались не только химики, но и интересующіеся естественными науками вообще, и всѣмъ онъ умѣлъ сообщить что-либо новое, дать новую точку зрѣнія, помочь совѣтомъ въ работѣ. Н. Н. пользовался расположеніемъ и уваженіемъ Казанскаго общества, какъ русскій ученый, имѣвшій за собою дѣйствительныя научныя заслуги, для котораго выше всего была наука, равнодушный ко всякимъ внѣшнимъ отличіямъ.

Въ бытность свою въ Казани, въ 1845 году, Н. Н. женился на пожилой вдовѣ, имѣвшей двухъ взрослыхъ сыновей; отъ этого брака онъ не имѣлъ дѣтей и черезъ годъ или два потерялъ жену. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, уже по оставленіи Казани, Н. Н. вступилъ въ бракъ второй разъ; семейная жизнь подарила ему двухъ сыновей и двухъ дочерей. Изъ сыновей слѣдуетъ назвать Николая Н-а, даровитаго математика, унаслѣдовавшаго любовь къ любимой наукѣ отца.

26 января 1848 года Н. Н. былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ Петроградской медико-хирургической академіи. За 9 лѣтъ передъ этимъ академія изъ министерства внутреннихъ дѣлъ перешла въ вѣдѣніе военнаго министерства, по департаменту военныхъ поселеній. Этотъ переходъ положилъ начало періоду быстрого развитія академіи, какъ высшаго учебнаго заведенія: этому способствовали какъ рядъ мѣропріятій, поднявшихъ благосостояніе ея, такъ и приглашеніе многихъ выдающихся профессоровъ изъ русскихъ университетовъ. Послѣдному нѣрѣдко противодѣйствовалъ министръ нар. проsv., гр. С. С. Уваровъ, но въ концѣ концовъ переходъ всегда осуществлялся благодаря стараніямъ военнаго министра, кн. Ал. Ив. Чернышева. Инициатива приглашенія университетскихъ профессоровъ исходила отъ конференціи академіи; такимъ путемъ пользовались въ то время преимущественно передъ объявленіемъ конкурса на освободившіяся каѳедры.

По переходѣ въ Медико-хирургическую академію Н. Н. быстро достигъ того, что преподаваніе химіи въ ней соответствовало тогдашнему развитію науки и достоинству высшаго учебнаго заведенія. Онъ предложилъ конференціи на первомъ курсѣ

читать неорганическую и аналитическую химию, на втором—химию органических телъ съ приложеніемъ ея къ физиологій и патологій. Каедрѣ, которую занялъ Н. Н., была официально каедрой химіи и физики; физику читалъ адъюнктъ этой каедры А. А. Измайловъ (по 3 лекціи по 1½ часа въ недѣлю); неорганической химіи было двѣ, аналитической три полтора-часовыхъ лекціи въ недѣлю.

Въ своихъ лекціяхъ Н. Н. неуклонно проводилъ точку зрѣнія, которой всегда старался придерживаться и въ другихъ сферахъ своей академической дѣятельности, что медицина есть приложеніе естествознанія къ вопросу о сохраненіи и восстановленіи здоровья; естественныя науки должны поэтому быть предметами перво-степенными, и медикъ долженъ главнымъ образомъ усвоить общій строй ихъ, методы и приемы изслѣдованія. Онъ считалъ, что основными науками въ высшей медицинской школѣ должны быть химія и физика: поэтому программа его курса отвѣчала объему курса химіи на физико-математическомъ факультетѣ университета, и онъ не скупился на новыя идеи, развивая ихъ на своихъ лекціяхъ со всѣмъ присущимъ ему талантомъ.

Какъ и въ Казани, Н. Н. въ Медико-хирургической академіи всегда настаивалъ на необходимости для студентовъ самимъ поработать самостоятельно надъ какимъ-нибудь вопросомъ, вполне понимая всю важность этого для хорошаго усвоения и правильной оцѣнки успѣховъ и развитія науки. Но на дѣлѣ осуществить это было не легко—по крайней мѣрѣ по химіи; вотъ какъ описываетъ обстановку, въ которой трудился Н. Н., одинъ изъ его учениковъ—А. П. Бородинъ: «На химию ассигновалось въ годъ рублей 30, съ правомъ требовать еще столько же въ теченіе года. Прибавимъ, что это были времена, когда въ Петербургѣ нельзя было найти въ продажѣ пробирнаго цилиндра, когда приходилось самому дѣлать каучуковыя смычки и т. д. Лабораторія академіи представляла двѣ грязныя, мрачныя комнаты со сводами, каменнымъ поломъ, нѣсколькими столами и пустыми шкафами. За неимѣніемъ тяговыхъ шкафовъ, перегонки, выпариваніе и проч. зачастую приходилось дѣлать на дворѣ, даже зимою. Объ организованныхъ практическихъ занятіяхъ не могло быть и

рѣчи. Но и при этихъ условіяхъ у Н. Н. находились всегда охотники работать. Человѣкъ пять—шесть всегда работало, частью на собственные средства, частью на личныя средства Н. Н.-а. Такъ продолжалось до начала шестидесятыхъ годовъ... Несмотря на свою неприглядность, лабораторія тогда была сборнымъ пунктомъ молодыхъ ученыхъ, исправно навѣщавшихъ радушнаго хозяина лабораторіи... Лабораторія превращалась въ миниатюрный химическій клубъ, въ импровизированное засѣданіе химическаго общества, гдѣ жизнь молодой русской химіи кипѣла влечемъ, гдѣ велись горячіе споры, гдѣ хозяинъ, увлекаясь самъ и увлекая своихъ гостей, громко, высокимъ теноромъ, съ жаромъ развивалъ новыя идеи и, за неимѣніемъ мѣла и доски, писалъ пальцемъ на пыльномъ столѣ уравненія тѣхъ реакцій, которымъ впоследствии было отведено почетное мѣсто въ химической литературѣ... Мнѣ живо вспоминается, какъ бывало Н. Н. приносилъ въ лабораторію идиотскій проиллениль... и десятокъ яблокъ, купленныхъ имъ мимоходомъ на Сампсоніевскомъ мосту и тщательно завязанныхъ въ платочекъ: дружеское угощеніе студенту за помощь въ работѣ, чтобы не скучно было. Мнѣ живо помнятся его веселья, чисто товарищескія и большею частью всегда поучительныя бесѣды со студентами; дружескія побранки и даже колотушки, когда кто-нибудь зазѣвается во время работы, напортишь что-нибудь или скажетъ какую-нибудь глупость».

Великія преобразовательныя реформы, начавшіяся по воцѣствованіи на престолѣ имп. Александра II, коснулись также и Медико-хирургической академіи. Въ началѣ 1857 года президентомъ ея былъ назначенъ П. Ал. Дубовицкій, при которомъ и былъ произведенъ рядъ важныхъ преобразованій. Н. Н., въ качествѣ непремѣннаго секретаря академіи (онъ состоялъ таковымъ съ 1852 года въ теченіе 12 лѣтъ), вмѣстѣ съ вице-президентомъ И. Т. Глѣбовымъ, принялъ самое дѣятельное участіе въ работахъ П. А. Дубовицкаго, стремившагося сдѣлать академію образцовымъ высшимъ медицинскимъ учебнымъ заведеніемъ путемъ созданія трехъ самостоятельныхъ институтовъ: естественно-историческаго, анатомо-физиологическаго и клиническаго, дѣятельность коихъ напра-

влялась бы къ одной общей цѣли — къ одновременному параллельному развитію и разработкѣ естественныхъ и медицинскыхъ наукъ. Такимъ образомъ естественныя науки должны были играть важную роль въ медицинскомъ образованіи; но въ то время были только двѣ каѳедры этихъ наукъ: а) физики и химіи и б) естественной исторіи. Поэтому уже въ 1858 году были вмѣсто нихъ учреждены 4 каѳедры: а) химіи, б) физики, в) сравнительной анатоміи и г) ботаники. А для помѣщенія соответствующихъ лабораторій и кабинетовъ было возведено на берегу Невы, у Литейнаго моста, новое зданіе — естественно-историческій институтъ Медико-хирургической академіи.

Для ознакомленія съ новѣйшими лабораторіями и новыми теченіями въ дѣлѣ преподаванія естественныхъ наукъ Н. Н. былъ командированъ за границу, съ 27 апрѣля по 8 іюня 1860 года; по возвращеніи его былъ выработанъ проектъ внутренняго устройства естественно-историческаго института тѣми профессорами, которые должны были имѣть въ немъ свои кабинеты; для ихъ оборудованія было ассигновано 45000 рублей. Далѣе, во исполненіе своей программы, А. П. Дубовицкій создалъ анатомио-физиологическій институтъ, а столь необходимыя клиники и госпитали были перестроены и частью возведены вновь. Было имъ также обращено особое вниманіе на преподаваніе; здѣсь очень важную мѣрку являлось образованіе института частныхъ преподавателей для чтенія лекцій, а также учрежденіе врачебнаго института, въ составъ коего ежегодно зачислялись десять лучшихъ окончившихъ курсъ медиковъ (съ 1865 года выборъ производился на основаніи письменнаго конкурснаго испытанія).

Въ 1856 году Н. Н. получилъ званіе академика (условіями для полученія этого званія были: 10-лѣтняя ординатура, выдающаяся преподавательская дѣятельность, новыя открытія и работы въ своей спеціальности). Вотъ какъ характеризуетъ Н. Н.-а въ это время А. П. Бородинъ: «Заваленный постоянно массою дѣла самаго разнообразнаго — лабораторнаго, ученаго, учебнаго, канцелярскаго, — обложенный книгами, журналами, протоколами, отчетами и проч., Н. Н., благодаря необыкновенной живости, энергіи и рѣдкому

умѣнію пользоваться временемъ, успѣвалъ управляться со всеѣмъ этимъ. Сильный духомъ и тѣломъ, вѣчно бодрый и веселый, онъ умѣлъ дѣлать свое время между аудиторіей, кабинетомъ, канцеляріей, безчисленными засѣданіями, комитетами и комиссіями, переходя непрерывно отъ одного дѣла къ другому; отдыхъ заключался для него собственно только въ перемѣнѣ рода занятій. При массѣ обязательнаго дѣла онъ находилъ всегда время читать и слѣдить, не говоря уже о своей спеціальности, за движеніемъ самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія, текущей литературы, общественной жизни и т. д., и сверхъ того успѣвалъ удѣлять еще время всякому, кто въ немъ нуждался. А кто только въ немъ не нуждался? Благодаря обширнымъ свѣдѣніямъ и феноменальной памяти, онъ былъ живою ходячею справочною энциклопедіею по всевозможнымъ отраслямъ знанія. Къ нему обращались за справками о новыхъ открытіяхъ въ области химіи, физики, технологіи, фармаціи, физиологіи, сравнительной анатоміи, минералогіи, и проч., — за указаніемъ литературныхъ источниковъ по разнымъ научнымъ вопросамъ вообще, — за разъясненіемъ недоразумѣній и противорѣчій въ ученой литературѣ, — за темами для диссертаций и ученыхъ работъ, — за практическими совѣтами, какъ обойти затрудненіе при добываніи того или другаго продукта или при обращеніи съ какимъ-либо новымъ приборомъ, — наконецъ даже за указаніемъ, какъ инъцировать какого-нибудь рака, ящерицу или черепаху и т. д. Къ нему шли за оцѣнкой достоинства только что вышедшей книги, когда не имѣли еще времени прочесть ее, зная навѣрное, что Н. Н. успѣлъ уже посмотреть ее основательно. Къ нему же шли и за справкой о какой-нибудь статьѣ закона, предписаніи, циркулярѣ, приказѣ министра, которыхъ никто изъ присяжныхъ законниковъ не зналъ, не помнилъ, не понималъ или не умѣлъ разъяснить. Наконецъ къ нему шли за совѣтомъ и по житейскимъ вопросамъ, когда нужно было выручить бѣдняка студента или врача, которыхъ заѣдаетъ нужда или надъ которымъ стряслась какая-нибудь бѣда, — словомъ, когда была нужна помощь человѣку, нравственная или матеріальная.

«Въ высшей степени добрый, гуманный, доступный для всѣхъ и cadaго, всегда

готовый помочь словомъ и дѣломъ—Н. Н. никогда никому не отказывалъ. Его теплое участіе къ людямъ, желаніе и умѣние помочь каждому, принести возможную пользу,—его крайняя простота въ обращеніи, привѣтливость, радушіе—скоро сдѣлали его имя однимъ изъ самыхъ популярныхъ въ медико-хирургической академіи. Онъ удивительно умѣлъ внушать довѣріе, любовь и уваженіе. Но если личныя качества создавали ему и преданныхъ друзей, то личныя же качества дѣлали ему не мало и враговъ, какъ человѣку и дѣятелю. Страстная и горячая натура его не выносила ни въ чемъ пошлости, тщеславія, невѣжества, бездарности, не терпѣла ничего рутиннаго, мелкаго, ни въ наукѣ, ни въ жизни. Проницательный умъ его сразу угадывалъ эти элементы, какъ бы ни были они искусно замаскированы и какимъ бы авторитетомъ ни покрывались. Остроумный до фдкости, онъ мѣтко и беспощадно клеймилъ ихъ всюду, гдѣ бы ни встрѣтилъ. Онъ умѣлъ иногда однимъ словомъ разсѣять густой туманъ ложной учености и разоблачить во всей наготѣ бездарность и невѣжество, которыя подъ нимъ скрывались. Оскорбленные самолюбія, развѣнчанные боги и жрецы ихъ, разумѣется, никогда не могли простить ему этого, и мстили при каждомъ удобномъ случаѣ.

«Горячій патриотъ, глубоко и разумно любившій Россію, понимавшій и принимавшій къ сердцу ея интересы, Н. Н. по своему положенію прежде всего ревностно отстаивалъ автономію русской науки и умственного развитія русскаго человѣка. Сталкиваясь въ своей дѣятельности съ административными и общественными элементами, личныя симпатіи или интересы которыхъ шли въ разрѣзъ съ его направленіемъ, онъ волею-неволею долженъ былъ вступать въ борьбу за дорогіе для него принципы. Побѣдившій или побѣжденный, со щитомъ или на щитѣ, онъ все-таки наживалъ себѣ непримиримыхъ враговъ. И онъ былъ имъ тѣмъ ненавистнѣе, что принадлежалъ къ бойцамъ недюжиннымъ. Щедро одаренный природными качествами—живымъ, свѣтымъ умомъ, находчивостью, быстрымъ соображеніемъ, страстностью и энергіей, во всеоружіи знанія, опытности и блестящей діалектики—онъ представлялъ всегда опаснаго противника».

Каедру химіи, учрежденную среди другихъ новыхъ кафедръ естественныхъ наукъ въ Медико-хирургической академіи, конечно, занялъ Н. Н.; на первомъ курсѣ онъ читалъ два раза въ недѣлю неорганическую химію, а на второмъ—тоже два раза въ недѣлю—органическую и аналитическую химію. Съ 1862 года онъ передалъ преподаваніе органической химіи А. П. Бородину. Когда въ 1863 году была открыта новая химическая лабораторія, онъ велъ въ ней занятія студентовъ по аналитической химіи. Въ 1864 году, за выслугой тридцати лѣтъ, Н. Н. освободилъ кафедру химіи, но по Высочайшему повелѣнію остался при Медико-хирургической академіи, какъ «директоръ химическихъ работъ», и до 1874 года руководилъ занятіями по аналитической химіи и лабораторными работами старшихъ студентовъ и врачей, прикомандированныхъ къ академіи. Кроме того, онъ прочелъ, по просьбѣ слушателей, курсъ исторіи химіи—тѣмъ болѣе интересной, что Н. Н. самъ былъ участникомъ тѣхъ реформъ, которыя въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія совершенно преобразовали эту науку и положили основаніе небывалому развитію химіи, продолжающемуся и до сихъ поръ.

Въ новой лабораторіи Мед.-хир. академіи Н. Н. почти вовсе не работалъ надъ собственными изслѣдованіями: самъ онъ имѣлъ обыкновеніе работать въ домашней лабораторіи. «Это была крохотная комнатка при его частной квартирѣ на Петербургской сторонѣ. Установленная разнокалиберными простыми столиками, она была загромождена сверху до низу. Чего только тутъ не было! Всѣ углы, полъ, столы, окна завалены были, по обыкновенію, книгами, журналами, образцами товаровъ, минералами, бутылками, кирпичами, битыми оконными стеклами, канцелярскими бумагами и проч. Всѣ столы были уставлены сплошь примитивной химической посудой всякаго рода съ обрывочками цѣдильной бумаги подъ нею; на такихъ обрывочкахъ покойный имѣлъ обыкновеніе записывать карандашомъ свои замѣтки и результаты опытовъ. Тутъ же стояли разные самодѣльные приборы, составленные изъ всевозможныхъ трубочекъ, шнурочковъ, пробочекъ, аптекарскихъ баночекъ и коробочекъ,—импровизированные стивы, и, какъ контрастъ, необходимые предметы

научной роскоши: Эртлинговскіе вѣсы, микроскопъ Шика, спиртовая печь Гесса для органическаго анализа, эолипилъ, замѣнявшій собою паяльный столъ. Тутъ же были банки съ мелкими животными въ спирту, восковыя ванночки, инструменты для препарованія — свидѣтели, что въ Н. Н.—ѣ не остыла еще страсть къ сравнительной анатоміи, которой онъ по временамъ отдавалъ свои досуги и мимоходомъ училъ своихъ учениковъ. Роль тяготяго шкафа исполняла обыкновенная голландская печь и, нужно сказать правду, исполняла плохо.

«Казалось, на столахъ не было мѣста, куда пригнать маленькую пробирку; тѣмъ не менѣе, по волѣ хозяина, всегда отыскивалось мѣсто еще для новыхъ подобныхъ приборовъ и банокъ. Ничья рука не имѣла права нарушать порядка въ этомъ безпорядкѣ. И въ такой-то архаической обстановкѣ покойный дѣлалъ тѣ изящныя и поразительно точныя изслѣдованія, которыя открыли ему съ почетомъ двери въ европейскія академіи и поставили его имя наряду съ крупнѣйшими именами западныхъ химиковъ.

«Въ это святилище науки допускались, впрочемъ, ученики, когда имъ нужно было дѣлать сжиганія, точныя опредѣленія и т. д. Прийти къ Н. Н.—у дѣлать анализъ значило — по-пріятельски пообѣдать съ нимъ, напиться чаю и, кромѣ драгоценныхъ указаній касательно анализа, вынести мимоходомъ кучу свѣдѣній по химіи, физикѣ, зоологіи, сравнительной анатоміи, математикѣ и т. д. — свѣдѣній, которыхъ порой нельзя было почерпнуть ни въ одномъ изъ учебниковъ».

Въ началѣ января 1874 года Н. Н. былъ уволенъ въ отставку и оставилъ Медико-хирургическую академію. Кромѣ уже упомянутыхъ главныхъ моментовъ его дѣятельности въ ней, можно еще упомянуть, что онъ, кромѣ химіи, читалъ съ 1853 по 1859 годъ минералогію и геологію за уходомъ проф. Эйхвальда; участвовалъ въ очень многихъ комиссіяхъ, въ 1852 году былъ командированъ съ академикомъ Дубасовымъ на Кавказъ для изслѣдованія минеральныхъ водъ и грязей, принималъ участіе въ составленіи фармакопеи, въ 1856 году былъ избранъ совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго совѣта, въ 1851 г. — членомъ Общества русскихъ врачей, непремѣннымъ членомъ

Военно-медицинскаго ученаго комитета (1860), почетнымъ членомъ Казанскаго университета (1860), членомъ Минералогическаго, Вольнаго Экономическаго и другихъ ученыхъ обществъ.

Въ 1855 году Р. Х. Ленцъ, Б. С. Якоби и Ю. Ф. Фрицше предложили Н. Н.—а адъюнктомъ по физико-математическому классу Имп. Академіи Наукъ; 11 мая онъ былъ единогласно избранъ въ физико-математическомъ отдѣленіи, а 2 іюня 1855 года — въ общемъ собраніи Академіи Наукъ. Любопытна сиравка о получавшемся Н. Н.—мъ въ этомъ году вознагражденіи: какъ адъюнктъ Академіи онъ получалъ 714 руб. 80 коп., какъ профессоръ Медико-хирургической академіи 1428 р. 57к., какъ непремѣнный секретарь ея 285 р. и квартирныхъ 285 р. Экстраординарнымъ академикомъ онъ былъ избранъ 2 мая 1858 года, ординарнымъ — «по технологии и химіи, приспособленной къ искусствамъ и ремесламъ» — 5 ноября 1865 года.

Н. Н. принималъ живое участіе во всѣхъ засѣданіяхъ Академіи Наукъ и, благодаря своимъ разностороннимъ знаніямъ, былъ компетентнымъ судьей всевозможныхъ научныхъ докладовъ. Академикъ Н. И. Кошкарровъ въ своей краткой рѣчи, посвященной памяти Н. Н.—а и произнесенной въ засѣданіи Минералогическаго общества, приводитъ характерный примѣръ такого рода: «Мнѣ случилось однажды, до начала академическаго засѣданія, разговаривать съ покойнымъ академикомъ М. В. Остроградскимъ, какъ вдругъ подошелъ къ намъ Н. Н. и, взглянувъ на мемуаръ, находившійся въ рукахъ нашего знаменитаго математика, произнесъ о немъ короткое сужденіе. Я помню, съ какимъ удивленіемъ обратился тогда ко мнѣ М. В. Остроградскій и сказалъ: «Посмотрите, пожалуйста: нѣсколькими словами онъ охарактеризовалъ всю суть одной изъ самыхъ труднѣйшихъ задачъ математики».

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія химическая лабораторія Академіи Наукъ помѣщалась въ главномъ зданіи Академіи; въ ней Н. Н. почти совершенно не работалъ. Послѣ пожара, случившагося въ этой лабораторіи во время работъ академика Ю. Ф. Фрицше, было рѣшено перенести ее въ отдѣльное зданіе, которое и было выстроено по проекту Ю. Ф. Фрицше по

8 линіи Вас. Острова (домъ 17). Сюда и переселился Н. Н. по открытіи лабораторіи въ 1867 году и жилъ здѣсь до самой смерти. А. П. Бородинъ такъ описываетъ домашнюю жизнь Н. Н.—а: «Особенно памяты мнѣ его «понедѣльники», въ которые собиралось къ нему на домъ небольшое, но интересное по составу общество, крупные представители интеллигенціи и науки и т. д. Въ маленькомъ кабинетѣ радушнаго хозяина происходили самыя оживленныя бесѣды по всевозможнымъ текущимъ вопросамъ науки и жизни. Въ этихъ бесѣдахъ во всемъ блескѣ проявлялись интеллектуальныя силы покойнаго: обширныя знанія, начитанность, изумительная память, свѣтлый оригинальный умъ, страстная, горячая рѣчь, полная остроумія и своеобразнаго юмора.

«Живо вспоминается мнѣ и самый кабинетъ, крайне оригинальный по своей обстановкѣ. Здѣсь... съ виду царилъ безпорядокъ, чистый хаосъ. Въ скромно—или вѣрнѣе, бѣдно-меблированной комнатѣ груды журналовъ, книгъ, бумагъ, приборовъ и пр. навалены были какъ попало, на столахъ, окнахъ, въ шкафахъ, подъ шкафами, на стульяхъ, подъ стульями, подъ диваномъ и т. д. Не знавшій склада жизни покойнаго могъ подумать, что Н. Н. только что переехалъ на квартиру и не успѣлъ еще разобратся. На дѣлѣ оно, пожалуй, такъ и было. Переѣхавъ когда-то на квартиру, Н. Н. дѣйствительно сначала не успѣлъ, за недосугомъ, разобратся, но благодаря своей прекрасной памяти скоро ориентировался въ этой неурядицѣ и отлично помнилъ, гдѣ что лежитъ. Убрать все въ другомъ порядкѣ значило бы, кромѣ потери времени, дать себѣ трудъ запоминать еще новую систему уборки. И вотъ, кабинетъ оставался въ подобномъ видѣ неизмѣнно. Не разъ случалось мнѣ видѣть такія сцены: завязывается споръ, положимъ съ какимъ-нибудь филологомъ; Н. Н., довольно сильный и въ филологіи, наизусть процитируетъ спорное мѣсто; помня отлично, подъ какимъ стуломъ спрятанъ цитируемый писатель, онъ прямо направляется туда; не роясь, вытаскиваетъ изъ общей груды пыльную книгу, раскроетъ, прочтетъ и, доказавъ, что онъ былъ правъ, отправляетъ писателя на прежнее мѣсто».

Нельзя также не упомянуть, что Н. Н. съ большимъ сочувствіемъ относился къ

стремленію русской женщины къ высшему образованію и по мѣрѣ возможности открывалъ доступъ ей въ химическую лабораторію и къ занятіямъ химіи вообще, а когда при Медико-хирургической академіи были основаны Женскіе врачебные курсы, онъ читалъ на нихъ физику.

Н. Н. Зининъ не остался въ сторонѣ и отъ того общественнаго движенія, которое наблюдалось въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія среди русскихъ, — главнымъ образомъ петроградскихъ—химиковъ, и участвовалъ во всѣхъ химическихъ кружкахъ, которые возникли въ Петроградѣ въ это время и въ концѣ концовъ привели къ основанію Русскаго химическаго общества при Петроградскомъ университетѣ. Такихъ кружковъ было не менѣе двухъ: въ 1854—1855 годахъ при частной лабораторіи, устроенной на своей квартирѣ проф. технической химіи Петроградскаго университета — Пав. Ант. Ильенковымъ, гдѣ принимали участіе Н. Н. Соколовъ, Ю. Ф. Фрицше, Н. Н. Зининъ, Л. Н. Шишковъ, А. Н. Энгельгардтъ, Н. Н. Бекетовъ; а затѣмъ—нѣсколько позже—при частной же химической лабораторіи Н. Н. Соколова и А. Н. Энгельгардта. Послѣдніе издавали первый въ Россіи чисто-химическій журналъ, просуществовавшій два года (1859 и 1860) и дававшій, кромѣ оригинальныхъ изслѣдованій русскихъ химиковъ, также обзоры всего выдающагося въ химической жизни за границей.

Черезъ восемь лѣтъ, въ 1868 году, было основано существующее и нынѣ Русское химическое общество; Н. Н. Зининъ былъ избранъ 5 декабря 1868 года первымъ президентомъ его, согласно тогдашнему уставу Общества на пять лѣтъ. Первые годы существованія Общества онъ бывалъ почти на всѣхъ засѣданіяхъ, дѣлалъ доклады о своихъ работахъ, приносилъ посильную помощь во всѣхъ начинаніяхъ молодого Общества и 13 декабря 1873 года снова былъ избранъ президентомъ на второе пятилѣтіе. Въ 1876 году, когда Общество устроило въ Лондонѣ, по случаю всемірной выставки, выставку русскихъ химическихъ препаратовъ и приборовъ, среди экспонатовъ были и полученные Н. Н.—мъ вещества. Къ концу второго пятилѣтія Н. Н. сталъ рѣже посѣщать Химическое общество—давала себя чувствовать все усиливающаяся болѣзнь;

когда кончился срокъ его президентской дѣятельности, въ декабрѣ 1878 года, онъ былъ единогласно избранъ почетнымъ членомъ Общества—уже Русскаго физико-химическаго, такъ какъ незадолго до того произошло слияніе химическаго Общества съ физическимъ.

Съ осени 1878 года Н. Н. началъ серьезно болѣть. И раньше онъ неоднократно прихварывалъ, особенно зимою почти ежегодно, что плохо гармонировало съ его крѣпкимъ тѣлосложеніемъ: у него бывало кровохарканіе, брюшныя разстройства. Но начавшаяся въ концѣ этого года болѣзнь оказалась болѣе серьезной; лучшіе врачи того времени, ученики и товарищи Н. Н.—а, изслѣдовали больного и опредѣлили подвижность почки и ея опухоль. Временами Н. Н.—у становилось лучше, но затѣмъ неизмѣнно слѣдовало ухудшеніе; въ среду, 6 февраля 1880 года, около 12 часовъ дня, онъ скончался.

Многочисленная толпа товарищей, учениковъ и почитателей Н. Н.—а собралась на похороны отдать послѣдній долгъ почившему и надъ могилой его было произнесено не мало искреннихъ и теплыхъ словъ.

Ученая дѣятельность Н. Н. Зинина, лежащая почти исключительно въ области органической химіи, началась въ періодъ быстрого развитія этой отрасли химіи—развитія, которому не мало содѣйствовала знаменитая Гиссенская лабораторія. Вполнѣ естественно, что Н. Н., начавшій свои экспериментальныя изслѣдованія именно здѣсь, подъ руководствомъ Ю. Либиха, разрабатывалъ тему, связанную съ «теоріей сложныхъ радикаловъ», въ то время господствовавшей въ органической химіи. Эта теорія принимала, что органическія вещества состоятъ изъ сложныхъ радикаловъ, способныхъ, подобно радикаламъ неорганическимъ какъ къ самостоятельному существованію, такъ и къ соединеніямъ съ другими элементами и между собою. Каждый радикалъ располагался согласно электрохимической теоріи Берцеліуса, имѣлъ свой химическій знакъ и особыя названія, до сихъ поръ сохранившіяся въ химической номенклатурѣ. Въ 1832 году Либихъ и Велеръ выпустили въ свѣтъ работу о маслѣ горькихъ миндалей (*Annalen der Chem. u. Pharm.*, III, 249), гдѣ доказывали, что всѣ полученныя изъ этого масла соединенія можно

производить отъ сложнаго радикала бензоила $C_{14}H_5O$ ($=C_7H_5O$). Изученію соединеній, образуемыхъ этимъ радикаломъ, и были посвящены первыя работы Н. Н.—а, сперва опубликованныя въ основанныхъ Ю. Либихомъ *Анналахъ химіи и фармаціи* (1839—1840), а затѣмъ—въ видѣ докторской диссертациі, представленной въ Петроградскій университетъ.

Въ этой диссертациі «О соединеніяхъ бензоила и объ открытыхъ новыхъ тѣлахъ, относящихся къ бензоильному ряду» онъ сперва обсуждаетъ вообще химическія превращенія, вызываемыя ферментами, и въ особенности—образованіе горько-миндальнаго масла изъ амигдалина и летучаго горчичнаго масла изъ мироновокалеіевой соли. Затѣмъ онъ переходитъ къ обсужденію вопроса о радикалѣ бензойныхъ соединеній и приходитъ къ заключенію о необходимости признать въ нихъ существованіе бензоила. Далѣе идетъ описаніе полученныхъ имъ новыхъ соединеній съ этимъ радикаломъ.

Гораздо интереснѣе и важнѣе въ исторіи органической химіи слѣдующія по времени три изслѣдованія Н. Н.—а, сдѣланныя въ лабораторіи Казанскаго университета и заключающія описаніе новаго способа полученія органическихъ основаній изъ нитросоединеній. На этихъ работахъ необходимо нѣсколько остановиться.

Первая статья была представлена въ Академію Наукъ въ Петроградѣ (какъ и всѣ послѣдующія: вѣроятно, во время своего пребыванія въ Петроградѣ. Н. Н. познакомился съ химиками-академиками). Она была опубликована въ началѣ 1842 года подъ заглавіемъ: «Описаніе нѣкоторыхъ новыхъ органическихъ основаній, приготовленныхъ дѣйствіемъ сѣроводорода на соединенія углеводовъ съ азотистой кислотой». Здѣсь Н. Н. описываетъ свои опыты съ нитронафталязой Лорана ($=\alpha$ -нитронафталинъ): «Если взять спиртовой растворъ нитронафталязы и пропускать въ него сѣроводородъ при небольшомъ нагреваніи, то наблюдается покраснѣніе и повеленіе жидкости и выдѣляются кристаллы сѣры. По сливаніи раствора черезъ нѣкоторое время съ образовавшагося осадка и по отгонкѣ спирта выдѣляется густое зеленое масло, застывающее при охлажденіи въ кристаллическую массу... Это тѣло, которое я предлагаю назвать нафталида-

момъ, можно получить гораздо легче, скорѣе и въ любомъ количествѣ, если растворить 1 часть нитронафтаказы примѣрно въ 10 частяхъ крѣпкаго виннаго спирта, насытить жидкость амміакомъ — при чемъ оставшаяся нерастворенной часть нитронафтаказы почти надѣло растворяется — и затѣмъ обработать сѣроводородомъ... Нафталидамъ — сильное органическое основание, соединяющееся со всеми кислородными и водородными кислотами; въ этихъ соединеніяхъ можетъ замѣщаться какъ кислота, такъ и основаніе». Далѣе описывается полученіе чистаго нафталидама, т. е. по нынѣшнему α -нафтиламина, путемъ выдѣленія сѣрнокислой соли, ея перекристаллизаціи изъ виннаго спирта и затѣмъ насыщенія воднаго ея раствора амміакомъ. Нафталидамъ плавится при 50° , кипитъ около 300° , окрашивается при лежаніи на воздухѣ, имѣетъ непріятный запахъ, горькій вкусъ, почти нерастворимъ въ водѣ, легко въ спиртѣ и эфирѣ. Химическія свойства нафталидама разработаны очень подробно: онъ не дѣйствуетъ на лакмусъ, выдѣляется амміакомъ изъ всѣхъ своихъ солей, образующихся очень легко со всеми кислотами, при чемъ соли кислородныхъ кислотъ кристаллизуются съ водою, а водородныхъ — безъ воды. Далѣе устанавливается формула нафталидама $C_{20}H_{18}N_2$ (нынѣ $C_{10}H_9N$), сѣрнокислой соли $C_{20}H_{20}N_2SO_4$, описываются соли съ кислотами азотной, щавелевой, хлористоводородной. Послѣ описанія нафталидама и его производныхъ Н. Н. переходитъ къ дѣйствию сѣроводорода на спиртовый растворъ нитробензида (нитробензола), насыщенный амміакомъ. Реакція протекаетъ такъ же, какъ съ нитронафталиномъ; послѣ аналогичной обработки получается желтоватая жидкость, тяжелѣе воды, въ ней нерастворимая, смѣшивающаяся во всѣхъ отношеніяхъ со спиртомъ и эфиромъ, перегоняющаяся безъ разложенія около 200° ; на воздухѣ она окрашивается въ красноватый цвѣтъ, соединяется съ кислотами въ такія же соли, какъ и нафталидамъ; также даетъ кристаллическое соединеніе съ сулемою. Это соединеніе, по аналогіи съ нафталидамомъ, было названо Н. Н.—мъ бензидамомъ; составъ его выраженъ формулой $C_{12}H_{14}N_2$, его сѣрнокислая соль $C_{12}H_{16}N_2SO_4$, хлористоводородная $C_{12}H_{16}N_2Cl_2$. Бензидамъ, конечно, былъ

незадолго до того полученный анилинъ, какъ на это и указалъ Ю. Ф. Фрише въ одномъ изъ слѣдующихъ заведеній Академіи Наукъ (24 іюня 1842 г., Bull. scientifique de l'Académie des sciences de St-Petersbourg, X, стр. 352). Конечъ этой статьи заключаетъ описаніе новаго соединенія хлора съ нафталиномъ.

Вторая статья была доложена Академіи Наукъ 5 апрѣля 1844 года, озаглавлена она: «О продуктахъ дѣйствія сѣрнистаго аммонія на нѣкоторые органическія тѣла и о копулированныхъ кислотахъ хлоронафталиновъ». Здѣсь Н. Н. примѣняетъ свой методъ, описанный въ предыдущей статьѣ, къ приготовленію новыхъ органическихъ основаній. Прежде всего онъ получаетъ изъ нитронафтаказы (динитронафталина) семинафталидамъ $C_{10}H_{10}N_2$, теперешній нафтилендіаминъ, описываетъ его свойства и нѣкоторыя соли, болѣе подробно сѣрнокислую и хлористоводородную и соединеніе семинафталидама съ хлорной ртутью. Затѣмъ онъ пробовалъ точно также возстановлять бинитробензидъ (динитробензолъ), но съ результатами болѣе плохими; полученный семибензидамъ, т. е. фенилендіаминъ, не могъ быть выдѣленъ въ вполне чистомъ видѣ и не далъ удовлетворительныхъ чиселъ при анализѣ. Конечъ статьи посвященъ копулированнымъ кислотамъ, подъ коиими подразумѣваются сульфокислоты, образующіяся при дѣйствиіи англійской сѣрной кислоты на хлорнафтаказу, т. е. дихлоронафталинъ, и хлорнафтаказу, т. е. хлоронафталинъ.

Третья статья, относящаяся къ 1845 году, «Объ азобензидѣ и нитробензиновой кислотѣ», содержитъ описаніе приложенія реакціи возстановленія къ новымъ веществамъ: нитробензойной кислотѣ, давшей аминокислоту, и къ азобензолу, изъ коего былъ полученъ бензидинъ.

Я нарочно познакомилъ читателя подробнѣе съ этими, можно сказать, первыми самостоятельными работами Н. Н.—а потому, что онѣ являются классическими въ химіи. Открытая и описанная имъ реакція возстановленія нитросоединеній въ аминокислоты оказалась въ послѣдствіи чрезвычайно важной и плодотворной. Теперешняя огромная химическая промышленность, особенно въ Германіи развившаяся до гигантскихъ размѣровъ, получающая синтетическія красящія и лікарственныя вещества, вся, можно сказать, основана на открытой

Зининымъ реакціи, и необходимыя аминоксоединенія приготавливаются исключительно возстановленіемъ нитросоединеній, хотя это возстановленіе совершается нынѣ проще—водородомъ, получающимся при дѣйствіи металловъ на кислоты, или иными путями. Даже для изготовленія нѣкоторыхъ взрывчатыхъ веществъ, примѣняемыхъ въ военномъ дѣлѣ, первоначальнымъ веществомъ является анилинъ—бензидамъ Зинина. Недаромъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся германскихъ химиковъ, проф. А. В. Гофманъ, давно уже скончавшійся, въ рѣчи, произнесенной 25 февраля 1880 года на засѣданіи нѣмецкаго химическаго общества, такъ охарактеризовалъ эти изслѣдованія: «Если бы Зининъ не сдѣлалъ ничего больше, кромѣ превращенія нитробензола въ анилинъ, то имя его и тогда осталось бы записаннымъ золотыми буквами въ исторіи химіи».

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ химическихъ изслѣдованій Н. Н.-а почти нѣтъ: появляется только рѣчь его о современномъ направленіи органической химіи; лишь въ 1852 году находимъ статью о соединеніяхъ, образованныхъ горчичнымъ масломъ съ аминами—тиокарбамидахъ. Работа Н. Н.-а 1854 года о сочетаннхъ мочевилахъ содержитъ развитіе взглядовъ Лорана и Жерара, а именно по вопросу о различныхъ состояніяхъ водорода въ органическихъ соединеніяхъ, при чемъ описываются полученныя изъ мочевины и кислотныхъ радикаловъ соединенія бензурейдъ, ацетурейдъ—нынѣшнія бензол-, ацетил-, бутирил- и валерилмочевины.

Болѣе подробному изученію способа полученія горчичнаго масла синтетическимъ путемъ и соединеній, заключающихъ пропиленилъ, посвящены изслѣдованія 1854-55 годовъ; эти работы, особенно о тѣлахъ пропилениловаго ряда, имѣли цѣлью показать аналогію пропиленила, т. е. нынѣшняго аллила, пропенила—съ другими радикалами; здѣсь описанъ рядъ новыхъ соединеній, заключающихъ аллиль. Послѣ нѣсколькихъ статейъ конца пятидесятихъ годовъ, въ коихъ Н. Н. отчасти возвращается къ своимъ прежнимъ темамъ—производнымъ нафталидина и азоксибензида,—онъ переходитъ съ 1860 года уже почти исключительно къ изученію производныхъ масла горькихъ миндалей и бензоина; отчасти этому способствовала и доставка въ лабораторію Академіи Наукъ изъ тамо-

женъ горько-миндальнаго масла, конфискованнаго по причинѣ ложнаго заявленія о немъ при ввозѣ въ Россію. Бензилъ былъ превращенъ въ бензоинъ, а послѣдній черезъ хлоробензилъ обратно въ бензоинъ; при этомъ Н. Н. открылъ интересное дѣйствіе ѣдкаго кали на хлоробензилъ, ведущее къ образованію бензалдегида и бензойнокалиевой соли. Затѣмъ изслѣдуется дѣйствіе водорода на горькоминдальное масло, образованіе гидробензоина и переходъ его въ бензоинъ; описывается полученіе дезоксибензоина, бромо- и нитробензила и переходъ послѣдняго въ азобензойную кислоту.

Въ 1864 г. Н. Н. нашелъ, что хлорводородъ при дѣйствіи на азобензолъ даетъ бензидинъ; при реакціи HCl съ бензоиномъ въ запаянной трубкѣ получается уплотненный продуктъ—лепиденъ.

Въ бытность свою въ Парижѣ въ 1867 году Н. Н. представилъ во Французскую академію наукъ свою работу: «О нѣкоторыхъ фактахъ, дополняющихъ исторію веществъ ряда стильбена», гдѣ описана серія превращеній хлоробензила въ бензилъ, послѣдняго—въ квадрихлоробензилъ, этого—отнятіемъ хлора амальгамой натрія—въ толанъ; далѣе—образованіе изъ дезоксибензоина стильбена и толана. Дезоксибензоину же посвящено и изслѣдованіе 1868 года, а въ другой статьѣ, относящейся къ этому же времени, говорится о тѣлѣ, полученномъ сочетаніемъ амида фенилгликолевой кислоты съ бензойнымъ алдегидомъ.

Разработкой подобныхъ же соединеній Н. Н. занимался и въ семидесятихъ годахъ. При дѣйствіи ѣдкаго кали на дезоксибензоинъ при доступѣ воздуха получено очень сложное вещество—бензамаронъ, распадающееся при кипяченіи съ KOH въ дезоксибензоинъ и амаровую кислоту. Затѣмъ рядъ работъ посвященъ лепидену и его превращеніямъ, и амаровой кислотѣ и ея гомологамъ, гдѣ устанавливаются формулы этихъ послѣднихъ веществъ.

Слѣдуетъ еще отмѣтить небольшую замѣтку о дѣйствіи цинка на квадрихлоробензилъ и нѣкоторыя другія охлоренныя и обромленныя вещества (1871), при чемъ происходитъ реакція отнятія галоида цинкомъ, дающая возможность переходить къ веществамъ съ меньшимъ содержаніемъ водорода. Послѣдняя небольшая статья Н. Н.-а о бензоинѣ появилась за нѣсколько

мѣсяцевъ до его смерти. Ученые труды Н. Н-а были вполне оценены не только въ Россіи: 24 ноября 1873 года онъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Французской академіи наукъ, затѣмъ — почетнымъ членомъ Нѣмецкаго химическаго общества и Лондонскаго химическаго общества.

Чрезвычайно важной является также педагогическая дѣятельность Н. Н-а, въ теченіе столькихъ лѣтъ позволявшая все новымъ и новымъ поколѣніямъ русскихъ студентовъ знакомиться по его лекціямъ съ современнымъ положеніемъ химіи. Съ именемъ Н. Н-а неразрывно связано возникновеніе русской химической школы, вполне самостоятельной; его труды сдѣлали то, что заграничные ученые стали съ уваженіемъ относиться къ русскимъ химикамъ. Вслѣдъ за Н. Н-мъ идетъ въ исторіи химіи длинный рядъ нашихъ ученыхъ и многіе изъ нихъ — можетъ быть большинство — являются его учениками, или учениками его учениковъ, унаслѣдовавшими его духъ безкорыстной и глубокой любви къ наукѣ. Имя Н. Н. Зинина не забудется русскими химиками, также какъ и великіе завѣты его научной дѣятельности.

Списокъ научныхъ работъ *Н. Н. Зинина*.

Beiträge zur Kenntniss einiger Verbindungen aus der Benzoylreihe. *Annalen der Chemie und Pharmacie*. XXXI, 329—332 (1839).

Ueber einige Zersetzungsproducte des Bittermandelöls. *Annalen der Ch. u. Ph.* XXXIV, 186—192 (1840).

Исслѣдованіе надъ тѣлами бензоильнаго ряда. Ученыя Записки Казанскаго Университета, 1840, книга вторая.

О соединеніяхъ бензоила и объ открытых новыхъ тѣлахъ, относящихся къ бензоилловому ряду. С.-Петербургъ, 1840.

Beschreibung einiger neuen organischen Basen dargestellt durch die Einwirkung des Schwefelwasserstoffs auf Verbindungen der Kohlenwasserstoffe mit Untersalpetersäure. *Bulletin scientifique de l'Académie Imp. des sciences de St. Pétersbourg*. X, 273—285 (1842).

Organische Salzbasen aus Nitronaphtalos und Nitrobenzid mittelst Schwefelwasserstoff entstehend. *Annalen der Ch. u. Ph.* XLIV, 283—287 (1842).

Ueber die Producte der Einwirkung des Schwefelammoniums auf einige organische Körper und über die copulirten Säuren

der Chlornaphtalinverbindungen. *Bulletin de la Classe physico-mathématique de l'Académie Imp. des sciences de St. Pétersbourg*. III, 129—138 (1845). *Annalen der Ch. u. Ph.* LII, 361—362 (1844).

Ueber das Azobenzid und die Nitrobenzinsäure. *Bull. phys. math.* IV, 273—286 (1845).

Взглядъ на современное направление органической химіи. Ученыя записки Казанскаго Университета, 1847.

Ueber die Einwirkung des aetherischen Senföls auf die organischen Basen. *Bull. phys. math.* X, 346—349 (1852). *Mélanges physiques et chimiques tirés du Bulletin physico-mathématique de l'Académie Imp. des sciences de St. Pétersbourg*. I, 392—396. *Annalen der Ch. u. Pharm.* LXXXIV, 346—349 (1852).

Ueber Azobenzid, Azoxybenzid und Seminaftalidin. *Annalen der Ch. u. Pharm.* LXXXV, 328 (1853).

Ueber die Anisaminsäure. *Bull. phys.-math.* XII, 236—240 (1854). *Mélanges*. II, 5—9. *Annalen der Ch. u. Pharm.* XCII, 327—329 (1854).

Ueber die copulirten Harnstoffe. *Bull. phys.-math.* XII, 281—287 (1854). *Mélanges*. II, 71—80. *Annalen der Ch.* XCII, 403—407 (1854).

Ueber die künstliche Bildung von aetherischem Senföls. *Bull. phys.-math.* XIII, 288 (1855). *Mélanges*. II, 212. *Annalen der Ch.* XCV, 128 (1855).

Ueber einige Körper aus der Propylenylreihe. *Bull. phys.-math.* XIII, 360—363 (1855). *Mélanges*. II, 285—289. *Annalen der Ch.* XCVI, 361—363 (1855).

Ueber die Copulation des Benzoin mit Säuregruppen. *Bull. phys.-math.* XV, 281—287 (1857). *Mélanges*. III, 69—76.

Ueber einige Abkommlinge des Naphtalidins. *Bull. phys.-math.* XVI, 282—284 (1858). *Mélanges*. III, 302—305.

О нѣкоторыхъ продуктахъ разложенія азоксибензида. *Химическій Журналъ Н. Соколова и А. Энгельгардта*, III, 97—108. (1860).

Ueber einige Derivate des Azoxybenzids. *Bulletin de l'Académie Imp. des sciences de St. Pétersbourg*. I, 418—425 (1860). *Mélanges*. IV, 101—112.

Ueber das Benzil. *Bull.* III, 68—74 (1861). *Mélanges*. IV, 607—614. *Annalen der Ch.* CXIX, 177—179 (1861).

Ueber die Einführung von Wasserstoff

in organische Verbindungen. Bull. III, 529—531 (1861). Mélanges. V, 1—4. Ann. d. Ch. CXXIX, 179—182 (1861).

Ueber das Hydrobenzoin, ein Product der Einwirkung des Wasserstoffs auf das Bittermandelöl. Bull. V, 21—25 (1863). Mélanges. V, 175—180. Ann. d. Ch. CXXIII, 125—129 (1862).

Ueber desoxydirtes Benzoin, ein Product der Einwirkung des Wasserstoffs auf Benzoin. Bull. V, 523—534 (1863). Mélanges. V, 424—431. Ann. d. Ch. CXXVI, 218—224 (1863).

Ueber das Nitrobenzil. Bull. VII, 61—68 (1864). Mélanges. V, 629—639. Ann. d. Ch. Suppl. III, 153—162 (1864—1865).

Notiz über die Einwirkung von Salzsäure auf Azobenzid. Bull. VIII, 173 (1865). Mélanges. VI, 170. Ann. d. Ch. CXXXVII, 376 (1866).

Beobachtungen über Benzoin. Bull. X, 153—156 (1866). Mélanges. VI, 692—696.

Ueber einige Derivate von Benzoin. Bull. XI, 151—158 (1867). Mélanges. VII, 179—189.

Sur la benzoine et ses dérivés. Comptes Rendus. LXV, 64—67 (1867).

Sur quelques faits servant à compléter l'histoire des corps de la série stilbique. Comptes Rendus. LXVII, 720—721 (1868). Ann. d. Ch. CXLIX, 374—376 (1869).

Notice sur le chlorobenzile. Bull. XIII, 32 (1869). Mélanges. VII, 772.

Sur un produit de l'action de l'acide chlorhydrique sur l'essence d'amandes amères contenant de l'acide cyanhydrique. Bull. XIII, 168—174 (1869). Mélanges. VII, 841—850.

Sur quelques dérivés de la desoxybenzoine. Bull. XV, 340—347 (1871). Mélanges. VIII, 369—379.

Дѣйствиe цинка на нѣкоторыя галлоидныя соединения. Журналъ Русскаго Химическаго Общества. III, 95—97 (1871).

Action du zinc sur le quadrichlorobenzile et sur quelques autres produits bromés et chlorés. Bull. XVI, 173—175 (1871). Mélanges. VIII, 475—476.

О нѣкоторыхъ производныхъ лепидена. Ж. Р. Х. О. III, 264—266 (1871).

Объ оксилепидевѣ. Ж. Р. Х. О. V, 16—24 (1873).

Sur l'oxylepidène. Bull. XVIII, 266—275 (1873). Mélanges. VIII, 685—698.

Замѣтка о бензоинѣ. Ж. Р. Х. О. V, 398 (1873).

О нѣкоторыхъ производныхъ оксилепидена. Ж. Р. Х. О. VII, 186—196 (1875).

О нѣкоторыхъ производныхъ лепидена, ст. вторая. Ж. Р. Х. О. VII, 329—333 (1875).

Sur quelques dérivés du lépidène. Bull. XX, 547—559 (1875); XXI, 66—71 (1876). Mélanges. IX, 291—308 и 342—349.

Sur l'isolépidène. Bull. XXIII, 79—86 (1877). Mélanges. X, 63—74.

О кислотѣ амаровой и ея гомологахъ. Ж. Р. Х. О. IX, 298—316 (1877).

Sur l'acide amarique et ses homologues. Bull. XXIV, 146—166 (1878). Mélanges. X, 489—519.

Note sur la benzoine. Bull. XXVI, 29—30 (1880). Mélanges. XI, 163—164.

Сверхъ того, Н. Н. Зининымъ напечатаны были въ разное время на русскомъ языкѣ статьи по прикладной химіи—о лакахъ, о клеевомъ производствѣ, о производствѣ анилиновыхъ красокъ и другія.

А. П. Бородинъ и А. М. Бутлеровъ, «Н. Н. Зининъ. Воспоминанія о немъ и біографическій очеркъ» («Журн. Рус. Химич. Общества» 1880 г., т. 12, стр. 215—254; «Записки Имп. Академіи Наукъ по физ.—мат. отдѣленію» 1880 г., т. 37, кн. I, стр. 1—46; «Записки С.-Петерб. Минерал. Общества» 1881 г., т. 18).—А. Альбицкій, «Каеэдра химіи и химическая лабораторія Имп. Казанскаго университета въ ихъ прошломъ и настоящемъ» («Ломоносовскій Сборникъ, матеріалы для исторіи развитія химіи въ Россіи». М. 1901 г.).—Н. Н. Бекетовъ, «Исторія химической лабораторіи при Академіи Наукъ» (Тамъ же).—Исторія Имп. Военно—Медицинской Академіи (бывшей Медико—хирургической) за 100 лѣтъ, 1798—1898. Спб. 1898.—И. Догель, «Воспоминанія былого изъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ Военно—Медицинской Академіи». Казань 1898 г.—«Біографич. словарь профес. и преподав. Казанскаго университета», т. I, стр. 338—341.—«Голосъ» 1880 г., № 42.—«Здоровье» 1880 г., №№ 130, 135.—В. Смирновъ, «Описаніе мозга Н. Н. Зинина» («Извѣстія Академіи Наукъ». 1915 г., 6 серия, т. 9, стр. 951—978).

В. Мениуткинъ.

Зиновій Михайловичъ, Псковскій степенный посадникъ, впервые упоминается въ этой должности подъ 1447 г., когда вмѣстѣ съ другими двумя посадниками, Стефаномъ Юрьевичемъ и Андронимомъ Тимошеевичемъ, и псковскими боярами отправленъ былъ для заключенія договора въ Великій Новгородъ, и «взяша съ новгородци миръ по старинѣ и цѣловаша крестъ на обѣ сторожѣ». Но этотъ союзъ съ непокойнымъ Новгородомъ,

желавшимъ воспользоваться смутами въ великомъ княжествѣ Московскомъ, гдѣ Василий Темный враждовалъ съ двоюродными братьями своими, для псковитянъ оказался невыгоднымъ. Великій князь вышелъ побѣдителемъ изъ семейной распри, и гнѣвъ его всею тяжестью обрушился на новгородцевъ, укрывавшихъ у себя его недоброжелателей. Въ февралѣ 1456 г. великокняжеская рать вступила въ предѣлы Новгородской земли и разорила нѣсколько волостей. Псковитяне, явившіеся на помощь къ новгородцамъ, вмѣстѣ съ послѣдними потерпѣли поражение и принуждены были просить мира цѣною большого денежнаго окупа. Псковскій посадникъ Зиновій Михайловичъ, участвовавшій въ заключеніи договора съ новгородцами, теперь вмѣстѣ съ новгородскими послами отправился къ великому князю въ Яжелбицы «добивать челомъ за свою вину». Великій князь простилъ виновныхъ, но несомнѣнно, что подобныя столкновенія усердно подготавливали грядущее подчиненіе Новгорода и Пскова могущественной Москвѣ.

Въ 1461 съ разрѣшенія великаго князя посадникъ Зиновій Михайловичъ отъ имени псковитянъ заключилъ перемиріе на 5 лѣтъ съ нѣмцами, приславшими съ этой цѣлью свое посольство въ Новгородъ. Но перемиріе это оказалось непрочнымъ: уже въ мартѣ 1463 г. нѣмцы вновь напали на Псковскую область, сожгли Островцы и Подъшье и стали опустошать окрестности самаго Пскова. Получивъ извѣстіе объ этомъ, посадникъ Зиновій наскоро собралъ вѣче, на которомъ выбраны были ратные воеводы, выступившіе съ псковской ратью противъ вѣроломныхъ сосѣдей. Нѣмцы, застигнутые врасплохъ, потерпѣли поражение и обратились въ бѣгство.

Послѣднее извѣстіе о посадничествѣ Зиновія Михайловича относится къ тому же 1463 г., когда въ его присутствіи вновь прибывшій князь Иванъ Александровичъ Звенигородскій цѣловалъ крестъ «ко Пскову на всей псковской пошлинѣ».

Наконецъ, съ именемъ же посадника Зиновія Михайловича связана закладка (1462 г.) каменной церкви въ честь св. Космы и Даміана «у примостыа на Запсковьѣ».

Под. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 216, 217, 220, 221, 223, 224; т. V, стр. 30, 33.—Н. М. Ка-

рамзинъ, «Ист. Госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, т. V, пр. 319, 369, т. VI, пр. 629. А. Г.

Зиновій Сидоровичъ, Псковскій степенный посадникъ въ эпоху паденія Великаго Новгорода, когда Покову удалось сохранить свою самостоятельность только путемъ полной покорности волѣ Московскаго великаго князя. Зиновій Сидоровичъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу тѣхъ псковскихъ чиновниковъ, которые, дорожа своей старинной вольностью, въ то же время понимали необходимость такой покорности и поэтому исполняли всѣ требованія Іоанна III. Въ должности посадника мы встрѣчаемъ Зиновія Сидоровича впервые въ мартѣ 1471 г. во главѣ посольства, отправленнаго изъ Пскова къ польско-литовскому королю Казимиру IV для выясненія порубежныхъ мѣстъ, относительно которыхъ псковитяне не могли сговориться на съѣздѣ съ королевскими сановниками. Посольство застало короля въ Вильнѣ, было милостиво принято имъ и 21 апрѣля вернулось въ Псковъ съ подарками и отвѣтомъ Казимира, который общалъ пріѣхать самъ на рубежъ и осмотрѣть спорныя мѣста. Но такое рѣшеніе короля, объявленное послами на вѣчѣ, не понравилось псковитянамъ, «понеже николи не бывало отъ князей великихъ, ни отъ королевъ, колько ихъ не бывало въ Литовской землѣ... и ти вси на съѣздѣ пановъ слали, а сами не бывали никако съ псковичи правити о порубежныхъ мѣстѣхъ и границахъ». Это недовольство въ значительной степени вызвано было боязнью новыхъ осложненій во внѣшней политикѣ Пскова, и безъ того крайне сложной въ виду того, что, съ одной стороны, Москва зорко слѣдила за всѣми дѣйствіями псковитянъ, а, съ другой стороны, безпрестанно тревожили нѣмцы. Для борьбы съ послѣдними Пскову нужна была помощь Москвы, и Іоаннъ III, по просьбѣ псковитянъ, отправилъ къ нимъ большое вспомогательное войско, которое псковскіе посадники встрѣтили съ хлѣбомъ и медомъ; нѣмцы же, узнавъ о грозной силѣ, собравшейся противъ нихъ, поспѣшили заключить миръ. Въ январѣ 1474 г. посадникъ Зиновій Сидоровичъ вступилъ въ переговоры съ послами, прибывшими въ Псковъ отъ магистра Ливонскаго ордена и юрвевскаго епископа. Съ первыми миръ восстановленъ былъ на 25

лѣтъ, со вторыми--на 30, при условіи, что нѣмцы не будутъ вступаться въ земли псковитянъ, дадутъ свободный проѣздъ ихъ купцамъ и не станутъ пропускать въ Псковъ изъ Ливоніи ни пива, ни меда. Псковитяне были довольны этимъ договоромъ и послали къ вел. князю въ Москву гонца «бити челомъ на его жалованьи и на печалованіи». Въ апрѣлѣ посланецъ ихъ Григорій Умыль-Бородинъ вернулся въ Псковъ и привезъ нелюбовь и гнѣвъ отъ великаго князя: Іоаннъ сердился на то, что псковитяне дерзнули вмѣсто знатныхъ людей прислать къ нему гонца. Слѣдовало какъ можно скорѣе исправить свою оплошность, и изъ Пскова поспѣшили отправить новое посольство, въ составъ котораго вошелъ и посадникъ Зиновій Сидоровичъ; повезли съ собою и «помянки». Но великій князь не принялъ пословъ, «понеже умедлиша пріити съ челобигіемъ», не взявъ отъ нихъ подарка и даже не пустилъ ихъ въ Москву. Пять дней простояли они шатромъ въ полѣ и 23 іюня безъ успѣха вернулись въ Псковъ. Чтобы утишить гнѣвъ великаго князя понадобилось новое посольство. Спустя два года, въ январѣ 1476 г., когда Іоаннъ творилъ грозный судъ въ Новгородѣ, посадникъ Зиновій Сидоровичъ съ псковскимъ княземъ Ярославомъ Васильевичемъ и другимъ посадникомъ Стефаномъ Максимовичемъ отправились къ нему бить челомъ, чтобы онъ жаловалъ свою отчину Псковъ. Великій князь отвѣчалъ имъ, что хочетъ держать псковитянъ по старинѣ, прибавивъ, «а кого къ вамъ о своихъ дѣлѣхъ ни пришло, и вы бы есте мене слушали, а ему вѣрили, какъ и мнѣ, великому князю, и моей грамотѣ». Лѣтомъ 1477 г. таковой посолъ отъ великаго князя дѣйствительно явился въ Псковъ: бояринъ Иванъ Зиновьевъ объявилъ псковитянамъ повелѣніе Іоанна подняться противъ Великаго Новгорода; въ ноябрѣ то же требованіе повторилъ и другой великокняжескій посолъ Василій Дятловъ. Тогда псковитяне, объявивъ грамотою войну новгородцамъ, стали собирать войско, во главѣ котораго поставлены были: князь Василій Васильевичъ Шуйскій и три посадника; въ числѣ ихъ и Зиновій Сидоровичъ. Псковская рать, расположенная вокругъ озера Ильмена, простояла подъ Новгородомъ восемь недѣль и только послѣ того, какъ новгородцы запросили мира, распушена была

по домамъ. Въ декабрѣ слѣдующаго 1478 г. Зиновію Сидоровичу опять пришлось принять участіе въ большомъ посольствѣ, отправленномъ съ богатыми подарками къ Іоанну въ Великій Новгородъ. Имѣя въ виду печальную участь послѣдняго, псковитянамъ надлежало дѣйствовать съ особенной осторожностью, тѣмъ болѣе, что виѣшняя опасность со стороны нѣмцевъ еще не миновала, несмотря на состоявшееся перемиріе, а внутренніе раздоры на вѣчѣ могли дать Іоанну поводъ къ уничтоженію псковскаго самоуправленія. Улаживая внутреннія дѣла Пскова, Зиновій Сидоровичъ, вмѣстѣ съ другими посадниками, въ 1485 г. два раза ѣздилъ къ великому князю въ Москву: первый разъ съ жалобою на тверитянъ, убившихъ псковскихъ гонцовъ, второй разъ по поводу мятежа, происшедшаго въ Псковѣ, когда смерды отказались платить дань горожанамъ. Вѣче ссылалось на старинную («мертвую») грамоту, облагавшую смердовъ данью, но Іоаннъ принялъ сторону сельского населенія и въ грозномъ отвѣтѣ псковекиимъ посламъ заявилъ, что они пріѣхали къ нему «бездѣльно», осудилъ самоуправство вѣча, велѣлъ отпустить задержанныхъ смердовъ и отпечатать ихъ «животы»; впрочемъ, смилчанный полной покорностью пословъ, обѣщалъ жаловать псковитянъ, «какъ пригоже», если они добьются ему челомъ. Въ слѣдующемъ 1486 г. Зиновій Сидоровичъ еще разъ пріѣзжалъ въ Москву къ великому князю съ просьбою «держати Псковъ по старинѣ».

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 237, 239, 249, 250, 252, 257, 259, 262, 266, 267; т. V, стр. 37, 38, 44; т. VI, стр. 214, 215; т. VIII, стр. 180, 192, 193.
А. Г.

Зиновій Отенскій, инокъ Отенскаго монастыря въ 50 верстахъ отъ Новгорода, одинъ изъ видныхъ дѣятелей русской церкви; скончался въ 1568 году. Онъ былъ ученикомъ и сотрудникомъ извѣстнаго управителя богослужебныхъ книгъ Максима Грека и отличался широкимъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи. По невѣжеству тогдашняго общества, Максимъ Грекъ и его дѣятельность были осуждены на соборѣ 1525 года, а ученики и сотрудники его заточены въ монастыри, въ числѣ послѣднихъ былъ и инокъ Зиновій, посланный въ 1526 г. въ Отенскій монастырь, отъ котораго получилъ свое прозваніе и въ которомъ подвизался болѣе 40 лѣтъ.

Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ литературной дѣятельности, отвѣчавшей прямымъ запросамъ тогдашней жизни. Онъ былъ писателемъ плодовитымъ, но не по числу написанныхъ имъ произведеній, а по объему его трудовъ и той видимой легкости, съ какой давалась ему литературная работа. Послѣ него остались выдающіеся для того времени образцы церковно-учительной и богословско-полюемической литературы, главнымъ образомъ противъ распространенной тогда ереси Θεодосія Косого, отрицавшаго Св. Троицу, божество Іисуса Христа, преданія церковныя, почитаніе св. иконъ и проч. По запросу смущенныхъ новымъ ученіемъ и незнавшихъ, отъ Бога-ли оно и какъ нужно вѣровать, чтобы спастись, Зиновій написалъ два сочиненія: а) «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи» (противъ заблужденій Θεодосія Косого доказательства бытія Божія, ученіе о Св. Троицѣ, о Сынѣ Божіемъ, о почитаніи св. иконъ, о призваніи святыхъ и почитаніи мощей, защита церковной обрядности и іерархіи, но вопросу о монашествѣ и монастырскихъ имуществѣхъ (напечат. въ «Правосл. Собесѣдникѣ» за 1863—1864 гг.) и б) «Многословное посланіе на зломудріе Косого» (напечат. въ «Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1880 г., кн. 2). Кроме того, ему принадлежатъ «Похвальное слово на открытіе мощей Новгородскаго святителя Никиты» (рукоп.) и «Слово на открытіе мощей архіепископа Новгородскаго Іоны» (рукоп., напечат. въ изслѣдованіи Калугина). Всѣ сочиненія написаны имъ въ 1564—1568 гг. Ему-же приписываются: «Похвальное слово св. кн. Михаилу и боярину Θεодору черниговскимъ», «Похвальное слово въ честь св. Зосимы и Савватія» и «Шестодневъ» (рукоп. Моск. Син. Библ.), которые, однако, не принадлежатъ Зиновию, какъ доказано это въ изслѣдованіи Калугина.

Ф. Калугинъ, «Зиновій, игнокъ Отенскій, и его богословско-полюемическія и церковно-учительныя произведенія», Спб. 1894 г.—Богослов. Энциклопедія, т. 5.—Филаретъ, «Обзоръ духовной литературы». — Евгений, «Словарь писателей духовнаго чина». — М. Макарій, «Исторія русской церкви», т. VII, стр. 487—524.—«Прав. Собес.» 1863—1864 г.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. II, стр. 515—519.

К. Здр.—в.

Зиновій, игумень Троицкаго-Сергіева монастыря (1436 — 1445 гг.), пользовав-

шійся расположеніемъ великаго князя Московскаго Василія Васильевича, у котораго въ 1440 г. крестилъ сына Тимоея—Іоанна (будущаго Іоанна III), а въ 1441 г. — слѣдующаго сына Георгія. Осенью того же 1441 г., когда двоюродный братъ великаго князя Димитрій Шемяка, соединившись съ литовскимъ выходцемъ княземъ Александромъ Черторижскимъ, внезапно подступилъ къ Москвѣ, имѣя въ виду отнять у Василія II великокняжескій престолъ, игумень Зиновій явился посредникомъ между враждовавшими братьями и силою своего духовнаго авторитета на время превратилъ распрю, примиривъ Димитрія Шемяку съ великимъ княземъ.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. V, стр. 267; т. VI, стр. 170; т. VIII, стр. 111.—Н. М. Карамзинъ, «Ист. Госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 168, 174.—Строевъ, «Списки іерарховъ».

Зиновьевъ, Алексій Зиновьевичъ, проф. Московскаго университета, родился 4 февраля 1801 г. въ Москвѣ и для окончательнаго образованія поступилъ на словесное отдѣленіе Московскаго университета. Тамъ, на студенческой скамьѣ, ему пришлось завязать тѣсную дружбу съ М. П. Погодинымъ. Въ 1821 г. З.—въ окончилъ университетскій курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, но черезъ годъ выдержалъ установленный экзаменъ на кандидата и получилъ двѣ должности въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ—назирателя и преподавателя латинскаго и русскаго языковъ. Весь тотъ досугъ, который оставался у него отъ этой учебно-воспитательной дѣятельности, З.—въ отдавалъ ученымъ трудамъ, приготовленію къ магистерскому экзамену и частнымъ урокамъ. Такъ, въ первые три года своей службы З.—въ, вмѣстѣ съ другимъ преподавателемъ Н. Стриневскимъ, занимался переводомъ известнаго въ то время произведенія Александра Адама «Римскія древности» и издалъ его подъ заглавіемъ: «Римскія древности, или изображеніе нравовъ, обычаевъ и постановленій римскихъ, служащее для легчайшаго уразумѣнія латинскихъ писателей» (2 ч. М. 1824 г.; второе изд. М. 1834 г.). Въ то же время на страницахъ «Вѣстника Европы» (1824 г., кн. 16) имъ былъ помѣщенъ трудъ: «Объ управленіи Дюка Ришелье въ полуденной Россіи». Затѣмъ еще въ началѣ 1826 г.

онъ окончили свою диссертацию на степень магистра: «О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской исторіи». (М. 1827 г.), которую защитилъ съ успѣхомъ. Эта диссертация, являвшаяся какъ бы дополненіемъ къ магистерскому труду друга — Погодина: «О происхожденіи Руси» (М. 1825 г.), начиналась небольшимъ введеніемъ, гдѣ объяснялись приемы исторической критики; затѣмъ шло подробное описаніе важнѣйшихъ матеріаловъ для русской исторіи; наконецъ, давался обзоръ иностранныхъ и русскихъ сочиненій, посвященныхъ древнѣйшимъ событіямъ Россіи. Здѣсь такъ же, какъ и Погодинъ, авторъ касается вопроса о первоначальныхъ руссахъ и преимущественно держится взглядовъ Августа Шлецера. Кромѣ возраженій М. Т. Каченовскаго, предъявленныхъ на диспутъ, диссертация З—ва вызвала и рецензію Погодина, который, не соглашаясь съ нѣкоторыми выводами своего друга, такъ заканчивалъ свою рецензію: «Поблагодаримъ автора за сдѣланное и пожелаемъ успѣха въ усовершенствованіи его разсужденія; во всякомъ случаѣ начало, какъ канва, полезно и для него, и для другихъ» («Москов. Вѣстн.» 1827 г., ч. III, № 9, стр. 53). Слова Погодина поощрили З—ва къ новой исторической работѣ: онъ напечаталъ большую статью «О скандинавскихъ путешествіяхъ въ Константинополь и другія страны съ IX в.» («Записки и труды Общества исторіи и древностей» 1828 г., ч. IV; 1830 г., ч. V).

Къ этому періоду службы и учено-литературной дѣятельности относятся его занятія съ поэтомъ М. Ю. Лермонтовымъ. По разсказу самого З—ва, Мещериновъ, родственники Е. А. Арсеньевой, рекомендовали его для приготовления «Мишеля» къ экзаменамъ въ благородный пансіонъ. Бабушка поэта одобрила этотъ выборъ, и З—въ съ 1827 г. началъ давать уроки какъ по русскому, такъ и по классическимъ языкамъ. Черезъ годъ Лермонтовъ поступилъ въ названное заведеніе полупансіонеромъ, но не порвалъ связи съ своимъ учителемъ. По прекрасному обычаю пансіона, каждый воспитанникъ отдавался подъ заботливый присмотръ одного изъ наставниковъ и считался какъ бы его «кlientомъ». Будущій поэтъ, тоже по выбору Арсеньевой, сдѣлался «кlientомъ» З—ва и оставался подъ его надзоромъ

во все время пребыванія въ пансіонѣ—до 16 апрѣля 1830 г. Объ этихъ занятіяхъ съ «милымъ питомцемъ» въ домѣ бабушки и въ пансіонѣ сохранились свидѣнія, важныя какъ для біографіи Лермонтова, такъ и для самого З—ва. Уцѣлѣло, напр., интересное воспоминаніе объ изученіи поэтомъ классическихъ писателей: «Лермонтовъ—вспоминаетъ З—въ—зналъ порядочно латинскій языкъ, не хуже другихъ. Происходило это оттого, что у насъ изучали не языкъ, а авторовъ. Языку можно научиться въ полгода настолько, чтобы читать на немъ, а хорошо познакомившись съ авторами, узнаешь хорошо и языкъ» («Русская Мысль» 1881 г., кн. XI, стр. 156, 162). Дошло до насъ и другое, болѣе интересное извѣстіе о пансіонныхъ занятіяхъ Лермонтова по русскому языку: «Какъ теперь — разсказываетъ З—въ — смотрю на моего милого питомца, отличавшагося на пансіонномъ актѣ, кажется, 1829 г. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Къ морю» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ, въ особенности за сочиненіе по русскому языку» (Соч. Лермонтова. Спб. 1873 г., т. I, стр. хіх). Этого мало, рукописныя тетради, куда Лермонтовъ занесъ первые опыты своей юной музы, до сихъ поръ хранятъ отмітки поэта, которыя ясно говорятъ о вниманіи З—ва къ поэтическимъ трудамъ «милаго питомца»; напр., противъ 6 строфы въ poemѣ «Черкасы» на поляхъ виднѣется помѣтка автора: «Зиновьевъ нашелъ, что эти стихи хороши», а немного ниже— «тоже» («Рус. Мысль» 1881 г., кн. хі, стр. 163). Есть основаніе предполагать, что З—въ имѣлъ нѣкоторое вліяніе и на поэзію Лермонтова. По крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ мало кому извѣстный фактъ, что З—въ, будучи прекраснымъ декламаторомъ, человѣкомъ, горячо любившимъ поэзію до маститой старости, самъ, въ періодъ ученыхъ занятій, пробовалъ писать чисто-литературные труды, такъ, ему принадлежитъ разсказъ «Возмездіе» («Москов. Вѣстникъ», 1827 г., ч. VI, № 24) и стихотворенія: «Волга» и «Смерть праведника» («Журн М-ва Нар. Просв.» 1845 г., т. 47, отд. III, стр. 75).

Одновременно съ своимъ «кlientомъ»

въ 1830 г. З—въ покинулъ Благородный пансіонъ: Лермонтовъ поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ, а З—въ, «по удостовѣренію университетскаго совѣта», отъ котораго тогда зависѣлъ выборъ, былъ утверждёнъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ профессоромъ російскаго краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ». Съ этого времени начинается для него болѣе обширная и самая плодотворная дѣятельность, которая тянется безъ перерыва въ теченіе 17-ти лѣтъ. вмѣстѣ съ двумя профессорскими кафедами онъ соединяетъ должность инспектора; рядомъ съ лекціями ведетъ учено-литературныя занятія. Но между послѣдними берутъ перевѣсъ не изслѣдованія по исторіи и классическимъ языкамъ, а труды по педагогіи и теоріи словесности. За этотъ періодъ времени имъ напечатаны слѣдующія работы: «О цѣли и главныхъ правилахъ воспитанія» («Актъ въ Ярослав. Демид. училищѣ» 1831 г.); «Нѣкоторыя замѣчанія для сравнительной исторіи языковъ» («Журн. М-ва Нар. Просв.» 1831 г., ч. IV); «О всемірной исторіи, издавнн при Петрѣ Великомъ» (тамъ же, 1835 г., ч. V); «Не довѣряйте времени: оно обманетъ...» («Молва» 1835 г., № 11); «О примѣчательныхъ мужахъ, оказавшихъ услуги славянской словесности» («Журн. М-ва Нар. Просв.» 1836 г., ч. IX); «Основанія риторикн по новой и простой системѣ Аурбахера» (М. 1836 г., 2 ч.); «Основанія русской стилистики по новой и простой системѣ» (М. 1839 г.); «Историческій взглядъ на развитіе теоріи художественно-прекраснаго» (М. 1841 г.); «Объ участіи словесности въ системѣ общаго образованія» («Москвит.» 1842 г., кн. 8); «О воспитаніи» (тамъ же, 1843 г., кн. 10); «Августинъ Сахаровъ, епископъ оренбургскій и уфимскій» (тамъ же, 1844 г., кн. 8) и «Акты Ярославскаго Демидовскаго училища высшихъ наукъ, съ основанія онаго до преобразованія» («Журн. М-ва Нар. Просв.» 1845 г., ч. 47). Послѣднимъ трудомъ, посвященнымъ исторіи лица съ 1803—1834 г., З—въ какъ бы подводилъ итогъ и своей дѣятельности въ Ярославлѣ. Въ 1846 г., когда исполнилось 25 лѣтъ его ученой службы, онъ вышелъ въ отставку, но черезъ годъ, по приѣздѣ въ Москву, былъ утвержденъ инспекторомъ и профессоромъ русской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.

Эта новая педагогическая служба продолжалась 10 лѣтъ—по 1858 г. и отиѣтилась немногими печатными трудами, относящимися къ исторіи института: «Воспоминаніе о П. М. Меликовѣ» («Москвитян.» 1848 г., ч. VI), некрологъ И. Е. Лазарева («Московск. Вѣдом.» 1858 г., № 40) и «Историческій очеркъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ» (Спб. 1855 г., съ 10-ю портретами и 4-мя рисунками; второе дополнен. изд. М. 1863 г.). «Составленный мною очеркъ—писать авторъ въ предисловіи—да послужитъ началомъ исторіи описываемаго учебнаго заведенія, болѣе обширной и подробной; я, съ своей стороны, радуюсь, что успѣлъ сдѣлать начало, исполнивъ тѣмъ потребность нравственнаго чувства». Къ этимъ словамъ, въ видѣ оцѣнки труда, можно прибавить, что факты, собранные З—вымъ, съ немногими измѣненіями и добавками, вошли въ «Очеркъ пятидесятилѣтней дѣятельности Лазаревскаго института по случаю совершившагося пятидесятилѣтія». М. 1865 г. Наконецъ, послѣ 35-ти лѣтней службы (1822—1858 гг.) З—въ снова вышелъ и уже въ окончательную отставку, но не прекратилъ ни частной педагогической дѣятельности, ни учено-литературныхъ занятій. Онъ даже съ полупотухшимъ зрѣніемъ давалъ уроки въ малолѣтнемъ отдѣленіи Воспитательнаго дома и Маринско-Ермоловскомъ училищѣ: въ первомъ по русскому, а въ послѣднемъ по латинскому языку. Равнымъ образомъ до послѣдняго дня жизни, хотя и съ большими промежутками, маститый педагогъ не переставалъ печатать свои труды, напр., «Экспромтъ Г. Р. Державина» («Развлеченіе» 1860 г., № 47), «Потерянный рай, поэма Джона Мильтона», перев. съ англійск. М. 1861 г. (втор. изд.: М. 1871 г., съ присовокупленіемъ «Возвращеннаго рая»); «Къ біографіи барона Влад. Изв. Штейнгейла» («Московск. Вѣд.» 1862 г., № 218); «Марка Туллія Цицерона: «Бесѣда о старости», перев. съ латинск. (М. 1866 г.); «Римскія древности: описаніе государственнаго устройства, частной жизни и военнаго дѣла римлянъ», соч. Коппа, перев. съ нѣмец. (М. 1868 г.; втор. изд.; М. 1873 г.), «Привѣтствіе М. П. Погодину» («Пятидесятилѣтіе гражданск. и учен. службы М. П. Погодина», М. 1872 г.) и «Чудеса Господа нашего Іисуса Христа», соч. Тренча, перев. съ англ. (М. 1883 г.).

Даже и эта послѣдняя книга не оказалась предсмертнымъ трудомъ. Угасавшій старецъ началъ уже печатать большое оригинальное сочиненіе о римскихъ древностяхъ, но смерть, послѣдовавшая 14 февраля 1884 г. въ Москвѣ, не позволила ему увидѣть окончаніе его; оно было издано дважды послѣ его смерти: въ 1884 и 1887 гг. подъ заглавіемъ: «Римскія древности; описаніе общественной и частной жизни древнихъ римлянъ». Характерно, что послѣдними словами З—ва были: «Не такъ жаль расставаться съ жизнью, какъ расставаться съ трудомъ».

Д. Языковъ, «Учитель Лермонтова—А. З. Зиновьевъ» («Историч. Вѣстн.» 1884 г., кн. 6, стр. 605—610).—*Его же*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. IV, стр. 42—43. — «Московск. Вѣдом.» 1884 г., № 51.—«Московск. Церковн. Вѣдом.» 1884 г., № 9.—«Православн. Обзорніе» 1884 г., кн. 2, стр. 352—357, 398—400. — *Геннадіи*, Словарь, т. II.—«Сборникъ Общ. Любит. Рос. Словесности» 1891 г., стр. 150.

Мих—въ.

Зиновьевъ, Аванасій Алексѣевичъ. Въ 1629 году находился въ числѣ дворянъ, посланныхъ на Волуѣку. Въ 1638 г. онъ значится дворяниномъ московскимъ. Въ слѣдующемъ году былъ приставомъ у крымскаго посла и участвовалъ въ встрѣчѣ персидскаго посла въ Москвѣ, за Язуою на Владимірской дорогѣ. Въ 1648—49 гг. состоялъ товарищемъ судьи Московскаго суднаго приказа послѣдовательно при главныхъ судьяхъ: кн. Ив. Андр. Хилковѣ, Ив. Вас. Алферьевѣ и кн. Тимое. Ив. Щербатовѣ и въ 1650 г. сопровождалъ царицу Марью Ильинишну въ загородныхъ походахъ.

Акты Ист., IV.—Акты Моск. госуд., II.—Дв. разр., II и III.

В. Корсакова.

Зиновьевъ, Василій Васильевичъ, генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ, происходилъ изъ дворянъ Ярославской губерніи и былъ сыномъ президента Медицинской коллегии; родился въ 1814 г.; первоначальное образованіе получилъ въ Петроградскомъ университетскомъ пансіонѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Службу началъ 28-го октября 1832 года унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, изъ котораго по прошествіи трехъ лѣтъ былъ переведенъ въ Кавалер-

гардскій полкъ. Въ чинѣ поручика, будучи прикомандированъ къ Навагинскому пѣхотному полку, онъ въ 1838 г. участвовалъ съ Гребенскимъ казачьимъ полкомъ въ экспедиціи за Кубань, снаряженной противъ горцевъ, и находился въ дѣлахъ съ неприятелемъ во время высадки десанта въ устьяхъ рѣкъ Туапсе, Шансухо, Целиса и при возведеніи тамъ укрѣпленій; по окончаніи военныхъ дѣйствій З—въ вернулся въ свой полкъ и продолжалъ служить въ немъ до 1842 г., когда, вслѣдствіе болѣзни, принужденъ былъ подать въ отставку и былъ уволенъ отъ службы штабсъ-ротмистромъ. Въ 1851 г. онъ вновь вернулся на службу и былъ опредѣленъ капитаномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Съ открытіемъ же военныхъ дѣйствій противъ горцевъ въ 1852 г. участвовалъ съ Чеченскимъ отрядомъ при сосредоточеніи его у крѣпости Воздвиженской и въ жаркомъ дѣлѣ съ войсками Шамиля около ущелья Хулхулу. Въ февралѣ мѣсяцѣ, послѣ удачныхъ сраженій на рѣкѣ Джалгѣ и въ долинѣ Хулхулу, соединившись съ отрядомъ полковника Бакланова, З—въ участвовалъ въ блестящей побѣдѣ надъ горцами въ Маюртунскомъ мѣсу. Овладевъ неприятельской позиціей при Меликѣ, З—въ съ войсками вернулся въ крѣпость Грозную, въ окрестностяхъ которой въ концѣ мѣсяца была произведена рекогносцировка обоихъ береговъ рѣки Аргуна. Въ мартѣ мѣсяцѣ чеченскій отрядъ былъ распущенъ, но уже въ іюнѣ, вслѣдствіе появленія войскъ Шамиля въ Бумутскомъ ущельи, вновь сосредоточенъ въ Грозномъ и двинутъ къ Назрановскому укрѣпленію. Въ 1853 году послѣ многихъ перестрѣлокъ съ горцами З—въ участвовалъ въ пораженіи войскъ Шамиля около аула Гурдалай. Въ слѣдующемъ году находился въ экспедиціи чеченскаго отряда въ Большую Чечню. Въ іюлѣ того-же года З—въ былъ переведенъ въ егерскій генераль-адъютанта князя Чернышева полкъ, въ рядахъ котораго принималъ участіе въ блестящей побѣдѣ русскихъ подъ предводительствомъ генераль-адъютанта князя Бебутова надъ 60-тысячнымъ турецкимъ отрядомъ Мушира-Зерифа-Мустафы-паши. Въ 1857 году З—въ въ чинѣ полковника былъ прикомандированъ къ Грузинскому гренадерскому Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича полку; въ 1858 г. назначенъ состоять для особыхъ порученій

при главнокомандующемъ кавказской арміей. Когда же началось гражданское устройство Кавказскаго и Закавказскаго края, З—въ получилъ должность помощника начальника особаго управленія сельскаго хозяйства и колоній иностранныхъ поселенцевъ на Кавказѣ и занималъ ее до 1862 г., когда за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ генераль-маіоры и вновь причисленъ къ кавказской арміи. Въ 1863 г. З—въ былъ назначенъ гоф-маршаломъ двора наслѣдника цесаревича Александра Александровича, въ 1870 г. произведенъ въ генераль-адъютанты, а въ 1884 г. въ генераль-отъ-инфантеріи. Съ 1881 г. и до смерти, послѣдовавшей 21-го апрѣля 1891 г., онъ завѣдывалъ дѣлами и конторою августѣйшихъ дѣтей ихъ Величествъ и собственнымъ дворомъ государя Александра Александровича. З—въ имѣлъ много иностранныхъ и русскихъ орденовъ до ордена св. Александра Невскаго включительно.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Книга послужныхъ списковъ за 1864 г., № 4876.— «Сборникъ біографій кавалергардовъ, т. IV, стр. 106—107.— «Новое Время» 1891 г., № 5441.— «Новости» 1891 г., отъ 24 апрѣля.
И. Артамонова.

Зиновьевъ, Василій Николаевичъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ и камергеръ, сынъ петроградскаго оберъ-екоменданта, родился 30 ноября 1755 г., на пятомъ году жизни зачисленъ былъ въ Измайловскій полкъ и до 11 лѣтъ воспитывался въ домѣ родителей, а въ 1766 г., по воли императрицы Екатерины, въ числѣ 12-ти русскихъ дворянъ, отправленъ былъ на казенный счетъ въ Лейпцигъ для завершенія своего образованія. Здѣсь товарищами его по воспитанію были Радичевъ, Ушаковъ, Кутузовъ и Козодавлевъ, а руководителемъ маіоръ Вокумъ, впоследствии смѣненный другими гувернерами, изъ числа которыхъ, какъ самаго любимаго, З—въ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» называетъ доктора Кинда. О томъ, чему и какъ учили русскихъ юношей за границей, сохранилось очень мало указаній. Самъ З—въ говоритъ, что ихъ выучили нѣмецкому языку, а затѣмъ очень много заставляли читать разныя книги священнаго писанія. Все преподаваніе велось на иностранныхъ языкахъ, и несмотря на то, что при воспитанникахъ состоялъ учитель русскаго языка, родители З—ва

имѣли основаніе опасаться, что сынъ ихъ разучится писать по-русски. И дѣйствительно, З—въ въ послѣдствіи очень плохо владѣлъ русскимъ литературнымъ языкомъ; по-французски онъ писалъ тоже съ ошибками, а поэтому надо полагать, что заграничное образованіе его имѣло много пробѣловъ, отчасти пополненныхъ имъ впоследствии самостоятельно; такъ, напримѣръ, математику и англійскій языкъ онъ изучилъ уже будучи лѣтъ 30-ти. Въ Лейпцигѣ З—въ пробылъ до 1773 г., былъ за это время произведенъ (въ 1772 г.) въ капралы и въ сержанты, а по возвращеніи въ Россію назначенъ флигель-адъютантомъ въ штабъ генераль-фельдцейхмейстера кн. Г. Г. Орлова и въ 1775 г. — генераль-адъютантомъ въ тотъ же штабъ. Тѣмъ временемъ въ 1774 г. З—въ посланъ былъ въ качествѣ курьера въ Италію съ извѣстіемъ о заключеніи мира (Кучукъ-Кайнарджскаго) съ турками. Изъ Италіи онъ отправился въ Англію, затѣмъ провелъ 8 мѣсяцевъ въ Лейпцигѣ и около 1778 г., вернувшись въ Россію, послѣ смерти отца вступилъ во владѣніе своимъ имѣніемъ. Въ томъ же году онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Болѣе чѣмъ обезпеченное состояніе, знатная родня (Орловы, С. Р. Воронцовъ и др.) и репутація образованнаго человѣка въ это время приблизили З—ва ко двору, давали ему возможность жить беззаботно и весело. Но преждевременная смерть сестры Екатерины (въ 1781 г.), бывшей замужемъ за кн. Г. Г. Орловымъ, а затѣмъ и кончина послѣдняго (въ 1783 г.) произвели сильное впечатлѣніе на З—ва, онъ сталъ искать утѣшенія въ вѣрѣ и рѣшилъ вернуться въ чужіе края, чтобы «покинуть это мѣсто скорби и грѣха и сдѣлаться христіаниномъ по сердцу, а не по имени только». Его тянуло къ масонамъ, съ которыми онъ свелъ знакомство за границей. На этотъ разъ его путешествіе длилось около 6-ти лѣтъ и результатомъ его явились путевыя записки, имѣющія автобіографическій интересъ и любопытныя въ историческомъ отношеніи.

Въ сентябрѣ 1783 г. З—въ выѣхалъ изъ Петрограда, черезъ Нарву и Ригу, въ Германію, вновь побѣтилъ Лейпцигъ, побывалъ въ Берлигѣ, гдѣ представленъ былъ Фридриху Великому, Потсдамѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ и остановился въ

Брауншвейгѣ. Здѣсь онъ провелъ около шести мѣсяцевъ и близко сошелся съ герцогомъ Брауншвейгскимъ Фердинандомъ, главою всѣхъ масонскихъ ложъ того времени. Послѣдній сообщилъ З—ву подробныя свѣдѣнія объ «орденѣ» и при отъѣздѣ снабдилъ его многими рекомендательными письмами къ извѣстнѣйшимъ масонамъ, жившимъ во Франціи и Италіи. Къ нимъ и отправился З—въ; объѣздилъ Италію, жилъ нѣкоторое время въ Генуѣ, Римѣ, Неаполѣ и Туринѣ, а затѣмъ направился въ Лионъ, гдѣ познакомился съ кружкомъ выдающихся масоновъ, какъ-то: Виллермовъ, Ренацъ, Сень-Мартенъ и др., и самъ принятъ былъ въ число членовъ ордена. Въ январѣ 1786 г., вызванный своимъ другомъ С. Р. Воронцовымъ, З—въ уѣхалъ въ Лондонъ. Въ томъ же году онъ былъ пожалованъ въ камергеры и ѣздилъ временно въ Петроградъ, но вскорѣ опять вернулся въ Англію и предпринялъ здѣсь продолжительное путешествіе, посѣтивъ, между прочимъ, и Шотландію. Въ концѣ 1788 г. дѣла по имѣнію и окончаніе отпуска заставили З—ва вернуться въ Россію. На обратномъ пути, черезъ Францію, онъ вновь заѣхалъ въ Лионъ и прожилъ здѣсь около пяти мѣсяцевъ. Ко времени этого путешествія, какъ сказано выше, относятся путевыя записки З—ва, его «Журналъ», какъ онъ ихъ называетъ, писанныя по-французски въ формѣ писемъ къ С. Р. Воронцову. (Русскій переводъ сохранившейся части «Журнала», съ нѣкоторыми сокращеніями, напечатанъ въ «Русской Старинѣ» за 1878 г., октябрь, ноябрь, декабрь). Характеризуя самого автора-масона, записки эти интересны и для характеристики того образованнаго меньшинства въ обществѣ конца XVIII в., къ которому принадлежалъ З—въ. Во многихъ мѣстахъ его записокъ проглядываетъ товарищъ Радищева; онъ увлекается судомъ присяжныхъ въ Англіи, пишетъ о необходимости ограничить произволъ помѣщиковъ, разсуждаетъ о лучшей организаціи войска и т. д. Тонкій цѣнитель искусства, онъ съ любовью изучаетъ картины и статуи въ Италіи и съ видимымъ удовольствіемъ даетъ отчетъ о нихъ своему другу. По возвращеніи въ Петроградъ З—въ продолжалъ вести свой «Журналъ» уже на русскомъ языкѣ («Русская Старина» 1878 г., декабрь), но отъ

этого времени сохранился только отрывокъ, относящійся къ 1790 г.

Въ 1794 г. З—въ былъ опредѣленъ президентомъ медицинской коллегіи и вслѣдъ затѣмъ (въ 1795 г.) произведенъ въ тайные совѣтники. 24 декабря 1799 г. послѣдовалъ указъ о назначеніи его къ присутствованію въ комиссіи объ учрежденіи школъ и въ Сенатѣ, съ оставленіемъ въ должности президента медицинской коллегіи, а въ въ 1800 г. (3 января) ему повелѣно было присутствовать въ З—мъ департаментѣ Сената, вѣдающемъ, между прочимъ, дѣла медицинской коллегіи; въ то-же время онъ былъ прикомандированъ и къ мѣшковому департаменту Сената. Однако служба З—ва въ Сенатѣ была непродолжительна: 1-го февраля того-же 1800 г. онъ вышелъ въ отставку; жилъ затѣмъ въ своемъ имѣніи Орловской губерніи и въ селѣ Копорьѣ, Ямбургскаго уѣзда, гдѣ и скончался 7 января 1827 года.

Кромѣ упомянутаго путевого «Журнала», З—въ оставилъ свои «Воспоминанія», написанныя имъ въ 1806 г. по просьбѣ тещи его, г-жи Врейткопфъ. Въ этихъ «Воспоминаніяхъ» мы находимъ небезынтересныя указанія на жизнь 12-ти русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ и имѣемъ возможность прослѣдить, какъ съ годами пылкій энтузіазмъ и нѣкогда искренній масонъ начинаетъ подвергаться критикѣ все то, чему прежде вѣрилъ слѣпо и безъ разсужденія. «Воспоминанія» З—ва, являясь въ нѣкоторомъ отношеніи какъ-бы дополненіемъ къ его дневнику, также написаны по-французски. Дѣлалъ попытки З—въ писать и по-русски. Такъ, онъ самъ упоминаетъ о сдѣланномъ имъ переводѣ съ англійскаго какого-то нравоучительнаго сочиненія, а близкій другъ его кн. П. Д. Цицѣановъ въ одномъ изъ писемъ своихъ въ 1785 г. съ восторгомъ отзывается о какомъ-то его сочиненіи на нравственно-религіозную тему, написанномъ по-русски очень хорошо и ясно; слегка только пеняетъ онъ автору за «грамматикальнныя» погрѣшности. Однако эти русскія сочиненія З—ва до насъ не дошли.

З—въ былъ женатъ три раза и оставилъ многочисленное потомство.

«Русская Старина» 1878 г., октябрь, ноябрь и декабрь. — «Русскій Архивъ» 1870 г., стр. 932—954; 1872 г., стр. 2100—2173. — «Русскій Инвалидъ» 1814 г., № 50. — Формуляръ

о службѣ В. Н. Зиновьева, хранящейся въ архивѣ Им. Рус. Истор. Общества. — *Иж. А. В. Лобановъ-Ростовскій*, «Русская родословная книга», т. I, стр. 169—170.

А. Г.

Зиновьевъ, Георгій Терентьевичъ, иконописецъ Оружейной палаты, жалованный иконописецъ. Родомъ изъ крестьянъ, принадлежалъ помѣщику Гаврилу Островскому, отъ котораго былъ купленъ за 100 рублей и опредѣленъ въ Оружейную палату 31 мая 1667 года въ ученики къ знаменитому русскому иконописцу Симону Ушакову. Въ 1668 году З—въ писалъ иконы въ церковь св. Григорія Неокессарійскаго въ Москвѣ на Полянкѣ, въ 1670 году, въ июлѣ мѣсяцѣ, написалъ икону великомученицы Татьяны, для дочери царя Алексея Михайловича, въ 1682 году былъ командированъ въ Батурия въ писать иконы для церквей, въ январѣ 1687 года писалъ иконы для Діонисія, Константинопольскаго патриарха и въ 1700 году переписалъ образъ Господа Вседержителя въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ; этотъ образъ, по преданію, былъ присланъ византійскимъ императоромъ Мануиломъ великому князю Андрею Боголюбскому. Кромѣ того, кисти З—ва принадлежитъ икона Богородицы Милостивой въ иконостасѣ церкви Иоанна Предтечи, въ Старо-Конюшенномъ переулкѣ, и образъ Деисусъ (въ собраніи графа Строгонова). По словамъ А. И. Успенскаго, «Г. Т. Зиновьевъ принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ иконописныхъ работахъ своего времени. Возлагались на него и спеціальныя порученія, какъ на мастера, отличавшагося добросовѣстностью. Въ иконописи усвоилъ онъ Ушаковскій характеръ; писалъ по древнимъ образцамъ, но въ то же время придавалъ своимъ произведеніямъ своеобразную свободу живописи, свѣтлый колоритъ,—словомъ, вносилъ элементы свободной живописи, насколько возможно было то по понятіямъ объ иконописи, какъ искусствѣ».

А. Успенскій, «Царскіе иконописцы», т. I, ст. 83 и сл.

П. С.

Зиновьевъ, Дмитрій Николаевичъ, журналистъ, издатель-редакторъ «Казанскихъ Извѣстій», по происхожденію казанскій дворянинъ и помѣщикъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ весьма скудны. Извѣстно, что онъ сначала состоялъ на

военной службѣ, а затѣмъ, переименованный изъ поручиковъ въ титулярные совѣтники, служилъ по выбору дворянства застѣвателемъ въ Казанской уголовной палатѣ. З—въ, если и не былъ ученымъ человекомъ, то несомнѣнно интересовался и наукой, и литературой. Въ концѣ XVIII ст. въ русской литературѣ, какъ извѣстно, имѣло мѣсто значительное умственное движеніе, которое нашло себѣ нѣкоторое отраженіе и въ глухой провинціи. Появились любители науки и литературы. Къ числу такихъ любителей, затронутыхъ культурными вліяніями эпохи, принадлежалъ и З—въ. Будучи по натурѣ человекомъ живой общечеловѣчности и широкой дѣятельной инициативы, онъ предпринялъ рядъ попытокъ въ цѣляхъ испробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Такъ, еще въ 1788 г. онъ издалъ въ Москвѣ «Топографическое описаніе Казани и ея уѣзда», а въ 1791 г. напечаталъ тамъ же повѣсть «Торжествующая добродѣтель или жизнь и приключенія гонимаго фортуною Селима». Затѣмъ въ 1807 г. онъ издалъ еще двѣ книги: одну въ Москвѣ — «Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе» и другую «Набатъ по случаю войны съ французами», замѣчательную, между прочимъ, тѣмъ, что это была первая книга, отпечатанная въ Казани, въ типографіи губернскаго правленія, которую содержалъ самъ З—въ. Такова была литературная подготовка З—ва, когда въ Казани возникла идея объ изданіи газеты, идея, въ осуществленіи которой ему пришлось выступить инициаторомъ. Первая мысль объ изданіи въ Казани періодическаго органа принадлежитъ, впрочемъ, не З—ву, а директору университета Яковкину, и возникла эта мысль, повидимому, на чисто коммерческой почвѣ. Проектъ изданія «Извѣстій» былъ составленъ адъюнктомъ университета Запольскимъ, который, какъ человѣкъ, «придѣланный къ экономіи», ставилъ исключительной задачей газеты посредничество «при продажахъ и покупкахъ», и только въ видѣ дополненія, «дабы сообщить «Казанскимъ Извѣстіямъ» привлекательность, ввелъ въ программу печатаніе метеорологическихъ данныхъ, «логогрифъ, загадки и басенки». Но попечитель округа не одобрилъ проекта. Запольскій, однако, не оставилъ своей мысли. Соединившись съ содержателемъ типографіи при губернскомъ правленіи

З-вымъ, онъ обратился съ своимъ проектомъ къ губернатору, который препроводилъ проектъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Изданіе предполагалось на этотъ разъ не только на русскомъ, но и на татарскомъ языкѣ. Послѣ почти трехлѣтнихъ мытарствъ «Казанскія Извѣстія» были, наконецъ, разрѣшены и стали выходить, но только на одномъ русскомъ языкѣ и подѣ редакціей одного З-ва, такъ какъ Запольскій къ этому времени скончался. Первый № «Извѣстій» вышелъ 19 апрѣля 1811 г. Все содержаніе его заключалось въ объявленіяхъ отъ «казенныхъ мѣстъ» и «партикулярныхъ людей», и только одинъ эпиграфъ, замѣнившій передовую статью: «Я дѣло самое въ листахъ сихъ извѣщаю, читателей моихъ не ложно обольщаю» — нарушалъ однообразіе номера. Слѣдующіе номера, выходившіе разъ въ недѣлю, хотя и «извѣщали» почти то же самое, все же время отъ времени стали разнообразиться небольшими литературными замѣтками самого редактора-издателя. Появилась рубрика «Полезное» съ статистическими данными мѣстно-областного характера. Въ 4 номерѣ «Извѣстій» было напечатано заявленіе редактора о томъ, что онъ предлагаетъ премію (золотую медаль въ 10 червонцевъ) тому изъ казанскихъ помѣщиковъ, кто съ успѣхомъ засѣетъ растущую въ Казанской губ. траву шелкунецъ и выработаетъ изъ сѣмянъ ея масло, годное въ хозяйствѣ и врачевствѣ. Въ 5 номерѣ напечатана была статейка издателя «Весна», въ 9 номерѣ — анекдоты «для пріятнаго препровожденія времени», въ 11 номерѣ — замѣтка его же: «Нѣчая о г. Свіяжскѣ, описывающая мѣстоположеніе города и его окрестностей» и проч. Раздвигая такимъ образомъ понемногу тѣсныя рамки «Казанскихъ Извѣстій» и, вѣроятно, предполагая въ ближайшемъ будущемъ выдвинуть подѣ рубрикой «Полезное» различные мѣстные сельско-хозяйственные вопросы, З-въ, конечно, и не предполагалъ, что въ Петроградѣ зорко слѣдятъ за его скромной дѣятельностью и что онъ, выпустивъ только три номера, уже успѣлъ провиниться. Въ столицѣ усмотрѣли въ «Извѣстіяхъ» нѣсколько ошибокъ и при этомъ «не только типографскихъ», но даже противу... «слога и языка», объясняющихся, безъ сомнѣнія, простымъ недосмотромъ. Тѣмъ не менѣе эти «ошибки

противу слога и языка» не прошли безслѣдно. По предписанію министра народного просвѣщенія, на Казанскій университетъ возложено было «попеченіе», чтобы газета З-ва «издаваема была впрядь исправнѣе и пристойнѣйшимъ образомъ». Цензура газеты была возложена на проф. Городчанинова и адъюнкта Перевощикова. Но этимъ дѣло не кончилось. Въ 9 номерѣ «Извѣстій» З-въ, несмотря на университетскую цензуру, снова проштрафился, и на этотъ разъ уже по «существу». Въ числѣ анекдотовъ «для пріятнаго препровожденія времени» онъ помѣстилъ слѣдующій рассказъ о Малербѣ: «Философъ Малербъ за часъ до смерти своей привсталъ съ постели и какъ бы слушалъ нѣчто съ большимъ вниманіемъ. Духовникъ предлагалъ ему начать исповѣдь и, описывая богатства будущей жизни, спрашивалъ его: не предчувствуютъ ли онъ чего небеснаго? — Все земное, отецъ мой, все еще земное! Небеснаго я ничего не чувствую — отвѣчалъ Малербъ: штиль рассказовъ твоихъ приближаетъ только конецъ мой». Этотъ анекдотъ, которому, З-въ не придавалъ, очевидно, никакого особеннаго значенія, побудилъ начальство принять противъ З-ва новыя репрессивныя мѣры: онъ былъ совсѣмъ устраненъ отъ издательства и редакторства, а газета передана была всецѣло университету. Такимъ образомъ на 18 номерѣ издательская дѣятельность З-ва и прекратилась. Такъ закончился начальный періодъ существованія первой провинціальной газеты, какъ предприятие частнаго лица. Есть основаніе думать, что З-въ могъ бы вести газету и даже придать ей опредѣленную фізіономію. «Типографскія ошибки» и погрѣшности «противу слога и языка» — дѣло, конечно, случайное и второстепенное; работы на первыхъ порахъ было не мало, и о мелочахъ некогда было думать. З-ву, по его собственнымъ словамъ, «приходилось трудиться одному безъ наималѣйшаго пособія другихъ»; въ типографіи не хватало шрифта, наборщиковъ и газетной бумаги. Иногородніе сотрудники, не зная еще литературныхъ порядковъ, доставляли статьи «безъ подписи фамилій», такъ что печатать ихъ было невозможно. Всѣ эти чисто внѣшнія неудобства могли бы устраниться, и дѣло вступило бы на болѣе спокойный путь. Не внушала опаснѣй за дальнѣйшую судьбу изданія и внутренняя сторона его.

Не говоря уже о томъ, что З-въ имѣлъ нѣкоторую литературную практику въ предшествующее время, онъ живо интересовался сельскимъ хозяйствомъ и различными вопросами сельско-хозяйственной и вообще промышленной техники. Онъ то открываетъ какое-то поядное растеніе, приносящее орѣхи, и сообщаетъ объ этомъ Импер. вольно-экономическому обществу, то посылаетъ въ Академію Наукъ образцы сѣрнаго колчедана, обнаруженные имъ на Камѣ близъ Лаишева, то производитъ разнообразныя сельско-хозяйственныя опыты и доводитъ о результатахъ до свѣдѣнія тогдашнихъ специальныхъ ученыхъ обществъ. По всей вѣроятности, эти опыты и сообщенія лишены были нѣкотораго значенія. По крайней мѣрѣ З-въ удостоенъ былъ отъ Императ. вольно-экономич. общества 3-хъ золотыхъ медалей и, кромѣ того, избранъ въ число членовъ разныхъ специальныхъ обществъ, о чемъ свидѣлствуетъ его обычная подпись подъ статьями: «Дмитрій Зиновьевъ, казанскій помѣщикъ, Импер. вольно-экономическаго, Харьковскаго фило-техническаго, Финляндскаго и многихъ ученыхъ обществъ членъ».

Эта подпись, между прочимъ, вывѣняетъ, что Д. Н. З-въ былъ авторомъ письма къ издателю «Сѣверной Пчелы» В. Н. Каразину (1860 г., стр. 369), въ которомъ пишущій благодаритъ послѣдняго за избраніе его въ корреспонденты Фило-техническаго общества и за присылку Актовъ этого общества; между тѣмъ какъ въ примѣчаніи къ названной газетѣ говорится, что авторъ этого письма и послѣдующихъ (намъ не удалось ихъ найти), не извѣстенъ, «видно только, что Каразинъ умѣлъ выбирать корреспондентовъ для Филотехническаго общества».

Отстраненный отъ редакторства газеты, З-въ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ сотрудничать въ ней, помѣщая разныя статьи. Изъ нихъ извѣстны слѣдующія: 1) «О казанскомъ пороховомъ заводѣ и размерахъ его производства»; 2) «О суконной фабрикѣ въ селѣ Алексѣевскомъ Лаишевскаго уѣзда»; 3) «О мыльныхъ заводахъ Казани—численность и цѣнность производства»; 4) «О рыбъ-желѣзницѣ—способъ заготовленія ея въ краѣ чувашами и черемисами»; 5) «О добротѣ и свойствахъ водъ въ Казани и причиноющихся людямъ болѣзняхъ и скотскихъ падежахъ»; 6) «О

произрастеніяхъ Казанской губ., достойныхъ вниманія по употребленію ихъ простыми народомъ во врачеваньѣ, въ пищу и въ хозяйствѣ»; 7) «О разведеніи въ Казанской губерніи сурепицы и способахъ приготовленія изъ сѣмянъ ея кофе»; 8) «О разведеніи фабрикъ для выдѣлки съѣдобнаго масла»; 9) «О разведеніи койды, доставляющей синюю краску»; 10) «О городѣ Лаишевѣ» (важность, населеніе, промыслы) и 11) «Казанскія записки» (важность Казани, ея положеніе и легенды о происхожденіи, а также и описаніе городища Иска-Казань, т. е. Старая Казань).

Любопытны три сохранившіеся факта, которые являются дополненіемъ къ данной характеристикѣ З-ва: 1) въ 1809 г., по смерти директора казанскихъ народныхъ училищъ Волинскаго, З-въ просилъ попечителя назначить его на эту должность, предлагая исполнять ее совершенно безвозмездно, но Румовскій почему-то отклонилъ это ходатайство; 2) во время страшнаго казанскаго пожара 1815 г. въ то время, когда населеніе было охвачено паникой, З-въ не потерялъ присутствія духа, помогая многимъ несчастнымъ въ горѣвшихъ домахъ и вынесъ изъ присутствія уголовной палаты многія дѣла и казну, а также спасъ многіе документы изъ губернскаго архива и приказа общественнаго призрѣнія и 3) въ 1806 г., когда во время войны съ французами организована была въ Россіи милиція, З-въ, находившійся въ то время уже на гражданской службѣ, снова взялся за оружіе, былъ нарочитымъ начальникомъ тетюшской милиціи и напечаталъ вышеуказанную книгу подъ заглавіемъ: «Набатъ по случаю войны съ французами», предисловіе къ которой рельефно рисуетъ энергичную и отзывчивую натуру З-ва.

«Волжскій Вѣстникъ» 1898г., №№ 99, 106.—*Геннадіи*, Словарь, т. II, стр. стр. 32—33.

II—сѣ.

Зиновьевъ, Яковъ. Въ 1594 г. онъ былъ подьячимъ и вмѣстѣ съ Воиномъ Ивановичемъ Завалишнымъ описывалъ помѣстныя, вотчинныя, монастырскія и церковныя земли въ погостахъ Новгорода Великаго. Въ 1601 г. онъ числится приказнымъ въ Чебоксарахъ. Въ царской грамотѣ ему писано, что изъ Москвы послана въ Чебоксары съ Яковомъ Вельяминовымъ теща Феод. Никит. Ро-

манова, Марья Шестова, и велѣно постричь ее въ Чебоксарскомъ дѣвчьемъ монастырѣ. Въ самый день прїѣзда, 2-го августа 1601 г., она была пострижена въ Никольскомъ дѣвчьемъ монастырѣ Троицкимъ игуменомъ Іоаннкіемъ, въ присутствіи Вельяминова и З—ва. Такъ какъ Борисомъ Годуновымъ было строго запрещено Шестовой выходить изъ монастыря и никому не дозволено приходитъ къ ней, разговаривать и приносить грамотки, то З—въ «для всякаго береженья» приказалъ «тое старицу въ дѣвичь монастырѣ беречи сыну боярскому Микитѣ Трусову, потому что въ томъ монастырѣ слугъ нѣтъ».

Акты Ист., II.—Оп. Арх. Мпн. Юст., I.—Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII столѣтія».

В. Корсакова.

Зиновьевъ, Иванъ Васильевичъ, врачъ, родился въ 1847 г.; по окончаніи медицинскаго образованія въ Московскомъ университетѣ (1869 г.) состоялъ въ теченіе 10-ти лѣтъ ординаторомъ Старо-Екатеринской чернорабочей больницы, гдѣ специализировался по горловымъ болѣзнямъ. Для усовершенствованія въ этой области медицины З—въ нѣсколько разъ предпринималъ поѣздки за границу и среди московскихъ ларингологовъ успѣлъ занять почетное мѣсто. Последнее время, кромѣ своей специальности, онъ усердно занимался бактериологіей. Скончался онъ 13 апрѣля 1889 г. въ Москвѣ. З—въ оставилъ рядъ слѣдующихъ специальныхъ работъ, напечатанныхъ въ разныхъ медицинскихъ журналахъ: «Случай послѣдовательной атрофіи зрительнаго нерва» («Московск. Медиц. Газета» 1871 г., № 10); «Нѣсколько словъ о значеніи виннаго спирта въ ушной практикѣ» (ib. 1872 г., № 38); «Oesophagitis съ исходомъ въ нарывъ» («Пр. М. Рус. Вр.» 1872 г., № 57); «О дѣйстви ваннъ изъ спирта при хроническомъ и остромъ воспаленіи наружнаго слухового канала» (ib. 1872 г., № 68); «Къ терапіи сухого катарра барабанной полости» («Моск. Мед. Газ.» 1873 г., № 827); «Искусственное прободеніе барабанной перепонки» («Пр. М. Рус. Вр.» 1875 г.); «Случай перихондрита гортани, chondritis vocalis inferior» («Пр. Ст. Екат. Моск. больн.» 1878, I); «Стафилома послѣ оспы. Помутнѣніе стекловиднаго тѣла» (ib., 21); «Къ казуистикѣ ино-

родныхъ тѣлъ въ ухѣ» («Тр. М. Рус. Вр.» 1881 г., II, 29-37); «Трахеотомія, какъ терапевтическое средство при пораженіи гортани» («Медиц. Обзор.» 1882 г., XVII, 74); «Къ вопросу озловонномъ насморкѣ» (М. 1882 г.); «Къ этиологіи перестезіи глотки» («Тр. Моск. Рус. Вр.» 1883 г., II, 140-162) и «Объ otomycosis aspergillina» (ib. 1884 г., II, 70-88).

Л. Зиновьевъ, «Русскіе врач-писатели», вып. IV, стр. 126.—Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. IX, стр. 30.—«Русскія Вѣдомости» 1889 г., № 109.—«Московскія Вѣдомости» 1889 г., № 110. «Гражданинъ» 1889 г., № 114.

Степ.

Зиновьевъ, Иванъ Ивановичъ. Въ 1600 г. былъ назначенъ подьячимъ. Известно, что въ томъ же году онъ участвовалъ въ посольствѣ къ английской королеви Елизаветѣ дворянина Григорія Микулина; въ качествѣ посольскаго переводчика назначенъ былъ Андрѣй Гротъ. Они выѣхали изъ Москвы 15 мая 1600 г., въ Архангельскъ прибыли 9 іюля, отплыли отсюда 1 августа и 18 сентября достигли Лондона. Посольство было торжественно встрѣчено подъ Гравсендомъ; за Микулинымъ и З—мъ королева Елизавета прислала *коши*.

Относительно ихъ пропитанія лордъ Пемброкъ заявилъ имъ: «Государыня наша велѣла про васъ вѣсти готовить своимъ поваромъ; а впередъ, какъ похотите, королевиннымъ или своимъ». Первый приемъ ихъ королевой произошелъ 14 октября въ Ричмондѣ. 6 января 1601 г., идя къ обѣднѣ, королева пригласила Микулина и З—ва посмотреть ихъ «чины», а затѣмъ къ себѣ обѣдать; изъ почтенія къ Борису Годунову, котораго она называла «своимъ братомъ сердечнымъ», издавна мнотившимъ къ англичанамъ, она приказала Микулина, З—ва и переводчика Грота посадить за особымъ столомъ у себя по лѣвую руку, тогда какъ флорентійскій князь, шуринъ французскаго короля, обѣдалъ въ другой палатѣ съ лордами. 16 мая 1601 г. посольство было принято королевой въ послѣдній разъ, 21 мая выѣхало изъ Лондона, а 14 іюля прибыло въ Архангельскую присталь. Въ 1609 г. З—въ былъ дьякомъ и находился въ Выборгѣ при заключеніи Сем. Вас. Головинымъ договора съ шведскими уполномоченными

относительно вспомогательнаго войска царю Вас. Ив. Шуйскому.

Н. Н. Вантыль - Каменскій, «Обзоръ вѣдшихъ сношеній Россіи». М. 1894 г., ч. 1, стр. 99. — *Кирамзинъ*, «Истор. Рос. Рос.». Спб. 1814 г., т. VI, прим. 101; т. XII, стр. 91. *В. Корсакова*.

Зиновьевъ, Иванъ Ивановичъ, конторщикъ въ одномъ богатомъ домѣ, сынъ бѣдныхъ родителей, обучался въ уѣздномъ училищѣ. Служебную карьеру началъ шенцомъ въ Ефремовскомъ окружномъ правленіи, откуда въ 1840 г. былъ перевѣщенъ на ту же должность въ Воронежскую казенную палату, а въ 1858 г. назначенъ секретаремъ тамошней городской думы; однако въ послѣдней должности онъ оставался недолго, перевѣшивъ ее въ 1861 г. на скромную должность конторщика. Въ глухой борьбѣ съ нуждою утѣшеніемъ для него служила литература, при чемъ литература, такъ сказать, воронежская: Кольцовъ и Никитинъ. Въ бумагахъ З—ва де-Шуле нашелъ тетрадь стиховъ, писанныхъ имъ въ 40-хъ годахъ подъ сильнымъ вліяніемъ Кольцова. Между ними есть стихотвореніе «На могилу Кольцова», слабое по выраженію, но проникнутое неподдѣльнымъ чувствомъ. Литературная дѣятельность З—ва была самая скромная, ограничивавшаяся провинціальной корреспонденціей; но этой корреспонденціей дорожили такія періодическія изданія, какъ «Русскій Дневникъ», «Русское Слово» и «День». Любовь же къ литературнымъ занятіямъ заставила З—ва познакомиться съ поэтомъ Никитинимъ, а черезъ него и съ лицами, близкими къ послѣднему. Никитинъ, крайне осторожный въ выборѣ знакомствъ, радушно принялъ скромнаго, до тѣхъ поръ никому неизвѣстнаго чиновника и полюбилъ его отъ всей души. Въ кругу лицъ, близкихъ къ Никитину, З—въ сдѣлался вскорѣ своимъ человекомъ и, испытывая на себѣ ихъ вліяніе, самъ перѣдко дѣйствовалъ благотворно на нихъ. Онъ внесъ въ воронежскій кружокъ то практическое направленіе, котораго ему недоставало. З—ву принадлежитъ первая мысль о литературныхъ чтеніяхъ, о воскресныхъ школахъ и провинціальномъ сборникѣ. Въ «Воронежской Бесѣдѣ» ему принадлежитъ статья «Нѣчто о воронежскихъ пустосятахъ и юродивыхъ» и первоначальная обработка статьи: «Историческая замѣтка

о городѣ Воронежѣ». Въ послѣднее время З—въ хотѣлъ посвятить свой досугъ газетѣ «Воронежскія Губ. Вѣдомости» и съ этою цѣлью обратилъ вниманіе на обработку матеріаловъ, относящихся къ пребыванію Петра I въ Воронежѣ, но смерть помѣшала ему видѣть эту работу напечатанною. Скончался онъ 9 апрѣля 1862 г. на 38 году жизни.

«Воронежскія Губ. Вѣдомости» (статья де-Шуле) 1862 г., № 16.

Поговъ.

Зиновьевъ, Иванъ Ивановичъ, (род. 1806 г. † 10 ноября 1884 г.), происходилъ изъ дѣховыхъ, «вѣчнаго живописнаго цѣха мастеръ», учился въ Академіи Художествъ, гдѣ въ 1839 году получилъ званіе некласснаго художника за рисунокъ плафона для церкви, и всю свою долгую жизнь былъ зауряднымъ церковнымъ живописцемъ, разрисовывавшимъ церкви своими плафонами.

«Художественная Газета 1840 г., № 21. — *Кондаковъ*, «Исторія. Ак. Худ.», т. II, ст. 76. *П. С.*

Зиновьевъ, Иванъ Петровичъ. Въ 1627 г. былъ воеводой на Мезеви; въ 1631 г. находился при городовыхъ дворянахъ въ Можайскѣ съ князьями Черкасскимъ и Пожарскимъ; въ 1636—33 г.г. онъ значится дворяниномъ Московскимъ, а въ 1647—48 г.г. воеводой въ Муромѣ. 18 февраля 1648 г. изъ Разряда была послана З—ву царская грамота для допоставленія ея арзамасскому воеводѣ Травину, которому велѣно было собрать дворянъ и дѣтей боярскихъ арзамасцевъ, бывшихъ на службѣ въ 1647 г., для обереганія отъ ногайскихъ людей въ понизовыхъ городахъ съ околичнымъ Богд. Матв. Хитрово. Травинъ получилъ отъ З—ва эту грамоту лишь 18 апрѣля, о чемъ и увѣдомилъ Разрядъ, опасаясь «быть отъ государя въ опалѣ» за неисполнительность, происшедшую по винѣ З—ва.

Дв. разр. II.—Р. И. В., X.—Акты Моск. госуд., II.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII стол.».

В. Корсакова.

Зиновьевъ, Иванъ Семеновичъ. Въ 1646 г., будучи дьякомъ, былъ назначенъ въ посольство въ Кизильбаши, т. е. въ Персію; окладъ ему былъ 65 р., и онъ просилъ прибавки: «и мнѣ съ такого малого оклада,—писалъ онъ въ челобитной,—подняться на такую дальнюю службу не-

чѣмъ». Въ видѣ примѣра онъ приводилъ, что дьякъ Помѣстнаго приказа Нлкіята Головинъ, будучи назначенъ въ посольство въ Швецію, получилъ денежный окладъ 90 руб. и помѣстный 700 четн. З—ву дана была прибавка, но съ условіемъ, что по возвращеніи изъ Персіи «за службу» эту вторичной прибавки не будетъ. Въ 1649 г. онъ былъ разряднымъ дьякомъ, въ 1653 г. объѣзжимъ головою въ Кремлѣ для береженья отъ огня, въ 1659 г. дьякомъ въ Приказной Палатѣ, въ 1660 г. въ Новгородѣ и въ 1665 г. въ приказѣ Большого Прихода; наконецъ, въ 1679 г. онъ былъ у Соли-Вычегодской «подъячимъ съ приписью» вмѣстѣ съ воеводой Андреемъ Поливановымъ.

Доп. къ Акт. Ист., IV, V, IX. — Акты Моск. госуд., II. — Дв. разр., II.

В. Корсакова.

Зиновьевъ, Иванъ, бояринъ Московскій, въ іюнѣ 1474 г. посланъ былъ Іоанномъ III въ Псковъ объявить псковитянамъ, что великій князь согласенъ принять ихъ посольство, которое незадолго передъ тѣмъ, въ маѣ, тщетно добивалось милости видѣть «государевы очи». Три года спустя, лѣтомъ 1477 г., З—въ опять ѣздилъ въ Псковъ съ порученіемъ великаго князя: на этотъ разъ ему велѣно было поднимать псковитянъ противъ Новгорода, съ непокорной вольницей котораго Іоаннъ рѣшилъ покончить безповоротно. Псковъ, какъ извѣстно, не посмѣлъ послушаться воли московскаго повелителя и явился его дѣятельнымъ помощникомъ въ нанесеніи послѣдняго удара своему «старшему брату» — Великому Новгороду. Въ 1478 г., послѣ того какъ новгородское самоуправленіе было уничтожено, бояринъ З—въ, вмѣстѣ съ Василиемъ Китаевымъ, посаженъ былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ на «Владычней» сторонѣ; имъ велѣно было править всякія дѣла, судебныя и земскія, «по великаго князя поплннамъ и по старинамъ», а также вѣдать и вѣщія сношенія Великаго Новгорода. Въ должности новгородскаго намѣстника З—въ пробылъ нѣсколько лѣтъ: а въ январѣ 1481 г. посланъ былъ съ княземъ Василиемъ Ѳедоровичемъ Шуйскимъ и «всею ратною приправою» во главѣ новгородской рати на помощь Пскову противъ нѣмцевъ. Новгородская рать соединилась съ псковской силою и съ великокняжескимъ войскомъ, пришедшимъ подъ начальствомъ

кн. Ивана Булгака и кн. Ярослава Оболенскаго, вторглась въ пѣмецкую землю и въ теченіе четырехъ недѣль разоряла мѣстную землю и окрестности Юрьева. Взяты были города Каркусь и Вельядь, и воеводы вернулись изъ похода съ богатою добычею. Въ слѣдующемъ 1482 году бояринъ З—въ, очевидно уже на прежнихъ службахъ оправдавшій довѣріе Іоанна III, отправленъ былъ съ Андреемъ Плещеевымъ къ Волошскому воеводѣ Стефану сватать дочь послѣдняго Елену за князя Іоанна Молодого. Лѣтописецъ говоритъ, что король польскій имъ «пути не хотѣ дати», но, повидимому, посольство достигло своей цѣли, потому-что, какъ извѣстно, намѣченный великимъ княземъ бракъ состоялся.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 250, 256, 258, 261, 265; т. V, стр. 37, 38, 41; т. VI, стр. 19, 22, 33, 220, 234; т. VIII, стр. 199, 214. — *Н. Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», изд. Эйперлинга, т. VI, стр. 81, 106; пр. 156, 203.

Зиновьевъ, Николай Васильевичъ, генераль-адъютантъ, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, почетный опекунъ учрежденій Императрицы Маріи, генераль-стѣ-инфантеріи, родился 8 сентября 1801 г. Мать его была внучкой протопресвитера Дубенскаго, духовника императрицы Елизаветы Петровны, отъ котораго и идетъ значительное сосестіаніе З—ва. Образование получилъ въ частномъ учебномъ заведеніи, послѣ чего въ 1818 г. поступилъ на службу прапорщикомъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Два года спустя, З—въ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ и съ первыхъ же шаговъ фронтовой службы успѣлъ выдѣлиться, какъ усердный и распорядительный офицеръ. Въ чинѣ поручика ему былъ Всемпослѣднѣе пожалованъ брилліантовый перстень за участіе въ обученіи команды жолонеровъ гвардейскаго корпуса. Въ 1828 г. съ открытіемъ Турецкой войны штабъ-капитанъ З—въ вмѣстѣ съ полкомъ былъ посланъ въ Турцію. По переходѣ черезъ Дунай онъ участвовалъ въ осадѣ Варны, при чемъ въ теченіе мѣсяца велъ тяжелыя осадныя работы подъ сильнымъ огнемъ непріятеля и занималъ караулы въ ближайшихъ къ крѣпости траншеяхъ; за мужество и распорядительность, выказанныя во время осады Варны, З—въ награжденъ былъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. По

окончани войны онъ женился на фрейлинѣ императрицы Александры Теодоровны, Юліи Николаевнѣ Батюшковой, сестрѣ поэта К. Н. Батюшкова, и продолжалъ въ теченіе 10 л. служить въ полку. Въ 1833 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и командовалъ батальономъ. Пользуясь съ раннихъ лѣтъ милостію императора Николая Павловича, З—въ при бракосочетаніи вел. княжны Маріи Николаевны въ 1839 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому. Произведенный въ 1843 г. въ генераль-майора и оставленный состоять при герцогѣ Лейхтенбергскомъ, З—въ былъ назначенъ въ томъ же году временно исправляющимъ должность директора Пажескаго корпуса, за отсутствіемъ генераль-майора Игнатова, и въ этой должности былъ отчисленъ по заслугамъ бывшимъ тогда главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, изъявившимъ ему свою особенную благодарность за полуторагодичное во всѣхъ отношеніяхъ отличное управленіе Пажескимъ корпусомъ. Годъ спустя З—въ былъ назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса и въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія своего въ этой должности заслужилъ любовь и уваженіе своихъ питомцевъ, надолго сохранившихъ о немъ добрую память, какъ о начальникѣ, умѣвшемъ соединить твердость характера и требовательность по службѣ съ добрымъ сердцемъ и мягкимъ отношеніемъ къ юношескому возрасту своихъ воспитанниковъ. Въ 1849 г. З—въ былъ назначенъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ состоять при августѣйшихъ его внукахъ, великихъ князьяхъ Николаѣ, Александрѣ и Владимірѣ Александровичахъ, въ 1850 г. назначенъ въ свиту Его Величества, черезъ 2 года произведенъ въ генераль-лейтенанта и 19 февраля 1855 г. назначенъ ген.-адъютантомъ. Въ теченіе этого времени З—въ неоднократно удостоивался Высочайшихъ наградъ и драгоцѣнныхъ подарковъ отъ Ихъ Величествъ, а въ 1859 г. въ ознаменованіе дня совершеннолѣтія государя цесаревича получилъ при Высочайшемъ рескриптѣ золотую украшенную брилліантами табакерку съ портретомъ Ихъ Величествъ и Его Высочества. Отчисленный въ 1860 г. отъ состоянія при Ихъ Высочествахъ и назначен-

ный членомъ комитета о раненыхъ, З—въ неоднократно призывался къ дѣятельности въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ; такъ, въ 1862 г., во время бывшихъ въ Петроградѣ пожаровъ, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета Высочайше утвержденнаго для приведенія въ извѣстность потерь, понесенныхъ городомъ, и для изысканія чрезвычайныхъ мѣръ къ охраненію безопасности столицы и приѣма и распределенія суммъ, жертвуемыхъ для погорѣльцевъ, а въ 1868 г. предсѣдательствовалъ въ комиссіи, учрежденной подъ покровительствомъ наслѣдника цесаревича для доставленія пособій жителямъ Россіи, пострадавшимъ отъ неурожая 1867 г. Въ то же время З—въ былъ предсѣдателемъ временнаго комитета для обсужденія вопроса о соединеніи желѣзнодорожными путями Волги и С. Двины съ Невою, съ цѣлью устраненія на будущее время недостатка хлѣба въ сѣверной части Россіи. Въ 1868 г. онъ былъ назначенъ вновь состоять при особѣ государя наслѣдника цесаревича, съ возложеніемъ на него временнаго завѣдыванія и управленія всѣми частями двора Его Высочества, а въ 1874 г. назначенъ почетнымъ опекуномъ, присутствующимъ въ опекуномъ совѣтѣ учрежденій Императрицы Маріи, съ оставленіемъ членомъ комитета о раненыхъ и въ званіи генераль-адъютанта. З—въ числился въ л.-гв. Измайловскомъ полку. Скончался онъ 16 января 1882 г.

«Русскій Инвалидъ» 1882 г., № 18.—«Новое Время» 1882 г., № 2117.—С. Н. Южаковъ, Большая энциклопедія, т. IX, вып. 9—10, стр. 666.—«Петербургскій Некрополь», т. II.
И. Артамонова.

Зиновьевъ, Павелъ Алексѣевичъ, профессоръ Петроградской консерваторіи, сынъ извѣстнаго въ свое время столичнаго мирового судьи, родился въ Петроградѣ 31 октября 1844 г., съ шестилѣтняго возраста сталъ обнаруживать музыкальныя способности, которыя успешно развились, благодаря занятіямъ у Югансена и Борнгардта, на десятомъ году поступилъ въ Маріинскую гимназію и, окончивъ ее 17-ти лѣтъ, опредѣлился на юридическій факультетъ Петроградскаго университета. Черезъ два года, будучи вынужденъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, выйти изъ университета, З—въ всецѣло посвятилъ себя изученію музыки, которой усердно продолжалъ заниматься и

въ годы студенчества, сперва подъ руководствомъ профессора консерваторіи Лешетницкаго, потомъ—профессора Герке и наконецъ, опять—Лешетницкаго, у котораго закончилъ свое музыкальное образование. Въ 1868 г., по приглашенію своего знаменитаго учителя, З—въ занялъ должность его адъюнта по классу фортепیانной игры въ Петроградской консерваторіи, а по уничтоженіи званія адъюнта послѣдовательно переименованъ былъ сперва въ младшаго, а затѣмъ въ старшаго преподавателя и, наконецъ, въ 1883 г., въ время завѣдыванія консерваторіей К. Ю. Давыдовымъ, удостоенъ былъ званія профессора. Въ послѣднемъ званіи З—въ состоялъ около пяти лѣтъ, но по вторичномъ вступленіи въ должность директора консерваторіи А. Г. Рубинштейна, вслѣдствіе возникшихъ между ними трелій, сперва, въ 1887 г., взялъ годичный отпускъ, а затѣмъ въ началѣ 1888 г., угнетаемый неизлѣчимою болѣзью, и окончательно подалъ въ отставку, унося чувство горькой обиды изъ учрежденія, въ которомъ прослужилъ безъ малаго 20 лѣтъ. Имѣя въ послѣдніе годы своей профессорской дѣятельности самостоятельный фортепیانный классъ, З—въ выпустилъ нѣсколько искусныхъ пѣанистовъ, среди которыхъ первое мѣсто занимала г-жа Мусина-Пушкина, съ успѣхомъ концертировавшая затѣмъ въ Петроградѣ.

Кромѣ педагогической дѣятельности. З—въ занимался и литературными трудами: перевелъ съ нѣмецкаго сочиненіе Бренделя: «Основаніе исторіи западноевропейской музыки» (изд. Бютнера, 1877 г.) и сдѣлалъ переводъ съ французскаго біографіи Шопена, написанной Листомъ (СПб. 1887 г.). Первый изъ этихъ трудовъ, пополненный многими добавленіями переводчика, одобренъ былъ совѣтомъ профессоровъ Петроградской консерваторіи; второй далъ тему З—ву для самостоятельной статьи «Фредерикъ Шопенъ въ характеристикѣ Листа» («Колосъ» 1887 г., кн. 10). Наконецъ, въ послѣдніе годы своей жизни З—въ усердно работалъ надъ «Біографическимъ словаремъ русскихъ музыкальныхъ дѣятелей», для котораго имъ собрано было много матеріаловъ и который былъ вполне приготовленъ къ печати. Какъ музыкальный критикъ, З—въ былъ особенно плодовитъ. Многочисленныя статьи и рецензіи его, подписанныя буквами П.

З. или псевдонимомъ Mi-la, разсѣяны въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ: «Музыкальномъ Мирѣ», «Пчелѣ», «Эпохѣ», «Всемирной иллюстраціи» и др. Въ газетѣ «Голосъ» имъ помѣщены были корреспонденціи о русскихъ концертахъ во время Парижской всемирной выставки, а съ 1878 г. вплоть до самой своей смерти онъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ «Петербургской Газеты», гдѣ завѣдывалъ музыкальнымъ отдѣломъ, придавъ ему большое значеніе: отзывы его и сужденія всегда обращали на себя вниманіе своєю вѣрностью и безпристрастіемъ; артисты считались съ ними и—въ большинствѣ—цѣнили отзывы З—ва и всегдашнюю готовность его оказать услугу или помощь, гдѣ таковая требовалась. Но и на этомъ поприщѣ, какъ и въ педагогической дѣятельности, З—ву пришлось испытать не мало огорченій, какія обычно выпадаютъ на долю добросовѣтнаго и безпристрастнаго критика.

Какъ композиторъ, З—въ написалъ и издалъ всего нѣсколько фортепیانныхъ пьесъ (тарантелла, этуодъ на русскую тему, «Pensée fugitive») и романсовъ. Занятый уроками и журнальной работой, онъ не имѣлъ возможности удѣлять много времени композиціи, и талантъ его въ этомъ направленіи не получалъ должной обработки. Большая музыкальная чуткость его, однако, замѣтна во всѣхъ его произведеніяхъ; будучи отличнымъ пѣанистомъ, онъ въ то же время былъ и искуснымъ аккомпаниаторомъ. Скончался З—въ въ Петроградѣ 1 апрѣля 1888 года.

«Петербургская Газета» 1888 г., №№ 91, 94.—«Новое Время» 1888 г., №№ 434, 434, 434б.—«Новости» 1888 г., отъ 2 апрѣля.—«Петербургскій Вѣстникъ» 1888 г., № 90.—«Историческій Вѣстникъ» 1888 г., кн. 5.—«Валитъ» 1888 г., № 14.—«Всемирная иллюстрація» 1888 г., № 1004.—«Связь Отечества» 1888 г., № 89.—*Д. Зинovieвъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 8, стр. 47.—*Милевичъ*, «Пяти знакомые».—*А. Рубецъ*, «Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ», стр. 39.—*Риманъ*, «Музыкальный словарь», стр. 536.—«Петербургскій Некроноль», т. II.

А. Г.

Зиновьевъ, Парамонъ-Сидавной Васильевичъ, извѣстный подъ именемъ: *Сидавной Васильевъ*. Впервые онъ упоминается въ 1595 г., когда подпись его, какъ дьяка, встрѣчается подъ грамотами. Въ 1607 г., во время движенія Болотникова,

когда царь Вас. Ив. Шуйскій ходилъ съ войскомъ подъ Тулу, дьякъ З—въ находился въ прибыльномъ полку съ Короши, при бояринѣ и воеводахъ кн. Андр. Вас. Голицынѣ и Гр. Гр. Пушкинѣ. Затѣмъ мы видимъ его подъ Калугою съ князьями: Ѳеод. Ив. Мстиславскимъ, Мих. Вас. Скопиннымъ-Шуйскимъ и Бор. Петр. Татевымъ. Участвовалъ онъ и въ осеннемъ походѣ, когда кн. Скопинъ-Шуйскій побилъ воровскихъ людей на Пахрѣ; стоялъ и за Москвою рѣкой у Серпуховскихъ воротъ съ князьями: Скопиннымъ, Голицыннымъ и Татевымъ.

Въ 1608 г., когда Тушинскій воръ пришелъ подъ Москву съ гетманомъ Ружинскимъ, З—въ былъ въ большомъ полку у бояръ и воеводъ: кн. Скопина, Ив. Шклт. Романова и кн. Вас. Ѳеод. Мосальскаго.

Въ концѣ 1608 и въ 1609 г.г., когда кн. Скопинъ хлопоталъ о наймѣ вспомогательнаго шведскаго войска, онъ взялъ съ собою З—ва, въ качествѣ опытнаго, дѣльнаго и извѣстнаго ему съ хорошей стороны дьяка. Въ Выборгъ отправился по порученію кн. Скопина, шуринъ его Сем. Вас. Головинъ и З—въ. Они заключили тамъ съ полномочными послами шведскаго короля Карла IX договорную запись о дружественномъ союзѣ Московскаго государства съ Швеціей, о наймѣ ратныхъ шведскихъ людей и объ уступкѣ за это Московскимъ государствомъ г. Корелы съ уѣздомъ, которыхъ такъ добивалась Швеція. Въ утвержденной грамотѣ относительно уступки Корелы кн. Скопинъ выразился такъ: «Договорились по моему приказу, какъ язъ имъ далъ полную мочь, стольникъ Головинъ и дьякъ Сыдавной Васильевъ въ Выборгѣ съ королевскими и думными полномочными послами». Договоръ былъ утвержденъ крестнымъ цѣлованьемъ и записями лицъ, его заключившихъ. Кн. Скопинъ, разсылая грамоты по городамъ и уѣздамъ о движеніи шведскаго вспомогательнаго войска, писалъ въ Вологду во второй половинѣ марта 1609 г., что Головинъ и З—въ «съ большими людьми (т. е. съ большимъ количествомъ ратныхъ людей) пришли въ Дудоровской погостъ».

Въ августѣ 1610 г. въ безгосударное время, когда всѣми дѣлами управляла Боярская Дума, рѣшено было отправить въ Польшу къ королю Сигизмунду III и

къ сыну его, королевичу Владиславу, великое посольство для приглашенія Владислава на Московскій престолъ. Во главѣ посольства стояли: ростовскій митрополитъ Филаретъ и кн. Вас. Вас. Голицынъ; затѣмъ слѣдовали: окольникій кн. Мезецкій, думный дворянинъ Сукинъ, думный дьякъ Томила Луговской и дьякъ Сыдавной Васильевъ; изъ духовныхъ лицъ: Спасскій архимандритъ Евѳимій, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ и другіе; кромѣ того, «выборные разныхъ чиновъ люди». Посольство заключало въ себѣ до 1250 человекъ. Въ сентябрѣ были даны посламъ двѣ вѣршія грамоты отъ духовныхъ и свѣтскихъ всякаго чина и званія людей для договора съ Сигизмундомъ относительно условій приглашенія на царство королевича Владислава. По приѣздѣ московскихъ пословъ въ королевскій станъ подъ Смоленскомъ, они неоднократно собирались для переговоровъ съ польскими панами рады; было шесть съѣздовъ, но ни до чего не договорились. Въ началѣ декабря 1610 г. митрополитъ Филаретъ и кн. Голицынъ узнали, что думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Сыдавной Васильевъ, Спасскій архимандритъ Евѳимій, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ и многіе дворяне и разныхъ чиновъ люди, получивъ отъ короля грамоты на помѣстья и другія пожалованія, отпущены домой. Канцлеръ Салъга хотѣлъ какимъ-нибудь способомъ поколебать твердость и думнаго дьяка Томила Луговского и пригласилъ его къ себѣ въ то время, когда Сукинъ и Сыдавной Васильевъ, въ богатомъ нарядномъ одѣяніи, готовились птти на отпущекъ къ королю.

Видъ этихъ двухъ членовъ посольства, собравшихся уѣхать, произвелъ на Луговского совершенно не то впечатлѣніе, на какое рассчитывалъ Салъга. Луговской сказалъ канцлеру: «Не слыхано нигдѣ, чтобъ послы дѣлавали такъ, какъ Сукинъ и Сыдавной дѣлають: покинувъ государственное и земское дѣло и товарищей своихъ, ѣдутъ въ Москву!.. Если Сыдавной для того отпущенъ, что проѣлся, то и всѣхъ насъ давно пора отпустить, всѣ мы также проѣлись, подмога намъ всѣмъ дана одинаковая. Судить имъ Богъ, что такъ дѣлають!» На слѣдующій день Филаретъ и кн. Голицынъ призвали къ себѣ Сукина, Сыдавнаго и Спасскаго архимандрита (Авраамій Палицынъ сказанъ большимъ и

не поѣхалъ къ нимъ) и усовѣщивали ихъ, говоря, чтобы они попомнили Бога и свои души, вспомнили бы, какъ они отпущены изъ соборнаго храма Пречистой Богоматери, какъ благословлялъ ихъ патріархъ Гермогенъ. Они отвѣчали: «Послалъ насъ король съ своими лѣтами въ Москву для своего государскаго дѣла: и намъ какъ не ѣхать?»

Въ 1612 г. подъ грамотой Московскаго государства бояръ и воеводъ и кн. Дм. Мих. Пожарскаго Соль-Галицкому городо-вому приказчику Мичурину о невзятіи сошныхъ и казачьихъ кормовъ съ отчины Симонова монастыря подписались: «Кн. Дмитрей Пожарской. Думный дьякъ Сыдавной Васильевъ». Изъ этого мы заключаемъ, что по возвращеніи изъ посольства въ Польшу З—въ примкнулъ къ земскому движенію, стремившемуся къ водворенію порядка и очищенію Московскаго государства отъ поляковъ. Въ 1613 г. онъ подписался подъ грамотой объ избраніи на царство Мих. Ѳеод. Романова. 11 іюля этого года, въ день вѣнчанія на царствѣ Мих. Ѳеод., сказывалъ боярство кн. Ив. Бор. Черкасскому, а затѣмъ кн. Дм. Мих. Пожарскому. Гавр. Гр. Пушкинъ, стоявшій у сказки, билъ челомъ государю въ «отечествѣ» на кн. Пожарскаго, потому что родители его никогда меньше Пожарскихъ не бывали. Мих. Ѳеод. приказалъ быть «для своего царскаго вѣнка» безъ мѣсты, а всякія челобитья, поданныя въ этотъ день, велѣлъ З—ву отставить и при всѣхъ боярахъ записать объ этомъ въ разрядъ. Во время вѣнчанія Мих. Ѳеод-ча на царство З—въ держалъ блюдо. На слѣдующій день, въ именины царя Мих. Ѳеод. онъ сказывалъ думное дворянство Козьмѣ Минину, а 13 іюля—казначейство Никиф. Вас. Траханіотову. Не станемъ перечислять всѣ случаи мѣстничества, возникавшіе въ бытность З—ва думнымъ дьякомъ, когда ему приходилось передавать обвиненнымъ рѣшенія государя или бояръ. Остановимся лишь на одномъ дѣлѣ, возникшемъ въ 1622 г., потому что изъ него видна неправильная передача З—мъ заключенія, вынесеннаго судомъ относительно челобитья въ 1618 г. Вас. Ал. Третьякова на кн. Юр. Петр. Буйносова-Ростовскаго. З—въ сказалъ въ 1618 г. Третьякову: «что ему, Василью, не токмо что до князь Юрья Буйносова достало, ино не достало и до послѣдняго Ростов-

скаго князя въ отечествѣ, а станеть Василій бити челомъ государю хоть на меньшаго Ростовскаго, и государь на Василья велѣлъ оборонъ дать и послѣднему Ростовскому князю». Очевидно, что такой приговоръ задѣлъ самолюбіе Третьякова, и онъ постарался выяснитъ причину, заставившую судей притти къ такому заключенію. «Такою де я сказкою обвиню,—говорилъ Третьяковъ,—опозоренъ, что молодой безродословный человекъ». Какъ это часто бываетъ, разсмотрѣніе дѣла послѣдовало лишь въ 1622 г. Оказалось, что въ дѣйствительности не было ни государева указа, ни боярскаго приговора, по которому велѣно было давать на Третьякова оборонъ и послѣднему Ростовскому князю: «то своровалъ думный дьякъ Сыдавной Васильевъ... а то дѣло не всхожее: и великъ и малъ въ ростовскихъ князьяхъ, не ровны Ростовскіе; а князь (1622 г.) государь тебя, Василья, (Третьякова) пожаловалъ, тое записки сказки въ разрядѣ не велѣлъ поставитъ въ дѣло». Въ 1618 г. З—въ находился въ Москвѣ въ осадномъ сидѣніи, во время прихода королевича Владислава. Въ 1619 г. судьей въ Казанскомъ Дворцѣ былъ кн. Алексій Юрьевичъ Сицкій, а дьяками при немъ Сыдавной Васильевъ и Ѳеод. Апраксинъ. Последнее упоминаніе въ «Дворцовыхъ разрядахъ» о З—вѣ мы встрѣчаемъ въ 1622 г.

С. Г. Г. п Д., I, II, III. — Акты Истор., I, II, III. — А. А. Э., II. — Разр. кн., I, — Дв. разр., I. — Акты Моск. госуд., I. — *Вълокурровъ*, «Разр. записи за Смутное время». — *Соловьевъ*, «Ист. Россіи», VIII, IX.

В. Корсакова.

Зиновьевъ, Петръ Васильевичъ. До 1633 г. былъ патріаршимъ стольникомъ, 6 декабря этого года пожалованъ государемъ въ стряпціе. Въ 1639 г. участвовалъ во встрѣчѣ кизилбашскаго посла за Яузскими воротами. Въ 1651—52 г. сопровождалъ царя Ал. Мих. въ загородныхъ богомольныхъ походахъ. Въ 1658—77 г. значится дворяниномъ Московскимъ. Въ 1660 г. во время обѣда у царя Ал. Мих. грузинскаго царевича Николая Давидовича былъ въ числѣ стольниковъ, которые ставили кушанья передъ царемъ. Въ 1664—65 г. онъ состоялъ воеводой на Вѣлой. За это время сохранилось довольно много грамотъ на его имя, а также его отписокъ въ Разрядъ. Череписка велась:

1) относительно хлѣбныхъ запасовъ, которые велѣно было доставлять въ Витебскъ и въ Полоцкъ на жалованье стрѣльцамъ; 2) строенія амбаровъ; 3) дѣланія струговъ. Въ половинѣ февраля онъ получилъ приказаніе сдѣлать побольше струговъ, а пока они не будутъ готовы—отпустить хлѣбные запасы въ Полоцкъ на плотяхъ. Раздавать хлѣбные запасы ратнымъ людямъ велѣно было «съ береженьемъ, чѣмъ быть сытѣмъ, а лишнево не раздавать». Несмотря на большія затрудненія въ полученіи работниковъ для дѣланія струговъ (велижскіе и невельскіе работные люди отъ стругового дѣла бѣжали, изъ Ржева тамошній воевода къ струговому дѣлу не присылалъ), въ половинѣ мая было готово 40 струговъ, остальные додѣлывались. Государь велѣлъ отписать З—ву изъ Разряда «за струговое дѣло и за отпускъ хлѣбныхъ запасовъ съ похвалою и впредь бы всякіе дѣла дѣлать съ радѣньемъ и поспѣшенъемъ». Въ 1678 г. З—въ былъ воеводой въ Ржевѣ Володѣмѣровѣ.

Доп. къ Акт. Ист., IX. — Р. И. В., IX, X, XI.—Дв. раз., II, III.

В. Корсакова.

Зиновьевъ, Петръ Петровичъ, стольникъ (1669—92 г.г.). 17 сент. 1682 г. былъ посланъ съ грамотой царей Іоанна и Петра Алексѣевичей къ патриарху Іоакиму о казни князей Ивана и Андрея Хованскихъ, съ препровожденіемъ извѣстнаго письма, а 15 янв. 1684 г.—съ царской грамотой къ запорожскому гетману Ивану Самойловичу, извѣщавшей о бракѣ царя Іоанна Алексѣевича съ дочерью боярина Ѳ. П. Салтыкова, Прасковьей Ѳеодоровной; при этомъ съ З—мъ послалось «жалованья отъ Нашего Царскаго Величества радостнаго стола овощей», которыя онъ долженъ былъ отдать по росписи генеральной старшинѣ и полковникамъ Запорожскаго войска. Въ томъ же 1684 г. З—въ написанъ былъ въ городовые дворяне по Брянску за то, что въ числѣ многихъ другихъ московскихъ дворянъ не явился сопровождать царей Іоанна и Петра въ загородный походъ. Въ 1685 г. ему и его брату, стольнику Вас. Петр. Зиновьеву, было дано по 50 р. изъ четвертныхъ доходовъ Новгородскаго приказа на дворовое строеніе, уничтоженное пожаромъ. Оба брата владѣли землей во Владимѣрскомъ у., въ Боголюбскомъ станѣ, Юрьевской прииски, при селѣ Красномъ; у нихъ были

тамъ усадьба и мельница. Въ 1690 г. З—въ былъ воеводой въ Якутскѣ. Изъ отписки его царямъ узнаемъ, что, согласно царской грамотѣ, онъ подтвердилъ какъ русскимъ людямъ, такъ и ясачнымъ пноземцамъ, чтобы они въ ясачныхъ мѣстахъ не сѣкли и не жгли лѣсовъ, чтобы звѣрь въ даль не бѣжалъ и «ясачному сбору порухи и недобору не было».

Что же касается соболей, то таковые по близости отъ Якутска не водятся; «якуты ѣздятъ на соболиные промыслы на лошадахъ въ одну сторону по 1½ мѣсяца и больше». Другой отпиской З—въ увѣдомляетъ, что казачій пятидесятникъ Кузнецовъ, отправившійся въ Коряцкую землю, а также и спутники его, убиты чукчамп.

С. Г. Р. и Д., IV. — Акты Ист., V.—Доп. къ Акт. Ист., XI.—Оп. Арх. Юст., I.—*Барсуковъ*, «Списки городскихъ воеводъ Моск. госуд. XVII столѣтія».

В. Корсакова.

Зиновьевъ, Ѳеодоръ Петровичъ. Въ 1625 г. въ числѣ жильцовъ дворянъ и ночеваль на государевомъ дворѣ. Въ 1629—40 г.г. значится дворяниномъ московскимъ, въ 1632 г.—письменнымъ головою въ Томскѣ, а въ 1634 г.—головою у городскихъ дворянъ въ Можайскѣ при князьяхъ Черкасскомъ и Пожарскомъ. Въ 1643 г. З—въ былъ однимъ изъ дворянъ въ приказѣ Новой Чети для выимки по росписи за городомъ отъ Чертольскихъ воротъ до Яузскихъ; въ 1649 г. головою у жильцовъ на выѣздѣ при встрѣчѣ литовскихъ пословъ въ Москвѣ, а въ 1650 г. воеводой на Бѣлоозерѣ.

Дв. разр., I, II.—Р. И. В., X.—*Барсуковъ*, «Списки городскихъ воеводъ Моск. госуд. XVII стол.».

В. Корсакова.

Зинонъ, преподобный постникъ и трудолюбецъ Кіево-печерскій XI вѣка. Извѣстенъ многими добродѣтелями иноческой жизни: постомъ, молитвами, смиреніемъ и послушаніемъ. Мощи его почитаютъ нетлѣнно въ кіевскихъ дальнихъ пещерахъ. Память его чтится 30 января и 28 августа.

Архип. Модестъ, «Краткія сказанія о жизни и подвигахъ св. отцовъ дальнихъ пещеръ Кіево-Печерской лавры. Кіевъ. 1901 г. Е. Здр—въ».

Зиньковскій, Трофимъ Абрамовичъ, писатель - украинофилъ, родился 23 іюля

1861 г. въ гор. Бердянскѣ, въ семьѣ простого рабочаго, выслѣншагося туда изъ Екатеринбургской губ.; первоначальное воспитаніе получилъ въ родной среднѣ, очень небожной, и въ бердянскомъ уѣздномъ училищѣ, былъ съ дѣтства начиталъ въ библии и житіяхъ святыхъ и даже мечталъ о монашествѣ. Надумавъ затѣмъ посвятить себя педагогической дѣятельности, З—скій въ 1876 г. поступилъ въ оеодосійскій учительскій институтъ, но вскорѣ вынужденъ былъ для лѣченія глазъ переселиться въ Харьковъ и провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ. служба рабочимъ въ типографіи. Въ 1880 г. онъ поступилъ, какъ вольноопредѣляющійся, въ одесское юнкерское училище, и съ этого времени начинается его увлеченіе малорусскимъ языкомъ и украинской литературой. Биографъ З—скаго, Василь Чайченко, объясняетъ это увлеченіе главнымъ образомъ тѣмъ влияніемъ, которое имѣлъ на юнкеровъ ихъ преподаватель исторіи, «людина прихильна до своего родного краю, до Украины»; но возможно, что на З—скаго оказали влияніе и нѣкоторые изъ его друзей, въ томъ числѣ и самъ Чайченко, съ которымъ онъ находился въ перепискѣ, начиная съ 1881 г. Какъ бы то ни было, но именно съ этого времени З—скій начинаетъ «балакать и писать по-украински» и вмѣстѣ съ тѣмъ проявлять нѣкоторое вольнодумство, навлекшее на него неудовольствіе ротнаго командира. По окончаніи одесскаго юнкерскаго училища въ 1882 г. З—скій въ слѣдующемъ году произведенъ былъ въ офицеры 126-го пѣхотнаго Рыльского полка и года три стоялъ съ нимъ въ окрестностяхъ Кіева. Въ 1884 г. въ Умані онъ познакомился съ тамошнимъ нотаріусомъ и украинскимъ писателемъ Михайломъ Комаромъ (псевдонимъ) и группою украинофиловъ, собиравшихся у него, и занялся переводами нѣкоторыхъ русскихъ сочиненій (Щедринна Гоголя) на малорусское нарѣчіе. Тотъ же Комаръ въ 1886 г. ввелъ З—скаго и въ кievскій украинофильскій кружокъ, одинъ изъ членовъ котораго привлекъ его къ переводу на малорусское нарѣчіе одной части литовской исторіи профессора Антоновича. Одновременно съ тѣмъ З—скій готовился къ испытанію на аттестатъ зрѣлости и, сдавъ экзаменъ, 28 сентября 1887 г. зачисленъ былъ въ составъ слушателей Петроградской военно-юридической академіи, гдѣ оставался до 23 мая 1890 г.

Годы, проведенные З—скимъ въ столицѣ, были временемъ наиболѣе напряженной литературной дѣятельности его. Онъ вошелъ въ мѣстный кружокъ украинцевъ, принималъ участіе въ ихъ бесѣдахъ и преніяхъ, читалъ рефераты; такими рефератами, пріуроченными преимущественно къ годовщинамъ Шевченки, были его статьи: «Национальный вопросъ въ Россіи», «Тарасъ Шевченко въ свѣтѣ европейской критики», «Молодая Украина», «Фихте Старшій», «Объ украинской штундѣ», печатавшіяся въ періодъ съ 1888—1890 гг. въ галиційскихъ изданіяхъ «Заря» и «Правда» подъ буквами Т. З. и псевдонимами: Т. Левний, Т. Звиздочекъ или просто З. Въ тѣхъ-же изданіяхъ, начиная съ 1885 г., З—скій помѣщалъ и свои повѣсти и рассказы—преимущественно изъ военнаго быта,—а также стихотворенія, басни, лирическіе и драматическіе отрывки, отчасти переводные, отчасти оригинальные. Сохранились свѣдѣнія, что З—скій принимался, сверхъ упомянутыхъ работъ, еще за составленіе украинской грамматики, популярной украинской исторіи и исторіи украинской письменности, мечталъ даже объ украинской энциклопедіи, но ранняя смерть помѣшала ему привести въ исполненіе намѣченные планы. Отличаясь рѣдкой трудоспособностью и большой энергіей, З—скій не былъ, однако, достаточно подготовленъ для серьезной научно-литературной дѣятельности; съ увѣренностью самоучки брался онъ за разрѣшеніе сложныхъ и трудныхъ проблемъ, но сочиненія его представляютъ интересъ только какъ образцы украиноманства. Между тѣмъ умственные и физическія силы его не выдержали крайняго напряженія; по окончаніи военно-юридической академіи онъ намѣревался перейти въ присяжные повѣренные, но, чувствуя свое здоровье разстроенымъ, временно отказался отъ этой мысли и былъ отчисленъ въ главное военно-судное управленіе, съ прикомандированіемъ къ кievской военной прокуратурѣ. Черезъ годъ, 8 іюня 1891 г., онъ скончался въ Бердянскѣ отъ горловой чахотки. Беллетристическія и публицистическія сочиненія З—скаго подъ заглавіемъ «Писання Трохима Зиньківскаго» вышли отдѣльнымъ изданіемъ (въ 2 томахъ) въ Львовѣ въ 1893 и 1896 гг.

А. Будиловичъ, «Генезисъ російскаго украиномана» («Русскій Вѣстникъ» 1903 г., августъ, стр. 628—640).—Д. Лыжковъ, «Обзоръ

жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, выш. XI, стр. 59.

А. Г.

Зиссерманъ, Карлъ Львовичъ, д. с. с., Тифлисскій губернаторъ, происходилъ изъ дворянъ Ставропольской губ., службу началъ въ 1859 г. въ судебномъ департаментѣ бывшаго главнаго управленія кавказскаго наместника. Черезъ годъ онъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ совѣта Закавказскаго дѣвичьяго института, но въ 1861 г. былъ переведенъ секретаремъ въ Закавказскую межевую палату. Въ 1867 г. З—манъ занималъ должность члена отъ правительства Тифлискаго распорядительнаго городского правленія, состоя въ то же время членомъ комиссиі о мостовыхъ при строителномъ отдѣленіи Тифлискаго губернскаго правленія и членомъ особой комиссиі, образованной для опредѣленія границы городской черты Тифлиса. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ назначеніе на должность правителя канцеляріи Тифлискаго губернатора и оставался въ ней до 1874 г. Несмотря на многочисленныя обязанности правителя канцеляріи, З—манъ несъ много труда и по званію редактора Тифлискаго губернскаго статистическаго комитета, результатомъ котораго былъ «Сборникъ статистическихъ матеріаловъ по Тифлисской губерніи». Кроме того, онъ часто исполнялъ служебныя порученія въ разныхъ уѣздахъ губерніи, какъ-то: руководилъ уѣздными управленіями при составленіи всеподданнѣйшихъ отчетовъ, обозрѣвалъ этапные дворы военно-грузинскаго тракта и т. п. Въ 1870 г. З—манъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ комиссиі, въ которой сосредоточивались всѣ распоряженія по случаю посѣщенія въ 1871 г. императоромъ Александромъ II Кавказскаго и Закавказскаго края, и за полезную службу въ ней удостоился получить благодарность наместника. Въ 1873 г. онъ управлялъ дѣлами комиссиі по устройству Кавказскаго конпозаводства, за что также получилъ благодарность наместника. Въ 1876 г. З—манъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ, а въ 1882 г. губернаторомъ Ставропольской губерніи. За время управленія этою губерніей З—манъ принималъ всѣ мѣры къ возвышенію народнаго благосостоянія; ему же обязаны своимъ основаніемъ и существованіемъ, такъ называемыя, общественныя запашки, нѣкоторые изъ сельскихъ банковъ и пр. При-

знательные З—ману трухмены учредили стипендію его имени. Скончался онъ 18 ноября 1888 г.

«Кавказъ» 1888 г., № 309. — «Новости» 1888 г., отъ 26 ноября. — «Московскія Вѣдомости» 1888 г., № 333. — *Д. Лыковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», выш. VIII, стр. 47. — «День» 1888 г., № 191.

П—съ.

Златовъ, Александръ Алексѣевичъ, († 1832 г.), четвертый воспитанникъ по времени поступленія къ Венеціанову, по происхожденію крѣпостной помѣщицы Надежды Михайловны Змѣевой. З—въ пользовался покровительствомъ Общества поощренія художниковъ, которое хотѣло выкупить его отъ помѣщицы, но послѣдняя, несмотря на то, что она была мелкопомѣстной, у которой, какъ выражалось въ то время, «каждый крестьянинъ былъ на счету», не приняла никакого вознагражденія отъ Общества, даровавъ З—ву отпускную, когда узнала, что у него, по мнѣнію знатоковъ того времени, большой талантъ къ живописи. Къ сожалѣнію, ранняя смерть не позволила развиться этому безспорно большому художнику. Въ 1825 году онъ началъ учиться живописи, а въ 1827 году уже участвовалъ въ числѣ 8 другихъ учениковъ Общества поощренія художниковъ на конкурсѣ въ Академіи Художествъ; въ 1829 году онъ закончилъ съ натуры «Внутренній перспективный видъ Гиппанской галлерей эрмитажа». Въ лотереѣ въ пользу дѣтской больницы Петрограда, устроенной въ 1839 году, въ числѣ выигршей значились картины З—ва: «Этюдъ дѣвушки» и «Дѣвушка съ виноградомъ»; кроме того, есть упоминаніе еще объ одной его картинѣ: «Старушка съ дитятею». Безспорно, эти картины написаны подѣ непосредственнымъ вліяніемъ Венеціанова, по въ нихъ сквозитъ большое оригинальное дарованіе.

Петровъ, «Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ», т. II, стр. 216. — «Рус. Стар.», т. XXIII, ст. 463. — Отчеты Общества Поощренія Художниковъ, 1827 г., стр. 18; 1829 г., стр. 15; 1832—34 гг., стр. 22. — «Сѣв. Пчела» 1839 г., стр. 341. — «Худ. Газ.» 1838, № 8 ст. 246.

П. С.

Злобинъ, Василій Алексѣевичъ, Вольскій именитый гражданинъ, откушникъ, извѣстный своей предпріимчивостью, благотворительностью и богатствомъ, по словамъ Н. И. Костомарова, человекъ ге-

вѣднѣе на поприщѣ торговыхъ спекуляцій. Сынъ бѣднаго удѣльнаго крестьянина села Воскресенскаго (нынѣ Саратовской губерніи) Алексѣя Никифорова Половника, по прозвищу Злобинъ, родился около 1755—1757 гг., умеръ въ Саратовѣ 21 августа 1814 года. Его отецъ служилъ сперва сельскимъ писаремъ въ Воскресенскомъ, а затѣмъ перешелъ на ту же должность въ болѣе зажиточное сосѣднее село Малыковку, впоследствии уѣздный городъ Вольскъ. Послѣ его смерти старшій сынъ его Иванъ опредѣлился писцомъ въ Малыковский приказъ, а младшій Василій—сперва въ село Барановку земскимъ писаремъ, а впоследствии, когда его братъ сдѣлался волостнымъ писаремъ, а затѣмъ головой, перешелъ въ Малыковку помощникомъ къ Ивану. Въ концѣ 1772 года Василій былъ посланъ съ какимъ-то порученіемъ за Волгу и на рѣкѣ Большомъ Иргизѣ, въ селѣ Мечетномъ (нынѣ городъ Николаевскъ Самарской губ.), встрѣтился случайно съ Емельяномъ Пугачевымъ, подговаривавшимъ Янцкихъ казаковъ къ побѣгу на Кубань и выдававшимъ себя за императора Петра III. Василій, несмотря на свои юные годы, понялъ опасность замысловъ Пугачева и поспѣшилъ обратно къ брату, который, какъ волостной голова, распорядился схватить бунтовщика и доставить его съ провожатыми въ Казань, гдѣ 4 января 1773 г. Пугачевъ былъ посаженъ подъ крѣпкій карауль, изъ-подъ котораго онъ, однако, бѣжалъ 27 мая того же года на Яикъ. Смѣлливость Василя и счастье вывели его въ люди. Ставъ волостнымъ писаремъ Малыковского приказа, онъ снискалъ расположеніе своихъ односельчанъ и женился на дочери зажиточнаго мѣстнаго крестьянина Михаила Кузьмина, по прозвищу Волковойтова, Пелагеѣ. Проѣздъ генераль-прокурора князя А. А. Вяземскаго черезъ Малыковку въ его вотчину Царевщину представилъ Василю случай оказать важную услугу князю. По совѣту Злобина, князь просилъ объ отмежеваніи себѣ луговъ по рѣкѣ Маянгѣ, въ 29 верстахъ отъ Малыковки, въ счетъ земель, пожалованныхъ ему императрицей на выборъ въ Саратовскомъ краѣ. Оставшись очень довольнымъ указаніями З—на и замѣтивъ въ немъ человѣка прозорливаго, толковаго и расторопнаго, кн. Вяземскій назначилъ его своимъ управляющимъ и поручилъ

ему постройку винокуренного завода въ своемъ имѣніи Царевщинѣ. З—нъ вполне оправдалъ довѣріе князя, который вызвалъ его въ Петроградъ для снятія въ Сенатѣ откуповъ, періодъ конхъ оканчивался. «Ты будешь, сказалъ онъ, моимъ орудіемъ, будешь полнымъ хозяиномъ снятыхъ откуповъ; капиталъ и залоги мои; пользы общія; вотъ условіе». З—нъ торговался на милліоны. За нимъ остались нѣсколько губернскихъ и уѣздныхъ городовъ съ уѣздами. Покровительство князя и смѣлый умъ благопріятствовали ему. Въ два-три года онъ сдѣлался милліонеромъ, получая на свою долю чистаго дохода въ годъ до 500000 руб. Послѣ этого онъ сталъ отдѣльно торговаться съ помощью залоговъ и поручителей.

7 ноября 1780 г. послѣдовалъ указъ имп. Екатерины II объ открытіи городовъ: Вольска, Хвалынска, Кузнецка и Сердобска. Первымъ городскимъ головой новаго г. Вольска былъ Иванъ Вавиловичъ Расторгуевъ, однимъ изъ бурмистровъ Иванъ Алексѣевичъ Злобинъ, старшій братъ В. А., а въ числѣ рагмановъ состоялъ и онъ самъ. По истеченіи 3 лѣтъ, 3 февраля 1784 г. Саратовскій намѣстникъ генераль-маіоръ И. И. Поливановъ предложилъ Вольскому обществу произвести новыя выборы. 7 февраля общество единогласно избрало городскимъ головой В. А. Злобина. Только при немъ городская дума сформировалась и стали производиться городскія дѣла. При немъ въ 1786 г. была составлена городская обывательская книга, въ которую занесены по алфавиту всѣ жители города съ своими семьями и владѣніями. 9 января 1787 г. З—нъ былъ избранъ на новое трехлѣтіе. За время его управленія городомъ состоялось измѣреніе земли, принадлежавшей Вольску, владѣнія котораго опредѣлялись въ 40307 десятинъ. 27 января 1789 г. З—нъ прислалъ изъ Саратова извѣщеніе своимъ согражданамъ о томъ, что онъ не будетъ присутствовать на выборахъ, что поручаетъ своему брату бурмистру отиравленіе обязанностей головы и проситъ о своемъ увольненіи отъ выборовъ и избраніи на свое мѣсто другого вполне достойнаго гражданина. В. А. отвлекали дѣла то на востокъ и Сибирь, то на сѣверъ въ Москву и Петроградъ или на югъ въ Астрахань и Одессу, въ виду этого городское общество освободило его отъ должности.

Въ 1796 г. З—нъ имѣлъ званіе именитаго гражданина и 18 Именныхъ Высочайшихъ повелѣній, изданныхъ по разнымъ случаямъ за его заслуги и щедрія пожертвованія по части благотворительности. Кромѣ винныхъ откуповъ, онъ содержалъ казенные рыболовные промыслы въ Астрахани, держалъ на откупѣ игральныя карты на всю Имперію и поставлялъ провіантъ въ Москву и Петроградъ и соль изъ Эльтонскаго озера на 20 губерній. По его словамъ, онъ имѣлъ 1000 руб. барыша въ день.

Особенной его заботой, въ теченіе всей его жизни, пользовался родной ему городъ Вольскъ, въ которомъ сосредоточена была вся его дѣятельность и гдѣ онъ обосновался, имѣя тамъ свои дома и заведенія. Самый городъ имъ былъ украшенъ многими постройками и облагодѣтельствованъ щедрыми пожертвованіями на церкви и благотворительныя учрежденія. Въ Петроградѣ, который онъ часто посѣщалъ наѣздами по дѣламъ, онъ нанималъ трехэтажный домъ. Его посѣщали многіе сановники; онъ особенно былъ друженъ съ Кочубеемъ, Козодавлевымъ и Сперанскимъ, на свояченицѣ котораго, англичанкѣ Стивенсъ, женился его единственный сынъ. По описанію одного современника, который видѣлъ З—на въ 1802 г. въ Петроградѣ, онъ представлялъ собою типъ русскаго мужика, человѣка и добраго и хитраго; онъ сохранилъ и поступь, и рѣчи, и поговорки своего первобытнаго состоянія, однимъ словомъ, все, даже одежду и бороду. Въ богатомъ русскомъ кафтанѣ онъ являлся по большимъ праздникамъ во дворецъ, и не было въ Петроградѣ ни одного человѣка, который бы не зналъ З—на. Его привѣтливость, добродушіе и роскошныя обѣды привлекали къ нему толпы гостей. Отъ чиновъ и орденовъ онъ отказывался, когда всѣ за ними гонялись, онъ особенно дорожилъ званіемъ именитаго гражданина и довольствовался золотыми медалями, которыхъ у него было три: на Аннинской лентѣ, пожалованная Екатериной II, на Владимірской — Павломъ I и осыпанная брилліантами съ изображеніемъ на ней Александра I.

Въ Вольскѣ сохранился его портретъ, работы извѣстнаго художника Кипренскаго, который въ 1880 году былъ пожертвованъ городу купцомъ Т. З. Елифановымъ.

Жена З—на Пелагея Михайловна по-

всюду сопровождала мужа, живя въ роскоши и богатствѣ. Она, придерживаясь строгихъ правилъ старообрядчества, не могла признать бракъ своего сына съ англичанкой и удалилась изъ Петрограда сперва въ Вольскъ, а затѣмъ въ Иргизскій старообрядческой монастырь, гдѣ и скончалась въ 1803 г.

Сложность предпріятій, задуманныхъ З—нымъ, и слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ людямъ, съ которыми онъ велъ дѣла, злоупотребленія служащихъ, которыми онъ по своей снисходительности прощалъ, привели, къ концу его жизни, состояніе его въ упадокъ. Самъ зазнавшись, онъ сталъ неосторожно обращаться съ влиятельными людьми, которые повредили ему изъ мести и зависти. Пошатнувшіяся дѣла и преждевременная смерть его единственнаго сына сильно подѣйствовали на З—на. Онъ умеръ въ Саратовѣ 21 августа 1814 г., его тѣло было перевезено въ Вольскъ, гдѣ оно и покоится на Соколовомъ бугрѣ; здѣсь покойный соорудилъ церковь и семейный склепъ. Послѣ его смерти обнаружилась огромная недомыка по откупамъ; хотя большую ея часть государь простилъ, но на покрытіе остальной части и другихъ долговъ все имущество З—на подверглось продажѣ, и дѣла по этимъ взысканіямъ многіе годы тянулись въ приказахъ и другихъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстахъ. Между прочимъ, были проданы съ торговъ 5000 десятинъ земли, приобретенныхъ его сыномъ. Внукъ В. А. сталъ хлопотать о возвращеніи ему этого имѣнія его отца, какъ неправильно проданнаго за долги дѣда. Дѣло продолжалось нѣсколько лѣтъ, и только имп. Николай Павловичъ приказалъ вмѣсто возвращенія имѣнія выдать просителю 100000 руб., чѣмъ онъ и удовлетворился. Многія изъ лицъ, работавшихъ совместно или подъ начальствомъ В. А. сами составили себѣ состояніе и извѣстность, какъ то: Сапожниковъ, Расторгуевъ, Рюминъ, Брюхановъ и др.

А. Леопольдовъ. «Биографія Вольскаго именитаго гражданина В. А. Злобина». Саратовъ, 1872 г.—К. Поповъ, «Вольскій именитый гражданинъ В. А. Злобинъ». 1892 г. Вольскъ.—Памятная книжка Саратовской губ. на 1859 г.—Н. И. Костомаровъ, «Поѣздка въ городъ Вольскъ».—«Саратовскій сборникъ», ред. Статистическаго комитета, т. I. Саратовъ, 1881 г. Первое столѣтіе Вольска. Историческыя М. М. Владимірова.—Е. П. Карновичъ, «Замѣчательныя богатства частныхъ

лицъ въ Россіи», 1874 г. С.-Петербургъ. — *Баронъ Корфъ*, «Жизнь графа Сперанскаго». Спб. 1861 г. — Записки Вигеля 1891 г. — «Архивъ гр. Мордвинова», т. 3—5. Спб. 1901 г. — «Русская Старина» 1877 г., т. XX, стр. 675. — «Русскіе портреты», т. II.

С. Г.

Злобинъ, Василій Лукьяновичъ, майоръ, род. въ 1767 г. и происходилъ изъ дворянъ Смоленской губ.; службу началъ въ 1790 г. рейтаромъ въ Конной гвардіи; въ слѣдующемъ году быть произведенъ въ унт.-офицеры, въ 1797 г. пожалованъ кавалергардомъ въ Кавалергардскіе эскадроны, откуда въ томъ же году обратно переведенъ въ лѣ.-гв. Конный полкъ. Произведенный въ корнеты (1803 г.), а затѣмъ въ поручики Александрійскаго гусарскаго полка (1804 г.), Злобинъ принялъ участіе въ дѣлахъ: при Журжѣ, Росеватѣ, при блокадѣ Силестрин и въ дѣлѣ при д. Татарциѣ (1807 г.). Будучи произведенъ затѣмъ въ 1811 г. въ шт.-ротмистры, Злобинъ въ томъ же году участвовалъ въ дѣлѣ при Русдукѣ и при блокадѣ турецкаго лагеря на лѣвомъ берегу Дуная при с. Малкѣ (за что награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-й ст.), а въ 1812 г. — въ дѣлахъ при Павловичахъ, Задворкахъ, Борисовѣ, Плешавицѣ, Пилі, Вильнѣ и Кальваріи. Въ 1813 и 1814 г.г. онъ находился въ Варшавскомъ герцогствѣ и наконецъ въ 1815 г. участвовалъ въ походѣ во Францію, послѣ чего, въ 1820 г. вышелъ въ отставку.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ». кн. II, стр. 270—271.

Злобинъ, Константинъ Василевичъ, сынъ В. А. Злобина, колл. совѣтникъ. Родился въ селѣ Малыковкѣ въ 1771 г., умеръ въ г. Вольскѣ 8 или 13 сентября 1813 г. Воспитаніе получилъ въ моравскомъ герцугутерскомъ братствѣ въ Сарептѣ подѣ присмотромъ начальника тамошняго евангелическаго общества Данила-Гейнриха Фика. Зналъ древніе языки, приобрѣлъ хорошую бібліотеку и, будучи человекомъ образованнымъ, занимался литературой. Начавъ службу въ канцеляріи генераль-прокурора, онъ продолжалъ ее въ министерствѣ юстиціи подѣ начальствомъ Державина. Его отношенія къ поэту были близки, какъ видно изъ стихотворенія, озаглавленнаго: «Къ молодому Злобину» и помѣченнаго 20-мъ маемъ 1810 г. Въ помѣ Державинъ, доказывая своему молодому другу, что

литературныя занятія не согласуются съ дѣловымъ міромъ откуповъ и подрядовъ, говоритъ:

«Барышникъ, стиходѣй есть двое, ты выбери добро любое».

До послѣдняго времени стихотворенія Злобина были неизвѣстны, но въ концѣ 1915 г., Императорская Публичная бібліотека приобрѣла случайно переизетенную тетрадь съ золочеными обрѣзами, озаглавленную на внутренней обложкѣ: «Собраніе сочиненій К. В. Злобина. Волекъ». Въ рукописи 132 листа; она заключаетъ 54 стихотворенія подѣ разными заглавіями, переписанныя съ собственноручными поправками и дополненіями самого автора. Они относятся къ 1803—1810 г.г. Первое, озаглавленное: «Гимнъ Богу послѣ перваго грома весело на берегахъ Волгскихъ», описываетъ грозу и прославляетъ могущество и милость Бога. Поэтъ обращается къ Нему съ словами:

«Коль міръ и червь, на немъ живущій,
Надѣется на Твой покровъ,
Услышь мой гласъ, къ Тебѣ зовущій,
Спаси друзей, прости враговъ».

Нѣсколько стихотвореній посвящено авторомъ его отцу Василію Алексѣевичу. Онъ сожалѣетъ о разлукѣ съ нимъ, особенно въ день его рожденія, и въ благодарность родителю подноситъ вѣнокъ и обращается къ нему:

«Не сѣтуй же, что онъ росомо
Моихъ кипящихъ слезъ смоченъ.»

Въ другомъ мѣстѣ В. выражаетъ отцу пожеланіе:

«Да каждой жизни день блистаетъ,
Какъ перлъ авроры на цвѣтахъ
И слава блескомъ озаряетъ
Тебя во всѣхъ твоихъ дѣлахъ».

Въ третьемъ стихотвореніи онъ прославляетъ доброту родителя:

«Блаженъ, кто милуетъ убогихъ
И спротамъ благотворитъ,
Того въ день горестей жестокихъ
Господь наказей сохранитъ,
И на землѣ его прославитъ,
И въ руки не предастъ враговъ,
Съ ора болѣзненна возоставитъ
Въ блаженну долготу годовъ».

Не мало стихотвореній посвящены Державину, вдохновенному барду. На новый 1804 г. онъ пишетъ ему:

«Ужели тотъ, которой славилъ
Фелицы доброй вѣкъ златой,
Кто правду на судѣ возставилъ,
Гнанъ будетъ мрачной клеветой
Наемной черни въ изступлены,
И будетъ другъ ему злодѣй?»

Нѣкоторые стихи посвящены друзьямъ З-на: В. Н. Каразину П. А. Словцову, Д. Д. Данскову, Н. М. Матвѣеву. Среди позднѣйшихъ произведеній имѣются переложенія 40 и 54 псалмовъ и поэма «Сирена» въ 4 пѣсняхъ, которыми, какъ поясняетъ авторъ, сирены стараются прельстить царя Итакскаго.

Изъ приведенныхъ образцовъ видно, что стихи З-на не отличаются ни художественной отдѣлкой, ни глубиной мысли. Онъ вполне заслуживаетъ названіе «стиходѣя», которымъ Державинъ его надѣлилъ.

Во время своего пребыванія въ Петроградѣ З-нъ принадлежалъ къ масонскимъ ложамъ, а когда впослѣдствіи переѣхалъ въ Вольскъ, то основалъ училище «Пропилен» и занялся благотворительностью. 22 сентября 1801 г. З-ну Высочайше пожалованъ былъ чинъ коллежскаго асессора, въ удостовѣреніе чего ему была выдана изъ Сената 21 октября 1802 г. грамота, подписанная императоромъ Александромъ I и государственнымъ канцлеромъ графомъ Воронцовымъ. Впослѣдствіи онъ дослужился до чина коллежскаго совѣтника, а въ 1808 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 4 ст. за крупное пожертвованіе на прирѣніе бурлаковъ по Волгѣ. З-нъ былъ женатъ два раза. Первый бракъ его съ свояченицей Сперанскаго, англичанкой Маріанной Стивенсъ, дѣвушкой веселой и живой, совсѣмъ не подходившей къ нему по нраву, былъ неудаченъ: черезъ шесть мѣсяцевъ супруги развѣхались; она переселилась въ имѣніе, которое ей купилъ В. А. Злобинъ въ 9-ти верстахъ отъ Новгорода, село Великополье, гдѣ и умерла вскорѣ, завѣщавъ это имѣніе племянницѣ, дочери Сперанскаго; З-нъ же уѣхалъ въ Вольскъ, гдѣ занимался дѣлами отца и приобрѣлъ до 5000 душъ крестьянъ. Послѣ смерти своей первой жены онъ женился на дочери Кузнецкаго городничаго Трифонова, Вѣрѣ Александровнѣ, отъ которой у него родились двѣ дочери Елена и Ольга и единственный сынъ Константинъ, родившійся уже послѣ смерти отца.

Прибавленія къ «Саратовскимъ Губ. Вѣдом.» 1833 г., № 40.—Сочиненія Державина,

т. III, стр. 445—447.—Бромъ того, источникъ, указанные въ биографіи В. А. Злобина.

С. Г.

Злобинъ, Константинъ Константиновичъ, сынъ предыдущаго, тайный сов., директоръ Государственнаго и Петроградскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Родился въ г. Вольскѣ 10 марта 1814 г., умеръ въ Самарѣ 31 августа 1877 г. Получивъ первоначальное воспитаніе въ одномъ пансіонѣ, содержавшемся въ Петроградѣ иностранцомъ, онъ поступилъ въ Петроградскій университетъ по юридическому факультету, окончивъ который со степенью кандидата 31 марта 1834 г., началъ службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ департаменту позиціи исполнительной. 7 сентября 1836 г. онъ перешелъ вторымъ переводникомъ въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, а 19 сентября 1838 г. старшимъ столоначальникомъ въ азіатскій департаментъ, гдѣ послѣдовательно былъ начальникомъ отдѣленія (1 декабря 1843 г.) и вице-директоромъ (14 апрѣля 1856 г.). 21 октября 1861 г. З-нъ Высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ управляющимъ Петроградскимъ Главнымъ Архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Управляя Государственнымъ архивомъ со дня смерти управляющаго тайнаго сов. Гильфердинга, т. е. съ 5 января 1861 г., З-нъ 14 апрѣля 1864 г. былъ назначенъ первымъ директоромъ обоихъ архивовъ. Въ ихъ устройствѣ и дѣятельности произошли въ шестидесятихъ годахъ значительныя улучшенія. Съ разрѣшенія канцлера князя Горчакова былъ открытъ доступъ ученымъ въ Государственный архивъ; 19 января 1863 г. были Высочайше утверждены правила для допущенія ученыхъ къ занятіямъ; министерство въ 1868 году предоставило директорамъ архивовъ право допускать постороннихъ лицъ къ занятіямъ въ архивахъ. Научная разработка сокровищъ Государственнаго архива была значительно облегчена разборомъ всѣхъ его дѣлъ, произведеннымъ въ 1864—1870 гг. З-нымъ при содѣйствіи историка-академика П. П. Пекарскаго; дѣла архива распределены были систематически по XXVIII разрядамъ и всѣмъ имъ составлены описи и общій алфавитный указатель именъ. Послѣдній является исключительно трудомъ З-на и свидѣтельствуетъ объ его удивля-

тельной настойчивости и работоспособности. Ему пришлось предварительно сдѣлать записи на карточкахъ числомъ болѣе 21.000 шт., а затѣмъ содержание карточекъ заносить собственноручно въ алфавитномъ порядкѣ въ особыя тетради, которыя были переписаны самимъ З-нымъ съ 11 марта по 18 октября 1871 г. въ книгу изъ 623 листовъ г. №.

Еще будучи вице-директоромъ азиатскаго департамента, З-нъ получилъ отъ своего начальства разныя порученія. Такъ, 11 января 1859 г. онъ Высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ главнымъ приставомъ при членахъ грузинскаго и имеретинскаго царскаго дома и мингрельскаго владѣтельнаго дома, затѣмъ 11 марта 1859 г. — въ составъ комиссиі, учрежденной для соображенія способовъ къ будущему прочному устройству членовъ тѣхъ же царскихъ домовъ. 20 ноября 1863 г. З-ну было поручено товарищемъ министра Мухановымъ составленіе сборника циркулярныхъ предписаній министерства посольствамъ и миссіямъ въ Европѣ, Америкѣ, въ видѣ продолженія къ такому же сборнику, составленному т. сов. Полѣновымъ въ 1842 году. 13 марта 1871 г. З-нъ былъ назначенъ въ комиссію для обзорѣнія польской метрики. Въ засѣданіи 22 мая 1871 г. комиссія постановила весь метрической архивъ передать въ Императорскую Публичную бібліотеку; два члена, изъ коихъ одинъ былъ З-нъ, признали необходимымъ актъ Люблинскаго сейма 1569 г. передать, по принадлежности, въ Московскій Главный Архивъ министерства. Кромѣ того, З-нъ принималъ участіе, какъ представитель министерства, въ комиссіяхъ для составленія устава о морскихъ призахъ (2 іюля 1866 г.), для устройства крейсерства (27 августа 1866 г.), по пересмотру новаго положенія о призахъ (3 ноября 1870 г.), для обсужденія вопроса по устройству архивовъ и храненія въ нихъ документовъ (28 декабря 1872 г.).

23 мая 1866 года было основано Русское историческое общество подѣ почетнымъ предсѣдательствомъ Государя великаго князя наследника цесаревича Александра Александровича; однимъ изъ его основателей былъ З-нъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ членомъ совѣта Общества. Онъ съ особымъ усердіемъ участвовалъ въ работахъ Общества, о

чемъ свидѣтельствуетъ первый томъ сборника Общества, въ которомъ заключаются изъ 18 сообщеній семь, сдѣланныхъ З-нымъ. Во второмъ томѣ сборника имъ напечатана статья подѣ заглавіемъ: «Дипломатическія сношенія между Россіей и Швеціей въ первые годы царствованія Александра I до присоединенія Финляндіи къ Россіи» и, кромѣ статьи, два сообщенія. Въ 1876 году З-нъ принималъ участіе въ подготовительной комиссиі Общества по вопросу о составленіи Біографическаго словаря.

Въ бытность свою вице-директоромъ азиатскаго департамента З-нъ нанесъ очень цѣнный трудъ, оставшіяся пока въ рукописи, а именно исторію сношеній Россіи съ Персіей съ 1830 г. по 1850 г., а въ особенности за время посольства графа Симонича. Вслѣдствіе своихъ разностороннихъ познаній и безупречной дѣятельности З-нъ постоянно назначался управлять департаментами за время отсутствія ихъ директоровъ. Такъ, въ 1863 г. ему пришлось замѣщать т. сов. Свистунова въ департаментѣ хозяйственныхъ дѣлъ, въ 1864 г. — т. сов. Вестмана въ канцеляріи министерства и въ 1865 г. д. с. сов. Лонгинова въ департаментѣ внутреннихъ сношеній. 1 ноября 1845 г. онъ былъ отправленъ курьеромъ съ денешами въ Константинополь, гдѣ оставался въ распоряженіи посланника до 19 сентября 1846 года, когда выѣхалъ курьеромъ съ денешами въ Афины. Пробывъ тамъ въ некоторое время, онъ былъ отправленъ оттуда курьеромъ въ Вѣну. Изъ этого города З-нъ повезъ денешы въ Лондонъ, а оттуда въ Петроградъ. Въ 1861 г. онъ былъ уволенъ въ отпускъ на четыре мѣсяца въ разныя губерніи Россійской Имперіи для составленія уставныхъ грамотъ и въ 1865 г. прѣвзжалъ въ г. Вольскъ. Городское общество въ память его дѣда и отца избрало его своимъ почетнымъ гражданиномъ. Въ теченіе своей долголѣтней службы въ Петроградѣ З-нъ не прерывалъ связи съ краемъ, въ которомъ родился. Такъ, въ разное время онъ пріобрѣлъ въ Саратовской губ. землю, которой по формулярному его списку за нимъ значилось всего 6200 дес., и кромѣ того, деревянный домъ въ Вольскѣ.

Вся дѣятельность З-на свидѣтельствуетъ о его замѣчательномъ трудолюбіи и обширныхъ познаніяхъ по исторіи, языковѣдѣнію

и правовымъ наукамъ. Оставшаяся послѣ него бібліотека изъ 2446 названій въ 6266 томовъ заключаетъ въ себѣ сочиненія преимущественно на иностранныхъ языкахъ по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы всѣхъ народовъ. Какъ чловѣкъ всесторонне образованный, З—нъ былъ однимъ изъ экзаминаторовъ на испытаніяхъ, производимыхъ въ министерствѣ съ 1859 года лицамъ, готовившимся къ службѣ за границей. Сохранившіеся о немъ преданія представляютъ его чловѣкомъ добрымъ, отзывчивымъ, но педантомъ, придиравшимся къ мелочамъ. Онъ экзаменовалъ по статистикѣ и обыкновенно задавалъ испытующимся вопросы изъ Готскаго альманаха, требуя отъ нихъ свѣдѣній самихъ точныхъ, но вовсе не нужныхъ. Недаромъ канцлеръ князь Горчаковъ, любившій блеснуть остроуміемъ, прозвалъ З—на развороченной бібліотекой (une bibliothèque renversée), намекая на обширность, но безпорядочность его знаній.

По духовному завѣщанію, совершенному въ Петроградѣ у нотариуса 31 марта 1876 г. и утвержденному Петроградскимъ окружнымъ судомъ къ исполненію 21 октября 1877 года, К. К. оставилъ все свое имущество движимое и недвижимое, за исключеніемъ незначительной части, въ пожизненное владѣніе своей сестры Елены Левковичъ, а послѣ ея смерти въ собственность Императорскаго чловѣколюбиваго общества. Завѣщатель проситъ Общество употребить отказанное имущество на устройство какого-либо благотворительнаго общественнаго учрежденія, которое должно быть исключительно гражданскимъ, а не духовнымъ, для пользы лицъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій безъ различія сословій, но русскихъ подданныхъ. Что же касается бібліотеки, то она по тому же духовному завѣщанію поступила въ собственность Петроградскаго университета, а картины отказаны Кіевскому университету.

Формулярный списокъ о службѣ К. К. Злобина. Дѣла Петроградскаго Главнаго Архива 1833 г., IV—1, № 21; 1838 г., IV—1, № 46; 1839 г., IV—1, № 63; 1840 г., IV—1, № 46; 1840 г., VI—1, № 7; 1842 г., IV—6, № 1; 1838 г., IV—7, № 24; 1838 г., IV—9, № 32; 1845 г., IV—26, № 63; 1848 г., IV—26, № 60; 1849 г., IV—26, № 72.—Дѣла Архивовъ (въ частности) 1862 г., № 8, 1863 г., № 15, 1863 г., № 25, 1864 г., № 8, 12, 1865, № 4.—Дѣло Петроградскаго Окружнаго Суда 1877 года объ утвержденіи къ исполненію духов-

наго завѣщанія К. К. Злобина.—Очеркъ исторіи министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—«Петербургскій Некрополь», т. II.—Кромѣ того, источники, приведенные въ предыдущихъ біографіяхъ.

С. Горяиновъ.

Зловъ, Петръ Васильевичъ, драматическій актеръ и пѣвецъ (басъ), пользовавшійся большимъ успѣхомъ въ началѣ XIX в., родился въ 1774 г., былъ студентомъ Московскаго университета, но не окончивъ курса наукъ, поступилъ на казенную московскую сцену. Здѣсь выступалъ онъ и въ драмѣ, и въ комедіи, и въ оперѣ, а въ 1813 г., вмѣстѣ съ частью труппы, переѣхалъ изъ разоренной Москвы въ Петроградъ, гдѣ продолжалъ службу на казенной же сценѣ. Особенно славился онъ въ роли мельника въ извѣстной оперѣ Омина и Аблесимова: «Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ» и имѣлъ большой успѣхъ, какъ исполнитель главныхъ партій въ патріотическихкихъ операхъ Кавоса: «Иванъ Сусанинъ», «Крестьяне», «Илья богатырь» и др. М. И. Глинка въ своихъ «Запискахъ» называетъ Злова пѣвцомъ «весьма примѣчательнымъ», наряду съ Самойловымъ и Климовскимъ. Съ 1822 г. имя Злова исчезаетъ изъ списка артистовъ казенной сцены. Скончался онъ въ 1823 г.

Чешинскій, «Исторія русской оперы», Спб. 1905 г., стр. 88.—Риманъ, «Музыкальный словарь», стр. 537.—«Русская Старина», 1870 г., т. I, стр. 333.—«Чтенія въ Обществѣ Истор. и Древн. Рос.», 1873 г., кн. 2, стр. 260—261 («Капище моего сердца»).

А. А.

Злотницкій, Эразмъ (Герасимъ) Антоновичъ, полковникъ, род. въ 1788 г. Будучи капитаномъ польскихъ бригадъ, онъ въ 1805 г. поступилъ подпоручикомъ въ Новороссійскій драгунскій полкъ и тогда же принялъ участіе въ сраженіяхъ при Кремсѣ и Аустерлицѣ, за что былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость» и орденомъ св. Владимира 4-й ст. Въ 1808 г. З—цкій участвовалъ въ штурмахъ Браилова и Рущука и былъ произведенъ въ поручики, въ 1811 г.—въ штабсъ-капитаны и въ томъ же году за отличіе въ дѣлахъ въ Молдавіи—въ капитаны. Въ слѣдующемъ году и до кончины кн. Кутузова онъ состоялъ адъютантомъ при немъ, при чемъ сражался въ Бородинскомъ бою и былъ награжденъ

за это дѣло орденомъ св. Анны 2-й ст. Произведенный въ 1813 г. въ майоры, З—цкій въ томъ же году былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Кавалергардскій полкъ; черезъ два года онъ былъ переименованъ въ штабсъ-ротмистры, а въ 1816 г. произведенъ въ ротмистры и подполковники, съ переводомъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ. Но недолго онъ находился въ этомъ полку; въ 1817 г. онъ перевелся въ Астраханскій кирасирскій полкъ, а въ слѣдующемъ году, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

«Сборникъ биографій кавалергардовъ», т. II, стр. 261—262.

Змаевичъ, Матей Измаиловичъ, вице-адмиралъ русскаго флота (годъ рожденія его неизвѣстенъ † 25 августа 1735 г.), происходилъ изъ очень богатой и знатной фамилии г. Катарро въ Далмацин. Ему пришлось покинуть свое отечество еще въ молодости вслѣдствіе того, что онъ убили на дуэли одного изъ первѣйшихъ далматинскихъ вельможъ. Братъ его былъ епископомъ въ Восни и исполнялъ разныя порученія Петра Великаго. Быть можетъ, это заочное знакомство старшаго брата съ русскимъ царемъ и побудило Змаевича обратиться въ 1710 г. къ русскому послу въ Константинополь, гр. Петру Андреевичу Толстому, съ просьбой принять его въ русскую службу. Вслѣдствіе объявленія въ ноябрѣ этого года войны Турціей, гр. Толстой былъ заключенъ въ крѣпость, а вмѣстѣ съ нимъ и капитанъ З—вичъ. Почти два года просидѣли они въ крѣпости, а когда ихъ выпустили на свободу, З—вичъ явился въ Карлсбадъ къ Петру Великому, по приказанію котораго гр. Головкинъ отправилъ его въ Петербургъ къ гр. Феоф. Матв. Апраксину. Повидимому, З—вичъ долгое время служилъ въ Венеціи въ галерномъ флотѣ, а потому, по прибытіи въ Петербургъ, былъ назначенъ въ галерный флотъ капитаномъ 1-го ранга, съ жалованьемъ 30 рублей въ мѣсяцъ. Въ 1713 г. за дѣйствія русскаго флота у финляндскихъ береговъ, З—вичъ произведенъ былъ въ капитанъ-командоры и награжденъ золотою медалью въ 50 червонцевъ. Въ 1714 г., вслѣдствіе смерти шаубенахта гр. Боциса, начальникомъ галернаго флота

въ Балтійскомъ морѣ сдѣлался З—вичъ; за взятіе шведскихъ фрегатовъ при Гангутѣ онъ получилъ золотую медаль въ сомъ въ 45 червонцевъ съ цѣпью въ 75 червонцевъ, но долженъ былъ возвратить данную ему въ 1713 г. золотую медаль въ 50 червонцевъ. Въ 1715 г. З—вичъ командовалъ галернымъ флотомъ, находившимся въ Апселѣ, и былъ сильно огорченъ присылкой къ нему гвардіи подполковника, кн. Петра Мих. Голицына, которому велѣно было слѣдовать со всѣми судами къ берегамъ Курляндіи. Онъ повиновался этому приказу и дошелъ съ кн. Голицынымъ до Либавы, откуда писалъ гр. Апраксину 1 декабря 1715 г., прося дозволить ѣхать ему ѣздить въ Кенигсбергъ, что и было разрѣшено. 15 марта 1716 года З—вичъ писалъ государю, что при переходѣ черезъ Балтійское море онъ лишился шнявы «Принцесса», и что вслѣдствіе недостатка въ людяхъ не можетъ управиться съ галернымъ флотомъ. «Предаюсь, писалъ онъ, на волю Вашего Величества, яко искуснѣйшаго морского человѣка, что съ такимъ малымъ количествомъ людей нельзя мнѣ будетъ идти назадъ». Одновременно съ этимъ письмомъ З—вичъ прислалъ государю «меморіалъ», состоявшій изъ семи пунктовъ. Онъ особенно хлопоталъ о томъ, чтобы впродъ государь освободилъ его «отъ команды сухопутныхъ»; галерные морскіе офицеры также настоятельно просили, чтобы во время плаванія по морю не было надъ ними «команды сухопутныхъ». Это ясно доказываетъ, до какой степени оскорбила З—вича присылка кн. Голицына для сопровожденія судовъ въ Либаву. 30 апрѣля того же 1716 г. Петръ Великій обратился съ письменнымъ ходатайствомъ къ Венеціанской республикѣ, прося простить З—вича за побѣгъ и возвратить ему движимое и недвижимое имѣніе. 28 ноябрю было получено отъ венеціанскаго посла уведомленіе, что З—вичъ, согласно желанію русскаго императора, прощенъ республикой. До 24 мая 1717 года З—вичъ находился съ галернымъ флотомъ въ Ростокѣ; галера, которой онъ командовалъ, называлась «Вальфишъ»; нижнихъ чиновъ на ней было 49 человѣкъ, тогда какъ на большей части галеръ было по 6—7 человѣкъ, и лишь на пяти галерахъ отъ 10 до 23 человѣкъ. Флотъ состоялъ изъ 38

галеръ и двухъ бригаantinъ; судя по фамиліямъ, командирами галеръ были наполовину русскіе, наполовину иностранцы, главнымъ образомъ, итальянцы и греки. По возвращеніи изъ Ростока З—вичъ поступилъ съ своимъ галернымъ флотомъ подъ начальство генералъ-адмирала гр. Апраксина. Въ 1718 году З—вичъ командовалъ огромнымъ галернымъ флотомъ въ Шведскихъ шхерахъ. Въ 1719 г. онъ произведенъ былъ въ шаубенахты, а въ 1721 г., по случаю торжествъ при заключеніи Ништадтскаго мира,—въ вице-адмирала. Строеіе Галерной гавани, гдѣ можно было бы помѣстить галерный флотъ, Петръ Великій возложилъ на З—вича, который, однако, не успѣлъ привести въ исполненіе всѣхъ своихъ предположеній, такъ какъ въ маѣ 1723 г. былъ неожиданно посланъ въ Воронежъ. Съ нимъ были отправлены морскіе офицеры, корабельные мастера и плотники, и было предписано спустить въ мартѣ 1724 г. на воду 15 паровъ и 25 галеръ. Какъ видно изъ донесеній З—вича, суда были готовы цѣлымъ мѣсяцемъ раньше назначеннаго срока, но отношенія къ Турціи помѣнились за это время, а потому флотъ остался безъ употребленія, и З—вичу велѣно было возвратиться въ Петербургъ. По прибытіи туда З—вичъ получилъ назначеніе въ члены Государственной адмиралтействъ-коллегіи.

Въ царствованіе Екатерины I, З—вичъ, вслѣдъ за кончиной капитанъ-командора Демьяновича, сдѣланъ былъ начальникомъ Галернаго порта и флота, а въ маѣ 1725 г. ему пожалованъ былъ орденъ св. Александра Невскаго. Несмотря на такое милостивое отношеніе императрицы, З—вичъ подалъ въ мартѣ 1726 г. прошеніе объ отставкѣ, но затѣмъ остался на службѣ: убѣдилъ-ли его гр. Апраксинъ продолжать служить, или самъ онъ измѣнилъ первоначальное намѣреніе—неизвѣстно. Въ маѣ 1727 года З—вичъ былъ произведенъ въ адмирала и управлялъ всѣми дѣлами морского вѣдомства до тѣхъ поръ, пока адмиралъ Сиверсъ не былъ пожалованъ въ президенты адмиралтействъ-коллегіи. Въ началѣ 1728 г. подчиненные З—вича подали въ Верховный Тайный Совѣтъ донесенія относительно злоупотребленій его при казенныхъ постройкахъ и удержанія у людей заслуженныхъ и заработанныхъ денегъ. По

указу Верховнаго Тайнаго Совѣта, З—вичъ подвергся аресту и былъ преданъ суду. Комиссія признала его виновнымъ не во всѣхъ, но во многихъ изъ взведенныхъ на него обвиненій, и Верховный Тайный Совѣтъ опредѣлилъ, снявъ съ него, по тогдашнему обыкновенію, одинъ чинъ, написать его въ вице-адмирала до выслуги и отправить въ Астрахань главнымъ командиромъ на смѣну капитанъ-командора Мишукова. За все то, что онъ взялъ для себя изъ казенныхъ вещей, положено взыскаыть съ него втрое противъ настоящей цѣны. Вслѣдствіе болѣзни, З—вичъ выѣхалъ въ Астрахань лишь въ іюль, а въ августѣ гр. Апраксинъ послалъ предписаніе, чтобы въ Астраханскомъ портѣ былъ попрежнему Мишуковъ; З—вичу велѣно было отправиться въ Воронежъ. Адмиралтействъ-коллегія уведомила гр. Апраксина, что въ Воронежѣ нѣтъ морскихъ командъ, и предложила ему назначить З—вича въ Тавровъ, гдѣ находилось адмиралтейство. До кончины гр. Апраксина, послѣдовавшей въ ноябрѣ 1728 г., З—вичъ продолжалъ жить въ Москвѣ; потомъ заступникомъ его явился Остерманъ, но въ концѣ концовъ ему все-таки пришлось поѣхать въ Тавровъ. Неимѣніе опредѣленныхъ занятій по морской части побудило З—вича обратить вниманіе на Липскіе (Луганскіе) заводы, находившіеся въ его вѣдѣніи, и въ скоромъ времени онъ послалъ въ адмиралтействъ-коллегію образцы шляпъ и чулокъ, которые стали выдѣлывать тамъ для флота. Коллегія однако запретила З—вичу продолжать эту работу, потому что вице-президентъ Сиверсъ нашелъ, что шляпы и чулки обходились на Липскихъ заводахъ дороже обычнаго. Въ 1734 г., согласно полученному предписанію, З—вичъ вооружилъ гребной флотъ и построилъ для его пополненія нѣсколько галеръ и лодокъ. Это было послѣднее служебное порученіе, приведенное имъ въ исполненіе; 25 августа 1735 г. онъ скончался въ Тавровѣ, а погребенъ въ Москвѣ, вслѣдствіе желанія, выраженнаго въ дополнительномъ завѣщаніи. Первое завѣщаніе, писанное въ августѣ 1730 г., по видимому, отправлено было брату З—вича, епископу Босніи, а потому и не сохранилось въ архивѣ адмиралтействъ-коллегіи. Душеприказчиками своими З—вичъ назначилъ: патера Матеея Карамана,

бывшаго его капеланомъ, капитанъ-лейтенанта Илью Братича и своего домашняго лѣкаря Іоанна Іоакима Партизія. Всѣмъ имъ онъ оставилъ на память разныя вещи. Кромѣ того, онъ выразилъ желаніе, чтобы палеръ Караманъ получилъ изъ его денегъ на проѣздъ въ Венецію и въ теченіе полугода выплачивалось бы ему по 7 р. въ мѣсяць. Повару, канцеляристу, слугѣ Мартину Нейману и всей дворнѣ завѣщаль денежныя суммы и одежду; слуганокъ велѣлъ отпустить на волю. Въ этомъ дополнителномъ завѣщаніи упоминаются: «наслѣдникъ» (кто именно-неизвѣстно), жена, дочь Марія и сестра Аннэзъ. Двѣ послѣднія были католическими монахинями въ Италіи, и душеприказчики обязывались послать имъ по алмазному кресту, цѣною по 150 р. каждый; кресты эти они должны были купить. Въ чемъ состояли недвижимыя имѣнія и сколько было денегъ, изъ добавочнаго духовнаго завѣщанія не видно.

Бергъ, «Жизнеописанія первыхъ русскіихъ адмираловъ или опытъ исторіи Россійскаго флота». Спб., 1883 г., ч. 2-я, стр. 1—48.—*Бантышиъ-Каменскій*, «Обзоръ вѣдшихъ спошеній Россіи», II.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. IV, стр. 859, 1095—1096.—«Военно-энциклопедическій словарь», т. VI, стр. 9—10.
В. Корсакова.

Зморскій, Романъ, поэтъ-славянофилъ, сынъ чиновника, родился въ 1824 г. въ Варшавѣ и тамъ же получилъ среднее образованіе. Не имѣя возможности поступить въ университетъ, З—скій самостоительно занялся изученіемъ языковъ, преимущественно славянскихъ, а затѣмъ въ теченіе 15-ти лѣтъ (1844—1859 гг.) путешествовалъ по славянскимъ странамъ, на мѣстѣ знакомясь съ интересовавшими его памятниками славянской народной поэзіи. Обѣздилъ Силезію; въ 1848 г. побывалъ въ землѣ лужичанъ, а съ 1850 г. подолгу жилъ въ Сербіи. Во время своихъ странствованій З—скій усердно изучалъ нравы, обычаи и нарѣчія разныхъ славянскихъ народовъ, собиралъ и записывалъ народныя преданія и пѣсни и многія изъ нихъ перевелъ на польскій языкъ. Такъ, въ 1853 г. имъ изданъ былъ въ Варшавѣ сборникъ «Narodowe pieśni serbskie», а въ 1859 г. тамъ же напечатанъ второй сборникъ сербскихъ пѣсень подъ заглавіемъ «Krolewicz Marcko». Около этого же времени имъ составлена была обширная

біографія извѣстнаго собирателя сербскихъ пѣсень—Вука Стефановича Караджича. Къ числу поэтическихъ твореній З—скаго, въ основѣ которыхъ лежатъ славянская народная поэзія, относятся еще: «Podania i basnie ludu w Mazowszu» (Варшава, 1854 г.), «Domowe wspomnienia i powiastki» (Варшава, 1854 г.) и «Lazarica, ustęp z narodowych pieśni serbskich» (Варшава, 1860 г.). Сюда же отчасти можетъ быть отнесена и вполне оригинальная поэма его: «Wieża siedmiu wodzów, pieśń z podań» (Познань, 1850 г.), въ которой З—скій удачно переноситъ на берега Вислы старинную скандинавскую сагу, сливая ее съ мазовецкими преданіями. Къ оригинальнымъ же произведеніямъ З—скаго относятся и болѣе ранняя фантастическая поэма его «Lesław» (Познань, 1847 г.). Много мелкихъ статей и стихотвореній З—скаго напечатано было въ равное время въ «Bibliotece Warszawskiej» и въ «Tygodniku Ilustrowanym», среди нихъ есть и переводы съ нѣмецкаго сагъ Эленшлегера, произведеній Шиллера и Гете.

Съ 1859—1863 гг. З—скій жилъ въ Варшавѣ, затѣмъ переселился въ Дрезденъ, гдѣ и скончался 18 февраля 1867 г. Полное собраніе его сочиненій вышло посмертнымъ изданіемъ (2 тома) въ Лейпцигѣ.

«Encyklopedyja Powszechna». Варшава 1868 г., т. 28, стр. 659—660.

А. Г.

Змѣевъ, Андрей Григорьевичъ. Въ 1610 г. ему велѣно было служить по московскому списку и назначена была помѣстная и денежная придача. Въ 1613 г. подъ грамотой объ избраніи въ цари Мих. Феод. Романова З—въ подписался такъ: «Мещовска города Феодоръ Стрешневъ, Семень Глѣбовъ, Ондруй Григорьевъ сынъ Змеевъ, и во всѣхъ Мещанъ (т. е. жителей г. Мещовска), дворянъ и дѣтей боярскихъ, выборныхъ людей мѣста, руку приложили». Въ 1616 г., когда Никита Вас. Годуновъ былъ выданъ головой боярину Вас. Петр. Морозову за мѣстничество съ нимъ, З—въ отводилъ Годунова къ Морозову, а затѣмъ въ тюрьму. Въ томъ же 1616 г. онъ былъ воеводой въ Кольскомъ острогѣ.

С. Г. Г. и Д., I и II.—Раар. кн., I.—Дв. разр., I.—*Варсуковъ*, «Списки городонныхъ воеводъ Моск. госуд. XVII ст.».

В. Корсакова.

Змбевъ, Василій Ивановичъ. Въ 1617—20 гг. былъ воеводою въ Ладогѣ. 11-го іюля 1618 г. имъ была послана царская грамота о пожалованіи опустѣвшаго Васильевского монастыря, что за рѣкой Волховомъ, въ Обонежской пятинѣ, и его вотчины — Валаамскому монастырю, согласно просьбѣ настоятеля Валаамскаго монастыря, старца Сильвестра. Въ 1620 г. З—въ посланъ былъ на воеводство въ Алатырь вмѣсто Θεод. Сем. Вельяминова-Воронцова.

А. А. Э., III.—Дв. разр., I.—Разр. кн., I.—*Руммель, I.—Барсуковъ*, «Списки городскихъ воеводъ Моск. госуд. XVII стол.»
В. Корсакова.

Змбевъ, Василій Семеновичъ, думный дворянинъ, р. 1656 г. † послѣ 1716 г. Былъ комнатнымъ стольникомъ царевичей Алексѣя и Θεодора Алексѣевичей. Въ 1676 г., іюля 18, во время вѣнчанія на царство Θεодора Алексѣевича, стоялъ со стряпнею и стлалъ ковры у дверей. Въ 1682 г. значится думнымъ дворяниномъ. Въ 1684—90 гг. сопровождалъ обоихъ царей въ богомольныхъ и загородныхъ походахъ. Въ 1696 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царя Іоанна Алексѣевича. Въ 1684—99 гг. участвовалъ въ московскихъ крестныхъ ходахъ. Ко второму азовскому походу З—въ выстроилъ на свой счетъ корабли «Ворколонъ», «Куманства» и «Единорогъ» (послѣдній строили отчасти на средства и боярина кн. Ив. Бор. Троекурова).

С. Г. Г. и Д., IV.—Доп. къ Акт. Ист., III, IV.—*Руммель, I.—Есиповъ*, Сборникъ выписокъ, II.

В. Корсакови.

Змбевъ, Венедиктъ Андреевичъ (годъ его рожденія неизвѣстенъ † послѣ 26 февраля 1697 г.).

Съ 1649 г. значится на службѣ въ рейтарскомъ полку: 17 марта этого года, въ именины царя Ал. Мих., пожалованъ былъ изъ жильцовъ въ стряпчіе. Въ 1649—1650 гг. сопровождалъ царя въ загородныхъ походахъ. Въ 1656 г. былъ назначенъ въ полковники; 17 августа послѣ стола и послѣ отпуща датскаго посланника Германа Коса, государь пожаловалъ З—ва за его службу, «что онъ былъ на приступѣ съ бояриномъ Сем. Лукьян. Стрѣшневымъ подъ нѣмецкимъ городомъ Куконосомъ, а велѣлъ ему свои государевы очи видѣть по праздникамъ

за переградю, да ему-жь пожаловалъ сорокъ соборей да пять паръ соборей добрыхъ». Въ 1657 г., іюня 2 онъ былъ у руки государя съ начальными людьми, которымъ назначено быть на службѣ въ Полоцкѣ. Въ 1658 г. на обѣдѣ у царя Ал. Мих. грузинскаго царя Теймураза Давидовича З—въ былъ однимъ изъ стольниковъ, которые ставили кушанья передъ царемъ Ал. Мих. Въ 1668 г. онъ былъ воеводой въ Тамбовѣ; въ томъ же году грамотой изъ Разряда ему велѣно было набирать людей въ драгуны и обучать ихъ полковому строю, послѣ чего онъ отозванъ былъ въ Москву. Въ 1669—72 гг. З—въ состоялъ воеводой въ Вяткѣ. Въ 1674 г., сентября 8 былъ на отпускѣ у царя, получивъ назначеніе въ большой полкъ, подъ начальство кн. Юрія Алексѣевича Долгорукаго. Въ слѣдующемъ 1675 г., когда предполагали выступить въ походъ противъ Турціи и Крыма соединенныя московское и малороссійское войска, З—въ начальствовалъ однимъ изъ полковъ. Въ 1676 г. онъ находился въ Курскѣ, куда въ его полкъ должны были собираться ядринскіе помѣщики и вотчинники, мурзы и татары. 15 ноября 1678 г. царь Θεодоръ Алексѣевичъ указалъ быть ему на службѣ противъ турецкаго султана и крымскаго хана. Двѣ недѣли спустя ему велѣно было быть въ товарищахъ въ Бѣлгородскомъ полку у боярина и воеводы Ив. Богд. Мирославскаго, при чемъ оба они должны были итти въ Суджу. Въ Бѣлгородскомъ полку было конницы и иѣхоты болѣе 18.000 человекъ; изъ этого количества въ вѣдѣніи З—ва находилось 5.500 человекъ. 1 апрѣля 1679 г. З—въ съ солдатскими полками долженъ былъ итти къ Кіеву въ сходѣ къ боярину Петру Вас. Шереметеву. 27 мая того же года малороссійскій гетманъ Иванъ Самойловичъ писалъ царю Θεодору Алексѣевичу, что у боярина Петра Вас. Шереметева мало людей и что онъ не въ состояніи построить крѣпость у горы Щаковицы. Кромѣ того, Шереметевъ «разрознился» съ З—мъ и съ генераломъ Шепелевымъ и съ ихъ ратными людьми: З—въ пошелъ въ Кіевъ, а Шепелевъ остался далеко позади Путивльскаго перевоза на р. Сеймѣ. Въ 1678—79 гг. З—въ назывался *думнымъ генераломъ*; 15 января 1680 г. было велѣно именовать его думнымъ дворяниномъ, а не генераломъ. Въ 1681 г. З—въ состоялъ

воеводой въ Курскѣ. 12 января 1682 г. онъ подписалъ Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества. 25 іюня того же года, въ день вѣнчанія на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей, пожалованъ былъ въ окольничіе; окольничество сказывалъ ему думный дьякъ Василій Семеновъ, а у сказки стоялъ печатникъ Дементій Миничъ Башмаковъ. Въ апрѣлѣ 1684 г. за успѣшныя дѣйствія противъ турокъ и крымцевъ онъ получилъ кафтанъ на соболяхъ, крытый золотымъ атласомъ, золоченый кубокъ съ кровлею, да денежной придачи 60 р. Въ 1686 г., апрѣля 26, въ день заключенія мира съ Польшей, З—въ стоялъ у сказки, а сказывали дьяки Иноземскаго приказа, въ присутствіи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи Алексѣевны, тѣмъ, кто особенно отличился въ войнѣ съ Польшей. 22 октября 1686 г. ему указано было быть на Украинѣ для береженія и для поиску. 25 іюля 1687 г., будучи «ближнимъ окольничимъ и намѣстникомъ Серпуховскимъ», З—въ участвовалъ на радѣ, у рѣки Коломака, при выборѣ въ гетманы генеральнаго есаула Ивана Мазепы вмѣсто отрѣшеннаго отъ должности Ивана Самойловича. 5 сентября того же года за участіе въ Крымскомъ походѣ онъ получилъ опять золотый кафтанъ на соболяхъ, серебряный золоченый кубокъ съ кровлей и 80 р. денежной придачи. Ранней весной 1689 г. (не позже февраля) онъ былъ назначенъ товарищемъ къ кн. Вас. Вас. Голицыну, для приготовленія ратныхъ людей ко второму Крымскому походу. Въ вѣдѣніи З—ва находился, между прочимъ, Елецкій солдатскій полкъ, подъ командою полковника Франца Лефорта. Въ іюнѣ того же 1689 г. были розданы награды главнымъ воеводамъ; З—въ получилъ, кромѣ золотнаго кафтана на соболяхъ и золоченаго кубка съ кровлей, 100 р. денежной придачи, да 3500 ефимковъ. Лишь царевна Софья Алексѣевна да кн. Вас. Вас. Голицынъ распространяли слухи о побѣдѣ, въ дѣйствительности же второй Крымскій походъ окончился весьма печально и далеко не славно для русскаго оружія. Когда обнаружилось, что кн. Голицынъ, «пришедъ къ Перекопу, промыслу никакого не чинилъ, и, постоявъ самое малое время, отступилъ, каковымъ нерадѣніемъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки,

государству разореніе, а людямъ тягость»— царь Петръ рѣшилъ произвести разслѣдованіе. Кн. Голицынъ и Сѣвскій воевода, сходный товарищъ его въ Крымскомъ походѣ, окольничій Леонтій Романовичъ Неплюевъ подверглись ссылкѣ. З—въ былъ допрошенъ 11 ноября 1689 г. въ своей костромской деревнѣ думнымъ дворяниномъ Извольскимъ о переговорахъ кн. Голицына подъ Перекопомъ съ посланными крымскаго хана. Пришлось ему давать показанія и относительно доноса одного бѣглаго русскаго, сосланнаго азовцами въ Крымъ, будто бы кн. Голицынъ ушелъ отъ Перекопа послѣ того, какъ получилъ отъ крымскаго хана нѣсколько боченковъ съ золотомъ, которые З—въ собственноручно передалъ кн. Голицыну ночью. Оба они, т. е. и кн. Голицынъ, и З—въ, отрицали это показаніе. Очевидно, что З—въ не былъ найденъ виновнымъ, такъ какъ продолжалъ оставаться на службѣ: въ 1692—94 гг. онъ былъ воеводой въ Курскѣ, а въ 1695 г.—въ Перми. Последнее упоминаніе о З—въ относится къ 21 февраля 1697 г., когда онъ въ «недѣлю православія», въ числѣ другихъ лицъ, присутствовалъ въ Успенскомъ Соборѣ при совершеніи «дѣйства» митрополитомъ Тихономъ. За время своей почти полувѣковой службы (1649—97 гг.) З—въ получилъ: Хмѣлинецъ (2000 чет.) и вотчины въ Старицкомъ, Московскомъ и Калужскомъ уѣздахъ и въ Бѣжецкомъ Верху.

С. Г. Г. и Д., IV.—Доп. къ Акт. Истор., VI, VII, IX, X.—Разр. кн., II.—Др. разр., т. III.—Дополн. къ III тому и т. IV.—Оп. Арх. Мпн. Юст., I.—Р. И. В., X и XI.—Акты Моск. госуд., II.—*Руммель, Г.—Вирсуповъ, Спирскіе городовыхъ воеводъ Московскаго госуд. XVII ст.*—*Сборникъ кн. Хилкова—Голиковъ, «Дѣянія Петра В.», I, XIII.—Устряловъ, «Исторія царствованія Петра В.», I и II.—«Военно-энциклопедическій словарь», т. VI, стр. 10—11.*

В. Корсакова.

Змѣевъ, Даниилъ Семеновичъ. Въ 1613 г. жилецъ; участвовалъ во второмъ посольствѣ отъ земскаго собора къ Мих. Феод. Романову передъ прибытіемъ его въ Москву; во главѣ посольства былъ кн. Пв. Мих. Воротынский. Въ 1620—21 г.г. онъ состоялъ воеводой въ Шуѣ. Въ 1627—40 г.г. значится дворяниномъ московскимъ. Въ 1631 г. въ день Свѣтлага Христова Воскресенія видѣлъ царскія очи въ комнатѣ. Въ 1632 г. былъ воеводой на

Бѣлоозерѣ. Въ 1636 и 1641 г. г. дневалъ и почевалъ на государевомъ дворѣ въ числѣ другихъ дворянъ. Въ 1642 г. былъ приставомъ у Мустафы чеуша—брата турецкаго посланника, убитаго черкасами въ степи, по пути въ Москву. Женатъ былъ З—въ на Аграфенѣ Ивановѣ Нарышкиной, родной теткѣ царицы Натальи Кирилловны.

Акты Юридич.—Дв. разр., I и II. — Разр. кн., I и II.—Р. И. В., X.—*Руммель, I.—Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII стол.»*

В. Корсакова.

Змѣевъ, Иванъ Григорьевичъ, р. въ 1547 † 1632 г. Въ 1563 г. первый податень рынды у государевыхъ топоровъ въ Полоцкомъ походѣ. Въ 1577 г. былъ головой у стрѣльцовъ въ Ливонскомъ походѣ и головой у московскихъ стрѣльцовъ подъ Владиміромъ. Въ 1592 г. посланъ былъ изъ Перми письменнымъ головой въ Сибирь на рѣку Лозву съ войскомъ и снарядомъ. Въ 1593 г. участвовалъ въ строеніи Перезова. Въ 1594 г. ходилъ съ войскомъ противъ вогуловъ, взявъ въ плѣнъ ихъ князю и отправилъ его въ Москву. Въ 1610 г. за Московское осадное сидѣнье получилъ въ вотчину помѣстья Коломенскаго и Нижегородскаго уѣздовъ. Въ 1613 г. въ качествѣ перваго выборнаго отъ Коломны подписался подъ грамотой объ избраніи на московскій престолъ Мих. Феод. Романова. Въ 1625 г. царь Мих. Феод. указалъ «бить на Михайловѣ воеводамъ кн. Волконскому и Ляпунову и всѣмъ людямъ быть съ Иваномъ Змеовымъ ради осаднаго времени». Въ 1627—29 г.г. З—въ званіи коломенскимъ городовымъ дворяниномъ.

Руммель и Голубцовъ, «Родословный сборникъ рус. дворянскихъ фамилій». Спб. 1886—1887 г. т. I.

В. Корсакова.

Змѣевъ, Маврій Ивановичъ. Въ 1615 г. ходилъ изъ Чебоксаръ противъ поляковъ. Въ 1620 г. состоялъ воеводой въ Василѣ (Васильсурскѣ). Въ 1621 г. ему пожалована была вотчина въ Нижегородскомъ у. Въ 1624 г. былъ назначенъ головой въ Казань, воеводы посылали его на заставу, а затѣмъ мѣрить митрополичьи земли.

Разр. кн., I.—Дв. разр., I.—*Руммель, I.—Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII стол.»*

Змѣевъ, Никита Феодоровичъ, по прозванью *Десятый*. Въ 1609 г. былъ головой стрѣльцемъ, а въ 1613 г. воеводой въ Арзамасѣ. Въ 1615 г. ходилъ противъ Лисовскаго съ отрядомъ новокрещеновъ и басурманъ. Въ 1620 г. значится воеводой въ Лаишевѣ. Какъ видно изъ межевой выписи 1631 г., у него было помѣстье въ Курмышскомъ уѣздѣ.

Дв. разр., I.—Акты Юридич.—*Руммель, I.*

Змѣевъ, Семенъ Даниловичъ. Съ 1644 г. находился въ придворной службѣ. Въ 1647 г., янв. 6-го, пожалованъ былъ въ стольники. Въ 1649—52 г.г. сопровождалъ царя Ал. Мих. въ загородныхъ и богомольныхъ походахъ. Въ 1655 г., марта 17, посланъ отъ государя изъ Вязмы подъ Смоленскъ съ милостивымъ словомъ къ боярину Пушкину. Въ томъ же году былъ начальнымъ человѣкомъ у рейтаръ подъ Смоленскомъ. Затѣмъ былъ посланъ въ Шкловъ за судами для нагрузки ихъ хлѣбомъ въ Смоленскъ и отвода ихъ въ Шклови. Сохранились довольно подробныя свѣдѣнія за время пребыванія З—ва въ 1656 г. въ Смоленскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Касилѣ, когда подъ его наблюденіемъ дѣлались суда крестьянами дворцовыхъ волостей. Ему данъ былъ наказъ и 50 р. государева жалованья, а 180 плотникамъ, московскимъ стрѣльцамъ, по полтинѣ человѣку. Изъ Новгородской чети назначено было 1000 человѣкъ на судовое дѣло, да изъ Москвы, изъ приказа Ствольнаго дѣла, 50 кузнецовъ. З—въ, какъ видно, ревностно и добросовѣстно отнесся къ возложенному на него дѣлу, и его удручала невозможность получить такъ скоро, какъ бы онъ желалъ, тѣхъ плотниковъ, которые сошлись въ Вязмѣ изъ разныхъ монастырей, а также разныхъ судовыхъ снасти, находившіяся въ Вязмѣ. Тамошній воевода, стольникъ Я. М. Лодыженскій, не соглашался отпустить что-либо безъ царскаго приказанія. Смолу, гвозди и скобы велѣно было доставить къ З—ву изъ Нижняго, но онъ совершенно правильно рассуждалъ, что перевозка оттуда возьметъ много времени. «А въ Вязмѣ—писалъ онъ государю,—сколько чего есть, къ первымъ стругомъ въ заводъ для послѣшенья взять близко. А лежать теперь всѣ тѣ запасы въ Вязмѣ, которые къ струговому дѣлу надобны, даромъ, а твоего государева стругового дѣла дѣлать безъ

тѣхъ запасовъ векорѣ нечѣмъ, и о томъ, государь, мнѣ что ты указеешь?» Вслѣдствіе этого донесенія З—ва, государь приказалъ Максиму Грекову завѣдывать струговымъ дѣломъ въ Вязьмѣ, оставить у себя для окончанія работы 20 монастырскихъ плотниковъ, а остальныхъ отослать къ З—ву. Черезъ двѣ недѣли послѣ донесенія З—ва, въ Москвѣ были получены изъ Нижняго струговые запасы, между прочимъ, 1000 п. смолы, и государь велѣлъ отправить ихъ въ Смоленскъ и на рѣку Касплю. Какъ разъ въ это время З—въ доносилъ государю о ходѣ работъ и жаловался на недостатокъ подходящаго лѣса по близости отъ рѣки (онъ велѣлъ «сидѣть смоду») и пеньки для конопатки судовъ; кромѣ того, мастера разошлись, а крестьяне изъ государевыхъ дворцовыхъ волостей «врознь идутъ». Чтобы работники не лѣнились, З—въ жилъ въ лѣсу. Несмотря на многія неблагопріятныя условія, съ 12 марта по 16-е апрѣля, было сдѣлано 120 судовъ, да 80 судовъ обложено. Въ началѣ іюня З—въ долженъ былъ сдать кн. Петру Долгорукому струги, приготовленные подъ его наблюденіемъ, а также и препровожденные изъ Витебска; кн. Долгорукому поручено было раздать ихъ стрѣльцамъ и солдатамъ.

Въ 1658—59 годахъ З—въ былъ товарищемъ у полкового воеводы кн. Гр. Аван. Козловскаго въ Могилевѣ. 2-го февр. 1659 г. онъ обѣдалъ у царя Ал. Мих., а послѣ обѣда ему пожалованы были ковши, шуба атласная на соболяхъ и 3000 ефимковъ. 4-го декабря того же года З—въ былъ назначенъ вторымъ воеводою при осадѣ Старога Быхова, гдѣ взялъ въ плѣнъ Выговскаго. 10-го февраля 1661 г., при отпускѣ въ Нѣжинъ, былъ у государева стола. Онъ былъ посланъ въ Нѣжинъ съ вспомогательнымъ отрядомъ какъ для поддержанія московской царской власти, такъ и для отраженія польско-татарскаго войска, которое послѣ неудачной осады Переяслава подступало къ Нѣжину. 13-го іюня 1661 г. З—въ убитъ былъ подъ Володню, въ сраженіи съ Салѣгой и Чарнецкимъ.

Акты Ист., IV.—Дл. разр., III и Дополн. къ III-му тому.—Акты Моск. госуд., II.—Р. И. Б., X.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. III, стр. 55, 81, 97, 608.—Руммель, I.—II. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», VI.—А. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII стол.».

В. Корсакова.

Змѣевъ, Юрій Ивановичъ. Въ 1610 г. былъ товарищемъ воеводы въ Уржумѣ, при Василии Вельяминовѣ. Оба они просили у Перми помощи противъ воровскихъ людей, казаковъ и стрѣльцовъ. З—въ былъ женатъ на родной теткѣ царицы Марьи Ильинишны Милославской.

Акты Ист., II.—Руммель, I.—Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII столѣтія».

В. Корсакова.

Змѣевъ, Яковъ Андреевичъ, стольникъ и помѣщикъ Рязанскаго уѣзда. Въ 1649—50 г.г. сопровождалъ царя Ал. Мих. въ загородныхъ и богомольныхъ походахъ. Въ 1654—55 и 1664—65 г.г. участвовалъ въ литонскихъ походахъ. Въ 1667 г. состоялъ воеводою въ Устюжкѣ и Келѣзопольской, гдѣ распорядился о поимкѣ разбойниковъ и воровскихъ людей. Въ 1668 г. былъ переведенъ воеводою въ Устюгъ Великій. Въ 1679 г. сопровождалъ царя Теодора Алексѣевича въ богомольныхъ походахъ. Въ 1680 г. ему пожалованы были вотчины въ Шацкомъ и Галицкомъ уѣздахъ.

Доп. къ Акт. Ист. V.—Дл. разр., III, IV.—Руммель, I.—Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII стол.».—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. III, стр. 731.

В. К--ва.

Змѣевъ, Яковъ Матвѣевичъ, второй податня у рынды второго государева копья въ Полоцкомъ походѣ (1563 г.). Въ 1566 г., марта 26, онъ отправленъ былъ въ Крымъ къ хану Девлетъ-Гирею съ грамотами; одновременно съ нимъ отпущены были царемъ Іоанномъ Грознымъ и крымскіе гонцы Янъ Магметъ съ товарищами, а также турецкія кушцы и армяне. За Самарою на З—ва напали казаки кн. Дмитрія Вишневецкаго и убили 13 турокъ и армянъ. 3-го сентября З—въ вернулся изъ Крыма, а съ нимъ прѣхали: гонецъ Кюримша-мирза, соколичій, гонцы отъ царевичей, отъ царицъ и отъ мирзъ, всего 130 человекъ, кромѣ торговыхъ людей и турокъ. Въ 1605—1606 г.г. онъ былъ воеводою сначала въ Путивлѣ, а затѣмъ въ Рыльскѣ. Такъ какъ Рыльскъ и его воеводы кн. Григорій Долгорукій-Роца и З—въ перешли на сторону Лжедмитрія, то кн. Метиславскій, вѣрный царю Вас. Ив. Шуйскому, вмѣстѣ съ

другими воеводами, явился осаждать городъ. Кн. Долгорукий и З—въ не испугались угрозъ кн. Мстиславскаго и отразили его нападеніе. Въ 1606—1610 г.г. З—въ былъ однимъ изъ воеводъ въ Боровскѣ. Когда поляки подъ начальствомъ Сапѣги осадили въ 1610 г. монастырь св. Пафнутія, находившійся въ Боровскѣ, то З—въ и Челищевъ впустили ихъ въ острожныя ворота. Главный воевода кн. Михаилъ Волконскій скрылся въ церкви и не поддакъ на ихъ уговоры встрѣтить вошедшихъ въ монастырь литовскихъ людей и русскихъ воровъ; онъ мужественно сражался и, вслѣдствіе полученныхъ ранъ, упалъ и умеръ въ церкви. По словамъ лѣтописца, въ стѣнахъ монастыря погибло 12.000 человекъ.

Карамзинъ, «Исторія госуд. Рос.», IX, XI и XII.—*Р. И В.*, III.—*Руммель*, I.—*Соловьевъ*, «Ист. Россіи», VII.

В. Корсакова.

Знайковъ, Василій Константиновичъ, священникъ мѣстечка Богушковой Слободки, Золотоношскаго у., Полтавской губ., род. 14 декабря 1837 г. въ селѣ Овсюкахъ, Лубенскаго у., образованіе получилъ въ Лубенскомъ духовномъ училищѣ и Переяславской духовной семинаріи, по окончаніи которой былъ посланъ семинарскимъ правленіемъ въ Кіевскую духовную академію, но здѣсь пробылъ всего одинъ годъ и опредѣлился въ 1861 г. сельскимъ священникомъ въ Богушевскую Слободку. Такое рѣшеніе было вызвано какъ намѣреніемъ развить живую и непосредственную дѣятельность на пользу народа, такъ и желаніемъ помочь бѣдной матери; не послѣднюю роль играли въ данномъ случаѣ и заботы о своемъ слабомъ здоровьи. Поступивъ священникомъ, о. Василій прежде всего обратилъ вниманіе на религіозно-нравственное просвѣщеніе своихъ прихожанъ. Видя окружающую народъ темноту, онъ поставилъ себѣ цѣлью, по мѣрѣ силъ и умѣнья, разсвѣтлять эту темноту лучами свѣта Христова и христіанскаго знанія. Для этого онъ усердно сталъ проповѣдывать народу слово Божіе, не оставляя почти ни одного богослуженія безъ проповѣди. Нѣкоторыя изъ его проповѣдей напечатаны въ «Полтавскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ», какъ-то: «Слово по освященіи новоустроеннаго храма» (1872 г., № 10), «Слово въ день чествованія Казанской Божіей Матери»

(1877 г., № 21) и «Поученіе къ простому народу въ день Успенія Божіей Матери» (1876 г., № 19). Далѣе онъ расположилъ народъ къ устройству и открытію училища для дѣтей, котораго до него не имѣлось и въ которомъ онъ законоучительствовалъ до смерти съ рѣдкимъ усердіемъ, а въ послѣднее время велъ въ немъ и внѣбогослужебныя собесѣдованія. Для объединенія прихожанъ въ преслѣдованіи цѣлей церковно-общинной жизни, З—ковъ открылъ попечительство, которое являлось ему дѣятельнымъ помощникомъ въ его служеніи приходу. При немъ же была выстроена и новая церковь. Кромѣ указанныхъ проповѣдей, перу З—кова принадлежатъ еще двѣ слѣдующія печатныя статьи: «Два необыкновенныхъ случая» («Полтав. Епарх. Вѣд.» 1872 г., № 8) и «Церковь въ м. Богушковой Слободѣ»: (ib. 1872 г., №№ 19, 20). Скончался онъ 5 апрѣля 1891 года.

«Полтавскія Епарх. Вѣдомости», 1891 г., № 16, стр. 626.

П—въ.

Знаменскій, Аполлосъ Потановичъ, протоіерей Введенской церкви л.-гв. Семевского полка. Родился 15 октября 1811 г.; скончался 28 февраля 1888 года. Происходилъ изъ духовнаго званія, образованіе получилъ въ Ярославской дух. семинаріи и Петроградской дух. академіи (1831—1835 г.г.), гдѣ окончилъ курсъ со степенью магистра богословія и оставленъ былъ при академіи бакалавромъ по классу исторіи философіи. Черезъ годъ онъ оставилъ академію и поступилъ священникомъ въ Введенскую церковь л.-гв. Семеновскаго полка, при которой прослужилъ свыше 50 лѣтъ, состоя въ то же время профессоромъ богословія въ Петроградскомъ историко-филологическомъ институтѣ и законоучителемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. При немъ построены нынѣшній Введенскій храмъ и дома для причта. Литературныя труды З—скаго слѣдующіе: «О пророческомъ служеніи у евреевъ» (магистер. сочиненіе); «Рѣчь при окончаніи курса въ академіи» (рукопись); «Описаніе Введенской церкви л.-гв. Семеновскаго полка и госпитальной во имя св. ап. Петра и Павла» («Историко-статистич. свѣд. о Спб. епархіи, т. VI»); «О высшихъ причинахъ неравенства нашей участи на землѣ» («Дух. Весѣда» 1859 г., № 1); «Объ исповѣди и приготовленіи къ ней» (Весѣда

полкового священника съ солдатомъ, Спб. 1859 г.) и «Записки по предмету православнаго христіанскаго вѣроученія» (въ 3-хъ частяхъ—основнаго богословія, христіанской апологетики и догматическаго богословія), Спб. 1890 г.

Родосскій, «Биографич. словарь студентовъ Спб. Дух. Академіи». — *И. Чистовичъ*, «Исторія С.-Петербургской духовной академіи», стр. 346, 448. — «Волынскія Епарх. Вѣд.» 1888 г., № 9. — «Вѣстникъ Европы» 1883 г., стр. 600. — «Церк. Вѣстникъ» 1888 г., № 11. — «Церковн. Вѣдомости» 1888 г., № 14. — «Новое Время», 1888 г., №№ 4313 и 4316. — *Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус. писателей», вып. VII, стр. 47. — «Петербургскій Некрополь», т. II.

К. Здр-въ.

Знаменскій, Василій Потаповичъ, юристъ, скончался въ январѣ 1835 года. Родомъ изъ духовнаго званія, обучался въ Ярославской дух. семинаріи, въ 1824 г. поступилъ въ Московскую дух. академію, но въ февраль 1828 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса, отправленъ былъ въ Петроградскій университетъ для занятій юридическими науками съ практическимъ примѣненіемъ ихъ во 2-мъ отдѣленіи Канцеляріи Его Величества. Это было послѣдствіемъ всеподданнѣйшаго доклада графа Сперанскаго о необходимости избранія нѣсколькихъ изъ студентовъ духовной академіи для образованія ихъ въ русскій законъвѣдѣніи. Въ сентябрѣ 1829 г. 3-скій отправленъ былъ за границу, гдѣ за два съ половиною года прослушалъ лекціи болѣе чѣмъ 25 лучшихъ берлинскихъ и швейцарскихъ профессоровъ, блестяще выдержалъ экзаменъ и въ сентябрѣ 1832 г. возвратился въ Петроградъ, былъ причисленъ ко 2-му отдѣленію Канцеляріи Его Величества и занялся обработкой свода законовъ Остзейскихъ губерній. Въ 1834 г. 3-скій выдержалъ экзаменъ на степень доктора и представилъ диссертацию—«*De philosophica juris civilis tractandi ratione, per comparationem jurium diversarum gentium instituenda*», состоящую изъ двухъ частей: 1) откуда и какимъ образомъ должно выводить философскія начала гражданскаго права и 2) какой наилучшій методъ для изложенія гражданскихъ правъ по тѣмъ началамъ? Сочиненіе было одобрено, начато печатаніемъ и автору уже назначена была кафедра законъвѣдѣнія въ Кіевскомъ университетѣ,—но неожиданная смерть пре-

рвала жизнь его. Въ «Исторіи Московской дух. академіи» Смирнова (стр. 615—624) помѣщены составленные В. Знаменскимъ «Стихотворенія на посѣщеніе Государемъ Императоромъ въ 1826 г. Троицкой лавры и Москов. дух. академіи».

Смирновъ, «Исторія Москов. дух. академіи». М. 1879 г., стр. 484—486. — «Русскій Вѣстникъ» 1866 г., январь.

К. Здр-въ.

Знаменскій, Виссаріонъ Николаевичъ, надв. сов., докторъ медицины, род. 21 мая 1834 г., по окончаніи курса въ Петроградской медико-хирургической академіи опредѣлился въ мѣстную больницу для чернорабочихъ, гдѣ состоялъ въ штатѣ съ 1858 г. Въ 1861 г. онъ получилъ степень доктора медицины въ названной академіи и былъ назначенъ врачомъ въ больницу Орловскаго приказа общественаго призрѣнія, откуда въ томъ же году перевелся уѣзднымъ Демянскимъ (Новгород. губ.) врачомъ. Въ слѣдующемъ году 3-скій снова возвратился въ Петроградъ и состоялъ сверхъ штата при полиціи, но не долго: въ томъ же 1862 г. онъ перѣѣхалъ въ г. Елецъ уѣзднымъ врачомъ, въ 1868 г. былъ назначенъ старшимъ врачомъ по Орловской губерніи и въ этой должности скончался въ Ельцѣ 4 апрѣля 1869 г. 3-скому принадлежитъ диссертация «*О русскихъ баняхъ въ гигиеническомъ отношеніи*». Спб. 1861 г.

Змбевъ, «Русскіе врач.-писатели», вып. I, стр. 119. — «Петербургскій Некрополь», т. II.

Степ.

Знаменскій, Иванъ Степановичъ, помощникъ инспектора Казанской духовной академіи, происходилъ изъ духовнаго званія, обучался въ Нижегородской дух. семинаріи и Казанской духовной академіи (въ 1874.—1878 г.г.). Служебная дѣятельность его была непродолжительна: въ 1878—1880 г.г. онъ былъ преподавателемъ священнаго писанія въ Полтавской дух. семинаріи и въ 1880—1882 г.г. помощникомъ инспектора Казанской дух. академіи. Кроме того, онъ состоялъ также членомъ комиссіи по изясненію неудобовразумительныхъ словъ и выраженій въ пророческихъ книгахъ свящ. писанія. Скончался онъ 23 августа 1882 года. Его специальностью было священное писаніе. Кандидатское сочиненіе онъ писалъ на тему «Книга св. пророка Іоны». Имъ издаво пость выписокъ «Систематическаго ука-

зателя статей по Свящ. Писанію Ветхаго и Новаго Заѣтовъ» (Полтава—Казань 1881—1890): 1 выпускъ былъ напечатанъ въ прилож. къ «Полтав. Епарх. Вѣдом.», со 2 по 4 — въ прилож. къ «Извѣстіямъ по Казанской епархіи, 5 и 6—въ прилож. къ «Правосл. Собесѣднику» (вышли уже послѣ смерти автора); его же перу принадлежитъ — «Ученіе о Богѣ - Словѣ у восточныхъ апологетовъ Пвѣка» («Правосл. Собес.» 1882 г., I, 74, 239).

Терновскій, «Историч. записки о состояніи Казан. дух. академіи въ 1870—1892 г.г.» Каз. 1892 г., стр. 516.

К. Здр-въ.

Знаменскій, Іоаннъ Матвѣевичъ, протоіерей Одесскаго Преображенскаго собора, сынъ священника Костромской епархіи, родился 4 сентября 1813 года; скончался 26 октября 1873 года. Образование получилъ въ Костромской дух. семинаріи (1829—1834 г.г.) и Московской духовной академіи (1834—1838 г.г.), которую окончилъ со степенью магистра богословія. Съ 8 августа 1838 г. онъ былъ наставникомъ Херсонской (нынѣ Одесской) дух. семинаріи, сослуживъ съ этой должностію и обязанности священника Одесскаго кафедральнаго собора (рукоположенъ въ священникъ 4 мая 1839 г.), а равно съ іюня 1844 г. и обязанности члена Херсонской дух. консисторіи. Исполнялъ онъ и другія возлагавшіяся на него порученія: былъ секретаремъ семинарскаго правленія, экзаменаторомъ ставленниковъ, членомъ комитета по обновленію собора и др. Въ 1847 г. З—скій былъ возведенъ въ санъ протоіерея; въ 1849 г. назначенъ ректоромъ Одесскаго дух. училища, съ увольненіемъ изъ семинаріи; въ 1857 г. опредѣленъ кафедральнымъ протоіереемъ, а въ 1859 г. — первымъ редакторомъ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Ему принадлежитъ не мало мелкихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ редактированныхъ имъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

«Херсон. Епарх. Вѣдом.» 1873 г., № 22.

К. Здр-въ.

Знаменскій, Сильвестръ Максимовичъ, врачъ, образованіе получилъ въ медицинскомъ институтѣ Московскаго университета, который окончилъ въ 1832 г. съ званіемъ докторанта. Въ томъ же году по зашитѣ диссертациі подъ заглавіемъ: «De febre inflammatoria a Pinelio angietenica

dicta» онъ получилъ степень доктора медицины и командированъ былъ на холеру въ Митавскій военный госпиталь. По возвращеніи оттуда опредѣлился врачомъ на фабрику Рахманина въ Московскомъ уѣздѣ, а съ 1836—1839 гг. состоялъ врачомъ больницы Новгородскаго приказа общественнаго призрѣнія. Скончался З—скій 1 іюля 1845 года.

Змиевъ, «Русскіе врач-писатели», вып. I стр. 119.

Степ.

Знаменскій, Степанъ Яковлевичъ, протоіерей Воскресенскаго собора въ г. Омскѣ; родился въ августѣ 1806 г., скончался 2 апрѣля 1877 г. Сынъ Барнаульскаго священника, образованіе получилъ въ Тобольской дух. семинаріи (1824 г.). По окончаніи курса (15 сент. 1824 г.) поступилъ священникомъ въ г. Барнаулъ; затѣмъ служилъ въ городахъ — Курганѣ, Тобольскѣ, Ялуторовскѣ и съ 1854 г. въ Омскѣ. За 50 лѣтъ священства проходилъ различныя должности — члена консисторіи и духовныхъ правленій, эконома семинаріи, благочиннаго, противораскольничьяго миссіонера, законоучителя въ училищахъ и гимназіяхъ и наконецъ наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія. Кромѣ перечисленныхъ должностей, З—скій выполнялъ и экстренныя порученія. Такъ, въ 1838 г. ему поручено было съѣздить къ раскольникамъ Курганскаго уѣзда, изъявившимъ согласіе принять единоувѣріе. Повѣзка эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: онъ склонилъ къ единоувѣрію до 1000 человекъ, вмѣсто предполагавшихся 70 или 80, и, кромѣ того, привлекъ до 200 человекъ къ чистому православію. Въ Ялуторовскѣ, куда З—скій былъ переведенъ для борьбы съ сильно распространившимся въ уѣздѣ этого города расколомъ, онъ открылъ при соборѣ бесплатную ланкастерскую (взаимнаго обученія) церковную школу, сначала только мужскую, а потомъ и женскую, и повелъ дѣло обученія съ такимъ успѣхомъ, что его школы получили большую популярность и въ нихъ стремились помѣстить своихъ дѣтей родители всѣхъ сословій. Выдающимися чертами его дѣятельности были: неустанное и благоговѣйное служеніе въ храмѣ, благочестіе, исполнительность, строгая жизнь, нестяжательность, кротость, снисходительность, быстрота и безошибочность въ рѣшеніи недоумѣваемыхъ вопросовъ, общедоступность и ласковость.

Какъ образцовый служитель алтаря Господня и замѣчательный педагогъ, онъ снискалъ уваженіе и любовь сибиряковъ при жизни и послѣ смерти.

«Странникъ», 1877 г. — «Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 в.в.», июнь. М. 1908.—Прибавленія къ «Иркутскимъ Еп. Вѣд.» 1874 г. № 45.—*Сулоцкий, I.*, «Пятидесятилѣтній юбилей Омскаго протоіерея Ст. Я. Знаменскаго.

К. Здръ-въ.

Значко-Яворскій, Аполлонъ Максимовичъ, родился около 1762 г., съ сентября 1776 г. состоялъ на службѣ въ Лубенскомъ полку сотеннымъ есауломъ, въ 1778 г. назначенъ былъ значковымъ товарищемъ, въ 1782 г. переименованъ вахмистромъ Лубенскаго карабинернаго полка, въ 1785 г. въ чинѣ унтеръ-офицера перешелъ на службу въ л.-гв. Измайловскій полкъ и въ слѣдующемъ 1786 г. произведенъ былъ въ подпоручики С.-Петербургскаго грендерскаго полка, съ которымъ участвовалъ въ походахъ въ Польшу (1787—1789 гг.). Въ 1790 г., произведенный въ поручики Екатеринославской пѣшей команды, принималъ участіе въ Турецкой кампаніи и былъ при взятіи Хотина, Бендеръ и Измаила, а по возвращеніи изъ похода вскорѣ (въ 1795 г.) въ чинѣ капитана вышелъ въ отставку. Съ 1797—1800 г. З—ко состоялъ засѣдателемъ Лубенскаго нижняго земскаго суда, а съ іюля 1809 г. по 1 января 1812 г.—засѣдателемъ Херсонской палаты гражданскаго суда; въ послѣдующіе затѣмъ годы, въ теченіе трехъ трехлѣтій, онъ засѣдалъ депутатомъ дворянства въ Херсонскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи. Имѣлъ орденъ св. Владимира, полученный имъ въ 1819 г. Скончался въ 1821 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1910 г., т. II, стр. 170—171.

Значко-Яворскій, Михаилъ Максимовичъ, сынъ войскового товарища Максима Карповича, родился около 1762 г., 1-го января 1776 г. поступилъ на службу въ Лубенскій (впослѣдствіи карабинерный) полкъ, въ 1777 г. былъ сотеннымъ атаманомъ, въ 1778 г. значковымъ товарищемъ, а 28 іюня 1785 г. произведенъ былъ въ корнеты. Принявъ затѣмъ участіе въ походѣ въ Польшу (1787—1789 гг.), З—ко въ 1788 г. былъ подпоручикомъ Екатеринославскаго егерскаго корпуса, а

11 декабря 1790 г. за взятіе Измаила произведенъ былъ въ поручики Стародубовскаго карабинернаго полка и вслѣдъ затѣмъ удостоился получить отъ графа Суворова Рымническаго лестный рескриптъ въ знакъ «Всемилоствѣйшаго монаршаго благоволенія», при чемъ ему уменьшенъ былъ на три года срокъ, необходимый для полученія военнаго ордена. Въ 1791 г., перейдя за Дунай, онъ участвовалъ въ сраженіи при Мачинѣ; во время начавшихся затѣмъ мирныхъ переговоровъ съ Портой состоялъ при князѣ Безбородкѣ и 2 сентября 1793 г. «за труды при мирной негодіаціи» произведенъ былъ въ ротмистры кирасирскаго Военнаго Ордена полка. Въ слѣдующемъ 1794 г. мы видимъ его опять въ Польшѣ и на Волынн, гдѣ онъ сражался при с. Поповцахъ. Въ 1799 г., переименованный изъ ротмистровъ въ титулярные совѣтники, З—ко назначенъ былъ городничимъ въ Полтаву и оставался въ этой должности до 10 октября 1804 г., при чемъ съ 15 іюля того-же года состоялъ уже экспедиторомъ Полтавской строительной экспедиціи; въ слѣдующемъ 1805 г. онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а 4-го августа 1809 г.—коллежскаго совѣтника и пожалованъ былъ перстнемъ, осыпаннымъ брилліантами, «за способствованіе трудами по части должности городничаго по устройству города во время бывшаго торжества 1809 г., іюня 27 въ день воспоминанія побѣды, подъ Полтавою бывшей, и изготовленію всего нужнаго для заложения монумента». Въ 1813—1814 гг. З—ко состоялъ въ комиссіи по прекращенію въ Новороссійскомъ краѣ заразной болѣзни, при чемъ устроилъ наблюдательный кордонъ въ Херсонской губ.; кромѣ того, подъ его начальствомъ, по порученію князя А. Куракина, была образована слѣдственная комиссія о разысканіи причинъ появленія заразы въ г. Балтѣ, Подольской губ. 2-го августа 1817 г. онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и въ томъ-же чинѣ состоялъ и въ 1832 г. Скончался до 1835 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1910 г., т. II, стр. 169—170.

Значко-Яворскій, Трофимъ Карповичъ, сынъ лубенскаго полкового есаула Карпа Ильича Значка, подучившаго въ 1766 г. свидѣтельство о единородствѣ отъ шляхтича Александра Яворскаго; былъ

сперва войсковымъ канцеляристомъ, а въ 1764 г. наследовалъ отцу своему въ должности сотника 1-ой лубенской полковой сотни. Принималъ участіе въ первой Турецкой войнѣ Екатерининскаго царствованія и 5 марта 1770 г. въ награду «за службу и храбрые поступки, кои въ минувшую кампанію оказаны имъ въ дѣйствіяхъ противъ непріятели подъ г. Бендерами», назначенъ былъ графомъ Румянцевымъ лубенскимъ полковымъ есауломъ.

В. Л. Модзалескій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ 1910 г., т. II, стр. 167—169.

Зноско, *Янъ*, докторъ философіи, профессоръ Виленскаго университета, родился въ 1772 г. въ Вильнѣ и тамъ же получилъ образованіе, былъ затѣмъ нѣкоторое время (около 1802 г.) учителемъ въ Гроднѣ, откуда перешелъ адъюнктомъ въ Виленскій университетъ и въ 1815 г. переименованъ былъ въ ординарные профессоры; съ 1827 г. З—ко состоялъ сверхъ того деканомъ философскаго отдѣленія. Скончался въ 1833 г.

Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: «Logika Condillаса» (переводъ съ французскаго, Вильна, три изданія: 1802, 1805 и 1819 гг.); «Nauka ekonomii politycznej» (по Адаму Смиту, Вильна, 1811 г.); «Rozprawa o ekonomii politycznej, jej historyi i systematach» (Вильна, 1816 г.) и «Wiadomość o pomniku w kościele s. Jana w Wilnie» (Вильна, 1830 г.).

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 669—670.

А. Г.

Зобовъ, *Николай Матвеевичъ*, профессоръ Петроградскаго земледѣльческаго института, сынъ небогатаго чиновника министерства финансовъ, родился въ Петроградѣ 21 ноября 1822 г. По смерти отца своего (1834 г.) онъ былъ принятъ въ Лѣсной институтъ по особому распоряженію Канкринна, тогдашняго министра финансовъ. Уже тогда въ 12-ти-лѣтнемъ мальчикѣ начиналъ проявляться тихій, сосредоточенный въ себѣ характеръ; удаляясь отъ шумныхъ игръ сотоварищей, онъ съ особою любовью предавался чтенію и занятіямъ. Быстро прошли 7 лѣтъ институтскаго ученія, и въ 1841 г. мы застаемъ З—ва въ Лисинскомъ лѣсничествѣ, гдѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ Лисинской дачи. По окончаніи курса въ офицерскомъ классѣ въ 1843 г.

З—въ въ теченіе одного года занимался таксаціонными работами въ Казанской губ., а затѣмъ послѣдовательно завѣдывалъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ тремя лѣсничествами: Арскимъ, Мамадышскимъ и Казанскимъ. Въ то время характеръ дѣятельности лѣсничаса былъ исключительно полицейскій; понятно, что въ тогдашней обстановкѣ лѣсничаса чуткій ко всему прекрасному, пытливый умъ З—ва не могъ найти себѣ удовлетворенія, и онъ рвался изъ узкой провинціальной сферы всѣми силами души. Въ 1847 г. онъ перешелъ въ Свіяжское лѣсничество, гдѣ и пробылъ 11 лѣтъ лѣсничимъ. Тихая и спокойная жизнь въ небольшомъ лѣсничествѣ пробудила въ немъ стремленіе къ совершенствованію своихъ знаній, вынесенныхъ со школьной скамьи: онъ страстно предался изученію природы и въ особенности сталъ заниматься ботаникою, ставшею на всю жизнь его любимымъ предметомъ. Къ этому же времени относится и начало его литературной дѣятельности. Обладая яснымъ и выразительнымъ слогомъ, З—въ мастерски владѣлъ умѣньемъ популярно излагать предметъ, не въ ущербъ при этомъ его научному характеру. Это драгоцѣнное для массы читателей качество пера вскорѣ сдѣлало З—ва любимымъ писателемъ, статьи котораго всегда съ нетерпѣніемъ ожидались читателями на страницахъ издававшейся тогда «Газеты Лѣсоводства и Охоты». Рядъ его статей подъ заглавіемъ «Этнографическіе очерки Казанской губерніи», изданный особой брошюрой, обратилъ на З—ва вниманіе тогдашняго министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, который вызвалъ его въ 1858 г. въ Петроградъ на должность ученаго лѣсничаса при лѣсномъ департаментѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ на должность секретаря спеціального по лѣсной части комитета. Въ бытность свою въ Петроградѣ З—въ въ теченіе года завѣдывалъ и редакціею «Газеты Лѣсоводства и Охоты». Въ 1860 г. онъ, по собственному желанію, былъ назначенъ въ Лисинское учебное лѣсничество младшимъ ученымъ лѣсничимъ для занятій съ практикантами Лѣснаго института, а съ закрытіемъ этого института въ 1864 г. перешелъ на должность инспектора Лисинскаго лѣснаго училища, въ которомъ онъ и преподавалъ до 1869 г. ботанику, естественную исторію и русскій языкъ. Къ періоду лисинской

жизни относятся его сочиненія: «Основанія ботаники» и «Бесѣды о природѣ»; первая книга послужила учебникомъ въ лѣсныхъ училищахъ, а его «Бесѣды», благодаря превосходной популяризаціи предмета, разошлись во многихъ изданіяхъ и были рекомендованы въ свое время для начальныхъ училищъ. Съ расширеніемъ въ Земледѣльческомъ институтѣ преподаванія лѣсныхъ предметовъ, З—въ былъ приглашенъ (1869 г.) ординарнымъ профессоромъ на кафедре лѣсной таксаціи и лѣсной технологіи, которую и занималъ до конца своей жизни. Съ полнымъ рвеніемъ принялся онъ за разработку своего академическаго курса, напечатаннаго имъ въ послѣдствіи, незадолго до смерти, въ видѣ отдѣльнаго сочиненія: «Лѣсная таксація и лѣсоустройство». Но подобное напряженіе силъ не могло не отразиться разрушительнымъ образомъ на его слабомъ организмѣ; уже въ 1870 г. онъ сталъ чувствовать упадокъ силъ, и припадки, вызванные органическимъ порокомъ сердца, начали повторяться съ каждымъ годомъ все чаще и сильнѣе, пока припадокъ 20 октября 1873 г. не прервалъ нити жизни. Похороненъ онъ на Парголовскомъ кладбищѣ. З—въ былъ однимъ изъ учредителей Лѣснаго Общества, и пока ему позволяли силы, онъ ревностно посвящалъ ихъ на служеніе интересамъ Общества. Кромѣ названныхъ работъ, З—ву принадлежитъ еще статья «Петръ Великій, какъ первый лѣсоводъ въ Россіи» («Лѣсной Журналъ» 1872 г., № 4).

«Лѣсной Журналъ» 1874 г., вып. 2, стр. 103—106.—«Народная Школа» 1874 г., № 2, стр. 44. М—въ.

Золотаревъ, Василій Григорьевичъ, ген.-лейт., начальникъ главнаго управленія казачьихъ войскъ генеральнаго штаба, происходилъ изъ дворянъ Курской губ., родился 23 апрѣля 1837 г.; образованіе получилъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и одинъ годъ пробылъ въ бывшемъ Дворянскомъ полку по 3-му специальному отдѣленію. Въ 1854 г. З—въ былъ выпущенъ офицеромъ, въ 1859 г. поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, гдѣ окончилъ курсъ по первому разряду въ 1862 г., и съ тѣхъ поръ числился на службѣ по генеральному штабу. Въ 1864 г. на Кавказѣ, среди чеченцевъ, послѣдователей ученія «Зикра», обнаружались волненія. З—въ находился въ это время въ

составѣ походнаго штаба командующаго войсками Терской области, сформированнаго по случаю сбора войскъ въ Чечнѣ. Въ томъ же году онъ принялъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ комиссіи по разграниченію Терской и Кубанской областей и земель кабардинцевъ и карачаевцевъ. Съ 1865 по 1868 г. З—въ былъ старшимъ адъютантомъ при начальникѣ Терской области, въ распоряженіи начальника главнаго штаба кавказской арміи, для особыхъ порученій при немъ же, а затѣмъ получилъ назначеніе быть сперва начальникомъ штаба войскъ Дагестанской области, потомъ—Терской области и въ 1872 г.—помощникомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа, будучи произведенъ передъ тѣмъ въ чинъ полковника. При покореніи Хивы на З—ва были возложены обязанности по сформированію Малгиш-лаккаго отряда и перевозкѣ въ заливъ Кандерли частей войскъ хивинской экспедиціи. Во время Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. З—въ состоялъ при главномъ командующемъ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ въ числѣ положенныхъ по штату генераловъ, а затѣмъ начальникомъ штаба 6-го армейскаго корпуса. При занятіи русскими войсками Рущука и Систова З—въ исполнялъ должность губернатора въ этихъ городахъ. По окончаніи войны онъ, въ чинѣ генералъ-майора, находился при Императорскомъ комиссарѣ въ Болгаріи князѣ А. М. Дондуковѣ-Корсаковѣ и болѣе года состоялъ членомъ совѣта гражданскаго управленія Болгаріей и былъ управляющимъ военнаго отдѣла Болгарскаго княжества. За кампанію 1877—78 гг. генералъ З—въ былъ удостоенъ ордена св. Владиміра 3-й ст. съ мечами. Пробывъ затѣмъ нѣкоторое время начальникомъ штаба 12-го армейскаго корпуса, онъ въ 1881 г. былъ назначенъ помощникомъ начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ, а черезъ годъ—начальникомъ управленія, каковой постъ занималъ до смерти, послѣдовавшей 12 января 1891 г. Десятилѣтняя служба по главному управленію, въ продолженіе которой З—въ неустанно трудился надъ подготовкою и разработкою вопросовъ, касающихся преобразованія и улучшенія служебнаго быта казачьихъ войскъ,нискала ему лестное вниманіе высшей военной администраціи и сердечное расположеніе сослуживцевъ. Въ послѣдніе два-три

года онъ особенно много работалъ, подготавливая проектъ измѣненія станнчнаго положенія. Въ бытность его начальникомъ главнаго управления казачьихъ войскъ послѣдовало подчиненіе Терскаго и Кубанскаго казачьяго войска военному министерству на одинаковыхъ основаніяхъ съ Донскимъ войскомъ. З—ву приходилось также принимать участіе въ преобразованіи Донской области, завершившемся присоединеніемъ къ ней г. Ростова-на-Дону. Продолжительная и весьма разнообразная служба З—ва была отличена многими орденами до ордена Бѣлаго Орла включительно и чиномъ генералъ-лейтенанта, который онъ получилъ въ 1884 г.

«Новое Время» 1891 г., № 5344.—«Русскій Инвалидъ» 1891 г., № 14.—«Новости» отъ 14 января 1891 г.—«Всемирная Иллюстрація» отъ 19 февраля 1891 г.—«Петербургскій Некрополь», т. II.

С. Р.

Золотаревъ, Григорій, капитанъ-лейтенантъ русскаго флота, составилъ карты Каспійскаго моря. Въ 1702 г. поступилъ въ Московскую навигаціонную школу, въ 1714 г. былъ записанъ въ шкперы, а въ 1717 г. произведенъ въ подпоручики. З—въ извѣстенъ своими подвигами во время военныхъ дѣйствій на Каспійскомъ морѣ. Для наказанія лезгинъ и другихъ горцевъ, а болѣе для расширенія торговыхъ сношеній съ Персіей Петръ Великій вознамѣрился завоевать западный берегъ Каспійскаго моря и съ этой дѣлюю въ 1719 и 1720 гг. снарядилъ для обзора этой страны морскія экспедиціи подъ командою двухъ искусныхъ морскихъ офицеровъ Карла фанъ-Вердена и Федора Соймонова. Участвуя въ этихъ экспедиціяхъ, З—въ описалъ морской берегъ отъ устья Волги до Терека, тогда какъ прочіе офицеры производили описи въ другихъ частяхъ моря. Такимъ образомъ составилась первая карта Каспійскаго моря, напечатанная съ именемъ капитана фанъ Вердена. Въ 1721 г. З—въ «замногіе въ Астрахани и въ морской должности труды» былъ произведенъ въ лейтенанты. Въ 1722—1723 гг. онъ участвовалъ въ персидскомъ походѣ и плавалъ на одномъ боту съ Петромъ Великимъ, начальствовавшимъ Каспійской флотиліей. Наша конница въ этомъ походѣ шла отъ Царицына сухимъ путемъ, флотъ же находился въ Астраханскомъ заливѣ и Дербентѣ. Весной 1723 г., началь-

ствуя отрядомъ изъ трехъ мелкихъ судовъ въ заливѣ Зензели, З—въ взялъ крѣпость Рящи. Имѣя при себѣ не болѣе 100 человекъ, З—въ подъ огнемъ непріятеля подошелъ къ крѣпости, обороняемой 5000 отрядомъ, и, открывъ ружейный и орудійный огонь, принудилъ персовъ къ сдачѣ. Осенью того же 1723 г. по миру, заключенному въ Петроградѣ, весь западный берегъ Каспійскаго моря отошелъ къ Россіи. Скончался З—въ 24-го августа 1725 г. въ чинѣ капитанъ-лейтенанта.

Общій Морской Слѣсокъ, т. I, стр. 155—156.—А. Старчевскій, «Справочный энциклопедическій словарь», т. 4, стр. 409.

И. Артамонова.

Золотаревъ, Григорій, граверъ въ Иркутскѣ или, какъ онъ звался въ официальныхъ бумагахъ, «рабочій иркутскаго ремесленнаго дома», былъ замѣчанъ въ дѣлѣ извѣстнаго иркутскаго епископа Иринея. По порученію иркутскаго пресвященнаго Михаила, въ 1830 году онъ началъ гравировать антиминсъ для церкви Иркутской епархіи. Эту работу онъ взялся выполнить за 300 рублей, но не окончилъ ее. Какъ видно, это былъ довольно искусный граверъ, которому могли принадлежать нѣкоторые сибирскія изданія, вышедшія анонимно.

«Русская Старина», т. XXXVI, стр. 113.

П. С.

Золотаревъ, Егоръ Ивановичъ, извѣстный математикъ, проф. Петроградскаго университета, адъюнктъ Академіи Наукъ, родился 31 марта 1847 г. въ Петроградѣ, первоначальное образованіе получилъ въ V Петроградской гимназіи. По окончаніи въ ней курса съ серебряною медалью З—въ поступилъ въ 1863 г. въ Петроградскій университетъ на математическій разрядъ физико-математическаго факультета. Чистая математика преподавалась тогда П. Л. Чебышевымъ и А. Н. Коркинымъ, и ясные, увлекательные по изложенію курсы этихъ ученыхъ привлекали къ занятію математикою талантливыхъ юношей. Получивъ въ 1867 г. степень кандидата, З—въ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ экзамену на степень магистра. Первая ученая работа Е. И., какъ и многія другія, тѣсно связана съ работами его знаменитаго учителя Чебышева, и тема этой работы была рекомендована Чебышевымъ. Въ первомъ

изъ своихъ мемуаровъ, посвященныхъ теоріи механизмовъ, *известныхъ подъ названіемъ параллелограмовъ*, теоріи, приведшей его къ вопросу о функцияхъ наименѣе уклоняющихся отъ нуля, Чебышевъ показалъ, что если въ цѣлой функціи

$$F(x) = x^n - \sigma x^{n-1} + p_1 x^{n-2} + \dots$$

второй коэффициентъ $\sigma = 0$, то функція, имѣющая по возможности наименьшее значеніе между -1 и $+1$, есть функція

$$\frac{1}{2^{n-1}} \cos n \arccos x. \quad \text{З—въ въ своемъ}$$

мемуарѣ «Объ одномъ вопросѣ о наименьшихъ величинахъ» (литогр. 1868 г.; экземпляръ сохранился въ библіотекѣ проф. Поссе) рѣшаетъ задачу болѣе общую, полагая σ равнымъ какому бы то ни было данному числу, и приводитъ рѣшеніе задачи къ теоріи эллиптическихъ функцій. Работа, написанная юношею, только-что сошедшимъ со студенческой скамьи, свидѣтельствуетъ одинаково о талантѣ автора и о его глубокихъ познаніяхъ въ теоріи эллиптическихъ функцій. Она послужила З—ву въ качествѣ диссертации pro venia legendi, и въ 1868 г. онъ послѣ публичной ея защиты былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ университетѣ. Преподавательская дѣятельность З—ва въ Петроградскомъ университетѣ (въ качествѣ приват-доцента (съ 1868 до 1874 г.), штатнаго доцента (съ 1874 до 1876 г.) и экстраординарнаго профессора) продолжалась десять лѣтъ. Съ 1868 до 1873 г. З—въ, кромѣ курса дифференціального исчисленія для естественниковъ, читалъ теорію круговыхъ и эллиптическихъ функцій для математиковъ. Пишущій эти строки внимательно слушалъ лекціи по теоріи эллиптическихъ функцій, читанныя З—вымъ въ 1872—73 г. Въ то время какъ мемуаръ 1868 г. свидѣтельствовалъ объ основательныхъ познаніяхъ З—ва въ теоріи эллиптическихъ функцій въ формѣ, данной Якоби, лекціи 1872—73 г. излагали теорію эллиптическихъ функцій, какъ частный случай общей теоріи абелевыхъ функцій, данной Вейерштрассомъ въ его знаменитыхъ мемуарахъ, т. е. вводили эллиптическія функціи, какъ частное отъ степенныхъ строкъ A_1 , имѣющихъ значеніе для всей области комплексной переменн. Начиная съ 1873 г., на З—ва было возложено преподаваніе интегральнаго исчисленія, и наконецъ въ послѣдній годъ

своей преподавательской дѣятельности и жизни З—въ прочелъ курсъ введенія въ анализъ (литогр. экз. сохранился у проф. Поссе). Курсъ этотъ представляетъ многія интересныя особенности: подчеркнуть основной характеръ понятій о цѣломъ положительномъ числѣ, о величинѣ и отношеніи между величинами, съ другой стороны—обращено вниманіе на условность законовъ дѣйствій. Подробно развита теорія отношеній по Евклиду, и несоизмѣримое число прежде всего опредѣляется, какъ отношеніе между несоизмѣримыми величинами. Съ особенною точностью и подробностью излагается распространеніе теоріи функцій показательной и логарифмической, тригонометрическихъ и круговыхъ на мнимые аргументы. Въ послѣдніе годы З—въ велъ въ университетѣ также практическія упражненія по интегральному исчисленію, и эти занятія, благодаря внимательному отношенію къ студентамъ и интересу задачъ, имѣли весьма благотворное вліяніе на ихъ участниковъ, какъ объ этомъ съ благодарностью вспоминаетъ академикъ А. А. Марковъ. Кромѣ университета, З—въ преподавалъ также въ Строительномъ училищѣ и въ институтѣ инженеровъ Путей Сообщенія. Въ послѣднемъ съ 1869 г. до самой смерти онъ читалъ курсъ аналитической механики; слѣдомъ этого преподаванія остался литографированный курсъ лекцій (изданіе В. С. Гольденвейзера. Спб. 1876—77).

Десять лѣтъ преподавательской дѣятельности З—ва были въ то же время и годами плодотворной научной работы. Какъ и первая вышеупомянутая работа, наиболѣе важныя работы З—ва стоятъ въ связи съ работами П. Л. Чебышева. Продолжая изслѣдованія Абеля объ интегрируемости въ логариомахъ, Чебышевъ далъ методъ интегрируемости дифференціала

$$\frac{(x - A) dx}{\sqrt{x^4 - \gamma x^3 - \delta x^2 - \epsilon x - \zeta}},$$

позволяющій судить послѣ конечнаго ряда дѣйствій, интегрируется-ли дифференціалъ въ логариомахъ; въ мемуарѣ Чебышева коэффициенты $\gamma, \delta, \epsilon, \zeta$ предполагаются рациональными. Въ мемуарѣ «Sur la méthode d'intégration de M. Tchebycheff» З—въ доказываетъ методъ Чебышева и естественно переходитъ къ вопросу объ интегрированіи дифференціаловъ въ логариомахъ и для того случая, когда $\gamma, \delta, \epsilon, \zeta$

суть какія-либо вещественныя числа. Изучая этотъ случай, З.—въ приходится къ необходимости ввести цѣлыя комплексныя числа, зависящія отъ корней неприводимаго уравненія, и построить теорію цѣлыхъ комплексныхъ чиселъ. Теорія цѣлыхъ комплексныхъ чиселъ занимала З.—ва и раньше, какъ это видно изъ его магистерской диссертации: «Объ одномъ неопредѣленномъ уравненіи 3-ей степени», въ которой рѣшается вопросъ о разысканіи комплексныхъ единицъ для чиселъ, зависящихъ отъ кубическаго корня изъ цѣлага числа. Воспользовавшись свойствами функциональных сравненій, т. е. свойствами полиномовъ съ цѣлыми коэффициентами относительно нѣкотораго простого модуля (этимъ свойствамъ придавалъ большое значеніе Гауссъ и изложенію ихъ хотѣлъ посвятить VIII главу «Disquisitiones»), З.—въ составляетъ теорію цѣлыхъ комплексныхъ чиселъ и излагаетъ ее въ трехъ первыхъ главахъ своей наиболее крупной работы: «Теорія цѣлыхъ комплексныхъ чиселъ съ приложеніемъ къ интегральному исчисленію» (1874). Четвертая и послѣдняя глава этого сочиненія посвящена рѣшенію вопроса объ интегрируемости дифференціала

$$\frac{(x + A) dx}{\sqrt{x^4 + \gamma x^3 + \delta x^2 + \varepsilon x + \zeta}}$$

въ случаѣ какихъ-либо вещественныхъ коэффициентовъ. Этому приложенію теоріи чиселъ къ интегральному исчисленію З.—въ придавалъ особое значеніе, что и выразилъ въ одномъ изъ тезисовъ, приложенныхъ къ сочиненію, какъ къ диссертации на степень доктора. Работа З.—ва имѣетъ ту особенность, что въ ней исключены тѣ случаи, которыя могутъ привести къ цѣлымъ алгебраическимъ числамъ, выражающимся цѣлыми полиномами отъ другого опредѣленнаго числа съ дробными коэффициентами. Этого исключенія З.—въ не дѣлаетъ въ своей замѣткѣ «Sur les nombres complexes» подробнѣе развитой въ изданномъ уже послѣ его смерти мемуарѣ «Sur la théorie des nombres complexes». Характеристическою чертою изслѣдованій З.—ва по теоріи цѣлыхъ комплексныхъ чиселъ сравнительно съ другими теоріями (Дедекинда, Кронекера), носящими болѣе отвлеченный характеръ, является стремленіе доводить всѣ разсужденія до окончательныхъ вычисленій. Нельзя не высказать

удивленія, что Гильбертъ въ своемъ отчетѣ: «Die Theorie der algebraischen Zahlkörper» (Jahresber. der Deutschen Mathem.—Verein. Bd. IV. 1894—95) не упоминаетъ объ изслѣдованіяхъ З.—ва и не помѣщаетъ въ приложенномъ въ концѣ спискѣ сочиненій не только русской, но и французской работы нашего ученаго. Изъ другихъ работъ З.—ва отмѣтимъ прежде всего рядъ работъ по теоріи минимумовъ квадратичныхъ формъ, произведенныхъ имъ совместно съ А. Н. Коркинымъ, съ которыми онъ въ послѣдніе годы былъ связанъ тѣсною дружбою. Работы эти связаны съ работами Эрмита о минимумахъ квадратичныхъ формъ и посвящены опредѣленію точнаго высшаго предѣла для минимумовъ квадратичныхъ формъ съ четырьмя и пятью переменными; для случая шести и болѣе переменныхъ вопросъ этотъ и теперь остается нерѣшеннымъ. Мемуаръ 1877 г. «О приложеніи эллиптическихъ функций къ вопросамъ о функцияхъ, наименѣе и наиболѣе отклоняющихся отъ нуля», заключаетъ въ своей первой половинѣ въ переработанномъ видѣ рѣшеніе той задачи, которая была предметомъ первой юнкеской работы З.—ва; вторая половина представляетъ распространеніе задачи на случай дробной функции, у которой степень числителя и знаменателя не превышаетъ даннаго числа. Отмѣтимъ также интересную работу объ остаточномъ числѣ формулъ Лагранжа и оригинальное доказательство закона взаимности въ теоріи квадратичныхъ вычетовъ.

Ученые труды З.—ва получили признаніе со стороны нашей Академіи Наукъ, которая избрала его въ 1876 г. адъюнктомъ. Но интенсивная научная работа подорвала его здоровье, и несчастный случай, имѣвшій мѣсто на Царскосельской станціи Варшавской желѣзной дороги 7 іюля 1878 г., положилъ конецъ жизни ученаго, симпатичный обликъ котораго сохраняется съ благодарностью и уваженіемъ въ памяти всѣхъ, кто слушалъ его лекціи или принималъ участіе въ практическихъ занятіяхъ и имѣлъ возможность пользоваться его всегда радушно даваемыми совѣтами и указаніями.

Списокъ ученыхъ трудовъ Е. И. Золотарева.

1. Объ одномъ вопросѣ о наименьшихъ величинахъ (лит.) 1868.

2. Объ одномъ неопредѣленномъ уравненіи 3-й степени. С.-Петерб. 1869 (магист. диссертация).

3. Nouvelle démonstration de la loi de reciprocité de Legendre. Nouvelles Annales. 1872.

4. Sur l'équation $Y^2 - (-1)^{\frac{p-1}{2}} p Z^2 = 4X$. Nouv. Ann. 1872.

5. Sur la méthode d'intégration de M. Tchebichef. Journal de Mathématiques pures et appliquées, T. XIX.

6. Теорія цѣлыхъ комплексныхъ чиселъ съ приложеніемъ къ интегральному исчисленію. Спб. 1874 (докторская диссертация).

7. Sur les formes quadratiques positives quaternaires (совмѣстно съ А. Н. Коркинымъ). Mathem. Annalen. Bd. V, 1872.

8. Sur les formes quadratiques (совмѣстно съ А. Н. Коркинымъ). Math. Ann. Bd. VI. 1873.

9. Sur un certain minimum (совмѣстно съ А. Н. Коркинымъ). Nouv. Ann. 1873.

10. Note relative à une formule de M. Liouville (приложеніе теории эллиптическихъ функцій къ теории чиселъ). Mélanges mathém. et astron. tirés du Bulletin de l'Acad. des Sc. de St.-Petersbourg. T. IV. 1876.

11. Sur l'attraction des ellipsoïdes homogènes. Nouv. Ann. 1876.

12. Sur la série de Lagrange. Nouv. Ann. 1876.

13. Sur les formes quadratiques positives (совмѣстно съ А. Н. Коркинымъ) Math. Ann. Bd. XI. 1877.

14. Приложеніе эллиптическихъ функцій къ вопросамъ о функціяхъ, наименѣе и наиболѣе отклоняющихся отъ нуля. Спб. 1877.

15. Sur l'application des fonctions elliptiques aux questions de maxima et minima. Mélanges (Ac. de S.-Pet.). T. IV.

16. Sur la théorie des nombres complexes. Journ. de Liouv. (3-e série). T. VI. 1880.

17. Sur les nombres complexes. Mélanges (Ac. de S.-Pet.). T. V. 1877.

18. Объ ученыхъ заслугахъ академика І. И. Сомова (Зап. Имп. С.-Пет. Академіи Наукъ. 1877).

Формуляръ о службѣ Е. И. Золотарева (хранится въ Имп. Рус. Историч. Обществѣ).— «Биографическій словарь профес. и преподав. С.-Петербургскаго у—та», т. I, стр. 264—265.— «Рус. Миръ» 1876 г., № 130.— «Виржевыя Вѣдомости» 1878 г., № 188.— «С.-Петерб. Вѣ-

дом.» 1878 г., № 188; 1879 г., № 12.— «Волга» 1881 г., № 488.

А. В. Висильевъ.

Золотаревъ, Иванъ Яковлевичъ, адъюнктъ по русскому языку и словесности въ Харьковскомъ университетѣ, сынъ войскового донскаго старшины, родился въ Черкасскѣ въ 1802 г. Въ 1816 г. онъ былъ принятъ въ казеннокоштные студенты Харьковского университета по словесному факультету, который окончилъ со степенью кандидата въ 1821 г., и въ слѣдующемъ году, по ходатайству инспектора студентовъ, за примѣрное благонравіе и склонность къ наукамъ, былъ оставленъ при университетѣ съ правомъ преподавать въ качествѣ кандидата риторикѣ. По отзывамъ современника-студента, З — въ «удивительную имѣлъ способность читать паизустъ риторикѣ Могилевскаго; за то чтеніе было монотонное, наводившее сонъ». Въ 1823 г. онъ читалъ логику и психологію. Любопытно отмѣтить, что З — въ, минуя факультетъ и совѣтъ университета, въ 1824 г. подалъ прошеніе попечителю учебнаго округа Е. В. Картичеву о назначеніи его лекторомъ или неправяющимъ должность адъюнкта по русской словесности, но прошеніе его осталось безъ удовлетворенія, и лишь въ 1829 г. онъ былъ утвержденъ въ должности адъюнкта по русскому языку и словесности, читая до этого времени съ 1826 г. лекціи по поэзій, съ вознагражденіемъ адъюнкта. Однако недолго З — ву пришлось оставаться въ университетѣ: въ 1831 г. онъ, какъ получившій образованіе въ университетѣ на счетъ Войска Донскаго, былъ вызванъ войсковымъ начальствомъ для несенія обязательной службы въ казачихъ полкахъ и только по ходатайству попечителя Харьковского учебнаго округа опредѣленъ директоромъ въ Новочеркасскую областную гимназію, продолжая носить военный мундиръ и получая производство во все военныя чины до полковника.

Склонность къ литературѣ З — въ проявилъ еще въ годы студенчества, когда онъ въ качествѣ секретаря принялъ дѣятельное участіе во вновь возникшемъ въ Харьковѣ Виблейскомъ Обществѣ. Къ этому времени относится его рѣчь «О пользѣ чтенія книгъ Свяц. Писанія» (Харк. 1821); по окончаніи же университета онъ работалъ въ Обществѣ наукъ при Харьковскомъ университетѣ. Имѣется свидѣніе,

что въ послѣдній годъ существованія этого Общества (1829) онъ читалъ въ немъ переводъ сочиненія Шатобриана о народной набожности и собственное стихотвореніе «Осень». З—въ давалъ и другіе собственные опыты въ «стихотворномъ родѣ», какъ-то: «Къ луиѣ» («Украинск. Вѣст.» 1819, XVI), «Даниловка» (ib. 1825, VIII), «Къ другу» (ib.), «Вечерняя звѣзда» (ib.), «Весенняя пѣснь» («Благонамѣренный» 1826 г., ч. XXXIV, стр. 99), «Любимый пиръ» (ib., стр. 102), «Къ *» («Московский Телеграфъ» 1826 г., ч. VII, стр. 124—125) и «Вечеръ на морѣ» (ib., ч. X, стр. 60—61). Несомнѣнно, что З—въ, въ числѣ другихъ преподавателей словесности, также оказывалъ вліяніе на развитіе литературныхъ стремленій студентовъ и на самый характеръ ихъ поэтическихъ опытовъ; а это тѣмъ болѣе важно, что русскую слаvesность въ университетѣ тогда слушали не одни словесники. Изъ сочиненій З—ва, вообще очень слабыхъ, нѣкоторый интересъ представляеть рѣчь, произнесенная имъ въ 1829 г. на торжественномъ актѣ: «О важности и необходимости занятій въ отечественномъ языкѣ». Въ этой рѣчи онъ доказываетъ важность русскаго языка и отмѣчаетъ тотъ фактъ, что его высоко ставили даже иностранцы (Левекъ).

«Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за 100 лѣтъ существованія», стр. 13, 15, 48, 51; Биографич. словарь проф. и преподав., стр. 73.—*Вагалъ*, «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», т. II, стр. 96, 98, 99, 200, 346, 353, 356, 492, 576, 600, 601, 695, 731, 732, 750, 803, 871, 899, 1111.—*Геннадіи*, Словарь, т. II.

М. К.

Золотаревъ, Карлъ Ивановичъ, иконописецъ XVII вѣка, ученикъ Богдана Салтапова. Въ храмѣ подмосковнаго села Фила Покровское (храмъ построено въ 1693 году) имѣются образа: Успенія Вожіей Матери, святыхъ аностоловъ Петра и Павла, святыхъ мучениковъ Адріана и Наталія, святого Льва, напы римскаго, и святой мученицы Параскевы, писанные З—вымъ по порученію строителя церкви Нарышкина и соименные семейству царя Алексѣя Михайловича и Нарышкинымъ. Существуетъ предположеніе, что лики на нѣкоторыхъ иконахъ списаны съ живыхъ оригиналовъ изъ семьи Нарышкиныхъ. Кроме того, извѣстно, что З—ревъ въ 1678 году писалъ

«персону во святительской одеждѣ великаго господина святѣйшаго Іоакима, патриарха Московскаго и всея Россіи», а въ 1687 году состоялъ золотописцемъ въ Посольскомъ приказѣ.

А. Успенскій, «Царскіе иконописцы», т. I, стр. 93.—«Рус. Старина», т. LXXX, стр. 440.—«Ист. Вѣст.», т. LXXXIV, стр. 252.

И. С.

Золотаревъ, Петръ Алексѣевичъ, боярскій сынъ, служившій при астраханскомъ митрополитѣ Іосифѣ. Извѣстно, что 3 ноября 1670 г. митрополитъ Іосифъ призвалъ его къ себѣ, прочелъ ему царскую грамоту, тайно привезенную узденемъ черкаскаго князя Каспулата Муцаловича, въ которой государь увѣщевалъ Астраханцевъ принести повинную, и со слезами сказалъ: «Великъ и милостивъ государь, долготерпѣливъ и ждетъ обращенія измѣнниковъ. Возьми эту грамоту и спиши съ нея три списка: если воры отымутъ у меня подлинную грамоту, то останутся списки; одинъ списокъ положу въ соборной церкви въ алтарѣ, другой — въ домової церкви, а третій — у себя оставлю». Съ именемъ З—ва связывается написанная имъ

Исторія объ астраханскомъ бунтѣ казака Стеньки Разина и о убіеніи въ ономъ митрополита Іосифа, боярина князя Прозоровскаго и многихъ воеводъ». Списки этой книги находятся въ Московской Синодальной библиотекѣ.

Костомаровъ, «Историч. монографія и издѣлованія», т. II, стр. 346.—«Православный Собесѣдникъ» 1865 г., ч. III, стр. 127—128.—*Березинъ*, Рус. энциклопед. словарь.—«Акты Историч.», т. IV, стр. 484, 491.

Золотаренко, Василій (Евстаіій) Никифоровичъ, по народному прозвищу *Васюта*, нѣжинскій полковникъ. Человѣкъ незнатнаго происхожденія, совсѣмъ необразованный и даже неграмотный, З—ко, тѣмъ не менѣе, выдвинутый силою благоприятно сложившихся для него обстоятельствъ, явился однимъ изъ претендентовъ на малороссійское гетманство послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго и тѣмъ самымъ заставилъ говорить о себѣ и въ Москвѣ, и въ Малороссіи. О службѣ его въ молодости не сохранилось почти никакихъ извѣстій, и надо думать, что она протекала въ малороссійскихъ полкахъ безъ особо выдающихся отличій, но волна народнаго движенія, поднятаго на бере-

гахъ Днѣпра Богданомъ Хмельницкимъ, вывела и З—ка на поверхность этой бурной, богатой приключеніями эпохи. Въ 1654 г. Хмельницкій поручилъ ему отрядъ казаковъ, посланный на помощь московскому войску подъ Смоленскъ. З—ко успешно выполнилъ данное ему порученіе, отличился при осадѣ Смоленска и былъ замѣченъ паремъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который награждалъ его по заслугамъ, а въ слѣдующемъ 1655 г., послѣ смерти старшаго своего брата Ивана Никифоровича, З—ко назначенъ былъ на его мѣсто нѣжинскимъ полковникомъ, по вѣстоу, по волѣ Хмельницкаго, долженъ былъ уступить эту должность человѣку болѣе извѣстному и образованному — Гр. Гуляницкому. Временное возвышеніе однако вскружило голову бывшему нѣжинскому полковнику; честолюбіе его не было удовлетворено, а политическая обстановка создавала сплинкомъ много искушеній. И вотъ уже въ 1655 г. З—ко, одновременно съ Богданомъ Хмельницкимъ, вступаетъ въ сношенія съ шведскимъ королемъ, который приглашаетъ его перейти къ себѣ на службу. Правда, что полученную отъ короля милостивую грамоту З—ко тогда же представляетъ московскимъ боярамъ, которые въ своихъ переговорахъ съ шведскими послами заявляютъ, что «Золотаренко писалъ къ королю, поддаваясь ему, нарочно, извѣдывая, какова королевская дружба къ царскому величеству», но самый фактъ такого рода переписки, будучи сопоставленъ съ позднѣйшимъ поведеніемъ хитраго нѣжинскаго полковника, заставляетъ предполагать, что З—ко уже тогда склоненъ былъ къ измѣнѣ и, какъ утверждали шведскіе послы, дѣйствительно не прочь былъ на выгодныхъ условіяхъ перейти въ подданство къ шведскому королю. Подозрительнымъ является его поведеніе и въ слѣдующемъ 1656 г., когда по его приказу Ив. Дорошенко покинулъ Новый Вызовъ; но пока былъ живъ Хмельницкій, З—ко, какъ близкій къ нему человѣкъ (гетманъ былъ женатъ на его родной сестрѣ Аннѣ), могъ еще надѣяться на лучшее будущее и продолжалъ служить московскому царю. Но вотъ въ 1657 г. не стало Богдана; примѣръ новаго гетмана увлекаетъ З—ка, и въ августѣ 1658 г. онъ вмѣстѣ съ Выговскимъ перешелъ на сторону Польши, гдѣ, какъ «рыцарь войска Запорож-

скаго», принять былъ (въ іюнѣ 1659 г.) «въ клейнотѣ шляхетства польскаго» и въ дворянствѣ получилъ фамилію *Злота-ревскаго*. Но и эти новыя почести не могли удовлетворить его честолюбія; онъ видѣлъ всю непрочность правъ, полученныхъ отъ поляковъ по Гадяцкому договору, и въ августѣ 1659 г. рѣшилъ вернуться въ московское подданство вмѣстѣ съ Тимоѣемъ Цецурой и другими полковниками, уже раньше вступившими въ переговоры съ кievскимъ воеводою Шереметевымъ. 30-го августа послѣдній писалъ своему государю, что полковникъ — Переяславскій, Нѣжинскій, Черниговскій, Кіевскій и Лубенскій добились челомъ и присягнули царю. Вступивъ вновь въ управленіе Нѣжинскимъ полкомъ, З—ко немедленно отправилъ своего посланца въ Москву, принося повинную государю, который въ отвѣтъ на его искреннее раскаяніе прислалъ милостивую грамоту Нѣжинскому полку. Дѣло объ измѣнѣ З—ка, казалось, было предано забвенію, тѣмъ болѣе что по имѣвшимся въ Москвѣ свѣдѣніямъ (сообщенію коншевого Ив. Март. Брюховецкаго) нѣжинскій полковникъ намѣренъ былъ впредь вѣрно служить царю и посылалъ отъ себя развѣдывать къ гетману (Юрію Хмельницкому): «истинно ли опъ, гетманъ, царскому величеству служить; а если не истинно, и опъ, Василій, противъ ихъ, какъ противъ непріятелей будетъ биться, не щадя головъ своихъ, со веѣмъ своимъ полкомъ». Лучшимъ доказательствомъ того, насколько З—ко вновь пользовался довѣріемъ московскаго правительства, можетъ служить то обстоятельство, что уже въ началѣ 1660 г. опъ назначенъ былъ посломъ (вмѣстѣ съ Федоромъ Коробкой) отъ войска Запорожскаго на предполагавшійся въ Ворисовѣ съѣздъ для переговоровъ съ польскими уполномоченными. Хотя намѣченный съѣздъ и не состоялся, и московскіе послы не дождались въ Ворисовѣ польскихъ комиссаровъ, по разнымъ причинамъ умышленно затягивавшихъ переговоры, З—ко, тѣмъ не менѣе, нашелъ возможность при случаѣ заявить еще разъ о своей преданности Москвѣ: въ отвѣтъ на грамоту комиссаровъ, отказывавшихся называть запорожскихъ посланныхъ царскими подданными на томъ основаніи, что войско присягало королю, онъ смѣло заявилъ: «Святаго божественнаго масстата дѣло отнимать земли у одного монарха и

отдавать ихъ другому, и вы, не желая называть насъ подданными царскими, волѣ Божіей противитесь. Несмотря на то, что нѣкоторые ляхи, находившіеся въ войскѣ Запорожскомъ, старались склонить его на польскую сторону, войско, какъ скоро узнало объ ихъ замыслахъ, свергнуло съ безчестіемъ Выговскаго и отдало булаву Хмельницкому, который, какъ достойный сынъ, пошелъ по стопамъ отцовскимъ и воскресилъ въ войскѣ присягу царскому величеству, умерщвленную насиліемъ Выговскаго, и теперь на Украинѣ нѣтъ ни одного полка, ни одного полковника, ни одного товарища, который былъ бы подданнымъ королевскимъ». Но если такое заявленіе со стороны З—ка и было исполнено искреннимъ, то относительно своихъ товарищей онъ во всякомъ случаѣ ошибался. Юрій Хмельницкій, какъ извѣстно, не оказался достойнымъ сыномъ своего отца и осенью того же 1660 г., послѣ недолгихъ колебаній, передался съ частью Малороссійскаго войска польскому королю; по З—ко этотъ разъ не поддавался искушенію: передъ нимъ открывалась широкая, заманчивая перспектива величія и власти на лѣвомъ берегу Днѣпра, такъ какъ съ измѣною Хмельницкаго естественно возникалъ вопросъ о назначеніи на его мѣсто новаго гетмана, и нѣжинскій полковникъ имѣлъ основаніе считать себя кандидатомъ на эту должность. Его богатство и щедрость доставили ему вліятельныхъ друзей, онъ пользовался популярностью среди украинскыхъ казаковъ и получалъ знаки милостиваго расположенія (похвалы и подарки) отъ московскаго правительства. Вотъ почему, когда Хмельницкаго замѣстилъ наказной, т. е. временный, гетманъ Якимъ Самко, З—ко еще не терялъ надежды быть выбраннымъ въ совершенные, т. е. дѣйствительные, гетманы, тѣмъ болѣе, что о назначеніи такового качества усердно хлопотало въ Москвѣ. Но тамъ, послѣ измѣны двухъ гетмановъ, стали осторожнѣе и не торопились съ назначеніемъ третьяго, разузнавая стороною, кто вѣрнѣе и кто не вѣрнѣе царю. Да и въ самой Малороссіи открывшіяся въ январѣ 1661 г. военныя дѣйствія противъ татаръ и поляковъ мѣшали собранію войсковой рады, необходимой для гетманскихъ выборовъ. Между тѣмъ З—ко, желая окончательно загладить свои прежнія вины, ожесточенно боролся противъ враговъ мо-

сковскаго царя, вмѣстѣ съ наказнымъ гетманомъ; оба искателя гетманской булавы хотѣли выслужиться, но Самко дѣйствовалъ успѣшнѣе своего соперника, и когда весною 1661 г. состоялась рада въ Быковѣ, близъ Нѣжина, «всѣ по донесенію малороссійскихъ посланцевъ—выбрали въ гетманы Якіма Самка, одни нѣжинцы хотѣли выбирать своего полковника Золотаренка, и приговорили на радѣ всѣмъ войскомъ отдать гетманское пзбраніе на волю царскаго величества, кого онъ, великій государь, пожалуетъ въ гетманы». Такимъ образомъ, въ Москвѣ знали о соперничествѣ Самка и З—ка и, справедливо полагая, что это соперничество можетъ повести къ новымъ замѣшательствамъ на Украинѣ, предпочтали отдать гетманство тому же Юрію Хмельницкому, если послѣдній принесетъ повинную. Пока же, исполняя просьбу казачества: прислать кого-нибудь изъ ближнихъ царскихъ людей для присутствія на радѣ,—рѣшено было отпрavitъ въ Малороссію дворянина Протасьева. Послѣдній привезъ З—кѣ царскую грамоту и подарки—соболі, которыми полковникъ тутъ же сталъ одарять своихъ сотниковъ и другихъ начальныхъ людей, говоря: «Служите великому государю во всемъ правдою такъ же, какъ и я служу, и ни на какія бы вамъ лядкія прелести не уклоняться и съ измѣнниками не ссылаться». Самко, съ своей стороны, твердилъ Протасьеву о своей вѣрной службѣ. Ставилось ясно, что столкновеніе между претендентами на гетманство неизбежно. Предвидѣли это и опытные люди въ Малороссіи. Такъ въ бытность Протасьева въ Переяславлѣ пріѣхалъ туда нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ и говорилъ царскому посланнику: «Слухъ у насъ есть, что Самко и Золотаренко домогаются отъ великаго государя созванія рады для гетманскаго избранія, но великій государь не велѣлъ бы сказывать гетманства ни Самку, ни Золотаренку потому: если будетъ Самко гетманомъ, то Золотаренко не будетъ ему послушенъ; а будетъ гетманомъ Золотаренко, то Самко будетъ подъ него подкалываться». Рѣшили было подождать съ выборами гетмана, «пока утихнетъ вся Украина». И весною 1662 г. такое затѣвше, повидимому, наступило; имъ успѣшили воспользоваться Самко. 14 апрѣля онъ созвалъ раду въ Козельцѣ, подъ предлогомъ обсужденія военныхъ

дѣль, и здѣсь склонилъ войсковыхъ старшинъ выбрать себя совершеннымъ гетманомъ, послѣ чего немедленно сталъ хлопотать объ утвержденіи себя въ этой должности. З—ко участвовала на Козелецкой радѣ, но вернувшись къ себѣ въ Нѣжинъ, куда велѣдъ за нимъ пріѣхалъ и блюститель Кіевской митрополіи, епископъ Меодій, отказался признать гетманомъ Самку. Изъ Нѣжина въ Москву полетѣли жалобы и доносы: рада въ Козельцѣ не была законною, на ней не было ни московскаго боярина, ни черни, ни «поспольштва»; Самко обманулъ полковниковъ и угрозами заставилъ ихъ признать себя совершеннымъ гетманомъ; епископъ Меодій (по собственному донесенію) отказался привести его къ присягѣ и уступилъ только во избѣжаніе кровопролитія, а «наипаче жалѣючи вѣрнаго твоего великаго государя слуги—Василія Золотаренка». Самко, въ свою очередь, не оставался въ долгу; его сторонники писали царю: «По совершенію Козельской рады мы всѣ съ гетманомъ совокупились войскомъ, чтобъ идти противъ непріятелей, и многаяжды писали мы до Васюты, полковника нѣжинскаго, чтобъ арматы нѣсколько штукъ прислалъ и самъ съ полкомъ у войска былъ. И на тѣ письма гетманскія и наши Васюта исполнить обѣщалъ, а потомъ, какъ вашего царскаго величества епископъ Меодій въ Нѣжинъ пріѣхалъ, то Васюта присягу свою отмянулъ и на многія послышки наши на службу идти не хочетъ. Тѣмъ намъ, всему войску, сумнѣнье, а непріятелямъ потѣху учинилъ; и нашу службу вашему царскому величеству унижаючи, не повинуется власти войсковой, упорно дома живетъ и только скарбы собирая стережетъ». Далѣе такъ же, какъ и З—ко, они просили защитить ихъ отъ обидъ и поношеній. Но въ Москвѣ не стали открыто ни на чью сторону; велѣно было только созвать новую полную раду, чтобъ въ выборахъ гетмана участвовали и чернь, и запорожцы, изъ среды которыхъ выдвигался уже третій кандидатъ на гетманство — кошевой Брюховецкій. Последній, прокладывая себѣ путь къ власти, не щадилъ ни Самку, ни З—ка; было время, когда онъ отзывался о нѣжинскомъ полковникѣ, какъ о вѣрномъ царскомъ слугѣ, теперь онъ писалъ о немъ епископу Меодію: «панъ Васюта только въ скарбы богатится, когорые въ землѣ погниютъ, а ничего добраго отчизнѣ тѣмъ не радить,

или до ляховъ завезетъ въ заплату за полученіе шляхетства». Зная, что въ Москвѣ предпочитаютъ Брюховецкаго другимъ кандидатамъ въ гетманы, вліятельный епископъ покинулъ З—ка и переѣхалъ къ запорожскому кошевому въ Гадячъ, гдѣ предполагалось собрать раду. Общая опасность заставила тогда З—ка сблизиться съ Самкомъ; онъ согласился на избраніе его въ гетманы и вывезъ все свое имущество изъ Путивля въ Нѣжинъ, чтобы, по словамъ его противниковъ, «ничего у него въ старыхъ государевыхъ городахъ не было». Весною 1663 г. должна была наконецъ рѣшиться судьба некателіи гетманства, до созыва же рады наказнымъ гетманомъ былъ объявленъ Брюховецкій. Не имѣя возможности открыто дѣйствовать теперь противъ своего соперника, З—ко рѣшился на послѣднее средство: онъ пригласилъ въ Батуринъ нѣсколькихъ старшинъ своего полка и сталъ уговаривать ихъ поѣхать съ нимъ въ Гадячъ и тамъ убить Брюховецкаго. Однако, какъ ни были преданы старшины своему полковнику, по рѣшиться на убійство Брюховецкаго, уже почти гетмана, т. е. подвергнуть себя вѣрной гибели, они не могли. Видя, что просьбы его безуспѣшны, З—ко въ яму гнѣва сталъ съ угрозами приказывать своимъ подчиненнымъ, но послѣдніе выжили изъ терпѣнія, и З—ко едва не заплатилъ жизнью за свое дерзкое намѣреніе. Между тѣмъ, въ мартѣ 1663 г. отправился изъ Москвы въ Малороссію окольный кн. Дан. Степ. Великаго-Гагинъ; по указу государя, онъ объявилъ старшинѣ, войску, мѣщанамъ и черни, чтобъ они учинили «черневую еeneralъскую раду» для выбора совершеннаго гетмана всѣми вольными голосами, кто имъ будетъ любъ, по ихъ стародавнимъ войсковымъ правамъ и по Переяславскимъ статьямъ. Въ іюнь мѣсяцѣ подъ Нѣжиномъ собралась эта рада: пріѣхали епископъ Меодій, Самко, З—ко, Брюховецкій, всѣ полковники и вся старшина, все войско и мѣщане. Брюховецкій и отсюда не замедлилъ отправить доносъ въ Москву. 8 іюня, сообщая о своемъ прибытіи на раду, онъ писалъ государю: «Васюта Золотаренко докладывался окольного князя Великаго-Гагина, чтобъ позволилъ ему съ нами (запорожцами) драться, потому что не любитъ правды, которую ему чернь хочетъ въ глаза говорить и объявить его измѣну, что онъ съ Самкомъ

усовѣтовалъ отложиться отъ вашего царскаго величества, для чего и города всѣ укрѣпили и колокола на пушки перелили. Только ихъ совѣтъ Господь разорилъ счастьемъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества, и если бы эти смутники на сей сторонѣ Днѣпра червь не обманывали, то и та сторона давно бы подъ вашею высокою рукою была». Это было уже прямое обвиненіе въ измѣнѣ. Представители враждебныхъ лагерей, несмотря на увѣщанія царскаго посла оставить вражду, расположились подъ Нѣжиномъ отдѣльно другъ отъ друга. Самко съ своими казаками сталъ у Кіевскихъ воротъ, а Брюховецкій особымъ таборомъ на другой сторонѣ города. Что-же касается З—ка, то онъ съ своимъ полкомъ, выйдя изъ города, соединился съ Самкомъ, при чемъ, вопреки запрещенію окольничаго, нѣжинскій полковникъ захватилъ съ собою и пушки. 17 іюня состоялась наконецъ знаменитая черная или генеральная рада. Не успѣлъ еще Гагинъ окончить чтеніе царскаго указа о гетманскомъ избраніи, какъ съ одной стороны раздались крики: «Брюховецкаго!», а съ другой: «Самка!». За криками послѣдовала драка. Запорожцы Брюховецкаго кипулись на приверженцевъ Самка; бунчукъ наказнаго гетмана былъ сломанъ; онъ самъ едва выбрался изъ толпы и скрылся въ шатеръ царскаго воеводы. Запорожцы побѣдили и выкрикнули своего кошевого гетманомъ. Гагинъ однако не далъ Брюховецкому утвержденія отъ имени царя и, по настоянію Самка, на 18 іюня созвалъ новую раду. Эта новая рада оказалась, однако, для Самка и его приверженцевъ еще пагубнѣе предыдущей; городовые казаки, въ глазахъ которыхъ выборы 17 іюня казались вполне законными, еще ночью стали переходить на сторону Брюховецкаго. Предвидя печальный исходъ своего дѣла, З—ко передъ самой радой испросилъ у Гагина позволеніе съѣздить въ городъ, чтобы поручить свою семью попеченію нѣжинскаго воеводы Мих. Мих. Дмитріева. Опасенія З—ка оправдались: 18 іюня казаки вновь провозгласили гетманомъ Брюховецкаго и вслѣдъ затѣмъ стали грабить возы своей старшины. Самко и З—ко, преслѣдуемые собственными людьми, успѣли скрыться въ московскій лагерь, гдѣ оставались двое сутокъ, а 20 іюня увезены были въ Нѣжинъ подъ арестъ. Новый гетманъ отправилъ въ

Москву благодарственное посольство и, вмѣстѣ съ епископомъ Меододемъ, по-прежнему твердилъ объ измѣнѣ Самка и З—ка. Вслѣдствіе этого 6 іюля прислана была въ Нѣжинъ царская грамота, предписывавшая воеводѣ Якиму Самка и начальныхъ людей, которые у него въ городѣ, до государева указа «держатъ за крѣпкимъ карауломъ съ великимъ береженьемъ и крѣпостью... А полковника Василія Золотаренка и иныхъ людей, которые съ Якимомъ Самкомъ, животы ихъ, что въ Нѣжинѣ, и всякужъ рухлядь, слыскавъ, переписать и запечатать, чтобы не пропало и утаено не было, беречь на крѣпко». Вслѣдъ затѣмъ обвиненные въ измѣнѣ, по древнему казацкому обычаю, отданы были на войсковой судъ; судьями были враги-побѣдители, которые и приговорили побѣжденныхъ къ смертной казни. 18 сентября 1663 г. въ Борзні З—ко, Самко и ихъ единомышленники сложили головы на плахѣ.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи» (изд. К. Солдатовъ, М., 1864 г.), т. X, стр. 382, 406, 427, 428; т. XI, стр. 40, 69, 76, 109—111, 130—132, 131—136, 138, 140, 142—147, 150, 151, 154, 156, 158, 159; т. XII, стр. 19, 116, 117, 121, 154.—А. Лазаревскій, «Василій Золотаренко, полковникъ Нѣжинскій» (оттискъ изъ «Чернигов. Губ. Вѣд.» 1853 г.).—Его же, «Описание Старой Малороссіи», Кіевъ, 1888 г., т. I, стр. 13, 19, 254; т. II, стр. 3, 5—7, 124, 292.—Г. О. Карповъ, «Меодій Флимоновичъ, епископъ Мстиславскій и Оршанскій, блаженный Кіевской митрополитъ» («Православное Обзорѣніе» 1875 г., т. I, № 1, стр. 58 и слѣд.; № 2, стр. 207 и слѣд.; № 4, стр. 605 и слѣд.).—Актъ Южной и Западной Россіи, т. V.—В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1910 г., т. 2, стр. 177.—«Военный энциклопедическій лексиконъ», ч. VI, стр. 20, 21.

А. Г.

Золотаренко, Иванъ Никифоровичъ, братъ предыдущаго, полковникъ нѣжинскій и «всего сѣвера» (1653—1655 гг.), наказный гетманъ малороссійскій (1654—1655 гг.), одинъ изъ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго во время борьбы за освобожденіе Малороссіи изъ-подъ власти Польши. 23 января 1654 г. торжественно, съ казаками и знаменами, встрѣчалъ онъ близъ Нѣжина великихъ московскихъ пословъ, пріѣхавшихъ приводить тамошнихъ жителей къ присягѣ на подданство московскому царю; вслѣдъ затѣмъ на его долю выпало въ послѣдній разъ изгонять поляковъ изъ «Сѣверіи», присоединенной къ нѣ-

жинскому полку, а весной того же 1654 года, когда все войско изъ Сѣверской Украины пошло походомъ въ Бѣлоруссію, нѣжинскій полковникъ поставленъ былъ Хмельницкимъ во главѣ отряда въ 20.000 казаковъ. Начиная съ этого времени и до августа 1655 г. З-ко непрерывно находился въ дѣлѣ: руководилъ осадами городовъ, совершалъ трудные и опасные переходы, дѣятельно помогая царскимъ воеводамъ. Лѣто и начало осени 1654 г. было, какъ извѣстно, временемъ наибольшаго успѣховъ московскаго оружія въ войнѣ съ Яномъ-Казиміромъ. Бѣлорусскіе города одинъ за другимъ переходили въ руки царя Алексѣя Михайловича, лично стоявшаго во главѣ войска. Въ числѣ вѣстниковъ побѣды, пріѣзжавшихъ въ царскую ставку, сеунчъ, присланный З-комъ, 20 августа извѣститъ о сдачѣ Гомеля; въ концѣ августа З-ко взялъ Чечерскъ, Новый Выховъ и Пропаискъ. Военные подвиги черкаскаго гетмана сопровождались, однако, страшными жестокостями; передъ его именемъ трепетали жители городовъ, къ которымъ онъ приближался; въ лучшемъ положеніи находились города, покорившіеся царскимъ воеводамъ, напримѣръ, Могилевъ, сдавшійся 24 августа Воейкову и Поклонскому, могилевскому шляхтичу, выѣхавшему добровольно на русскую службу и пожалованному въ полковника. Казакъ въ душѣ, З-ко не могъ примириться съ такимъ возвышеніемъ ненавистнаго ему шляхтича, и вскорѣ между ними началась открытая вражда. З-ко разорялъ Могилевскій уѣздъ, увозилъ хлѣбъ, угонялъ скотъ, билъ людей Поклонскаго и грозилъ убить самого полковника. Напрасно воевода Воейковъ старался удержать отъ безчинства его казаковъ. Поклонскій же, жалуясь на гетмана и отказываясь отъ полковничества, писалъ царю 15 сентября: «Бью челомъ вашему царскому величеству, укажите мнѣ гдѣ-нибудь жить, а здѣсь подлѣ Золотаренки ни за что служить не стапу, боюсь его пуще ляховъ». Государь распорядился послать въ Могилевскій уѣздъ стрѣльцовъ для защиты крестьянъ отъ казацкихъ насилій, оставилъ Поклонскаго въ Могилевѣ, З-ку же, несмотря на многочисленныя жалобы, приходившія на него, оказалъ милостивый пріемъ въ своей ставкѣ подъ Смоленскомъ, гдѣ 24 сентября, по случаю сдачи города, черкасскій гетманъ,

вмѣстѣ съ другими почетными гостями, присутствовалъ на торжественномъ обѣдѣ въ царскомъ столовомъ шатрѣ. Тогда же, въ награду за его военные заслуги, ему пожаловано было мѣстечко Батуринъ съ землемъ. Изъ-подъ Смоленска царь вернулся въ Москву, З-ко же отправился къ Старому Выхову, которымъ тщетно пытался овладѣть, такъ какъ жители, по словамъ захваченнаго плѣннаго, рѣшили ни за что не сдаваться казакамъ. Безъ успѣха, на этотъ разъ, отступилъ З-ко къ Новому Выхову, откуда 2 января 1655 г. писалъ государю, прося помочь ему противъ приближавшагося Радзивила, а 7 января извѣщалъ, что опъ осажденъ 24.000 литовскаго войска. Стоявъ около мѣсяца подъ Выховымъ, Радзивилъ отошелъ къ Могилеву; туда же за нимъ долженъ былъ идти и З-ко, но глубокіе снѣга, по его допесенію, мѣшали ему подать помощь осажденнымъ могилевцамъ. Снѣга, впрочемъ, не помѣшали казакамъ взять Бобруйскъ, Глухскъ и Королевскую Слободу; когда же въ апрѣлѣ З-ко по просохшимъ дорогамъ направился къ Могилеву, его помощь тамъ оказалась уже безуспѣшной, такъ какъ Радзивилъ и Гонсѣвскій, потерпѣвъ поражение отъ могилевцевъ, 1 мая сняли осаду и отступили къ Березинѣ. З-ко опять просилъ у царя подкрѣпленія для новыхъ дѣйствій противъ непріятеля. Въ началѣ іюня опъ лично ѣздилъ къ государю въ Шкловъ и оттуда отправленъ былъ за Березину; отряженный имъ черниговскій полковникъ Поповичъ взялъ Свислочь: «непріятелей въ немъ веѣхъ подлѣ мочы пустили, а самое мѣсто и замокъ огнемъ сожгли». Та же участь постигла и Кайдановъ. 29 іюля воевода князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, соединившись съ З-комъ, въ полмиліи отъ Вильны нанялъ на обозъ гетмановъ Радзивила и Гонсѣвскаго; послѣ долгаго, упорнаго боя гетманы потерпѣли поражение и бѣжали за рѣку Вилию, а русскіе приступили къ Вильнѣ и овладѣли столицей Литвы. 30 іюля радостную вѣсть объ этомъ привезъ царю духовный отецъ З-ка, епископъ Меоодіи (протопопъ Максимъ); 9 августа въ царской ставкѣ близъ Вильны узнали о взятіи Ковны, 29-го же о паденіи Гродны. Въ награду за ратную службу З-ко получилъ царскую грамоту на городъ Глуховъ. Но это была уже его послѣдняя награда: въ томъ же 1655 г. опъ скончался отъ

раны, полученной при осаде Старого Быхова.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи» (изд. К. Солдатенкова, М., 1864 г.), т. X, стр. 362, 365—367, 372—375, 378, 379, 382, 385—387.—*Г. О. Карповъ*, «Меодіи Флимоновичъ, епископъ Мстиславскій и Оршанскій...» («Православное Обозрѣніе» 1875 г., т. I, № 1, стр. 59—61).—Архивъ Млнвост. Иностран. Дѣлъ, дѣла малороссійскія, св. № 6, тотр. 4: св. № 9, тотр. 23.—*Л. Б.*, «Ниженскій полковникъ Иванъ Золотаренко». Киевъ 1874 г.—*А. Лазаревскій*, «Описание старой Малороссіи», Киевъ, 1888 г., т. I, стр. 10—12; т. II, стр. 3—5.—*Его же*, «Историческій очеркъ Балурина», стр. 5.—*Акты Южн. и Зап. Р.*, т. XIV.—*В. Л. Модзалевскій*, «Малороссійскій Родословникъ», Киевъ, 1910 г., т. 2, стр. 177.—*Харламовичъ*, «Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь», Казань, 1914 г., т. I, стр. 177, 182—183.—«Военный—энциклопедическій лексиконъ», т. VI, стр. 20.

А. Г.

Золотницкій, Владимір Трофимовичъ, писатель-переводчикъ, армейскій полковникъ, депутатъ Комиссіи Новаго Уложенія (1767 г.) отъ Малороссійскаго Киевскаго полка, сынъ священника, родился въ 1741 г., сперва воспитывался дома, а затѣмъ былъ отданъ въ Киевскую академію, по окончаніи которой въ 1760 г. перешелъ въ Московскій университетъ на философскій факультетъ. Оттуда, по рекомендаціи университета, былъ назначенъ учителемъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, а затѣмъ переводчикомъ въ Московскую камеръ-коллегію, съ производствомъ въ чинъ подпоручика. Въ этой должности онъ числился до 1771 г., когда перешелъ премьеръ-майоромъ въ полевые полки и служилъ до смерти въ Днѣпровскомъ пикинерномъ полку. Извѣстно, что З—цкій въ качествѣ депутата Комиссіи Новаго Уложенія представилъ мнѣнія на просктъ о правахъ благородныхъ. Извѣстно также, что онъ принималъ участіе и въ работахъ Комиссіи о «разводѣ» татаръ. З—кій является авторомъ многихъ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ богословско-филосовскихъ произведеній. Изъ оригинальныхъ извѣстны слѣдующія: 1) «Состояніе человѣческой жизни, заключенное въ нѣкоторыхъ нравоучительныхъ примѣчаніяхъ, касающихся до натуральныхъ человѣческихъ склонностей» (СПБ. 1763 г.); 2) «Новыя нравоучительныя басни, съ приравленіемъ особливыхъ къ нимъ изъясненій»; 3) «Сокращеніе естественнаго права,

выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы Россійскаго общества» (СПБ. 1764 г.); 4) «Общество разнovidныхъ лицъ, или разсужденіе о дѣйствіяхъ и нравахъ человѣческихъ» (СПБ. 1766 г.); 5) «Разсужденіе о безсмертіи человѣческой души, которое утверждается особливо чрезъ доказательство Божьяго бытія, отрывавшагося намъ изъ многочисленныхъ созданий» (СПБ. 1768 г.) и 6) «Доказательство о безсмертіи души, вѣное отъ намѣренія Божія, съ какимъ Онъ изволилъ создать міръ сей и проч.» (СПБ. 1780 г.). Кроме того, по словамъ митрополита Евгенія, З—кій «много писалъ довольно не худыхъ одъ, сатирическихъ писемъ и другихъ стихотвореній; на самомъ же дѣлѣ стихи З—каго болѣе чѣмъ посредственны. Изъ нихъ извѣстны: «Ода Е. И. В. Имп. Екатерины на всерадостное прибытіе изъ Москвы въ С.-Петербургъ» (СПБ. 1763 г.), «Ода на Новый 1763 годъ» и «Стихи графу П. П. Панину» (М., безъ обознач. года). Изъ переводныхъ же трудовъ З—каго извѣстны: 1) «Духъ Сенеки, или изрядныя нравоучительныя разсужденія сего великаго философа» (съ нѣм. М. 1765 г.), 2) «Путешествіе въ другой свѣтъ, или Іуліанъ Отступникъ, остроумная повѣсть» (съ нѣм. СПБ. 1766 г.) и 3) «Исторія разныхъ героинь и другихъ славныхъ жентъ» (2 ч. съ нѣм. СПБ. 1767—1768 гг.).

Евгеній митр., «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 232—233.—*Аскоческій*, «Кіевъ съ древѣйшимъ его училищемъ академію», т. II, стр. 199.—*Филаретъ*, «Обзоръ рус. дух. литературы», кн. I, стр. 348.—*Н. Новиковъ*, «Опытъ истор. словаря о рос. писат.», стр. 68.—*Геннади*, «Словарь», т. II.—*Венгеровъ*, «Русская поэзія», вып. II, стр. 144—145.—«Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества», т. т. 32, 36 (по указателю).

П—въ.

Золотницкій, Николай Ивановичъ, ученый изслѣдователь быта инородцевъ, авторъ «Корневого словаря чувашско-русскаго языка», родился въ селѣ Кошкахъ, Чебоксарскаго уѣзда, среднее образованіе получилъ въ Казанской семинаріи, а высшее на историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета, по окончаніи котораго опредѣлился на службу въ Вятскую палату государственныхъ имуществъ столоначальникомъ, но, убѣдившись въ невозможности занять должность болѣе плодотворную для своей дѣятельности, вышелъ въ отставку и занялъ мѣсто ре-

директора неофициальной части «Вятскихъ Губ. Вѣдомостей». Эта часть за время редактированія З—цкимъ значительно оживилась, благодаря привлеченію къ участию въ ней выдающихся дѣятелей русской литературы. Въ это же время З—цкій принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ въ открытой при Вятской гимназій воскресной школѣ, исторія возникновенія которой очень любопытна. Открыть эту школу поручено было директору гимназій; было вывѣшено, гдѣ слѣдуетъ, объявленіе, но учащихся въ назначенный день не явилось никого. Узнавъ объ этомъ, З—цкій выпросилъ у директора разрѣшеніе набрать учащихся и, получивъ согласіе, немедленно, подъ предлогомъ заказа, объѣхалъ всѣ мастерскія заведенія въ Вяткѣ, при чемъ въ разговорѣ съ хозяевами заведеній выяснилъ имъ важность посѣщенія рабочими по воскресеньямъ школы. И дѣйствительно, въ слѣдующій воскресный день учащихся явилось столько, сколько не предвидѣлось. Это заинтересовало директора, но З—цкій секретаря своего ему не выдавалъ. Впослѣдствіи, узнавъ о состоявшемся распоряженіи закрыть воскресныя школы, З—цкій, въ предупрежденіе неблагоприятныхъ для школы толковъ, въ тотъ самый день, когда должно было состояться объявленіе о закрытіи ея, явился туда ранѣе всѣхъ и, лишь только приходилъ ученикъ, спѣшилъ успокоительно предупредить, что ученія по случаю ремонта не будетъ и что учащіеся извѣстятъ особо о днѣ начала занятій. Такимъ образомъ истинной причины закрытія школы въ городѣ никто не зналъ. Въ промежутокъ между 1860 и 1866 гг. З—цкій служилъ мировымъ посредникомъ, живя въ слободѣ Кукаркѣ, Яранскаго уѣзда, и такимъ образомъ принималъ участіе въ введеніи величайшей реформы русскаго общественнаго быта. Послѣдніе же годы своей жизни онъ провелъ въ Казани, служба по Чебоксарскому уѣзду. Скончался онъ 14 мая 1880 года.

Занятія литературой З—цкій началъ еще будучи студентомъ университета составленіемъ «Сборника чувашскихъ пѣсенъ», одинъ экземпляръ котораго онъ доставилъ В. А. Сбоеву, извѣстному автору книги о чувашахъ, а другой, съ латинскимъ переводомъ и комментаріями—проф. Фатеру. Но Сбоевъ въ свою книгу включилъ лишь 8 номеровъ пѣсенъ, а Фатеръ увезъ свой

экземпляръ въ Германію. Ученыя работы З—цкаго распределяются въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующимъ образомъ: 1) «1-ое января 1866 г. въ Кукаркѣ и краткій очеркъ слободы Кукарки» (Казань, 1866); 2) «По вопросу о способахъ образованія чувашъ» (Каз. 1866); 3) «Докладъ совѣту братства св. Гурія» (Каз. 1868. Перепечатано изъ «Казанск. Губ. Вѣдом.» 1868 г., № 34); 4) «Названія родственныхъ отношеній у Чувашъ» (Каз. 1871); 5) «Отрывки изъ чувашско-русскаго словаря» (Каз. 1871 и 1874); 6) «Замѣтки для ознакомленія съ чувашскимъ нарѣчіемъ», вып. I (Каз. 1871); 7) «Корневой чувашско-русскій словарь, сравнительный съ языками и нарѣчіями разныхъ народовъ тюркскаго, финскаго и др. племенъ» (Каз. 1875); 8) «Отрывки изъ чувашско-русскаго словаря. Семь и девять по повѣрѣямъ чувашъ и пѣкоторыхъ другихъ народовъ» (Каз. 1875); 9) Отрывки изъ чувашско-русскаго словаря. Татарско-чувашскіе дѣвичьи пѣры» (Каз. 1875); 10) «Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемисъ» (Каз. 1877); 11) «Особенности чувашскаго языка, зависящія отъ измѣненія и выпуска согласныхъ гортанныхъ звуковъ» (Каз. 1877) и 12) «Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Вулгаръ Вляръ и Марьвани» (Каз. 1879 и 1884). Кроме того, въ рукописяхъ З—цкаго найденъ и почти законченный «Словарь черемисскаго языка».

«Казанскія Губ. Вѣдомости» 1880 г., №№ 37, 55.—Отзывъ о «Словарѣ»: ib. 1875 г., № 68.—Карточн. каталогъ Имп. Публ. Библиотеки.

Золотницкій, Петръ Димитріевичъ, генер.-лейт., происходилъ изъ дворянъ Херсонской губерніи, родился 4-го іюня 1812 г. и по окончаніи домашняго образованія въ 1828 г. поступилъ унтер-офицеромъ въ Малороссійскій Кирасирскій полкъ (принца Альберта), гдѣ за отличіе по службѣ въ 1830 г. былъ произведенъ въ корнеты, съ переводомъ въ Кирасирскій (13 драгунскій) Военнаго ордена полкъ. Съ открытіемъ первой польской кампаніи въ 1831 г., З—цкій былъ посланъ съ войскомъ въ Западный край, гдѣ принималъ участіе въ генеральномъ сраженіи подъ Прагою на Гроховскихъ поляхъ. За мужество и храбрость, проявленныя въ этомъ сраженіи, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 4 ст. съ над-

писью «за храбрость». Затѣмъ, находясь въ корпусѣ генераль-адъютанта графа Толя, 3-й-йкой совершилъ усиленный переходъ отъ Вепржа черезъ Пяски, имѣвшій цѣлью преслѣдованіе войскъ Дворжицкаго и отбѣсненіе ихъ къ кр. Замостью, а 10-го мая былъ въ губительномъ для поляковъ сраженіи при м. Нурѣ. Во время же второй польской кампаніи 3-й-йкой, находясь въ отрядѣ генераль-адъютанта графа Палена I, былъ въ усиленномъ движеніи войскъ противъ отряда генерала Гельгуда, находившагося у Худзика; вернувшись въ окрестности Пултуска, 3-й-йкой былъ назначенъ корпуснымъ командиромъ, переведенъ въ резервные эскадроны и по домашнимъ обстоятельствамъ отправленъ въ Россію. Дальнѣйшая служба его протекала въ Кирасирскомъ Его Величества полку, куда онъ былъ переведенъ въ 1835 г. Съ открытіемъ Венгерской кампаніи въ 1849 г. 3-й-йкой въ чинѣ полковника участвовалъ въ походѣ гвардіи къ западнымъ границамъ имперіи, а въ 1854 г. по случаю Крымской войны находился въ составѣ главнаго резерва Петроградскаго гарнизона, снаряженнаго для обезпеченія береговъ Балтійскаго моря отъ нападенія непріятеля. Въ слѣдующемъ году за отличіе по службѣ 3-й-йкой былъ произведенъ въ генераль-майоры и назначенъ состоять при бывшемъ 1-омъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, въ 1861 г. назначенъ старшимъ помощникомъ начальника 7-ой кавалерійской дивизіи, а въ 1865 г. командующимъ 5-й кавалерійской дивизіей съ производствомъ въ генераль-лейтенанты. Скончался онъ 29-го октября 1872 г.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, дѣло 3 6 отд. 1872 г., № 643.—«Петербургскій Некрополь», т. II.

II. Артамонова.

Золотовскій, Аоимогенъ Лукичъ, ординарный проф. ветеринарнаго отдѣленія Императорской медико-хирургической академіи, сынъ священника, родился въ 1825 г. въ г. Петровскѣ, Саратовской губ., скончался 13 сентября 1875 г. въ Царскомъ Селѣ на 50 году жизни; образованіе получилъ въ названной академіи по ветеринарной части 1-го разряда, каковую окончилъ въ 1847 г. съ отличіемъ, получивъ званіе ветеринара, и хотя былъ зачисленъ на вакансію полкового ветеринара, тѣмъ не менѣе оставался при ветеринарномъ институтѣ академіи; здѣсь онъ послѣдовательно

занималъ должности: помощника прозектора зоотоміи, ассистента при ветеринарной клиникѣ, адъюнкты-профессора, экстраординарнаго и ординарнаго профессора. Въ теченіе службы 3-скому довелось преподавать почти всѣ предметы курса ветеринарныхъ наукъ, со включеніемъ клиники. Въ послѣдніе же годы онъ исключительно преподавалъ хирургическую патологию, терапію животныхъ, ветеринарно-оперативную хирургию и акушерство. Какъ преподаватель, 3-скій относился къ исполненію своихъ обязанностей въ высшей степени строго и добросовѣстно, требуя такого же отношенія къ наукѣ и отъ своихъ слушателей. На науку онъ смотрѣлъ, какъ на священнѣйшее достоинство человечества, и до конца своей жизни твердо сохранилъ убѣжденіе, что только тѣ могутъ быть двигателями науки, самостоятельно разрабатывать частности ея и восполнять ея пробѣлы, кто всесторонне подготовилъ себя къ тому. Исходя изъ такихъ убѣжденій, онъ съ безпощадно строгою критикой и недобрымъ отношеніемъ къ поверхностнымъ, незрѣлымъ, скороспѣлымъ работамъ. 3-скій не много писалъ въ своей жизни, но зато все то, что выходило изъ-подъ его пера, было глубоко изучено имъ, всесторонне обдуманно и до тонкости проанализировано, и, кромѣ того, носило на себѣ слѣды блестящей эрудиціи, поражающей начитанности и сильной логики. Все, написанное имъ и сдѣлавшееся достояніемъ печати, отъ его магистерской диссертации подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о чумѣ рогатаго скота» (СПб. 1855 г.) до полемиической статьи: «Отвѣтъ на замѣчанія проф. Иссена» («Записки Ветерин. Медиц.» 1863 г.), относилось къ изученію чумы рогатаго скота. Самымъ же капитальнымъ учебно-литературнымъ трудомъ 3-скаго является рядъ его статей въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» (1856 г.) подъ заглавіемъ: «О значеніи чумопрививанія въ ветеринарной практикѣ», въ которыхъ сконцентрированы всѣ литературныя данныя тѣхъ странъ, гдѣ имѣло мѣсто когда-либо чумопрививаніе; эти данныя имъ мастерски освѣщены самымъ тонкимъ анализомъ и оценены путемъ строго-логической, безпристрастной критики. Въ этихъ статьяхъ 3-скій выступилъ первымъ и при томъ самымъ солиднымъ противникомъ чумопрививанія. Этимъ

трудомъ онъ первый показалъ публикѣ и специалистамъ оборотную сторону той медали, лицевая сторона которой была въ то время представлена проф. Иессеномъ его брошюрою: «Ueber die gänzliche Ausrottung der Rinderpest».

«Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ» 1875 г., сентябрь, стр. 9—12. — *Геннади*, Словарь, т. II. — «Голось» 1875 г., № 261. — «Иллюстр. Недѣля» 1875 г., № 41. — «Петербургскій Некрополь», т. II.

М—въ.

Золотовъ, *Василій Андреевичъ*, извѣстный педагогъ, посвятившій всю свою долгу и полезную жизнь преимущественно развитію образованія въ народѣ; родился въ 1804 г. въ Москвѣ, скончался 12 декабря 1882 г. въ Петроградѣ. По окончаніи полного курса наукъ въ Ришельевскомъ лицѣѣ (1824 г.) онъ, какъ казеннокоштный воспитанникъ, долженъ былъ прослужить опредѣленное число лѣтъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе чего и былъ опредѣленъ надзирателемъ надъ воспитанниками при томъ же лицѣѣ. Въ 1826 г., съ разрѣшенія министерства, но безъ всякой помощи со стороны правительства, онъ, по примѣру Ломоносова, съ трюпичниками отправился въ Москву для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ. Извозчикъ, съ которымъ онъ ѣхалъ, по прибытіи въ Москву упростилъ своего родственника, хозяина одного замоскворѣцкаго постоялаго двора, дать З—ву помѣщеніе и кормить, при чемъ обязался за все самъ заплатить, если З—въ не будетъ имѣть къ тому возможности. Хозяинъ согласился и отвѣтъ будущему педагогу на мезонинѣ такую коморочку, въ которой нельзя было помѣстить кровати; питался неизмѣнно щами съ кашей, онъ спалъ на двухъ деревянныхъ стульяхъ, примащивая ихъ къ небольшому столику. Въ такихъ условіяхъ З—въ оставался до полугода, пока не успѣлъ обратить на себя вниманіе проф. Мерзлякова, по представленію котораго, одновременно съ Полежаевымъ, былъ избранъ въ сотрудники Московскаго Общества любителей русской словесности. При этомъ И. М. Снегиревъ, зналъ, въ какомъ положеніи находится З—въ, принялъ въ немъ горячее участіе и при содѣйствіи попечителя Московскаго учебнаго округа, Писарева, устроилъ его въ благородномъ пансіонѣ. Но занимаясь въ пансіонѣ,

З—въ продолжалъ ходить и въ университетъ на нѣкоторыя лекціи.

Въ 1829 г. З—въ возвратился въ Одессу и былъ утвержденъ при Ришельевскомъ лицѣѣ адъюнктомъ по кафедрѣ словесныхъ наукъ. Но такъ какъ въ то время въ лицѣѣ еще не было факультетовъ, вслѣдствіе чего профессора и адъюнкты занимались въ гимназій, къ которой принадлежали пансіонеры лица, то и З—ву было поручено преподаваніе русскаго языка въ старшихъ классахъ гимназій. Въ 1832 г. онъ вышелъ въ отставку и открылъ мужской пансіонъ, который по своей программѣ превышалъ всѣ существовавшія тогда казенныя гимназій. Окончившіе его ученики поступали прямо въ студенты лица и университетовъ. Рутинъ и вообще книжное, механическое обученіе были совершенно устранены изъ этого учебнаго заведенія, и каждый предметъ преподаванія служилъ къ умственному развитію. Дѣти съ 7 и до 8 лѣтъ, поступающіе въ пансіонъ совершенно неграмотными, не обрекались тотчасъ на обученіе азбуки, но въ первое полугодіе ихъ занимали только разказами по рисункамъ о самыхъ простыхъ и близкихъ человѣку предметахъ, поэтому они съ самаго начала пріучались къ свободному изложенію мыслей собственными словами. Такимъ образомъ дѣтей прежде всего учили говорить, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и мыслить, вслѣдствіе чего они и въ высшихъ классахъ не нуждались въ обыкновенныхъ учебникахъ, и всѣ главные предметы, какъ, напр., русская грамматика и словесность, всеобщая и русская исторія, математика и физика преподавались изустно. Обученіе иностраннымъ языкамъ также начиналось практикою, въ виду чего ученики, не умѣвшіе еще читать, уже довольно свободно изъяснялись по-французски и по-нѣмецки. Послѣ экзаменовъ, которые были одною только необходимою формальностью, между воспитанниками происходили, для полученія лагрядъ, пренія и состязанія, при чемъ многие представляли поразительные примѣры умственного и діалектическаго развитія. Внутренней организаціи пансіона вполне отвѣчало и матеріальное оборудованіе его: пансіонъ располагалъ довольно значительнымъ физическимъ кабинетомъ, многими пособиями для нагляднаго изученія естественной исторіи и, наконецъ,

библіотекою, которая была особенно замѣчательна собраніемъ педагогическихъ сочиненій. Изъ всего этого видно, что З—въ ничего не жалѣлъ, чтобы учащимся доставить средства къ самостоятельному развитію, а преподавателей ознакомить со всѣми новыми методами воспитанія вообще и образованія въ особенности.

Въ 1849 г. З—въ закрылъ пансіонъ, просуществовавшій 18 лѣтъ (эти годы ему впоследствии были зачтены въ дѣйствительную службу), и по приглашенію В. Н. Семенова, бывшаго тогда попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, отправился въ Тифлисъ. Здѣсь ему пришлось безвозмездно въ продолженіе всего академическаго года преподавать русскій языкъ въ Закавказскомъ дѣвичьемъ институтѣ. По открытіи же при этомъ институтѣ вакансіи инспектора классовъ, З—въ былъ утвержденъ въ этой должности и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ членомъ въ комитетъ для начертанія учебныхъ руководствъ, состоявшій при Закавказскомъ учебномъ округѣ. По порученію этого комитета, З—вымъ были составлены «Таблицы для взаимнаго обученія чтенію и письму, съ руководствомъ для учителей», съ особымъ къ нимъ приложеніемъ, которое было переведено на грузинскій, армянскій и татарскій языки. Къ сожалѣнію, эти «Таблицы», по независѣвшимъ отъ З—ва причинамъ, были введены въ округъ лишь въ 1855 г.

Сущность метода З—ва, основаннаго на мысли знаменитаго Жакото, заключалась въ строгой послѣдовательности обученія и разумномъ согласованіи впечатлѣній глаза со слухомъ. Отбросивъ отвлеченное изученіе буквъ, притупившее у насъ цѣлый рядъ поколѣній, З—въ вводилъ ученика въ міръ дѣйствительности, заставляя его произносить только то, что онъ въ дѣйствительности произносить и слышитъ на каждомъ шагѣ и что доступно его пониманію. Ученикъ мало-по-малу приходилъ къ выводамъ, составлялъ себѣ понятіе о буквахъ и, что главнѣе всего, о тѣхъ сочетаніяхъ, которыя естественнымъ образомъ, въ силу привычки и слуха, слагаются имъ при произношеніи отдѣльныхъ словъ и цѣлой рѣчи. Весь послѣдовательный механизмъ обученія былъ разсчитанъ на развитіе учащагося и на упражненіе всѣхъ умственныхъ его спо-

собностей. З—въ первый у насъ обратилъ вниманіе на обученіе чтенію по писанному, предлагая ученику постепенный переходъ отъ яснаго почерка до самаго трудно разборчиваго. Въ дѣлѣ обученія письму З—въ сдѣлалъ такой шагъ, который далъ возможность выучить скоро писать безъ линейки, на что до него почти не было обращено должнаго вниманія.

Вида успѣхъ предложеннаго метода въ Закавказскомъ учебномъ округѣ, З—въ рѣшился въ 1856 г. оставить службу и отправиться въ Петроградъ при самыхъ скудныхъ средствахъ, въ виду чего ему пришлось въ Москвѣ продать за половину цѣны одному изъ книгопродавцевъ нѣсколько своихъ таблицъ. По прибытіи въ Петроградъ, по ходатайству того же В. Н. Семенова, который въ это время былъ уже въ Петроградѣ, первый успѣшный опытъ примѣненія своего метода былъ сдѣланъ З—вымъ въ Царскомъ Селѣ, въ бывшемъ Александровскомъ малолѣтнемъ корпусѣ, въ удостовѣреніе чего директоромъ корпуса, генераломъ Мецомъ, и было выдано З—ву одобренное свидѣтельство. Не взирая на успѣхъ этого опыта надъ малолѣтними, авторъ новой системы не могъ никакъ сломить рутину и проложить дальнѣйшую дорогу для своей азбуки, въ превосходство которой онъ одинъ питалъ въ то время непоколебимую вѣру.

Второй опытъ, сдѣланный З—вымъ въ бывшемъ удѣльномъ земледѣльскомъ училищѣ, былъ одобренъ П. Г. Рѣдкинскимъ, членомъ совѣта департамента удѣловъ. Послѣ этого опыта З—въ былъ назначенъ въ томъ же училищѣ (1857 г.) помощникомъ директора, при чемъ ему была поручена исключительно учебная часть.

Въ томъ же году М. Н. Муравьевымъ, бывшимъ тогда предсѣдателемъ департамента удѣловъ, было разрѣшено З—ву изъ воспитанниковъ удѣльнаго земледѣльческаго училища крестьянскаго происхожденія подготовить нѣсколько учителей для удѣльныхъ школъ. Противъ этой мѣры тогда раздавались многіе голоса, главнымъ образомъ со стороны тѣхъ, которые во всѣ народныя школы желали передать въ руки священнослужителей и семинаристовъ; но подготовленные учителя фактически доказали практическую мысль З—ва, которая впоследствии была признана вѣрною многими земствами, а равно и

министерствомъ народнаго просвѣщенія; послѣднее циркулярно предложило инспекторамъ народныхъ училищъ привлекать въ учительскія семинаріи преимущественно крестьянскихъ дѣтей, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ министерскихъ народныхъ училищахъ. Учителя эти, помимо прямыхъ своихъ обязанностей, большую пользу принесли при уничтоженіи крѣпостнаго права и надѣлѣ крестьянъ землею, содѣйствуя поддержанію порядка между удѣльными крестьянами и даже сосѣдними съ ними. Видя съ какимъ услѣхомъ дѣйствуютъ учителя, даже весьма ограниченно подготовленные, З-въ, въ цѣляхъ дать большее развитіе дѣлу народнаго образованія, задумалъ открыть учительскую семинарію на частныя средства; составленная имъ программа была утверждена министромъ и уже опубликована въ газетахъ, но, несмотря на сочувствіе нѣкоторыхъ лицъ и даже Петроградскаго комитета грамотности, дѣло не состоялось.

Въ 1859 г., по приглашенію генерала А. П. Карпова, въ присутствіи бывшаго начальника штаба гвардейскаго корпуса, графа Баранова, и многихъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ, въ залѣ Преображенскаго полка была прочитана З-вымъ лекція вообще о грамотности, при чемъ было также дано нѣкоторое понятіе о его методѣ; послѣ этого графъ Барановъ просилъ З-ва выслать офицерамъ его методъ подробно и наглядно надъ нижними чинами. Для этого было взято по 10 человекъ, совершенно неграмотныхъ изъ Павловскаго и Преображенскаго полковъ, и прикомандировано по одному офицеру изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, съ которыми З-въ занимался болѣе двухъ недѣль. Опытъ оказался успешнымъ, но графъ Барановъ пожелалъ узнать, во сколько времени совершенно неграмотные могутъ быть подготовлены настолько, чтобы знанія ихъ были вполне достаточными для рядового. Съ этою цѣлью были присланы къ З-ву въ удѣльное земледѣльческое училище 10 рядовыхъ. Черезъ три мѣсяца было произведено публичное испытаніе надъ этими рядовыми, которое дало поразительные результаты. Лучшею наградою для педагога было свидѣтельство, выданное ему графомъ Барановымъ. Въ этомъ свидѣтельствѣ подтверждалось, что по произведенному испытанію рядо-

вые читали свободно, правильно и писали подѣ диктовку безъ значительныхъ грамматическихъ ошибокъ, могли указать на составъ предложенія, отдѣлить мысли знаками препинанія, объясняли совершенно удовлетворительно нѣкоторыя молитвы и символъ вѣры, знали четыре арифметическія дѣйствія и умѣли считать на счетахъ.

Послѣ блестящихъ опытовъ примѣненія новой системы обученія чтенію и письму нмѣ скромнаго педагога получило такую пзвѣстность, что многія вѣдомства дѣлали ему предложенія организовать обученіе въ начальныхъ школахъ на новыхъ основаніяхъ. Въ то же самое время З-въ занимался въ фехтовально-гимнастическомъ кадврѣ, гдѣ были прочитаны имъ и бесѣды по міровѣднію. Это, можно сказать, были первыя народныя чтенія, приходивъ на которыя предоставлено было нижнимъ чинамъ по ихъ желанію, добровольно, тѣмъ же менѣе желающихъ находилось всегда достаточно, и они выносили отъ чтеній несомнѣнную пользу. Далѣе, З-въ около двухъ лѣтъ безвозмездно наблюдалъ за преподаваніемъ во вновь открытой школѣ для нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства, въ Крюковскихъ казармахъ; въ 1862 г. онъ былъ приглашенъ совѣтомъ дѣтскихъ пріготовъ ввести его новый методъ обученія во всѣ петроградскія пріюты; принималъ онъ также участіе и въ открытіи нѣсколькихъ воскресныхъ школъ. Избранный тогда же въ члены Петроградскаго комитета грамотности, въ комписіяхъ котораго онъ не разъ участвовалъ для разрѣшенія разныхъ вопросовъ, З-въ, по предложенію министерства народнаго просвѣщенія, выѣхалъ для ревизіи сельскихъ школъ Тверской и Московской губерній; попутно онъ осматривалъ, по порученію департамента удѣловъ, и школы удѣльнаго вѣдства. При этой первой педагогической экскурсіи З-въ успѣлъ во многихъ мѣстахъ учредить книжные склады. По представленіи имъ отчета объ осмотрѣ сельскихъ школъ, который былъ напечатанъ въ «Журналѣ М-ва Нар. Просвѣщенія» и особою брошюркой, З-въ былъ перевѣщенъ изъ департамента удѣловъ въ министерство народнаго просвѣщенія чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ. Состоя въ этой должности, онъ постоянно бывалъ командированъ съ тою же цѣлью, какъ

и въ первый разъ, въ разныя губерніи, а именно въ Новгородскую, Рязанскую, Тамбовскую, Владимирскую, Тульскую и Могилевскую, а въ 1865 г. въ губерніи Костромскую, Саратовскую и Пензенскую. Последняя командировка была предпринята съ цѣлью ознакомиться съ дѣйствіями училищныхъ совѣтовъ, вызванныхъ къ жизни положеніемъ 14 іюня 1864 г., ихъ взглядомъ на значеніе народныхъ школъ и съ тѣмъ, какими они располагаютъ средствами къ распространенію грамотности въ народѣ. Это была послѣдняя командировка, послѣ которой З—въ вышелъ въ отставку (1868 г.). Можно сказать, что онъ былъ первымъ странствующимъ педагогомъ въ Россіи. По его инициативѣ въ разныхъ губерніяхъ было составлено крестьянами до 400 приговоровъ для открытія и содержанія школъ.

Въ 1864 г. З—въ былъ приглашенъ почетнымъ опекуномъ Воспитательнаго дома Шторхомъ принять участіе въ устройствѣ учительской семинаріи для подготовленія учителей, съ помощью которыхъ можно было бы открыть въ деревняхъ школы для находящихся тамъ питомцевъ Воспитательнаго дома. Задача была трудная по причинѣ отсутствія средствъ, но, благодаря терпѣнію и энергіи З—ва, дѣло наладилось сообразно увеличенію средствъ; курсъ ученія въ семинаріи постепенно расширялся и дошелъ до трехлѣтняго. За безвозмездное наблюденіе за преподаваніемъ въ учительской семинаріи и въ сельскихъ школахъ, въ округахъ Воспитательнаго дома, З—ву былъ Высочайше пожалованъ брильянтовый перстень съ изумрудомъ. Впослѣдствіи онъ былъ утвержденъ смотрителемъ этой семинаріи и въ этой должности находился до 1870 г., когда департаментомъ удѣловъ ему поручено было осмотрѣть училища въ Ильинскомъ, Бородинѣ и Ливадіи. Исполнивъ это порученіе, онъ по семейнымъ обстоятельствамъ остался въ Одессѣ. Но и тутъ не прекращалась его педагогическая дѣятельность. По приглашенію начальника Одесскаго юнкерскаго училища, онъ прочелъ нѣсколько лекцій для юнкеровъ и офицеровъ, при чемъ практически, на совершенно неграмотныхъ солдатахъ, указалъ способъ обученія грамотѣ. Въ то же время онъ принялъ на себя завѣды-

ваніе учебною частью въ народномъ училищѣ, состоящемъ при Михайло-Семеновскомъ сиротскомъ домѣ, а въ 1871 г.—завѣдываніе тою же учебною частью въ 22-хъ народныхъ училищахъ, содержимыхъ городомъ, съ званіемъ члена-ревизора. Въ цѣляхъ достиженія большихъ успѣховъ въ дѣлѣ преподаванія З—въ позаботился и о матеріальномъ обезпеченіи учителей, а затѣмъ употребилъ всѣ усилія, чтобы сдружить ихъ между собою и объединить ихъ взглядъ на общее дѣло. Съ этою цѣлью въ зимніе мѣсяцы, почти каждую субботу, учителя и учительницы собирались у З—ва не на официальные педагогическіе совѣты, а на дружескія бесѣды. Наконецъ, въ 1872 г., помню наблюденія надъ училищами, З—въ, по примѣру Петроградскихъ народныхъ чтеній, открылъ такія же чтенія въ Одессѣ, при чемъ принялъ на себя обязанность каждое воскресенье знакомить слушателей съ важнѣйшими моментами изъ русской исторіи.

Такова въ общихъ чертахъ кипучая дѣятельность З—ва на поприщѣ народного обученія, сопровождавшаяся изданіемъ цѣлаго ряда книгъ.

Вотъ хронологическій списокъ этихъ книгъ: 1) «Французская грамматика Карла Летелье, въ пользу лицеевъ и пансіоновъ, исправленная и дополненная Эннекомомъ» (перев. М. 1826 г.); 2) «Стихотворная русская христоматія» (2 ч. М. 1829 г.); 3) «Сборникъ для класснаго чтенія, съ примѣрами для грамматическихъ упражненій» (Одесса. 1830 г.); 4) «Опытъ общей грамматики» (ib. 1832 г.), послужившій поводомъ къ жаркой полемикѣ между «Сѣв. Пчелой» и «Московск. Телеграфомъ», кончившейся тѣмъ, что «Опытъ» былъ принятъ въ число руководствъ во многія учебныя заведенія. Въ этой книгѣ прежній методъ преподаванія—начинать грамматику съ частей рѣчи—былъ замѣненъ системою знакомить учащихся прежде всего съ синтаксическимъ разборомъ предложенія; 5) «Русская азбука по методу Жакото» (ib. 1833 г.); 6) «Французскіе разговоры» (ib. 1833 г.); 7) «Руководство къ изустному счисленію» (ib. 1834 г.); методъ преподаванія ариметики, изложенный въ этомъ руководствѣ, былъ впослѣдствіи принятъ во всемъ Одесскомъ учебномъ округѣ; 8) «Первоначальное чтеніе» (ib. 1835 г.);

- 9) «Физическій очеркъ всѣхъ частей свѣта» (ib. 1836 г.); 10) «Классическія упражненія» (ib. 1836 г.); 11) «Русская азбука съ наставленіемъ, какъ должно учить» (Спб. 1856 г.; 26-е изд. 1880 г.); 12) «Русская азбука безъ азбуки и складовъ» (Спб. 1858 г.); 13) «Таблицы для взаимнаго обученія чтенію и письму съ руководствомъ для учителей», съ особымъ къ нимъ приложеніемъ (Спб. 1858 г. 9-е изд. 1879 г.); 14) «Ариметика для начальныхъ сельскихъ училищъ, составленная по методу Грубе» (Спб. 1859 г.; 8-е изд. 1870 г.); этимъ руководствомъ былъ данъ первый толчекъ правильному преподаванію ариметики въ начальныхъ школахъ; 15) «Бесѣды въ учебномъ фехтовальномъ - гимнастическомъ классѣ» (8 выпусковъ. Спб. 1859—1860 гг.); 16) «Руководство къ поясненію вопросовъ, выставленныхъ при упражненіяхъ въ умственномъ развитіи, которыя составляютъ 2-й отдѣлъ приложенія къ таблицамъ для взаимнаго обученія чтенію и письму» (Спб. 1860 г.); 17) «Мировѣдѣніе» (Спб. 1860 г.; 3-е изд. 1866 г.); книга, въ которой въ ясной и простой формѣ дается изложеніе астрономическихъ явленій и которая съ любопытствомъ читалась не только дѣтьми, но и взрослыми; 18) «Руководство къ ариметикѣ для употребленія въ начальныхъ сельскихъ училищахъ» (Спб. 1860 г.); 19) «Русская азбука для нѣмецкихъ и еврейскихъ школъ» (Спб. 1860 г.); 20) «Поясненіе къ картинамъ изъ священной исторіи Ветхаго Завета» (Спб. 1861 г.); 21) «54 разсказа изъ священной исторіи Ветхаго Завета, служащія поясненіемъ къ 54 картинамъ» (Спб. 1861 г.); 22) «Русская азбука съ переводомъ словъ и фразъ на жмудскій языкъ» (Совмѣстно съ Крычинскимъ; Спб. 1861 г.); 23) «Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова» (Спб. 1861 г.; 11-е изд. 1878 г.); этимъ сборникомъ 3-въ первый у насъ указалъ на то, какимъ образомъ должно пользоваться баснями для развитія ума и сердца дѣтей; 24) «Досужное чтеніе, пригодное для каждаго», съ картинами (Спб. 1862 г.; 3-е изд. 1871 г.); 25) «О грамотности въ имѣніяхъ Ея И. В. вел. кн. Елены Павловны» (письмо къ редактору «Русскаго Инвалида» 1862 г., № 103); 26) «Разсказы изъ священной исторіи Ветхаго Завета» (Спб. 1863 г.; 2-е изд. 1864 г.); 27) «Духовныя стихотворенія разныхъ сочинителей, съ замѣчаніями о ихъ жизни» (Спб. 1863 г.; 2-е изд. 1865 г.); 28) «Упраженія въ чтеніи и умственномъ развитіи» (Спб. 1863 г.; 12-е изд. 1872 г.); 29) «Исслѣдованіе крестьянской грамотности по деревнямъ Тверской, Новгородской, Тульской и Московской губерній» («Журн. М-ва Нар. Просв.» 1863 г., кн. 6, 12. — Отдѣльно: Спб. 1863 г.); 30) «Исслѣдованіе грамотности по деревнямъ» (Спб. 1863 г.); 31) «Исторія Россіи въ картинахъ». 8 выпусковъ. Спб. 1863—1868 гг.; 3-е изд. Спб. 1866—1872 гг.); 32) «Записка о сельской грамотности въ Могилевской губерніи». («Журн. М-ва Нар. Просв.» 1864 г., кн. 7. Отд. отгисскъ. Спб. 1864 г.); 33) «Наглядное обученіе: паханіе, борошеніе, жатва, молотба, вѣтряная и водяная мельница и пекарня» (Спб. 1864 г.; 6-е изд. 1874 г.); 34) «Разсказы дѣдушки Василия» (6 вып. Спб. 1865 г.; 2-е изд. 1869 г.); 35) «Первое упражненіе въ чтеніи и совѣтъ наставникамъ» (Спб. 1867 г.; 2-е изд. 1871 г.); 36) «Сборникъ для упражненія въ чтеніи рукописнаго», литографированная тетрадь съ рукописнымъ текстомъ (Спб. 1868 г.; 15-е изд. Спб. 1900 г.); 37) «Христіанское ученіе», курсъ первый (Спб. 1868 г.); 38) «Прониси для скорописнаго почерка» (Спб. 1868 г. Выдержало 12 изданій); 39) «Примѣрные уроки въ сельскомъ народномъ училищѣ» (Спб. 1870 г.); 40) «Заключительная лекція, прочитанная въ юнкерскомъ училищѣ 12 ноября» (Одесса, 1870 г.); 41) «Исторія Петра Великаго», съ 20-ю рисунками (Спб. 1872 г.); 42) «Пустынно-Успенское народное училище и его отдѣленіе» (Спб. 1874 г.) и 43) «Слово къ русскому народу дѣдушки Василия» (Одесса, 1877 г.). Кроме того, 3-въ редактировалъ «Новороссійскій Телеграфъ».

Каждое изъ названныхъ изданій носитъ на себѣ отпечатокъ зрѣлой педагогической мысли, вноситъ новый элементъ въ систему преподаванія и приспособлено къ возрасту и пониманію учащихся. Это обстоятельство и послужило причиною той распространенности, какую имѣли его изданія, разошедшіяся за 13 лѣтъ въ количествѣ 530.000 экземпляровъ.

«Пятидесятилѣтняя педагогическая дѣятельность В. А. Золотова» (Спб. 1874 г.). — «Го-

лость» 1874 г., № 48; 1882 г., № 339.—«Другъ Народа» 1874 г., № 17.—«Русскій Миръ» 1874 г., №№ 4, 59.—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1874 г., № 65.—«Русскій Художественный Листокъ» 1860 г., № 29.—«Русскія Вѣдомости» 1882 г., № 346.—«Русская Старина» 1883 г., кн. I, стр. 166, 176.—«Русскій Архивъ» 1883 г., кн. I, стр. 200.—«Народная Школа» 1883 г., № 3.—*Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. II, стр. 25—27.

Р. С.

Золотухина, Анна Ильинишна, урожденная *Сертвега*, дочь капитана артиллерии, составительница записокъ о событияхъ 1812 г., родилась въ Михайловскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи и въ 1799 г. вышла замужъ за премьеръ-маюра Матвѣя Ивановича Золотухина, который былъ на нѣсколько лѣтъ моложе ея и свой чинъ, по волѣ императрицы Екатерины II, получилъ въ самый день рожденія. Съ открытіемъ Отечественныя войны Золотухинъ поступилъ въ Тульское ополченіе, и Анна Ильинишна, горячо любившая своего мужа, рѣшила слѣдовать за нимъ въ походъ. На стоянкѣ въ деревнѣ близъ Полоцка, имѣя много свободнаго времени, она занялась описаніемъ всего того, что случилось съ ней съ тѣхъ поръ, какъ мужъ ея опредѣлился на защиту отечества. Свои «Записки» она предназначала для дѣтей своихъ, на память которыхъ съ необычайной искренностью начеркала картину тѣхъ душевныхъ переживаній и матеріальныхъ лишеній, которыя выносили жители русскихъ городовъ и деревень въ эпоху народной войны. Касаясь лишь поверхностно крупныхъ историческихъ событій 1812 г., «Записки» 3-ной интересны, какъ безхитростная хроника русской женщины, самоотверженно любившей свою семью и родину. Скончалась 3-на въ 1814 году. Спустя много лѣтъ послѣ ея смерти, «Записки» ея напечатаны были въ «Русской Старинѣ» (1889 г., № 11, стр. 259—288; 1890 г., № 1, стр. 1—20).

«Русская Старина» 1889 г., № 11, стр. 257—259.

А. I.

Золотухинъ, Александръ Николаевичъ, ген.-майоръ, изъ дворянъ Московской губерніи, родился 2 іюня 1819 г. и окончилъ курсъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1840 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики и назначенъ въ 17-ю артиллерійскую бригаду, откуда въ 1844 г.

былъ переведенъ въ 14-ю артиллерійскую бригаду. Съ этого времени началась боевая служба 3—на, сперва въ экспедиціяхъ противъ непокорныхъ горцевъ (въ Чеченскомъ отрядѣ, 1844—45 гг.), затѣмъ въ заграничныхъ походахъ въ Дунайскихъ княжествахъ (1849—50 гг.) и, наконецъ, въ Крыму (1854—55 гг.), при чемъ онъ находился въ Севастополѣ во время перваго бомбардированія этого города 5 октября 1854 г. Въ это время 3—нъ, будучи штабсъ-капитаномъ, неоднократно командовалъ батареею, выказавъ при этомъ не мало мужества, хладнокровія и распорядительности. За отличія, выказанныя при вылазкѣ въ первой дистанціи оборонительной линіи Севастополя, онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владимира 4-й ст. съ мечами и бантомъ, а за такое же отличіе въ сраженіи при Черной рѣчкѣ 4 августа 1855 г. произведенъ въ капитаны. Въ 1856 г. 3—нъ былъ назначенъ командующимъ легкою № 6 батареей 3-й гренадерской артиллерійской бригады, въ томъ же году переведенъ въ эту бригаду и въ 1859 г. утвержденъ въ должности командира ея. Назначенный въ 1877 г. командующимъ 3-й артиллерійской бригадой, онъ принялъ участіе въ Русско-турецкой войнѣ, состоя сперва въ отрядѣ кн. Имеретинскаго, а затѣмъ въ Ловче-Сельвинскомъ и Трояновскомъ отрядахъ, при чемъ за отличія при взятіи Ловчи пожалованъ былъ золотою саблею съ надписью «за храбрость», за участіе въ дѣлахъ подъ Шевною награжденъ орденомъ св. Владимира 3-й ст. съ мечами и за отличіе при овладѣніи съ боя Трояновскимъ переваломъ и взятіи Орлинскаго гнѣзда произведенъ въ ген.-майоры. Участіе 3—на въ 4-хъ кампаніяхъ не могло не отразиться на его здоровьи, которое особенно замѣтно пошатнулось по возвращеніи въ 1878 г. изъ Европейской Турціи. Скончался онъ 24 декабря 1885 г. въ Москвѣ.

«Русскій Инвалидъ» 1886 г., № 13.

Зоммеръ, Карлъ-Веніаминъ, докторъ медицины и хирургіи, происходилъ изъ мѣщанской семьи, родился въ м. Шмигелѣ, близъ Познани, 6 января (нов. ст.) 1769 г. Самостоятельно подготовившись къ университетскому курсу, 3—ръ въ 1786 г. поступилъ въ Вѣнскую медико-хирургическую академію, но, неимѣя средствъ къ существо-

ванію, вскорѣ покинулъ Вѣну, пѣшкомъ добрался до Любека и отсюда моремъ отправился въ Петроградъ. Здѣсь встрѣтилъ онъ гостеприимство въ семьѣ кол. сов. Рейнегса, который помогъ ему продолжить образованіе въ медико-хирургическомъ институтѣ. По окончаніи послѣдняго З—ръ въ 1790 г. назначенъ былъ хирургомъ во флотъ и вслѣдъ затѣмъ принялъ участіе въ походѣ въ Швецію. 29 июня въ Швенкзундѣ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ, три мѣсяца въ качествѣ военнопленнаго прожилъ въ Стокгольмѣ, а по заключеніи мира вернулся въ Петроградъ и получилъ званіе штабсъ-хирурга. Въ февралѣ 1791 г. З—ръ съ флотской дивизіей отправился въ Ригу, гдѣ вскорѣ перешелъ на службу въ госпиталь городской милиціи и занялся частной практикой. Въ Ригѣ же въ 1796 г. З—ръ напечаталъ двѣ первыя свои медицинскія работы. («Observationes miscellaneae medico-chirurgicae» и «De virtute et vi medica gratiolar officinalis Linn. in curandis morbis tum internis, tum externis»), за которыя удостоенъ былъ отъ Медицинской коллегіи степени доктора медицины и хирургіи. Позже Кенигсбергскій и Дерптскій университеты призвали за нимъ ту же степень. Съ 1797—1804 г.г. З—ръ состоялъ членомъ врачебной управы, затѣмъ служилъ врачомъ въ различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, а въ 1807 г. завѣдывалъ эвакуаціей раненыхъ изъ-подъ Прейсиш-Эйлау въ Ригу, за что получалъ чинъ надворнаго совѣтника. Въ 1812 г. онъ стоялъ во главѣ одного изъ рижскихъ лазаретовъ и въ награду за понесенные труды пожалованъ былъ (1813 г.) орденомъ св. Владиміра 4-й ст. Скончался З—ръ 26 января 1815 г.

Въ исторіи медицины въ Россіи З—ръ занимаетъ почетное мѣсто, какъ одинъ изъ первыхъ и усерднѣйшихъ популяризаторовъ идеи осповививанія. Съ цѣлью дать возможность широкимъ кругамъ мѣстнаго населенія ознакомиться съ пользой и безопасностью искусственнаго привитія оспы, имъ составлена была въ 1804 г. общедоступная брошюра на эту тему, напечатанная на трехъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ, въ количествѣ 6.000 экземпляровъ и раздававшаяся народу бесплатно. Въ 1811 г. отпечатано и роздано было еще 3.000 экземпляровъ этой брошюры. Въ качествѣ же руко-

водства для врачей имъ написаны были еще двѣ статьи по вопросу объ осповививаніи: 1) «Anweisung über Aufbewahrung des Schutzblatternstoffes und Impfen mit trockener Lympher» (Рига, 1805 г.) и 2) «Vorschrift, den Schutzblatternstoff abzunehmen, aufzubewahren und damit weiter zu impfen» (Рига, 1811 г.). Изъ другихъ научныхъ работъ З—ра извѣстны его статьи, напечатанныя въ «Medicin. Korrespondenzblatt der Allgem. medicinischen Annalen» за 1801 г.: 1) «Etwas über einige Kinderkrankheiten und ihre Behandlung», 2) «Merkwürdige Heilung einer Brustwassersucht», 3) «Geschichte einer merkwürdigen Geschwulst der Schilddrüse», 4) «Medico-chirurgische Beobachtungen» и 5) «Ueber die Atrophie und englische Krankheit der Kinder» (ibid. 1804). Въ газетѣ «Rigaische Stadtblätter» за 1810 г. имѣются также двѣ статьи З—ра: «Eine zweite Schleuse für die Stadtgräben» и «Eine seltene Operation». Наконецъ послѣ смерти автора напечатаны были еще двѣ его работы: «Geschichte eines zum zweitemale an einer Person verrichteten Kaiserschnitts» («Russ. Samml. für Naturwissenschaft und Heilkunst», 1, 4, стр. 529—539) и «Meine Krankheitsgeschichte» (ibid., II, 2, стр. 175—186).

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexikon», Mitau, 1832 г., т. 4, стр. 229—231.—«Todesfeier K. B. Sommers», Рига, 1815.

А. П.

Зоммеръ, Николай Ивановичъ, ориенталистъ, родился въ 1824 г., воспитаніе получилъ въ 1-й Казанской гимназіи, по окончаніи которой съ золотою медалью въ 1841 г. поступилъ въ число студентовъ Казанскаго университета на восточное отдѣленіе филологическаго факультета. Окончивъ курсъ въ университетѣ со степенью кандидата, З—ръ сталъ готовиться къ экзамену на магистра и въ то же время посвятилъ себя изученію китайскаго языка. Въ 1843 г. Академія Наукъ, по ходатайству извѣстнаго ориенталиста Френа, обратилась къ попечителю Казанскаго учебнаго округа Мусину-Пушкину съ предложеніемъ назначить З-ра на должность адъюнкта при Академіи Наукъ. Ходатайство это было удовлетворено, и З—ру была составлена проф. Ковалевскимъ инструкція, въ которой указывалось на необходимость ему остаться

еще на годъ при университетѣ для изученія манджурскаго, японскаго и монгольскаго языковъ, не упуская при этомъ изъ виду и языковъ европейскихъ, а затѣмъ рекомендовалось совершить поѣздки въ Парижъ и Китай. Отчеты о занятіяхъ З—ра представлялись въ Академію Наукъ, гдѣ они разсматривались членами ея, а равно были разсмотрѣны ими и планъ занятій З—ра, при чемъ планъ этотъ, одобренный въ общемъ, подвергся лишь нѣкоторымъ измѣненіямъ. Ученыя работы З—ра цѣнились Академіею Наукъ, которая черезъ секретаря своего Фуса, выражая удовольствіе З—ру за представленные имъ ученые труды, въ то же время ободряла его продолжать занятія съ тѣмъ же рвеніемъ. Но недолго З—ру пришлось работать въ его специальности: держа экзаменъ на магистра при Казанскомъ университетѣ, онъ скончался отъ холеры въ 1847 г. Изъ его работъ напечатана лишь одна: «Объ основаніяхъ китайской философіи». («Ученыя Записки Казанскаго университета», 1851 г., т. I, стр. 109—177).

В. Владиміровъ, «Историческая записка о 1-й Казанской гимназій», ч. I, стр. 42—44.—*Геннадіи*, Словарь, т. II.

Зоммеръ, *Симонъ* (*Симеонъ*), докторъ медицины, родился въ Силезіи, на царскую службу въ Россію пріѣхалъ въ 1653 г. и по царскому указу въ 1676 г. былъ произведенъ изъ лѣкарей въ докторы. Благодаря обширной практикѣ, онъ сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ врачей въ Россіи. Въ 1684 г., въ правленіе царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, З—ръ покинулъ Россію, оставивъ о себѣ хорошую память. При увольненіи своемъ онъ получилъ весьма лестную для него царскую грамоту, въ которой съ похвалою упоминалось о его 30-ти лѣтней усердной службѣ и «врачебной учености». Но недолго З—ръ оставался за границей: по приглашенію царскаго посланника въ Германію, онъ возвратился въ Москву, гдѣ и скончался въ 1690 году.

В. Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи», ч. II, стр. 297—299.

Зоммеръ, *Фридрихъ*—*Наваниль*, докторъ медицины, родился въ м. Шмигелѣ, близъ Познани, 1 іюля 1799 г., въ дѣтствѣ пріѣхалъ въ Россію и поселился въ Ригѣ у своего дяди врача, который далъ ему коммерческое образованіе. Но въ 1821 г. З—ръ рѣшилъ пойти по сто-

памъ своего, тогда уже покойнаго, воспитателя и съ этой цѣлью поступилъ на медицинскій факультетъ Юрьевскаго университета. Въ 1825 г. онъ окончилъ курсъ наукъ въ университетѣ, а въ 1829 г. защитилъ докторскую диссертацию «De versione foetus spontanea ejusque in arte obstetricia auctoritate», послѣ чего нѣкоторое время занимался частной практикой въ Аренсбургѣ, а потомъ въ Ригѣ, гдѣ въ 1836 г. назначенъ былъ на должность городского и полицейскаго врача. Скончался З—ръ 20 мая 1837 года.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten—Lexikon», Митава, 1832 г., т. 4, стр. 228; добавленіе къ словарю, Митава 1861 г., стр. 201—202.

А. Г.

Зонтагъ, *Анна Петровна*, урожденная Юшкова, другъ В. А. Жуковскаго, извѣстная дѣтская писательница (род. 6 іюля 1786 г., скончалась 18 марта 1864 года).

А. П. происходила по матери изъ рода Буниныхъ. Мать ея Варвара Аванасьевна (была замужемъ за П. Н. Юшковымъ) имѣла четырехъ дочерей—Анну (замужемъ за Е. В. Зонтагомъ), Марію (за А. М. Офросимовымъ), Авдотью (за В. П. Кирѣвскимъ, затѣмъ за А. А. Елагинымъ) и Елѣтерину (за В. А. Азбукинымъ). В. А. Жуковскій былъ братомъ по крови Варвары Аванасьевны (ея мать, урожденная М. Г. Безобразова, а мать В. А. Жуковскаго Сальха—Елизавета Дементьевна). Такимъ образомъ, А. П. была племянницей В. А. Жуковскаго. Бунины были въ родствѣ съ Вельяминовыми, Юшковыми и Протасовыми.

Богатый матеріалъ для обрисовки личности А. П. Зонтагъ даютъ: 1) «Воспоминанія о первыхъ годахъ дѣтства Василія Андреевича Жуковскаго», написанныя самою А. П., и 2) письма Жуковскаго, Протасовыхъ, Зонтагъ, Елагиныхъ, Плетнева и другихъ лицъ, состоявшихъ въ дружескихъ и дѣловыхъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ и съ потомками А. И. Бунина (отца Жуковскаго).

Исторія происхожденія «Воспоминаній» о Жуковскомъ такова. Пятидесятилѣтне писательской дѣятельности Василія Андреевича, парадно отпразднованное въ домѣ князя П. А. Вяземскаго, побудило редактора «Москвитянина» М. П. Погодина съ своей стороны принести дань своего ува-

женія Жуковскому. Онъ обратился къ Авдотѣ Петровнѣ Елагиной съ просьбой написать о Жуковскомъ въ «Москвитянинахъ». Елагина передала это предложеніе Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ. Последнею въ формѣ писемъ къ князю Петру Андреевичу Вяземскому были даны воспоминанія о первыхъ годахъ дѣтства Василія Андреевича Жуковского. Это источникъ исключительной важности для біографіи поэта. Имъ пользовались и К. К. Зейдлицъ, и Н. С. Тихонравовъ, и Загаринъ, и А. Н. Веселовскій, и В. И. Рѣзановъ въ своихъ разсказахъ о сочиненіяхъ В. А. Жуковского. Воспоминанія А. П., напечатанныя въ «Москвитянинѣ» (1849 г., № 9) подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ о дѣтствѣ В. А. Жуковского», перепечатаны были послѣ смерти Жуковского въ «Москвитянинѣ» (1852 г., № 5) со многими новыми подробностями, сообщенными въ 1849 году редактору «Москвитянина» ихъ авторомъ, но не напечатанными своевременно вслѣдствіе разныхъ соображеній. Въ «Русской Мысли» (1883 г., кн. 2) по случаю исполнившагося столѣтняго юбилея дня рожденія поэта профессоръ Висковатый перепечаталъ въ полной редакціи воспоминанія Зонтагъ, указавъ, что письма эти по существу никогда не доходили до князя Вяземскаго; письмо же съ воспоминаніями списано съ черноваго наброска Анны Петровны самимъ К. К. Зейдлицемъ. Сама А. П. въ слѣдующихъ словахъ оцѣнивала достоинства сообщенныхъ ею о Жуковскомъ свидѣній: «Если вы, писала она Погодину, найдете ихъ достойными быть помѣщенными въ «Москвитянинѣ», то прошу васъ исправить слогъ, выраженія и все, что вамъ покажется нужнымъ, кромѣ фактовъ, совершенно справедливыхъ; ихъ признастъ такими и самъ Василій Андреевичъ». Иную оцѣнку этимъ воспоминаніямъ дала А. П. Елагина, женщина вообще рѣзкая въ своихъ отзывкахъ.

«Статью о Жуковскомъ, пишетъ она, прислала не я, а знаменитая писательница для дѣтей Анна Зонтагъ, которая и обладаетъ Мишенскимъ. Досадно мнѣ, что вы приняли это за мой слогъ, я писала бы серьезнѣе; Жуковский стоитъ того»... Исслѣдователи разнымъ образомъ относились къ сообщеніямъ А. П., но новѣйшіи изъ нихъ, Рѣзановъ, съ достаточной убѣд-

тельностью окончательно доказываетъ ихъ вполне авторитетную цѣнность. Воспоминанія проникнуты прежде всего сердечностью и глубокою любовью къ поэту. «Все, пишетъ А. П., что о немъ ни скажешь, годится для всѣхъ. Такая возвышенная, благородная душа, такая чистая добродѣтельная жизнь, такое горячее, исполненное любовью сердце необходимо должны примѣрами добродѣтели наставить на добро всѣхъ, кто узнаетъ ихъ».

Описывая первые годы поэта, А. П. даетъ и обстоятельный автобіографическій матеріалъ о себѣ. «Мнѣ бы не слѣдовало говорить такъ много о себѣ; но все, пишетъ она князю Вяземскому, что случилось въ первые годы моего дѣтства, такъ тѣсно связано съ воспоминаніемъ о Жуковскомъ, что непременно приходится говорить и о себѣ. Вы, любезный князь, дѣлая извлеченіе изъ моихъ писемъ, выгородите меня,oliko возможно».

Родилась А. П. въ 1786 году при слѣдующихъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Пятаго іюля все семейство Буныныхъ, вмѣстѣ съ Петромъ Николаевичемъ Юшковымъ и Варварой Аонасовной, третьей дочерью Аонасія Ивановича, отправилось въ Москву для первыхъ родовъ Варвары Аонасовны. Поѣхали на Тулу на своихъ лошадяхъ и съ огромнымъ обозомъ, какъ тогда водилось. Но, отѣхавъ только 30 верстъ, принуждены были остановиться по причинѣ болѣзни Варвары Аонасовны. Она за долго до срока, 6 іюля родила маленькую дѣвочку, возлѣ большой дороги, въ плетневомъ сараѣ. Эта дѣвочка, слабая, хилая, не могла доставить никакой радости родителямъ, — ежеминутно ожидали ея смерти. Однако вышло не такъ. «Убѣдая, слабая малютка пережила всѣхъ. Эта дѣвочка была я! Марья Григорьевна взяла на свое попеченіе жалкую вичуку. Объ этомъ я упоминаю для того, чтобы сказать вамъ, почему и сдѣлалась товарищемъ дѣтства нашего Жуковского». Жуковский въ одномъ изъ своихъ писемъ незадолго до своей кончины называлъ А. П. своею одноколыбельницею. «Я осталась, пишетъ Зонтагъ, бабушкиной дочкой, товарищемъ Жуковского, который очень любилъ меня, часто приходилъ ко мнѣ въ горницу и, когда меня укачивали (потому что тогда маленькихъ дѣтей еще укачивали), просилъ, чтобы его положили

ко мнѣ въ колыбель, и засыпалъ возлѣ меня. По утрамъ же меня приносили въ его горницу, чтобы разбудить его, и такъ же клали въ его кровать». Привязанность дѣтей была прямо трогательна. Привила А. П. натуральную оспу (тогда еще не была извѣстна вакцина) одновременно съ Жуковскимъ, у котораго оспа не привилась. У А. П. привилась она очень сильно. Во все время болѣзни Жуковский очень часто приходилъ къ больной и трогалъ ее. Бабушка изъ всѣхъ внуковъ больше всего любила Анягу и Васю. «Анягу, говаривала она, всѣ считаютъ моею любимой, и не диковинка, что я люблю ее больше прочихъ дѣтей,— она съ минуты своего рожденія на моихъ рукахъ; но я не рѣшу, кого люблю больше—Васю или ее? Если бы мой сынъ, Иванъ Аванасьевичъ, былъ живъ, и того я не могла бы любить больше Васи». Всякое воскресенье бабушка давала Васѣ и Анягѣ по 10 копеекъ мѣдью. Онъ отдавалъ свои деньги на сохраненіе и приказывалъ, чтобы безъ его позволенія она не тратила и своихъ. Она не смѣла ослушаться, да, правду сказать еще, и не умѣла тратить. На эти деньги по затѣвѣ Жуковскаго дѣти устраивали по воскресеньямъ самодѣльную иллюминацію, которая пользовалась среди мѣстныхъ ребятъ громкой славой.

Очень интересенъ небольшой эпизодъ, записанный А. П. въ своихъ воспоминаніяхъ: маленькій Жуковский является въ качествѣ рыцаря безъ страха и упрека, защищающаго отъ насилія свою маленькую подругу. Приѣхали въ гости на иллюминацію сосѣди мальчики Игнатьевы, большой руки шалуны и буяны. «Подняли ужасный крикъ, шумъ, стукъ, бѣготню, возню... Одинъ изъ нихъ зацѣпился за меня, смотрѣвшую на нихъ, разиня ротъ, и закричалъ... «зачѣмъ здѣсь эта дѣвченка? вонъ се! мы ее приберемъ!»—и сунулись ко мнѣ, грозя мнѣ кулаками. Я бросилась къ Жуковскому, крича: «Васенька, не давайте меня!» я всегда говорила ему вы. Онъ оттолкнулъ забіякъ и грозно мнѣ сказала:—«Я не допущу бить Анягу!» Потомъ, взявъ меня на руки, посадилъ на бабушкину кровать и закрылъ завѣсомъ, подоткнувъ его подъ пуховикъ. Я дрожала и плакала, шалуны хохотали; но Жуковский былъ очень серьезенъ. «Такъ вотъ что!—сказалъ одинъ изъ Игнатье-

выхъ,—пусть она будетъ крѣпость, мы станемъ брать ее приступомъ»—«А я буду защищать ее»,—сказалъ Жуковский и, взявъ линейку, сталъ съ нею, какъ съ ружьемъ возлѣ крѣпости. Гарнизонъ былъ вдвое малочисленнѣе, но лучше вооруженъ. Нападающіе не имѣли другого оружія, кромѣ своихъ кулачишекъ, которыми они совались къ крѣпости, и были всякій разъ отражаемы энергичными ударами линейки. Мальчики оралы во все горло, я пищала: «Васенька, они и васъ приберютъ! Прогоните ихъ, не давайте меня!» Молчалъ одинъ Жуковский, *chevalier sans peur et sans reproche*. Наконецъ этотъ шумъ былъ услышанъ Елизаветой Дементьевной и моею мамушкой. Онѣ взошли, и появленіе взрослыхъ особъ въ одно мгновеніе прекратило бой.

Игнатьевыхъ не только не пригласили на вечеръ, но прогнали изъ дома. Съ тѣхъ поръ я никогда не встрѣчала и даже ничего объ нихъ не слыхала. Живы ли они бывшіе тогда шалуны—ребятишки, а теперь дряхлые старики?...» У дѣтей все было общее: и горе, и радости, и развлеченія, и работа. Первый учитель Тульскаго училища Теофилактъ Гавриловичъ Покровскій училъ и Жуковскаго и А. П. Съ переездомъ въ Тулу въ домѣ Бунныхъ образовался настоящій пансіонъ. Было множество дѣтей: 4 сестры Бунины, Жуковский, двѣ маленькія дѣвочки Павлова и Голубкова, дочь тульскаго полицеймейстера, посторонній мальчикъ одвольтка, приходившій учиться, Риккеръ, сынъ доктора, и еще три совершенно взрослыхъ дѣвушки, лѣтъ по 17, родственница Бунина, воспитанница гувернантки и бѣдная дворянка Сергѣева. Въ этой обстановкѣ и атмосферѣ накопились первыя знанія, образовывался характеръ, создавались литературные вкусы. Центральную роль игралъ Жуковский, а его правой рукой всегда была Аняга. Здѣсь-то Жуковский впервые выступилъ въ роли драматурга. Онъ сочинилъ трагедію «Камилль или Освобожденный Рымъ». Соорудили сцену и разыграли трагедію. А. П. выступила въ роли Люція Мнестора.

До 1815 года продолжалась совмѣстная жизнь друзей-сверстниковъ. Въ этомъ году Жуковский переехалъ въ Петроградъ. Обрываются и записки-воспоминанія А. П. о дѣтствѣ Василія Андреевича.

Какою теплотою звучатъ слѣдующія слова

А. П., посвященный Мишенскому, съ которыми соединены были въ дальнѣйшей жизни лучшія воспоминанія и у Жуковскаго и у Зонтага. «Тогда Мишенское было не таково, какъ теперь (1849 годъ). Тогда былъ огромный домъ съ флигелями, оранжереи, теплицы, сажалки, пруды; и хотя строеніе все было деревянное, но при тогдашнемъ нераздѣленномъ имѣніи сохранилось въ порядкѣ. Теперь все это исчезло. Строеніе сгнило и развалилось; пруды, сорвавъ плотины, ушли; сажалки поросли камышомъ. При моемъ маленькомъ состояніи я не могу исправить всего этого—и на что, для кого? Я живу совершенно одна, подъ скромною соломенною кровлей, близъ родныхъ моихъ, готовая скоро соединиться съ милыми сердцу. Мишенское все еще прекрасно своимъ мѣстоположеніемъ, а для меня имѣетъ двойную прелесть своими воспоминаніями. Здѣсь все напоминаетъ Жуковскаго. Церковь, гдѣ мы вмѣстѣ молились; роща и садъ, гдѣ мы гуляли вмѣстѣ, любимый его ключъ Гремячій и, наконецъ, холмъ, на которомъ было переведено первое его стихотвореніе: «Сельское кладбище,» вышедшее въ свѣтъ. Этотъ холмъ сохранилъ названіе: «Греева Элегія». На всю дальнѣйшую жизнь самыя близкія тѣсныя дружескія отношенія остались между поэтомъ и его подругой дѣтскихъ игръ и забавъ. Правда, Жуковскій давалъ, а Зонтагъ принимала: давалъ онъ и матеріальныя средства, и духовную заботу. Всѣ начинанія А. П. связаны всегда съ Жуковскимъ. Она совѣтуется съ нимъ о своихъ личныхъ и семейныхъ дѣлахъ, онъ даетъ ей темы для ея беллетристическихъ произведеній, онъ направляетъ ея литературные вкусы и интересы, онъ-же проводитъ ея произведенія въ печать, оказывая свою протекцію среди издателей и книгопродавцевъ. Картины ихъ духовныхъ взаимоотношеній рисуютъ многочисленныя письма самого Жуковскаго къ Зонтагъ и ихъ общимъ родственникамъ, письма А. П. къ сестрамъ, переписка Василія Андреевича съ лицами, близко стоявшими къ семьѣ Буниныхъ. Обильный матеріалъ въ этомъ отношеніи даютъ «Русскій Архивъ» и «Русская Старина». Видное мѣсто занимаетъ «Уткинскій сборникъ», изданный въ 1904 году подъ редакціей А. Е. Грузинскаго и содержащій въ себѣ письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Значительная часть личной переписки

А. П. напечатана въ отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1893 годъ: здѣсь 23 письма ея (въ высшей степени цѣнныя въ автобиографическомъ отношеніи) къ Аннѣ Михайловнѣ Павловой, рожденной Соковниной. «Уткинскій сборникъ» включаетъ въ себѣ письма, принадлежавшія М. В. Беэръ, урожденной Елагиной, и составляющія часть семейнаго архива, хранящагося въ селѣ Уткинѣ, Бѣлевскаго уѣзда Тульской губ. Изъ этого архива въ «Уткинскомъ сборникѣ» напечатаны: 1) всѣ неизданныя дотолѣ (1904 г.) письма Жуковскаго, 2) письма М. А. Протасовой Мойеръ и 3) нѣсколько писемъ Екатерины Анастасьевны Протасовой. По указаннымъ первоисточникамъ можно установить основныя фактическія данныя въ жизни А. П. и прослѣдить главнѣйшіе моменты ея духовныхъ переживаній.

Въ 1817 году А. П. вышла замужъ за Е. В. Зонтага, капитана надъ Одесскимъ портомъ: съ этого времени наступила новая пора ея жизни, связанная преимущественно съ Одессой. Семейныя заботы, личная жизнь и необходимость приспособиться къ реальной жизни отрываютъ ее отъ Жуковскаго: друзья исключительно обмѣниваются письмами, мечтая свидѣться. Но жизнь дѣлаетъ свое дѣло: въ прошломъ воспоминанія, романтическія настроенія, въ настоящемъ—заботы, проза жизни. А. П. была безусловно натура романтическая. Князь И. М. Долгорукій въ «Капищѣ моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни» даетъ такую характеристику А. П., тогда еще Юшковой: «Проѣзжая черезъ деревню ея изъ Кіева домой, я у ней былъ очень пріятно угощаемъ, и съ удовольствіемъ провелъ тамъ сутки, занимаясь стихотворствомъ и прозою. Такъ, я написалъ стихи подъ названіемъ «Мишенская долина»; они напечатаны; изъ нихъ видно, что я еще способенъ былъ къ минутнымъ восторгамъ. Юшкова одарена разными талантами, между прочимъ искусно рисовала и, написавъ красками Мадонну, подарилъ одну мнѣ: за сей подарокъ я благодарилъ ее въ стихахъ, и они напечатаны. Въ нихъ я общался не разстаться съ Мадонной, но французы посѣтили мой домъ, ограбили его и унесли картинку. Что въ свѣтѣ устоитъ противъ коловратности случаевъ? Но, потерявъ образъ, я не

потерялъ памяти той, которая мнѣ его изъ пріязни подарила, и Мишенскую долину всегда вспоминаю, какъ точку земли, на которой я провелъ нѣсколько часовъ пріятно, беззаботно и свободно». Приспособленіе къ реальной жизни, видимо, нелегко давалось молодой женщинѣ. «Какъ жаль теперь того времени, пишетъ М. А. Мойеръ, которое потеряно за попугаями и фортеціано! лучше бы было варить мыло и стирать пашгетъ». А. П. одолѣла хозяйскую премудрость. Уже въ 1820 году М. А. Мойеръ обращается къ ней съ рядомъ практическихъ вопросовъ. «Слыша, что ты купила землю въ Крыму, я чрезвычайно бы желала знать возможные подробности о тамошнихъ мѣстахъ, не только о родѣ жизни, жителяхъ и домашней экономіи, но и о внѣшнемъ хозяйствѣ. Генеральша Тучкова желала бы купить тамъ что-нибудь и просить описать величину, положеніе и родъ обрабатыванія твоей плантаціи. Имѣешь ли ты своихъ мужиковъ, или работаютъ дворовые люди на лифляндскій манеръ? Можно ли нанимать жителей, и что это стоитъ? Если ты перевезла своихъ мужиковъ, что стоила тебѣ перевозка? Мѣряютъ ли землю десятинами или какъ дорого приходится наша десятина? Уроженцы татары-ли, и очень ли лѣнливы? Гдѣ можно продавать продукты и можно-ли надѣяться на 6 проц. съ капитала? Не лучше ли поселиться въ степяхъ Одессы, если климатъ равно хорошъ? Чѣмъ насаженъ твой садъ, и какой хлѣбъ лучше сѣять? Можно ли надѣяться на пріятное общество? Вотъ, милый другъ, какая куча вопросовъ».

Семейная жизнь А. П. сложилась очень счастливо: мужа своего она любила, и смерть его вызвала у ней безмѣрную скорбь. «Возвратясь домой, пишетъ 11 сентября 1841 года П. А. Плетневъ, написалъ серьезное письмо Зонтагъ. Она, лишась мужа и оставшись въ бѣдности съ дочерью, для которой сочинила прелестныя свои повѣсти и священную исторію, спрашиваешь, чѣмъ ей заняться. Совѣтовалъ ей писать или біографіи изъ всѣхъ вѣковъ и народовъ для чтенія дѣтскаго, или рассказы изъ гениальныхъ твореній, тоже всемірныхъ и для такой же цѣли». Скорбь была сильная, но христіанская настроенность и вліяніе Мишенской среды отлили ее въ спокойное примиреніе съ жизнью. «Господь далъ намъ такъ много хорошаго въ жизни, что часто счастье наше въ

собственныхъ нашихъ рукахъ, но мы не умѣемъ ни держать его, ни имъ пользоваться». Вотъ любопытныя ея размышленія на эту тему въ тяжелую пору ея жизни.

«Къ той наукѣ жизни, о которой вамъ пишетъ Жуковскій, надобно прибавить еще и этотъ классъ. Добрый нашъ Жуковскій! Онъ все любитъ подводить подъ систему. Но какіе тутъ классы? Кто призналъ бытіе Божіе (и кто можетъ не признать его?), тотъ не можетъ не признать и воли Его. И намъ дана свободная воля, иначе бы мы не имѣли отвѣтственности за дѣла наши; но наша воля ведетъ насъ по большей части ко злу, а всемогущая воля Господня изъ самаго этого зла извлекаетъ благо. И такъ изъ этого признанія благой воли Божіей, воли всемогущей, истекаетъ все: и покорность, и смиреніе, и покой въ смиреніи, довѣренность, благодарность и любовь. Но вотъ гдѣ нужно употребить всѣ силы души, чтобы взойти на Черную Бембергскую гору. А у кого въ жизни не бываетъ своей Черной горы? Для иного она крута, для другого отложе. Иной бодрѣе, другой слабѣе; но у всякаго въ жизни есть Черная Бембергская гора. Она была и для Спасителя такъ тягостна, что, въ минуту страданія, и Онъ, Который все постигъ, еще будучи во плоти, вскричалъ: Боже, Боже мой! Вскую мя оставилъ еси? — Но, взобравшись на верхъ горы, вы видите надъ головою небеса, а у ногъ вашихъ царство Камемирское (La chaumière Indienne). Милый Жуковскій! Для него въ наукѣ жизни и самая наука и учитель были менѣе строги, чѣмъ для многихъ. И всему этому причиною его ангельская душа, исполненная благодати, кротости, смиренія, не постигающая злобы даже и въ другихъ. Зато для него цвѣтетъ жизнь въ такую пору, когда для другихъ остались одни тернія».

Тяжело примирялась А. П. съ двумя фактами: два ея самые дорогіе человѣка — Жуковскій и дочь Машенька связали свою судьбу съ людьми не русскаго происхожденія. М. Е. Зонтагъ, единственная дочь А. П., вышла замужъ за австрійскаго консула въ Одессѣ Гуманстала. Зорко присматриваясь къ укладу жизни жены Жуковскаго, А. П. ясно видѣла, что въ семьѣ великаго русскаго писателя, гордости Россіи, духъ не русскій.

«Машенька жива, и у нея родился сынъ, но не знаю, написала-ль тебѣ, что онъ крещенъ католикомъ и названъ Георгіемъ-Іоанномъ-Балтистомъ. Первое имя въ честь моего мужа, а второе въ честь зятяна вотчина, крестнаго отца новорожденнаго. Я вѣрю отъ всего сердца, что во всякой христіанской религіи можно спастись; Евангеліе, слова Іисуса Христа, одно для всѣхъ; догматы же и обряды, хотя и священны для насъ, но установлены послѣ святыми отцами. Наша церковь сохранила преданія неизмѣнными, въ Римской же много измѣнено папами; но все это не препятствуетъ спасенію! Спаситель сказалъ: «Вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте». — А всѣ христіанскія церкви вѣруютъ въ Бога и во Христа! Но для меня (не знаю, какъ Машенькѣ), горько было бы видѣть двухъ моихъ дѣтей разнаго исповѣданія! Особенно, когда знаешь, какъ Римская церковь расположена враждебно противъ нашей въ особенности»...

«Отъ Машеньки исправно получаю письма всякую недѣлю. Она долго прожила въ Вѣнѣ, а по послѣднему вижу, что собирается въ свое помѣстіе въ Карніюлю, куда пріѣдетъ къ ней и мужъ изъ Триеста доживать лѣто. Онъ надѣется получить отпускъ недѣлю на шесть. Тамъ у нея не будетъ нашей православной церкви; хотя вся Карніюлія населена славянами, но австріяцы обратили ихъ въ католицизмъ. Машенька была пропалаго года въ этомъ помѣстѣ, которое на берегу Савы, и прелестно, какъ она пишетъ. Она пошла въ приходскую церковь къ обѣднѣ, и въ концѣ службы все собраніе зашло хоромъ псаломъ на такомъ испорченномъ славянскомъ языкѣ, что она не могла понять ни одного слова, но едва могла удержаться отъ смѣха, слыша, что псаломъ этотъ вдругъ зашлѣ на голосъ русской пѣсни: «Вотъ мчитса тройка удалая». Пѣсня, которая у насъ всѣмъ уже надобна, которую жиды играли на своихъ органчикахъ и которую, вѣроятно, такимъ образомъ перенесли въ Австрію. У насъ эта пѣсня втоптана въ грязь, а тамъ она не только въ чести, но поется въ церквахъ; у насъ подъ нее, въ веселый часъ, иногда мужичекъ и запляшетъ; а тамъ подъ нее молятся. И въ самомъ дѣлѣ, надобно или расхотаться или рассердиться, видя, что

народъ молится, слушал, что тройка удалая мчитса вдоль по дорогѣ столбовой и что колокольчикъ, даръ Валдаля, гудитъ уныло подъ дугой. Это тѣмъ смѣшнѣе, что эти полуѣмцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о Валдаѣ съ его колокольчиками, ни о нашихъ ямщикахъ съ тройками и дугами; а передъ всѣмъ этимъ они молитвенно благоговѣютъ».

«Ты хочешь знать что-нибудь о семействѣ Жуковского; я еще съ нимъ не знакома, потому что не была въ Москвѣ, но изъ писемъ сестры, Екатерины Александровны Свербеевой и Парасковіи Михайловны Офросимовой знаю о нихъ многое. Дѣти, пишутъ мнѣ, чрезвычайно милы; дочь совершенная красавица; но они ни слова не говорятъ по-русски, и мать плачетъ, когда ей станутъ говорить, что надобно ихъ учить по-русски. Она паняла домъ на Полянкѣ, прекрасный домъ, и убрала его великолѣпно и съ большимъ вкусомъ всѣми статуями и картинами, давно уже перосланными покойникомъ въ Россію; впишу въ этомъ домѣ живеть хлѣбникъ нѣмецъ, дѣти котораго приходятъ играть съ малюнькими Жуковскими; прислуга у нихъ все нѣмцы, кромѣ одного человѣка, который говоритъ по-русски и служитъ переводникомъ для всего дома. Губернора для дѣтей она взяла нѣмца, бывшаго лютеранскаго пастора Зедергольма, перепеднаго въ нашу Церковь. Такъ что она живеть совершенно въ нѣмецкой колоніи. Москва ей нравится, и она стала здоровѣе, хотя очень худа. Въ этомъ мисѣдѣ она вздумала говѣть; выбрала собѣ духовникомъ священника отъ Успенья на Могильцахъ — молодого человѣка, очень умнаго, ученаго, который хорошо говоритъ по-французски и по-нѣмецки, и такъ какъ она не понимаетъ нашей службы, то не ѣдила передъ говѣніемъ въ церковь, а по слабости здоровья не держала поста, и не приготова себя ни постомъ, ни молитвою къ пріятію Святыхъ Талихъ, исповѣдалась наканунѣ и поѣхала причащаться къ Успенью. Причастную молитву священникъ читалъ ей на нѣмецкомъ языкѣ. Все это скандализировало многихъ; но кто знаетъ, можетъ статься она достойнѣе богомольцевъ и постниковъ. Все это я знаю отъ другихъ и очень желаю видѣть семейство покойнаго нашего друга и найти его достойнымъ покойника».

«Знакомствомъ съ матерью (жена Жуковскаго) я не совѣмъ осталась довольна, не нашедъ въ ней того, что надѣялась видѣть въ женѣ драгоцѣннаго нашего друга. Она очень гордится тѣмъ, что она урожденная фонъ-Рейтернъ, когда имѣла бы полное право гордиться именемъ своего мужа. Дѣти прекрасныя, особливо мальчикъ, который очень похожъ на отца и который кротокъ, добръ и ласковъ. Дѣвочка красавица и, кажется, уже это знаетъ... Да впрочемъ какъ и не знать! Напиши мнѣ, какъ ты найдешь это драгоцѣнное семейство»...

Послѣдній періодъ своей жизни А. П. провела въ своемъ дорогомъ Мишенскомъ. Чисто христіанская жизнь, заботы о крестьянахъ, церкви и школа, литературныя работы, сосредоточенное философское созерцаніе и мысли о дорогомъ Жуковскомъ наполняютъ богато ея жизнь. Слѣдующіе выбранныя отрывки изъ ея писемъ къ разнымъ лицамъ вышукло характеризуютъ эту красивую цѣльную жизнь на склонѣ лѣтъ.

«Міръ Божій прелестенъ! Диковинна созданная Его могуществомъ вселенная! И въ этомъ мірѣ такъ было бы хорошо жить, если бы побольше было въ челоуѣцѣхъ благоволенія. Въ прошедшій великій праздникъ, начало нашего спасенія, сонмъ ангеловъ пѣлъ: миръ на землѣ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе! И такъ не міръ изгналъ миръ, но люди за недостаткомъ благоволенія!.. Не станемъ клеветать на прекрасный міръ, но возложимъ вину на виновныхъ: на людей! Знаю, что въ Евангеліи сказано: миръ Мой даю вамъ, не якоже міръ даетъ... И опять: сн не отъ міра суть!—Но это языкъ славянскій, а на нашемъ русскомъ разумѣемъ міромъ вселенную, а не свѣтъ».

«Ты спрашиваешь, люблю-ли я нынѣшній вѣкъ? Право на это не знаю, что сказать тебѣ. Мнѣ кажется, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ какъ между молодыми людьми, такъ и между молодыми женщинами и дѣвушками очень много эгоизма. Мужчины всѣ заняты или денежными расчетами или расчетами честолюбія, или, Богъ знаетъ, какими-то странными идеями филантропізма. Всякій хочетъ стать во главѣ какого-то огромнаго филантропическаго переворота, между тѣмъ какъ лѣнится дѣйствовать съ пользою въ своемъ маленькомъ кругу. Никто не думаетъ о томъ,

что, для составленія сота, каждая пчела приноситъ по капелькѣ меда. Хорошіе люди не хотятъ служить, для того чтобы не быть въ столкновеніи съ дурными, и такимъ образомъ оставляютъ злу совершенный просторъ. Между тѣмъ такая гордость! Никого не хотятъ знать выше себя, никого не хотятъ уважать ни по лѣтамъ, ни по заслугамъ, потому что считаютъ себя умнѣй стариковъ, т. е. ученѣй, и вѣрнѣе не хотятъ, чтобы опытность отцовъ часто могла быть лучше науки сыновей. *Malheureusement l'expérience des pères est toujours perdue pour les enfants!*—Молодое же поколѣніе прекраснаго пола, хотя и гораздо образованнѣе прежняго, но научталось Жоржъ Зандъ съ братьею и хочетъ быть эмансипировано. Вообще, кажется, теперь совершенно не уважаютъ того, что мы въ свое время называли долгомъ и противъ чего не смѣли проступиться. А всему этому причиною не духъ времени, какъ говорятъ, а мы сами, родители. Мы слишкомъ почитали младенчество дѣтей нашихъ, слишкомъ много показывали радости, видя ихъ успѣхи, слишкомъ уничтожались передъ ними; и дѣти, видя все это, привыкли считать себя важными лицами, а родителей ничтожными. Я до этого не доживу, но у новаго избалованнаго поколѣнія дѣти не будутъ ведены такъ. Папеньки и маменьки будутъ больше значить, и должно надѣяться, что все пойдетъ лучше и что, наконецъ, узнаютъ, какъ важно покоряться законной власти».

«Живу я попрежнему очень смиренно и смиренно. Почти цѣлые дни просиживаю одна за работою, или за книгою. Петерсоны приходятъ ко мнѣ къ обѣду и вечеромъ къ чаю, послѣ котораго мы уже сидимъ до половины одиннадцатаго часу вмѣстѣ. Я, домашній чтець, читаю имъ что-нибудь вслухъ. Я не такъ строга, какъ ты, мой другъ, я позволяю себѣ свѣтское чтеніе и слѣдую за всею современною литературою, находя, что вездѣ, кромѣ Англій, она въ упадкѣ. А у насъ такъ искажаютъ нашъ славный русскій языкъ и нашу грамматику, что не знаешь, какъ и писать. Но я держусь старины. Теперь *увидалъ, услышалъ*, за что бывало насъ бранивали, попадаютъ на каждой строчкѣ, и какъ по-моему неправильно, не только что неблагозвучно. *Видалъ, слышалъ* показываетъ дѣйствіе, много разъ совершившееся, а къ нему прибавляютъ *у!* Не больше ли

логически будетъ прибавить это у просто къ прошедшему, тогда оно лучше означитъ однократное: *увидѣлъ, услышалъ*. Вотъ и заключаю этимъ грамматическимъ разсужденіемъ!»

«Я между тѣмъ, сидя одна одиноконька, и не въ состояніи будучи употреблять въ дѣло мою лѣвую руку, не имѣю другого занятія, какъ только читаю да пишу. Это утомляетъ мои глаза; да вѣдь надобно же что-нибудь дѣлать! Я переписываю для новаго изданія (когда-нибудь) всѣ сказки и повѣсти, которыя издала для дѣтей, свои и переводныя. Написала уже шесть томовъ, а еще остается три, по крайней мѣрѣ. Сама не надивлюсь, когда это я успѣла столько наваракать. Прибавъ къ этому 2 тома Священной Исторіи и 5 томовъ біографій! А кажется, что я какъ будто мало трудилась. Кромѣ Священной Исторіи и біографій, прочее все писано и переведено между дѣлъ, сама не знаю какъ. И сколько еще неизданнаго! У Смирдина пропадаютъ 2 тома прекраснѣйшихъ народныхъ русскихъ сказокъ, которыхъ у меня не осталось списковъ, чего мнѣ очень жаль».

«Написала и я на старости лѣтъ стишонки для моей внучки, которая очень любитъ гармонію стиховъ и, слушая ихъ, никакъ не вѣрила, что ихъ читаютъ, а не поютъ. Она просила меня однажды: «Бабушка, спойте мнѣ что-нибудь». — «Ни, другъ мой, я пѣть не умѣю, и никогда не пою! попроси маменьку!» — «Маменька поетъ пѣсни, а вы, бабушка, помните пѣли мнѣ сказочки о дѣтяхъ, которыя играли, о зимѣ, о бабочкѣ и пчелкѣ? Спойте еще что-нибудь!» — И это значило читать ей стихи; потому что прозу она называетъ чтеніемъ. Итакъ, я написала для нея стишонки «Къ звѣздочкѣ», потому что она любитъ разглядывать ночью свѣтила небесныя. Я сообщаю тебѣ ихъ; исповѣдуюсь, какъ въ грѣхъ, за который на меня сердилась моя Машенька. Тебѣ то я готова признаться, по мнѣ совѣстно передъ твоими дѣтьми, которыми ты читаешь мои письма, какъ будто журнальный листокъ! Но что вужды! Вѣдь хуже не будетъ, какъ покритикують; а я написала этотъ вздоръ для забавы ребенка, а не для славы».

«Вотъ, мой другъ, теперь главное занятіе моей жизни устраивать благоденствіе вѣрннхъ мнѣ Богомъ людей и устраи-

вать для нихъ самихъ, безъ всякихъ личныхъ выгодъ, потому что я не имѣю надежды передать дочери или внучкѣ мое имѣніе родовое. Послѣ моей смерти оно поступитъ въ казну, а наслѣдникамъ моимъ выдадутъ по 400 руб. асс. за ревижскую душу. Это потому, что Машенька вышла замужъ за иностранца»...

«Рекрутъ моихъ я отдала и оплакала; а они, прощаясь со мною, говорили: гдѣ бы мы ни были, мы все будемъ ваши! Это меня еще пуще растрогало».

«Теперь у меня очень много дѣла, и весьма важнаго: оказалась необходимая перестройка въ моей церкви, въ тепломъ придѣлѣ, которую должно кончить до зимы, и я за этой передѣлкою очень надсматриваю. Приходъ мой очень бѣденъ, слѣдственно всѣ издержки должны быть сдѣланы на мой счетъ; а я и сама, какъ тебѣ извѣстно, не богата, и сверхъ того проплато года у меня былъ совершенный неурожай, такъ что я должна была кормить крестьянъ и дать имъ овсяныя сѣмена. Можно сказать, что весь этотъ годъ не деревня меня кормила, а я кормила деревню, и, благодаря Бога, на все у меня стало денегъ. На этотъ случай мнѣ пришлось продать новое шестое изданіе Священной Исторіи, которую господа цензоры, къ великой моей досадѣ, ужасно исказили; но все-таки я за нее получила деньги, на которыя жила сама, кормила моихъ крестьянъ и теперь, къ несказанному удовольствію, на мой трудовыя деньги перестраиваю храмъ Божій. Живу теперь въ такомъ домѣ, гдѣ потеря 200,000 руб. принесетъ чувствительный убытокъ, а не разореніе, ты думаешь, что я получила золотыя горы отъ книгопродавца. Нѣтъ, мой другъ! Всего 3000 руб. сер., да и тѣ разорочены на два года! Но наша братья, недостаточный людъ, умѣетъ по одежкѣ протягивать ножки. Я приготовила было эти деньги на то, чтобы покрыть тесомъ мой домишко, потому что сквозь соломенную кровлю иногда пробиваетъ дождь; но теперь останусь при скромной моей кровлѣ. Церковь нужнѣе дома, и она нужна не одной мнѣ»...

«Что касается до моей школы, то ты, другъ мой, очень ошибаешься въ причинѣ ея заведенія. Ее завела не я и не Петерсонъ, а наша молоденькая попадья, можетъ стать нѣсколько изъ филантропіи, но больше для своей выгоды. Каждый ученикъ

ей платить огромную сумму за свое шестимѣсячное ученье, т. е. отъ Покрова до Пасхи (когда уроки прекращаются на все лѣто), по одному рублю серебромъ. За 15 человѣкъ она получаетъ къ Пасхѣ 15 цѣлковыхъ и считаетъ себя богатѣе Креза. На эти деньги она умѣетъ нарядить къ празднику всю семью. Я же поддерживаю всѣми силами эту школу по долгу христіанства. Тутъ не учатъ ничему, какъ только читать, писать, считать и катехизисъ, который стараются объяснить ученикамъ, елико возможно, понятнѣйшимъ для нихъ образомъ. По крайней мѣрѣ это новое поколѣніе будетъ имѣть понятіе о религіи лучше, нежели ихъ отцы, которые, поднимая къ себѣ въ дома образа, говорятъ, что они принимаютъ боговъ. Вѣдь это сущее идолопоклонство! И не всякой ли помѣщикъ обязанъ развить религіозное чувство въ своихъ крестьянахъ? Эти души, которыя намъ ввѣрены по власти Божіей, не для того даны намъ только, чтобы обрабатывать нашу землю и платить намъ оброкъ, но и для того, чтобы мы неклись о ихъ благѣ временномъ и наставляли ихъ на правый путь, который привелъ бы ихъ къ блаженству вѣчному. Конечно, это благо дѣло священниковъ, пастырей душевныхъ, но помѣщикъ обязанъ помогать въ этомъ дѣлѣ священникамъ и ободрять ихъ. Итакъ, я не изъ филантропіи дѣйствую, а по долгу, по совѣсти. Конечно, я сердечно радуюсь всему доброму, что замѣчаю въ людяхъ, но все-таки не хочу быть филантропкою нынѣшняго вѣка, дѣлающею все на показъ. Помнишь мой старинный девизъ, который вы съ Катериной Михайловной велѣли вырѣзать для меня на печати: тамъ была лампада съ надписью: не блескъ, но польза. Эта милая мнѣ печатка затерялась, исчезла въ бурю бѣдъ. Но я все-таки держусь моего девиза не блестя, но свѣтитъ потихоньку».

«Богъ послалъ мнѣ великую радость: отецъ Порфирій, нашъ архимандритъ, посланный на Востокъ, бывший мой духовный отецъ, проѣзжалъ изъ Іерусалима черезъ Одессу въ Кіевъ и, узнавъ, что я тутъ, поспѣшилъ со мною видѣться. Это нечаянное свиданіе меня чрезвычайно обрадовало. Наконецъ и еще удовольствіе: я познакомилась съ нашимъ русскимъ Златоустомъ, преосвященнымъ Иннокентіемъ, здѣшнимъ епископомъ.

Халъно пріѣхала къ нему. Онъ, не имѣя обо мнѣ никакого понятія, принялъ меня очень радушно. Я хотѣла было сдѣлать ему визитъ, но онъ прoderжалъ меня часа два. Въ это время разговаривалъ обо всѣхъ возможныхъ предметахъ столь же поучительно, какъ и пріятно, и съ величайшею простотою; а по-моему простота есть необходимая принадлежность гениа. Наконецъ, прощаясь сказалъ: «навѣщайте меня. Келія моя всегда для васъ открыта».

Но среди всѣхъ этихъ заботъ и занятій мысли А. П. постоянно обращаются къ Жуковскому.

«Онъ велѣлъ мнѣ, для составленія собственныхъ записокъ, писать воспоминавія нашего дѣтства; я дѣлаю это съ удовольствіемъ; припоминаю весь ребяческій вздоръ и отправляю въ нему частехонько предлинныя посланія, которыя напоминаютъ ему веселое прошедшее, и онъ не только съ удовольствіемъ читаетъ мои воспоминавія, но даже бережетъ ихъ и хочетъ перечитывать. C'est plus que je ne fais, car je ne fais pas de brouillon et je lui envoie mes lettres sans même les relire. Вѣроятно, въ нихъ даже множество описокъ. Онъ очень занимается ученіемъ своей дочки. Хочетъ начинать учить своихъ ребятшекъ по-русски. Не правда ли, что это больно? Жуковскаго дѣти еще не знаютъ ни одного русскаго слова, и родной ихъ языкъ нѣмецкій. Пора, пора ему возвратиться на родину! Да, мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ возвратился въ настоящую родину, а не въ Дерптъ, какъ онъ того хочетъ. Хотя Дерптъ и—Юрьевъ, но все-таки онъ населенъ нѣмцами и тамъ дѣти его останутся нѣмцами и выучатся не любить русскихъ и Россію, потому что лифляндцы насъ не любятъ».

«Конечно, обстоятельства его (Жуковскаго) много перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ онъ отдалъ всѣ свои деньги больному нищему, а съ обстоятельствами, по необходимости, должны перемѣниться и дѣйствія человѣка. Тогда онъ былъ одинъ, молодой человѣкъ, извѣстный только по своему прекрасному дарованію. Тогда ему не совѣстно было занять мундиръ у пріятеля, чтобы предстать Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ; тогда ему нисколько не было предосудительно искать обѣда у знакомыхъ, если не было его дома; и всякой былъ счастливъ, вида Жуков-

скаго за столомъ своимъ. На что ему были нужны деньги! Развѣ на то, чтобы купить новую книгу.—Но послѣ, хотя онъ сталъ и богаче, и имѣлъ уже доходъ вѣрный, ему стало невозможно такъ транжирить. Онъ былъ не только извѣстный поэтъ, но сдѣлался и государственный человѣкъ, воспитатель Наслѣдника Русскаго Престола. Тутъ ужъ онъ обязанъ былъ къ нѣкоторому представленію. И несмотря на то, онъ содержалъ большую Воейкову, свою крестницу, въ чужихъ краяхъ по самой смерти ея; онъ составилъ для старшей ея дочери, изъ собственныхъ денегъ, капиталъ въ 40.000 р. асс.; онъ давалъ пенсію многимъ извѣстнымъ мнѣ людямъ и, наконецъ, въ 1839-мъ году, во время Бородинской годовины, гдѣ онъ долженъ былъ присутствовать со всѣмъ Дворомъ, онъ продалъ свою карету для того, чтобы выкупить на волю одного очень даровитаго музыканта, извѣстнаго въ Москвѣ, котораго баринъ его опредѣлялъ въ поваря. Теперь же онъ женатъ и имѣетъ двухъ дѣтей. Деньги его нужны для семейства, и несмотря на то, развѣ онъ не отдалъ 1000 руб. асс. отъ пенсіи, которую получаетъ отъ Императрицы Александры Осодоровны, въ мою пользу, потому что узналъ, что послѣ кончины Егора Васильевича я осталась въ очень тѣсныхъ обстоятельствахъ, и эту пенсію отдалъ такъ, что я не могла отъ того отказаться, потому что получила и треть годовою пенсіи и увѣдомленіе объ этомъ изъ Императрициной канцеляріи. Узнавъ о Машенькиной свадьбѣ, развѣ онъ не прислалъ ей на приданое все то, что получилъ за Наля и Дамаянты? И это ужъ будучи женатъ. О! Жуковский сохранилъ, среди всѣхъ каверзъ, которыми былъ окруженъ, всю ту же чистую, благородную, незлобивую душу! Теперь можетъ статься она еще свѣтлѣе прежняго, потому что онъ сдѣлался очень пажоженъ. Если бы Господь привелъ свидѣться съ нимъ, хотя еще разъ на семь свѣтъ!...

Литературные вкусы у А. П. сложились довольно рано. Конечно, въ этомъ отношеніи большое вліяніе оказала литературная настроенность вообще Бунинскаго дома. Сказалось тутъ сильнѣйшимъ образомъ и вліяніе Василя Андреевича. Слѣдя съ большимъ интересомъ и живѣйшимъ участіемъ за наросставшими лите-

ратурными успѣхами Жуковского, А. П. незамѣтно для себя втянулась въ литературу и почувствовала сильнѣйшее влеченіе къ самостоятельнымъ литературнымъ занятіямъ. Въ Одессѣ, вскорѣ по выходѣ замужъ, она усердно посѣщала литературные вечера Варвары Дмитріевны Казначеевой и на этихъ вечерахъ познакомилась съ А. С. Пушкинымъ. А. П. обладала прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Темы для работъ, общее руководство ими и литературную рекомендацію давалъ и оказывалъ ей неизмѣнно Василій Андреевичъ. А. П. составила себѣ крупную извѣстность, какъ писательница для дѣтей разныхъ возрастовъ. Разнообразны ея темы и сюжеты. Отъ рассказовъ отдаетъ иногда излишнимъ правоученіемъ, тенденція правоучительная выступаетъ слишкомъ паружу, дѣти слишкомъ добродѣтельны, пороки излишне каррикатуренъ. Достоинство рассказовъ въ ихъ чистотѣ. За сюжетомъ и дѣйствующими лицами чувствуется всегда присутствіе добраго, честнаго и благороднаго автора. Хорошая христіанская настроенность проникаетъ все изложеніе. У автора всегда замѣтна мысль, что дѣтское чтеніе должно быть соодиноно съ пріобрѣтеніемъ положительныхъ свѣдѣній. Въ книгахъ наглядно описываются въ общихъ чертахъ нѣкоторыя ремесла и производства, даются картины изъ жизни животнаго и растительнаго царства. Особенно большую извѣстность получила «Священная Исторія для дѣтей», выбранныя изъ Ветхаго и Новаго Завета. Книга выдержала девять изданій и до настоящаго времени остается, быть можетъ, лучшимъ руководствомъ при прохожденіи курса Закона Божія. Кромѣ блестящаго языка, простоты изложенія, теплоты передачи, авторомъ проявленъ изумительный тактъ въ выборѣ матеріала, особенно въ области ветхо-завѣтныхъ фактовъ. Вотъ отзывъ объ этой книгѣ извѣстнаго знатока дѣтской литературы Ф. Толля. «Превосходная книга эта должна быть во всякомъ семейномъ домѣ, въ которомъ раннее чтеніе священной исторіи почитается необходимымъ. Въ особености вторая часть ея, въ которой новозавѣтная исторія изложена перомъ мастера, скоро сдѣлается настольною книгою всякаго неиспорченнаго и способнаго ребенка. Въ каждой изъ частей «Священной исторія для дѣтей» сохра-

нелъ свойственный имъ духъ и колоритъ: первая проникнута духомъ ветхозавѣтной древности и запечатлѣна характеромъ сѣдого поэтического преданія, вторая— вся дышитъ христіанскою любовію и носитъ печать біографическаго повѣствованія о сіяющей личности Христа. Оттого онѣ и могутъ удобно служить введеніемъ къ чтенію самой бібліи и самого евангелія, которыя, по языку своему, сначала покажутся дѣтямъ, привыкшимъ къ однимъ повѣстямъ и рассказамъ, не вполне понятными и отчасти странными. Цѣлью же, во всякомъ случаѣ, должно быть чтеніе самого св. писанія, ибо, какъ ни хороша книга г-жи Зонтагъ, она не въ состояніи замѣнить книги, на которой создано христіанство. Итакъ, вполне рекомендуя книгу г-жи Зонтагъ, мы однако нисколько не думаемъ, чтобы она могла замѣнить для дѣтей чтеніе подлиннаго евангелія въ нѣсколько позднѣйшемъ возрастѣ. Христіанство, при вступленіи человѣка въ жизнь, даетъ ему готовую форму вѣрованія: но всякій вправѣ требовать, чтобы эта форма вѣрованія представлялась ему въ первоначальномъ ея видѣ, безъ посредства чужихъ толкованій. Нельзя отрицать у г-жи Зонтагъ умѣнья выразить духъ и сущность христіанства, но она выражаетъ ихъ такъ, какъ поняла сама. Другой, можетъ быть, пойметъ эту сущность нѣсколько иначе; а потому не слѣдуетъ воспрепятствовать ему черпать изъ того же перваго источника. Къ сожалѣнію, книга г-жи Зонтагъ довольно дорога и многимъ недоступна. Такого рода изданія должны бы продаваться по возможно дешевой цѣнѣ». А. П., издавъ «Священную исторію» для дѣтей, явилась пионеркой въ этомъ дѣлѣ—изъ профессиональныхъ рукъ духовенства писаніе учебниковъ по Закону Божію переходило въ руки матери, знающей дѣтскую душу. Вполнѣ понятно, какъ косо на это дѣло посмотрѣло духовенство. Тѣмъ не менѣе отзывъ профессора церковной исторіи протоіерея Іоакима Кочетова на «Священную исторію» Зонтагъ довольно благопріятенъ. Въ 1839 году А. П. представила свою книгу на восьмое соисканіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. Указавъ рядъ богословскихъ промаховъ, отецъ Кочетовъ заканчиваетъ свой отзывъ слѣдующими словами: «Когда такое, новое, исправленное и пополненное

изданіе рассмотрѣнной теперь книги будетъ представлено для соисканія награды, тогда съ должною основательностію можно будетъ опредѣлить: полную, или половинную премію изъ суммы г-на Демидова назначить ея сочинительницѣ. Теперь же, по совѣсти, я никакъ не могу сказать объ ней, что она можетъ стать наряду съ лучшими сочиненіями въ своемъ родѣ у насъ въ Россіи, чего требуетъ положенія о наградахъ статья VII, пунктъ 4-й. Впрочемъ, если бы и теперь Академіи Наукъ благоугодно было, принявъ въ должное уваженіе: а) трудъ г-жи Зонтагъ въ изданіи книги, составляющей два тома, б) похвальное усердіе ея написать такую книгу для дѣтей, в) хорошія мѣста книги, которыхъ въ ней гораздо больше, нежели недостатковъ, е) равно и то, что писателей полезныхъ книгъ у насъ довольно много, а писательницъ очень мало, и при томъ недостатки книги ея извинивъ неопытностію ея въ избранномъ предметѣ, назначить ей какую-либо часть изъ Демидовской преміи для поощренія ея къ полезнымъ занятіямъ: такое благоснисхожденіе важнаго Ученаго сословія къ благонамѣренной сочинительницѣ, конечно, было бы принято подобными ей соискателями награды безъ всякаго негодованія. Нѣтъ ни одного произведенія человѣческаго, которое бы не имѣло нужды въ благоснисхожденіи дѣятелей онаго». «Священную исторію» для дѣтей можно считать лучшимъ произведеніемъ А. П. Она же дала ей матеріальное обезпеченіе, по ея собственному признанію.

«И въ хорошіи годъ весь доходъ мой не превышаетъ 9 тысячъ рублей монетою, а нынѣшній годъ, несмотря на высокія цѣны, и того не будетъ, потому что урожай очень плохой. А изъ моего дохода я должна отсылать ежегодно 1.040 р. серебромъ въ Опекунскій совѣтъ, т. е. 3.640 р. монетою; 2.100 р. монетою дочери, въ прибавокъ къ маленькому капиталу, который я дала ей. Сдѣлай маленькое вычитаніе и увидишь, много ли мнѣ остается на содержаніе дома, на жалованье людямъ и пр.. Изъ этой маленькой суммы мнѣ совершенно нечего удѣлить на путешествіе, а дорога въ Одессу стоитъ дорого! И я никакъ бы не могла свести концы съ концами, несмотря на всю мою бережливость, если бы Господь не наградилъ меня за то, что я передала слово Его языкомъ, понятнымъ для дѣтей.

До сихъ поръ было напечатано моей «Священной исторіи» четыре изданія, каждое въ 2.500 экземпляровъ, и за каждое изданіе мнѣ платили по 2.500 руб. монетою; теперь у меня покупаютъ еще пятое изданіе въ 3.600 экземпляровъ и даютъ мнѣ за него 1.000 руб. сер. Жаль только, что деньги будутъ заплачены не вдругъ, а по срокамъ. Это очень кстати въ неурожайный годъ».

«Литературные труды А. П. пользовались въ свое время широкою извѣстностью, показателемъ чего могутъ служить многочисленные отзывы о ея книгахъ, которые появлялись въ періодической печати того времени. Вотъ хронологическій списокъ трудовъ А. П. съ указаніемъ отзывовъ о нихъ въ печати.

1. Переводъ книги: «Эдинбургская темница» Вальтера-Скотта. П. 1825. Отзывъ о книгѣ: «Московский Телеграфъ» 1825, № 22.

2. «Дѣвица Березница, сказка для дѣтей»; переводъ съ нѣмецкаго Анны Зонтагъ. Одесса 1830 г.

3. Сказка «Слуга и Господинъ». («Одесскій Альманахъ» на 1831 г.).

4. «Повѣсти и сказки для дѣтей», Анны Зонтагъ, Спб. ч. I 1832 г.; ч. II 1833 г. и ч. III 1834 г. Отзывы: «Библиотека для Чтенія» 1836, томъ III, отд. 6; т. VII, отд. 6 и «Сѣверная Пчела» 1844 г., № 25.

5. «Блестящій червякъ, нравоучительная повѣсть для дѣтей, сочиненная Анною Зонтагъ, издательницею «Повѣстей для дѣтей перваго и втораго возрастовъ». (1834 г.). Отзывъ: «Библиотека для Чтенія» 1834, т. 6, отд. 6.

6. «Собраніе нравоучительныхъ повѣстей. Сочиненія Беркея, Кампе, Гизо, Г-жи Зонтагъ». Перев. съ француз. (1835 г.).

7. «Дѣтская библиотека, содержащая въ себѣ: любопытныя и нравоучительныя повѣсти многихъ иностранныхъ авторовъ съ присовокупленіемъ повѣсти «Голубокъ», сочиненіе Г-жи Зонтагъ». Перев. съ франц. М., 1835 г.

8. «Священная исторія для дѣтей; выбранная изъ Ветхаго и Новаго завѣта Анною Зонтагъ». 2 части, Спб. (1837). 2 изданіе М. 1841 г. 3 изданіе Спб. (1843). 4 изд. (П. 1845), 5 изд. (П. 1849), 6 изд. (П. 1853), 7 изд. (М. 1860), 8 изд. (М. 1864), 9 изд. (М. 1871), Отзывы: «Литерат. приб. къ Русскому Инвалиду» 1837, № 41; VIII-е при-

судъ Демидовскихъ наградъ 1839, ст. 183—200 (статья Кочетова); «Сѣверная Пчела» 1837, № 177; «Москвитянинъ» 1849, № 13, ст. 9—10; Ф. Толль, «Наша дѣтская литература», ст. 157; «Библиотека для Чтенія», т. 23. отд. 6; 6) «Отечественныя Записки» 1845, т. 40, отд. VI; «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1839, ч. 24, отд. 3.

9. «Видѣніе Мирзы: Восточная повѣсть. А. Зонтагъ». («Одесскій альманахъ на 1839 г.). Отзывъ: «Библиотека для Чтенія» 1839, т. 33, отд. 6.

10. «Три комедіи для дѣтей». Соч. Анны Зонтагъ. Спб., 1842. Отзывы: Плетневъ, Сочиненія, т. 2, стр. 34. (Мелкіе критическ. разборы); «Современникъ» 1842 г., т. 26, стр. 57; «Отечеств. Записки», т. 20, отд. 6, «Сѣверн. Пчела» 1844, № 25; Брандтъ, «Опытъ библиографіи обзора русской литературы». Спб. 1842.

11) «Новыя повѣсти для дѣтей». Соч. Анны Зонтагъ. Спб. 1844. Отзывы: «Москвитянинъ» 1844, ч. 1, № 2, ст. 570; «Отеч. Зап.» 1844, т. 32, отд. 6; «Современникъ» 1844, т. 33, стр. 333; т. 34, ст. 103.

12. «Сказки въ видѣ альманаха Свѣтлое Воскресенье». П. 1844.

13. Альманахъ «Гостиноецъ» (1830) А. Зонтагъ. «Весеннее утро». «Лѣтній вечеръ». «Зимній вочертъ».

14. Переводъ книги Чарльза Диккенса. Исторія Англии. П. 1860. Отзывы: «Звѣздочка» 1861, ч. LXV, № 93, стр. 231—251; «Книжный Вѣстникъ» 1861, т. 9, № 2, стр. 30—31; Толль, «Наша дѣтская литература» 1862, ст. 160—161; «Русскій Инвалидъ» 1863, № 175.

14. «Подарокъ дѣтямъ въ день Свѣтлаго Воскресенья, или собраніе дѣтскихъ повѣстей для перваго возраста». А. Зонтагъ. Съ 10 картинами. М. 2 части. 1861. Отзывъ: Ф. Толль, «Наша дѣтская литература», Спб. 1862, стр. 73.

15. «Сочельникъ предъ Рождествомъ Христовымъ, или собраніе повѣстей и разсказовъ для дѣтей». А. Зонтагъ (ур. Юшкова). Съ 10 карт. 2 ч. М. 1864. Отзывъ: «Книжный Вѣстникъ», 1869, ст. 171.

16. «Дѣтскій театръ, или собраніе дѣтскихъ комедій», изд. А. Зонтагъ (ур. Юшковой). Съ 6 карт. М. 1865.

17. «Волшебная сказка для дѣтей перваго возраста». А. Зонтагъ. Съ 8 карт. М. 1862. То же Изд. 2-е. М. 1871. Отзывы:

Толль, «Наша дѣтская литература». СПБ. 1862, ст. 64; «Учитель» 1869, №№ 9—10, ст. 330—335; «Книжный Вѣстникъ» 1862, ст. 30.

18. «Дѣтскій театръ, или собраніе дѣтскихъ комедій съ карт.» Ан. Зонтагъ. М. 1879. Отзвѣвъ: В. Соболевъ, «Педагогическій Сборникъ» 1882, № 2, ст. 308.

19. «Сочельникъ предъ Рождествомъ Христовымъ, или собраніе повѣстей и разсказовъ для дѣтей старшаго возраста». Ан. Зонтагъ. Съ 8-ю карт. 1880.

20. «Бальзакъ въ Херсонской губерніи». Разсказъ А. П. Зонтагъ. («Современникъ» 1838, т. XII, стр. 22).

21. Разсказъ А. П. Зонтагъ о Жуковскомъ («Русскій Архивъ» 1883, № 1, ст. 320—323).

Голлицынъ, «Словарь русскихъ писательницъ». — *Геннадіи*, Словарь. — *Венгеровъ*, «Источники словаря русскихъ писателей», т. II. — *Ефремовъ*, Материалы. — *Вигель*, «Воспоминанія», ч. 7, гл. 9, ст. 462. — *Киртвевскій*, «Подарокъ бѣднымъ на новый годъ». Одесса 1839. — *Кн. П. М. Долгорукий*, Сочиненія 1828, т. 2, стр. 130. — *И. В. Киртвевскій*, Сочиненія, т. I, стр. 130. — *П. А. Плетневъ*, Сочиненія, т. 3, стр. 470, 474, 520—521, 527, 534—535, 537, 608, 656—659. — *Его же*, «О жизни и сочиненіяхъ Жуковского». М. 1853, ст. 64, 83 и 88. — *А. Галаховъ*, «Исторія русской словесности». СПБ. 1859, стр. 13. — *А. С. Пушкинъ*, Сочиненія. — «Московский Телеграфъ», 1880, ч. 33, № 11, стр. 394—400. — «Сверная Пчела» 1830, №№ 109, 114 (Письмо въ Дерптъ о дѣвицѣ Зонтагъ и Письмо къ издателю). — «Москвитянинъ» 1844, ч. II, № 3, с. 78. (Письмо къ редактору); 1849, № 9. (Воспоминанія) и 1852, № 18. — Осьмое присужденіе учрежденныхъ *П. Н. Демидовымъ* наградъ 17 апрѣля 1839 г. СПБ. — «Русская Мысль» 1883 г., ст. 266 и слѣд. — *В. И. Рязановъ*, «Изъ розысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковского» («Ж. М. Н. Пр.» 1904 г., май, ст. 94 и слѣд. Ibid. СПБ. 1906 г.). — Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1893 г. СПБ. 1896., ст. 124 и слѣд. — *Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій*, «Русская родословная книга» СПБ. 1895 г. — *А. Н. Веселовскій*, «В. А. Жуковский». СПБ. 1904. — *Череписка И. К.* Грота съ П. А. Шетневимъ 3 т. (по указателю). — Уткинскій сборникъ. Письма В. А. Жуковского, М. А. Моферъ и Е. А. Протасовой. Москва 1904 г. — *Ф. Толль*, «Наша дѣтская литература». СПБ. 1862. — *Тихонравовъ*, «В. А. Жуковский и его произведенія». М. 1883. — «Русскій Библиофиль». 1912 г., т. VII—VIII. — Неизданныя письма Жуковского къ А. П. Елагинѣ и А. П. Зонтагъ, стр. 89—133. — *В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ*, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій», т. II. СПБ. 1887 г. — *Н. П. Барсуковъ*, «Жизнь и труды Погодина» (по указателю). — «Русскій Архивъ» (по указателямъ). — «Русская Старина» (по

указателямъ). *П. Бартеневъ*, «День» 1864, № 13—«Иллюстрированная Газета», 1864, т. XIII, № 15, ст. 239—«Книжный Вѣстникъ» 1864, ст. 146, 171.—«Московскія Вѣдомости» 1864, № 75.

А. С. Николаевъ.

Зонтагъ, *Карль-Готлобъ*, докторъ философіи и богословія, генераль-суперинтендентъ и президентъ Лифляндской евангелической консисторіи, сынъ фабриканта изъ окрестностей Дрездена, родился въ м. Радебергѣ 22 августа (нов. ст.) 1765 г., по окончаніи средняго образованія въ 1784 г. поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, черезъ два года получилъ степень доктора философіи и въ 1788 г., по рекомендаціи профессора Моруса, приглашенъ былъ въ Ригу на должность ректора замковаго училища (Domschule). Черезъ годъ 3—гъ назначенъ былъ ректоромъ Императорскаго рижскаго лицея и одновременно занялъ должность младшаго пастора при церкви св. Іакова; въ 1791 г. онъ былъ уже старшимъ пасторомъ при той же церкви; въ 1792 г., за недостаткомъ времени, отказался отъ должности ректора и въ слѣдующемъ году назначенъ былъ ассессоромъ въ Лифляндскую главную консисторію. Извѣстность молодого рижскаго пастора быстро возрастала: его приглашали и въ Петроградъ къ церкви Св. Петра и въ Юрьевскій университетъ на кафедру исторіи церкви и богословской литературы, но 3—гъ отказался отъ этихъ предложеній и въ апрѣлѣ 1803 г., по Высочайшему повелѣнію, назначенъ былъ адъюнктомъ и преемникомъ лифляндскаго генераль-суперинтендента Данкварта, которому и наследовалъ въ этой должности въ сентябрѣ того-же года. Въ 1805 г., во вниманіе къ ученымъ трудамъ 3—га, Юрьевскій университетъ удостоилъ его степени доктора богословія. Въ томъ-же году 3—гъ вызванъ былъ въ Петроградъ для участія въ работахъ по пересмотру лютеранской литургии. Большая статья его, написанная по этому вопросу, свидѣтельствуетъ о томъ, какое живое участіе онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ. Но не одни вопросы церкви интересовали его. Отказавшись въ 1809 г. отъ должности пастора, онъ приобрѣлъ возможность еще шире, чѣмъ прежде, заняться научно-литературной и общественной дѣятельностью, къ которой всегда влекло его неутомимо энергичную натуру. Въ 1810 г., по случаю столѣтія завоеванія

Лифляндін, онъ прочелъ рядъ публичныхъ лекцій по исторіи города Риги; въ 1811, 1812 и 1813 г.г., сперва въ Ригѣ, а затѣмъ въ Юрьевѣ, куда переведена была главная консисторія на время войны, читалъ лекціи по вопросамъ морали для интеллигентныхъ женщинъ и тогда же прочелъ курсъ гомилетики для университетской молодежи; въ 1818 г. состоялъ членомъ Лифляндской законодательной комиссіи и въ 1822 г. принималъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ по вопросу объ организаціи протестантскихъ церквей въ Россіи.

Литературная дѣятельность З—га была поразительно обширна и разнообразна. Кромѣ многочисленныхъ проповѣдей и рѣчей (5 сборниковъ и болѣе 60 напечатанныхъ отдѣльно), она обнимаетъ собою всѣ виды гуманитарной литературы, начиная отъ нравственно-богословскихъ трактатовъ и кончая книжками для дѣтей. Отдѣльными изданіями вышли слѣдующія его сочиненія: «Historia poeseos graecae brevioris ab Anacreonte usque ad Meleagrum, ex anthologia graeca adumbrata» (Лейпцигъ, 1785 г.); «Johann Valentin Andrea's Dichtungen» (ib., 1786 г.); «In prooemium characterum Theophrasti» (ib., 1787 г.); «Adolph oder der edelmüthige Sohn» (чреса въ 2 д., ib., 1788 г.); «Ueber die Vortheile der deutschen schönen Litteratur für die Bildung der Jugend» (Рига, 1788 г.); «Ueber die Bildung junger Leute zum mündlichen Vortrage» (ib., 1789 г.); «Ueber Spiel, Tanz und Theater, in Beziehung auf die erwachsenere Jugend» (ib., 1790 г.); «Zur Unterhaltung für Freunde der alten Literatur» (2 вып., ib., 1790 г.); «Geschichte der Belagerung von Riga unter Alexei Michailowitsch» (ib., 1791 г., русскій переводъ Д. Шлуна съ добавленіями переводчика въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1822 г., мартъ — апрѣль); «Einige Skizzen zu Sittengemälden; aus dem Griechischen des Theophrastus» (ib., 1792 г.); «De Iesu Siracidae Ecclesiastico non libro, sed libri farragine, commentatio. Viro Magnifico Christ. Dav. Lenz, rerum sacrarum per Livoniam antistiti etc.» (ib., 1792); «Der Kontrast zwischen Prediger und Schauspieler» (ib., 1792 г.); «Werth und Nothwendigkeit der christlichen Religion für den vernünftigen Menschen...» (ib., 1792 г.); «Beiträge zur Geschichte und Kenntniss der rigaschen Stadtbibliothek»

(ib., 1792 г.); «Kurzer Inbegriff der menschlichen Pflichten» (ib., 1798 г.); «Die christliche Sittenlehre in Bibel-Sprüchen und Lieder-Versen für Confirmanden» (ib., 1800 г.); «Das Nothwendigste und Fasslichste aus der christlichen Glaubenslehre für Confirmanden» (ib., 1801 г.); «Das kleine Buch für kleine Kinder» (ib., 1802 г.); «Gustav Friedrich Gasie» (ib., 1807 г.); «Die Hauptstücke der christlichen Lehre in Bibel-Sprüchen» (ib., 1807 г.); «Von Gott, seinen Werken und seinem Willen. Ein Buch für Kinder» (ib., 1810 г.); «Jahrzahlen aus der Geschichte von Riga» (ib., 1810 г.); «Riga's Jubiläumfeier» (ib., 1810 г.); «Kleine Chronik der Musse in Riga» (ib., 1812 г.); «Die Feier des vereinigten Sieges- und Friedens-Festes den 21 Jul. 1812» (ib., 1812 г.); «Sittliche Ansichten der Welt und des Lebens für das weibliche Geschlecht» (ib., 1817—1819 г.г., 2 т.); «Das kleine Buch für die kleine Mimi» (ib., 1822 г.); «Chronologisches Verzeichniss der livländischen Gouvernements-Regierungspatente von 1710 an bis 1822» (ib., 1823 г.); «Riga's Wohlthätigkeit und Gemeinsinn von 1801 bis 1825» (ib., 1826 г.), и нѣсколько руководствъ и учебниковъ, преимущественно по Закону Божию. Кроме того, многочисленныя статьи З—га помѣщены въ различныхъ сборникахъ и современныхъ автору періодическихъ изданіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые издавались имъ-же самимъ. Такъ въ 1790—91 г.г. онъ издавалъ журналъ «Monatsschrift zur Kenntniss der Geschichte und Geographie des Russischen Reichs»; въ 1810—1827 г.г. (съ перерывами) — газету «Rigaische Stadtblätter»; въ 1813—1814 г.г. — газету «Inländische Blätter» и съ 1823—1827 г.г. — газету «Ostsee-Provinzen-Blatt».

Наконецъ, въ бумагахъ З—га сохранилось еще много не напечатанныхъ при его жизни статей преимущественно историческаго содержанія.

Скончался З—гъ въ Ригѣ 17 июля 1827 года.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon», Миттава, 1832 г., т. 4, стр. 231—249; приложение къ словарю, Миттава, 1861 г., стр. 202—205. — *J. Bergmann*, «Biographische Nachrichten von den Livländ. Gen.-Superintendenten», стр. 16—18.

Зонъ, Александръ Павловичъ, подполковникъ Малороссійскаго кирасирскаго

полка (принца Альберта), изъ дворянъ Московской губерціи, родился въ 1797 г. и въ 1812 г. поступилъ юнкеромъ въ Московскій гусарскій полкъ; затѣмъ послѣдовательно служилъ въ Иркутскомъ гусарскомъ полку, въ Новгородскомъ кирасирскомъ полку корнетомъ (1813 г.), въ Кавалергардскомъ полку (1814 г.) и въ Орденскомъ кирасирскомъ полку поручикомъ (1816 г.). Произведенный въ 1819 г. въ штабсъ-ротмистры, въ 1822 г. въ ротмистры и въ 1829 г. въ майоры, Зонь въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ Новомиргородскій уланскій полкъ и прикомандированъ къ Малороссійскому кирасирскому полку, гдѣ командовалъ 1-мъ дивизиономъ. Съ этимъ полкомъ Зонь участвовалъ въ Гроховскомъ сраженіи (13 февраля 1831 г.), въ которомъ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ и находился въ немъ до окончанія военныхъ дѣйствій. За отличіе въ названномъ сраженіи Зонь былъ произведенъ въ подполковники, съ переводомъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ. Въ 1833 г. онъ получилъ отпускъ въ Ваденъ для излѣченія отъ ранъ, но на пути туда умеръ въ Варшавѣ.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ (1801—1826 г.г.), стр. 274.

Зоппоть, *Бенедиктъ*, докторъ медицины, родился въ Венеціи, въ Россію былъ приглашенъ, согласно царскому указу, черезъ доктора Карбонарія. Воспользовавшись отъѣздомъ австрійскаго посланника Игнатія Христофа Гваріента, 3-тъ прибылъ вмѣстѣ съ нимъ въ Россію (1698 г.). Но недолго ему суждено было служить: принявъ участіе въ Азовскомъ походѣ, онъ въ слѣдующемъ 1699 году скончался.

В. Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи», ч. II, стр. 314.

Степ.

Зоричъ, *Семенъ Гавриловичъ (Неранничъ)*, генералъ - лейтенантъ, шефъ Изюмскаго полка, шефъ Лейбъ-гусарскаго эскадрона и Ахтырскаго гусарскаго полка, корнетъ Кавалергардскаго корпуса, род. въ 1745 г., умеръ 6 ноября 1799 г.

Зоричъ переселился въ Россію изъ Сербіи вмѣстѣ съ семьей своего двоюроднаго дяди премьеръ-майора Максима Зорича, который его усыновилъ и испросилъ для него разрѣшеніе переимѣнить первоначальную фамилію *Неранничъ* и именоваться

Зоричемъ. Участіе дяди было для Зорича большимъ благодѣяніемъ, такъ какъ хотя онъ и происходилъ изъ сербской шляхты, но не имѣлъ ни состоянія, ни богатой родни—дядя же обезпечилъ его и опредѣлилъ въ Россію на военную службу, на которой онъ вскорѣ выказалъ себя, какъ хорошаго вояка. Участвуя въ Семилѣтней войнѣ съ 1760 г. въ чинѣ вахмистра гусарскаго полка, Зоричъ неоднократно проявлялъ большую храбрость, получилъ нѣсколько ранъ, между прочимъ, холоднымъ оружіемъ; побывалъ въ плѣну. По окончаніи войны онъ былъ произведенъ въ чинъ поручика. Въ 1764 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ и выполнилъ удачно нѣсколько военно-административныхъ порученій, за что былъ произведенъ 1 января 1767 г. въ ротмистры. Особенно отличился Зоричъ въ первую Турецкую войну, въ качествѣ самостоятельнаго командира передовыхъ войскъ, бывшихъ подъ общимъ начальствомъ сначала генерала Штофельна, а затѣмъ кн. Репнина. Зоричъ обнаружилъ и энергію, и быстроту, и распорядительность, и личную храбрость. Благодаря ему русскіе во многихъ операціяхъ одерживали рѣшительный успѣхъ: въ декабрѣ 1769 г. онъ разгромилъ татарскія скопища въ Бессарабіи и разорилъ ихъ поселки; въ апрѣлѣ 1770 г. перешелъ Прутъ и отвлекъ своимъ движеніемъ значительныя силы непріятеля, разбивъ ихъ затѣмъ; въ маѣ дважды воспрепятствовалъ туркамъ перейти Прутъ. 3 іюля 1770 г. Зоричъ съ отрядомъ былъ окруженъ значительно превосходившими его силами турокъ и послѣ жаркой рукопашной схватки, въ которой ему нанесли двѣ раны копьемъ и одну саблей, былъ взятъ въ плѣнъ. Четыре года просидѣлъ онъ въ Семибашенномъ замкѣ и около года жилъ въ Константинополѣ. При размѣнѣ плѣнныхъ послѣ Кучукъ - Кайнарджинскаго мира въ 1775 г. онъ возвратился въ Россію.

Послѣ плѣна Зоричъ побывалъ въ Стокгольмѣ, куда былъ отправленъ съ важными депешами; по возвращеніи награжденъ за Турецкую войну Георгіемъ 4-й степени и, надѣясь преуспѣть по службѣ въ столицѣ, сталъ искать покровительства у кн. Потемкина, который, по счастливой для Зорича случайности, нуждался въ такомъ человѣкѣ, какъ онъ: красномъ,

изящномъ, здоровомъ, ловкомъ, съ репутаціей героя, — Зоричу было 30 лѣтъ, онъ былъ въ расцвѣтъ своихъ дарованій. Орловъ, Разумовскій, Румянцевъ и Безбородко выдвигали Завадовскаго, пользовавшагося фаворомъ у императрицы Екатерины и стремившагося умалить значеніе Потемкина, надо было найти соперника фавориту, и Зоричъ былъ кстати. Потемкинъ оставилъ его при себѣ адъютантомъ и 26 мая 1777 г. представилъ къ назначенію командиромъ Лейбъ-гусарскаго эскадрона и Лейбъ-казачьихъ командъ, съ производствомъ въ подполковники. Такъ начался «случай» Зорича. Въ іюнѣ о немъ заговорили при дворѣ и писали за границу. Императрица пожаловала его флигель-адъютантомъ, полковникомъ, шефомъ Лейбъ-гусарскаго эскадрона; въ сентябрѣ 1777 г. онъ былъ уже корнетомъ Кавалергардскаго корпуса, генералъ-майоромъ, шефомъ Ахтырскаго полка, кавалеромъ орденовъ: шведскаго — Меча, польскаго — Бѣлаго Орла и Станислава и Мальтійскаго креста, а кромѣ того обладателемъ имѣній, купленныхъ казною у наслѣдниковъ гр. Бутурлина, дома близъ Зимняго дворца, мѣстечка Шкловъ, части Велижскаго староства и награжденъ былъ подаркомъ въ 50 тысячъ рублей. Потемкинъ еще разъ торжествовалъ надъ соперниками, хотя путемъ возвышенія новаго, казалось бы, соперника для себя. Такъ, повидимому, началъ понимать свое положеніе и Зоричъ и, подыавшись на непривычную и неподходящую для него высоту, вздумалъ отдѣлаться отъ зависимости у Потемкина. Основаній для этого у него было мало. По отзывамъ современниковъ, онъ былъ ума весьма ограниченнаго, мало воспитанъ и почти безъ образованія. То, что онъ былъ «красавецъ писанный», было недостаточно для возможности борьбы съ Потемкинымъ. Послѣ 11-ти мѣсячнаго фавора, въ маѣ 1778 г. Зоричъ былъ удаленъ отъ двора. Говорили, что это сопровождалось бурными объясненіями павшаго фаворита съ Потемкинымъ и даже вызовомъ его на дуэль, которую, конечно, Потемкинъ отклонилъ. Зоричу, правда, щедро одаренному императрицей, пришлось уѣхать изъ столицы. Пробывъ до сентября за границей, онъ возвратился въ Россію и поселился въ Шкловѣ, ставшемъ какъ бы резиденціей «Шкловскаго деспота и его компа-

ніи». Шкловскій замокъ, отдѣланный съ необыкновенной роскошью, зажилъ необычайно широкой и шумной жизнью. Балы, маскарады, фейерверки, карусели, чередовались охотами и увеселительными поѣздками. При Зоричѣ проживала масса людей, думавшихъ о томъ, какъ и чѣмъ его развлечь, специалисты по устройству фейерверковъ, зрѣлищъ, танцевъ и т. п. Въ Шкловѣ былъ устроенъ и богато обставленъ театръ, при которомъ существовала труппа для оперныхъ, драматическихъ, балетныхъ представленій и пантомимъ. Многолюдные свѣзды гостей и сосѣдей придавали этой жизни характеръ какого-то непрерывнаго праздника.

Устраивая свою резиденцію, Зоричъ не позабылъ угодить склонности императрицы къ просвѣщенію страны, и въ день ея именинъ 24 ноября 1778 г. основалъ Шкловское благородное училище, впоследствии переведенное въ Москву и преобразованное въ 1-й Московскій кадетскій корпусъ. Не оставлялъ Зоричъ и связи съ военной службой: командовалъ Лейбъ-гусарами и Лейбъ-казаками и вмѣшивался въ комплектованіе Кавалергардовъ, проводя туда «всякую сволочь» изъ «ливрѣйныхъ служителей». Но умѣлъ онъ ладить и съ офицерами. Вмѣшательства его въ дѣла этихъ полковъ были крайне неудачны и повели ко многимъ крупнымъ недоразумѣніямъ, въ результатъ чего императрица запретила ему «жаловать и пережаловать въ такой корпусъ, гдѣ положено не быть, окромѣ заслуженныхъ, по-прежнему изъ полковъ», и въ другомъ указѣ повелѣла: «генералъ-майору Зоричу дать примѣтить, чтобы онъ впредь съ подчиненными ему офицерами обходился прилично офицерскому званію». Впрочемъ, эти вмѣшательства Зорича въ формально подчиненныя его вѣдѣнію части носили случайный характеръ. Жизнь его проходила въ пирахъ и необычайной роскоши, заведенной имъ въ Шкловскомъ замкѣ. Весной 1780 г. императрица дважды, во время ея поѣздки въ Могилевъ, посѣтила своего бывшего фаворита и оба раза была встрѣчена съ торжественнѣйшимъ великолѣпиемъ; при второмъ ея посѣщеніи Шкловскій замокъ навѣтилъ и императоръ Іосифъ II. Среди шкловскихъ развлеченій большое вниманіе удѣлялось крупной карточной игрою, и не даромъ Пушкинъ въ «Пиковой дамѣ» упоминаетъ о

Зоричъ, какъ о знаменитомъ игрокъ. Въ 1781 г. къ Зоричу прѣхалъ погостить его родной братъ Давидъ Неранчичъ и познакомилъ его съ графами Маркомъ и Аннибаломъ Зановичами, добывавшими себѣ средства къ существованію главнымъ образомъ карточной игрой и всякими плутнями. Вскорѣ они добились передачи имъ всего управленія Шкловомъ съ уплатой Зоричу ежегодно по 100.000 р. Господство ихъ, однако, было непродолжительно. Въ 1783 г. въ Шкловѣ стали обращаться фальшивыя ассигнаціи, появленіе которыхъ ставилось въ связь съ прѣздомъ гр. Зановичей. Прибывшій въ апрѣль 1783 года въ Шкловъ Потемкинъ приказалъ вести по этому дѣлу подробное разслѣдованіе, и Зановичи были арестованы. Императрица сама слѣдила за ходомъ слѣдствія «о Шкловскихъ диковинкахъ», и хотя было признано, что Зоричъ не причастенъ къ дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, однако онъ навсегда былъ униженъ во мнѣніи Екатерины, и генералъ-губернатору Пассеку было поручено учредить надъ нимъ негласный надзоръ. Повидимому, по вѣнкости обѣливъ бывшаго фаворита, въ глубинѣ души Екатерина считала его причастнымъ къ этому грязному дѣлу. 15-го іюля 1784 г. Зоричъ былъ уволенъ отъ службы, которая возобновилась только при императорѣ Павлѣ, назначившемъ его 25 декабря 1796 г. шефомъ Изюмскаго полка, а 20 января 1797 г. произведшемъ въ генералъ-лейтенанты. Зоричъ, къ своему несчастью, не уклонился отъ службы: принималъ на себя вѣдѣніе полкомъ, а также и его денежными суммами, какъ прежде, установилъ съ офицерами самыя непріянные отношенія, растратилъ казенныя деньги и снова попалъ подъ слѣдствіе и судъ. Слѣдователь генералъ-лейтенантъ Нумсенъ нашелъ, что Зоричъ на свои пужды истратилъ 12 тысячъ казенныхъ денегъ, не платилъ жалованья ни офицерамъ, ни нижнимъ чинамъ, которые поэтому были принуждены продавать собственныя вещи для своего содержанія; употреблялъ нижнихъ чиновъ и казенныхъ лошадей при постройкахъ своихъ домовъ, но особенно проявилъ свою недобросовѣтность въ отношеніи врачебно-санитарной части полка. 15 сентября 1797 г. императоръ уволилъ Зорича отъ службы, а 18-го ему было со-

общено Высочайшее повелѣніе «послѣ правленія Вами полкомъ, не дурно будетъ жить Вамъ въ Шкловѣ». Однако Зоричъ заупрямился и отказался сдать полкъ, его пришлось арестовать и послать для новаго разслѣдованія гр. И. Гендрикова, который, кромѣ злоупотребленій по хозяйству, обнаружилъ еще «непозволительное обращеніе» Зорича «съ нѣкоторыми штабъ и оберъ-офицерами». Только къ началу 1798 г. Зоричъ покончилъ свои расчеты по сдачѣ полка и вернулся въ Шкловъ, къ своей прежней, но уже менѣ роскошной жизни. Дважды пытался Зоричъ оправдаться въ своихъ винахъ, прося у императора разрѣшенія прибыть въ столицу, но такового не получилъ. Кромѣ того, на него поступали жалобы отъ мѣстнаго населенія, и для разбора ихъ, а также для улаженія его запущенныхъ дѣлъ по хозяйству посылали Державина, а позднѣе д. с. с. Николаева. Жалобы эти слѣдствіями не подтвердились, но привели къ нѣкоторымъ переменамъ въ Шкловской жизни. При Зоричѣ проживали «безъ всякаго дѣла разнаго рода чиновники, а также и иностранцы въ немаломъ числѣ»—всѣхъ ихъ приказано было удалить изъ Шклова. Это обстоятельство уменьшило шумъ этой безалаберной жизни, но все же у Зорича, по донесенію Николаева, были «всякій день комедія или балъ». Болѣе серьезными его занятіями была «экономія», т. е. управленіе имѣніями, но какъ оно шло, видно изъ безнадежной запутанности въ долгахъ, которая особенно обнаружилась послѣ его смерти; болѣе удачны и плодотворны были заботы о дворянскомъ училищѣ. Оно дѣйствительно было любимымъ и наиболее цѣннымъ дѣтищемъ Зорича. Особенно занялся онъ имъ въ 1784 г., когда былъ уволенъ отъ службы. Зоричъ носилъ званіе главнаго директора училища и былъ его фактическимъ начальникомъ. Училище, хотя и не называлось военнымъ, но было таковымъ. Состояло училище изъ эскадрона кавалеріи, въ которомъ одинъ взводъ былъ кирасирскій, а другой гусарскій,—и трехъ ротъ пѣхоты, изъ которыхъ двѣ были grenадерскія и одна егерская. Число воспитанниковъ изъ дѣтей дворянъ доходило до 300. 29 мая 1799 г. училище сгорѣло. Этотъ пожаръ, нанесшій разорявшемуся Зоричу сильный матеріальный, почти непоправимый ущербъ, подѣйствовалъ са-

мымъ угнетающимъ образомъ и на его душевное состояніе. Уже значительно расшатанное здоровье Зорича рѣзко ухудшилось, и врачи нашли его положеніе безнадежнымъ. 6 ноября 1799 г. онъ умеръ, окруженный многочисленной прирѣваемой имъ бѣдной родней и сонмомъ прихлебателей.

Изъ числа многочисленныхъ фаворитовъ, поднимавшихся волею судебъ на верхи русскаго общества, Зоричъ не выдавался ни умомъ, ни величіемъ духа. Онъ обратилъ на себя вниманіе своей красотой и видной осанкой, которую онъ сохранилъ и въ старости. Сама императрица замѣчала въ немъ какъ отсутствіе ума и образованности, такъ и великодушія. Однажды она такъ отозвалась о немъ: «Можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ худое, былъ храбръ въ дѣлѣ съ непріателемъ, но лично былъ трусъ». Впрочемъ, кромѣ храбрости въ бою, нужно еще отмѣтить въ Зоричѣ его доброту и любовь къ людямъ, которую онъ проявлялъ и во время фавора, не только не сдѣлавъ зла даже своимъ соперникамъ и врагамъ, но установивъ со многими изъ нихъ пріятельскія отношенія, надолго пережившія его фаворъ. Потомство сохранило воспоминаніе о его роскошной жизни въ Шкловѣ, о которой рассказывали небывлицы, о его необыкновенной азартной карточной игрѣ, — но дѣйствительно цѣлымъ памятникомъ его жизни и дѣятельности осталось Шкловское благодарное училище, переведенное въ Москву и существующее понынѣ въ видѣ 1 Московскаго кадетскаго корпуса.

Вантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей рус. земли», ч. II. — «Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній» 1848 г., т. 59; 1850 г., т. 87. — *Е. П. Карновичъ*, «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи». — *А. Петровъ*, «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами 1769—1774 г.», т. II. — «Русскіе портреты» Е. П. В. Вел. Князя Николая Михайловича. Т. II. 1906 г. — «Сборникъ биографій кавалергардовъ». Т. I. СПб. 1904 г. — *А. Брикнеръ*, «Русскіе пещеры», 1875 г. — *А. Барсуковъ*, «Шкловскіе авантюристы». («Заря» 1871 г., № 1). — «Историческій очеркъ образованія и развитія 1-го Московскаго кадетскаго корпуса». — *Энгельгардтъ*, «Записки». 1766—1836 гг. — Архивъ Воронцова. (По указателю). — *Corderon. de. Journal intime. 1775—1780. T. I et II. Paris 1901.* — *Н. В. Остенъ-Дризенъ*, «Шкловскій билетъ. Къ

исторіи крѣпостного балета». (Столицы и усадьба». 1914 г., июль).

В. Фурсенко.

Зосима (по прозванію *Брадатый*), митрополитъ Московскій и всея Руси (1491—1494 гг.). Съ 1485 г. былъ архимандритомъ Московскаго Симонова монастыря; въ 1491 г. на соборѣ при избраніи всероссійскаго митрополита выборъ палъ на архим. Зосиму: 19 сентября онъ былъ возведенъ на дворъ митрополичій, а 26-го числа хиротонисанъ въ митрополита. Вскорѣ оказалось, что Зосима тайно держался ереси жидовствующихъ, или повгородскихъ еретиковъ, проповѣдывавшихъ полное отступничество отъ христіанской вѣры и принятіе вѣры іудейской. Первымъ рабоборцемъ противъ еретиковъ выступилъ Новгородскій архіепископъ Геннадій, онъ писалъ подробное посланіе митрополиту Зосимѣ и настаивалъ на созывѣ собора, который и былъ созванъ 17 октября 1491 г. На немъ еретики были осуждены; митрополитъ Зосима на соборѣ выдержалъ себя и, согласно правиламъ жидовствующихъ, казался православнымъ и даже участвовалъ въ проклятій ереси. Черезъ годъ, на соборѣ по вопросу о составленіи пасхалин на восьмую тысячу лѣтъ, митрополитъ изложилъ составленную имъ пасхалию на 20 лѣтъ, показывая себя поборникомъ православія и противникомъ жидовствующихъ, глумившихся надъ православными, ожидавшими конца міра и второго пришествія Христова съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра. Въ кругу своихъ единомышленниковъ митрополитъ Зосима не считалъ нужнымъ скрываться и въ частныхъ бесѣдахъ высказывался довольно свободно. Все это дало поводъ преподобному Іосифу Волоколамскому въ его «Провѣдителяхъ» называть митрополита Зосиму «Іудею предателемъ, предтечею антихриста, первенцемъ сатаны, злодѣемъ, какового не бывало даже между вѣроотступниками, напавшими простишнихъ людей ядомъ жидовскимъ, провождавшимъ невоздержную и несчастивую, даже до грѣха содомскаго, жизнь, изрыгавшимъ хулы на самого Христа» и т. д., — обвиненія чудовищныя и совершенно невѣроятныя для первосвятителя русскоі церкви. Поднявшаяся буря кончилась тѣмъ, что 17 мая 1494 года митрополитъ Зосима отрекся отъ престола «не своею волею»; по объясненію однихъ лѣтописей, онъ

уволенъ былъ за то, что «непомѣрно держался питія и не радѣлъ о церкви Божіей», а по выраженію другихъ, — «за нѣкое преткновеніе»..... но онъ не былъ судимъ на соборѣ, какъ еретикъ, хотя съ другой стороны — имени его нѣтъ въ синодикахъ, по которымъ совершалось поминованіе русскихъ митрополитовъ и другихъ іерарховъ въ недѣлю православія. Послѣ отреченія Зосима жилъ сначала въ Симоновомъ монастырѣ, а 9 февраля 1495 года лишень былъ сана и посланъ въ Троицкій-Сергіевъ монастырь. Недавно издано составленное митроп. Зосимою въ 1490 г. поученіе противъ жидовствующихъ. Вопросъ объ еретичествѣ его остается открытымъ.

Полное собр. рус. лѣтоп., т. т. II, III, IV, VI, VIII.—*Митр. Макарій*, «Исторія Русской церкви», т. VI.—*Е. Е. Голубинскій*, «Исторія Русской церкви», т. II, стр. 566, 577, 608—610.—«Правосл. Собесѣдникъ» 1860 г., ч. II.—«Соврем. Извѣстія», 1884 г., №№ 253 и 266.—*Д. Иловайскій*, «Еще объ ереси жидовствующихъ», М. 1884.—Правосл. богослов. энциклопедія, т. V.—*Строевъ*, «Списки іерарховъ».—*Карамзинъ*, «Истор. госуд. Россійскаго», т. VI, стр. 50, 122—125, 222, пр. 106, 107, 320, 321, 326, 618—620, 629.—*Вантшицъ-Каленскій*, «Словарь достопамятн. людей рус. земли», ч. 2.

К. Здр-въ.

Зосима (въ мѣрѣ *Захарія Васильевича Верховскій*), схимонахъ; сынъ Смоленскаго воеводы, родился 24-го марта 1767 г., скончался 24 октября 1833 года. Получивъ домашнее образованіе, онъ затѣмъ поступилъ на военную службу въ гвардію, но послѣ смерти родителей, чрезъ два-три года, оставилъ службу и сталъ было заниматься хозяйствомъ, однако, имѣя съ дѣтства религіозную настроенность, въ 1786 году оставилъ мѣръ и поселился сначала для подвиговъ въ Брянскихъ лѣсахъ, откуда въ томъ же году перешелъ въ Коневскій монастырь, гдѣ постригся въ монашество съ именемъ Зосимы. Въ поискахъ уединенія Зосима, послѣ десятилѣтней жизни на Коневцѣ, удалился въ Сибирскіе лѣса, гдѣ подвижился въ пустынь 24 года. Въ 1822 г. его стараніями учрежденъ былъ въ Тобольской губерніи Туринскій женскій монастырь. Послѣ возникшихъ тамъ недоразумѣній о. Зосима переселился въ Москву и близъ Москвы, въ Верейскомъ уѣздѣ, устроилъ Одигитриевскую (иначе Зосимову) женскую пустынь въ 1826 году.

Къ жизнеописанію старца приложены изреченія его и извлеченія изъ его сочиненій.

«Житіе и подвиги въ Бозѣ почившаго блаженнаго памяти старца схимонаха Зосимы, его парченія и извлеченія изъ его сочиненій», въ 2-хъ частяхъ, изд. 2-е.—«Письма митроп. Филарета къ Высоч. Особамъ», т. II, стр. 25—26.—«Жизнеописанія отечеств. подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ». Октябрь. М. 1909 г., стр. 598—687.—*Геннадіи*, Словарь, т. II.

К. Здр-въ.

Зосима (въ мѣрѣ *Захаръ Игнатьевича Смирнина*), архимандритъ Елеазарова монастыря, ректоръ Псковской дух. семинаріи; изъ великороссіявъ, сынъ священника, родился въ 1788 г. въ с. Безобразовѣ Сычевскаго уѣзда, Смолен. губ.; образованіе получилъ въ Смоленской дух. семинаріи и Петроградской дух. академіи (1814—1817 г.), гдѣ окончилъ курсъ со степенью магистра и былъ назначенъ въ Рязанскую дух. семинарію для преподаванія философскихъ наукъ и греческаго языка. Черезъ годъ, 14 авг. 1818 г., онъ былъ назначенъ бакалавромъ богословскихъ наукъ въ Петроградскую дух. академію, а черезъ мѣсяць постриженъ въ монашество съ именемъ Зосимы; 26 сент. того же года онъ рукоположенъ былъ въ іеродиакона, а 28 сент. въ іеромонаха. Опредѣленный въ 1819 г. инспекторомъ въ Петроградскую дух. семинарію и преподавателемъ философскихъ наукъ и въ то же время ректоромъ Александро-Невскаго уѣзднаго училища, 3-ма 8 мая утверждень былъ дѣйствит. членомъ академической конференціи и внѣшняго академич. правленія, 24 авг. того же года переименъ на должность ректора и профессора богословскихъ наукъ въ Псковскую дух. семинарію, а 31 окт. 1819 г. назначенъ настоятелемъ Елеазарова монастыря съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ оставленіемъ ректоромъ. Скончался онъ послѣ долговременной болѣзни 23 февраля 1821 года.

Родоскій, «Биографич. словарь студентовъ Спб. Дух. Акад.» — *Надеждинъ*, «Исторія Спб. Семпн.», стр. 25.—*Дѣла Ком. Дух. Училищъ*, №№ 2229 и 2338 и Синод. Канцеляріи 1818 г., № 764; 1819 г., № 920 и 1821 г., № 279.

К. Здр-въ.

Зосима, игумень Макаріева Унженскаго монастыря Костромской епархіи; изъ вдовыхъ священниковъ; въ управле-

ніе монастыремъ вступилъ 6 іюля 1613 года; скончался въ монастырѣ 9 ноября 1625 года. За 12 лѣтъ управленія монастыремъ, какъ видно изъ сравненія двухъ описей монастырскаго имущества, составленныхъ въ началѣ и концѣ его управленія, онъ «неславную и немногочеловѣчную обитель» обратилъ въ знатную, богатую и многолюдную. При немъ 4 октября 1619 года царь Михайлъ Феодоровичъ посѣтилъ Макаріевъ Унженскій монастырь. Это путешествіе совершилось по обѣщанію царскому «за нѣкоторыя его, угодника Божія, чудеса и помощь, показанную ему, великому государю, и пречестнымъ родителямъ его государскимъ во время ихъ государскихъ печалей». «По воцареніи, царь умиленій призываше въ молитвахъ своихъ великаго чудотворца преподобнаго Макарія Унженскаго, яко да царствія его всѣ мятежи и кровопролитія утोलятся и родителя своего, блаженнаго архіерея Филарета, узритъ свободна отъ плѣна и въ царствующій градъ Москву принедна. Положи же благовѣрный царь обѣщаніе свое преподобному Макарію въ молитвахъ своихъ, яко аще молитвами его вышереченная прошенія его царская Богъ исполнить, то пакы свое шестіе сотворити въ честную его обитель Унженскую и гробъ его цѣльбоносный видѣти и цѣловати, и поклоненіе сотворити, и обитель наче распространити... Посѣщенію обители царемъ предшествовало официальное разслѣдованіе о 74-хъ чудесахъ преподобнаго Макарія. Ближайшимъ же послѣдствіемъ царскаго посѣщенія обители были: а) наименованіе препод. Макарія великимъ чудотворцемъ; б) повелѣніе «монастырь сей изъ царскихъ сокровищъ пространнымъ стросніемъ устроити и весь чинъ монастырскій... учинити наравнѣ съ Соловецкимъ монастыремъ»; в) пожалованіе монастырю «многихъ церковныхъ вещей, такожде и многихъ селъ и земель съ живущими тамо христіанъ»,—Спасской пустыни съ 6 починками, 3 займищами, пустошью, 3 пожнями и рыбными ловлями (жалов. грамоты 28 февр. и 29 окт. 1620 г.); г) разрѣшеніе игуменамъ обители ѣздити въ Москву къ царю и патриарху съ образомъ чудотворца и «со святыми водами», съ освобожденіемъ отъ платы «проѣзжей головщины», «за перевозки» и др. поплинъ; д) посѣщеніе обители

многими знатыми лицами, внесшими щедрые вклады. Игуменомъ Зосимомъ устроены въ обители—надъ гробомъ препод. Макарія новый деревянный храмъ о 5 главахъ съ двумя придѣлами «на подволокъ», храмъ на св. вратахъ, трапеза и въ ней храмъ; затѣмъ храмъ въ пожалованной Спасской пустшѣ и храмъ въ одной изъ вотчинъ монастырскихъ; накопецъ кельи игуменскія, братскія, гостинныя, келарскія, казенныя, поваренныя, амбары, чуланы, конюшни, колодезь и проч. Многие угодыя освобождены были отъ оброковъ, а монастырскіе крестьяне—отъ подсудности мѣстнымъ воеводамъ.

И. Херсонскій, «Лѣтопись Макаріева Унженскаго монастыря Костромской епархіи». Вып. I—1439—1682 г.г., стр. 13—37.

К. Здр - вѣ.

Зосима, преподобный, игуменъ Соловецкаго монастыря; скончался 17 апрѣля 1478 года. Родился въ Новгородской области въ селѣ Толвуѣ, на берегу Онежскаго озера; былъ сыномъ благочестивыхъ и зажиточныхъ родителей, которые обучили его грамотѣ и хотѣли женить, но онъ ушелъ изъ родительскаго дома и поселился сначала въ поморьѣ, на устьѣ рѣки Сумцы. Послѣ смерти своихъ родителей Зосима роздалъ все доставшееся ему имущество бѣднымъ и, встрѣтившись съ подвизавшимся на Соловецкомъ островѣ инокомъ Германомъ, рѣшился отправиться туда для подвизовъ. Это было въ 1436 г., чрезъ годъ послѣ кончины другого Соловецкаго подвижника, преподобнаго Савватія. Препод. Зосима прожилъ на Соловецкомъ островѣ 42 года, своими великими подвигами привлекая туда многихъ иноковъ и мірянъ и, начавъ съ постройки на необитаемомъ островѣ шанышей для жилья, устроилъ тамъ знаменитую Соловецкую инокскую обитель съ нѣсколькими церквями и множествомъ келій, служальную и до сихъ поръ высокочтимымъ мѣстомъ православнаго паломничества. Съ 1452 г. препод. Зосима былъ назначенъ игуменомъ основанной имъ обители. По его ходатайству Новгородское вѣче отдало во владѣніе монастырю Соловецкіе острова, а Мароа посадница пожаловала ему вотчину. Въ 1471 г. онъ перенесъ въ Соловки мощи преп. Савватія, почившаго въ с. Выгѣ на Волгѣ; самъ онъ причтенъ къ лику святыхъ на Москов-

скомъ соборѣ въ 1547 г.; въ 1566 г. 8 авг. мощи его перенесены въ придѣлъ соборнаго храма. Память его чтится 17 апрѣля. Житіе его, дошедшее до насъ въ третьей редакціи, содержитъ свыше 70 сказаній о чудесныхъ явленіяхъ преподобнаго и совершенныхъ имъ исцѣленіяхъ и помощи страждущимъ и молитвенно обращающимся къ нему.

Полное собр. рус. лѣтоп., т. I, III, IV.—А. А. Титовъ, «Житіе и подвиги препод. отецъ нашихъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ по рукоп. XVII в.»—В. В. Шереметевскій, «Препод. Зосима и Савватія и Соловецкій монастырь», съ рисунками—«Житіе препод. Зосимы и Савватія» (различныя изданія).—«Жизнь препод. Зосимы, игумена Соловецкаго.—Житія и чудотворенія препод. и богов. отецъ нашихъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотв., и соудника ихъ инока Германа» (по Чет.-Мнѣвъ и древн. и нов. харатейнымъ книгамъ), изд. 10-е.—*Ключевскій*, «Древнерусскія житія святыхъ».—*Шляпкинъ*, «Опис. рукоп. Сузд. Сп.-Евв. мон.».—*Барсуковъ*, «Источники русской агиографіи».—Богословская энциклопедія, т. V.

К. Здр-евъ.

Зосима, іеродіаконъ, а потомъ іеромонахъ Троицкаго Сергіева монастыря; жилъ въ первой половинѣ XV вѣка. Извѣстенъ, какъ русскій путешественникъ во Святую Землю. Въ 1414 г. онъ посѣтилъ Царьградъ, сопровождая туда дочь великаго князя Василія, княжну Анну, помолвленную за сына Мануила Палеолога, Іоанна; въ 1419—1420 г.г. посѣтилъ Аеонъ, о. Хіосъ, Патмосъ и Іерусалимъ. Свои путешествія онъ описалъ въ своемъ сочиненіи—«Книга, глаголемая Ксеносъ, сирѣчь Странникъ, діакона Зосимы о пути Іерусалимскомъ до Царьграда и до Іерусалима», или «Хожденіе инока Зосимы» (изд. у Сахарова въ «Сказаніяхъ русскаго народа», т. II, стр. 59, и въ «Православ. Палестинскомъ Сборникѣ», т. VIII, вып. 3; Спб. 1849 г.). Онъ далъ въ описаніи прекрасную картину Палестины и обратилъ вниманіе на такіе памятники, какихъ не замѣчали болѣе раніе паломники.

Евгеній, Словарь духовныхъ писателей.—*Филаретъ*, «Обзоръ русской дух. литературы».—*В. Грековъ*, «Древне-русскіе паломники» (1891 г.).—Правосл. богословская энциклопедія, т. V.—«Историческое описаніе Свято-Троицкаго Сергіева Лавры», ч. II, стр. 13.—*Хр. Лопаревъ*, «Православный Палестинскій сборникъ». Спб. 1889 г., т. VIII, в. 3.—*Пытинъ*, «Паломники и путешественники»

(«Вѣстн. Европы» 1896 г., № 8, стр. 740—743).

К. Здр-евъ.

Зосима, преподобный Волоколамскій чудотворецъ; скончался въ 1592 г. Извѣстенъ, какъ основатель, вмѣстѣ съ Адрианомъ Волоколамскимъ, Сестринскаго монастыря, находящагося на рѣкѣ Сестрѣ въ Волоколамскомъ уѣздѣ.

Православн. Богословская энциклопедія, т. V.

Зосима, преподобный Ворбозомскій, основатель упраздненнаго въ 1864 г. Благовѣщенскаго монастыря на островѣ Ворбозомскаго озера, въ 22-хъ верстахъ отъ Бѣлозерска; былъ ученикомъ преподобнаго Корнелія Комельскаго. Скончался въ 1550 году. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ Благовѣщенской церкви. Память его чтится 4 апрѣля. Костомаровымъ въ «Материалахъ» (стр. 148—156) издано съ рукописи XVI в. «Поученіе и посланіе Зосимы святого къ Настасіи дщери моеи»; наименованіе сочинителя святымъ и древній языкъ посланія даютъ право приписать этотъ трудъ препод. Зосимѣ.

Филаретъ, «Обзоръ духовной литературы».—*Барсуковъ*, «Источники русской агиографіи».—Правосл. Богослов. энциклопедія, т. V.

К. Здр-евъ.

Зосима, схимонахъ—подвижникъ Соловецкаго монастыря; скончался 23 іюня 1855 года, проведя въ монастырѣ въ подвигахъ 47 лѣтъ. Онъ происходилъ изъ чудскаго племени; при полномъ воздержаніи отличался особенною нестяжательностью: не только никогда не принималъ, но даже ни разу не держалъ въ рукахъ денегъ и боялся ихъ, какъ чего-то нечистаго. Во время бомбардировки монастыря англичанами увѣщевалъ малодушныхъ.

«Жизнеописанія подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ», іюнь М. 1908.—Соловецкій патерикъ.

К. З.

Зосима, Зой Павловичъ, извѣстный благотворитель въ пользу наукъ и ученыхъ предпріятій, родился въ половинѣ XVIII ст. въ г. Яннѣхъ, въ Эпирѣ. Въ юныхъ лѣтахъ онъ покинулъ отеческій домъ и по торговымъ дѣламъ поселился въ Москвѣ. По смерти старшаго брата Θεодосія въ 1793 г. З-ма вмѣстѣ съ другими братьями своими, обладая уже крупнымъ состояніемъ,

прекратили торговля операціи и рѣшили посвятить остальную жизнь свою, съ одной стороны, просвѣщенію своихъ соотечественниковъ, а съ другой, благу Россіи за ея гостепрѣмство. Первая поставленная имъ задача въ отношеніи своихъ соотечественниковъ осуществлялась въ учрежденіи учебныхъ заведеній, снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ, въ уплатѣ жалованья учителямъ и наставникамъ, содержаніи на свой счетъ бѣдныхъ учениковъ, помощи немущимъ и укрѣпленіи своихъ единовѣрцевъ въ православной вѣрѣ путемъ распространенія богословскихъ книгъ. Извѣстно, что онъ издалъ почти всѣ греческія книги, напечатанныя въ Европѣ при его жизни, и принялъ живое участіе въ спорахъ о чистотѣ ново-греческаго языка, при чемъ былъ, такъ сказать, главнымъ двигателемъ литературной распри, вызвавшей въ свѣтъ извѣстное изслѣдованіе ученаго Коран и способствовавшей возстановленію чистоты и правильности въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ. Живя долгое время въ Россіи и найдя въ ней второе отечество, З-ма искренно полюбилъ ее и, какъ благодарный сынъ Россіи, заявилъ себя рядомъ крупныхъ пожертвованій въ пользу многихъ учебныхъ заведеній и Обществъ. Этимъ достигалась вторая задача его—принести пользу Россіи. Такъ, при основаніи въ Москвѣ практической коммерческой академіи въ 1810 г. З-ма внесъ вкладъ въ суммѣ 20.000 рублей, Московскому университету принесъ въ даръ дачу и домъ въ предмѣстьи Москвы, гдѣ помѣщалась обсерваторія, Императорскому обществу испытателей природы пожертвовалъ болѣе 6.000 р. на напечатаніе новымъ изданіемъ 1-й и 5-й частей трудовъ его съ рисунками; далѣе, въ Московской гимназіи учредилъ на свои средства греческій классъ и въ Московской медико-хирургической академіи содержалъ въ теченіе ряда лѣтъ лектора греческаго языка. Кроме того, всѣ учебныя заведенія въ Москвѣ получали отъ него въ даръ всѣ книги, издававшіяся на средства братьевъ въ разныхъ странахъ Европы. Извѣстно также, что въ Москвѣ печатались на его счетъ всѣ учебныя изданія Маттеи, который, между прочимъ, открылъ и издалъ отрывки изъ древнихъ поэтовъ, сохранившіеся въ старинныхъ русскихъ бібліотекахъ. З-ма обладалъ богатѣйшимъ собраніемъ монетъ и медалей,

которое считалось однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Между драгоценными предметами особенно славилась жемчужина удивительной величины и круглости, быть можетъ, единственная въ мірѣ. Но обогащая свой кабинетъ рѣдкостями и драгоценностями всякаго рода, онъ дѣлалъ это не по корыстнымъ побужденіямъ, а исключительно изъ желанія завѣщать своему отечеству наиболѣе полную коллекцію всего того, что можно было приобрести при помощи богатства, стараній и труда. Благотворительная и просвѣдательная дѣятельность З-мы была отмѣчена высочайшими наградами: ему пожалованы были ордена св. Анны 2-й ст. и св. Владиміра 4-й ст. Нѣкоторыя изъ особъ царственной фамиліи, пріѣзжая въ Москву, удостоивали его своимъ посѣщеніемъ. Посѣщали добродѣтельнаго старца и многіе ученые, и всѣ тѣ, кому дороги были интересы просвѣщенія. З-ма состоялъ почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ Обществъ въ Западной Европѣ и въ Россіи. Онъ числился членомъ Московскаго университета, Общества испытателей природы, Общества исторіи и древностей россійскихъ, Московской медико-хирургической академіи и Практической академіи. Скончался З-ма 28 августа 1827 года.

«Завѣщаніе П. П. Зосимы, греческаго уроженца и кавалера ордена Спасителя». Москва. 1844 г. — «Московский Некрополь», т. I. М. П.

Зотиковъ, Александръ Николаевичъ, врачъ, кол. сов., изъ дворянъ Новгородской губ., род. въ 1837 г.; образованіе получилъ въ Новгородской гимназіи и Петроградской медико-хирургической академіи, куда поступилъ въ 1855 г.; по окончаніи послѣдней въ 1860 г. З—ковъ опредѣлился врачомъ въ Смоленскій военный госпиталь, откуда въ 1864 г. командировался къ клиникѣ названной академіи, а затѣмъ послѣдовательно состоялъ врачомъ въ Новгородскомъ военномъ госпиталѣ (1870 г.), Смоленской военно-исправительной ротѣ (1874 г.), Петроградскомъ гренадерскомъ полку и 5-мъ пѣхотномъ Нарвскомъ полку (1881 г.). Скончался З—ковъ въ 1885 г. Перу его принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: «Счастливо зажившій проломъ черепа» («Медиц. Вѣстн.» 1862 г., стр. 33); «Опытъ лѣченія кумысомъ хроническаго воспаленія тазобедреннаго сочлененія съ

продолжительнымъ нагноеніемъ» (ib. 1882 г., стр. 40); «Случай сифилитической пневмоніи» (ib. 1883 г., стр. 8); «Корреспонденція изъ Москвы» (ib. 1883 г., стр. 720); «Вліаніе свѣта вообще и искусственное освѣщеніе жилыхъ помѣщеній» («Военно-Санитарное Дѣло» 1883 г., №№ 89, 153, 194, 202, 213); «По поводу инструкции для предупрежденія въ войскахъ глазныхъ эпидемій» (ib., №№ 367, 375, 385) и «Какъ наполнить досугъ солдата» (ib., 1884 г., №№ 8—15).

Л. Змижевъ, «Русскіе врачи — писатели», т. I, стр. 119 и т. IV, стр. 128.

Степ.

Зотовъ, Александръ Александровичъ, художникъ, удостоенный этого званія въ 1856 году; извѣстенъ картиной «Пимень и Лжедмитрій», выставленной на академической выставкѣ въ 1859 г. и явившейся первою изъ картинъ на этотъ сюжетъ.

Кондаковъ, «Им. Акад. Худ.», т. II, стр. 71.—«Иллюстрація» 1859 г., № 73, стр. 359.

П. С.

Зотовъ, Василій Никитичъ, генералъ-ревизоръ, или надзиратель указовъ, сынъ перваго учителя Петра Великаго, Никиты Зотова. Одновременно съ своимъ братомъ Конономъ долгое время учился за границей. Указомъ 27 ноября 1715 г. З—въ былъ назначенъ генеральнымъ ревизоромъ, при чемъ на него были возложены Петромъ В. обширныя обязанности, но не были даны средства для ихъ исполненія, поэтому онъ никакъ не могъ надзирать за дѣятельностью администраціи въ Сенатѣ, не имѣя никакихъ подчиненныхъ органовъ надзора; не могъ онъ также успѣшно контролировать и дѣятельность Сената, такъ какъ канцелярія Сената для него была недоступна. Его дѣятельность въ Сенатѣ свелась на полученіе отъ сенаторовъ и передачу Петру составлявшихся сенаторами поочередно мѣсячныхъ отчетовъ объ указахъ Сената; изрѣдка сообщалъ онъ Петру о замѣченныхъ имъ неправильныхъ дѣйствіяхъ сенаторовъ. Вообще въ Сенатѣ З—въ не имѣлъ никакого авторитета. Затруднительное и неопредѣленное положеніе его въ Сенатѣ окончилось тѣмъ, что въ 1719 году онъ пересталъ появляться въ засѣданіяхъ Сената, и его обязанности «надзирателя указовъ» были возложены на оберъ-секретаря Сената А. Щукина. Дальнѣйшій формуляръ службы З—ва таковъ: въ

1719 г. ему поручено было руководство подушной переписью, въ 1725 г. онъ былъ назначенъ президентомъ Московскаго надворнаго суда, а въ 1727 г.—казанскимъ губернаторомъ. Скончался онъ въ чинѣ генераль-майора въ 1729 году.

С. Петровскій, «О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго», стр. 159—162.—*Павловъ—Сильванскій*, «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго», стр. 73—75, 140.—«Исторія Правительствующаго Сената за 200 лѣтъ (1711—1911 г.)», т. I, стр. 75—77, 204—207, 209, 210, 291, 337.

Зотовъ, Иванъ Никитичъ, братъ предыдущаго, переводчикъ, родился въ 1687 г., скончался въ 1723 г. Въ 1703 г. былъ посланъ Петромъ Великимъ учиться за границу и въ 1705 г., какъ хорошо знавшій французскій языкъ, принималъ участіе въ переговорахъ нашего посла гр. Матвѣева въ Парижѣ съ французскимъ министромъ марезомъ де Торси. Въ сентябрѣ 1707 г. З—въ, по приказанію Петра, переѣхалъ изъ Вѣны въ Варшаву и находился, какъ говорятъ отецъ его въ письмѣ къ другому сыну Конону, «вкупѣ со мною при его государственной милости». Въ кабинетскихъ дѣлахъ сохранилось слѣдующее письмо З—ва къ Петру, писанное изъ Москвы и помѣченное 12 сентября 1708 г.: «Всемилюстивѣйшій Государь! По указу Вашему книгу о новой манерѣ укрѣпленія съ французскаго на славянскій языкъ перевелъ и, исправя по возможности моеи, посылаю и покорно молю милостиво ее принять». Изъ этого письма явствуетъ, что З—въ, по порученію царя, перевелъ на русскій языкъ трудъ Блонделя, изданный въ 1711 г. Этотъ переводъ былъ просмотрѣнъ самимъ Петромъ, и авторъ его удостоился получить лестный собственноручный отзывъ царя (отъ 25 февраля 1709 г.): «Книгу о фортификаціи Манира Блонделева, которую вы перевели, мы оную прочли и разговоры зѣло хорошо и внятно переведены, но какъ учить оной фортификаціи дѣлать? также въ табелл не именовано, руты ли, или таузы? то дѣло темно и непонятно переведено, который листъ переправя, вклеили въ книгу, а старый вырѣзавъ. При томъ же посылаемъ, гдѣ сами увидите, погрѣшеніе и невятность; и того ради надлежитъ вамъ въ той книгѣ, которую нынѣ переводите, остерегаться въ томъ, дабы внятнѣе перевести

и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіе вырази́въ, на свой языкъ такъ писать какъ вняти́е». Несмотря на такой лестный для переводчика отзывъ, переводъ этотъ, по словамъ Ласковскаго, «можетъ быть и лучший въ свое время, далеко не удовлетворялъ надлежащимъ требованіямъ».

П. Пекарскій, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», т. I, стр. 226—227.—*Ласковскій*, «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи», ч. II, стр. 275—276.—*Геннади*, Словарь, т. II.

Зотовъ, *Кононъ Никитичъ*, ковтръ-адмиралъ, братъ предыдущаго, род. въ 1690 г., первоначальное образованіе получилъ въ Морскомъ училищѣ, изъ котораго, по собственному желанію, въ 1704 г. былъ посланъ въ Англію для усовершенствованія въ мореходствѣ. Въ 1707 г. Петръ Великій былъ очень обрадованъ тѣмъ, что З-въ самъ, по доброй волѣ, выразилъ желаніе служить на англійскихъ корабляхъ; прочитавъ его письмо, въ которомъ онъ просилъ разрѣшенія на это у своего отца, Петръ В. выпилъ кубокъ венгерскаго за здоровье *перваго охотника* на его любимое морское дѣло и собственноручно написалъ ему отвѣтъ. По возвращеніи въ Россію въ 1712 г. З-въ поступилъ на службу; 15-го іюня 1713 г. былъ произведенъ въ поручики и назначенъ на корабль «Эсперансъ», который подъ командою Н. Снявина крейсеровалъ въ Финскомъ заливѣ. Въ скоромъ времени, въ январѣ 1715 г., З-въ въ чинѣ капитанъ-лейтенанта былъ посланъ во Францію для собранія подробныхъ свѣдѣній о состояніи тамошняго морского искусства и флота и о прискапаніи людей искусныхъ въ устройствѣ шлюзовъ. Живой и дѣятельный человѣкъ, З-въ интересовался не однимъ только флотомъ и адмиралтействомъ; въ своихъ донесеніяхъ къ государю онъ поднимаетъ много новыхъ вопросовъ, постоянно извѣщая за свои непрошенные совѣты. Въ одномъ изъ первыхъ же писемъ изъ Парижа онъ указываетъ Петру, что ему необходимо имѣть во Франціи официального представителя съ званіемъ агента. Но совѣтъ З-ва былъ предупрежденъ Петромъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ до этого письма назначилъ во Францію агентомъ Ивана Лефорта. Въ другомъ письмѣ З-въ обращаетъ вниманіе Петра на то, что офицеры, служащіе въ адмиралтействѣ, какъ «приказные люди,

повинны твердо знать юриспруденцію», и совѣтуетъ послать во Францію для изученія этой науки нѣсколько человѣкъ русскихъ, «лучшихъ латинистовъ»; только не изъ породныхъ, замѣчаетъ онъ, для того, что всегда породные презираютъ труды, хотя по пропорціи ихъ породы и имѣнья должны также быть и въ наукѣ отмынны передъ прочими». З-въ рекомендовалъ также Петру мѣры Людовика XIV (его политику), принятыя для того, «чтобы государство обогатить и матросовъ расплодить»; бывшій король французскій, заботясь о развитіи торговаго флота, объявлялъ, что крупная торговля не роиаетъ дворянской чести, самъ посылалъ корабли съ товарами и «ближнимъ людемъ указалъ тоже учинитъ». Зная о желаніи Петра завести торговые сношенія съ иностранными государствами, З-въ по собственной инициативѣ началъ съ 1716 г. переговоры о заключеніи торговаго трактата между Россіей и Франціей съ маршаломъ д'Этре. Но въ этомъ дѣлѣ З-ву пришлось встрѣтить сильное сопротивленіе въ лицѣ Лефорта, племянника знаменитаго Лефорта, любимца Петровой молодости, хлопотавшаго о составленіи во Франціи компаніи для торговли съ Россіей съ большими для Франціи привилегіями. З-въ же настаивалъ на пользѣ свободной торговли для каждаго подданнаго обѣихъ державъ. Донося Петру о ходѣ дѣла, онъ послалъ ему списокъ тѣхъ привилегій, которыя просилъ Лефортъ, отмѣтивъ пункты, вредные, по его мнѣнію; а кабинетъ-секретарю Макарову онъ писалъ, что если согласиться на устройство компаніи, которая домогается такихъ ужасныхъ привилегій, то все государевы доходы пропадутъ. «Голландецъ, англичанинъ, русакъ, дьяволъ—все будутъ подъ именемъ этой компаніи торговать». Выбѣтъ съ тѣмъ З-въ указывалъ Петру, что ему слѣдуетъ «учинить торговлю не только съ Франціей, но и съ прочими», и обращалъ его вниманіе на торговлю съ флорентійскимъ городомъ Ливорно, «куда великое число российскихъ товаровъ англичане и голландцы отвозятъ, яко юфть, икра паюсная, воскъ и прочая».

На собственный страхъ вслѣдъ затѣмъ З-въ началъ съ маршаломъ д'Этре бесѣду политическаго характера о женитбѣ царевича Алексѣя на одной изъ французскихъ принцессъ. Сообщая Петру свои соображенія о политическомъ значеніи родствен-

ной связи съ французскимъ домомъ, указывая, что «сею женитьбою шведъ былъ бы вовсе отрѣзанъ», З-въ прежде всего обращалъ вниманіе Петра на ея важное культурное значеніе: придворные французской принцессы «могли бы ввести у насъ въ обычай учтивое обхожденіе, и государь чрезъ нее всѣ науки могъ бы привести въ Россію». З-ву сдѣланъ былъ строгій выговоръ за самовольное вмѣшательство въ политическія комбинаціи, и онъ долженъ былъ ограничиться изученіемъ морского дѣла на практикѣ и изъ книгъ и исполненіемъ комиссій по приглашенію въ Россію мануфактурныхъ мастеровъ и морскихъ офицеровъ, по опредѣленію русскихъ гардемариновъ во французскую службу, по приобретенію «вылитыхъ вещей, принадлежащихъ къ фонтанамъ и каскадамъ, для плезирныхъ домовъ» государя и т. п. Русскіе гардемарины, учившіеся во Франціи, бѣдствовали такъ же, какъ и русскіе навигаторы въ Лондонѣ, и доставляли З-ву много хлопотъ. Согласно его донесенію, положеніе ихъ было такъ ужасно, что «легче было бы видѣть ихъ смерть, нежели такую срамоту нашему отечеству, и лучше бы было ихъ перебить, что попросить, нежели ими срамиться и ихъ здѣсь съ голоду морить». — «Я отъ своей ревности», писалъ онъ, «все, что имѣлъ при себѣ, имъ роздалъ: парикъ, кафтанъ, рубахи, башмаки и деньги, однимъ словомъ, себя разорилъ».

По возвращеніи З-ва въ отечество въ 1719 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны 3-го ранга и зачисленъ въ отрядъ П. Спнявина, вмѣстѣ съ которымъ принималъ дѣятельное участіе въ сраженіи съ шведскими военными судами между Готека-Сандо и Эзелемъ; въ этомъ бою онъ взялъ въ плѣнъ шведскій фрегатъ, за что былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ іюль З-въ былъ командированъ въ Коненгагенъ, а оттуда посланъ парламентаріемъ отъ резидента князя Долгорукова къ английскому адмиралу Норису, а по возвращеніи въ Россію наблюдалъ за работами по укрѣпленію Ревельской гавани. Вслѣдъ затѣмъ (въ 1720 г.) онъ былъ арестованъ за какое то «дерзкое и непристойное доношеніе»; онъ объяснилъ этотъ арестъ интригами своей мачехи и гр. Мативѣва. Въ началѣ 1721 г. З-въ былъ назначенъ контролеромъ въ адмиралтействъ-коллегію. Но не успѣвъ еще при-

ступить къ исполненію своихъ обязанностей, З-въ съ обычной своей живостью и дерзостью, узнавъ, что коллегія «пытаетъ добраго человѣка за вѣрность къ царскому величеству» (Квашнина-Самарина), тотчасъ же потребовалъ отставки; «должность контролера есть такая, чтобъ ему не допускать чинить противъ царскаго и царственнаго интересу», доносилъ онъ одновременно государю и адмиралтейской коллегіи, — а за онымъ страхомъ, что Самарина попытаетъ, несмѣло можетъ контролеръ препятствовать, но сквозь пальцы смотреть, а я лучше хочу на баталіи умереть, нежели отъ кнуга и отъ дыбы». З-въ не получилъ однако отставки и нѣкоторое время ревностно исполнялъ обязанности контролера.

Какъ знатокъ французскихъ адмиралтейскихъ порядковъ, З-въ въ концѣ 1721 г. помогалъ Петру въ составленіи морскихъ регламентовъ объ управленіи адмиралтейства, о должностяхъ адмиралтейской коллегіи, о содержаніи портовъ и пр. Важное значеніе получило письмо З-ва о генераль-ревизорѣ, написанное имъ въ 1716 г. изъ Парижа своему брату Василию и сдѣлавшееся публичнымъ Петру: оно является однимъ изъ прямыхъ источниковъ знаменитаго закона Петра о должностяхъ генераль-прокурора. Есть основаніе предполагать, что З-вымъ былъ составленъ и первоначальный проектъ редакціи этого закона, существеннымъ образомъ переработанный самимъ государемъ. Въ 1726 г. З-въ произведенъ былъ въ капитаны 1-го ранга, командуя въ Финскомъ заливѣ кораблемъ «Павтелеймонъ-Викторія», и въ томъ же году участвовалъ въ законодательныхъ работахъ и составилъ «регламентъ адмиралтейскаго пнжняго суда»; затѣмъ до своей смерти, послѣдовавшей 30 октября 1742 года (въ Ораніенбаумѣ), служилъ въ адмиралтействѣ, занимая съ 1732 г. должность оберъ-экипажмейстера, а съ 1740 г. — генераль-экипажмейстера съ чиномъ коутръ-адмирала.

Перу З-ва принадлежатъ слѣдующія книги: 1) «Разговоръ у адмирала съ капитаномъ о командѣ, или полное ученіе, какъ управлять кораблемъ во всякіе разные случаи» (напечатано въ 1724 г., перепечатано въ 1816 г.); 2) «Пополненіе принадлежащее къ званію зеймана»; 3) «Новые сигналы»; 4) «Чертежи о экзерциціяхъ

военнаго флота»; 5) «О погонѣ за непріятелемъ и о побѣдѣ отъ него» (1796 г.). Кроме того, онъ перевелъ съ голландскаго языка доцію пути въ Балтійскомъ, Сѣверномъ и Бѣломъ моряхъ, подъ названіемъ «Свѣтильникъ моряка».

По смерти З-ва возникло дѣло о его наслѣдствѣ между вдовой его Марьей Прокофьевной и ея падчерицами. Желая лишить падчерицъ наслѣдства, М. П., разрѣшившаяся мертвой дѣвочкой, замѣнила ее приемышемъ, котораго изъ корыстныхъ видовъ на деньги и имуществу покойнаго своего мужа стала выдавать за родного сына. Обманъ этотъ, благодаря доносу дворовыхъ, былъ обнаруженъ, и М. П. была приговорена къ плетямъ и ссылкѣ.

Общій Морской Списокъ, т. I. Сиб. 1885 г., стр. 156—158. — *Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. IV, стр. 16, 161, 162, 163, 224, 225, 236; т. V, стр. 524, 823. — *Павловъ-Сильванскій*, «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго», стр. 55, 68—73, 75, 76. — *Петарскій*, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», т. I, стр. 165—162. — «Исторія Сепата за 200 лѣтъ», т. I, стр. 197, 200. — *Евгеній, митр.*, «Словарь рус. свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 233.

И. Артамонова.

Зотовъ, гр. *Никита Моисеевичъ*, отецъ предыдущихъ, дядька и учитель Петра Великаго въ 1677—1680 г.г. На эту отвѣтственную должность рѣшено было сыскать человѣка кроткаго, смиреннаго и свѣдущаго въ божественномъ писаніи. Бояринъ Феодоръ Прокофьевичъ Соковининъ, въ присутствіи котораго царь Феодоръ Алексѣевичъ поднялъ вопросъ о приисканіи учителя для пятилѣтняго царевича Петра, указалъ на дьяка Челобитнаго приказа, Никиту Моисеева Зотова, «исполненнаго всякихъ добродѣтелей и искуснаго въ грамотѣ и письмѣ». Государь велѣлъ привести его во дворецъ, что Соковининъ и исполнилъ, не объяснивъ З-ву причины повѣдки. Когда Феодоръ Алексѣевичъ потребовалъ его къ себѣ, З-въ оробѣлъ. Милостивый приемъ, оказанный царемъ, ободрилъ смутившагося дьяка, и испытаніе его Симеономъ Полоцкимъ въ чтеніи и письмѣ сошло благополучно. Вслѣдъ затѣмъ Соковининъ отвелъ З-ва къ вдовствующей царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, которая, держа за руку маленькаго Петра, обратилась къ З-ву съ слѣдующими словами: «Прими его и прилежи къ наученію божественной мудрости

и страху Божію и благочинному житію и писанію». Тутъ только З-въ понялъ, въ чемъ дѣло, и упалъ къ ногамъ Натальи Кирилловны, говоря, что онъ недостойнъ быть «хранителемъ такого сокровища».

На другой день, 12 марта 1677 г., по приказанію Натальи Кирилловны, явился З-въ уже въ качествѣ учителя. Патріархъ отслужилъ въ присутствіи царя молебень, окропилъ царевича Петра освященною водою, благословилъ его и вручилъ З-ву. При этомъ З-въ былъ осыпанъ подарками: патріархъ пожаловалъ ему сто рублей, отъ царя Феодора онъ получилъ дворъ, отъ Натальи Кирилловны двѣ пары богатаго одѣянія.

Обученіе чтенію шло рука объ руку съ изученіемъ часослова, псалтири, Дѣяній и Евангелія. Въ свободное отъ уроковъ время, а иногда и за урокомъ, въ видѣ отдохновенія, З-въ разсказывалъ царевичу исторіи—дѣянія русскихъ князей и царей, останавливая его вниманіе на сраженіяхъ, осадахъ городовъ, завоеваніяхъ и т. д. Чтобы разсказываемое лучше усваивалось, З-въ обратился къ Натальѣ Кирилловнѣ съ просьбой поручить художникамъ написать красками: грады, палаты, зданія, дѣла военныхъ, военные корабли и вообще «исторіи лицовыя съ прописыми», т. е. съ текстомъ, и распредѣлить все это по разнымъ покоямъ царевича. Были у царевича и книги съ *куншталами*, т. е. рисунками, называемыя въ то время *потпными*, иначе говоря предназначенными для забавы дѣтей. Въ заслугу З-ву надо поставить болѣе широкое примѣненіе нагляднаго обученія, такъ какъ и раньше существовали такъ называемые фряжскіе и нѣмецкіе потпныиы листы и куншты, привозимые съ Залада.

Въ 1679 г. царевичъ Петръ пожаловался Феодору Алексѣевичу на боярина Языкова (сравнивъ его съ Годуновымъ) за то, что онъ намѣревался выселить царевича съ матерью изъ дворца Феодора Алексѣевича, подъ предлогомъ тѣлоты помѣщенія. Полагая, что Петръ пожаловался по наученію З-ва, Языковъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы удалить его отъ царевича. Въ 1680 г. представился къ тому случай: З-въ былъ посланъ, въ качествѣ дьяка, съ стольникомъ Вас. Мих. Тяпкинымъ къ крымскому хану Муратъ-Гирею для заключенія перемирія. Въ январѣ 1681 г.

было заключено перемирие на 20 лѣтъ съ крымскимъ ханомъ, при чемъ и турецкій султанъ обѣщался не воевать земли Московскаго государства. Былъ-ли З—въ по возвращеніи изъ Крыма учителемъ царевича Петра—неизвѣстно.

Съ 1683 г. по 1698 г. встрѣчаются указанія на тѣ подарки деньгами и вещами, которые получалъ З—въ отъ юнаго царя Петра. Къ праздникамъ Рождества Христова и къ Пасхѣ, а часто и въ обыденное время, Петръ жаловалъ ему разныя суммы, начиная отъ 12 р. и кончая 100 р., и дарилъ то лисій или песцовый мѣхъ на кафтанъ, то сукна кармазину, или камки китайской, то плетеную золотую нашивку и галунъ. Въ эти же годы З—въ находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Петра, или обоихъ царей, въ ихъ загородныхъ и богомольныхъ походахъ.

Въ 1683—92 г.г. З—въ былъ думнымъ дьякомъ. За участіе въ Азовскомъ походѣ 1695—96 г.г. (онъ былъ у посольскихъ дѣлъ) онъ получилъ въ 1696 г.: кубокъ съ кровлею, кафтанъ золотный на соболяхъ, цѣною 200 р., золотой въ 4 золотыхъ да въ вотчину 40 дворовъ. Въ 1698 г. З—въ былъ въ комисіи для разслѣдованія стрѣлецкаго бунта. Въ 1699—1701 г.г. мы видимъ его уже думнымъ дворяниномъ и печатникомъ. Въ 1701 г., при учрежденіи Ближней канцеляріи, З—въ былъ поставленъ во главѣ ея, но не пользовался въ дѣлахъ такимъ значеніемъ, какое имѣлъ молодой кабинетъ-секретарь Макаровъ. Въ 1702—1703 г.г. З—въ находился въ числѣ тѣхъ пяти лицъ, которымъ Петръ поручилъ наблюдать за укрѣпленіемъ новыхъ «болварковъ» только что взятой шведской крѣпости Нотебурга и за возведеніемъ земляныхъ бастионовъ Петропавловской крѣпости. Такъ какъ послѣдніе были названы въ честь своихъ строителей, то одинъ изъ бастионовъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *бастиона Зотова*.

Мы не можемъ указать на что-либо выдающееся въ служебной дѣятельности З—ва. Въ письмахъ своихъ къ Петру (1706 г.) онъ сообщалъ объ отправленіи изъ С.-Петербурга артиллеріи и провіанта, но неизвѣстна степень его личнаго участія въ заботахъ о снабженіи войска оружіемъ и събѣтными припасами. Въ томъ же 1706 г. З—въ пересылалъ Петру въ особой сумкѣ, за своею печатью, всѣ письма,

получавшіяся на имя царя изъ разныхъ городовъ.

Не будучи ревностнымъ помощникомъ царя въ государственномъ управленіи, З—въ занималъ совершенно особое положеніе при Петрѣ, котораго онъ долженъ былъ въ дѣтствѣ, какъ выразилась Наталья Кирилловна, учить «божественной мудрости, страху Божию и благочинному житію». Не имѣя данныхъ, мы не можемъ утверждать, что З—въ заронилъ въ нѣжную душу ребенка нежелательныя сѣмена. Но какъ объяснить, что юный царь Петръ, создавъ въ 1690-хъ годахъ «сумасброднѣйшій, всешутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ», сдѣлалъ главой его именно своего бывшего дядьку и учителя съ прозвищемъ «князь-папа»? Быть можетъ, наблюдательный царевичъ подмѣтилъ въ «смирнномъ» дьякѣ тѣ черты, которыя такъ ярко выступили въ «князь-папѣ»? Не вдаваясь въ дальнѣйшія предположенія, остановимся на томъ, что достоверно извѣстно.

Петръ составлялъ и собственноручно писалъ «чины», т. е. обряды избранія и поставленія новыхъ членовъ «всепьянѣйшаго собора»; онъ самъ сочинилъ уставъ, который постоянно добавлялъ и видоизмѣнялъ; вообще «соборъ», какъ собраніе близкихъ людей, готовыхъ шумно отпраздновать побѣду, заключеніе мира, спускъ корабля, чьи-нибудь именины, свадьбу и т. д.—предоставлялъ для Петра развлеченіе и возможность отдохнуть отъ государственныхъ дѣлъ и заботъ. На этихъ пирахъ первенствовалъ З—въ «Всешутѣйшій отецъ Иоаникитъ, Пресбургскій, Кокуйскій и Всеяузскій патріархъ»; Петръ былъ дьякономъ или протодьякономъ; многіе члены «собора» носили названія «владыкъ» того или другого города. На святкахъ соборяне ѣздили Христа славить; самъ царь ѣздилъ по всѣмъ боярамъ, З—въ посѣщалъ купцовъ. Сохранились извѣстія о нѣсколькихъ выдающихся прѣшествахъ, въ которыхъ принималъ участіе «всесвятѣйшій патріархъ» Никита Моисеевичъ. 12-го февраля 1699 г., при торжественномъ открытіи новаго дворца Лефорта, шутовское шествіе изъ дома полковника Лимы къ дворцу Лефорта открывалъ З—въ, украшенный изображеніями Бахуса, Купидона и Венеры. За нимъ слѣдовала вся компанія: одни несли чаши, наполненныя хмѣльными напитками, дру-

гіе несли сосуды съ курящимися табачными листьями. 1-го февраля 1702 г. въ этомъ дворцѣ (по смерти Лефорта сдѣлавшемся достояніемъ Петра, такъ какъ онъ былъ построенъ на казенныя средства) справлялась свадьба царскаго шута Шанскаго. На современной гравюрѣ изображено десять столовъ, уставленныхъ въ четыре линіи покоемъ; за отдѣльнымъ столомъ на возвышеніи, въ глубинѣ залы, сидѣли на главномъ мѣстѣ кн. Феод. Юр. Ромодановскій и Ив. Ив. Бутурлинъ; съ лѣвой стороны отъ нихъ, въ патриаршемскомъ одѣяніи, сидѣлъ З—въ. На этой свадьбѣ присутствовали всѣ члены «собора», и были выполнены до мельчайшихъ подробностей старинныя обряды. Въ перепискѣ Петра съ Бор. Петр. Шереметевымъ, гр. Г. И. Головкинымъ, кн. Меншиковымъ, Шафировымъ и другими близкими людьми постоянно упоминается З—въ, называемый то «всесвятѣйшимъ», то «всешутѣйшимъ». Передаются поклоны ему, испрашивается благословеніе, или сообщается Петру, что «за благословеніемъ всешутѣйшаго вѣмъ соборомъ добръ управляемся». Когда Петръ ѣздилъ въ Архангельскъ—онъ бралъ съ собой З—ва; находясь въ Нарвѣ въ 1706 г. и въ Жолквѣ въ 1707 г.—выписывалъ его туда къ празднику Пасхи. Такая диковинка, или, по выраженію Петра «раретейтъ», какъ живыя стерляди, привезенныя въ Санктъ-петербургъ (въ Волги отъ Твери, сквозь Ладожское озеро, въ прорѣзномъ стругу), побудила Петра звать на обѣдъ З—ва: «отъ святѣйшія руки закланныя—писалъ Петръ Меншикову,—ѣдимъ сейчасъ и про ваше здоровье при рюмкѣ ренскова». Въ отсутствіе Петра въ 1706 г. многіе члены «собора» кушали у «святѣйшаго» и «гораздо служили», потомъ сидѣли передъ царскимъ дворомъ и веселились, зашли въ домъ Петра и, въ концѣ концовъ, Шафировъ (онъ-то и писалъ объ этомъ Петру) вмѣстѣ съ З—въ отправился въ царскій погребъ; тамъ З—въ «откушивалъ венгерскаго изъ четырехъ бочекъ, и изъ одной зѣло улюбилъ, и только одну сулейку про себя уцѣдилъ и кушалъ». Остальныхъ гостей Шафировъ потчивалъ рейнскимъ виномъ, которое «поплоше».

Чтобы дать понятіе о перепискѣ З—ва съ Петромъ, приведемъ цѣлкомъ небольшое, но весьма характерное письмо З—ва отъ 23-го февраля 1699 г., безъ соблю-

денія особенностей тогдашняго правописанія. «Нашего смиренія сослужителю, геру протодіакону Р. А. [т. е. Рітер Алексѣевичу] со всею компанією о Господи здравствовати! Благодарствую вашей любви за возвѣщеніе путешествія вашего (за границей) при добромъ здравіи (о чемъ увѣдомленъ отъ азовскаго владыки), и впредь о семъ намъ вѣдомо чините. Зѣло удивляемся вашей дерзости, что изгнанную нашу рабыню, т. е. масленицу, за товарища приняли, не взявъ у насъ о томъ свободы; только вѣдуйте: есть при ней иныя товарищи: Ивашка и Еремка, и вы отъ нихъ опаснесь, чтобъ они васъ отъ дѣла не отволокли; а мы ихъ дружбу знаемъ больше вашего. Сего числа поѣхали къ вамъ иподіаконы Готовцевъ и Бехтѣевъ, съ которыми наказано отъ насъ подати вамъ словесно миръ и благословеніе, а масленицу и товарищевъ ея отлучити: понеже при трудѣхъ такіе товарищи ненотребны; а къ спмъ посланнымъ нашимъ иподіаконамъ будте благопріятели. При семъ миръ Божій да будетъ съ вами, а нашего смиренія благословеніе съ вами есть и будетъ. Smirennii Anikitъ власною рукою».

Въ нѣкоторыхъ письмахъ встрѣчается соединеніе цинизма съ кощунствомъ, по это не является исключительной принадлежностью писаній З—ва, такъ, напримѣръ, Петръ Ив. Бутурлинъ превзошелъ его въ этомъ отношеніи.

Въ 1709 г., послѣ Полтавской побѣды, Петръ пожаловалъ З—ву «персону», т. е. свой портретъ, а 8-го іюля 1710 г. возвелъ его въ графское Россійскаго царства достоинство, при слѣдующемъ рескриптѣ: «по прошенію и за службу Микитѣ Мосеевичу Зотову дается паданіе «графъ», также ближняго совѣтника чинъ и ближней канцеляріи генераль-президентъ». Внизу рукою З—ва приписано: «благодарственъ за вашу Государскую премоугую милость; вышенисанною Царскаго Величества милостію, написанною Его Государскою Собственною рукою, Я, Микита Зотовъ, пожалованъ въ Санктъ-петербургъ, при полученіи вѣдомости о взятіи города Риги, іюля въ 8 день 1710 года».

Въ 1711 г., марта 27-го состоялся сенатскій указъ «О бытіи въ Канцеляріи Правит. Сената секретнаго, приказнаго и прочихъ по губерніямъ столовъ». Вѣдно сохранять въ Сенатской канцеляріи письма или «нужнѣйшія вѣдвія», которыя бу-

дуть присылать въ Сенатъ «указомъ царскаго величества ихъ милость верховные господа, яко свѣтлѣйшій князь (т. е. кн. А. Д. Меншиковъ), тако адмиралъ графъ Апраксинъ, генераль-фельдмаршалъ Шереметевъ, государственный канцлеръ графъ Головкинъ, генераль-президентъ Ближней Канцеляріи графъ Зотовъ, государственный подканцлеръ баронъ Шафировъ и господинъ Кузма Патрековъ». Далѣе въ томъ же сенатскомъ указѣ всѣ эти лица названы «принципалами».

Принадлежность З—ва къ «верховнымъ господамъ» и «принципаламъ» не избавляла его отъ шутокъ Петра, граничившихъ съ издѣвательствомъ. Приведемъ для примѣра назначеніе къ З—ву *чтеца*. Въ іюнѣ 1712 г. явился въ С.-Петербургъ на царскій смотръ, въ числѣ другихъ недорослей, Иванъ Карамышевъ. «И съ онаго смотру—какъ сказано въ «Сенатскихъ докладахъ и приговорахъ»—по его царскаго величества имянному указу, велѣно ему быть при тайномъ совѣтникѣ и Ближней канцеляріи генераль-президентѣ Никитѣ Моисѣвичѣ Зотовѣ за укосненіемъ языка его (т. е. вслѣдствіе косноязычія) въ четцахъ». Карамышевъ пробылъ въ домѣ З—ва въ теченіе мѣсяца, а когда З—въ поѣхалъ въ Померанію, онъ отпросился домой, гдѣ и занемогъ, по собственнымъ его словамъ «животною и ножною болѣзнію». Лишь въ августѣ 1715 г. пріѣхалъ Карамышевъ снова въ С.-Петербургъ, вслѣдствіе угрозы фискала Посникова; но возвращеніи З—ва изъ Ревеля, Карамышевъ явился къ нему 11 сентября того же года, а 28-го сентября, въ бытность Петра въ домѣ З—ва, получилъ отъ государя повелѣніе «быть при немъ, графъ Никитѣ Моисѣвичѣ, по прежнему». Надо обладать особенною изобрѣтательностью, чтобы назначить чтецомъ косноязычнаго недоросля, и черезъ три года подтвердить свое приказаніе.

Въ к—цѣ 1713 г. З—въ отпросился у царя въ Москву, намѣреваясь якобы поступить въ монастырь. Петръ посоветовалъ ему, вмѣсто того, пріискать тамъ жену, и З—въ писалъ по этому поводу царю, между прочимъ, слѣдующее: «а въ пріѣздѣ, государь, нашемъ (т. е. его и жены) въ Петербургъ, какую позволишь для увеселенія вашего государскаго публику учинить, то радостно охотою вась, государя, тѣшить готовъ».

У З—ва были отъ перваго брака (имя, отчество и фамилія первой жены неизвѣстны) три сына: Василій, Кононъ и Иванъ. Кононъ Никитичъ, услыхавъ въ концѣ 1714 г. о тѣхъ приговореніяхъ, которыя дѣлались для шутовской свадьбы его отца, былъ опечаленъ и удержанъ: съ одной стороны, онъ опасался лишиться наслѣдства, съ другой—его возмущало, что старикъ-отецъ подвергается такому посмѣянію. Въ подкрѣпленіе своей просьбы объ отмѣнѣ свадьбы Кононъ Никитичъ приводилъ въ письмѣ къ царю слова своего отца: «я бы и радъ отречься моеи женитбы; но не смѣю царское величество прогнѣвать, столько-де стариковъ собрано для меня, и платя надѣлано». Просьба Конона Никитича запоздала: онъ написалъ Петру 14 января 1715 г., а 16 января должна была состояться свадьба (Никита Моисеевичъ женился на вдовѣ Аннѣ Еремѣевнѣ Стремоуховой, рожденной Пашковой). Еще 25-го сентября 1714 г., по приказу Правит. Сената, велѣно прожиточное помѣстье ея и вотчину, которыми она владѣла до именного царскаго указа о движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ 1714 г., «справить нынѣ или послѣ женитбы за женихомъ ея, царскаго величества тайнымъ совѣтникомъ и ближней канцеляріи генераломъ-президентомъ графомъ *Манусомъ Наклеваніи* Никитю Моисѣвичемъ Зотовымъ». Когда Петръ далъ З—ву это прозвище—неизвѣстно. Мѣсяць спустя, въ сенатскомъ приговорѣ о вѣдѣніи въ Ближней канцеляріи приходныхъ и расходныхъ книгъ разныхъ губерній сказано: «объявить въ Ближней канцеляріи генералу-президенту *графу манусу на клеваніи* Никитѣ Моисѣвичю Зотову съ товарищи». Въ первомъ случаѣ можно было допустить, что З—въ въ шутку названъ *Манусомъ Наклеваніи*, въ связи съ предполагавшейся «потѣшной» свадьбой его, но повтореніе этого прозвища въ сенатскомъ приговорѣ ясно доказываетъ, что Петръ закрѣпилъ за нимъ приставку, какъ бы намекавшую на великую способность клевать насомъ, т. е. на чрезмѣрную выпивку.

12-го декабря 1714 г. Петръ приказалъ всѣмъ лицамъ, назначеннымъ присутствовать на свадьбѣ З—ва, явиться въ домъ секретаря Волкова на Васильевскомъ островѣ въ костюмахъ; но, чтобы

народъ не видалъ костюмовъ, покрытыя епанчами, а главные уборы привезти съ собою. Женихъ долженъ былъ быть въ кардинальскомъ одѣянн; князь-кесарь (кн. Юрій Феод. Ромодановскій) въ Царь-Давыдовскомъ. Роспись, кому въ какомъ платьѣ быть и съ какими *шрами*, была составлена самимъ царемъ. Для большаго разнообразія одинаково были одѣты лишь 3—4 человекъ; въ рѣдкихъ случаяхъ 5 человекъ. Тутъ были: лютеранскіе пасторы, архидіакны (т. е. католическіе епископы), бернардинскіе монахи, рыцари, гамбургскіе бургомистры, рудокопы, кшталовы, рыбаки, нѣмецкіе пастухи, скороходы, матросы; изъ народностей: китайцы, американцы, японцы, армяне, лопари, турки, поляки, венеціанцы и т. д. Нѣсколько человекъ было просто въ шубахъ, охобяяхъ и короткихъ шубахъ на выворотъ. Всѣ три сына Пикиты Моисеевича были въ *ассесорскомъ* платьѣ и держали въ рукахъ *соловьевъ*. Женскіе наряды гораздо менѣе интересны, и мы не станемъ на нихъ останавливаться. «Игры» состояли не только изъ барабановъ, дудочекъ, мѣдныхъ тарелокъ, флейтъ и свирѣлей; тутъ были и трещотки, сковороды, разные рожки, собачьи свистки, волынки, ложки съ колокольчиками, «варганъ», пузыри съ горохомъ и т. д.

Приглашеніе гостей было предоставлено четверымъ заикамъ и совершалось по особому объявленію, составленному самимъ Петромъ. Начиналось оно такъ: «Позвать вѣжливо, особливимъ штилемъ, не торопясь, тово, кто фамилією своею гораздо старѣ чорта (то есть Оберъ-Корсицкаго Маразина)». Далѣе, между прочимъ, читаемъ: «Тово-бы не забыть, кто пятнадцать дней чижика пріискиваль, да не сыскаль; не знаю о томъ, можетъ-ли онъ и то сыскать, куда онъ устремляется, и куды гости призываются, и торжество готовится; тово человекъ, кто изъ Аленѣ родился; тово кто кушать пріуготовить умѣеть; тово, кто не по силѣ борца сыскаль».

16 января 1715 г., послѣ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ, мужчины съѣхались въ домъ гр. Головкина, а женщины, съ императрицей и другими царственными особами во главѣ,—въ домъ князь-игуменьи Ржевской. Оттуда шествіе направилось въ церковь. Знатныя особы ѣхали въ линияхъ, запряженныхъ шестерикомъ.

Обрученная чета шла пѣшкомъ, поддерживаемая четырьмя старцами; впереди выступали, въ качествѣ скороходовъ, четыре мужика, до такой степени тучныхъ и неповоротливыхъ, что, въ сущности, сами они нуждались въ вожатыхъ. Царь находился среди поѣзжанъ въ матросскомъ платьѣ. Трескъ, свистъ и грохотъ упомянутыхъ нами выше орудій сливался съ колокольнымъ звономъ, и получился невообразимый шумъ. Для вѣнчанія 3--ва былъ выпущенъ изъ Москвы священникъ Архангельскаго Собора, имѣвшій болѣе 90 лѣтъ отъ роду. Изъ церкви, тѣмъ же порядкомъ, шествіе направилось въ домъ новообвѣнчавшагося *князь-папы*, или, какъ его тогда называли, *князь-патріарха*. *Молодые* (по свидѣтельству кн. П. В. Долгорукаго, Пикитѣ Моисеевичу было лѣтъ восемьдесятъ) усердно потчивали гостей разными паштетками. На улицахъ выставили для народа бадьи съ виномъ и пивомъ и разныя яства; многіе кричали: «патріархъ женился! патріархъ женился!» Другіе, держа въ рукахъ ковши вина или нива, восклицали: «да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею». На другой день возли молодыхъ по городу, въ предшествіи всѣхъ участниковъ свадебнаго торжества.

Вотъ что говоритъ относительно этой свадьбы С. М. Соловьевъ: «Свадьба Зотова заслужила особенное вниманіе: одни вооружаются противъ неприличія этого торжества, другіе стараются оправдать его, и вообще хотѣли видѣть здѣсь паштету надъ патріаршествомъ, желаніе унижить санъ, который хотѣлось уничтожить. Но мы знаемъ, что это была просто игра въ короли, папы и патріархи, игра, понятная при тогдашнемъ состояніи юнаго общества. Зотовъ назывался Кокуйскимъ патріархомъ еще тогда, когда настоящій патріархъ былъ въ Москвѣ, когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, не западала еще мысль объ уничтоженіи патріаршества; теперь этотъ Кокуйскій, шутовскоі патріархъ вздумалъ жениться и свадьбу его отпраздновалъ *триличнымъ* его званію образомъ. Если предположить, что Петръ хотѣлъ насмѣяться надъ патріаршествомъ, то надобно предположить, что онъ хотѣлъ насмѣяться и надъ своею собственною царскою властію, потому что у него былъ и шутовскоі Пресбургскій король, внослѣдствіи кесарь; со

смертію старика Зотова шутовское патриаршество упразднилось, но остался князь-папа въ соответствии князю-кесарю».

З—въ умеръ въ 1717 г., и въ концѣ этого года, передъ избраніемъ новаго князь-папы, Петръ обратился отъ лица собора со слѣдующей просьбой къ князю-кесарю Ив. Θεод. Ромодановскому, возведенному въ это званіе по смерти отца: «Великій Государь Князь Цесарь Иванъ Θεодоровичъ! Извѣстно вашему величеству, что отецъ вашъ и богомолецъ в. князь-папа, всешутѣйшій Аникита отъ житія сего отъпде, и нашъ сумазброднѣйшій соборъ остави безглавенъ; того ради, просимъ в. в. призрѣти на вдовствующій престолъ избраніемъ Бахусо-поражательнаго отца». Въ князь-папы былъ избранъ Петръ Ив. Бутурлинъ, за котораго и вышла потомъ замужъ вдова Никиты Моисеевича Зотова, Анна Еремѣвна.

У З—ва были земельныя владѣнія: въ Бѣжецкомъ Верху деревня Софонова; въ Коломенскомъ у. село Карпово; въ Московскомъ у. село Доношево; въ Ингерманландіи за нимъ и за его сыновьями значилось 130 дворовъ. Кромѣ того, у него были дома: на островѣ Котляйнѣ и въ С.-Петербургѣ на мѣстѣ теперешняго Гагаринскаго буяна, при слияніи Невки съ Невою, на Петроградской сторонѣ.

Хотя въ дипломѣ, выданномъ въ 1713 г., было написано, что графское достоинство переходитъ и къ потомкамъ Зотова, но по кончинѣ гр. Никиты Моисеевича сыновьямъ и внукамъ его запрещено было именоваться графами. Императоръ Александръ I, указомъ отъ 21 іюня 1803 г., возстановилъ въ графскомъ достоинствѣ Николая Ивановича Зотова, приходившагося Никитѣ Моисеевичу праправнукомъ. Произошло это по просьбѣ князей Куракиныхъ, когда Ник. Ив. Зотовъ посватался къ княжнѣ Еленѣ Алексѣевнѣ Куракиной.

С. Г. Г. II Д., IV.—А. А. Э., IV.—Доп. къ Акт. Ист., т. т. VIII, IX, XII.—Дв. разр., IV.—П. С. З., II—V.—*Есиповъ*, «Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ». М. 1872 г., т. I.—Письма и бумаги императора Петра Великаго, изд. особой комиссіей по Высочайшему повелѣнію. Спб. 1887—1912 г., т. т. I—VI.—*Кн. П. В. Долгоруковъ*, «Рос. Род. вѣн.», II.—«*Mémoires du prince P. Dolgorouikow*». Genève. 1867, т. I.—Записки *Желобуцкаго* и *Крекинина* въ изд. *Сахарова* «Записки русскихъ людей».

М. 1841 г.—«Архивъ кн. *Куракина*», т. т. I и III.—*Голоиковъ*, «Дѣянія Петра В.», т. т. I—VI, XIII—XV.—*Петровъ*, «Исторія С.-Петербурга». Спб. 1883 г.—*Пылаевъ*, «Старый С.-Петербургъ». 1887 г.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. т. XIV—XVI.—*Забѣлинъ*, «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи». М. 1872 г., ч. I.—Дѣтскіе годы Петра Великаго.—«Рус. Ст.» 1872 г., т. V («Шутки и потѣхи Петра Великаго; Петръ Великій, какъ юмористъ»).—«Доклады и прговоры, состоявшіеся въ Правит. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго». Изд. Импер. Акад. Наукъ, т. т. II—V.

В. Корсакова.

Зотовъ, Павелъ Дмитриевичъ, генераль-отъ-инфантеріи, членъ военнаго совѣта, происходилъ изъ дворянъ Петроградской губерніи, родился 6-го іюля 1824 г. и по окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ былъ выпущенъ 2 го августа 1843 г. на службу прапорщикомъ въ 14-ю артиллерійскую бригаду; въ 1846 г. онъ поступилъ въ военную академію; окончивъ тамъ курсъ по первому разряду, онъ въ 1850 г. перевелся въ гвардейскій генеральный штабъ поручикомъ. Назначенный затѣмъ старшимъ адъютантомъ по части генеральнаго штаба въ штабъ гвардейскаго корпуса произведенный въ штабъ-капитана, З—въ въ 1853 г. читалъ тактику старшимъ офицерамъ гвардіи. Въ 1857 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, отчисленъ отъ должности старшаго адъютанта и назначенъ на службу въ кавказскую армію. По прибытіи въ Тифлисъ З—въ, по распоряженію главнокомандующаго, былъ командированъ въ Терскую область для участія въ предполагавшихся тамъ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ сентябрѣ того же года былъ предпринятъ набѣгъ въ Аргунское ущелье, а въ октябрѣ составленъ особый отрядъ для дѣйствій въ Малой Чечнѣ. За отличіе въ дѣлахъ съ горцами З—въ былъ награжденъ орд. св. Анны 2 ст. съ мечами и назначенъ начальникомъ штаба войскъ Терской области. Въ началѣ 1858 г. дѣйствія въ Чечнѣ приняли серьезный характеръ, и войска наши въ цѣляхъ прочнаго утвержденія въ Аргунскомъ ущельѣ приступили къ заложенію его, которое сопряжалось горячими схватками съ неприятелемъ и разореніемъ многихъ ауловъ. Результатомъ этихъ дѣйствій было утвержденіе нашихъ войскъ между Терскомъ и верховьями Аргуна и изъявленіе покорности 13-ю горскими обществами. За участіе въ этихъ дѣйствіяхъ З—въ въ

1859 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры, несмотря на то, что въ чинѣ полковника былъ всего два года, и въ томъ же году награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. съ мечами за участіе при взятіи штурмомъ укрѣпленнаго аула Веденя, резиденціи Шамиля. Въ 1861 г. 3-въ былъ назначенъ начальникомъ штаба войскъ Кубанской области и находился въ дѣйствующемъ адагумскомъ отрядѣ. За эти дѣйствія онъ награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 1 ст. съ мечами и затѣмъ послѣдовательно занималъ должности генералъ-квартирмейстера кавказской арміи, помощника командующаго войсками Кубанской области (1863 г.) и командующаго 40-й пѣхотной дивизіей. Произведенный въ 1864 г. въ генералъ-лейтенанты и назначенный сначала начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи, съ зачисленіемъ въ генеральный штабъ, а затѣмъ въ 1869 г. начальникомъ 11-ой пѣхотной дивизіи, 3-въ былъ зачисленъ въ 1871 г. по генеральному штабу, а въ 1872 году назначенъ начальникомъ 28-ой пѣхотной дивизіи. Этой послѣдней дивизіей 3-въ командовалъ до назначенія его въ 1877 г. командиромъ 4-го армейскаго корпуса, съ которымъ принялъ участіе въ Турецкой войнѣ. По окончаніи кампаніи онъ былъ назначенъ уже въ чинѣ генералъ-отъ-инфантеріи членомъ военнаго совѣта и въ этомъ званіи оставался до дня кончины, послѣдовавшей 19 ноября 1879 г. Въ послѣдніе годы своей службы 3-въ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. съ Императорской короной, св. Владиміра 2 ст. съ мечами, Вѣлаго Орла и св. Александра Невскаго съ мечами и алмазными знаками. 3-въ оставилъ послѣ себя записки, касающіяся войны 1877—1878 гг. Онѣ важны, во первыхъ, какъ свидѣтельство очевидца, во вторыхъ, какъ показанія одного изъ самыхъ главныхъ дѣятелей войны 1877 г. Конечно, нельзя сказать, чтобы полное безпристрастіе всегда руководило перомъ автора, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго, честнаго, благороднаго въ высочайшемъ значеніи этого слова. Стоя въ водоворотѣ событій, вынося на себѣ массу неприяностей, нареканій и укоровъ, онъ, весьма попятно, не могъ не волноваться въ тѣхъ или другихъ неудачахъ и неприяностяхъ. Строгий къ себѣ, онъ иногда строгъ въ отзывахъ и о другихъ. Но не надо забывать, что

записки свои онъ писалъ не для печати, исключительно для себя, а потому не могъ быть и сомнѣнія въ томъ, что писалъ вполне искренно: не было смысла заносить въ свой дневникъ отзывы и замѣтки, въ полной справедливости которыхъ онъ не былъ глубоко и совершенно искренно убѣжденъ.

«Война за независимость славянъ въ 1877—1878 гг. Посмертныя записки П. Д. Зотова», («Русскія Старина» 1886 г., январь, стр. 213—240; февраль 425—450).—«Русскій Инвалидъ» 1879, № 259.—«Нива» 1887 г., стр. 649.—«Петербургскій Некрополь», т. II.

И. Артимонова.

Зотовъ, Петръ Павловичъ, инженер-механикъ, изобрѣтатель, родился 11 января 1847 г.; окончилъ курсъ въ бывшихъ академическихъ классахъ при морскомъ училищѣ, много плавалъ и въ послѣдніе годы служилъ старшимъ механикомъ на императорской яхтѣ «Царевна». Свою изобрѣтательскую дѣятельность 3 въ началѣ съ 1881 г. изобрѣтеніемъ особаго аппарата, названнаго шумоукротителемъ, который былъ установленъ въ первый разъ на названной яхтѣ «Царевна». Этотъ аппаратъ служилъ для безшумнаго выпуска изъ котловъ излишняго пара, выпускъ котораго на воздухъ, какъ это дѣлалось прежде, производилъ весьма сильный шумъ, тяжело дѣйствующій на непривычныхъ къ нему людей, и совершенно заглушалъ всякія распоряженія наверху. При дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ шумоукротителей онъ примѣнялъ ихъ также и для выкачиванія воды изъ трюма, такъ что новые аппараты шумоукротители-эжекторы несли двойную службу. Велѣды затѣмъ 3—въ изобрѣтеніемъ водонагревательнаго аппарата, предназначеннаго для безшумнаго согрѣванія воды въ котлахъ на случай быстрой разводки паровъ и доставляющій значительное сбереженіе угля, расходуемаго на поддержку паровъ. Обстоятельства дѣйствія этого послѣдняго аппарата, обнаруженные при испытаніяхъ, привели 3 въ къ изобрѣтенію промывательно-нагревательнаго аппарата для чистки внутреннихъ частей котловъ отъ осадковъ и грязи въ мѣстахъ, недоступныхъ чисткѣ всякимъ другимъ способомъ. Имъ были испытаны и предложены также переносные шумоукротители-эжекторы для выкачиванія воды изъ трюма въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ

спеціальныхъ водоотливныхъ средствъ, или въ случаяхъ порчи послѣднихъ. Недостатокъ прѣсной воды на судахъ и постоянныя жалобы на неудовлетворительность дѣйствія существующихъ на судахъ водопрѣснителей побудили его заняться и этимъ вопросомъ, который былъ разрѣшенъ имъ съ успѣхомъ, и всѣ строящіяся суда снабжались водопрѣснителями его системы, оказавшимися на дѣлѣ вполне отвѣчающими своему назначенію. Заняться объ облегченіи кочегаровъ, З—въ изобрѣлъ аппаратъ для доставленія теплой воды для мытья. Мысль о сбереженіи угля и увеличеніи силы машинъ на судахъ привела З—ва къ изобрѣтенію и примѣненію аппарата для нагрѣванія питательной воды, который оказался вполне прѣлесообразнымъ. Незадолго до смерти З—вымъ предложенъ былъ для улучшенія качества прѣсной воды на судахъ особый кипячительникъ вторичнаго пара, посредствомъ котораго возможно добыть совершенно чистую прѣсную воду, полученіе которой при употребленіи минеральныхъ смазочныхъ маселъ весьма затруднительно. Неутончивая работа подкосила здоровье труженика, у него обнаружили признаки психической болѣзни, и онъ скончался 18 января 1888 года.

«Кронштадтскій Вѣстникъ», 1888 г., № 9.—
«Новое Время» 1888 г., № 4274.—«Петербургскій Некрополь», т. II.

Зотовъ, Петръ Рафаиловичъ, капитанъ 2-го ранга; будучи гардемаринномъ, въ 1842—1844 г. крейсеровалъ на разныхъ корабляхъ въ Финскомъ заливѣ, а въ 1844 г., пропавшій въ мичмана, былъ назначенъ въ Черноморскій флотъ и здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ также плавалъ на разныхъ транспортахъ; затѣмъ онъ былъ снова переведенъ въ Балтійскій флотъ, оставаясь въ немъ до 1852 г., когда въ чинѣ лейтенанта былъ назначенъ въ 45-й флотскій экипажъ въ Астрахань. Пробывъ здѣсь два года, З—въ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, и на кораблѣ «Императоръ Петръ I» находился на маломъ кронштадтскомъ рейдѣ при защитѣ Кронштадта отъ нападенія англо-французскаго флота. Прикомандированный въ 1860 г. для занятій къ временной контрольной экспедиціи, онъ въ 1862 г. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанта и зачисленъ по резерв-

ному флоту, а въ 1872 г. уволенъ отъ службы съ производствомъ въ капитаны 2-го ранга.

З—въ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и издалъ отдѣльной брошюрой «Журналъ мичмана за 1847 г.» (изъ плаванія на кораблѣ «Иезекииль» изъ Архангельска въ Кронштадтъ) и представилъ его вел. кн. Константину Николаевичу, за что получилъ отъ него благодарность въ весьма лестныхъ выраженіяхъ.

«Общій морской списокъ», ч. X, стр. 202—204.—«Сѣв. Пчела» 1848 г., № 27.

Зотовъ, Рафаиль Владимировичъ, подполковникъ, редакторъ «Морского Сборника», сынъ извѣстнаго литератора Владимира Рафаиловича, родился 11 сентября 1848 г., былъ питомцемъ морского корпуса, первый офицерскій чинъ мичмана получилъ въ 1871 г., а черезъ четыре года былъ произведенъ въ лейтенанта, въ 1888 г.—въ капитаны по адмиралтейству и въ томъ же году за отличіе по службѣ—въ подполковники. З—въ молодость свою провелъ въ плаваніяхъ, при чемъ на корветѣ «Бояринъ» совершилъ кругосвѣтное путешествіе и нѣсколько лѣтъ служилъ во Владивостокѣ. Морская практика дополнила его теоретическія свѣдѣнія и расширила кругозоръ его. По возвращеніи въ Петроградъ З—въ всецѣло отдался литературнымъ занятіямъ и печатанью своихъ разностороннихъ замѣтокъ и статей, преимущественно изъ области морского дѣла, въ «Морскомъ Сборникѣ». Онъ зналъ прекрасно почти всѣ европейскіе языки, обстоятельно ознакомился съ обширной литературой морского дѣла и, отличаясь замѣчательнымъ трудолюбіемъ, посвятилъ свои досуги переводамъ и самостоятельнымъ кабинетнымъ работамъ. Его специальностью была морская исторія. Изданные имъ въ 1892 г. «Стратегическіе уроки морской исторіи» составляютъ цѣнное украшеніе морской литературы. (Отзывъ въ «Историч. Вѣстн.» 1893 г., № 3, стр. 902). З—въ былъ не чуждъ изысканіямъ и въ области древней русской исторіи. Его обстоятельное изслѣдованіе «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ Татарское время» обратило на себя вниманіе Импер. Археографической Комиссіи, которая, признавъ это послѣдованіе о Любецкомъ синодикѣ имѣющимъ

научное значеніе, какъ первый опытъ обстоятельнаго разбора данныхъ, заключающихся въ этомъ памятникѣ, издала его въ IX выпускѣ «Лѣтописи Занятій» (Отзвѣы: «Журн. М-ва Нар. Просв.» 1892 г., № 12; «Историч. Вѣстн.» 1893 г., № 4, стр. 263; «Рус. Стар.» 1893 г., № 1, обл.; «Русская Мысль» 1893 г., № 2, стр. 66; «Сѣверн. Вѣстн.» 1894 г., № 4, стр. 49—50 и XXVIII и XXXVI присужденіе Уваровскихъ премій). Редакторомъ «Морского Сборника» З — въ былъ назначенъ въ 1889 г., а раньше работалъ въ этомъ же журналѣ въ качествѣ помощника редактора. Скончался З — въ 16 сентября 1893 года, 45-ти лѣтъ отъ роду.

«Новое Время» 1893 г., № 6306 — «Живописное Обзорѣніе» 1893 г., № 39 — «Лѣтописи Занятій Археографич. Коммисіи», вып. IX, отд. I, стр. 1—327 и отд. IV, стр. 47—51. — «Историч. Вѣстникъ» 1893 г., № 10, стр. 312. — «Всемирная Иллюстр.» 1893 г., т. 50, стр. 241.

Зотовъ, Рафаилъ Михайловичъ (род. 1796 г., скончался 17-го сентября 1871 г., погребенъ на городскомъ кладбищѣ въ Павловскѣ), извѣстный писатель-романистъ и драматургъ, видный театральныи дѣятель. Для біографіи Зотова имѣются весьма цѣнные автобіографическіе матеріалы самого писателя: «Записки Рафаила Михайловича Зотова», напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1896 годъ (іюнь—декабрь). Впервые отрывокъ изъ его театральныхъ воспоминаній помѣщенъ былъ въ 1859 году въ приложеніи къ «Драматическому Сборнику» (№№ 3-11) и къ «Собранію театральныхъ піесъ» (№№ 3 и 4). Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ, сынъ Р. М., пересмотрѣлъ воспоминанія отца по рукописямъ и возстановилъ въ нихъ многіе значительныя пропуски, сдѣланныя въ свое время по цензурнымъ требованіямъ. Этотъ текстъ «Записокъ» и напечатанъ въ книжкахъ «Историческаго Вѣстника». Дополненіемъ къ нимъ могутъ служить: 1) «Рассказы о походахъ 1812 и 1813 годовъ прапорщика С.-Петербургскаго ополченія» и во 2) «Мое знакомство съ графомъ Аракчеевымъ. Статья Р. З. (Зотова)». Анекдотъ, относящійся къ концу 1824 года обнаруживающій образъ мыслей графа Аракчеева.

Отецъ Зотова — сынъ Бату-хана, брата послѣдняго Крымскаго властителя Шагинъ-Гирея. Его мальчикомъ привезли ко двору

Екатерины II, крестили въ православную вѣру и дали по сходству съ любимымъ намердинеромъ императрицы фамилію Зотова. По окончаніи шляхетскаго кадетскаго корпуса при графѣ Ангальтѣ Зотовъ — отецъ, будучи уже офицеромъ, случайно обратилъ на себя вниманіе императора Павла. «Какъ корпусный офицеръ», — рассказываетъ Зотовъ, — отецъ почти ежедневно ходилъ въ Михайловскій манежъ, гдѣ очень часто бывалъ императоръ Павелъ, и становился въ числѣ обязанныхъ зрителей на лѣвомъ флангѣ по ранжиру, какъ самаго малаго роста. Однажды прѣхалъ государь въ манежъ при самой бурной погодѣ. Въ свитѣ его были въ тотъ день братья Чарторыйскіе, славившіеся мускульною силою, которою обладалъ и самъ Павелъ I. При входѣ государя въ манежъ, разумѣется, отворили настежъ ворота, но сила бури была въ тотъ день такова, что въ минуту прохода Павла I гренадеръ, стоявшій у воротъ, свалился съ ногъ и, повидимому, подобная же участь угрожала самому Павлу I, но отецъ мой, какъ ближайшій къ воротамъ, успѣлъ подскочить и подставить ногу подъ распахнувшіяся ворота, а самъ вытянулся, какъ слѣдовало. Государь улыбнулся, кивнулъ ему головою и прошелъ мимо. Ворота заперли, и разводъ начался обыкновеннымъ порядкомъ. Но, по окончаніи его, государь разговорился съ Чарторыйскими о силѣ, обнаруженной моимъ отцомъ, удержавшимъ ворота. Позвали его; потребовали отъ него новыхъ доказательствъ силы, и такъ какъ онъ дѣйствительно обладалъ ею въ превосходной степени, разгибая подковы и производя другіе опыты, какъ-то: ношеніе людей на протянутой рукѣ и т. п., то государю очень это понравилось, и онъ перевелъ его въ число дворцовыхъ гренадеръ. Съ этой минуты жизнь отца совершенно измѣнилась, и Павелъ I не разъ приказывалъ ему производить опыты своей мускульной силы».

Мать Р. М. была простой крестьянкой. Императоръ Павелъ I строго смотрѣлъ за нравственностью своихъ офицеровъ, и отецъ Зотова принужденъ былъ жениться на обольщенной имъ дѣвушкѣ. По обычаю того времени, дѣти, рожденныя виѣбрачно, участвовали въ тайнствѣ бракосочетанія. «Я помню, отмѣчаетъ З — въ, первое впечатлѣніе моеи молодости (миѣ было три года), когда я по тогдашнему обычаю (не знаю, существуетъ

ли онъ теперь) стоялъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью подъ вѣнцомъ... Вторымъ впечатлѣніемъ, шестилѣтняго возраста, было театральное, какъ бы предвѣщавшее мою позднѣйшую дѣятельность». Въ Псковѣ, гдѣ протекли ранніе годы З—ва, открылся нѣмецкій театръ, и онъ часто, какъ безплатный посѣтитель, ходилъ въ губернаторскую ложу. Отецъ вскорѣ совершенно скрылся: пошли слухи, что онъ утонулъ въ Молдавіи; на самомъ дѣлѣ, кажется, онъ при живой женѣ вторично женился и имѣлъ новую семью, которой и оставилъ все свое состояніе. Мальчикъ З—въ жилъ сперва съ матерью въ небольшомъ имѣніи въ Псковской губерніи, а затѣмъ получилъ начальное домашнее образованіе у ближайшихъ друзей своего отца. Ему было почти четырнадцать лѣтъ, а онъ совсѣмъ не зналъ по-русски, въ совершенствѣ владѣя языками французскимъ и нѣмецкимъ. Окончивъ курсъ единственной тогда въ Петроградѣ гимназіи въ 1810 году, З—въ поступилъ на службу: сперва къ частному приставу, а затѣмъ къ главному директору театра оберъ-камергеру Л. Нарышкину съ жалованьемъ въ годъ по 150 руб. ассигнаціями. Наступилъ достопамятный для Россіи 1812 годъ. Манифестъ о всеобщемъ ополченіи побудилъ З—ва написать первые патріотическіе стихи, которые Нарышкинъ удостоилъ своею похвалою. Увлеченный всеобщимъ движеніемъ, Р. М. поступилъ въ ряды ополченія. 5 сентября выступала изъ Петрограда та колонна ополченія, въ которой состоялъ З—въ. «День былъ теплый, ясный, великолѣпный, вспоминаетъ онъ. Императоръ Александръ провожалъ насъ, стоялъ на колѣняхъ во время молебствія, и мы замѣтили, что онъ плакалъ. Эти слезы, можетъ быть, покажутся странными, но для исторіи онѣ драгоцѣнны. Александръ узналъ уже въ эту минуту, что Москва взята и горитъ. Слѣдственно, онъ чувствовалъ всю потерю, понесенную Россіею, и могъ прослезиться, отправляя на жертву послѣднія свои силы». З—въ подробно рассказываетъ исторію ополченія до момента его роспуска. Его живое, яркое повѣствованіе правдиво: стоитъ взять документы, изданные въ 1914 г. Петроградской городской управою и посвященные участію города Петрограда въ событіяхъ Отечественной войны (томъ I), чтобы убѣдиться въ точности и исторической

объективности отдѣльныхъ моментовъ его изложенія. При переходѣ на правый берегъ Двины, при рѣчкѣ Полотъъ, около деревни Юревичъ З—въ былъ раненъ. По формулярному списку значится, что Р. М. получилъ десять ранъ, изъ которыхъ четыре въ голову, а другія по разнымъ частямъ тѣла. Красочно описываетъ З—въ ощущенія свои подъ огнемъ непріятеля и ужасъ человѣка, оставленнаго на полѣ сраженія. Рана въ ногу едва не сдѣлала его калѣкой на всю жизнь. «Пришелъ докторъ: осмотрѣлъ мои раны, говоритъ З—въ, наложилъ на нихъ груды корпіи и пошелъ дальше, но я остановилъ его и просилъ осмотрѣть мою ногу. Она была ранена навѣснымъ пистолетнымъ выстрѣломъ всадника, хотѣвшаго покончить со мною. Исторія сниманія сапога была самая болѣзненная. «Я сейчасъ принесу инструменты и отниму у васъ ногу», — сказалъ докторъ и ушелъ. Мысль остаться безъ ноги мучила меня. Остаться калѣкою было очень непріятно, и потому, когда явился другой врачъ и спросилъ: «Осматривали ли васъ?» — я отвѣчалъ, что осматривали, но просилъ осмотрѣть мою ногу, нужно ли ее отплавивать. Тотъ осмотрѣлъ и сказалъ, что совсѣмъ не нужно. Вернулся и прежній врачъ, и между ними произошелъ нѣмецкій разговоръ, въ который вмѣшался и я, умоляя оставить мнѣ ногу. «Пожалуй, мнѣ все равно», сказалъ первый врачъ. И такимъ образомъ я остался съ ногою».

Подъ Данпигомъ Р. М. познакомился съ Загоскинымъ, «который, отмѣчаетъ З—въ въ своихъ запискахъ, впоследствии прославился, какъ писатель романовъ и пьесъ. Онъ былъ тогда просто «добрый малый» и ничего не обѣщалъ впоследствии. Зато, и не обѣщая ничего, сдержалъ многое». По окончаніи войны З—въ снова вступилъ на службу въ театральную дирекцію, гдѣ и прослужилъ болѣе 25 лѣтъ, сперва секретаремъ у князя Тюфякина, директора театровъ, затѣмъ переводчикомъ, потомъ начальникомъ репертуара, сперва нѣмецкаго театра, а послѣ русскаго. Массу бытового матеріала содержатъ его записки за эту эпоху: Шаховской и Тюфякинъ, Долгорукій и конюшенная контора, Милорадовичъ и 14 декабря, театральныя комитеты, графъ Михаилъ Юрьевичъ Вильгорскій, князь Гагаринъ, графъ Кутайсовъ, трагикъ

Яковлевъ, Иванъ Ивановичъ Сосницкій, холера 1831 года, пѣвецъ Самойловъ, литературныя новости, Грибодѣвъ и «Горе отъ ума», Гоголь и «Ревизоръ», театральныя интриги, закулисный міръ—калейдоскопомъ проходить въ запискахъ Р. М. Какъ театральныи дѣятель, З—въ былъ человекомъ чистымъ, честнымъ и доброжелательнымъ; это и было причиной его широкой популярности среди театральныи круговъ. Въ 1816 году З—въ женился на Марьѣ Ивановнѣ Пикулиной, отъ которой имѣлъ двухъ сыповей—Владимира, литератора, редактора «Пантеона» и др. изданій, и Петра, служившаго во флотѣ, и четырехъ дочерей. Полезная театральная служба Р. М., такъ какъ онъ прекрасно зналъ требованія сцены и относился къ театру всегда съ великой любовью, прервалась въ 1836 году вслѣдствіе острой ссоры съ директоромъ театровъ Гедеоновымъ. «По моему самолюбію, замѣчаетъ Зотовъ въ запискахъ, казалось, что я необходимый человѣкъ при дирекціи, и что позволеніе служить было вовсе не наградою за 25-ти лѣтнюю службу и за десять ранъ 1812 года. Это была очень печальная ошибка. Одна изъ актрисъ была подѣ моимъ личнымъ покровительствомъ, потому что была племянницею Похорскаго, которому я такъ много былъ обязанъ. Она вышла замужъ за отличнаго человѣка по части хореографіи, Марсея, и я имъ выпросилъ у Гедеонова квартиру въ Палероалѣ. Гедеоновъ часто подшучивалъ надъ моими отношеніями къ этой актрисѣ, но я спокойно объяснилъ ему эти отношенія. Вдругъ эта квартира понадобилась красильщику, опредѣленному на службу и состоявшему подѣ покровительствомъ Гедеоновой (Натальи Павловны). Любопытно, что этотъ красильщикъ былъ поручикъ и имѣлъ Георгіевскій крестъ за польскую кампанію. Нечего и говорить, что директоръ имѣлъ полное право распоряжаться квартирами, но я лично обидѣлся тѣмъ, что онъ мнѣ ни слова не сказалъ объ этой перемѣнѣ. Поэтому я рѣшился проситься въ отставку и послалъ форменную объ этомъ просьбу. Въ тотъ же день Кирѣевъ принесть ее мнѣ съ надписью: «Уволить», тогда какъ въ сущности директоръ не имѣлъ права увольнять самъ начальника репертуарной части, а обязанъ былъ представлять объ этомъ увольненіи министру. Это было послѣднею каплею.

переполнившію сосудъ моего терпѣнія. Я написалъ къ Гедеонову самое дерзкое письмо по-французски и, основываясь на прежней нашей военной службѣ, вызвалъ его на дуэль, прибавя впрочемъ, что онъ, конечно, можетъ воспользоваться этимъ письмомъ для того, чтобы нравственно погубить меня, но что это будетъ «une lachete». Не знаю, гдѣ была моя голова въ эту минуту, но послѣдствія моей выходки были самыя печальныя. Гедеоновъ отвезъ роковое письмо къ князю Волконскому, а тотъ представилъ его государю. Не мудрено угадать послѣдствія. Государь позвалъ къ себѣ оберъ-полицеймейстера Кокошкина и приказалъ ему отвезти меня къ Гедеонову и заставить меня просить у него прощенія за неслыханное оскорбленіе начальника. Но прежде, нежели это сдѣлалось, я уже успѣлъ опомниться. Ко мнѣ пришелъ старшій сынъ Гедеонова (Михаилъ Александровичъ) и убѣждалъ идти къ отцу и просить прощенія, обѣщая, что послѣдствія будутъ самыя благоприятныя для меня и что отецъ сдѣлаетъ меня вице-директоромъ. Я отказался, потому что, въ свою очередь, послалъ брата жены моей, служившаго въ государственной канцеляріи, къ министру съ просьбою о прощеніи. Волконскій спросилъ у него «о состояніи моего здоровья». Онъ ожидалъ, что я сошлюсь на головныя раны и на дѣйствіе ихъ. Но я не сдѣлалъ этого, и министръ объявилъ, что за мною прійдетъ оберъ-полицеймейстеръ и отвезетъ къ Гедеонову. Я предупредилъ это, и явился самъ. Гедеоновъ принялъ меня ласково и сказалъ, что послалъ уже отъ себя просить генерала Кокошкина не беспокоиться, потому что примиреніе уже совершилось, и онъ простилъ мою выходку. Послѣ этого онъ поѣхалъ еще разъ къ министру и просилъ донести государю, что «мы помирились», и что такъ какъ я уже уволенъ отъ службы, то чтобы было дозволено мнѣ прискочить себѣ другое мѣсто. На этотъ докладъ государь отвѣчалъ: «Пожалуй, пусть служить; только я посмотрю, кто его возьметъ». Говорилъ ли когда государь эту грозную фразу и въ какихъ именно выраженіяхъ, я, конечно, не могу въ этомъ убѣдиться, но Гедеоновъ подтвердилъ ее всѣмъ, кто бы могъ меня взять въ свое вѣдомство».

Р. М. долго, почти 15 лѣтъ, искалъ новой службы: обращался къ разнымъ

влиятельнымъ лицамъ, получалъ ихъ обѣщанія, но мѣста не было. Литература пришла ему на помощь. Строили черезъ Неву Благовѣщенскій мостъ. По этому поводу З—въ написалъ вѣсколко стиховъ. Графъ Клейнмихель, главный начальникъ вѣдомства путей сообщенія, далъ ему мѣсто члена общаго присутствія департамента ревизіи. Впослѣдствіи З—въ сталъ членомъ особой комиссіи для провѣрки дѣлъ и суммъ путейскаго вѣдомства, провѣрившей, между прочимъ, отчетность по постройкѣ желѣзной дороги между Петроградомъ и Москвой. Какovy были условия новой службы, характеризуетъ слѣдующій эпизодъ, записанный З—вымъ. «Бывшій потомъ министромъ путей сообщенія Мельниковъ былъ тогда строителемъ сѣверной половины Московской желѣзной дороги, и такъ какъ департаментъ ревизіи отчетовъ обязанъ былъ подготавливать государственному контролю самые чистые отчеты, то онъ очень затруднялся показаніями генерала Мельникова насчетъ выдаваемыхъ имъ авансовъ по работамъ». По инициативѣ З—ва былъ составленъ объ этомъ особый докладъ, и гр. Клейнмихель велѣлъ, чтобы Мельниковъ лично далъ въ присутствіи объясненія по возникшимъ недоразумѣніямъ. Мельниковъ явился и говорилъ З—ву: «Вѣдь вы тоже служите у графа! Ну развѣ вы бы не исполнили его приказанія, чтобы такому подрядчику дать двѣсти тысячъ авансомъ, а другому—треста тысячъ?»—«Непремѣнно исполнилъ бы,—отвѣчалъ Зотовъ,—но при этомъ представилъ-бы немедленно докладъ объ исполненіи, а министръ бы его помѣтилъ, и тогда оправдательные документы были бы въ порядкѣ, иначе контроль можетъ придратъся».—«Самая лучшая отчетность состоитъ въ довѣрїи къ правильности расхода и къ расходчику, сказала будущій министръ». Дѣятельная натура З—ва побуждала его постоянно сочинять разнообразнѣйшіе проекты. Онъ подавалъ докладныя записки: о построеніи желѣзной дороги изъ Петрограда въ Одессу, о введеніи всеобщей военной службы не болѣе трехъ лѣтъ, о нищенствѣ, объ охраненіи рѣкъ, объ учрежденіи въ Россіи гражданской стражи, о введеніи новыхъ шоссе, о денежномъ обращеніи, о выкупѣ крестьянъ и т. д.

Нельзя отказать нѣкоторымъ проектамъ Р. М. въ практичности и остроуміи.

Проектируя замѣну всей деревянной посуды въ казенныхъ складахъ для вина и спирта стеклянною, З—въ имѣлъ въ виду официально признаваемую «утечку и усышку» спирта и вина до 100/о. Автору проекта прямо указывали, что «усышка и утечка доставляютъ хлѣбъ сотнямъ лицъ, и что напрасно лишать ихъ этого барыша». Вообще николаевскій, да и александровскій послѣ 1812 года, режимъ препятствовалъ частной инициативѣ и останавливалъ предпримчивость дѣятельнаго и вдумчиваго человѣка. У З—ва было восемь душъ крѣпостныхъ крестьянъ. Они, кромѣ хлопотъ и заботъ, ничего своему владѣльцу не приносили. Р. М. задумалъ отдать своихъ крестьянъ въ казну безъ всякой платы. Его дѣло проходило въ 20-хъ годахъ) вызвалъ къ себѣ самъ графъ Аракчеевъ. —«Что за глупое письмо написалъ ты къ государю?»—спазалъ онъ мнѣ.—«Какое умѣлъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ я, кланяясь.—Но съ какою цѣлью?»—Слѣдуя новой философїи, освобождаетъ крестьянъ?—Философія не мое дѣло, а писалъ я просто потому, что ничего съ нихъ не получаю, и ихъ только обираютъ и обнижаютъ сосѣди. Когда они сдѣлаются казенными, будетъ кому защищать ихъ.—Ты за это долженъ былъ назначить какую-нибудь цѣну. Ты не имѣешь права дѣлать государю подарки.—Я объ этомъ не смѣлъ и думать. Но такъ какъ я ничего не беру съ нихъ, то едва ли и государь возьметъ что-нибудь.—А гдѣ служишь!—Занимаю мѣсто правителя канцеляріи театральнаго комитета при графѣ Милорадовичѣ.—А знаетъ ли онъ, что ты подавалъ государю просьбу?—Я донесъ объ этомъ только ближайшему начальнику, Аполлону Александровичу Майкову.—Ну такъ теперь донесъ графу Михаилу Андреевичу, что я тебя призывалъ къ себѣ и очень буду радъ, если твоя просьба будетъ имѣть успѣхъ; но ты мнѣ сегодня пришли другую просьбу и выставъ въ ней, сколько ты хочешь за свое имѣніе».

З—въ усердно согрудничалъ, какъ сценической дѣятель по преимуществу, въ журналахъ и газетахъ.

Работалъ онъ въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ», издававшемся Корсаковымъ и Загоскинымъ. Былъ постояннымъ, около 15 лѣтъ, театральнымъ рецензентомъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (до 1858 года). Въ своихъ фельетонахъ онъ неуклонно твор-

диль объ упадкѣ искусства и драматической литературы, привѣтствовалъ сценическія новинки, боролся съ новымъ направлениемъ, утвердившимся въ русской драматургіи и беллетристикѣ. «Всѣ повѣсти и пьесы стали писать изъ крестьянскаго быта, полагая, что въ этомъ именно состоитъ народность литературы. Это была небольшая ошибка. Это была просто-народность, а не народность. Всѣ сословія вмѣстѣ составляютъ нашу національность. Просто-народный же языкъ на сценѣ и въ повѣстяхъ не подвигалъ ни на шагъ ни театра нашего, ни литературы. Не говоря уже о томъ, что у насъ нѣтъ общаго просто-народнаго языка, а все областныя нарѣчія, мы знаемъ всѣ очень хорошо, что языкъ очищается и формируется образованнымъ сословіемъ, а не чернью, которая искажаетъ всѣ фразы, какія слышитъ гдѣ-нибудь у высшихъ сословій. Слѣдственно, вводить рыночный языкъ въ литературу и на сцену значило оказывать имъ очень дурную услугу. Беллетристика, сцена должны очищать нашъ языкъ, котораго основныя правила еще непрочно установлены, а крестьянская рѣчь не можетъ способствовать къ этому».

Литературная дѣятельность З—ва протекала въ очень тяжелыхъ цензурныхъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи цензурныя злословія, постигшія его комедію въ стихахъ «Пріѣздъ генераль-губернатора», очень типичны.

«Въ 1856 году, когда мы думали, что уже можно писать обо всемъ, написалъ я «Пріѣздъ генераль-губернатора», рассказываетъ З—въ. Эта пьеса, въ родѣ древней «Ябеды» Калниста, дозволенной при Павлѣ I, — и я осмѣлился представить ее тогдашнему главноуправляющему III отдѣленіемъ для поднесенія государю. Увы! онъ отвѣтилъ мнѣ, что «при всей своей благонамѣренности пьеса эта не можетъ быть играна». И съ тѣхъ поръ я ее передѣлывалъ нѣсколько разъ, модъ другими названіями; изъ генераль-губернатора сдѣлалъ вице-губернатора, — и этого оказалось мало. Тогда губернскіе чиновники должны были превратиться въ частную компанію, а начальникъ ихъ — въ простого директора акціонерной компаніи». Въ такомъ видѣ пьеса была пропущена наконецъ въ печати, но театральная цензура все-таки не дозволила ея, постановивъ: «считаемъ представленіе неудобнымъ».

Значеніе З—ва, какъ писателя, можетъ быть оцѣниваемо въ пяти отношеніяхъ: 1) какъ теоретика по цѣлому ряду художественно-эстетическихъ вопросовъ, связанныхъ со сценою, драматическимъ искусствомъ вообще и историческими переживаниями русской драмы въ частности; 2) какъ оригинальнаго драматическаго писателя, переводчика и компилятора драматическихъ произведеній; 3) какъ автора романовъ, преимущественно историческихъ; 4) какъ историка — компилятора, главнымъ образомъ на современныя автору темы, и 5) какъ публициста по разнообразнымъ вопросамъ, связаннымъ со сценой. Проведя большую часть своей жизни около сцены и сценическихъ дѣятелей, З — въ на практикѣ вплотную подошелъ къ существу драматическаго произведенія, ознакомился съ прошлымъ и настоящимъ русскаго и западно европейскаго искусства, постигъ требованія актера и зрителя и, наконецъ, вполне уяснилъ себѣ пути, которыми нормально должна развиваться русская сцена. Среда первоначальная, въ которой онъ вращался, и господствующія литературныя теченія, при наличіи которыхъ онъ выступилъ на литературно-сценическое поприще, сдѣлали это по существу убѣжденнымъ поклонникомъ французскаго классицизма. Конечно, жизнь и время сдѣлали свое дѣло. З — въ былъ современникомъ и сентиментализма, и романтизма, и Грибоедова, и Гоголя. «Горе отъ ума» и «Ревизоръ», взбаломученное море страстей, образовавшихся около этихъ произведеній, не могли безслѣдно пройти для него. Но несмотря на это, онъ все-таки остается убѣжденнѣйшимъ почителемъ началъ французскаго классицизма. Многое, высказанное имъ по поводу сцены, актеровъ, видовъ драматическаго искусства, драматическихъ произведеній и вообще искусства имѣетъ значеніе и для нашего времени.

Театръ созданъ не исключительно для одного аристократическаго сословія, а больше для образованія народа. Мы долго придерживались системы классицизма, потому что онъ всегда имѣлъ цѣлю поучать зрителей высокими примѣрами доблестей древнихъ историческихъ лицъ, а комедіи классицизма осмѣивали порокъ и предрасудокъ умно, тонко, забавно и съ сохраненіемъ нравственной цѣли. Новѣйшій романтизмъ произвелъ много

геніальнаго въ литературномъ отношеніи, но нравственная цѣль театра уже потеряна. Авторы, прорвавъ спасительную плотину условныхъ законовъ, пустились во всѣ преувеличенія пылаго воображенія и наводнили литературу множествомъ чудовищныхъ драмъ, основанныхъ на однихъ эффектахъ безъ правдоподобія, а главное безъ моральной цѣли. Они, вмѣсто поученія толпы, стали раздражать ея страсти; вмѣсто изящныхъ картинъ были выставлены безнравственныя; вмѣсто приученія къ порядку проповѣдывали идеи анархій и разврата; вмѣсто любви къ отечеству прославляли космополитизмъ; вмѣсто преслѣдованія и осмѣянія пороковъ старались дѣлать многія преступленія не только извинительными, но и интересными. Съ этой минуты цѣль театра измѣнилась, и это очень жаль. Составляя полезное и пріятное занятіе, театръ отвлекаетъ толпы народа отъ другихъ разсѣяній, болѣе вредныхъ для тѣлеснаго и нравственнаго его здоровья. Но приучая его къ театру, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ и незамѣтно дополнить образованіе его, показывая ему только картины добродѣтелей гражданскихъ, семейныхъ и моральныхъ, чтобъ онъ слѣдовалъ всегда по стезѣ законовъ, нравственности и любви къ отечеству. Возбужденіе дурныхъ страстей приноситъ вредъ обществу. Публика, приученная авторами къ эксцентричности, теряетъ уже вкусъ къ изящному, дѣлаясь своенравной и безтолковой. Разумѣется, отъ этого погибаетъ драматическая литература и сценическое искусство...

Нашъ русскій театръ лучше всѣхъ въ Европѣ можетъ выполнить благородную цѣль своего назначенія, то-есть исправленія нравовъ, водворенія хорошаго вкуса и приученія публики къ чувству изящнаго, прекраснаго, похвальнаго. Вездѣ театры основаны и существуютъ въ видѣ частной спекуляціи, и антрепренеру, конечно, всего дороже свой карманъ. Что ему за дѣло до нравственности зрителей, до образованности ихъ и чувства изящнаго? Для него балаганная пошлости гораздо важнѣе произведеній Шекспира и Шиллера... Но у насъ театръ принадлежитъ придворной части и содержится отъ казны, для которой гораздо важнѣе, чтобъ большинству публики было образованное и одушевленное чувствомъ добра и долга, нежели какіе-нибудь мелочные

остатки экономіи, исчезающіе въ государственномъ бюджетѣ, какъ капля въ морѣ... У насъ не нужно разсуждать: принесетъ ли такая-то пьеса много денегъ, а только — достойна ли она по цѣли и направленію предположенной цѣли, принесетъ ли она честь литературѣ, будетъ ли содѣйствовать развитію искусства между артистами и просвѣщенію между зрителями?..

Сценическое искусство не имѣетъ общахъ основныхъ правилъ, а должно сообразоваться съ колоритомъ пьесъ и современными требованіями...

Теперь, когда французскій классицизмъ уже исчезъ, и даже Шиллеръ почти изгнанъ съ русской сцены, не осталось на ней ничего, кромѣ странной смѣси литературъ и вкусовъ (а часто и безвкусія) всѣхъ націй. Какъ въ политикѣ, такъ и въ литературѣ нововводители любятъ разрушать все прежнее, не создавая ничего своего новаго и хорошаго. Французы сохранили свой романтическій репертуаръ. Нѣмцы вѣрны своимъ великимъ поэтамъ; англичане — своему Шекспиру, а мы, давно забывъ Сумарокова, Княжнина, Озерова, Шаховского, не создали еще собственнаго своего національнаго театра и все придумываемъ новыя попытки да утѣшаемся передѣлками съ иностраннаго, прилаживая ихъ, къ сожалѣнію, подъ русскіе нравы.

Нѣмцы, французы составили себѣ свой особый родъ и совершенно правы, потому что онъ соответствуетъ ихъ физиологической природѣ. Какъ скоро тѣ или другіе пустятся въ итальянскую музыку, они неестественны, дурны, смѣшны, и изъ всѣхъ европейскихъ націй, можетъ быть, русскіе ближе всѣхъ въ состояніи подражать итальянцамъ. Но это успѣшное подражаніе вовсе не доказываетъ еще, чтобы мы должны были постоянно этимъ заниматься. Театръ нашъ едва достигъ до столѣтія своего существованія; опера еще гораздо моложе. Но мы уже успѣли переиграть всѣ роды музыкъ: и итальянскую, и французскую, и нѣмецкую. Больше всѣхъ имѣла у насъ успѣхъ французская комическая опера, и надобно было оставаться при этомъ. Разумѣется, важнѣе всего было бы созданіе собственной русской оперы, и начиная съ незабвеннаго Кавоса, который многочисленными своими твореніями положилъ основаніе ея существованію, многіе композиторы прослави-

лись уже на этомъ поприщѣ. Заслуги Глинки, Верстовскаго, Даргомыжскаго, Львова и графа Михаила Юрьевича Вильгорскаго будутъ всегда памятны въ исторіи русскаго театра. Всѣ они не успѣли еще создать русской оперы, но это придетъ мало-по-малу. Существованіе ея неизбежно, необходимо. До тѣхъ же поръ будемъ довольствоваться тѣмъ, что есть; но, ради Бога, перестанемъ надуться, чтобы сравняться съ итальянцами. Это усиліе неестественно, бесполезно, вредно.

Что такое танцы и пляски? Это нѣмос пѣніе ногами и тѣлодвиженіями. Первобытные люди пѣли въ радостныя минуты своей жизни, иногда и въ горѣ. Слѣдственно пѣніе должно было выражать избытокъ чувствъ, которыхъ простыми словами не могли выразить. Танцы же всегда выражали радость и избытокъ веселыхъ чувствъ. Вино наиболѣе располагало къ танцамъ. Подъ пьяную руку всѣ поютъ и пляшутъ. Но на востокѣ, гдѣ порокъ плясательства не развился, а танцы казались неприличными для важности мужчинъ, сдѣлали издревле танцы ремесломъ. Балдерки, алмеи одушевляли вечернія собранія восточныхъ жителей, и главною цѣлію этихъ танцевъ было возбужденіе чувственности. На западѣ каждый народъ имѣлъ свой характеристическій, національный танецъ, наиболѣе соответствовавшій его общественному и домашнему быту. Возьмите нашу русскую пляску и трепакъ. Первая составляетъ цѣлый романъ въ нѣмомъ разговорѣ, а второй полупьяное выраженіе веселья. Полька-мазурка и краковякъ прекрасно изображаютъ народный характеръ танцующихъ. Фанданго, качуча служатъ вѣрною картиною ультра-романическихъ чувствъ испанцевъ. Французскій кадрилль отражаетъ характеръ безлечной веселости французскаго народа. Вальсъ - алмаидъ выражаетъ мечтательность германцевъ. Англійскій джигъ—буйное и грубое веселье въ самой разгульной формѣ. Наконецъ, французское этикетное общество создало менуэтъ и гавоть для высшаго круга. По все это составляло какъ бы домашняго рода занятіе. Публичный балетъ придуманъ французами.

Театръ не можетъ назваться школою добродѣтели, и масса театральнаго лица вовсе не можетъ служить образцами мо-

ральныхъ качествъ, но, живя между ними 25 лѣтъ и принужденный по должности знать весь семейный бытъ этого сословія, я долженъ отдать справедливость, что нѣкоторыя лица заслуживали полнаго и всеобщаго уваженія во всѣхъ отношеніяхъ. Были люди прекраснѣйшаго и благороднаго характера; были примѣрныя жены и матери; были скромныя и добродѣтельныя дѣвицы, на которыхъ не пало никакое злорѣчіе, никакія сплетни. Были, конечно, и эксцентрическія лица, но въ какомъ сословіи нѣтъ ихъ?

Къ чести нашей національности долженъ я прибавить, что, видя множество прекрасныхъ образцовъ нравственности между русскими артистами, я рѣдко встрѣчалъ ихъ въ иностранныхъ актерахъ. И то сказать! Русскіе были дома, а тѣ временно пріѣзжаютъ для того только, чтобы нажитья тѣми ли, другими ли средствами—все равно.

Всего оригинальнѣхъ драматическихъ произведеній, переводовъ и передѣлокъ 3—выше написано 117. Въ его формулярѣ значится, что онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени «за литературные успѣхи». На драматическое поприще онъ вступилъ въ 1814 году, когда играть былъ на нѣмецкой сценѣ его первый переводъ одноактной оперы Боальде «Le Nouveau Seigneur de village». Въ оригинальныхъ пьесахъ Р. М. нѣтъ драматическаго дѣйствія: онѣ наполнены разговорами. Единства времени и мѣста вѣдше нарушены, но на лицо всегда есть и вѣстники, и наперсники. Пьесы историческими могутъ быть названы лишь по названію да по соблюденію вѣдше фактической достовѣрности. Историческій духъ эпохи совершенно не соблюденъ. Напримѣръ, въ національномъ представленіи «Юность Іоанна III или намѣстие Тамерлана на Россію». Тамерланъ приноситъ рѣчи о свободѣ и справедливости въ присутствіи Василія II и Іоанна III, удѣльные рязанскіе князья прозываютъ къ Москвѣ глубокую привязанность и преданность, княгини разсуждаютъ о вредѣ предрассудковъ и т. д. Вотъ списокъ драматическихъ произведеній Р. М. (Въ скобкахъ указаны отзывы въ печати о его пьесахъ).

«Ревнивая жена», ком. въ 5 д.; перев. съ франц. (предст. 1816).—«Эдипъ въ Колонахъ», лирич. опера въ 3 д.; перев. съ

франц. (предст. 1816).—«Испытаніе женской вѣрности», ком. опера въ 3 д.; перев. съ нѣмец. (предст. 1816).—«Мундиръ», опера въ 2 д.; перев. съ нѣмец. (предст. 1817).—«Барселонская долина», опера въ 1 д.; перев. съ франц. (предст. 1817).—«Ермакъ», историч. предст. въ 1 д. (предст. 1818).—«Опрокинутыя повозки», ком. опера въ 2 д.; перев. съ франц. (предст. 1818).—«Куликовская битва», опера въ 3 д.—«Алина, королева Голкондская», опера въ 3 д. («Сынъ Отечества» 1818, 3).—«Красная шапочка», въ 3 д.; перев. съ франц., Спб., 1819.—«Убийца и сирота», въ 3 д.; пер. съ нѣмец. Спб. 1820.—«Александръ Македонскій въ Индіи», въ 1 д.; перев. съ нѣмец. Спб. 1821.—«Молодая вспыльчивая жена», опера въ 1 д.; перев. съ франц. (предст. 1821).—«Севильскій цирюльникъ», ком. опера въ 4 д., перев. (предст. 1822).—«Геній Итурбиель, или 1000 лѣтъ въ 2-хъ дняхъ визирь-Гаруна», опера въ 3 д. (предст. 1823).—«Юность Іоанна III, или нашествіе Тамерлана на Россію», въ 5 д.; Спб., 1823.—«Александръ и Софья, или русскіе въ Ливоніи», трагедія въ 4 д. Спб. 1823.—«Приключеніе на станціи, или который часъ», водев. въ 1 д. (предст. 1824).—«Кенельвортскій замокъ или Лейчестеръ», истор. опера въ 3 д.; передѣлка съ итальян. (предст. 1824).—«Крылатая женщины, или чудесная золотая клѣтка», водев. въ 1 д.; перев. съ франц. (предст. 1824).—«Подземелье замка Убальдо», опера въ 3 д.; передѣлка съ итальян. (предст. 1824).—«Мужъ и любовникъ, или образование провинціала», въ 1 д.; передѣл. съ франц. Спб., 1824.—«Волшебный стрѣлокъ», въ 3 д., съ хорами; перев. съ нѣмец. Спб., 1824.—«Новый помѣщикъ», оперетка; перев. съ франц. (предст. 1825).—«Послѣдній день счастья», водев. въ 1 д.; перев. съ франц. (предст. 1825).—«Возвращеніе Пожарскаго въ свое помѣстье». Большой ппологическій дивертисментъ съ хорами, куплетами и проч. въ 1 д. Спб., 1826.—Отрывокъ изъ лирической оперы «Нѣмая въ Портичи» (См. Альманахъ театральный на 1830).—Отрывокъ изъ трагедіи «Разбойникъ Богемскихъ лѣсовъ» (см. Альманахъ театральный на 1830).—«Карлъ Смѣлый», большая опера въ 4 д. Сюжетъ заимствованъ изъ романа Вальтеръ-Скотта, съ сохраненіемъ всей музыки известной оперы: Вильгельмъ-Тель изъ

России 1837.—«Новая школа мужей», комедія въ 5 д., въ стихахъ. Спб. 1845. («Отечественныя Записки». 1845, № 12, т. 43, отд. 6, стр. 55—56).—«Саардамскій корабельный мастеръ, или нѣтъ имени ему», комедія въ 2 д. Спб. 1841.—«Донна Луиза, инфанта португальская», драма въ стихахъ.—«Два Эдуарда, или любовь слѣпой», драма въ 3 д.—«Сервилія, или первый вѣкъ христіанства», драма въ 5 д.—«30 лѣтъ, или жизнь игрока», драма въ 3 д. и 6 карт.—«Аристокентъ».—«Фингалъ» Озерова, переводъ на нѣмец. языкъ.

Перу 3—ва принадлежитъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ. Сюжеты ихъ авторъ преимущественно черпалъ изъ эпохи Отечественной войны и сопровождавшихъ ее событій. Романы его слабѣ произведеній Загоскина и Лажечникова, но читались публикой съ большимъ интересомъ. Нѣкоторые изъ нихъ выдержали до пяти изданій. Писать свои романы началъ онъ во время холеры въ 1831 году, когда по высочайшей волѣ театры были закрыты. Какъ въ историческихъ драмахъ 3—ва, такъ и въ его романахъ отсутствуетъ историческій духъ, нѣтъ историческаго колорита и иногда грубо нарушена историческая правда. На это неоднократно и весьма ядовито обращать вниманіе читающей публики Бѣлинскій. «Начавъ читать романъ «Таинственный монахъ», восклицаетъ Бѣлинскій, я (на 14 страницѣ первой части) нашелъ, что бояринъ Хованскій, пришедши домой въ одинъ осенній вечеръ 1676 года, раздѣвшись до рубахи и надѣвши тулупъ, приказалъ ставить самоваръ, чтобы напиться чаю». Слѣдующая заключительная фраза одной изъ рецензій Бѣлинскаго на романы 3—ва вскрываетъ общую его точку зрѣнія на оригинальное творчество Р. М. «Уфъ! насилу досказалъ эту историческую повѣсть, а если бы вы знали, какого труда, какихъ усилій стоило мнѣ прочесть ее! Зачѣмъ тутъ Наполеонъ и огромныя событія 12, 13 и 14 годовъ сплетены съ какою-то чувствительною княжною и какимъ-то пустымъ студентомъ Виленскаго университета? Гдѣ тутъ историческое, въ чемъ тутъ повѣсть? — Ничего не понимаемъ»!..

Ниже печатается списокъ романовъ 3—ва съ указаніемъ на рецензій, которыя появлялись на нихъ въ повременной печати.

«Часовой». Романъ. Съ франц. («Благонам.» 1822, 25.).—«Наполеонъ на островѣ св. Елены». Сбор. изъ записокъ Лась-Казаса, Гурго, Монтолона и О'Мари. 4 ч. СПб. 1838. [1] «Сынъ Отеч.» 1838, т. 5, отд. 4, стр. 150-151; 2) Литератур. прибавл. къ «Русскому Инвалиду» 1838, № 47; 3) «Современн.» 1839, т. 13, стр. 66].—«Студентъ и княжна, или возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы». СПб. 1838. [1] «Библиотека для Чтенія» 1838, т. 28, отд. VI, стр. 51; 2) Литературн. прибавл. къ «Русскому Инвалиду» 1838, № 22, стр. 427-430; 3) «Московск. Наблюд.» 1838, т. XVII, стр. 537-538; 4) «Сынъ Отечества» 1838, т. V, отд. IX, стр. 150—151; 5) «Сѣверная Пчела», 1838, № 10].—«Послѣдній Хекъ». СПб. 1842. [1] «Библиотека для Чтенія» 1842, т. 54, отд. 6, стр. 28—36; 2) «Литературная Газета» 1842, № 40, стр. 819—821; 3) «Отечественныя Записки» 1842, № 10, т. 24, отд. 6, стр. 39; 4) «Сѣверная Пчела» 1843, № 15; 5) «Современникъ» 1843, № 29, стр. 120-122].—«Бородинское ядро и Березинская переправа». Историческій романъ СПб. 1844 («Отеч. Записки» 1845, т. 38, отд. VI, стр. 35).—«Фра-дѣвало, или послѣдніе годы Венеціи». Историческій романъ, въ 4-хъ ч., 2-е изд. М. 1857 [1] «Сынъ Отечества» 1838, т. 6, отд. 4, стр. 115—116; 2) «Библиотека для Чтенія» 1839, т. 32, отд. 6, стр. 11—12; 3) Литературн. прибавл. къ «Русскому Инвалиду» 1839, т. 1, отд. 2, стр. 41—44; 4) «Отечественныя Записки» 1839, № 2, т. 2, отд. 7, стр. 31-36; 5) «Сѣверная Пчела» 1839, № 84].—«Леонидъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Наполеона». Романъ. Изд. 3, въ 4-хъ частяхъ. М. 1857. [1] «Московский Телеграфъ», 1832, ч. 47, стр. 252-255; 2) «Сѣверная Пчела» 1832, № 268-269; 3) «Отечественныя Записки» 1840, № 10, т. 12, отд. 6, стр. 54—55].—«Никлаъ Медвѣжа Лана, атаманъ контрабандистовъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Фридриха II». 2-е изд. М. 1858. [1] Литературн. прибавл. къ «Русскому Инвалиду» 1837, № 41, стр. 402; 2) «Библиотека для Чтенія» 1837, т. 23, отд. VI, стр. 54].—«Цинъ-Кіу-Тонгъ, или три добрыя дѣла духа тьмы», въ 4-хъ ч., 2-е изд. М. 1858. [1] «Библиотека для Чтенія» 1841, т. 44, отд. VI, стр. 6; 2) «Сынъ Отечества» 1841, т. 1, № 4, стр. 97—114; 3) «Отечественныя Записки» 1841, № 1, т. 14, отд. 6, стр. 13-17; 4) «Сѣверная Пчела» 1841, № 68].—«Два брата или Москва въ 1812 году», въ 3 ч., 2-е изд. М. 1857. [1] «Библиотека для Чтенія» 1852, т. 112, отд. 6, стр. 7—9; 2) «Москвитянинъ» 1852, т. 1, № 3, стр. 75; 3) «Отечественныя Записки», 1852, № 1, т. 80, отд. 6, стр. 6—9; 4) «Современникъ» 1852, т. 32, отд. 4, стр. 1—13; 5) «Сѣверная Пчела» 1852, № 31].—«Двѣ сестры, или Смоленскъ» въ 1812 г., въ 2-хъ ч., СПб. 1860.—«Шапка юродиваго, или трилиственникъ». 2-е изд. М. 1859. [1] «Библиотека для Чтенія» 1839, т. 37, отд. 6, стр. 22—24; 2) Литературн. прибавл. къ «Русскому Инвалиду» 1839, т. 2, № 22, стр. 426—428; 3) «Отечественныя Записки» 1839, № 11, т. 6, отд. 7, стр. 140—133; 4) «Сынъ Отечества» 1839, т. 11, отд. 4, стр. 44—48; 5) «Сѣверная Пчела» 1839, № 290].—«Послѣдній потомокъ Чингисхана», въ 3-хъ ч. СПб. 1880.—«Тантвенный монахъ». Историческій романъ изъ жизни Петра I. Въ 3-хъ частяхъ. Послѣднее изданіе Коновалова. М. 1908. [1] «Историческій Вѣстникъ» 1881, № 11, стр. 664—665; 2) «Отечественныя Записки» 1879, № 10; 1881, № 12; 3) «Казанскій Виржевой Листокъ» 1881, № 81].

Среди историческихъ трудовъ Зотова наибольшую цѣнность имѣютъ «Разсказы о походахъ 1812 и 1813 гг. прапорщика С.-Петербургскаго ополченія». Здѣсь объективно и красочно вмѣстѣ съ тѣмъ изложены одинъ моментъ великой войны. Остальные труды Р. М., по преимуществу посвященныя царствованіямъ императоровъ Александра I и Николая I, носятъ исключительно компилятивный характеръ. Списокъ историческихъ трудовъ Зотова, ниже помѣщаемый, указываетъ, въ какую сторону направлены были его историческіе интересы.

«Александріада, или собраніе достопримѣчательныхъ изреченій Императора Александра I-го во время пребыванія его въ Парижѣ, съ краткимъ описаніемъ военныхъ дѣйствій Россійской арміи и ея союзниковъ, до возстановленія на тронѣ Франціи Людовика XVIII, и извѣстіемъ о послѣднихъ минутахъ жизни генерала Моро». СПб. 1818 г.—«Разсказы о походахъ 1812 и 1813 г.г. прапорщика СПб. ополченія» Спб. 1836. [1] Литератур. прибавл. къ «Русскому Инвалиду» 1836, № 97—100, стр. 778-783 и 795—800;

2) «Сѣверная Пчела» 1837, № 99].—«Двадцатипятилѣтіе Европы въ царствованіе Александра I-го». 2 е изд. Спб. 1841. [1) «Телескопъ» 1831, ч. 6, отд. 7, стр. 555—557; 2) «Сѣверная Пчела» 1831, № 279; 3) «Отечественныя Записки», 1841, № 11, т. 19, отд. 6, стр. 11—12].—«Военная исторія Россійскаго государства» въ 5 ч., Спб. 1839. [1) «Сынъ Отечества» 1839, т. 12, отд. 4, стр. 64; 2) «Отечественныя Записки» 1840, № 1, т. 8, отд. 6, стр. 15—17; 3) «Литературная Газета» 1840, № 7, стр. 155—156; 4) «Современникъ» 1840, т. 18, стр. 126—129; 5) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1841, т. 31, отд. 6, стр. 183—186].—«Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I». Двѣ части. Спб. 1857. («Соврем.», т. LXV, отд. V, стр. 153—154). «Таинственныя силы, или нѣкоторыя черты изъ царствованія императора Павла I.» Спб. 1859.—«Историческіе очерки царствованія императора Николая I.» Спб., 1859.—«Нѣсколько сценъ изъ царствованія Александра I.» («Иллюстрированная Газета» 1872, т. 30, № 47, стр. 345; № 49, стр. 377—378 и № 50, стр. 393—394).—«Графъ Аракчеевъ и военное поселеніе».—«Мое знакомство съ графомъ Аракчеевымъ». Анекдотъ, относящійся къ концу 1824 года, обнаруживающій образъ мыслей графа Аракчеева.

Какъ публицистъ и постоянный рецензентъ, З—въ помѣстилъ массу статей, связанныхъ съ театромъ и искусствомъ. Здѣсь и теоретическіе вопросы, и описанія выдающихся событій театральной жизни, и памятки, посвященныя отдѣльнымъ дѣятелямъ русскаго театра.

Иногда писалъ онъ статьи по вопросамъ, далекимъ отъ его специальности, и отзывался на текущія общественныя злобы дня.

«Описаніе жизни актера Яковлева» 1817 г.—«Письмо къ издателю объ экзаменѣ, бывшемъ въ Театральномъ училищѣ сего марта 1, 2 и 3 числа» («Сынъ От.» 1820, 13).—«Экспромтъ воспитанницъ И. Т.—Д. Рыкаловой» («Благонам.» 1822, 37).—«О театральномъ училищѣ» («Благонам.» 1822, 40).—«Отзывъ о бенефисѣ Каратыгина и имъ перев. драмъ «Рич. Дарлингтонъ» съ фр. пер. («Литературн. прибавл.» 1833, № 8).—«О драматическомъ искусствѣ въ Россіи и средствахъ къ образованію артистовъ».—«Замѣчанія на замѣчанія».

(«Сынъ Отечества» 1820, 4).—«Тиртей въ станѣ грековъ». («Благонамѣрен.» 1822, 19).—«Мой новый годъ» («Благонамѣрен.» 1823, 3).—Торжество и печаль Россіи» Спб., 1849.—«Серебряная свадьба 16 апрѣля 1841—1866».—«Славянскій базаръ въ Москвѣ». — «О петочникахъ государст. частн. хозяйства» («Сынъ Отечества», ч. 181, стр. 56).

Литературная критика очень сурово отнеслась къ оригинальнымъ произведеніямъ З—ва. У насъ есть отзывы о немъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Аполлона Григорьева, Писарева, П. А. Плетнева и А. В. Дружинина. Всѣ критики въ одинъ голосъ отрицаютъ всякое литературно-художественное значеніе Р. М. По отношенію къ его произведеніямъ критика единодушно пріяняла насмѣшливый тонъ, указывая, какъ не нужно писать. Книгопродавецъ Смирдинъ въ первомъ томѣ книги «Сто русскихъ литераторовъ» (1839 годъ), помѣстивъ повѣсть З—ва «Пріѣздъ вице-губернатора», предпослалъ ей портретъ автора, къ слову сказать очень хорошо исполненный. (Портретъ помѣщенъ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1896 г., декабрь). Этотъ портретъ вызвалъ рядъ изумительныхъ выходокъ по адресу З—ва. «Говорятъ, насмѣхается Бѣлинскій, по почерку можно заключить о характерѣ челоуѣка: слѣдовательно, въ отношеніи къ писателямъ публики и съ этой стороны удовлетворена толстымъ альманахомъ Смирдина; по собственноручной подписи знаменитыхъ именъ Зотова, Масальскаго и Веревкина она можетъ судить и о личныхъ характерахъ этихъ знатныхъ сочинителей... Пушкинъ не дождался радости увидѣть себя рядомъ съ Рафаиломъ Михайловичемъ Зотовымъ».

«Ставьте передъ нами портретъ великаго челоуѣка, восмлицаетъ Дружининъ, его истинный портретъ, и ничего болѣе. Пусть онъ стоитъ передъ нами не въ туманѣ, а во фракѣ, въ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, пожалуй хоть въ шлафропѣ, какъ портретъ г. Рафаила Зотова, приложенный къ изданію «Ста русскихъ литераторовъ».

Романы З—ва, по указанію Добролюбова, не реальны. «Въ романтическихъ твореніяхъ утѣшеніе очень хорошо: когда я читалъ, бывало, романы господина Загоскина и Рафаила Михайловича Зотова, то, въ сомнительныхъ

случаяхъ, гдѣ герою или героинѣ угрожала опасность, я всегда успокаивалъ себя тѣмъ, что въдъ при концѣ непременно порокъ будетъ наказанъ, а добродѣтель восторжествуетъ. Но я не рѣшался приглядывать этого разсужденія къ дѣйствительной жизни, особенно когда увидѣлъ, что въ ней этого вовсе не бываетъ...» Еще рѣзче случайный, мимоходомъ сдѣланный отзывъ о З - въ Аполлона Григорьева въ статьѣ «Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ». «Послѣдняя фальшь въ пониманіи и представленіи нашей народности была наша историческая драма, и едва ли что-либо могло дѣйствительно такъ скомпрометировать нашу народность, какъ эта незваная—непрощенная драма покойнаго Полевого, г.г. Кукольника, Р. Зотова, Геденова и иныхъ... она была не только смѣшна, но въ высочайшей степени нахальна—эта историческая драма; она навязывала публично такой взглядъ на исторію и бытъ народа, который людей незнакомыхъ съ народомъ и его бытомъ велъ къ одному отрицанію...» Разсматривая конечный путь къ художественному реализму, который совершала долго и длинно наша литература, Григорьевъ огмѣчаетъ. «Но до этого слова долго надобно было намъ доходить процессомъ блестящихъ, но фальшивыхъ Карамзинскихъ аналогій, добродушнаго Загоскинскаго мракобѣсія, пошлостей покойнаго Полевого, г.г. Кукольника, Р. Зотова, Геденова и т. д. и т. д.». Жалкую посредственность и ничтожество во всѣхъ отношеніяхъ, по мнѣнію Писарева, изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ Зотовъ. «Всѣ изобрѣтатели, пишетъ Писаревъ въ статьѣ «Сердитое безсиліе», всѣ замѣчательные изслѣдователи, всѣ даровитые писатели, всѣ добросовѣстные преподаватели, наконецъ, всѣ люди, умѣющіе мыслить и трудиться, выдаются изъ толпы такъ, что ни одна умная женщина не скажетъ имъ: «полпото!» А развѣ эти люди встрѣчались когда-нибудь въ романахъ Загоскина, Рафаила Зотова или Воскресенскаго?» «Исторія, написанная замѣчательнымъ человѣкомъ, по указанію Писарева (статья «Наша университетская наука») тотъ-же Шекспиръ; а исторія, составленная какимъ-нибудь Канфишомъ или Устряловымъ, то-же самое, что романъ Воскресенскаго или Рафаила Зотова».

«Стренгъ ужасно буквалець, пишетъ Шлетневъ Гроту. Прочитавъ въ газе-

тахъ, что Государь Наслѣдникъ за какую-то книгу изъявилъ особенное свое благоволеніе Рафаилу Зотову, Стренгъ подумалъ, что этотъ Зотовъ великій писатель: иначе Наслѣдникъ не объявлялъ бы ему благоволеніе». Такъ жестоко и беспощадно отнеслась лучшая русская критика къ оригинальному творчеству Р. М.

Альманахъ «Сто русскихъ литераторовъ» 1839, т. I. — *Буллинскій*, Сочиненія (по указ.). — *Венгеровъ*, «Источники словаря русскихъ писателей». — *Вольфъ*, «Хроника петербургскихъ театровъ, т. I и II. — *Геннадіи*, Словарь. — *Дружининъ А. В.*, Собраніе сочиненій, т. 6. Спб. 1865 г., стр. 761. — *Зотовъ Р.*, «Театральныя воспоминанія» 1859. — *Писаревъ*, Сочиненія, III, 82; IV, 311. — *Ровинскій*, «Словарь рус. гравиров. портретовъ», т. III. — «Свѣточъ», 1860, т. VII, отд. III, стр. 29—36. — *Скабичевскій*, Сочиненія, т. II (по указ.). — «Виржевыя Вѣдомости» 1871, № 263. — «Голосъ» 1871, № 259. — «Иллюстрированный Газета» 1871, № 37; 1872, т. 29, № 5, стр. 69—70. — «Иллюстрированный Вѣстникъ» 1874, № 3—8. — «Историческій Вѣстникъ» 1881, № 11. — «Новості» 1898, № 122. — «Московский Вѣдомости» 1871, № 205. — «Русская Старина» 1891, т. 69, № 1, стр. 59 (*Никитенко*, Дневникъ); ib. 1892, т. 75, № 8, стр. 451—455 (*П. Куликовъ*, «Театральныя воспоминанія»). — «Историч. Вѣстн.» 1896, № 7—12. (*Р. М. Зотовъ*, «Записки»). — «Новое Время» 1894, № 6864; 1896, №№ 7368, 7374. — «Русскія Вѣдомости» 1896, № 278. («Наші историческіе журналы»). — «Русскій Календаръ» 1872, изд. А. Суворина. — «Русскій Архивъ» 1873, № 8, стр. 1479. — «Сверский Вѣстникъ» 1886 г., № 11, стр. 95—115. (*Скабичевскій*, «Нашъ историческій романъ»). — Записки П. А. Каратыгина. Спб. 1880. — Воспоминанія А. Я. Головачевой-Пановой. Спб. 1890. — «Лѣтопись русскаго театра». — Карточный каталогъ *В. И. Савитова*.

А. С. Николаевъ.

Зражевская, Александра Васильевна, писательница-переводчица, родилась 28 апрѣля 1805 г. въ Петроградѣ, гдѣ отецъ ея былъ архитекторомъ. Получивъ образованіе въ одномъ изъ частныхъ столичныхъ пансіоновъ и дома подъ руководствомъ родителей, З-ская еще въ ранней молодости не только свободно говорила и писала по-французски, но, что встрѣчалось гораздо рѣже среди ея современницъ, отлично владѣла и русской литературной рѣчью; знала она и англійскій языкъ. Благопріятная домашняя обстановка, серьезное направленіе мысли окружающихъ и постоянное общество образованныхъ людей способствовали развитію духовныхъ силъ и литературныхъ вкусовъ молодой дѣвушки. Раннія

дѣтскія воспоминаія З-ской тѣсно связаны съ именемъ ея крестной матери Барвары Ивановны Бакуниной, вліянію которой она сама приписывала свои первые литературные опыты. «Первыя сѣмена того, что теперь вошло—писала она въ 1836 г. своей «дорогой Маманъ:—посѣяны вамп». Начала писать З-ская очень рано: еще ребенкомъ она перевела томикъ сочиненій г-жи Гюонъ (Guyon) «Краткій и легкій путь къ молитвѣ», а съ 11-ти лѣтъ «безпокойная страсть переводить бумагу», по словамъ самой писательницы, уже всецѣло овладѣла ею. Она сочиняла повѣсти, романы, фантастическія путешествія, писала много, съ недѣтскимъ усердіемъ, хотя родные, справедливо опасаясь вредныхъ послѣдствій такого ранняго развитія, и старались удержать ее отъ чрезмернаго увлеченія. Напрасно. Съ годами «страсть обратилась въ природу». Въ 1828 г. З-ская, горячая поклонница императрицы Маріи Феодоровны, задумала написать романъ, посвященный ея имени. Въ теченіе двухъ недѣль по ночамъ, тайкомъ отъ окружающихъ, работала она надъ своимъ произведеніемъ, а когда романъ былъ оконченъ, она по почтѣ отослала его въ Царское Село. Романъ З-ской понравился императрицѣ; она дала его на просмотръ В. А. Жуковскому, а начинающей авторшѣ, въ видѣ поощренія, послала подарокъ. Такимъ образомъ тайна молодой писательницы стала извѣстна ея семьѣ. Теперь ей уже не запрещали писать, и сама она повѣрила въ свои силы. Возникшая вслѣдъ затѣмъ, по поводу ея романа (онъ не былъ напечатанъ и даже названіе его неизвѣстно), переписка съ Жуковскимъ, который предупреждалъ неопытную дѣвушку о томъ, какъ много ждетъ ее трудовъ и несприятностей, такъ какъ «женщины писательницы составляютъ исключеніе, и очень дорого заплатили за блестящую славу свою», не испугала смѣлой энтузиастки. Она продолжала мечтать о литературной дѣятельности; хотѣла, по собственному признанію, писать, какъ *madame de Staël*, но въ то же время, сознавая себя еще недостаточно подготовленной для крупной литературной работы, съ жаромъ начала учиться. Она стремилась впередъ, «не боясь ни камней, ни ямъ», не падая духомъ отъ неудачъ. Съ 1833 г. стали выходить въ свѣтъ оригинальныя и переводныя сочиненія З-ской, а въ іюнѣ 1836 г. въ письмѣ къ В. И. Бакуниной она говоритъ, что напечатала уже восемь книгъ. Намъ, къ сожалѣнію, не удалось выяснитъ, какія именно это были книги. Изъ произведеній З-ской, относящихся къ этому періоду, въ печати извѣстны только четыре: 1) «Картины дружескихъ связей» (СПБ. 1833 г., 2-е изд. 1839 г.); 2) «Лорнетъ» (романъ, переводъ съ франц. г-жи Э. Жирарденъ, СПБ., 1834 г., 2-е изд. 1839 г.); 3) «Соверпательная жизнь Лудвига Ламберта» (переводъ съ франц. Бальзака, СПБ. 1835 г.) и 4) «Дѣвица де-Марсанъ, или послѣдняя глава моего романа» (переводъ съ франц. К. Нодье, СПБ., 1836 г. За этотъ переводъ З-ская награждена была императрицею брилліантовыми серьгами). З-ская, кромѣ того, упоминаетъ еще о «Письмахъ», изданныхъ ею въ 1833 г., и о переводныхъ «Повѣстяхъ» разныхъ авторовъ—въ 1836 г., но въ списокъ ея сочиненій, приведенномъ кн. Голицынымъ («Библиографическій словарь русскихъ писательницъ»), этихъ заглавій не имѣется. Отзывы критики (см. ниже въ библиографіи) объ этихъ первыхъ книгахъ З-ской, какъ бываетъ почти всегда при выступленіи еще малъ извѣстнаго автора, были разнообразны: одни хвалили, другіе осуждали; авторскому самолюбію З-ской приходилось страдать, и она невольно вспоминала предупрежденія Жуковского; порою ей было очень тяжело. Въ упомянутомъ выше письмѣ къ «дорогой Маманъ» она пишетъ: «Надо признаться, трудно быть хорошимъ переводчикомъ, а хорошимъ писателемъ еще труднѣе», и вспоминая нападки критики, съ горькой улыбкой прибавляетъ: «Каково-же материнскому сердцу и какъ не вступиться за своего ребенка? А мое чадолюбивое сердце страдаетъ даже и за пріемышей». Нѣсколько позже (въ 1841 г.) въ другомъ письмѣ къ П. М. Бакуниной она говоритъ, что «горькая и колючая рама» окаймляетъ ея «сладкую литературную жизнь». *Сладкимъ* въ этой жизни, кромѣ нравственнаго удовлетворенія стъ любимой работы, несомнѣнно было то сочувствіе, которое находила писательница у своихъ многочисленныхъ друзей; къ числу ихъ, кромѣ близкихъ родныхъ и упомянутыхъ уже Бакуниныхъ, принадлежали: гр. Ордова-Чесменская, Логиновы, Толстые, Кутузовы. *Горькимъ*, наряду съ враждебными выступленіями критики, являлся

недостатокъ матеріальныхъ средствъ, нужныхъ для печатанія своихъ сочиненій, и необходимость вслѣдствіе этого въ выборѣ литературной работы руководиться и тѣмъ соображеніемъ, на что будетъ большій спросъ въ книжной лавкѣ. «Убытокъ, прибыль и—поэзія!.. Какая нескладница!» восклицаетъ сама З-ская и прибавляетъ: «но какъ-же быть—таковъ вѣкъ». Въ поискахъ средствъ для новыхъ изданій З-ская обращается къ періодической печати: въ 1836 г. работаетъ въ «Сынѣ Отечества» (ч. 180), въ 1838 г. въ «Библиотекѣ для Чтенія» (т. 28) помѣщаетъ переводъ повѣсти г-жи Рабо «Философка», а съ 1840 г. становится постоянной сотрудницей «Маяка». Здѣсь напечатаны ею: 1) «Первый изъ русскихъ членъ королевской Парижской академіи наукъ (1840 г., ч. 1); 2) «Фелиція Гименсъ», ст. г-жи Тастю» (ib., ч. 2); 3) «Рупертъ Линдсей», перев. съ англійскаго (ib., ч. 3); 4) «Похвальное слово Петру Первому» изъ Фонтенеля (ib., ч. 4); 5) «Новая Бретонка» изъ d'Érigny (ib., ч. 5); 6) «Ле-Сажъ», перев. съ франц. (ib., ч. 8); 7) «Дурафья», ст. С. Ге (ib., ч. 11); 8) «Фильдъ и дѣвица Першеронъ» изъ записокъ актрисы Луизы Фюза (1841 г., ч. 24); 9) «Звѣринецъ» (1842 г., т. 1); 10) «Русская повѣсть—Князь Скопнякъ-Шуйскій», критич. ст. на книгу О. П. Шницкяной (ib.); 11) «Св. Дмитрій, митр. Ростовскій и Степанъ Яворскій, митр. Рязанскій» (ib., т. 2); 12) «Къзъма Петровичъ Мирошевъ», рецензія на романъ М. Н. Загоскина (ib., т. 3); 13) «Разныя мнѣнія объ изящномъ» (ib., смѣсь); 14) «Осень 1812 г. въ Москвѣ» изъ записокъ актрисы Луизы Фюза (ib., смѣсь); 15) «Бѣгство французовъ изъ Москвы до Вильно. 1812 г.» (ib., т. 4) и 16) «Краткія медикотопографическія свѣдѣнія о старорусскихъ соляныхъ источникахъ» (1843 г., т. 8). Сотрудничала З-ская и въ «Москвитинянкѣ», гдѣ помѣстила статью «Женщина, поэтъ и авторъ» (1842 г., ч. 5) и «Нѣчто о пользѣ старорусскихъ соляныхъ источниковъ» (1843 г., № 5). Отдѣльными изданіями въ промежутокъ лѣтъ съ 1838 г. по 1841 г. вышли слѣдующія ея сочиненія: 1) «Пустыняникъ Чимборасскій, или молодые безстрашные Колумбійцы» (соч. Мирвила, СПб., 1838 г.); 2) «Дѣтская Библиотека. — Леонъ, молодой граверъ» (перев. съ франц. Ульякъ - Тремадюръ,

СПБ., 4 части, 1839—1840 г. Одна повѣсть изъ этого изданія помѣщена была Кукольниковъ въ «Художественной Газетѣ»); 3) «Три повѣсти г-жи Рабо» (перев. съ франц., СПб., 1841 г., посвящено графинѣ Еленѣ Михайловнѣ Завадской) и 4) «Очеркъ новой итальянской литературы» (перев. съ франц., соч. Фортуната Пранди, СПб., 1841 г., посвящено Варварѣ Дмитріевнѣ Паглининой).

Въ началѣ 40-хъ гг. З-ская уѣхала въ Старую Русу, купила здѣсь небольшой домъ и поселилась въ немъ безвыѣздно. Усиленная, нервующая работа распатала ея здоровье; она писала уже меньше прежняго, и послѣ 1843 г. имя ея исчезаетъ въ печати. Въ 1846 г. у нея появились первые признаки душевнаго расстройства; въ слѣдующемъ году родные персвезли ее въ Петроградъ, гдѣ она сперва поселилась у своей сестры Елизаветы Васильевны Бурачекъ, затѣмъ у матери, а въ 1861 г. помѣщена была въ лѣчебницу для душевно больныхъ (сперва у Всѣхъ Скорбящихъ, потомъ на ст. Удѣльной). Болѣзнь все прогрессировала и вылилась наконецъ въ форму буйнаго помѣшательства; просвѣты сознанія становились все рѣже. Изолированная отъ окружающихъ въ мірѣ своихъ болѣзненныхъ фантазій (она воображала себя и дочерью вел. кн. Константина Павловича, и женихомъ королевы Викторіи, и отрокомъ Львомъ библейскимъ), З-ская, по привычкѣ, еще дѣлала попытки писать и, по словамъ ея родныхъ, въ 50-хъ гг. написала даже большой романъ подъ заглавіемъ «Женскій вѣкъ», но рукопись эта была уничтожена. Въ 1866 г., послѣ перенесеннаго тифа, большая притихла, а 22 октября 1867 г. ей не стало. Могила З-ской, похороненной на Парголовскомъ кладбищѣ, впоследствии затерялась, такъ какъ та часть кладбища, гдѣ покоился ея прахъ, отошла подъ садъ мѣстнаго церковнаго причта. Самое имя писательницы страдалицы скоро было забыто въ нашей литературѣ, а между тѣмъ З-ская бесспорно заслуживала большаго вниманія, какъ одна изъ немногихъ русскихъ женщинъ 30-хъ и 40-хъ гг., дерзнувшихъ вступить на тернистый путь литературной дѣятельности при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, когда «ложный взглядъ на женщину», по словамъ Бѣлинскаго, «осуждалъ ее на молчаніе»; когда званіе писательницы,

по его же выраженію, было еще «контрабандой», и даже не у однихъ насъ; когда еще очень немногіе осмѣливались высказаться за участіе «прекраснаго пола» въ нашей литературѣ. Привѣтствуя высту- пленіе женщинъ въ русской беллетристикѣ, эти немногіе надѣялись, что такимъ путемъ литературный языкъ нашъ «подружится съ языкомъ общественнымъ и одержитъ побѣду надъ французскимъ»... «Кто же, если не женщина, можетъ совершить этотъ подвигъ въ Россіи?» спрашиваетъ Шевыревъ: «Кто, если не она, придастъ языку нашему всю нѣжность, грацію и найдетъ выраженія для многихъ тысячъ оттѣнковъ мысли и чувства, которые неуловимы для мужчинъ?» Такимъ именно свойствомъ обладаетъ языкъ произведеній З-ской. «Непринужденной раз- говорчивостью отличается рѣзвое перо ея, по выраженію того-же Шевырева. Ея выборъ вещей для перевода обнаруживаетъ развитой литературный вкусъ; живой и наблюдательный умъ сказывается въ оригинальныхъ ея статьяхъ, гдѣ нерѣдко тонкій юморъ искусно сплетается съ глубокой, серьезною мыслью. Она вполне ясно отдавала себѣ отчетъ въ томъ, что нужно писательницѣ, и вотъ почему критика, заставивъ страдать ея душу, въ теченіе многихъ лѣтъ не могла вынуть перо изъ рукъ ея. Сатиру-критику на современныя ей критиковъ представляетъ остроумный ея «Звѣринецъ»; три страшныхъ звѣря ополчились на женщинъ-писательницъ: «педаггство, резонерство и фразерство», и сама З-ская испытала на себѣ острые ихъ зубы, но стойко продолжала оставаться на своемъ посту, расчищая дорогу для будущиъ русскиъ писательницъ.

Изъ неизданныхъ произведеній З-ской сохранилось, кажется, очень немногое. Къ нимъ относится переводъ ея съ французскаго подъ заглавіемъ: «Изгнанная душа», рукопись котораго, приготовленная къ печати въ 1831 г., въ настоящее время хранится у ея племянницы г-жи Бурачекъ. Тамъ-же имѣется ея портретъ и въкоторыя письма. Свою переписку съ Бальзакомъ З-ская, какъ видно изъ одного ея письма, отослала къ кн. Голицыну.

Биографическія свѣдѣнія сообщены племянницами А. В. Зражевской: О. С. и В. С. Бурачекъ. — *Жн. Голицынъ*, «Библиографиче-

скій словарь русскиъ писательницъ», стр. 118—120. — «Маякъ» 1842 г., т. 1, проза, стр. 1—19 (два пьесма Зражевской къ В. И. и П. М. Бакунинымъ); т. 6, стр. 35. — «Москвитянинъ» 1842 г., ч. II, № 3, стр. 183 (ст. С. Шевырева). — *Чернышевскій*, «Очерки Гоголевскаго періода». — *Бюлинскій*, Сочиненія, т. VII.

Отзывы о сочиненіяхъ: «Библиотека для Чтенія» 1836 г., т. 14, отд. 6; 1839 г., т. 33, отд. 6; 1841 г., т. 49, отд. 6. — «Русскій Пчелъидъ» (Литер. прибав.) 1836 г., № 64; 1839 г., №№ 6, 7. — «Объервая Пчела» 1836 г., № 47; 1839 г., № 37. — «Современникъ» 1838 г., т. 10; 1841 г., т. 25. — «Сынъ Отечества» 1839 г., т. 7, отд. 4; 1841 г., т. 3, №№ 46—52. — «Отечественныя Записки» 1839 г., т. 2, отд. 7; 1841 г., т. 19, отд. 6; 1842 г., т. 20, отд. 6. — «Москвитянинъ» 1843 г., ч. 1, № 7. — *П. А. Плетневъ*, Сочиненія, СПб., 1885 г., т. 2, стр. 331. — *Брантъ*, «Опытъ библиогр. обзор. русской литературы» СПб., 1842 г.

А. П.

Зубавовичъ, Михаилъ Петровичъ, переводчикъ начала XIX ст. Ему принадлежить переводъ съ нѣмецкаго «Достопамятныя происшествія во всемірной исторіи, описанныя Вредомъ для начальнаго ученія исторіи». Спб. 1814 г. (2-е изд. Спб. 1818 г.).

Геннаді, Словарь, т. II. — «Роспись російскимъ книгамъ для чтенія изъ библиотеки А. Смирдина», № 3048.

Зубаловъ, Захаръ Михайловичъ, докторъ медицины, наѣв. сов., уроженецъ Грузіи. Степень доктора медицины получилъ въ 1837 г. въ Лейпцигскомъ университетѣ по защитѣ диссертациі «De cura enteritide typhoso» (Callisen, «Medicines Schriftsteller — Lexicon», XXXII, № 956). Вернувшись въ томъ же году въ Россію, онъ выдержалъ экзаменъ при Юрьевскомъ университетѣ и получилъ званіе лѣкаря 2-го отдѣленія, послѣ чего послѣдовательно состоялъ Душетскимъ, Ахалдихскимъ (1837) и Тифлисскимъ уѣзднымъ врачомъ (1840), а въ 1845 г. былъ назначенъ штабъ-лѣкаремъ въ Московскомъ университетѣ.

Зятевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 119.

Зубаревъ, Алексѣй Михайловичъ, преподаватель Александро-Невскаго духовнаго училища; среднее образованіе получилъ въ Вятской дух. семинаріи (1857), а высшее въ Петроградской дух. академіи, по окончаніи которой въ 1861 г. поступилъ преподавателемъ въ Александро-Невское дух. училище, но спустя два года (1863 г.) скончался. Имъ напечатаны

въ «Духъ Христіанина» (1861 — 1863) двѣ статьи: «Діакониссы древней церкви» и «Очерки изъ исторіи христіанской благотворительности».

Родосскій, «Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской дух. академіи (1814—1869)».

Зубаревъ, Иванъ Васильевичъ, авантюристъ XVIII ст., замѣшанный въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью возвращеніе на престолъ малолѣтняго императора Іоанна Антоновича. З—въ происходилъ изъ тобольскихъ посадскихъ людей (бупцовъ), родился въ 1730 г. и ранніе годы провелъ въ Сибири. Объ этомъ періодѣ его жизни сохранилось очень мало свѣдѣній; извѣстно однако, что онъ былъ человѣкъ грамотный и, надо полагать, отъ природы одаренный смѣтливомъ умомъ и предприимчивымъ характеромъ, при полномъ отсутствіи нравственныхъ устоевъ. Еще юношей, лѣтъ 20, онъ успѣлъ заявить себя въ Сибири, то какъ искатель серебряныхъ рудъ, то какъ доноситель на разныхъ злоупотребленія по таможенной части на Ирбитской ярмаркѣ и по питейнымъ сборамъ въ Тюмени. Такъ какъ въ Тобольскѣ его доношенія не были уважены, то онъ убѣдилъ губернатора Сухарева отправить его въ Исетскую провинцію (Оренбургской губерніи) для отысканія серебряныхъ рудъ въ такъ называемыхъ Старочучкиныхъ копяхъ. Здѣсь онъ набралъ нѣсколько пробъ руды и песку, содержащихъ въ себѣ, по его заявленію, серебро и золота, и, не возвращаясь въ Тобольскъ, непосредственно отправился въ столицу, гдѣ 26 ноября 1751 года, у подъезда Зимняго дворца и подалъ доношеніе о своемъ открытіи самой императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Податель доношенія былъ отданъ подъ караулъ, а дѣло о немъ стало производиться въ императорскомъ Кабинетѣ у барона Черкасова. Представленные З—вымъ образцы рудъ были рассмотрѣны въ Академіи Наукъ, въ монетной канцеляріи и въ московской бергъ-коллегіи, но результаты рассмотрѣнія получились различные. Ломоносовъ, которому академическая канцелярія поручила произвести требуемое испытаніе, въ февралѣ 1752 г. донесъ, что всѣ образцы рудъ содержатъ въ себѣ признаки серебра (съ расчетомъ отъ 2 до 7½ золотниковъ на пудъ); между тѣмъ бергъ-коллегія и монетная канце-

лярія въ тѣхъ-же образчикахъ З—ва ни золота, ни серебра вовсе не нашли. Вызванный для дачи объясненій по этому поводу въ Кабинетъ, Ломоносовъ призналъ свою ошибку и заявилъ, что во время пробъ руды З—въ неоднократно приходилъ къ нему въ лабораторію, иногда и въ его отсутствіе. Въ виду этого Кабинетъ пришелъ къ заключенію, «что при пробѣ въ лабораторіи Академіи Наукъ Зубаревъ такое жъ воровство учинилъ, какъ въ Сибири, что показалось серебро, чего не бывало, и то знать можно по примѣру прежде такихъ воровъ бывшихъ, что неосторожностью пробовщика (ещели воровски не подкупилъ онаго) приближась къ мѣсту, гдѣ горшокъ съ рудою въ огнѣ стоитъ, и тертая серебра, смѣшавъ съ золою или другимъ чѣмъ, въ горшокъ бросилъ, почему и оказывался въ пробѣ выходъ серебра».....

Признавъ «затѣйный и воровской умыселъ» З—ва доказаннымъ, Кабинетъ отослалъ его въ крѣпость, гдѣ онъ сказалъ за собою «слово и дѣло», почему въ іюлѣ 1752 г. и былъ переданъ въ Тайную канцелярію. Разсчитывая, очевидно, произвести впечатлѣніе, З—въ на первомъ допросѣ въ Тайной канцеляріи заявилъ, что дастъ свои показанія только самой императрицѣ, но когда ему отвѣтили, что его будутъ «разыскивать», не смотря ни на что, онъ согласился отвѣчать начальнику Тайной канцеляріи графу Ал. Ив. Шувалову. З—въ разсказалъ ему о своихъ поискахъ серебра въ Сибири и доносѣхъ на злоупотребленія мѣстнаго купечества и особенно обстоятельно описалъ, какъ зимою 1751 г., при посредствѣ майора лейбъ-гвардіи Московскаго батальона Федора Шарыгина, представителъ былъ наследнику престола, вел. кн. Петру Федоровичу, яко-бы заинтересовавшемуся его открытіями. Однако уже черезъ четыре дня послѣ первоначальнаго допроса З—въ самъ заявилъ въ Тайной канцеляріи, что всѣ эти показанія онъ сдѣлалъ «вымысли собою». Майоръ Шарыгинъ также подтвердилъ, что никогда не представлялъ З—ва великому князю. Тогда въ поискахъ истины З—ва стали спрашивать «съ пристрастіемъ», и онъ сознался, что имѣлъ намѣреніе или вступить въ военную службу, или получить привилегію на устройство заводовъ, чтобы такимъ путемъ оставить за собою во владѣніе купленную отцомъ

его на чужое имя деревню съ крестьянами. Розыскъ по этому дѣлу продолжался около двухъ лѣтъ, и въ 1754 г. З—ва отослали въ Сыскной приказъ, откуда ранней осенью того-же года ему удалось бѣжать. Однако менѣе чѣмъ черезъ годъ З—въ вновь былъ задержанъ, на этотъ разъ по обвиненію въ конокрадствѣ. Изъ раскольнической Климовой слободы, гдѣ онъ былъ пойманъ вмѣстѣ съ пятью другими русскими бѣглецами, его доставили въ Кіевскую губернскую канцелярію, и здѣсь выяснилось, что задержанный З—въ не кто иной, какъ «пріѣзжій изъ Пруссіи шпионъ», именовавшій себя Иваномъ Васильевымъ, о которомъ еще въ іюлѣ 1755 г. доносилъ на пограничномъ между Россіей и Польшей Злинскомъ форпостѣ бѣглый дворовый челоувѣкъ помѣщика Загряжскаго, Василій Ларіоновъ. По словамъ послѣдняго, З—въ поднималъ раскольниковъ противъ правительства, обнадѣживалъ ихъ заступничествомъ прусскаго короля и уговаривалъ ихъ помочь возведенію на престолъ Іоанна Антоновича, для котораго и корабли уже «въ пристойномъ мѣстѣ изготовлены».

Доставленный ввѣчь въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, З—въ сначала думалъ отбѣлаться рѣшительнымъ запирательствомъ въ томъ, что доносилъ на него Ларіоновъ, но «по довольноному увѣщанію» на допросѣ 17 января 1756 г. повинился во всемъ и подробно разсказалъ о всѣхъ похожденияхъ своихъ послѣ побѣга осенью 1754 года.

Вѣжавъ изъ Сыскаго приказа, З—въ по его словамъ, пробрался въ Малороссію къ раскольникамъ, блуждалъ здѣсь по разнымъ раскольническимъ слободамъ и пустынямъ и, не найдя прочнаго пристанища, ушелъ въ Польшу, къ раскольникамъ на Вѣтку; жилъ у нихъ въ работникахъ и «хаживалъ для прокормленія» въ Лаврентьевъ монастырь. Въ январѣ 1755 г. онъ нанялся у русскихъ бѣглыхъ купцовъ въ извозчики для отвоза товаровъ въ Кенигсбергъ. Отсюда онъ намѣренъ былъ проѣхать въ Данцигъ и далѣе отправиться на Мальту. Но по пріѣздѣ въ Кенигсбергъ онъ измѣнилъ свой планъ. Незавѣстный ему прусскій офицеръ, случайно встрѣтивъ его на баржѣ въ Кенигсбергѣ, сталъ уговаривать его поступить на военную службу. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Ларіоновымъ въ Гомелѣ, З—въ самъ отпра-

вился въ ратушу и попросился въ «жолнеры», при чемъ говорилъ своимъ товарищамъ: «Буду де просить, чтобъ меня повезли къ самому прусскому королю: «миѣ де до него, короля, есть нужда». Но З—въ отрицалъ это показаніе Ларіонова и утверждалъ, что отказывался отъ предложенія, сдѣланнаго ему прусскимъ офицеромъ. Послѣдній завалъ его въ трактиръ, напоилъ медомъ и записалъ его адресъ, а на слѣдующее утро насильно препроводилъ З—ва въ ротную събзжу. З—въ опять отказывался и отъ службы, и отъ мундира, и отъ денегъ. Тогда его повели къ полковнику, потомъ въ полковую канцелярію, отсюда—къ фельдмаршалу Ливонту, у котораго онъ встрѣтилъ офицера, оказавшагося впоследствии королевскимъ генераль-адыютантомъ Манштейномъ, нѣкогда состоявшимъ на русской службѣ при Минихѣ. Манштейнъ продержалъ у себя З—ва нѣсколько дней, вновь уговаривалъ поступить въ прусскую гвардію, обѣщая скорое производство въ офицеры, и когда З—въ наконецъ согласился, отвезъ его «подъ крѣпкимъ присмотромъ» въ Берлинъ. По дорогѣ въ какомъ-то городѣ З—въ былъ представлень принцу Голиштинскому. По пріѣздѣ въ Берлинъ они на слѣдующій же день отправились въ Потсдамы, гдѣ къ Манштейну явился родной дядюшка императора Іоанна Антоновича. Теперь только Манштейнъ открылъ З—ву свое имя и званіе и, съ своей стороны, потребовалъ, чтобъ З—въ назвалъ себя: онъ не вѣрилъ въ его купеческое происхожденіе и подозрѣвалъ въ немъ лейбъ-компанца. Побоясь пытки, которой ему яко-бы пригрозилъ Манштейнъ, З—въ назвалъя гренадеромъ лейбъ-компаніи и сказалъ, что бѣжалъ изъ Россіи, такъ какъ проигрался въ карты. Удовольствовавшись этимъ признаніемъ, Манштейнъ посвятилъ З—ва во всѣ подробности замысла вернуть на русскій престолъ Іоанна Антоновича и разъяснилъ З—ву его роль въ этомъ дѣлѣ. З—въ долженъ былъ прежде всего отправиться къ раскольникамъ и склонить ихъ на сторону Пруссіи, убѣдивъ выбрать изъ своей среды епископа, который, при содѣйствіи прусскаго короля, будетъ утвержденъ въ своемъ санѣ патріархомъ. Подготовивъ въ раскольничьей средѣ бунтъ въ пользу Іоанна Антоновича, З—въ долженъ былъ далѣе пробраться

въ Москву и съ подложнымъ паспортомъ поѣхать въ Холмогоры къ принцу брауншвейгскому Антону Ульриху, передать ему вмѣсто писемъ двѣ медали, по которымъ тотъ уже пойметъ отъ кого и зачѣмъ присланъ З—въ, и приготовить принца и его сына Іоанна Антоновича къ побѣгу за границу. Побѣгъ предполагалось организовать въ Архангельскѣ, куда весной намѣревались послать для этой дѣли корабль подъ видомъ купеческаго судна. Капитанъ, который долженъ былъ отправиться на этомъ суднѣ и раньше уже побывалъ въ Архангельскѣ, также былъ представленъ З—ву, и послѣдній хорошо запомнилъ его черты. Въ случаѣ, если похищеніе принца удастся, предполагалось, что король прусскій объявитъ войну Россіи и насильно возведетъ Іоанна Антоновича на русскій престолъ.

З—въ взялся за исполненіе изложеннаго плана. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ представленъ Фридриху II и произведенъ въ полковники. Во дворцѣ ему пожаловали офицерское форменное платье и 1.000 червонныхъ на дорогу; здѣсь же ему вручены были и упомянутыя выше медали. Съ своей стороны З—въ предъ иконой Богоматери поклялся въ томъ, что будетъ вѣрно служить прусскому королю. Нѣсколько дней спустя, Манштейнъ сталъ торопить въ путь своего гостя. Въ день отъѣзда на З—ва опять одѣли нагольный полушубокъ; ему подали карету, и адъютантъ короля проводилъ его до польской границы. Въ Польшѣ З—въ назвался казацкимъ полковникомъ. Въ Варшавѣ онъ представлялся прусскому резиденту и затѣмъ безпрепятственно продолжалъ свой путь, пробираясь на Вѣтку. По дорогѣ, близъ Слуцка, его ограбили; у него отняли все золото, данное ему прусскимъ королемъ, за исключеніемъ двухъ медалей, которыя онъ для лучшей сохранности зашилъ въ подолъ сапога. Несмотря на эту неудачу, З—въ по прибытіи въ раскольниковскія слободы усердно принялся за исполненіе возложенной на него миссіи. Онъ подавалъ раскольникамъ надежду на лучшую будущность, если они примкнутъ къ прусскому королю, обѣщавъ имъ, что они будутъ имѣть собственнаго епископа, увѣщавалъ молиться за царя Івана Антоновича и старался подѣйствовать на массу черезъ поповъ и старцевъ. Дѣло З—ва какъ-будто налаживалось:

«Добро-де, мы объ этомъ подумаемъ» — отвѣчали ему вездѣ. Дольше всего онъ подвизался въ раскольниковскомъ Лаврентьевскомъ монастырѣ у игумена Евстифея и старцевъ Макарія и Стефана, которые передъ его отъѣздомъ даже отслужили молебенъ. Продолжая намѣченный путь, З—въ перебрался уже въ Малороссію, но здѣсь внезапно, по его словамъ, «пришелъ въ раскаяніе» и возмѣлъ намѣреніе во всемъ повиниться. Трудно однако повѣрить этому заявленію З—ва. Во-первыхъ, какъ уже было сказано выше, онъ былъ задержанъ случайно по дѣлу о кражѣ лошадей (въ чемъ, впрочемъ, виновнымъ себя не призналъ); во-вторыхъ, и послѣ ареста, и даже въ Тайной канцеляріи онъ долго заперся и отрицалъ возводимыя на него обвиненія. Правда, на послѣдующихъ допросахъ онъ изложилъ все дѣло съ величайшей подробностью, но возможно, что онъ сдѣлалъ это въ собственныхъ интересахъ, надѣясь чистосердечнымъ признаніемъ облегчить свою участь. Онъ называлъ по именамъ много лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ Россіи и за границей и которыя сочувствовали задуманному перевороту, описалъ ихъ наружность, семейное положеніе и мѣсто жительства; выдалъ ихъ друзей, о которыхъ зналъ понаслышкѣ; подробно рассказалъ о жизни бѣглыхъ раскольниковъ за рубежомъ. Не могъ онъ представить только медалей, которыя даны ему были въ Пруссіи для передачи принцу Антону Ульриху: одну изъ нихъ онъ «издержалъ за неимѣніемъ денегъ», другую заложилъ еще въ Польшѣ сельскому войту Подстопо.

Показанія З—ва были представлены императрицѣ Елизаветѣ и имѣли слѣдствіемъ принятіе мѣръ для предупреденія государственнаго переворота. 22 января 1756 г. былъ произведенъ послѣдній допросъ З—ву, а 23 января того-же года начальнику караула въ Холмогорахъ Вындомскому посланъ былъ указъ объ отдачѣ сержанту Савину «большова сына Антона Ульриха» и объ усиленіи надзора за прочими членами брауншвейгской семьи, «чтобъ не учинили утечки». Іоаннъ Антоновичъ перевезенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Послѣ произведеннаго дознанія З—въ продолжалъ содержаться въ тюрьмѣ при Тайной канцеляріи. Въ началѣ ноября

1757 г. онъ занемогъ; врачъ констатировалъ у него febris maligna. 9 ноября больной пожелалъ исповѣдаться и причаститься. Это ему разрѣшили, но съ священника взяли подписку, что онъ не будетъ предлагать умирающему никакихъ вопросовъ о немъ и его дѣлѣ и спроситъ только, все-ли тотъ правильно показалъ въ своихъ прежнихъ разспросахъ. Приобщить З—ва «за превеликою вотою» нельзя было, но на исповѣди онъ подтвердилъ свои прежнія показанія.

22 ноября 1757 г. З—въ умеръ въ тюрьмѣ, и священникъ церкви Преображенія Господня, что въ Колтовской, донесъ, что тѣло арестанта Ивана имъ погребено.

Доносчикъ на него Василій Ларионовъ сосланъ былъ «на неисходное житіе подъ крѣпкимъ присмотромъ» въ одинъ изъ монастырей Казанской епархіи, и такимъ образомъ пресѣченъ былъ всякій путь для огласки «Зубаревского дѣла».

П. Пекарскій, «Историческія бумаги, собранія К. И. Арсеньевымъ» («Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ», т. IX, стр. 375—408).—*Его же*, «Исторія Импер. Академіи Наукъ», т. II, стр. 488—492.—*Виллярскій*, «Матеріалы для біографіи Ломоносова», стр. 169—171.—Рукопись Гр. М. А. Корфа «Брауншвейгское семейство». СПб. 1865 г., хранящаяся въ Собственной Его Величества Библиотекѣ (Зимній дворецъ). *А. Г.*

Зубеллевицъ, Адамъ-Иматій, докторъ философіи, профессоръ Варшавскаго университета, членъ Towarzystwa przyjaciel nauk, родился въ 1784 г. въ Пружанскомъ повѣтѣ, среднее образованіе получилъ въ Польшѣ, высшее въ Галле и по возвращеніи изъ-за границы назначенъ былъ профессоромъ въ Варшавскій лицей. Въ 1818 г. З-вичъ приглашенъ былъ занять катедру философіи въ тамошнемъ университетѣ и въ дѣляхъ завершенія своего образованія вторично отправился за границу. Въ 1823 г. онъ прекратилъ чтеніе лекцій въ университетѣ, по случаю назначенія его генеральнымъ инспекторомъ при кураторіи, вѣдавшей народное просвѣщеніе въ Царствѣ Польскомъ, и оставался въ этой должности до 1830 г. Скончался З-вичъ въ Варшавѣ въ 1831 г.

Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны слѣдующіе: 1) «Nowa grammatyka niemiecka podług najlepszych pisarzy w tablicach, z prawidłami i przykładami i polska

grammatyka podług Korczyńskiego, także w tablicach, ułożona według Vatera» (Галле 1807 г.); 2) «O zasługach Platona w filozofii» («Posiedzenia uniwersytetu Warszawskiego» на г. 1821); 3) «O zasługach Sokratesa w filozofii» («Rocznik tow. Warsz. p. nauk», т. XIII) и 4) «O pedagogice starożytnych» (тамъ же, т. XIV).

«Encyklopedia Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 743.

Зубеллевицъ, Флоріанъ-Александръ, братъ предыдущаго, математикъ, родился въ 1801 г., въ 1819 г. окончилъ гимназію въ Свислочѣ, а въ 1822 г.—Варшавскій университетъ со степенью магистра философіи и въ томъ-же году назначенъ былъ преподавателемъ въ Люблинѣ. Вскорѣ, однако, намѣченный въ кандидаты на кафедру коммерческихъ наукъ при Варшавскомъ политехническомъ институтѣ, З-вичъ посланъ былъ на казенный счетъ за границу: въ Германію, Францію и Англію, откуда вернулся только въ 1831 г. Лишившись по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ, предназначенной для него профессорской кафедры, З-вичъ ограничился скромной должностью преподавателя математики, сперва въ Плоцкой гимназіи, а затѣмъ въ Варшавскомъ реальномъ училищѣ. Истинный другъ просвѣщенія, онъ былъ не только учителемъ, но старшимъ товарищемъ своихъ учениковъ, широко пользовавшихся его обширною начитанностью и разносторонними знаніями. Не имѣя возможности примѣнить въ дѣлѣ преподаванія приобретенныя за границей свѣдѣнія по торговлѣ, З-вичъ использовалъ ихъ для печатныхъ трудовъ, къ которымъ принадлежатъ: «Przewodnik giełdy czyli opisanie wszelkich czynności giełdy w handlu, papierów publicznych» (Варшава, 1833 г.), «O papierach publicznych w ogólności ze szczegółowym opisem papierów krajowych ważniejszych zagranicznych instytucyj, które na handel ich wpływają» (тамъ-же, 1843 г.) и «Rachunkowość handlowa w ważniejszych jej zastosowaniach» (тамъ же, 1846 г.) По математикѣ извѣстно только одно его руководство: «Wykład praktyczny nauki o podnoszeniu do potęg i wyciąganiu pierwiastków, o postępach i logarytmach z załączeniem tablicy logarytmowejliczb» (Варшава, 1848 г.). Кроме того, много мелкихъ научныхъ статей и замѣтокъ З-вича помѣщено въ

разныхъ современныхъ ему периодическихъ изданiяхъ.

Скончался З-- вичъ въ Варшавѣ 8 мая 1859 г. Часть своего довольно обширнаго книгохранилища онъ завѣщалъ Варшавской главной библиотекѣ.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава 1868 г., т. 28, стр. 743. А. Г.

Зубковъ, Василій Петровичъ, тайн. сов., сенаторъ, происходилъ изъ дворянъ, сынъ помѣщика Ярославской и Московской губерній, секундъ-майора Петра Абрамовича Зубкова; родился въ Москвѣ 14 мая 1798 г. Воспитывался онъ первоначально въ домѣ родителей, а послѣ смерти отца (П. А. † 4 января 1804 г.), 27 мая 1807 г., былъ опредѣленъ ученикомъ въ Архитекторскую школу при Экспедиціи Кремлевскаго строенiя, гдѣ 20 февраля 1811 г., не имѣя даже тринадцати лѣтъ, былъ произведенъ въ коллежскiе регистраторы. Въ 1815 г. З--въ перешелъ изъ Экспедиціи Кремлевскаго строенiя въ свиту Ею Императорскаго Величества по квартирмейстерской части колонновожатымъ. 26 поября 1817 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики, а 15 сентября 1819 г. въ подпоручики. 11 декабря того же 1819 г., согласно прошенiю, по болѣзни, З въ былъ уволенъ отъ службы.

Проведя въ отставкѣ около двухъ лѣтъ, В. П. воспользовался этимъ временемъ, между прочимъ, и для побѣдки за границу. Сравненiе видѣннаго имъ на Западѣ съ отечественными порядками производилось невольно и волновало молодого человѣка. Необходимость найти себѣ единомышленниковъ заставляла его искать подходящихъ знакомствъ и приобретать друзей среди представителей мыслящей молодежи. Онъ познакомился съ С. Н. Кашкинмъ, который жилъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ княземъ Е. П. Оболенскимъ (декабристомъ). Сошелся съ В. К. Данзасомъ, наконецъ, съ И. И. Пушкинымъ, другомъ Пушкина, промѣнявшимъ мундиръ гвардейскаго артиллериста на скромную должность члена уголовной палаты. Къ этому кружку друзей вскорѣ присоединились А. П. Бакуинъ, В. П. Пальчиковъ, И. Н. Горсткинъ и князь П. Д. Черкасскiй.

27 сентября 1821 г. В. П. вновь поступилъ на службу, на этотъ разъ въ коллегiю иностранныхъ дѣлъ, откуда 28 iюля 1822 г. былъ перемѣщенъ въ Московскiй архивъ

коллегiи, а 22 марта 1823 г.—въ штатъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, при которомъ служила большая часть его прiателей. Въ томъ же 1823 г. З--въ женился на дочери бывшаго воронежскаго губернатора, д. с. с. Ѳ. А. Пушкина, дѣвицѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ. 6 августа 1824 г., съ производствомъ въ тит. сов., онъ получилъ назначенiе на должность совѣтника 2-го департамента Московской палаты гражданскаго суда. Такъ какъ въ дѣйствiяхъ кружка друзей З--ва была замѣтна общая идея, общее желанiе своимъ личнымъ примѣромъ и образомъ дѣйствiй, съ одной стороны, способствовать торжеству правсеудiя, а съ другой—препятствовать проявленiю мрачныхъ сторонъ современнаго имъ чиновничества, то съ назначенiемъ совѣтникомъ палаты З--въ получилъ еще большую возможность проводить въ жизнь идеи, одушевлявшiя его и его друзей. Занятый службою, В. П. досуги свои дѣлилъ между занятiями естественной исторiей, къ которой питалъ большую склонность, свѣтскими развлеченiями и бесѣдами въ кругу друзей на темы общественнаго характера. Семейная жизнь его текла спокойно, и только арестъ и послѣдовавшее за нимъ время заключенiя въ крѣпости выбили супруговъ изъ обиденной колеи.—9-го января 1826 г. З--въ былъ арестованъ, отправленъ въ Петроградъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ провелъ 12 дней въ томительномъ одиночномъ заключенiи. Поводомъ къ арестованiю З--ва послужили слова барона В. И. Штейнгеля, показавшаго, что знаетъ о близкихъ сношенiяхъ въ Москвѣ Пуштина съ З--вымъ, Данзасомъ и П. И. Колошинимъ. Слѣдственная о декабристахъ комиссія не нашла, однако, достаточныхъ поводовъ къ осужденiю З--ва и постановила просить о его освобожденiи. 20 января 1826 г. Государь Императоръ повелѣлъ: «выпустить съ аттестатомъ». О своемъ пребыванiи въ крѣпости З въ оставилъ интересныя въ историческомъ и бытовомъ отношенiяхъ записки на французскомъ языкѣ подъ заглавiемъ: «Récit de ma détention à la forteresse de St.-Petersbourg», напечатанныя въ академическомъ изданiи «Пушкинъ и его современники. Материалы и изслѣдованiя» (вып. IV, стр. 117—186). Вернувшись въ Москву оправданнымъ и чистымъ отъ подозрѣнiй въ неблагонамѣренности, З--въ прослу-

жилъ въ палатѣ до 7 октября и затѣмъ вышелъ въ отставку.

Пробывъ безъ должности и службы болѣе двухъ съ половиною лѣтъ, В. П. 6 мая 1829 г. былъ опредѣленъ совѣтникомъ временной экспедиціи Московской палаты уголовного суда для сужденія чиновниковъ удѣльнаго и другихъ вѣдомствъ за злоупотребленія по удѣльнымъ имѣніямъ. Съ 4 октября по 2 ноября 1830 г., во время свирѣпствованія въ Москвѣ холеры, онъ былъ помощникомъ начальствовавшего Якиманскою частью сенатора Брозина, а съ 2 ноября 1830 г. по 19 ноября 1831 г. начальствовавшимъ Орденскою холерною больницею. Кромѣ того, съ 2 июля по 17 декабря 1831 г. З—въ производилъ слѣдствіе о возникшихъ неудовольствіяхъ между членами 2-го департамента Московскаго магистрата и надв. сов. Глазовымъ. За отличное усердіе по службѣ и за участіе въ мѣрахъ, употребленныхъ къ прекращенію въ Москвѣ холеры, З—въ удостоился получить монаршее благоволеніе. Въ томъ же 1831 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени. Въ 1832 г. (съ 2 по 26 января) ревизовалъ присутственныя мѣста въ городахъ: Подольскѣ, Серпуховѣ, Звенигородѣ, Можайскѣ, Рузѣ и Верѣ, а съ 6 марта находился членомъ комитета, подъ предсѣдательствомъ военнаго генералъ-губернатора, для содѣйствія комиссіи «о сводѣ запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ». Въ 1834 г. онъ назначенъ былъ совѣтникомъ 2-го департамента Московской уголовной палаты и пожалованъ орденомъ св. Станислава 3-й (что затѣмъ 2-я) степени; въ 1835 г. перешелъ на должность совѣтника 1-го департамента той же палаты, а 16 декабря 1837 г. повелѣно было ему быть товарищемъ предсѣдателя Московской палаты уголовного суда. Въ 1838 г. В. П. былъ всемилоостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 2 степ., а 7 июля перешелъ на службу въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, на должность директора Ярославскаго Демидовскаго лицея и училищъ Ярославской губерніи. Но недолго онъ находился въ этой должности. 15 декабря того же 1838 г., согласно прошенію, онъ былъ уволенъ отъ службы, а 27 июня 1839 г. ему повелѣно было быть чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сенатѣ.

Съ этого времени вся служба З—ва прошла по Сенату, сначала Московскому, а

затѣмъ Петроградскому. 2 іюля 1839 г. онъ былъ назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ во 2 отдѣленіе 6-го департамента Сената. 30 декабря 1840 г. произведенъ въ стат. сов. Въ 1841 г. (съ 1 по 23 іюня) исправлялъ должность оберъ-прокурора 1-го и 2-го отдѣленій 6-го департамента Сената, а съ 21 іюня по 13 сентября—производилъ ревизію дѣлопроизводства въ уѣздныхъ судебныхъ мѣстахъ Ярославской губерніи. Въ 1842 г. З—въ былъ перемѣщенъ въ 8-й департаментъ Сената и исправлялъ должность оберъ-прокурора въ 7-мъ и 8-мъ департаментахъ Сената. 19 марта 1843 г. ему было повелѣно вступить въ должность оберъ-прокурора 8-го департамента Сената и въ томъ же году онъ пожалованъ былъ въ чинъ д. ст. сов. Въ 1844 г., кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей по 8-му департаменту Сената, онъ исправлялъ должность оберъ-прокурора 2 отдѣленія 6 департамента. 8 іюля 1845 г. В. П. былъ утвержденъ оберъ-прокуроромъ 8-го департамента Сената. 30 января 1846 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степ. Помимо своихъ обязанностей, онъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи для введенія въ извѣстность и порядокъ дѣлъ 7-го департамента Сената и исправлялъ должность оберъ-прокурора 7-го департамента и Общаго Собранія Московскихъ департаментовъ Сената. 3 марта 1847 года ему было поручено министромъ юстиціи принять отъ бывшаго оберъ-прокурора Дмитріева должность оберъ-прокурора Общаго Собранія Московскихъ департаментовъ Сената, со всѣми состоящими въ завѣдываніи его частями, и вступить въ исправленіе этой должности. Въ 1848 году, кромѣ должности оберъ-прокурора Общаго Собранія, онъ исправлялъ (съ 11 августа по 17 сентября) должность оберъ-прокурора 7-го департамента Сената. 1 декабря 1849 г. З—въ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст. Высочайшимъ указомъ 1 марта 1850 г. утвержденъ въ должности оберъ-прокурора Общаго Собранія Московскихъ департаментовъ Сената, съ увольненіемъ отъ обязанностей оберъ-прокурора 8-го департамента Сената, а 5 апрѣля того-же 1850 г. ему объявлено было Высочайшее благоволеніе за успѣшное рѣшеніе дѣлъ по Общему Собранію Сената. Службу въ Московскомъ Сенатѣ З—въ закончилъ въ 1851 году.

Живя все время въ Москвѣ, онъ про-

должалъ вращаться въ томъ же кружкѣ, что и раньше; внимательно слѣдилъ за изящной и научной литературой, а досуги свои, попрежнему, посвящалъ естественнымъ наукамъ, которыми особенно сталъ увлекаться съ 1823 г. Еще въ 1824 г. онъ вступилъ въ недавно передъ тѣмъ открытое Московское Общество сельскаго хозяйства, а затѣмъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены состоявшаго при университетѣ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы. Служившій подъ начальствомъ З — ва въ Московскомъ Сенатѣ К. П. Побѣдоносцевъ такъ отзывался о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Главною мыслью В. П. Зубкова было обновленіе застарѣвшей въ приказномъ обычаѣ канцеляріи департамента. Главную силу ея составляли старые оберъ-секретари, умные и опытные знатоки старыхъ указовъ и дѣлъ; но трудно было полагаться на честность приемовъ ихъ практики. Однако, въ ихъ рукахъ находилась участь каждаго дѣла. Присутствіе состояло изъ сенаторовъ, заслуженныхъ генераловъ военной и гражданской службы, людей мало искусныхъ въ юридическихъ тонкостяхъ, и потому докладомъ канцеляріи почти всегда рѣшалось дѣло. Эту крѣпость В. П. Зубковъ задумалъ разбивать съ помощью новыхъ элементовъ... Затѣмъ явились новобранцы изъ правовѣдовъ, и ими-то оберъ-прокуроръ началъ орудовать, не трогая съ мѣста никого изъ старыхъ опытныхъ дѣльцовъ. Выбирая способнѣйшихъ молодыхъ людей и подготавливая ихъ мало-по-малу къ секретарской должности, онъ обставлялъ ими старыхъ оберъ-секретарей подъ своимъ руководствомъ, такъ что на докладѣ, за которымъ внимательно слѣдили оберъ-прокуроръ, молодой докладчикъ могъ всегда уравновѣшивать невѣрное внушеніе своего оберъ-секретаря. По той же системѣ, когда вырѣзали подъ руководствомъ Зубкова оберъ-секретари изъ молодыхъ, онъ присоединялъ къ нимъ секретарей изъ старыхъ дѣльцовъ. Такъ мало-по-малу перерабатывался составъ канцеляріи, безъ обидъ и потрясеній: старые дѣльцы доживали вѣкъ на мѣстахъ своихъ и нерѣдко служили своими совѣтами молодымъ, обращавшимся къ ихъ опытности въ дѣлахъ прежняго времени...» В. П. З — въ, по словамъ того же Побѣдоносцева, въ 1840-хъ годахъ «считался въ Москвѣ однимъ изъ самыхъ просвѣ-

щенныхъ людей между начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ. Общеніе съ такимъ человѣкомъ по службѣ не могло не быть благотѣльно для развитія молодыхъ людей, начинавшихъ въ Сенатѣ свою служебную дѣятельность. Зная прекрасно французскій и нѣмецкій языки, Зубковъ слѣдилъ постоянно за литературой, много читалъ, и бесѣда его была всегда пріятна и поучительна для молодежи».

Высочайшимъ указомъ 2 октября 1851 г. З — ву всемилостивѣйше повелѣно было быть оберъ-прокуроромъ 1-го департамента Сената, а ордеромъ министра юстиціи (отъ 1-го ноября того же года) поручено принять въ свое завѣдываніе всѣ подвѣдомственные оберъ-прокурору 1-го департамента части управленія, а именно Петроградскій Сенатскій архивъ, типографію, казначейство, школу писарей министерства юстиціи и сверхъ того, канцелярію Общаго Собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента Герольдіи Сената, и предсѣдательствовать въ хозяйственномъ комитетѣ, учрежденномъ при Сенатѣ. 31 декабря 1851 г. З — въ былъ всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 1 степ. 19 сентября 1854 г. награжденъ орденомъ св. Владимира 2-й степ. Наконецъ, Высочайшимъ указомъ 8 января 1855 г. ему было повелѣно присутствовать въ Сенатѣ, съ производствомъ въ тайные сов. 10 января 1855 г. З — въ былъ назначенъ къ присутствованію въ департаментѣ Герольдіи Сената, а 18 мая, согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ отъ службы. Умеръ З — въ въ Москвѣ 12 апрѣля 1862 г. и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

По словамъ дочери товарища З — ва, В. К. Давзаса, Т. В. Сѣмечкиной, Василій Петровичъ былъ человѣкъ веселаго нрава, въ разговорѣ его было много юмора, онъ шутилъ съ дѣтьми, которыя его очень любили, и всегда являлся желаннымъ гостемъ.

«Сб. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 60. — Дѣла Прав. Сената и министерства юстиціи. Формуляръ. — «Московскій Некрополь», т. I, стр. 480. — В. Л. Модзалевскій, «В. П. Зубковъ и его записки», съ портретомъ («Пушкинъ и его современники». Изд. Имп. Акад. Наукъ, 1906 г., вып. IV, стр. 90—116). — «Русскій Архивъ» 1891 г., № 2 (Записки М. М. Евреинова); 1904 г., № 2, стр. 301—305. — Н. А. Мурзиновъ, «Практикующій Сенатъ (Господа Сенаты). Списокъ сенаторовъ».

Н. А. Мурзиновъ.

Зубковъ, Василій, граверъ пунктиромъ, жилъ въ половинѣ XIX ст. Ему принадлежитъ работа «Преп. Тихонъ Задонскій» (1836 г.).

Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.в.», стр. 246.

Зубковъ, Лука, граверъ на мѣди, жилъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Ему принадлежатъ 4 вида Соловецкаго монастыря (1772—1802). Доски, нынѣ хранящіяся въ ризницѣ монастыря, отпечатаны и изданы Ровинскимъ въ 1884 году.

Ровинскій, «Подробный словарь рус. граверовъ XVI—XIX в.в.», стр. 246.

Зубковъ, Николай, граверъ рѣзцомъ XVIII ст. Съ именемъ его связана работа «Мѣсяцесловъ географическій на 1773 г. съ картою полушарія южной части свѣта».

Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.в.», стр. 246.

Зубковъ, Семенъ, писатель и переводчикъ конца XVIII и начала XIX ст. Съ именемъ его связанъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія А. Коафенгофера «Подробное изъясненіе о колесахъ въ водяныхъ мельницахъ и о внутреннемъ строеніи мельныхъ мельницъ» (Курскъ, 1793) и печатный трудъ «Краткое историческое обзорніе открытія острововъ португальцами, испанцами, англичанами, голландцами и французами, лежащихъ въ пространѣйшемъ океанѣ, сопредѣльномъ Азии и Америкѣ, составляющихъ пятую часть земного шара» (Курскъ, 1804).

Геннадіи, Словарь, т. II.—«Роспись російскимъ книгамъ для чтенія изъ библиотекъ А. Смрлдина», № 3100.

Зубова, Аделаида Алексеевна, въ замужествѣ *Родзянко*, писательница (псевдонимъ *Тамиева*), директриса Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. Извѣстно нѣсколько ея театральныхъ пьесъ, написанныхъ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, а именно: 1) переводный водевилъ «А ларчикъ просто открылся» (представленъ въ 1851 г.); 2) передѣланная съ французскаго комедія въ одномъ дѣйствіи «Любовь по приказу или первые опыты кокетства» («Пантеонъ и Репертуаръ русской сцены» 1851 г., декабрь); 3) «И дружба, и любовь», разговоръ для сцены («Библиотека для Чтенія» 1852 г., № 2; въ первый разъ играно на Александринской сценѣ въ бенефисъ В. В. Самойлова, въ 1852 г.); 4) «Однофамильцы», комедія-водевилъ въ 2-хъ отдѣленіяхъ

(«Пантеонъ» 1853 г., № 10 и отдѣльно) и 5) «Русскіе въ 1854 году», драматическія сцены въ 2-хъ дѣйствіяхъ и картинахъ («Пантеонъ» 1855 г., № 3 и отдѣльно; представлено въ бенефисъ В. В. Самойлова, 28 го января 1855 г.). Кроме того, 3-ва помѣстла въ «Сынѣ Отечества» за 1852 г. повѣсть «Сельцо Михайловское» (№№ 3 и 4) и «Пять дней въ уѣздномъ городѣ, рассказъ молодого человека» (№ 10), а въ «Пантеонѣ» за 1854 г.—романъ «Три жизни» (№№ 5 и 6). Ненапечатанными остались: повѣсть въ стихахъ «Елена» и повѣсть въ 3-хъ частяхъ «Старый пріятель».

Свои педагогическіе взгляды 3-ва изложила въ книгѣ «Взглядъ на общія обязанности въ дѣлѣ воспитанія дѣтей» (Кіевъ, 1872 г.), написанной ею уже послѣ выхода замужъ.

Кн. Голицынъ, «Библиографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 120, 206. — *А. И. Вольфъ*, «Хроника Петербургскихъ театровъ», Спб., 1877 г., ч. II и III.

Зубова, Барвара, авторъ «Благого вѣрнаго приношенія вѣрноподданной въ незабвенный день бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества, государыни великой княжны Ольги Николаевны съ ея королевскимъ высочествомъ насѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ 1 іюля 1846 г.» (Спб., 1846 г.). Въ торжественномъ тонѣ описываетъ здѣсь 3-ва праздника, происходившія лѣтомъ 1846 г. въ столицѣ и въ Петергофѣ по случаю возвращенія изъ заграничнаго путешествія царской семьи и бракосочетанія вел. кн. Ольги Николаевны съ принцемъ Виртембергскимъ.

Какъ значитъ въ предисловіи, вся выручка отъ продажи этого сочиненія предназначена была «въ пользу воспитанія двухъ малолѣтнихъ дѣвицъ, по стеченію обстоятельствъ впавшихъ въ крайнее положеніе».

Кн. Голицынъ, «Библиографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 120. — «Отечественныя Записки» 1849 г., т. 49, стр. 39. — «Финскій Вѣстникъ» 1847 г., т. XIII. А. Г.

Зубова, Елизавета, писательница, родилась въ 1843 г. Въ печати извѣстны только двѣ вещицы ея, написанныя въ дѣтствѣ: 1) сочиненная въ десятилѣтнемъ возрастѣ современная пѣсенка «Вотъ три кумушки кумы» (Спб., 1854 г.) и 2) «Молитва русскаго народа въ день свяще-

наго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ государя императора Александра Николаевича и государыни императрицы Маріи Александровны, 26-го августа 1856 г.» (Спб., 1856 г.), написанная 3-вой на 13-мъ году жизни.

Кн. Голицынъ, «Библиографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 120—121.

Зубова, Марія Воиновна, урожденная Римская-Корсакова, одна изъ первыхъ русскихъ писательницъ - литературныхъ дочерей Ломоносова и Сумарокова», какъ называетъ ихъ Мордовцевъ, отразившихъ въ себѣ новое у насъ литературное вѣяніе XVIII столѣтія. 3-ва славилась своими пѣснями, нѣкоторыя изъ которыхъ помѣщены во 2-ой части «Пѣсенника», издавнаго Чулковымъ въ 1770 г. «Это были первыя пѣсни, — говоритъ Мордовцевъ, — которыя вмѣстѣ съ пѣснями Сумарокова и его дочери дозволила себѣ пѣть Россія послѣ раскольничьихъ стиховъ духовныхъ кантатъ и народныхъ пѣсенъ обрядоваго или бытового цикла». Онѣ завладѣли вниманіемъ всего тогдашняго русскаго общества, и нѣкоторыя изъ нихъ держались очень долго. Такъ, чувствительный романсъ 3-вой: «Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ...», который находили восхитительнымъ и по музыкѣ, и по стику, и по содержанию, почти цѣлое столѣтіе пѣла вся Россія, и въ великосвѣтскихъ гостинныхъ, и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ провинціального захолустья. Новиковъ въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ» говоритъ, что 3-ва сочинила не мало разныхъ «весьма изрядныхъ» стихотвореній и, кромѣ того, перевела нѣсколько книгъ съ французскаго; въ печати, однако, ея переводовъ не появилось. У современниковъ 3-ва известна была также, какъ любительница народныхъ пѣсенъ и «пріятнѣйшая пѣвица». Гр. Ѳ. В. Росточинъ въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову, увѣдомляя послѣдняго о внезапной смерти 3-вой, осенью 1799 г., за бостономъ у Н. К. Загряжской, называетъ 3-ву умной и любезной женщиной, во вкусѣ Мортеля («Liaisons dangereuses»).

Д. Мордовцевъ, Русскія женщины второй половины XVIII в., Спб., 1874 г., стр. 165—166. (Здѣсь 3-ва ошибочно названа *Маріей Ивановной*). — *Кн. Голицынъ*, «Библиографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 121. — *Новиковъ*, «Опытъ историческаго

словаря о русскихъ писателяхъ», Спб., 1772 г., стр. 68. — «Дамскій Журналъ» 1830 г., ч. 29, № 3. — «Русскій Архивъ» 1876 г., № 9, стр. 93. — *Руссовъ*, «Библиографическій списокъ», стр. 24—25. — *Геннади*, Словарь, т. II.

А. Г.

Зубова, графиня Наталія Александровна (Сувороочка), любимая дочь графа Суворова-Рымническаго, получившая известность благодаря нѣжной привязанности къ ней ея знаменитаго отца, который и далъ ей прозвище «Сувороочка». Родилась 1 августа 1775 г. Мать ея Варвара Ивановна, урожденная княжна Прозоровская, не ладила съ мужемъ, вслѣдствіе чего дѣвочка уже 5 лѣтъ, по ходатайству отца, помѣщена была въ Смольный институтъ. Здѣсь она воспитывалась и впоследствии училась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ тогдашней начальницы института Софьи Ивановны де-Лафонтъ, замѣнившей ей такимъ образомъ мать. Не отличаясь особенными способностями, Сувороочка была, однако, очень прилежна и вела себя безукоризненно, отчего въ институтѣ ее и прозвали «доброй и добродѣтельной маленькой особой». Отецъ рѣдко имѣлъ возможность видѣть свою любимую дочь, но когда она подросла, онъ часто писалъ ей, при чемъ въ письмахъ его, писанныхъ иногда непосредственно съ поля сраженія, веселая шутка нерѣдко переплеталась съ серьезнымъ поставленіемъ. Въ шутиломъ тонѣ описывалъ онъ своей Наталіи кровавыя схватки съ непріателемъ, посылая поклонки ея подругамъ - «монастыркамъ», которыхъ такъ же, какъ и свою дочь, называлъ «сестрицами», и просилъ не забывать его; а когда получалъ письма отъ дочери, то плакалъ надъ ними «отъ утѣхи». Въ 1789 г., послѣ взятія Очакова, Суворовъ пріѣхалъ въ Петроградъ и имѣлъ свиданіе съ дочерью, которая вскорѣ затѣмъ окончила институтъ и 3 марта 1791 г., во вниманіе къ заслугамъ отца, пожалована была въ фрейлины. Императрица взяла ее во дворецъ и помѣстила въ своей «уборной». Впрочемъ здѣсь она оставалась недолго и вскорѣ, по желанію отца, переселилась въ его домъ на Итальянской улицѣ. Отецъ попрежнему часто писалъ ей и, озабоченный будущностью своей Сувороочки, подыскивалъ ей жениха. Сперва онъ прочилъ ее за одного изъ лучшихъ своихъ офицеровъ, Золотухина, погибшаго при штурмѣ Измаила, потомъ

намѣтилъ другого жениха, но тотъ оказался не по сердцу дочери. Любопытна переписка (въ стихахъ) по этому поводу между Суворовымъ и Суворочкой. Послѣ взятія Варшавы отецъ писалъ дочери изъ Польши:

Увѣдомляю симъ тебя, моя Наташа,
Костюшка злой въ рукахъ; взяла вотъ
такъ-то наша!

Я-жь весель и здоровъ, но лишь немного
лихъ,

Тобою что презрѣвъ мной избранный
женихъ.

Когда любовь твоя велика есть къ отцу,
Послушай старика, дай руку молодцу.

Но, впрочемъ, никакихъ не слушай, другъ
мой, здоровъ.

Отецъ твой Александръ графъ Римник-
скій Суворовъ.

Дочь отвѣчала тоже стихами:

Для дочери отецъ на свѣтѣ всѣхъ святѣй,
Для сердца же ея любезнѣй и милѣй—
Дать руку для отца, жить съ мужемъ по
неволѣ,

И графска дочь ничто—ся крестьянка болѣ.
Что можетъ въ старости отцу утѣхой быть?
Печальный вздохъ дѣтей или имъ въ ве-
сельи жить?

Все въ свѣтѣ пустяки—богатство, честь
и слава:

Гдѣ нѣтъ согласія, тамъ смертная отравя.
Гдѣ жъ царствуетъ любовь, тамъ тысячи
отрадь,

И нищій мнить въ любви, что онъ, какъ
Крезъ, богатъ.

Отказъ Суворочки вызванъ былъ главнымъ образомъ тѣмъ, что у нея на примѣтѣ былъ уже другой женихъ — графъ Николай Александровичъ Зубовъ, за котораго вскорѣ затѣмъ она и вышла замужъ. Въ замужествѣ, однако, она не была счастлива: мужъ ея не ладилъ съ своимъ тестемъ. Письма отъ отца приходили теперь рѣже и были очень коротки. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ изъ Кіева отъ 20 марта 1796 г. значилось всего два слова: «Великая грязь». Въ 1797 г. рожденіе перваго внука, названнаго въ честь обоихъ дѣдовъ Александромъ, очень обрадовало старика, незадолго передъ тѣмъ попавшаго въ опалу и жившаго теперь въ селѣ Кончанскомъ. Престарѣлый полководецъ почувствовалъ къ дочери новый приливъ нѣжности и составилъ въ ея пользу духовное завѣщаніе, утвержденное съ согласія имп. Павла I 2-го октября 1798 г.

По возвращеніи изъ итальянскаго похода Суворовъ, какъ извѣстно, сталъ помогать. Въ мартѣ 1800 г. онъ написалъ послѣднее письмо любимой дочери, а 6-го мая его не стало. Смерть отца и участіе мужа въ заговорѣ гр. Палея сильно потрясли молодую графиню Зубову. Она временно даже разошлась съ мужемъ и переѣхала на жительство въ Москву, гдѣ продолжала жить и впоследствии, овдовѣвъ въ августѣ 1805 г. Въ 1831 г. имп. Николай Павловичъ пожаловалъ ей орденъ св. Екатерины меньшаго креста. Скончалась гр. Зубова въ Москвѣ 30 марта 1844 г. и погребена въ Сергіевой пустыни, близъ Петрограда, въ фамильной усыпальницѣ Зубовыхъ.

Мордовцевъ, «Русскія женщины XIX вѣка», Спб., 1874 г., стр. 22—38.—«Русскіе портреты», изд. вел. кн. Николая Михайловича, т. I, № 117. А. Г.

Зубова, Ольга Александровна, по мужу *Жеребцова*, сестра фаворита императрицы Екатерины II, род. въ 1765 г., ум. 1 марта 1849 г., въ замужествѣ была за д. с. с. Александромъ Александровичемъ Жеребцовымъ. Принимала видное участіе въ организациі заговора 11 марта, благодаря вліянію лорда Витворда, съ которымъ была въ очень близкихъ отношеніяхъ и, какъ говорятъ, даже въ любовной связи. Красивая, изящная, но корыстолюбивая З — ва вовлеклась въ заговоръ, по свѣдѣніямъ современниковъ, главнымъ образомъ, благодаря подкупу ея англійскимъ золотомъ. Судьба братьевъ, находившихся при Павлѣ въ ссылкѣ и лишенныхъ имѣній, заставила ее энергично дѣйствовать въ пользу ихъ возвращенія. Свѣдѣнія, приписывающія идею заговора лорду Витворду или Жеребцовой, требуютъ подтвержденія; но во всякомъ случаѣ оба узнали о заговорѣ раньше другихъ, а Жеребцова сразу и дѣятельно принялась за осуществленіе его. Она устраивала пышные вечера, на которыхъ подъ благовиднымъ предлогомъ могли собираться заговорщики. Князь Лопухинъ, близкій родственникъ Жеребцовой, рассказывалъ о ней слѣдующее: «Витвордъ черезъ посредство О. А. Жеребцовой былъ въ сношеніяхъ съ заговорщиками; въ ея домѣ происходила сборища, черезъ ея руки должна была пройти сумма, назначенная за убійство или, по меньшей мѣрѣ, за отстраненіе императора Павла отъ прес-

стола... За нѣсколько дней до 11 марта Жеребцова нашла болѣе безопаснымъ для себя уѣхать за границу и въ Берлинѣ ожидала исхода событий... Какъ только извѣстiе о кончинѣ императора Павла дошло до Берлина, Жеребцова отправилась дальше, въ Лондонъ. Тамъ она получила отъ англійскаго правительства сумму, соотвѣтствовавшую 2 мил. руб. Эти деньги должны были быть распределены между заговорщиками, въ особенности между тѣми, которые принимали наиболѣе дѣятельное участiе въ убiйствѣ. Но Жеребцова предпочла удерживать всю сумму за собою, будучи увѣрена, что никто не отважится требовать заслуженнаго вознагражденiя». Хотя—говоритъ онъ далѣе—«Жеребцова была дѣйствительно болѣе чѣмъ легкаго поведенiя, но не имѣла никакой любовной интриги съ Витвордомъ. Отношенiя Витворда къ ней основаны были исключительно на политическихъ расчетахъ, съ одной стороны, и на корыстолюбii, съ другой».

«Царевубiйство 11 марта 1801 года.» Спб. 1907 г.—«Русскiе портреты XVIII и XIX ст.», изд. вел. кн. Николая Михайловича.—«Петербургскiй Некрополь», т. II.—Шильдеръ, «Императоръ Александръ I», т. I, стр. 414.

К. К.

Зубовскiй, Никифоръ Андреевичъ, с. с., преподаватель Могилевской семинарiи, сынъ причетника Гомельскаго уѣзда, Могилевской губ., родился въ 1816 году; воспитывался въ мѣстномъ духовномъ училищѣ и семинарiи, откуда по окончанii курса съ званiемъ студента въ 1835 г. поступилъ учителемъ въ Гомельское духовное училище. Двухгодичная его служба въ училищѣ совпала съ эпохой воссоединенiя унии съ православiемъ, и онъ былъ однимъ изъ первыхъ борцовъ тамъ за дѣло православiя и русскои народности. Въ 1837 г. Зубовскiй для довершенiя своего образованiя поступилъ въ Киевскую духовную академiю и по окончанii тамъ курса ученiя со степенью магистра назначенъ былъ въ 1841 г. на должность инспектора Могилевской дух. семинарiи и учителя логики, психологii и латинскаго языка. Въ семинарiи Зубовскiй служилъ (1841—1848) въ то время, когда вводилось преобразование духовной школы, съ усиленiемъ въ ней философско-богословской науки на счетъ естествознанiя, и ему пришлось принять дѣятельное участiе въ дѣлѣ благоустроенiя преобразованной

школы. Въ 1848 г. Зубовскiй перешелъ на гражданскую службу и былъ опредѣленъ сначала правителемъ канцелярiи Могилевскаго округа путей сообщенiя, а затѣмъ въ 1866 г. назначенъ начальникомъ хозяйственнаго отдѣленiя въ томъ же округѣ. Въ этой должности онъ и скончался 28 февраля 1886 года.

Зубовскiй составилъ два учебника: «Логикѣ». Спб. 1847 г. (Отзывъ: «Сынъ Отечества», т. 50, отд. VI, стр. 21—22) и «Психологiю». Спб. 1848 г. (Отзывъ: *ib.*, т. 57, отд. VI, стр. 21—24).

«Могилевскiя Епарх. Вѣдомости» 1886 г., № 12, стр. 257—262.—*Извѣковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус. писателей», вып. VI, стр. 56.

Зубовскiй, Никифоръ Захаровичъ, тайн. сов., кievскiй окружной военно-медицинскiй инспекторъ, докторъ медицины, сынъ священника Могилевской губ., родился въ 1832 г., образованiе получилъ сперва въ духовной семинарiи, а потомъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академii, которую окончилъ со степенью лѣкаря 1-го отдѣленiя въ 1856 г. и тогда же, еще во время Крымской войны, былъ опредѣленъ на службу въ войска южной армii; затѣмъ, будучи младшимъ лѣкаремъ гусарскаго Мариупольскаго полка, онъ по собственному желанiю былъ прикомандированъ къ 1-му С.-Петербургскому сухопутному госпиталю съ цѣлью усовершенствованiя въ медицинскихъ наукахъ; отсюда его перевели въ Стародубовскiй драгунскiй полкъ (1860), а затѣмъ въ саперный баталiонъ (1861). Въ 1862 г. Зубовскiй съ научною цѣлью отправился на свой счетъ за границу и по возвращенii отсюда получилъ назначенiе на должность старшаго лѣкаря въ Петровскiй пѣхотный полкъ (1863), изъ котораго перемѣщенъ былъ затѣмъ на должность старшаго ординатора въ Виленскiй военный госпиталь (1864). Въ 1866 г. конференцiею академii Зубовскiй былъ удостоенъ степени доктора медицины за диссертацию «Микроскопическое изслѣдованiе поперечною полосатыхъ мышцъ въ предстательной железѣ человека» («Мед. Вѣстн.» 1866, 7—11. Отд. оттискъ. Спб. 1866). Достигнувъ этой цѣли, онъ однако не остался на ней, а посвятилъ себя еще и спеціальному изученiю военно-полевой хирургii, для чего и былъ прикомандированъ на 1869—70 г.г. къ Медико-хирургической академii. Въ

1870 г. З-скій былъ назначенъ старшимъ ординаторомъ Ковенскаго военнаго госпиталя, а въ слѣдующемъ году—главнымъ врачомъ въ Динабургскій госпиталь. Служебная дѣятельность его въ Динабургѣ представляла собою непрерывную усиленную борьбу за интересы здоровыхъ и больныхъ солдатъ, особенно за ихъ содержаніе, — борьбу, доходившую до самопожертвованія, до риска потерять свое служебное положеніе. И труды его здѣсь увѣнчались несомнѣннымъ улучшеніемъ санитарнаго состоянія Динабургскаго гарнизона, показателемъ чего было уменьшеніе числа больныхъ, съ 500 до 250. Въ 1875 г. З-скій былъ назначенъ помощникомъ военно-медицинскаго инспектора Московскаго военнаго округа. За десять лѣтъ пребыванія въ этой должности онъ успѣлъ немало сдѣлать для благоустройства московскихъ военныхъ госпиталей. Кромѣ того, его личной инициативѣ обязана учрежденіемъ бесплатнаго лѣчебница военныхъ врачей въ Москвѣ для бѣдныхъ, ближайшимъ сотрудникомъ которой онъ состоялъ во все время службы въ Москвѣ. Во время войны 1877—78 г.г. З-скій былъ командированъ въ Болгарію въ качествѣ уполномоченнаго великой княгини Александры Іосифовны съ цѣлью попеченія о больныхъ и раненыхъ въ эту войну. По возвращеніи изъ этой командировки онъ назначенъ былъ членомъ Высочайше учрежденной подвижной комиссіи для надзора за санитарнымъ состояніемъ военныхъ госпиталей и для ограниченія развитія въ нихъ пятнистаго тифа. Въ 1885 г. З-скій получилъ назначеніе на должность харьковскаго военно-медицинскаго инспектора, а въ 1889 г., за упраздненіемъ этого округа, былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Кіевъ, гдѣ и скончался 7 января 1890 г.

З-скому, кромѣ названной диссертациі, принадлежатъ еще два слѣдующихъ печатныхъ труда: 1) «Волокна поперечнополосатыхъ мышцъ въ предстательной железѣ человѣка» («Мед. Вѣстн.» 1863, 33) и «Проникающая рана живота съ выпаденіемъ внутренностей» (ib. 1874, 21).

Зимевъ, «Русскіе врачи-писатели», томъ IV, стр. 128—129. — «Военно-Санитарное Дѣло» 1890 г., № 20, стр. 21—22. — «Новое Время» 1890 г., № 4982. — «Московскія Вѣдомости» 1890 г., № 20. — «Сынъ Отечества» 1890 г., № 8. — «Всемирная Иллюстрація», т. 43, стр. 74. *Степ.*

Зубовъ, графъ *Александръ Николаевичъ*, генераль-прокуроръ Сената, тайный совѣтникъ, родился 6 августа 1727 г., ум. 20 февраля 1795 г. Происходилъ изъ стариннаго рода, по преданію отъ баскака Амрачана, принявшаго по крещеніи въ 1237 г. имя Захарія и бывшаго ханскимъ намѣстникомъ во Владимірѣ. Во второй половинѣ XV вѣка упоминается *Иванъ Андреевичъ Зубовъ*, отъ котораго установлена непрерывная генеалогическая линия нынѣ существующихъ и существовавшихъ семействъ князей, графовъ и дворянъ Зубовыхъ. У его внука, *Никиты Ивановича Ширяя-Зубова*, былъ сынъ *Иматій Никитичъ*, занимавшій при Грозномъ въ 1571 г. должность дьяка Посольскаго приказа, а въ 1578 г. исполнявшій при войскахъ у Смоленска обязанности, теперь возлагаемыя на начальника штаба. Его сынъ *Иванъ Иматьевичъ* (умеръ въ 1629 г.) былъ въ числѣ 5 другихъ Зубовыхъ, встрѣчавшихъ въ качествѣ наиболее образованныхъ дворянъ королевича Густава, жениха царевны Ксеніи. Поздѣе сталъ «перелетомъ»: Тушинскій воръ послалъ его въ Смоленскъ уговаривать тамошнихъ жителей предаться самозванцу, а королевичъ Владиславъ отправилъ его возмущать москвичей въ свою пользу. Умеръ онъ воеводой въ Березовѣ. *Давнакій Ивановичъ* (умеръ въ 1648 г.) при царѣ Михаилѣ былъ воеводой въ Туринскѣ; его братья дослужились до такихъ же должностей въ Астрахани и Соликамскѣ. Сынъ его *Борисъ Давнасьевичъ* съ 1659—1664 г. былъ воеводой въ Березовѣ. Его внукъ *Николай Васильевичъ*, членъ коллегии экономіи (род. въ 1699, ум. въ 1786 г.), отъ перваго брака съ Татьяной Николаевной Трегубовой имѣлъ сыновей *Давнакія*, *Александра* и *Вислія*. Вторая жена его, Агаѳія Ивановна Наумова, была близка ко двору императрицы Елисаветы и поэтому сыновья его уже дѣтми были записаны въ гвардейскіе полки и могли рассчитывать на успѣшную службу. Особенно выдвинулся изъ нихъ Александръ Николаевичъ.

Александръ Николаевичъ З-въ началъ свою службу въ Кенной гвардіи, въ 1751 г. былъ произведенъ изъ вахмистровъ въ корнеты, а въ 1758 г. изъ поручиковъ былъ уволенъ по болѣзни въ Ландмилицкій корпусъ подполковникомъ. По словамъ Гельбига, З-въ былъ одно время вице-гу-

бернаторомъ въ провинціи и находился въ дружбѣ съ кн. А. А. Вяземскимъ и гр. Н. И. Салтыковымъ. Во время нашествія шаекъ Пугачева онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ семействомъ искать спасенія въ бѣгствѣ. До возвышенія своего сына Платона, онъ былъ въ чинѣ статскаго совѣтника. Благодаря же вліянію сына, 22 сентября 1792 г. получилъ назначеніе оберъ-прокуроромъ въ первый департаментъ Сената. А. Н. З—въ имѣлъ состояніе, приносившее ему ежегодный доходъ до 20 тысячъ руб. Въ Петербургѣ онъ купилъ домъ, куда и перевезъ семью изъ Москвы. Умный человекъ, но злой и безчестный, З—въ прославился взяточничествомъ и лихоимствомъ. По словамъ современника, онъ «плотно стряпалъ» по дѣламъ всѣхъ въ государствѣ богачей, причѣмъ эти «обороты» приносили ему больше пользы, чѣмъ царская милость. Будучи сенаторомъ, онъ скушалъ или вынуждалъ уступить старымъ тяжбы дѣла, добываясь затѣмъ рѣшенія ихъ въ свою пользу.

Везаконныя дѣйствія З—ва сильно колебали даже положеніе его сына, но въ результатѣ онъ всегда выходилъ сухимъ изъ воды. Извѣстное дѣло съ майоромъ Бехтѣвымъ приобрѣло большую огласку и едва не кончилось для З—ва печально. Бехтѣвъ заложилъ за 40 тысячъ свое имѣніе въ 600 дунгъ во Владим. губ. и просрочилъ. З—въ, безъ всякой довѣренности отъ владѣльца, внесъ деньги и выкупилъ имѣніе. Вопреки закону, имѣніе было за нимъ утверждено по представленной закладной. Бехтѣва съ семействомъ выселили изъ собственнаго дома, отнявъ даже и его движимое имущество въ пользу З—ва. Бехтѣвъ обратился за поддержкой къ кн. Потемкину и просилъ Державина быть посредникомъ въ Совѣтномъ судѣ, куда онъ подалъ прошеніе на старика З—ва. Платонъ склонился сначала къ мировой сдѣлкѣ. Онъ даже намѣревался уплатить тайно отъ отца тѣ 16 тысячъ руб., которые Зубовъ-отецъ требовалъ отъ Бехтѣва, якобы въ возмѣщеніе убытковъ. Но потомъ Платонъ принялъ сторону отца. Тогда Бехтѣвъ грозилъ подать жалобу императрицѣ. Деревни ему была возвращена, по совѣту Державина, но случай этотъ вызвалъ во всѣхъ знатныхъ домахъ непріятные для З—ва толки о томъ, что отецъ фаворита «своимъ надменнымъ и мздоимнымъ поведеніемъ уже всѣмъ становится несносенъ».

Далеко не всѣ обиженные З—вымъ осмѣливались на него жаловаться: тягаться съ отцомъ фаворита было опасно. З—въ же пользовался своимъ положеніемъ и обогащался. Иной разъ онъ даже продавалъ свое покровительство. Въ сентябрѣ 1792 г. на этой почвѣ возникло другое дѣло, не менѣе скандальное, чѣмъ первое, сильно поколебавшее положеніе при дворѣ самого фаворита. Нѣкій Ярославовъ, отрѣшенный отъ должности за противозаконные поступки, былъ отданъ подъ судъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ купилъ покровительство З—ва и добился пересмотра своего дѣла въ Сенатѣ. Самъ Ярославовъ былъ оправданъ, а судьи признаны виновными. Но дѣло раскрылось, и Екатерина, сильно разгнѣванная, отмѣнила рѣшеніе, выразивъ неудовольствіе Сенату. Несмотря на свою печальную репутацію, З—въ, благодаря сыну, одновременно съ нимъ, вмѣстѣ съ другими сыновьями былъ возведенъ въ графское достоинство въ 1793 г. Но онъ не дожилъ до того времени, когда Плигонъ сдѣлалъ былъ княземъ, и умеръ 20 февраля 1795 года. Его супруга *Елизавета Васильевна Воронова* род. въ 1742 г., единственная дочь армейскаго прапорщика, владѣла 1000 душъ крестьянъ. Въ супружество вступила въ 1759 г., въ 1795 г. она пожалована была въ статсъ-дамы, а въ 1797 г. — въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины. Скопчалась она 29 декабря 1813 г. и похоронена въ Сергіевой пустыни.

«Русск. Стар.» 1870 г., т. III, № 1, стр. 44; 1876 г., т. XVII. — «Русскіе портреты XVIII и XIX ст.». Изд. вел. кн. Николая Михайловича. — *Державинъ*, Записки. Сочиненія, т. VI. — Записки Гарновскаго. Дневникъ Храповицкаго. — Архивъ кн. Воронцова (по указателю). — Сенатскій Архивъ, т. т. XII, XIV, XV.

К. Исуринъ.

Зубовъ, Алексѣй Федоровичъ (1682 † 1743?), сынъ извѣстнаго иконописца Федора Евгінѣева Зубова, сначала (до 1699 года) былъ иконописцемъ въ Оружейной палатѣ; съ этого времени началъ учиться гравированію, для чего былъ отданъ въ ученики выписанному въ Россію граверу Шхонбеку — «грыдоровать гербы», т. е. гербы для гербовой бумаги. Ученикъ оказался очень толковымъ, иноземецъ-учитель оставался имъ доволенъ и неоднократно представлялъ его къ наградѣ; очевидно, и начальство ружейной палаты цѣ-

нило этого перваго русскаго гравера и, по представленію Шхонебека, увеличивало ему жалованье. До 1711 года, по словамъ Ровинскаго, З—въ работалъ въ Москвѣ, съ этого же времени былъ переведенъ въ Петербургъ въ типографію, гдѣ состоялъ старшимъ мастеромъ при иноземномъ граверѣ Пикарѣ и получалъ 195 р. и 35 четвертей хлѣба; при роспускѣ въ 1727 г. с.-петербургской типографіи былъ уволенъ въ отставку и З—въ, при чемъ ему не было выдано жалованье, и онъ просилъ выдать ему вмѣсто денегъ хотя бы книги. Эти свѣдѣнія Ровинскаго, взятые изъ Пекарскаго, находятся въ противорѣчій съ подлиннымъ прошеніемъ Алексѣя З—ва, поданнымъ имъ 2 сентября 1728 года императору Петру II. Во-первыхъ, въ этомъ прошеніи З—въ нѣсколько иначе объясняетъ свое появленіе у Шхонебека—не для «грыдорованія гербовъ», а для болѣе важной работы попалъ онъ въ ученики къ иноземцу: «Всемилоствѣйшимъ повелѣніемъ дѣда Вашего Императорскаго Величества работая съ 1700 году тушеванною работою персоны Вашего Императорскаго Высочества Всевысочайшей фамилии и грыдорованные всякія нужныя дѣла и рисунки». Далѣе, въ своемъ прошеніи З—въ указываетъ, что онъ взятъ изъ Москвы въ Петербургъ въ 1721 году, а не въ 1711 году, какъ было указано выше. Чѣмъ объяснить это противорѣчіе, мы не знаемъ, можетъ быть, первый разъ З—въ былъ взятъ въ 1711 году, затѣмъ вернулся въ Москву и снова въ 1721 году пріѣхалъ въ Петербургъ; хотя, конечно, возможны еще два предположенія: или въ приводимомъ нами прошеніи опска, и вмѣсто 1721 года надо читать 1711, или свѣдѣнія Ровинскаго не вполне точны. Послѣ 1727 г. З—въ работалъ при Академіи Наукъ, когда онъ и подалъ вышеприведенное нами прошеніе Петру II, въ которомъ, указывая, что «въ прошломъ 1727 году призванъ изъ Франціи въ Санктпетербургскую академію грыдорованнаго дѣла мастеръ иноземецъ Вортманъ, а денежнаго жалованья опредѣлено оному 800 рублей, да квартира и дрова, и свѣчи», просилъ, чтобы ему, З—ву, выдавали жалованье «противъ выше означеннаго иноземца Вортмана въ-полъ», т. е. половину. Это обстоятельство указываетъ, что З—въ въ это время чувствовалъ себя очень

сильнымъ. Эта просьба З—ва, кажется, осталась неудовлетворенной, и ему вскорѣ, несмотря на сильное желаніе Академіи Наукъ оставить его при гравировальной палатѣ, пришлось уѣхать въ Москву, гдѣ его ожидала работа, гравюра портрета Петра II. Окончивъ эту работу, З—въ уже больше не возвращался въ Петербургъ, и здѣзда его стала закатываться. Лишившись жалованья, З—въ сталъ искать себѣ пропитаніе частною работою, посвящая свои доски «суконной мануфактуры фабриканту Прокофію Прохоровичу Докучаеву въ день торжества ангела его», баронессѣ Строгановой, Аннѣ Яковлевнѣ Шереметевой и ряду другихъ лицъ.

Работы З—ва многочисленны. Мы даемъ списокъ ихъ, систематизируя доски по сюжетамъ. I. *Духовныя*: А) *Ветхий Заветъ*: 1) Пѣсня пѣсней, 6 листовъ, копія Библии 1674 года (1740 г.); В) *Новый Заветъ*: 2) Троица, съ картинъ Рубенса (1738 г.); С) *Иисусъ Христосъ*: 3) Дьяволъ искушаетъ Христа въ пустынѣ (1736 г.), 4) Иисусъ Христосъ съ агнцемъ на раменахъ (1741 г.), 5) Преображеніе, 6) Пригласіе о 5 дѣвахъ, 7) Распятіе, 8) Распятіе, копія изъ Библии 1674 года, 9) Распятіе съ надписью «Вознесыя на крестъ», 10) Сошествіе св. Духа (1701 г.), 11) Умершій Спаситель на колынахъ Господа Саввова; Д) *Пресвятая Богородица*: 12) Аллегорическое изображеніе Богородицы со свѣтильникомъ; Е) *Святые*: 13) св. Алексѣй митрополитъ (1738 г.), 14) св. Анна Пророчица (1738 г.), 15) св. Антипій (1733 г.), 16) св. Варвара (1739 г.), 17) св. Иларіонъ, 18) св. равн. Константинъ и Елена (1740 г.), 19) Пр. Маронъ, Антипа, Антоній, Варлаамъ (1733 г.), 20) св. Марія Магдалина (1740 г.), 21) св. Павелъ Оввейскій (1732 г.), 22) св. Пахомій Великій (1733 г.), 23) св. Прокофій Устюжскій, 24) Sanctus Marcus, 25) Iohannes Baptista, 26) S. Hilarion, 27) S. Paulus Thibeicus, 28) Символь православной вѣры, на 12 доскахъ, 29) Святцы, на 12 доскахъ (1734 г.), 30) Богословскій тезисъ (1743 г.). II. *Портреты*. А) Царствующія лица: 31) Имп. Анна Иоанновна (1732 г.), 32) Имп. Анна Иоанновна (1734 г.), 33) Анна Петровна, черманъ, 34) Екатерина I, въ ростъ, кругомъ 36 медальоновъ русскихъ государей (1725 г.), 35) Екатерина I. въ ростъ, съ арапченкомъ, черманъ. (1726 г.), 36) Ека-

терина I, въ ростъ, съ арапомъ (1727 г.), 37) Екатерина Императрица и Самодер-
жица... (1735 г.), 38) Петръ Великій, изъ
Марсовой книги (1711 г.), 39) Петръ Вели-
кій... (1712 г.), 40) Петръ I импера-
торъ, второй листъ Марсовой книги
(1712 г.), 41) Петръ Великій съ семей-
ствомъ, на листъ, посвященіе Екатеринѣ I
отъ служителей петербургской типографіи
(1717 г.), 42) Петръ I въ медальонѣ, въ
книгѣ «Куншты корабельные» (1718 г.),
43) Петръ I въ порфирѣ (1734 г.),
44) Петръ I на картушѣ карты Европы,
45) Петръ I на конѣ, 46) Петръ I въ
облакахъ, 47) Петръ I, поясной, чер-
ман., 48) Петръ I, поясной, чер. ман.,
49) Петръ II съ портрета Каравака
(1727 г.), 50) Петръ II, чер. ман. (1729 г.),
51) Петръ II, въ ростъ въ порфирѣ (1734 г.).
В. *Частныя лица*: 52) Оборъ—Сарванръ
господинъ Головинъ, 53) Маленькая пер-
сонка, чер. ман. (1703 г.), 54) Княгиня
Д. М. Меньшикова, чер. ман. (1726 г.),
55) Княжна М. А. Меньшикова, чер. ман.
(1726 г.), 56) Стефанъ Яворскій (1729 г.).
III. *Фейерверки*: 57) Фейерверкъ по слу-
чаю побѣды при островѣ Грейгамѣ (1720 г.),
58) Фейерверкъ въ январѣ и апрѣлѣ
1736 года, 3 лист. чер. ман. IV. *Изобра-
женія и планы битвъ*: 59) Акція... 1713 г.,
октября 6 день, 60) Баталія близъ Ангу-
та (1717 г.), 61) Баталія... у деревни
Лалола (1714 г.), 62) Баталія при Грей-
гамѣ (1721 г.), 63) Изображеніе морского
сраженія, 64) Карта предпріятыхъ въ
1736 году... военныхъ дѣйствій (1737 г.).
V. *С.-Петербургъ*: 65) Васильевскій островъ
(1714 г.), 66) Видъ дворца и каскада въ
Петергофѣ, 67) Дворецъ князя Меньши-
кова, 68) Зимній дворецъ, 69) Лѣтній
дворецъ, 70) Лѣтній садъ (1717 г.),
71) Монастырь св. Александра Невского,
72) Санетъ-Питеръ-Бурхъ, 4 листа (1716 г.),
73) С.-Петербургъ, видъ на крѣпость
(1727 г.), 74) Торжественный ввѣдь въ
С.-Петербургъ взятыхъ шведскихъ фре-
гатовъ (1720 г.). VI. *Виды местности*:
75) Изображеніе обитателей Терновской
метрополи, 76) Планъ Константинополя
(1720 г.), 77) Соловецкій монастырь
(1744 г.). VII. *Географическія*: 78) Гло-
бусъ (1724 г.), 79) Карта Вѣжецкаго
уѣзда, 80) Карта Олонецкаго уѣзда,
81) Карта Перми, 82) Карта Соликамской
области (1731 г.), 83) Ландкарта Карго-
польскаго уѣзда (1730 г.), 84) Планъ го-

рода Иркутска (1730 г.), 85) Четыре ча-
сти свѣта въ видѣ четырехъ женщинъ.
VIII. *Бытовья*: 86) Бракъ и веселье
е. и. в. Карла (1716 г.), 87) Бракъ импе-
ратора Петра I съ Екатериной I (1712 г.),
88) Прогулка Петра I по Невѣ. IX. *Ри-
сунки въ книгахъ*: 89) Колоннада, сзади
фонтанъ (1718 г.), 90) Сигналы (1701 г.),
91) Три бесѣдки въ книгѣ кунсты садовъ
(1718 г.). X. *Заглавные листы*: 92) Къ
географіи, 93) Къ книгѣ «Правила о 5 чи-
нѣхъ архитектуры» (1709 г.), 94) Къ уста-
ву морскому (1720 г.).

Такимъ образомъ изъ даннаго списка
работъ мы видимъ, что одинъ изъ пер-
выхъ русскихъ граверовъ Алексѣй З— въ
не могъ специализироваться, а долженъ
былъ отъ царскаго портрета переходить
къ гравировкѣ изображенія какого-нибудь
фейерверка или баталія, а отъ этого по-
слѣдняго къ заглавному листу той книги,
изданіе которой великій преобразователь
Россіи находилъ нужнымъ и полезнымъ.
Проявлять индивидуальность художникъ
не могъ, онъ долженъ былъ быть гото-
вымъ на все, что отъ него потребуютъ.
Сравнительно значительное количество
гравюръ духовнаго содержанія, именно
около трети всѣхъ работъ, объясняется
тѣми условіями, въ которыхъ пришлось
жить З—ву въ послѣдніе годы своей жизни.
Лишившись государственнаго жалованья,
З—въ долженъ былъ какимъ-нибудь обра-
зомъ добывать средства, а русскіе люди
того времени, если не открыто, то въ
глубинѣ души считали снятіе портрета
дѣломъ бѣсовскихъ рукъ; вотъ почему
З—въ подносилъ не портреты этихъ лицъ,
а изображенія святыхъ, имена которыхъ
они носили. Интересно было бы сравнить,
насколько гравюры З—ва сходны съ
изображеніемъ святыхъ въ «Подлинни-
кахъ», и не внесены ли художникомъ въ
эти изображенія нѣкоторыя сходственные
черты съ тѣми лицами, которыми подно-
сились изображенія; фамильные портреты
ископы у насъ извѣстны. Но, къ сожа-
лѣнію, портретъ, а въ частности гравюрный
портретъ у насъ вполне еще не изученъ,
такъ какъ для этого не собраны нужные
матеріалы, поэтому дѣлать какіе-нибудь
выводы по этому вопросу можно лишь
предположительно. Портреты царскихъ
лицъ, сдѣланные З—вымъ, интересны по-
тому, что они были «анпробованы», т. е.
это были официальные портреты, какими

подданные всероссийскаго императора или императрицы должны были представлять себя своихъ монарховъ; небезынтересно отмѣтить, что императрица Екатерина I является съ арапомъ — арапъ дѣлается постоянной принадлежностью портретовъ, съ тою цѣлю, что, съ одной стороны, своимъ чернымъ цвѣтомъ лица онъ отгѣпляетъ бѣлизну лица монархини, съ другой — свидѣтельствовалъ о пышности и богатствѣ двора, могущаго приобретать этихъ араповъ.

Среди произведеній З—ва имѣется рядъ гравюръ, посвященныхъ Петербургу. Изъ нихъ, какъ вполне справедливо указываетъ Ровинскій, выдѣляется огромный эстампъ изъ 4 листовъ и 4 полулистовъ; 4 листа склеены въ длину и составляютъ видъ Петербурга; 4 полулиста составляютъ верхнюю часть (полосу) эстампа; на этой полосѣ на лентѣ, поддерживаемой купидонами, надпись: «Савкѣ-Питеръ-Бурхъ» (то же по-латыни). Эстампъ подписанъ съ годомъ — «грыдорвалъ Алексѣй Зубовъ, 1716 года». На гравюрѣ изображены видъ крѣпости, части Васильевского острова и Петербургской стороны. На Цевѣ множество лодокъ и судовъ въ числѣ ихъ на яхтѣ Петръ I и Екатерина I. — Пекарскій, говоря объ этой гравюрѣ, замѣчаетъ, что она чрезвычайно любопытна для изучения старинныхъ зданій и вообще расположенія Петербурга Петровскихъ временъ. И. Грабаръ это болѣе или менѣе правдоподобное замѣчаніе такого осторожнаго историка, какъ П. Пекарскій, превратилъ въ слѣдующее безападляціонное утвержденіе: «Благодаря гравюрѣ Зубова, изображающей панораму Петербурга 1716 года, мы можемъ составить себѣ довольно точное представленіе о тогдашней набережной Петербургской стороны и о палатахъ Петровскихъ вельможъ». Правда, въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому утвержденію Грабаръ вноситъ опровергающія его оговорки, но это еще болѣе затмѣняетъ вопросъ. Сравнивая гравюру З—ва съ архивными дѣлами того времени, мы должны придти къ заключенію, что гравюра З—ва вовсе не даетъ «довольно точнаго представленія о Петербургѣ Петровскаго времени», и можно думать, что художникъ, дѣлавшій эту гравюру, никогда не видалъ Петербурга того времени. Составлялась эта гравюра, видимо, такимъ образомъ: былъ взятъ проект-

ный планъ Петербурга, были вытребованы отъ архитекторовъ чертежи зданій, которыя предполагалось построить и, принявъ проекты за дѣйствительность, сочинена панорама. Такимъ образомъ, по этой панорамѣ можно судить лишь о томъ, какъ рисовался Петру Великому въ его мечтахъ его будущій «парадизъ». Такъ же надо относиться и къ другимъ видамъ Петербурга, исполненнымъ З — вымъ. З—въ гравировалъ не только рѣзцомъ, но и черной манерой, послѣднія его работы очень рѣдки.

Если предъявить къ работамъ З—ва тѣ требованія, которыя мы предъявляемъ современной гравюрѣ, то работы его покажутся наивными, малограмотными, не выдерживающими строгой критики; но, конечно, такъ относиться къ этимъ работамъ нельзя, ихъ нужно разсматривать съ исторической точки зрѣнія, сравнивая ихъ съ одновременными работами русскихъ граверовъ того времени. Принимая во вниманіе сравнительно большое количество стпечатковъ и неменьшую рѣдкость находенія оттисковъ въ настоящее время, мы должны придти къ заключенію, что гравюра З—ва была очень распространена и, безусловно, сыграла значительную роль въ дѣлѣ развитія художественнаго вкуса у его современниковъ. Сравнивая эту гравюру съ рядомъ гравюръ другихъ русскихъ мастеровъ, работавшихъ одновременно съ З—вымъ, какъ, напр., А. Ростовцевъ, или даже позже, какъ Качаловъ, Челнокъ и др., мы должны отдать предпочтеніе гравюрѣ З—ва; въ ней, несмотря на всю ея условность, примитивность, чувствуется большой художникъ, а не ремесленникъ, каковыми были выше помянутые граверы; работы же черной манерой, особенно въ портретахъ матери и дочери Меншиковыхъ, могутъ быть названы, для того времени, образцовыми произведеніями. И если З—въ не сравнялся съ своимъ учителемъ Шхонебекомъ или съ работавшими въ то время иностранцами Пикаромъ и Вортманомъ, то, конечно, виноваты въ этомъ обстоятельства и условія русской дѣйствительности — вспомнимъ, что З — въ получалъ 195 рублей и 35 четвертей хлѣба жалованья, тогда какъ менѣе талантливый, но болѣе искусный граверъ Вортманъ, цѣнился въ 800 рублей.

Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ

гравировъ», стр. 353—380. — «Матеріалы къ Исторіи Академіи Наукъ», т. I, стр. 49, 168, 386, 398—399, 453, 473, 537, 604. — *А. Успенскій*, «Царскіе иконопещы», т. I, стр. 95. — *Грaбарь*, «Исторія русскаго искусства», вып. 13. — «Художественныя сокровища Россіи» 1903 г., стр. 26, 37, 106, 108, 110—113. — «Русская Старина», т. LXXIII, стр. 799. — «Историческій Вѣстникъ», т. VIII, стр. 144; т. XCI, стр. 597, 601, 606.

П. Столянскій.

Зубовъ, графъ *Валеріанъ Александровичъ*, генераль-аншефъ, род. 28 ноября 1771 г., ум. 21 іюня 1804 г. Службу свою онъ началъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, изъ котораго перешелъ въ Конный. Въ 1785 г. онъ произведенъ былъ изъ вахмистровъ въ корнеты лб.-гв. Коннаго полка, а въ 1788 г. — въ подпоручики. Вслѣдъ затѣмъ съ 1789 г., благодаря вліянію брата Платона, повышеніе его идетъ быстрыми шагами. Съ 1-го іюля 1789 г. императрица Екатерина въ своихъ письмахъ къ Потемкину нерѣдко упоминаетъ о Валеріанѣ З-вѣ, видна ея заботливость расположить къ нему кн. Таврическаго. Она называетъ Валеріана «интереснымъ ребенкомъ», братьевъ Зубовыхъ вообще «милыми дѣтьми». Въ угоду императрицѣ Потемкинъ приобщилъ къ своимъ ратнымъ подвигамъ и Валеріана. 15 сент. 1789 г. З-въ уже подполковникомъ опредѣленъ былъ въ Псковскій драгунскій полкъ. Екатерина сама сообщала объ этомъ въ письмѣ (отъ 17 сент. 1789 г.) кн. Таврическому: «Дитя наше, Валеріана Александровича, я выпустила въ армію подполковникомъ, и онъ жадно желаетъ ѣхать къ тебѣ въ армію, куда вскорѣ и отправится, и я ему дамъ особое къ тебѣ рекомендательное письмо. Я увѣрена, что ты, подобно мнѣ, скажешь, что это занимательное дитя, умирающее отъ желанія все хорошо сдѣлать. Пожалуй, люби его». З-въ дѣйствительно въ концѣ сентября отправленъ былъ въ армію къ Потемкину. Удаленіе его изъ Петербурга было вызвано однако не только тѣмъ, что онъ «просилъ быть отправленъ, желая служить въ арміи», а также по причинѣ раздора съ братомъ Платономъ, который не хотѣлъ въ немъ имѣть рядомъ съ собой конкурента въ полученіи милостей отъ Екатерины. Отправляя З-ва въ армію, императрица въ письмѣ къ Потемкину (отъ 22 сентября 1789 г.) давала такую рекомендацію: «Въ молодыхъ его лѣтахъ, я должна ему отдать справедливость, что, сколько я примѣтить могла, онъ въ самыхъ доб-

рыхъ расположеніяхъ и полонъ усердіемъ выполнить все ему порученное; онъ отнюдь не желалъ жить здѣсь празденъ и спѣшитъ теперь къ тебѣ заставить осеннія военныя дѣйствія; я совершенно увѣрена, что ты сего молодого человѣка будешь жаловать; мнѣ кажется, это интересный ребенокъ, братъ же его чрезвычайно любитъ и всю свою надежду на тебя кладетъ, что его не оставишь, въ чемъ, надѣюсь, и не обманется». Служба при Потемкинѣ быстро выдвигала З-ва. Постоянныя упоминанія Екатерины о немъ въ письмахъ, лестные отзывы заставляли Потемкина, уступая желанію императрицы, неоднократно давать ему поводъ для награжденія. Отношенія Зубовыхъ съ Потемкинскимъ вообще были добрыми въ концѣ 1789 г. и началѣ 1790 г., хотя Валеріанъ З-въ, состоя при особѣ князя, не упустилъ случая написать брату Платону въ Петербургъ о тѣхъ оргіяхъ, которыя устраивалъ свѣтлѣйшій въ Яссахъ. 14 ноября 1789 г. З-въ привезъ въ Петербургъ извѣстіе о паденіи Вендеръ, за что пожалованъ былъ чиномъ полковника и званіемъ флигель-адъютанта. Сверхъ того, ему дано было въ награду 10 тыс. рублей деньгами, табакерка съ вепзелемъ въ 2 тыс. и перстень въ 8 тыс. рублей.

Направляясь 29 марта 1790 г. опять въ армію, онъ вновь получилъ отъ императрицы восхвалявшее его качества письмо къ Потемкину. Въ немъ Екатерина пишетъ: «Флигель-адъютанта моего Валеріана Александровича Зубова прощу жаловать и любить, какъ молодого человѣка, наполненнаго охотой къ службѣ и доброю волею... онъ же ѣдетъ къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно служить и быть употребленнымъ, куда изволишь; съ таковою диспозиціей, я надѣюсь, ты его не оставишь праздно; сіи молодые люди въ самомъ лучшемъ расположеніи и притомъ весьма добросердечны и честны, и нельзя ихъ не любить и за нихъ не интересоваться. Я надѣюсь, что мнѣ въ слово не выдашь». Нѣсколько поздиѣе, въ другомъ письмѣ (отъ 8 іюня) Екатерина снова поручаетъ Валеріана З-ва князю и проситъ «имѣть о немъ попеченіе». При штурмѣ Измаила онъ проявилъ мужество, храбро атаковавъ одну изъ батарей, подъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи пробился на валъ и, овладѣвъ возвышеніемъ, штыковымъ ударомъ опрокинулъ турокъ. Почетное порученіе извѣстить

императрицу о паденіи Измаила (11 декабря 1790 г.) Потемкинъ возложилъ на Валеріана 3-ва, отчасти надѣясь угодить Екатеринѣ, отчасти, можетъ быть, желая доказать, какъ мало вселяетъ ему опасеній за его могущество близость обоихъ братьевъ ко двору. Впрочемъ, передъ Валеріаномъ 3-вымъ онъ уже не скрывалъ своего недовольства чрезвычайнымъ благоволеніемъ императрицы къ Платону.

3-въ прибылъ въ Петербургъ съ радостнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ въ первомъ числамъ января 1791 г. Вѣсть о паденіи Измаила была принята восторженно. Екатерина «точасъ приказала послѣ обѣдни отправлять молебствіе съ большою пушечною пальбою». Самъ 3-въ по аттестаціи, присланной Потемкинымъ, получилъ Георгіевскій крестъ 4-го класса, бригадирскій чинъ и званіе секундъ-майора гвардіи Измайловскаго полка. Его «предостойной братъ» чрезвычайно обрадованъ былъ, что свѣтлѣйшій «подалъ случай» Валеріану оказать его усердіе. Занятіе неприступной крѣпости было воспѣто и Державнымъ, который, если не по заказу, то по желанію Валеріана 3-ва, написалъ оду «На взятіе Измаила».

Со смертью Потемкина положеніе Зубовыхъ значительно упрочилось. Въ іюнѣ 1792 г. 3-въ произведенъ былъ въ генералъ-майоры. Въ томъ же году онъ находился въ Польшѣ. Его участіе тамъ въ военныхъ дѣлахъ вызвало тревогу въ императрицѣ за его жизнь: «Послушай, мальчикъ! писала она (28 іюня 1792 г.), не давай себя въ излишнія опасности. Дѣло съ поляками того не стоитъ; а за то, что хорошо поступаешь, тебѣ спасибо. Усердіе твое ко мнѣ, которое вездѣ вижу въ письмахъ къ брату, весьма пріятно мнѣ». Въ томъ же году Валеріанъ ѣздилъ волонтеромъ въ армію союзниковъ, воевавшихъ противъ революціонной Франціи. Здѣсь 3-въ встрѣтилъ невѣсту вел. кн. Александра Павловича со свитой, она ѣхала въ Петербургъ. Отзывъ 3-ва о невѣстѣ, повидимому, очень понравился Екатеринѣ, признававшей въ 3-вѣ знатока женской красоты, обладателя «вкуса изряднаго». Полагаясь на его вкусъ, она выразила увѣренность, что не ошиблась въ своемъ выборѣ. 3-ву при этомъ вмѣстѣ съ письмомъ были посланы отъ государыни китайскій халатъ и шубка на случай, если военныя дѣйствія простираться будутъ далѣе Парижа. Повидимому, именно

о Валеріанѣ 3-вѣ писалъ принцъ де-Линь (15 дек. 1792 г.) изъ Вѣны императрицѣ: «Я имѣлъ великое удовольствіе видѣть здѣсь храброго и любезнаго генерала 3... Я еще никого не видалъ, кто такъ скоро заставилъ бы полюбить себя и столь сожалѣть о себѣ, несмотря на короткость времени знакомства съ собою».

27 января 1793 г. вмѣстѣ съ братьями и отцомъ 3-въ возведенъ былъ въ графское достоинство и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ томъ же году 3-въ получилъ орденъ Чернаго Орла отъ короля Прусскаго, при чемъ просилъ императрицу имѣть въ виду, что право носить этотъ орденъ даетъ лишь чинъ ген.-лейтенанта. Намекъ Валеріана не имѣлъ успѣха, вызвавъ лишь большую ссору между братьями. 3-въ получилъ приказаніе уѣхать изъ Москвы, гдѣ онъ въ этотъ моментъ находился. Поговаривали, что причина высылки—ревность Платона 3-ва. Впрочемъ, ссора была непродолжительна, и братья примирились, но Екатерина дѣйствительно наряду съ Платономъ оказывала большое благоволеніе и Валеріану. Валеріанъ превосходилъ брата красотой, онъ отличался необычайной близностью лица съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, былъ подвиженъ и жизнерадостенъ: по отзыву Екатерины, Валеріанъ былъ настоящимъ «красавцемъ». Обоимъ братьямъ она позволяла неограниченно распоряжаться казенными суммами. По словамъ Массона, Валеріанъ 3-въ, играя въ фараонъ, ставилъ на карту по 30 тыс. руб. Екатерина въ своихъ письмахъ называла 3-ва «прекрасной и доброй душой», «это не эгоистъ, а герой во всей силѣ слова», «молодой человекъ, подающій столь хорошія надежды», «храбрый воинъ», «вѣжливый и благородный рыцарь». Въ минуты нѣжности Екатерина надѣляетъ его въ письмахъ эпитетами: «рѣзвушка моя», «любезный мальчикъ» и т. д. Она высокога мнѣнія о его способностяхъ и военныхъ подвигахъ. «Блестательная младость таковая общаетъ вамъ вѣкъ благополучный и всего добраго, чего только человекъ желать можетъ» (11 іюня 1794); она серьезно считаетъ его чуть ли не лучшимъ полководцемъ въ Европѣ, забывалъ Суворова и французскихъ маршаловъ. Впрочемъ, гр. Валеріанъ 3-въ былъ несомнѣнно умнѣе и способнѣе своихъ братьевъ. Какъ полководецъ, онъ во время Персидскаго похода имѣлъ военный успѣхъ. Храб-

рость свою онъ доказывалъ неоднократно. Ему не чужда была извѣстная инициатива и дальновидность во высшей политикѣ. Живою, общительный, сердечный въ общеніи, З-въ пользовался любовью товарищей. При случаѣ однако онъ умѣлъ быть строгимъ даже къ своимъ ближайшимъ товарищамъ-генераламъ. Однажды, во время Персидскаго похода, сидя за столомъ у З-ва, ген.-майоръ Цицановъ сталъ «неловкими словами» порицать дѣйствія генерала И. В. Гудовича. З-въ выслушалъ все молча, ничего не возразивъ, а, вставъ изъ-за стола, отпривалъ порицателя подъ команду порицаемаго. По словамъ Массона, З-въ былъ «добръ, прямодушень и храбръ», хотя въ то же время въ характерѣ его были и непривлекательныя черты. Фельдмаршалъ Репнинъ даетъ въ письмѣ къ Салтыкову такой отзывъ о З-вѣ: «Молодой человекъ рѣдкихъ качествъ и способностей, усерденъ неограниченно къ службѣ, смѣлъ, внимателенъ ко всякому, что до его дѣла касается, и съ тѣмъ даромъ, что всѣ его любятъ, всѣ довольны, и всѣ служатъ съ нимъ желаютъ». Но довѣрять подобной характеристикѣ нельзя: Репнинъ зналъ, что содержаніе его письма навѣрно станетъ извѣстнымъ императрицѣ (что и случилось), а также кн. Платону З-ву, передъ которымъ фельдмаршалъ занесивалъ. Въ дѣйствительности З-въ хотя и былъ самымъ лучшимъ и наиболее порядочнымъ изъ братьевъ, но особенными душевными качествами и добродѣтелями не блисталъ. Въ честолюбивой потонѣ за чинами онъ пускался иногда на хитрости. З-въ былъ женолюбивъ, не менѣе своего брата Платона, и не напрасно Екатерина писала ему на турецкій театръ военныхъ дѣйствій, что «въ городѣ всѣ красавицы безъ него похудѣли». Поведеніе этого «интереснаго ребенка» въ Польшѣ относительно женъ тамошнихъ поляковъ возбудило общее негодованіе. Страсть къ женщинамъ мѣшала З-ву быть честноплотнымъ въ выборѣ своихъ средствъ, что показывалъ слѣдующій случай. Когда З-въ некакъ расположенія супруги нѣкоего майора Каверина—и безуспѣшно, то онъ не задумался воспользоваться содѣйствіемъ ея безчестнаго супруга, чтобы только добиться успѣха. Наградой или благодарностью за эту услугу было назначеніе Каверина полицейстеромъ въ Москвѣ.

Польскія смуты 1794 г. представили ему возможность получить извѣстность. Въ качествѣ генералъ-майора и Александровскаго кавалера онъ получилъ подъ свое начальство значительный отрядъ. Его дѣйствія въ Польшѣ были довольно безразсудны и жестоки, что явилось лишнимъ поводомъ для вѣняхнувшаго въ 1794 г. бунта въ Варшавѣ. Сама судьба наказала этого баловня счастья. Осенью 1794 г. онъ потерялъ ногу во время одной перестрѣлки при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Преслѣдуя арьергардъ поляковъ при переправѣ черезъ Бугъ, онъ отправился въ рекогносцировку въ одно изъ опасныхъ мѣстъ, обстрѣливаемыхъ неприятельскою артиллеріею. Полковникъ Рарокъ, подсакавшій къ гр. Валеріану З-ву съ его свитой, сказалъ: «Господа, разъѣзжайтесь — неприятель, увидя генерала, окруженнаго столь многочисленною свитой, будетъ по немъ стрѣлять». Но было уже поздно. Поляки замѣтили свиту и открыли пальбу. Однимъ и тѣмъ же небольшимъ ядромъ оторвало у графа лѣвую ногу, а у Рарока правую. Рарока оставили безъ всякой помощи, и отъ потери крови онъ на другой же день скончался. З-ва же отвесли въ лощину, и врачи занялись ампутаціей ноги. Когда его на носилкахъ несли мимо второй линіи нашихъ войскъ, онъ держался бодро и шутилъ съ солдатами, которые не могли удержаться отъ слезъ. Онъ сожалѣлъ, что не могъ участвовать во взятіи Праги. З-въ былъ перевезенъ, по его желанію, въ Варшаву; здѣсь онъ нѣсколько оправился и началъ ходить на костыляхъ. Фельдмаршалъ Румянцевъ выказалъ къ нему чрезвычайное вниманіе, присылалъ курьеровъ узнавать о его здоровьи, «просто влюбился въ него», по словамъ Екатерины. Съ извѣстіемъ о несчастіи съ З-вымъ въ Петербургъ былъ посланъ курьеръ. Возволнованная императрица написала З-ву собственноручное письмо. Она была очень огорчена рамою З-ва, писала о своемъ «чистосердечномъ участіи», упрекала «богомерзкихъ поляковъ», которые «не стоятъ тѣхъ храбрыхъ людей, кои отъ нихъ пострадали». Письмо отъ 26 октября 1794 г. имѣетъ цѣлью поддержать бодрость въ З-вѣ: «Опасалась я рады твоей и была зѣло прискорбна, дондеже увидѣла письма твои, курьеромъ привезенныя, а теперь восхищаюсь бод-

ростью духа твоего. Подкрѣпи тебя Боги! Хвалю духъ твой». За Валеріаномъ З—вымъ, собравшимся ѣхать въ Петербургъ, былъ отправленъ англійскій дормезъ и посланы «на дорогу» 10 тысячъ червонцевъ. За боевые подвиги ему пожалованъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, чинъ генераль-лейтенанта, орденъ св. Георгія 3-й степени и сверхъ того—300 тыс. руб. на уплату долговъ. По словамъ Массона, З—ву на лѣченіе пожаловано было 100 тысячъ руб., и сверхъ того онъ просилъ еще 500 тысячъ руб. на покрытие долговъ. Но свѣдѣнія эти сомнительны.

Валеріанъ З—въ совершилъ свой путь не безъ пышности, на каждой станціи онъ бралъ всю заготовленную для него поклажу въ 110 лошадей. Въ Петербургъ З—въ прибылъ въ началѣ апрѣля 1795 г. Онъ представился Екатеринѣ въ креслѣ на колесахъ. Видъ З—ва вызвалъ слезы у императрицы, она осыпала его новыми подарками, стараясь смягчить горечь его положенія. Она пожаловала ему прекрасный домъ на Милліонной улицѣ, принадлежавшій когда-то Густаву Бирону, затѣмъ 20 тыс. руб. золотомъ и назначила ему ежегодную пенсію въ 13 тыс. руб. серебр. По предложенію Екатерины, З—въ поселился въ Таврическомъ дворцѣ, чѣмъ былъ очень доволенъ. Излишества, отъ которыхъ З—въ не въ состояніи былъ отказаться, мѣшали успѣшному лѣченію. Онъ остался калѣкой и по выздоровленіи явился ко двору на костыляхъ, на которыхъ ходилъ довольно проворно. Онъ казалъ себѣ искусственную ногу, но попытки его пользоваться ею были неудачны. Рана иногда давала себя чувствовать. Какъ-то въ пылу разговора, позабывъ, что у него недостаетъ правой ноги, онъ вскочилъ со стула и упалъ на полъ, отчего всѣ повязки свалились, и рана вновь открылась. «Но вообще онъ здоровъ и все такой же красавецъ, какъ прежде», писала Екатерина (4 апр. 1795 г.). Наибольше серьезныя симпатіи этого «красавца» принадлежали гр. Поттоцкой, съ которой онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ. Это увлеченіе положило коверъ соперничеству его съ Платономъ. Съ этихъ поръ между братьями установились хорошія отношенія. Въ своихъ письмахъ Валеріанъ называетъ брата «любезнымъ другомъ, братомъ и отцомъ». Несмотря на горячее желаніе З—ва вступить съ гр. По-

тоцкой въ бракъ, ему этого не разрѣшали. Попржнему З—въ продолжалъ быстро повышаться въ чинахъ. Подвиги его усилили благоволеніе Екатерины не только къ нему лично, но и ко всей семьѣ. Державинъ воспѣлъ З—ва въ одѣ «Къ красавцу».

Въ 1796 г. З—въ участвуетъ въ Персидскомъ походѣ. Планъ этой кампаніи былъ разработанъ Платономъ Зубовымъ. Одна армія должна была идти на Персію—пересѣчь пути къ Константинополю, другая атаковать его съ суши, эскадра—осадить съ моря. Къ исполненію этого проекта рѣшено было приступить, начавъ Персидскій походъ. Командованіе предложили Суворову. Къ общему удивленію, въ сплскѣ генераловъ, которыхъ онъ рѣшилъ взять съ собою, не оказалось Зубовыхъ—ни графа Валеріана, ни зятя Суворова, Николая. Черезъ пять недѣль послѣ обнаруженія этого Суворовъ отказался принять команду надъ войсками, предназначенными въ Персидскій походъ. Главнокомандующимъ назначили вмѣсто него Валеріана З—ва. У послѣдняго были самыя лучшія намѣренія, но, по словамъ современниковъ, у него не было ни опыта, ни ума, необходимаго для веденія подобной войны, которая всегда считалась опасной, и большинство наилучшимъ образомъ задуманныхъ плановъ разбивались. Желая возможно лучше подготовиться къ походу, З—въ старался собрать свѣдѣнія о странахъ, которыя нужно было покорить, и объ условіяхъ, въ которыхъ придется вести кампанію. Дѣйствительность оказалась далеко не такой радужной, какою она представлялась изъ Петербурга легкомысленному и самонадѣянному инициатору этого завоевательнаго проекта. Матеріаломъ для руководства З—ву служила, между прочимъ, довольно невѣжественно составленная записка греческаго митрополита Хрисанъа, поданная въ концѣ 1795 г. Въ ней указывалось на тѣ выгоды, какія можетъ прмѣть Россія отъ восточныхъ странъ. Съ Персіей, угнетенной варварскими племенами, союзъ для Россіи выгоденъ. Опираясь на Астрабадъ, русскія войска легко могутъ зимой покорить Хиву, плодородную и богатую страну, съ серебряными и золотыми рудниками. Амударья—удобный путь изъ Хивы въ Бухару, почти превосходящую богатствами Индію. Это «обѣтованная земля». Среди

разрозненныхъ и враждующихъ племенъ Россію можетъ найти союзниковъ. Крѣпостью Кабуломъ «простая женщина овладѣть можетъ, бросивъ туда нѣсколько ящъ (!). Войска можетъ быть выставлено до 50 тыс., но 5 тыс. русскихъ въ два часа времени могутъ его истребить и овладѣть всей областью».

Эта записка въполнѣ отвѣчала той увеличенной увѣренности въ легкости похода, которая господствовала при дворѣ. Нѣкоторые современники не видѣли смысла въ этомъ походѣ. «Если бы меня спросили, писалъ одинъ изъ нихъ, причины веденія этой войны, я не въ состояніи былъ бы объяснить». День отъѣзда З-ва былъ назначенъ на 23 февраля 1796 г. Его генералы: Корсаковъ, Циціановъ, Беннигсенъ, Платовъ получили повелѣніе отправиться въ Кизляръ. «То, что отчаивало этихъ господъ, это общество г. Зубова, который окружаетъ себя трусами». Во главѣ друзей З-ва стоялъ тогда ничтожный гр. Апраксинъ, бригадиръ съ 4-мя орденами. Онъ занималъ теперь при З-вѣ должность дежурнаго генерала. Отъ Булгакова между тѣмъ пришло извѣстіе, что онъ занялъ дефіне въ горахъ, но въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ стѣсненъ изъ-за свирѣпствующихъ въ войскѣ болѣзней. З-въ однако разсчитывалъ въ сентябрѣ дойти до Исфaghана. Наканунѣ своего отъѣзда онъ былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты и 23 февраля 1796 г. выступилъ. Силы русской арміи исчислялись примѣрно въ 30 тыс.: подъ начальствомъ Корсакова—10 тыс. и у Валеріана З-ва—20 тыс., при чемъ путь его лежалъ по Каспійскому побережью. Обоиъ корпусамъ до ихъ соединенія предстояло совершить переходъ въ 600 вер., прокладывая себѣ путь оружіемъ или стараясь подгруппами привлечь на свою сторону горныя племена, силы которыхъ считали въ 600 тысячъ чело-вѣкъ. Нѣкоторые дагестанскіе князья дѣйствительно прикнули къ нашимъ войскамъ, однако условия для похода оказались чрезвычайно трудными. Движеніе упомянутыхъ двухъ корпусовъ должно было прикрываться Гудовичемъ. Предполагалось по плану, что войска, занявъ Баку, получить подкрѣпленіе въ 20 тыс. чело-вѣкъ и отсюда въ состояніи будутъ продолжать движеніе на Исфaghанъ. Конечной цѣлью похода ставился—Константинополь. З-въ говорилъ, что если этотъ

планъ удастся, то онъ не вернется ранѣе 5 лѣтъ. «Это второй Александръ!» замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ по этому поводу. У Мегмета-пашы было 120 тыс. войска, съ которымъ онъ началъ опустошать Грузію, желая затруднить движеніе нашихъ войскъ недостаткомъ продовольствія.

По выступленіи З-ва въ походъ на Персію Екатерина послѣ первыхъ же вѣстей отъ него настойчиво и неоднократно напоминаетъ о необходимости бечъ «безцѣнныхъ наши войска» (9 мая 1796 г.), заботится о содержаніи и пропитаніи людей. 18 апрѣля З-въ выступилъ изъ Кизляра. Началась кампанія удачно. 10 мая 1796 г. былъ взятъ Дербентъ. На Корсакова возложена была задача «овладѣть этимъ городишкой, величаемымъ именовъ крѣпости». По защитники Дербента рѣшили сдать безъ боя. Видя ихъ приближеніе, Корсаковъ извѣстилъ З-ва о безкровной сдачѣ города, но главнокомандующему не хотѣлось, чтобы лавры побѣдителя доставались ему такъ дешево. Онъ послѣшилъ самъ и сдѣлалъ подобіе приступа, благодаря чему въ одной изъ Дербентскихъ башенъ было перерѣзано съ полсотни чело-вѣкъ, уже выразившихъ готовность сложить оружіе. Екатерина же, согласно донесеніямъ, была некрепко увѣрена, что въ самомъ Дербентѣ находилось 11 тыс., «которые твердо рѣшили защищаться» (письмо 19 іюля 1796 г.). По странной игрѣ случая, ключи Дербента вручилъ З-ву 120-лѣтній старикъ-горець, тотъ же самый, который въ 1722 г. передалъ эти ключи Петру Великому. Въ тотъ же день, когда городъ былъ занятъ нашимъ гарнизономъ, вечеромъ въ лагерь къ З-ву пріѣхала съ большой свитой женщины персидская принцесса, красавица Хараджи-Ханумъ, славившаяся своимъ умомъ. По ея приказанію, старшая изъ женщинъ черезъ переводчика заявила, что принцесса пріѣхала просить З-ва о смилченіи участи ея брата, Дербентскаго хана, Шихъ-Али, захваченнаго русскими. З-въ уважилъ ея просьбу и даже разрѣшилъ остаться съ братомъ въ палаткѣ до утра. Ночью къ палаткѣ строго запрещено было приближаться. Утромъ принцесса уѣхала верхомъ обратно въ городъ. З-въ сдѣлалъ ее правительницей владѣній брата, котораго удер-

жалъ пока у себя, и назначилъ при ней совѣтъ. Позже Екатерина послала процессъ въ подарокъ перо, серьги и перстень, при чемъ поведеніе З—ва съ принцессой «весьма одобряла», находя, что онъ съ персіанкой поступилъ «какъ честный человѣкъ», по-рыцарски. «Вотъ теперь,— писала императрица—красавица и умница Хараджи-Ханумъ—правительница, благодаря самому благородному и вѣжливному рыцарю, какого только можно встрѣтить въ нынѣшнія времена».

Извѣстіе о взятіи Дербента пришло въ Петербургъ въ концѣ мая и вызвало чрезвычайный подъемъ духа. Побѣда была отпразднована въ городѣ съ пушечной пальбой. Екатерина особенно радовалась этому успѣху, такъ какъ въ немъ видѣла оправданіе своему назначенію З—ва главнокомандующимъ. «Ты самый младшій, но самый храбрый и наиболѣе привлекающій вниманіе генераль въ Европѣ», писала она ему (4 іюля 1796 г.). З—въ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-ой степени и получилъ перо на шлемъ.

Между тѣмъ дѣла шли на войнѣ далеко не такъ блестяще, какъ это казалось изъ столицы. Условія похода оказались гораздо труднѣе, чѣмъ о нихъ думали стратеги изъ Петербурга. Свѣдѣнія, собранныя передъ походомъ объ этихъ странахъ, оказались не только недостаточными, но и невѣрными. После взятія Дербента въ письмѣ къ своему брату Платону Валерианъ З—въ описывалъ всѣ трудности кампаніи, сознавая, что «все идетъ крайне медленно, и далеко мы здѣсь отстали отъ вашего предположенія, какъ и сами знать изволите». Прежде всего войска страдали отъ недостатка продовольствія, тѣмъ «связывали руки» главнокомандующему. Надежда на заготовку продовольствія въ Грузіи далеко не оправдывалась: заготовка эта шла страшно медленно, «ни повозокъ, ни мѣшковъ для подвижного магазина тамъ достать ни за какую цѣну» не удавалось, вслѣдствіе чего Платовъ и Орловъ со своими полками не успѣли соединиться съ З—вымъ и съ большимъ опозданіемъ выступили изъ Кизляра. Чувствомъ крайней тревоги продиктованы слѣдующія строки изъ письма З—ва: «Магазейнъ частями отправляется, и когда остальные транспорты придутъ, Богъ вѣдаетъ; слышу только, что изъ Кизляра одинъ транспортъ вышелъ, но что волны истянулись и падаютъ. Въ Астра-

хани хлѣба ни зерна нѣтъ и транспортныхъ судовъ готовыхъ только десять, а когда хлѣбъ придетъ и все по предположеніямъ пойдетъ, не знаю; а обнадеживаніямъ здѣшнимъ вѣрить перестаю, потому что случилось, когда скажутъ къ двѣнадцатому числу послѣгать, то и къ двадцатому другого мѣсяца не исполнено. Зайдя въ Баку, боюсь, чтобъ не оставили меня безъ хлѣба». Въ виду этого З—въ настойчиво просилъ брата принять «вѣрныя мѣры» къ обезпеченію войскъ «пропитаніемъ». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ къ осени прислать, согласно предположенію, подкрѣпленія, такъ-какъ потери людьми тоже были очень чувствительны. Кроме того, нужны были войска и для гарнизонной службы въ занятыхъ крѣпостяхъ. Гудовичъ полагалъ «совсѣмъ не то» о Дербентѣ, какимъ его нашелъ З—въ. Крѣпость была хорошо укрѣплена природою мѣстности, широкой и твердой стѣной. По мнѣнію Гудовича, достаточно было для защиты ея двухъ ротъ. А между тѣмъ оказывалось, что для ея удержанія необходимо не меньше трехъ батальоновъ. Кавказскіе горцы оказались храбрымъ народомъ. Дробить армію на значительные отряды было нецѣлесообразно, а мелкіе отряды подвергались постоянной опасности нападеній со стороны горныхъ племенъ. Этимъ «вѣроломнымъ и хищнымъ жителямъ» никому нельзя было отказывать «въ знатной степени дерзости и храбрости». Ихъ «разбойничьи партіи» отваживались нападать на самыя цѣпи русскихъ войскъ, чувствуя себя въ родныхъ горахъ въ полной безопасности отъ поисковъ русскими, «а хотя бы и открылись гдѣ, то ихъ выжить трудно». Свѣдѣнія о трудности Персидскаго похода достигали и до Петербурга; въ іюнѣ 1796 г. тамъ распространился слухъ, что персіанцы выжили за собой все пространство отъ Дербента до Баку, лишивъ тѣмъ самымъ наши войска воды и травы. З—ва тревожилъ также Ага-Мегметъ-Ханъ, который хотя и отступилъ, въ виду изнуренія своихъ войскъ, однако сохранялъ полную возможность своего возвращенія вновь на берега Аракса. З—въ, впрочемъ, «не страшась потерь», надѣялся преодолѣть всѣ затрудненія, но считалъ долгомъ «открыть» брату Платону «настоящее положеніе», въ виду того, писалъ онъ, что «судили весьма легко о здѣшнемъ краѣ, потому что никому здѣсь

быть не случалось». Дѣйствительно, З-ву скоро удалось занять Баку. Самъ ханъ вручилъ ему ключи отъ города на границѣ своихъ владѣній. Восхищенная подвигами своего любимца, Екатерина находила, что «гр. Зубовъ сдѣлалъ въ два мѣсяца то, для чего Петру I потребовалось два похода, и притомъ онъ встрѣтилъ болѣе сопротивленія, чѣмъ императоръ» (19 июля 1796 г.). Армія расположена была въ Баку. Къ З-ву былъ посланъ талантливый инженерный офицеръ де-Волланъ. З-въ отправилъ его съ инструкціями и картами, по которымъ тому предстояло пройти 600 вер., раньше чѣмъ встрѣтитъ непріятеля. Между тѣмъ этотъ непріятельскій 40-тысячный отрядъ ждалъ лишь момента, послѣ сраженія съ русскими, отрѣзать пмъ отступленіе, такъ какъ онъ занималъ пространство между русскимъ отрядомъ и моремъ. Придерживаясь въ войнѣ плановъ Петра Великаго, З-въ намѣревался, укрѣпивъ Дербентъ и Баку, захватить всю армянскую торговлю шелкомъ съ Индіей и Турціей. Для начала З-ву было ассигновано 3 мил. руб., которые онъ могъ расходовать безотчетно, сообразно обстоятельствамъ.

Скоро сдѣлисъ Кубань и Ганза. За боевые подвиги гр. Валеріанъ З-въ пожалованъ былъ не по старшинству въ генераль-аншефы. Кн. Платонъ З-въ былъ очень недоволенъ, что Валеріанъ — генераль-аншефъ: онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что его «креатуры» въ одномъ чинѣ съ нимъ. Впрочемъ, повышение З-ва возбудило много неудовольствій: князь С. Голицынъ и гр. Ферзенъ — генераль-лейтенанты — подали прошенія объ отставкѣ.

Чѣмъ далѣе шло дѣло, тѣмъ яснѣе становилось, что планъ Персидскаго похода, плохо задуманный и еще хуже разработанный, неисполнимъ, ибо требовалъ отъ государства непосильныхъ затратъ — миліоновъ руб. и сотенъ тысячъ войска. Смерть Екатерины прекратила военныя дѣйствія. Павелъ, едва вступивъ на престолъ, минуя З-ва, послалъ особое повелѣніе каждому полковнику: «Съ полученія сего выступить на непремѣнныя квартиры такой-то губ., въ такой-то городъ». Онъ хотѣлъ, чтобы спѣшное возвращеніе войскъ совершилось безъ вѣдома главнокомандующаго. З-въ и весь его штабъ, покинутые въ непріятельской землѣ, неминуемо оказались бы въ плѣну у персовъ, если бы атаманъ Платовъ съ казаками, вопреки высочайшему

повелѣнію, не остался охранять З-ва и генералитетъ. За этотъ поступокъ Платовъ по возвращеніи въ Россію былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ томился болѣе трехъ лѣтъ. Вернувшись изъ Персін, З-въ вышелъ въ отставку. Весной 1797 г. онъ жилъ со своей молодой женой въ Хорошевлѣ, близъ Москвы, куда избѣгалъ заѣзжать. Въ 1798 г. З-въ получилъ дозволеніе ѣхать на воды «по причинѣ болѣзненныхъ его припадковъ». Предварительно онъ заѣхалъ въ Москву. Узнавъ объ этомъ, Павелъ поручилъ гр. Салтыкову спросить З-ва: «какую имѣлъ онъ нужду проситься въ одну сторону, а потомъ ѣхать въ другую, совсѣмъ противоположную» (29 іюня 1798 г.). Изъ полученнаго отъ З-ва объясненія императоръ вывелъ заключеніе, что здоровье З-ва «не весьма разстроено, судя по его предположеніямъ», и приказалъ оставаться ему въ Москвѣ (14 авг. 1798 г.). Однако Павелъ и на этомъ не успокоился и 16 сент. 1798 г. поручилъ Салтыкову «поближе примѣчать за поведеніемъ и связями Валеріана Зубова и извѣщать партикулярно». Въ апрѣлѣ 1799 г. высочайше было повелѣно Валеріану З-ву ѣхать жить въ свои деревни; ему не было даже разрѣшено проститься съ братомъ Платономъ, Вазуринымъ, Щербачевымъ и Митрофановымъ, бывавшимъ у него въ домѣ, также приказано жить по своимъ имѣніямъ. Указомъ 22 августа того же года имѣнія З-ва были конфискованы «за недостаточія суммы по Персидскому походу». Несмотря на опалу, постигшую З-ва, Державинъ написалъ оду на его возвращеніе, которая, хотя и не была напечатана, но въ спискахъ ходила по рукамъ у многихъ.

З-въ поселился въ своихъ курляндскихъ имѣніяхъ. Здѣсь, между прочимъ, онъ владѣлъ великолѣпнымъ дворцомъ, построеннымъ Анной Іоанновной еще въ бытность ея герцогиней курляндской. Въ имѣніи были прекрасныя обширныя сады, и оно приносило до 40 тыс. ежегоднаго дохода. З-въ вмѣстѣ съ братьями не терялъ однако надежды вернуться ко двору. Благодаря поддержкѣ петербургскихъ друзей, интригамъ сестры О. А. Жеребцовой и благосклонности къ Суворову Павла I, Зубовымъ удалось наконецъ добиться снятія опалы. Въ самомъ концѣ 1800 г. они снова были призваны ко двору. Валеріанъ З-въ былъ назначенъ директоромъ

второго кадетскаго корпуса. Указомъ Сенату отъ 4 декабря 1800 г. ему были всемилоостивѣйше возвращены имѣнія, конфискованныя казной. Однако пользованіе имѣніями было предоставлено собственно за нѣсколько дней до смерти Павла. По этой причинѣ З—въ долженъ былъ вмѣстѣ съ братьями Платономъ и Николаемъ жить въ долгъ на тѣ суммы, которыя имъ выдавалъ впередъ берлинскій банкиръ Левд. 16 февраля 1801 г. Валеріанъ З—въ въ первый разъ приглашенъ былъ во дворецъ на концертъ и ужинъ. Затѣмъ въ теченіе февраля и марта онъ получалъ подобныя приглашенія неоднократно.

Валеріанъ З—въ принималъ участіе въ заговорѣ противъ Павла. Онъ ссылался на то, что императрица Екатерина приказала ему и брату Платону смотрѣть послѣ нея на Александра Павловича, какъ на единственнаго наслѣдника и будущаго законнаго государя. Онъ сильнѣе всѣхъ, какъ увѣряютъ, возставалъ противъ убійства Павла. Вечеромъ 11 марта, послѣ собранія у Талызина, Валеріанъ З—въ отправился къ Михайловскому замку съ тѣмъ отрядомъ, который велъ Паленъ. Будучи самымъ порядочнымъ изъ всѣхъ братьевъ, онъ являлся для Палена, какъ бы заложникомъ за нихъ. З—въ прибылъ во дворецъ (вмѣстѣ съ намѣренно или случайно запоздавшимъ Паленомъ) значительно позже другихъ заговорщиковъ, когда уже стало извѣстно о смерти Павла. Въ одной изъ залъ дворца онъ замѣтилъ стоявшій тамъ пѣхотный караулъ. Желая узнать настроеніе солдатъ, онъ подошелъ къ нимъ и поздравилъ съ новымъ государемъ. Привѣтствіе было встрѣчено такъ враждебно, что графъ успѣшилъ удалиться.

Указомъ 30 марта 1801 г. З—въ назначенъ былъ однимъ изъ 12 членовъ Непремѣннаго Совѣта. Въ началѣ 1801 г. онъ подалъ императору Александру обстоятельную записку подъ названіемъ: «Общее обозрѣніе торговли съ Азіею». Въ ней онъ излагалъ планъ, какъ овладѣть торговлей съ Персіей и Индіей. Въ согласіи съ мыслью Петра I онъ предлагалъ соединить каналомъ Волгу и Донъ и полагалъ, что соединеніе морей Балтійскаго и Каспійскаго черезъ Черное и Средиземное съ Атлантическимъ океаномъ является предпріятіемъ «колько важнымъ и величественнымъ, толико и полезнымъ» для государства. Для персидской торговли

лучшимъ центромъ является Баку—единственное удобное мѣсто. Это лучший портъ, въ немъ корабли могутъ безопасно стоять на семи саженьяхъ глубины. Окрестности изобилуютъ нефтяными ключами и превосходной каменной солью. Потребности въ этихъ естественныхъ произведеніяхъ и нужда въ покупкѣ русскихъ товаровъ привлекаетъ сюда «великое множество» купцовъ изъ сосѣднихъ областей; весь Ширванъ всѣ произведенія свои доставляетъ въ Баку. Значеніе этого порта увеличивается тѣмъ, что отсюда имѣется хорошее сухопутное сообщеніе съ Персидскимъ заливомъ, идущее черезъ богатѣйшія внутреннія провинціи. Такимъ образомъ, укрѣпивъ и надлежащимъ образомъ устроивъ Баку, можно его сдѣлать средоточіемъ всей персидской торговли, а черезъ то получить сильное вліяніе и на всю Персію. З—въ указывалъ также, что въ войнѣ съ Персіей Екатерина II руководилась, главнымъ образомъ, желаніемъ основать нашу торговлю съ Персіей. Для обезпеченія нашихъ границъ и безопасности торговли необходимо укрѣпить Грузію и занять пространство между нею и Каспійскимъ моремъ до Баку, для исправленія нашей кавказской границы. Что касается Индіи, то основаніе торговли нашей съ ней можно положить въ Астрабадѣ, за неимѣніемъ другого болѣе выгоднаго пункта. Для болѣе точныхъ свѣдѣній надо «отрядить знающихъ и достойныхъ доверенности людей къ описанію путей до самаго Индостана». Эта записка разсматривалась 31 марта 1802 г. и позже въ Интимномъ Комитетѣ и произвела тамъ извѣстное впечатлѣніе. Одинъ современникъ (13 авг. 1802 г.) писалъ: «Предложенныя мѣры, возложенныя на человѣка, облеченнаго достаточными полномочіями, могутъ быть испытаны безъ ружейнаго выстрѣла, если бы шефъ присоединилъ къ талантамъ знаніе этой страны, столь мало доступной, и умѣнье обходиться съ азіатами. Не въ упрекъ сказано, такимъ человѣкомъ не можетъ быть Кноррингъ, а Валеріанъ былъ-бы человѣкомъ дѣла». Несмотря на свою «Записку», Валеріанъ З—въ не былъ призванъ къ дѣламъ и вообще не выдвинулся при Александрѣ I. Вмѣстѣ съ Платономъ онъ даже потерялъ опалу при новомъ царствованіи и подвергнутъ былъ настолько явному надзору тайной полиціи, что въ личной аудіенціи жаловался Александру I-му

на дѣйствія агентовъ, находя, что онъ съ братомъ не заслужилъ такого недовѣрія.

Валеріанъ З — въ умеръ 21 іюня 1804 г. и похороненъ въ Троицко-Сергіевской пустыни (на Петергофской дорогѣ). Онъ былъ женатъ на графинѣ Потоцкой рожденной Любомирской, которая послѣ смерти В. Зубова вышла замужъ за Уварова.

Вантъишъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», Москва. 1847 г. — *Гельбигъ*, «Русскіе пзбравники и случайные люди въ XVIII в., CVII. («Рус. Ст.», 1887, кн. XI-я). — «Кн. Платонъ Александровичъ Зубовъ» («Рус. Стар.» 1876 г.). — *Валишевскій*, «Павелъ I» (тутъ портретъ З-ва), изд. Суворина. — *Вел. кн. Николай Михайловичъ*, «Императоръ Александръ I», Спб. 1914. — *Шильдеръ*, «Императоръ Александръ I», т. т. I и II (тутъ приложенъ портретъ З-ва). — «Цареубійство 11 марта 1801 г.», Спб. 1907. — *Шумигорскій*, «Императоръ Павелъ I» Спб. 1907. — «Бумага Екатерины» («Сб. Пет. Общ.», XXIII, XLII). — «Письма Зубова» («Рус. Арх.» 1873). — Соч. Державина. V. — «Записка Зубова о торговлѣ съ Азіею» («Рус. Арх.» 1873). — Архивъ кн. Воронцова, т. т. VIII, X, XIII, XIV, XX. — *Григорьевъ*, «Замѣтки Хрисанова о походѣ въ Персію» («Чтенія» 1861, I, 5). — «Письма Безбородко» («Сб. Ист. Общ.», XXVI, XXIX). — Бумага Репнина («Сб. Ист. Общ.» XVI). — Письмо Румянцева («Рус. Ст.» 1873, VIII). — *Храповицкій*, Дневникъ, Спб. 1874. — Записки гр. Комаровскаго («Оснадцатый Вѣкъ», I). — «Оснадцатый вѣкъ», т. II, III, IV. — *Энгельгардтъ*. Л. Н., «Записки», Москва. 1868. — *Mason*, «Mémoires secrets». Paris. — *Castera*, П. — *Вейдемейеръ*, «Дворъ», II, 145. — *Карabanовъ*, «Допроуковъ». — *Russica*, П. — *Вел. кн. Николай Михайловичъ*, «Гр. Строгановъ», т. II. Спб. — «Военно-энциклопедическій словарь», ч. VI, стр. 639. — «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій». Изд. велик. князя Николая Михайловича. Спб. 1909 г. — Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, отд. III, т. II, Спб. 1911. — См. также литературу о кн. П. А. Зубовѣ.

К. Кудряшовъ.

Зубовъ, Василій, жившій во второй половинѣ XVIII в. Ему принадлежитъ печатный трудъ «Способъ къ увеличенію винокуренія» (М. 1792).

Геннади, Словарь, т. II.

Зубовъ, графъ Дмитрій Александровичъ, генераль-майоръ, родился 17 мая 1764 г., умеръ 14 февр. 1836 г. Служилъ въ Конной гвардіи. 31 октября 1789 г. произведенъ былъ изъ секунд-ротмистровъ въ камеръ-юнкеры ранга сухопутнаго бригадира. Въ ноябрѣ того же года былъ помолвленъ съ княжной Прасковьей Александровной Вяземской, на

которой и женился. Въ концѣ 1796 г. онъ стоялъ во главѣ комиссіи о государственныхъ долгахъ. Изъ всѣхъ братьевъ наименѣе способный, онъ не проявилъ себя ни въ какой отрасли правительственной дѣятельности. Объ отношеніи его къ заговору 11 марта и о положеніи при Александрѣ I нѣтъ извѣстій. Онъ пережилъ всѣхъ братьевъ. Къ нему перешли обширныя и богатыя имѣнія князя П. А. Зубова. Супруга гр. Дмитрія З — ва умерла 18 ноября 1835 г. З — въ издалъ «Новый способъ винокуренія посредствомъ водяныхъ паровъ». Спб. 1816 г.

Библиографію о немъ см. *Платонъ и Валеріанъ Зубовы*.

К. К.

Зубовъ, Иванъ Федоровичъ, сынъ иконописца Федора, сперва иконописный мастеръ, затѣмъ граверъ рѣзцомъ, ученикъ Шхонебека и Шикара; родился въ 1667 г. Въ 1708 г. онъ былъ подмастерьемъ при Пикарѣ въ Московской типографіи, съ жалованьемъ въ 40 рублей, откуда въ 1727 г. былъ уволенъ; умеръ онъ, по всѣмъ вѣролтіямъ, въ началѣ 40-хъ годовъ, такъ какъ самая поздняя дата на его работахъ 1744 годъ. Его работы слѣдующія: I. *Духовные сюжеты*: 1) Изображеніе царя Давида (1718 г.); 2) Вознесеніе Господне; 3) Воскресеніе Христопо; 4) Воскресеніе со страстями; 5) Распятіе съ предстоящими; 6) Страсти Господни; 7) Апостолы: Іаковъ, Матоей, Петръ, Маркъ, Іоаннъ, Іуда, Павелъ; 8) Четыре евангелиста; 9) Святъ-Христовъ Варсоноій; 10) Св. Іоаннъ Златоустный (1709 г.); 11) Преподобный Левъ Катанскій; 12) Пр. Теофилактъ; 13) Антиминсъ (1722 г.); 14) Синодикъ, 30 листовъ; 15) Богословскій тезисъ на 8 листахъ (вмѣстѣ съ Телчегорскимъ, 1712 г.); 16) Богословскій тезисъ Заборовскаго (1711 г.); Богословскій тезисъ Луки Мультапскаго (1709 г.); 17) Философскій тезисъ на 16 листахъ (вмѣстѣ съ Карковскимъ). II. *Портреты*: 1) Екатерина I, копія съ Хубракена (1721 г.); 2) Петръ I, поясной, копія съ Хубракена; 3) Петръ II (1728 г.); 4) Стефанъ Яворскій. III. *Официальные*: 1) Вотъ Петра Великаго, на 2 листахъ; 2) Вотъ Петра Великаго въ уменьшенномъ видѣ; 3) Морская баталія, на 2 листахъ (1722 г.); 4) Триумфальныя ворота. IV. *Виды*: 1) Видъ Соловецкаго монастыря (вмѣстѣ съ Алексѣемъ Зубовымъ, 1744 г.); 2) Ismail-

lowo (съ выѣздомъ Петра II на охоту); 3) Святотроицкая Лавра Сергіевъ монастырь, на 2 листахъ (1725 г.). V. *Иллюстраціи*: 1) Аллегорическія картинки въ календарѣ 1724 года (1723 г.); 2) То же въ календарѣ 1725 года (1724 г.); 3) Рисунки въ книгѣ Виніолы (1712 г.). VI. *Заглавные листы*: 1) Заглавный листъ къ Апостолу (1726 г.); 2) Заглавный листъ къ бесѣдамъ Іоанна Златоустаго (1709 г.); 3) Заглавный листъ къ Псалтири (1723 г.); 4) Заглавный листъ съ изображеніемъ Андрея Критскаго и Іосифа пѣснописца; 5) Заглавный листъ съ 4-мя евангелистами. Изъ гравюръ 3—ва особеннаго интереса заслуживаетъ гравюра, изображающая ботъ Петра I, съ очень пространнымъ объясненіемъ. Безспорно, 3—въ обладалъ значительно меньшимъ талантомъ, чѣмъ его братъ Алексѣй, и былъ скорѣе ремесленникомъ-граверомъ, чѣмъ художникомъ.

Росинскій, «Словарь гравуровъ», стр. 372.—*А. И. Успенскій*, «Царскіе иконописцы», т. I, стр. 101.—«Русская Старина», т. IV, стр. 467.

II. С—кій.

Зубовъ, Илья Ивановичъ. Въ 1611 г. отправилъ челобитную польскому королю Сигизмунду и сыну его королевичу Владиславу объ «очисткѣ» отъ польскихъ и литовскихъ приставовъ его помѣстьевъ въ трехъ станахъ Смоленской губ., прося дозволенія самому владѣть ими. Онъ называетъ себя въ этой челобитной «вѣрнымъ подданнымъ» короля и королевича. Въ 1625—27 гг. онъ состоялъ товарищемъ воеводы въ Березовѣ сначала при кн. Львѣ Мих. Волконскомъ, а затѣмъ при кн. Мих. Вас. Бѣлосельскомъ. Въ 1626 г. тобольскіе воеводы кн. Андрей Андр. Хованскій и Мир. Андр. Вельяминовъ писали въ Березовѣ кн. Волконскому и 3—ву принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы нѣмецкіе люди не проникли въ Сибирь, въ г. Мангазею, ни сухимъ, ни воднымъ путемъ. Въ 1627—29 г.г. 3—въ находился въ числѣ московскихъ дворянъ, въ 1632—33 г.г.—воеводой въ Соликамскѣ, въ 1635 г.—головой у сотни при встрѣчѣ въ Москвѣ литовскихъ пословъ, а въ 1635—37 г.г.—воеводой въ Астрахани.

Доп. къ Авт. Ист., IX.—Разр. кн., I и II.—Дв. разр., II.—Воар. кн.—Р. И. Б., II, VIII, IX.—*Барсуковъ*, «Списки городов. воеводъ XVII в. въ Моск. госуд.».

В. Корсакова.

Зубовъ, Матей Имятьевичъ. Въ 1619 г. былъ въ числѣ московскихъ дворянъ, посланныхъ въ Ярославль съ бояринномъ кн. Ів. Бор. Черкасскимъ для сбора ратныхъ людей. Въ 1627 г. находился въ Костромѣ приставомъ у татарскихъ мурзъ, въ 1628—29 г.г. былъ воеводой въ Царицынѣ; въ 1631—33 г.г. значится патриаршимъ дворецкимъ. Въ 1633 г., въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, видѣлъ «государевы очи» въ комнатѣ. Въ 1634 г. лѣтомъ дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ во время отсутствія царя Мих. Феод. изъ Москвы. Въ томъ же году онъ былъ воеводой въ Рославлѣ (г. въ теперешней Смоленской губ.), въ 1635 г. головой у сотни при встрѣчѣ въ Москвѣ литовскихъ пословъ, а въ 1637 г. присутствовалъ при приемѣ царемъ литовскаго гонца.

Когда именно 3—въ дѣлалъ засѣлки близъ Оки—неизвѣстно: въ 1638 г. кн. Ів. Бор. Черкасскій писалъ съ Тулы кн. Ів. Голицыну и Фед. Бутурлину, чтобы они осмотрѣли засѣлки и крѣпости близъ Оки, на протяженіи 36 верстъ. Въ отвѣтъ на свое распоряженіе кн. Черкасскій получилъ отъ нихъ отписку съ обѣщаніемъ донести ему о тѣхъ засѣлкахъ, какія сдѣланы 3—мъ, Резановымъ и Карамышевымъ. Въ октябрѣ 1638 г. 3—въ получилъ наказную память, по которой долженъ былъ ѣхать въ Вологду и учинить тамъ розыскъ по поводу враждебныхъ столкновений англійскихъ торговыхъ людей съ русскими, пріѣхавшими къ нимъ для «табачнаго сыску». Какъ провадилъ 3—въ дознаніе—неизвѣстно, но въ половинѣ декабря онъ проявилъ жестокое и бессмысленное самоуправство: зажегъ въ Вологдѣ дворъ англійскаго гостя Бедля. Долго послѣ того расслѣдовали дѣло о пожарѣ и о разграбленіи въ это время всѣхъ пожитковъ Бедля. Насколько виновнымъ былъ признанъ 3—въ—неизвѣстно; весьма возможно, что онъ сумѣлъ оправдаться. На такую мысль наводитъ тотъ фактъ, что онъ былъ назначенъ въ 1639 и 1640 г.г. дневать и ночевать на государевомъ дворѣ. Въ 1641—42 г.г. онъ былъ вторымъ судьей Московскаго Суднаго приказа.

А. А. Э., III.—Др. Р. Визл., XX.—Разр. кн., II.—Дв. разр., II.—Акты Моск. госуд., I и II.—Р. И. Б., II, IX, X.—Воар. кн.—*Барсуковъ*, «Списки городов. воеводъ Моск. госуд. XVII ст.».—*Вантлинъ-Камесскій*, «Обзоръ вѣшнякъ сношеній Россіи». М. 1894 г., т. I.

В. Корсакова.

Зубовъ, Никита Аванасьевичъ (1829—1861 г.), художникъ портретистъ-акварелистъ. Окончилъ Академію Художествъ, при чемъ 27 сентября 1849 г. былъ удостоенъ званія некласснаго художника. Въ Третьяковской галлерей имѣется его женскій портретъ акварелью № 236.

Петровъ, Матеріалы, т. III, стр. 109.—*С. Кондаковъ, «Имп. Ак. Худ.»*, т. II, стр. 76.—*«С.-Петербургскія Вѣдомости»* 1849 г., стр. 913.—Каталогъ Третьяковской галлерей.
П. С.

Зубовъ, графъ Николай Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ, родился 24 апрѣля 1763 г., умеръ 9 августа 1805 г. Началъ службу въ Конной гвардіи. 1 января 1783 г. произведенъ былъ изъ вахмистровъ въ корнеты, а 1 января 1786 г. изъ подпоручиковъ въ поручики. 25 сентября 1789 г. уже подполковникомъ привѣчалъ курьеромъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о Рымникской побѣдѣ, за что пожалованъ былъ въ полковники. Гигантъ, обладавшій большою физической силой, З—въ былъ пигмеемъ по своимъ нравственнымъ качествамъ. Въ обращеніи онъ былъ грубъ и высокомеренъ, охотно пускалъ въ дѣло свои крѣпкіе кулаки. Одинъ разъ на пути изъ Москвы онъ приказалъ высѣчь кнутьями видныхъ чиновниковъ Сената за то, что они не хотѣли уступить ранѣе занятаго ими мѣста ночлега. Въ 1793 г. З—въ получилъ графское достоинство. Осенью 1794 г. вступилъ въ бракъ съ дочерью Суворова, графиней Наталей Александровной («Суворожкой»). З—въ первый извѣстилъ Павла I въ Гатчинѣ о смерти императрицы Екатерины. Въ это время онъ былъ шталмейстеромъ. При восшествіи на престолъ Павелъ I пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго. Но скоро З—въ вмѣстѣ съ братомъ Платономъ былъ высланъ по приказанію Павла I въ деревню. Въ концѣ царствованія Павла I вновь возвращенъ ко двору и сдѣланъ оберъ-шталмейстеромъ. Онъ принималъ участіе въ заговорахъ, и въ сценѣ объясненія съ Павломъ, говорятъ, именно онъ первый нанесъ ударъ Павлу въ лѣвый високъ массивной золотой табакеркой, отчего государь упалъ безъ чувствъ. При Александрѣ I З—въ не пользовался никакимъ вліяніемъ.

Цельбигъ, «Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в.», CVIII («Русск. Ст.»),

1887 г., кн. XI-я). — Бумаги Екатерины II («Сборникъ Ист. Общ.», т. XXIII). — Рескрипты Павла I («Осмнадцатый Вѣкъ» IV). — «Архивъ кн. Воронцова», VIII, XIV. — *Христошицкий, «Дневникъ»*, 1874. — *Энгельгардтъ, Л. Н., «Записки»*, Москва, 1863. — *Castera, П., «Письма Суворова къ зятю»* («Рус. Арх.» 1866). — *Вантлинъ-Каменскій, «Списки»*, 130, 244. — *Карновичъ, «Богатства частныхъ людей»*. — *Шильдеръ, «Императоръ Александръ I, т. I, II.»* — *Валитиевскій, «Павелъ I, изд. Суворина (съ портретомъ З—ва)»*. — *Шумигорскій, «Императоръ Павелъ I»*, СПб. 1907 г. — «Цареубійство 11 марта 1801 г.», СПб. 1907 г. (съ портретомъ З—ва). — *Петрушевскій, «Генералсписмусъ кн. Суворовъ, т. II.»* — Опись Сен. Арх., отд. III, т. II, СПб. 1911 г. — «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій» Изд. веллк. князя Николая Михайловича. — См. также литературу о кн. Пл. и гр. Валерианѣ Зубовыхъ.

К. К.

Зубовъ, Павелъ Михайловичъ, лопарь-китоловъ, сынъ небогатаго сѣвернаго промышленника, родился въ 1784 г. на островѣ Кильдинѣ и съ дѣтства зналъ море. Отъ природы любознательный и смысленный, онъ еще ребенкомъ живо интересовался природой и промыслами далекаго Сѣвера и въ послѣдствіи, уже глубокимъ старикомъ, хорошо помнилъ научную экспедицію, посѣтившую Шпицбергенъ въ 1794 г., и самого адмирала Чичагова, жившаго въ Колѣ въ домѣ Зубовыхъ. Уже отрокомъ ходилъ З—въ по океану и выдѣлялся среди своихъ сверстниковъ умомъ и способностями, а прійдя въ возрастъ, самостоятельно занялся китоловнымъ промысломъ. Его несокрушимая энергія и рѣдкая отвага создали ему громкую славу на Мурманѣ и въ Лапландіи; о немъ сложилась тамъ даже легенда, будто однажды онъ былъ проглоченъ китомъ. Неустаннымъ трудомъ составилъ онъ себѣ небольшое состояніе, но и выдѣлившись изъ родной среды, не сталъ относиться къ ней съ презрительнымъ равнодушіемъ; напротивъ, онъ всегда горячо страдалъ и скорбѣлъ нуждами своего полудикаго племени. Въ 1860 г. З—въ явился въ столицу отъ Кольско-Лопарской волости ходатайствовать передъ правительствомъ о воспрещеніи селиться на Мурманѣ бѣглымъ преступникамъ изъ Норвегіи и вообще норвежскимъ эксплуататорамъ, захватывающимъ на отдаленной окраинѣ лопарскія промысловыя угодья и земли. Защищая интересы лопарей, онъ участвовалъ въ преніяхъ вольно-экономическаго Общества и Общества содѣйствія русской

промышленности и торговли, когда тамъ дѣлались доклады о русскомъ Сѣверѣ. Особенно занимала его мысль о развитіи торговаго мореплаванія между Печерой и Кильдиномъ. Но З—въ хорошо сознавалъ, что его соплеменникамъ не хватаетъ знаній для широкаго развитія мѣстныхъ промысловъ и мореходства, и поэтому все свое имущество завѣщаль Троицкому Печенгскому приходу (въ Лапландіи) на открытіе тамъ школы мореплаванія для лопарей. Улучшить бытъ послѣднихъ, устроить для нихъ училища и вообще способствовать ихъ развитію было всегда живѣйшей заботой З—ва. До конца долгой жизни своей продолжалъ онъ хлопотать объ этомъ: «послѣднее его слово— по свидѣтельству его біографа—было посвящено родному племени, и послѣдняя его просьба была за него». З—въ скончался въ Петроградѣ 30 іюля 1874 г., имѣя 90 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Именемъ З—ва названа группа острововъ (Зубовскихъ), лежащихъ у Рыбачьяго полуострова близъ Мурманя.

«Иллюстрированная Недѣля» 1874 г., № 33.—«Голосъ» 1874 г., № 213.—«Всемирная Иллюстрація» 1875 г., № 323 (съ портретомъ).

А. Г.

Зубовъ, Петръ Алексѣевичъ, сенаторъ, тайн. сов., родился въ Вологодской губ. 24 мая 1819 г., образованіе получилъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, куда поступилъ въ 1835 г. при самомъ его учрежденіи. По окончаніи курса въ училищѣ онъ въ 1841 г. опредѣленъ былъ младшимъ помощникомъ секретаря въ канцелярію 1-го отдѣленія V-го департамента Сената, и съ этого времени начинается его служба по вѣдомству министерства юстиціи; въ слѣдующемъ году онъ уже старшій помощникъ тамъ же, черезъ два года—секретарь 1-го отдѣленія V-го департамента Сената; въ 1845 г. онъ былъ уволенъ отъ означенной должности, съ причисленіемъ къ департаменту министерства юстиціи, и въ томъ же году назначенъ исправляющимъ должность товарища председателя Новгородской уголовной палаты. Въ 1847 г. на него возложено было исправленіе обязанности оберъ-секретаря въ 1-мъ отдѣленіи V-го департамента Сената, въ 1853 г. онъ былъ назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ и въ томъ же

году помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, а съ 1858 г. въ чинѣ д. с. с. и званіи статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта онъ уже управлялъ всѣми дѣлами департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ; при этомъ на него возложено было управленіе дѣлами бывшаго департамента военныхъ дѣлъ, а также производящимися въ гражданскомъ департаментѣ дѣлами уголовными и о правахъ состоянія.

Весь успѣхъ его службы былъ прямымъ послѣдствіемъ дарованій, необыкновеннаго его трудолюбія и беззаветной любви къ своему дѣлу. Специалистъ-практикъ въ области уголовного права, З—въ не былъ исключительно только чиновникомъ. Практика у него шла въ тѣсной связи съ продолженіемъ изученія самой науки; это было тѣмъ естественнѣе, что во все время секретарства въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ, болѣе 10-ти лѣтъ, онъ былъ преподавателемъ уголовного судопроизводства въ училищѣ Правовѣдѣнія.

Служба его въ канцеляріи Государственнаго Совѣта совпала съ тѣмъ моментомъ, когда канцелярія приняла особенно дѣятельное участіе въ разработкѣ великихъ реформъ, и З—въ съ увлеченіемъ предался этому труду. Кромѣ управленія дѣлами департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, въ которомъ З—въ былъ не только докладчикомъ всѣхъ его дѣлъ, но и редакторомъ всѣхъ рѣшеній, исходившихъ изъ этого департамента по дѣламъ уголовнымъ, на него (1860 г.) возложенъ былъ трудъ особенной важности, о которомъ онъ всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ и исполненію котораго отдалъ всю свою энергію и всю свою многолѣтнюю оытность: ему поручено было все дѣлопроизводство по внесенному въ Государственный Совѣтъ главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ Собственной Е. В. Канцеляріи проекту устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ (1860 г.), а въ самый разгаръ работъ по исполненію данного порученія З—въ былъ назначенъ членомъ-редакторомъ въ Высочайше учрежденную при государственной канцеляріи комиссію для составленія проектовъ законоположеній по судебной части въ Россійской имперіи (1862 г.). При созданіи этихъ законоположеній, какъ равно и при составленіи впоследствии (1864 г.) судебныхъ уставовъ,

З—въ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ работниковъ. Въ 1862 г. ему объявлено было Высочайшее благоволеніе за особые труды его по надзору за составленіемъ сборника Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта, разъясняющихъ примѣненіе на практикѣ статей уложенія о наказаніяхъ и уголовного судопроизводства за время съ 1846 по 1862 г.г., а также вѣдомостей уголовнымъ дѣламъ, по которымъ Государственный Совѣтъ въ этотъ періодъ времени ходатайствовалъ о смягченіи участи подсудимыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ З—ву сообщалось, что государь императоръ, принявъ съ особеннымъ благоволеніемъ помянутый сборникъ, Высочайше повелѣлъ приступить къ составленію въ Государственной канцеляріи, подъ непосредственнымъ его, Зубова, наблюденіемъ такого же сборника Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта по гражданскимъ дѣламъ, со времени перваго изданія свода законовъ (1832 г.). Произведенный въ 1864 г. въ тайн. совѣтники, З—въ въ слѣдующемъ году назначенъ былъ сенаторомъ, присутствующимъ въ 1-мъ отдѣленіи V-го департамента Сената, въ томъ же году назначенъ членомъ образованной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Буткова комиссіи для окончательныхъ работъ по преобразованію судебной части и тогда же предсѣдателемъ комитета для разсмотрѣнія вопросовъ, возникающихъ изъ примѣненія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. къ административнымъ вѣдомствамъ. Въ 1866 г. З—ву повелѣно было присутствовать въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ Сената, въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ членомъ особаго совѣщательнаго комитета для разсмотрѣнія работъ Варшавской юридической комиссіи о преобразованіи судебной части въ Царствѣ Польскомъ, а въ 1869 г. первоприсутствующимъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ Сената. Но и въ этомъ званіи З—въ продолжалъ трудиться, какъ простой сенаторъ, оставляя за собой докладъ наиболѣе важныхъ и сложныхъ дѣлъ.

Въ то время, какъ судебная реформа стала постепенно прививаться русскому народу, верховная власть признала необходимымъ усилить личный составъ Государственнаго Совѣта юристами - спе-

ціалистами, и однимъ изъ первыхъ былъ назначенъ туда З—въ (1872 г.). Его обширнѣйшія свѣдѣнія по уголовному праву были отличены Августѣйшимъ предсѣдательствующимъ, который при предварительномъ обсужденіи того или другого вопроса, относящагося къ уголовному праву, а затѣмъ и при окончательномъ его разсмотрѣніи въ засѣданіи Совѣта, всегда обращался къ З—ву и весьма дорожилъ мнѣніемъ этого свѣдующаго криминалиста-практика. Въ 1873 г. на него возложено было весьма важное порученіе—быть предсѣдателемъ особаго Комитета для окончательнаго обсужденія проекта о тюремномъ преобразованіи, составленнаго бывшею подъ предсѣдательствомъ графа Соллогуба комиссіею, а въ 1874 г. З—въ былъ назначенъ членомъ въ Высочайше учрежденную комиссію для разсмотрѣнія всеподаннѣйшихъ отчетовъ по министерству юстиціи за 1869, 1870 и 1871 годы. Менѣе чѣмъ въ два года этотъ трудъ былъ оконченъ. З—въ вынесъ его на своихъ могучихъ плечахъ почти одинъ, но зато и сломился подъ его тяжестью: въ тотъ самый день, когда онъ удостоился Высочайшаго одобренія и признательности за оконченный имъ и представленный трудъ, 21 апрѣля 1875 г., параличъ поразилъ его мозгъ и онъ, промучившись пять лѣтъ, скончался 26 іюня 1880 г. Ревностная и весьма плодотворная дѣятельность его была отличена всѣми орденами до ордена Вѣлаго Орла включительно.

Отчетъ по Государственному Совѣту за 1880 годъ. — Формуляръ о службѣ члена Госуд. Совѣта г. сов. П. А. Зубова (хранится въ Имп. Рус. Историч. Обществѣ). — «Русская Старина» 1880 г., августъ, стр. 809—815 (этотъ некрологъ перепечатанъ изъ «Голоса» 1880 г., № 191. Отдѣльный оттискъ Спб. 1880 г.).

М. П.

Зубовъ, Платонъ Александровичъ, свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдцейхмейстеръ, надъ фортификаціями генеральный директоръ, главноначальствующій флотомъ Черноморскимъ, Вознесенскою легкою конницею и Черноморскимъ казачьимъ войскомъ, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ, шефъ Кавалергардскаго корпуса, Екатеринославскій, Вознесенскій и Таврическій генералъ-губернаторъ, членъ Государственной Военной Коллегіи, почетный благотворитель

Императорскаго воспитательнаго дома и почетный любитель Академіи Художествъ, родился 15 ноября 1767 г., ум. 7 апрѣля 1822 г. Уже восьмилѣтнимъ ребенкомъ З—въ занесенъ былъ въ качествѣ сержанта въ списки Семеновскаго полка, откуда въ 1779 г. переведенъ вахмистромъ въ Конную гвардію. 1 янв. 1784 г. ояъ былъ произведенъ въ корнеты, 1 янв. 1785 г.—въ подпоручики, а 1 янв. 1786 г.—въ поручики. 1788 годъ З—въ провель въ дѣйствующей арміи въ Финляндіи и 1 янв. 1789 г. произведенъ былъ въ секундъ-ротмистры. Вскорѣ затѣмъ ояъ становится фаворитомъ императрицы Екатерины, и съ этого момента возвышеніе З—ва по службѣ идетъ съ необычайной быстротой. Не получивъ въ семьѣ никакого воспитанія, ояъ былъ къ тому же малообразованнымъ человѣкомъ, впрочемъ, прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ, занимался музыкой, обнаруживалъ нѣкоторый интересъ къ словесности, владѣлъ живой рѣчью, не лишены былъ нѣкотораго остроумія, съ примѣсью иронии, и что наиболѣе способствовало его «случаю», обладалъ красивой внѣшностью: роста ояъ былъ средняго, «гибокъ, мускулистъ и строенъ; у него былъ высокій лобъ и прекрасные глаза».

З—въ выдвинулся при дворѣ, благодаря покровительству гр. Н. И. Салтыкова; сближенію съ императрицей помогло также содѣйствіе приближенныхъ къ императрицѣ лицъ: статсъ-дамы Анны Николаевны Нарышкиной, камеръ-фрейлины А. С. Протасовой и камеръ-юнкеры М. С. Перекусихиной. Салтыковъ и другіе враги кн. Потемкина видѣли въ З—вѣ удобное средство поколебать значеніе кн. Потемкина при дворѣ, такъ какъ вступить въ открытую борьбу съ нимъ опасались. Весной 1789 г. З—въ упросилъ гр. Салтыкова поручить ему команду надъ конногвардейскимъ отрядомъ, предназначеннымъ сопровождать императрицу въ Царское Село. З—въ былъ приглашенъ Екатериной II къ обѣду и своей наружностью и манерой держать себя въ обществѣ сумѣлъ обратить на себя вниманіе императрицы. Едва прибылъ дворъ, какъ 18 іюня послѣдовалъ разрывъ съ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Свѣдѣнія, доведенныя до Екатерины II о любви гр. Дмитріева-Мамонова къ княжнѣ Д. О. Щер-

батовой и о тайныхъ свиданіяхъ между ними, ускорили его паденіе. Уже подъ 19 іюня А. В. Храповицкій заноситъ въ свой дневникъ: «Захаръ (камердинеръ императрицы) подозрѣваетъ караульнаго секундъ-ротмистра П. А. Зубова...» Скоро затѣмъ З—въ «началъ по вечерамъ ходить черезъ верхъ». Гарновскій въ своихъ «Запискахъ» говоритъ: «Съ Зубовымъ, конногвардейскимъ офицеромъ, при гвардейскихъ караулахъ здѣсь находящимся, обошлись весьма ласково. И хотя сей совсѣмъ невидный человѣкъ, но думаютъ, что ояъ ко двору взять будетъ, что говоритъ и Захаръ, по однимъ только догадкамъ, но прямо никто ничего не знаетъ, будетъ ли что изъ г-на Зубова». 4 іюля З—въ пожалованъ былъ въ полковники и флигель-адъютантъ и поселился во дворцѣ во флигель-адъютантскихъ покояхъ, которые раньше занималъ гр. Дмитріевъ-Мамоновъ. Не сразу Екатерина рѣшилась извѣстить кн. Потемкина о томъ, что его ставленникъ гр. Дмитріевъ-Мамоновъ устраненъ и его роль поручена другому. Сообщая объ этомъ въ письмѣ отъ 6 іюля, Екатерина II, между прочимъ, писала: «При семъ прилагаю къ тебѣ письмо рекомендательное самой невинной души, которая въ возможно лучшемъ расположеніи съ добрымъ сердцемъ и пріятнымъ умоначертаніемъ. Я знаю, что ты меня любишь и ничѣмъ не оскорбишь». Эти строки касались З—ва. Судя по спокойному отвѣту, Потемкинъ не придавалъ значенія перемиѣнѣ, происшедшей при дворѣ. Увѣренный въ своемъ влияніи, ояъ всецѣло поглощенъ былъ турецкой войной, готовясь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Ояъ не предвидѣлъ, что возвышеніе З—ва угрожаетъ паденіемъ личному его влиянію. Несмотря на то, что письма Екатерины II къ Потемкину посвящались важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ, въ нихъ постоянно упоминаются «милая дѣти»—Зубовы, ихъ прямодушіе, честность, благородство. Эти «милая дѣти» возвышались на служебной лѣстницѣ съ необычайной быстротой, и прежде всѣхъ—Платонъ, о которомъ императрица писала: «Но, по мнѣ, перлъ семейства—Платонъ, который, по-истинѣ, имѣетъ прекрасный характеръ и не избѣгаетъ себѣ ни въ какомъ случаѣ».

Вначалѣ положеніе З—ва однакожъ казалось непрочнымъ его покровителямъ; за него боялись. Руководимый опытнымъ

въ дворцовыхъ интригахъ гр. Салтыковымъ, З—въ старался заручиться какъ расположеніемъ кн. Потемкина, такъ и его близкихъ: М. С. Потемкина и особенно Гарновскаго, внимательно слѣдившаго за успѣхами З—ва при дворѣ. Совѣты А. Н. Нарышкиной и Салтыкова: льстить, не перечить императрицѣ, смиряться до времени передъ Потемкинымъ—были имъ усвоены. Онъ постоянно хвалилъ Потемкина передъ императрицей, восхищался имъ. Екатерина не сомнѣвалась въ искренности этихъ похвалъ и въ письмахъ увѣряла Потемкина въ преданности къ нему З—ва. Въ письмѣ отъ 14 іюля 1789 г. читаемъ о Платонѣ З—вѣ: «У насъ сердце доброе и нравъ весьма пріятный, безъ злобы и коварства... четыре правила имѣемъ, кои сохранить стараніе будетъ, а именно: быть вѣренъ, скромнъ, привязанъ и благодаренъ до крайности». — Въ письмѣ отъ 12 августа того же года: «Вложенное твое письмо отвѣтное я немедленно вручила кому надлежало, и оно принято было огненными и радостію наполненными глазами, а какъ сердце и умъ весь составленъ изъ чувствъ, то и благодарность и искренность за долгъ почитается; самъ оной изъяснить не оставитъ». И далѣе (по-французски): «Мнѣ очень пріятно, мой другъ, что вы довольны мною и маленькимъ новичкомъ; это очень милое дитя, не глупъ, имѣетъ доброе сердце и, надѣюсь, не избалуется. Онъ сегодня однимъ почеркомъ пера сочинилъ вамъ милое письмо, въ которомъ обрисовался, какимъ его создала природа». — Въ письмѣ отъ 6 сентября 1789 г. находимъ слѣдующія строки: «Платонъ Александровичъ очень скромнъ, которое качество, однако, нахожу достойнымъ награжденія, какъ самъ скажешь: ты шефъ Кавалергардскаго гвардейскаго корпуса, не нуженъ ли тебѣ корнетъ? помнится, ты запискою о семъ докладывалъ; прежде сего не пришлешь ли чего подобнаго? Дитяти же нашему не дать ли конвой гусарской? Напиши, какъ ты думаешь... Дитяти нашему 19 лѣтъ отъ роду, и то да будетъ вамъ извѣстно. Но я сильно люблю это дитя; оно ко мнѣ привязано и плачетъ, какъ дитя...» 3 октября 1789 г. З—въ получилъ назначеніе корнетомъ Кавалергардскаго корпуса съ производствомъ въ генераль-майоры. Въ угоду императрицѣ Потемкинъ сдѣлалъ причаст-

ными къ своимъ военнымъ успѣхамъ братьевъ Зубовыхъ, Николая и Валеріана. Съ Зубовыми вообще въ концѣ 1789 г. и началѣ 1790 г. онъ находился въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ З—въ, дѣйствуя по плану, начертанному Салтыковымъ, постепенно подрывалъ основы могущества Потемкина при дворѣ. Уже съ первыхъ дней возвышенія З—ва Екатерина начинаетъ знакомить его съ государственными дѣлами. Но къ этой дѣятельности З—въ не обнаруживалъ способностей. Прочтѣвшимъ основаніемъ счастья его было неограниченное къ нему расположеніе старой императрицы, которую глубоко трогала нѣжнѣйшая внимательность и расторопная угодливость и заботливость юноши, предупреждавшаго ея малѣйшее желаніе. Однако З—въ понималъ, что, дѣлаясь причастнымъ къ государственной дѣятельности, онъ можетъ только укрѣпить свое положеніе. Отсюда его усердіе и рвеніе къ государственнымъ дѣламъ, понять и усвоить которыя онъ оказывался безсиленъ. Во главѣ дипломатической части тогда стояли А. А. Безбородко, гр. А. Р. Воронцовъ и гр. П. В. Завадовскій. Никто изъ нихъ не былъ расположенъ вводить юнца Зубова въ кругъ своей дѣятельности, въ сложную сѣть международныхъ отношеній. Да онъ и не былъ для этого пригоденъ. Завадовскій писалъ о немъ: «изъ всѣхъ силъ мучить себя надъ бумагами, не выѣла ни блага ума, ни пространныхъ способностей, коими одними двигать бы можно широкое бремя... Прилеженъ довольно и понятенъ, но безъ опытности посредственныя дарованія лишены успѣха, чѣмъ медленія въ разсужденіи дѣлъ приносятъ, чему, однакожъ, никакъ не внемлетъ. Весьма прилеженъ къ дѣламъ и, oprичъ оныхъ, чуждъ всякихъ забавъ, но еще новъ, и потому бремя выше настоящихъ его силъ».

Однако, по мѣрѣ возрастанія своего вліянія, З—въ рѣшается выступить и со своими проектами, обнаруживающими умственную ограниченность ихъ творца. Приближеніе З—ва ко двору совпало съ началомъ великой французской революціи. Нашлись охотники бороться съ проявленіями французскаго крамольнаго духа, якобы имѣющагося и въ Россіи. З—ву хорошо были извѣстны мѣропріятія, предполагаемыя для преслѣдованія «мар-

тинистовъ» и другихъ мнимыхъ злоумышленниковъ на спокойствіе Россіи. Отъ подозрительности Екатерины, такимъ образомъ, пострадали: въ 1790 г. А. Н. Радищевъ, въ 1793 г.—Н. И. Новиковъ и Я. Б. Княжнинъ. З—въ не только не отклонялъ императрицы отъ мѣръ немѣстной строгости, но даже одобрялъ ихъ, рекомендовалъ новыя, желая показать этимъ свое усердіе и преданность; въ частности онъ стоялъ за строгую цензуру.

Между тѣмъ слухи о З—вѣ стали тревожить Потемкина, вынужденнаго всецѣло отдать свое вниманіе турецкимъ дѣламъ. Увѣряя императрицу въ своей симпатіи къ нему, Потемкинъ однако принималъ свои мѣры. Около него въ это время находился Валеріанъ Зубовъ, удаленный изъ Петербурга по желанію брата Платона, не желавшаго раздѣлять съ нимъ вниманіе и милости Екатерины. Доброжелатели доносили свѣтлѣйшему и о чрезмѣрной силѣ вліянія новаго фаворита, и о его вмѣшательствахъ въ важнѣйшія дѣла, и о его «дурацкихъ» проектахъ, касающихся мѣропріятій государственной важности.

Когда въ началѣ 1790 г. Потемкинъ, забросивъ дѣла, предаваясь удовольствіямъ, окружилъ себя гаремомъ красавиць, то З—въ черезъ брата имѣлъ самія достойншія свидѣнія объ образѣ жизни свѣтлѣйшаго и, пользуясь ими, не упускалъ случая уронить Потемкина во мнѣніи императрицы или вызвать къ нему неудовольствіе. Обѣ стороны такимъ образомъ готовились къ борьбѣ. 11 декабря 1790 г. Измалъ палъ. В. Зубову, посланному съ извѣстіемъ объ этомъ событіи, Потемкинъ сказалъ: «Доложи Государинѣ, что я во всемъ здоровъ, только одинъ зубъ мнѣ ѣсть мѣшается; приѣду въ Петербургъ, вырву его». Потемкинъ, повидимому, понялъ, какъ сильна привязанность императрицы къ новому фавориту, и забеспокоился. Въ началѣ 1791 г. кн. Потемкинъ прибылъ въ Петербургъ. Влагосклонный приемъ, оказанный ему императрицей, въ первое время разсѣялъ было его тревожныя опасенія относительно значенія З—ва, но заблужденіе Потемкина продолжалось недолго. Ясно оцѣнивъ все душевное ничтожество Зубова, онъ пытался повліять на Екатерину, убѣдить ее отдалиться отъ него, но эти объясненія кончались обычно сле-

зами императрицы, не желавшей лишиться своего любимца. Однако вліяніе Потемкина все еще было очень велико, причину чего З—въ никакъ не могъ понять. «Хотя я побѣдилъ его на половину, говорилъ онъ спустя много лѣтъ, но окончательно устранить съ моего пути никакъ не могъ; а устранить было необходимо, потому что императрица всегда сама шла навстрѣчу его желаніямъ и просто боялась его, будто выскательнаго супруга. Меня она только любила и часто указывала на Потемкина, чтобы я бралъ съ него примѣръ».

Преданность къ императрицѣ заставляла обоихъ враговъ сдерживать свои истинныя чувства и обращаться другъ съ другомъ любезно и предупредительно. Потемкинъ бесѣдовалъ съ З—вымъ безъ обычнаго высокомерія, З—въ же, въ свою очередь, восхищался недавними подвигами свѣтлѣйшаго. Случай, казалось, готовъ былъ помочь Потемкину поколебать значеніе Зубовыхъ при дворѣ. Зубовъ-отецъ, надѣясь на заступничество сына, присвоилъ имѣніе Бехтѣева въ 600 душъ. Обиженный обратился къ Потемкину, пща восстановленія своихъ законныхъ правъ, при чемъ просилъ Державина быть посредникомъ въ Совѣтномъ судѣ, куда подано было прошеніе на старика Зубова. Дѣло это набрасывало, къ удовольствію Потемкина, неблаговидную тѣнь на все семейство Зубовыхъ. При дворѣ и въ городѣ пошли разговоры о незаконныхъ дѣйствіяхъ А. Н. Зубова. Платонъ З—въ сначала принялъ сторону отца, но когда Бехтѣевъ пригрозилъ подать письмо самой императрицѣ, Державинъ убѣдилъ З—ва покончить дѣло миромъ и вернуть Бехтѣеву деревню. Исходъ этого дѣла, ставшій извѣстнымъ при дворѣ, не ослабилъ благоволенія къ З—ву, а холодность къ Потемкину замѣтно усилилъ. З—въ призывалъ однажды Державина и заявилъ отъ имени императрицы, чтобы онъ писалъ для Потемкина, что тотъ прикажетъ, «но отнюдь бы отъ него ничего не принималъ и не просилъ; что онъ и безъ него все имѣть будетъ, прибавя, что императрица назначила его бытъ при себѣ статъ-секретаремъ по военной части». Звѣзда Потемкина меркла по мѣрѣ того, какъ возрастало значеніе новаго фаворита. Натянутость отношеній З—ва съ Потемкинскимъ была императрицѣ совершенно ясна. Съ теченіемъ времени вражда между ними

усиливалась. Въ страстную седмицу оба врага говѣли вмѣстѣ, но и передъ причащеніемъ не примирились. Слѣдующій случай вызвалъ особенное негодование З—ва противъ Потемкина. Екатерина II пообѣщала З—ву подарить большое имѣніе въ Могилевской губ. въ 12.000 душъ, но потомъ вспомнила, что имѣніе это уже подарено Потемкину. Тогда, желая сдержать свое обѣщаніе, императрица хотѣла купить имѣніе у Потемкина. Тотъ, благодаря своей находчивости, сумѣлъ помѣшкать этому намѣренію, не желая обогащать З—ва, чего послѣдній никогда не могъ простить Потемкину. Скоро произошелъ открытый разрывъ. 24 іюля 1791 г. Потемкинъ долженъ былъ, согласно Высочайшему повелѣнію, выѣхать изъ Петербурга въ Молдавію. З—въ, такимъ образомъ, остался побѣдителемъ въ этой придворной борьбѣ. Пришедшая 12 октября того же года вѣсть о кончинѣ Потемкина потрясла Екатерину, въ сущности глубоко уважавшую и цѣнившую Потемкина. Велико было ликованіе Зубовыхъ, хотя они и вынуждены были его скрывать, чтобы не оскорбить горя императрицы. Но ненависть къ памяти Потемкина З—въ сохранилъ до конца своихъ дней. Со смертью Потемкина властолюбію З—ва не стало границъ. Императрица считала его единственнымъ человѣкомъ, способнымъ замѣнить свѣтлѣйшаго кн. Таврическаго и эта замѣна гибельно отразилась на государственныхъ дѣлахъ.

Втайнѣ при дворѣ З—ва всѣ ненавидѣли. Но благоволеніе Екатерины къ своему фавориту съ годами только усиливалось, и она не переставала осыпать своего любимца почестями. 3 февраля 1790 г. ему пожалованъ былъ орденъ св. Анны, 8 сентября того же года—св. Александра Невскаго, въ іюлѣ 1790 г. онъ получилъ прусскіе ордена Чернаго и Краснаго Орловъ и польскіе Бѣлаго Орла и Станислава. Далѣе, не прошло со дня смерти Потемкина и трехъ недѣль, какъ З—въ былъ назначенъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса (21 октября 1791 г.) и вслѣдъ затѣмъ 12 марта 1792 г. произведенъ въ генералъ-поручики и пожалованъ въ генералъ-адъютанты.

При всемъ своемъ самоувѣніи З—въ, при жизни Потемкина, не рисковалъ противорѣчить его мнѣніямъ, зная, что съ ними обыкновенно соглашалась императрица.

Но послѣ кончины Потемкина онъ почувствовалъ приливъ необычайной увѣренности въ своихъ силахъ, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина вѣрила въ его способности да и другихъ старалась убѣдить въ томъ же. Голосъ З—ва въ совѣтѣ Екатерины приобрѣлъ рѣшающее значеніе. Не обладая ни государственнымъ опытомъ, ни умомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, а, можетъ быть, именно поэтому, смѣло начерталъ планъ какъ внѣшней, такъ и внутренней полтики Россіи. Тѣсный дружескій союзъ со Швеціей и Пруссіей, покровительство французской королевской фамиліи и эмигрантамъ, угрожающая позиція по отношенію къ Англіи—вотъ въ существенныхъ чертахъ политическая мудрость системы З—ва. Внутри государства—преслѣдованіе малѣйшихъ намековъ на вольнодумство, перлюстраціи, шпіонство, доносы—надежнѣйшія средства, по его мнѣнію, для охраны внутренняго спокойствія и благоденствія Россіи. Легкомысліе, съ которымъ З—въ относился къ самымъ сложнымъ политическимъ вопросамъ, и его нелѣпыя фантастичіе проекты вызывали только насмѣшку въ даровитыхъ дипломатахъ того времени, какими были у насъ гр. А. А. Безбородко, гр. С. Р. Воронцовъ и Н. П. Румянцевъ. Въ это время З—въ «слыветъ за главнога дѣятеля во всѣхъ дѣлахъ и дастъ чувствовать свое всемогущество самымъ возмутительнымъ образомъ». Значеніе З—ва все возрастаетъ. Отправляясь въ Яссы для заключенія мира, гр. Безбородко предложилъ на свое мѣсто, на время отсутствія, Трощинскаго. Однако, когда Безбородко потомъ вернулся въ Петербургъ, онъ, хотя и былъ награжденъ большими милостями, тѣмъ не менѣе долженъ былъ, по желанію императрицы, свое президентское кресло въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ уступить З—ву. Все руководство внѣшней политикой и сношеніями Россіи съ иностранными дворами перешло въ руки З—ва. Такимъ образомъ высшее направленіе всей политики государства поставлено было въ зависимость отъ молодого человѣка 24 лѣтъ съ большими претензіями и ничтожнымъ умомъ. Безбородко писалъ: «я—золотарь; я очищаю, что пакоститъ Зубовъ».

Въ сентябрѣ 1792 г. положеніе фаворита сильно поколебалось, опять благодаря лихоимству отца. Нѣкто Ярославъ,

отданный подъ судъ за взяточничество, купилъ покровительство Зубова отца и былъ оправданъ. Но дѣло открылось. Императрица сильно разгнѣвалась. Послѣ этого случая многія дѣла перешли опять въ руки гр. Безбородки, между прочимъ, и портфель съ дѣлами польскими. Но тревоги внѣшней политики, вызванныя французской революціей, отвлекли вниманіе императрицы отъ придворныхъ неурядицъ, и З—ву удалось вернуть благосклонность Екатерины. Онъ вскорѣ вновь былъ осыпанъ почестями и наградами: 27 января 1793 г., благодаря хлопотамъ въ Вѣнѣ, З—въ съ отцомъ и тремя братьями возведенъ былъ въ графы Священной Римской имперіи, 23 іюля награжденъ портретомъ императрицы и орденомъ св. Андрея Первозваннаго, черезъ день, 25 іюля, сдѣланъ Екатеринославскимъ и Таврическимъ генераль-губернаторомъ, а 19 октября произведенъ въ генераль-фельдцейхмейстеры.

З—въ въполнѣ раздѣлялъ негодованіе Екатерины по поводу сентябрьскихъ убійствъ во Франціи и сочувствовалъ эмигрантамъ. Онъ оказывалъ имъ свое покровительство при дворѣ, за что принцъ де-Линъ патетически восхвалялъ З—ва, равно какъ и его брата, въ своихъ письмахъ къ императрицѣ: «Имя Платона, какъ мнѣ думается, приноситъ счастье, и божественный Платонъ, быть можетъ, крестный отецъ того, съ которымъ я желалъ бы имѣть счастье познакомиться, съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ такъ много наговорилъ о немъ мой любезнѣйшій, прекраснѣйшій посланникъ отъ моего русскаго отечества въ мое отечество австрійское; хотя посланникъ очень благоразумный и умѣренный чловѣкъ, однако жъ сказалъ, что ручается мнѣ за мою къ нему привязанность, если я его увижу». Неумѣренное рвеніе З—ва въ стремленіи оказать повсюду поддержку французскимъ эмигрантамъ, особенно членамъ королевской семьи, обнаружило его полнѣйшее невѣжество въ пониманіи элементарныхъ требованій дипломатическихъ сношеній. Таково, наприм., было дѣло съ поѣздкой гр. д'Артуа въ Англію. Поѣздка эта была организована подъ ближайшимъ руководствомъ З—ва, между тѣмъ, когда гр. д'Артуа прибылъ въ Англію, оказалось, что ѣхать туда онъ не могъ изъ-за своихъ долговъ, за которые его посадили бы въ тюрьму, ибо по законамъ Англіи

всякій должникъ, за исключеніемъ короля и членовъ парламента, можетъ быть подвергнутъ тюремному заключенію, если долгъ не менѣе 10 фунтовъ стерлинговъ не былъ уплаченъ въ срокъ. То же грозило и гр. д'Артуа, сумма долговъ котораго колебалась между 10—20 милл. ливровъ. С. Р. Воронцовъ, нашъ посолъ въ Англіи, вмѣстѣ съ французскимъ посломъ отправился въ Гуль на свиданіе съ гр. д'Артуа, который находился на русскомъ фрегатѣ, стоявшемъ на рейдѣ, и объяснили ему невозможность его высадки. Тогда обнаружилось, что З—въ съ полной самонадѣянностью увѣрялъ принца, что «всѣ возраженія Вашего Высочества будутъ отстранены; Англія почтетъ за честь принять васъ, она сдѣлаетъ все, что ни пожелаетъ императрица, и у насъ есть посланникъ, который сумѣетъ побудить министерство сдѣлать все вамъ удобное». Покоряясь обстоятельствамъ, французскій принцъ вынужденъ былъ отъ береговъ Англіи отплыть въ Германію. Досаду на крайнюю безтактность З—ва, Воронцовъ писалъ: «вотъ какимъ образомъ этотъ молодой фаворитъ, предъ которымъ все покорствовалъ въ Россіи, воображалъ управлять всею Европою». З—въ чрезвычайно озлобился на Воронцова, приписавъ неудачный исходъ этой поѣздки не своей собственной винѣ, а бездѣятельности Воронцова. Дипломатическія промахи З—въ совершалъ неоднократно. Случалось, что З—въ посылалъ важныя секретныя бумаги по почтѣ, взумляясь потомъ, почему онѣ всѣмъ становятся извѣстны. Нѣкій Инглисъ, отличный литейщикъ орудій, принятый на службу З—вымъ, предложилъ тайно сманить изъ Англіи нѣсколькихъ опытныхъ мастеровъ и вывезти необходимые инструменты—и то и другое было воспрещено актомъ парламента. З—въ совершенно открыто по почтѣ написалъ обо всемъ Воронцову, отъ имени императрицы повелѣвая пригласить мастеровъ и посодѣйствовать Инглису, который самъ пріѣдетъ пріобрѣсти инструменты. Воронцовъ въ шифрованномъ отвѣтѣ ясно далъ понять З—ву, что тотъ своимъ предложеніемъ компрометируетъ не только своего русскаго посла, но и весь «дворъ» (т. е. императрицу) и что путемъ перлюстраціи писемъ англійское правительство несомнѣнно уже узнало червымъ о возлагаемомъ на

него, Воронцова, порученіи и, конечно, приметъ мѣры. Чрезвычайно уязвленный преподаннымъ ему урокомъ, З—въ сталъ всюду рассказывать, что Воронцовъ интересамъ Россіи пренебрегаетъ въ угоду интересамъ Англій, и не упускалъ случая отплатить Воронцову оскорбленіями.

Впрочемъ, отношеніе З—ва и къ другимъ виднымъ дѣятелямъ той эпохи едва ли было лучшимъ, чѣмъ къ Воронцову. Такъ, гр. Безбородко вынужденъ былъ изъ-за З—ва устраниваться отъ дѣлъ. Это дало императрицѣ поводъ пожаловаться, что отъ нея устраниются, «не хотяя ей пособлять». Въ своемъ высокомеріи З—въ пытался даже къ самому Суворову относиться свысока. Когда Суворовъ находился въ Новороссійскомъ краѣ, назначенный начальникомъ расположенныхъ тамъ войскъ, З—въ въ качествѣ генералъ-губернатора Новороссійскаго края (1793 г.) считалъ себя начальникомъ Суворова; онъ началъ писать Суворову, какъ своему подчиненному, при чемъ, по отзывамъ послѣдняго, только смѣшилъ его своими распоряженіями. Когда же З—въ сдѣлалъ попытку взять слишкомъ начальнической тонъ, старикъ Суворовъ отвѣтилъ зазнавшемуся фавориту: «Ко мнѣ—шлиль вашъ рескриптъный, указныи, повелительныи, употребляемый въ аттеставаніяхъ?... не хорошо, сударь!» Въ одномъ изъ писемъ Суворовъ писалъ о З—вѣ, что это «добрыи человекъ», «какъ-будто изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи; знаетъ намеку и загадку и украшается какъ угодно съ, что называется въ общенародѣ лукавымъ, хотя царя въ головѣ не имѣетъ». Когда фаворитъ въ качествѣ начальника Черноморскаго флота (19 іюля 1796 г.) былъ поставленъ въ положеніе, независимое отъ адмиралтействъ-коллегии, Суворовъ писалъ, что З—ву пожаловали «шпагу и скоро при президентствѣ получить кейзеръ-флагъ Черноморскихъ флотовъ, кои въ своемъ правленіи изгноилъ и людей выморилъ». Когда дочь Суворова, гр. Наталья Александровна («Суворочка») осенью 1794 г. вышла замужъ за гр. Николая Зубова, Суворовъ оказался въ свойствѣ съ семьей Зубовыхъ. Платонъ З—въ, полагаясь на это родство, позволялъ себѣ однажды (15 декабря 1795 г.) принять Суворова въ Зимнемъ дворцѣ по домашнему, въ скуртукѣ. Тогда Суворовъ принялъ фаворита въ одномъ нижнемъ бѣльѣ,

когда тотъ явился съ отвѣтнымъ визитомъ. Значеніе Зубовыхъ, благодаря родству съ Суворовымъ, значительно усилилось, но и они, съ своей стороны, оказывались для Суворова надежной опорой при дворѣ. Слѣдующій случай, относящійся къ первой половинѣ 1795 г., подтверждаетъ это. На пути изъ Бѣлоруссіи въ Петербургъ Суворовъ услышалъ одно чрезвычайно непріятное для него извѣстіе. Замѣтно огорченный, онъ тотчасъ же написалъ два письма, одно князю З—ву, другое своему зятю гр. Н. А. Зубову, и поручилъ какъ можно скорѣе доставить по адресу, при чемъ просилъ словесно передать Зубовымъ, что «если слухи справедливы, то для него и собственная пуля не страшнѣе непріятельской». Внезапныя депеши встревожили Зубовыхъ, но тревога Суворова оказалась напрасной, о чемъ онъ и былъ извѣщенъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на родственныя отношенія, Суворовъ считалъ Платона З—ва «негодяемъ» и «болваномъ», о чемъ не боялся заявлять открыто, но это былъ едва ли не единственный человекъ, осмѣливавшійся оказывать неуваженіе фавориту. Остальные раболѣбствовали и пресмыкались.

По отзывамъ современниковъ, З—въ, обладая большою памятью, нерѣдко выдавалъ вычитанныя изъ книгъ мысли за свои собственныя, чѣмъ иногда производилъ впечатлѣніе умнаго даже и на не наивныхъ людей. Расстопчигъ считалъ его бездарностью и указывалъ, что только «память» замѣняетъ З—ву «здоровмысліе»; «его болтовня то умная, то таинственная, и техническія слова придають ему вѣсъ и значеніе. Онъ скромнень или, вѣрнѣе, скрытенъ, боится связей и окруженъ шуперой». Храповицкій надѣляется его эпитетомъ «дуралеюшка Зубовъ». Суворовъ считалъ его «болваномъ». З—въ охотно развлекался дѣтскою игрой—пускалъ бумажные змѣи съ царскосельскихъ башенъ, цѣлые часы проводилъ въ забавахъ съ обезьяной и т. д. Однажды, забавляясь охотою, З—въ со своею свитою расположился на дорогѣ, ведущей изъ Петербурга въ Царское Село. Вельможи, ѣхавшіе ко двору, курьеры, почта, всѣ кареты и крестьянскія телѣги были остановлены; цѣлый часъ никто не смѣлъ проѣхать, пока молодой человекъ не благоумудилъ оставить дорогу: онъ на ней выжидалъ зайца. Ограниченный въ

умственномъ отношеніи, З—въ и нравственный обликъ имѣлъ довольно непривлекательный. Онъ заискивалъ передъ всѣми, даже передъ камердинеромъ Захаромъ, пока не укрѣпился въ роли фаворита. Тогда онъ сбросилъ личину и сталъ «держкимъ до наглости, спесивымъ до чванства», властолюбивымъ и высокоумнымъ человекомъ. Своей оскорбительной манерой обращенія З—въ переходилъ иногда всякія границы дозволеннаго. Однажды на обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ присутствовалъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ семействомъ. Желая вовлечь его въ общій разговоръ, Екатерина спросила, съ чѣмъ мнѣніемъ великій князь согласенъ по вопросу, о которомъ шла рѣчь. «Съ мнѣніемъ графа Платона Александровича» — любезно отвѣчалъ цесаревичъ. «Развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость?» нагло отозвался фаворитъ. Всѣмъ обязанный Салтыкову, онъ отплатилъ ему черной неблагодарностью, вынудивъ своего благодѣтеля оставить мѣсто президента военной коллегіи, которое захотѣлъ занять самъ.

Генераль-лейтенантъ Голенищевъ-Кутузовъ, будущій герой Отечественной войны, приходилъ къ З—ву за часъ до его пробужденія, чтобы особеннымъ образомъ варить для него кофе, который потомъ и относилъ фавориту, на виду у множества посѣтителей. Генераль П. И. Мелиссино, получивъ отъ З—ва Владимірскую ленту, пѣловалъ у него руку. Цесаревичъ Павелъ принужденъ былъ считатьъ съ бывшимъ ничтожнымъ гвардейскимъ офицерикомъ, который когда-то вымаливалъ у него прошеніе за то, что обидѣлъ одну изъ собакъ цесаревича. Въ числѣ другихъ усердно угождалъ З—ву и даже обращался къ нему за покровительствомъ и великій князь Константинъ. Александръ Павловичъ, называя за глаза З—ва «лакеемъ», тѣмъ не менѣе наружно поддерживалъ съ нимъ самыя любезныя отношенія. Присоединившись къ общему хору льстецовъ, Державинъ воспѣлъ З—ва въ стихотвореніи «Къ лирѣ». З—въ однако не цѣнилъ отношенія Державина; вмѣстѣ съ братомъ потѣшался надъ нимъ, не разъ ставилъ поэта въ униженное положеніе, не уважая и не понимая его таланта. Высокія добродѣтели З—ва еще ранѣе воспѣлъ какой-то неизвѣстный авторъ — не то учитель французскаго языка въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ (Смольномъ монастырѣ),

не то французскій эмигрантъ. Эти хвалебныя вирши были сочинены къ новому 1790 году; воспитанницы Смольнаго монастыря ихъ вышили на атласѣ и поднесли З—ву.

Весь этотъ энміамъ лести заставилъ З—ва возомнить себя великимъ человекомъ. Почести и награды, которыя не переставала жаловать ему Екатерина, только поддерживали въ немъ эту мысль. 1 января 1795 г. З—въ получилъ орденъ св. Владиміра I степени; 18 августа ему пожалована была во вновь присоединенныхъ польскихъ областяхъ Шавельская экономія съ 13.669 душами крестьянъ и съ доходомъ въ 100 тысячъ руб.; за присоединеніе Курляндіи онъ получилъ курляндскій замокъ Руэнталь. Къ концу того же года онъ былъ назначенъ шефомъ кадетскаго корпуса и награжденъ портретомъ императрицы, украшеннымъ крупнымъ солитеромъ. Высокоумію З—ва въ это время не было предѣловъ. Не даромъ Ростопчинъ уподобляетъ его «мальчишкѣ, осмѣливающемуся представлять изъ себя Перона, которому трепещущій сенатъ воскуряетъ фиміамъ». Во дворцѣ, въ покояхъ З—ва три комнаты были «достопримѣчательны»: первая была всѣмъ доступна; во вторую могли входить только знатныя особы и состоявшіе при немъ важные чиновники; третья комната составляла его кабинетъ и спальню, куда никто, кромѣ самыхъ близкихъ къ нему людей, не имѣлъ доступа. Изъ нея по маленькой лѣстницѣ былъ ходъ во внутренніе покои дворца. «Все ползало у ногъ З—ва, онъ одинъ стоялъ и потому считалъ себя великимъ — замѣчаетъ Массонъ. У него далеко не было ни генія, ни честолюбія Орлова и Потемкина, хотя онъ, наконецъ, и совмѣстилъ въ своей особѣ болѣе власти и значенія, нежели эти два знаменитые любимца». Всѣмъ своимъ величіемъ З—въ былъ обязанъ фавору у Екатерины. «По мѣрѣ утраты государынею ея силы, дѣятельности, генія, — онъ приобрѣталъ могущество, богатства. Каждое утро многочисленныя толпы льстецовъ осаждали его двери, наполняли прихожія и пріемныя. Старые генералы, вельможи не стыдились ласкать ничтожнѣйшихъ его лакеевъ. Видали часто, какъ эти лакеи толчками разгоняли генераловъ и офицеровъ, коиъ толпа, тѣсясь у дверей, мѣшала ихъ запереть. Развалился въ креслахъ, въ самомъ непристойномъ неглиже, засунувъ

мизинецъ въ носъ, съ глазами, безцѣльно устремленными въ потолокъ, этотъ молодой человѣкъ, съ лицомъ холоднымъ и надутымъ, едва удостоивалъ обращать вниманіе на окружавшихъ его. Онъ забавлялся дурачествами своей обезьяны, которая скакала по головамъ подлыхъ льстецовъ, или разговаривалъ со своимъ шутомъ; а въ это время старцы, подъ начальствомъ у которыхъ онъ служилъ сержантомъ: Долгорукіе, Голицыны, Салтыковы и все, что было великаго и малодушнаго, ожидали, чтобы онъ низвелъ свои взоры, чтобы опять приникнуть къ его стопамъ. Имя Екатерины звучало въ его рѣчахъ, какъ слова «тронъ», «алтарь» въ царскихъ манифестахъ... Изъ всѣхъ баловней счастья царствованія Екатерины II ни одинъ, кромѣ Зубова, не былъ такъ тщедушенъ и наружно и внутренно. Можетъ быть, въ немъ и были какія-нибудь никому невѣдомыя достоинства, но онъ никогда не выказывалъ ни тенія, ни добродѣтелей, ни страстей—кромѣ развѣ тщеславія и скупоности, бывшихъ его отличительными чертами». З—въ безконтрольно распоряжался казенными деньгами, какъ своимъ собственными. Увѣренный въ расположеніи одряхлѣвшей императрицы, З—въ не боялся давать поводы къ ревности, то своими ночными прогулками (1793 г.), то явнымъ ухаживаніемъ (1794—1796) за великой княгиней Елизаветой Алексѣевной, игнорируя неудовольствіе облагодѣтельствованной его государыни. Растропчивъ по этому поводу занесъ въ свои «Записки» слѣдующія строки: «Дворъ очень занятъ охлажденіемъ императрицы къ Зубову. Кто-то изъ придворныхъ шепнулъ ей нѣчто относительно безумной страсти фаворита... Она подмѣтила нѣкоторые взгляды, и произошла сцена. Въ теченіе нѣсколькихъ дней были въ ссорѣ; потомъ помирились; но она сорвала сердце на гр. Штакельбергъ-отца, подозрѣвая, что онъ повѣренный въ этой исторіи, и такъ вымыла ему голову, что старый царедворецъ принужденъ былъ оставить дворецъ и отправиться въ свои помѣстья по совѣту того же Зубова».

Неограниченное довѣріе Екатерины сдѣлало З—ва главнымъ вершителемъ всѣхъ дѣлъ. Безъ него не дѣлалось рѣшительно ничего. Онъ одинъ значилъ—все. Въ его вѣдѣніи находились дѣла польскія и персидскія, устройство губерній въ Польшѣ,

герцогствѣ Курляндскомъ, устройство Вознесенской губ. и Одесскаго порта, завѣдываніе всею дипломатической перепиской, составленіе новаго устава для Сената, руководство заселеніемъ губерній Таврической и Вознесенской крестьянскими семействами изъ внутреннихъ малоземельныхъ губерній, водвореніе Черноморскаго войска на островѣ Тамани и пр. Однако близость къ государственнымъ дѣламъ не обогащала З—ва въ умственномъ отношеніи, онъ не сталъ въ нихъ ни расудительнѣе, ни дальновиднѣе. У него была страсть казаться дѣловымъ человѣкомъ, но когда у него спрашивали руководства или инструкцій, онъ отвѣчалъ: «Сдѣлайте, какъ прежде...» Тропинскій, честный и прямой человѣкъ, считалъ З—ва «бѣлымъ», вмѣсто ока государева. З—въ самъ почти ничего не дѣлалъ. Въ событіяхъ присоединенія Курляндіи, польскихъ дѣлахъ личность З—ва на второмъ планѣ. Неудачи ставились въ упрекъ его сотрудникамъ, удачі приписывались ему. Иные, въ родѣ Моркова, служили З—ву «для прикрытія его невѣжества». Ему приписывалось устройство въ Бахмутскомъ уѣздѣ Луганскаго литейнаго завода, между тѣмъ для устройства этого завода онъ ни разу не выѣзжалъ изъ Петербурга, основаніе завода было дѣломъ рукъ Гайскона, и проектъ былъ переведенъ съ французскаго А. М. Грибовскимъ. Въ кругъ своихъ сотрудниковъ, кромѣ старыхъ государственныхъ дѣателей, З—въ привлекъ и новыхъ избранниковъ, въ выборѣ которыхъ весьма краснорѣчиво отразилась ничтожная личность З—ва. Это были: наглый проходимецъ изъ Рагузы Альтести, пасквильянтъ и воръ. «пушера въ полномъ смыслѣ слова», хотя человѣкъ умный и владѣвшій даромъ слова; самъ З—въ его остерегался; затѣмъ авторъ «Записокъ объ Екатеринѣ Великой», А. М. Грибовскій, кутила и мотъ, приводившій въ соблазнъ весь городъ своими кутежами, но обладавшій бойкимъ перомъ, и, наконецъ, сынъ испанскаго кузнеца, І. М. Рибасъ, обманувшій князю Тараканову, расхищавшій у русской казны болѣе полумилліона ежегодно при постройкѣ Одесскаго порта, коварный лгуны, котораго Суворовъ заклеймилъ извѣстнымъ изреченіемъ: «его и Рибасъ не обманеть».

Въ 1795 г., по почину З—ва, были со-

ставлены и напечатаны новые штаты для одного запаснаго баталіона гренадерскаго, мушкатерскаго, егерскаго и одного эскадрона карабинернаго и легко-коннаго гусарскаго «съ прибавкою аммуничныхъ вещей и на оныя цѣны». За время завѣдыванія З—вымъ разными военно-административными должностями дисциплина въ войскахъ замѣтно пала. Офицеры и даже нижніе чины занимались щегольствомъ въ ущербъ служебнымъ обязанностямъ. Въ службы гвардейскіе офицеры ходили въ бархатныхъ кафтанахъ, атласныхъ камзолахъ, кружевныхъ жабо и манжетахъ. Императоръ Павелъ не даромъ въ своихъ строгихъ приказахъ по гвардейскому корпусу упоминалъ имя Зубова, какъ синонимъ незнанія правилъ службы и нерадѣнія.

З—въ принималъ также участіе въ переговорахъ объ окончательномъ раздѣлѣ Польши. Когда по этому случаю въ Петербургѣ открылась конференція, З—въ былъ ея членомъ наряду съ Остерманомъ, Безбородкою, гр. Луи Кобенцелемъ и прусскимъ посланникомъ гр. фонъ-Тауенциномъ. Послѣдній, видя, что Австрія при состоявшемся между двумя императорскими дворами соглашеніи получила явный перевѣсъ надъ Пруссіей, желалъ привлечь на свою сторону всемогущаго въ то время З—ва и отъ имени короля Фридриха-Вильгельма предложилъ юному фавориту независимое владѣніе изъ нѣкоторыхъ польскихъ областей, которое должно было находиться между Россіей и Пруссіей. З—въ отклонилъ это заманчивое предложеніе и на засѣданіяхъ конференціи настаивалъ на необходимости вознаградить Австрію, въ виду ея жертвъ въ борьбѣ съ французской республикой, — Краковомъ или Сандомирѣмъ. По вопросу о Краковѣ Тауенцинъ, однако, упорно отказывался отъ всякихъ уступокъ. Кобенцель уклонялся отъ компромисса, ссылаясь на отсутствіе полномочій по этому поводу. З—въ относительно Краковскаго и Сандомирскаго воеводства становился также на сторону Австріи, хотя въ другихъ вопросахъ готовъ былъ идти на уступки Пруссіи. Дѣло едва не окончилось разрывомъ, и только собственноручное письмо Екатерины II къ прусскому королю устранило возникшія недоразумѣнія.

Желая прослыть великимъ политикомъ, З—въ представилъ фантастическій и не-

удобоисполнимый проектъ, направленный противъ Турціи. Согласно его плану, одна русская армія должна была занять важнѣйшіе торговые пункты между Персіей и Тибетомъ, для установленія сношеній съ Индїей, затѣмъ, обратившись въ другую сторону, перерѣзать всѣ пути къ Константинополю; другая армія, подъ начальствомъ Суворова, должна была черезъ Балканы и Адрианополь подойти къ турецкой столицѣ, которую въ это время русскій флотъ подъ личнымъ главенствомъ Екатерины осадитъ съ моря. Къ походу стали дѣлать приготовленія. Но Суворовъ отказался принять въ немъ участіе; тогда вмѣсто него назначили главнокомандующимъ Валеріана Зубова.

Съ самаго начала движеніе войскъ натолкнулось на чрезвычайныя затрудненія, показавшія все легкомысліе и опасность этого предпріятія. Состояніе нашихъ финансовъ также не поощряло къ осуществленію грандіозныхъ завоевательныхъ плановъ. Озабоченный изысканіемъ необходимыхъ денежныхъ средствъ, З—въ представилъ обстоятельную, но безтолковую записку съ изложеніемъ своего финансоваго проекта, полнаго противорѣчій и непримѣнимаго на дѣлѣ. Онъ предлагалъ удвоить стоимость ходячей мѣдной монеты, посредствомъ ея перечеки, что, по его соображеніямъ, должно было обогатить казну безъ всякаго обремененія народа. Необходимыя для этого мѣдныя деньги должны были доставить на монетные дворы частные владѣльцы монеты. Въ то же время З—въ внушилъ Екатеринѣ мысль ради успѣха задуманнаго похода заключить брачный союзъ вел. княжны Александры Павловны съ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ.

Чѣмъ далѣе шло дѣло на театрѣ военныхъ дѣйствій, тѣмъ яснѣе становилась неосуществимость проекта З—ва: необходимы были миллионныя траты и сотни тысячъ войска. Сватовство Густава IV Адольфа также окончилось неудачно, что въ значительной степени было вызвано безтактными дѣйствіями З—ва. Въ 1796 г. въ качествѣ жениха Густаву Адольфу былъ оказанъ при русскомъ дворѣ чрезвычайно почетный и любезный приемъ. Составленіе брачнаго договора было поручено императрицей З—ву и Моркову. Вопреки обычной въ подобныхъ случаяхъ перемѣнѣ религіи невѣстой, рѣшено было

добиться для княжны права формально не отрекаться от православія, и даже имѣть въ королевскомъ дворцѣ свою часовню и причтъ. Но такъ какъ не было увѣренности, что король согласится на эти условія, то З—въ рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости. Обрученіе было назначено З—вымъ на 11 сентября. За часъ до начала церемоніи брачный контрактъ былъ принесенъ королю для подписи, и тотъ впервые ознакомился со статьями относительно религіи невѣсты. Онъ отказался ихъ подписать, несмотря на всѣ уговоры какъ З—ва съ Морковымъ, такъ и членовъ его свиты. Между тѣмъ дворъ и императрица въ полномъ парадѣ ожидали жениха. Отсутствие его, частые входы и выходы кн. З—ва, нетерпѣніе императрицы возбудили любопытство. Наконецъ, З—въ вынужденъ былъ сообщить, что все разстроилось. Онъ подошелъ къ Екатеринѣ, ожидавшей въ присутствіи всего двора, и на ухо прошепталъ ей нѣсколько словъ. Императрицѣ сдѣлалось дурно, и она почувствовала легкій ударъ—первый вѣстникъ ея близкой смерти. Когда причина неудачи сдѣлалась извѣстной, всѣ вознегодовали на З—ва и Моркова, желавшихъ подвѣствовать на шведовъ лукавствомъ. Но З—въ и самъ былъ огорченъ, тѣмъ болѣе, что на другой день послѣ обрученія ему предполагалось пожаловать чинъ фельдмаршала. Въ сущности неудачный исходъ этого сватовства стоялъ въ связи съ политикой друга и пріятеля Платона З—ва, лорда Витворда, которому въ интересахъ Англіи необходимо было разстроить союзъ Россіи и Швеціи. З—въ въ это время былъ въ зенитѣ своего могущества и сознавалъ это. Когда на обѣдѣ императрицы, въ бытность шведскаго короля, зашелъ вопросъ о новостяхъ, полученныхъ изъ Персіи, З—въ сказалъ одному шведу: «Это пустяки: мой братъ пишетъ *намъ*, что выигралъ сраженіе и завоевалъ область; ничего новаго нѣтъ».

22 мая 1796 г. З—въ былъ возведенъ въ княжеское Римской имперіи достоинство. А. К. Разумовскій, усиленно хлопотавшій по этому дѣлу въ Вѣнѣ, выбралъ для Зубовыхъ девизъ: «meritis crescunt honores».

5 ноября 1796 г. съ Екатериной случился внезапный ударъ. За часъ до этого З—въ присылалъ справляться объ ея здоровьи, какъ это онъ дѣлалъ каждое

утро, и императрица приказала отвѣтить, «что она никогда себя такъ хорошо не чувствовала». Слабые признаки жизни заставляли ежеминутно ожидать ея кончины. Извѣстіе объ этомъ сразило З—ва. Онъ метался въ слезахъ и растерялся до такой степени, что не позаботился объ оказаніи необходимой помощи и противился общему совѣту придворныхъ пустить больной кровь. По совѣту гр. Орлова-Чесменскаго, онъ послалъ брата своего Николая въ Галчину къ цесаревичу Павлу Петровичу съ извѣстіемъ объ ударѣ, постигшемъ императрицу. Величіе З—ва угасало вмѣстѣ съ жизнью Екатерины. Вчерашній фаворитъ проходилъ по комнатамъ своей повелительницы и тщетно добивался, чтобы ему дали только стаканъ воды! Смерть ея мгновенно уничтожила значеніе З—ва, возвративъ его къ прежнему ничтожеству. Массонъ удачно сказалъ, что «не было замѣтно пустоты, когда Зубовъ исчезъ съ занимаемаго имъ мѣста».

По разсказамъ современниковъ, у Екатерины была серьезная мысль—лишить Павла престола. З—въ въ числѣ другихъ важнѣйшихъ дѣятелей подаль голосъ за этотъ проектъ. Павелъ, конечно, объ этомъ проектѣ зналъ и жилъ въ постоянной тревогѣ. По однимъ свидѣніямъ, Безбородко, убѣжденный Растопчиннымъ, передалъ Павлу секретныя бумаги императрицы; по другимъ извѣстіямъ, эту услугу оказалъ ему З—въ. Самъ князь Платонъ Александровичъ будто бы разсказывалъ, что при немъ Павелъ сломалъ печати на двухъ конвертахъ, изъ которыхъ въ одномъ былъ проектъ указа, объявляющаго объ отрѣшеніи его отъ престола, а въ другомъ—распоряженіе о водвореніи его въ замокъ Лодс. Третью бумагу онъ положилъ въ карманъ не читая—въ ней якобы было завѣщаніе.

Павелъ I поручилъ пересмотръ бумагъ канцеляріи З—ва наслѣднику вел. кн. Александру Павловичу. Ничего компрометирующаго З—ва во мнѣніи Павла не было найдено. Императоръ, не разъ оскорбляемый фаворитомъ, и наслѣдникъ, не терпѣвшій З—ва, оба отнеслись, однако, къ его горю съ участіемъ. Зато придворные не скрывали своей радости по поводу его паденія и съ грубой откровенностью давали ему это чувствовать. У ложа умирающей Екатерины при входѣ

наслѣдника З—въ упалъ къ его ногамъ въ слезахъ. Павелъ ласково успокоилъ его словами: «Другъ матери моей будетъ всегда и моимъ другомъ».

По словамъ Массона, Павелъ, тронутый отчаяніемъ З—ва и признательный за привязанность къ умершей императрицѣ, оставилъ З—ва при всѣхъ прежнихъ должностяхъ и возвратилъ ему трость — отличительный знакъ дежурнаго генераль-адъютанта со словами: «Продолжайте исполнять ваши служебныя обязанности при тѣлѣ моей матери; надѣюсь, что и мнѣ будете такъ же вѣрно служить, какъ и ей служили». А. С. Шипковъ рассказываетъ, что Павелъ награждал даже З—ва орденомъ св. Анны — награда весьма почетная въ это царствованіе. Зато ближайшіе сотрудники З—ва поплатились: Альтести былъ высланъ въ Кіевъ и посаженъ въ крѣпость, а Грибовскій заключенъ въ рavelинъ Петропавловской крѣпости. З—въ малодушно предоставилъ его собственной судьбѣ, заботясь лишь о своей участи. Онъ изъ дворца перешагалъ жить къ своей сестрѣ, О. А. Жеребцовой, но пробылъ тамъ всего недѣлю. Павелъ 1 купилъ за 100.000 руб. домъ Мятлева, на Морской, приказалъ отдѣлать его, какъ дворецъ, снабдить его столовымъ серебромъ и золотымъ приборомъ, экипажами и лошадьми и подарилъ все это З—ву наканунѣ дня его рожденія. Въ самый же день рожденія 15 ноября 1796 г. императоръ Павелъ вмѣстѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной навѣстили З—ва и кушали у него вечерній чай. Когда З—въ, встрѣтивъ гостей, упалъ къ ихъ ногамъ, Павелъ поднялъ его и сказалъ: «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Поздравленіе носило непринужденный характеръ. Поднявъ бокалъ съ шампанскимъ, Павелъ сказалъ З—ву: «Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего добраго». Потомъ обратился къ императрицѣ: «Выпей все до капли». Оporожнивъ бокалъ, онъ разбилъ его. З—въ бросился къ его ногамъ, но Павелъ, поднявъ его, повторилъ прежнюю пословицу. За чаемъ онъ сказалъ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Разливай! У него вѣдь нѣтъ хозяйки». Однако благосклонность Павла была непродолжительна. 26 ноября З—въ назначенъ былъ инспекторомъ артиллеріи, но уже въ началѣ декабря онъ просилъ увольненія отъ занимаемыхъ должностей

и получилъ его 6 декабря. 29 декабря того же года послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ: «За приведеніе въ несостояніе Сестротрѣпчскихъ оружейныхъ заводовъ, оказавшихся таковыми по случаю негодности лейбъ-гвардіи на Преображенскій полкъ ружей, а потомъ Конной гвардіи разныхъ вещей, взискать съ генераль-фельдцейхмейстера кн. Зубова такую сумму, какая артиллерійскою канцеляріею исчислена и Сенату представлена будетъ». Начетъ достигъ суммы въ 50 тысячъ руб. Но 31 іюля 1797 г. новымъ Высочайшимъ указомъ З—ву «прощены» всѣ эти деньги, и взисканія сложены. По устраненіи З—ва отъ дѣлъ обнаружилось немало злоупотребленій и беспорядковъ. Затѣявъ, ради собственныхъ выгодъ войну съ Персіей, З въ не находилъ нужнымъ сообщать въ военную коллегію обыкновенныхъ рапортовъ; то же было сдѣлано и въ отношеніи войскъ, посланныхъ въ Галицію; поэтому, когда стали вновь распредѣлять войска, неизвѣстно было не только состояніе большой части полковъ, но даже, гдѣ они стоятъ. Назначенные офицеры не знали, куда ѣхать, чтобы присоединиться къ своимъ частямъ, и осаждали департаменты, наводя справки. 3 февраля 1797 г. З—въ уволенъ былъ въ отпускъ за границу на два года для возобновленія здоровья, съ разрѣшеніемъ по пути заѣхать въ свои литовскія имѣнія. На этотъ случай Виленскому губернатору предписано имѣть за З—вымъ наблюденіе, хотя за нимъ и безъ того слѣдовалъ специальный полицейскій агентъ. Случайное обстоятельство вызвало сильный гнѣвъ Павла на бывшего фаворита. Путь З—ва лежалъ черезъ Ригу. Тамъ въ это время, по приказанію императора, была приготовлена торжественная встрѣча для бывшего польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго, ѣхавшаго въ Петербургъ. Въ назначенный день разставили на улицахъ почетную стражу, приготовили парадный обѣдъ. Но король не пріѣхалъ. З—въ же по случайному совпадению обстоятельствъ какъ разъ въ этотъ день прибылъ въ Ригу. Какъ русскому генералу, стража отдала ему честь, а королевскій обѣдъ послужилъ для З—ва. Императоръ Павелъ былъ страшно разгнѣванъ, получивъ объ этомъ доносъ. Военному губернатору, гр. Палену, который считалъ долгомъ проводить З—ва до

Митавы, какъ своего покровителя и благодѣтеля, Павелъ въ грозномъ указѣ писалъ: «Господинъ генераль-лейтенантъ Паленъ. Съ удивленіемъ увѣдомился Я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздѣ кн. Зубова черезъ Ригу; изъ сего и дѣлаю я сродно о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коему и поведеніе Мое противъ васъ соразмѣрно будетъ»... Паленъ былъ уволенъ «за почести и встрѣчи, дѣлаемыя партикулярнымъ людямъ, какъ-то при проѣздѣ князя Зубова, и за отлучку въ Митаву для провожанія его же». Командантъ Бенкендорфъ получилъ выговоръ. Гражданскому губернатору барону Кампенаузену сдѣланъ запросъ, почему допустилъ онъ торжественный пріемъ З—ва. Даже отъ самого З—ва именнымъ повелѣніемъ отъ 28 февраля истребовано было объясненіе, «съ какимъ намѣреніемъ и по какому поводу посмѣлъ принимать оказанныя ему въ Ригѣ почести?»

Навѣстивъ литовскія имѣнія, З—въ отправился въ Германію. Здѣсь онъ жилъ, удивляя всѣхъ иностранцевъ роскошью и расточительностью. По однимъ извѣстіямъ, онъ и тамъ былъ надмененъ, какъ индѣйскій цѣтухъ, и богатъ, какъ Крезъ; по словамъ другихъ, за границей З—въ какъ будто измѣнилъ свой характеръ, смѣнивъ надменность, усвоенную въ Россіи, на любезность и обходительность. Удовольствіямъ жизни онъ отдавался съ увлеченіемъ. Одно время онъ всюду возилъ съ собою дѣвицу, передѣтвую камердинеромъ; потомъ въ Теплицѣ увлекся красивой эмигранткой la Roche Aimon; когда же увидалъ изящныхъ и богатыхъ Курляндскихъ принцессъ, сталъ ухаживать за старымъ герцогомъ-опцомъ, котораго ранѣе лишилъ владѣній и такъ надменно третировалъ, будучи фаворитомъ въ Петербургѣ. Герцогъ отвѣтилъ З—ву презрѣніемъ, и тотъ, по словамъ Массона, вздумалъ насильно похитить старшую дочь герцога. Неизвѣстно, жаловался ли герцогъ императору, но З—въ осенью 1798 г. получилъ Высочайшее повелѣніе возвратиться въ Россію. За границей З—въ успѣлъ сблизиться съ гр. Н. П. Панинымъ, тогда нашимъ дипломатомъ. Позднѣ царская опала на Панина еще болѣе способствовала сближенію съ нимъ Зубовыхъ. Пріѣхавъ въ Вильну, онъ испросилъ дальнѣйшихъ приказаній. Въ отвѣтъ было получено письмо отъ кн. Ло-

пухина съ совѣтомъ поселиться въ своемъ имѣніи въ Владимірской губ. Тамъ вмѣстѣ съ братомъ Валеріаномъ онъ оказался подъ надзоромъ владимірскаго губернатора Рунича, который 7 іюня 1799 г. получилъ приказаніе поступать съ Зубовыми «по законамъ, объ иностранцахъ изданнымъ, только съ тѣмъ, чтобы они безъ воли вашей никуда не отлучались, а буде захотятъ отойти вовсе, то предупредить».

Когда до Павла дошли слухи о томъ, что З—въ переводитъ деньги за границу, императоръ (14 октября 1799 г.) повелѣлъ Руничу доносить всякій разъ, когда до свѣдѣнія его «касательно сихъ переводовъ что-нибудь дойдетъ; равномерно и о полученіи денегъ изъ-за границы». Когда Руничъ по дѣламъ долженъ былъ отлучиться изъ Владиміра, надзоръ за Зубовыми по Высочайшему повелѣнію былъ порученъ владимірскому губернскому предводителю Кузьмину-Караваеву (11 мая 1800 г.). Императоръ припомнилъ теперь прежнія вины Зубовыхъ. Въ маѣ 1800 г. имѣніе Платона Зубова было секвестровано «въ число всѣхъ суммъ, даже и тѣхъ, которыя сперва сложены были» (указъ Сенату отъ 25 мая). Секвестръ на имѣніе Валеріана Зубова былъ наложенъ еще ранѣе. По указу Сената отъ 2 ноября 1800 г. объ общей амнистіи всѣмъ исключеннымъ изъ службы дозволялось вновь «вступитъ въ оную съ тѣмъ, чтобы таковыя являлись въ Санктпетербургъ для личнаго представленія императору. Зубовы по указу получили амнистію. Но въ это время зарождался уже заговоръ противъ Павла. Инициаторы его, желавшіе привлечь на свою сторону Зубовыхъ, позаботились доставить имъ возможность не только воспользоваться указомъ, но и получить видные посты въ Петербургѣ. Для этой цѣли склонили на свою сторону Кутайсова обѣщаніемъ, что З—въ женится на его дочери. З—въ и въ самомъ дѣлѣ написалъ къ нему письмо съ подобной просьбой. Польщенный Кутайсовъ оказалъ необходимое содѣйствіе, хотя и не легко было сломить предубѣжденіе Павла противъ Зубовыхъ. Павелъ ласково и съ открытой душой встрѣтилъ Зубовыхъ въ своемъ дворцѣ и сказалъ: «Платонъ Александровичъ, забудемъ все прошедшее!» 23 ноября 1800 г. З—въ былъ назначенъ директоромъ порвала кадетскаго корпуса, съ переимено-

ваніемъ въ генераль-отъ-инфантеріи, а 25 февраля 1801 г.—шефомъ того же корпуса. Имѣнія же возвращены ему были указомъ отъ 4 декабря 1800 г. Павелъ дѣйствительно хотѣлъ «забыть прошлое», хотя вполне отрѣшиться отъ своей подзрительности къ Зубовымъ не могъ. Въ 1801 г., наканунѣ Крещенія, Державинъ обѣдалъ у кн. З—ва въ корпусѣ и просидѣлъ у него до вечера. Затѣмъ оба поѣхали вмѣстѣ во дворецъ, по обыкновенію, для поздравленія императора съ наступающимъ праздникомъ. Пребываніе Державина у З—ва показалось Павлу очень подозрительнымъ, онъ призвалъ поэта и обошелся съ нимъ очень сурово, хотя прямо и не высказалъ причины такого обращенія. Любопытно также то обстоятельство, что въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ за 1801 г. ни разу не встрѣчается имя кн. З—ва, въ то время, какъ его братъ, гр. Николай Александровичъ, неоднократно приглашался. Есть много свидѣтельствъ, что хотя Павелъ и не довѣрялъ Зубовымъ, но хотѣлъ привязать ихъ къ себѣ милостями. Несмотря на это, З—въ не колеблясь применилъ къ заговору, въ которомъ ему суждено было сыграть далеко не послѣднюю роль. Предположеніе, что Павелъ вновь намѣревался выслать Зубовыхъ, не находитъ подтвержденій и вѣроятно было выдуманно съ цѣлю оправдать ихъ неблагодарность. У Зубовыхъ стали устраиваться вечеринки, на которыхъ постепенно и опредѣлялся составъ будущихъ заговорщиковъ. На этихъ вечерахъ собирались всѣ недовольные тогдашнимъ порядкомъ вещей—гвардейскіе офицеры, видные представители высшаго общества. Эти собранія напоминали собой настоящіе политическіе клубы, гдѣ постояннымъ предметомъ бесѣды было обсужденіе тогдашняго положенія Россіи. Всѣ желали положить конецъ «безумному самовластію» Павла, заставивъ его отказаться отъ престола въ пользу старшаго сына Александра. Всѣ эти совѣщанія происходили явно «подъ эгидой» петербургскаго военнаго губернатора Палена. «Мало-помалу Платонъ Зубовъ и братья его вызвали въ Петербургъ всѣхъ своихъ приверженцевъ; ихъ могло быть числомъ болѣе тысячи. Втайнѣ набраны были заговорщики, изъ коихъ нѣкоторые были даже въ Москвѣ между знатѣйшими лицами». Всѣ три брата Зубовы получали

въ это время субсидіи, которыя при посредствѣ ихъ сестры О. А. Жеребцовой, близко стоявшей къ заговору, выдавалъ имъ французскій банкиръ въ Берлинѣ Левъ. Наконецъ заговоръ созрѣлъ. 11 марта вечеромъ З—въ получилъ отъ Павла двѣ записки, въ первой императоръ требовалъ нѣсколькихъ воспитанниковъ кадетскаго корпуса къ себѣ въ пажы, во второй спрашивался, что дѣлаетъ Дибичъ. З—въ въ это время проводилъ вечеръ у директора корпуса генерала Клингера. Онъ исполнилъ требованіе Павла относительно пажей, а о Дибичѣ написалъ: «Ничего хорошаго, и ничего дурного; для хорошаго ему недостаетъ знанія русскаго языка, а для дурного—власти». У Клингера З—въ держался спокойно и непринужденно, болтая о всякихъ пустякахъ и ничѣмъ не обнаруживая своей тревоги по поводу участія въ надвигавшейся драмѣ. Въ 12 часовъ онъ ушелъ. Адамъ Чарторыйскій рассказываетъ, будто бы З—въ за ужиномъ среди заговорщиковъ сказалъ длинную рѣчь, въ которой, описавъ плачевное положеніе Россіи, влѣдствие сумасшествія царствующаго государя, указалъ на безразсудность разрыва съ Англійей, нарушающаго жизненные интересы страны и ея экономическое благосостояніе; затѣмъ сталъ говорить о прекрасныхъ душевныхъ качествахъ вел. кн. Александра, о блестящей будущности Россіи подъ скипетромъ юнаго государя и закончилъ категорическимъ заявленіемъ, что заговоръ одобренъ Александромъ. Но Чарторыйскій пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ 11 марта и передаетъ дѣло со словъ другихъ. Свѣдѣнія объ этой рѣчи не подтверждаются другими источниками. Гораздо вѣроятнѣе иная версія, что на собраніи заговорщиковъ у генерала Талызина, во время обсужденія вопроса объ отреченіи Павла, З—въ началъ сильно колебаться. Явившійся Паленъ прервалъ споры и раздѣлилъ заговорщиковъ на двѣ группы, одну изъ нихъ долженъ былъ вести во дворецъ З—въ съ братомъ Николаемъ (и Бенингсень). У воротъ Михайловскаго замка Зубовы не встрѣтили Палена, который, согласно условію, долженъ былъ ждать ихъ въ этомъ мѣстѣ. Это обстоятельство породило недовѣріе къ Палену, но отступить было уже поздно. Заговорщики взошли по маленькой лѣстницѣ у Рождественскихъ воротъ, сохранившейся донынѣ. Кн. Зубовъ

вдруг палъ духомъ и предложилъ возвратиться назадъ, но Беннгсенъ остановилъ его, схвативъ за руку: «Какъ! вы завели насъ сюда, а теперь хотите уйти? Мы слишкомъ далеко зашли, чтобы послѣдовать вашему совѣту, который погубилъ бы насъ всѣхъ. Le vin est tiré, il faut le boire». Платонъ З—въ однимъ изъ первыхъ ворвался въ спальню. Павелъ, разбуженный шумомъ, успѣлъ спрятаться за экраномъ, стоявшимъ у кровати. «Мы погибли», вскричалъ Зубовъ, увидя пустую кровать. Но Беннгсенъ нашелъ Павла и заявилъ ему: «Государь, вы арестованы». Павелъ не отвѣтилъ ему, но, обратившись къ З—ву, сказалъ: «Что вы дѣлаете, Платонъ Александровичъ?» Тогда, рассказываетъ Коцебу, кн. З—въ выступилъ впередъ и, сохраняя почтительный видъ, сказалъ: «Мы пришли отъ имени родины просить Ваше Величество отказаться отъ престола, потому что на Васъ находятъ иногда моменты умопомраченія. Неприкосновенность Вашей личности и приличное содержаніе гарантируются Вашимъ сыномъ и государствомъ». Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана актъ отреченія, предлагая его подписать, но Павелъ сталъ сопротивляться. Въ происшедшей затѣмъ жестокой борьбѣ З—въ не принималъ участія. Говорятъ, будто-бы Платонъ З—въ, повернувшись спиной и барабана по оконному стеклу, замѣтилъ только нетерпѣливо: «Воже мой, какъ этотъ человекъ кричитъ! Это невыносимо!» Когда все кончилось, а многіе продолжали еще наносить оскорбленія трупъ, З—въ съ негодованіемъ остановилъ ихъ: «Господа, мы пришли сюда, чтобы избавить отечество, а не для того, чтобы дать волю столь низкой мести». По другимъ показаніямъ, а именно Беннгсена, участника заговора, кн. З—въ никакого объясненія съ Павломъ не велъ и не былъ свидѣтелемъ насилій, очень скоро вызванный изъ комнаты офицеромъ въ нижнія помѣщенія, гдѣ разговорчики опасались гвардіи. Но свидѣтельства Беннгсена ненадежны: онъ неоднократно мѣнялъ свои показанія. Никакого вѣроятія не заслуживаетъ рассказъ о томъ, будто Павелъ на колѣняхъ умолялъ сохранить ему жизнь, но получилъ отъ кн. З—ва грубый отвѣтъ: «Въ продолженіе четырехъ лѣтъ ты никому не оказывалъ милосердія, теперь и ты не ожидай себѣ пощады». О случившемся

Платонъ З—въ отправился извѣстить вел. кн. Константина Павловича. Въ часъ ночи З—въ пьяный вошелъ къ нему въ комнату и, грубо сдернувъ одѣяло, сказалъ: «Ну, вставайте, идите къ императору Александру; онъ васъ ждетъ». Такъ какъ великій князь не сразу понялъ, въ чемъ дѣло, то З—въ потащилъ его за руку и поднималъ съ постели, заставивъ одѣться и слѣдовать за собой. З—въ въ числѣ другихъ сопровождалъ императора Александра I, когда онъ вышелъ изъ дворца показаться войскамъ. Когда разсвѣло, кн. З—въ обратился къ императрицѣ съ предложеніемъ, чтобы она тоже перѣехала въ Зимній дворецъ. Императрица въ горести накинулась на него: «Чудовище! Варваръ! Тигръ! Это жажда власти довела васъ до убійства вашего законнаго государя. Вы управляли при Екатеринѣ II; вы хотите править при моемъ сынѣ». Новое царствованіе было встрѣчено ликованіемъ населенія. Многіе дома были иллюминированы, въ томъ числѣ, конечно, и дома Зубовыхъ. Державинъ привѣтствовалъ воцареніе Александра двустипшемъ, обращеннымъ къ портрету молодого императора:

Се видъ величія и ангельской души:
О, еслибъ вокругъ Него всѣ были хороши!

Платонъ Зубовъ отозвался на это экспромптомъ:

Конечно, намъ Державина не надо:
Паршивая овца все перепортитъ стадо.

Въ первый моментъ новаго царствованія многимъ казалось, что Зубовы, особенно Платонъ, сохранять при дворѣ извѣстное вліяніе. 13-го марта императоръ на парадѣ взялъ кн. З—ва подъ руку и дружески прохаживался съ нимъ взадъ и впередъ. Можетъ быть, это обстоятельство въ связи съ назначеніями, полученными скоро З—вымъ, дали поводъ къ такому мнѣнію. Но мнѣніе это, раздѣлявшееся многими, было ошибочно. Коцебу передаетъ, что когда кто-то поздравилъ З—ва съ тѣмъ, что переворотъ ограничился одною только жертвою, онъ отвѣтилъ: «Этого недостаточно; нужно еще, чтобы никто изъ участниковъ не былъ наказанъ». Когда же ему выразили опасенія на счетъ Оболяяинова и Аракчеева (второй въ послѣдствіи дѣйствительно пріѣхалъ), онъ только сказалъ: «C'est de la canaille». А самому Коцебу кн. З—въ замѣтилъ: «Цицеронъ правъ,

говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ: если бы у него было однимъ порокомъ больше, онъ былъ бы лучше. Отецъ Павла былъ пьяница; если бы Павелъ имѣлъ тотъ же порокъ, намъ пришлось бы менѣе страдать отъ него».

Зубовы, повидимому, надѣялись не только на безнаказанность, но даже на награды. Въ дѣйствительности положеніе ихъ было шатко, хотя это обнаружилось и не сразу. Причастность къ событію 11 марта вооружила противъ З—ва не замѣшанныхъ въ этомъ заговорѣ видныхъ дѣятелей. На этой почвѣ у Платона З—ва произошло даже небольшое столкновение съ митрополитомъ Платономъ, который съ намѣреніемъ уколоть князя сказалъ: «Дай Богъ, чтобъ Александръ долго царствовалъ, дабы не утруждать такъ часто нашу старость такимъ образомъ». З—въ на это ядовито отвѣтилъ: «Будьте спокойны, владыко, вы ужъ не будете имѣть нужды подыять такой трудъ: Александръ—не вашъ ученикъ».

30 марта 1801 г. З—въ назначенъ былъ членомъ вновь учрежденнаго Непремѣннаго (Государственнаго) Совѣта, а 27 ноября членомъ комиссіи для устройства Новороссійскаго края.

При Екатеринѣ З—въ былъ сторонникомъ, отчасти даже вдохновителемъ реакціонныхъ мѣръ. Новыя вліянія Александровскаго царствованія превратили его въ ревностнаго либерала. Не безъ заветности одинъ современникъ писалъ: «Трое ходили тогда съ конституціями въ карманъ: реченный Державинъ, князь Платонъ Зубовъ со своимъ изобрѣтеніемъ и графъ Никита Петровичъ Панинъ съ конституціей Англійской, передѣланной на русскіе нравы и обычаи. Новосильцеву стоило тогда большого труда наблюдать за царемъ, чтобы не подписалъ котораго-либо изъ проектовъ; который же изъ проектовъ былъ глупѣе, трудно было описать: всѣ три были равно безтолковы». Дѣйствительно З—въ представилъ проектъ преобразованія Сената въ законодательное собраніе. Александръ I отнесся къ проекту сочувственно, члены Интимнаго комитета—неодобрительно. Въ угоду государю рѣшился хвалить этотъ проектъ и даже «взять что-нибудь изъ него, чтобы удовлетворить государя», но въ то же самое время, выказывая готовность принять проектъ З—ва, «оставить изъ него только то, что могло быть не вреднымъ». Въ

проектѣ З—ва Александру особенно нравилось предложеніе учредить корпусъ присяжныхъ адвокатовъ, которые бы дѣлали «экстрактъ» изъ дѣлъ, по которому бы сенаторы судили. Эту часть проекта императоръ находилъ вполне осуществимой. З—въ выступилъ также съ проектомъ по крестьянскому вопросу. Въ немъ онъ предлагаетъ запретить продажу крестьянъ безъ земли. Дворовыхъ же выкупаетъ казна, при чемъ ихъ записываютъ въ цехи и гильдіи. З—въ назначалъ и цѣну, по которой должны произвести выкупъ. Однако онъ не указывалъ удовлетворительныхъ способовъ для этой операціи: всѣ они требовали слишкомъ большихъ затратъ, на которыя казна не могла рѣшиться безъ крайняго для себя стѣсненія. По отзыву Интимнаго комитета, не былъ удаченъ и самый способъ записи въ ремесленные цехи: «онъ не соответствовалъ духу народа», крѣпостные сдѣлали бы изъ него выводъ, что они ничѣмъ не обязаны своимъ господамъ, что могло бы повлечь за собой волненія съ ихъ стороны—и недовольство со стороны владѣльцевъ, «чего въ особенности необходимо было избѣгать въ самомъ началѣ реформы». Проектъ З—ва не былъ принятъ, зато предложеніе его запретить продажу крестьянскихъ семей въ розницу было утверждено. Несмотря на дѣятельное участіе З—ва въ разработкѣ правительственныхъ мѣропріятій, положеніе его при дворѣ, какъ и другихъ заговорщиковъ, было непрочное: Александръ не могъ окружать себя дѣятелями, причастными къ смерти его отца, не компрометируя своей особы, да и полагаться на нихъ вполне онъ не могъ. Рассказываютъ, когда Платонъ З—въ сталъ замѣчать, что его положеніе пошатнулось, ему пришла мысль пойти къ великому князю Константину Павловичу оправдаться въ томъ, что онъ дерзнулъ поднять руку на императора. Великій князь отвѣчалъ ему: «Ну, князь, qui s'excuse—s'accuse» и повернулся къ нему спиной. З—въ вмѣстѣ съ братомъ Валеріаномъ былъ подвергнутъ надзору тайной полиціи. Этотъ надзоръ осуществлялся крайне безцеремонно. Люди кн. З—ва, стоявшіе на запяткахъ экипажа своего господина, насмѣхались надъ агентами надзора, открыто слѣдовавшими за ними въ савяхъ. Эта безтактность полиціи заставила Валеріана Зубова въ личной

аудиенці пожаловаться Александру I на проявленное къ нимъ недовѣріе. Поведеніе полиціи обсуждалось даже въ Интимномъ комитетѣ, вызвавъ негодованіе его членовъ.

Неустойчивость положенія З—ва, подзрительное къ нему отношеніе въ связи съ установленіемъ тайнаго надзора побудили его просить о заграничномъ отпускѣ, который онъ и получилъ 24 декабря 1801 г. 26 декабря онъ въ послѣдній разъ участвовалъ въ засѣданіи Непремѣннаго Совѣта. Мѣстомъ своего заграничнаго пребыванія З—въ выбралъ Вѣну, куда и прибылъ лѣтомъ 1802 г. Здѣсь онъ нашелъ теплый приемъ въ домѣ гр. А. К. Разумовскаго, съ которымъ въ пору своего вліянія былъ тѣсно связанъ рядомъ взаимныхъ услугъ. Когда въ связи съ польскими дѣлами въ 1793 г. императрица была «въ страшномъ гнѣвѣ» на гр. А. К. Разумовскаго и рѣчь уже шла объ его отозваніи, З—въ (вмѣстѣ съ Морковымъ) сумѣлъ смягчить гнѣвъ Екатерины, благодаря чему позднѣе удачный исходъ польскихъ дѣлъ окончательно загладили промахъ посла. Другой разъ Разумовскій навлекъ на себя неблаговоленіе императрицы и даже получилъ выговоръ по поводу продолжительнаго занятія Волини австрійскими войсками. Разумовскій обратился за поддержкой къ З—ву, и тотъ собственноручнымъ письмомъ успокоилъ встревоженнаго посла. Съ своей стороны, Разумовскій энергично хлопоталъ въ Вѣнѣ о возведеніи З—ва сначала въ графское, а позднѣе въ княжеское достоинство Римской имперіи. Въ письмахъ къ З—ву Разумовскій неоднократно изъявлялъ чувство своей глубокой привязанности. Пріѣздъ его въ Вѣну возбудилъ всеобщее вниманіе: недавнее величіе фаворита еще не было забыто. Онъ постоянно появлялся на приемахъ у Разумовскаго, бывалъ у секретарей посольства.

Въ Вѣнѣ З—въ имѣлъ двѣ непріятыя встрѣчи, одна изъ которыхъ закончилась дуэлью. Поводомъ были слѣдующія обстоятельства. Въ пору вліянія З—ва, въ качествѣ фаворита, при русскомъ дворѣ особенно милостиво былъ принятъ Шевалье де-Саксъ, побочный сынъ герцога Максимилиана Саксонскаго, пріѣхавшій изъ-за границы. Ему была назначена даже императрицей ежегодная пенсія въ 2000 рублей, и онъ былъ допущенъ въ

число приближенныхъ. З—въ также, по видимому, относился къ нему сочувственно, хотя и говорили, что фаворитъ ревнуетъ, отличаемаго Екатериною иностранца. Однажды на Екатерингофскомъ гуляньѣ молодой кн. Н. Г. Щербатовъ, бывшій въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ и едва знакомый съ де-Саксомъ, довольно фамильярно обратился къ нему съ привѣтствіемъ: «Comment vous portez vous»? Шевалье, ѣхавшій верхомъ и раздраженный развязнымъ тономъ кн. Щербатова, игнорировавшаго разницу въ чинѣ (де-Саксъ былъ полковникъ), отвѣчалъ: «Sur mon cheval». Щербатовъ, по совѣту товарищей, вызвалъ де-Сакса на дуэль, но получилъ дерзкій отказъ. Такъ какъ у де-Сакса было немало недоброжелателей, въ числѣ которыхъ стали называть и З—ва, то его поступокъ осудили. Щербатовъ же по выходѣ изъ французскаго театра остановилъ Шевалье съ требованіемъ удовлетворенія. Настойчивость юноши разсердила вспыльчиваго де-Сакса, и онъ «взрослый верзила» позволилъ себѣ дать пощечину Щербатову, за что тотъ въ свою очередь изъ всѣхъ силъ ударилъ противника тростью по головѣ. Ссора въ публичномъ мѣстѣ вызвала вмѣшательство полиціи, и Шевалье былъ арестованъ. Едва лишь его выпустили, какъ взбѣшенный всей этой исторіей, онъ въ дерзкомъ письмѣ къ З—ву потребовалъ разслѣдованія. Въѣсто отвѣта онъ былъ высланъ изъ Россіи. Считая З—ва виновникомъ своей высылки и вдохновителемъ Щербатова, де-Саксъ изъ-за границы послалъ З—ву (и Щербатову) вызовъ. Всемогущій фаворитъ не удостоилъ отвѣтить. Это дало поводъ де-Саксу опубликовать въ газетахъ оскорбительный для З—ва вызовъ. Но и на это З—въ не обратилъ вниманія, можетъ быть, потому, что Екатерина строго запрещала поединки и не любила ихъ. При вступленіи на престолъ Александра I, З—въ вспомнилъ объ этомъ вызовѣ и рѣшилъ его принять. Лѣтомъ 1802 г. онъ отправился въ Вѣну. По пути въ Варшавѣ онъ подвергся оскорбленіямъ со стороны поляковъ, видѣвшихъ въ немъ одного изъ главныхъ виновниковъ раздѣла Польши. Несмотря на охрану отряда солдатъ, его коляска была закидана камнями. Полякъ Гельгудъ, выражая З—ву враждебное чувство всѣхъ поляковъ, послалъ ему

письменный вызовъ на дуэль. З—въ оправдывался отъ обвиненій въ причастности къ паденію Польши, отъ вызова же пока отказывался, ссылаясь на болѣзнь и на необходимость предварительно окончить другое дѣло чести въ Вѣнѣ, послѣ чего онъ выражалъ готовность удовлетворить и требованіе Гельгуда. Между тѣмъ кн. Щербатовъ спѣшилъ также въ Вѣну, чтобы помѣшатель поединку З—ва, но опоздалъ: З—въ пріѣхалъ раяѣ.

На второй же день его пріѣзда де-Саксъ потребовалъ у него свиданія. Оно произошло въ домѣ кн. де-Линя, который въ благодарность за прежнее благоволеніе Екатерины и самого З—ва оказалъ послѣднему нѣсколько дружескихъ услугъ и вызвался быть его секундантомъ. Между противниками произошли объясненія. Де-Саксъ приписывалъ З—ву причину вызывающаго поведенія Щербатова и своей высылки изъ Россіи. З—въ объяснял, что къ дѣлу Щербатова онъ непричастенъ, а о высылкѣ де-Сакса императрица распорядилась безъ его вѣдома. Однако, несмотря на эти объясненія, де-Саксъ настаивалъ на поединкѣ. Во время этихъ переговоровъ З—въ «тихо и смиренно» навѣщалъ Рибопьера, который рассказываетъ, «какъ мало было твердости въ этомъ любимцѣ счастья». Правда, онъ шелъ на поединокъ, но онъ не могъ иначе поступить послѣ полученныхъ имъ отъ Шевалье публичныхъ оскорбленій, и на поединокъ этотъ онъ шелъ, «какъ слабая женщина, приговоренная къ мучительной операциі...» Мѣсто встрѣчи дуэлянтовъ назначено было вблизи Теплица, на границѣ Саксоніи.

Стараніями кн. де-Линя обостренность отношеній между противниками была нѣсколько смягчена. Между тѣмъ въ Вѣну успѣлъ пробраться безъ паспорта изъ Варшавы и Гельгудъ. Онъ въ свою очередь сталъ осаждать З—ва, такъ что Разумовскій счелъ необходимымъ обратиться за содѣйствіемъ къ полиціи, которая принятыми мѣрами предупредила возможность публичной сцены, но не могла помѣшатель широкой огласкѣ этого факта.

Съ своей стороны Щербатовъ, провѣдавъ, что З—въ уѣхалъ въ Вѣну для объясненій съ де-Саксомъ, предпринялъ длительное путешествіе изъ отцовскаго имѣнія, чтобы самому вызвать Шевалье.

Разумовскій сталъ убѣждать де-Сакса отказаться отъ поединка съ З—вымъ, въ виду неизбежной дуэли съ Щербатовымъ, но не добился успѣха. Дуэль между З—вымъ и де-Саксомъ состоялась въ окрестностяхъ Теплица. Дрался З—въ смѣшно, прежде чѣмъ взяться за шпагу, упалъ на колѣни и долго молился. Наступая на противника, онъ послѣ первой же царапины въ руку отказался продолжать поединокъ. Шевалье, нанеся ударъ З—ву, воскликнулъ. «Вы мнѣ надобли!» Князь де-Линя наоборотъ свидѣтельствуетъ, что З—въ шелъ на дуэль весело и сохранилъ свою бодрость и веселость, несмотря на сильную боль отъ глубокой, хотя и неопасной раны. Вскорѣ затѣмъ Щербатовъ на дуэли съ одного выстрѣла наповалъ убилъ де-Сакса. Рѣшительно желая избѣгнуть дуэли съ Гельгудомъ, З—въ просилъ у императора разрѣшенія возвратиться въ Россію, но получилъ отказъ (1 іюля 1802 г.). Александръ I писалъ: «Ваше возвращеніе въ Россію подастъ неминуемо поводъ думать, что вы уклоняетесь отъ окончательнаго рѣшенія дѣла съ Гельгудомъ, тѣмъ болѣе, что слово ваше дано явнымъ образомъ въ письмѣ вашемъ къ нему, и которое всѣмъ сдѣлалось извѣстно. Я увѣренъ, что вы сами почувствуете оное въ полной мѣрѣ». Тогда З—въ бѣжалъ изъ Богеміи подъ охраной австрійскаго полицейскаго чиновника, нѣсколько разъ измѣняя направленіе своего пути и перемѣняя экипажи, чтобы лучше скрыть свои слѣды. Въ октябрѣ 1802 г. З—въ возвратился въ Россію. Съ января 1803 года онъ поселился въ Москвѣ, при чемъ въ началѣ этого же года пишетъ государю письмо, гдѣ высказываетъ желаніе освободить своихъ крестьянъ, около 30.000 душъ. Однако въ концѣ концовъ своего общанія онъ не исполнилъ. Въ февралѣ 1804 г. З—въ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ подалъ новый проектъ объ устройствѣ въ губерніяхъ военныхъ корпусовъ для воспитанія въ нихъ дѣтей дворянъ. Проектъ былъ утвержденъ, и учреждена комиссія для составленія положенія «о вышнихъ и губернскихъ корпусахъ».

11 сентября 1805 г. З—въ принималъ императора Александра въ своемъ витебскомъ имѣніи Усвятѣ въ домѣ, гдѣ въ 1780 и 1787 г.г. останавливалась и

Екатерина. Въ память этого событія онъ воздвигъobeliskъ. Въ 1809 г. З—въ жилъ нѣкоторое время въ Москвѣ. Въ 1812 г. онъ былъ призванъ къ дѣламъ, хотя официально числился въ отпуску. Въ тайномъ военномъ совѣтѣ, рѣшавшемъ вопросъ о сдачѣ Москвы, онъ примкнулъ къ членамъ, принявшимъ сторону Кутузова противъ Беннигсена.

Вмѣстѣ съ Аракчеевымъ, Балашовымъ и Шишковымъ онъ высказался за то, чтобы убѣдить Александра I отказаться отъ личнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года. 1813 годъ З—въ провѣлъ за границей. Въ слѣдующемъ 1814 г. онъ окончательно поселился въ м. Янишкахъ, Виленской губ., Шавельскаго у.,—центръ многихъ принадлежавшихъ ему деревень, — и всецѣло посвятилъ себя хозяйственнымъ заботамъ. Своимъ безчеловѣчнымъ отношеніемъ къ крѣпостнымъ пожалованнымъ (1795 г.) ему польскихъ деревень и жадностью онъ оставилъ по себѣ ненавистную память. Мелкопомѣстную и безземельную шляхту онъ обращалъ въ крѣпостныхъ. Благодаря скарденности З—ва, крестьяне никогда не видѣли отъ него помощи и обнищали. Вѣдственность ихъ положенія была столь очевидна, что обратила на себя вниманіе императора Александра I. Въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 2 іюля 1807 г. на имя виленскаго губернатора говорилось, что императоръ, проѣзжая черезъ Шавельскій повѣтъ, былъ «очевиднымъ свидѣтелемъ бѣдственнаго положенія принадлежащихъ генералу отъ-инфантеріи кн. Зубову крестьянъ, изъ которыхъ большая часть, оставивъ поля свои необработанными, свискиваетъ себѣ пропитаніе мѣрскимъ подаваніемъ, нѣкоторые же, по свидѣтельству жителей, умираютъ отъ болѣзней, происходящихъ единственно отъ дурной и недостаточной пищи». «Ежели честь и самыя долги, законами налагаемыя, требуютъ, дабы и бѣднѣшіе изъ помѣщиковъ кормили и призирали крестьянъ своихъ въ трудные и безплодные годы,—то тѣмъ болѣе предосудительно одному изъ богатѣйшихъ доводить ихъ до такой крайности». Императоръ повелѣлъ внушить З—ву, чтобы онъ обезпечилъ крестьянъ хлѣбомъ какъ для прокормленія ихъ, такъ и для посѣва полей. Въ противномъ случаѣ государь «въ защиту страдающаго челоуѣчества не преми-

нетъ обратить на князя Зубова всю строгость закона».

Въ 1810 г. З—въ приобрѣлъ историческій замокъ Рауданъ или Красный, въ 60 верстахъ отъ Тильзита. У него было до 30.000 душъ крестьянъ, заселявшихъ его многочисленныя деревни съ пахотной землей, лѣсами и другими угодьями. Полевое хозяйство было правильно организовано, оборудованы конскіе заводы, выведенныя прусскую породу лошадей. Не довѣрявшій никому, З—въ входилъ въ каждую хозяйственную мелочь. Онъ почти безвыѣздно жилъ въ имѣніи, нрѣдка наѣзжая въ Москву, Митаву, Ригу и другіе торговые центры. Когда осенью съѣзжались къ нему покушники и барышники, онъ поручалъ угощать ихъ всеѣхъ своему главноуправляющему М. Братковскому, а самъ ловко «обрабатывалъ» угощаемыхъ, сбывая съ рукъ товары по наивыгоднѣйшимъ цѣнамъ. З—въ сталъ заниматься подрядами, въ интересахъ наибольшей наживы «вступилъ въ сотоварищество съ жидами», съ которыми не отказывался промышлять и контрабандою на границѣ, «бездѣльничалъ» съ провіантскими комиссіонерами. Богатства З—ва были колоссальны, особенно по тому времени. Одной серебряной монеты послѣ его смерти осталось на 20 милліоновъ руб., хотя онъ сознавался, что «и самъ не знаетъ, для чего копить и бережетъ деньги». Накопленныя сокровища въ грудахъ золота и серебра З—въ хранилъ въ подвалахъ своего замка близъ Янишекъ. Иногда онъ, какъ «скупой рыцарь» у Пушкина, спускался въ свои подвалы съ Братковскимъ и любовался сокровищами, приводя въ порядокъ случайно осипавшіяся горы звонкой монеты. Здѣсь З—въ преобразился, сталъ оживленнымъ, общительнымъ, охотно о себѣ рассказывалъ, вспоминая придворную жизнь при Екатеринѣ. Обычно же подъ старость у него настроеніе было мрачнымъ и задумчивымъ. Скарденность его дошла до крайнихъ предѣловъ. Жилъ онъ экономно, одѣвался плохо. Въ разговорѣ часто употреблялъ безъ толку поговорку: «такъ ему и надо!» Въ послѣдніе годы его преслѣдовала болѣзнь смерти. При словѣ «смерть» онъ мѣнялся въ лицѣ, уходилъ въ комнаты и запирался въ своей спальнѣ, не показываясь по два и по три дня; звонъ погребальнаго коло-

кола былъ для него невыносимъ. Посѣтителѣ З—ва въ разговорѣ избѣгали касаться мучительныхъ для него темъ—о смерти и покойникахъ. Сѣдой, сгорбленный, въ 50 лѣтъ З—въ казался дряхлымъ старикомъ. Несмотря на это, онъ женился на молодой красавицѣ—полькѣ. Онъ встрѣтилъ ее вмѣстѣ съ матерью въ Вильнѣ на конской ярмаркѣ осенью 1821 года. Это была Оекла Игнатьевна Валентиновичъ, 19-лѣтняя дочь небогатаго литовской помѣщицы, владѣвшей усадьбой въ 30 душъ крестьянъ. Черезъ управляющаго З—въ предложилъ за любовь дочери «знатную денежную сумму», но предложеніе было съ негодованіемъ отвергнуто. Разсерженный З—въ ухалъ въ свое имѣніе. Черезъ нѣкоторое время пани Валентиновичъ вмѣстѣ съ дочерью сама прѣѣхала въ Янишки, якобы въ костелъ на богомолье. З—въ встрѣтилъ красавицу вновь и на этотъ разъ сдѣлалъ формальное предложеніе. По желанію тещи, онъ отписалъ невѣстѣ по брачной записи миллионъ рублей. З—въ съ женой жилъ плохо. Супружество продолжалось недолго. 7 апрѣля 1822 г. З—въ скончался въ своемъ замкѣ Руситаль въ Курляндіи. Тѣло его погребено въ Сергіевой пустынѣ, близъ Петербурга, въ склепѣ подъ церковью инвалиднаго дома, воздвигнутаго въ память его брата Валеріана. Черезъ три недѣли послѣ его смерти княгиня Зубова родила дочь, свѣтлѣйшую княжну Александру Платоновну († 24 февраля 1824 г.). Вдова Зубова 12 ноября 1824 г. вышла замужъ за гр. Андрея Петровича Шувалова. Она скончалась 25 октября 1875 г. Обширныя литовскія имѣнія достались въ наслѣдство потомству гр. Д. А. Зубова, кромѣ замка Руенталь, отданнаго З—вымъ въ приданое за побочной дочерью Софьей Платоновной, бывшей въ первомъ бракѣ за барономъ Ширхомъ, а во второмъ за сенаторомъ П. З. Кайсаровымъ. Женолобивый З—въ имѣлъ отъ другихъ связей еще нѣсколько побочныхъ дѣтей. Какъ отецъ, онъ позаботился о всѣхъ и на каждомъ положилъ въ банкъ по миллиону руб. асс. Побочный сынъ его Александръ Платоновичъ Платоновъ былъ принятъ на службу въ гвардію и началъ службу въ Кавалергардскомъ полку.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», Москва, 1817 г., ч. II.—*Рельбигъ*, «Русскіе набранники

и случайные люди въ XVIII в.», оч. CVI («Рус. Ст.», 1837 г., кн. XI-я.—*Его же*, «Кн. П. А. Зубовъ» («Рус. Ст.», 1876 г., т. XVI и XVII).—*Чулковъ*, «П. А. Зубовъ» («Сборникъ біографій кавалергардовъ за 1762-1801 г. Спб. 1904).—«Истор. кавалергардовъ».—П. С. З., № 17706, 17724, 17832, 17854, 17967, 17972, 18309, 18595, 18877, 19682.—Архивъ Госуд. Сов., I, ч. 2-я, 154, 211, III.—«Письма и бумаги Екаторины» («Сб. Ист. Общ.», т. т. XVI, XIX, XXIII, XXVI, XXVIII, XXXIII, XLII, LIV, LX, LXII, LXX.—«Указы Павла I» («Ист. Вѣст.», 1861 VI, 203).—«Осмадцатый вѣкъ», III, IV, изд. Вартечева, Москва, 1869—1888.—«Письма Павла I» («Рус. Ст.», 1832, XXXIII).—*Бычковъ*, «Письма и бумаги Екаторины II», Спб. 1873, а также въ «Рус. Арх.» 1864 г., 563 и 1865 г., 767 и «Рус. Ст.» 1876 г., XVII.—«Письма Зубова и свидѣнія о его дѣятельности» («Архивъ князя Воронцова», Москва 1870 и сл. годы, т. V, VIII—X, XII—XIV, XVIII, XX, XXI, XXIV).—*Гурновскій*, Записки («Рус. Ст.», т. XVI).—*Castera*, П.—*Энгельгардтъ*, Д. Н., Записки, Москва, 1868.—*Masson*, «Mémoires secrets sur la Russie», Paris, 1804, 2-е édit. avec corrections et additions» (русскій переводъ «Гоюсъ Миуушгаго», 1916 г., 4-я кн. и сл.).—*Державинъ*, Сочиненія, изд. Грота, Спб. 1864—1883, т. I, V, VI, VIII и IX.—*Vigée-Lebrun*, «Souvenirs» Paris, 1835—1837.—*Храновицкій*, Дневникъ, 1874, Спб.—*Гр. Комаровскій*, Записки («Осмадцатый вѣкъ», I, 342).—*Séguir*, «Mémoires», Paris, 1827, II.—«Разказы Лубанскаго» («Рус. Арх.», 1871, 148).—«Разказы Карабанова, V.—«Разказы Львовай» («Русск. Ст.», 1880, XXVII).—*Дмитріевъ*, М. А., «Мелочи изъ запаса моей памяти», Москва 1869 г.—*Sternberg*, «Bemerkungen über Russland auf einer Reise gemacht in 1792». 1794.—Отанъ гр. Завадовскаго («Рус. Арх.», 1883, II).—*Вейдемейеръ*, «Дворъ», II.—*Долгоруковъ*, II, 317 и III, 134.—*Карабановъ*, «Долгоруковъ».—*Касновичъ*, «Богатства частныхъ людей».—Проза Пушкина («Библиогр. Зап.», II).—Ода П. Зубову напечатана въ «Русск. Ст.», 1871, IV.—*Herrman*, «Statistische Schilderung von Russland», Leipzig, 1790.—«Рус. Арх.» 1863, 1871, 1872, 1873, 1876, I; 1877, I, II; 1879, II; 1883; 1887, I, III, VI; 1898, I, II; 1899, I.—«Русск. Ст.» 1870, IX; 1873, VII; VIII; 1874, IV; 1880, 1882, II; 1885, 1889, IV; 1895, II; 1896, XII; 1897, I, II, VIII, XLII, LI, LVI, LXX, LXXI, LXXXII, LXXXIII, LXXXVI, LXXXVIII, XCI.—Лѣф. арх.—Форм. си.—Опш. арх. Морск. мнѣ., IV.—Сен. Арх., I.—*Анненковъ*, «Исторія Кюнаго полка», IV.—*Вигель*, Записки, Москва, 1891—1893.—*Васильчиковъ*, «Семейство Раузовскихъ», франц. изд. Галле, 1893, III, V, и др.—*Мертваго*, Записки.—*Шшиковъ* А. С., Записки, Берлявъ, 1870, I.—*Брикнеръ* А., Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина», Спб. 1890, II, V, VII.—*Жихаревъ*, Записки.—«Отеч. Записки», XIV.—«Ист. Вѣст.» 1899, II.—*Лебедевъ*, П. С., «Графы Н. и П. Панины», Спб. 1863.—*Петрушевскій*, «Генералисимусъ кн. Суворовъ», т. II.—«Нива» 1882, стр. 1143.—Овазысканіяхъ съ З-ва при Павлѣ I и пр. см. Опш. Сен. арх.,

отд. III, т. I, Спб. 1910, и II, Спб. 1911.— Отдѣльныя упоминанія о Зубовѣ также можно найти въ сл. трудахъ: *Вильбасовъ*, «Исторія Екатерины Второй», т. II, на нѣмец. яз. Берлинъ 1893.—*Шильдеръ*, «Императоръ Александръ I», т. I и II.—*Валлишевскій*, «Павелъ I», изд. Суворина.—*Шумигорскій*, «Императоръ Павелъ I, жизнь и царствованіе», Спб. 1907.—*Вел. кн. Николай Михайловичъ*, «Гр. Строгановъ», т. II.—*Его же*, «Императоръ Александръ I» Спб. 1914.— Объ участіи Зубова въ разговорѣ обширный матеріалъ даетъ «Царевійство 11 марта 1801 года». Спб. 1907.— Изъ новѣйшихъ изданій имѣется упоминаніе объ отношеніяхъ Зубова къ Екатеринѣ въ журн. «Стар. годы», 1916 г. (ст. *Вейнера*, «О Гатчинскомъ дворцѣ»).— Лучшій портретъ кн. Зубова писанъ *Лини* въ «Русск. Ст.», 1876 г., т. XVI; тамъ же замѣтка о надписяхъ на оригиналѣ; о перепискѣ по поводу этого портрета, заказаннаго Лифляндскимъ дворянствомъ, см. «Описъ документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенаатскомъ Архивѣ» отд. III, т. II. Спб. 1911 г.— Изображенія Зубова имѣются также въ сл. книгахъ: «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій.» Изданіе велик. кн. Николая Михайловича. Спб. 1909 г.— *Валлишевскій*, «Павелъ I», изд. Суворина, Спб.— «Царевійство 11 марта 1801 г.», Спб. 1907.— «Сборникъ біографій кавалергардовъ 1762—1801 г.», Спб. 1904.— *Шильдеръ*, «Императоръ Александръ I.»

К. Бударинъ.

Зубовъ, графъ *Платонъ Николаевичъ*, полковникъ, род. 26 іюля 1798 г., образованіе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, который окончилъ съ отличіемъ: имя его было записано на мраморную доску. Еще до выпуска его изъ корпуса, въ 1815 г., король Франціи Людовикъ XVIII пожаловалъ ему орденъ Лилли. Въ слѣдующемъ году З—въ былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, а въ 1819 г. былъ произведенъ въ поручики и назначенъ личнымъ адъютантомъ къ командиру полка. Въ 1827 г. онъ по домашнимъ обстоятельствамъ былъ уволенъ отъ службы полковникомъ, но вскорѣ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу по министерству финансовъ и былъ принятъ чиновникомъ особыхъ порученій при такой резолюціи гр. Канкринъ: «Я душевно радъ буду имѣть такого товарища». Но З—въ прослужилъ въ этой должности недолго. Насколько можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ, З—въ былъ любителемъ искусствъ. Извѣстно, что онъ предложилъ К. П. Брюллову написать картину на тему «Невинность, покидающая землю», при чемъ ассигновалъ на нее до

12 тысячъ руб. ассигнаціями и принималъ на себя расходы по отправкѣ ее на выставку въ Парижъ въ томъ случаѣ, если Брюлловъ найдетъ ее хорошей. Неизвѣстно, какъ отнесся Брюлловъ къ этому предложенію. З—въ умеръ холостымъ въ Москвѣ 16 марта 1855 г. и погребенъ въ Сергіевой пустынѣ, близъ Петрограда.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ», т. III, стр. 305.

Зубовъ, *Платонъ II.*, писатель-беллетристъ и историкъ, началъ писать въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія и въ теченіе 20-ти лѣтъ напечаталъ болѣе 20-ти книгъ. Изъ нихъ извѣстны слѣдующія: 1) «Картины Кавказскаго края, принадлежащаго Россіи, и сопредѣльныхъ оному земель» (СПб., 1834 г.); 2) «Прекрасная грузинка, или нашествіе Аги-Магметъ-хана на Тифлисъ въ 1795 г.». Историческій грузинскій романъ (2 ч. М., 1834 г.); 3) «Шесть писемъ о Грузин и Кавказѣ, писанныхъ въ 1833 г.» (М. 1834 г.); 4) «Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ Кавказскихъ съ 1800 по 1834 г., съ присовокупленіемъ біографій главнѣйше замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ первое тридцати-трехлѣтіе русскаго владычества за Кавказомъ. Истор.-статист. описаніе мѣсть, прославленныхъ русскимъ оружіемъ въ Кавказской странѣ». (СПб., 1835 г.). Сочиненіе это, съ приложеніемъ 25 портретовъ, видовъ и плановъ, авторъ предполагалъ выпустить въ 9-ти частяхъ и закончить изданіе къ маю 1836 г., но въ печати появилось всего 4 части. 5) «Живописная панорама всеобщей военной исторіи». Томъ I подъ заглавіемъ: «Взглядъ на военное образованіе древнихъ персовъ во время Кира» (СПб., 1836 г.; больше не вышло); 6) «Подвиги русскихъ на Кавказѣ отъ принятія ген. Ермоловымъ главнаго начальства надъ Кавказскимъ краемъ до начала послѣдней Персидской войны» (2-ое изд. СПб., 1837 г.); 7) «Персидская война въ царствованіе имп. Николая I» (2-ое изд. СПб., 1837 г.); 8) «Историческіе анекдоты персидскихъ государей отъ самаго основанія персидской монархіи до нашихъ дней» (М., 1838 г.); 9) «Сборникъ стиховъ» (СПб. 1845 г.); 10) «Талисманъ, или Кавказъ въ послѣдніе годы царствованія имп. Екатерины II». Историческій романъ (2 ч. СПб., 1847 г.); 11) «Альбомъ патріоти-

ческихъ стихотвореній на выѣшнюю войну» (СПб., 1854 г.); 12) «Вотъ это чисто по-русски! Или какъ разгромилъ кн. Бебутовъ турокъ подъ Карсомъ 24 іюля 1854 г.» (СПб., 1854 г.); 13) «Битва русскихъ съ англичанами и французами на Инкерманскихъ высотахъ близъ Севастополя 24 октября 1854 г.», съ портретомъ кн. Меншикова, стихотвореніе (СПб., 1854 г.); 14) «Герой Щеголевъ, юный питомецъ русской славы. Достопамятный подвигъ его подъ Одессою» (СПб. 1854 г.); 15) «Дѣти царя русскаго—защитники вѣры и славы родины. Разсказъ стараго русскаго инвалида добрымъ своимъ землякамъ», съ портретами вел. князей Николая и Михаила Николаевичей (СПб., 1854 и 1855 гг.); 16) «Незабвенной памяти генералъ-адъютанта, вице-адмирала В. А. Корнилова» (СПб., 1854 г.); 17) Стихотворенія и русскія солдатскія пѣсни въ 1854 г.» (СПб., 1854 г. Издано въ пользу малолѣтней дочери автора); 18) «Не уступимъ мы ни шагу, съ нами Богъ! Впередъ. Ура! Русская военная пѣснь, написанная при извѣстїи о высадкѣ французовъ въ Крыму, въ сентябрѣ 1851 г.» (М., 1855 г., два изданія); 19) «Николай I, защитникъ вѣры Христовой», съ портретомъ (СПб., 1855 г.); 20) «Славны бубны за горами, или Дундакъ у Крошштадта» (СПб., 1855 г.); 21) «Православному русскому народу, по прочтеніи Высочайшаго манифеста 14 декабря 1854 г.» (стихотвореніе, съ видами Іерусалима и Константинополя, М. 1855 г.) и 22) «Тѣнь пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ, надъ святынею Севастополя», съ портретомъ кн. Горчакова (стихотвореніе, М. 1855 г.).

Какъ видно изъ перечня сочиненій З—ва, онъ писалъ много, писалъ въ стихахъ и въ прозѣ, но, не имѣя ни поэтическаго дарованія, ни достаточнаго запаса необходимыхъ знаній, не имѣлъ успѣха на литературномъ поприщѣ. Критика очень неодобрительно отзывалась о его сочиненіяхъ, и въ большинствѣ случаевъ была права. Географическія описанія З—ва пестряты грубыми ошибками; совсѣмъ неправдоподобныя описанія военныхъ подвиговъ обезцѣниваютъ его историческіе труды; беллетристика его, съ претензіей на философію и поэзію, полна несообразностей; изложеніе вездѣ сбивчивое и, по выраженію современнаго автору критика, «носитъ печать сопротивленія главу чи-

тающаго». Лучше другихъ его патристическія стихотворенія, согрѣтыя искреннимъ чувствомъ любви къ родинѣ.

Карточныи каталогъ русскаго отд. библиотекы при Имп. Академіи Наукъ. — В. Майковъ, «Критическіе опыты», СПб., 1891 г., стр. 243—248. — «Библиотека для Чтенія» 1835 г., т. VIII, от. V, стр. 23; 1836 г., т. XIX, от. VI, стр. 56; 1847 г., т. LXXX, от. VI, стр. 50. — «Литерат. прибав. къ «Русскому Инвалиду» 1835 г., №№ 9 и 99. — «Отечественныя Записки» 1847 г., т. 50, от. VI, стр. 92. — Плетневъ, Сочиненія, т. II, стр. 258. А. Г.

Зубовъ, П., издатель «Вѣстника Моднаго» (1816 г.) и «Всеобщаго Моднаго Журнала» (1817 г.), выходившихъ въ Москвѣ. Весьма вѣроятно, что встрѣчающіяся въ «Вѣстникѣ Модномъ» статьи въ стихахъ и прозѣ за подписью П. З. и З. принадлежатъ Зубову, а именно: повѣсть «Слѣдствіе жестокосердія» (№ 2, стр. 10 и № 3, стр. 21); пдилія «Голубчикъ и пастушка» (№ 4, стр. 27) и стихотворенія: «Дружба и любовь» (№ 9, стр. 67) и «Въ день пмяинія» (№ 13, стр. 101).

Геннади, Словарь, т. I, стр. 184.

Зубовъ, Сивилъ Ивановичъ, д. с. с., докторъ медицины, сынъ дьячка села Зубовки, Самарской округи, Симбирской губ., образованіе получилъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, куда поступилъ въ 1799 г. изъ студентовъ Казанской дух. академіи. По окончаніи Медико-хирургической академіи въ 1803 г. онъ опредѣлился на службу въ С.-Петербургскій адмиралтейскій госпиталь и въ томъ же году былъ назначенъ лѣкаремъ въ Таврической гренадерскій полкъ. Получивъ въ 1806 г. званіе штабъ-лѣкаря, онъ затѣмъ послѣдовательно служилъ въ Петровскомъ мушкетерномъ полку (1807), корпуснымъ докторомъ въ 1-мъ резервномъ корпусѣ (1812), докторомъ въ 21-й и 23-й пѣхотныхъ дивизіяхъ (1814—1816), корпуснымъ штабъ-докторомъ въ отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ (1820) и наконецъ ординаторомъ въ Московскомъ военномъ госпиталѣ (1829), послѣ чего въ 1830 г. вышелъ въ отставку.

З-ву принадлежатъ переводы съ лат. сочиненія Джемсона «Объ эпидемической болѣзни, бывшей въ Индіи въ 1817, 1818 и 1819 годахъ, называсмой cholera morbus» («Воен.-Медиц. Журн.» 1823, ч. I, III, 397—429), два рапорта, напечатанныхъ въ томъ же журналѣ: 1) «О мѣрахъ про-

тивъ холеры» (1823, 196—199) и 2) «О холерѣ на Кавказѣ» (1824, ч. 2, II, 183—196) и инструкция, данная имъ штабъ-лѣкарю Маслову (командированному въ Ширванъ) и напечатанная въ «Hufel. Journ.» (1824, сент., 39—41).

Зитевъ, «Русскіе врач-писатели», вып. 1, стр. 119—120. *Степ.*

Зубовъ, *Эрастъ Михайловичъ*, инженеръ, образованіе получилъ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, по окончаніи котораго (1860 г.) былъ зачисленъ на службу въ чинѣ поручика помощникомъ столоначальника департамента проектовъ и смѣтъ при главномъ управленіи путей сообщенія. Въ 1862 г. онъ поступилъ репетиторомъ въ институтъ корпуса, въ которомъ послѣ его преобразованія былъ назначенъ преподавателемъ по отдѣлу сухопутныхъ сообщеній (1866 г.). Но чтеніе лекцій продолжалось лишь одинъ годъ, и З—въ перешелъ на строительную и практическую дѣятельность, которая началась постройкою Елецко-Грязской желѣзной дороги (1867 г.), а затѣмъ Воронежско-Ростовской (1871 г.) и Ростовско-Владикавказской (1873 г.). На послѣдней дорогѣ З—въ построилъ мостъ черезъ рѣку Донъ въ г. Ростовѣ. Въ 1875 г. онъ былъ причисленъ къ министерству и, какъ опытный строитель, назначенъ въ Высочайше утвержденную комиссію для техническаго инспекторскаго надзора за постройкою на рѣкѣ Невѣ постоянного моста Императора Александра II. Въ 1878 г. З—въ былъ назначенъ начальникомъ службы пути на Николаевской желѣзной дорогѣ, но въ 1883 г. оставилъ службу въ Главномъ Обществѣ російскихъ желѣзныхъ дорогъ и былъ причисленъ къ министерству, гдѣ въ 1885 г. занялъ мѣсто штатнаго инженера V-го класса въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, завѣдуя на правахъ вице-директора техническимъ отдѣломъ департамента. Кромѣ того, З—въ состоялъ председателемъ отдѣла по сооруженіямъ эксплуатационнаго характера и членомъ отдѣла о подвижномъ составѣ и его принадлежностяхъ, а также членомъ техническихъ совѣщаній для разсмотрѣнія проектовъ сооруженія и различныхъ работъ по желѣзнымъ дорогамъ. З—въ состоялъ въ числѣ учредителей собранія инженеровъ, за дѣятельностью котораго наблюдалъ, и былъ членомъ состоящаго при собраніи техническаго отдѣла, въ

которомъ принималъ живое участіе. Скончался онъ въ августѣ 1887 г. на 48-мъ году жизни.

З—ву принадлежать слѣдующія работы: «Путевыя замѣтки по Германіи» («Журналъ Путей Сообщенія» 1864); «Путевыя замѣтки по Германіи, Швейцаріи и Бельгіи» (объ отопленіи вагоновъ желѣзныхъ дорогъ. Тамъ же, 1865); «Мосты» (Спб. 1866—67, литогр.); «Желѣзные мосты» (Спб. 1868, литограф.); «О направленіи участка Сибирской желѣзной дороги между Москвою и Волгою» (Спб. 1876); «Финансовая записка по проекту постройки Воронежско-Харьковской жел. дороги» (Спб. 1879) и «Цѣль и значеніе проектируемой Воронежско-Харьковской жел. дороги» (Спб. 1880).

С. Житковъ, «Биографіи инженеровъ путей сообщенія», вып. I, стр. 44—45.—Карточный каталогъ Имп. Публичной Библиотеки. *М. П.*

Зубовъ (по другому написанію *Зубковъ*), *Федоръ Евтихѣевъ*, иконописецъ, родомъ изъ Великаго Устюга, отецъ гравировъ Алексѣя и Ивана Зубовыхъ. Первое свидѣніе о немъ относится къ 1657 г., когда онъ писалъ стѣнопись въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ; въ 1660 г. онъ работалъ въ Ярославлѣ, гдѣ писалъ царскія двери, Деисусъ и праздники въ церкви Покрова. Въ 1661 г. былъ снова отправленъ изъ Ярославля въ Москву и 1 декабря слѣдующаго года принять «въ жалованные иконописцы». Въ 1663 г. онъ написалъ для царя Алексѣя Михайловича образъ мѣстный «въ облацѣ Господь Саваофъ, а къ нему молящихъ святыхъ, царскихъ ангеловъ: св. Алексѣя митрополита, и святаго Алексѣя человека Божія, и святаго мученика Фодора Стратилата, и подобную Марію Египтянину, и всѣхъ тезоименитыхъ святыхъ, государскихъ дѣтей». Въ 1664 г. писалъ образа въ церкви Евдокии Мученицы, а въ 1666 г. въ церкви Спаса Нерукотвореннаго; кромѣ того, въ 1665 г. онъ писалъ иконы II. II. Романову. Умеръ З—въ 3 ноября 1689 г. Изъ образовъ его работы Ровинскій указываетъ на очень недурно написанный образъ Покрова въ Покровскомъ соборѣ и на Дѣяніе. За послѣднее время даны снимки двухъ его образовъ: Логинъ сотникъ и св. Фодоръ Стратилатъ.

Ровинскій, «Исторія русскихъ школъ иконописанія», стр. 147.—*А. Успенскій*. «Цар.

ижон.», т. I, стр. 104.—«Золотое Руно» 1906 г., №№ 7—9, стр. 52—53. П. С.—кий.

Зубовъ, инженеръ. Въ послѣдніе годы жизни Петра Великаго онъ вмѣстѣ съ другимъ инженеромъ Молчановымъ объѣзжалъ Россію и описывалъ ее, результатомъ чего явился въ свѣтъ древнѣйшій атласъ съ русскими и латинскими надписями. Этотъ атласъ въ 1824 году находился въ библиотекѣ Челышева въ городѣ Устюгѣ Великому.

«Сѣверный Архивъ», ч. XI, стр. 226—227.—«Военно-энциклопедическій лексиконъ», ч. VI, стр. 29.

Зубриловъ, *Николай*, переводчикъ второй половины XVIII ст. Ему принадлежитъ переводъ съ франц. арабской повѣсти «Любовь Аназелугеда и Уарди, или несчастныя приключенія двухъ судьбою гонимыхъ страстныхъ любовниковъ, чрезъ свое постоянство достигшихъ желаннаго предмета» (М. 1791) и переводъ съ нѣмец. соч. Кельнера «Вѣрное наставленіе въ сочиненіи генераль-баса; въ пользу и употребленіе не токмо упражняющихся въ генераль-басѣ, но и всѣхъ играющихъ на всѣхъ инструментахъ и желающихъ обучиться пѣнію и основательному познанію музыки» (М. 1791).

Геннадіи, Словарь, т. II.—«Роспись російскимъ книгамъ для чтенія изъ библиотекъ А. Смирдяна», № 5395.

Зубрицкій, *Денисъ Ивановичъ*, галичанинъ, историкъ и археологъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода герба *Вильсы*, родился въ 1777 г. въ селѣ Батятычахъ (Жолковскаго округа), гдѣ отецъ его былъ арендаторомъ. Получивъ первоначальное образованіе въ домѣ родителей, З.—кій опредѣленъ былъ затѣмъ въ Львовскую гимназію, въ которой въ 1795 г. съ успѣхомъ окончилъ курсъ ученія, и въ томъ же году поступилъ на службу въ Бржозовскій магистратъ (въ Станецкомъ округѣ), гдѣ выслужился на степенъ городского синдика. Въ 1809 г. онъ былъ избранъ секретаремъ временнаго военнаго правительства подъ эгидой Наполеона и въ то же время состоялъ (1809—1812 гг.) русскимъ переводчикомъ при мѣстномъ судѣ. Потомъ онъ занималъ должность юстиціарія въ Перемышльскомъ и въ другихъ округахъ, при чемъ часто бывалъ назначаемъ судомъ въ число лицъ довѣренныхъ и занимающихся разборомъ разныхъ споровъ и тяжбъ между обыва-

телями. Своею прямою, честностью и исполнительностью онъ снискалъ общее расположеніе своего начальства, сослуживцевъ и мѣстныхъ жителей и въ началѣ 1820-хъ г.г. назначенъ былъ отъ правительства опекуномъ надъ малолѣтними дѣтьми графа Пининскаго.

Вскорѣ безкорыстное его управленіе обширными имѣніями сиротъ, сохраненіе ихъ интересовъ и приращеніе опекаемаго имущества побудили Пининскихъ предложить ему въ пожизненное пользованіе одну изъ ихъ деревень, въ которой З.—кій и поселился съ своимъ семействомъ. Со свойственной ему неутомимой энергіей занялся онъ здѣсь изученіемъ сельскаго хозяйства, теоретически и практически, а когда болѣзнь жены побудила его переселиться въ Львовъ, онъ взялъ въ аренду у Львовскаго магистрата небольшую усадьбу въ окрестностяхъ города, Сыгнювку, и здѣсь продолжалъ примѣнять выработанные имъ приемы рациональнаго хозяйства. Плодомъ этихъ занятій З.—каго тогда же явился въ польской періодической печати цѣлый рядъ его статей по вопросамъ сельскаго хозяйства и политическаго экономіи («O ziemianach» въ «Rozmait. Lwowskich» 1819 г., стр. 280; «Mazury z Aureliusza», тамъ-же, 1820 г., стр. 544; «O cenie zboża w Galicyi i billu zbożowym w Anglii», тамъ же, 1821 г., стр. 385—387, 389—391 и др.). Въ отдѣльно изданныхъ трудахъ своихъ по тѣмъ же вопросамъ З.—кій, задолго до появленія первыхъ польскихъ политико-экономовъ и агрономовъ и прежде основанія крупнѣйшихъ земледѣльческихъ обществъ (въ Краковѣ, Варшавѣ и Львовѣ), знакомилъ уже польское общество съ наиболее выдающимися сельско-хозяйственными руководствами. Важнѣйшими трудами его въ этой области являются: польскій переводъ «Агрономіи» Бургера, выдержавшій два изданія (первое подъ заглавіемъ: «Jana Burgera, Agromia», Перемышль, 1821 г. и второе—«Nauka ekonomii przez J. Burgera», Львовъ, 1822 г.) и три книги по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства: 1) «O uprawie koniczniny, rada dla pospolitego rolnika» (Перемышль, 1821 г.), 2) «Nauka robienia i ustanowienia tak zwanych Tholardowskich konduktorów słomianych od piorunów i gradu» (Львовъ, 1825 г.) и 3) «O uprawie lnu, rzecz dla Galicyjskich gospodarzy» (Львовъ, 1829 г.).

Въ концѣ 20-хъ годовъ смерть жены и взрослого сына Альбина, на котораго родители возлагали большія надежды, круто измѣнила образъ жизни и родъ занятій З—каго: изъ агронома и сельскаго хозяина она сдѣлала его археологомъ и историкомъ родного ему края—Червонной Руси. Съ общественной дѣятельностью онъ, правда, не порвалъ сразу и до 1844 г. еще не разъ выбираемъ былъ депутатомъ отъ общинъ, судебнымъ слѣдователемъ, комиссаромъ сберегательной кассы и опекуномъ спроть, но главное его вниманіе посвящено было теперь историческимъ изысканіямъ. Новая занятія требовали большей научной подготовки, чѣмъ та, какую имѣлъ З—кій, но это не остановило усерднаго труженика, и впоследствии онъ до глубокой старости путемъ самообразования продолжалъ пополнять пробѣлы въ своихъ историческихъ знаніяхъ. Что же касается памятниковъ родной старины и разбора древнихъ актовъ, то въ этой области у З—каго былъ уже нѣкоторый опытъ. Еще гимназистомъ 4-го класса заинтересовался онъ чтеніемъ старинныхъ актовъ и грамотъ и, имѣя доступъ въ архивъ Бернардинскаго монастыря, въ свободные отъ учебныхъ занятій часы занимался здѣсь регистраціей городскихъ и земскихъ документовъ. Позже, въ счастливіишіе годы своей семейной жизни, онъ занялся собираніемъ народныхъ пѣсень и первый въ печати обратилъ вниманіе на ихъ красоту, помѣстивъ (въ 1821--22 гг.) въ Львовскомъ «Пилигримѣ» нѣсколько образчиковъ народной лирики съ поемами: «Нѣ ходи Грицю», «И шумить», «Казакъ коня наповавъ», «Шумить, шумить дубровонька», «А вжи три дни и три недѣли» и др. Уже въ этихъ первыхъ изысканіяхъ З—каго сказывался въ немъ галичанскій патриотъ, которому впоследствии выпало на долю такъ много потрудиться на поприщѣ отечественной исторіи.

Въ 1829 г. З—кій вступилъ въ члены Львовскаго Ставропигіального института и, начиная съ 1830 г., принявъ на себя управленіе ставропигіальной типографіей, значительно разившей свою дѣятельность въ его управленіе: въ это именно время напечатаны были ея лучшія изданія: Евангеліе 1832 г., Часословъ 1837 г., Священническій молитвословъ 1837 г., Трефологонъ 1841 г. и Литургія Іоанна Златоустаго 1842 г. Тогда же З—кій

приступилъ и къ разсмотрѣнію и приведенію въ порядокъ богатаго архива Ставропигіи, который единственно ему обязанъ своимъ спасеніемъ отъ забвенія и потери множества важныхъ и интересныхъ документовъ. Здѣсь въ львовскихъ архивныхъ сокровищахъ пытливымъ умъ его нашелъ себѣ желанную пшцу; здѣсь онъ ближе узналъ упавшую и затоптанную народность своего родного края, борющагося вѣками со всѣми превратностями судьбы, «нашелъ, по словамъ его біографа, еще живой корень, хотя и закрытый грудой наносной пыли вѣковъ, къ которому надѣялся привить свѣжую вѣтвь, пробуждая въ своихъ землякахъ любовь къ родинѣ».

Первое его сочиненіе, имѣющее непосредственную связь съ отечественной исторіей, было однако написано имъ по-нѣмецки и помѣщено въ вѣнскомъ изданіи «Neuester Archiv für Geschichte, Staatenkunde, Literatur und Kunst» за 1830 г. (№ 77); это его историческій очеркъ Львовской Ставропигіи и Ставропигіального института, озаглавленный: «Die Griechisch-Katholische Stavropigialkirche in Lemberg und das mit ihr vereinigte Institut». Несмотря на сжатость изложенія, статья эта обнимаетъ собою все, что только извѣстно о Львовскомъ братствѣ; польскій переводъ ея помѣщенъ былъ авторомъ въ «Rozmaitościach Lwowskich» за 1831 г. Въ ближайшіе послѣдующіе затѣмъ годы З—кій усердно занимался собираніемъ матеріаловъ по исторіи книгопечатанія въ Галиціи и въ 1836 г. напечаталъ «Historyczne badania o drukarniach rusko-slawiańskich w Galicyi» (Львовъ, 1836 г.). Трудъ этотъ, въ значительной степени пополняющій бібліографическія сочиненія Самуила Бандке, Лелевеля, Сопикова и Стравея, въ русскомъ переводѣ появился и на страницахъ «Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія» за 1838 г., подъ заглавіемъ: «Историческія изслѣдованія о русско-славянскихъ книгопечатняхъ въ Галиціи». Это сочиненіе свое З—кій посвятилъ историкъ русской іерархіи Михаилу Гарусевичу барону Нейштерну, некрологъ котораго въ томъ-же 1836 г. помѣстилъ въ «Wiener Zeitung» (по-нѣмецки) и въ «Rozmaitościach Lwowskich» (по-польски) Продолжая трудиться въ области историческихъ изслѣдованій, З—кій тогда же приготовилъ

къ печати очеркъ по исторіи Галиціи, озаглавивъ его: «Rys do historyi narodu ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkownej w tymże królestwie». Въ этомъ сочиненіи онъ разсматриваетъ судьбы Червоной Руси въ 5 периодахъ: 1) отъ введенія христіанства до завоеванія ея Казиміромъ въ 1340 г., 2) отъ начала польскаго владычества до 1596 г., 3) отъ введенія уни до ея утвержденія, т.-е. до 1707 г., 4) до присоединенія къ Австріи въ 1772 г. и 5) до возобновленія Галицкой митрополіи. Вѣроятно, вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій, о которыхъ упоминаетъ въ своей перепискѣ съ учеными самъ З—кій, въ печати появился однако только первый выпускъ этого труда (Львовъ, 1837 г.), впоследствии (въ 1845 г.) переведеннаго на русскій яз. въ Москвѣ профессоромъ Бодянскимъ. Возможно, что по тѣмъ-же соображеніямъ вовсе не была напечатана написанная З—кимъ въ томъ же 1837 г. исторія Ставропигіального братства. Австрійское правительство, зорко слѣдившее за всякимъ проявленіемъ славянской народности въ Галиціи, ставило непреодолимыя затрудненія всякому предпріятію въ этомъ направленіи, и хотя чисто-научныя изысканія З—каго, казалось бы, не могли навлекать на себя подозрѣнія, тѣмъ не менѣе и ему работать при этихъ условіяхъ было трудно: скрытое недоброжелательство или открытій отказъ встрѣчалъ онъ тамъ, гдѣ думалъ найти поддержку и поощреніе. Между тѣмъ имя З—каго уже стало извѣстно въ ученномъ мірѣ; ученые, проѣзжая черезъ Львовъ, посѣщали его или вели съ нимъ переписку по разнымъ историческимъ вопросамъ. З—кій очень охотно дѣлился съ ними своими свѣдѣніями и матеріалами, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ этихъ «перелетныхъ птицъ», какъ называлъ заѣзжихъ иностранцевъ З—кій, поступали съ приобретенными у него документами и рукописями недобросовѣстно. Бывали случаи и крайней неблагодарности со стороны лицъ, пользовавшихся услугами З—каго. Такъ Эдуардъ Рачинскій (въ Познани), которому онъ сообщилъ большое количество актовъ и грамотъ, касавшихся рода Собѣскихъ и Яблоновскихъ, даже письмомъ не извѣстилъ собирателя о полученіи ихъ. Не напечаталъ матеріаловъ, присланныхъ ему для научной работы, и Мацѣвскій (въ Варшавѣ). По-

слѣдній, впрочемъ, оказалъ важную услугу З—кому, когда тотъ, окончательно убѣдившись, по его словамъ, что «тяжко быти пророку въ отечествіи своемъ», рѣшилъ отправить въ Россію собранныя имъ цѣнныя коллекціи древнихъ актовъ, чтобы такимъ образомъ спасти ихъ отъ забвенія или полнаго уничтоженія. Еще съ 1839 г. З—кій находился въ перепискѣ съ Обществомъ исторіи и древностей російскихъ въ Москвѣ, куда отсылалъ нѣкоторыя изъ своихъ работъ, теперь онъ вступилъ въ сношенія съ Кіевской временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ и съ Археографической Коммиссіей при министерствѣ народнаго просвѣщенія въ Петроградѣ. Въ качествѣ члена-корреспондента означенной Коммиссіи Мацѣвскій осенью 1842 г. препроводилъ въ ея хранилище пять копій съ грамотъ XIV и XV столѣтія, присланныхъ ему З—кимъ при собственноручномъ письмѣ послѣдняго. Скромный археологъ-самоучка, чуждый всякихъ честолюбивыхъ и корытолюбивыхъ стремленій, выражалъ полную готовность и впредь сообщать Коммиссіи результаты своихъ изысканій, если найдутъ ихъ полезными, и хлопоталъ только объ одномъ, чтобы получать въ обмѣнъ печатныя изданія Коммиссіи. Просьба его была удовлетворена. Найдя сообщенные З—кимъ акты и примѣчанія къ нимъ очень любопытными, Коммиссія постановила избрать львовскаго ученаго своимъ членомъ-корреспондентомъ, послать ему изданія Коммиссіи и просить о дальнѣйшей присылкѣ копій и документовъ. Ободренный такимъ вниманіемъ со стороны русскихъ ученыхъ, З—кій съ новой энергіей принялся за дѣло, ставшее уже дѣломъ его жизни; съ неутомимымъ усердіемъ разыскивалъ онъ повсюду цѣнныя памятники старины: въ архивахъ Ставропигіального института, униатскаго капитула, Доминиканскаго монастыря, Перемышльскаго консисторіи, въ фамиліальныхъ бібліотекахъ графовъ Дѣдушицкихъ и Тарновскихъ и, наконецъ, въ старинномъ архивѣ Львовскаго магистрата, для разсмотрѣнія котораго приглашенъ былъ въ 1843 г. Собранныя имъ коллекціи актовъ онъ систематически высылалъ въ Археографическую Коммиссію. Такимъ образомъ въ промежутокъ съ 1842 г. по 1851 г. имъ доставлено было 270 актовъ, частью въ подлинникахъ, частью въ копіяхъ, при

чемъ послѣднія всегда снимались имъ самимъ, очень тщательно, не только съ соблюденіемъ стариннаго правописанія, но нерѣдко и съ передачей начертанія буквъ, современнаго подлиннику. Среди присланныхъ имъ документовъ были и очень древніе, XIV и даже XIII вѣка, и позднѣйшіе, до XVIII столѣтія включительно. По содержанію своему они, почти всѣ, имѣютъ непосредственное отношеніе къ исторіи юго-западной Руси въ различные эпохи: это договоры, грамоты и привилегіи литовскихъ князей и польско-литовскихъ королей, разнаго рода юридическіе памятники, акты, относящіеся къ церковной уніи и къ борьбѣ казачества при Богданѣ Хмельницкомъ, и частныя письма, представляющія историческій интересъ. Документы, писанные на западно-русскомъ языкѣ, разсматривались въ Археографической Коммиссіи членомъ ея протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ, который, въ качествѣ главнаго редактора «Актовъ Западной Руси», большинство ихъ и помѣстилъ въ этомъ изданіи. Документы на иностранныхъ языкахъ (польскомъ и латинскомъ) напечатаны были въ «Дополненіяхъ къ Актамъ З. Р.», а присланныя З—имъ въ 1844 г. интересныя хронографическія записи, составленныя львовскимъ православнымъ священникомъ XVII в., постановлено было включить въ «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей». Неизданная часть коллекціи З—каго и нынѣ хранится въ архивѣ Императорской Археографической Коммиссіи. Тамъ-же находится и присланный имъ въ 1850 г. «Codex diplomaticus Galiciensis» (съ древнѣйшихъ временъ до 1506 г.), представляющій два объемистые тома (почти по 100 листовъ каждый), мелкаго письма и двѣ дополнительные къ нимъ тетради. Въ письмѣ, сопровождавшемъ присылку этой работы, З—кій говоритъ, что занялся собираніемъ галиційскихъ актовъ еще въ 1847 г. и, находя, что они имѣютъ главнымъ образомъ мѣстный интересъ, обратился къ австрійскому правительству съ просьбой о субсидіи для печатанія своего большого труда. Въ началѣ 1848 г. работа была имъ представлена въ вѣнскую цензурную комиссію, и земскіе чины постановили ее напечатать, но послѣдовавшая затѣмъ революція и уничтоженіе земскаго представительства затормозили дѣло печатанія на неопредѣленное время;

на запросъ-же З—каго относительно дальнѣйшей судьбы его «Codex'a» власти, опасавшіяся распубликованія славянскихъ актовъ, отвѣчали, что «собраніе это чрезвычайно важно, но составлено безъ всякаго основанія (sic!) и что оно не можетъ быть привлекательнымъ для большого круга читателей». З—кому были возвращены его рукописи, которыя онъ и отослалъ въ Петроградъ въ скромной надеждѣ, что тамъ, «можетъ быть, кто-либо и когда-либо воспользуется ими».

Являясь дѣятельнымъ корреспондентомъ Археографической Коммиссіи, З—кій не забывалъ и другихъ однородныхъ учрежденій; поддерживалъ связи съ редакціями русскихъ журналовъ и переписывался съ учеными, интересовавшимися судьбами юго-западной Руси: онъ посылалъ имъ свои печатные труды и рукописи, а также и документы, относившіеся къ области ихъ изслѣдованія. Такъ въ 1841 г. онъ помѣстилъ въ «Москвитяинѣ» (ч. III) статью «Учебныя и литературныя заведенія въ Львовѣ» и статью (т.т. XI и XII) «Великая Хорватія или Галицко-Карпатская Русь», заключающую въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія по географіи, этнографіи и исторіи этого края; тогда же сообщалъ онъ нѣсколько грамотъ Максимовичу для напечатанія въ «Кіевлянинѣ» и ему же послалъ затерявшуюся въ дорогѣ статью о Галицкой Руси, а въ 1849 г. напечаталъ въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» свою «Лѣтопись Ставропигіи». Въ «Памятникахъ» Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ (т. 3) имъ помѣщенъ былъ рядъ документовъ Львовскаго братства, относящихся къ уніи. Наконецъ, нѣсколько работъ З—каго напечатано было и въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей руссійскихъ». Участіе въ этомъ изданіи онъ принялъ благодаря сближенію съ профессоромъ Погодинымъ, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ велъ переписку, прежде чѣмъ лично познакомился съ нимъ въ 1842 г., когда Погодинъ, приѣздомъ въ Маріенбадъ, остановился въ Львовѣ. Узнавъ, что З—кій въ городѣ недопомогавшій Погодинъ послалъ за нимъ; старецъ явился немедленно, очень радъ былъ встрѣчѣ и тогда же сообщилъ заѣзжему гостю свои изслѣдованія, подарилъ ему цѣнную купчую 1421 г. и нѣсколько интересныхъ автографовъ: Богдана Хмельницкаго, Палія, Петра Могилы и др. и передалъ для

помѣщенія въ сборникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей свимокъ съ одного изъ древнѣйшихъ галицко-русскихъ памятниконъ, грамоты 1351 г., подлинникъ которой хранился въ Львовскомъ городскомъ архивѣ. Нѣсколько позже Погодинъ получилъ отъ З—каго прекрасный экземпляръ Стрятинскаго требника, изданнаго Гедеономъ Балабаномъ, а въ 1843 г. львовскій ученый прислалъ своему московскому другу польскую рукопись своего историческаго очерка Галицкой Руси, доведеннаго до 1492 г.; трудъ этотъ, начатый печатаніемъ еще въ Галиціи, приостановленъ былъ тамъ цензурой, въ Москвѣ же профессоръ Бодянский перевелъ его на русскій языкъ, снабдилъ предисловіемъ и подъ заглавіемъ: «Критическо-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія» въ 1845 г. помѣстилъ въ изданіи Москов. Об. ист. и древ. россійскихъ. Какъ противъ заглавія, даннаго переводу, такъ и противъ предисловія возсталъ профессоръ Погодинъ: въ первомъ онъ усматривалъ произвольнъ переводчика, во второмъ — политическую тенденцію, могущую возбудить, по наущенію поляковъ, гоненіе противъ сочинителя со стороны австрійскаго правительства. Завязался горячій споръ: Бодянский настаивалъ на томъ, что въ предисловіи онъ высказалъ только основную мысль сочиненія, написаннаго въ «русскомъ духѣ»; Погодинъ требовалъ изъятія статьи изъ журнала. Предсѣдатель Общества, графъ Строгановъ, на разрѣшеніе котораго поступилъ этотъ споръ, отказалъ Погодину въ его ходатайствѣ на томъ основаніи, что рукопись «повѣсти» поступила въ собственность Общества, которое и могло поэтому распорядиться ею по своему усмотрѣнію. Погодинъ однако продолжалъ волноваться до тѣхъ поръ, пока не получилъ успокоительнаго письма отъ самого З—каго, которому онъ сообщилъ свои опасенія. Возможно, что именно этотъ споръ побудилъ З—каго въ слѣдующемъ 1846 г. послать продолженіе своего изслѣдованія о Галицкой Руси (доведеннаго до 1596 г.) не въ Москву, а въ Петроградъ, въ Археографическую Коммиссію. Послѣдняя, считая разысканія З—каго весьма важными для науки и полагая, что русскій переводъ Бодянскаго не вполне согласуется съ подлинникомъ, въ засѣданіи

29 октября 1846 г. постановила: «историко-критическія изслѣдованія г. Зубрицкаго о Южной Руси, изданныя Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ, перевести вновь и напечатать вмѣстѣ съ присланнымъ въ Коммиссію продолженіемъ, и для того просить г. Зубрицкаго о присылкѣ начала его разысканій о Южной Руси, напечатанныхъ въ Москвѣ, съ новыми дополненіями и примѣчаніями, если онъ признаетъ ихъ нужными». З—кій немедленно откликнулся на это предложеніе и уже въ мартѣ 1847 г. отправилъ въ Коммиссію печатное введеніе къ изслѣдованію о Галицкой Руси, на польскомъ языкѣ, и свои замѣчанія на русскій переводъ проф. Бодянскаго. Но теперь Коммиссія уже не нашла возможнымъ помѣстить въ своихъ изданіяхъ эти статьи и въ засѣданіи 17 марта 1848 г. опредѣлила препроводить ихъ въ Московское Общество исторіи и древностей россійскихъ. Въ іюнѣ того же года гр. Строгановъ увѣдомилъ Коммиссію о полученіи статей З—каго и состоявшемся постановленіи перевести ихъ на русскій языкъ и напечатать въ «Чтеніяхъ» Общества. Въ тѣхъ же «Чтеніяхъ» за 1847—1848 г.г. напечатаны двѣ статьи З—каго: «Приглашеніе къ суду по уголовному дѣлу около половины XVII в. во Владимірской Руси» (кн. 2) и «Начало уніи» (кн. 7).

Изъ трудовъ З—каго, напечатанныхъ за границей до 1848 г., кромѣ указанныхъ уже выше, извѣстны еще слѣдующіе: «Kronika miasta Lwowa» (Львовъ, 1844 г.); «О бракахъ по русскимъ законамъ» (въ журналѣ Оссолинской бібліотеки за 1844 г.) и двѣ статьи въ лейпцигскомъ журналѣ Иордана «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft»: 1) «О еврейскомъ народонаселеніи въ Польшѣ» (1845 г.) и 2) «Объ измѣненіи народности» (1847 г.). Обѣ эти статьи написаны были по-нѣмецки, но вторая изъ нихъ въ послѣдствіи переведена была самимъ авторомъ на русскій и польскій языки.

1848 годъ имѣлъ громадное значеніе въ жизни тогда уже старика З—каго: онъ разорилъ его въ матеріальномъ отношеніи, но окрылил его духъ новой, прекрасной надеждой увидѣть зарю лучшаго будущаго въ своемъ отечествѣ. Не умѣвшій никогда увлекаться чѣмъ-нибудь иначе, какъ всею душою, З—кій всегда горячо любилъ свою многострадальную родину и старался

провести въ сознание своихъ земляковъ мысль о томъ, что они составляютъ только частію единого великаго русскаго народа. Онъ глубоко скорбѣлъ о томъ, что въ Львовѣ не было ни одного русскаго журнала, ни одной русскаго газеты, и искренно радовался, замѣчая, что тѣмъ не менѣе русскій языкъ дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи въ Галиціи. «Мы надѣемся, писалъ онъ по этому поводу Погодину, — что когда-то и на нашей улицѣ будетъ праздникъ — ибо, невзирая на препятствія отъ своихъ невѣждъ и отъ чуждыхъ, число молодыхъ любителей русскаго слова и русскаго словесности, хотя и мало-по-малу, но все такъ умножается». Самъ З — кій до 40 лѣтъ годовъ, имѣя въ виду своихъ читателей, писалъ исключительно по-польски и по-нѣмецки, хотя самъ съ дѣтства изучилъ русскій языкъ и, какъ видно изъ собственноручныхъ писемъ его, хранящихся въ архивѣ Имп. Археографической Коммиссіи, свободно владѣлъ имъ. Занимая должность переводчика въ львовскомъ апелляціонномъ судѣ, онъ также имѣлъ постоянную практику въ русскомъ языкѣ; но только сближеніе съ русскою ученою средою и особенно дружба съ Погодинымъ натолкнули его на мысль писать по-русски и свои научныя работы. Погодина далъ ему возможность ближе ознакомиться и съ новѣйшей русскою историческою и юридическою литературою. Особенно признателемъ былъ ему З — кій за присылку свода законовъ, который онъ тѣпотно пытался получить въ Львовѣ; теперь онъ зачитывался русскими законами съ жаромъ, «съ какимъ молодой человекъ читаетъ романъ. Сердце радуется и голова кружится!» пишетъ онъ Погодину, въ восхищеніи отъ его подарка. И русское законодательство, и все русское чрезвычайно нравилось З — кому. Онъ не только сознавалъ, но и чувствовалъ себя русскимъ, и вотъ почему, когда въ 1846 г. за услуги, оказанныя Археографической Коммиссіи, ему Высочайше пожалована была большая золотая медаль, «установленная для иностранцевъ», онъ былъ этимъ и обрадованъ и огорченъ въ то-же время. Въ благодарственномъ письмѣ на имя министра народнаго просвѣщенія онъ по этому поводу съ горечью восклицаетъ: «Я русскій, на искони Русскою землѣ, среди русскаго народа щедро пожалованъ русскимъ государемъ даромъ, для иностран-

цевъ установленнымъ!... Я... я чуждъ въ глазахъ обожаемаго мною русскаго царя!»

Въ волненіяхъ и движеніяхъ 1848 г. З — кій хотя и не принималъ прямого участія, но влияние его было въ нихъ несомнѣнно. Сочиненія его давно уже будили народное самосознание въ коренномъ населеніи Галиціи; теперь онъ поощрялъ русиновъ къ составленію такъ называемой *головой русинской рады*, т. е. комитета, задачей котораго было отстаивать русинскую народность какъ у себя, такъ и за границей, и который служилъ посредникомъ между народомъ и правительствомъ въ дѣлахъ, касавшихся конституціонныхъ правъ русиновъ галицкихъ и угорскихъ. З — кій оказывалъ свое содѣйствіе и русинамъ-писателямъ, помогая имъ совѣтами, книгами и необходимыми историческими матеріалами: профессоръ Головацкій, Малиновскій, Петрушевичъ, Гушалевичъ и др. многимъ были обязаны ему. Наконецъ, въ самый разгаръ борьбы самъ З — кій обнаружилъ политическую брошюру на нѣмецкомъ языкѣ: «Die ruthenische Frage in Galizien von einem Russen» (Львовъ, 1848 г.); а когда нѣсколько позже поднятъ былъ жизненный вопросъ о раздѣленіи Галиціи по двумъ народностямъ — на польскую и русинскую, онъ выступилъ съ новымъ сочиненіемъ, имѣвшимъ цѣлью разъяснить этотъ важный вопросъ при помощи историко-этнографическихъ данныхъ и на основаніи тѣхъ многолѣтнихъ наблюденій, которыя сдѣланы были имъ еще во время службы въ Салонскомъ округѣ, гдѣ обѣ народности: русская и польская всегда приходили въ соприкосновеніе. Сочиненіе это «Granice między polskim i ruskim narodem w Galicyi» (Львовъ, 1848 г.; тамъ-же нѣмецкій переводъ) въ шести экземплярахъ З — кій прислалъ и въ Археографическую Коммиссію при письмѣ, въ которомъ такъ объяснял происхождение этой своей «бездѣлушки», написанной по просьбѣ друзей: «предлогомъ послужилъ мой споръ съ г. Мацѣвскимъ. Да, защищаешь всякъ предѣлы святой Руси — перомъ или оружіемъ, сколько ему возможно». (Русскій переводъ: «Границы между русскою и польскою націями въ Галиціи» появился уже послѣ смерти автора въ «Вѣстникѣ Юго-Зап. и Зап. Россіи» за 1863 г., т. II, кн. 5). Движимый тѣмъ-же благороднымъ стремленіемъ послужить благу своего отечества, З — кій

тогда же принял на себя издание «Зори Галицкой», но мартовскія событія 1848 г. заставили его отказаться отъ этого предпріятія, и онъ ограничился тѣмъ, что помѣстилъ въ «Пчелѣ» Гуслаевича нѣсколько русскихъ статей («Отечественная исторія», «Жизніе преподобнаго Нестора», «Вѣдомость о народѣ червоногорскомъ», «Быль-ли феодализмъ на Руси?» и др.), частью написанныхъ имъ самимъ, частью составленныхъ редакторомъ по его матеріаламъ и указаніямъ. Ближайшей цѣлью З—каго и въ этомъ случаѣ было пріохотить къ чтенію своихъ соотечественниковъ и пробудить въ нихъ интересъ къ родному прошлому. Обстоятельства теперь благоприятствовали галицкимъ патриотамъ: въ борьбѣ съ возставшими поляками австрійское правительство хотѣло опереться на русиновъ и стало покровительствовать имъ, насколько, конечно, такое покровительство согласовалось съ интересами имперіи. Вотъ почему мысль З—каго написать по-русски исторію Галицкой Руси теперь не только не встрѣтила препятствія со стороны австрійскихъ властей, но губернаторъ Галиціи гр. Стадіонъ даже одобрилъ ее. Съ юношескою бодростью принялся 73-лѣтній старецъ за работу, на которую возлагалъ большія надежды: ею думалъ онъ, по собственнымъ словамъ, «показать галичанамъ одноплеменность всѣхъ руссовъ, познакомить кое-какъ (хоть немного) съ древней исторіей и склонить ихъ въ настоящее время, когда они, проснувшись отъ многолѣтняго сна, но невѣжествѣ лучшаго, стали писать на смѣшанномъ простонародномъ польско-русскомъ нарѣчій, къ употребленію литературнаго чисто русскаго языка». Кромѣ всѣхъ этихъ требованій, будущая «исторія» должна была удовлетворить и еще одному, очень важному, по мнѣнію автора, требованію: она должна была быть дешевой, доступной для бѣднаго и лѣнливаго галичанина», которому «не по вкусу акты и лѣтописи». Запасъ свѣдѣній, собранныхъ за 50 лѣтъ, обширная начитанность въ историческихъ памятникахъ и богатый матеріалъ источниковъ изъ разныхъ архивовъ облегчили маститому старцу его работу; въ матеріальномъ отношеніи на помощь ему пришелъ Ставропигіальный институтъ, на средства котораго печатался трудъ З—каго, и уже въ 1852 г. вышли два первые тома его «Исторіи древняго

Галицко-Русскаго княжества», съ приложеніемъ «Родословной картины (таблицы) русскихъ князей и царей Рюрикава поколѣнія». (Таблица эта, посвященная памяти 1000-лѣтія Руси, въ 1851 г. была прислана З—кимъ въ даръ Импер. Археограф. Комиссіи). Два первые тома исторіи, посвященные собственно введенію къ специальной исторіи Галиціи, были напечатаны въ числѣ 1.000 экземпляровъ, въ той надеждѣ автора, что они разойдутся въ Галиціи и еще болѣе вѣе ея предѣловъ. Но въ Галиціи и въ Угорской Руси нашлось не болѣе 400 подписчиковъ, въ Россіи же—ни одного. Этотъ неуспѣхъ поколебалъ намѣреніе З—каго продолжать начатое изданіе въ Львовѣ. Къ тому-же Ставропигіальный институтъ, понесшій большіе убытки отъ изданія, стѣснялъ его теперь своими требованіями, и озабоченный историкъ рѣшилъ обратиться черезъ Погодина въ Московское Общество ист. и др. рос. съ предложеніемъ вновь напечатать оба тома его «исторіи» съ приложеніемъ еще третьяго (доведеннаго до 1337 г.), прося въ вознагражденіе только небольшое количество экземпляровъ для галицкихъ читателей. Но проходили мѣсяцы, а отвѣта на предложеніе его не получалось никакого. Наконецъ, войдя въ новыя условія съ ставропигіальной типографіей, З—кій попросилъ у Погодина вернуть ему рукопись третьяго тома его «исторіи» и приступилъ къ печатанію его. Дѣло уже значительно подвинулось впередъ, когда получилось извѣстіе изъ Москвы, что Общество приняло сдѣланное ему предложеніе и предоставляетъ автору 600 даровыхъ экземпляровъ, но было уже поздно: З—кій связанъ былъ условіемъ съ львовской типографіей. Впрочемъ онъ еще надѣялся, что при посредствѣ Московскаго Общества ему удастся продать оставшіеся экземпляры первыхъ двухъ томовъ, чтобы покрыть издержки Ставропигіи. Между тѣмъ положеніе вещей въ самой Галиціи рѣзко измѣнилось: покончивъ съ революціей, австрійское правительство стало болѣе зорко, чѣмъ прежде, слѣдить за всѣмъ, что возбуждало народный духъ въ разнородныхъ областяхъ государства, и запретило, между прочимъ, собраніе подписчиковъ на третій томъ «Исторіи древняго Галицко-Русскаго княжества» не только въ Галиціи, но и въ Венгріи. Это было въ самый разгаръ Восточной войны,

когда патриоты, подобные З—кому, горячо сочувствовали Россіи. На пренумерантовъ, подписавшихся на первые томы его «исторіи», въ Австріи стали смотрѣть, какъ на противниковъ правительства, вслѣдствіе чего многие отказались отъ дальнѣйшей подписки, боясь, чтобы имена ихъ не были обнародованы. Едва 200 человекъ приобрѣло 3-ій томъ, да и тѣ настоятельно просили, чтобы имена ихъ остались въ тайнѣ. Предпріятіе не удалось; въ Россіи книга тоже не шла, и только министръ народнаго просвѣщенія Норовъ приказалъ выписать 50 экземпляровъ «исторіи» З—каго для библиотекъ учебныхъ заведеній. Въ продажѣ книги этой не было совсѣмъ; въ подвалахъ львовскаго Ставропигіальнаго института лежалъ трудъ З—каго, самый дорогой его сердцу, который онъ мечталъ видѣть настольной книгой каждаго галичанина. Огорченный неудачей престарѣлый историкъ тѣмъ не менѣе рѣшилъ закончить свой трудъ и продолжить изслѣдованіе исторіи Галицко-Владимірской Руси до 1382 г., т.-е. до смерти Людовика Польскаго и Венгерскаго; а такъ какъ для этой эпохи у него не было русскихъ источниковъ, то онъ и остановился на критическомъ изданіи двухъ латинскихъ лѣтописей: Анонима Гнезненскаго и Иоанна Длугоша и извлекъ изъ нихъ все, относящееся къ намѣченной имъ эпохѣ. Эта работа и замѣнила собою 4-ый томъ «Исторіи Галицко-Русскаго княжества» (Львовъ, 1855 г.); наученный печальнымъ опытомъ, З—кій выпустилъ ее только въ числѣ 200 экземпляровъ, которые давно уже представляютъ библиографическую рѣдкость. Эта книга посвящена была памяти имп. Николая I.

Въ 1862 г. въ «Чтеніяхъ» Общества ист. и древ. россійскихъ (кн. 3) появился послѣдній трудъ З—каго: «Галицкая Русь въ XVI столѣтіи», переведенный съ польскаго А. Майковымъ.

Тяжелое разочарованіе, пережитое въ глубокой старости, и предшествовавшая этому разочарованію почти уже непосильная работа подкосили между тѣмъ здоровье крѣпкаго старика. Къ огорченіямъ моральнымъ и физическимъ недомоганіямъ присоединилась еще и острая нужда. Средства истощились, доходы были скудны, и для поддержанія себя и своихъ дочерей З—кій вынужденъ былъ обратиться за помощью къ своимъ друзьямъ. «Я сберегъ

себѣ изъ моего состоянія на старость лишь столько—писалъ онъ одному изъ нихъ,— сколько бы хватило до моей смерти. Но я обманулъ въ своихъ расчетахъ со смертью и пережилъ срокъ, назначенный мною. Средства истощились, а смерть не хочетъ меня взять». Безкорыстіе и скромность З—каго всегда были поразительны; нѣкогда не просилъ онъ матеріальнаго вознагражденія за свой трудъ: сознаніе исполненнаго долга было его единственной наградой, и въ этомъ отношеніи онъ остался вѣренъ себѣ до послѣдняго дня. Наука и родина были его единственными увлеченіями, единственной цѣлью его долгой жизни. Работая безъ усталости, онъ нѣкогда не гордился своими трудами и нѣкогда не искалъ почестей для себя. Всегда привѣтливый и услужливый, онъ только въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, страдая бессонницей, сталъ какъ-то нетерпѣливъ и раздражителенъ. 1-го января 1862 г. нѣкоторые изъ друзей его заѣхали къ нему; З—кій принялъ ихъ радушно и просилъ опять зайти на-дняхъ, имѣя въ виду, какъ онъ говорилъ, сообщить имъ нѣчто важное. Онъ пытался еще работать, но духъ его слабѣлъ уже съ каждымъ днемъ. Наступало полное истощеніе силъ. 3-го января, послѣ приѣма лѣкарства, больной успокоился и заснулъ, а 4-го января, въ 9 часовъ утра, врачъ засталъ его уже мертвымъ. Незамѣтно и тихо во время сна отлетѣла большая и красивая жизнь. Похороны З—каго при громадномъ стеченіи народа состоялись на Лычаковскомъ кладбищѣ въ Львовѣ.

Кромѣ рукописей, послѣ З—каго не осталось никакого имущества. Часть своей обширной библиотекы онъ еще въ 1829 г., послѣ смерти сына, пожертвовалъ Ставропигіальному институту, другую — въ 1832 г. подарилъ Львовскому университету; оставшіяся книги пришлось ему распродать въ годы крайней нужды. (Часть книгъ и рукописей З—каго приобретена была гр. Викторомъ Баворовскимъ). Только собранныя имъ коллекціи древнихъ актовъ и ученые труды его достались въ наслѣдство отъ него будущимъ поколѣніямъ. И если, какъ историкъ, З—кій часто вызывалъ нареканія, особенно среди поляковъ, за свою тенденціозность; если изслѣдованія его въ этой области съ точки зрѣнія научной критики не всегда были на должной высотѣ, а теперь уже и устарѣли

(проф. Кояловичъ, впрочемъ, высоко цѣнилъ его историческіе труды), то, какъ археологъ, онъ безспорно оказалъ громадную услугу наукѣ вообще и въ частности русской исторіи. Сотни цѣнныхъ документовъ спасъ онъ отъ забвенія и искаженія, какому, по свѣдѣтельству Гормайера, бывшаго почти четверть вѣка начальникомъ Вѣнскихъ архивовъ, подверглись почти всѣ официальные акты въ Чехіи, Венгріи и другихъ областяхъ Австріи.

Въ Россіи, впрочемъ, всегда цѣнили заслуги З-каго, и ученые общества охотно принимали его въ свою среду: съ 1842 г., какъ мы видѣли, состоялъ онъ членомъ корреспондентомъ Археографической Комиссіи; въ 1844 г. избранъ былъ въ почетные члены кievской временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ; въ 1846 г.—почетнымъ-же членомъ Имп. Общества исторіи и древностей россійскихъ и, наконецъ, въ 1855 г. получилъ дипломъ на званіе члена Имп. Академіи Наукъ.

Польскій институтъ Осоловскихъ избралъ его членомъ комитета, занимавшагося изданіемъ словаря С. Линде. Краковское-же ученое Общество только въ 1861 г. удостоило З-каго званія члена для собиранія древнихъ историческихъ памятниковъ и надписей.

Изъ трудовъ З-каго, оставшихся ненапечатанными, извѣстны еще слѣдующіе: 1) О глаголическихъ письменахъ и о старославянскомъ языкѣ (по-польски); 2) «Очеркъ исторіи Молдавіи» (по-нѣмецки) и 3) «Дневникъ», изъ 19 книгъ котораго къ 60-мъ годамъ сохранилось всего 2—3 книги.

«Д. И. Зубрицкій» (оттискъ изъ «Сѣверной Пчелы» 1862 г.).—*Н. Барсуковъ*, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. т. VI—X, XII, XIII, XVI и XIX (по указателю).—Дѣла Им. Археогр. Комиссіи (по описи).—Протоколы засѣданій Археогр. Комиссіи, вып. II, стр. 127—134, 168—171, 193, 201, 202, 212, 213, 245, 246, 262, 263, 276, 300—304, 319, 327, 341, 342, 371—374; вып. III, стр. 10, 11, 37, 50, 55, 67, 75, 81—84, 89, 90, 376.—*Левицкій*, «Галицко-русская бібліографія XIX ст.», 1898 г., т. I.—*П. Бартоломеевъ*, «Указатель статей, напечат. въ Москвитинѣ» («Временникъ» Мос. Об. ист. и др., 1855 г., кн. 21).—«Русскій бібліографическій указатель» на 1855, 1862 и 1863 г.г.—«Извѣстія Им. Академіи Наукъ» 1855 г., т. 4, в. 6.—«День» 1862 г., № 16.—«Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи» 1862 г., т. I, №№ 1 и 3, от. IV, стр. 56—61, 219—229.—«Русская Ста-

рина» 1898 г., т. 93, № 3, стр. 486—490.—«Москвитинянинъ» 1854 г., т. I, от. VII, стр. 105.—«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1868 г., т. 28, стр. 776—478.—*Estreicher*, «Bibliografia Polska», XIX в., т. V, стр. 311—312.

Г. А.

Зубровъ, Петръ Ивановичъ, артистъ Императорскихъ Петроградскихъ театровъ, сынъ извѣстнаго въ то время въ Петроградѣ ювелира, род. въ 1823 г. З—въ былъ артистъ по призванію. Онъ не подготовлялся къ театальной карьерѣ съ дѣтства, но избралъ ее самъ сознательно и, еще будучи молодымъ человекомъ, въ 40-хъ годахъ тихонько отъ отца дебютировалъ на школьной сценѣ въ водевиляхъ *Ө. А. Конн* «Карета» и *Н. Перепельскаго* (псевдонимъ поэта Некрасова) «Шла въ мѣшкѣ не утаншь», но дебютъ оказался неудачнымъ. Отецъ, желая отвлечь сына отъ страсти къ театру, далъ ему возможность отправиться за границу. Продолжительное пребываніе З—ва за границей, одно время въ качествѣ простого рабочаго на одномъ изъ заводовъ въ Парижѣ, не охладило его страсти къ театру. Возвратившись въ 1850 г. въ Россію, онъ удачно дебютировалъ въ слѣдующемъ году на Александринской сценѣ. Появленіе бытовыхъ пьесъ *Островскаго* дало возможность З—ву развить свое дарованіе и занять то почетное мѣсто въ труппѣ театра, на которомъ онъ продержался до самаго оставленія имъ сцены въ февралѣ 1873 г., когда, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, онъ подалъ въ отставку. Послѣднею его ролью была роль *Веретенникова* въ одноактной комедіи «Модный лакей», передѣланной для русской сцены *М. П. Федоровымъ*. Съ этого времени начался для З—ва періодъ физическихъ и нравственныхъ страданій: онъ разрушался физически и скорбѣлъ нравственно о покиннутой имъ сценѣ. Лѣтомъ онъ еще мечталъ уѣхать за границу, но болѣзнь успѣлась, и 9 декабря онъ скончался. Изъ тѣхъ ролей, въ которыхъ выступалъ З—въ, онъ ни одной не испортилъ, создавъ въ то же время немало замѣчательныхъ, вполне художественныхъ типовъ. Къ наиболее выдающимся нужно отнести роли: *Захара Захарыча* въ ком. *Островскаго* «Въ чужомъ пиру похмѣлье»; *Никашки* въ драмѣ *Писемскаго* «Горькая судьбина»; *Ягодкина* въ «*Паулинѣ*»; *Силантія* въ «*Горячемъ сердцѣ*»; *Городни-*

чаго въ «Ревизорѣ»; Черемухина въ «Ому-тъ»; Квартальнаго въ «Благородныхъ лю-дяхъ»; Подьячаго въ «Каширской ста-ринѣ»; Кузигина въ «Грозѣ»; Счастли-цева въ «Лѣсѣ»; Веретенникова въ «Мод-номъ лакеѣ»; Дяди въ «Гражданскомъ бракѣ»; Кузнеца въ «Не такъ живи, какъ хочется»; Подьячаго въ «Пучинѣ»; Отца въ «Статьѣ доходной»; Нѣмца управляю-щаго въ «Легкой надбавкѣ» и др. Словомъ, репертуаръ З—ва былъ весьма обширенъ, при чемъ отличительною его чертою въ игрѣ было твердое знаніе роли, которую онъ никогда не игралъ по «суфлеру».

З—въ не чуждъ былъ и литературнымъ трудамъ: ему принадлежатъ водевилъ «Глухой всему виной» (1853 г.) и пере-водъ комедіи «Честное слово» (1855 г.).

«Новости» 1873 г., № 330.—«Голосъ» 1873 г., № 343.—«Иллюстрир. Недѣля» 1873 г., № 50.—«Всемирная Иллюстрація» 1872 г., № 232.—«Вольфъ», «Хроника Петербургскихъ театровъ», стр. XXVI.—«Театральный альманахъ на 1875 г.»—«Всеобщій календарь», изд. Гоппе.

Зубчаниновъ, Григорій Юдичъ, гатчинскій купецъ, составилъ «Похвальное слово императору Петру Великому, отцу отечества, мудрому преобразователю Рос-сія» (Спб. 1812). Интересный отзывъ объ этомъ словѣ далъ Востоковъ («С.-Петер-бургскій Вѣстникъ» 1812 г., ч. III, стр. 180—193): «Новый сей панегиристъ не можетъ, конечно, сравняться съ Ломоносовымъ въ правильности расположенія рѣчи и въ искусствѣ размѣщенія фигуръ риторическихкихъ. Но въ замѣну того можно найти у него то, чего у Ломоносова нѣтъ, а именно: болѣе разнообразія въ пред-метѣ, болѣе истинности въ чувствахъ, благородную свободу мыслей и философію, которая преподаетъ уроки царямъ, пред-ставляя имъ въ безпрестанный примѣръ Петра Великаго, а въ противоположность къ нему тирановъ и честолюбцевъ, враговъ человѣческаго рода». Въ своемъ словѣ З—новъ повѣствуетъ о своемъ героѣ, начиная съ отроческихъ лѣтъ его и кончая его смертию, при чемъ разсматри-ваетъ его государственныя и частныя, военныя и мирныя добродѣтели, какъ онъ проявлялись въ его дѣлахъ и поступкахъ.

Геннадіи, Словарь, т. II.—«Росписъ рос-сійскимъ книгамъ для чтенія въ библіотекѣ А. Смирдина», № 6517.

Зубчаниновъ, Николай, тѣкарь, тит. сов., образованіе получилъ въ С.-Петер-

бургской медико-хирургической академіи, которую окончилъ въ 1835 г. съ званіемъ лѣкаря 2-го отдѣленія и тогда же опре-дѣлился въ больницу путей сообщенія въ Вышневолоцкѣ; затѣмъ въ 1837 г. онъ состоялъ врачомъ при Андреяпольскихъ минеральныхъ водахъ, въ слѣдующемъ году репетиторомъ при С.-Петербургской медико-хирургической академіи и въ 1842 г. столоначальникомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. З—ву принадлежитъ переводъ съ нѣмец. сочиненія Эбле «Физиологія» (Спб. 1840. Callisen, «Medicinisches Srfiststeller—Lexi-con», XXXII 957).

Зубевъ, «Русскіе врач-писатели», ч. I, стр. 120.

Стен.

Зуевъ, Василій Федоровичъ, акаде-микъ, род. 1-го января 1754 г. въ Петро-градѣ, сынъ солдата Семеновскаго полка; образованіе получилъ въ академической гимназіи и университетѣ. Въ 1767 г. онъ былъ назначенъ въ экспедицію «физиче-скаго путешествія» по Россіи съ акаде-микомъ Палласомъ и провелъ съ нимъ въ этихъ путешествіяхъ 6 лѣтъ. За это время Палласъ сумѣлъ оцѣнить дарова-нія и прилежаніе З—ва и послалъ его для научныхъ работъ и наблюденій на Уральскія горы, въ Обдорскъ, въ Бере-зовъ, для изслѣдованія Оби до Ледовитаго океана, на Индерскія горы и т. д. Во время поѣздки своихъ З—въ собиралъ различныя достопримѣчательности и рѣд-кости, обогатившія науку въ ученыхъ описаніяхъ Палласа. Въ 1774 г. З—въ былъ посланъ Академіей въ Лейденъ и Страсбургъ для довершенія образованія и совершенствованія въ языкахъ. От-правляя своего питомца за границу, Ака-демія Наукъ снабдила его слѣдующею инструкціей: «Во-первыхъ, долженъ ты всегда имѣть страхъ Божій и право-славную греко-россійскую вѣру по край-ней возможности содержать всецѣло; также вести благочинное и постоянное житіе. Какъ ты посылаешься въ чужіе края, наипаче для изученія натуральной исто-ріи, то къ достиженію въ оной скорѣй-шаго совершенства стараться тебѣ, по приѣздѣ твоёмъ въ Лейденъ, положить сперва твердое основаніе въ физикѣ, хи-міи, анатоміи и физиологіи, не упуская притомъ и всѣхъ частей натуральной исторіи. А какъ ты будешь тамъ имѣть

довольно случаевъ видѣть въ Гаагѣ, Амстердамѣ и въ другихъ ближайшихъ городахъ разныя собранія натуральныхъ кабинетовъ, то стараться себѣ осматривать оныя со всякимъ раченіемъ, рѣдкимъ вещамъ дѣлать для себя точныя описанія и вносить оныя въ особливую книгу; не упуская также случаевъ ходить въ свободное время на находящіеся въ близости морскіе берега и собирать тамъ выбрасываемыя изъ моря вещи, дѣлать имъ описанія и, приводя въ порядокъ, при удобныхъ случаяхъ присылать въ Академію описанія оныхъ. Кромѣ того стараться тебѣ о совершеніи себя въ гуманіорахъ, также о изученіи иностранныхъ языковъ».....

Около пяти лѣтъ З—въ пробылъ за границую, преимущественно въ Голландіи, которую считалъ обѣтованною землею для научныхъ изслѣдованій. «Если бы у меня было столько достатка, говоритъ З—въ, чтобы я могъ приобрести все необходимыя книги, инструменты и натуральныя вещи, то я выбралъ бы для изученія одну только Голландію, какъ страну, заключающую въ себѣ, въ маломъ видѣ, весь почти свѣтъ». Чего не могла дать Голландія, или собственно Лейденскій университетъ, то было добыто З—вымъ въ Страсбургѣ, гдѣ онъ пробылъ также довольно долго, занимаясь естественными науками, работая въ анатомическомъ театрѣ и посвящая свободное время изученію французскаго языка. Въ Лейденскомъ же университетѣ онъ слушалъ лекціи по физикѣ, химіи, ботаникѣ, анатоміи, физиологіи и метафизикѣ. Изъ Страсбурга, проѣхавъ обратно чрезъ Голландію, З—въ возвратился въ Петроградъ, гдѣ подвергся испытанію въ Академіи Наукъ и удостоенъ былъ званія адъюкта Академіи (1779) за диссертацию подъ заглавіемъ: «*Idea metamorphoseos insectorum ad caetera animalia applicata*».

Изучивъ отдаленный сѣверъ Россіи во время своего перваго путешествія, З—въ въ 1781 г., по порученію Академіи, предпринялъ новое путешествіе съ цѣлью изслѣдовать вновь приобретенную Россію мѣстность между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ. Результатомъ этого путешествія явился трудъ его подъ названіемъ: «Путешественныя записки отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781—1782 гг.» (СПб. 1787). Въ этихъ запискахъ З—въ сооб-

щаетъ, между прочимъ, что 30 мая 1781 г. онъ отправился въ путешествіе до Москвы съ даннымъ ему на помощь студентомъ Киріякомъ, однимъ рсесвальщикомъ и стрѣлкомъ и что въ Москвѣ онъ сдѣлалъ необходимыя приготовленія для дальнѣйшаго путешествія и получилъ въ то же время цѣнныя указанія отъ академика Миллера и адъюкта Штриттера о древности тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя предстоялъ ему путь. Далѣе З—въ даетъ описаніе всего того, что встрѣчалось на длинномъ пути отъ Петрограда до Херсона и что заслуживало его вниманія. Путь же его шель черезъ города: Москву, Калугу, Тулу, Мценскъ, Орель, Курскъ, Вѣлгородъ, Харьковъ, Полтаву, Кременчугъ и Херсонъ. При описаніи городовъ и мѣстностей З—въ приводитъ болѣе или менѣе подробныя историческія и статистическія данныя; сообщаетъ свѣдѣнія, касающіяся быта, образованности, нравовъ и вѣрованій жителей, а равно и свѣдѣнія о ружейныхъ заводахъ, курганахъ, народныхъ обрядахъ, различныхъ видахъ животныхъ и растений и т. д.

Изъ письма З—ва къ академикамъ (7 октября 1782 г.) мы видимъ, что, доѣхавъ до Херсона, онъ не желалъ бесполезно проводить въ немъ наступающую зиму и рѣшилъ предпринять поѣздку въ Константинополь. Вотъ какъ самъ онъ рассказываетъ объ этомъ. «Часть враткаго времени, мною на предпріятое путешествіе опредѣленнаго, за благо рассудилъ учинить путешествіе Чернымъ моремъ въ Царьградъ, откуда возвратившись чрезъ Европейскую Турцію, Болгарію, Валахію, Молдавію, Бессарабію и Новую Россію въ Херсонъ, къ лучшему вѣшнему времени отправился въ полуостровъ Крымъ, чрезъ Перекопъ, Карасубазаръ въ Кефу. Намѣреніе мое ѣхать въ Крымъ было, чтобы сдѣлать особое описаніе сего кавказскаго отломыша, единого остатка и свидѣтеля древняго Россіи водополю; но случившееся къ несчастію между татарами несогласіе воспрепятствовало мнѣ достигнуть своего намѣренія и предписало путь, о которомъ я не думалъ, но который слушилъ началомъ скорѣйшаго моего возвращенія. Итакъ я, уѣхавъ изъ Кефы въ Еникале, отправился Азовскимъ моремъ въ Петровскую крѣпость, а отъ оной по Азовской линіи до Кичкаса, что на Днѣпрѣ, въ Херсонъ прибылъ благополучно. Недоволенъ не-

удачею моею въ Крымъ путешествія, искалъ я случая по крайней мѣрѣ награждать свои труды описаніемъ Новороссійской губерніи, и для того поѣхалъ изъ Херсона чрезъ степь другою дорогою, нежели какою пріѣхалъ, вверхъ по Ингулу до Елисавета и въ Кременчугъ. Оттолѣ же мнѣ инаго не оставалось, какъ ѣхать большою дорогою чрезъ Кіевъ, Нѣжинъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Орель, Москву и въ Петербургъ.... По дорогѣ и по городамъ, гдѣ только мнѣ что достойнаго вниманія Академіи казалось, не упущалъ я оное сообщать ей при моихъ рапортахъ: изъ Орла послалъ я карту западныхъ береговъ Чернаго моря отъ Измаила до Царяграда; изъ Кременчуга морскую карту всего Лимана съ промѣрами, начиная отъ устья Днѣпра до Чернаго моря; изъ Херсона пакетъ разныхъ сѣмянъ, дорогою собранныхъ; потомъ карту полуденныхъ границъ Россійской имперіи отъ Гурьева до устья Буга; возвратившись изъ Царяграда, прислалъ я привезенную мною отуда карту Чернаго моря съ промѣрами, потомъ еще пакетъ съ сѣменами, въ Цареградѣ мною собранными, и наконецъ небольшой списокъ надписей, найденныхъ на утесахъ горъ каменистой Аравіи»...

Во время длиннаго своего путешествія по Россіи З—въ имѣлъ возможность ознакомиться съ свѣтлыми и съ темными сторонами тогдашняго общества. Справедливость требуетъ отмѣтить, что онъ не пропускалъ случая помянуть добрымъ словомъ всякаго, кто оказывалъ ему содѣйствіе и понималъ пользу научныхъ предпріятій. Такъ, съ особенною признательностью говорить З—въ о просвѣщенномъ содѣйствіи, оказанномъ ему строителемъ Херсона и героемъ Наварина Иваномъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, сыномъ арапа Петра Великаго; о курскомъ губернаторѣ Петрѣ Семеновичѣ Свистуновѣ, сообщившемъ ему много любопытныхъ историческихъ свѣдѣній; объ управляющимъ Калужскія наместничествомъ генераль-поручикѣ Кречетниковѣ, принявшемъ его чрезвычайно радушно и предложившемъ ему свои услуги; о калужскомъ губернскомъ землемѣрѣ Львовѣ, сообщившемъ весьма цѣнныя свѣдѣнія о краѣ, и др. Иной пріемъ ожидалъ З—ва въ Харьковѣ. Тамошнія власти отнеслись къ нему крайне недружелюбно, и въ ихъ образѣ дѣйствій обнаружались нравы и

привычки мѣстныхъ правителей, творившихъ судъ и расправу по своему произволу и вдохновенію. Въ своихъ «Запискахъ» З—въ ограничивается слѣдующимъ извѣстіемъ о постигшей его напасти: «27 числа августа (1781 г.) назначилъ было я себя къ выѣзду моему изъ Харькова; но къ несчастію посланный отъ меня солдатъ за лошадьми возвратился отъ содержателя почты майора Мордвинова съ требованіемъ напередъ двойныхъ прогоновъ, каковыя учреждены были нѣкогда на время войны, продолжавшейся съ турками. Требованіе такое случилось со мною во всю мою дорогу еще впервые, и хотя я слышалъ, что всѣ проѣзжающіе купцы платятъ ему такимъ образомъ, а иногда и болѣе, смотря по тому, какое положеніе выйдетъ отъ сего почтмейстера, однако симъ не хотѣвъ съ ними казенными деньгами равняться, пошелъ я къ губернатору Щербинину, не вѣдавъ ихъ родства, просить, дабы онъ умѣрилъ почтмейстерское сребролюбіе. Отъ сего принять было еще грубѣе, нежели какъ надѣялся»....

Въ письмѣ же къ академикамъ (30 августа 1781 г.) онъ рассказываетъ дѣло со всѣми его возмутительными подробностями. Губернаторъ приказалъ отвести З—ва къ наместнику. Наместникъ же, «вслушавъ рапортъ, вскопчилъ изъ-за стѣны съ великою яростію будто драться и закричалъ: подъ караулъ его, на гауптвахту. Подхватили меня два гусара; привели приставили еще двоихъ, всѣ съ ружьями; чего не спрошу отъ караульнаго офицера, чернилъ или бумаги, всего мнѣ давать было заказано, и ниже на piedень отъ гауптвахты. И такъ долженъ былъ я слабый повиноваться сильнѣйшему.... Продрагивалъ слѣдовательно я сію незнакому мнѣ въ моей жизни ночь. Поутру около обѣденъ, когда наместникъ проснулся и всталъ, отпрапортовалъ ему гусарь о находящемся на гауптвахтѣ арестантѣ; онъ приказалъ меня привести предъ себя; я велѣлъ сказать, что покуда онъ не освободитъ меня изъ-подъ караула, я къ нему не буду; онъ велѣлъ меня двумъ гусарамъ тащить. И такимъ образомъ за милость себя долженъ былъ считать, что офицеръ въ послѣднемъ приказаніи по моему прошенію сдѣлалъ мнѣ послабленіе и отпустилъ меня идти самому съ гусаромъ. Предсталъ я передъ наместника по обыкновенію; онъ мнѣ началъ говорить: что,

рбатецъ, куда ты заѣхалъ? или ты думаешь, что здѣсь невѣжды: для чего ты такъ неучтиво поступаешь? — Да вотъ ты и теперь, даже и противъ меня неучтивъ; конечно васъ вѣжливости въ Академіи не учать: такъ я много уже вашу братію училъ и теперь тебя учить стану. Поставилъ меня у порога, положилъ одну руку въ пазуху, другую вытянулъ, послѣ велѣлъ смотрѣть на себя: и такъ-то вотъ надобно стоять, и такъ-то вотъ надобно нагибаться, и такъ-то вотъ надобно говорить, знай, что я генералъ-губернаторъ, на мѣстѣ генералъ-аншефа и въ должности намѣстника. Въ доказательство же своей глупости и пустыхъ приязокъ началъ передо мною читать одинъ артикулъ изъ книги учрежденія о управленіи мѣстничествъ, что должность намѣстника есть смотрѣть за порядкомъ, учтивствомъ и вѣжливостію и проч. Мнѣ сказано было напередъ отъ офицера, чтобъ я ни малѣйше не прекословилъ, иначе сила его, говорить, велика и власть страшна; и для того долженъ я былъ во всемъ повиноваться, во всемъ говорить хорошо, и напоследокъ по долгому безмолвію пошелъ на квартиру, просилъ у сего, чтобъ хотя единое мнѣ у его чужестранцу оказалъ благодѣяніе, приказалъ бы поскорѣе изъ своихъ границъ выѣхать; хорошо: мы въ тебѣ нужды не имѣли и не имѣемъ, и зачѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ те знаетъ (хотя у его въ рукахъ былъ паспортъ, и подорожная и ночевала), поѣзжай. Послалъ я опять за лошадей къ майору; тотъ опять твердитъ: двѣнадцать. Послалъ я искать вольныхъ пріѣзжихъ ямщиковъ, ибо малороссіянъ въ наемъ здѣсь не сыщешь; тѣмъ всѣмъ безъ дозволенія майора наниматься не велѣно; и такъ принужденъ и былъ согласиться на майорское произволеніе, лишь бы изъ города выѣхать. Но сей въ ослабленныхъ цѣпяхъ звѣръ въ послѣдніе рыкнулъ моему солдату сими словами: на милость я вамъ даю десять лошадей, и если будете ѣхать шибко, то всѣхъ васъ засажу въ тюрьму до самой смерти, такъ что вы свѣту Божьяго не увидите. При всемъ томъ долженъ я былъ еще дожидаться лошадей до вечера по причинѣ, будто еще не кормлены; наконецъ привели, и я поѣхалъ столько радъ, что забылъ все происшествіе и обиду, и сидѣлъ въ каретѣ, остолбенѣвъ чрезъ 120 верстъ, не выходя до самой Полтавы).

Въ довершеніе въ тѣмъ неприятностямъ, которымъ З—въ подвергался въ своемъ длинномъ путешествіи со стороны лицъ другого склада понятій и другой общественной обстановки, онъ испытывалъ тѣ же неприятности и со стороны академиковъ, которые вмѣсто содѣйствія оказывали умышленное невниманіе къ нему и къ его трудамъ. Такъ, въ выше приведенномъ письмѣ его къ академикамъ (7 октября 1782 г.) онъ пишетъ: «Отправясь, всѣмъ будучи сперва снабженъ и въ полной надеждѣ вашего и впредь неослабленія въ моемъ путешествіи, лишень былъ въ семь удаленіи не только нужными переписки, благоволенія или неблаговоленія Академіи на мои представленія, но и полученія на дорогу денегъ и на мои прошенія о томъ отвѣтовъ.... И потому за благо рассудилъ дальнѣйшія мои путешествія, въ коихъ, какъ кажется, всѣ и всякъ, положась на мое стараніе, должны бѣ были находить въ разсужденіи учености свою пользу и выгоды, оставить и возвратиться обратно».

Изъ путешествія З—въ возвратился 7 октября 1782 г. Въ это же время онъ выбранъ былъ въ члены СІВ. экономического общества. Не получая званія академика, на которое имѣлъ полное право, З—въ написалъ въ Академію воззваніе, имѣющее характеръ протеста и требующее не какой-нибудь милости, а безпристрастія и справедливости. Обращаясь къ членамъ ученаго собранія, З—въ говорить: «Оказанныя во время моего путешествія сему обществу услуги, понесенныя труды, счастливое оныхъ окончаніе, дѣлая мнѣ честь, которую я всегда имѣю хвалиться, принуждаютъ требовать отъ сего высокопочтеннаго собранія признательности и награжденія. Пріятство ваше, мои высокопочтенные господа, съ какимъ меня приняли въ засѣданіе опять съ вами по моемъ возвращеніи, общевало мнѣ оное давно, и я въ полученіи отъ васъ имени академика изъ лицъ вашихъ уже былъ будто увѣренъ. Но почтеніе, какое я имѣю къ сему мѣсту, и скромность не позволили мнѣ до сихъ поръ въ томъ изъяняться или настоять на своихъ требованіяхъ, которые однако сколько законны, васъ самихъ свидѣтелями призываю. Путешествовавшіе преже академики, сначала снѣмъ однимъ получа себѣ славу, послѣ изданными своими сочиненіями приобрьвъ честь, открыли себѣ на вѣкъ путь

къ собственному своему благосостоянію. Посланные въ то же время и съ тѣмъ же намѣреніемъ адъюнкты, гораздо прежде своего Петербургъ возвращенія, сдѣланы были за свои труды академиками. Я льстил себя, признаюсь, также, что счастье сіе со мною еще въ дорогѣ свершится, наипаче будучи столько увѣренъ о своихъ трудахъ, ревности и прилежаніи, какія я оказывать Академіи всегда старался, однако до сихъ поръ тщетно. Кто самъ путешествовалъ за дѣломъ, а не такъ, чтобы переѣзжать только съ мѣста на мѣсто, тотъ узнаетъ, чего такъовые труды стоятъ. И я, наипаче оконча мое путешествіе благополучно, не сказалъ бы о всемъ томъ ни слова, еслибъ не видѣлъ, что сверстники мои, Георгіи и Фусъ, представляя учиненные труды свои въ покоѣ и седмилѣтнее адъюнкство, не требовали сего преимущества первыи, и въ требованіи своемъ не были удовольствованы. Я не представляю вамъ времени моего службы, которая и безъ того всемъ извѣстна, ниже отымаю достоинствъ моихъ сверстниковъ; но скажу только, что съ самаго начала оныя служили въ Академіи всегда вещественнѣе, нежели каковою могутъ хвалиться вышеписанные адъюнкты. Г. Палласъ, честь нашего собранія, здѣсь засѣдающій, будетъ отвѣтствовать за меня, есть ли моихъ услугъ Академіи даже и въ это время, когда я еще подъ его предводительствомъ въ физической экспедиціи находился. Въ нынѣшнюю же мою экспедицію сколько моихъ трудовъ и усердія было, собранію сему извѣстно. Во всякой другой службѣ такъовые подвиги у безпристрастныхъ судей не долго бѣ остались въ размысленіи, какого они воздаяніи достойны. Служа въ моемъ отечествѣ болѣе изъ чести, нежели изъ денегъ, исправлялъ я все то, что въ нашемъ обществѣ академики дѣлаютъ, и если я старался до сего времени усугублять мое знаніе и успѣхи въ моей наукѣ, то не для чего, какъ чтобъ быть достойнымъ сего званія, которое для меня драгоцѣнно. И такъ ссылаюсь я на моего путеводаителя г. Палласа; ссылаюсь на факультетъ нашего собранія, къ которому я причисленъ; ссылаюсь на васъ всѣхъ, если вы столько же безпристрастны, сколько праведны: скажите, достоинъ ли я быть академикомъ и занимать подъ симъ именьемъ мѣсто въ собраніи между вами. Согласились вы

прежде на производство вышеписанныхъ двухъ адъюнктовъ, произвели ихъ въ академики: я надѣюсь, что безпристрастіе ваше, мое высокопочтенное господство, будетъ равнымъ образомъ и ко мнѣ благосклонно. Не думаю, чтобъ высокопочтенное собраніе въ семъ случаѣ требованія моего не оправдало. Но расчеты З—ва на «высокопочтенное собраніе» оказались невѣрными. Всѣ сознавали, что З—въ говоритъ правду но просьба его оставлена была безъ вниманія. Мало того, онъ не только не былъ произведенъ въ академики, но неожиданно вовсе исключенъ изъ Академіи 17 февраля 1784 г. Чтобы уяснить послѣдній фактъ, необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что при дворѣ въ это время боролись изъ-за вліянія на императрицу Екатерину II два видныхъ лица—академикъ Палласъ и президентъ Академіи кн. Дашкова. Послѣдняя до такой степени преувеличивала свое участіе въ воцареніи Екатерины, что императрица замѣтно охладѣла къ ней и такъ или иначе высказывала ей свое неудовольствіе. Въ Академіи Наукъ орудіемъ Екатерины былъ Палласъ, приобрѣвшій особенное довѣріе государыни во время работъ ея по сравнительному словарю. З—въ же былъ любимымъ ученикомъ и адъюнктомъ Палласа: отсюда и нерасположеніе Дашковой къ З—ву, который такимъ образомъ попалъ между двухъ огней. Это—причина удаленія З—ва изъ Академіи, поводомъ же къ этому послужили, съ одной стороны, поѣздка его въ Царьградъ (о которой упоминалось выше), хотя она была совершена съ научною цѣлью, а съ другой—участіе его въ трудахъ Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ. Дашкова не могла простить З—ву то, что онъ безъ ея разрѣшенія вступилъ въ училищную Комиссію. По этому поводу она прислала въ Академію слѣдующее предписаніе: «Хотя кажется и невозможно полагать чтобъ подчиненные, находящіеся при какомъ-либо мѣстѣ, могли располагать временемъ своимъ по собственному произволу безъ дозволенія на то отъ начальства, и не давъ о томъ знать тому мѣсту, въ которомъ они опредѣленными находятся; тѣмъ менѣе еще терпимо, чтобъ подчиненные совѣмъ не уважали своими должностями; но адъюнктъ Императорской Академіи Наукъ Василій Зуевъ поведеніемъ своимъ сіе точно показалъ на дѣлѣ, и не изирая на всѣ ему дѣланныя на-

ставленія, въ томъ не поправился, забывъ всё изліянныя Академіею на него благодаренія; забывъ, что онъ еще обязанъ удовлетворять оную за нелѣпую свою царградскую экспедицію, ибо, возвратясь уже два года назадъ, онъ своихъ поденныхъ записокъ не привелъ еще въ порядокъ, и посредствомъ только многократныхъ выговоровъ достала Академія отъ него нѣкоторое число неисправныхъ тетрадей. Изъ сего всего видѣть можно, что онъ ни мало не старается быть Академіи полезнымъ, и какъ оная безъ него можетъ обойтись, то для утвержденія порядка и законами установленнаго повиновенія Академіи Наукъ директоръ, по должности и власти, избранный въ академическомъ регламентѣ, хотя съ сожалѣніемъ, но для примѣру другихъ, приказала помянутаго адъюнкта Зуева изъ академической службы исключить и сіе, записать въ журналъ, ему объявить». Отрицательное отношеніе кн. Дашковой къ З—ву проявилось еще и въ томъ, что когда П. В. Завадовскій запросилъ ее письмомъ (22 апрѣля 1786 г.) о томъ, можетъ ли Академія Наукъ снабдить вновь открываемые университеты нѣкоторыми учеными людьми, способными преподавать въ нихъ науки, Дашкова, давая отзывы объ академикахъ, кто чѣмъ занимается, о З—вѣ сообщила, что онъ занимается больше посторонними дѣлами, но «нынѣ кунно съ профессоромъ Георгіемъ будетъ учреждать минеральный кабинетъ». Наконецъ Дашкова допустила даже такую выходку противъ З—ва, которая шла вразрѣзъ съ ея обыкновеннымъ образомъ дѣйствій. Въ 1790 г. З—въ помѣстилъ въ «Nova Acta» статью, заключающую въ себѣ описаніе двухъ экземпляровъ муренъ. Объ этой статьѣ былъ данъ нѣкоторыми неблагоприятный отзывъ. Дашкова поручила академикамъ внимательно рассмотреть статью и немедленно исключить ее изъ академическаго изданія, если невыгодные отзывы о ней подтвердятся. Но академики единогласно заявили, что статья З—ва, не заключая въ себѣ ничего противнаго научнымъ требованіямъ, должна сохранить свое мѣсто на страницахъ ученаго изданія.

Фактъ самовольнаго и несправедливаго исключенія изъ числа адъюнктовъ Академіи З—ва сильно возмутилъ Палласа, который принималъ живое участіе въ судьбѣ его. Палласъ, засвидѣтельствовавъ пис-

менно усердіе З—ва къ наукѣ и его успѣхи въ бытность адъюнктомъ Академіи, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ въ засѣданіи 23 февраля 1784 г. баллотировать вопросъ, не исполнялъ ли З—въ удовлетворительно всё обязанности адъюнкта? Но большинствомъ членовъ предложеніе это не было принято. Тогда Палласъ сообщилъ Екатеринѣ II о поступкѣ Дашковой, при чемъ не преминулъ высказать ей, что онъ видитъ въ этомъ поступкѣ оскорбленіе всей ученой корпораціи и произволъ власти, для котораго нельзя найти оправданія. Императрица вполне согласилась съ Палласомъ и дала повелѣніе такого рода, что грозная мѣра Дашковой обращалась въ ничто. Дашкова удалена З—ва изъ Академіи, между прочимъ, за участіе въ дѣятельности Комиссіи о народныхъ училищахъ, Екатерина же въ указѣ 4 марта 1784 г. повелѣвала, чтобы каждый академикъ и адъюнктъ, находящійся при училищной Комиссіи, непременно сохранялъ свое мѣсто и въ Академіи. По прочтеніи этого указа въ собраніи Академіи Наукъ Палласъ обратился къ собранію съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ доказывалъ, что за уничтоженіемъ указомъ причины исключенія З—ва слѣдуетъ повторить прежнее ходатайство, тѣмъ болѣе, что сама императрица желаетъ возвращенія З—ва въ Академію. Ударъ Палласа направленъ былъ чрезвычайно мѣтко, и Дашкова должна была уступить торжествующему противнику, заявивъ, что она снова принимаетъ въ Академію Зуева, «несмотря на его виновность и неудачную (!) защиту его Палласомъ».

Выше было указано, что З—въ принималъ участіе въ трудахъ Комиссіи о народныхъ училищахъ и что это участіе послужило источникомъ большихъ непріятностей для него. Въ чемъ же выразилось его участіе въ этой Комиссіи? Когда Комиссіей было открыто въ Петербургѣ (1784 г.) нормальное и главное народное училище для подготовки къ учительскимъ должностямъ студентовъ духовныхъ семинарій, то З—въ былъ назначенъ ею въ этотъ институтъ профессоромъ естественной исторіи и по порученію ея составилъ «Начертаніе естественной исторіи», которое, по отзыву Палласа, превосходило всё тогдашнія иностранныя руководства по этому предмету. Оно было напечатано съ исправленіями и дополненіями, сдѣланными

Палласомъ въ 1787 г., въ 2-хъ томахъ (съ рисунками) въ количествѣ 3000 экземпляровъ, изъ которыхъ 25 экземпляровъ были даны безвозмездно З-ву, и ему же выдано было вознагражденіе въ 1000 рублей. Далѣе, Коммиссія, желая, чтобы ученики главнаго народнаго училища съ пользою проводили остающееся у нихъ свободное время, разрѣшила имъ издавать журналъ подъ названіемъ «Растущій Виноградъ», въ которомъ студенты помѣщали свои самостоятельныя и переводныя работы. Первымъ редакторомъ журнала былъ Е. Б. Сырейщиковъ, а потомъ его смѣнилъ З-въ. По свѣдѣніямъ митрополита Евгенія, въ этомъ журналѣ помѣщено нѣсколько статей З-ва, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья «О происхожденіи горъ», но подписи З-ва подъ этой статьей не имѣется, какъ не имѣется ея ни подъ одной статьей за все время (1785—1787 гг.) изданія журнала.

Въ 1787 г. З-въ за ревностную и успѣшную службу былъ возведенъ въ званіе академика и профессора естественной исторіи. Но недолго суждено было З-ву трудиться для науки въ академической средѣ. Путешествія, сопряженныя со всевозможными неудобствами и лишеніями, и другія невзгоды оставили глубокіе слѣды въ жизни нашего ученаго. Последніе годы его недолгой жизни отняты были у него болѣзнь, которая разрушила его физическія силы, совершенно лишила его памяти и преждевременно свела въ могилу. Онъ скончался 8 января 1794 г., имѣя отъ роду всего 40 лѣтъ.

Памятниками учено-литературной дѣятельности З-ва служатъ его статьи и мемуары, писанные на русскомъ, латинскомъ и отчасти французскомъ языкахъ, и описанія совершенныхъ имъ путешествій. Мемуары З-ва относятся преимущественно къ зоологій. Достоинство ихъ определяется какъ выборомъ предмета, такъ и научными приемами автора. Всѣ эти мемуары были рассмотрѣны въ свое время ученымъ собраніемъ Академіи, признавшимъ ихъ безспорное значеніе для науки. Нѣкоторые изъ видовъ, впервые описанныхъ З-вымъ, удержали навсегда его имя, и въ ученыхъ трудахъ европейскихъ натуралистовъ можно было встрѣтить: *mucaena alba Zuiew*, *mucaena fusca Zuiew* и т. д. Изъ трудовъ его, написанныхъ на иностранныхъ языкахъ, извѣстны слѣдую-

щія: 1) «Anatome musculi subcutanei in Erinaceo europaeo Linn.» («Nowa Acta» 1779, Ps. I, p. 224—228); 2) «Descriptio Piscis non descripti, qui pertinet ad genus Scarorum Forscalii» (ib. 1779, Ps. I, p. 229—232); 3) «Blenniorum duae species ex Musaeo Academico describuntur» (ib. 1779, Ps. II, p. 198—201); 4) «Anarhichas pantherinus. Russis Кусачка, Сука». (ib. 1781, Ps. I, p. 271—277); 5) «Reflexions sur le territoire Taurique, et ses environs» (lu à l'Académie le 24 octobre 1785) (ib., t. III, p. 76—80); 6) «Petrefacta ignota» (Convent. exhib. die 1 novembr. 1787) (ib., t. III, p. 274—276); 7) «Descriptio Characis Leucometopontis» (Convent. exhib. die 1 mai 1788) (ib., t. IV, p. 275—278); 8) «Echeneidis nova species. (Convent. exhib. die 1 mai 1788) (ib. t. IV, p. 279—283); 9) «Foetus Squali singularis». Dorsio mutico, dentibus acutis» (Convent. exhib. die 25 sept. 1788) (ib., t. V, p. 239—242); 10) «Gymnoti nova species» (Convent. exhib. die 5 febr. 1789) (ib., t. V, p. 269—273) и 11) «Biga Muraenarum, novae species descriptae a...» (Convent. exhib. die 11 octobr. 1790) (ib., t. VII, p. 296—301).

Русскія же статьи З-ва помѣщались въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» и «Мѣсяцесловѣ историческомъ и географическомъ». Эти статьи слѣдующія: 1) «Объ азиатскихъ областяхъ, къ Черному морю прилежащихъ» (Выписка изъ «Путешественныхъ записокъ». Мѣс. на 1777 г. Собр. соч., выбр. изъ Мѣсяцеслововъ, ч. VI—1790 г., стр. 219—241); 2) «О полуостровѣ Крымѣ» (Выписка отсюда же. Мѣс. на 1783 г., стр. 122—170. Собр. соч., выбр. изъ Мѣс., ч. V—1790 г., стр. 265—303); 3) «О российской торговлѣ по Черному морю» (Мѣс. на 1784 г. Собр. соч., выбр. изъ Мѣс., ч. V—1790 г., стр. 377—401); 4) «О бывшихъ промыслахъ запорожскихъ казаковъ и наипаче о рыбномъ» (Мѣс. на 1786 г. Собр. соч., выбр. изъ Мѣс., ч. VI—1790 г., стр. 104—119); 5) «О разныхъ средствахъ составлять драгоценные камни» (Перев. изъ Энциклоп. журн., т. VI, ч. I и II 1786 г. «Нов. Еж. Соч.» 1787 г., ч. IX, стр. 60—78); 6) «Примѣчанія г. Вильса, пастора въ Спидсбергѣ, что въ Норвегій, о слѣдствіяхъ, отъ солнечныхъ круговъ и мнимыхъ солнцевъ происходящихъ» (ib. 1787 г., ч. XIII, стр. 30—32); 7) «О дѣйствии воздуха на тѣло человѣческое» (ib. 1787 г., ч. XV,

стр. 32—39); 8) «Различные способы къ прокормленію скота во время засухи и о распространеніи кормовыхъ средствъ» (ib. 1787 г., ч. XVI, стр. 3—27); 9) «Причины, отъ коихъ воздухъ въ покоехъ испортиться можетъ» (ib. 1787 г., ч. XVI, стр. 50—56); 10) «Подлинныя извѣстія о японцахъ, читанныя въ королевской Шведской академіи г. Тунбергомъ» (Перев. Пв. 1787 г., ч. XVII, стр. 32—55); 11) «Выписка изъ путешествія г. Соннерата въ Восточной Индіи» (ib. 1788 г., ч. XXV, стр. 3—23); 12) «О турфѣ» (торфѣ) (ib. 1788 г., ч. XXVII, стр. 85—97); 13) «Способъ узнавать подмѣшиваемыя въ вина различныя вредныя вещества» (ib. 1788 г., ч. XXVIII, стр. 22—33); 14) «Объ остаткахъ древнихъ мѣсть въ Малой Азіи» («Мѣс.» на 1788 г., стр. 86—111. Собр. соч., выбр. изъ Мѣс., ч. VI—1790 г., стр. 353—374) и 15) «Объ огненныхъ на воздухѣ явленіяхъ» («Нов. Еж. Соч.», 1789 г., ч. XXXIII, стр. 31—75). Наконецъ русская литература обязана З—ву переводомъ на русский языкъ сочиненій Палласа: «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства» (Спб. 1773—1778. Въмѣстѣ съ другими) и «Описание растений Россійскаго государства» (ч. I, Спб. 1788 г.). Послѣдній переводъ былъ встрѣченъ сочувственно современной критикой. Въ «Зеркалѣ Свѣта» (ч. III, стр. 368) говорилось, что З—въ заслуживаетъ отъ общества благодарность, «ибо предполагаетъ оное не токмо яснымъ и вразумительнымъ всякому російскимъ слогу, но и тщился выражать ботаническія реченія соответствующими словами». Далѣе, З—въ участвовалъ въ переводѣ «Естественной Исторіи» Бюффона (Спб. 1789—1803), затѣмъ, по указанію митр. Евгенія, представилъ въ Академію (1791 г.) переводъ гренландскаго миссіонера и епископа Еггеда «Описание Гренландіи» и наконецъ по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Архивѣ м-ва народнаго просвѣщенія, перевелъ «Естественную исторію» Эркслебена, тоже представленную имъ въ Академію, но въ то время не напечатанную.

Севергинъ, «Précis de la vie de m. r. Basil Zooueff» («Nova Acta». T. XII. Histoire, p. 4—7).—*Митрон. Евгений*, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 233—236.—*Сухомятиновъ*, «Академикъ Зуевъ и его путешествіе по Россіи» («Древняя и Новая Россія» 1879 г., № 2, стр. 96—111).—*Его же*, «Исторія Россійской Академіи», т. I, стр. 32,

35, 373; т. II, стр. 215, 216, 310, 311.—«Историч. Библіотека» 1879 г., № 11, стр. 3—6.—*Геннади*, Словарь, т. II.—*Пытинъ*, «Исторія рус. литературы», т. IV, стр. 302.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Рос.», т. I, прим. 90, 306, 307, 513.—*Губерти*, Матеріалы, т. III, стр. 138.—«Другъ Просвѣщенія» 1806 г., № 10.—«Роспись російскимъ книгамъ для чтенія пазъ библіотеки А. Смиддина», №№ 3820. 4429, 4523.—*А. С. Рождественскій*, «Очеркъ по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX в.», т. I, стр. 674.—«Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg depuis sa fondation. 1-re partie. Publications en langues étrangères. St.-Petersb. 1872 p., 195, 262, 291, 397.—Систематическій и алфавитный указатель статей, помѣщ. въ періодич. изданіяхъ и сборникахъ Имп. Академіи Наукъ, а также сочиненій, изданныхъ Академіею отдѣльно со времени ея основанія по 1872 включительно. Ч. II. Сочин. на рус. яз. 1875 г., стр. 36, 72, 87, 92, 124, 136, 209, 213, 333, 383.—*А. Н. Неустроевъ*, «Историч. розысканіе о рус. повремен. изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.г. Спб. 1875 г., стр. XLI, 367, 406—411.—Архивъ М—ва Нар. Просвѣщ., картонъ № 1279, дѣло № 38473 «О напечатаніи Натуральной исторіи, сочиненной проф. Зуевымъ, и о вознагражденіи трудившагося» (1785 г.) и картонъ № 1279, дѣло 38505 «О ненапечатаніи изданныхъ книгъ: Естественной исторіи Эркслебена и Ботаники Маконова» (1784 г.).

М—въ.

Зуевъ, *Никита Ивановичъ*, д. с. с., картографъ и писатель, род. въ 1823 г., образованіе получилъ въ одной изъ Петроградскихъ гимназій, а затѣмъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, по окончаніи котораго въ 1844 г. онъ въ февралѣ слѣдующаго года былъ опредѣленъ въ Архангельскую гимназію учителемъ латинскаго языка, но оставался здѣсь недолго и въ томъ-же году перевелся въ Псковскую гимназію преподавателемъ исторіи, откуда въ 1848 г. перешелъ въ 3-ью Петроградскую гимназію, гдѣ преподавалъ латинскій языкъ и словесность. Въ 1853 г. З—въ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія. Приглашенный въ 1863 г. къ редактированію трудовъ центрального статистическаго комитета, онъ тогда-же перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а въ послѣдніе годы, кромѣ того, состоялъ сверхштатнымъ чиновникомъ при Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

З—въ всю жизнь трудился на пользу науки и составилъ большое число учебныхъ руководствъ и пособій по исторіи и географіи. Первымъ по времени было написано имъ «Руководство къ познанію всеобщей исторіи. Древняя исторія» (Спб. 1848 г.). Современная критика сочувственно встрѣтила появленіе этого труда. «Замѣтно—говорилось—желаніе упростить изученіе исторіи, въ которой учащійся безпрестанно сталкивается съ словами: религія, государственное устройство, государственное управленіе, форма правленія—словами, стоящими гораздо выше понятій начинающаго учиться исторіи». («Отеч. Зап.» 1848 г., т. 59, отд. VI, стр. 39). «Современникъ» же, подчеркнувъ въ руководствѣ непоследовательную группировку отдѣльных фактовъ, замѣчаетъ, что оно «не лишено и достоинствъ, и главное изъ нихъ—очевидное желаніе сдѣлать добро въ системѣ воспитанія» (1848 г., т. 12, отд. III, стр. 54). Въ слѣдующемъ 1849 году З—въ выпустилъ въ свѣтъ «Руководство къ познанію всеобщей исторіи. Средняя исторія» (Спб. 1849 г.). «Современникъ» по поводу его писалъ: «Зуевъ основательно знакомъ съ своимъ предметомъ и, кромѣ того, владѣетъ языкомъ: его языкъ почти вездѣ правиленъ, мѣстами очень плавенъ и отличается простотою—качества, котораго мы не видѣли въ его древней исторіи. Мы не отвергаемъ и внутреннихъ достоинствъ этой исторіи: въ ней преподаватель найдетъ много такихъ фактовъ, которые разсѣяны по разнымъ источникамъ и пособіямъ и которые нелегко находить при необходимыхъ справкахъ, но Зуевъ цитируетъ источники какъ-то поверхностно, какъ будто что-то лишнее» (1849 г., т. 17, отд. III, стр. 94). «Отечест. Записки» же, какъ на минусть, указали: отсутствіе въ руководствѣ дѣленія средней исторіи на періоды и отсутствіе объясненій причинъ и слѣдствій крестовыхъ походовъ; въ плюсъ же поставили снабженіе руководства указателемъ названій городовъ, рѣкъ, горъ и пр. (1849 г., т. 65, отд. VI, стр. 31). Это же «Руководство Зуева къ познанію всеобщей исторіи» вторымъ изданіемъ (въ 2-хъ частяхъ) вышло въ 1851—52 г.г. подъ заглавіемъ: «Учебная книга всеобщей исторіи», а третьимъ и четвертымъ изданіемъ (въ 3-хъ частяхъ) въ 1855—57 г.г. Объ этихъ учебникахъ Д. Иловайскій писалъ:

«Всеобщая исторія Зуева не отличается легкостью и простотою слога... авторъ впадаетъ безпрерывно въ торжественный тонъ и пишетъ часто темнымъ, высокопарнымъ слогомъ. Отсутствуетъ картинное изображеніе эпохи, искусная группировка событій, соразмѣрность и гармонія частей, отсутствуетъ система». («Моск. Вѣд.» 1858 г., № 67). Въ журналѣ же «Воспитаніе» указывалось на сбивчивость изложенія автора, на отсутствіе последовательности въ соединеніи фактовъ, которыхъ предложено много, а разсказовъ дано мало, и на витѣватость языка (1860 г., т. VII, № 3, стр. 71). Далѣе З—въ напечаталъ «Изображеніе главнѣйшихъ и болѣе употребительныхъ штандартовъ, флаговъ, вымпеловъ и кокардъ всѣхъ государствъ въ 5-ти частяхъ свѣта» (Спб. 1854 г.). Слѣдующимъ по времени печатнымъ трудомъ его было «Начертаніе древней географіи и исторія древнихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ» (Спб. 1855 г. Съ 3-мя картами). Появленіе этого труда было встрѣчено критикою болѣе строго. «Зуевъ старался говорить «Отеч. Записки»—представить въ предлагаемой учебной книгѣ опытъ соединенія прагматическаго и критическаго изложенія всеобщей исторіи... Но авторъ этой пѣли не достигаетъ, ибо учебникъ наполненъ сухимъ перечислѣмъ отрывочныхъ фактовъ и такихъ отвлеченныхъ идей, которыя могутъ быть понятны только человѣку, уже хорошо знакомому съ фактическою исторіею. Слѣды же желанія Зуева внести критическій элементъ въ изложеніе «Исторіи древнихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ» находимъ въ его сочиненіи въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣчаются въ слояхъ земной коры слѣды допотопныхъ животныхъ» (1855 г., т. 103, отд. IV, стр. 16). Не менѣе строгъ былъ къ З—ву и другой критикъ: «Назвать такую тетрадку прагматическою и критическою исторіей, писать оны, намъ кажется ужъ слишкомъ много: это просто значить дѣлать изъ мухи слова. На самомъ же дѣлѣ это точно такой же учебникъ всеобщей исторіи, по которому мы съ вами давно учились въ школѣ и въ которомъ русская учебная литература въ настоящее время не нуждается» («Библ. для Чтенія» 1855 г., т. 132, отд. VI, стр. 42). Но такое отношеніе критики не смущало З—ва, и онъ продолжалъ съ неослабной энергіей работать на пользу

науки. Въ томъ же 1855 г. онъ издалъ книгу «Азовское море, съ его приморскими и портовыми городами, ихъ жителями, промыслами и торговлею, внутри и внѣ Россіи. Съ приложеніемъ карты Азовскаго моря» (Спб., 1855 г.). «Книжка эта, говорить «Современникъ», составлена внимательно и представляетъ интересъ по случаю военныхъ событій, театромъ которыхъ служитъ Азовское море и его берега. Карта Азовскаго моря литографирована и иллюминирована очень отчетливо» (1855 г., т. 52, стр. 42).

Въ 1860 г. З—въ издалъ «Учебный атласъ Россійской имперіи». По поводу этого труда возгорѣлась оживленная полемика между З—вымъ и В. Полторацкимъ, который помѣстилъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (№ 86) о немъ неодобрительный отзывъ. Этотъ отзывъ Полторацкаго вызвалъ отвѣтъ З—ва въ «Сѣв. Пчелѣ» (№ 123), а отвѣтъ З—ва отповѣдь Полторацкаго въ «Спб. Вѣдом.» (№ 133). Въ полемикѣ приняли участіе: А. Крыловъ, А. Д. и А. Голубевъ. Первый напечаталъ статью въ «Сынѣ Отечества» (№ 30) подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о статьяхъ въ № 86 «Спб. Вѣдомостей» и №№ 123 и 140 «Сѣверной Пчелы» (перепечатанная въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», № 78) и явно взялъ сторону З—ва. Къ нему же примкнулъ и А. Д., помѣстившій въ «Сынѣ Отечества» (№ 8) сочувственную Зуеву статью «Нѣчто о картографіи и въ особенности о трудахъ г. Зуева по этой части». Голубевъ же, напротивъ, взялъ сторону Полторацкаго, помѣстивъ въ «С.-Петербур. Вѣд.» (№ 147) статью «Замѣчанія по поводу подробнаго атласа Россіи Зуева». Затѣмъ З—въ приготовилъ къ печати еще статью «Нѣсколько словъ г-ну Полторацкому отъ Зуева», но редакція петроградскихъ газетъ не приняла ея «по какимъ-то личностямъ», какъ объяснялъ З—въ, и она появилась въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» (№ 69), а затѣмъ въ «Русскомъ Мирѣ» (№ 65). Тогда же З—въ помѣстилъ въ «Сѣв. Пчелѣ» (1860 г., № 140) «Краткій разборъ карты Верхней Италіи подполковника В. Полторацкаго». Въ 1864 г. въ «Сѣв. Почтѣ» (№ 223) появилась статья З—ва подъ заглавіемъ: «Краткій статистическій очеркъ тюремнаго элемента въ Россіи». Въ 1867 г. онъ издалъ «Историческій атласъ» ч. I. Древняя исторія, а въ 1868 г. «Генеральную карту Европейской

Россіи». Объ этой картѣ писалось, что она «дѣйствительно можетъ служить пособіемъ при изученіи отечественной географіи въ низшихъ классахъ гимназій. Составитель счастливо избѣгъ бесполезной и даже вредной пестроты и въ то же время нанесъ на карту все необходимое. Что же касается «Историческаго атласа», то о немъ говорилось, что «въ немъ многого, совершенно необходимаго для историческаго атласа, недостаетъ и что, напротивъ, въ немъ есть много лишняго. Такъ, Зуевъ беретъ какія-либо страны въ неопредѣленный моментъ или въ два совершенно различные историческіе момента разомъ, смѣшивая ихъ между собою, и представляетъ ихъ безъ всякаго отношенія къ историческимъ событіямъ и перемѣнамъ» («Журн. М-ва Нар. Просв.» 1868 г., № 2, стр. 626). Черезъ годъ З—въ выпустилъ въ свѣтъ: «Генеральныя карты Европы, Европейской Россіи и Азіатской Россіи или Сибири» (СПБ., 1869 г.). Отмѣтивъ несомнѣнный достоинства картъ, критику въ то же время замѣтилъ и погрѣшность въ самомъ заглавіи 3-й карты, указавъ, что «отождествлять Сибирь съ Азіатской Россіей никакъ нельзя, ибо послѣдняя, кромѣ Сибири, обнимаетъ Туркестанскій край, который не можетъ быть относимъ къ Сибири, и сверхъ того Закавказскій, если не весь Кавказскій край» («Журн. М-ва Нар. Пр.» 1871 г., № 10, стр. 66). Въ 1870 г. вышелъ трудъ З—ва подъ заглавіемъ: «Иллюстрированная популярная физическая географія» (СПБ., 1870 г., 2-е изд. 1874 г.), суровый отзывъ о которомъ появился въ «Дѣлѣ» (1870 г. № 8, Отд. Нов. книги, стр. 56). Въ 1887 г. З—въ издалъ «Географію Россійской имперіи», появленіе которой критика приветствовала, какъ единственную иллюстрированную географію Россіи, обработанную по новѣйшимъ источникамъ, которая безъ сомнѣнія должна была составить одну изъ полезнѣйшихъ книгъ каждой бібліотеки. («Нива», 1887 г., № 51, стр. 1311). Нѣсколько раньше, именно въ 1884 г. появился трудъ З—ва «Статистико-географическія таблицы Россійской имперіи» (СПБ.), а въ 1888 г. — «Общее обзорніе географіи математической, физической и политической» (СПБ.). Въ томъ же году этотъ же трудъ былъ выпущенъ авторомъ въ сокращенномъ видѣ: «Краткое обзорѣ-

не географин математической, физической и политической». О первомъ былъ данъ отзывъ въ «Женскомъ Образованіи», гдѣ говорилось, что «оно не можетъ служить для систематическаго прохожденія курса географіи, но будучи написано популярно и иллюстрировано массою рисунковъ (болѣе 300 гравюръ), составляетъ не лишнее пособіе при изученіи этой науки» (1889 г., № 4, стр. 286); а о второмъ—въ «Нови» (1889 г., т. XXV, № 3, стр. 167), гдѣ разбирались рисунки изданія. Наконецъ, З—ву принадлежить трудъ: «Главнѣйшія государства въ 5-ти частяхъ свѣта» (СПБ. 1888 г.).

Помимо ученыхъ трудовъ, З—въ былъ непродолжительное время редакторомъ-издателемъ, а съ 1875 г. редакторомъ «Живописнаго Обзорнія» и редакторомъ «Сѣверной Звѣзды».

Картографическіе труды З—ва, числомъ 258 листовъ (карты географическія и историческія) были оцѣнены специалистами и разошлись въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Несмотря на успѣхъ многихъ его изданій, З—въ всегда находился далеко въ неблагоприятныхъ матеріальныхъ условіяхъ: его постоянно эксплуатировали, пользовались его добротой и довѣрчивостью, отчего онъ большую половину жизни нуждался и не выходилъ изъ долговъ. З—въ скончался 3 ноября 1890 г.

«Историч. Вѣстникъ» 1891 г., № 1, стр. 294. — «Новое Время» 1890 г., № 5278. — «Живописное Обзорніе» 1890 г., № 47. — «Сынъ Отечества» 1890 г., № 300. — «Всемирная Иллюстрація» 1890 г., т. XLIV, стр. 359. — «Петербургская Газета» 1890 г., № 305. — «Русскій библиографическій указатель», №№ 144, 149, 215, 880, 883, 886, 887, 891, 895, 898, 1524, 1554, 1966, 2025, 3475—3481, 3486, 3494.

М. П.

Зузинъ, Михаилъ Александровичъ, д. с. с., родился въ 1684 г., сынъ комнатнаго стольника Александра Ивановича; въ 1704 г. изъ вѣдорслей поступилъ солдатомъ въ лѣ.-гв. Семеновскій полкъ, съ которымъ принялъ участіе въ бояхъ подъ Нарвою, въ Польшѣ, при деревнѣ Лѣсной (1708), гдѣ былъ раненъ, при мѣстечкѣ Городнѣ (1709), въ Полтавской баталіи и въ Переволочнѣ при взятіи шведской арміи. Въ 1710 г. З—нъ былъ произведенъ въ подпоручики, съ переводомъ въ Смоленскій пѣхотный полкъ, а въ 1713 г.— въ поручики. Переведенный въ 1719 г.

въ Олонецкій драгунскій полкъ, онъ въ 1726 г. былъ взятъ въ Кавалергардскій корпусъ и произведенъ въ капитаны, но при расформированіи корпуса въ 1731 г. былъ уволенъ отъ военной службы съ чиномъ майора. Въ томъ же году З—нъ былъ назначенъ въ Судный приказъ состоять при главномъ судѣ, въ 1736 г. опредѣленъ совѣтникомъ Военной коллегіи въ Мундирную контору, а затѣмъ въ Главный Коммиссаріатъ. Въ 1744 г. онъ былъ представленъ Сенатомъ однимъ изъ кандидатовъ на мѣсто умершаго президента Юстицъ-коллегіи, но оставался попрежнему въ Главномъ Коммиссаріатѣ, изъ котораго былъ уволенъ лишь въ 1762 г. въ чинѣ д. с. с., который получилъ въ 1757 году.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ» (1724—1762), кн. I, стр. 180—181.

Зуйченко, Петръ Ивановичъ, отставной поручикъ, скончался въ Екатеринославѣ 4 марта 1886 г. Издавалъ подъ своей редакціей «Екатеринославскій Листокъ Объявленій» (1885—1886 г.г.) и напечаталъ въ «Кіевской Старинѣ» (1885 г., кн. 8) малорусскую легенду въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII в. «Пекельный Марко».

«Библиографъ» 1886 г., № 4, стр. 349. — *Лытовъ*. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VI, стр. 56.

Зурландъ, Карлъ Рудольфовичъ, академикъ батальной живописи, родомъ изъ Мекленбурга, шведскій подданный; работалъ въ Копенгагенѣ; съ 1861 г. былъ призванъ академикомъ Императорской Академіи Художествъ и почетнымъ вольнымъ общникомъ. Въ 1868 г. онъ возбудилъ неудачное ходатайство передъ совѣтомъ Академіи Художествъ о признаніи его профессоромъ батальной живописи. Въ своемъ отказѣ Академія Художествъ отмѣтила двѣ причины: первую чисто формальную—З—дъ не состоялъ въ русскомъ подданствѣ пяти лѣтъ; вторая причина была по существу—представленные имъ картины «не были признаны удовлетворительными для школьнаго званія». Намъ извѣстны указанія на слѣдующія произведенія З—да: 1) Галилей въ темницѣ; 2) Первый урокъ; 3) Ремонтеръ; 4) 13-ый уланскій Владимирскій полкъ; 5) На бивуакѣ во время польскаго возстанія; 6) Уланскій № 5 полкъ; 7) Утки на водѣ и 8) Охотничьи сцены.

С. Кондаковъ, «Ак. Худ.», т. II, стр. 77.—

Отчетъ Академіи Художествъ за 1861 годъ.—
«Всемирная Иллюстрація» 1869 г., № 47;
1871 г., № 129; 1872 г., №№ 171, 192.—«Сѣв.
Пчела» 1875 г., № 15.

П. С.

Зуровъ, Елмидіоръ Антоновичъ, флигель-адъютантъ, ген.-лейт., сенаторъ, новгородскій военный и гражданскій губернаторъ, родился въ мартѣ 1797 г., скончался 19 декабря 1871 г. З—въ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи Тверской губерніи. Предки его по древнему обычаю проходили военную службу: дѣдъ былъ подполковникомъ, а отецъ отставнымъ капитаномъ гвардіи. Е. А. вмѣстѣ съ братомъ получилъ домашнее воспитаніе, при чемъ отецъ обращалъ большое вниманіе на развитіе воинскаго духа въ дѣтяхъ. Семнадцатилѣтнимъ юношей З—въ былъ опредѣленъ юнкеромъ въ Дерптскій конно-егерскій полкъ, который въ 1815 г., въ числѣ другихъ войскъ, былъ посланъ на помощь французамъ противъ Наполеона, вернувшись съ о. Эльбы. Но едва только войска успѣли достигнуть Варшавы, какъ по приказанію великаго князя Константина Павловича они были остановлены и всѣ юнкера отправлены въ Петербургскій Дворянскій кавалерійскій эскадронъ при 2-омъ кадетскомъ корпусѣ. Среди этихъ юнкеровъ самаго разнообразнаго возраста, начиная съ двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ и кончая шестидесятилѣтними стариками, находились лица, имѣвшія георгиевскіе кресты за Отечественную войну и вербованцы Лубенскаго гусарскаго, Польскаго, Литовскаго и Татарскаго уланскихъ полковъ. Неудобство совмѣстной жизни при подобныхъ условіяхъ не замедлило обнаружиться и вызвало необходимость разсортировки юнкеровъ по возрастамъ и способностямъ. По удаленіи негоднаго элемента, оставшіеся образовали конный эскадронъ и пѣшую команду въ ожиданіи производства въ первый офицерскій чинъ. Въ 1817 г. З—въ былъ произведенъ въ корнеты Лейбъ-Кирасирскаго Его Величества полка. Прослуживъ въ этомъ полку пять лѣтъ и приобрѣтя всеобщую любовь товарищей и начальства, З—въ въ чинѣ ротмистра, вслѣдствіе болѣзни, принужденъ былъ просить перевода въ одинъ изъ южныхъ полковъ. Благодаря прекрасной аттестаціи, З—въ въ 1826 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ графу Орлову-Денисову, командиру 5-го резерв-

наго кавалерійскаго полка, который былъ назначенъ сопровождать тѣло императора Александра I изъ Таганрога въ Петроградъ. З—въ, какъ адъютантъ, слѣдовалъ за нимъ. Послѣ того онъ писалъ донесенія относительно послѣднихъ дней государя; эта работа познаномила его съ бывшимъ начальникомъ главнаго штаба И. П. Дибичемъ Забалканскимъ, благодаря протекціи котораго по смерти Орлова-Денисова онъ былъ переведенъ въ л.-гв. Уланскій полкъ и назначенъ старшимъ адъютантомъ въ главный штабъ Его Императорскаго Величества. Съ открытіемъ турецкой кампаніи 1828 г. З—въ находился при главной квартирѣ и вмѣстѣ съ нею перешелъ Дунай. По сдачѣ Исакчи, онъ былъ командированъ въ городъ для производства описи годнаго къ употребленію оружія и помѣщеній, которыя могли бы быть обращены въ лазареты. По успѣшномъ выполненіи порученія З—въ вмѣстѣ съ главной квартирой прослѣдовалъ черезъ Бабадагъ къ Шумлѣ и участвовалъ въ наступательномъ движеніи къ этой крѣпости, произведенномъ подъ непосредственнымъ предводительствомъ государя. Во время осады З—въ неоднократно привлекался для разныхъ порученій и между прочимъ находился при отраженіи непріятельской вылазки, сдѣланной въ намѣреніи отрѣзать уланскую бригаду, шедшую къ Силистріи. Изъ-подъ Шумлы З—въ прибылъ подъ Варну и находился при осадѣ этой крѣпости до покоренія ея. Послѣ отъѣзда государя изъ-подъ Варны З—въ остался при графѣ Дибичѣ до очищенія крѣпости и устройства обороны ея на зимнее время. 2-го ноября главная квартира переправилась у Гирсова черезъ Дунай на зимнія квартиры. Въ это время на долю З—ва выпало немало работы. Кромѣ частыхъ командировокъ для осмотра расположенія войскъ за Дунаемъ и въ княжествахъ, ему, по приказанію государя, велѣно было присутствовать на инспекторскомъ смотрѣ Бугской уланской дивизіи, при чемъ онъ долженъ былъ собирать свѣдѣнія для доставленія командовавшему кавалеріей и, кромѣ того, имѣлъ предписаніе въ мѣстахъ нахождения дивизіи и по пути слѣдованія къ ней и обратно осматрѣть госпитали, провіантскіе склады, инженерныя работы и почтовые станціи. Въ 1829 г. З—въ состоялъ

при графѣ Дибичѣ, назначенномъ главнокомандующимъ. По возвращеніи изъ Петрограда въ Яссы З—въ вмѣстѣ съ главною квартирою вновь переправился черезъ Дунай у Гирсова и участвовалъ въ осадѣ Силистрія, а затѣмъ вмѣстѣ съ главными силами арміи выступилъ черезъ Карасу къ Шумлѣ. При этомъ З—въ участвовалъ въ авангардномъ дѣлѣ близъ селенія Буклука и въ разбитіи верховнаго визиря при Кулевчѣ и за отличіе въ этихъ дѣлахъ былъ произведенъ въ полковники. Затѣмъ онъ находился при обложеніи Шумлы и съ главными силами выступилъ въ славный походъ, доставившій Дибичу наименование Забалканскаго. Переправившись черезъ Камчикъ, З—въ вступилъ на Балканы, перешелъ ихъ и находился въ дѣлахъ при занятіи городовъ Айдоса и Карнабада, откуда черезъ Ямболъ слѣдовалъ къ Адрианополю, павшему 8-го августа. Въ день заключенія Адрианопольскаго мира 22-го сентября З—въ получилъ званіе флигель-адъютанта. Съ открытіемъ польской кампаніи 1831 г. З—въ былъ командированъ въ дѣйствующую армію для нахождения при графѣ Дибичѣ. Перейдя границу Царства Польскаго, З—въ получилъ предписаніе отправиться въ Вѣлостокъ для принятія мѣръ противъ вторженія въ эту область польскихъ мятежниковъ и для открытія сообщенія съ гренадерскимъ корпусомъ. По исполненіи этого порученія онъ возвратился къ Миоснѣ, а потомъ 13-го февраля участвовалъ въ генеральномъ сраженіи и пораженіи мятежниковъ подъ Прагою на Гроховскихъ поляхъ. Съ 17—24-ое марта онъ находился въ движеніи съ арміей изъ окрестностей Праги къ Вислѣ; 2-го апрѣля, командуя авангардомъ ген.-лейт. Угрюмова, личной храбростью и распорядительностью сильно способствовалъ пораженію непріятеля при р. Ливѣ; въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая находился въ стычкѣхъ при Куфлевѣ и въ сраженіи подъ Минскомъ, послѣ чего участвовалъ въ преслѣдованіи мятежниковъ отъ Калушина и пораженіи ихъ у Ендржилева. Съ 7-го—14-ое мая былъ въ движеніи главной арміи черезъ Соколово, Гранно, Цѣхановецъ, Высокомазовецъ и Пыски къ Остроленкѣ, при чемъ находился въ сраженіяхъ подъ Пысками, въ авангардномъ дѣлѣ между деревнями Замосцемъ и Сержу-

пелемъ, при преслѣдованіи оттуда мятежниковъ до Остроленки и въ генеральномъ сраженіи подъ этимъ городомъ. Лѣтомъ того-же года З—въ участвовалъ въ движеніи главной арміи отъ Ловича къ окрестностямъ Варшавы и въ генеральномъ сраженіи и взятіи приступомъ передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій и городоваго вала. Осень же провелъ въ движеніи главной арміи изъ Варшавы черезъ Гуру Раціонокъ и Безуль для преслѣдованія остатковъ польской арміи до границы прусскихъ владѣній.

По окончаніи польской кампаніи З—въ вернулся въ Петроградъ и былъ прикомандированъ къ образцовому кавалерійскому полку для ознакомленія съ новыми правилами кавалерійской службы. Въ 1833 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры и назначенъ Тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Первое, на что онъ обратилъ вниманіе по вступленіи въ новую должность, это на упорядоченіе кавцеларіи губернскаго правленія, гдѣ царилъ страшный хаосъ. Уволивъ неблагонадежныхъ лицъ и замѣнивъ ихъ другими, онъ обезпечилъ казнѣ успѣшный сборъ податей и недоимокъ и достигъ пониженія цѣнъ на подрядахъ и торгахъ. Среди этой усиленной работы З—въ тяжело занемогъ и уѣхалъ въ Москву лѣчиться. Въ его отсутствіе страшные пожары опустошили Тулу. Не окончивъ лѣченія, З—въ принужденъ былъ вернуться домой, чтобы организовать помощь населенію. Благодаря устроенному по Высочайшему повелѣнію комитету, удалось возстановить большую часть потерь и дать возможность къ возведенію новыхъ построекъ. Стараніями З—ва въ Тулѣ былъ разведенъ городской садъ и построены вокзалъ на мѣстѣ грязной конной площади, отнесенной за городскую черту. Въ 1835 г. З—въ былъ назначенъ тульскимъ военнымъ губернаторомъ, съ оставленіемъ въ должности гражданскаго губернатора. Вслѣдствіе разстроеннаго здоровья онъ въ 1838 г. вышелъ въ отставку. Но въ 1839 г. былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Новгорода и новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ новой должности З—въ провелъ 6 лѣтъ. Несмотря на огромное пространство губерніи, онъ ежегодно объѣзжалъ все до послѣдняго стана, лично ревизовалъ дѣлопроизводство во всѣхъ присутственныхъ мѣ-

стахъ и исправлялъ недостатки. Безпристрастный взглядъ на дѣло, неприязненное и строгое исполненіе закона были отличительными свойствами управленія его губерніей.

Почувствовавъ возобновленіе припадковъ болѣзни, З—въ вновь просилъ объ отставкѣ и 11-го октября 1846 г. былъ уволенъ отъ службы, произведенъ въ тайные совѣтники и 22-го декабря назначенъ присутствовать въ 4-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената, въ 1848 г.—въ 1-мъ отдѣленіи 5-го, а съ 18 мая 1848 г.—въ департаментѣ Герольдин. Во время Крымской кампаніи новгородское дворянство выбрало З—ва начальникомъ своего ополченія, подчинивъ его завѣдыванію всѣ дружины, назначенныя въ распоряженіе главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскими корпусами. Прибывъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ Новгородъ, онъ быстро и успѣшно произвелъ формированіе ополченія, за что послѣ Высочайшаго смотра получилъ Монаршее благоволеніе. Въ 1858 г. З—въ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а по заключеніи мира уволенъ отъ должности начальника ополченія. З—въ числился попечителемъ городской Обуховской больницы (1862) и членомъ Обществъ сѣверныхъ антикваріевъ и Императорскаго вольно-экономическаго (1848). Онъ имѣлъ всѣ ордена до ордена св. Александра Невскаго включительно.

Мамышевъ, «Георгиевскіе кавалеры», вып. XIII—XIV, стр. 1—48. — «Исторія Правительствующаго Сената за 200 лѣтъ», т. V, стр. 127. — *Его же*, «Зуровъ, Еландифоръ Антоховичъ, ген.-лейт.». (Очеркъ служебной дѣятельности. Съ портретомъ. СПб. 1864 г.).

И. Артамонова.

Зыбайло, *Людвигъ Ивановичъ*, докторъ медицины, кол. ас., родился въ 1812 г., образованіе получилъ въ Виленской медико-хирургической академіи, которую окончилъ въ 1838 г. съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія и тогда же опредѣлился ординаторомъ въ Ковенскій военный госпиталь. Въ 1842 г. онъ по защитѣ въ названной академіи диссертациі подъ заглавіемъ: «De carbunculo contagioso» получилъ степень доктора медицины. Затѣмъ въ теченіе 1848 г. онъ послѣдовательно служилъ въ Литовскомъ егерскомъ полку и младшимъ ординаторомъ въ Гродненскомъ и Ковенскомъ военныхъ госпиталяхъ.

Выйдя въ 1851 г. въ отставку, З—ло въ 1862 г. поступилъ ковенскимъ городскимъ врачомъ, но прослужилъ всего одинъ годъ и былъ уволенъ въ слѣдующемъ году.

Змеевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 120. *Степ.*

Зыбелинъ, *Семенъ Герасимовичъ*, ординарный профессоръ анатоміи и хирургіи, практической медицины и химіи въ Московскомъ университетѣ, членъ Россійской Академіи, родился 25 августа 1735 г. и происходилъ изъ духовнаго званія. Первоначальное образованіе получилъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи и по окончаніи курса наукъ въ ней, по указу Синода, перешелъ въ Московскій университетъ при самомъ его открытіи (1755 г.) Но обучаясь въ университетѣ, онъ въ то же время былъ учителемъ латинскаго языка въ университетской гимназіи. Въ университетѣ онъ слушалъ лекціи по русской и латинской словесности у проф. Поповскаго, по арифметикѣ и геометріи у проф. Барсова, по логикѣ, метафизикѣ и нравоучительной философіи у проф. Фроммана и по естественному, общенародному, римскому праву и всеобщей исторіи у проф. Длатьея. Въ 1758 г. З—нъ, по назначенію куратора Шувалова, отправленъ былъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, преимущественно врачебныхъ, сначала въ Кенигсбергскій университетъ, а затѣмъ въ Лейденскій. Въ Кенигсбергѣ онъ обучался философіи, математикѣ и физикѣ у проф. Бука, анатоміи и трупосъченію у проф. Бютнера, практической медицинѣ у Вернера, физиологій и патологій у лейбъ-медика Боля, ботаникѣ и врачебному веществословію у Тизена, клинической практикѣ у Гартмана, химіи у Ломейера и хирургіи у Росціуса. Изъ Кенигсберга З—нъ въ 1763 г. отправился въ Лейденъ, гдѣ прослушалъ курсъ физиологій у знаменитаго Альбина, патологій и химіи у извѣстнаго Гаубія, клиническую практику у Ройена и естественную исторію у Аллемана. Здѣсь же въ Лейденѣ З—нъ защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ: «De saponibus medicis nativis ex triplici regno naturae petitis» и въ 1764 г. былъ удостоенъ степени доктора. Отсюда З—нъ отправился въ Берлинъ, гдѣ занимался минералогіей подъ руководствомъ проф. Брандеса, химіею у Маргравія и

анатоміей у проф. Меккеля, при чемъ постоянно посѣщалъ госпиталь Charité и здѣсь приготовлялъ себя къ клинической практикѣ. Въ 1765 г. З—нъ, по приказанію куратора университета Адаурова, возвратился въ Москву и былъ подвергнутъ испытанію по теоретической медицинѣ и натуральной исторіи, особенно ботаникѣ и минералогіи, и затѣмъ прочелъ пробную лекцію на афоризмы Иппократа. Лекція была признана удовлетворительною, а потому конференція университета опредѣлила поручить ему кафедру теоретической медицины и назначила его экстраординарнымъ профессоромъ. Въ 1767 г. З—нъ подвергся испытанію, установленному медицинскою коллегіей, и получилъ право практики, а въ 1768 г. произведенъ былъ въ ординарные профессора. Профессорская дѣятельность его продолжалась въ теченіе 36-ти лѣтъ до самой смерти, послѣдовавшей 26 апрѣля 1802 г. За этотъ періодъ времени З—нъ читалъ студентамъ всѣ части теоретической медицины, начиная съ физиологіи и патологіи и кончая общей терапіей, а затѣмъ къ концу жизни—анатомію, хирургию, практическую медицину и химію. Съ знаніями спеціалиста онъ соединялъ замѣчательный даръ слова и одинъ изъ первыхъ содѣйствовалъ созданію правильнаго, яснаго, точнаго и изящнаго языка для врачебной науки въ Россіи. По словамъ его біографа, Россійская Академія «уважила эту заслугу въ профессорѣ и избрала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ 21 марта 1784 г. По этому поводу З—нъ писалъ президенту Академіи, княгинѣ Дашковой: «хотя сіе достоинство (избраніе) и превышаетъ мою способность, но съ искреннею благодарностію пріемля, за непремѣнный долгъ поставляю себя стараться сколько возможно полезнымъ быть сему благопочтеннѣйшему обществу». «Старанія его были однако же очень умѣренны, говоритъ Сухомяновъ, судя по тому, что отъ нихъ не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Только въ одномъ изъ писемъ къ Лепехину, не премѣнному секретарю Академіи, Зыбѣлинъ сообщаетъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ касательно предпринятаго тогда Академіею Словаря русскаго языка».

З—нъ имѣлъ огромную практику въ Москвѣ и, несмотря на это, находилъ время въ теченіе 15-ти лѣтъ состоять безплатнымъ врачомъ при университетской боль-

ницѣ изъ любви къ университету, въ которомъ онъ получилъ воспитаніе. Этимъ же побужденіемъ онъ руководствовался и тогда, когда завѣщалъ университету свою бібліотеку, которая была передана Физико-медицинскому обществу. Къ сожалѣнію, бібліотека эта погибла въ пожарѣ 1812 г. Въ 1771 г., во время моровой язвы въ Москвѣ, З—нъ состоялъ членомъ учрежденной по этому случаю особой комиссіи и съ присущей ему энергіей выполнялъ всѣ ея порученія, рискуя собственной жизнью.

Кромѣ названной диссертациі, сочиненія З—на состоятъ изъ слѣдующихъ 8-ми «Словъ», произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ собраніяхъ университета, при чемъ въ «Словахъ» этихъ онъ постоянно имѣлъ въ виду примѣненіе науки къ жизни, къ нуждамъ и потребностямъ чело-вѣка :1) «Слово о дѣйствиі воздуха въ чело-вѣкѣ и путяхъ, которыми въ него входитъ» (Говор. 30 іюня 1766); 2) «Слово о причинѣ внутренней связи частей тѣла между собою и происходящей изъ того крѣпости въ тѣлѣ чело-вѣческомъ» («Опытъ трудовъ Вольн. Росс. Собр.» 2 ч. 1774. Говор. 23 августа 1768 г. по случаю полученія званія ординарнаго проф.); 3) «Слово о пользѣ прививанія оспы и преимуществѣ оной предъ естественной съ моральными и физическими возраженіями противъ неправомыслящихъ» (Говор. 5 дек. 1768 г.); 4) «Слово о вредѣ, проистекающемъ отъ содержанія себя въ теплотѣ излишней» (Говор. 30 іюня 1773 г.); 5) «Слово о правильномъ воспитаніи съ младенчества въ разсужденіи тѣла, служащемъ къ размноженію въ обществѣ народа» (Говор. 22 апрѣля 1775 г.); 6) «Слово о сложенияхъ тѣла чело-вѣческаго и о способахъ, какъ оныя предохранять отъ болѣзней» (Говор. 30 іюня 1777 г.). Въ немъ авторъ ясно изложилъ ученіе о темпераментахъ съ точки зрѣнія діатетической и далъ весьма много полезныхъ со-вѣтовъ въ этомъ отношеніи. 7) «Слово о способѣ, какъ предупредить можно немаловажную между прочими медленнаго умноженія народа причину, состоящую въ неприличной пищѣ, младенцамъ даваемой въ первые мѣсяцы ихъ жизни» (Говор. 30 іюня 1780 г.) и 8) «Слово похвальное императрицѣ Екатеринѣ II при благополучномъ окончаніи 25-ти лѣтняго ея царствования» (Говор. 30 іюня 1787 г.). Императрица пожаловала автору за это «Сло-

во» брильянтовый перстень. Наконецъ, извѣстно, что Московскій университетъ, получивъ въ даръ рукописную «Россійскую исторію» В. Н. Татищева отъ сына его Е. В., опредѣлилъ напечатать ее, при чемъ смотрѣніе за печатаніемъ поручилъ З—ну, но потомъ, когда была замѣчена неисправность списка, съ котораго печаталась исторія, дальнѣйшій надзоръ за изданіемъ ея поручень былъ академику Миллеру.

«Биографическій словарь профес. и преподават. Московск. университета», ч. I, стр. 340—344.—*Рихтеръ*, «Исторія медицины въ Россіи», ч. III, стр. 350—352.—*Евгеній, митр.*, «Словарь рус. свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 230—231.—*Пекарскій*, «Исторія Имп. Академіи Наукъ», т. I, стр. 419.—*Сухомлиновъ*, «Исторія Россійской Академіи», вып. V, стр. 9—14, 298—299.—*Чистовичъ*, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», стр. 169—170.—*Златевъ*, «Русскіе врач-писатели», вып. I, стр. 120—121.—*Новиковъ*, «Опытъ историч. словаря о русскіихъ писателяхъ», стр. 67.—*Геннадіи*, Словарь, т. II.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. VI, стр. 254, 1027.—«Московскій Некрополь», т. I.

М—въ.

Зыбина, Анна, писательница. Въ 1870 г. вышла въ Москвѣ первая часть задуманнаго ею большого труда: «Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народа». Въ этой книгѣ, имѣющей подзаголовокъ: «Китай», З—на, разсматривая положеніе женщины въ Китаѣ, задалась цѣлью показать, какимъ образомъ давнишній образъ женщины-посредницы между небомъ и землей исчезъ и женщина стала безправной, безличной и забытой рабой мужчины. Матеріаломъ для авторши въ этомъ трудѣ послужили многочисленныя изслѣдованія о Китаѣ на французскомъ языкѣ и нѣкоторые русскія изданія; и тѣ и другія она широко использовала, но критика ставила ей на видъ недостаточную обработку собранныхъ матеріаловъ и то обстоятельство, что къ работѣ совсѣмъ не были привлечены ею нѣмецкіе и англійскіе источники. Указывали въ изслѣдованіи и нѣкоторые пробѣлы: такъ, напримѣръ, З—на не коснулась совсѣмъ отношеній къ женщинѣ китайской беллетристики и поэзіи. Изложеніе находили растянутымъ. Несмотря, однако, на указанные недочеты, книга З—ной обратила на себя вниманіе, и смѣлые взгляды авторши, ратующей за женское равноправіе, заинтересовали чи-

тателей. Продолженіе труда З—ной въ печати не послѣдовало.

Въ «Библиографическомъ словарѣ русскихъ писательницъ» кн. Голицына съ именемъ Анны Зыбиной связана еще восточная сказка (переводъ съ французскаго): «Монтадеръ, плп ткачъ и визирь» («Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ» 1830 г., ч. 137 и 138), но кн. Голицынъ считаетъ переводчику этой сказки другимъ лицомъ.

Кн. Голицынъ, «Библиографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 121.—«Современная лѣтопись» 1870 г., № 26.—«Дѣло» 1870 г., № 9, стр. 116—120.—«Голосъ» 1870 г., № 318.—«Виржевыя Вѣдомости» 1870 г., № 339.—«Кронштадтскій Вѣстникъ» 1870 г., № 90.—«Вѣстникъ Европы» 1870 г., № 9.

А. Г.

Зыбинъ, Евстафій Ивановичъ, стрѣлецкій голова. Въ маѣ 1650 г. былъ посланъ подъ Псковъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ. Они били челомъ государю, что готовы быть со всѣми назначенными на службу въ Псковъ боярами и воеводами, исключая окольничаго Богд. Матв. Хитрово. За такое неправильное мѣстничество велѣно было заключить Зыбиныхъ въ тюрьму. Въ 1652—54 г.г. З—нъ былъ головой московскихъ стрѣльцовъ, въ 1658—77 г.г. дворянскомъ московскимъ и въ 1660 г. воеводой въ Каргополѣ.

Бояр. кн.—Акты Моск. госуд., II.—II. С. З., I, В. *Корсакова*.

Зыбинъ, Петръ. Въ «Атенеѣ» за 1830 годъ (ч. III, стр. 159—172) помѣстил свою статью «О древнемъ политическомъ состояніи купечества въ Россіи». Карточный каталогъ В. И. Саитова.

Зыбинъ, Сергій Сергѣевичъ, членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, т. сов., происходилъ изъ дворянъ Нижегородской губ. и по окончаніи университетскаго образованія прошелъ въ этой губерніи почти всѣ должности по выборамъ, начиная съ мирового посредника и уѣзднаго предводителя, и окончилъ въ 1880 г. выборную службу губернскимъ предводителемъ дворянства. Затѣмъ, будучи уже яванскимъ губернаторомъ, онъ, какъ членъ вѣкъ, близко знавшій дѣйствительныя потребности мѣстной жизни, призванъ былъ въ 1882 г. на выдающійся по зна-

ченію своему постъ управляющаго земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Последнюю должность онъ занималъ до ноября 1886 г., когда по болѣзни долженъ былъ покинуть земскій отдѣлъ. Поселившись въ Москвѣ, онъ здѣсь и скончался 2 апрѣля 1887 г., имѣя 40 лѣтъ отъ роду. За періодъ времени управленія отдѣломъ онъ вложилъ много труда въ такія существенныя работы отдѣла, какъ законъ объ ограниченіи семейныхъ раздѣловъ крестьянъ, положеніе о сельскихъ чиншевикахъ, о наймѣ на сельскія работы, вопросъ переселенческой и др.

«Новое Время» 1887 г., № 3992. — Русскій календарь, пад. А. Суворина 1888 г., стр. 243.

ЗЫКОВЪ, *Аванасій Тихомовичъ*. Свѣдѣнія о немъ имѣются болѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ, съ 1661 по 1683 г. Онъ перебивалъ за это время дьякомъ во многихъ приказахъ, а иногда несъ и дворцовую службу. Въ 1661 г. онъ былъ назначенъ дьякомъ въ Разрядный приказъ. Весь 1662 г. и часть 1663 г. З—въ пробылъ въ Разрядѣ. Въ 1665—1670 г.г. былъ первымъ дьякомъ въ приказѣ Казанскаго Дворца при бояринѣ кн. Юр. Алексѣев. Долгорукомъ и думномъ дворянинѣ Лар. Дм. Лопухинѣ, а въ 1671 г.—въ приказѣ Большой Казны при бояринѣ Петрѣ Мих. Салтыковѣ и стольникѣ Лукѣ Влад. Ляпуковѣ. Съ 19 янв. 1673 г. по 25 янв. 1676 г. З—въ находился дьякомъ въ Двинской области: до 7 ноября 1673 г. при воеводѣ бояринѣ кн. Дм. Алексѣев. Долгорукомъ, съ 19 ноября того же года при думномъ дворянинѣ Фед. Полукет. Нарышкинѣ, а затѣмъ съ 15 дек. 1675 г. до 25 янв. 1676 г. одинъ. За это время сохранились царскія грамоты къ двинскимъ воеводамъ и къ дьяку З—ву и ихъ донесенія. Въ 1673 г. кн. Долгорукову и З—ву приходилось заботиться о перевозѣ съ Двины на Соловецкій островъ хлѣбныхъ запасовъ для стрѣльцевъ и пушкарей и о постройкѣ въ Архангельскѣ каменнаго города и гостиныхъ дворовъ по чертежу, присланному изъ Москвы въ 1672 г. думному дворянину, двинскому воеводѣ Ае. Ив. Нестерову и дьяку Конст. Михайлову. Кн. Долгоруковъ и З—въ, пріѣхавъ на Двину 19 янв. 1673 г., приняли у своихъ предѣстниковъ паличное строеніе и за-

пасы и списокъ всего отправили къ государю. Раньше желѣзо для постройки получалось изъ Тулы и изъ Швеціи, а въ послѣднюю ярмарку въ Архангельскъ изъ-за моря желѣза не было привезено, вслѣдствіе чего воевода Нестеровъ и дьякъ Михайловъ уговорились съ торговыми иноземцами о поставкѣ желѣза; изъ русскихъ не нашлось желающихъ принять на себя поставку. Кн. Долгоруковъ и З—въ донесли царю, что къ веснѣ, кромѣ того, необходимо получить желѣзо изъ Тулы. Среди лѣта 1674 г. воевода Нарышкинъ и дьякъ З—въ, кромѣ того, увѣдомили государя, что на Двинѣ налчичныхъ денегъ нѣтъ, и просили прислать денегъ, или сдѣлать распоряженіе о выдачѣ таковыхъ изъ городского двинскаго сбора. Иначе «каменное строеніе за деньгами стаетъ». Въ 1675 г. они купили у голландца Минѣва пять желѣзныхъ пицалей, которыя и разставили въ трехъ башняхъ Архангельска. 13-го сент. 1675 г. они донесли государю, что съ моря на корабляхъ пришли въ Архангельскъ полковникъ Яковъ фаль-Тростень съ 11 товарищами; въ числѣ ихъ былъ капитанъ Францъ Лефортъ.

Изъ Двинской области З—въ былъ переименованъ въ 1676 г. въ Судный приказъ. Въ 1677—1680 г.г. онъ былъ первымъ дьякомъ въ приказѣ Казанскаго Дворца, при бояринѣ кн. Мих. Юрьев. Долгорукомъ, а въ 1680 г. былъ назначенъ думнымъ дьякомъ.

Изъ дворцовой службы З—ва извѣстны слѣдующіе факты: въ 1666 г. онъ присутствовалъ при пріемѣ грузинскаго царевича Николая Давидовича; въ 1667 г. дважды участвовалъ во второй встрѣчѣ польско-литовскихъ пословъ въ сѣняхъ Грановитой палаты вмѣстѣ съ стольникомъ Вас. Ив. Хляковымъ. Въ 1669 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона. Въ 1676 г. сопровождалъ царя Феодора Алексѣевича въ загородныхъ и богомольныхъ походахъ. Въ 1678—83 г.г. неоднократно участвовалъ въ крестныхъ ходахъ въ Кремлѣ. Въ 1682 г. подписалъ Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества. Въ томъ же году 24-го іюня, при вѣнчаніи на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей, былъ въ числѣ лицъ, посланныхъ изъ Грановитой палаты на Казенный дворъ за вещественными знаками царскаго достоинства: вмѣстѣ съ другими

думными дьяками онъ несъ *стоянецъ*. Въ томъ же 1682 г. онъ пожалованъ былъ въ думные дворяне.

Др. Рос. Вивл., XX.—С. Г. Г. и Д., IV.—А. А. Э., IV.—А. Ист., IV и V.—Доп. къ Акт. Ист., V—X.—Разр. кн., II.—Дв. разр., III и IV.—Р. И. В., X и XI.—Бояр. кн.—П. С. З., I и II.—*Барсуковъ*, «Списки городов. воеводъ Моск. госуд. XVII ст.».

В. Корсакова.

ЗЫКОВЪ, Иванъ Большой Тихоновичъ. Въ 1668 г. значится дворяниномъ московскимъ, а въ 1677 г. воеводой въ Богородицкѣ (теперь увѣдный городъ Тульской губ.). Съ 15 июня по 29 сентября 1677 г. сохранилось 19 его отписокъ къ дѣдиловскому воеводѣ Филипу Лавр. Горбатову, въ которыхъ онъ сообщалъ ему тѣ вѣсти о приходѣ крымскихъ татаръ, какія получалъ отъ воеводы Новаго Оскола—Армакаова черезъ воеводу Верхососеня, Усерда, Старого Оскола, Ливенъ и Ефремова, а иногда черезъ воеводу: Верхососеня, Усерда, Ольшанска, Острожежа, Коротояка, Воронежа, Ельца и Ефремова. Въ 1682 г. З—въ былъ восприемникомъ невельскаго шляхтича Степана Морковского. Этотъ шляхтичъ служилъ въ Великомъ Новгородѣ въ полку боярина кн. Вл. Дм. Долгорукова. Послѣ отпуска препровожденъ былъ въ Москву въ Новгородскій приказъ и билъ челомъ, чтобы ему дозволено было принять православіе и служить въ сибирскихъ городахъ. 30-го іюля, т. е. уже по востшествіи на престолъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, З—въ «крестилъ въ православную христианскую вѣру» Морковского, съ назначеніемъ ему имени Прокофій.

Бояр. кн.—Доп. къ Акт. Ист., VII и IX.—*Барсуковъ*, «Списки городов. воеводъ Моск. госуд. XVII ст.».

В. Корсакова.

ЗЫКОВЪ, Федоръ Андреевичъ. Будучи головой у рейтаръ, въ 1654 г. былъ посланъ подъ Кричевъ. Въ 1658 г. онъ числится стряпчимъ рейтарскаго строя, а затѣмъ стольникомъ. Въ концѣ 1659 г. кievскій воевода, бояринъ Вас. Бор. Шереметевъ, готсвился къ новому наступленію поляковъ и татаръ «за подущеніемъ Выговскаго»: онъ заблаговременно отправилъ въ Бѣлую Церковь своего товарища, кн. Гр. Ав. Козловскаго, со всѣми ратными людьми его полка, конными и пѣшими, а также три роты рейтаръ полка

З—ва, съ тѣмъ, чтобы по первымъ же вѣстямъ можно было направить ихъ, вмѣстѣ съ сосѣдними полковниками, на встрѣчу неприятелю. Въ 1664 г. З—въ былъ воеводой въ Сургутѣ; въ 1672 г.—въ Тамбовѣ; въ 1674 г. на службѣ съ бояриномъ кн. Юр. Ал. Долгорукимъ, въ качествѣ полковника 3-го рейтарскаго полка. Въ 1683 г. онъ былъ пожалованъ въ думные дворяне; въ томъ же году сопровождалъ обоихъ царей по московскимъ монастырямъ въ крестныхъ ходахъ; иногда «оставался на Москвѣ» во время отсутствія царей. Начиная съ этого года присутствовалъ по долгу службы на многихъ церковныхъ торжественныхъ служеніяхъ: напр., стоялъ въ Успенскомъ соборѣ у сѣверныхъ дверей вмѣстѣ со «властями» въ Великій Цытокъ у водосвященія; въ 1691 г. былъ у «дѣйства» въ недѣлю православія въ Успенскомъ соборѣ; у соборни были и оба царя. Въ 1689 г. З—въ былъ однимъ изъ судей въ палатѣ у Расправныхъ Дѣлъ; главнымъ судьей былъ бояринъ кн. Як. Никит. Одоевскій.

Дв. разр., III и IV.—Др. Р. Вивл., III. Бояр. кн.—*Голиковъ*, «Дѣвнія Петра В., I.—*Барсуковъ*, «Списки городов. воеводъ Моск. госуд. въ XVII ст.—Его же. «Родъ Шереметевыхъ».

В. Корсакова.

ЗЫКОВЪ, Федоръ Тихоновичъ. Будучи въ 1656 г. стряпчимъ рейтарскаго строя, былъ отправленъ къ полковнику Самоилѣ Комаровскомъ подъ Биржъ въ обозъ литовскихъ людей съ милостивымъ словомъ и 40 соболями за то, что служилые люди полка Комаровскаго отбили у нѣмецкихъ людей взятаго ими въ полонъ подъ Рингою служку Троицкаго монастыря Терешку. Служку этого Комаровскій прислалъ къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ 1674 г. З—въ назначенъ былъ на службу съ кн. Юр. Алекс. Долгорукимъ, будучи полковникомъ 5-го рейтарскаго полка; 8-го сент. этого года кн. Долгорукий и всякихъ чиновъ люди назначенные на службу, въ томъ числѣ и З—въ, были на отпускѣ у царевича Феодора Алексѣевича и у патриарха Іоакима. Въ 1675 г. З—въ въ качествѣ полковника 3-го рейтарскаго полка былъ на службѣ съ бояриномъ Петромъ Вас. Шереметевымъ. Въ 1679 г. былъ стольникомъ и полковникомъ 1-го полка и участвовалъ весной въ походѣ подъ Кіевъ

боярина кн. Мих. Алгук. Черкасского; въ полку З ва должны были находиться копейщики всѣхъ пяти рейтарскихъ полковъ. Въ 1682 г. З—въ подписалъ Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества. Въ 1683 г. онъ значится думнымъ дворяниномъ. 13-го мая этого года онъ «сказывалъ околыничество» стольнику кн. Сем. Юрьев. Звенигородскому. Въ 1685 г. З—въ былъ вторымъ судьей Владимирскаго Суднаго приказа; первымъ судьей былъ бояринъ Матв. Степ. Пушкинъ. Въ 1686 г. онъ описывалъ и межевалъ въ Московскомъ у., въ Горетовомъ стану, вотчины боярина кн. Петра Ив. и кн. Бориса Ив. Прозоровскихъ и боярина Род. Матв. Стрѣшнева. Въ 1688 г. «сказывалъ бодрство» Леонтію Ром. Неплюеву. 28-го февр. 1690 г. онъ пожалованъ былъ въ околышніе; околышничество «сказывалъ» ему думный дьякъ Вас. Гр. Семеновъ. Въ томъ же году, 22 августа, при возведеніи въ патриархи Адриана, митрополита Казанскаго и Свияжскаго, по царскому указу ему было вѣльно быть, въ числѣ другихъ лицъ, у патриарха. Въ 1694 г. онъ вѣдалъ Холоній приказъ и участвовалъ въ Кожуховскомъ походѣ. Въ 1683—1698 г.г. сопровождалъ сначала обонхъ царей, а съ 1696 г. (послѣ кончины ц. Иоанна Алексѣевича, при гробѣ котораго онъ дневалъ и почевалъ) царя Петра въ загородныхъ и богомольныхъ походахъ.

С. Г. Г. и Д., IV.—Разр. кн., II.—Дв. разр., III и IV.—Р. И. Б., XI.—Акты Моск. госуд., II.—Оп. Арх. Юст., I и II.—Вопр. кн.—П. С. З., III.—*Голлицковъ*, «Дѣянія Петра Великаго», т. I и XIII.

В. Корсакова.

Зыревъ, Иринархъ Федоровичъ, ст. сов., докторъ медицины, по окончаніи (1834 г.) курса въ Московскомъ университетѣ докторантомъ онъ въ 1839 г. получилъ въ томъ же университетѣ степень доктора медицины и былъ назначенъ сначала субъ-инспекторомъ, въ 1840 г. помощникомъ прозектора Московскаго университета, а въ 1841 г. прозекторомъ по кафедрѣ анатоміи въ Московской медико-хирургической академіи. По закрытіи этой академіи З—въ служилъ врачомъ совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, былъ директоромъ пріюта почетн. гражданина Торлецкаго и находился въ распоряженіи московскаго ген.-губернатора,

состоя при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. З—ву принадлежатъ: 1) докторская диссертация подъ заглавіемъ: «De arteriarum humanis fabrica et indole» (М. 1839. Cit. Call. XXXIII, 917) и 2) переводъ съ нѣмец. «Анатоміи» Розенмюллера (1838—1841).

Змьева, «Русскіе врач-писатели», в. I, стр. 120—121.

Степ.

Зыринъ, Никифоръ, протоіерей г. Макарьева, что на Ужвѣ, сочинилъ «Неисходимый индиктіонъ или пасхалію зрочную, изъ разныхъ авторовъ собранную и вновь съ дополненіемъ математическимъ порядкомъ расположенную» (М. 1787). Изданіе 2-е, исправ. и «умноженное Симономъ, архіепископомъ Рязанскимъ» (М. 1799).

Филаретъ, арх., «Обзоръ рус. дух. литературы», стр. 360.—*Геннадіи*, Словарь, т. II.—«Росписъ російскимъ книгамъ для чтенія въ библіотекѣ А. Смрдына», № 152.

Зыряновъ, Александръ Никифоровичъ, писатель - самоучка, родился въ 1830 г. въ селѣ Верхній Ярѣ на рѣкѣ Исети, Шадринскаго уѣзда, по происхожденію государственный крестьянинъ. Рано лишившись отца, онъ поступилъ въ Далматское духовное училище, но, пробывъ ученикомъ его всего нѣсколько мѣсяцевъ, долженъ былъ выйти по неимѣнію средствъ. Дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ онъ обязанъ своей врожденной любознательности, любви къ чтенію и трудолюбію. Удивительно, что, будучи 12—15 лѣтъ, онъ уже дѣлалъ замѣтки о Шадринскомъ уѣздѣ. Вскорѣ ему представилась возможность близко познакомиться съ роднымъ краемъ. Благодаря смѣтливости, нѣкоторой начитанности и умѣнію бойко писать, онъ 16-ти лѣтъ попадаетъ на должность волостного писаря въ село Укелское, оттуда переходитъ въ села: Батуришское, Каргопольское, Мѣхонское, Варневское и Иванищевское, гдѣ, бросивъ волостную службу, занялся мелкою торговлею. Такое кочеваніе съ мѣста на мѣсто объясняется нѣкоторою неуживчивостью въ его характерѣ. Будучи всѣмъ обязанъ только самому себѣ, З—въ былъ человѣкъ очень самолюбивый, имѣлъ привычку рѣзко высказывать въ глаза правду и никогда не дѣлалъ уступокъ своимъ недоброжелателямъ. Потерявъ отъ разныхъ неудачъ въ практической жизни почти все свое состояніе, онъ приписался въ мѣщане

г. Далматова и здѣсь провелъ послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни, занимаясь ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ.

Значеніе З—ва заключается въ его трудахъ по изученію въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ родного Шадринскаго края, почти незатронутаго до него. Первое время З—въ увлекся почти исключительно изученіемъ народнаго быта въ Шадринскомъ уѣздѣ и принялся съ этою цѣлью записывать произведенія устнаго слова, какъ-то: пѣсни, сказки, загадки и т. п. Въ результатѣ получилось большое собраніе памятниковъ устной словесности, представляющее высокій научный интересъ. Значительное число записанныхъ сказокъ З—въ отправилъ въ Импер. русское географическое общество, которое поручило ихъ разборъ извѣстному знатоку русской народной поэзіи, А. П. Афанасьеву. Большая часть второго выпуска «Народныхъ русскихъ сказокъ», изданныхъ въ 1859 г. въ Москвѣ Солдатенковымъ и Щепкинымъ, подъ редакцію Афанасьева, состоитъ изъ сказокъ, записанныхъ З—вымъ въ Шадринскомъ уѣздѣ. Впослѣдствіи онъ записалъ еще немало произведеній народнаго творчества, помѣстивъ ихъ въ 2-мъ томахъ «Пермскаго Сборника» Д. Д. Смышляева: въ I-мъ томѣ (М. 1859) помѣщены пѣсни, загадки и 10 сказокъ, а во II-мъ (М. 1860)—14 сказокъ и притчъ, изъ которыхъ одна сказка («Жена забыла мужа») вызвала статью проф. Благовѣщенскаго въ «Русскомъ Словѣ» (1860 г., № 9), а другая («Крестьянинъ и незнакомый человѣкъ») была перепечатана въ нѣмецкомъ переводѣ въ журналѣ «Magazin für die Literatur des Auslands». Такой характеръ имѣли ученныя занятія З—ва въ 1850-хъ годахъ, въ періодъ его кочеванія изъ одного села въ другое, въ званіи волостного писаря.

Въ слѣдующее десятилѣтіе занятія З—ва принимаютъ другой характеръ. Живя въ селѣ Иващицкомъ и находясь подъ вліяніемъ новыхъ идей и великихъ реформъ того времени, онъ основываетъ здѣсь бібліотеку для народнаго чтенія и принимаетъ участіе въ устроеніи народной школы. Но бібліотека, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, была закрыта, хотя впослѣдствіи ему снова удалось открыть ее въ Далматовѣ, откуда она была переведена въ 1875 г. въ Шад-

ринскъ. Ученныя занятія З—ва въ это время принимаютъ другое направленіе: онъ занялся раскопкою кургановъ и городищъ, сдѣлался археологомъ. Этой перемѣнѣ способствовало слѣдующее обстоятельство. Въ 1860 г. Императорское русское археологическое общество исходатайствовало у правительства разрѣшеніе на раскопки съ научною цѣлью другу З—ва, Д. Д. Смышляеву, но такъ какъ послѣдній вскорѣ долженъ былъ отправиться по своимъ дѣламъ въ Петроградъ, а оттуда за границу, то онъ далъ З—ву довѣренность на раскопки въ предѣлахъ Шадринскаго уѣзда. Неутомимый собиратель научныхъ богатствъ взялся за это дѣло съ обычнымъ рвеніемъ и вполне оправдалъ ожиданія своего довѣрителя. Ученныя труды З—ва обратили на себя вниманіе Импер. русскаго географическаго общества, которое избрало его въ свои члены корреспонденты. То же Общество въ 1860 г. оказало новый знакъ вниманія, наградивъ его серебряною медалью «за постоянно доставляемыя интересныя свѣдѣнія о Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерціи».

Въ 70-хъ годахъ З—въ занялся основательнымъ изученіемъ экономическаго быта Шадринскаго уѣзда и неустаннымъ трудомъ достигъ блестящихъ результатовъ и въ этомъ отношеніи. Плодомъ экономическихъ изслѣдованій З—ва явился прекрасный трудъ: «Промыслы въ Шадринскомъ уѣздѣ», напечатанный въ «Трудахъ Императ. вольно-экономическаго общества» (1876 г., т. IV). За этотъ трудъ онъ былъ удостоенъ обществомъ серебряной медали и избранъ въ члены его. Тѣмъ временемъ занятія археологіей шли своимъ чередомъ. Но З—въ теперь занимался ею не по довѣренности другого лица, а самостоятельно, имѣя разрѣшеніе на то отъ Импер. археологической комиссіи. Найденныя вещи З—въ препровождалъ каждый разъ въ комиссію, съ приложеніемъ плановъ и съ описаніемъ хода работъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, ненужныя комиссіи, были ему возвращаемы и поступали въ собственность Уральскаго общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ. Среди столь разнообразныхъ научныхъ занятій З—въ находилъ время заниматься и метеорологіей, и мѣстной исторіей. Метеорологическія его наблюденія обнимаютъ собою 20-ти лѣт-

ній періодъ времени и представляютъ богатый матеріалъ по климатологіи мѣстнаго края. За эти наблюденія, печатавшіяся въ «Запискахъ» названнаго Уральскаго общества, З—въ былъ удостоенъ послѣднимъ званіемъ члена-корреспондента. Плодомъ же занятой мѣстной исторіей явился рядъ статей его, изъ которыхъ особенно выдѣляется статья подъ заглавіемъ: «Крестьянское движеніе въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи въ 1843 году» («Древняя и Новая Россія» 1879 г., № 11. Перепечатана въ «Календарѣ Пермской губерніи за 1885 г.»). Немало интереса и научной важности представляютъ также его историческіе очерки города Далматова, его матеріалы для исторіи заселенія Шадринскаго уѣзда, собранные имъ преданія и документы о пугачевщинѣ и др.

Напряженный умственный трудъ, съ одной стороны, непріятности отъ многочисленныхъ враговъ, съ другой, и въ довершеніе недостатокъ средствъ къ существованію—заставляли З—ва все чаще и чаще вспоминать о «чаркѣ», которая и привела его къ роковой развязкѣ. Онъ скончался 16 ноября 1884 г. отъ апоплексическаго удара на пути въ Далматовъ, куда возвращался изъ г. Камышлова послѣ похоронъ близкаго человѣка. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что несмотря на бѣдность, которая угнетала его, З—въ подарилъ свою извѣстную бібліотеку Шадринскому уѣздному земству.

Кромѣ названныхъ трудовъ, З—въ помѣстилъ рядъ слѣдующихъ статей:

I. Въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Путевыя замѣтки отъ Каменскаго завода до города Перми, составленныя въ 1853 году» (1856, №№ 11, 12); «Нѣсколько словъ о курганахъ въ Шадринскомъ у., Пермской губ.» (1860, № 5); «Мурзинская гора» (№ 9); «Библіотека и училище въ селѣ Ивановскомъ» (№ 50); «Замѣтка о вѣномоѣрномъ ключѣ близъ г. Шадринска» (1862, № 10); «Женское безмездное училище въ заштатномъ городѣ Далматовѣ» (№ 17); «Предупрежденіе отъ Далматовской бібліотеки» (№ 17); «Свадебные обряды въ Шадринскомъ у., Пермской губ.» (№№ 30, 32; 1863, №№ 47—51); «Изъ Далматова и о Далматовѣ» (1864, №№ 28, 29; 1865, №№ 20, 22—24, 26, 28—30, 40, 48, 57, 60); «Изъ Усть-Сылвенскаго села» (1864, № 34; 1880, № 14); «Изъ Далматова» (1864,

№№ 38, 39; 1865, №№ 20, 22—24, 26, 28—30, 48, 57, 60; 1866, № 58; 1868, № 59; 1871, № 44; 1872, №№ 58, 100; 1875, № 60; 1876, № 80; 1877, № 11); «О городѣ Шадринскѣ» (1865, №№ 63, 64); «Матеріалы для описанія Шадринскаго у.» (№№ 71, 73; 1866, № 1); «Выдержка изъ дорожныхъ записокъ по Зауралію въ 1865 г.» (1866, №№ 7, 10, 21, 22; 1869, №№ 58, 78, 79); «Замѣтки о пребываніи въ Зауралѣ государя императора Александра Павловича въ 1824 году» (1866, № 12); «Появленіе болѣзни на рогатомъ скотѣ въ г. Далматовѣ» (№ 24); «Замараевскіе курганы въ Шадринскомъ уѣздѣ» (1870, № 9); «Изъ Шадринска» (№№ 18, 39; 1873, №№ 39, 48; 1874, № 93); «Промыслы въ Шадринскомъ уѣздѣ» (1870, №№ 19—25); «Матеріалы для исторіи заселенія Зауральскаго края» (№ 71; 1871, №№ 25, 26, 28—30, 32, 34; 1876, №№ 43, 49); «Указная память на заведеніе Шадринской слободы» (1870, № 72); «О климатѣ села Ивановскаго, Шадринскаго уѣзда» (1871, №№ 52—54); «Раскопки кургана» (№ 92); «Медицинская замѣтка» (1875, № 66); «Матеріалы для исторіи юридическаго быта Зауральскаго края во время его заселенія» (1876, №№ 30, 36, 37, 50, 61, 63); «Земская бібліотека и читальня въ Шадринскѣ» (№ 34); «Чума въ Далматовѣ» (1877, № 28); «Курганы и городища» (1882, № 40); «Еще курганы и городища» (№ 42); «Обозрѣніе заштатнаго города Далматова (1883, №№ 83, 84) и «Еще о курганахъ» (1884, № 33).

II. Въ «Трудахъ Импер. вольно-экономич. общества»: «О лошадахъ обвинской породы» (1872, т. II, вып. 3) и

III. Въ «Пермскомъ Сборникѣ»: «Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ» (т. I, отд. 3, стр. 46—88); «Шадринскій уѣздъ въ апрѣлѣ 1842 г. Изъ воспоминаній очевидца» (т. II, отд. 4, стр. 13—21); «Замѣтки о курганахъ въ Шадринскомъ уѣздѣ» (т. I, отд. 1, стр. 130—131); «Мурманская гора и окопы на ней» (т. II, отд. 4, стр. 21) и «Преданіе объ Улугушской крѣпости» (т. I, отд. 1, стр. 113—115).

Наконецъ извѣстно, что въ исходѣ 60-хъ годовъ З—вымъ собраны были обстоятельныя свѣдѣнія о судоходности рѣки Тобола и о торговлѣ и промышленности въ Янугаровскомъ, Курганскомъ и Ишимскомъ округахъ Тобольской губ.,

вошедшія въ «Записку къ проекту Пермско - Уральской желѣзной дороги» И. И. Любимова.

«Волжскій Вѣстникъ» 1885 г., № 224 (А. Дмитриевъ, «Писатель-самоучка» и отд. оттискъ). — «Пермск. Губернск. Вѣдом.» 1885 г., № 10. — «Труды Пермской ученой архивной комиссіи», вып. V, стр. 39—40. — «Исторія Географич. общества». — «Сборникъ статей о Пермской губерніи» 1891 г., стр. 284—285.

С. Р.

ЗЬНОВИЧЬ, Степанъ Федоровичъ, ординарный профессор по кафедрѣ химіи въ Кіевскомъ университетѣ, дворянинъ по происхожденію, родился въ 1779 г. По окончаніи курса наукъ въ Луцкомъ уѣздномъ училищѣ въ теченіе 4-хъ лѣтъ приготовился въ педагогическомъ институтѣ при Виленскомъ университетѣ къ учительской должности. Въ 1808 г. онъ поступилъ на службу учителемъ математики и физики, сначала въ Бобруйское, а затѣмъ въ Виленское уѣздное училище, а въ 1814 г. опредѣлился учителемъ химіи, минералогіи и геогнозіи въ Волинскую гимназію (впослѣдствіи Кременецкій лицей), гдѣ преподавалъ также и технологию. По открытіи въ 1834 г. университета св. Владиміра З—въ былъ назначенъ туда ординарнымъ профессоромъ химіи, при чемъ студентамъ 1-го курса читалъ химію неорганическую о тѣлахъ простыхъ не металлическихъ, студентамъ 2-го курса—о металлахъ и органическую химію о растеніяхъ и, наконецъ, студентамъ 3-го курса—органическую химію о животнхъ и анализъ сложныхъ тѣлъ. Какъ неорганическая, такъ и органическая химія слагалась у З—ва изъ 2-хъ частей: теоретической и практической. Къ послѣдней онъ относилъ такъ называемую чистую и техническую химію и читалъ ее, придерживаясь главнымъ образомъ сочиненій Тенара, Берцеліуса, Гизе и Гесса, сопровождая свои чтенія опытами, насколько позволяло состояніе химической лабораторіи. Въ лекціяхъ о такъ называемой теоретической химіи З—чь являлся вполне самостоятельнымъ: въ нихъ онъ излагалъ свою собственную теорію, которая придавала ему характеръ Парацельса XIX в. Кроме химіи, З—чь въ 1835/6 и 1836/7 годахъ преподавалъ, за немѣнѣемъ особаго преподавателя, минералогію, при чемъ руководствомъ ему служили Соколовъ, Ловецкій, Држевинскій, Севергинъ и Ще-

гловъ. Лекціи З—ча производили на слушателей сильное впечатлѣніе. По отзывамъ современниковъ, «читая лекціи, этотъ согбенный, добродушный старикъ приходилъ въ какой-то паеость, голосъ его получалъ необыкновенную силу и звучность, вся личность его оживлялась, и онъ въ своей лабораторіи, окруженный внимательными слушателями, являлся какимъ-то средневѣковымъ алхимикомъ-чародѣемъ».

До назначенія ректора, съ января по іюль 1834 г., З—чь былъ предсѣдателемъ совѣта университета, въ 1837 г. онъ состоялъ деканомъ II-го отдѣленія философскаго факультета, а въ 1839 г., по выслугѣ 25-ти лѣтъ, уволенъ былъ въ отставку съ полною пенсіею и съ тѣхъ поръ до кончины, посѣдовавшей 24 декабря 1856 г., жилъ попеременно въ Кіевѣ, Кременчугѣ и Луцкѣ. З—чь много способствовалъ обогащенію минералогическихъ и геогностическихъ коллекцій въ Кременецкомъ лицей, откуда коллекціи эти поступили въ университетъ св. Владиміра. Онъ нерѣдко сопутствовалъ Эйхвальду въ обширныхъ ученыхъ поѣздкахъ послѣдняго по Волинской и Подольской губерніямъ. З—чь состоялъ членомъ-корреспондентомъ Варшавскаго общества любителей наукъ, а также членомъ Временной Комиссіи для изысканія и сохраненія древнихъ отечественныхъ памятниковъ. З—чь написалъ рядъ трудовъ по физикѣ, химіи, технологіи и геогнозіи, но они остались ненапечатанными. Работы свои онъ отсылалъ въ Вильну и въ Варшавское «Towarzystwo Przyjaciół naukъ», но тамъ онъ не были одобрены. Изъ нихъ извѣстны двѣ: «Zasady naukъ fizycznychъ» и «Chemia ogólna i organiczna». Свои взгляды на современное ему положеніе естественныхъ наукъ и въ частности физики З—чь изложилъ въ письмѣ къ Генриху Ржевускому; это письмо безъ вѣдома автора въ 1851 г. было напечатано въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: «List do Henryka hr. Rzewuskiego, obejmujący pomysły autora o całymъ obrębie naukъ przyrodzonychъ razemъ zъ odpowiedzią P. P. J. J. Kraszewskiemu, Karolowi Kaszkowskiemu i Ludmiłowi Wołyńskiemu». Извѣстно также, что З—чь въ 1837 г. преподавалъ въ Академію Наукъ разсужденіе «О необходимости измѣненія общихъ основаній наукъ, всѣхъ теорій и системъ» и ожидалъ только одобренія Академіи, чтобы издать новую теорію химіи, но отвѣта не

послѣдовало. Рукопись этого сочиненія, между прочимъ, была у проф. Роговича. Наконецъ З—чъ въ рукописи оставилъ: «Pamiętniki z czasów Stanisława Augusta», о которомъ Делевель упоминаетъ въ своей «Histoire de Pologne» (т. II, стр. 195).

В. Шульгинъ, «Исторія университета св. Владимира» (Спб. 1860, стр. 140—142).—«Биографич. словарь профессоръ и преподав. Имп. университета св. Владимира», стр. 206—207.—Геннадіи, Словарь, т. II.—«Encyklopedyja Powszechna» 1868 г., т. 28, стр. 612.

М.— въ.

Зюзинъ (или *Зюзинъ*), *Алексій Ивановичъ*. Въ 1598 г. подписался подъ грамотой утвержденной объ избраніи царемъ Бор. Θεод. Годунова. Въ 1603—1605 г.г. былъ воеводой въ Польшѣ. Въ бытность свою тамъ онъ получилъ грамоты отъ вдовствующей царицы Марьи Григорьевны и отъ патриарха Іова (отъ 1 мая 1605 г.), съ извѣщеніемъ о кончинѣ царя Бориса Годунова и о восшествіи на престолъ сына его Θεодора Борисовича. Затѣмъ имъ были получены двѣ грамоты Лжедмитрія, въ одной изъ которыхъ (11-го іюня 1605 г.) онъ сообщалъ о своемъ воцареніи съ предписаніемъ во всехъ церквахъ служить молебны о здравіи царя Дмитрія и матери его, царицы инокини Марѣы Θεодоровны, а жителей привести на вѣрность службы, во второй же (31-го декабря того же года) приказывалось вырыть изъ земли тѣло Вас. Никит. Романова, скончавшагося въ заточеніи въ царствование Бориса Годунова, и отпустить въ Москву съ людьми, присланными бояриномъ Ив. Никит. Романовымъ. Въ 1610—1611 г.г. З—нъ былъ воеводой въ Устюгѣ Великомъ, а въ 1612 г. въ Каргополѣ. 22-го іюня каргопольцы, съ З-мъ во главѣ, послали въ Новгородъ отписку начальникамъ шведскихъ и русскихъ военныхъ отрядовъ о запрещеніи новгородскимъ сборщикамъ являться за податями въ каргопольскія волости. Поводомъ къ тому послужило сообщеніе старостъ и цѣловальниковъ Водлозерской волости, Каргопольскаго уѣзда, что новгородскіе сборщики правятъ по 10 р. съ обжа на годъ (на 1611 и 1612 годы), будто бы по указу шведскихъ и русскихъ военачальниковъ. Это крайне возмутило З-на и каргопольцевъ, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ они получили обѣщаніе отъ бояръ, находившихся въ городахъ Новгородской земли,

и отъ шведскаго генерала Делагарди быть съ ними въ «добромъ совѣтѣ» и сообща стоять противъ польскихъ и литовскихъ людей; шведы, кромѣ того, обѣщали не приходити на каргопольскія мѣста и не чинить задоровъ. Въ отпискѣ отъ 22-го іюня 1612 г. въ Новгородъ З—нъ и каргопольцы рѣшительно вступились за свои права и спокойствіе: «А будетъ вы, господа, забывъ свои души, учнете съ нами рознь чинить и кровь крестьянскую проливати, и на каргопольскіе мѣста войною приходити, или какой задоръ чинити, и мы противъ васъ стояти рады, сколько милосердый Богъ помощи подастъ, и которая кровь крестьянская вашимъ задоромъ прольется, и тое крови възыщетъ Богъ на васъ. А для розни межъ Московскимъ и Новгородскимъ государствомъ мы не писали въ Ярославль, къ боярамъ и воеводамъ и къ стольнику и воеводѣ ко князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому, покажется вы къ намъ отписчете».

Слѣдуетъ нѣсколько пояснить замѣчательное по своему благородству окончаніе этой отписки. Получивъ обѣщаніе бояръ и Делагарди быть съ ними въ «добромъ совѣтѣ», З—нъ и каргопольцы поспѣшили подѣлиться этой вѣстью съ кн. Пожарскимъ, находившимся въ Ярославлѣ во главѣ ополченія. Тесерь, когда З—нъ и каргопольцы имѣли основаніе сомнѣваться въ исполненіи обѣщанія, но не могли быть увѣрены, что сборщики явились дѣйствительно по приказанію русскихъ и шведскихъ военачальниковъ, они не захотѣли быть причиной смуты, зная рознь между Московскимъ и Новгородскимъ государствами, и не сообщили о своемъ сомнѣніи въ Ярославль, въ ожиданіи отвѣта изъ Новгорода.

Въ декабрѣ 1612 г. З—пу пришлось отставать Каргополь отъ приступившихъ къ нему поляковъ, литовцевъ и русскихъ измѣнниковъ. Каргопольцы выходили противъ нихъ на вылазку, побили много людей и поймали изыковъ.

Весной 1613 г. З—нъ находился въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ при царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ, остановившемся тамъ по пути въ Москву. Отъ имени Михаила Θεодоровича была послана Земскому совѣту грамота о принятіи мѣръ къ искорененію воровства, грабежей и убійствъ, которые усилились въ Москвѣ, по разнымъ другимъ городамъ и по доро-

гамъ. Въ числѣ лицъ, отпущенныхъ въ Москву съ этою грамотою, былъ и З—нъ.

7-го іюля того же 1613 г. З—нъ отправленъ былъ посломъ въ Англію къ королю Іакову; дьякомъ при немъ былъ Алексѣй Витовтовъ; въ качествѣ переводчика былъ назначенъ московскій гость Томасъ Кельдерманъ. 29-го августа посольство выѣхало изъ Архангельска на корабляхъ, 26 октября прибыло въ Лондонъ, а 7-го ноября представилось королю. З—нъ долженъ былъ рассказать королю про «неправды» поляковъ въ Москвѣ и просить у него помощи казною, товарамъ, землемъ, свѣяномъ, сѣрою и другою «воинскою казною» приблизительно на 100 т. рублей, а «по самой нуждѣ» на 50 тысячъ. За такую помощь Михаилъ Феодоровичъ «своею любительною и братственною дружбою и любовью будетъ воздавать и свыше того». З—нъ былъ прекрасно принятъ королемъ, общавшимъ вести съ царемъ Михаиломъ дружбу «свыше» прежнихъ королей. «Мнѣ извѣстно—говорилъ онъ—какое зло поляки надѣлали въ Москвѣ, и мы короля Сигизмунда за то укоряемъ и съ нимъ яи о чемъ не ссмаемся; и шведскаго короля неправды намъ извѣстны же». Король и сынъ его королевичъ Карлъ во все время приѣма московскаго посольства не надѣвали шляпъ; королева тоже присутствовала на приѣмѣ. Король наставлялъ, чтобы послы надѣли шапки, и получилъ отъ нихъ такой отвѣтъ: «Видимъ къ великому государю нашему твою братскую любовь и крѣпкую дружбу, слышимъ рѣчи ваши государскія, великаго государя нашего царское имя славится, а ваши королевскія очи близко видимъ, и намъ, холопамъ, въ такое время какъ на себя шапки надѣтъ?» Король, королева и королевичъ *приклякнули* (С. М. Соловьевъ переводитъ это словомъ *пришли*) посламъ, похвалили ихъ и жаловали.

Вслѣдствіе посольства З—на пріѣхалъ въ Москву въ августѣ 1614 г. англійскій купецъ Джонъ Мерикъ, заявившій между прочимъ, что король хотѣлъ послать вспоможеніе съ З—нъ, да въ то время англійской казнѣ былъ большой расходъ. На вопросы бояръ, будетъ-ли помощь со стороны Англіи, Мерикъ не могъ дать положительнаго обѣщанія и отвѣчалъ довольно уклончиво.

Въ 1615 г. царь Мих. Феод. и шведскій король Густавъ-Адольфъ рѣшили при-

ступить къ мирнымъ переговорамъ и избрали посредниками: шведы—бывшихъ въ Стокгольмѣ голландскихъ пословъ, рускіе—находившагося въ Москвѣ англійскаго посла Джона Мерика. 18-го іюня московское посольство отправилось на съѣздъ. Посольство составляли: окольный кн. Дан. Пв. Мезецкій, дворянинъ Ал. Ив. Зюзинъ и дьяки Новокшеновъ и Семеновъ. Московское посольство должно было стоять въ Осташковѣ, шведское—въ Старой Русѣ. Пріѣхавъ туда, выбрали для съѣзда деревню Дедерино, но вслѣдствіе споровъ о царскомъ титулѣ Михаила Феодоровича первый съѣздъ состоялся лишь 3-го января 1616 г. Несогласія, возникшія между послами, побудили посредниковъ прервать съѣздъ, о чемъ и дали знать въ Москву. 22 февраля заключили перемиріе до 31 мая, при чемъ запись объ этомъ перемиріи и о новомъ съѣздѣ въ назначенный срокъ между Тихвиномъ и Ладогой была подписана теми же послами и посредниками. 18-го марта кн. Мезецкій и Зюзинъ вернулись въ Москву и донесли государю о причинахъ несостоявшихся мирныхъ переговоровъ. 22-го апрѣля имъ велѣно было снова готовиться на съѣздъ, куда они и отправились вмѣстѣ съ Джономъ Мерикомъ 19-го мая; въ Тихвинъ прибыли 12-го іюня. Лишь полгода спустя, т. е. 12-го декабря, когда были выяснены предварительныя условія мирнаго договора, постановили съѣздаться московскимъ и шведскимъ полномочнымъ посламъ и ихъ посредникамъ въ деревнѣ Столбовѣ. Голландскіе посредники, пріѣзда которыхъ поджидали, отказались отъ участія на съѣздѣ. 27-го февраля 1617 г., послѣ многихъ споровъ, подписали наконецъ т. наз. Столбовскій договоръ о вѣчномъ мирѣ, при посредствѣ Джона Мерика. Всѣ условія можно заключить въ 16 пунктовъ. Наибольшую радость въ Москвѣ доставила уступка шведами Новгорода; кромѣ того они возвратили: Старую Руссу, Порховъ, Ладугу и Гдовъ съ уѣздами. Черезъ двѣ недѣли по заключеніи договора Новгородъ былъ очищенъ, и 14 марта кн. Мезецкій и З—нъ вошли въ него съ чудотворною иконою Божіей Матери, взятою изъ Хугуинскаго монастыря. Митрополитъ Исидоръ съ крестнымъ ходомъ, при большомъ стеченіи народа, встрѣтилъ икону за полверсты отъ города; многіе отъ умиленія

плакали. Войдя въ Софійскій соборъ, послы сказали митрополиту и всему народу милостивое государево слово, спрашивали ихъ о здоровьи и вручили царскую грамоту. По возвращеніи въ Москву кн. Мезецкій былъ пожалованъ въ бояре, а З—нъ въ окольничіе. 18 ноября 1617 г., при приемѣ кизильбашскихъ пословъ, З—нъ объявлялъ государю и пословъ, и ихъ дары. 4-го января 1618 г. были въ отвѣтъ съ кизильбашскими послами: бояринъ кн. Ал. Юрьев. Сицкій, З—нъ, думный дьякъ посольскій Петръ Третьяковъ и посольскій дьякъ Сава Романчуковъ. Въ томъ же 1618 г. З—нъ, во 1-хъ, объявлялъ шведскихъ пословъ государю при подтвержденіи имъ мирнаго договора крестнымъ цѣлованіемъ и, во 2-хъ, былъ въ отвѣтъ съ польско-литовскимъ посланникомъ Гридинымъ. Во время прихода осенью этого года польскаго королевича Владислава подь Москву З—нъ находился тамъ въ осаду.

Др. Рос. Вивл., XIII.—Сняб. Сб.—С. Г. Г. и Д., II и III.—А. А. Э., II.—Акты Ист., II.—Доп. къ Акт. Ист., I и VI.—Раар. кн. I.—Дв. разр., I.—Р. И. В., XII.—П. С. Э., I.—Разр. зап. за См. вр.—Памятники диплом. сношеній, II.—*Каразинъ*, «Ист. госуд. Рос.», XII.—*Голиковъ*, «Дѣянія Петра Вел.», XII.—*Соловьевъ*, «Ист. Россіи.», IX.—*Варсуковъ*, «Списки городов. восподъ Моск. гос. XVII ст.»—*Вантманъ-Каменскій*, «Обзоръ вѣдѣній Россіи». М. 1894 г., т. I, М. 1902 г., т. IV.

В. Корсакова.

Зюзинъ, Бьяница (Бьяница) Лаврентьевичъ, казанецъ. Въ 1598 г. подписался подь грамотой утвержденной объ избраніи на престолъ Бориса Годунова: «Бьяница Мирославовъ сынъ Зюзинъ». Имя, данное ему при крещеніи, неизвѣстно; въ его семьѣ, какъ видно, предпочитались прозвища, потому что онъ не упоминаетъ не только своего имени, но и имени своего отца. Въ 1613 г. подь грамотой утвержденной объ избраніи въ цари Мих. Ѳеод. Романова находится такая подпись: «Казанскаго государства выборные дворяне: Прокопей Вразкой, Бьяница Зюзинъ-Сюдимовъ, Пвалъ Нармацкой, Олексій Шушеринъ, и во всѣхъ выборныхъ дворянъ мѣсто, руку приложили».

Въ 1614—15 годахъ З—нъ былъ воеводой на Верхотурьѣ, куда со временъ Годунова должны были привозить ясакъ остяки, жившіе по рѣкамъ Сылвѣ и

Прени, а въ 1615—18 г.г.—воеводой въ Березовѣ.

С. Г. Г. и Д. I.—А. А. Э., II и III.—Акты Ист., III.—Раар. кн., I.—Дв. разр., I.—*Варсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ въ Моск. госуд. въ XVII ст.».

В. Корсакова.

Зюзинъ, Василій Григорьевичъ (Воиновичъ). Въ сентябрѣ 1567 г. былъ окольничимъ при царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ во время похода его въ Новгородъ противъ литовскаго короля, а въ 1570 г.—при походѣ изъ Александровской слободы противъ крымскаго царя. Въ 1572 г. онъ пожалованъ былъ въ думные дворяне. Въ 1578 г. участвовалъ, въ числѣ думныхъ дворянъ, въ походѣ царя Иоанна Вас. на нѣмецкую и на литовскую земли. Въ 1582 г. (февраля 18-го) З—нъ, съ титуломъ намѣстника суздальскаго, находился въ числѣ лицъ, которыя бесѣдовали съ Антоніемъ Поссевинымъ въ палатѣ царя.

Др. Рос. Вивл., XIII и XIV.—Сняб. Сб.—*Каразинъ*, «Ист. госуд. Рос.», IX.—*Голиковъ*, «Дѣянія Петра В.», XIII.

В. Корсакова.

Зюзинъ, Никита Алексѣевичъ. Въ 1627—52 г.г. состоялъ стольникомъ. Въ 1628—42 г.г. часто бывалъ рындой при приемѣ даремъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ пословъ французскаго, шведскаго, голштинскаго, турецкаго, польско-литовскаго, кизильбашскаго, посла сибирскаго царя Алтына, англійскаго посланника, кизильбашскихъ купцовъ и польско-литовскихъ гонцовъ. Въ январѣ и февралѣ 1639 г. З—нъ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ив. Мих., а въ апрѣлѣ при гробѣ царевича Вас. Мих. Въ 1646—47 г.г. онъ переписывалъ посадскіе дворы и людей въ г. Самарѣ, дворцовое село Ильинское съ деревнями, вотчины патриарха Гюсифа въ с. Рождественнѣ въ Самарскомъ у. и государевы дворцовыя села и деревни и въ нихъ дворы и людей въ Вѣжецкой пятинѣ.

Въ мартѣ 1648 г. царь Алексѣй Михайловичъ указалъ быть послами въ Швецію: окольничему Бор. Ив. Пушкину и З-ну. Въслѣдствіе челобитья З-на, что ему «невѣстно» быть съ Пушкинымъ, тотъ былъ челомъ о «оборонѣ». Государь велѣлъ взять у нихъ «случай», выслушавъ которые, приказалъ обвинить З—на окольничему Бор. Ив. Пушкину: отиравить въ

тюрьму, а затѣмъ, выпустивъ изъ тюрьмы, послать къ Пушкину на дворъ «головою». Все это было исполнено. З—нъ однако упорствовалъ въ своемъ отказѣ и былъ снова отосланъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ довольно долго, при чемъ помѣстья и вотчины его были отписаны на государя. Когда государь указалъ выпустить его изъ тюрьмы, то возвратилъ ему помѣстья и вотчины.

Въ 1648 г. З—нъ назначенъ былъ во Владимірскій Судный приказъ. Въ 1649 г. онъ былъ посланъ въ Устюгъ Великій для слѣдствія не только относительно мятежа, бывшаго тамъ въ июлѣ 1648 г. и закончившагося убійствомъ подьячаго, но и относительно мѣропріятій перваго слѣдователя по этому дѣлу, стольника кн. Ив. Гр. Ромодановскаго.

Въ 1651 г. З—нъ состоялъ воеводой въ Коротожѣ. Въ слѣдующемъ году изъ стольниковъ онъ былъ пожалованъ въ окольничіе. Тогда же государь указалъ ему «бить въ боярахъ» у патріарха Никона. Въ 1653 г. марта 25-го, на обѣдѣ у государя З—нъ мѣстничался съ Лобановымъ-Ростовскимъ, за что былъ «битъ батоги за переградой и у стола съ окольничимъ съ князь Иваномъ Лобановымъ былъ». Однако черезъ нѣсколько дней послѣ этой крутой расправы (3-го апрѣля) З—нъ былъ пожалованъ въ бояре. Въ 1654—58 г.г. онъ былъ воеводой въ Путивлѣ. Изъ «Записокъ» архидіакона Павла Алеппскаго видно, что З—нъ жилъ весьма пышно, хлѣбосолюно и отличался умѣньемъ принимать высокихъ гостей. Извѣстно, что онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ патріархомъ Никономъ. Самовольное удаление послѣдняго изъ Москвы 10-го іюля 1658 г., когда онъ сложилъ съ себя патріаршество, сильно поразило З-на. Онъ неоднократно посылалъ къ Никону въ Воскресенскій монастырь дьяка Федора Торопова, умоляя не упорствовать и возвратиться на престолъ. Никонъ отвѣчалъ ему: «Какъ будетъ тому время—возвращусь». Въ 1659 г. З—нъ посланъ былъ на воеводство въ Новгородъ Великій. Осенью того же года Никонъ отправился въ Иверскій монастырь. Между Никономъ и З-мъ завязалась переписка, продолжавшаяся и послѣ переѣзда Никона изъ Иверскаго въ Крестный монастырь; замѣтимъ кстати, что Никонъ обращался въ своихъ письмахъ не только къ Никитѣ

Алексѣевичу, но и къ его женѣ. Въ январѣ 1660 г. издано было въ Москвѣ царское повелѣніе о созваніи архіереевъ и прочаго духовенства на соборъ, для обсужденія вопросовъ, касавшихся оставленія патріархомъ Никономъ святительскаго престола. 15-го января З—нъ письменно сообщилъ объ этомъ Никону, выразивъ свою печаль по поводу намѣренія царя созвать соборъ для суда надъ нимъ. Двѣ недѣли спустя Никонъ получилъ это письмо, а 3-го февраля собственноручно отвѣтилъ З—ну, стараясь скрыть волненіе, вызванное неожиданнымъ извѣстіемъ. Въ 1661 г., когда З—нъ возвратился съ новгородскаго воеводства въ Москву, онъ заѣхалъ въ Воскресенскій монастырь къ бывшему патріарху и спрашивалъ его о причинѣ оставленія престола. Никонъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ это «съ сердца», а по времени возвратится. Переписка между Никономъ и З—мъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока можно было пересылать письма черезъ строителя Воскресенскаго монастыря, старца Аарона. Потомъ на нѣсколько времени письменныя сношенія прекратились: Ааронъ былъ посланъ, братія Воскресенскаго монастыря подверглась допросамъ и угрозамъ. Наконецъ З—ну удалось отправить Никону письмо съ знакомымъ новгородскимъ священникомъ Сисоемъ Андреевымъ, а 13-го декабря 1664 г. съ иподіакономъ Никитой. Передавая письмо иподіакону Никитѣ, З—нъ сказалъ: «Свези письмо къ патріарху; въ письмѣ писано о прошеніи и велѣно патріарха звать въ Москву, чтобы онъ пріѣзжалъ передъ Рождествомъ, для установленія мирныхъ условій съ польскимъ королемъ и для иныхъ государственныхъ дѣлъ». Иподіаконъ отвезъ письмо Никону и передалъ отъ него З—ну отвѣтъ, съ возвращеніемъ подлиннаго письма З—на. 15-го декабря З—нъ со своимъ челоувѣкомъ послалъ иподіакону Никитѣ письмо, снова прося отвезти въ Воскресенскій монастырь. На этотъ разъ Никонъ оставилъ письмо у себя, несмотря на то, что наказано было возвратитъ его. З—нъ передавалъ въ письмѣ разговоръ царя Алексѣя Михайловича съ Ординымъ-Нащокинымъ и съ Матвѣевымъ о присылкѣ Никономъ архимандрита Савина монастыря, со слезами убѣждавшаго царя «ссорѣ не вѣрнѣтъ», о пріѣздѣ монаха Григорія Неронова «съ наносными словами

всякими на патриарха»; о желаніи царя, чтобы Никонъ пріѣхалъ къ 19 декабря въ Москву, прямо въ Успенскій соборъ къ заутрени. З—нъ такъ сильно желалъ возвращенія Никона на московскій патриаршій престолъ, такъ былъ увѣренъ, что стоитъ только Никону пріѣхать въ Москву, и царь съ нимъ примирится, что рѣшился на подлогъ. Въ письмѣ отъ 15-го декабря приводилось имъ слѣдующее порученіе царя, будто бы данное Ордину-Нащокину: «и ты, Аѳанасій, моимъ словомъ прикажи Никитѣ (Зюзину) отписать ему (Никону) все это тайно; а вотъ мнѣ къ тому числу надобно съ нимъ вмѣстѣ порѣшить, съ чѣмъ отпустить тебя на посольское дѣло, пособоровать о томъ со всѣми чинами и постъ заповѣдать». Вслѣдствіе письма З—на Никонъ пріѣхалъ 18 декабря въ Успенскій соборъ, но его пріѣздъ явился для всѣхъ неожиданностью и не только не порадовалъ Алексѣя Михайловича, а разгнѣвалъ его. Удивленный Никонъ возвратился въ Воскресенскій монастырь, а въ Москвѣ занялись разслѣдованіемъ вопроса, кто писалъ письмо, которымъ бывшій патриархъ вызывался въ Москву. Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ отрицали свое участіе въ этомъ дѣлѣ; З—нъ сознался, что писалъ Никону не только 15-го декабря, но и раньше, и прибавилъ, что онъ жегъ и патриаршія письма, и свои письма, возвращаемыя Никонкомъ. З—нъ поступалъ такъ изъ осторожности, чтобы не погубить ни себя, ни Никона, и не подозрѣвалъ, что Никонъ, возвращая ему подлинники (исключая послѣдняго письма), оставлялъ у себя снимки съ нихъ.

З—нъ утверждалъ, что всѣ Никоновы письма показывалъ Ордину-Нащокину; сказывалъ ему и про тѣ письма, которые писалъ къ Никону, только *не тѣмъ лицемъ*, какъ онъ въ письмахъ писалъ, и Ординъ-Нащокинъ ему сказалъ: «Хорошо! При вторичномъ допросѣ З—нъ заявилъ, что поклепалъ на Ордина-Нащокина и на Матвѣева; у пытки принесъ повинную: «писалъ онъ тѣ письма собою, ни съ кѣмъ не мыслилъ и никому про то не сказывалъ». Узнавъ, что Никиту Алексѣевича подвергли пыткѣ, жена его, уже нѣсколько времени недомогавшая, умерла.

З—нъ былъ преданъ суду бояръ, и они приговорили его къ смертной казни. Снисходя къ просьбѣ своихъ сыновей, царевичей Алексѣя и Θεодора Алексѣевичей, царь

Алексѣй Михайловичъ замѣнилъ смертную казнь ссылкой въ Казань, гдѣ велѣлъ записать З—на на службу, помѣстья и вотчины его отобрать въ казну и отдать въ раздачу, а дворъ и движимое имѣніе оставить ему на прокормленіе. Дальнѣйшая судьба З—на неизвѣстна.

Вотъ къ какому выводу пришелъ Гиббенетъ, написавши «Историческое изслѣдованіе дѣла патриарха Никона». «Трудно сказать, какъ могъ рѣшиться Никонъ выдать З—на; не могъ же онъ желать бѣды тому, кто принималъ въ немъ самое горячее участіе; и еще труднѣе объяснить, какъ могъ рѣшиться З—нъ на такое отчаянное предпріятіе — вызвать Никона въ Москву. Но тутъ есть, безъ сомнѣнія, какая-то тайна, которую трудно разгадать, но предположенія могутъ быть различныя, если сопоставить рѣшимость З—на съ тѣми обстоятельствами, на которыя указываетъ сказка строителя Воскресенскаго монастыря старца Аарона, писанная изъ мѣста заключенія въ августѣ 1663 г. съ отвѣтомъ на вопросъ царя: *кто ѣздилъ къ Никону въ Воскресенскій монастырь изъ его государева дома*, и участіе государей царевичей въ несчастной судьбѣ Зюзяна, который по ихъ ходатайству былъ помилованъ».

С. Г. Г., п Д., III и IV.—Др. Рос. Вивл., XX.—Акты Истор., III.—Допл. къ Акт. Ист., IX.—Дв. разр., II и III.—Р. II. В., X.—Он. Арх. Юст., I и II.—Зап. Имп. рус. Арх. Общ. 1861 г., II.—*Соловьевъ*, «Ист. Россіи», X и XI.—*Варсуковъ*, «Спектръ городовыхъ воеводъ Моск. госуд. въ XVII ст.»—*Его же*, «Родъ Шереметевыхъ», IV.—*Гиббенетъ*, «Историческое изслѣдованіе дѣла патриарха Никона». Спб. 1892 г., ч. I и II.

В. Корсакова.

Зюзинъ, Яковъ Васильевичъ. Въ 1598 г. подписался подъ грамотой утвержденной объ избраніи въ цари Бориса Годунова. Въ 1605 г., когда Годуновъ послалъ по городамъ стольниковъ и стряпчихъ, чтобы собирать дворянъ и дѣтей боярскихъ, З—нъ посланъ былъ въ Пронскъ. Въ томъ же году, при Лжедмитріи, онъ заступалъ въ государственномъ совѣтѣ, а затѣмъ былъ воеводой въ Рязани. Въ 1607 г., когда царь Вас. Ив. Шуйскій послалъ противъ Болотникова своихъ воеводъ на три полка подъ Тулу, въ сторожевомъ полку, между прочимъ, былъ и З—нъ. Въ 1608 г. онъ пожалованъ былъ въ думные дворяне, а въ 1609 г. убитъ подъ Тулою.

Др. Рос. Вивл., XIII.—С. Г. Г. и Д., II.—

А. А. Э., II.—А. И., II.—«Временникъ», XIII.—Разр. записи за Смутное время.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», XII.

В. К—ва.

Зюзичъ, *Егоръ*, ординарный профессор С.-Петербургской медико-хирургической академіи, венгерець по происхожденію, родился въ 1789 г., до переѣзда въ Россію состоялъ профессоромъ анатоміи въ Пештѣ. Въ 1808 г. онъ былъ испытанъ во врачебной наукѣ въ Московскомъ университетѣ; въ послѣднее время находился врачомъ при Камско-Вотчинскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, а затѣмъ при Ижевскомъ желѣзодѣлательномъ же и оружейномъ заводѣ. Въ 1812 г. онъ подалъ прошеніе въ Академію о зачисленіи его въ составъ преподавателей ея. Конференція Академіи тотчасъ же предложила З—чу «изъяснить патологически и терапевтически водобоязнь и чахотку съ различными ея видами» и, найдя его достойнымъ занять кафедру патологіи, терапіи и клиники, постановила ходатайствовать о немъ предъ министромъ, который послѣ одобрительнаго отзыва о немъ академика Удена, утвердилъ З—ча въ званіи ординарнаго профессора на должности экстраординарнаго. З—чъ былъ краснорѣчивый преподаватель, но клиничность посредственный. Скончался онъ 18 іюля 1817 г.

«Исторія Императ. военно-медицинской академіи за 100 лѣтъ (1798—1898)», стр. 175.

Степ.

Зюковъ, *Иванъ Федоровичъ*, штаб-лѣкарь, д. с. с., происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1815 г., образованіе получилъ въ С.-Петербургской и Московской медико-хирургическихъ академіяхъ, откуда въ 1838 г. вышелъ съ званіемъ лѣкаря и послѣдовательно служилъ въ Ковенскомъ военномъ госпиталѣ, гусарскомъ принца Оранскаго полку (1839) и гусарскомъ короля Нидерландскаго полку (1840). Получивъ въ 1844 г. въ Московскомъ университетѣ званіе штаб-лѣкаря, З—въ состоялъ врачомъ въ Омскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ (1845), Кокчетовскомъ военномъ лазаретѣ (1846) и Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ (1858), откуда вышелъ въ отставку въ 1873 году.

З—кову принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «Средства противъ ломотныхъ болей въ конечностяхъ» («Военно-

Медиц. Журн.» 1842, ч. 39, I); «Полезное дѣйствіе крапивы» (ib); «Крапива при остановкѣ менструацій» (ib); «Употребленіе хлористаго золота, іода, серебряныхъ и платинныхъ препаратовъ противъ венерической болѣзни» (М. 1845. Диссерт.); «Случай отмороженія, излѣченнаго холодной водой по способу Присница» («Военно-Медиц. Журн.» 1856, ч. 68, II); «Успѣшное лѣченіе холодной водой по Присницу» («Проток. Рус. Врачей» 1857—58, 160); «Нѣсколько наблюденій изъ водолѣчебной практики» («Вѣстникъ новѣйшихъ врачебныхъ методовъ» 1860—61, №№ 8, 19, 20, 25, 27, 45); «Воспаленіе мозга, излѣченное гидрическимъ способомъ» (ib., № 17); «Ломотная лихорадка, излѣченная безъ лѣкарствъ» (ib., № 33); «Лѣченіе mastitis гидрическимъ способомъ» (ib., № 37); «Брюшная водянка, какъ исходъ неправильной скарлатины» (ib., № 40); «Отрывки изъ водолѣчебной практики» (ib., 1861—62, №№ 4, 9, 12, 18, 26, 37, 40) и «Пробное потѣнне въ случаяхъ задержанія менструацій» (ib., № 31).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 121.

Степ.

Зябловскій, *Евдокимъ Филипповичъ*, д. с. с., заслуженный профессоръ географіи и статистики въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ (преобразованномъ въ 1819 г. въ университетѣ), род. 31 іюля 1764 г. въ Орловской губ., образованіе получилъ въ Сѣвской духовной семинаріи и учительской гимназіи въ С.-Петербургѣ, по окончаніи которой въ 1788 г. онъ былъ назначенъ учителемъ въ Колыванское главное народное училище, гдѣ пробылъ до 1797 года, когда, по упраздненіи Колыванской губ., а съ нею и тамошняго главнаго училища, перевелся обратно въ Петербургъ въ то же заведеніе, гдѣ онъ воспитывался. Послѣ преобразованія послѣдняго въ Педагогическій институтъ З—скій былъ назначенъ въ немъ сначала экстраординарнымъ (1805 г.), а затѣмъ ординарнымъ (1809 г.) профессоромъ географіи. Имя З—скаго пользовалось въ свое время огромною извѣстностью въ учебномъ мірѣ. Интересную характеристику его даетъ А. Никитенко. «Всѣ движенія З—скаго, манеры, ухватки были какъ-то особенно тяжелы и угловаты. Съ этимъ вполне согласовалась постоянная угрюмость его

фізіономіи; глядя на него, можно было смѣло поручиться, что онъ никогда не былъ знакомъ съ улыбкою, и что даже мускулы лица его вовсе не были способны произнести ее, хотя бы душа его и захотѣла этого... Со студентами онъ обращался рѣшительно, какъ съ маленькими школьниками. Однажды, во время его ректорства, нѣсколько новичковъ-студентовъ пришли поздравить его съ новымъ годомъ. Онъ вышелъ къ нимъ въ обыкновенномъ своемъ домашнемъ нарядѣ, въ халатѣ глубокой древности, испещреннымъ всевозможными пятнами, и съ обычною своею суровостью спросилъ ихъ: «Зачѣмъ они пришли?» «Поздравить съ праздникомъ»,—отвѣчали юноши. «Поздравить съ праздникомъ», сказалъ онъ, махнувъ какъ-то странно рукою,—«лучше бы вы сидѣли дома да занимались дѣломъ». Подобнымъ же образомъ онъ отвѣчалъ на поздравленіе другихъ студентовъ съ пожалованьемъ его въ чинъ д. ст. совѣтника. Слово «превосходительство», которымъ они его привѣтствовали, думая тѣмъ сдѣлать ему удовольствіе, не возымѣло на него ни малѣйшаго дѣйствія. Онъ совѣтовалъ имъ и тутъ не заниматься пустяками, въ родѣ какихъ-нибудь поздравленій, а сидѣть смиренно дома и учиться, да аккуратно ходить на лекціи. Несмотря на это, студенты его любили, потому что въ сущности онъ былъ очень добрымъ человѣкомъ, и его кротость и незлобіе были совершенною противоположностью съ его суровою наружностью и пріемами, и кто, не смущаясь послѣдними, обращался къ его сердцу, тотъ всегда находилъ въ немъ и сочувствіе къ себѣ, и готовность быть полезнымъ».

Трудолюбіе З—каго было изумительно. Онъ не покидалъ пера до самой болѣзни, приковавшей его надолго къ постели и сведшей его въ могилу; въ качествѣ ректора университета (съ 31 октября 1821 г. и до конца 1825 г.) и декана онъ исполнялъ всѣ обязанности по этимъ должностямъ, присутствовалъ въ разныхъ комитетахъ и комиссіяхъ, и никто изъ его слушателей не помнитъ, чтобы онъ пропустилъ хоть одну лекцію. Послѣднія посѣщались охотно слушателями. Въ заслугу ему нужно поставить то, что онъ стремился не отстать отъ вѣка, и ему тѣмъ легче было слѣдить за успѣхами науки, что онъ отлично зналъ нѣмецкій и латинскій языки.

Все то, что въ его время было доступно ученому съ его средствами, онъ усвоилъ и передалъ современникамъ, хотя относился крайне осторожно къ новымъ идеямъ, вслѣдствіе чего могло казаться, что онъ былъ только «охранителемъ истинъ, принятыхъ имъ въ молодости». Помимо географіи, З—кій читалъ въ Педагогическомъ институтѣ статистику всеобщую по руководству Гейма, Гасселя и Мейзеля и статистику русскую по собственному печатному сочиненію. Извѣстно, что З—кій первый изъ русскихъ положилъ основаніе отечественной статистикѣ. Только благодаря тому терпѣнію, настойчивости и любви къ своему дѣлу, какимъ отличался онъ, можно было одолѣть тѣ трудности, которыя встрѣчались у насъ въ то время на пути пріобрѣтенія статистическихъ матеріаловъ. Преподавательская дѣятельность З—каго не ограничивалась Педагогическимъ институтомъ, онъ читалъ лѣсоводство въ корабельномъ училищѣ и всеобщую и отечественную исторію для титулярныхъ и коллежскихъ совѣтниковъ.

Учено-литературная дѣятельность З—каго началась со времени его учительства въ Колыванскомъ народномъ училищѣ, когда онъ на собственные скудные средства развѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ Колыванскаго намѣстничества и составилъ топографическое и статистическое описаніе ихъ.

Ученые труды его идутъ въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: «Краткое землеописаніе Россійскаго государства въ нынѣшнемъ его состояніи» (СПб. 1787, 2-е изд. 1807, 3-е 1810 и 4-е 1818); «Начальныя основанія лѣсоводства» (СПб. 1804); переводъ съ нѣмецк. сочиненія Фабри: «Всеобщее землеописаніе, содержащее Азію, Африку, Америку и Южную Индію» (1807, 3-е изд. 1814); «Новѣйшее землеописаніе Россійской имперіи» (2 ч. 1807 и 1818); «Статистическое описаніе Россійской имперіи въ нынѣшнемъ ея состояніи, съ предварительными понятіями о статистикѣ и о Европѣ вообще въ статистическомъ видѣ» (5 ч. Спб. 1808, 2-е изд. 1815. Отзывъ: «Рус. Вѣстн.» 1809, № 5, стр. 256, «Вѣстн. Европы» 1830, № 6, стр. 87 и «Маякъ» 1842, т. VI, стр. 151); «Землеописаніе Россійской имперіи для всѣхъ состояній (6 ч. Спб. 1810. Отзывъ: «Русскій Вѣстникъ» 1810, № 9, стр. 98); «Курсъ всеобщей

исторіи, читанный на публичныхъ лекціяхъ, учрежденныхъ при Спб. педагогическомъ институтѣ» (3 ч. Спб. 1811—1812); «Курсъ всеобщей географіи по нынѣшнему политическому раздѣленію» (4 ч. Спб. 1818—1819). По отзыву въ «Сынѣ Отечества» (1818, № 28, стр. 84), послѣдній курсъ заключаетъ въ себѣ сокращеніе лекцій, читанныхъ 3—кимъ студентамъ Главнаго педагогическаго института, и восполняетъ собою пробѣлы въ нашей учебной литературѣ, такъ какъ до того времени руководства по географіи были только краткими. Книга эта, по признанію критика, «написана съ великимъ тщаніемъ». Далѣе по времени идутъ слѣдующіе труды: «Краткое всеобщее землеописаніе для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ» (Спб. 1820); «Всеобщее землеописаніе для употребленія въ губернскихъ гимназіяхъ» (Спб. 1821); «Землеописаніе Россійской имперіи, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго для употребленія въ губернскихъ гимназіяхъ» (Спб. 1822) и «Краткое землеописаніе Россійской имперіи, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ» (Спб. 1822). Въ 1825 г. (сентября 16) 3—кій, по случаю оставленія имъ ректорства, произнесъ на латинскомъ яз. рѣчь (приложена къ объявленію о лекціяхъ въ университетѣ на 1826 годъ). Въ 1830 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ «Статистику Европейскихъ государствъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи» (2 ч. Спб. 1830—1831. Изд. 2-е 1837 и 3-е 1840). О второмъ изданіи ея былъ данъ отзывъ въ «Библиотекѣ для Чтенія» (1837, т. 25, стр. 69, отд. литерат.), гдѣ, между прочимъ, говорилось, что хотя въ изданіи и обозначено, что оно исправленное, тѣмъ не менѣе въ немъ далеко не все исправлено. О третьемъ же изданіи этой книги былъ помѣщенъ отзывъ въ «Отеч. Запискахъ» (1840, т. 8, отд. VI, стр. 26). Книга, говорилось въ немъ, имѣетъ свою систему и хотя не отличается живостью и занимательностью, тѣмъ не менѣе представляетъ собою довольно полный сборникъ. Затѣмъ въ 1832 г. 3—кій издалъ въ 2-хъ частяхъ «Россійскую статистику» (2-е изд. Спб. 1842), которая распадается на 7 отдѣленій: 1) земля, 2) государственное постановленіе, 3) народная промышленность, 4) народная промышленность обрабатывающая,

5) народная промышленность прѣмѣняющая, 6) хозяйственное состояніе и 7) народная образованность. По отзыву «Московскаго Телеграфа» (1832, ч. 47, стр. 549), «слабѣ всего въ этомъ сочиненіи представлена промышленность вообще. Раздѣливъ промышленность по царствамъ природы, онъ отдѣльно описываетъ мануфактуры и фабрики. Но здѣсь такъ тѣсна и нераздѣльна связь промышленности, что повторенія и упущенія должны быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ граней, слишкомъ искусственныхъ. Зато отдѣлы государственныхъ постановленій и законоположеній обработанъ тщательно. Вообще его сочиненіе систематическое, какого раньше не было». О второмъ изданіи «Россійской статистики» были даны отзывы въ «Библ. для Чтенія» (1842, т. 21, стр. 28), «Отечествен. Зап.» (1842, т. 21, отд. VI, стр. 10) и «Маякѣ» (1842, т. 6, стр. 143). Наконецъ 3—кій издалъ «Всеобщую географію», (это перепечатка вышеприведеннаго труда его «Краткое всеобщее землеописаніе»). Спб. 1831, 2-е изд. 1835 и нов. изд. въ 3-хъ ч. 1837), «Географію Россійской имперіи» (Спб. 1831, перепеч. въ 1836 и 2-е изд. 1837) и «Историческую повѣсть объ учительской семинаріи и педагогическомъ институтѣ» (Спб. 1833). Митрополитъ Евгеній приписываетъ ему же и переводъ съ французскаго сочиненія Гассенфранца «Курсъ небесной физики».

Наступившія преклонныя лѣта побудили 3—каго кончить ученую службу, и лѣтомъ 1833 г. онъ покинулъ университетъ. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ отставкѣ, переносивъ физическія страданія отъ послѣдствій паралича, лишившаго его возможности владѣть лѣвою рукою и ногою. Скончался онъ 30 марта 1846 г. Въ его лицѣ угасъ послѣдній представитель русскихъ ученыхъ временъ императрицы Екатерины II.

Въ свое время 3—кому ставилось въ вину то обстоятельство, что онъ въ извѣстной университетской исторіи по поводу обвиненія нѣкоторыхъ профессоровъ въ безбожій и революціонныхъ замыслахъ примкнулъ къ Руничу. По поводу этихъ нарекаій А. Никитенко въ воспоминаніи о немъ говоритъ: «Конечно, въ этомъ оправдать Зябловскаго трудно. Но достоверно, что онъ дѣйствовалъ заодно съ угнетательною силою не по своекорыстнымъ расчетамъ, какъ дѣйствовали тогда многіе другіе, а един-

ственно по слабости характера. Тутъ виденъ отрицательный порокъ, недостатокъ тѣхъ качествъ, которыми человекъ мужественный ознаменовываетъ себя во дни превратности и ударовъ судьбы, а вовсе не желаніе выслужиться передъ начальствомъ во что бы то ни стало и добиться какихъ-либо наградъ».

Евгеній митроп., «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 236.—*Григорьевъ*, «Импер. С.-Петербургскій университетъ», стр. 17—19, 36, 46, 51, 56, 59, 64, 94; 8, 11, 14, 30, 92; VI.—«Акты въ Импер. Спб. университетъ» 1847 г., стр. 15.—«Журн. М-ва Нар. Просвѣщ.» 1869 г., № 1, стр. 87.—«Прибавленія къ Журн. М-ва Нар. Просвѣщ.» 1846 г., № 1, стр. 31.—«Московскія Вѣдомости» 1846 г., № 42.—«Сѣверная Пчела» 1846 г., № 75.—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1846 г., № 75.—«Современникъ», т. 42, стр. 240.—*Геннадіи*, Словарь, т. II.

М—въ.

Зябловъ, Василій Ѳеодоровичъ, художникъ-пейзажистъ, родился въ 1761 или 1762 г., такъ какъ былъ принятъ въ число учениковъ Академіи Художествъ въ 1767 г. пяти лѣтъ. 1 ноября 1781 г., будучи въ живописномъ классѣ пейзажей, получилъ задачу: «представить вечеръ, при заходженіи солнца возвращавшихся пастуховъ съ своею паствою черезъ ручей въ деревню»; эскизъ этой картины былъ одобренъ, и художнику было поручено написать картину къ 28 іюня 1782 года; за эту картину З—въ получилъ званіе художника.

Кондаковъ, «Ак. Худ.», т. II, стр. 77.—*Петровъ*, Матеріалы, т. I, стр. 161, 241, 253.

П. С.

Зязинъ, Максимъ Ивановичъ, художникъ, былъ вольнослушателемъ въ Акаде-

міи Художествъ; въ 1869 г. получилъ серебряныя медали второго и перваго достоинства, въ 1872 г.—премію въ 100 р. за эскизъ «Потопъ»; въ 1881 г. былъ удостоенъ званія класснаго художника 3-ей степени. Намъ извѣстны указанія на слѣдующія его произведенія: 1) Гуртъ барановъ въ Оренбургской губерніи; 2) Рисунокъ со статуи Колумбъ отрокъ; 3) Очеркъ съ натуры (иконописецъ размалевываетъ своды церкви лежа) и 4) Сваха.

Кондаковъ, «Ак. Худ.», т. II, стр. 77.—Отчетъ Академіи Художествъ 1869—1870 гг., стр. 14 и 1872—1873 г.г., стр. 27.—«Всемирная Иллюстрація» 1875 г., № 362.—«Сѣв. Пчела» 1875 г., №№ 17 и 28.

П. С.

Зяловскій, Евстратъ Ивановичъ, по происхожденію малороссъ. Образованіе получилъ въ Альтторфскомъ университетѣ. Живя у тамошняго профессора Морница, онъ по просьбѣ послѣдняго составилъ на латинскомъ языкѣ «Сокращенное описаніе восточной греческой церкви» («Brevis deliniatio Ecclesiae orientalis Graecae») и, отъѣзжая въ 1621 г. изъ Альтторфа, поднесъ свой трудъ ректору Себардинскаго училища Іоанну Фогелю. Это сочиненіе, найденное впоследствии Нюрнбергскимъ Пасторомъ Гудлингомъ въ бумагахъ его тестя Фогеля, было издано Гудлингомъ въ Пюрнбергѣ съ критическими и историческими примѣчаніями. Это же сочиненіе напечатано въ Лейпцигскихъ «Acta eruditorum» (1862, Januar, pag. 6).

Евгеній митроп., «Словарь рус. свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 237—238.